

Учреждение Российской академии наук
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российский государственный архив литературы и искусства

АРХИВ А. П. ПЛАТОНОВА

КНИГА 1

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Москва
ИМЛИ РАН
2009

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
А87

Книга подготовлена и издана при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
№№ проектов 08-04-00120а, 09-04-094д

Рецензенты:

доктор филологических наук А. Г. Гачева,
доктор филологических наук В. Н. Терехина

Ответственный редактор — член-корреспондент РАН Н. В. Корниенко

Редколлегия:

Антонова Е. В. (ответственный секретарь),
Горяева Т. М., Дужина Н. И., Московская Д. С., Роженцева Е. А.,
Семенова С. Г., Суrowова Л. Ю., Чагин А. И., Умрюхина Н. В.

А87 АРХИВ А. П. ПЛАТОНОВА. Книга 1. Научное издание.— М.: ИМЛИ РАН,
2009.— 696 с., иллюстр.

Издание представляет уникальные материалы жизни и творчества А. П. Платонова: автографы черновых редакций всемирно известных и неизвестных произведений писателя; наброски и записи; письма к невесте и жене; документы первого московского года жизни и ареста сына; истории работы над произведениями; документированные рассказы о жизни Платонова и его семьи.

Все материалы печатаются впервые.

На обложке — автограф А. П. Платонова (РГАЛИ).

На переднем форзаце — лист черновика пьесы «14 Красных избушек» (РГАЛИ).

На заднем форзаце — автографы писем А. П. Платонова (ОР ИМЛИ).

ISBN 978-5-9208-0341-2

© ИМЛИ РАН, 2009

© Мартыненко А. М. Тексты Платонова, 2009

© Коллектив исследователей, составл., подгот.
текста, коммент., статьи, 2009

ПАМЯТИ
Марии Александровны
и Марии Андреевны
Платоновых

От редактора

3 июля 2006 г. президентом Российской академии наук Ю. С. Осиповым было подписано Распоряжение Президиума РАН «О приобретении архива А. П. Платонова». 7 ноября директором ИМЛИ РАН академиком А. Б. Куделиным и внуком писателя А. М. Мартыненко подписаны два договора — о приобретении ИМЛИ семейного архива писателя А. П. Платонова и безвозмездной передаче институту (на 17 лет) части авторских прав на издание научного Собрания сочинений А. П. Платонова и сопутствующих ему научных трудов. 9 ноября Комиссией по приемке семейного архива А. П. Платонова (председатель — заместитель директора ИМЛИ доктор филологических наук А. И. Чагин) подписывается Акт передачи материалов и архив поступает на хранение в Отдел рукописей института, где создается фонд А. П. Платонова (ОР ИМЛИ, ф. 629).

Этими датами отмечено событие общекультурного значения. На государственное хранение перешло одно из богатейших собраний рукописей, документов жизни и творчества одного из классиков русской литературы XX в.

После смерти А. П. Платонова (5 января 1951 г.) на основе семейного архива формировались фонды писателя в РГАЛИ (1951), ГЛМ (1960–1970-е гг.), ИРЛИ (конец 1970-х). Однако основной массив писательского архива наследниками не передавался никому и оставался закрытым. В тяжелейшие девяностые годы в ИМЛИ началась работа по формированию Платоновской группы, в качестве старшего научного сотрудника была приглашена дочь писателя Мария Андреевна Платонова. Для работы частично был открыт семейный архив, что позволило приступить к подготовке научного Собрания сочинений Платонова.

Текстологией и источниковедением Платонова практически до 90-х годов не занимались. Материалы фонда Платонова РГАЛИ были запрещены к публикации, фонд Платонова в РО ИРЛИ только начал описываться и разрабатываться и т. п. К 90-летию писателя был подготовлен инициированный Е. Шубиной первый источниковедческий труд «Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии» (Сост. Н. Корниенко, Е. Шубина). Книга вышла только в 1994 г. За этим изданием последовали академические серийные труды: московская «Страна философов» (1994–2003; 6 выпусков) и петербургский сборник «Творчество Платонова» (1995–2008, 4 выпуска), «Андрей Платонов: Записные книжки. Материалы к биографии» (1999). В 1996/97-м началась работа над 1-м томом Собрания сочинений. В семейном архиве были выявлены автографы ранних рассказов и стихов, составленные Платоновым книги стихов, вырезки из газет с авторской правкой и т. п. Эти источники ранее были неизвестны и впервые вводились в научный оборот в 1-м томе (в 2-х книгах) научного Собрания сочинений — издание «Сочинения» (2003) А. П. Платонова.

После смерти Марии Андреевны Платоновой (20 октября 2005 г.) со всей остротой встал вопрос не только о продолжении работы над Собранием сочинений, но и о судьбе самого архива. В этих драматических обстоятельствах Академией наук принимается решение, ко-

торое будет вписано золотыми буквами в историю сохранения культурного наследия России. Для академической филологии открылся доступ к тайному тайных писателя — его рукописям и другим драгоценным источникам жизни и творчества, предоставлена возможность исполнить главную филологическую задачу — вернуть в культуру подлинного Платонова, освободить тексты шедевров от бесчисленных наслоений как прижизненной, так и посмертной правки, реконструировать историю текста *каждого* произведения, составить к нему историко-литературный комментарий, написать реальную, а не придуманную в угоду тому или иному политическому моменту биографию писателя.

Сейчас архив Платонова систематизируется и описывается. Эту работу ведет группа Собрания сочинений Платонова. Сформировано 6 описей фонда А. Платонова: «Рукописи» (оп. 1), «Записные книжки и записи» (оп. 2), «Переписка» (оп. 3), «Материалы к биографии» (оп. 4), «Библиотека» (оп. 5), «Материалы архива жены и дочери писателя» (оп. 6). Выделены два комплекса документов жизни и творчества Платонова, которые отнесены к фондам личного происхождения 1 и 2 категории.

Первый комплекс материалов семейного архива (оп. 1–3) — особо ценные документы, являющиеся памятником отечественной истории и культуры XX в., — имеет мировое и общероссийское значение, представляет один из самых богатых рукописных фондов личного происхождения высшей категории ценности и относится к фондам личного происхождения 1 категории. В фонде представлены автографы 2 романов («Чевенгур», «Счастливая Москва»), 9 повестей («Эфирный тракт», «Город Градов», «Епифанские шлюзы», «Сокровенный человек», «Ямская слобода», «Впрок», «Ювенильное море», «Хлеб и чтение», «Джан»), большинства стихотворений, рассказов, пьес, статей, киносценариев, сказок. Опись «Рукописи» включает 442 единицы хранения и составляет более 12910 листов.

Второй комплекс материалов архива (оп. 4–5) — ценные документы, отражающие личную и творческую жизнь А. П. Платонова, события и явления общественной и культурной жизни первой половины XX в. — относится к фондам личного происхождения 2 категории. Это: 1) Биографические документы (анкеты, автобиографии, чертежи, протоколы обсуждений, командировочные удостоверения, литературное творчество жены и сына с редакторской правкой Платонова; материалы изобретательской деятельности Платонова и т. д.); 2) Документы ареста, ссылки и освобождения сына писателя (1938–1940); 3) Фотодокументы (фотографии и прижизненные фотоальбомы). Библиотека Платонова (оп. 5) составляет 336 единиц хранения и включает уникальные издания XIX и XX вв., книги современников с дарственными надписями, коллекцию прижизненных публикаций писателя и современной ему критики.

Третий комплекс материалов — архив Марии Александровны и Марии Андреевны Платоновых, вдовы и дочери писателя (оп. 6) — это документированная история посмертных изданий писателя, борьбы вдовы и дочери писателя за возвращение наследия Платонова в русскую культуру и увековечение его памяти. Этот комплекс материалов передан в институт на безвозмездной основе.

В ходе систематизации материалов фонда, их описания и датировки формируется источниковедческая база для будущих томов «Сочинений». Архив открывает своды новых источников творчества писателя, которые необходимо освоить и ввести в научный оборот.

Решением этих и других задач источниковедения и текстологии Платонова продиктовано открытие издания «Архив А. П. Платонова», призванного стать трудом-спутником готовящегося научного Собрания сочинений А. П. Платонова.

Необходимость подобного труда-спутника осознавалась всегда. Источниковедение наследия А. Платонова находится в стадии первоначальной разработки. Недокументирован-

ными остаются целые периоды творчества, белые пятна зияют как в биографии писателя, так и в истории его текстов. Некоторые вопросы текстологии и источниковедения наследия даже не ставились, так как у исследователей не было необходимого материала для их постановки и проработки.

Издание «Архив А. П. Платонова» призвано ввести в научный оборот архивные материалы, ранее неизвестные и научно не отрефлексированные. Это одна из главных сверхзадач труда-спутника, которой подчинены другие. К ним относятся:

- 1) построение генетического досье каждого произведения;
- 2) разработка контекстной проблематики текста и идеологии реального комментария;
- 3) стыковка материалов фонда Платонова в ОР ИМЛИ с другими хранилищами его наследия;
- 4) выявление новых документов биографии и творчества Платонова в разных именных фондах РГАЛИ и других архивов страны.

Структура 1-й книги определена общим замыслом издания и характером публикуемых документов.

Первый раздел книги — «ТЕКСТ и ЕГО ИСТОРИЯ» — представляет автографы как известных, так и неизвестных произведений Платонова.

«Мое “я” только в рукописях, да и “я” всякого писателя»¹ — эта формулировка принадлежит любимому Платоновым В. Розанову, и вряд ли кто из текстологов будет оспаривать заключенный в ней потенциал смыслов — общекультурных и методологических. Автограф может внести существенные коррективы в наши построения поэтики автора, а то и вовсе их отменить, оставив фактом исследовательской, но не писательской творческой биографии. Публикуемые динамические транскрипции автографов позволяют как исследователям, так и читателям Платонова, войти в фантастический мир рождения платоновских шедевров — пройти вместе с писателем путь от наброска, первой фразы до текста, ставшего всемирно известным. Вниманию читателя предлагаются текстологические наблюдения над историями рождения «Чевенгура», «Первого Ивана», «Впрок», «Шарманки», «Котлована», «Высокого напряжения», «14 Красных избушек», «Третьего сына».

Во втором разделе — ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ — публикуется переписка Платонова. На сегодняшний день эта часть наследия писателя освоена фрагментарно.

Платонов любил писать письма и немало их написал: родным — любимым жене, сыну, дочери, родителям, сестрам и братьям; друзьям и товарищам по службе, писателям, редакторам и издателям. Десятки писем за подписью губмелиоратора и инженера Платонова уходили в вышестоящие инстанции. Немало он написал и «челобитных» посланий в высшие государственные институты (от Сталина до руководителей Союза писателей)... В последние годы письма Платонова выявлены в самых разных хранилищах (ГАРФ, ГАВО, РГАЛИ, РГАЭ, Архив А. М. Горького, ОР ИРЛИ и ОР ИМЛИ, архив ФСБ). Но это только маленькие ручейки. Письма Платонова предстоит еще собирать, систематизировать и комментировать.

В 1-й книге впервые печатаются ранее известные лишь в извлечениях письма Платонова к невесте и жене Марии Александровне Кашинцевой-Платоновой. В настоящей публикации представлен хронологический период 1921–1945.

Комментирование писем обнажило серию еще не поставленных (в плане изучения поэтики) вопросов и все те же проблемы написания реальной биографии Платонова, ее документирования. Кроме необходимого (и возможного на сегодняшний период) реального ком-

¹ Цит. по: *Розанов В. Уединенное*. М., 1990. С. 17.

ментария писем в разделе печатаются аналитические статьи, ставящие и решающие целый свод вопросов биографии и поэтики, обозначившихся в ходе подготовки писем к первой научной публикации.

Третий раздел — ДОКУМЕНТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА — вводит в научный оборот самые разные материалы фонда Платонова и других архивохранилищ. Все они вносят в наше представление о жизни и творчестве писателя новое, неизвестное ранее, помогают избавиться от многих сложившихся небылиц, а то и от откровенной неправды о писателе и его жизни, рассказывают о подлинных и мнимых спутниках великой писательской судьбы.

«Много раз обстоятельства превращали Фомина в жертву, подводили на край гибели, но его дух уже не мог истощиться в безнадежности или в унынии. Он жил, думал и работал, словно постоянно чувствуя большую руку, ведущую его нежно и жестко вперед — в судьбу героев. И та же рука, что вела его жестко вперед, та же большая рука согревала его, и тепло ее проникало ему до сердца», — признавался Платонов «о времени и о себе» в автобиографическом рассказе «Афродита» (1944).

Материалы всех трех разделов издания, дополняя друг друга, документируют и образ «обстоятельств», и «край гибели», рассказывают и о не раз посещавшем писателя унынии и состоянии «безнадежности». Рукописи писателя, словно намагниченные бесстрашным поиском правды жизни, истории и слова, открытой демонстрацией разноплановости и противоречий, пометами на полях, первоначальными эскизами замысла, вставками, резюме, авторскими комментариями о героях и о себе, — демонстрируют могучий и свободный дар писателя...

Публикуемые материалы *сами* рассказывают о жизни писателя и истории нашей страны, о времени, полном драматизма, и о тех путях-дорогах, которыми из своего времени художник идет в вечность — побеждая в творчестве и творчеством жестокие «обстоятельства» личной и общей жизни. Через документы мы открываем еще одну сторону правды жизни писателя и жизни нашего народа в прошлом, и одновременно прикасаемся к питательным — духовным — родникам и источникам того грандиозного овеществления текущей истории в художественном образе, какое в русской литературе XX столетия явил Платонов своим творчеством.

Первая книга «Архива А. П. Платонова» посвящается любимым женщинам Андрея Платонова — Марии Александровне (1903–1983) и Марии Андреевне (1944–2005) Платоновым: музам творчества писателя, хранителям его рукописей, первым публикаторам, сыгравшим выдающуюся роль в возвращении наследия писателя к читателю.

Наталья Корниенко

ТЕКСТ И ЕГО ИСТОРИЯ

ВОРОНЕЖСКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА

Публикация Е. Антоновой

В фонде А. Платонова (ОР ИМЛИ, ф. 629) рассказ «Сережка», ранее неизвестный исследователям, представлен вырезкой из неустановленного печатного источника, скорее всего, какого-то периодического издания. На обратной стороне вырезки находится фрагмент рассказа воронежского сатирика Евграфа Дольского, так что данное издание вполне могло быть одним из местных печатных органов. Текст в этом издании печатался в два столбца, сохранившаяся вырезка имеет нумерацию столбцов 2 (текст Е. Дольского) и 3 («Сережка»). Поскольку отрез произведен по линии разделения столбцов, полная ширина страницы определяется как 18 см.

Публикация была осуществлена по правилам дореволюционной орфографии, по этому признаку датировать ее можно самое позднее 1917-м годом. Таким образом, данная публикация становится самой ранней из известных публикаций писателя.

Публикацию рассказа дополняют ранее не печатавшиеся стихотворения А. Платонова воронежского периода. В целом эти произведения могут быть охарактеризованы как незаконченное и стихи на случай. Стихотворения «Люби насильно нелюбимого...», «Я люблю свои песни неспетые...» и «Мое сердце никто не слышит...» написаны на обороте талона квитанции государственной сберегательной кассы дореволюционной печати. Четверостишие «Я люблю свои песни неспетые...» написано над «Люби насильно нелюбимого...» и расположено по отношению к последнему вверх ногами. Наброски «Час глухой, час смерти, час любви...» и «Как шаги неслышны, как далеки люди...» расположены на согнутом вдвое обрывке листа с надписью «Дело контроля сборов Юго-восточных железных дорог по заявлению о переборе и просрочке», также дореволюционной печати.

На обороте фрагмента листа с четверостишием «Ты неистова, ты ищешь, жадная душа...» имеется запись: «Главное — полное регулирование самого себя: в душе, страстях, даже в мыслях; главное — чувствовать свой субъект объективно. В этом все. Остальное — страдание и метание в пустоте».

Стихотворение «Сердцем любви затаенным...» сопровождается пометой «1/V Вероятно 10 ч. вечера».

Стихотворения, с посвящениями сыну Платону и «Мошкар», т. е. жене, Марии Кашиной, написаны на бумаге одного типа. На обороте листка с последним стихотворением сохранились записи автора и его адресата. Рукой Андрея Платонова написаны слова «грудью, головой, ногами и прочим совокупным имуществом» и далее «Одно ты у меня достояние и православная вера». Внизу листа приписка, сделанная Марией Александровной: «То, что ты говоришь и делаешь, две разные совершенно вещи, — где же конец?».

Все представленные стихотворения написаны в период 1922–1924 гг.

1

СЕРЕЖКА

— Это ты побил окна у Толстухи? Ты Сеньку в грязи извалял? Говори — ты?

— Я,— хрипло, нечеловечьим голосом отвечает семилетний Сережка, стоя в недосыгаемом отдалении и подбирая на всякий случай штанишки.

— Ты? Ага. Давай ухо, жабчик!

— Иди-ка к дьяволу,— с полным цинизмом советует Сережка.

— Лучше сразу давай, а то все равно догоню и отдеру,— как можно солиднее предупреждаю я.

— На-ка... Посвисти в худую варежку...

Я, большой и суровый человек, грустно ухожу домой, глубоко оскорбленный последним предложением гениального Сережки и не менее глубоко уверенный в страшной быстроте его ног.

— Ах, Сережка, Сережка,— печально шепчу я,— и что ты за тварь такая, черт тебя побери совсем...— Понемногу я прихожу в одинокую дряблую ярость.

Ночью вспоминаю текущую Сережину деятельность и скандалы, предстоящие на завтра.

— Посвисти-ка в худую варежку,— вспоминаю я, засыпая в сокрушении...

Под утро снится лавочник Пухлопупов (рыжий старик в овечьей шапке) и пустой сморщенный бабий чулок.

Печатается по вырезке из журнала: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 55, л. 1.

2

Люби насильно нелюбимого,
Люби погибшего, но милого,
Люби от боли потемневший свет,
Люби, кого не может быть и нет.

Люби, как я, свою дорогу дальнюю,
И мысль свою, ночную и печальную,
И странника на тихом косогоре,
И свет прощающий в усталом взоре.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 318, л. 2; чернила.

3

Я люблю свои песни неспетые
И пути, по которым не ходил,
Я люблю умерших, как бессмертных,
И жизни, которыми не жил.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 318, л. 2; чернила.

4

Мое сердце никто не слышит,
Оно не кровью, а любовью дышит,
Оно не кровью в жилы бьет,
Мне песни тайные оно поет,
Душа затихла и цветет.

Прорвись, мое сердце, несслыханной песней,
Чтоб дрогнули звезды и стихнуло солнце,
Чтоб наша судьба стала известней
И в поле травинка тише и тоньше.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 318, л. 2; чернила.

5

Час глухой, час смерти, час любви...
Молния пусть режет черный склон небес...
Ты же все-таки покров ея сорви,
Сотвори единую из сатанинских месс.

Комната молчит, и будто кто таится,
Будто ждет, молчит, а сам без слов рычит...
Или это только мнится, мнится, мнится —
И комната сама от ужаса кричит...

Боже, Боже, Боже... Звал Тебя я сколько?
Сколько раз блуждал за истиной Твоей?
Вот я жду любимую, и разве это только
Только греза дальная, печаль мечты моей.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 318, л. 3; карандаш.

6

Как шаги неслышны, как далеки люди,
Как таинственны грядущие пути...
Завтра и сегодня снова будем, будем
Старые дороги топтать и все вперед идти...

Слышишь, степь уснула, город утонул,
Звезды чертят линии тайного лица...
Тихий сокровенный мчится с земли гул,
Как слова усталого бессменного чтеца.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 318, л. 3; карандаш.

7

Ты неистова, ты ищешь, жадная душа,
 Мир просторен — всюду есть дорога,
 Отчего же я в комочек жалкий сжат,
 Я живой — мне нужно много.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 318, л. 5; карандаш.

8

В память вечера 1-го мая

Марии

Сердцем любви затаенным,
 Нежным и верным, своим и моим,
 Сердцем, на смерть обреченным,
 Сердцем любви — одного и одним.

Все за любовь человеку простится,—
 Мир и смертельные длинные дни,
 Раненой птицею жизнь затомится,—
 Будешь не жизнью, будешь не смертью, будешь — иным.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 323, л. 7–7 об.; чернила.

9

Посвящается > Платону № 4

У Тотика на пупочке
 Вырос желтый гриб.
 Маша ситцевым платочком
 Обтирает Тотке жопку,
 Чтоб он к полу не прилип.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 323, л. 9; карандаш.

10

Мошкаре

Поля пустые полны тоскою
 И над озерами глухой туман.
 Горе в сердце кровяной рекою —
 Я все тебе отдал — отдам.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 323, л. 10; карандаш.

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВЕСТЬ В ПИСЬМАХ «ОДНАЖДЫ ЛЮБИВШИЕ»

Публикация *Е. Роженцевой*

Неоконченная повесть в письмах «Однажды любившие» была написана по материалам переписки А. П. Платонова с женой во время его командировки в Тамбов.

В правом верхнем углу рукописи по диагонали написано рукой М. А. Платоновой: «Это все писано в г. Тамбове, в 1927 г., куда был командирован А. Пл. Наркомземом СССР. М. Платонова. 1927 год».

Повесть написана на листах большого формата (двойные листы были разорваны пополам) с тисненым знаком, на котором прочитывается: «Маяк революции № 6».

Датировки писем Платонова и писем героя повести почти совпадают, меняется только год. Платонов приехал в Тамбов в декабре 1926 г., письма в повести датируются 1925-м.

Неоконченная повесть датируется 1927 г. (см. с. 484, 486 наст. издания).

1

Однажды любившие. (Повесть в письмах)

[От составителя писем]

Предисловие собравшего письма.

[Обыкновенно] По-моему, достаточно собрать письма людей [*слегка коснуться их опытной, осторожной и разумной рукой редактора*] и опубликовать их — и получится новая литература мирового значения. Литература, конечно, [*есть*] выходит из наблюдения людей. Но где больше их можно наблюдать, как [*не в пись*]] не в их письмах. З Я всегда любил почту — это милое крепкое бюрократическое учреждение, с величайшей бережностью [*влек*] и тайной влекущую открытку с тремя словами приветя через дикие сопротивления климата и пространства!

Три вещи меня поразили в жизни — дальняя дорога в скромном русском поле, ветер и любовь.

Дальняя дорога — как влечение жизни, [*<1 слово нрзб> и*] ландшафты встречного мира и странничество, полное живого исторического смысла.

Ветер — как вестник беспокойной вселенной, [*бьющий в лицо идущей навстречу / бь*]] бьющий [*навс*] в открытое лицо неутомимого путника, ласкающий как

дыхание любимого человека, [и] сопротивляющийся шагу [освежающий] и делающий [κ] усталую кровь веселой влагой.

Наконец, любовь — язва нашего сердца, делающая нас умными, сильными, странными [, *больными*<?>] и замечательными существами. ||

2

Я далек от теоретических подходов к таким вещам. Я полон участия к ним и страсть сподвижничества, «приспешничества» и кровной заинтересованности заставляет меня убивать жизнь, которая могла бы быть более удачной, на переписку [чужих] чужих писем, на смакование [чужих] далеких от моего тела страстей.

В чем увлекательность и интерес любви для стороннего наблюдателя? В простом и недостаточно оцененном свойстве любви — искренности. Это сближает любовь с работой (от создания симфоний до кирпичной кладки) — и там и тут нужна искренность, т. е. полное соответствие действий внутреннему и внешнему природному устройству, иначе любовь станет деловой подлостью, а кирпич вывалится из стены и дом рухнет. Природа беспощадна и требует к себе откровенных отношений. Любовь — мера [мудрости] одаренност[ью]и жизнью людей, но она, вопреки всему, в очень малой степени сексуальность. Любовь страшно пронизательна и любящие навсозь видят друг друга со всеми пороками и не жалуют один другого обожанием.

Любовь совсем не собственничество. Быть может, брак — это социальное приложение любви — и есть собственничество и результат известных материальных отношений людей — это верно. Но любовь, как всякую природную стихию, можно приложить и иначе. Как электричеством, ею можно убивать, светить над головою и греть человечество. ||

3

¹Вы понимаете, что любовь, как и электричество, тут не при чем. Она не учреждение. Дело в том как и кто ею пользуется,— вернее, кто ею одержим.

Я не говорю, что помещаемые ниже письма я нашел в «старой корзине под сломанной кроватью», или в урне клуба, или на чердаке, или я получил их в наследство от умершего родственника. Этого не было. Письма эти действительны. Корреспонденты еще живы и существуют где-то затаенной счастливой жизнью, полной однако, по совместительству, общественной деятельности очень большого масштаба. Это не так важно.

Письма я не правил и они не все на лицо — многие утрачены и не попали мне в руки.

Из писем видно, что любовь существует, что она то сияет, то льется черной кровью страсти, то страдает [т] яростной ревностью, то глухо [бормочет] бормочет, отрякаясь от себя.

Вы видите, как трется внутри себя сильный организм человека и как бушует в нем подпертая живая сила, рвущаяся для творчества, и [ослаб] как она круто отклоняемая жестокими встречными [силами] стихиями.

Любовь чрезвычайно похожа на обычную жизнь. Но какая разница[?!] Вероятно, любовь **вначале** только количественно отличается от жизни, зато потом это количество переходит в качество — и получается почти принципиальная разница между любовью и жизнью. ||

¹ *Запись в углу листа:* ЭТОГО ДОВОЛЬНО

В конце концов — я не знаю, что это такое. Но посмотрите,— какое это замечательное явление — не хуже ветра и дороги.

Там, где я не удерживаюсь, я вставляю небольшие сведения от себя.

Здесь я не автор, не «сочинитель», а, т. сказ., платонический соучастник этой² любви — быть может потому, что ею обездолен и сажусь к чужому обеденному горшку.

Андрей Платонов.

PS. Письма — обычны и ничем особенным не блещут: это — не литература. Также <sic>, как прочесть «Вестник Научно-Мелиорационного Института», для одоления писем нужна специальная заинтересованность.

«Сентябрь, 1925.

Муська! Маша!

Пишу тебе стоя, на Ухожаевской почте. Свою постель оставил в Доме Крестьянина и заплатил там полтинник за сутки будущей жизни.

Город очень запущенный, глухой, поросший травой на всех подсолнечных местах. Гораздо хуже Воронежа. Но весь в зелени и масса садов и скверов, где есть даже детский песок, ||

5

как в Москве. Очень тихо и спокойно кругом, даже слышно дыхание курицы. Сейчас 6 час. вечера и я не знаю куда мне деваться. То учреждение, куда я приехал — закрыто. Но сторож говорит, что вечером будет собрание и я туда пойду через час.

Здесь хорошо только отдыхать и жир наращивать, а ты бы, например, с твоим живым характером, здесь жить не смогла.

Людей мало и они какие-то старообрядцы по виду. Учреждения снаружи жалкие, даже сравнительно с Воронежем.

Тебе не стыдно за вчерашнее? Девушка, на которую ты взирала, оказалась, когда [*расцвело* <sic>] рассвело в вагоне, совсем деревенской девочкой в [*возрасте*] возрасте Вали — вся в угрях. Совсем не рыжая, очень бедно одетая и прочее. Тебе не стыдно, бабий вождь?

Вижу, что не стыдно. У тебя в этих случаях страсть в голове, а разумение в сосцах.

Жаба философическая!

Тотик не скучает по мне? *

Не знаю, Муся, что мне делать!.. Приеду[,] — посоветуемся. В Воронеж наверное не поеду. Душа не лежит и уже тоскую по вас. В вагоне к Ночной Поэме написал еще 12 строк. Мешала балакающая жлоборатория! ||

6

Поезд шел страшно медленно и по худым шпалам. Ехали глухими старорус-

² На полях вопросительный знак.

* [Сын] Маленький сын автора письма. А. П. <сноска Платонова.— Е. Р.>

скими и позднетатарскими [*мест*] местами. Встретилась одна станция под названием «Бортный [*Ухожай*] Ухожай!»! Что это такое — ты ведь филолог?

Гуляй больше и бди осторожность: иначе автобус сожрет мою Мусю.

Кончаю писать: почту здешнюю хотят закрывать.

Обними моего маленького мужичка и купи ему сказку. Скажи, что отец все таки пошлет его в Крым вместе с матерью, которую я сейчас мысленно и жадно целую.

Александр».

Наверно прошло долгое время. Автор письма уже разлучен с любимой женщиной и живет одиноко в другом городе. Его давит фантастическое горе, он плачет над бумагой и чернила расходятся [*в буквах*] на буквах. Этот мужественный, терпеливый и мирный человек чувствует как скрежещет его сердце от **могучей** тоски и [*изредка планет*] **мучается** в холодной запертой комнате, [*стараясь*] стараясь устать и уснуть. Он сознает, что все это, быть может, чепуха, что **излишняя** кровь сердца бросилась в голову и отравляет сознание. Остатками все еще счастливого разума он сознает, что страдать так не к чему <sic>, что жизнь обширна, но этот слабый контроль головы уже отказывается сопротивляться сердечной стихии, но человек все еще борется и старается ||

7
писать о серых вещах провинции, чтобы защититься. Наверно по ночам он видит любимую в своих долгих снах, беседует с ней и ласкает ее, а просыпается упершись **смутной** головой в холодную стену своего пустого жилища. Автор писем скроммен и письма его требует <sic> пристального изучения, а не чтения.

«9 декабря 1925.

Машенька!

С утра, как приехал, до вечера познакомился с Ухожаевским начальством. Был на конференции специалистов, а вечером на сессии Губисполкома. Обстановка для работ кошмарная. Склока и интриги страшные. Я увидел совершенно дикие вещи. Меня тут уже ждали и великолепно знают и начинают немножко ковырять. (Получает де “огромную” ставку, московская “знаменитость”!). На это один местный коммунист заявил, что советская власть ничего не пожалеет для хорошей головы. Во как, Машка!

Я не преувеличиваю. Но те, кто меня здесь поддерживает и знает, собираются уезжать из Ухожаева. [*Технический с*] Строительно-технический штат, подчиненный теперь мне, распушен; есть форменные кретины и доносчики. Хорошие специалисты беспомощны и ||

задерганы. От меня ждут чудес.

Попробую поставить работу на здоровые прочные основания, поведу строительство каменной рукой и без всякой пощады.

Возможно, что меня слопают и выгонят из Ухожаева. Плевать! Хотя я сдамся с большим сопротивлением и истощу противника.

Город живет старушечьей жизнью, шепчется и неприветлив. Люди ходят в [кацавеечки] кацавеечках и в валенках с усиленной подошвой.

Пишу на службе, меня теребят, поэтому кончаю. Завтра напишу большое письмо. Ночевал у инженера Богданова. Очень хорошие люди. Все утро ходил с комиссионершей и женой Богданова — осматривал комнаты. Нашел одну за 15 р. с печкой. Сегодня переезжаю туда.

Как Тотик — не скучает по мне? Я уже заскучал. Скорей бы устроиться, а то нельзя работать. Уверен, что долго не проживу — звериная гоголевская обстановка.

Обнимаю и целую обоих. Живи спокойно. Я твой и Тоткин.
Будь здорова (жри больше!), слабость моя!

Александр».

*

«Ухожаев, 11/XII, 1925, 6 ч. вечера.

Мария! [*<1 слово нрзб>*]

9

Вот я сижу в маленькой почти пустой комнате (стол, стул, кровать). Маленький дом стоит на дворе. Двор глух, темен и занесен снегом. Стоит долгая прочная тишина. Я совершенно одинок. На моей двери висит эмалированная табличка: «А. И. Павловъ, Артистъ Императорских Театровъ». Когда-то наверное в этой комнате жил некий «А. И. Павловъ» и, может быть, сидел за тем же столом, где сейчас сижу я, и также скучал в этом глухом и тихом городе. Я с трудом нашел себе жилище, несмотря на то, что квартир и комнат в Ухожаеве много. Принимают за большевика и чего-то боятся. Город обывательский, — типичная провинция, полная божьих старушек и постных звонов [*в храм*] из церквей.

Мне очень скучно. Единственное утешение это писать тебе письма и раздумывать над беспроводной передачей электрической энергии. На службе гадко.

Вот когда я оставлен наедине с своей душой и старыми мучительными мыслями.

Но я знаю, что все, что есть хорошего и бесценного (любовь, искренняя идея), все это вырастает на основании страдания и одиночества. Поэтому я не ропщу на свою комнату — тюремную камеру — и на душевную безотрадность.

Иногда мне кажется, что у меня нет общественного будущего, а есть будущее, ценное ||

10

только для меня одного. И все же бессмысленно тяжело — нет никаких горизонтов, одна сухая трудная работа, длинный и глухой «ухожаев».

Я не ною, Мария, а облегчаю себя посредством этого письма. Что же мне делать?

Я вспоминаю твои слова, что я тебе из[мени]меню и т. д. Ты посмотри на меня, на Ухожаев, на все — чем и где я живу — и тебе [станет] будет стыдно и смешно.

Мне как-то стало все чуждым, далеким и ненужным. Только ты живешь во мне — как причина моей тоски, как живое мучение и недостижимое утешение.

Еще Тотка — настолько дорогой, что страдаешь от [*<нрзб>*] одного подозрения его утратить. Слишком любимое и драгоценное мне страшно, — я боюсь потерять его, потому что боюсь тогда умереть.

Видишь, какой я ничтожный: боюсь [*умереть*] умереть и поэтому берегу вас обоих как могу.

Помнишь эти годы? Какой мукой, грязью и нежностью они были наполнены? Неужели так вся жизнь?

Я думаю, что религия в какой-нибудь форме вновь проникнет в людей, потому что человек страстно ищет себе прочного утешения, а организация материальной жизни идет здесь туго.

Слушай, Маша! Ты обещала мне прислать фотографии — свою и Тотки! Ты не забудь, пожалуйста. ||

11

Воспоминания будут моей религией, а фотография — иконой.

Я бы хотел чем-нибудь развеселить тебя, но никак не могу даже улыбнуться.

Ты бы не смогла жить в Ухожаеве. Здесь действительно мерзко. А быть может мне придется здесь умереть. Разве я думал попасть когда-нибудь в Ухожаев, а вот живу здесь. Как странно все, я как в бреду и не могу опомниться. Но и выхода нет для меня. Я постараюсь успокоиться, лишь бы покойно и хорошо было вам. Оба вы слишком беззащитны и молоды, чтобы жить отдельно от меня. Вот чего я боюсь. Оба вы беспокойны, стремительны и еще растете — вас легко изуродовать и обидеть. Но что делать, я не знаю. Обними и расцелуй Тотика, я не скоро увижу его, нескоро <sic> я повожу его верхом. А ты вспомни обо мне и напиши письмо, потому что я тобой только держусь и живу.

Досвидания <sic>, горячая и трудная моя

Александр».

Под этим письмом нарисованы какие-то странные значки и сигналы, напоминающие автомобили. Может быть это самостоятельный язык тоскливой любви, а может — просто рисунки для развлечения сынишки автора письма.

 ||

12

[«Москва, 16/XII 1925.

Здравствуй Александр!

Разве ты не получил мое первое письмо, почему не ответишь / отвечаешь на некоторые вопросы. Ты так мало пишешь,— начинаешь письмо — кажется много напишешь — на самом деле, несколько фраз и ты умолкаешь.]

«Ухожаев, 15/XII, 1925.

Дорогая Маша!

Пишу тебе третье или четвертое письмо из своего изгнания. Грусть моя по тебе растет вместе с днями, которые все больше разделяют нас.

Вот Пушкин по памяти:

Я помню милый нежный взгляд
И красоту твою земную;
Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую...

И я плачу от этих стихов и еще от чего-то. Я уехал и как будто захлопнулась за мной тяжелая дверь. Я один в своей темной камере и небрежно влачу свое время. Как будто сон [,] прошла совместная жизнь, или я сейчас уснул и мой кошмар — Ухожаев.

Видишь, как трудно мне. А как тебе — не вижу и не слышу. Думаю о том, что ты сейчас там делаешь. Почему ты не хочешь писать мне? Я хорошего не жду, но и плохого не заслужил. Завтра утром я переезжаю в пригород Ухожаева, где я нашел себе комнату со столом за 30 р. в месяц. Там, правда, грязно, ||

13

старуха нечистоплотна, но дешево. Похоже, [что] что я перехожу в детские условия своей жизни: Ямская слобода, бедность, захолустье, [керосив] керосиновая лампа [,] и зимние ветры за жалким окном.

Работать на службе почти невозможно. Тысячи препятствий самого нелепого характера. Не знаю, что у меня выйдет. Тяжело мне как в живом романе. Но просить о приезде тебя не смею. Ты не выживешь тут — такая кругом бедность, тоска и жалобность. Хотя материально жили бы хорошо.

Я так еще многое хочу тебе сказать, но почему ты молчишь? Неужели [я] и теперь я чужой тебе? Неужели Москва тебе всего дороже? А мне ничто не дорого, кроме твоего благополучия.

Обними моего Тотку, моего милого потомка, ради которого я готов на все. Прощай. Жму тебя всю.

Александр».

*

«Москва, 18/XII [,] 1925.

Здравствуй Александр!

Разве ты не получил мое первое письмо,— почему не отвечаешь на некоторые вопросы? Ты так мало пишешь,— начинаешь письмо, кажется, что много скажешь,— на самом деле — несколько фраз и ты умолкаешь. ||

14.

“Неужели Москва тебе всего дороже?” — стыдись [Александр] Александр,— я ее меньше вижу, чем ты свой очаровательный Ухожаев».

Впервые: Литературная газета. 1983. 19 окт. (в сокращении).

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 89, л. 1–14; карандаш.

¹ Более подробно о повести см.: *Роженцева Е.* Лирический сюжет в прозе А. Платонова 1927 г. («Епифанские шлюзы» и «Однажды любившие») // Страна философов, 2000. С. 492–502.

«НАДЛЕЖАЩИЕ МЕРОПРИЯТИЯ» А. ПЛАТОНОВА

Статья и публикация Н. Корниенко

В настоящей публикации представлены 4 документа фонда Платонова, тематически и хронологически связанные между собой: экспозиция рассказа «Административное естествознание» (2), рассказ «Надлежащие мероприятия (Святочный рассказ к 10-й годовщине)» (3) и либретто киносценария с тем же названием (4), а также записи к либретто (1). Опубликован только рассказ «Надлежащие мероприятия» (см.: Новый мир. 1991. № 1. С. 133–135). В творческой биографии и поэтике Платонова данный куст сатирических текстов располагается между «Чевенгуром» и «Че-Че-О» (первой редакцией) и датируется временем работы над современной частью романа. Написанные в ходе работы над романом и по его завершении произведения на современные — градовские — темы связаны с главными чевенгурскими сюжетами, мотивами и вопросами, их комментируют, проецируют на современность, или же предварительно прорабатывают.

Образ «надлежащие мероприятия» появляется у Платонова в процессе переделки рассказа «Город Градов» в повесть. Микросюжет об отсутствии героев в Градове Платонов переписывал ориентировочно в марте 1927-го вместе с редактором Г. Литвиным-Молотовым, отвечая на поставленные тем вопросы: «Героев город не имел, [*a*]и пришлы[е]м коммунист[ы]ам на их социальные призывы [пришлым коммунистам] безропотно и [единогласно] **законным порядком** принимая резолюции по мировым вопросам[, считая то законным порядком.]. **А может и были в Градове герои, только их перевела точная законность и надлежащие мероприятия**» (Ф. 629, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1 об.)

Ответ в издании повести 1927 г. сопровождается уточнением: «... и были лет шесть назад в Градове герои, только перевелись они в точной законности и бумажных надлежащих мероприятиях» (Платонов А. Епифанские шлюзы. М.: Молодая гвардия, 1927. С. 114). Уточнение («шесть лет назад») отсылает к началу нэпа и хронотопу современной части «Чевенгура». 1921 год — время, когда развернет и закончит свою деятельность «Совет социального человечества Чевенгурского освобожденного района». Книга «Епифанские шлюзы» вышла в июне 1927 г. (Платонов в это время начинает работу над будущим романом — пишет повесть «Строители страны»). Во втором издании «Города Градова» ответ на поставленный редактором вопрос лишен конкретности и выполнен в эпической интонации: «А может и были в Градове герои, только их перевела точная законность и надлежащие мероприятия» (Литературно-художественный сб. «Красная панорама». Л., 1928. С. 4). Эта формула эпохи нэпа появилась во второй редакции «Города Градова» 1927 г., но редактор ее не поддержал, однако Платонов практически полностью восстановит вторую редакцию сначала в издании повести 1928, затем 1929 г. (Подробно см.: Корниенко, 1993. С. 78–79).

В начале мая 1927 г. образ «надлежащих мероприятий» осветит диалог Пухова и комиссара Шарикова (повесть «Сокровенный человек», авторская датировка: 9 апреля — 24 мая 1927 г.) — по актуальному равно для 1921 и 1927 гг. вопросу восстановления тяжелой промышленности:

«Пухов обсиживался в канцелярии и наблюдал. Его удивляло, отчего так много забот с этой нефтью, раз ее люди сами не делают, а берут готовой из грунта.

— Где насос, где черпак — вот и все дело! — рассказывал он Шарикову.— А ты тут целую подоплеку придумал!

— А как же иначе, чудак? Промысел — это, брат, надлежащее мероприятие,— ответил Шариков не своей речью.

“И этот, должно, на курсах обтесался,— подумал Пухов.— Не своим умом живет: скоро все на свете организовывать начнет. Беда”».

В памяти повести хранится и контекст обсуждаемой — промышленно-производственной — темы 1927 г.: внутрипартийные дискуссии по принятому XIV съездом партии (декабрь 1925) курсу на индустриализацию и программе построения социализма в отдельно взятой стране — СССР; директивы «режима экономии» и рационализации производства 1926 г. «Теперь наступает “период реконструкции” производства, или, проще сказать, время перестройки производства, <...> Каждый рабочий в нашей стране должен быть маленьким конструктором, инженером своего рабочего места» (*Газетов А.* Рационализация и ЦИТ // Рабочая газета. 1927. 7 мая. С. 5) — эти и другие идеи поэта и инженера, директора Центрального института труда (ЦИТ) вполне разделял Платонов-инженер. Работать «по-фордовски» (см.: Работаем «по-фордовски» // Рабочая газета. 1926. 13 июля. С. 5) желает и Фома Пухов, также почитатель концепции автоматизации производства американского промышленника Г. Форда. Перефразируя вопрос одной из газетных статей — «Заинтересованы ли рабочие в рационализации?», можно сказать, что Пухов поддерживает разделение труда, механизацию-автоматизацию производства, рационализацию, которая несет улучшение условий труда и «делает работу легкой и приятной, а не тяжелой, как там, где нет рационализации» (*Сарабьянов В.* Беседы о рационализации // Рабочая Москва. 1927. 10 февр. С. 3; 13 февр. С. 5. О фордовских аллюзиях в повести «Сокровенный человек» см.: Корниенко, 1993. С. 91–92).

В публикуемых текстах биографические реалии переплетаются с политическими, вопрос о смысле собственной жизни рифмуется с вопросом о смысле современного исторического момента жизни страны. Кризис 1927 г. носил всеобщий характер (он коснулся внутрипартийной жизни, политического и хозяйственного курса, геополитической ситуации, заострил национальные и культурные вопросы) и прошел через биографию Платонова. Через переплетение происходящего в жизни писателя и страны попробуем подойти к датировке написанного методом реального комментария.

Источником материала к теме рационализации послужила периодика 1926–1927 гг.: указанные в текстах Платонова газеты «Рабочая газета» (орган Московского комитета ВКП(б) и Московского городского совета профессиональных союзов) и «Вечерняя Москва», а также газеты «Рабочая Москва» и «Известия» (центральный орган советских профсоюзов — ВЦСПС; комплект этой газеты за 1927 г. упоминается в романе «Счастливая Москва»). Кроме официальной периодики, которую Платонов знал, привлекались сводки ОГПУ о настроениях рабочих и крестьян, в связи с проводимыми властью кампаниями.

Биографический контекст «Административного естествознания» связан со службой и квартирным вопросом. Летом 1926-го Платонова увольняют из ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих, начинаются поиски новой работы и битва за занимаемую его

семьей комнату в ЦДС. После возвращения из Тамбова в Москву (март) все вновь повторяется: он теряет службу (предположительно — в Центросоюзе), эпопея выселения семьи из ЦДС завершается в августе 1927 г. судом (см. подробно в наст. издании с. 443–444, 481–493, 587–598).

Экспозиция «Административного естествознания» напрямую корреспондирует с письмами Платонова по квартирному вопросу, выполненными в жанре скорбного обличительного послания (с. 591–596 наст. издания). Повествовательная форма автобиографического рассказа коррелирует с избранной в первых двух главах «Строителей страны», где повествование также ведется от первого лица, а сам рассказчик является одним из персонажей происходящих событий (см: *Корниенко Н.* Между Москвой и Ленинградом: О датировке и авантексте романа «Чевенгур» // Страна философов, 2005. С. 629–630). Модифицированную форму этого же типа повествования, с редуцированием автобиографического материала, представляет и рассказ «Надлежащие мероприятия», где рассказчик оказывается причастен к миру московской бюрократии и выступает в роли «монтажера» предложений сотрудников учреждения. Эта форма идет от «Антисексуса», получает дальнейшее развитие в повестях «Город Градов» (описание записей в отрывном календаре), «Однажды любившие», а «теоретическое» обоснование — в статье «Фабрика литературы»...

Подавал ли безработный Платонов летом 1926 и 1927 г. объявление в «Вечернюю Москву», где ежедневно на странице объявлений в колонке «Спрос и предложения труда» печатались рабочие вакансии и заявления безработных, то нам неизвестно. Исключить этого нельзя, особенно для июля–сентября 1926 г. Просмотрев «Вечернюю Москву» за год (с лета 1926 — по осень 1927), мы не нашли описанного в «Административном естествознании» объявления. Однако в сентябрьских номерах газеты за 1926 г. (номера объявлений в наибольшей степени близки к приведенному в либретто) мы находим похожее по духу к придуманному Платоновым в рассказе и либретто. Это объявление за № 4924: «Старший инженер Губернской РКИ с техническим образованием и многочисленным стажем ищет контрольно-инспекционную и рационализаторскую службу. Адр.: Москва, 19 почт. отд., предъявителю профбилета 1075» (Вечерняя Москва. 1926. 20 сент. С. 3). В «Известиях», где также существовала подобная колонка, 22 июня 1927 г. (с. 6) печатается объявление: неизвестный инженер, с хорошими отзывами о работе, желает переменить место по руководству бюро рационализации и получить его в тресте или на фабрике. К биографии писателя это вряд ли имеет отношение, но к теме рационализации и путям-дорогам его персонажей, устремленным к рационализаторской службе, — несомненно.

Хронологически события «личной жизни» совпали с кампанией рационализации производства, а придуманным «аппаратом» по рационализации Платонов откликнулся на саму кампанию и на сопровождающие и совпадающие с ней по времени события политической жизни: выступления возглавляемой Л. Троцким оппозиции с критикой курса индустриализации и построения социализма в одной стране как измены делу мировой революции; обвинения оппозицией руководства страны в «реставрации» капитализма и термидоризме, т. е. перерождении (президиум ЦКК, июнь 1927); подготовка к празднованию 10-летия Октябрьской революции.

Постановления по рационализации принимаются вслед за начавшейся в феврале кампанией за «режим экономии» (о рационализации промышленного аппарата — XV партийной конференцией, рационализации производства — ЦК ВКП(б) 25 марта 1927 г.). «Рационализаторские» совещания и пленумы регулярно в течение года проводят центральные контрольные органы страны: Центральная Контрольная Комиссия ЦК ВКП(б) (ЦКК) и Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ), в сфере ответственности ко-

тогого входило руководство деятельностью учреждений, вопросы управления, борьба с должностными преступлениями и бесхозяйственностью Москвы (упоминаемый в текстах Платонова НК РКИ располагался в центре Москвы: ул. Ильинка, д. 21). В течение года (с лета 1926 по октябрь 1927) тема рационализации производства (планы, мероприятия, подведение итогов) не сходит со страниц центральных газет. Печатаются письма-обращения руководителей страны об успехах и недостатках проводимых кампаний, обсуждаются результаты работы производственных совещаний, предложения рабочих. Целые разделы центральных газет отводятся вопросам рационализации: «Рационализация производства — основная задача» (Рабочая Москва. 1927. 22 июня. С. 2); «Как проводят рационализацию московские заводы» (Рабочая газета. 1927. 21 июня. С. 2), «С чего надо начать рационализацию» (Известия. 1927. 26 июня. С. 1) и т. п.

Сначала доминировала тема рационализации хозяйственного и управленческого аппарата учреждений, их реорганизации и сокращения в среднем на 10%, что должно привести к перераспределению средств в пользу реального производства (*Эрдэ*. Борьба за упрощение и удешевление аппарата // *Вечерняя Москва*. 1926. 17 сент. С. 2); миллионы сэкономленных рублей должна принести сокращаемая отчетность (см. отчет московской РКИ на пленуме губисполкома: Рабочая газета. 1927. 7 мая. С. 5). В идеальный план кампании рационализации госаппарата вполне вписывается утопический финал «Градова» и «Усомнившегося Макара». В последнем всемогущая РКИ ставит бюрократов на место, проводит сокращение и чистку губернского и центрального аппарата.

Сатирические антибюрократические интенции в советской литературе 1926–1927 гг., можно сказать, были легализованы и санкционированы развернувшейся в ходе кампании за рационализацию борьбой с бюрократизмом. Выступая в январе 1927 г. на XV московской губконференции, нарком тяжелой промышленности С. Орджоникидзе напрямую увязывал главный вопрос реконструктивного периода — вопрос рационализации промышленности — с борьбой против «бюрократических извращений нашего советского аппарата, против нашего неумения работать, против ужасного бумажного потока, против волокиты и дороговизны» (Рабочая Москва. 1927. 12 янв. С. 2–3). В принятой по докладу Орджоникидзе резолюции на НК РКИ и ЦКК возлагается «борьба с бюрократическими извращениями нашего аппарата» (Там же. С. 1). Обследующая ход выполнения директивы по экономии и рационализации РКИ докладывала: управленческие штаты иногда не сокращаются, а увеличиваются; тарификация порой доводится до абсурда, когда машинистки получают наравне с экономистами и инженерами (Режим разгильдяйства // Рабочая газета. 1926. 9 июля. С. 3); идет увольнение рабочих, но аппарат не сокращается; создаются специальные бюро по рационализации; сокращение производства приводит к ухудшению качества продукции (Режим наизнанку // Там же. 6 авг. С. 2); процветают протекционизм и кумовство (Единым фронтом против бюрократизма // Рабочая Москва. 1927. 13 апр. С. 2); не уменьшается, а растет «бесконечный бумажный поток» (название раздела в газете: Там же. 29 марта. С. 3).

Антибюрократическая кампания не снимала более сложного вопроса — как проводить столь необходимую стране рационализацию производства. Являясь «общеполитической задачей», вопрос рационализации производства предполагал форсированный подъем и техническое перевооружение собственной тяжелой промышленности: в относительно минимальный исторический срок «нагнать, а затем превзойти» уровень индустриального развития передовых капиталистических стран (постановление XV конференции ВКП(б), октябрь–ноябрь 1926).

Рационализацию планировалось провести за счет накоплений госпромышленности, бюджетного перераспределения средств из других отраслей в пользу тяжелой промышлен-

ности, привлечения сбережений населения через займы. Декларировалось, что фордизация по-советски будет проведена без капиталистических издержек — сопутствующей рационализации безработицы среди рабочих и не за счет деревни, а на базе «смычки» города и деревни (*Каминецкий В.* Рационализация на Западе и у нас // Рабочая газета. 1927. 24 июня. С. 2; 25 июня. С. 2).

Реальные результаты кампании рационализации оказались не столь впечатляющими, как планировалось. В городах росла безработица, начались перебои со снабжением продуктами; «ножницы цен» (низкие на сельхозпродукты, высокие — на промышленные товары) вели к обострению отношений города и деревни. На лето—осень 1927 г. приходится пик протестных выступлений рабочих крупнейших заводов Москвы и Ленинграда, недовольных ходом рационализации производства — сокращениями, снижением зарплаты, 3-сменной работой. В 1927-м забастовочным движением были охвачены большинство регионов страны; бастовали металлисты, транспортники, горняки. Ударная весенняя кампания по ликвидации недоимок по сельскохозяйственному налогу, с применением репрессивных мер, вызвала недовольство беднейших слоев деревни: описанное имущество продавалось с торгов, с крестьянских дворов забиралось все, вплоть до курицы, шла распродажа скота и имущества; налогообложение крестьянских дворов было тотальным: от скота и сельскохозяйственных машин — до кустарных промыслов, огородов, садов, подсобных заработков и т. п. (см.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 5. М., 2001. С. 360–362, 371, 488–492).

Промышленные итоги кампании рационализации также были не столь блистательными. О низком качестве продукции предприятий московской промышленности и нехватке нужных для механизации производства аппаратов говорят на VIII губернском съезде советов секретарь МК Угланов, делегаты с заводов «Красный пролетарий» и «Серп и молот», фабрик «Красная Роза» и «Красный текстильщик» (Рабочая Москва. 1927. 2 апр. С. 3).

Итоги выполнения плана работ по рационализации подводят в июле на самых разных уровнях. На совещании руководителей московской промышленности, посвященном вопросам рационализации (см.: Рабочая Москва. 1927. 5 июля. С. 3), вновь встали организационные вопросы: «в чьих руках рационализация», «как ее проводить», кто на предприятии реально проводит и отвечает за рационализацию: завкомы, производственные совещания, специальные бюро по рационализации. Работу московской контрольной комиссии ВКП(б) и московской рабоче-крестьянской инспекции заслушивает VI пленум ЦКК ВКП(б). Отчитались количеством рассмотренных рабочих и крестьянских жалоб, работой по привлечению масс к обследованиям предприятий; количеством принятых от рабочих рационализаторских предложений; сокращением и упрощением аппарата; борьбой с «язвами бюрократизма», научным подходом к вопросу о госаппарате; сокращением дорогостоящей отчетности на 40%; планируемыми на следующий, 1927–1928 год (операционный год начинался в октябре) сокращением бюджетных расходов на аппарат на 20%, кампанией привлечения к рационализации широких рабочих масс и техперсонала, рационализацией всего производственного аппарата промышленности, разработкой нового положения о трестах и т. п. (см.: VI пленум ЦКК ВКП(б) // Рабочая Москва. 1927. 29 июля. С. 2; Резолюция VI пленума // Там же. 30 июля. С. 2; *Зайцев П.* Практика выполнения директив по рационализации производства // Там же. 21 авг. С. 3; *Рютин М.* Госаппарат и борьба с бюрократизмом // Там же. С. 2; С чего надо начать рационализацию // Известия. 1927. 26 июня. С. 1; Рационализация промышленного аппарата // Известия. 1927. 5 июля. С. 1).

Из июльских мероприятий по рационализации скажем еще только об одном, имеющем прямое отношение к одному из московских хронотопов либретто — «Всесоюзному союзу

кооперативных союзов», представляющему у Платонова одно из могущественных организационно-бюрократических учреждений страны: Центросоюз (Центральный союз потребительских обществ, объединяющий потребительскую кооперацию страны в целях содействия ее организационному строительству и экономическому развитию). Учреждение со всем своим огромным аппаратом располагалось в центре Москвы, в двух зданиях (Ильинка, Б. Черкасский пер., д. 15 и 17). В структуру Центросоюза входили другие союзы, в том числе: Всероссийский Союз сельскохозяйственной кооперации; союз имел большое издательство, выпускал литературу по кооперации, проводил «праздники МДК» (МДК — Международный День кооперации), в огромном количестве выпускал юбилейные брошюры и отчеты о работе Центрального кооперативного Союза (см.: Известия. 1927. 26 июня. С. 4). С началом кампании борьбы за «режим экономии» Центросоюз не раз критиковался РКИ за раздутые штаты и неадекватные зарплаты (см.: Рабочая газета. 1926. 9 июля. С. 3). Через год вновь заговорили о рационализации управленческого учреждения (см.: За рационализацию кооперативного аппарата // Там же. 1927. 1 июля. С. 8). Среди недочетов в работе аппарата на сессии Центросоюза называются слабая связь с провинцией («Рационализация методов обслуживания периферии лишь начинается»), недостаточная роль потребкооперации в проведении сельхозтоваров, незначительная роль кооперации на мясном рынке, где главным образом работает частник и т. п. (Сессия совета Центросоюза // Известия. 1927. 22 июня. С. 3). В июле вопрос реорганизации Центросоюза слушается в правительстве, принимается решение об организации Центросоюза СССР, вхождении в него центров потребительской кооперации союзных республик и предприятий общесоюзного значения (Там же. 3 июля. С. 5). Такой итог рационализации аппарата Центросоюза Платонов не мог забыть долго, тем более, что он сам потерял службу в Центросоюзе, скорее всего, попал под сокращение.

После летней отчетной кампании сообщений в газетах с фронтов рационализации становится меньше. В начале сентября объявляется подписка на заем индустриализации, разворачивается агитация за рекордные цифры сбора средств (см.: Еще 200 миллионов на индустриализацию страны! // Рабочая Москва. 1927. 20 сент. С. 1). В газетах появляется рубрика «Что вы сделали по рационализации производства?» (Там же. 14 окт.) с отчетом предприятий по подписке на заем. 15 октября газеты сообщают о создании нового общества — ОРНИТС (Общество работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР). Годовая массовая кампания по рационализации производства в октябре 1927 г. завершилась: «На очереди — другие вопросы» (Что сделано по рационализации производства. Подведение итогов // Рабочая Москва. 1927. 15 окт. С. 3).

Главной массовой кампанией октября 1927 г. становится подготовка к 10-летию Октябрьской революции (с мая комиссии по подготовке юбилея начали публиковать в газетах свои предложения, пик публикаций приходится на октябрь). Платонов практически ничего не придумал, монтируя 16 октября «предложения» сотрудников некоего АФУ по празднованию юбилея. Получилась панорама гротесковых образов современности. Контуры первого «предложения» из «Надлежащих мероприятий» появляются в «Административном естествознании». Временной промежуток между рассказами был небольшим, возможно, исчислялся днями, исходя из биографических реалий «Административного естествознания» (повестку в суд Платонов получает 9 сентября). Текст незавершенного рассказа, корреспондирующий с письмами Платонова, выполнен в антибюрократической стилистике, и еще не несет в себе тотальной сатиры «на весь СССР», черты которой, кстати, первым усмотрит в 1927 г. в писаниях Платонова Литвин-Молотов: сначала в «Градове», затем — в «Строителях страны». Выскажем предположение, что написанный 16 октября рассказ «Надлежащие мероприятия» является *прямым* ответом Платонова на критику Литвиным-Молотовым современ-

ного историко-политического контекста «Строителей страны» и одним из предтекстов «Чевенгура», где кристаллизуются ключевые идеи проекта строительства коммунизма в одной отдельно взятой стране. На страницах рассказа обретает символическое и одновременно современное звучание уже описанный в «Строителях страны» «революционный заповедник товарища Пашинцева»: 10 революционных заповедников предлагается открыть в СССР — «на Перекопе, в Самаре, Ярославле, в Донских пунктах, в Ленинграде и прочих местах обширного соотечества», т. е. в самых кровопролитных местах, где в годы революции и Гражданской войны утверждала себя идея мировой революции. 1927 г. проходит под знаком ожидания новой войны.

Веселая в своей беспощадности пародия на октябрьскую кампанию подготовки юбилейных торжеств усилена в рассказе не менее злой сатирой на «итоги» рационализации госаппарата и производства. Тотальный сатирический смех захватывает также сферу современной культуры и литературы с ее планами «надлежащих мероприятий» — юбилейными стихами, песнями, поэмами, рассказами, пьесами, кинофильмами. События в рассказе разворачиваются в некоем учреждении сложнейшей организационной структуры со многими отделами и подотделами, а сама кампания инициирована и проходит под прямым руководством «нач. АФУ». АФУ — аббревиатура Административно-финансового управления. На начальников данного подразделения учреждений всех уровней (от ВСНХ — до завода) приказом № 413 «Режим экономии» (от 23 февраля 1926 г.), подписанным председателем ВСНХ (и одновременно ОГПУ) Ф. Дзержинским, возлагалась работа по реорганизации аппарата, отчетности и снижению его стоимости. Отклики на кампанию рационализации содержатся и в самих формулах юбилейных «предложений». «Режимом экономии» диктуется равно бытовая одна варежка от женщин для беспризорных и эпохальный проект передвижного мавзолея (и то и другое — в целях экономии). Напрямую с сентябрьским займом индустриализации корреспондирует «предложение» о реальном занятии для «нашей полухулиганящей молодежи» (аллюзия еще на одну тему конца 1926–1927 г. — хулиганства среди молодежи и борьбы с «есенинщиной»): пустить ее с кружками по стране для сбора средств на индустриализацию (о других современных реалиях рассказа см. в примечаниях к рассказу и в указанной выше нашей статье «Между Москвой и Ленинградом». С. 635–637).

Рассказ Платонов, кажется, не планировал к публикации. На автографе отсутствует привычная помета в левом углу для машинистки. Намаевшись с подготовкой к публикации сатирического «Градова», он хорошо представлял границы дозволенной в стране сатиры. По этому вопросу в «Строителях страны» рассуждает интеллектуал Геннадий: «Наша эпоха <...> страшно нуждается в двух талантах: типа Мольера и Салтыкова-Щедрина. Но замечательно то, что если бы они появились, то современного Мольера никогда бы на сцене не поставили, а Щедрина не напечатали...» (Ф. 629, оп. 1, ед. хр. 14, л. 31). Однако логика поведения этого героя никогда не была близка самому Платонову, чье бесстрашие в поисках правды-справедливости, обращении к самым жгучим и запрещенным темам современности скорее выражают его «сокровенные» герои — «природные дураки» Фома Пухов и Макар Ганушкин, «душевный бедняк», который «мог ошибиться, но не мог солгать» («Впрок»). Именно эти герои выполняют культурное задание Мольера и Салтыкова-Щедрина: творят комедию, организуют смеховые «зрелища» и проводят грандиозную сатирическую работу. Имя Салтыкова-Щедрина произнесено также не случайно. В истории русской литературы Салтыков-Щедрин был и остается главным исследователем русского бюрократизма. Им составлена самая авторитетная энциклопедия «помпадурской деятельности» («Помпадуры и помпадурши») — с ее человеческими страстями, «внутренними исповедями бюрократов» и их «трактатами», циркулярами, «ливнем мероприятий», «надлежащими распоряжениями», «надле-

жащим направлением» и, конечно, любимыми «мероприятиями» (*Салтыков-Щедрин М.* Романы и повести. Сказки. Стихотворения. М., 2005. С. 392—393, 407, 486—488). В щедринскую энциклопедию Платонов заглядывал не раз и много оттуда позаимствовал.

Опыт сценарного воплощения Платоновым бюрократической формулы «надлежащих мероприятий» датируется условно — осенью 1927 г. На близкую связь с одноименным рассказом указывает подзаголовок сценария («Социальная сатира наших дней»), с «Административным естествознанием» — тема рационализации госаппарата и промышленности, общие хронотопы, использование заглавия рассказа как универсальной формулы государственного бюрократизма (так называются главные учреждения страны, призванные бороться с бюрократизмом); со «Строителями страны» — проекция теперь уже самого сюжета ревзоповедника из «Строителей страны» в московский ареал, где он превращается «Общество любителей военного коммунизма». Аргументом в пользу выдвинутой датировки либретто может служить близкое к публикации «Города Градова» 1927 г. графическое оформление автографа: различные рамочки для объявлений, записок и других бюрократических документов; рисунок подписи Шмакова в повести и Чалого — в сценарии. Из литературных контекстных аргументов назовем описание витрин старой, буржуазно-нэповской, и новой, коммунистической, культуры в стихотворении Маяковского «Маруся отравилась»; ср.: «На улицу вышел — / глаза разопр! // В каждой витрине буржуевы обноски...» (впервые опубл.: Комсомольская правда. 1927. 4 окт. С. 3).

Сценарная форма требовала объективации сатирического потенциала «надлежащих мероприятий» реальностью, превращения метафор в события, сюжеты, персонажей, диалоги. Здесь Платонову не надо было ехать в командировку за материалом. Он не так давно вернулся из Тамбова, хорошо знал состояние деревни в годы нэпа, низовую рабочую жизнь. К тому же Платонов имел собственный богатейший организационно-бюрократический опыт и знал эту деятельность изнутри (служба в профсоюзном ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих и кооперативном Центросоюзе). Он блистательно владел тайнами и языком «градовской школы философии» (Л. Шубин), что нашло отражение в философских «записках» Шмакова о смысле бюрократии и в образах созданных им стихийно-диалектичных бюрократов (от Бормотова до Умрищева). И одновременно, можно сказать, Платонов в 1926—1927 гг. проиграл «сражения» как с московскими, так и тамбовскими бюрократами. Об авторской позиции 1927 г. он скажет позже (1932) просто и лаконично: «Моя художественная идеология с 1927 года — это идеология беспартийного отсталого рабочего» (Воспоминания. С. 295). Современные публикации мнений «отсталых рабочих» о ходе рационализации 1927 г. подтверждают искренность и правдивость признания Платонова 1932 г.

Автограф сценария выполнен чернилами, можно сказать, пишется набело и обрывается на недописанной фразе. Была ли точка в предложении поставлена на следующем листе (это означает, что автограф просто не полностью дошел до нас), или сам Платонов, перейдя к описанию деревни, с первыми начерченными предложениями отчетливо понимает, что крестьянский сюжет, взятый в контексте кампании по рационализации производства, взламывает границы дозволенного в современной сатире антибюрократического дискурса и возвращается к «сатире на весь СССР». Эти варианты ответа не исключают и другие. Осенью-зимой 1927 г. написание сценария могло быть вытеснено работой над собственно «чевенгурской» частью романа. Именной состав «героев» сценария представляет своеобразную игровую миниэнциклопедию автокомментариев к собственному письму, наполнен голосами героев не только из уже написанных, но и будущих произведений.

Тема сценария оставалась актуальной и в следующем году, с существенной поправкой на реальность. С началом процесса «шахтинских вредителей» (с 18 мая по 5 июля) попол-

нится, точнее, идеологически обновится, список врагов рационализации промышленности. На эту роль теперь выдвигаются вредители: старые инженеры, буржуи, кулаки, сменевеховцы, троцкисты, эмигранты и все те же бюрократы, выступающие в облике бюрократа-вредителя или вредителя-бюрократа (понятие «вредители» закрепляются в языке 1928 г., у Платонова шахтинский процесс упоминается в «Че-Че-О»). Безусловно, Платонов возвращался к наработкам «Надлежащих мероприятий» в своей дальнейшей сатирической работе 1928–1931 гг. (но это уже другая тема).

Публикуемый лист записей (2) содержит наброски как к сценарию, так и к другим текстам 1927 г. Записи делались в разное время и по разным поводам и находились в творческой лаборатории писателя не один год. Такое «странствие бумаги» не раз бывало у Платонова. Основная часть записей относится к либретто «Надлежащие мероприятия» и представляет сценарную разметку его событийного пространства, сюжетных и идейных узлов и авторские комментарии. Записи о добровольных обществах могли относиться и к какому-то другому, неизвестному нам, замыслу. Нельзя исключить, что они делались к той части сценария, которая была Платоновым то ли не написана, то ли утрачена. Отметим, что тема массовых добровольных обществ широко обсуждалась в периодике конца 1926 — начала 1927 г. Массовых добровольных организаций за 10 лет было создано немало; это самые разные образования: *МОПР* (Международная организация помощи борцам революции), «Общество спасания на водах», «Общество старых большевиков», *ОСОАВИАХИМ* (Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству), *ОДН* (Общество «Долой неграмотность»), а также постоянно множасьщиеся Общества Друзей — СССР, Детей (*ОДД*), Радио (*ОДР*), советского кино (*ОДСК*), воздушного флота (*ОДВФ*), книги (*ОДК*), техники (*ОДТ*) и т. п. Общества создавались в целях воспитания масс — «для организации пролетарской общественности» и потому на всех предприятиях имелся «полный комплект всех обществ» (*Цифринович В. О работе добровольных обществ // Рабочая Москва. 1927. 5 янв. С. 2*). В конце 1926 — начале 1927 г. «режим экономии» и рационализация коснется и добровольных обществ. С самых высоких трибун звучит критика «бюрократических» принципов организации добровольных обществ. «Решительно прекратить погоню за формальным зачислением и количественным ростом обществ» — говорится в Постановлении МК ВКП(б). Рабочим, крестьянам и служащим разрешается состоять членом не более двух добровольных обществ (бюджет обществ формировался из взносов их членов), объявляется перерегистрация обществ (см.: *О работе добровольных обществ. Из постановления Московского Комитета ВКП(б) // Рабочая Москва. 1927. 5 янв. С. 6*). Сатирические и комические пассажи в адрес добровольных обществ становятся одной из примет литературы 1927–1928 гг. (М. Зошенко, И. Ильф и Е. Петров, В. Маяковский и др.) и вписываются в контекст борьбы с бюрократизмом.

Проживший свою жизнь в записях, набросках, завершенных и незавершенных текстах 1927 г. образ «надлежащих мероприятий» сфокусировал множество проблемных узлов творческого воображения писателя и специфики его письма (автобиографизма, текстуальных/интертекстуальных наслоений, отношений «факта» и образа, завершенности/незавершенности) и превратился в некую универсальную формулу истории, открытую прошлому, настоящему и будущему и сохраняющую потенциал саморазоблачения действительности в фантастических формах самой действительности, что свойственно только высоким образцам сатиры.

Административное естествознание

Во мне [*таилась*] торжествовала скорбь от безработицы. Я продавал свои бесценные технические книги наглым букинистам под Китайской стеной и покупал булки пятилетнему сыну, который [*признав*] признавал только сытую социальную гармонию, а не безработицу. Однажды сын запросил бычков в томате — это [*грозила*] грозило сносом остаткам *моей* технической энциклопедии [*и я начал мучиться от раздвоения — любви к потомку и придумал единс*].

Тогда ко мне пришла [*счастливая*] легкая мысль, как единовременное пособие. Через два дня эта мысль стала украшением отдела объявлений «Вечерней Москвы»:

«Хожу рационализирую учреждения [—] своими [*аппаратом.*] инструментами. [*В100% сбереженных от рационализации денег*] Почтамт, предьяв. [*квит.*] отношения [*ВСНХ №*] ВЦСПС № 473481|173|из|00».

Вышло кратко и не жирным шрифтом, потому что [*дороже*] за самовар татарин дал только пять рублей — их и взяла «Вечерняя Москва».

Радостно [*ожидал*] ожидая сотни предложений, я провел три голодных дня в Сокольниках. Мои надежды были обоснованы: то недавнее время отличалось таким бюрократизмом, что это явление стало советской инквизицией и совершенно срочно был необходим антипаразит для бюрократов. Я воочию убедился, что ответственный работник, взятый одиночно, умный и честный человек. Но как только они сойдутся вместе для совещания и принятия решений — получаются глупости. В этот узел, в эту причину государственных нечистот ||¹

<1 об.>

я и направил силу своего ума. Искренно говоря, я сам не знал — какой инструмент нужен для рационализации учреждений, но верил, что справлюсь, когда мне поручат это дело. Если же спросят: покажи инструмент, то я им выну какую-нибудь схему и расскажу [*про опер*] что-нибудь общее про оперативную установку, — наверное [*про*] поверят. Под «инструментом» теперь отвыкли понимать стамеску, а мыслят что-нибудь отвлеченное, вроде некоей организации [—], — напр.: [«]Института структуры и Методологии научно-технического построения госорганов, — некоторые начальные буквы *которой* и дают «инструмент». [*Понятие*] Точно также понятие аппарата не означает металлическую машинку, которую понимает специалист, а означает толпу людей, размещенную в большом доме за казенными столами, [*которую /которая*] которые (т. е. люди) за жалованье не понимают, что они делают. Лишь в общем и целом, на холмах кабинетов, [*смысл*] деятельность толпы служащих приобретает смысл [— и *те*]. Но этот смысл, судя по личному опыту, имеет всегда два параграфа:

§ 1. Косвенная борьба с безработицей [*нрзб*].

§ 2. Косвенная потому, что это борьба трудовая, т. е. труд имеет [*не со*] целью

¹ Рассказ написан на служебно-подотчетной бумаге (с тиснением в левом углу герба СССР). Такой бумагой пользовались только в высших государственных учреждениях и наркоматах; возможно, Платонов позаимствовал лист на службе в Центросоюзе.

не продукт, а мораль — делай что-нибудь, хотя бы не нужное, но трать свою энергию, чтобы она от бездействия не развратила тебя.

Я бы, будь начальником, заставил бы всех сотрудников написать свои [би / авто] биографии, дабы впоследствии скомбинировать из них единый труд знаменитых современников Октябрьской революции. Через пятьдесят лет все равно все современники октября будут знамениты.

Пригласили меня лишь через неделю — наверное газеты, по занятости, читают на шестой день. На пригласительном бланке значилось самое страшное — НКРКИ. Т. е. меня ||

<2>

зовут в [сам] рационализаторский центр. Одновременно пришла бумага из Верховного суда. Про этот орган я нечаянно подумал: неужели [они ищ] им надоела Фемида и они ищут Кузькину Мать? <sic>²

Но пошел в оба центра без промедления.

1. НКРКИ.

В девять часов бюрократический поток пронес меня сквозь Ильинские ворота. Сделалось немного страшно за республику — от одного вида шествия служащих, но ничего — зато они не вольная профессия.

В голове — пустота, в сердце — горе, в кармане — схема губпродкома 19-го года. Я открыл, что эт[и]о [допотопные губпродкомы] благородное боевое учреждение был[и]о разумнее и деловитее построен[ы]о, чем скажем губвнуторг, и решил — в крайнем случае, если припрут к стене — предъявить его за образец.

Сначала я долго блудил по клубам, уголкам, чайным, президиумам каких-то бюро и прочим подсобным, очевидно, учреждениям НКРКИ. Но самой сердцевины органа еще не видел. Серьезные люди глядели в мою вызывную бумажку и давали справки: к старшему рационализатору [внеб] госбюджетных органов, 3-й этаж!

Я шел, теряя силы, по лестницам и когда поднялся наверх, то уже хотел обежать. Но там не было «старшего рационализатора» — он [слушал где-то заседания] присутствовал на заседании

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 2, ед. хр. 41, л. 1–2; карандаш.

2

<1>

[Итоги и перспективы]

(Доклад Начальника АФУ своему наркому по поводу 10 летия Октября)

[Революция, исполненная]

² В платоновском контексте выражение «показать кузькину мать» обретает равновеликий европейской богине правосудия (Фемиде) статус; отсюда, очевидно, заглавные буквы. «Кузькой» сельские жители обычно называют вредителей хлебных злаков, жуков, чьи личинки живут глубоко в почве. «Показать» эту личинку можно, лишь разрыв землю. На оппозиции «непристойной русской клички» кузькина мать и высоких имен европейской культуры построено стихотворение Л. Бедного «Кузькина мать» (Известия. 1927. 14 окт. С. 4).

Надлежащие мероприятия (Святочный рассказ к 10-й годовщине)

Циркуляр гласил нижеследующее:

«Приближающ[е]еюся 10-ти летнюю годовщину Великой Октябрьской [р]Революции, как Всемирно-Историческое Событие, надлежит ознаменовать соответствующими надлежащими мероприятиями. Не внося предварительных предложений и не предрешая форм [мера] необходимых мероприятий, мы всецело предоставляем [т] изыскание таковых форм инициативе [трудя] служащих масс вверенного нам ведомства; однако, предложения должны быть завизированы завами соответствующих отделов, в котором сотрудник, вносящий предложение, числится по штату, и затем переданы [зав] Нач. АФУ для систематизации и передан мне на утверждение.

[Член] Пред. Управления Электрофлюидсиндиката Ф. Кроев.
Нач. АФУ И. Месмерийский.
Зав. Орг. Отд. Завын-Дувайло.³

Служащие массы, получив под [личную] личные расписки текст циркуляра, одновременно задумались. Многие [сейчас] тотчас же рапортовали, что их мышление вращается в круг[e] мероприятий, предусмотренных операционным планом на 1927—8 год, а так как [в плане годов/планом] в плане 10 летний юбилей [как] Октября не обозначен, то и мысль невозможно направить по линии внепланового задания, а посему нижеподписавшийся не имеет предложений. ||⁴

<1 об.>

Но и иные служащие, принятые вне биржи труда, озаботились и стали вносить предложения, чтобы укрепиться на служебных постах.

[К товарищи <sic> Завын-Дувайло]

Сначала почти все инициаторы посетили товарища Завын-Дувайло на предмет справки: подлежат ли предложения оплате установленным гербовым сбором или нет, а также — на скольких страницах допустимо писать предложения.

Получив точные разъяснения, инициативные служащие сели писать — конечно, дома, чтобы не занимать служебного времени.

Через 2 недели, к указанному в циркуляре сроку, тов. Месмерийский приступил к предварительной читке поступивших предложений. Некоторые из них он отдал мне — «для отжатия смысла и составления оценочного резюме», как приказал [тов] мне тов. Месмерийский. [Эти предложения] В порядке поступления, я публикую некоторые предложения, для получения их гласного одобрения[и, предв]. [В] Эти предложения я сократил, отжав смысл из бумажных пространств и выбросив революционные тропари, неизбежно предшествовавшие каждому предложению (как будто их составители были на заметке у ГПУ и [реабилит] усердно реабилитировали себя).

«...Сосчитавши героев Октября, я подвел итог и у меня вышло 147 человек,

³ Зачеркнутая помета на полях: ревзаповедн

⁴ Сверху в левом углу листа начертания разных букв, прочитывается слово ГИНВОЛ. В правом углу это же слово пишется как подпись: ГИИВ. Ниже столбиком: герб // перечень героев.

что для 1/6 части мирового пространства обидно мало. А потому, а также вследствие... я был бы рад, если бы соответствующие ведомства, напр. Наркомвнудел, ЦСУ, Наркомвоенмор и др. завели книги учета выдающихся деятелей революции по всем советским линиям... дабы в будущем составить единый том [*героев, утвердить*] с перечнем всех героев и утвердить его вышестоящей инстанцией. Затем том героев опубликовать вместе с фотографиями и факсимиле — для всеобщего почтения трудящимися ||

<2>

массами. Такой труд был бы великим достижением, наряду с Днепростроем и прочими гигантскими масштабами... Секретарь общего п/отдела Орготдела Адм.-Фин. Управления Е. С. Несваринов».

[«...Товарищ Никандров, будучи чистым Новороссийским пролетарием, до подобия похож на великого вождя В. И. Ленина. Эта косвенная причина послужила обстоятельством для его игры в знаменитой картине [*ре/кино*] Октябрь режиссера туманных картин т. Эйзенштейна. Имея ввиду <sic> необходимость широкого ознакомления пролетариата с образом скончавшегося вождя, а мавзолей в Москве не может обслужить всех заинтересованных, я предлагаю... учредить особый походный мавзолей, где бы тов. Никандров демонстрировал свою личность и тем восполнял существенный культурный пробел... От сего трудовой энтузиазм и преданное рвение **в народе** возвысятся и поездки тов. Никандрова самоокупятся... Делопроизводитель Отдела заказов [*В*]Х. Вантунг.»⁵

«...Особым торжественным законодательным актом организовать на пространстве Союза 10 революционных заповедников, в коих бы и собрать атрибуты и живых участников великих событий — для вечного показа потомкам и поучения их. Следовало бы открыть такие ревзаповедники на Перекопе, в Самаре, в Донских [*местах*] пунктах, в Ленинграде и прочих местах обширного соотечества. Атрибуты и живые участники должны [*сущее*] состоять [*в покое и*] в нетронutom и естественно-героическом [*виде*] покое... Зав. [*ликвид*] п/отделом ликвидации убытков Ф. Арчаков.» ||

<2 об.>

«...Срочно организовать [*всесо*] всесоюзную архивную кампанию, с целью отыскания замечательных документов эпохи [*и*], с последующим преподанием их публике в напечатанном систематическом виде. Для [*кампании*] успешного проведения кампании привлечь учащихся, красноармейцев и безработных, а также комсомольцев в их, имеющий в виду быть, субботник... [*Архивари*] Старш. архивариус синдиката Родион [*Перероев*] Маврин.»

«...Художественно начертить схему диктатуры пролетариата — от председателя Всесоюзного Съезда Советом <sic> [*до*] вплоть до батрака и лесоруба. [*Б*] Заключенных же, беспризорников и [*лиц частных*] частных связать с общей схемой пунктиром... Схему выставить на радио-мачте станции Коминтерна и осветить прожектором со склада Синдиката... Чертежник Проект-бюро Ч. Плюрт.»

«... **Всем союзным женщинам** [*Н*]надо сшить по одной варежк[*у*]е беспризор-

⁵ Все «предложение» перечеркнуто синими чернилами.

ным, только сговориться, чтобы они не пришлись на одну руку. Машинистка О. Становая.»

«...Добиться всесоюзного радостного единодушия, посредством <sic> испускания радиоволн и организовать [моментальный /един] взрывы счастья с интервалами для заслушивания итоговых отчетов... Счетовод А. Зверев.» ||

<3>

«...Спеть одновременно под открытым небом всем Союзом Социалистических Народов Интернационал — в полтораста миллионов голосов с лишним. Я полагаю, его услышат даже китайцы и лорд Чемберлен. Пускай это будет обедня Всемирной Революции и задрожат [анафемы] анафемы капитала. Кассир Г. Л. Латыгин, быв. комроты Туркестанской Краснознаменной дивизии особого назначения.»

«...Раньше бывало ходят так называемые странники: висит у них на животе кружка, на кружке живописная картинка, а в кружку люди кладут пятаки и любую разменную монету — по желанию. Так и строились кафедральные соборы. Так нужно и теперь. Надо [P]раздать кружки нашей полухулиганящей молодежи, над кружкой поместить четкие чертежи Днепростроя и Волго-Дона с красочной перспективой экономического благополучия и пустить молодцов по советским странам. Через год — к 11-ти летию — мы [бы и собрали] бы одной меди набрали на индустриализацию [милл] миллионов триста... [2 слова нрзб дело] Инструктор межрайонной торговой периферии синдиката И. Жолнеркевич.»⁶

«...Энергию крымских и всяких прочих землетрясений [об] употребить для неотложной электрификации тех же мест... Лифтер Порежин.» ||

<3 об.>

«...Вывесить загодя высокий флак <sic>, а ходить по грязям толпой не нужно. Пущай люди [лежа] лежа полежат хоть в десятый год. Рассыльный [И]М. Крестинин.»

[Были][Предложения] Эти и прочие мероприятия [пошли], надлежаще сведенные мною в единое и общее целое, пошли к тов. Месмерийскому.

[Тов. Месмерийский обратил на папку вни] Означенный начальник ознакомился с папкой предложений лишь как с вещью, а не как с содержанием смысла, и выразился общей резолюцией

[На] «Пред. Правления Синдиката. [На] Для непосредственного соответствующего распоряжения, т. к. дело относится к политическим мероприятиям.»

Предправления тов. Кроев продержал папку [три недели] четыре недели, и так и не мог ее прочитать — от занятости текущими делами.

Начал падать снег — приближался Ноябрь вместе с годовщиной.

Тов. Месмерийский направил меня к тов. Кроеву — для напоминания о праздничных мероприятиях. Через 2 дня я был принят и заявил у стола председателя:

— Тов. Кроев, прочитайте всю массу предложений — там есть существенные мероприятия...

⁶ Перед написанием этого предложения Платонов делает предварительные записи на правой стороне листа: v) Кр<ужки> // сб<ор> // и сидя // кафедр. // Соборы // v) энер<гию> // землетр<ясений> // Крыму // для электриф.

— Да[?] — [ск] спросил Кроев, [как будто из ежедневного делового общения со своими сотрудниками он] удивившись, что его сотрудники могут предлагать **что-то** существенное.— Что же, сделаем что-нибудь... Я, знаете ли, уже читал предложения⁷. Что, не ожидали? Прочитал. Все мероприятия стоят миллиард — я [считал] прикидывал. Взять из них одно — рассылного: вывесить флаг... Надо попостней, чтобы вышло поэкономней... Вот. А папку возьмите — отдайте в архив... ||

<4>

Затем папка [— прошла исходя][вышл] с исходящих <sic> номером вошла через входящий журнал в архив — к тов. Р. Маврину. Тот ее аккуратно занумеровал [номер] большим номером вечного покойника и положил в отдел «Оргмероприятия». При составлении ведомости [учета] достижений Синдиката к 10-й годовщине Октября — работа архивариуса была надлежаще учтена в графе «нагрузка аппарата»: [78]20 000 дел плюс одно.

16 /X.27

Андрей Платонов

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 91, л. 1–4; карандаш.

...операционным планом на 1927–28 год...— Хозяйственный год начинался с 1 октября, поэтому юбилейная кампания не попадала в операционный план 1926–1927 гг. и 1927–1928 гг.

ГПУ— Государственное политическое управление, орган диктатуры пролетариата по защите государственной безопасности, организованный в 1922 г. из ВЧК.

Сосчитавши героев революции...— В октябре газеты сообщали о проведении на предприятиях Москвы кампании по выявлению активных участников Октября, руководителей московского восстания и участников Гражданской войны. Наркомвнудел — Народный комиссариат внутренних дел. ЦСУ— Центральное статистическое управление. Наркомвоенмор — Народный комиссариат по военным и морским делам. В годы Гражданской войны наркомат возглавлял Л. Троцкий, «вождь» революции и главный «герой» войны; освобожден от должности в 1925 г. Октябрьский объединенный пленум ЦК ВКП(б) и ЦКК 1927 г. исключил Троцкого из членов ЦК ВКП(б).

...наряду с Днепростроем и прочими гигантскими масштабами.— 15 марта 1927 г. началось строительство крупнейшей в Европе Днепровской гидроэлектростанции (Днепрогэс). 10 мая принимается постановление ЦК ВКП(б) «О строительстве новых металлических заводов»; 12 июля в Сталинграде закладывается первый в СССР тракторный завод.

Товарищ Никандров... ~ и поездки... самоокупаются.— В. Н. Никандров — рабочий уральского завода, исполнял роль Ленина в кинокартине С. Эйзенштейна «Октябрь». Имевший внешнее сходство с Лениным Никандров также играл в юбилейном году роль Ленина в пьесе Н. Суханова «1917» в Малом театре. В октябре 1927 г. предпраздничные номера газет и тонких журналов вышли с фотографиями из фильма, первый просмотр которого планировался на 7 ноября 1927 г. Газеты периодически сообщали о работе С. Эйзенштейна в 1927 г. над тремя кинокартинами, посвященными 10-летию революции; кроме «Октября», это: «Генеральная линия» и «Десять дней, которые потрясли мир» (по книге Д. Рида). Теме посещения мавзолея Ленина посвящены десятки стихотворений и рассказов, рассказывающих, как преодолевая нечеловеческие трудности, стремятся в Москву граждане СССР — «люди с Памира», и «с Карпат и Алтая, седые от ветра и бед» (Алтаузен Д. Кремлевская стена // Новый мир. 1927. № 9. С. 138).

⁷ К этому утверждению героя относится зачеркнутый на полях вопросительный знак.

...в их, имеющих в виду быть, субботник...— Речь идет о посвященном 10-летию Октября Всесоюзном комсомольском субботнике. Проведение субботника было инициировано специальным постановлением ЦК ВЛКСМ (от 7 сентября) и поддержано ЦК ВКП(б) (см.: Комсомольская правда. 1927. 2 окт. С. 1). Весь октябрь газеты сообщали о подготовке субботника, который прошел 22 и 23 октября.

...на радио-мачте станции Коминтерна...— Главная радиостанция СССР им. Коминтерна (ныне — Шаболовская) построена в 1921 г. К 10-летию Октября была оборудована самыми мощными передатчиками.

...по одной варежке беспризорным...— «Предложение» соединяет две посвященные беспризорным кампании. Первая — широкомасштабная — приходится на февраль—март 1926 г., была инициирована постановлением правительства по борьбе с беспризорностью: создается Всесоюзный фонд помощи беспризорным, куда предприятия и граждане перечисляют средства; на предприятиях организуются общества «Друг детей»; в газетах открываются специальные рубрики «Надо ликвидировать беспризорность», «Помощь беспризорным — долг советского гражданина» (Правда. 1926. 17 февр. С. 3; 19 февр. С. 5), в которых печатался календарь кампании, сообщалось о перечислениях средств в фонд и новых «предложениях» по борьбе с беспризорностью, и т. п. В марте 1926 г. эту кампанию сменила новая — за «режим экономии». С 4 сентября 1927 г., дня МЮД (Международный юношеский день) в Москве разворачивается кампания «Москва без беспризорных». В октябре газеты постоянно информировали об исполнении директивы Моссовета, чтобы к 10-летию Октября на улицах столицы не было ни одного беспризорника, и о создании за городом и в области специальных коммун. Только в октябре с улиц Москвы «изъято» 900 беспризорных (см.: Рабочая Москва. 1927. 4 нояб. С. 3).

Спеть одновременно... Интернационал ~ услышат... китайцы и лорд Чемберлен.— «Интернационал» — гимн международного коммунистического движения, с 1918 (по 1943) — гимн СССР. Прославление мирового Октября занимает большое место в агитационном юбилейном языке — в украшающих Красную площадь транспарантах и лозунгах («К мировому Октябрю»), в стихах и поэмах 1927 г.: «Мы знаем: / сделают то же другие / В каждой стране,— / Что сделали мы» (Асеев Н. Десятый // Рабочая Москва. 1927. 1 мая. С. 1. Стихотворение посвящено Дню Интернационала, который отмечался 1 мая. В октябре в газетах печатаются фрагменты поэмы В. Маяковского «Хорошо»). Одновременно именно в 1927-м идея мировой революции переживала тяжелейший кризис. Поражение троцкистской оппозиции, являющейся главным исповедником лозунга мировой («перманентной») революции, проходило на фоне международного кризиса. В течение года «английский» и «китайский» вопрос оставались главными международными вопросами Коминтерна и ЦК партии; на подготовку и поддержку пролетарской революции в Англии и Китае бросаются не малые средства (см.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919—1943. Документы. М., 2004. С. 356—494). 1927 год начинался ожиданием китайской революции. 22 марта газеты вышли с шапкой: «Знамя революции развевается над Шанхаем». Сообщалось о восстании рабочих в Шанхае, вступлении в город национально-революционной армии, печатались портреты ее главнокомандующего Чан Кай Ши (Рабочая Москва. 1927. 22 марта. С. 1). Однако совсем скоро все радикально изменилось: газеты сообщают о расколе Гоминьдана, и о том, что войска героя китайской революции Чан Кай Ши расстреливают рабочих, их жен и детей (Китайская корниловщина // Там же. 17 апр. С. 1). С поддержкой китайской революции на страницах газет и журналов выступают пролетарские писатели. После поражения революции в Германии (1923), вновь именно в 1927 г. замаячили призраки скорой мировой революции в Европе — в Англии, где забастовка горняков переросла во всеобщую забастовку. «Коммунистический Интернационал открывает новую главу своей истории,— говорил в

связи с английскими событиями на президиуме ИККИ А. Зиновьев.— Вопрос о стабилизации капитализма теперь уже законченная глава, разрешенный спорный вопрос» (Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. С. 365). Министр иностранных дел Великобритании *Остин Чемберлен* с разных трибун в течение всего года обвинял СССР во вмешательстве во внутренние дела его страны; 27 мая Великобритания разорвала дипломатические и торговые отношения с СССР. Имя *Чемберлена* как главного врага СССР, национально-освободительного движения в Китае и разжигателя войны против СССР не сходит со страниц массовой периодики конца 1926—1927 гг., становится темой сатирических стихов и фельетонов и т. п. В июле 1927 г. в рамках «недели обороны» предприятия проводят отчисления на постройку эскадрильи «Наш ответ Чемберлену», создается фонд с этим же названием и т. п.

...одной меди набрали на индустриализацию миллионов триста...— 24 августа был выпущен первый в СССР государственный «займ индустриализации» на 200 миллионов рублей.

...Энергию крымских и всяких прочих землетрясений...— В 1927 г. было два землетрясения в Крыму — в июне (см. об этом с. 482, 485 наст. издания) и в сентябре (см.: Землетрясение в Крыму и на Украине // Рабочая Москва. 1927. 13 сент. С. 1).

3

Либретто

Надлежащие мероприятия

- 1) Бюрократическое движение (Ил. ворота
8⁴⁵—9⁴⁵ ч. у.)
- в) росписывание <sic>
- 2) «Аппарат» (поперечное сечение)⁸
- 3) Странствие бумаги ???⁹
- 4) Единый фронт (человек входит, потом видна работа чиновников над ним)
После сокращения — один выдумал
- 5) «Хожу рационализирую».
Со своим инструментом
- 6) Революция — «невроз» пролетариата.
- 7) Обычное риктское присутствие: все привыкли: «сверху до низу»
«в общем и целом»

Параллель

- 7) Лидерствующий элемент ||

<об.>

- в) Совершенный гражданин:

член:

- 1) МОПР,
- 2) Осоавиахим,
- 3) [профактивист] Профсоюза,
- 4) [чл.] О. Д. р. Радио
- 5) О-ва старых закаспийцев¹⁰

⁸ После записи оставлен пробел, возможно, для уточнения и развития тезиса.

⁹ После записи оставлен пробел, возможно, для уточнения и развития тезиса.

¹⁰ Запись подчеркнута волнистой линией.

- 6) Друг детей
 7) Спасание на Водах
 8) [*Семьи*] своей семьи
 9) Мировой семьи трудящихся
 [*и вообще член массы трудящихся.*]¹¹

- v) [*Помо*] О-ва
 Помощи культур.
 Помощи выдвиженцам
 v) О-ва [*Помощи*] Первой Помощи освобожденным из гитдомов¹²
 v)

13

Что он делает в этих обществах.

 [*Присутствует и платит!*]
 Числится и платит **взносы!**

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 293, л. А-А об.; карандаш.

4

<1>

Надлежащие мероприятия.
 (Социальн. сатира наших дней)

Действ. лица:

- 1) Родных — [*ст*] главн. [*рац*] инженер-рационализатор РКИ

¹¹ С левой стороны весь список обществ отчеркнут изображением кинжала, вписано слово: **Вперед!** со стрелкой вверх к формулировке тезиса.

¹² Наш вариант плохо читаемого слова: ГИТДОМА (государственные исправительно-трудовые дома).

¹³ На разделительных линиях листа множество начертаний скрипичного ключа. По правому полю верхней части листа идут 2 записи. 1-я вписана другим карандашом и относится к неизвестному (нам) тексту: После 1-й главы. // Семых: Крой про него — все равно деваться некуда. 2-я запись сделана тем же карандашом, что и все записи на листе, и корреспондирует с сатирическим рассказом под условным названием «Дикое место», события в котором разворачиваются в уездном городе Краснозвонск (машинопись рассказа выявлена на оборотах повести «Строители страны»; см.: Корниенко Н. Между Москвой и Ленинградом. С. 653–657): Краснозвонск // Стар. печеное место и револ. // Крас.-жен. сила. Запись внизу листа, в правом углу выполнена тем же карандашом, что и 1-я запись: Писал стихи, // Думал человечество от них изменится, а оно <2 слова нрзб>. По левому полю нижней части листа несколько раз вписывается: 1928/27 1915/8 1928 (5 раз).

2) Маврин — слесарь-инструментальщик завода Красн[ая]ый [Аппаратура] Шкив»¹⁴

- 3) [Чалый —] председатель экспертн. комиссии
- 4) Советская власть
- 5) Госаппараты.
- 6) Бюрократы.
- 7) Рабочие.
- 8) Мешок с рационализаторским инструментом

I.

[Рука, переводящая рычаг на холостую. Трансмиссионный ремень затихает, останавливается. Маврин вытирает обтирочными концами руки. [Берет газету] Заводская столовая. Вход. Человек с газетами. Рабочие идут[, бер] длинным порядком, берут газеты. «Рабочая Газета». Проходит Маврин. [О] Газету разворачивают. Отдел газеты крупно: «Рационализация промышленности». [Крупно.]].

Вращается шкив. Плавно ходит приводной ремень. Виден сапог рабочего [у станка]. В середине шкива — во втулке — начинается дрожание. Ремень танцует. Шкив [скаш] скашивается, ремень соскакивает и завязывается [ве] вверху петлями.

Рука быстро переводит рычаг на холостую. Станок останавливается. У станка Маврин. Большой план. Осматривает шкив. В нем лопнули все спицы вокруг втулки. Маврин снимает обод шкива. [Отвинчивает] Расшпонирует втулку.

[Маврин завертывает]

Заворачивает все в [газету] «Рабочую Газету». Наверху (видно зрителю) крупная надпись — отдел газеты [«]— «Рационализация промышленности».

В конторе мастера. Мастер. Маврин предъявляет [сломанный] лопнувший шкив. Мастер серьезно осматривает шкив по больным сечениям. Не удивляется.¹⁵ ||

2

Пишет записку. Записка:

Тов. Климохину, литейный цех.
 Вот ваше новое литье. [В вашем] Чугун не
 волокнистый[.]. [не хлеб]
 Вы хлеб печете, а не металл.
 Мастер Позднышев

С запиской в руке, со шкивом под мышкой [идет] (в той же газете) идет по заводскому двору Маврин.

Литейный цех. Видны вагранки. Работают формовщики. Встречается с литейным мастером — Климохиным. [Шкив и] [э]Записка предъявля[ю]ется. [Кли] Показывается шкив. Все время видна газетная надпись [на] «Рационализация промышленности».

Климохин подходит к стене,— прикладывает блокнот и пишет:

¹⁴ Исправление сделано бледными черными чернилами.

¹⁵ Предложение вписано теми же чернилами, что и исправление на листе.

В главную контору, инженеру т. Брук. Я говорил вам, что металл в печах не созревает. Печи требуют капитального ремонта.

Климохин.

В руке **Маврина** две записки, под мышкой шкив в газете. Идет по заводскому двору. Маврин спотыкается о двутавровую балку. Шкив падает: обод его бьется на три части. *[Маврин поднимает] [Газета разрывается.] [Маврин собирает четыре ча]* Две бумажки вылетают. Маврин гонится за ними. Бумажки где-то садятся за *[бугр]* буграми железного лома. Там **бурьян** и мусорное место [-]: сор, бумажки, картонки и пр. Маврин находит свои две бумажки. Засовывает в карман.

[У инженера] Кабинет инженера Брук. Полное оборудование: диаграммы, модели, образцы. Входит Маврин. Предъявляет обе бумажки. *[Инженер]* Кладет шкив на стол. Инженер читает:

Акт

Мы, нижеподписав *[шиеся]*
 «Красный Шкив» — с од
 и «Красный Элемент
обязался поставить в
 щее: чугунное литье по
 в виде 4000 шкивов диа
[поставит]
 Первый поставляет, вто-
 рой принимает. При
 оказалось: шкивы диа
 годны: сопротивляемость
 на срез ниже дерева и
 шкивы *[по]* забракованы
 ЧЛЕНЫ: Фи
 Мокро
 Каце ||

3

Инженер читает другую записку:

В глав. к-ру
 (см. 2 зап.
 2 стр.)

Инженер пишет на **обороте** акт[e]а:

В Комиссию по рационализации
[при завкоме.] [при] производственно[m]го
 совещании[i]я [e] **при** завкоме.

[Вопрос о]
[Д]По принадлежности
Инж.-мех. Брук.

Вечером идет Заседание заводской комиссии по рационализации. На столе шкив в газете. На нем две бумажки. За столом Маврин и прочие члены. [Мест-комщики] Предзавкома говорит стоя. Показывает на шкив:

Мы тысячу раз указывали администрации...

[Чугун принимают] В наших печах нельзя лить...

Предлагаю отправить в РКИ все дело. Акты рвут,
а шкивы лопаются без актов...

[Маврин дома. Кладет на сундук шкив.]

[Маврин вхо]

Ночь. [Рабочая] Улица рабочей слободы. Маврин возвращается со шкивом под мышкой.

[Комната.] [Бедная] Скучно обставленная небольшая комната. [Горит лампа.] По комнате ходит высокий человек: [периода] в папаше, штаны-галифе, сапоги со шпорами, френч, сабля, в углу его винтовка. **Вся одежда очень старая.** Взгляд мрачен, лицо рябое, клок волос на правом виске. Тип эпохи военного коммунизма. [В углу его узел.] [Он приехал издалек] На сундуке его [узел.][**солдатская**] **кожаная сумка. и флага**¹⁶.

Убеденный любитель военного коммунизма,

[сорат] сподвижник Маврина в славных походах

[гр] гражданской войны — товарищ Чалый[.]—

он прибыл из [рев] далекой коммуны

«Революционный заповедник имени 1919 г.»¹⁷

Входит Маврин. Дружеское лобзание. ||

4

Маврин разжигает примус. Чалый вынимает из сумки бутылку мутной жидкости. На бутылке этикетка (большим планом):

Смерть буржуям

[Он] Чалый поболтал ее в руке, выбивает пробку и пьет. Потом предлагает Маврину. Тот смеется[*и, и тоже выпивает*] [от], видя [*надпис*] этикетку, и тоже выпивает.

[Маврин] [*Начинается беседа. Маврин показывает Чалому на шкив.*]

[Акт] Часть вторая

[Т][Серая] [т]Тьма. В середине тьмы [*светлеет*] **серееет** пятно окна. Утро. На сундуке Чалый спит во всем обмундировании. Сабля лежит на груди.

[Маврин просыпается. Включает свет. Глядит на часы. Часы-ходики опустили гири до пола и показывают час. Они стоят.]

¹⁶ Исправление сделано бледными черными чернилами.

¹⁷ Дописано бледными черными чернилами.

Молочница [*подходи*] идет по улице. Стучит в дверь Маврина. Чалый вздрагивает. Саблей скидывает **крючок** с двери. Молочница. Чалый по комнате <sic> посуду. [*Дает*] Допивает из бутылк[у]и «Смерть буржуям» и дает ее. Молочница нацеживает туда молоко.

Маврин глядит на обоих с пола, где он спал.

Маврин [*глядит*] **смотрит** на стенные часы — ходит. [*Там —*] **Стрелки** [*показ*] показ[ан]ывают час: часы стоят, гиря опустилась до полу.

Маврин одевается. Говорит Чалому:

Друг. Тебе все равно делать нечего[. ты чем].

Снеси попозже шкив с бумагой в РКИ.

Я тебе расскажу — куда.

Чалый идет со шкивом [*в солдатской сумке*] по улице. [*Он [идет] всех сторонится и, не кот*] Его все оглядывают и обходят. Спешат элегантные барышни. Чалый их внимательно изучает, даже останавливается и провожает взглядом.

Чалый у Ильинских ворот. [*Ча*] Уличные часы: без десяти минут 9. Лава служащих — непрерывный поток. Большинство с портфелями. Портфели все время [*т /т*] касаются галифе Чалого. Он отряхивает галифе.

Несутся автомобили. На трамваях висят люди. Милиционер свистит и снимает лишних пассажиров. ||

5

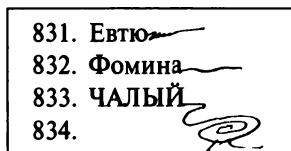
Чалый шалееет. Останавливается и выходит на дорогу. Автомобиль, сберегая Чалого, гудит, потом тормозит так, что задние колеса перестают вращаться — автомобиль ползет и останавливается. Чалый машет шоферу:

Объезжай!

Лава служащих стремится все быстрее. Уличные часы: без пяти минут 9. Люди [*бегут*] уже бегут.

Здание РКИ. У [*две*] входов давка спешащих служащих. [*Чалого*] Чалого вместе со шкивом вталкивают внутрь. [*Он мчит*] Он мчится по лестнице в гуще барышень. [*Т*] На площадке лестницы стол. За столом [*человек*] строгий человек в очках. Над человеком <sic> часы. На них точно 9. Человек ежесекундно глядит на часы. [*Барышни расписываются со скоростью*] У стола давка. Барышни **моментально** расписываются. Чалый у стола. Кладет шкив на ведомость. [*Старик гл*] Человек за столом пугается. Чалый наклоняется и медленно **вятно** расписывается, заканчивая подпись фигурой лебедя.

Бликий план:

Чалого выталкивают [*барыш*] скопившиеся барышни. Шкив ему подаюот после через головы и прически.

Чалый бродит по коридорам учреждения. Красные уголки. Клубы. Надписи отделов и подотделов. Все стены коридора увешаны плакатами, диаграммами, схемами и пр. Чалый сначала их читал <sic> потом бросил. Он попадает в глушь

учреждения. Темный коридор. Диван в конце. На диване дремлющая старушка. Стол. На столе [*ча*] большой чайник и несколько сот стаканов. ||

6

Над старушкой художественный плакат (большим планом): нарисована мощная фигура рабочего, он указывает пальцем вниз — там надпись: «Что ты сделал для рационализации производства и госаппарата? Если ничего — иди и рационализируй сейчас-же!»

Чалый близко подходит к плакату. Стоит спиной к зрителю. Потом спрашивает у старушки. Та говорит. [*Чалый подходит к двери*]

Огромный кабинет. Четыре человека за дубовыми столами. Посреди седой старик — вождь трех: сидит за самым большим стол <sic> и [*посредине*] в центре.

Чалый входит и кладет шкив на стол старику. Тот [*пишет*] пишет, не обращая внимания. Чалый уходит. Старик [*с*] взглядывает на него:

Возьмите росписку <sic> в получении доставленного!

Чалый оглядывается:

[*Я тебе задаром*]

Бери даром! Колесо порченое.

Чалый бредет по московской улице, где магазины. Осматривает окна с выставками. В одном окне видит дамские панталоны. В другом — макеты женщины и мужчины в шубах.

Дальше идет. [*Чалого ос*] Едет автомобиль: в нем едет человек в фуфайке и видит Чалого. Автомобиль приостанавливается. Пассажир его хочет кликнуть Чалого. Уезжает.

Чалый подходит к роскошной витрине. В витрине: ризы, иконы, подсвечники, чаши — божественная утварь. Чалый делает [*пять*] три шага. Соседняя витрина: красные знамена с золоченой бахромой, советские гербы, [*военные*] красноармейские значки и проч. ||

7

Чалый возвращается к предыдущему окну (божественная утварь). Сравнивает обе витрины.

Быстро входит в магазин. Обнажает [*саблю*] шашку. Хозяин в трепете [*подает ему*].

Чалый смахивает саблей церковную утварь. Берет с другой [*кр*] витрины красное знамя и выходит с ним на плече. На другом плече у Чалого сверкающая сабля. Хозяин магазина спешит вслед и не знает, что ему делать.

Чалый оборачивается:

В ногу, контр-гадина!

Часть третья.

На экране отдел объявлений «Вечерней Москвы». Большим планом — часть [*столбца*] колонки объявлений:

Хожу морю крыс,
Мышей, амбарных грызунов

.....

5470

Хожу рационализирую
госаппараты со своим
Инструментом. Гл. почтамп
до востр. предъявителю
[рубля] денежных средств
рублевого достоинства
за № 00839147, сер. 00

5471

Куплю щенка породы
добер-пинчер, кормленого.
Зв. 1-73-80, доб. 200.

5472

8

Кабинет тов. Родных. Он опускает «Веч. Москву» на стол. Берет блокнот. Пишет на бланке служебных записок:

Служебная записка № 0083417/ч

Гражданин! Предлагается явиться в Инспекторат РКИ для испытания Вашего способа и получения надлежащего удостоверения для дальнейшей планомерной эксплуатации его. Необходимо также доставить рационализаторский инструмент — для демонстрации его на заседании [ко] специальной комиссии.

Ст. рационализатор Родных

Почтамп. Окно «до востребования»

Курьерша сдает барышне по сдаточной книге (показать форменно: развязывает шнур, потом из огромного мешка достает огромный пакет); барышня расписывается. Курьерша смотрит на росписку <sic>: возвращает для проставления даты. Барышня ставит.

Очередь у окна «до востребования». [В очереди] Чалый подходит без очереди с **рублем в руке**. Старушка протестует. Чалый грозно глядит. Старушка умолкает. Чалый [спрашивает] просовывает в **окно** рубль. Барышня ему подает пакет. Чалый дует на него и [рв] рвет пополам. [Маленькие бумажки] Обнаруживается маленькая бумажка.

Кабинет Родных. На стене [две] схем[ы]а какого-то кооперативного центра. [Каждая] [с]Схема — в квадратную сажень. [Родных] На схемах кружки[,] и квадраты [и] — передвижные. Родных [передв] переставляет эти знаки по разному. Отходит в сторону и глядит через [че / руку, сложен / трубку] ладонь, сложенную в трубку. Потом снова маневрирует кружками и квадратами. Затем проводит углем прямые линии между фигурками. Стирает их. Заменяет пунктиром. И т. д. ||

9

[Входит]

На столе лежит шкив, положенный **когда-то** Чалым. Входит Чалый. Родных усердно трудится <sic>, оставляя Чалого без внимания.

Чалый с сумкой.

Родных спрашивает Чалого. Тот предъявляет ему разорванную вызывную служебную записку. Рукопожатие. [*По / Подходят к схеме.*] Родных **подводит** Чалого к схеме. Объясняет. [*Переставл*] Марширует знаками и чертит углем. Чалый ничего не понимает:

Зачем марашь?

Родных объясняет:

Я рационализирую кооперативный аппарат. Пунктир — соподчинение косвенное, а [*пря / прямая —*] линия — непосредственное. Как по вашему целесообразней?

Чалый берет у Родных уголь и ставит жирный крест на всей схеме. Родных улыбаются и вытирает крест Чалого. Схема очищается.

Садятся. Родных дает Чалому лист бумаги. Чалый пишет:

Предлагается принять меня в должность главного [изобретател]рационализатора по структурной части. С пайковым довольствием и казенной обмундировкой. Присем <sic> добавляю свой [инст] инструмент в сумке.

К сему Фаддей Чалый.

Дано в Москве 10 год[а] от революции.

Родных зажигает свечку. Топит сургуч. Кладет печать на сумку. Потом пишет на заявлении Чалого резолюцию:

Принять на испытание. Впредь до заключения экспертов о целесообразности инструмента

Родных

||

10

Эта резолюция показывается поперечной надписью на заявлении Чалого.

Заседание экспертной комиссии. Большой стол. Вокруг него человек десять. Посреди стола лежит сумка. Рядом блюдо с бутербродами и пятнадцать стаканов чаю. Чалый [у стол] тут же. Председательствует Родных. Он жует бутерброд и захлебывает его чаем. [*Докладывает*] Говорит с полным ртом. Его слушают сквозь бутерброды. Потом все глядят на Чалого. Тот встает для доклада. Говорит по военному, подрубая слова рукой.

Я видел [ла / такую лавку] бюрократическую гвардию, топтавшую [средства] зеленыя революции. [Шли] Шли — тысячи писцов [и кушали.] [кушающие хлеб]. Чего же стоит их один поход.¹⁸

На экране[: *озимая рожь в ч*] зеленыя ржи — в четверть аршина высотой [и]. Зеленыя пустые. Показывается пара ног. Затем еще и еще. Двигается масса ног, видны половинки портфелей. Идут сапоги, ботинки, брюки — мужчины. Женские ноги в каблучках [и чулк], шелковых чулках, юбки на экран не попадают. Зеленыя топчатыся <sic> и меркнут. Зелени все меньше и меньше. Он[а]и пропада[е]ют. Голая земля. Пыль. Ноги движутся стеной. Движение ускорится.

¹⁸ Правка проведена черными и синими (**Arial**) чернилами.

Часть четвертая.¹⁹

Дверь квартиры Маврина. Дверь выходит на улицу. Чалый и Маврин. Чалый прибывает к двери [*надл*] самодельную вывеску:

Общество любителей военного коммунизма.

У надписи останавливаются прохожие: бюрократ в [*ко*] пальто [*с котиковым воро*] и желтым портфелем; барышня; военный с орденом красного знамени; печник в фартуке; неопределенное ||

11

лицо [*и пр.*], молочница и пр. Военный стучит в дверь.

Чалый на службе. Он призван рационализировать разбухшие аппараты своим инструментом.

Кабинет Родных. Втаскивают четвертый стол. Следом входит Чалый с саблей[,] и винтовкой [*и с мешком с инструмента*]. Садится за [*вне*] внесенный стол. Родных глядит на него через очки, нажимает кнопку звонка. [*В*] Появляется испитой курьер. Родных приказывает ему. Курьер начинает носить <*sic*> на стол Чалого [*воро*] дела. [*Чалы*] Стол [*заполн*] заваливается <*sic*> этажами дел. Чалый хладнокровно листует одно дело. Потом по очереди их складывает под стол. Когда курьер приносит последнюю партию дел, Чалый [*говорит*] указывает ему, чтобы он выносил отработанные дела из под стола. Курьер выносит дела обратно связками на спине, как мертвый груз.

Родных глядит на него изумленно. [*Чалый*] Родных нажимает кнопку. Является потный курьер. [*Ча*] Курьер идет в архив — в тьм[*а*]е коридоров. Архив. Архивариус: старый желтый человек. Сумка Чалого за пятью сургучными печатями [*в / в / в / в*] лежит в нише. Архивариус дает курьеру большую книгу. Курьер уходит. Курьер входит в кабинет Родных. Дает книгу расписаться Чалому. Чалый расписывается. Курьер исчезает. Затем является с сумкой на вытянутых руках. Чалый принимает сумку, осматривая печати. Родных объясняет Чалому:

[*Пойдемте / Пойдемьте* <*sic*>]

Пойдемте <*sic*>, т. Чалый, я вас познакомлю с административным естествознанием. Может, попутно удастся что-нибудь рационализировать! ||

12

Идут по Ильинке. Чалый во всем своем обычном военном снаряжении. [*Ч*] Родных с портфелем и [*во*] палочкой. Ильинка кипит. Родных, оберегая Чалого, берет его под руку.

Стена огромного дома. Не видно конца высоте дома. Небольшая квадратная вывеска (золотом под стеклом):

Всесоюзный союз кооперативных союзов

Вестибюль большого учреждения. Лифты гонятся один навстречу другому. Из опустившегося [*лиф*] лифта выходит пожилой крестьянин с бородой. Он переходит в соседний лифт, [*поднимаю*] который трогает наверх. [*Через*] Площадка лифта на

¹⁹ 4 часть написана синими чернилами.

верхнем этаже. Тот же крестьянин **опять** переходит в соседний лифт и спускается до самого низа, где стоят Родных и Чалый. Родных и Чалый входят в лифт. Крестьянин, приехавший вниз, входит для подъема наверх.

Кабинка лифта. Четверо: лифтер, крестьянин, Чалый и Родных. Крестьянин довольный. Он говорит:

[Четвертый раз]

Нравится <sic> мне летать на машине.

Четвертый раз по маршруту кружу.

[Родных спрашивает его:

Служите, что-ли, здесь?

Крестьянин отвечает:]

Кабинка останавливается. Чалый и Родных выходят. Крестьянин [*переходит в*] становится в очередь к другой кабинке, отходящей вниз. ||

13

Чалый и Родных идут по учреждению. Их зритель не видит, но [*смотрит*] аппарат снимает внутренность учреждения с их точки зрения.

Проходит вся фантазмагория современного учреждения:

залы машинисток, бухгалтерии, отделы, курьерские уголки, где [*пьют чай*] готовят чай к разноске, какие-то темные ущелья со шкафами и [*бум*] штабелями бумаг; разные бытовые сценки: коридоры, наполненные гуляющей публикой, кабинет[ы], где шопотом говорят двое людей, коммутатор, где стремительно работают [*две барышни*] четыре барышни. Показывается, как символ (мультипликация): чистый лист бумаги: он [*зан*] мгновенно заполняется на машинке, летит [*с курьерами*] через лабиринт учреждения по воздуху, заполняется подписями, печатями, резолюциями, кружит по всему поперечному разрезу учреждения (показать учреждение в поперечном сечении []), вплоть до парового отопления, где мирно спит истопник). Бумага в руках курьерши, он <sic> бежит [*в л*] к лифту. Ждет, когда крестьянин переходит из одной кабинки в другую и подает ему бумагу.

Большим планом: лицо Чалого: дикие выпученные глаза. [*Родных*] У Родных лицо счастливое и удовлетворенное.

[*У Ча*] У Чалого глаза делаются почти безумными. [*Он видит*]

Чалый невольно видит стоимость учреждения в образах.

Согнутый чиновник пишет за бюро. [*За / Каждая буква*] От каждой написанной буквы из под <sic> его ручки выскакивает [*яйцо*] куриное яйцо и скатывается ||

14

в корзинку под бюро[.] и бьется там: желтая [*жижица*] жидкость течет из корзинки на пол. Чиновник [*откла*] ворошит листы. Бумага под его руками превращается в холстину. Холстина от букв вся дырявая и ветхая.

Касса. Бумажка [*с надпись*]:

Сегодня получают отпускники и курортники.

Кассир Блох.

У окошка кассы очередь. Стоят люди сытые и однообразные.

Получившие отходят от окошка и прячут деньги в карман.

Крестьянский двор. Корова. Лошадь. Куры. Поросята. Крестьянский двор уменьшается на глазах, отодвигается к правой стороне экрана. С левой стороны экрана виден маленький портфель. Портфель увеличивается и открывает пасть. Маленький двор летит в большую пасть портфеля и превращается там в пачку червонцев.

[Портфель берет под мышку чиновник]

Портфель *[закр]* застегивается ремнями. **Касса.** *[Он]* Портфель в руках чиновника, отошедшего от кассы. *[Касса.]* Чиновник вынимает папиросы «Краевые» и *[выбивает]* оббивает папиросу о крышку. Сладострастно закуривает.

Что стоит [месяц] день работы этого учреждения.

Зеленая деревня. Крыши на глазах прореживаются. Показываются жерди и борова печных труб. Плетни рассыпаются, остаются одни колья. Окна выпадают из хат. Коровы превращаются в котлеты на блюде, которые пожирает тот чиновник, который засунул в портфель двор. Деревня вся превращается в редкий мертвый

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 293, л. 1–14; черные и синие чернила.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА ОЧЕРКА «ПЕРВЫЙ ИВАН (ЗАМЕТКИ О ТЕХНИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ ТРУДЯЩИХСЯ ЛЮДЕЙ)»

Статья и публикация Бена Дооге (Гентский Университет)

Цель данной статьи — дать полное представление обо всех известных на сегодняшний день источниках текста очерка «Первый Иван» и на их основе проследить основные этапы создания и творческую историю произведения, а также реконструировать его основной текст.

Впервые очерк «Первый Иван (Заметки о техническом творчестве трудящихся людей)» был напечатан в журнале «Октябрь», во втором номере 1930 г. (февраль), на страницах 159–168. Он датируется концом 1929 г.

В настоящий момент известны десять источников текста очерка, большинство из которых в той или иной степени отличается друг от друга. Для ясности все источники обозначим латинскими буквами.

(А): Главным (и до сегодняшнего дня единственным известным) источником текста произведения является комплект листов, который хранится в РГАЛИ (ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 77).

(В): Кроме этого «цельного» источника, в РГАЛИ хранится фрагмент очерка, состоящий из одного машинописного листа (ф. 2124, оп. 2, ед. хр. 9, л. 9).

Другие источники очерка находятся в фондах Платонова в ОР ИМЛИ РАН:

(С): авторизованная машинопись (синие чернила) (ед. хр. 213–214, л. 1–22).

(D): два листа автографа (ед. хр. 215, л. 1–2).

(E): фрагмент машинописи (черные чернила) (ед. хр. 216, л. 1–19).

(F), (G) и (H): три фрагмента машинописи (черные чернила): (F) (ед. хр. 217, л. 1–4), (G) (л. 5–11) и (H) (ед. хр. 217, л. 12–15).

(I): два фрагмента машинописи (синие чернила), на оборотных сторонах которой — автограф наброска «Беглец издалека».

(J): важным источником текста является публикация в журнале «Октябрь» (экземпляр из фонда Платонова).

Основные источники — комплект РГАЛИ и рукописные листы ИМЛИ РАН

Основной источник очерка, комплект рукописных и машинописных листов, находящийся в РГАЛИ (А), состоит из 19¹ листов. Тринадцать из них — автограф (л. 1–3, 6–13, 15–16), шесть — машинопись (л. 4, 5, 14, 17–19). При этом на некоторые наклеены фраг-

¹ Нумерация листов транскрипции очерка «Первый Иван» в настоящем издании до л. 9 включительно совпадает с нумерацией листов в комплекте РГАЛИ. Начиная с л. 10, она

менты бумажного листа с текстом: л. 9 и 11 (в транскрипции л. 12, 13) — белая бумага в линейку, л. 12 (в транскрипции 14) — более темная бумага. К л. 3 приклеен еще целый машинописный лист. Листы 10 (в транскрипции л. 10, 11) и 11 отличаются от других тем, что они являются составляющими одного бумажного листа, сложенного вдвое, на всех четырех сторонах которого продолжается текст. Бумага этого листа более толстая, чем бумага других листов автографа.

На оборотных сторонах всех рукописных листов комплекта РГАЛИ, кроме л. 10–11 (в транскрипции 10–13), обнаруживаются машинописные фрагменты ранней редакции повести «Город Градов» (в некоторых местах есть авторская правка).

Рукописные листы написаны карандашом; приклеенный к третьему листу машинописный лист и листы 4–5 напечатаны синими чернилами, а 14 и 17–19 — черными.

Рукописные листы и машинописные листы 3–5 содержат исправления и изменения. Машинописные листы 14 и 17–19 не содержат никаких исправлений.

На всех рукописных листах в правом верхнем углу обнаруживается последовательная авторская пагинация карандашом, состоящая из подчеркнутого числа и точки (типа «х.»). На машинописных листах 4–5 в том же правом верхнем углу обнаруживается изначальная нумерация синими чернилами: подчеркнутые 2 и 3, типа «х». Эта нумерация была вычеркнута писателем и заменена другой — число с точкой подчеркнуты: «4.» и «5.».

Нумерация на машинописных листах 14 и 17–19 выпадает из общего ряда как в плане последовательности, так и в плане типа: изначальная нумерация этих листов — «13.», «14.»–«16.» (число с точкой) — находится в правом верхнем углу. Несовпадения в нумерации указывают на тот факт, что данные машинописные листы не входили в первичный состав рукописи (в отличие от л. 4–5). Данное предположение подтверждается самим текстом машинописных листов: л. 14 содержит текст, который полностью представлен на рукописных листах 13 и 15 (изначальная авторская нумерация — «15.» и «16.»). Иными словами, данный лист в комплекте избыточен. Важно отметить, что первая половина листа, которая представлена уже на л. 13 (автограф), вычеркнута карандашом. Помимо этого, на полях карандашом добавлена помета «16 стр.», указывающая на тот факт, что текст второй половины машинописного листа совпадает с текстом на 16-м листе (т. е. 15-м в нумерации архива РГАЛИ).

Примерно то же самое касается листа 17: большая часть текста этого листа уже представлена на л. 15 и 16 (авторская нумерация — «16.» и «17.»). На машинописном листе обнаруживается текст, которого нет на рукописных листах, но его мало. Он начинается только с последней фразы второго (из трех) абзаца, с фрагмента «не обратится из жидкого в твердое состояние. Когда происходил...». Машинописные л. 18 и 19, которые являются продолжением л. 14 и 17, содержат только текст, которого нет на рукописных листах автографа.

Следует обратить внимание на тот факт, что изначальная нумерация машинописных листов 17–19 («14.»–«16.») была вычеркнута и заменена новой: «17.»–«19.». Позже и эта нумерация была вычеркнута и заменена нумерацией архива РГАЛИ.

Все элементы указывают на то, что машинописные листы 14 и 17–19 не составляют часть изначальной, черновой, версии очерка и были добавлены в комплект РГАЛИ лишь позже. Возможная причина этого включения в комплект может заключаться в том, что под-

различается. При описании комплекта РГАЛИ для наглядности мы иногда приводим в скобках и соответствующий номер листа в транскрипции.

линные рукописные листы были потеряны или даже утрачены, так что они при реконструкции рукописи должны были быть заменены другими — машинописными.

Возникает вопрос, к какому этапу становления очерка относятся машинописные листы 14 и 17–19. Сравнение данных машинописных листов с другими источниками «Первого Ивана», о которых далее пойдет речь, показывает, что текст этих листов ближе всего к тексту автографа. Более того, оба текста почти полностью совпадают, за исключением нескольких незначительных несоответствий, возникших при перепечатке: восклицательный знак в машинописи вместо вопросительного в рукописи; отсутствие в машинописи дефиса там, где он есть в автографе («где-же», «так-же», «т.-е.», «такой-же») и даже опечатка («полнотелый» в рукописи, «полнотельный» в машинописи). Словом, данные машинописные листы были сделаны с автографа, который вошел в комплект РГАЛИ. Более того, они являются частью первого экземпляра машинописи.

Сравнение источников очерка выявляет еще один факт: четыре машинописных листа, хранящихся в архиве ИМЛИ (Н), имеют те же внешние характеристики, что и листы 14 и 17–19 из комплекта РГАЛИ (А): те же черные чернила; тот же тип нумерации (число с точкой: «2.», «3.», «4.») в правом верхнем углу; та же бумага (формат, качество, цвет); то же широкое левое поле; так же отсутствует авторская правка. Помимо этого, текст этих машинописных листов почти полностью совпадает с текстом автографа. Обнаруживаются мелкие несоответствия, весьма близкие несоответствия между текстом машинописных и рукописных листов в комплекте РГАЛИ (А). Отличия сводятся только к нескольким знакам препинания: запятая вместо точки с запятой в рукописи, двоеточие вместо точки с запятой, тире вместо запятой и пр. В машинописи в самом начале очерка опущено тире, указывающее на прямую речь говорящего (обращение повествователя к Первоиванову); снят один абзацный отступ; есть несколько опечаток («лучше снаружи девушки» вместо «лучшие снаружи девушки»; «болото» вместо «болота»; «увлажненная мелиорация» вместо «увлажнительные мелиорации»). Но эти разночтения не опровергают предположения о том, что данные листы входили в состав той же машинописи, что и машинописные листы из комплекта РГАЛИ, и были сделаны непосредственно с автографа. Целиком эта машинопись, по-видимому, не сохранилась.

Отсутствующие в комплекте РГАЛИ листы автографа утрачены, однако, не все. В архиве ИМЛИ РАН хранятся два рукописных листа (D), имеющих те же особенности, что и рукописные листы комплекта РГАЛИ (А): такая же тонкая бумага, то же расположение текста на ней (оставлено большое левое поле), такое же расстояние между словами и строками, такой же толстый и мягкий карандаш, такой же четкий и спокойный почерк, так же мало изменений и тот же тип нумерации — подчеркнутое число с точкой в правом верхнем углу. Нумерация рукописных листов в архиве ИМЛИ РАН (D) по последовательности соответствует нумерации рукописных листов комплекта РГАЛИ (А): на последнем рукописном листе комплекта (А) стоит авторская нумерация «17.», а на листах (D) — авторская нумерация «19.» и «20.». Словом, данные листы представляют собой изначальные составляющие автографа очерка. Отсутствует лишь лист «18.», но это не противоречит нашему предположению. Лист «19.» (авторская нумерация) начинается со слов «устройства гидравлического пресса» и заканчивается словами «либо стандартизованному изделию,—». Этот фрагмент полностью совпадает с текстом, который есть на л. 18 комплекта РГАЛИ (А), от второго слова второй строки третьего абзаца до конца машинописного листа. Л. «20.» (авторская нумерация) начинается со слов «Например, я не» и заканчивается последним предложением очерка. Этот фрагмент полностью совпадает с текстом, который есть на л. 19 комплекта РГАЛИ. Помимо того, есть лишь несколько несоответствий в тексте, которые сходны с не-

соответствиями между машинописными и рукописными листами комплекта РГАЛИ (см. выше).

Таким образом, в рукописи не представлен только один фрагмент — от слов «не обратится из жидкого» (л. 17 в комплекте РГАЛИ — А) до слов «процесса отпрессовки и самого» (л. 18 в том же комплекте). Данный фрагмент занимает 22 строки на машинописном листе. Тексты других рукописных листов в машинописи занимают примерно такое же место. Из этого следует, что названный фрагмент мог бы поместиться как раз на одном рукописном листе, т. е. на потерянном 18-м. Данное обстоятельство подтверждает предположение, что рукописные листы в ОР ИМЛИ (D) являются отсутствующими в комплекте РГАЛИ (А) и замененными машинописными. Аргументом против этого предположения мог бы служить тот факт, что на оборотных сторонах рукописных листов (D) нет машинописи повести «Город Градов», как на рукописных листах комплекта РГАЛИ (А). Однако эти последние были сделаны на оборотах разных машинописей «Города Градова» и на листах из разных частей повести². Поэтому для автографа очерка «Первый Иван» Платонов мог использовать и другую бумагу.

«Борьба с пустыней»

Как уже было отмечено, к нижнему полю одного рукописного листа, л. 3, в комплекте РГАЛИ (А) приклеен машинописный лист, верхняя часть которого неровно отрезана ножницами. Следующие в комплекте листы (4 и 5) — машинописные. Все три машинописных листа набраны на машинке (синие чернила) и содержат авторскую правку. Изначальная пагинация на машинописных листах 4 и 5 — подчеркнутые «2» и «3» (синие чернила) в правом верхнем углу — вычеркнута карандашом и заменена нумерацией очерка (подчеркнутыми числами с точкой, карандаш: «4.» и «5.»). На л. 5 есть две вычеркнутые карандашом подписи, сделанные Платоновым (синие чернила): первая («Андрей Платонов») — в правом нижнем углу, вторая («А. П. Платонов, губ. инженер-мелиоратор, Тамбов, губземуправление») — в левом нижнем углу.

Формальные черты вставленных в рукопись машинописных листов и их содержание указывают на то, что Платонов включил в очерк уже готовый текст: свою статью «Борьба с пустыней», опубликованную впервые в 1924 г. в «Воронежской коммуне». Важно подчеркнуть, что включение статьи, по всей вероятности, не было спланировано с самого начала работы над очерком. На шестом листе комплекта (А), который следует за вставленными машинописными листами, сначала было написано «4», а потом это число вычеркнуто и заменено на «6», наверное, после того, как Платонов решил вставить в очерк машинопись написанной ранее статьи. Можно предположить, что по этой же причине к л. 3 автографа приклеен первый машинописный лист статьи. Оказавшееся под ним нижнее поле листа автографа могло содержать фрагмент текста (для этого достаточно места), но он не виден.

Отрезанная часть приклеенного машинописного листа, по всей вероятности, содержала

² На оборотных сторонах встречаются два фрагмента первой половины повести. Первый фрагмент относится к приезду Шмакова в Градов (фрагмент с авторскими изменениями на листах 1–3 и 6–9, в обратном порядке; другой фрагмент, частично дублирующий предыдущий, без авторских изменений, на листах 15–16, в обратном порядке), второй же — к более поздней в повествовании встрече в доме вдовы Жамовой (фрагмент без авторской правки на листах 12–13, в обратном порядке).

отсутствующее заглавие статьи и перенесенный в речь Первоиванова эпитафия («Сахара, Гоби, песчаные Реки Азии...»: см. транскрипцию очерка).

Вставленная в рукопись очерка машинопись содержит двойную авторскую правку: карандашом и синими чернилами. Правка карандашом заключается в адаптации текста статьи к тексту очерка, что видно из сравнения текста статьи с публикацией очерка в «Октябре». Машинописный текст лишь немного отредактирован. Кроме изменения некоторых знаков препинания (запятая вместо тире, опущены кавычки и скобки, добавлен абзацный отступ), грамматического числа («образуются» вместо «образуется», «увлажнительная мелиорация» вместо «увлажнительные мелиорации», «дробит» вместо «дробят»), падежной формы («которые» вместо «которых», «трансформаторы» вместо «трансформаторов», «способа» вместо «способ»), лексики («гектар» вместо «десятина» — единицы измерения, применявшиеся до или после введения метрической системы) и другой незначительной лексической правки, адаптация статьи к очерку заключается в стилизации ее текста под живую устную речь и в удалении элементов, типичных для письменного и газетного языка. Насколько она оказалась удачной — другой вопрос: очерк начинается с живого диалога между Первоивановым и повествователем, но после небольшого введения приобретает искусственный характер «технической беседы», в которой пространно излагается проект реконструкции рельефа. Резкое изменение тона, однако, объясняется не столько техническим содержанием речи Первоиванова, сколько тем, что Платонов вложил в уста героя текст своей статьи «Борьба с пустыней».

Эта стилизация в первую очередь достигается тем, что слова и выражения статьи заменяются лексикой, типичной для устной речи, например, «прикидывать» вместо «считать» («для годов благополучных по осадкам надо [считать] прикидывать в 25 процентов»). Добавлены слова, которые делают язык текста более живым, похожим на устную речь («так сказать», «кроме того» и пр.); вычеркнуты слова или словосочетания, более характерные для публицистического текста, чем для живой речи («в конечном счете», «так называемый», «об этом уже сказано выше» и т. п.). Прием адаптации к разговорному стилю можно считать и опущение скобок и кавычек: они имеют значение только в письменных текстах, но не в живой речи или диалоге, главной составляющей очерка. Ярким примером является следующее изменение, где имплицитное объяснение, заключенное в скобки, заменяется эксплицитным: вместо «Эффект увлажнения (сравнительный прирост урожая)» — «Эффект увлажнения, считая по сравнительному приросту урожая».

Также встречаются случаи, когда меняется типичная для газетного стиля форма изложения, например, фразы «Мы лишены возможности и способности это сделать в сотне газетных слов. Мы изложим лишь способ ликвидации» приобретают такой вид: «Я сейчас коснусь лишь способа ликвидации». Вычеркивается слишком обобщенное для живой речи выражение: «Последнее возможно, вероятно, лишь при идеальной технике и организации сельского хозяйства и достижимо лишь относительно». Вычеркиваются выражения, которые легко представить в газетной речи политически активного писателя-публициста, но с трудом — в реальной речи изобретателя-инженера, например: «Как эту цель сделать твердым фактом?»; «Искусственное орошение будет у нас иметь только узкое оазисное значение. Обводнение и водоснабжение не есть в собственном смысле мелиорация и прямое средство борьбы с засухой»; «Коммунизм, это осуществление конкретных заданных тем: электрификация (и общая индустриализация) промышленности и с.х. и одоление пустынь посредством увлажнительных мелиораций. Борьба с засухой есть часть вопроса об одоление пустынь. С обычной большевистской страстностью и напором мы должны сокрушить засуху в кратчайшие годы, став на твердую позицию — увлажнительную мелиорацию».

Эффект стилизации живой речи достигается не только лексическим, но и синтаксическим преобразованием текста, например:

— заменой конструкции с кратким прилагательным глагольной конструкцией («Увлажнение у нас вышло вполне выгодно» вместо «Увлажнение вполне рентабельно»);

— использованием переходного личного глагола вместо возвратного безличного («Эти культуры мы выписываем из питомников Тамбовской губернии» вместо «эти культуры имеют в питомниках Тамбов. и Воронеж. губерний»);

— использованием глагола в конкретизирующем прошедшем времени вместо обобщающего настоящего («у нас упал расход» вместо «у нас падает расход»);

— заменой номинальных конструкций вербальными («если считать при ручном способе земляных работ» вместо «при ручном способе земляных работ»);

— комбинацией нескольких названных приемов с разбиением одного предложения на части, с заменой предложной конструкции падежной, с добавлением характерных для живой речи лексических элементов, например: «при машинном способе у нас вышло 15–18 р. Здесь мы работали силой реконструктора. Это такой механизм,— завтра ты его увидишь,— существенная часть которого» вместо «при машинном способе 15–18 р. посредством так называем. “реконструктора” — самодвижущего механизма, существенная часть которого»;

— заменой конструкции с деепричастием (в сложноподчиненном предложении) на конструкцию с глаголом в изъявительном наклонении (в сложносочиненном предложении), в комбинации с другими приемами — добавлением «кроме того» в качестве вводного слова, снятием частицы «же», дословным повторением субъекта (вместо пропуска или замены субъекта) и разбиением предложения на части. Например: «**Кроме того, Стихийный [же]** поверхностный сток воды творит овраги, увеличивая площадь неудобных земель и умыкая поля; **он** заносит реки продуктами размыва почвы, заставляя блуждать их русла и плодя болота; **он, этот сток воды, дроб[я]ит** организм почвы, вода делает неорганический песок, а **этот песок, [последний,]** обрабатываясь ветром, образует холмы и барханы, заносит плодородные черные земли — и уже дышит пустыня». То же повторение субъекта, но с добавлением более экспрессивных слов и отсутствием насыщенной номинальной конструкции с предлогом *от*: «За счет солнца же должно происходить восстановление **органических потерь [от трансформаций] и нарушений** почвенных элементарных производительных сил[.]— **потерь, благодаря трансформации**».

Помимо стилизации под живую речь, редактирование изначального текста также заключается в неязыковых и/или нестилевых изменениях, а именно — в удалении определенной информации. Вычеркнуты предложения и фрагменты текста, которые:

— содержат библиографическую информацию, указывающую на то, что изобретение не принадлежит героям очерка, например, следующий удаленный фрагмент: «В №269 “Известий” была помещена обстоятельная статья Г. В. Красина, посвященная вопросу увлажнительной мелиорации, разработанному, примерно, так же как 3 года назад его разработали мы. Г. В. Красин это мероприятие обозначает, как первоочередной вопрос нашей земельной культуры. Это верно: надо найти основную позицию, с которой можно разгромить засуху»;

— содержат информацию, которая могла указывать на то, что действие очерка не происходит на юге Уральской области: «(в условиях рельефа Тамбовской губернии)»; «Воронежская губерния». Иногда топонимы, названия или даты заменяются более общими: вместо «В 1923 году, группой мелиораторов, работавших на юге Ц. Ч. О., был разработан проект» — «Мы здесь в колхозе, разработали особый проект»; вместо «В условиях Ц. Ч. О.» — «В условиях нашего края».

Другая правка, синими чернилами, не связана с адаптацией текста статьи к очерку. Она была внесена Платоновым в текст еще до включения статьи в очерк: все исправления синими чернилами вошли и в очерк. Правка сама по себе незначительна. Большинство исправлений касается опечаток и неразборчивых фрагментов (возникших из-за исправления на самой машинке слов и цифр), дописывания сокращенных слов («поверх.»), например, становится «поверхностный»), замены знаков препинания и снятия абзацных отступов.

Кроме этих мелких изменений, есть несколько случаев более масштабного редактирования текста. Изменены результаты экспериментов увлажнения путем реконструкции рельефа: проценты, расходы, цены. Так, «60–75» процентов осадков становятся «50–60» процентами; расходы на десятину при ручном способе «упали» не «в 25–30» рублей, а «в 20–25»; стоимость обсадки при ручном способе стала не «25» рублей, а «20»; обсадка, съемка и разные организационные расходы стоят теперь не «35» рублей, а «30»; общая стоимость при машинном производстве понижается не до «26» рублей, а до «25» и т. п. (см. транскрипцию). Помимо этого, добавлены подписи (в правом нижнем углу); инициалы, фамилия и должность Платонова: «А. П. Платонов <нрзб> Губ. инженер-мелиоратор, Тамбов, губземуправление» (в левом нижнем углу).

Можно было бы предположить, что машинопись с правкой в составе очерка «Первый Иван» — та, с которой напечатана статья в «Воронежской коммуне». Однако текст этой статьи не соответствует тексту включенных в «Первый Иван» машинописных листов. Кроме того, статья впервые была напечатана в 1924-м году. В это время Платонов не работал в Тамбове.

Известна еще одна, более поздняя, версия статьи — вырезка из газеты «Воронежская коммуна», которая хранится в фондах Платонова в ОР ИМЛИ. Вырезка содержит авторскую правку, которая была внесена Платоновым в конце 1926 — начале 1927 гг. Главной из правок, как отмечает Е. В. Антонова (Сочинения. I (2). С. 478), является замена административных названий («ЦЧО» на «Тамбовская губерния» и т. п.): в это время (с декабря 1926 до марта 1927 года) Платонов работал в Тамбове и исправил статью с целью опубликовать ее в тамбовской печати.

Но соответствует ли этот текст вставленной в «Первый Иван» машинописи? Их сравнение показывает, что ответ на этот вопрос отрицательный. Административные названия в машинописи также заменяются, но в ней больше исправлений, к тому же весьма существенных — результаты, цифры и пр. (см. выше). Текст вырезки и первый текстовый слой машинописи — т. е. напечатанный текст без правок синими чернилами, — однако, почти полностью совпадают, несмотря на некоторые мелкие различия. В машинописном тексте обнаруживается несколько опечаток, несколько различий в знаках препинания, несколько случаев сокращения слов и написания чисел цифрами, несколько случаев использования символов вместо слов, а также шесть более крупных различий: «трансформаций» вместо «трансформации» (два раза), снятый абзацный отступ, «дышит» вместо «дышет», «действительней» вместо «действительнее» и т. п. Но главное совпадает — результаты опытов и административные названия. Таким образом, вставленная в «Первый Иван» машинопись является самой поздней известной нам редакцией статьи «Борьба с пустыней». Переработанная статья не была опубликована в тамбовской печати. Позже, однако, машинопись пригодилась для очерка «Первый Иван».

«Электрическое орошение почвы»

Вторая вставленная в текст «Первого Ивана» статья написана Платоновым в 1926 г. Она называется «Электрическое орошение почвы». Статья осталась неопубликованной. Беловой автограф ее хранится в ОР ИМЛИ РАН.

Как и в случае со статьей «Борьба с пустыней», статья «Электрическое орошение почвы» была включена в очерк в буквальном смысле, а не переписана: в автограф очерка вставлен текст написанной ранее и не опубликованной статьи.

Самым очевидным указанием на этот факт являются формальные характеристики этой части автографа. Выше уже было отмечено, что листы 10, 11, 12 и 13 (в авторской нумерации) являются составляющими одного бумажного листа, сложенного вдвое. Бумага этого листа значительно толще бумаги других листов автографа. Следует еще отметить, что текст продолжается на всех четырех сторонах листа, также в отличие от других листов автографа.

Помимо этого, данные листы, и в том числе наклеенный на л. 14 фрагмент текста, отличаются почерком и расположением текста на бумаге. На рукописных листах 10, 11, 12 и 13 и на приклеенной части л. 14 текст расположен плотно, а полей практически нет. Расстояние же между словами и строками на других листах автографа достаточно большое, и на них также оставлено большое (около сантиметра) левое поле (что, естественно, делает текст более удобным для чтения). На остальных листах автографа изменений и вычеркиваний довольно мало, тогда как текст листов 10, 11, 12 и 13 и наклеенного на 14 лист фрагмента изобилует ими.

Остальные рукописные листы очерка написаны четким, спокойным почерком, данные — почерком неразборчивым, достаточно мелким. Также наблюдаются разные типы карандаша: остальные рукописные листы написаны скорее всего мягким, толстым или даже тупым карандашом, в то время как листы 10, 11, 12 и 13 и текст на приклеенном к л. 14 фрагменте — тонким, острым карандашом. Однако некоторая часть правок сделана тем же карандашом, что и на других рукописных листах очерка. Учитывая разный характер почерка и два вида карандаша, можно предположить, что имеется двойная правка, как и в статье «Борьба с пустыней»: одна сделана во время написания статьи, другая появилась во время работы над очерком.

Стоит упомянуть и о том, что внизу на л. 9 стоит звездочка, указывающая на разделение текста на части. Такая же звездочка есть и на л. 10. Это дублирование знака раздела текста также свидетельствует о том, что листы были вставлены в комплект «Первого Ивана» во время работы над очерком.

Словом, л. 10, 11, 12 и 13, а также приклеенная часть л. 14 являются составляющими отдельной рукописи — упомянутой статьи. Статья «Электрическое орошение почвы» включена в текст очерка не целиком. Сравнение включенного в «Первый Иван» текста со статьей «Электрическое орошение почвы» (в настоящий момент опубликована, см.: Сочинения. I (2). С. 300–305; беловой автограф статьи хранится в ОР ИМЛИ) показывает, что в очерк Платонов включил около половины статьи. Данное сравнение также показывает, что различия между обоими текстами этим не ограничиваются: они имеют столько существенных разночтений, что возникает вопрос об их отношении друг к другу. Ответ на него, вероятно, такой: включенный в очерк текст статьи является фрагментом ее черновика: он изобилует правками, изменениями и т. п. Помимо этого, на л. 10 обнаруживается вычеркнутая во время написания статьи помета «Вставить написанные <нрзб>», которая вряд ли появилась бы в беловом автографе.

С другой стороны, в беловом автографе есть информация, которой нет во включенном в «Первый Иван» тексте. Когда В. Г. Корнев упоминается впервые, к его имени добавляется определение «преподаватель Ленинградского университета». Дальше в беловом автографе характер опытов Корнева (подтверждение наличия в природе всасывающей энергии почвы) уточняется добавлением целого предложения: «Кроме того, он же дал математические выражения этой энергии и ее зависимость от других факторов». Важнее, однако, добавление фамилии одного из исследователей электрического заряда почвы — Пельтье-Экснера. В тексте очерка этой фамилии нет, на ее месте только три точки, указывающие на информацию, которая должна быть добавлена потом: «работы ... и мн. др.». Кроме того, в беловом автографе удалена избыточная информация, а такой вид правки встречается намного реже, чем ее добавление. Например, упоминание во второй раз журнала («Труды Государственного института сельскохозяйственных мелиораций») и его года издания (1925). Наконец, текст белового автографа более совершенен в стилистическом и языковом отношении, чем текст включенных в «Первый Иван» фрагментов. Беловой автограф обнаруживает ряд существенных изменений по сравнению с текстом черновика — многочисленные конкретизации и переформулировки текста, которые делают его более ясным, свободным и более цельным в стилистическом отношении.

Еще один тип отличий черногового и белового автографов — различия в цифрах при описании результатов и параметров опыта электрического орошения почвы. Так, в черновике речь идет о 4 местах соединения корневых систем растений с электрическими проводами, в беловом автографе — о 5; в черновике влаги в опытной делянке на 8 процентов больше, чем влаги в контрольной делянке, в беловом автографе — на 6; в черновике вес урожая опытной делянки превышает вес урожая контрольной делянки на 12 процентов, в беловом автографе — на 8; в черновике речь идет о 300 вольт, в беловом автографе — о 400. Неизвестно, с чем связаны эти различия. Однако можно предположить, что уменьшение цифрового выражения результатов и увеличение значения параметров связано с желанием дать более точную информацию, соответствующую реальности, и не преувеличивать результаты и возможности опытов. Это предположение кажется верным еще и потому, что в беловом автографе уточняются некоторые другие параметры, подчеркивается относительность результатов и очевидно желание не слишком резко критиковать Корнева. Из текста удаляется критика работы Корнева, который не просто «опытно» подтвердил наличие в природе всасывающей энергии, но и сделал это «блестящими опытами». Платонов не критикует Корнева, хотя последний лишь «ограничился» установлением и подтверждением этого явления. Наоборот, он хочет «дополнить» работу Корнева и подчеркивает, что ученый «дал математические выражения этой энергии и ее зависимость от других факторов».³

Платонов также убирает некоторые указания на плохие условия опытов. На л. 12 наклеена бумага в линейку с текстом, написанным в то же время, что и основной текст очерка. Под бумагой, однако, обнаруживается следующий текст: «Приведенное мною в 1924 г. небольшие, крайне необорудованные опыты вполне все {...} изложенного {...} Не имея ни средств, {...} примитивными приборами {...} следующие опыты»³. В беловом автографе, однако, это описание смягчено: «Произведенные мною в 1924 г. небольшие и недостаточно оборудованные опыты вполне все подтвердили правильность изложенного объяснения явления». Еще один случай уточнения условий опыта — добавленное к тексту черновика описание самой делянки и объяснение того, почему провода соединены с корнями растений, а не опущены прямо в почву (см.: Сочинения. I (2). С. 302).

³ Полностью данный текст приведен в транскрипции.

Все это лишний раз показывает, что включенные в текст «Первого Ивана» фрагменты относятся к несовершенной, недоработанной, ранней редакции статьи. Однако важнее эволюции от текста черновика к тексту белого автографа — адаптация текста черновика к тексту очерка. Иными словами, возникает вопрос, в чем заключается второй слой правки, последняя правка. Правка по преимуществу минимальна: сняты абзацные отступы; добавлена некоторая информация (вместо «недавно В. Г. Корневым была сделана» — «недавно ученым В. Г. Корневым была сделана»); подобраны иные слова («работает» вместо «действует», «проявляя» вместо «обнаруживая», «хранила» вместо «имела», «подгоняя» вместо «стимулируя», «рождаются» вместо «происходят»); изменен падеж («скопления» вместо «скопление») или число («отработанные, испаряемые» вместо «отработанная, испаряемая»); сокращенные слова написаны полностью (например, «м.б.» — «может быть»). Иногда добавляются уточнения, как в следующих примерах: «больше <...> на 8%» стало «больше <...> на 8%, чем на контрольной делянке», «наконец поступившие осадки» — «наконец поступившие хотя бы тощие осадки», а образное выражение «некоторый запас влаги на будущее,— сцементированный электронами» заменено на сравнение «запас, который стянут электронами, как цементом». В некоторых местах сделана небольшая переформулировка: вместо «капельно-жидкие образования» — «капельно-жидкая влага», вместо «более сильный эффект всасывания почвой» — «более могучее всасывание почвой», а вместо «(против природной нормы)» — «, считая против природной нормы»; вместо «будут притягиваться пары влаги обратно в почву, отработанная, испаряемая растением, (поступая во второй оборот на вторичное использование)» — «отработанные, испаряемые растением пары влаги будут втягиваться обратно в почву, поступая, стало быть, во второй оборот».

Более существенные аспекты адаптации — добавление, удаление и пересказ фрагментов. Добавлено несколько коротких фрагментов, которые интегрируют текст статьи в очерк. Так, ранее безличная констатация недостатков работы Корнева приписывается главным лицам очерка — Первоиванову и Гюли. Указание на автора статьи (Платонова) как лицо, от которого ведется «повествование», заменяется другим предложением, в котором действующими лицами являются также Первоиванов и Гюли. Вместо прямого упоминания имен ученых (Пельтье-Экснера и других) рассказчик очерка говорит, что Первоиванов ему называл фамилии, а он их забыл.

Удалены или изменены части, которые содержат слишком подробную для очерка информацию об опытах Платонова / Первоиванова и Гюли, например, ненужное для очерка рассуждение о познании природы и его практическом использовании в жизни человека, оценка работы Корнева, информация о публикации ученого и информация об опытах Платонова. Дальше, в пункте 4 перечисления результатов удален вольтаж и изменено предложение, подчеркивающее условность результатов опыта. Удалено семь предложений (3,5 абзаца), в которых, с одной стороны, подчеркивается условность результатов опытов и необходимость их повторить; с другой, еще раз излагается сущность метода самоорошения и, с третьей, внесены изменения в описание площадей полевых культур. Это описание площадей заменено кратким пересказом, в котором упоминается лишь самое главное. При этом наблюдения опять приписываются героям очерка — Первоиванову и Гюли. Изменены и числовые показатели результатов опытов (в статье речь идет о 20–30 рублях на десятину / гектар, в очерке — о 5–10 рублях). Следует отметить, что эти изменения минимальны — небольшие правки представлены только в двух местах, остальные цифры даны без изменений.

Платонов переписывает рассказ об опытах, которые он производил в 1924 г.; изменяет некоторые факты, связанные с опытами (произведены не в 1924 году, а в 1926 году; соеди-

нений проводов с корнями овса не 5, а 7). Заключительные слова статьи (которые, однако, не сохранились во вставленном черновике): «Электрическое орошение соберет влагу по крохам отовсюду, и растение будет сыто» — заменены близким, но более похожим на живую речь выражением: «Электрическое орошение собирает влагу по крохам отовсюду, и хлеб растущий будет сыт».

Проведенный анализ указывает на то, что статья «Электрическое орошение почвы» при включении в текст очерка была изменена Платоновым в меньшей степени, чем статья «Борьба с пустыней». Главные изменения — незначительные правки, которые не могут сделать текст статьи естественной частью очерка, не могут превратить публицистический текст в живую речь Первоиванова / рассказчика. Помимо этого, в тексте есть несколько небрежностей. Во-первых, бросается в глаза странный переход от текста очерка к тексту статьи. Т. Лангерак (*Лангерак Т. Очерк «Первый Иван»: опыт комментария // Страна философов, 2000. С. 586*) указывает на то, что третья глава очерка начинается с открытия Корнева, как и статья. Однако ссылка на статью Корнева в очерке кажется неуместной. Более того, она дает неправильное представление о содержании статьи Корнева. Повествователь не упоминает, в чем заключается изобретение Корнева, так что читатель может подумать, что Корнев занимался и опытами по электрокультуре (так как до того именно об этом шла речь). Во-вторых, отмечает Т. Лангерак (там же), обнаруживается непоследовательность в плане повествования, конфликт повествователя. Так, после описания мачты с шаром из красной меди, повествователь говорит, что он изложил читателю «редкое и оригинальное изобретение» «в меру своего постижения его из уст Юли и Первоиванова». После изложения повествователь заключает: «электрический способ орошения, изобретенный в “Ньютоне”, может стать решающим в борьбе с засухой; мы можем сразу нанести засухе смертельный удар по всему фронту». Затем следуют такие слова: «— Действительно,— воскликнул для своего слушателя Первоиванов,— что тут происходит? Ведь мы копируем природу,— делаем в почве то же самое, что делает и она по своей воле, лишь искусственно подгоняя и усиливая ее». До этого, однако, повествователь обращался непосредственно к читателю, так что слушателей у Первоиванова не может быть.

Версия «Октября»

Очерк «Первый Иван» был опубликован во втором номере «Октября» за 1930 год. Личный экземпляр журнала Платонова сохранился в фонде писателя в ИМЛИ РАН (J). На первой странице очерка читается дата «13.XII.30», которая, кажется, написана самим Платоновым. С чем связано появление именно этой даты, нам точно не известно. Возможно, она является моментом публикации журнала. Номер журнала должен был выйти в феврале, но, как известно, в 1930 г. номера выходили позже, чем было запланировано.

Текст проанализированных выше источников очерка отличается от напечатанного в журнале. В основном речь идет о мелких изменениях. Так, есть несколько случаев иного деления текста на предложения и абзацы. Многочисленны изменения знаков препинания (перед первым предложением очерка — «Здравствуй товарищ Первоиванов!» — опущено тире, тире поставлено вместо запятой, вопросительный знак вместо точки и т. п.). Есть несколько случаев замены грамматических форм: числа («сток воды» в журнальной публикации вместо «сток вод» в автографе, «поле» вместо «поля», «ликвидации» вместо «ликвидация» и т. п.); падежа («трансформаторов» вместо «трансформаторы», «освещенного» вместо «освещенном»); формы глагола или причастия («продолжает» вместо «продолжал», «виданного» вместо «виденного», «блестевшей» вместо «блестевший», «подойдя» вместо «подо-

шед», «превысил» вместо «превысился», «деваться» вместо «деться»). Встречается и изменение синтаксических конструкций: «насыпи земли, а эти насыпи тянулись» вместо «насыпи земли, тянувшиеся», «по своей воле» вместо «на своей воле», «представлять собой пару» вместо «представлять из себя пару» и т. д. Имеются различия в использовании строчных или прописных букв (например, «песчаные реки Азии» вместо «Песчаные Реки Азии») и в слитном или раздельном писании слов (например, «нехватает» вместо «не хватает», «не убывающий» вместо «неубывающий», «сверхпрочный» вместо «сверх-прочный», «наглаз» вместо «на глаз» и т. п.). В публикации «Октября» используются полностью написанные слова вместо сокращений, символов и цифр: «квадратный» вместо «кв.», «процент» вместо «%», «один» вместо «1» и т. д. И, наконец, в публикации «Октября» используются меры, применявшиеся после введения метрической системы («гектар» вместо «десятина»).

Помимо этого, в публикации «Октября» есть слова, которых нет в автографе (например, «облака, тучи, туманы» вместо «облака, тучи»; «говорил о своей общей скорби» вместо «говорил о своей скорби», а некоторые имеющиеся в автографе отсутствуют (например, «циркулирующие» вместо «циркулируя и скапливаясь»; «эти культуры мы выписываем из питомников Тамбовского округа» вместо «эти культуры мы выписываем из питомников Тамбовской губернии в большом количестве»). Реже удаляются такие слова, как «это» или «причем». В некоторых случаях слова заменены другими: «по горизонтам» вместо «по горизонталам», «разделявшийся» вместо «разветлявшийся», «электрические заряды» вместо «электроны», «уходя» вместо «поступая» и т. п.

Нередко слова или сочетания слов заменяются другими, заостряющими семантику высказывания: «хозяйство в нравоучительном смысле» вместо «хозяйство в присущем последнему смысле»; «частная прибыль» вместо «чистая прибыль»; «ликвидация всех ненаучных бед» вместо «ликвидация всех вышеперечисленных бед»; «напрягая все свои жалкие естественные знания» вместо «напрягая все свои остаточные естественные знания»; «одна неработоспособная лошадь» вместо «одна толстая лошадь»; «они должны иметь под ногами полнотелый земной шар» вместо «они будут иметь под ногами полнотелый земной шар». В публикации «Октября» также один раз изменены данные манометра: в начальной версии речь идет о 900 атмосферах, в последней же — о 700.

Главное отличие журнальной публикации, однако, заключается в появлении двух новых фрагментов, отсутствующих в автографе. В первом фрагменте речь идет об «электрике Гюли», который говорит о себе, что он «в коллективе — электрик Гюли, а был киргиз». Между рассказчиком и Гюли идет смешной, даже абсурдный, диалог о том, кем лучше быть — электриком или киргизом:

«— Разве электрик лучше киргиза? Ведь киргиз — сильный человек, и его народ терпелив и способен к трудной жизни. Там, где живут киргизы, другие люди через год погибли бы или сошли с ума от нервности!..

Гюли помолчал, давая мне из уважения время для слова, а затем начал думать и отвечать: — Твоя голова лучше твоего слова. Я видел тайгу. Отец говорил, что дальше тайги народ живет на льду, и я сказал отцу: “Тот народ умный, что умеет жить на льду, — киргиз бы там умер”. А отец научил меня: “Ты глупый, — тот народ тоже умер бы в киргизских песках”. А другое ты говоришь: киргиз сильный, а лучше электрика! Твое верно: киргиз сильный, но пустыня терпеливей киргиза; пустыня останется, а киргиза не будет. Электрик лучше киргиза, электрик сильнее пустыни, а киргиз — нет. Всякий киргиз будет электрик и механик, — от них пустыня зарастет, а человек останется. Ты плохо уважаешь киргиза» (Октябрь. 1930. № 2. С. 162–163).

Второй добавленный фрагмент содержит критику рассказчика. Он сетует на то, что Первоианов обеспечивает жизнь лишь людей колхоза им. Исаака Ньютона, а не всех жителей советской страны. Первоианов парирует эту критику, говоря, что его колхоз хочет быть центром новой системы, которая будет распространяться «от южного конца Уральского хребта вплоть до северного берега Каспийского моря». Кроме того, он предлагает план одоления пустыни.

— А зачем это все нужно, товарищ Первоианов? Природу вы денете в науку, свой коллектив сделаете зеленой крепостью среди мутных мертвых песков. Ну, и что же?.. Вам придется только пироги с начинкой кушать,— больше ничего. Вы носите имя Исаака Ньютона, а добьетесь того, что обратитесь в артель сытых людей!

— Ты слаб в отношении чужого характера,— заявил Первоианов.— Нам пища-одежда-жилище — пустыки: их мы в мах устроим. Мы соображаем прочней и дальше, наш колхоз в одиночку не удержится. Как же это так: ты одну пятитысячную часть своей жизни истратил на нас, а не понимаешь?!

— Нет, не понимаю.

Первоианов со всем терпением присущего ему стойкого ума объяснил мне с полной ясностью, что колхоз в честь Исаака Ньютона не что иное, как центр, или просто точка, целой системы — союза подобных колхозов, которые должны создаваться — и уже создаются — от южного конца Уральского хребта вплоть до северного берега Каспийского моря. Эти сомкнутые колхозы покроют сухую степь и полупустыню непрерывной зеленой живой полосой, с тем, чтобы эта полоса культурных растений послужила несокрушимой стеной, ботаническим кремлем против активных среднеазиатских пустынь, с тем, чтобы пустыня иссякла, упершись в юго-восточный противозасушливый союз колхозов. Нижнее и Среднее Поволжье, Северо-Кавказский край и Украина никогда не должны чувствовать желтой чумы пустыни. Кто это должен сделать, то есть кто именно будет жить и работать в таких противопустынных коллективах? Конечно, в первую очередь кочующие калмыки и киргизы. Они знают пустыню, они гибнут от нее, и они способны победить ее. При чем форма колхоза как раз наиболее приспособлена для безболезненного и быстрого перевода кочующих племен и родов на оседлость, не разлучая людей внутри племени или рода. Этот план одоления пустыни состоит из следующих частей: 1) перевод кочевников на оседлость и организация из кочующих скотоводов земледельческих коллективов, 2) сплошная коллективизация русских и всех старо-оседлых обжитых районов, 3) образование противозасушливого союза колхозов и 4) вооружение всех объединенных колхозов агрономической машиной и специально противозасушливой техникой.

Так, по словам Первоианова, в одном узле должны решиться национальная, климатическая, классовая и техническая задачи. Весь план выдумал и доказал Гюли, Первоианов же был в этом плане, так сказать, «изобретателем технической революции» (Октябрь. 1930. № 2. С. 166).

Скорее всего, все вышеперечисленные изменения текста очерка принадлежат Платонову. В них нет ничего необычного для писателя, наоборот — некоторые случаи замены слов являются типично платоновскими (например, «жалкие» вместо «остаточные естественные знания»). Два приведенных выше добавленных фрагмента тоже кажутся типичным для Платонова — к сожалению, не обнаружена та машинопись, в которую он внес данные изменения и на которой потом была основана публикация «Октябрь». Вероятнее всего, что такая машинопись существовала. Машинописные листы, основанные на рукописных листах очерка, о которых речь шла выше, по всей вероятности, входили в копию этой исправленной машинописи.

От «Октября» — к «Впрок»

Весьма любопытной является машинопись, которая хранится в ОР ИМЛИ (С). Она состоит из 22 листов (синие чернила), содержит авторскую правку (карандаш) и имеет свою нумерацию в таком оформлении: «- 99 -» — «- 120 -». Пометы и добавления в тексте машинописи проясняют такую необычную нумерацию. Вверху первого листа машинописи (99) обнаруживается помета > |—| <. Дальше, на стр. 118, после заключительной фразы («Таковы советские умственные дела, сбывающиеся за чертой нашего внимания безвестными, великими и рядовыми людьми “массы”») карандашом вписано одно предложение (приводим его в динамической транскрипции): «[<1 слово нрзб>] Но надо знать, что эти дела сбываются лишь потому, что силы Первоиванова [вы] [*] и его товарищей, [освобождаются от кла] что [еся] земля и все снаряжение ее уже свободны или освобождаются от расхищения классовым врагом». Из динамической транскрипции видно, что предложение рождалось прямо на этом листе — оно содержит несколько правок.

В конце этого предложения Платонов карандашом вставил звездочку, за которой следует такой текст: «Вскоре я отправился домой. Мне пришлось долго ехать по осенней степи, среди которой природа исполняла свою скуку. // Было в точности ясно, что в мире необходимо иметь множество “Первых Иванов”, дабы уничтожить скуку природы счастливым смыслом их совокупного, образующего творчества». После этой фразы Платонов поставил карандашом еще три звездочки, вычеркнул помету, указывающую на конец текста, и добавил новое предложение (приводим его также в динамической транскрипции, чтобы показать, что и оно создавалось непосредственно на этом листе): «Расставаясь с товарищами и врагами, я надеюсь, что коммунизм наступит скорее, чем пройдет наша жизнь, что на могилах всех врагов, [<3 слова нрзб> быть] нынешних и будущих мы [<1 слово нрзб>] встретимся с товарищами еще раз и тогда поговорим обо всем окончательно». Затем Платонов поставил еще одну звездочку.

Интересно вот что: последнее предложение является заключительной фразой повести «Впрок». Страница 99, с которой начинается нумерация страниц очерка, относится к машинописи повести «Впрок», заключительным эпизодом которой стал опубликованный в «Октябре» очерк «Первый Иван» (см. об этом публикацию первой редакции «Впрок» в настоящем издании).

В каком отношении, однако, данная машинопись может пролить свет на то, принадлежат ли добавленные в версию «Октября» фрагменты именно Платонову? Текст данной машинописи содержит оба фрагмента в неизменном виде. Более того, правка опечаток, которая внесена в эти фрагменты (см. л. 7–8, 16–17 (С)), заключается в буквальной реставрации текста «Октября». Платонов не только добавил забытые машинисткой слова или исправил опечатки (некоторые из них он, однако, просмотрел), но и аккуратно восстановил почти все знаки препинания — вопросительные и восклицательные знаки, двоеточие, кавычки, две точки в восклицании повествователя («другие люди через год погибли бы или сошли с ума от нервности!..»; «Ну, и что же?..») и комбинацию восклицательного и вопросительных знаков («а не понимаешь?!»). Некоторые слова, написанные иначе в публикации «Октября», обрели первоначальное написание, представленное на рукописных листах (А): «виденного» вместо «виданного» и «блестевший» вместо «блестевшей». Это касается и тире и запятой перед первым предложением очерка, которые были опущены в журнальной публикации: «- Здравствуй, товарищ Первоиванов!». Также добавляется тире в начале каждого абзаца в речи Первоиванова, нередко опущено тире в конструкциях с «это — ...» («это — прекращение роста» заменено «это прекращение роста») или там, где пропущен глагол («для

годов благополучных по осадкам надо прикидывать в 25 процентов, для засушливых в 75 процентов» вместо «для годов благополучных по осадкам надо прикидывать в 25 процентов, для засушливых — в 75 процентов». Несколько раз изменены знаки препинания, добавлен абзацный отступ.

Есть еще несколько более значительных изменений, которые свидетельствуют о том, что данная машинопись является не просто перепечаткой с «Октября», а версией очерка, которая могла быть включена в новое, «составное» произведение.

Основание для этого предположения — другая машинопись, хранящаяся в архиве ИМЛИ РАН (Е). Машинопись состоит из 19 листов (черные чернила) и не содержит авторской правки. Нумерация такая же загадочная, как нумерация машинописи (С): начинается со страницы 90 и заканчивается на странице 108. Оформление нумерации отличается от машинописи (С): цифра с точкой и дефисом (тип «х.-»), которая находится в правом верхнем углу. Не хватает только последнего листа. Сравнение машинописей показывает, что данная машинопись (Е) сделана на основе машинописи (С). Внесенные в машинопись (С) исправления и изменения большей частью присутствуют и в машинописи (Е). То, что некоторые исправления в «первичной» машинописи не вошли во «вторичную» и что во «вторичную» машинопись вошли несколько других изменений, не может служить аргументом для опровержения этого предположения. Напрашивается вывод, что машинопись (Е) была перепечатана с машинописи (С) и должна была служить (см. нумерацию) белой машинописью для составленного из «Первого Ивана» и «Впрок» нового произведения Платонова.

Кроме этих более или менее полных машинописей обнаруживается еще четыре машинописных фрагмента. Опишем их вкратце. Первый фрагмент хранится в архиве РГАЛИ, в папке с отрывками статей Платонова по гидрофикации и мелиорации (В). Охарактеризовать формальные характеристики этого листа (бумаги, чернил) невозможно, потому что он находится на реставрации. Однако по микрофильму можно сделать некоторые выводы на основе нумерации и содержания текста. Данный лист, скорее всего, принадлежит машинописи (С), т. е. той, которая была переработана для повести «Впрок». Об этом свидетельствует тип нумерации (« х -») и размещение номера на странице (в середине верхнего поля), с одной стороны; содержание листа (совпадает с пятым листом машинописи С), с другой.

Остальные фрагменты «Первого Ивана» хранятся в ОР ИМЛИ: четыре листа (F), как понятно по оформлению нумерации страниц («- 107 -», «- 108 -», «- 110 -» и «- 116 -»), бумаге и цвету чернил, принадлежат той же машинописи, что и (С); 7 листов (G), с изначальной нумерацией «- 102 -» — «- 108 -» также принадлежат машинописи (С), как и три листа (I) с номерами «- 99 -», «- 114 -» и «- 115 -». На оборотных сторонах трех последних машинописных листов — автограф наброска Платонова «Беглец издалека». Все три фрагмента машинописи не содержат авторских правок.

Итак, получается такая картина: во время работы над очерком Платонов включил в него и адаптировал две своих статьи — «Борьба с пустыней» и «Электрическое орошение почвы». Рукопись почти полностью сохранилась, но в двух разных местах (А) и (D). С автографа была сделана машинопись (машинописные фрагменты в комплекте РГАЛИ (А) и машинописный фрагмент (H)). Один экземпляр этой машинописи (на сегодняшний день не обнаружена) Платонов исправил и переработал, добавляя в текст две новые части. Машинопись, с которой была сделана публикация «Октября» (J), утрачена. После того, как очерк был опубликован, Платонов решил соединить его с хроникой «Впрок». Он передал журнал с очерком машинистке, а потом исправил и переработал эту машинопись (С). Существова-

ло, однако, как минимум три версии этой машинописи, о чем свидетельствуют номера на страницах и бумага этих листов, машинописные фрагменты (B), (F), (G) и (I). Потом писатель опять передал исправленную машинопись машинистке. В результате появилась на свет «беловая» машинопись (E).

Для передачи ранней (не относящейся к очерку «Первый Иван») правки текста во вставленных в автограф очерка фрагментах статей, кроме общепринятых условных обозначений, в транскрипции применяются следующие:

[*Вычеркнутый текст*] набирается курсивом гарнитуры «Arial» 9 кеглем и заключается в прямые скобки [].

Вписанная вставка набирается полужирным начертанием гарнитуры «Arial» 9 кеглем.

[*Вычеркнутая вставка*] набирается полужирным курсивом гарнитуры «Arial» 9 кеглем и заключается в прямые скобки [].

Текст под приклеенными листами дается в сноске. Некоторые места неразборчивы из-за клея. Эти фрагменты обозначаются так: {...}.

1.

А. Платонов

[*«Первый Иван»*]

[*очерк*]

[*(Идеи, записанные во время одной поездки)*]

[*Товарищ Первоиванов, изобретатель советской природы*]

«Первый Иван» (Заметки о техническом творчестве трудящихся людей [*<1 слово нрзб>*]))

— Здравствуй, товарищ Первоиванов!

— Здравствуй, приезжий!.. Чего прибыл в осеннее время? — Чужого ума ищешь учиться, иль просто хлеб ходьбой зарабатываешь?

— Чужого ума ишу.

— А свой принес?

— Своего мне мало.

— Ага. Ну, раз — мало, то живи с нами [. У]; у нас тоже ума не хватает, [*мы <нрзб> трудимся*] может — от твоей малости что прибавится!

Этот разговор был произнесен [*в / на*] на юге Уральской области, в [*коллективе*] земледельческом коллективе имени Исаака Ньютона, где Первоиванов и его два помощника были членами и механиками. Механик-же в колхозе — это весьма возвышенное лицо, это — естествоиспытатель, командир огнедышащего инвентаря и человек науки-техники; лучшие [*неве / девушки*] снаружи девушки состоят во многих колхозах невестами механиков. Так, приблизительно, обстояло дело и в коллективе Ньютона; но Первоиванов еще не додумал всех своих мыслей, еще не сделал из стихийной природы искусственного советского творения, поэтому за-

ставлял невесту постоянно терпеть и страдать без обручения. И когда он виделся с невестой, что было редко, то вероятно больше размышлял о странности стихийной природы, чем любовался женским[,] присутствующим существом.

Я остался в «Ньютоне». Мне было важно изучить труд ума и рук Первоиванова [, *о которых он мне писал дважды*],— предметы **новой** техники, о которых он мне писал дважды, предлагая выслать из ||

2.

Москвы гвозди, провода, полый медный шар, водяной насос высокого сжатия, [*меро*] манометр и многое прочее. Что мог, я отыскивал на Мясницкой и отправлял наложенным платежом [*в степь / в степи м*] в степную мастерскую Первоиванова.

В [*день моего прибытия*] тот день Первоиванов [*<нрзб>*] пришел отдыхать [*поздно ночью*] в общий дом коллектива поздно ночью, но мы стали [*беседовать и его ожидать*] **разговаривать** о научной судьбе советского государства, и тов. Первоиванов променял сон на увлечение технической беседой. Я сидел с молчаливым сочувствием, а Первоиванов говорил предо мною, как великий, безвестный эконо- и ключник природы. Он имел [*некороткое*] **нижнее** техническое образование и, прожив жизнь в глуши, где пахло [*навозом*] конским навозом монгольских всадников, где [*по*] на все четыре страны света не возвышалось ни одного технического устройства,— Первоиванов умножил свое знание, совершил [*и отчасти исполнил*] научно-технические [*труды*] открытия и выполнил прекрасные изобретения. [*Он говорил*] Он, полусамочка, [*прочитал*] изучил несколько сот [*кн*] технических книг [, *а говорил и размышлял он*], поэтому мысль его была точна, а разговор прост и интеллигентен. Он рассуждал, как европейский инженер, [*без самодовольства и без*] с сознанием скромности своего тщательного ума, без превосходства прирожденного невежды. Этот нестарый мастеровой был истинный интеллигент, он знал и чувствовал[,] теорию как инженер, он пережил практику, как рядовой рабочий. ||

3.

Я достаточно сильно удивлялся ему. [*Изо*] Изобретателей-кустарей я видел, видел [*двигатели*] вечные двигатели, работающие моченым и сухим песком, но еще не наблюдал мастерового, ставшего, ради [*улучшени*] изобретательства, совершенным техническим интеллигентом, и при том — личными усилиями.

Вблизи нас спали мужчины-коллективисты на раскладных кроватях. Горела лампа, [*за*] дверь на балкон была открыта для воздуха, за балконом лежала мрачная мировая косность, привычная до неощутимости и примирения с нею.

Первоиванов говорил, а [*нас*] мы, три человека — [*я и*] два тракториста и я,— слушали его.

«Сахара, Гоби, Песчаные Реки Азии — это экскременты неразумных культур, [*лег*] легших в уготованные самими себе песчаные могилы. Что такое вся Средняя Азия? Это пески и люди!»⁴

— Верно ведь! — думали все мы и молчали дальше. А Первоиванов говорил с жадностью и скупостью настоящего разума, воображая весь мир своим двором, в котором, **однако**, еще царствует хищная, смертная бесхозяйственность.

⁴ От «Сахара ...» до «пески и люди!» — переписанный эпитаф статьи «Борьба с пустыней».

«Основной капитал человечества — плодородие земли, поэтому он не должен расхищаться и истребляться, а должен **лишь** использоваться, сохраняя абсолютную величину постоянной. [*Последнее возможно, вероятно, лишь при идеальной технике и организации сельского хозяйства и достижимо лишь относительно.*]

Современные способы эксплуатации <sic> почвы, конечно, есть причины образования пустынь. Современная система сельского хозяйства есть хищничество по существу и разрушение производительных сил земли, а не хозяйство в присущем последнему смысле. Хозяйство есть такая система трансформации элементарных производительных сил, где абсолютная величина производительных сил, участвующих в процессе трансформации, постоянна, [—] а, **так сказать**, [«]чистая прибыль[»], продукт, [«]прибавочная ценность[»] образуются за счет солнечной энергии, участвующей в хозяйстве как элементарная производительная сила,— энергии, практически неубывающей. За счет солнца же должно происходить восстановление **органических** потерь [*от трансформаций*] и **нарушений** почвенных элементарных производительных сил[.],— **потерь, благодаря трансформации**. Этот частичный ремонт почвы возможен, конечно, лишь при участии посредников (системы чередования растений, удобрений и пр.), искусственно вводимых человеком, которые[х]е также можно рассматривать как трансформатор[ов]ы солнечной энергии.

Земля должна быть цела и девственна, а вся пышная жизнь человечества пусть идет целиком за счет солнца. В этом, по сути, конечная цель агрономической [*и мелиоративной*] техники.

[Как эту цель сделать твердым фактом?

Мы лишены возможности и способности это сделать в сотне газетных слов. Мы изложим] **Я сейчас коснусь** лишь способа ликвидации одного (и главного) пустынообразователя — поверхностного стока вод. Весеннее таяние снега и ливни дают в результате мощные потоки воды, которые с большими скоростями сбегает [, *в конечном счете,*] в реки, выгребая из почвы те вещества, которые питают растения. Ежегодно уносит вода такие богатства, которые не исчислишь, которые не ||⁵

[2] ⁶ 4.

[<1 слово нрзб>] **восполнишь** никакими удобрениями. Значит, [*стихийный*] **стихийный** поверхностный скат воды [*ест*] **есть** причина истощения почвы, есть сосун ее плодородия. Это одно. Второе — мы теряем воду, которая сама по себе необходима растению и от недостатка которой мы бедствуем постоянно и пока неизлечимо. Ведь [<2 цифры нрзб> — <2 цифры нрзб>] **50-60 %** всех [*твердых*] осадков уходит безвозвратно. Это два. **Кроме того**, Стихийный [*же*] поверхностный сток воды творит овраги, увеличивая площадь неудобных земель[,] и умыкая поля; он заносит реки продуктами размыва поч-

⁵ Приклеенный фрагмент листа машинописи статьи «Борьба с пустыней». Верхняя часть листа неровно отрезана ножницами. В машинописи обнаруживается две правки: изначальная — синими чернилами; и поздняя, для «Первого Ивана» — карандашом.

⁶ Изначальная нумерация («2»), синими чернилами, вычеркнута карандашом.

вы, заставляя блуждать их русла [рек] и плодя болота; он, этот сток воды, дроб[я]ит организм почвы, вода делает неорганический песок, а [последний,] этот песок, обрабатываясь ветром, образует холмы и барханы, заносит плодородные черные земли — и уже дышет <sic> пустыня. Это три. Этого достаточно.

Надо уничтожить главного пустынообразователя — поверхностный сток вод. Но Как это сделать?

[В 1923 году, группой мелиораторов, работавших на юге Ц. Ч. О., был разработан] Мы здесь в колхозе, разработали особый проект [так называемой] «реконструкции рельефа», суть которого — в создании водозадерживающих валиков по горизонталям поверхности. Валики должны охватывать как можно большую площадь (тем действительней будет их эффект). Теоретически, этим достигалось почти полное прекращение поверхностного стока. Последний таким образом превращался во внутренний сток. Горизонтальное скольжение воды заменялось вертикальным ее поглощением почвой. Почва выходила из весны в лето жирно насыщенной влагой. Благодаря такому переустройству естественного рельефа, дожди и ливни также лучше использовались почвой. Вообще этим [мероприятием] достигалось увлажнение почвы и ликвидация всех вышеперечисленных бед. В условиях [Ц. Ч. О.,] нашего края, в широком, массовом крестьянском масштабе, только и применим этот способ непосредственной и поражающей борьбы с засухой. Все остальные способы <sic> — паллиативы и не могут иметь такого великого всестороннего значения, как ликвидация поверхностного стока воды. [Искусственное орошение будет у нас иметь только узкое оазисное значение. Обводнение и водоснабжение не есть в собственном смысле мелиорация и прямое средство борьбы с засухой.]

В № 269 «Известий» была помещена обстоятельная статья Г. В. Красина, посвященная вопросу увлажнительной мелиорации, разработанному, примерно, так же как 3 года назад его разработали мы. Г. В. Красин это мероприятие обозначает, как первоочередной вопрос нашей земельной культуры. Это верно: надо найти основную позицию, с которой можно разеромить засуху.]

Z Увлажнитель[ые]ая мелиораци[и]я, полное усвоение почвой зимнего урожая воды — вот основная и победная позиция ||⁷

[3]⁸ 5.

над засухой. Борьба с засухой есть лишь часть более общего вопроса об одолении пустыни. Увлажнение же есть не только мелиоративное мероприятие, но также и агрикультурное [: об этом уже сказано выше.].

Увлажнение [вполне рентабельно:] у нас вышло вполне выгодно: на десятину [падает] у нас упал расход (если считать при ручном способе земляных работ) — [25–30 р] в 20–25 р. [(в условиях рельефа Тамбовской губернии)], а при машинном способе у нас вышло [<2 цифры нрзб>] 15–18 р. [посредством так называем.] Здесь мы работали силой [«]реконструктора[»]. [— [самодвижущегося] механизма, существенная] Это такой механизм,— завтра ты его увидишь,— существенная часть которого — быстро вращающийся лежачий барабан с зубь-

⁷ Вставленный лист машинописи статьи «Борьба с пустыней».

⁸ Изначальная нумерация («3»), синими чернилами, вычеркнута карандашом.

ями, насыпающий валик параллельно движению реконструктора. Полезно также некоторое укрепление валиков, [!] кроме обязательного трамбования [!] растительностью [-], — не самых валиков, а подступы к ним со стороны воды. Для этой цели подойдет лох (дикая маслина), крутик (аморфа куртикоза) и др. [Кстати э] Эти культуры [имеются в] **мы выписываем из** питомник[ах]ов Тамбов[.]ской [и Воронеж.] губерни[й]и [в большом количестве]. Стоимость обсадки на 1 [десятину] **гектар** падает в 8 руб. Следовательно, на 1 [десятину] **гектар** падает расходов: на земляные работы при ручном способе — [25] **20** р. плюс обсадка 8 р., плюс съемка в горизонталях и **разные** организационные расходы 2 р., всего [35] **30** руб.

При машинном производстве земляных работ общая стоимость увлажнения 1 [десятины] **гектара** понижается до [26] **25** руб.

Эффект увлажнения, [!] **считая по** сравнительн[ый]ому прирост[а]у урожая [!], для годов благополучных по осадкам надо [считать] **прикидывать** в 25 проц., для засушливых в 75 проц. Максимум в [4] **3** года затраты полностью будут возвращены. Но увлажнение есть не только увлажнение, а также способ сохранения плодородия — косвенное удобрение. Увлажнительные сооружения — это средство для приведения речных систем в порядок, это прекращение роста оврагов и конец иссушения земель, — это омоложение природы.»

[Коммунизм, это осуществление конкретных заданных тем: электрификация (и общая индустриализация) промышленности и с.х. и одоление пустынь посредством увлажнительных мелиораций. Борьба с засухой есть часть вопроса об одолении пустынь.

С обычной большевистской страстностью и напором мы должны сокрушить засуху в кратчайшие годы, став на твердую позицию — увлажнительную мелиорацию.

Андрей Платонов⁹

А. П. Платонов [<1 слово нрзб>]

Губ. инженер-мелиоратор,

Тамбов, губземуправление ||¹⁰

[4]¹¹ 6.

Первоиванов на время смолк. Мы ничего не могли сказать ему, и он сам до- бавил:

— Вот когда у нас вода не будет течь, а будет всасываться в землю, — у нас получится действительно большевистская [<нрзб>] **почва**. А сейчас у [овраги] **нас** есть овраги, пески, обнаженные глины — это еще не наша, а царская террито- рия!

Спящие коллективисты открывали глаза от звуков слов Первоиванова и вновь закрывали их от [непроспани] неизжитой усталости.

— Димитрий Степанович, — обратился один слушатель-тракторист, — я читал, что ум кормится фосфором. У тебя должно быть много фосфора в голове!

— Наверно есть, — ответил Первоиванов. — Только многие люди живут так

⁹ Подпись.

¹⁰ Вставленный лист машинописи статьи «Борьба с пустыней».

¹¹ Изначальная нумерация («4», карандаш) вычеркнута и заменена новой — «6».

плохо и вредно, что лучше-б было поколоть ихние головы и обратить [фосфор от] оттуда фосфор на минеральное удобрение.

— Ты бы лучше поспал,— сказал тот-же тракторист.— А то [фосфор] весь фосфор истратишь — чем завтра будешь думать!

— И то надо поспать. Давайте, товарищи, успокоимся на последние [часы] темные часы.

Через несколько минут мы затихли, бурча [оставшееся / невысказанн[ое]ые слова / уже] во сне невысказанные слова.

*

Я проснулся уже в пустоте общежития, [освещенном] освещенном [одним солнцем] одиноким солнцем. [Колле / Люди] Все спавшие люди [проснулись] давно пробудились и ушли на общий труд. Я вспомнил, что в Москве люди трудятся тоже коллективно, но живут одинолично, и часто ругаются. ||

7.

Здесь-же было живо, лишь где-то вдалеке шумела, вращаясь, неизвестная машина или какое-нибудь орудие. [Здесь] Я находился [здесь] в колхозе ненужным человеком и решил ввязаться в труд на эти дни.

В общежитие вошел человек в кожаной, истертой о машины, одежде: очевидно, один из механиков или мастеров «Ньютона». В «Ньютоне» половина людей была в сапогах и в коже, а другая половина — женщины и дети; но после я увидел, что и женщины обращаются с инструментом в слесарном отделении колхозной мастерской, а [дети] подростки — юные натуралисты, и с ними приходилось говорить, [как с достойными учеными] напрягая все свои жалкие естественные знания.

— Тебя зовет Первый Иван,— сказал нерусским голосом пришедший человек.— Живи — не спи.

— Ты кто? — спросил я.

— Я в коллективе[,] электрик Гюли, а был киргиз.

Мы вышли [е] на колхозную усадьбу, похожую на заводской двор; из скотины присутствовали вдалеке, в углу усадьбы, [толстая] коровы, овцы и одна толстая лошадь.

Первоиванов пускал [на] в работу реконструктор рельефа. Я разглядел механизм. Это был тип фрезера, отбрасывающий землю вбок, [по пр] под прямым углом к линии своего движения. Реконструктор имел собственный [мот] мотор, который давал поступательное движение всему механизму и вращал фрезерный барабан. Барабан с зубьями — разной величины — мог [си] быть прижат к почве сильнее или слабее, в зависимости от условий грунта и желаемой интенсивности.

Реконструктор отправлялся в соседнее с «Ньютоном» товарищество общественной обработки земли. Он должен за месяц насыпать увлажнительные ||

8.

валики на [100 гекта] площади в сто или полтора гектаров. [<нрзб>] Киргиз Гюли [об] уже обучил тамошнего крестьянина работе на реконструкторе, и этот новый механик слушал сейчас последние советы Первоиванова.

Затем барабан реконструктора был поднят в холостое положение и машина пошла своим ходом в товарищество, в деревню за тридцать километров. Но я заметил, что барабан продолжал [врача] вращаться в воздухе.

— Что он? — спросил я.

[—] Первоиванов понял.

— Не из чего было сделать холостой муфты,— сказал он.— Стыд и срам получился.

Вскоре я отошел в [поля] поля «Ньютона», чтобы не меша[я]ть [регуля / плановому] регулярному труду коллектива. Хотя те поля находились в [безотрадной] безотрадной степи, но они имели уют от [р] кустарника, росшего полосами подле [ва] небольших насыпей земли, тянувшихся [, на <1 слово нрзб>, / на несколько километров. Ва] по горизонталям одновысотных точек на несколько километров. Расстояние между валами, считая по направлению падения [ре] естественного рельефа, равнялось приблизительно 200–300 метрам, хотя я прошел всего [две] три линии [валов <нрзб>] земляных водоудержательных заграждений. Это все было [работа] производство только что виденного мною реконструктора рельефа; но были части валов, насыпанные вручную,— они легко различались на [глазам] глаз грубостью работы.

[Мен] Но меня больше всего привлекала неизвестная мачта вдалеке и шар [из красной мед] на ней из красной меди, блестящий на солнце. Подошел ближе, я рассмотрел на том шаре особые ||

9.

заусенции, или тонкие острия, вделанные в тело шара перпендикулярно к его поверхности.

У основания той мачты помещалась небольшая деревянная будка, закрытая на замок; из будки [шли] шел провод на вершину мачты — к [сред] медному шару, и другой провод, разветлявшийся далее на несколько проводов. Эти последние провода покоились подвешенными на низенькие столбики, а со столбиков вонзались прямо в землю и в ней пропадали где-то. На земле-же находились, ограниченные канавками, четыре участка, явно похожие на подопытные и контрольные делянки. Но делянки [убра] были [убраны и] гладки и пусты,— [шло / месяц назад началась осень] наверно на них ничего летом [расло] не [расло] произрастало. [Я ничего не]

[понимал] Я не мог понять такой картины и сел [, взволнованный] в канаву, взволнованный тайной техники. Через два часа я вновь посетил это место, в сопровождении Первоиванова и Гюли, поскольку вся [у] таинственная установка представляет их совместное изобретение, достигнутое в течении 6 лет изучения, размышлений и опытного труда. Вечером Гюли показал мне свои расчеты, записки, вспомогательные научные книги и объяснил всю тайну. В результате у меня получилось следующее представление [, которое я] об этом редком и [орги] оригинальном изобретении, которое я сейчас изложу в меру своего постижения изобретения из уст Гюли и Первоиванова. ||¹²

*

10.

*

О всасывающей энергии почвы известно уже давно.¹³ [Z] Но только недавно ученым В. Г. Корневым была сделана удачная попытка использовать это от-

¹² Приклеенный лист бумаги в линейку.

¹³ Вычеркнута помета в тексте между первым и вторым предложениями, где в черновике большой пробел: ↓ Вставить написанные <2 слова нрзб>.

крытие для практики земледелия. Именно, его система автоматического [самоорошения] **самоорошения** почвы представляет почти совершенную конструкцию. [В <2 слова нрзб>, пользуясь этой системой, ни засолить почву] Пользуясь **этой** системой, нельзя засолить почву, влага не теряется на испарение, расход влаги регулируется самим растением и почвой и, в случае избыточности осадков, вода отдается [обр] в систему, которая начинает действовать как дренаж. [Z] [H] Система [действует] **работает** совершенно¹⁴ [автоматическ[ая]и, она действует точно, автоматически и надежно, раз запрошенная, [она] она почти не требует надзора] **автоматически, точно и надежно,— раз запрошенная, она почти не требует надзора.**

Налицо высокое и остроумное произведение техники. Если бы не дороговизна [<1 слово нрзб>] [некоторых частей] **некоторых частей** [в] этой системы (керамиковые трубы[,] [<1 слово нрзб>]), она бы нашла широчайшее применение, в первую очередь, конечно, в садовых и интенсивных культурах, а затем и в пол[е]ях [**нрзб**] [,] нашего засушливого юго-востока. Экспериментальная проверка В. Г. Корневым своего изобретения дала вполне удовлетворительные результаты (см. его работу в «Трудах Гос. Ин. С. Х. Мелиораций» за 1925 г.).

[Общее научное положение, что наиболее полное, объективное и точное познание явления природы дает и наиболее **целесообразный и совершенный метод** для [практического] использования этого открытия в хозяйственной практике человека, применимо и [<1 слово нрзб>] для данного случая.

Чрезвычайно хорошо [разобравшись] начав разбираться в сокровенной природе явления всасывания влаги почвой, В. Г. Корнев, [однако] по моему мнению, все же не дошел до конца и остановился на точке зрения почвоведов. [Зан]

Занимаясь с 1922 г. [разработкой] почти аналогичной ||¹⁵

11.

работой (изысканием [способа] рационального способа орошения), произведя уже некоторые опыты в этом направлении, я на днях прочитал работу В. Г. Корнева в «Трудах Гос. Ин. С. Х. Мел.» — 1925 г.). [И тут встрельн]

В. Г. Корнев, [определив] установив и **опытно подтвердив** самое [<1 слово нрзб>] наличие в природе всасывающей энергии почвы, этим и ограничился. Причины этой энергии все же остались, видимо, скрытыми,— из чтения его работы ни Первоианов, ни Гюли этих причин не [выясняются] узнали, и нашли их самостоятельно.

[В своей четырехлетней работе по этому же предмету я дошел до следующих результатов.] **Z** Они, Первоианов и Гюли, стали сначала учиться и думать, а потом делать опыты, и открыли следующее.

В почве вода присутствует в двух состояниях: пленочном и капельно-жидком (это **давно** установлено [<нрзб>] многими исследователями). [<нрзб>] [Об-

¹⁴ Слова «совершенно» и «автоматически» связывает стрелка →, как мост через вычеркнутый фрагмент текста.

¹⁵ Л. 10, 11, 12 и 13 написаны на одном листе бумаги, сложенном вдвое, со всех четырех его сторон — вставленный черновик статьи «Электрическое орошение почвы».

наруживая] Проявляя «всасывающую энергию», почва получает эту влагу извне для себя и этой же силой [*хоч*] старается удержать ее.

Но что такое всасывающая влагу энергия почвы?

Поверхность земли, т. е. почва в первую очередь, имеет электрический заряд отрицательного знака [*работы ... и мн. др.*] [*это старое открытие*] [*это*] (открытие принадлежит старым ученым, фамилии которых мне Первоиванов говорил, но я забыл).

Это означает присутствие в почве отрицательных электронов, чрезвычайно энергичных на стягивание вокруг себя паров влаги. Присутствием же в атмосфере отрицательных и положительных электронов (последние на влагу менее энергичны) и объясняется молодой наукой, электрометеорологией, образование гидравлических метеоров (облака, тучи).¹⁶

Почва, стало быть, имеет скоплени[е]я отрицательных электронов. Причем, эти электроны, будучи наведенными в почву [*нрзб*] силами космического [*нрзб*] порядка, циркулируют в почве в свободном состоянии, т. е. не [*нрзб*] связанными с материей. [*Элект*] Отрицательные электроны могут [*производить*] появиться в почве и в результате почвенных процессов. Вероятно, в природе имеются налицо обе причины появления отрицательных электронов в почве — и космическая и [*лов*] почвенно-внутренняя.

Кроме этих «свободных» электронов, в почве, как и во всякой материи, имеются отрицательные электроны, связанные с материей,— это те отриц. электроны, которые входят в структуру всякого атома. Но все же и эти связанные с атомом электроны обладают ||

12.

всеми свойствами электронов свободных — сгучивать вокруг себя пары влаги.

Пленочная влага в почве, [*образование*] тончайшим слоем (пленкой) обтягивающая мельчайшие пылинки почвы, образуется силой отрицательных [*отчасти и*] (в меньшей степени, положительных) электронов, входящих в состав атомов. Поэтому то пленочная влага и теряет почти все свойства влаги — она не участвует в растворении солей в почве, не испаряется, [*и*] не замерзает при [*<1 слово нрзб>*] очень низких температурах и составляет как бы структурную принадлежность атомов и молекул.

Отрицательные электроны, входящие в структуру атомов почвы, образуют пленочную влагу. Эта пленочная влага [*практическ*] практически в с. х. никак не может быть использована.

[*Но в почве находится и*]

Но, кроме пленочной, в почве находится еще влага в капельно-жидком состоянии, всосанная в почву отрицательными электронами, находящимися в свободном, а не структурно-атомном, состоянии, т. е. циркулируя и скапливаясь в почве по своим законам.

Эти свободные отрицательные электроны в почве и есть причина всасывающей силы почвы. Они образуют в почве влагу в капельно-жидком состоянии, [*нрзб*] которая остается влагой и не теряет своих свойств влаги, а следовательно, [*м.б.*] может быть использована [*в*] в [*це*] [*с.х. целях*] сельском хозяйстве.

¹⁶ В этом месте в тексте неразборчивая помета синими чернилами.

Такова [Л] теория Гюли и Первоиванова. [Первоив] А первый опыт их был таков [<нрзб>] (он произведен в 1926 году).

На делянке, площадью около 40 кв. метров, был посеян овес. Такая-же была контрольная делянка. Имелся источник электрического тока, в виде многоэлементного аккумулятора с высоким напряжением тока.

Положительный [заряд] полюс аккумулятора был соединен с медным полым шаром на мачте: [на нем шаре имелось мн <нрзб>] Гюли припаял к поверхности шара множество длинных и тонких концов, чтобы положительный заряд уходил через них в атмосферу. А отрицательный заряд направлялся в почву, в корневую систему растений, посредством соединений луженых волосков провода с корнями овса. Таких соединений [на] [было на к] на опытной делянке было 7. Сколько [э] положительного электричества уходило в атмосферу, столько-же отрицательного электричества поступало в корнеобитаемый слой почвы. Не имея [ни] приборов и возможностей для точного учета результатов опыта, Первоиванов и Гюли достигли в 1926 г. такого конца своей работы: ||¹⁷

13.

[электричество положительного знака. Такое же количество отрицательного электричества поступало [в корневые систе через] в корневые системы растений и в корнеобитаемый слой почвы.]

Не имея приборов и [<1 слово нрзб>], поэтому, возможности фиксировать количество тока, увлажняющий эффект его в почве и пр., я все же добился некоторых положительных результатов, которые позволяют сделать следующие обобщения:]

1) Почва подопытной делянки [имела] хранила влаги больше, по сравнению с контрольной делянкой; простейшим выпариванием [одинаковых объемных единиц почвы с опытной и контрольной делянки] установлено, что [на опытной делянке] в пробе почвы с опытной [делянк] делянки влаги было больше, приблизительно, [на 8 [<1 цифра нрзб>] %.] на 8%, чем на контрольной делянке.

2) Вероятно, были побочные [<нрзб>] положительные действия отрицательного тока на физиологию растений, кроме лучшего увлажнения почвы, потому что опытная делянка имела на вид более пышную растительность.

¹⁷ Пересказ фрагмента статьи «Электрическое орошение почвы». Приклеен лист бумаги в линейку, сложенный внизу. На нем написано «отогнуть». Под бумагой обнаруживается текст, пересказанный в данной части очерка: Проведенные мною в 1924 г. небольшие, крайне необорудованные опыты вполне все {...} [<нрзб>] изложенного {...}. Не имея ни средств, {...} примитивными приборами {...} следующие опыты. На делянке, площ. окол. 4 кв. сж., был посеян овес. Такая же была контрольная делянка. Лужеными концами медных волосков [<нрзб>] я сконтактировал корневые системы растений в 4 местах делянки (по углям ее) с электр. проводом. В этот провод я пускал только отрицательный ток (источник [был <нрзб>] был постоянного тока), положительный же заряд испускал через мачту в атмосферу. На вершине мачты имелся медный полый шар, утыканный [, припаянными к нему], припаянными к нему длинными остриями, через которые и уходило в атмосферу

3) Валовой урожай твердой массы урожая с [контроль] опытной делянки пре-
высились <sic> контрольную делянку на [8%] **12%**.

4) Очевидно, [недостаточное напряжение тока ([230] **окол. 300** вольт)],
[крайне] **что крайне** кустарная обстановка [<нрзб>] опытов [не] позволя[ю]ет
[сделать] [более точных и общих] [бóльших обобщений, и сделанные можно] считать
эти результаты лишь условными. [Совершенно **все же** очевидно, что эти <нрзб>
<1 слово нрзб> и <1 слово нрзб> результаты его, <1 слово нрзб> его [чрезвычайно]
мало эффективными и еще не <1 слово нрзб>.

*Поэтому, необходимо повторение опытов в [более] совершенной, [обстановке]
научной обстановке, тем более, что затраты на них [<1 слово нрзб>] потребуют-
ся незначительные.*

*Система увлажнения почвы, как видно из описания опыта, заключается в снаб-
жении почвы отрицательными электронами, на что требуется чрезвычайно незна-
чительная мощность.*

*При увлажнении больших площадей полевых культур, [ус] вся система имеет
следующий вид. На небольшом <1 слово нрзб> (или при тепловом двигателе, если
таковой уже имеется) устраивается небольшая электростанция, с мощностью
динамо [в] примерно в 1 силу на каждые 100 десятин. Динамо-машина — постоян-
ного тока. [Н] Наилучшее напряжение, [еще не / нет] и количество отрицат. тока
и <1 слово нрзб> <1 слово нрзб> его <1 слово нрзб>, еще не <4 слова нрзб>
растения и почвы [еще не есть] должны установить <1 слово нрзб>; ||*

14.

По расчетам Первоиванова и Гюли, для электрического орошения нужна, пример-
но, 1 лош. сила на каждые 100 гектаров. А при больших площадях — и того мень-
ше. В [рублях] **стоимости** это выражается по 5–10 рублей на гектар.¹⁸

Обладая исключительной простотой, ясностью и изяществом устройства, элек-
трический способ орошения, изобретенный в «Ньютоне», может стать решающим
[ударом] орудием в борьбе с засухой; мы можем сразу нанести засухе смертельный
удар по всему фронту.

— Действительно,— воскликнул для своего слушателя Первоиванов,— что тут
происходит? Ведь мы копируем природу,— делаем в почве¹⁹

*[Действительно, ведь мы тут копируем природу.] [Привольно] то же самое, что
[она] делает и она на своей воле, лишь искусственно [стимулируя] подгоняя и
усиливая ее. Как [происходят] рождаются тучи в атмосфере, как получаются
[кап] капельно-жидк[ие]ая [образования] влага в почве, таким же путем идем и
мы, лишь уснащая почву усиленной пропорцией отрицательных электронов и
получая поэтому более [сильный эффект] могучее всасывани[я]е почвой паров
влаги в себя. [Z] Откуда же будет приходить влага в почву[,] после добавочно-
го [(против природной нормы),], считая против природной нормы, насыщения ее
отриц[.]ательными электронами? А вот.— [Z] Влага почвой будет [в / сильнее]
усиленно всасываться из [подпочвы] подпочвы; [будут притягиваться пары вла-
ги обратно в почву,] [испаряемая] отработанны[ая]ые, [испаряемая] испаряемые ра-*

¹⁸ Пересказ фрагмента статьи «Электрическое орошение почвы».

¹⁹ Пересказ фрагмента статьи «Электрическое орошение почвы».

стением пары влаги будут втягиваться обратно в почву, [(поступая во второй оборот на втор[ое]ичное использование). [нын] вода в <I слово нрзб> носящиеся)] поступаая, стало быть, во второй оборот; обтекающие дневную поверхность почвы пары влаги, [влаги] а также утренние [конденсаты] и всякие иные росы будут также вовлекаться в почву; наконец поступившие [<нрзб>] хотя бы тощие осадки [будут] сильнейшим образом будут замедлены в своей фильтрации под почву и в испарении, поступаая главным образом в полезный оборот растения [,] и образуя некоторый запас влаги на будущее,— [цементированный электронами.] запас, который стянут электронами, как цементом. ||²⁰

15.

Электрическое орошение собирает влагу по крохам отовсюду, [и растет и хлеб] и хлеб растущий будет сыт.—²¹

— Вы мне говорили про опыты 1926 года, а я видел ваше устройство нынче. Что у вас теперь выходит?

— Это другое,— сказал Первоиванов.— Это мы пробуем переродить электрическую почву. [Это] Там первые опыты по удобрению голой почвы электричеством.

— Каким образом?

— Образом изменения [строе] строения почвы, чтоб растению было выгодней питаться и жить. Но только у нас ничего не выходит пока.

[— Ничего] — Может быть, еще выйдет!

— Конечно выйдет. Природе от науки некуда деться.

Дальше Первоиванов унылым голосом говорил о своей скорби. Эта скорбь ощущалась им от расточения [безхозяйственным человечеством природного] имущества природы бесхозяйственным человечеством. Нефть и уголь изымаются и передаются [ун] обращению в силу, посредством огня, т. е. уничтожению на-веки. Леса изводятся на дрова, в [газ] тепловой газ, который уже невозможно превратить обратно в вещество. Материю земного шара тратят непрерывно, и кончится это дело великой нуждой. И как это не жалко никому? Где-же наука экономии и чувство скупости ради существования будущих людей? Того нет и не предвидится.

В размышляющей тоске Первоиванов опустил ||²²

16.

голову, и [таже] так-же поступил Гюли.

Поэтому Первоиванов, Гюли и весь человеческий коллективный состав «Ньютона» сейчас думают более всего над [<нрзб>] устройством новой экономики жизни. В новой экономике сила и тепло должны добываться из падающей воды и дующего ветра, т. е. посредством таких стихий, где вещество[,] — капитал природы — нисколько не уничтожается. К концу времени люди не должны стать обездоленными,— они и тогда, через наш берегущий разум, будут иметь под ногами полнотелый земной шар. По[д] докладу Первоиванова колхоз принял план, что летом будущего года [на] начнется сооружение ветросиловой установки, которая снабдит главную усадьбу коллектива силой, светом и теплом.

²⁰ Приклеен лист бумаги — часть черновика статьи «Электрическое орошение почвы».

²¹ Пересказ фрагмента статьи «Электрическое орошение почвы».

²² Помета на полях, сверху вниз от Это другое до питаться и жить: [соч. <5 слов нрзб>].

Узнав эти обстоятельства, я возразил:

— Ведь металл в машинах изнашивается: он рассыпается, истирается, стареет, пропадает в невозвратимый прах. И вы не можете [эконо] экономить вещество в быстроходной технике.

— Это — да,— задумался Первоиванов.— Но мы [т] такую вещь предупреждаем прессовкой металла. Мы уж [то] с Гюлем [то] это обдумали. Идем, я тебе покажу — у нас [та] тайны нету, мы работаем для всех [охотников] **большеви-стских людей**. Денег за **мысли об** улучшениях мы не просим — они сами к нам придут от изобретений.

И [я] я [увидел] посетил небольшую литейную в колхозной мастерской. Там была новость — пресс для упрочения металла. Пресс представлял из себя пару цилиндров, поставленных друг против друга на одной геометрической оси. В один цилиндр накачивалась вода небольшим ||

17.

насосом, способным к высокому сжатию. Под давлением воды из цилиндра начал [вылазить] выползать поршень, похожий по форме тоже на цилиндр. Этот рабочий поршень [наж] мог нажимать на такой-же поршень противоположного цилиндра. [Но здесь сделаем отступление]

Но предварительно совершалось следующее. Металл [доводился] **разогревался** до жидкого состояния — обыкновенным способом, в вагранке. Затем расплавленный металл подносился [тиглями] в тиглях к прессу и наливался во второй, [ко сход] назовем его — исполнительный, цилиндр. Отверстие, через которое был налит металл в [пр] пресс, потом [наглухо] быстро и наглухо [зау] закрывалось **фланцем** и зауключивалось замковым болтом[)]. [Первый] Пресс немедленно пускался в действие: [первый] из первого, рабочего цилиндра выходил поршень и [<нрзб>] вдавливал **второй** поршень внутрь исполнительного цилиндра, наполненного жидкостью металла. Постепенно жидкость сжималась все более, объем ее уменьшался, пресс гудел от напряжения. Манометр последовательно показывал 400—600 и наконец 900 атмосфер, т. е. **давление в 900 килограммов** на каждый квадратный сантиметр поверхности жидкого металла. [Дальше насос] Выше насос был взять не в состоянии. Тело исполнительного цилиндра все время интенсивно охлаждалось,— сначала вентилятором, а затем, медленно и осторожно, под рубашку цилиндра Первоиванов пустил воду. Пресс замер в положении сжатия в 900 [атмос] атмосфер. [Во время] Он будет так стоять еще некоторое время, пока сжатый металл ||

<18.>

не обратится из жидкого в твердое состояние.

Когда происходил процесс увеличения давления, Гюли несколько раз выпускал особым краном газ из грушевидного сосуда над исполнительным цилиндром. Этот газ освобождался из недр сжимаемого металла, чтобы он не остался там в виде раковин, пустот и желваков, уменьшив прочность строения металла.

Манометр был присоединен не к газовому сосуду, а к специальному второму маленькому цилиндру, в котором развивалось равновеликое давление, но одним воздухом. Это было не совсем правильно, так как режим прессующегося жидкого металла совсем другой, чем режим простого прессующегося воздуха, но с этим Первоиванов и Гюли пока мирились.

Через несколько минут металл, остывая, уже твердеет под сжатием. А раз он затвердел, то следовательно остается в таком искусственно-малом объеме, какой ему придало мощное прессование. Тогда остается разомкнуть заднюю крышку исполнительного цилиндра и посредством несильного нажима рабочим поршнем вытолкнуть наружу готовый металл. Он уже теперь имеет чрезвычайную прочность, его строение спрессовано навсегда.

Понятно, я опустил многие детали процесса отпрессовки и самого

19.

устройства [прес] гидравлического пресса. Например, я не упомянул, что внутренняя [стро] поверхность исполнительного цилиндра покрыта огнеупорным составом высокой стойкости. Не упомянуты и еще многие обстоятельства. Однако, принципиальная часть изобретения изложена.

[Вся] Вся картина работы по «упрочению[»] металлов» мне стала ясна только после двухдневного осмотра пресса и присутствия во время одной заливки пресса жидким металлом. [до изъятия [его] оттуда готового продукта.]

Но что-же делается дальше? Ведь горячая обработка готовой болванки «отпустит» металл: он потеряет сво[его]и качества «спрессованного», сверх-прочного, устойчивого к трению и износу.

Это верно. Спрессованный, «сжатый» металл допускает только холодную обработку. Для того же, чтобы получить [полное изделие] изделие нужной формы, необходимо, чтобы [<2 слова нрзб> обладал сам исполнительный цилиндр, т. е. не был не] пресс в своей исполнительной части имел форму заданного изделия, был-бы, так сказать, изложницей. Но чтобы так устроить, следует иметь не один пресс, а целую серию их, и притом производство должно быть посвящено одно[й]му како[й]-му-либо стандартизованному [продукту], [механизму] изделию, — ||

20.

например — двигателю, станку и т. д.

Это изобретение Гюли и Первоиванова еще не доведено до конца: [металл и] спрессованный металл имеет [ломкость] хрупкость, показатель которой выше хрупкости обычно-приготовленного металла. Однако, Первоиванов предполагает в ближайшее время этот недостаток пресечь — путем ввода в тело жидкого металла особого вяжущего состава. Мне кажется, это ему удастся, потому что [он и его друзья] ему и его друзьям само время помогает, да и стихии мира, видимо, не прочь [в его] отдалиться в его бережные, разумные и догадливые руки.

Таковы советские умственные дела, сбывающиеся за чертой [нашего] нашего внимания безвестными, великими и рядовыми людьми «массы».

*

Вскоре я [поехал] отправился домой. Мне пришлось долго ехать по осенней степи, среди которой природа исполняла свою скуку.

Было в точности ясно, что в мире необходимо иметь множество «Первых Иванов», дабы [скука приро перекрывать <1 слово нрзб>] уничтожить скуку природы [<1 слово нрзб>] счастливым смыслом их совокупного, образующего творчества.

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ ПОВЕСТИ «ВПРОК»

Статья и публикация Н. Умрюхиной

Повесть «Впрок» появилась в третьем номере журнала «Красная новь» в 1931 г. Публикация стала подлинным событием в литературно-общественной жизни и драматическим моментом в судьбе ее создателя. Пометы И. Сталина на полях повести и его резюме, посланное в редакцию провинившегося журнала, положили начало длительной кампании против Платонова как «распоясавшегося классового врага» и клеветника на советскую действительность. На писателя обрушился шквал погромных статей. В результате мощнейшей атаки критиков Платонов оказался «вне советской и писательской общественности»: напуганные редакторы и литературные чиновники без объяснений возвращали автору его рукописи.

Платонов пытается ответить на критику и преодолеть изоляцию: пишет письма Сталину, Горькому; в июне 1931 г. в редакции газет «Правда» и «Литературная газета» отсылает письмо, в котором отрекается от своей прошлой литературной деятельности...

Еще через полгода, в феврале 1932 г., во Всероссийском союзе советских писателей состоялся творческий вечер Платонова (стенограмма вечера — см.: Воспоминания. С. 293–314), на котором был поставлен вопрос о возможности перестройки автора крамольных «Че-Че-О», «Усомнившегося Макара» и «Впрок». «Ошибочность» и «слабость» своей бедняцкой хроники Платонов объяснял той поспешностью, с которой она писалась. По признанию автора, повесть была написана за 10 дней. Скептически настроенные оппоненты Платонову не верили...

Недоумевали критики и по поводу того, как Платонов решился напечатать откровенно вредное произведение. Писатель отвечал: «Я не сознавал вредность... мне говорили, что эту вещь можно сделать хорошо, только переработать. Я переработаю, все так по их указанию, иногда даже совместно с редакцией». После написания повести Платонов предлагает ее сразу нескольким издательствам, в том числе, «Федерации», «Молодой гвардии» и «ГИХЛ». Летом он переделывает ее с тремя редакторами, а 27 октября 1930 г. повесть обсуждается на заседании рабочего редсовета Государственного издательства художественной литературы, на котором присутствуют члены рабочего редсовета и работники издательства (протокол заседания — см. наст. изд. С. 599–618). Повесть формально была принята к изданию в ГИХЛ. Вскоре Платонов отдает ее в журнал «Красная новь», в котором она вновь редактируется.

Впервые история текста повести была реконструирована в работе Н. Корниенко (Корниенко, 1993. С. 150–170). Восстановлен литературный и политический контекст предисловия «От составителя», убранный из повести, по-видимому, после ее обсуждения на рабочем редсовете и не вошедшего как в прижизненное издание повести в «Красной нови», так и ни в одно из посмертных (впервые опубли.: Новый мир. 1993. № 4. С. 113–115). Исследование проясняет и природу монтажной структуры «Впрок»: вставки — это самостоятельные

произведения (условно названные «были» или «эпизоды из жизни массового человека», очерки, рассказ), адаптированные автором с помощью минимальной правки к тексту повести. Одна из них, Вставка Д (о воинствующем безбожнике Мозговом / Чумовом / Щекотулове) прочитывается в контексте борьбы с «Перевалом» как платоновский комментарий к выступлениям главного теоретика РАППа, Л. Авербаха.

В настоящем издании впервые публикуется тот автограф, с которого началась история текста повести «Впрок». Работа Платонова над автографом датируется концом марта — началом апреля 1930 г. Автограф представляет собой общую тетрадь в серой обложке, в линейку, авторская нумерация страниц 1–132. Текст написан простым карандашом, сделаны авторские пометы о вставках. В тетрадь вложены вставки. Это — отдельные машинописные страницы с собственной нумерацией и правкой автора.

На внутренней стороне обложки в конце тетради сделаны отдельные записи и вычисления, входящие, как и записные книжки писателя, в историю текста повести (расчеты мы не приводим):

[*Я товарищ!*]

Темпы есть удлин. жизни

удар.

Соцсорев.

[*Чтоб в СССР не смолкал рев гудков, как над британ не заходит / погасло солнце*]

Душ. бедн. оттого, что жизнь богатеет, а люди отстают

Дело с дет. садом К Маркс детей пуг <нрзб> и т. д.

Я не сну!

На последней странице автографа Платонов сделал запись: См. журнал Октябрь № 2 стр. 159. Это отсылка к номеру журнала «Октябрь» за 1930 г., в котором был напечатан очерк «Первый Иван. Заметки о техническом творчестве трудящихся людей». Таким образом, на первом этапе работы над повестью «Впрок» Платонов планировал завершить ее очерком «Первый Иван». В фонде Платонова хранятся машинописи «Первого Ивана» (нумерация страниц начинается с 99) и повести «Впрок» (последняя страница — 98). Очерк «Первый Иван» публикуется в настоящем издании отдельно, поэтому в состав динамической транскрипции автографа «Впрок» не включается.

В автографе отмечены восемь вставок: Вставка I, Вставка Б, Вставка В, Вставка Д, Вставка Р, Вставка Е, Вставка С, Вставка Д.

Вставки имеют самостоятельную историю. Происхождение вставных новелл о Семене Верещагине (Вставка I), о Филате Батраке (Вставка Е) исследовано Е. Антоновой (Рассказы А. Платонова для крестьянского радио 1928–1930-х гг. // Страна философов, 2003. С. 693–718). Эти эпизоды были написаны Платоновым для радио в период его работы (во второй половине 1928 — начале 1930 гг.) в редакции «Крестьянской радиогазеты». Время написания рассказов о Верещагине и Филате-батраке устанавливается Е. Антоновой на основании отраженных в них реалий: постановления ВЦИК и СНК РСФСР о мерах борьбы с хищническим убоем скота от 16 января 1930 г. и публикации в газ. «Красная звезда» от 21 января 1930 г. статьи Сталина «К вопросу о ликвидации кулачества как класса». Высказывается и обосновывается предположение о том, что радиорассказами могли быть и Вставка Д

(о воинствующем безбожнике Чумовом / Шекотулове), Вставка В (о визите к Ленину Крушилова / Упоева), Вставка У (о поездке Ефима Нечаева / товарища Пашки в Париж).

В составе автографа отсутствует «Вставка У». В настоящей публикации она восстановлена по машинописи с авторской правкой (ф. 629, оп. 1, ед. хр. 29, л. 1–83). О времени написания утраченной вставки может косвенно свидетельствовать реальный контекст одного из эпизодов. В Париже Ефиму предлагают присылать из СССР аскаридных червей для дальнейшего использования их в медицинских целях: «... им черви, а нам чугун!» — так формулирует эту тему Ефим.

После 23 ноября и 14 декабря 1929 г., когда были приняты соответствующие постановления коллегии Наркомторга СССР, развернулась широкая общественная кампания по созданию специального экспортного фонда для дополнительного импорта тракторов. 24 марта 1930 г. вышло разъяснение по сбору утильсырья для отправки за границу. Все утильсырье делилось на две группы: в первую категорию входили масло животное, яйца, птица домашняя, лен и пенька и т. д. Ко второй группе (рога, копыта, кость, тряпье) относилось и так называемое лексырье: муравьиные яйца, корень одуванчика, шпанская мушка и т. п., а также шкуры собак и кошек. Последнее, кстати, объясняет, почему из колхоза «Доброе начало» не «доносилось собачьего голоса». В январе 1930 г. журнал «Пушное дело» сообщал: «Едва ли нужно доказывать, что существующий сбор кошки и собаки ничтожен по сравнению с реальными ресурсами указанных видов мехсырья... В частности, собака является весьма ценной экспортной статьей» (Пушное дело. 1930. № 1. С. 2).

Прокомментируем еще один эпизод «Вставки У». В Париже Ефим ищет подходящий дом, где можно будет разместить сельсовет. В конце января — начале февраля ЦИК СССР принимает ряд постановлений, связанных с работой сельсоветов в условиях «широко развернувшейся коллективизации», в которых, в частности, говорилось: «Все попытки ликвидировать сельсоветы, ослабить или принизить их руководящую роль... являются... антисоветскими»; «Сельский совет является высшим органом власти в пределах его территории» (Колхозно-кооперативное законодательство. Сб. директивных законодательных и ведомственных постановлений. М., 1931).

Финал «Вставки У» также отсылает к событиям начала 1930 г.: «После получения от т. Нечаева его первого же письма, он был немедленно отозван [на ро] назад в СССР. Ибо [он] его послали учиться садоводству, а не учить парижанок советской власти». В это время в Центральном бюро агросекции Наркомзема РСФСР после доклада «Об итогах зарубежных командировок, проведенных в 1928–1929 гг.» президиум был вынужден отметить «недостаточную плановость, а иногда и элемент случайности в индивидуальных и групповых командировках Наркомзема за границу» (Специалист сельского хозяйства. 1930. № 1. С. 55). Было принято решение о значительном ужесточении требований ко всем командируемым. Итак, вероятнее всего, путешествие Ефима «состоялось» в начале 1930 г.

Сохранилось две машинописи «Наследника Ленина». На одной после названия рукой Платонова вписан подзаголовок: «(Составлено по устному рассказу колхозника тов. К.)», а в конце поставлена его подпись, что подтверждает статус машинописи как самостоятельного произведения. На второй машинописи сделана запись Вставка В и несколько карандашных исправлений. Это тот экземпляр, который правился для включения в повесть «Впрок».

Вставка С (она посвящена Михновской овце и осушению болот) и Вставка Д («Реки и заболачивание пойм»), по всей видимости, были напечатаны на одной машинке и скорее всего в одно и то же время: они представляют собой светлые листы А4 с синей печатью.

В основе Вставки С — статьи Платонова об осушении пойм рек. Эта тема — постоянная в записных книжках 1929–1930 гг. (см. Записные книжки), сохранивших следы поездок

Платонова по маршруту: Евдаково — Копанище — Рыбенское — Острогожск. Острогожский округ — место проведения основных мелиоративных работ Платонова. Эпизоды во «Впрок» излагают хронику работ 1924–1926 гг. Платонова-губмелиоратора; «это один из немногих эпизодов повести, который не вписан в события весны 1930 г.» (см. комментарий Н. В. Корниенко // Записные книжки. С. 323).

За вторую половину 1920-х гг. у Платонова был накоплен документальный материал по реке Тихая Сосна: служебная записка 1925 г. «Характер отложений, слагающих пойму реки Тихая Сосна», наброски к очерку «По Тихой Сосне» 1929 г., фрагмент отчета по Острогожскому району и др. Волновавшему Платонова комплексу проблем, связанному с овцеводством ЦЧО, в 1930 г. посвящается коллективный сборник «Овцеводство ЦЧО», изданный в Воронеже. Можно предположить, что Платонов планировал, но по каким-то причинам не смог принять участия в этом сборнике.

Не менее интересна судьба Вставки Р. Источником новеллы о путешествии Петра в Америку послужил рассказ «Масло розы», сюжет которого появляется в повести «Эфирный тракт» (ноябрь 1926 г. — январь 1927 г.) и в цикле «Родоначальники нации или беспокойные происшествия» (1927). Платонов вымарал старое название «Масло розы», подписал «Вставка Р», в текст внес правку, вводящую в действие «душевного бедняка». (Об истории сюжета «Масло розы» — см.: Платонов А. Масло розы. Публикация М. А. Платоновой. Подготовка текста и вступительная статья Н. Корниенко // Страна философов, 1999. С. 359–365.) Окончание истории о человеке, путешествующем в Америку за маслом розы, включает ее не только в сюжет повести, но и в контекст времени написания «Впрок». (Уже ведутся крупные исследования в области биогенетики: в январе 1929 г. в Ленинграде открывается Первый всесоюзный съезд по генетике, семеноводству и племенному животноводству, на котором выступает академик Н. И. Вавилов.)

Вставка Б представляет собой слегка отредактированный и сокращенный Платоновым текст были «Умственный хутор», сохранившейся в РО ИРЛИ (опубл.: Творчество, 1995. С. 227–236). На время ее написания указывает одна деталь: после ужина Григорий читает мастеровым газету, в которой сообщается, в том числе, и о землетрясении «близ Ашхабада». 1 мая 1929 г. в Ашхабаде действительно было землетрясение в 5–6 баллов (Прожектор. 1929. № 21. С. 12). У сюжета о путешествии крестьянина, выдававшего себя за бога, могли быть вполне реальные источники. О подобных случаях в 1929 г. появлялись заметки; например, в «Крестьянском журнале» (№ 16. С. 15): «Появился этот Христос в деревне Павловской, Явентгской волости, Кадниковского у., Вологодской губ. в марте 1929 года. Одет был в монашеском костюме; носил длинные волосы и густую, слегка вьющуюся бороду. Зашел в деревню поздно вечером и, подойдя к избе крестьянина Ригина Михаила, смиренно заговорил: — Во имя отца и сына и святого духа, пустите ночевать, добрые люди. Смирный тон понравился жене Ригина Евфимье, и она стала просить мужа, чтобы он оставил ночевать святого отца. Ригин дал согласие».

Следующий за вставкой фрагмент уже автографа отсылает к теме строительства машинно-тракторных станций. Важнейшую политическую и хозяйственную роль МТС стали играть именно с весны 1930 г.: «30-й год — это первый год широкого строительства МТС, год, в который МТС из опытной формы превращается в массовый и основной рычаг коллективизации сельского хозяйства» (Коварский М. Е. Организация сева в МТС // На стройке МТС. 1930. № 1. С. 9). 4-я записная книжка Платонова открывается записями на тему МТС, совхозов, колхозов, трактора и автомобиля. Эта тема, начатая в повести «Впрок», будет развернута на страницах очерка «По заволжским МТС (Заметки разъездного корреспондента)», написанного в период поездки Платонова по Поволжью — в июле 1930 г. Очерк

опубликован в составе записных книжек (Записные книжки. С. 302–308). Впервые очерк (в сокращении) появился в № 5 журнала «На стройке МТС» за 1930 г. (выявлен нами).

В комментариях к записным книжкам писателя Н. Корниенко высказала предположение о том, что и в основу первого эпизода повести — посещения душевным бедняком колхоза «Доброе Начало» — положен какой-то очерк. Во 2-й записной книжке (1929–1930 гг.) сохранились четыре записи, посвященные колхозному солнцу (стр. 30–31), то, что они зачеркнуты, может означать, что они были использованы Платоновым. Со второй половины 1929 г. на страницах центральной печати появляются статьи, посвященные использованию ультрафиолетовых лучей в сельском хозяйстве, медицине и промышленности («Известия», «Наука и техника», «Вопросы труда», «Вестник труда», «Гудок», «Торгово-промышленная газета»), выходят отдельные сборники по этому вопросу (Дубнер, Кремлев-Свен). В это время в опытных лабораториях Москвы и Ленинграда ведутся работы по налаживанию производства ламп с колбами нового стекла, под действием которых «здоровый человек спустя 22–24 зимних вечера... загорал ровным густым загаром» (Известия. 1929. 11 сент. С. 5).

На обороте первого листа автографа сделаны записи для машинистки:

Ел. Павловна!

Просьба за работу обождавать в течении семи дней (максимум).

Привет. Т<ов.> Платонов.

В 3-х экз. на одной стороне листа

Напечатать просьба в течении 3-х дней

Адрес: Москва, Покровское-Стрешнево, Центральная ул., д. № 40, Платонов, Трамвай № 13 — до конца // след. ост. после кооператива.

Таким образом, к началу работы над повестью в художественной лаборатории Платонова уже накоплен богатый материал, позволивший ему закончить «Впрок» за 10 дней. Автограф повести в фонде Платонова ОР ИМЛИ подтверждает искренность «душевного бедняка», который «способен был ошибиться, но не мог солгать». Однако после «легкого» рождения повести был предначертан многотрудный путь редакторских замечаний, авторских правок и сокращений, все новых и новых переделок. Но это уже другая история...

1

Впрок.

(Бедняцкая хроника).

От составителя. Под именем автора, от лица которого ведется сообщение, не следует понимать составителя. Местоимение «я» употреблено для краткости и не соответствует точности. [*Под именем «я» использ*] От имени одного человека изложено более широкое наблюдение, чем оно доступно было составителю, — [*который считает, что действительность должна / искусство не должно быть действительностью, помноженной на коэффициент ничтожества личности*] ибо составитель считает, что хроника [о] обязана иметь [не] своим содержанием не [*запечатленное чувство или*] запавшее чувство или запечатленное сознание одного

субъекта, а те-же свойства целого коллектива. Это обстоятельство верно и по отношению к художественной ||

2

литературе, вопреки мнению тех идеологических паразитов, которые признают искусство действительностью, пропущенной через эмоционально-индивидуальные, [особен] ароматические особенности автора и еще дополнительно окрашенной в эти благоухающие качества писателя. На самом-же деле литература должна происходить из чувства коллектива и представлять из себя не букет индивидуальных ощущений, годный лишь для излишества, а — хлеб наш насущный. Но как-же извлечь из коллектива его [эмоциона / чувство] активное чувство действительности, его впечатления, обращающиеся затем [в во] в положительную волю? Несомненно, посредством рассудка автора, а не посредством интуиции[.], — [Упомянутые паразиты] потому что интуиция, [это ведь состояние] если говорить о ней, это ведь состояние, || ¹

3

и оно не поддается транспортированию. Отношения-же людей работают на более технически доступных предметах, например на рассудке. Упомянутые паразиты могут сейчас-же из этих наших слов установить преимущество интуиции перед рассудком. Тогда мы можем [уста] доказать, что они сами никогда не чувствовали в настоящей [мере] степени рассудка, иначе-бы они узнали, что рассудок [может быть страстью] есть страсть [, но] и синтез всех чувств, куда входят [рядовыми] и память и интуиция, если опять таки считаться с ней — для угожденья заблуждающ[и]мся; понятно — рассудок уже не сохраняет питающих его первоначальных чувств, [он] он их диалектически уничтожает[,] и сам станов[я]тся в противоречие с действительностью, чтобы развить по отношению к ней тяговое, ведущее усилие. У нас же очень часто [рассудком считают] судят о рассудке, [но] как о рабе всякой современной действительности, ||

4

как о Сальери, слепо бредущим за Моцартом и трепещущим [пере] перед ним в чувстве [ненависти / удивления] тревоги, удивления и несчастья. В наше время эта пушкинская тема изменилась: мы видим моцартиански [-] действующих людей, но [в] в которых душа Сальери, и видим [Сальери] бессильную работу Сальери, не могущих сделать внешним фактом свое моцартианское существо. Вот как стоит эта проблема [в наше вре] на своих ногах.

Но наша действительность такова, что в бедной избе-читальне [Моцарт и / Моцарт научится делать из своей души / безмолвной души общественное явление] Моцарт научится делать из своей безмолвной души общественное явление, [а действующий Сальери] потому что Моцарту не слишком много надо, а действующий Сальери погибнет без душевного резерва, без [уменья ни] самостоятельного уменья питаться из материнского источника своего ||

5

класса[,] — или питаюсь не [соком] кровью здорового класса, а гноем погибающего исторического общества.

[Вся эта надменная проблема]

¹ На левом поле л. 2 напротив слов действительностью, пропущенной через зачеркнутая волнистая линия, похожая на вопросительный знак.

Прямо говоря, вся эта надменная проблема пахнет в наше время очень скверно. Нельзя отделаться от воображенья, что Моцарт, это аристократ, а Сальери — пролетарий. А в действительности мы [и] наблюдаем **иначе: мы видим** технически и культурно небооруженных **пока** Моцартов — пролетариев [и *благо*] и мощно вооруженных, моцартиански оборудованных Сальери, не имеющих на самом деле никакой душевной мускулатуры.

Сальери, конечно, [*не уважает*] может лишь думать своим рассудком, но не может **непосредственно** [*чувствовать им коллектива, лишен возможности*] усваивать им [он] коллективного, классового [*опыта жизни*] исторического опыта; от этого и сохнет и мучается Сальери, и [*не уважает и заслуже*] по заслугам не уважает сво[е-го]й **бескровный** разум, к которому **нет питательной жилы из коллектива**, а [но] для равенства в [*несчастьи*] силах, для **самоуважения** Сальери стремится уничтожить и чужой разум, [*выдвигая*] беря себе на [мо] помощь ||

6

интуицию, то-есть нечто произвольно зарождающееся,— дар от бога, а не от людей, ибо к ним Сальери не знает дороги. Он хочет, чтобы и люди питались этой интуицией, а не рассудком,— [*личност*] собственной личностью, а не [кол] из [колл] коллективного источника. Он бы желал, чтоб насыщенный ржаной хлеб **сознания** пропал на земле и в пищу пошла-бы [уни] подводная клавдофора — [*иско*] редчайшее реликтовое растение из девственных болот, не имеющее никакой пользы для сытости трудящегося [*тела*] человека.

Затем мы должны сказать, что составитель этой **хроники** стремился отвлечься от своей отсталости от действительности и [от] личных предрассудков, давая свободу движению фактов, а не **своему** настроению от них. Он даже помогал фактам произойти, считая, что — литература не [м] служанка для пролетарской революции — рабынь **последней** [ей] не нужно,— ||

7

а ее младшая сестра, и такая-же мужественная, желающая, чтобы старшая сестра воспитала ее себе впрок.

[Колхозное солнце]

Хроника.

[Хроника. Колхозное солнце /

Хроника]

В марте месяце 1930-го года некий душевный бедняк, измученный тревогой за всеобщую действительность, [*несущуюся <sic>*] сел в поезд дальнего следования на Московском Казанском вокзале и выбыл прочь из верховного, руководящего города. [*Он испугался, что революция унесется без него в глубь того / такую исторического пространства / в его / в его сознании уже нет того напряжения, которое он считал истиной, что в жизни / людях он не чувствует себе / он в людях, ставших ему непонятными, не чувствует товарищей,— / Если Робинзон Крузо сильно удивился обезьяне на своей скучной территории острова, то обезьяна почти ||*

8

сошла с ума, увидя человека, поэтому этот душевный бедняк ехал к беднякам имущественным, которые]

Он [отправился] поехал в отдаленные черноземные равнины, где у открытых водоемов [*живут под соломенными крышами, обдуваемыми ветром, имущественные*

бедняки] стоят, обдуваемые ветром, глиносоломенные избы мелкоимущественных бедняков.

[Железная дорога изменилась.]

Езда в вагоне изменилась. Ранее в окно можно было наблюдать лишь пустыньность страны, лишь разрозненность редких деревень, расположенных так робко и временно, будто они были сиротами в чужо[м]й [доме] земле и [готовы] постоянно готовы исчезнуть. Это были постой бредущего народа, не верующего в свою местную ||

9

судьбу, ожидающего, когда ему повелят стронуться дальше, [и хуже] где еще хуже. [а не прочные обитатели заслуженных тружеников]

Теперь же по бокам железной дороги [всю] строились различные [пунт] пункты; предприятия, конторы, башни, а [т] ярославские и амовские автомобили усердно возили [но] матерьялы по [тележкам до] губительной немощеной земле. [Ст] Люди стояли на кирпичных кладках и заботливо старались трудиться, уже навсегда осваивая эти порожные, [бездоходные] убыточные пространства.

На многие сотни километров строящаяся республика не менялась. Везде [было] можно было видеть свежие тесовые и кирпичные приспособления для деревенского общественно[й]го [жизни либо] хозяйства или целые корпуса благотельных заводов. [С усмешкой гада глядел на эту картину / эти явления человек, выехавший из Москвы, потому что он был бедняк душой и не ||

10

верил]

— Сколько травы навсегда скроется,— сказал один [угодливый] добровольно живущий старичок, ехавший попутно со мной,— сколько угодий пропадет под кирпичной тяжестью!

— Порядочно,— ответил ему другой человек, [со средним] имевший среднее тамбовское лицо[,] — может быть житель бывшего [кирсановского] шацкого уезда. Он тоже пристально наблюдал всякое строительство в оконное стекло и шептал что-то с [е] усмешкой гада, швыряя между тем какие-то [пищевые] кусочки из своего пищевого [мешка] меш[очка]ка в рот. Этот, подобный мне, душевный бедняк не признавал, наверно, научного социализма,— он бы охотно положил пятак в кружку сборщика на построение храма и вместо радио всю жизнь слушал бы благовест. Он верил, судя по покойному счастью на его лице, что древние вещества мира уничтожат революцию,— ||

11

поэтому он глядел не только на новостроющуюся <sic> республику, но так же на овраги, на могучие обнажения глины, [на весь / весь мертв] на встречных нищих, на растущие деревья, на ветер на небе,— на весь мертвый порожняк природы, потому что этого дела слишком много и оно не может быть истреблено революцией, как она ни старайся. [Мертвое лежа-] Ветхое лежащее вещество все равно задавит советский едкий поток своим навалом и прахом. [От этого] Имея такое духовно[го]е предвидении[я]е, тамбовский человек скушал еще немного кое-чего и от внутренней [спо] покойной расположенности чувств [постучал ка] вздохнул, как будущий праведник.

— Бывало, едет воз с молоком,— произнес попутный старичок,— телега вся скри-

пит, сам хозяин пешком идет, а на возу его баба разгнездилась. А теперь только [ин] холодный инвентарь [*<1 слово нрзб>*] перебрасывают! ||

12

— Тракторы горячие, а жизнь [хо] прохладная,— сказал тамбовский по лицу человека.

— Вот то-то и горе,— [сог] враз согласился старичок.

— Не горюйте,— посоветывал сверху неизвестный человек, лежавший там на голых досках.— Оставьте горе нам[,]. [*вы <1 слово нрзб> так — до*]

— Да [я ничего] как хочешь, я ничего! — испугался старичок.

— Да и я тоже ничего не говорил,— предупредил тамбовский житель.

[— *Вы что — наверно*]

— Бери молоко,— сказал [человек] верхний человек, и [опустил] опустил [*с этим напит[ком]ок*] в Красноармейск[ую]ой фляжк[у]е этот напиток — Пей и не скули!

— Да мы сыты, кушай сам ради бога,— отказался старичок.

— Пей, говорят, пока я не слез. Я же слышал, ты по молоку скучал.

Старичок в страхе попил молочка и передал фляжку тамбовцу — тот ||

13

тоже напился.

Вскоре с верхней полки слез сам хозяин молока; он был в [красно] старом красноармейском обмундировании, доставшемся ему по демобилизации, и [смотрел на всех своим молодым] обладал молодым, нежным лицом, хотя уже утомленным от ума и деятельности. Он сел на край лавки и закурил.

— Люди говорят, на табак скоро нехватка будет,— высказался старичок,— Семашка [ее] не велел больше желчное семя разводить, чтоб пролетариат жил чистым воздухом.

— На закуривай! — дал бывший красноармеец папиросу старику.

— Я, товарищ, не занимаюсь.

— Кури, тебе говорят!

[Из у] Старичок закурил из уважения, не желая иметь опасности от встречного человека.

Красноармеец заговорил со мной.

— С ними едешь?

— Нет, я один. ||

14

— А сам-то кто будешь?

— Электротехник.

— Ну здравствуй,— [повеселел] обрадовался красноармеец, и дал мне свою руку. Я для него был полезный кадр, и сам тоже обрадовался, что я нужный человек.

[— *Ты куда*]

— А ты утром не соскочишь со мной? Ты бы в нашем колхозе дорог был: у нас там солнце не горит.

— Соскочу,— ответил я.

— Постой, а куда-ж ты [туда] тогда едешь?

— Да мне ехать некуда — где понадобится, там и выйду из вагона.

— Это хорошо, это нам полезно. А то все, понимаешь, заняты! Да еще смеются, гады, когда [рас]скажешь, что над нашим колхозом солнце не горит! А отчего ты не смеешься?

[— А я не] ||

15

— А может, мы зажжем ваше солнце. Там увидим — плакать или смеяться.

— Ну, раз ты так говоришь, то зажжем! — радостно воскликнул мой новый товарищ. — Хочешь я за кипятком сбегать — сейчас Рязань будет.

— Мы вместе [сходим] пойдем.

— Ты бы ярлык носил на картузе, что электротехник. А то я думал — ты подкулачник: у тебя вид скверный.

[Н / Во время утреннего холода товарищ Ревушкин]

Утром мы [сош] сошли с ним на маленькой станции. [Поле и дорога начинались прямо бы от вокзального здания, в самом же станционном помещении] Внутри станции был [скудный] бедный пассажирский зал, от одного вида которого, от скуки и [зан] общей невзрачности у всякого человека заболел живот. По стенам висели роскошные плакаты, изображающие пароходы, самолеты и курьерские поезда; плакаты призывали к далеким, благополучным ||

16

путешествиям и показывали задумчивых, [чистых] сытых женщин, [их] любующихся [чи] синей волжской водой, а так-же обильной природой на берегах.

В этом пассажирском зале присутствовал единственный человек, жевавший хлеб из сумки.

— Сидишь? — спросил его дежурный по станции, возвращаясь от ушедшего поезда. — Когда-ж ты тронешься? — уж [вторая] третья неделя пошла, как ты приехал!

[— А вам]

— Ай я тебе мешаю, что-ль? — ответил этот оседлый пассажир. — Чего тебе надо? Пол я тебе мету, окна протираю, — наведни ты заснул, а я [слышу аппарат стучит] депешу принял и вышел без шапки постоял, пока поезд промчался. Я живу у тебя нормально!

Дежурный [б / дальше] больше не обижал [че] пожилого человека.

— Ну, живи дальше. Я только боюсь, ты пробудешь здесь еще месяца четыре, а потом потребуешь штата. ||

17

— Стат мне не нужен, — отказался пассажир. — С документом скорей пропадешь, а без бумажки я всегда проживу [живу] на самую слабую статью, — потому что обо мне ничего неизвестно.

[Дежурный ушел в канцелярию. Мы вышли в поле, которое начиналось прямо от стен вокзала. Товарищ с товарищем]

Мой спутник, демобилизованный красноармеец товарищ [Реву] Кондров, остановился от такого разговора.

— Имей в виду, — сказал он дежурному, — [транспорт / теперь я буду заботи] ты работаешь, как стервец; теперь у меня будет забота о тебе! [У нас транспорт узкое место, а ты ес]

С этим [вы] мы вышли на полевую колесную дорогу. [Природа] Голая природа весны окружила нас, сопротивляясь ветром в лицо, но нам было это не трудно.

Через несколько часов пешеходной ||

18

работы мы остановились у [врат] входных ворот деревни, устроенных в виде триумфальной дуги, на которых [бы] было написано:

«С. х. коллектив Доброе Начало».

[*Колхоз*] Сам колхоз расположился по склону большой балки, внизу-же ее протекал ручей, работавший круглый год. Избы колхоза были обыкновенно деревенскими, все имущественное оборудование было давним и знакомым, только [*множество людей, ходивших по улицам и гумнам*] люди показались мне неизвестными. Они ходили во множественном числе по всем [*е*] местам деревни, шупали разные предметы, подвинчивали гайки на плугах, дельно ссорились и серьезно размышляли. Общим чувством всего населения колхоза была тревога и забота, и колхозники старались уменьшить свою тревогу перед севом рачительной подготовкой. Каздый ||

19

считал для пользы дела другого дураком и поэтому проверял гайки на **всех** плугах только своею собственной рукой.

Я слышал краткие собеседования.

[— *Ты*] — Ты смотрел спицы на сеялках?

— Смотрел.

— Ну и что-ж?

[— *Починил*]

— Кои шатались, те починил.

— Починил? Знаю я, как ты починишь. Надел с утра рубаху-баян и ходит! Дай-ка я сам схожу сызнова почию.

Тот, на котором была рубаха-баян (о сорока пуговицах, напоминающи[*е*]х кнопки гармонии-баян) ничего не возразил, а лишь вздохнул, что никак не мог угодить на колхозных членов.

— Васък, ты-бы сбежал лошадей посмотреть.

— А чего их [*смо*] глядеть? Я [*гляде*] глядел: стоят — [*сено*] овес жрут который день, аж салом подернулись!

— А ты все-таки сбегай их проведать! ||

20

— Да чего бегать-то, лысый человек!? Чего зря колхозные ноги бить?

— Ну так: поглядишь на их настроенье, прибежишь — скажешь.

— Вот, дьявол **жадный**,— обиделся [*Васък*] моложавый Васька.— Ведь я [*кулака так*] все кулачество по найму прошел, а так сроду не мотался.

— Чудак: у кулака было грабленное, а у нас кровное.

В конце концов Васька пошел все-таки глядеть на настроенье обобществленных лошадей.

— Граждане,— сказал подошедший человек с ведром олеонафта; из этого ведра он мазал все железные движущиеся и неподвижные части по колхозу, страшась, что они погибнут от ржави и трения.— Граждане, вчерашний день Серега опять цыгарки [*швы*] с огнем швырял куда попало [, *а плевал*]. Сообщаю это, а то будет пожар! ||

21

[— *Бреш*]

— Брешешь, смазчик,— возразил присутствовавший здесь-же громадный Серега,— я их заплывывал.

— Заплывывал, да мимо,— спорил смазчик,— а огонь сухим улетал.

— Ну ладно, будет зудеть,— смирился Серега.— Ты сам ходишь оленафтом [*капаешь*] на-земь капаешь, а он ведь на общие средства куплен!

— Граждане, он нагло и по кулацки врет! Пускай хоть одну каплю где-нибудь [*найдет*] сыщет! Что он меня мучает!

— Будя вам,— сказал Кондров,— не пересобачивайте общие заботы. Ты, [*кури скромней*] Серега, кури скромней, а ты капать капай — колхозу капля не ужасна,— а вот мажь где нужно, а не где сухо. Зачем ты шины-то на телегах мажешь!?

— Ржави боюсь, товарищ Кондров,— ответил смазчик.— Я прочитал, что ржавь это тихий огонь, а товарищ ||

22

Куйбышев по радио говорил — у нас голод на железо: я и скуплюсь на него.

[— *Сообра*]

— Соображай до конца,— объяснил смазчику Кондров,— оленафт тоже железными машинами [*добывь*] добывается. А раз ты зря его тратишь, то в Баку машины напрасно идут.

— Ну?! — испугался смазчик, и сел в удивлении на свое ведро: он думал, что оленафт это просто себе густая жидкость.

— Петьк,— сказал малому лысый мужик, тот, что услад Ваську к лошадям.— Пойди все избы [*обежи*] обежи — пускай бабы [*вьюшку*] вьюшки закроют, а то тепло улетучится.

— Да теперь не холодно,— сообщил Серега.

— Все равно: пусть бабы привыкают беречь сторевшее добро, им эта наука на зиму годится. ||

23

Петька безмолвно побежал приказывать бабам про вьюшки.

— Слухай, дядя Семен! Ты чего-ж вчера сено от моей кобылы отложил, а к своему мерину подсунул? [*Иль*] Ишь ты, средний дьявол какой,— знать колхоз тебе не по диаметру!

Дядя Семен стоял, помутившись лицом.

— Привык [*к*] к мерину,— сказал он впоследствии,— войду — он сопит на меня и глазами — моргает, а кругом норма — скотину нечем поласкать, вот и положил твоё сено!

— А ты теперь к человеку привыкай, тогда тебя все меренья [*по*] уважать будут!..

— Буду привыкать,— грустно пообещал дядя Семен.

[— *Пойти крышку на колодезь*]

— Ни то пойти крышку на колодезь сделать?! — произнес Серега, стоявший без занята.

— Пойди, дорогой, пойди. С малолетства с мелкими животными воду пьем. Может при хорошей воде харчей есть меньше станем! ||

24

Отошедши с Кондровым вглубь колхоза; я [*заметил,*] обнаружил, [*деревянную каланчу посреди / на высоте склона, со / вправо от*] что вправо от деревни, на неза-селенной высоте склона стоит новая деревянная каланча[.], [*На верху ка*] метров в десять-двенадцать. На верху каланчи блестело жестяное устройство, бывшее, судя по форме, рефлектором; причем, оно было поставлено так, что должно направлять лучи неизвестного источника света [*в ст*] целиком в сторону колхоза.

— Вон наше солнце, которое не горит,— сказал мне Кондров, указав на каланчу.— Ты есть хочешь?

— Хочу. [А] А у вас есть запасы?

— Хватит. Прошлый год осень была большевицкая — все родилось.

Поев разного добра в попутной избе, в которой висела электрическая лампочка, мы [вышли] пошли с Кондровым не на каланчу, а к ручью. На ручье, около кустарной запруды, помещался дубовый амбар с сильным мельничным ||

25

пошвенным колесом; запруда служила, очевидно, для сбора запаса воды.

— Наливное колесо у вас работало-бы полезней! — сказал я.

[— Разве] — Ну что-ж: ты только скажи как нужно [—] сделать, а мы будем его [работать] делать! — ответил мне Кондров.

Мне стало стыдно перед таким человеком. Неужели-же мы не можем пустить по нашей колхозной стране несколько отрядов бродячих техников, которые бы [дали] давали инструкции местным способным людям, как нужно улучшить уже многочисленные теперь[,] самодеяные устройства? Мне кажется это можно сделать. [но значение от]

Кондров отомкнул амбар. Никакой мельницы в [не] амбаре не было; там стояла небольшая динамо-машина, и больше ничего. На валу водяного колеса имелся деревянный шкив, с которого посредством ремня снималась сила на динамомашину <sic>. Обследование установило, что [динамо] водяное колесо ||

26

способно было дать через динамо-машину мощность, достаточную, чтобы [горело] в колхозе горело 20 тысяч экономических электрических свечей, или 40 тысяч тех же свечей в полуваттных лампах. При переделке водяного колеса с пошвенного на наливное мощность всей установки можно было повысить, [процентов] по крайней мере, на одну треть; динамо-машина же была рассчитана на сорок лошадиных сил, и могла терпеть много нагрузки.

— А наше солнце, понимаешь, не горит! — горестно проговорил надо мной Кондров.— Оно [тухнет] потухло.

Провода из амбара [шли] тянулись по ракам, по плетням, по стенам изб и, [обслуживая] отвлекаясь на попутный колхоз, отправлялись [на] к солнцу. Мы также пошли на солнце. Провода всюду были достаточно исправны, на самом солнце [тоже] я тоже не мог заметить чего-либо порочного. [Особенно / Рефлектор-ж] Особенно меня удовлетворил [жест] жестяной рефлектор: ||

27

его отражающие поверхности имели такую хорошо сосчитанную кривизну, что всю светосилу отправляли ровно на колхоз и на его огородные уголья, ничего не упуская вверх или в [бесполезные] бесполезные стороны. Источник света представлял из себя деревянный диск, на котором было укреплено сто стосвечевых полуваттных ламп, т. е. общая светлая мощность солнца равнялась десяти тысячам свечей. Кондров говорил, что этого все-же мало,— [нужно] немедленно нужно добиться света по крайней мере в [двадцать] сорок тысяч свечей; особенно удобен был-бы, конечно, прожектор, [особо] но его невозможно [пока что] приобрести.

— Сейчас я схожу пушу колесо и динамо, и ты увидишь, что [со] наше солнце не горит! — огорченно сказал мне Кондров.

Он сходил и пустил,— и солнце, действительно, не загорелось. Я стоял на каланче в недоумении. Ток в главных ||

28

проводах был, колхозники собрались [бли] под каланчей и обсуждали доносившийся до меня вопрос.

— Власть у нас вся научная, а солнце не светит!

— Вредительство[!], пожалуй-что!

— Сколько строили, думали у нас пасмурности не будет, букеты распустятся, а оно стоит холодное!

— Это-же горе! Как встанешь, глянешь, что оно не светит, так и загорюешь весь от головы вниз!

— Вон [ста] старики наши перестали верить в бога, а как солнце не загорелось, то они опять начали креститься.

— Дедушка Павл[ушка]ик обещал ликвидировать бога, как [религию] веру, если огонь вспыхнет на каланче. Он тогда в электричество как в бога обещал поверить. [как в бога.]

— А горело это солнце хоть раз? — спросил я у народа.

— Горело [почти-что] почти-что с полчаса! [— за] — сказал народ и заотвечал дальше, споря сам с собой: || ²

29

[— Б] — Больше горело: не бреш!]

— Меньше — я обрадоваться не успел!

— Как-же меньше, когда у меня слезы от яркости потекли?!

— Они у тебя и от лампадки текут.

— Ярко горело? — спросил я.

— Роскошно!! — закричали некоторые.

— У нас раздался было научный свет, да жалко, что кончился! — сказал [с] знакомый мне смазчик.

— А нужно вам электрическое солнце? — интересовался я.

[— Еще бы /

— Ну еще бы!] — Нам оно впрок: Ты [прочти] прочитай формальность около тебя.

Я оглянулся и увидел бумажную рукопись, прибитую гвоздями к специальной доске. Вот [эт / н] этот смысл на той бумаге:

«Устав для действия электросолнца в колхозе Доброе Начало. ||

30

1. Солнце организуется для покрытия темного и пасмурного дефицита небесного светила того-же названия.
2. Колхозное солнце соблюдает свет над колхозом с 6-ти часов утра до 6-ти часов вечера каждый день и круглый год. При наличии стойкого небесного света, колхозное солнце выключается; при отсутствии включается вновь.
3. Целью колхозного солнца является подавание света для жизни, [и] труда и культурной работы колхозников, полезных животных и [ого] огородов, захватываемых [светом лучей] лучами света.

² На левом поле л. 28 напротив слов в электричество как в бога обещал поверить зачеркнута вертикальная линия.

4. В ближайшее время простое стекло на солнце надо заменить научным, ультрафиолетовым, которое [*вы / посредством света пропуска*] развивает в освещенных людях здоровье и загар. Озаботиться тов. Кондрову.
5. Колхозное электросолнце в то-же время культурная сила, поскольку некоторые старые ||

31

члены нашего колхоза и разные верующие соседних колхозов и деревень дали письменное обязательство перестать держаться за религию при наличии местного солнца. Электросолнце так-же имеет то [*сузубое*] прекрасное значение, что держит на земле постоянно яркий день и не позволяет скучиваться в настроеньях колебанью, невежеству, сомнению, тоске, унылости и прочим предрассудкам, и тянет всякого бедняка и середняка к познанию происхождения всякой силы света на земле.

6. Наше электросолнце должно доказать городам, что [*деревня*] советская деревня желает их дружелюбно [*догнать и перегнать в техн*] догнать — перегнать в технике, науке и культуре и доказать то, что и в городах необходимо устроить районные общественные солнца, дабы [*рабочие*] техника всюду **горела и гремела** по нашей стране.
7. Да здравствует ежедневное ||

32

солнце на советской земле!»

Все это было совершенно правильно и хорошо, [*но я знаю иной улыбнется / насмешиливо улыбнется, узнав про это; ишь, скажет, чушь какая*] и я обрадовался этому действительному строительству новой жизни. [*Но*] Правда, было в [*это*] таком явлении что-то трогательное и смешное, но это была [*смех*] трогательная **неуверенность** детства, **опережающего тебя**, а не **падающая** ирония гибели. Если-бы таких обстоятельств не встречалось, мы бы никогда не [*спустились с дерева / увидели*] устроили человечества и не почувствовали человечности. [*Ведь известно, что ионизированный воздух*] ибо нам смешон новый человек, как Робинзон для обезьяны; нам кажутся наивными его занятия и мы втайне хотим, чтоб [*он научился у нас*] он не покинул умирать нас одних и возвратился **к нам**. Но он не вернется, и всякий ||

33

душевный бедняк, единственное [*бог*] имущество которого сомнение, погибнет позади всех.

Кондров вернулся.

- Ты наверно в Москву ездил за ультрафиолетовыми лампами? — спросил я его.
- За ними, — ответил он. — Сказали, что еще не продаются, все только собираются делать их, чешутся чего-то!
- Ты где был, когда начало гореть солнце и потухло?
- Здесь же на солнце.
- Жарко было около диска?
- Ужасно.

Я зашел за диск и начал [*было*] проверять всю проводку, но проверять ее было нечего: вся изоляция на проводах сотлела, все провода покоились на коротком замыкании, а входные предохранители, конечно, перегорели. Всю эту оснастку делал, оказывается, ||

кузнец из другой деревни, соответственно одной лишь своей сообразительности.

По общему решению с Кондровым мы сделали [т] **полный** анализ [негорени] негорению солнца, а затем сообщили свое **мнение** [решению в присутствовавший] присутствовавшим близь нас членам колхоза. Наше **мнение** было таково: солнце потухло от страшной световой жары, которая испортила провода, стало-быть нужно [посад] реже посадить лампы на диске.

— Не нужно! — отверг [Сергеа] **пассивный** дотоле **задний** **средняк**. — [Лучше] Вы не понимаете. Вы поставьте на жесь какие-либо сосуды с водой, вода будет остужать жару, а нам[-же] для **желудка** [опять-таки **кипяток** **получится**] придется кипячая вода.

Слово **средняка**, стоявшего позади, было разумно и приемлемо для дела: если [сплотить] на рефлекторе устроить водяную рубашку, то жесь будет холодить провода, кроме того каждый час можно получать по ведру кипятку. ||

35

— Ну, Как? — спросил [Ко] меня Кондров среди **общего** **задумавшегося** **молчанья**.
— Так будет верно, — ответил я.

— Крутильно-молотильную бригаду прошу прийти ко мне! — громко произнес Кондров.

Эта бригада была наиболее упорной в любом тяжком, [и] **срочном** или малоизвестном труде. Вчера она только что закончила сплошную очистку семян и, проспав двадцать часов, теперь постепенно подошла к Кондрову.

Под солнечной каланчой мы устроили производственное совещание, на котором выяснили все части и матерьялы для [произво] рационализации солнца, а также способ переделки пошвенного, водобойного колеса на наливное сверху.

После того мне дали освобождение и я заинтересовался [к / местной] **здешней** **классовой** борьбой. За этим я пошел в изба-читальню, зная, что культурная революция у нас часто идет по раскулаченным местам. Так и оказалось: изба-читальня занимала дом старинного, векового ||

36

кулака [Вы] Семена Верещагина, до своей ликвидации единолично и зажиточно хозяйствовавшим <sic> на хуторе Перепальном сорок лет (в ожидании того, как назваться колхозом Добр[ое/ым]ое Начало[м], деревня называлась хутором Перепальным). Верещагин и ему подобный его сосед Ревушкин жили не столько за счет своих трудов, сколько за счет [качества] своей **особой** мудрости.

Вставка I. || ³

Вставка I
(К стр. 36)

[AC]

[ПОСЛУШАЙТЕ РАССКАЗ ОБ ОДНОМ МУЖИКЕ, КОТОРЫЙ ПЕРЕХИТРИЛ ЦЕЛОЕ ГОСУДАРСТВО.

Семе <sic> Верещагин уже сорок лет единолично и зажиточно хозяйствовал на хуторе Перепальном, живя не столько за счет своих трудов, сколько за счет своей мудрости.]

³ На правом поле л. 36 напротив слов назваться колхозом Добр[ое/ым]ое Начало[м], деревня зачеркнут вопросительный знак.

С самого начала советской [газеты] власти [он] Верещагин выписывал четыре газеты и читал в них все законы и мероприятия, с целью пролезть между ними в какое-либо узкое и полезное место. И так долго и прочно существовал Семен Верещагин, притаясь и мудрствуя. Однако его привела в смущение в последнее время дешевизна скота, а Верещагин и[э]стари занимался негромкими барышами на скупке и перепродаже чужой скотины. Долго искал Верещагин каких-либо законов на этот счет, но газеты говорили лишь что-то косвенное. Тогда Верещагин решил использовать и самое косвенность. Он вспомнил в уме что его лошадь стоит нынче на базаре рублей 30, а застрахована она за сто семнадцать. А тут еще колхоз вот вот грянет, и тогда лошадь станет вовсе как бы [*нрзб*] **не скот и не предмет**.

Целыми длинными днями [Сидел Верещагин на лавке и грустно думал, хитря одним желтым глазом.

— Главное, чтоб государство меня не услышало,— соображал он.— Что-то я нигде не читал, чтобы лошадей мучить нельзя было: значит — можно. Как бы только Осоавиахим не встрял: да нет — его дело аэроплан!

И Верещагин **сознательно** перестал давать пищу лошади. Он ее привязал намертво веревками к стойлу и давал только воду, чтоб животное не визжало и не привлекало **бдительного** слуха соседей.

Так прошла неделя. Лошадь исчахла и глядела почти-то <sic> по человечьи, а когда приходил к ней Верещагин, то она даже открывала рот, как бы желая произнести томящее ее слово.

И еще прошла неделя **или десятидневка**. Верещагин для ускорения кончины лошади, перестал ей давать и воду. Животное поникло головой и непрерывно хрипело от своей тоски.

— Кончайся,— приказывал коню Верещагин.— А то советская власть ухватлива. Того и гляди — о тебе вспомнит.

А лошадь жила и жила, точно в ней была какая-то идейная устойчивость.

На двадцатый день, когда у коня уже закрылись глаза, но еще ||

2.

билось сердце, Верещагин обнял свою лошадь за шею и по истечении часа задушил ее. Лошадь через два часа остыла.

Верещагин тихо улыбнулся над побежденным государством и пошел в избу отдохнуть от волнения нервов.

Дней через 10 он отправился получить за павшую лошадь страховку, как только сельсовет дал ему справку, что конь погиб от желудочного томления.

За вырученные сто рублей Верещагин купил на базаре три лошади и как сознательный гражданин застраховал **это поголовье** в окружной конторе Госстраха.

Пропустив месяц и не услышав, чтоб государство зашумело на него, Верещагин перестал кормить и новых троих лошадей. Через месяц он теперь будет иметь двести рублей чистого дохода, а там еще — и так далее **до бесконечности избытка**.

Прикрутив лошадей веревками к стойлам, Верещагин стал ждать их смерти и своего дохода.

Однако, дворовая собака Верещагина тоже не сидела с убытками — она начала отрывать от омертвевших лошадей задние куски, так что лошади пытались шагать от боли [*и тскать <sic> их*] и таскала мясные куски по чужим дворам, чтобы прятать. Собаку крестьяне заметили и вскоре сельсовет во всем составе, во главе с Кондровым, пришел к Верещагину, чтобы обнаружить у него склад [мяса] говядины. Склада сельсовет никакого не нашел, а ночью прибежала на двор Верещагиных целая стая чужих собак и, присев, эти дворовые животные стали выть.

На другой день левый бедняцкий сосед Верещагина перелез через плетень и увидел трех изодранных собаками умирающих лошадей.

Верещагин тоже не спал, а думал. Он уже с утра пошел взять справку о трех своих павших лошадях, которые он купил, дескать, лишь для того, чтобы отдать их в организуемую лошадиную колонну, но вышла одна божья воля.

[Секретарь] Кондров поглядел на Верещагина и сказал:

— Не пройдет, Верещагин, твое мероприятие, мы от собак о всем твоём способе жизни узнали! Иди в чулан пока, а мы будем заседать про твою судьбу: сегодня газета «Беднота» пришла, там написано про тебя и про всех таковых личностей.

— Почта у нас работает никуда, товарищ [секретарь] председатель,— сказал Верещагин,— я ведь думал, что теперь машины пойдут, а лошадь — вредное существо, оттого и не лечил такую отсталую скотину!

— Ага, ты умней всего государства думал,— произнес тогда Кондров [секретарь].— Ну ничего, ты теперь на ять попадаешь под новый закон о сбере-

3.

жении скота.

— Пусть попадаю,— с хитростью смирился Верещагин.— За то я за полную индустриализацию стоял: долой скотину с полей! Да здравствует 3-й интернационал!

— Вот именно,— воскликнул в то время Кондров [секретарь].— Долой кулацкую тварь со всех полей, потому что кулак теперь хуже всякой скотины. Иди в чулан и жди нашего суждения, [лошадиный разбойник] пока у меня нервы держатся, враг всего человечества!

Через месяц или два Верещагина и аналогичного Ревушкина бывшие ихние батраки [этих двух хозяев] — Серега, смазчик и другие — погнали пешим ходом в район и там оставили на-веки.

37

Ни один середняк в Перепальном при раскулачивании [в Перепальном] обижен не был,— наоборот середняк Евсеев, которому поручили записать точно всякую мелочь в кулацких дворах, чтобы занести ее в колхозный доход, сам обидел советскую власть. А именно, когда Евсеев увидел горку каких-то бабье-дамских драгоценных предметов в доме Ревушкина, то у Евсеева раздвоилось [е] от жадной радости в глазах — и он взял себе лишнюю половину, по его мнению лишь вторившую [первую,] предметы,— таким образом [исчезла / женский инвент] от женского инвентаря ничего не осталось, а государство было обездолено на сумму в сто или двести рублей.

Такое единичное явление в районе обозначили разгибом, а Евсеев прославился как разгибщик — вопреки перегибщику. Здесь я пользуюсь обстоятельствами, [д] чтобы объявить истинное положение: перегибы при коллективизации не были сплошным явлением, были места, свободные от головокружительных ошибок и там || ⁴

38

линия партии не прерывалась и не заезжала в кривой уклон. Но [Нет.] к сожалению, [спора, / разногласия, что] таких мест было не [очень] слишком много. В чем-же причина такого бесперебойного проведения [линии?] генеральной линии?

По моему, в самостоятельно размышляющей голове Кондрова. Многих директив района он просто не выполнял.

— Это писал хвастун,— говорил он,— читая **особо** напорные директивы, в роде «даешь сплошь в десятидневку» и т.под.,— Он желает прославиться, как автор какой, я, мол, первый социализм [м] бумажкой достал[!],— **сволочь такая!**

Другие директивы, наоборот, Кондров исполнял со строгой тщательностью.

— А вот это мерно и революционно! — сообщал он про дельную бумагу.— Всякое слово хрустит в уме, читаешь — и как будто [холодн] свежую воду пьешь: только товарищ Сталин может так сообщать! Наверно, районные черти просто себе списали эту директиву с центральной, а ту, которую я бросил, сами выдумали, чтоб [вперед] умней разума быть!

Действовал Кондров без всякого ||

39

страха и оглядки, несмотря на постоянно грозящий ему палец из района:

— Гляди, Кондров, не задерживай рвущую[ш]ся в будущее бедноту — [ходу давай,] заводи темп на всю историческую скорость, невер несчастный!

[— У вас темп только в настроении,]

Но Кондров знал, что темп нужно развить в [людях] бедняцком классе, а не [в своем] только в своем настроении. Районные же люди [принимали] приняли свое **единоличное** настроение за всеобщее воодушевление и рванулись так далеко вперед, что давно скрылись от малоимущего крестьянства за полевым горизонтом.

Все-же и Кондров совершил недостойный его факт: в день [прочтения] **получения** статьи Сталина о головокружителях к Кондрову по текущему делу [явилс] заехал предрика. Кондров сидел в тот час [под плетн] на срубе колодца и **торжествовал** [небывало рычал / стонал] от настоящей радости, не зная, что ему сделать сначала — броситься в снег или сразу приняться за строительство солнца, но надо было || ⁵

40

обязательно [уто] и немедленно утомиться от невозможного счастья, обещающе[му]го повтор[я]ться и впредь при таком **мужественном** руководстве.

— Ты что гудишь? — спросил его неосведомленный предрика.— [Дай] **Сделай** мне сводочку...

И тут Кондров [оберн] обернул Правдой [кулак свой] кулак и сделал им удар в ухо предрика.

⁴ На левом поле л. 37 напротив слов лишнюю половину, по его мнению лишь вторившую [первую,] **предметы** зачеркнут вопросительный знак.

⁵ На левом поле л. 39 напротив слов [небывало рычал / стонал] зачеркнут вопросительный знак.

[Однако, я уже устал быть неподвижно в одном колхозе и захотел уходить дальше, и ушел накануне вечера / ушел во время захода]

До самого захода небесного солнца я находился в колхозе и, облюбовав все достойное в нем, вышел из него прочь. Колхозное солнце [все] еще не было готово, но я надеялся увидеть его свет с какого-нибудь [дере] придорожного дерева из ночной тьмы.

Отойдя верст за десять, я встретил подходящее дерево и влез || ⁶

41

на него в ожидании. Половина района была подвержена моему наблюдению в ту начинающуюся весеннюю ночь. [Над всеми види] В далеких колхозах горели огни, [раздавался стерегущий голос собак, одинаково] слышен был работающий где-то триер и отовсюду раздавался [стерегущий] знакомый, как колокольный звон, стерегущий голос собак, [так-же / столь-же усердно] работающих на коммунизм с тем-же усердием, [как они раньше], что и на кулацкий капитализм. Я нашел место, где было расположено Доброе Начало, но там горело всего огня два и оттуда не [не слышалось собак] доносилось собачьего голоса.

[Прошло] Я пропустил долгое время, поместившись на [ство] боковой [стволе] отрасли дерева, и все глядел в окружающую, [даль] постепенно молкнущую даль. Множество [вечных звезд светило на / одиноких звезд светило с неба] прохладных звезд светило с неба в земную тьму, [на] в которой неустанно работали || ⁷

42

люди, чтобы впоследствии [наст] задуматься и над судьбой посторонних планет; поэтому колхоз [<нрзб>] более приемлем для небесной звезды, чем единоличная деревня[.]. [потому] Утомившись, я [несходя] нечаянно задремал и так пробыл неопределенное время, пока не упал от испуга; но не убили. [Это меня] **Неизвестный** человек [под деревом] отстранился от дерева, давая мне свободное место падать, — от [его] голоса этого человека я и проснулся на [дер] верху.

Разговорившись с человеком, я пошел за ним вслед по дороге, ведущей дальше от Доброго Начала. Иногда я оглядывался назад, ожидая света колхозного солнца, но все напрасно. Человек мне сказал, что он борец с неглавной опасностью и идет сквозь округ по командировке.

— Прощай, Кондров! — в последний раз обернулся я на Доброе Начало.

[Часто нам] Навстречу нам часто попадались какие-то одинокие и групповые люди, — видно в колхозное время ||

43

и пустое поле имеет свою плотность населения.

[— К] — А какая опасность неглавная? — спросил я того, с кем шел. — Ты бы лучше с главной боролся!

— Неглавная кормит главную, — ответил мне дорожный друг. — Кроме того, я слабосердечен, а в области левачества действует более всего юношество и девичество, которых [не] надо бить без грубости. Главная опасность — вот та хороша: там старики, там пожилые, почетные бюрократы, там разные акционерные либералы —

⁶ На левом поле л. 40 напротив слов таком мужественном руководстве зачеркнут вопросительный знак.

⁷ На левом поле л. 41 напротив слов стерегущий голос собак ~ работающих на коммунизм зачеркнут вопросительный знак.

тех крушить можно вдосталь,— [и с памятью] и для самообразования будет полезно: кто ее знает, может быть правые уже последние ошибочники, [выбитые] последние [бесплотные] вышибленные души кулаков! С кем бороться после них, на ком набьешь руку идеологии, на чем укрепишь тогда свою правоту? Почти нет больше вражьих классов!.. [Эх] Ах, как жалко, что у меня сердце слабое, а то бы мне главную дали: эх, и пожил бы я [наш] в такое сокрушающее время!

Я осмотрел говорящего человека. Лета ||

44

его были еще не старые, зато лицо и тело, видимо, уже [износились] истратились в [дискуссиях, притом] окружных дискуссиях, настолько его туловище [глядело] глядело [<нрзб>] измученным существом. Он дышал неравномерно и редко, все время забывался во внутренних мыслях[,] и едва ли достаточно [питался] ел пищи,— лишь [убеждение] истина коммунизма согревала его; а борьба за ее сбережение [приводила к нему отличное счастье] давала ему отличное счастье.

Переваливая за горизонт, мы заметили по [свету] бледному свету на земле, что сзади нас взошла луна. Мы оглянулись.

Я увидел [вдалеке] среди дальнего мрака слабое [белое / круг] круглое светило, все-же боровшее сплошную тьму.

— Это солнце зажгли в колхозе! — сказал я. [— Значит, и кипятильник сделали]

— Да, [— согласился] возможно,— безразлично согласился борец с неглавной опасностью.— Для луны, [это слишком] для последователя солнца это слишком неважный огонь. И последователем надо быть уметь!

Ночевали мы с ним в неопределенной избушке, которую [заметили] [мы] увидели в стороне || ⁸

45

от тракта.

— Пункт бы здесь устроить какой-нибудь! — сказал мне на утренней заре [борец] прохожий товарищ.— Зачем стоит эта хатка пустой, когда основной золотой миллиард, нашу идеологию, не каждый имеет в душе!

[— Д] — Это правда,— сказал я,— на свете много душевных бедняков.

В течение первой половины дня мы шли дальше. По сырым полям кое-где уже ходили всем составом колхозы⁹ и шупали руками землю, определяя ее весеннюю спелость.

Затем мы дошли до деревни Понизовки, расположенной, действительно, по низу земли. Это объясняется недостатком воды или трудностью ее добычи на верхних почвах. Вообще — [сельское] колхозное и совхозное водоснабжение должно стать большим предметом второй пятилетки, ибо, как я заметил, [в / высота] степень обработки и освоенности земель обратно пропорциональна водоснабжению. Это значит, что высокие, водораздельные земли, || ¹⁰

46

обычно самые ценные по качеству, самые структурные по составу, хуже обраба-

⁸ На левом поле л. 44 напротив слов туловище [глядело] глядело [<нрзб>] измученным существом зачеркнут вопросительный знак.

⁹ Стоит знак перестановки слов. Было: колхозы всем составом.

¹⁰ На левом поле л. 45 напротив слов Понизовки, расположенной, действительно зачеркнута запись: [Кол. посеv].

тыва[е]ются и за такими полями быва[ю]ет меньше ухода. Оно и понятно, потому что водоразделы лежат далеко от хозяйственной базы, всегда прижатой к [речке, ручью и] естественно-открытому водоему или к [верховодке] неглубокой [воде / подземной воде] грунтовой воде. [Отсю] Я видел в зерновых районах не меньше ста громадных сел, и все они согнаны на водопой в низы — в долины речек, в балки и прочие провалы рельефа. Высокие же, самые тучные земли далеки и пустынные. Это означает громадные, вероятно в несколько сот миллионов рублей ежегодно, потери для нашего хозяйства, благодаря недобору урожая с водораздельных почв.

В чем же заключается решение задачи? В том, чтобы селить колхозы и основывать совхозные усадьбы прямо на водоразделах, в центре плодородия почв. А водоснабжение для них ||

47

следует устраивать посредством глубоких трубчатых колодцев. Добавочное значение тут будет еще в резком оздоровлении деревни. Та заразная жижка открытых водоемов, которой утоляет свою жажду почти весь деревенский СССР, [эти] потеряет тогда свой смысл, как источник водоснабжения. Артезианская-же, глубокая вода трубчатых колодцев, [как известно] безвредней, вкуснее и чище, чем хлорированная водопроводная.

[Сейчас] Сейчас, когда идешь по СССР, то видишь как-бы пустую, незаселенную страну. Это потому, что все поселения спрятались в низовые ущелья; иначе говоря — гидрологические условия определили собой способ [за] заселения нашей земли. [Еще] Соображая же несколько глубже, можно сказать, что феодально-капиталистические производственные отношения держали деревню у [боло] ручьев и болот, оставляя в полном или частичном запустении самые ||

48

лучшие по плодородию суходолы. Отсюда [понятно] ясно, что для многих наших южных, юго-восточных и центрально-черноземных районов социализм должен явиться, в числе прочих своих элементов, так-же и в качестве [виде] воды на водоразделах.

Вот отчего деревня, встреченная нами, называлась Понизовкой — именем, которое подходяще и для тысячи других деревень.

Борец с неглавной опасностью пошел непосредственно в сельсовет. И здесь я был свидетелем [еэ] действий его опытного ума, умевшего всякую бюрократическую сложность обращать в понятную простоту истины.

— Что-же вы [, товарищ,] ничего нам не сообщили? — спросил моего [т'оварища по до] дорожного [товарища] товарища секретарь сельсовета.— Мы бы вам тарантас послали навстречу!

— Не указывай! — ответил борец.— Береги лошадей для сева, а не для меня. ||

49

На стене совета висели многие схемы и плакаты, и в числе их один крупный план, сразу привлечший зоркий ум борца с опасностью. План [имел] изображал закрепленны[ми]е сроки и названия боевых кампаний: сортировочной, землеуказательной, [сут] разъяснительной, супряжно-организационной, пробно-посевной, проверочной к готовности, посевной, контрольной, прополочной, уборочной, учетно-урожайной, хлебозаготовительной, [обо] транспортно-тарочной и едоцкой.

Глубоко озадачившись, борец сел против пожилого, несколько угрюмого председателя. Ему было интересно, почему сельсовет заботиться <sic> и о [ед] том,

чтоб люди ели хлеб,— разве они сами неспособны для этого или настолько отсталы, что откажутся от своевременной пищи?

— А кто его знает? — ответил председатель.— Может обозляться <sic> на что-нибудь, [или] либо кулаков послушают, [чтоб] и **станут** не есть! А мы не можем допускать ослабления населения! ||

50

[— Так]

Секретарь дал со своего места дополнительное [объяснение] доказательство необходимости жесткого проведения едоцкой кампании.

— Если так считать,— сказал секретарь,— тогда и прополочная кампания не нужна: ведь ходили-же раньше бабы сами полоть просо, а почему-ж мы их сейчас мобилизуем?

— Потому что, молодой человек, [раньше женщина рожает социализм / рожается] вы **только** приказываете верить, что общественное хозяйство лучше единоличного, а почему [настолько] лучше — не показываете,— ответил мой дорожный товарищ.

— Нам показывать некогда, социализм не ждет! — возразил секретарь.

— Ну конечно! — заключил борец.— Вы строить и достраивать ничего не хотите, вам охота поскорей **как-нибудь** отстроиться и лечь **на отдых** среди счастья... Вот она левая, бегущая юность! — уже ко мне обратился командированный.

[Мнение председателя]

Настроение председателя было ||

51

иным. Он угрюмо предвидел, что дальше жизнь пойдет еще туже. По его выходило, что скоро придется людей [кормить] административно кормить из ложек, будить по утрам и уговаривать прожить очередную обыденку. Секретарь-же с ним постоянно ссорился и считал его правым трусом, сам в то-же время яростно и директивно натягивая группу бедняков-активистов, не давая им ни понять, ни почувствовать, вперед, бегом через колхоз, на коммуну.

Спустя немного времени, окружной товарищ [довольно улыбался] сильно смеялся такому четкому обстоятельству, когда левый и правый сидят в одной комнате и все время [произв] как-бы производят один другого.

— Едоцкая кампания была ниточкой, [за которой] на которую я сразу поймал и левацкого караса и правую шуку,— объяснил мне [спутн] окружной спутник.— Придется мне в [этой] этом селе посидеть и кой-кого обидеть из этих дрессировщиков масс... ||

52

— Да ты слишком примиренчески с ними говоришь,— сказал я.— Причем тут юность, нежность, когда левый правит на катастрофу?! [Ты подумай]

— Это верно,— вдумчиво согласился борец.— Случись что тяжелое, левый ведь побежит к правому — боюсь, скажет, дяденька! А этот [за] дяденька [скажет что] [захохочет возьмет] зарычит своим басом и угробит все на свете, кулацкий кум!..

Окружной человек еще немного подумал среди тишины **кончающегося** степного дня.

— Правильно-правильно: у левых — дискант, у правых — бас, а у настоящей революции баритон, звук гения и точного мотора!

И здесь борец с неглавной опасностью отошел от меня; я же направился из Понизовки дальше — по своему маршруту, несмотря на [близкое] вечернее время.

Идти мне пришлось недолго; [т] два неизвестных инженера ехали с шофером на автомобиле и взяли меня подвезти до ближнего места. С полчаса мы ||

53

ехали спокойно; а потом

Вставка «Б» ||

Вставка «Б»

[Двое производителей работ ехали с постройки большой плотины в сухой и дальней степи. Один из них был я, а другой — Сергей Дмитриевич Гуцев, ранее работавший по осушению плавней в пойме Амазонки в Бразилии. Мы ехали на старой машине, заслуженной итальянской марки «Лянчия»; дорога разрыхлилась от бывшего дождя, ее брала только вторая и третья скорость, — и у нас часто кипел радиатор, который мы пробовали охладить переводом мотора на прямое сцепление с карданом, но нам не удавалось.]

[Вдруг] в моторе что-то [резко] жестко и часто за[в]билося, словно в камеры цилиндров попало металлическое трепещущее существо. Конус, тормаз, — и [мы] шофер вышли <sic> смотреть повреждение. Отняв гайки, мы **общим усилием** попробовали поднять блок цилиндров, но силы в нас оказалось меньше тяжести, а энтузиазма не было. Прохожий человек стоял и судил нас: — Вы маломочны и беретесь не так. Лучше ступайте на Самодельные хутора — отсюда версты две будет, и того нет. Возьмите оттуда Гришку — он вам один машину зарядит. А так вы замучаетесь: вы люди не те[.].!

Мы подождали из уважения к себе перед прохожим, но затем сообразили, что без того Григория с хутора и без лошадей нам не обойтись, и [вечерело] темно уже.

Я пошел на хутор. В долине существовали четыре закопченных двора, из каждой трубы шел какой-то нефтяной дым и всюду в этом поселении гремели молотки. Хутор был похож не на деревню, а на группу придорожных кузниц; **самые же дома**, когда я подошел ближе, были вовсе не жилищами, а мастерскими и там горел огонь труда над металлом.

[Хутор назывался «Спартак», и находился он в бывшем Богучарском уезде, Воронежской области.] Опустелые поля окружали эту индустрию — видно, что хуторяне не пахали и не сеяли, а занимались железным делом какого-то **постоянного** машинного мастерства. **Вдруг** [Р]резкая воздушная волна ударила мне в глаза горячим песком, снесенным с почвы, и вслед затем раздался пушечный удар. От негожи- ||

2.

данного страха я присел за лопух и слегка обождал. Голый человек, черный и обгорелый — не на солнце, а близь огня — вышел из хаты-мастерской и поднял позади меня огромный деревянный кляп.

Этот человек оказался необходимым нам Григорием. Он только что испробовал **прочность** железн[ую]о[й] труб[у]ы, посредством выстрела из нее деревянной пробкой[.]: железная труба лежала в горне, имея воду внутри, и работала как паровой котел — на давление, пока не вышибла кляпа из отверстия.

Григорий пошел со мной и поступил с [«Лянчией»] **автомобилем** очень просто: он выбрал начинку из двух цилиндров, в виде рассыпавшихся вкладышей, и запустил мотор на двух цилиндрах.

— Ехать можно,— сказал нам Григорий.— Только в двух холостых цилиндрах теперь живот болит — там газ и масло гоняются непостижимо как.

Мы поехали на [*Спартак*] его хутор. Хутор этот живет уже лет двести, и всегда в нем было не более четырех дворов. В свое, отошедшее в древность время, хутор был ремонтной мастерской чумачьих телег, арб и чиновничьих экипажей, а теперь на хуторе поселились бывшие партизаны и демобилизованные красноармейцы, происхождением из шахтеров, московских холодных сапожников и деревенских часовых мастеров, делавших в свое время за недостатком заказов девичьи бусы.

— Вы ездили на автомобиле? — спросил у Григория [*Сергей Дмитриевич.*] **один основной пассажир — инженер.**

— Кто мне давал его?! — с вопросительной обидой произнес Григорий, правивший машиной.

— А как же вы едете так прилично?

— А я же еду и думаю,— объяснил Григорий.— Машина же сама говорит, что ей симпатично, а я ее слушаю и норовлю.

[*В Спартаке*] На этом хуторе мы ночевали, потому что Григорий обещал поде- лать вкладыши из металла, который никогда не лопнет и не раскрошится.

Мы [*с товарищем Гущевым*] легли на ночлег в солому близь сарая, [*где*] в кото- ром хранился кузнечный уголь и брак продукции. Едва только мы углубились в прохладу сна на свежем воздухе, как нас разбудил гром аплодисментов и длительные овации. Вокруг ничего не ||

3.

существовало, кроме тихой и порожней степи, [*д*]а в одном строении хутора гремел восторг масс и трезво дребезжало стекло открытого окна. Я встал в раздражении испорченного сна, но со счастьем любопытства.

— Неопределенных возгласов не хватает,— услышал я рассуждение Григория в тишине кончившейся овации.— Люди всегда работают сразу — и в ладоши и в голос крика! Иначе не бывает. Когда рад, то все члены организма начинают передачу.

Я не понимал[.], и пошел внутрь мастерской. На полу жилья стоял станок, похожий на тот, что точит ножи и всякие лезвия, но с особым значительным ящиком и разными мелкими деталями. Привод станка в действие — явно был ножной. Весь этот аплодирующий автомат был изготовлен [*спартаковцами*] [*сте*] полевыми мастеравыми для Петропавловского драмкружка, которому нужны были по ходу одной пьесы приветствующие массы за сценой. Здесь пришел другой мастеровой — Павел, по прозвищу Принцип, он принес ку- сок блестящего металла в руке.

— Это что? — спросил я у Григория.

— Это мы детекторы из него крошим.

— И много вам заказывают?

— Тыщи. Наши деревни музыку обожают, а слободы — еще более. Я думаю, что дальше в степь радио и не проходит: у нас в округе антенн гуще, чем деревьев, вся волна тут оседает.

[*Дальше спартаковские*] Затем мастеравые [*сошлись*] сели ужинать; их было

семь человек, и все они слегка походили друг на друга. [*таково, вероятно, интернациональное братское свойство труда.*]

Стол находился под кушей закоптевшего единственного дерева — в конце двора; над столом, подвешенная к дереву, горела чугунная люстра из десяти пятисвечевых электрических лампочек, а самое электрическое питание лампам подавал аккумулятор с чердака. На столе имелись для апп[арата]етита полевые цветы [*цветы*] в банке и две стальные гравюры, изображавшие любовь.

После сытного ужина, рассчитанного на утоление мощных туловищ [*спартаковских*] степных мастеровых, состоялось чтение газеты вслух. Читал Григорий, а остальные серьезно слушали и отвечали искренними чувствами.

— «Нашей погранохраной задержан польский шпион Злучковский» ||

4.

— читал Григорий.

— К ногтю! — решили слушатели про того шпиона.

— «В Баку открыт новый мощный завод смазочных масел».

— Машинам необходимы жиры. Это первейшая нужда,— одобряли такое дело мастеровые, сочувствуя машинам.

— «Камчатская пушная экспедиция Госторга шлет приветствие пролетариату Советского Союза».

И все слушатели молча наклоняли головы в ответном приветствии.

— «Близь Ашхабада наблюдались слабые толчки почвы, в [*ауле*] деревне Исмидие разрушен один дом».

— Зря! Люди работают, а посторонняя сила лезет.

[*Спартаковцы — э*] Это были очень серьезные люди. Было заметно, что они не слушают происшествия, а чувствуют их, не созерцают, а изучают, и в легкой работе ума отдыхают тяжелым телом.

После ужина Григорий принялся за изделие вкладышей для автомобильного мотора. По его системе вкладыши должны получиться прочнее, потому что он их делал не из целого куска бронзы, а из частей.

— Ты видел дома из одного цельного камня? — спросил Григорий у меня.

— Нет,— по справедливости сообщил я.

— Оттого они и стоят по сту лет, оттого и держат бури, жару, дожди и сотрясения. Часть — великое дело, а сплошной массив — хрупкая опасность. Я тебе вкладыши сварю из крупинок и частей, как кирпичный дом. Будешь ездить сильно! Митрий, порть мне бронзу на мелочь!

Дмитрий начал рубить кусок бронзы.

— Брось! — догадался Григорий.— Бронза стоит государству средств и организации. Руби мне ее из старых вкладышей.

И так было поступлено.

Еще не успел сварить и отформовать Григорий вкладыши, как из степной ночи предстал пред мастерской таинственный, озадаченный всадник. То был друг Григорий — комсо- ||

5.

молец из недалекой слободы.

— Гриша! К нам бог вступает, поп и бабы ему иже херуим хором поют, на голове у него свет горит!.. Едем со мной на лошадином заду!

— Заводи машину! — сказал Григорий мне. — **Буди шофера!**

Шофера я разбудил, а инженеры от усталости ехать не захотели.

Через минуту мы помчались с хутора на паре цилиндров — бороться с пришествием бога в слободу, а позади нас поспевал комсомолец на коне.

Мы приехали быстрее бога: он еще не дошел до слободы, а медленно двигался по горизонту, окруженный старым народом, и над головой его, действительно, светился нимб беловатого огня. Мы дали газ в мотор и с перебоями в цилиндрах достигли бога и верующих в него.

Шел старик[,] по земле, одетый в рядно, босой и торжественный. Борода, ясные очи и благодушные пожилого лица служили **как бы** определенными признаками бога-отца. Вокруг косматых головных волос светилось ровное озарение. Увидев автомобиль, бог-отец выпустил из рук чернохвостого голубя, означавшего духа святого; голубь не хотел было улетать от кормильца, но Григорий дал воюющий сигнал — и птица понеслась боком в даль. За это мы получили из толпы камень, разбивший стекло в правой фаре.

Григорий тогда встал на шоферское сиденье:

— Господа старики и старухи! (В южных слободах любят это почтительно-отжившее обращение). Господь устал от тяжести грехов народа и пешего хода по земному пространству. Мы приехали сюда на машине, чтобы заставить дьявола послужить господу... Садись, бог!

— Охотно, голубчик! — согласился близко созерцавший нас бог-отец.

Он был усажен в пассажирское заднее отделение и рядом с ним сел Григорий, а [я] **шофер** повел машину — с такой скоростью, чтобы старики и старухи попевали сзади бежать.

Ночь продолжалась над нами; глубокая звездная природа существовала вокруг нас, не замечая местного людского происшествия. В слободе заметили приближение того, кто ||

6.

явился во второй раз в мир человечества, и сторож зазвонил в главный колокол с малыми подголосками, произнося на них пасхальную службу.

Шоферское боковое зеркало все время отражало свет заднего бога, и вдруг оно погасло; я не мог обернуться, потому что [*впереди машины неслись собаки, их можно было подавить,*] **по указанию шофера качал воздух в бензиновый бак**, но зеркало опять заблестело божьим сиянием, и я успокоился.

У входа в храм лежал ниц поп и также повалены были все те, кто и раньше ходил под богом. В стороне стояла группа комсомольцев, трактористов и молодых слобожан, они бесстрашно улыбались накануне светопреставления. Один крестьянин, уже положительного возраста, подошел ко мне в сомнении: — Либо, товарищ, правда бог где-то был, а теперь явился, когда не нужен?

Я не разубеждал его словом, поскольку бог-отец почти физически был.

Здесь божий свет снова потух. Поп поднял очи:

— Где же свет господень, что я видел во мгновении времени?

— Сейчас, — ответил бог. Но свет вокруг его главы не происходил.

— Давай я зажгу, — предложил Григорий, — ты будешь копать, должность потеряешь.

Он заголил богу рядно, как юбку, пошарил по его груди, и свет засиял.

— У тебя зажимы на батарее ослабли,— тихо сообщил Григорий богу.
 — Знаю,— согласно сказал господь,— туда бы нужны болтики и гаечки, а разве их обнаружишь где в степи!

После посещения храма, мы повезли бога в избу-читальню. Так пожелал Григорий, а бог согласился. У Григори[й]я был замысел: в этой зажиточной слободе почти никто не верил в радио, а считали его граммофоном,— Григорий вез бога в техническое доказательство. В избе-читальне собралось народу порядочно, тем более, что прибывал бог. ||

7.

В громкоговорителе же ослаб аккумулятор и про то знал Григорий, а у бога вокруг груди висела свежая батарея элементов. Григорий поставил бога вблизи громкоговорителя и прицепил его проводами к аппарату. Радио, получив усиленное питание, зазвучало четким басом, но зато свет вокруг головы бога потух.

— Верите ли вы теперь в радио? — спросил Григорий собрание, во время перерыва для подготовки оркестра в Москве.

— Верим,— ответило собрание.— Верим господу и в шумную машину!

— А во что не верите? — испытывал Григорий.

— В граммофон теперь не верим,— сообщило собрание.

— Вот тебе раз! — раздражился Григорий.— А если мы вам граммофон сделаем, тогда поверите?

— Послушаем. Слухать будем, а верить обождем.

— А если я вас бога сейчас лишу?

Собрание и тому не особо удивилось:

— Ну-к [к]что-ж,— ответил за всех неимуший мужик Евсей, читатель центральных газет.— Вместо одного бога, за нами десять безбожников ухажорствовать будут. Че[и]м, Гришь, меньше веришь, тем оно к тебе внимания и доходу больше.

В полночь настала пора расходиться. Но вышло горе: никто не брал бога ужинать и ночевать в свою хату. Слобожане требовали, чтобы сельсовет назначил подворную очередь на содержание бога, а неорганизованно иметь бога не желали.

— Да возьми хоть ты его, Степан,— сказал Евсей соседу. У тебя новая хата[,] порожняя, как-нибудь уляжешься.

— Чего ты! — обиделся Степан.— Я третьего дня бревна на мост по самообложению возил!

Бог уже захотел есть и озяб от свежей ночи, проникавшей в окна избы-читальни.

Наконец, над ним сжалился комсомолец, который приезжал за нами на хутор, и позвал старика в свою хату, где существовала одна его бедная мать.

Григорий озлобился на такую религию и увез бога на ху- ||

8.

тор, как старика. Там бог поел, выпался и на утро остался трудиться второстепенным кузнецом. Он оказался безработным коচেгадом астраханской электростанции, тронувшимся в путь в виде бога-отца для проповеди коллективной жизни и для подыскания работы в колхозе.

— Я тебя поймаю — ушибу! — пообещал Григорий. [и] — Живи здесь и работай на производстве. Проповедуй молотком, а не ртом.

Довольный бог остался: все же в нем жила душа кочегара и пролетария, жила и думала; кулак или другой [полу]буржуй не сумел бы стать богом — он, невежда, не знает электротехники.

54

С теми техническими способностями, какие были у Григория Михайловича Скрынко, сидеть ему на хуторе и стрелять из труб деревянными пробками — не к чему и вредно для государства. На утро я сказал Григорию об этом. Он послушал и показал мне [бумагу] окруж[ую]ые бумаг[у]и, [силой] в силу котор[ой]ых он назначался директором Машинно-Тракторной Станции из [60] шестидесяти тяжелых тракторов; [баз] начальной базой для этой станции предназначался тот самый механический хутор, где жил сейчас Григорий. Машины

[Это было прекрасно]

и оборудование для МТС должны были прибыть в течение одной-двух ближайших недель.

Это было прекрасно. Лучшего вождя и [мастера] друга машин, чем Григорий Михайлович, [трудно] найти в этой местности нельзя. Кроме того, [товарищ Григорий Михайлович] только в случае внезапной смерти Григория Михайловича посевной план МТС мог-бы быть не выполнен, ||

55

а при его жизни этот план наверняка будет превышен процентов на сто, ибо [уж] у него [<нрзб>] трактора не останутся никогда и он заставит машину работать даже на одном цилиндре, лишь бы сберечь весеннюю минуту.

— А я недоволен,— сказал мне в последующей беседе Григорий Скрынко.— Вот проверну здесь генеральную линию, покажу всей средноте, что такое колхоз в натуре, что такое весна на тракторном руле, а потом — учиться уеду, больше не могу терпеть!

— Чего вы не можете терпеть?

— Отсталости. Зачем нам нужны трактора в каких-то [12-ть] двенадцать, двадцать или шестьдесят сил? Это капиталистические, [марки] слабосильные марки! Нам годятся машины в двести сил, чтоб она катилась на шести широких колесах, чтоб на ней не аэроплан трещал, а дышал-бы спокойный нефтяной дизель, либо газогенератор! Вот что такое советский трактор, а не Фордовская ||

56

[петрушк] горелка!

[— Н]

— Это пожалуй верно. Но как того [добитьс] добиться?

— Стану сам профессором тяги, вот и добьюсь.

[Года через три-четыре]

Наверно так и случится, что года через три-четыре или пять у нас начнут падать фордзоновские царапалки и появятся мощные двухсотсильные пахари конструкции Профессора Г. М. Скрынко.

— Что будет дальше на моем пути? — спросил я у Григория.

— Колхоз [«Б» «Без кулака»,— сказал Григорий.— Там председателем мой двоюродный брат, Сенька Кучум, скажи ему, что ты был у меня.

Я направился в этот указанный колхоз, но в виду <sic> ночной тьмы не успел достигнуть [колхоза и,] места назначения и явился туда на утро нового дня.

разрыв в 5–6 строк

При входе в колхоз висела вывеска с названием этого общественного ||

57

сельского хозяйства, а под вывеской план работ на текущий год, изображенный по железу, и [со] классовый состав колхоза: 48 бедняков, 11 батраков, 73 середняка, 2 учителя, 1 прочая женщина с детьми-сиротами.

Колхоз «Без кулака» существует с августа 1929 года; причем в 1928 году — при единоличном ведении хозяйства — нынешними участниками колхоза засеяно [все-го] озимы[х]ми всего 182 гектара, [в] колхоз-же посеял озимых 232 гектара; по яровым колхоз наметил увеличить площадь [посев] посева в полтора раза — против того, что сеяли [нынешние] нынешние члены, будучи единоличниками. За счет какой конкретной силы произошло увеличение производительности сложенных бедняцко-средняцких хозяйств?

Не зная этого, я пошел к Семену Кучуму, чтобы спросить. Семен, [Кучум] по прозванию Кучум, удивил меня мрачностью лица и резким голосом, раздающимся из глубины его ||

58

постоянно скорбящего сердца.

— Я не могу тебе ответить,— сказал он мне,— потому что для нас нет такого вопроса, для нас это понятно без всякого ума. [как течение воды]

— У вас, наверно, тракторы есть — или вам МТС [озимые] работала?

— Нет еще ни трактора, ни МТС.

— А что-же есть?

[— То] — Чего в тебе нет,— в нас нет вопроса.

— А отчего-ж мужики больше сеять начали?

— А для чего-ж они колхоз организовали — для бурьяна, что-ли?

— Ты обходишь мой вопрос, я же с добром спрашиваю.

— Не обхожу,— сообщил Кучум.— По твоему все наше дело должно выйти так: собрались люди в кучу с одним планом и желаньем, стали работать и вдруг ничего у них не вышло. Это-же страшно, и так быть не может! Так думает безумный или ненавистный. ||

59

— И я так думаю иногда.

— Понятно: в тебе нет колхозного чувства, не все поспевают за революцией. Кто имеет чувство, [тот] у того и ум, а без чувства — остаются одни вопросы и злора.

Я поник. Это была [примерная] приблизительная правда. [С] Я остался в колхозе на несколько дней, не особо все-же доверяя Семену Кучуму. Больше Кучум уже ни разу не говорил со мной, потому что вообще не произносил слов без нужды, хотя был вежливым и спокойным от какого-то равномерного уныния человека. Дальше я существовал лишь свидетелем некоторых событий.

В этой деревне [лишь] около [половины] четверти населения была в колхозе, [другая-же половина му] остальные-же крестьяне все время мучилась <sic> душой: входить [ей] им или обождать. Семерых кулаков раскулачили и выселили. Сверх того раскулачили [четыре]х троих середняков, но теперь в районе уже за-

ботились над их возвращением обратно. [— с *восстановлением*] Работал Кучум непостижимо, ||

60

я больше нигде не видел такого колхозно <sic> организатора.

Однажды приходят к нему четыре бедняка — у всех одно заявление: **бери их и зачисляй [нас / их]** в колхоз: бедняки эти были общеизвестными, в смысле качества — люди вполне усердные, давно отчаявшиеся найти дорогу к облегчению своей жизни.

— Чего еще! — с грубым недружелюбием сказал им [колх] Кучум. — Вы что — очертенели, что-ль? Вы думаете — в колхозе [вы] легко вам будет?

— Да может, Семен [Еф] Ефимыч, и легче, — ответили бедняки.

— Это вам [наб] люди набрехали, — угрюмо объяснил Кучум. — В колхозе-же труд, забота, обязанности, дисциплина, — куда вы лезете?

— А как-же нам быть-то, Семен Ефимыч?

— Да будьте на своих дворах, охота вам горе в колхозе добывать!

Бедняки в раздумчивости [ушли] уходили от Кучума. ||

61

Средняки, обычно, приходили писаться в колхоз по одиночке. [с *морщиной на лбу,*] Они подавали бумажку с молчаньем и с морщиной на лбу, [взвев] взвевшейся [на] в их голову еще с зимы.

— Пиши и нас, Семен Ефимыч, я человек не каменный!

— А какой-же ты? — спрашивал Кучум.

— Я трогательный. Я же вижу ваши обстоятельства, а у себя не вижу ничего — живу неподвижно как вечный какой!

— Истомиться у нас [хочешь]? **пожелал?** — уныло-недоуменно [давал во] ставил вопрос Кучум. — Другую морщину нажать хочешь на лоб?

— Да хоть-бы и так, Семен Ефимыч!

— Хоть-бы и так?.. Нет, ты уж иди назад — нам мучеников не нужно. Помучайся лучше на своей усадьбе — отмучаешься, тогда придешь.

Я решил, что Кучум нарочно не принимал одиночников, чтобы поднять колхоз изолированным способом на высоту благосостояния, устроив [нечто] ||

62

нечто в роде группового дворянства. Но одиноличные крестьяне [ду] чувствовали другое: они глубоко чтили Кучума.

— Сначала мы тоже думали, что он пьяный или дурной, а потом узнали, что он — настоящий, — объяснил мне многократно непринятый в колхоз бедняк [Ф] Астапов.

Оказывается, и в прошлом году, Кучум тоже создавал колхоз крайне неохотно, с отсрочкой и с оттяжкой, страшно [нагревая э] поднимая этой истомой чувство бедноты, положившей уже уйти в колхоз. Такими непонятными действиями Кучум устроил не просто поток бедноты в колхоз, а целый напор, давку у его [во] дверей, ибо сумел [он] организовать какую-то высокую загадочность колхоза и дал в массу чувство недостойности быть его членом. Но [и это одновременно] в то-же время Кучум не хитрил и не казался политиком. [Он никогда беднякам и середнякам ничего не обещал впереди того хорошего, которое само] ||

63

Он никогда не обещал ничего хорошего вперед, не давал никаких обязательств и **поручительств на светлую жизнь** и первый, среди всех известных мне колхозных

активистов, имел мужество угрюмо сказать колхозникам, что их ожидает вначале горе неладов, неумелости, [и] непорядка и нужды; причем, нужда эта будет еще горче, чем бывает она на одном дворе и побороть ее тоже будет трудней, чем одинокому хозяину.

— Но, может, потом нам будет хорошо? — робко спрашивали его первые колхозники.

— Не знаю,— искренно отвечал Кучум.— Это зависит от вас, а не от меня. Помогать я вам буду, кулака в колхоз не впущу, но кормиться и добиваться лучшего вы должны сами. Вы не думайте, что советской власти так уж необходим ваш колхоз[,] — советская власть и без хлеба жила[,] — колхоз нужен вам, а [не] не ей.

— Да ну?! — пугались первые колхозники.— А мы слышали, что колхоз советской власти по душе! ||

64

— Ну что-ж, что по душе! У советской власти душа-же бедняцкая,— [вот] стало быть, что вам хорошо, то и ей впрок.

Так, еле-еле, под напором [активной бедно] нескольких [бедняков,] неимущих, но почти-что против воли Кучума, был устроен колхоз «Без кулака».

И действительно, Семен Кучум никого не обманул — тяжело пришлось колхозным жителям в первое смутное время организационности. А Семен ходил среди всех в такие [минуты] дни тяжести и говорил: «Ну, кого выписывать прочь? Я же [е] вас предупреждал, что вы не годитесь в колхоз!» Но никто не [мог] пожелать выписаться.

Только много позже, уже зимой, один батрак выписался из колхоза.

— Не могу,— сказал он.— Харчи дают без гуши, работай от сна до сна, все помнить велят, лучше я батрацкой льготой буду жить.

— Вали,— ответил ему Кучум.— Кулак ведь не одних [бо] большевиков из нашего ||

65

брата делал, а и [рабов] вечных рабов еще, вроде тебя. Вали к чортовой матери!

После осеннего сева Кучум, однако, принял в колхоз дворов, кажется, десять, и то с серьезным разговором. Я написал «принял», но это не значит, что Кучум решал все дела колхоза в одиночку, наоборот, он отказывался ото всех дел, кроме прямой работы, вроде пахоты. Но сами колхозники так относились к Кучуму, что ничего не совершали без его слова; если-же он молчал, тогда коллективисты [ула] чувствовали его настроение, и по его настроению [делал] делали свои постановления. После сортировки зерна и подготовки к севу Кучум принял еще дворов пять. Такими способами приема Кучум мучил всю единоличную часть деревни, потому что большая часть единоличников [уже на] уже напирала в ворота колхоза. Но Кучум не совершал приемов без показательных фактов колхоза, без достижения [е] таких [очев] образцов работы, [колхоза], ||

66

которые служат ясным и простым доказательством выгоды общественного трудового хозяйства. Поэтому он и принял десять дворов только после осеннего сева, проведенного, говорят, так, что единоличники стояли по сторонам колхозного поля и плакали, точно видели [трогательную] что-то трогательное. [Лос]

После подготовки к севу так-же состоялся прием новых членов и после весны, надо думать, Кучум опять отойдет сердцем и даст вход нескольким беднякам

и середнякам. Правило Кучума, очевидно, было такое: чем больше колхоз доказывает сам себя (доказывает фактически — на ошупь населению), тем больше он пополняется новыми членами. [Он не] Кучум не разрешал обманываться людям.

Мне странно было видеть и слышать, как единоличники, не принятые еще в колхоз, любили этот колхоз и заботились о нем. Один средний крестьянин, по уличному прозвищу Пупс, хотел, например, организовать группу колхозных кандидатов, дабы обеспечить ||

67

себе первоочередное проникновение в колхоз, [и при содей / участии того-же] но Кучум [смирился / отставил] заприметил такое дело и разрешил Пупсу создать лишь товарищество общественной обработки земли. Пупс такое товарищество учредил, но остался в большой обиде на Кучума и, [ходил по деревне] выпивши, ходил по деревне с песней:

— Эх, в [деревне] колхозе вольно жить,
Вольно жить — не тужить...
Выпьешь бутылку — другую кваску
И побежишь погулять по леску!

Дойдя до правления колхоза, Пупс долго требовал, чтобы к нему вышел Кучум, — он хотел еще раз поглядеть на великого человека.

В разных частях быта и хозяйственной сноровки единоличников сильно сказывалось влияние колхоза. Каждый личный хозяин норовил суетиться на своем дворе по звонкам колхоза, раздававшимся на всю деревню. Ему было теперь неудобно лежать дома на лавке, зная, что в ||

68

колхозе трудятся. Особенно-же доставалось женской части единоличников. Насмотревшись порядков в колхозе, мужики ходили теперь [с презреньем] по своим домашним угожьям [и] с полным презреньем.

[— Дашь! — обращался]

— Марфушь! А Марфушь! — терпя свое сердце обращался супруг к жене, [— Ты бы хвостяную кон / которая] а жена его доила корову.— Ты бы хвостяную конечность-то к коровьей ножке привязала: чего-ж тебя животное хвостом по морде [бьет!] бьет! Ты-бы хоть раз на колхозные дворы сходила — поглядела-бы как там членки доют!

Другой хозяин всю ночь спал с открытым окном избы, потому что и в колхозе люди спали с воздушным сообщением; третий человек выписывал сразу две газеты на одного себя, поскольку в колхозе приходилось по газете на каждую взрослую душу. [Сере]

И еще я заметил, что колхозные девицы были самыми модными ||

69

барышнями среди юношей [—] единоличных дворов. Они [всем] им [каз] казались и вкусней, и сознательней, и гораздо изящней, точно социалистические парижанки [среди] среди феодального строя. Единоличные девки, глядя на молодых колхозниц, [бросили белиться, раз] единодушно бросили белиться, перестав тереться щеками о белые стёны, ибо ни одна колхозница не украшала свое лицо красками.

Таково было великое томление единоличников по колхозу, устроенному Кучумом без [лишней rado] особого восторга. Мало того, я наблюдал людей, прибывших из окрестных деревень и, видимо, [не прочь] надеявшихся, что [колхоз их примет] можно скустоваться своей деревней с колхозом Кучума.

— Действуйте [на свой ужас], себе на горе, если вам жизнь не дорога,— сообщал Кучум таким гостям,— а жаловаться потом ко мне не приходите.

— Ишь ты какой! — обижались пришельцы.— У [тебя / вас и колхоз] тебя, стало быть, ||

70

и колхоз, и весь свет жизни, а мы сиди под собственным плетнем и жуй житное с солью!

— Я же вам говорю, чтоб вы организовались, раз вы беды не боитесь!

— А у вас-то в колхозе, аль беда какая? [Ишь ты]

Беды в колхозе, пожалуй, не было, но и покоя жизни тоже никто не знал. Но все-же единоличники верили, что в колхозе каждый день прибавляется по одной капле лучшей жизни, а у них эта влага стоит в-срезек, на одном уровне. Кучум посчитал, что о союзе с окрестными колхозами он будет говорить во время самой нужды в этом союзе, например, при [районной] появлении МТС, при землеустройстве, при организации борьбы с вредителями и в других [хозяйственных] больших хозяйственных случаях[.]. [пока-же]

[б] Мне было очень интересно, как сумел этот мрачный вождь бедняцкого движения к [свету и] хлебу и свету организовать труд в колхозе и распределение продуктов. ||

71

В этом деле он оказался [очень / очень] скупым рыцарем. Весь состав колхоза он разбил на две половины: люди до [Л] 20 лет (юноши и девушки) и люди старше 20 лет. При этом молодое поколение (до 20 лет) разбивалось еще на ряд групп: младенчество, детство, отрочество, рабочая молодежь в 15–20 лет. Для всей этой молодежной [пол] части колхоза снабжение [устанав] было установлено, как в коммуне, без всякой разницы и поправки на его общественную [и] трудовую полезность (принималась в расчет только возрастная разница, напр., младенец и уже работающий юноша в 17 лет и т. п.). Для членов старше 20-ти лет [оплата] натуральное и денежное снабжение происходило сдельным способом. В хозяйственном плане колхоза было записано и утверждено следующее: «весь [чистый] доход колхоза “Без кулака”, за отчислением из него амортизации, налога, расходов по скоту, страховки и пр., делиться <sic> на число душ-едоков; души-едоки до 20-ти лет получают [в течение следующего года] свою долю ||

72

дохода полностью, а более старшие лишь половину своей доли, и из расчета этой половины душевого дохода составляется [дальнейший] сдельный расценки каждого члена старше 20-ти лет. Другая половина душевого дохода старшего члена за [истек] минувший хозгод делиться <sic> так: [половина] четверть ее идет на усиление пищи и одежды молодого поколения, т. е. не свыше 20 лет, [четверть в] две четверти на хозяйственное развитие коллектива и последняя четверть [на взо] в запасный, неприкосновенный фонд, а также на помощь индустриализации государства».

Ясно, что Кучум [чело] имел на свежее поколение великую надежду и впряг всех взрослых людей, уже испорченных бывшим империализмом, работать на это

живое будущее. Кучум знал, что **нынешнее** юношество уже будет жить в коммуне и не станет нуждаться в сдельщине.

Впрочем, молодежь не нуждалась в сдельщине и сейчас: я узнал, что **[что рабочий возраст нового поколения]** ||

73

колхозники в возрасте 15–20 лет работали с предельным напряжением сил и не **[нуждались ни в]** имели надобности в каком-либо подгоняющем принуждении, — **[они нуждались лишь в обучении]** им было необходимо лишь обучение. Эта картина — трудовое усердие молодежи — стала обычной в нашей стране, потому что советская юность не знает **[зачем ей манкир / избегать]** **причин для избежания** труда, **[на <нрзб> самое себя]** разве что лишь **[пере]** когда переутомится или влюбится.

Рабочие планы составлялись в этом колхозе на каждые десять дней. Согласно такому **общему декадному** плану **[каждому]** **всякому** члену колхоза выдавался на руки **[еще]** личный план-талон, в котором обозначались объем работы, число часов для исполнения и расценок. **[сообразно врем]** Такие индивидуальные планы-талоны указывали обязанности каждого **[в теч]** члена в течении одного-двух, а иногда трех дней. **[Никакого апп]** Весь плановый и операционный ||

74

штаб колхоза состоял из Кучума и его помощника, бывшего батрака Силайлова; но и эти двое так-же получали личные планы-талоны на обычную работу, **[плановой]** **общей-же плановой** и руководящей деятельностью они занимались по вечерам или рано утром.

Из новых учреждений в Колхозе были детски[е]й [я]сад с яслями и Дом Коллективиста, работавшие **[под]** под заботой двух учителей-колхозников, — причем эти учителя были освобождены от всякой сельскохозяйственной работы и снабжались так, как если-бы им было меньше 20-ти лет. Последнее обстоятельство указывало на **[широк]** глубокий расчетливый такт Кучума; в остальном-же он был скупец и безжалостный хозяин. **[Это]** Это его свойство сказалось и в плане колхоза и во внешнем виде колхозников — одевались они плохо и имели худой, изработанный вид. Зато молодая часть колхоза была совсем другая — не только пригожа и ||

75

сыта на лицо, но и одета вполне прилично: недаром колхозные девушки **[для]** были парижанками для всех одиночных девок. В эту сторону Кучум уже ничего не жалел и лично ездил в город закупать мануфактурный матерьял для молодежи, беря для консультации **[нар]** парня и девуцу.

В мою бытность в этом колхозе Кучум совершил одно замечательно правильное начинание: он, от имени колхоза, вызвал на соревнование весь местный состав одиночников, желавших быть колхозниками. Предметом соревнования были все **обычные** статьи весеннего сева: **[площадь]** семзерно, площадь засева на лошадь-человека, срок и т. д. Призом-же соревнования было следующее: если одиночники выиграют у колхоза или хотя-бы близко сравняются с ним, то всех соревнующихся одиночников Кучум принимает в колхоз, если проиграют — пусть с приемом подождут до осени!

Единоличники вызов Кучума приняли. ||

76

— Мы ему, чорту, покажем, кто мы такие! — **[Заранее]** ожесточаясь для невероятного труда, говорили некоторые одиночники.

- Попробуем. Может, и сладим.
 — С ним попробуешь! Он, гляди, вот-вот и спать перестанет.
 — Это-бы ничего. Плохо то, что и другие все [*по / затанцуют*] **запляшут** скоро под его [*шагом*] шаг.
 — На лицо-то он вялый, а как почнет рвать и метать — как только почва его носит!
 — Ну, ведь и мы из костяного матерьяла сделаны!
 — Замучил он нас. Если-б он бабой был, то мы-бы думали, что он присушку знает, а раз он мужик, то — непонятно. При нем, говорят, и дети в яслях не плачут.
 — А что-ж они делают?
 — Кто ее знает. Наверно [*думать*] **сознавать** начинают.
 — Вот крест-то нам господь послал! От него, как от бабы, и отвязаться нельзя! ||

77

[— *Странно*]

— Даже странно! — почти научно выразился [о] какой-то одиноличный малый.
 Мне неизвестно, чем закончилось [*соревнование колхоза «Без кулака» со*] это редкое соревнование. Если даже колхоз и не выиграл, что при Кучуме недопустимо, то выиграло государство, ибо в той деревне засеяны, наверно, не только все порожние земли, но даже и овражные косогоры, ибо ярость мужиков была велика, да и у кучумовцев она немаленькая, хотя и другого качества.

В день своего отхода из колхоза я увидел, наконец, как уныло-равнодушный Кучум был краткое время бешеным. К нему явился снятый с должности председатель колхозного куста, расположенного отсюда километров за двадцать. Он с Кучумом был хорошо знаком [*и почти друг*] и почти-что **приходился** ему другом, — то замечалось по искренности отношения и легкой радости на обоих лицах. Прибывший кустовой председатель начал жаловаться на неправильности: его прогнали ||

78

за перегибы, за то, что он раскулачил, будто-бы, сорок человек середняков и закрыл церковь без либерального подхода к массам; но ведь те середняки завтра могли-бы стать кулаками, и он лишь пресек их растущую тенденцию. А что касается [*церковь*] церкви, то народ, сам [*то*] не сознавая, давно потерял надежду в наличие бога, и он только фиксировал этот факт, **путем запрещения религии**, — за что-же, спрашивается, его ликвидировали, как председателя! [*И за что*]

Здесь бывший председатель сообщил следующее свое мнение: собаке рубят хвост для того, чтоб она поумнела, потому что на другом конце хвоста находится голова, — [*от зн*] так значит и теперь отрубают от партии ее низовой хвост для того, что ЦК и [*<нрзб>*] Сталин поумнели.

Чем больше [*Кучум*] слушал Кучум эти слова, тем все значительней серело его лицо. Затем он стал бордовый, [*глаза его*] равнодушные его глаза осветились мгновенной энергией и, [*поднявшись*] || ¹¹

79

слегка приподнявшись, Кучум молча совершил резкий, хрустящий удар в грудь противосидящего друга. Друг без дыхания повалился навзничь. Но Кучум еще не чувствовал удовлетворенья. Он вышел из-за стола, поднял упавшего за куртку и дал ему свежий, сокрушающий удар в скуло — так что бывший председатель про-

¹¹ На левом поле л. 78 напротив слов могли-бы стать кулаками зачеркнут нечитаемый знак или буква.

шиб затылком оконную раму и вывалился из помещения на улицу, осыпанный мелким стеклом. После этого акта Кучум вновь приобрел унылое выражение своего лица, я же [приобрел сознание] почувствовал значении[я]е Сталина для сердца этих [неб] угрюмых, непобедимых людей, способных годами томить в себе безмолвную любовь и расходовать ее только в измощающий труд социализма. [дабы Сталин узнал впоследствии насколько]

— До свиданья! — сказал я Кучуму.

— Прощай, — [произнес он] товарищески мягко произнес он, зная, что куда-бы ни делся, я все-же всюду останусь ||

80

в [социалистическом котле], строительстве социализма, и какой-нибудь прок от меня будет.

Наевшись в колхозе мяса, я пошел из него по прямому направлению и часов через [десять] шесть дошел до большого селения — под названием Гушевка. [Стае] Я стал в крайней избе на ночлег и долго лежал на лавке без сна, а в полночь в это же место пришел ночевать товарищ Крушилов, глава района сплошной коллективизации, не имевший постоянного местопребывания.

К утру я уже коренным образом познакомился с товарищем Крушиловым и [и] узнал мужественную, необоримую жизнь этого [мощно] простого человека.
разрыв 5–6 строк

Вставка «В» ||

Вставка «В»

[НАСЛЕДНИК ЛЕНИНА.]

Раньше [Л]любая кулацкая сила постоянно говорила бедняку Крушилову: «Ты — отсталый, ты человек напрасный на этом свете, ты — псих, — большевиком ты состоять не годишься: большевики — люди проворные».

Но Крушилов не верил, ни кулаку, ни событию[.], — он был неудержим в своей активности и ежедневно тратил тело для революции.

Семья Крушилова постепенно вымерла от голода и халатного отношения к ней самого Крушилова, потому что все свои силы и желания он направлял на заботу о бедных массах. И когда ему сказали: «Крушилов, обратись на свой двор, пожалей свою жену — она тоже была когда-то изящной середнячкой», то Крушилов глянул на говорящих своим активно-мыслящим лицом и сказал им, указывая на весь бедный, окружающий его мир:

— Вот мои жены, отцы, дети и матеря, — нет у меня никого, кроме неимущих масс! Отойдите от меня, кулацкие эгоисты, не останавливайте хода революционности! Вперед — в социализм!

И все зажиточные, наблюдая энергичное бешенство Крушилова, молчали вокруг этого полуголого, еле живого от своей едкой идеи человека.

По ночам же Крушилов лежал где-нибудь в траве, рядом с прохожим бедняком, и плакал, орошая слезами терпеливую землю; он плакал потому, что нет еще нигде полного, героического социализма, когда каждый несчастный и угнетенный очутится на высоте всего мира. Однажды, в полночь, Крушилов заметил в своем сновидении Ленина и утром, не оборачиваясь, пошел, как был, на Москву.

В Москве он явился в Кремль и постучал рукой в какую-то дверь. Ему открыл красноармеец и спросил: «Чего надо?»

— О Ленине тоскую,— ответил Крушилов,— хочу свою политику рассказать. Постепенно Крушилова допустили к Владимиру Ильичу.

Маленький человек сидел за столом, выставив вперед боль- ||

2.

шую голову, похожую на смертноносное <sic> ядро для буржуазии.

— Чего, товарищ? — спросил Ленин,— Говорите мне, как умеете, я буду вас слушать и делать другое дело — я так могу.

Крушилов, увидев Ленина, заскрипел зубами от радости и, не сдержавшись, закапал слезами вниз. Он готов был размолоть себя под жернов[ы]ом, лишь бы этот небольшой челове[чек]к, думающий две мысли враз, сидел за своим столом и чертил для вечности, для всех безрадостных и погибающих свои скрижали на бумаге.

— Владимир Ильич, товарищ Ленин,— обратился Крушилов, стараясь быть мужественным и железным, а не оловянным.— Дозволь мне совершить коммунизм в своей местности! Ведь зажиточный гад опять хочет бушевать, а по дорогам вновь объявились люди, которые не только что имущества, а и пачпорта не имеют! Дозволь мне опереться на пешеходные нищие массы...

Ленин поднял свое лицо на Крушилова:

— Знаешь что, товарищ[!?!] У тебя ведь разума нет[!]: [Б]буржуазия лишила тебя разума, но не успела уничтожить в тебе гигантского чувства жизни и того самого высокого ощущения будущего человечества, которое называется революцией! Ты одарен крупной стихией жизни [и], но ты можешь много навредить нам, если не приобретешь дисциплины и организованности.

— Значит, так и есть, Владимир Ильич! — ответил Крушилов.— Против тебя я ничего не могу сказать.

— Поезжай в деревню,— произнес Владимир Ильич,— мы тебя снарядим — дадим одежду и пищу на дорогу, а ты объединяй бедноту и пиши мне письма: как у тебя выходит.

— Ладно, Владимир Ильич,— через неделю все бедные и средние будут чтить тебя и коммунизм!

— Живи, товарищ,— сказал Ленин на прощанье.— Будем тратить жизнь для счастья[,] работающих и погибающих: ведь целые десятки и сотни миллионов умерли напрасно!

Крушилов взял руку Владимира Ильича — рука была горячая и смерть желтела на задумавшемся лице Ленина.

— Ты гляди, Владимир Ильич,— указал Крушилов,— не скончайся от своей мудрости,— тебе-то станет все равно, а ||

3.

как же нам-то!?

Ленин засмеялся — и это радостное давление жизни уничтожило с лица Ленина все смертные пятна мысли и утомления.

— Ты, Владимир Ильич, главное, не забудь оставить нам кого-нибудь вроде себя — на всякий случай!

Ленин улыбнулся и обещал это сделать.

По возвращении в деревню, Крушилов стал действовать хладнокровнее. Когда же в нем начинало бушевать излишнее революционное чувство, то Крушилов бил себя по животу и кричал: «Исчезни, стихия!»

Однако, не всегда Крушилов мог помнить про то, что он отсталый, и что ему надо думать: в одну душную ночь он сжег кулацкий хутор, чтобы кулаки чувствовали — чья власть.

Крушилова тогда арестовали за классовое самоуправство[. И], и он безмолвно сел в тюрьму. В тюрьме он сидел целую зиму и среди зимы увидел сон, что Ленин мертв, и проснулся в слезах. Действительно, тюремный надзиратель стоял в дверях и говорил, что Ленин — мертв, и плакал слезами на свечку в руке. Все камеры отворили, узники вышли в коридоры и начали тосковать, вместе со стражей и всеми предметами о скончавшемся вечном человеке.

Когда под утро народ утих, Крушилов сказал самому себе:

— Ленин умер, чего же ради такая сволочь, как я, буду жить! — и повесился на поясном ремне, прицепив его к коечному кольцу. Но не спавший бродяга[,] освободил его от смерти и, выслушав объяснение Крушилова, веско возразил: — Ты, действительно, сволочь! Неужели ты думаешь, что такой человек, как Ленин не позаботился о нас и не оставил нам своего наследника — хотя бы одного!?

— Тебе хорошо говорить,— сказал Крушилов.— А я лично видел Ленина и не могу почувствовать, кто ему будет равен!

Бродяга оглядел Крушилова нравоучительным взглядом:

— Дурак: как же ты не постигаешь, что ведь Ленин-то умнее всех и если он умер, то нас без призору не покинул ||

4.

и оставил нам настоящего человека, хотя бы одного!

— Верно,— согласился Крушилов.— Ленин правду говорил, что у меня разум еще не¹² взошел из стихии чувства жизни.

И теперь, когда прошли годы с тех пор, когда Крушилов стоит во главе района сплошной коллективизации и сметает кулака со всей революционной суши,— он полнее чувствует и понимает, что Ленин, действительно, позаботился о своем помощнике и наследнике.

И, умирая, Ленин думал не о своей судьбе, а о жизни тружеников и неимущих, потому что его наследник действует с тою же неустрашимостью и пользой для бедности, как действовал бы сам Ленин, если бы он жив был на свете.

И каждый год, зимой, Крушилов думает о том бродяге, который вытащил его в тюрьме из петли, который понимал Ленина, никогда не видя его, лучше Крушилова.

В общем же Крушилов был почти что счастлив, если не считать выговора от ОкрЗУ, который он получил за посев крапивы на [сорока] [дес] десяти гектарах. И то он был не виноват,— так как прочел в газете лозунг: «Даешь крапиву

¹² Изменение орудия письма: большая часть правки в машинописи выполнена простым карандашом, здесь — синими чернилами.

на фронт социалистического строительства!» — И начал размножать этот предмет для отправки его за границу целыми эшелонами.

Крушилов радостно думал, что вопрос стоит о **крапивочной** порке капиталистов руками заграничных, мало-вооруженных товарищей.

81

Бродя в последующие дни по усадьбам и угольям колхоза, я убедился, что [*распространенное*] мнение о зажиме [*и бюрократическом*] колхозной массы со стороны колхозных руководителей [*не всегда*] неверно. От Крушилова колхозники чувствовали не зажим, а отжим, который заключался в [*следующем*] том, что Крушилов немедленно [*устранял*] **отжимал** прочь [*пло*] всякого [*плохо*] нерачительного или ленивого работника — и [*сам*] **лично** совершал всю работу на его глазах.

Мне пришлось наблюдать, как он согнал рулевого с трактора, потому что тот жег керосин с **черным** дымом, — и сам сел править, а рулевой шел сзади пешком и смотрел, как надо работать. Так же внезапно и показательно Крушилов внизывался в среду сортировщиков зерна и порочил их невнимательный труд посредством [*примера применения на месте*] **показа** своего умения. Он даже нарочно садился обедать среди отсталых девок показывал им, как надо ||

82

медленно и продуктивно жевать пищу, дабы от нее получалась польза и не было желудочного завала. Девки, действительно, из страха или сознания, не могут сказать точно **отчего**, перестали [*глот*] глотать [*обед*] **говядину** целыми кусками. Раньше-же у них постоянно бурчало в желудках от несварения. Подобным-же [*примером*] способом показа образца Крушилов приучил всех колхозников хорошо умываться по утрам, — для чего вначале ему пришлось мыться на трибуне посреди деревни, а колхозники стояли кругом и изучали его правильные приемы. С этой-же трибуны Крушилов всенародно чистил зубы и показывал три глубоких вдоха, которые надо делать [*для здоровья*] **на утренней заре** каждому сознательному человеку.

Не имея квартиры, ночуя [*там*] в той избе, какая ему **только** предстанет в ночной темноте, Крушилов считал своей горницей все [*село*] колхозное село и, томимый великим душевным чувством, выходил ||

83

иногда на деревянную трибуну и говорил [*не речи*] **доклады** на закате солнца. [*Его*] Эти его речи содержали [*волнения*] больше волнения, чем слов, и призывали к прекрасной обоюдной жизни на тучной земле. Он поднимал к себе на трибуну какую-нибудь пригожую девушку, гладил ее волосы, целовал в губы, плакал и бушевал тем [*стихийным*] **грудным** чувством, которое в свое время в нем **товарищески** запретил В. И. Ленин.

— Товарищи! [*б*] Вечно поет время на свете, — [*и нет ничему ни отдыха, ни остановки*] из нас **уж** [*душа уже*] душа вон выходит, а в детях зато волосы растут. [*И тем нас*] Вы поглядите своими глазами кругом, насколько с годами расцветает советская власть и хорошеет молодое поколение! Это-ж ужасно прелестно, от этого сердце день и ночь стучит в мою кость и я [*волну / печка*] скорблю, что уходит план моей жизни, **ибо** он выполняется на все сто ||

84

процентов и скоро я скроюсь [*но*] в землю под ноги будущего всего человечества... Кто сказал, что я тужу о своей жизни?

— Ты [ска] сам сказал,— говорила Крушилову рядом стоящая девушка.
 — Ага — я сказал! Так позор мне, **позор** такой нелепой сволочи! [*Это бур*] Бояться гибнуть — это буржуазный [*инерт*] дух, это индивидуальная роскошь... Скажите мне громко, зачем я нужен, [*когда / зачем мне*] о чем мне горевать, когда уже присутствует большевицкая юность и новый шикарный человек стал на учет революции?! [*Вот он*] Вы гляньте, как солнце заходит **над нашими полями**,— это-ж [*знамя*] всемирная слава колхозному движению! Пусть теперь глядит на нас [*с луны или*] любая звезда ночи — нам не стыдно существовать, мы задаром организуем все бедное человечество, мы трудимся навстречу далеким планетам, а не [*жи / ждем*] живем, как гады!.. ||

85

Скажи и ты что-нибудь или спой сразу песню! — обращался к девушке Крушилов.

Девушка стеснялась.

— Скажи хоть приблизительно! — упрасивал [*в волн*] ее Крушилов в волнении.
 — Что-ж я тебе скажу, когда мне и так хорошо! — сообщила девица.
 — Дядя Крушилов, дай я тебе куплет спою! — предложил один юноша из рядов колхоза.
 — Ну спой, сукин сын! — согласился Крушилов.

Парень [*тро*] тронул на гармонике мотив и спел задушевым тоном:

Эх, любят девки, как одна,
 Любят Ваньку — пер..на!

— Раскулачу за хулиганство, стервец! — [*воск*] выслушав хороший голос, воскликнул Крушилов, и бросился [*с трибуны*] было с трибуны к гармонисту. Но его оставили активисты: ||

86

[— *Ост*] — Брось, Крушилов, у него голос хороший, а у нас культработа слаба!

Позже Крушилов спрашивал у меня о происхождении человечества: его в избечитальне однажды спросили об этом, а он **точно** не знал, [*ско*] и сказал только, что наверно [*вначале*] в самом начале человечества [*появился*] **был** актив, который и организовал людей из животных. Но слушатели спросили [*да*] и про актив — откуда-же он взялся?

Я ответил, что, по моему, вначале тоже был вождевой актив, но в точности не мог объяснить всей картины происхождения человека из обезьяны.

— Отчего обезьяна-то [*стала*] **стала** человеком, иль ей плохо было? — допытывался Крушилов.— Отчего она вдруг поумнела?

Здесь я вспомнил про Кучума и про того, кого он расшиб на месте. ||

87

[— *Л*] — Самый главный стержень у [*жу*] животного и человека, товарищ Крушилов, это позвоночный столб с жидкостью внутри. [*На одном конце позво*] Один конец позвоночника — это голова, а другой — хвост.

— Понимаю,— размышлял Крушилов.— Позвоночник в человеке вроде партии, [*вся*] в нем весь устой.

— Может быть какие-нибудь звери отгрызли обезьянам хвосты, и сила, какая в хвост шла, вдарилась в другой конец — в голову, и обезьяны поумнели!

— А может быть! — радостно удивился Крушилов.— Стало-быть, нам тоже звери — кулаки и подкулачники должны что-нибудь отъесть, чтоб мы поуменьли.
— Они уже отгрызли,— сказал я. [*Они в прежние годы двинули своих сынков в партию, а теперь эти сынки захотели больших должностей добиться, захотели кушать погу-ще — и начали угождать*] ||

88

— Как так отгрызли? Что-ж мне больно не было?
— А перегибщик линии — это тебе не подкулачник?
— Он, стерва.
— А он больно сделал коллективизации, или не больно?
— Факт [—] больно, гада такая!

На том мы и расстались, чтобы спать. Но после полуночи Крушилов постучал мне в голову, и я проснулся.

— Слушай, ты [*брешешь*] ведь мне ложь набрехал! — произнес Крушилов.— Я лег спать и одумался: это ведь не кулаки нам хвост отгрызли, а мы им [*голову*] классовую голову оторвали! Ты кто? Покажь документы!

Документов я с собой не носил. Однако, Крушилов простил мне это обстоятельство и экстренно проводил ночью за черту колхоза.

— Я полное собрание сочинений Владимира Ильича ежедневно читаю, ||

89

я к товарищу Сталину скоро на беседу пойду; — чего ты мне голову морочишь? [*Вот еще тоже приходил один элемент*] Z — Я слышал, что один перегибщик так говорил,— слабо ответил я.

— Перегибщик, иль **головокруженец** есть подкулачник: кого-ж ты слушаешь? Эх, гадина[,]! [*н*]Пойдем назад ночевать.

Я отказался. Крушилов поглядел на меня странно-беззащитными глазами, какие бывают у мучающихся и сомневающихся людей.

— По твоему, наверно, тоже — Ленин умер, а один дух его живет?! — вдруг спросил он.

Я не мог уследить за тайной его мысли и за поворотами [*чувства.*] настроенья.
— И дух и дело,— сказал я.— А что?

— А то, что ошибка! Дух и дело — для жизни масс, а для [*сердца*] чувства нам нужно иметь конкретное туловище[,]!

Я шел молча, ничего не понимая. Крушилов вздохнул и дополнительно ||

90

сообщил:

— Нам нужен живой — и такой же как Ленин... Засею Землю — пойду Сталина глядеть: чувствую в нем свой источник. Вернусь — на всю жизнь покоен буду!

Мы попрощались.

— Вертайся, чорт с тобой! — попросил меня Крушилов.

Из предрассудка я не согласился и ушел в тьму. Шаги Крушилова смолкли на обратном пути. [*я*] Я пошел неуверенно, не зная куда мне идти и где осталась позади железная дорога. Глушь [*страны*] глубокой страны окружала меня, я уже забыл в какой области и районе я нахожусь, я почти потерялся в громадном, [*жутком*] безмолвном пространстве. Но [*ведь*] Крушилов бы [*никогда эд*] и здесь никог-

да не утратил стойкости души, потому что у него есть на свете центральное лицо, которое он любит больше себя, [считая свою жизнь средством ||

91

класса] и он весь туго направлен [к той] к тому лицу, считая себя лишь средством его и класса. Это похоже на религию, но [вовсе не вера] ведь человеку [нужен] кровно необходим самый любимый предмет на земле, [выражающий] резко выражающий [все то] весь класс и всю революцию в виде одного туловища, которое, благодаря своей конкретности, поддается живому ощущению сердцем. Крушилов отнес революции все свое существование, а взамен он хотел видеть революцию в форме одного человека, чтобы надежно и счастливо любить его, как он любил Ленина. Кто назовет это новой религией, тот ничего не понимает ни в нашей революции, ни в пролетарском человеке, потому что думает, что у нас людей любить нельзя. В религии вера нужна

[Все более уважая Крушилова, я встретил степной рассвет / для памяти] для созерцания и застоя [чувств,] жизни, ||

92

Крушилову-же требовалась человеческая любовь к старшему товарищу — для того, чтоб еще [нрзб] яростней и неутомимей действовать.

Все более уважая Крушилова, я шел постепенно вперед своим средним шагом и вскоре встретил степной рассвет утра. Дороги подо мной не было; я [сошел] спустился в [балку и поше] сухую балку и пошел по ее дну к устью, зная, что чем ближе вода к поверхности, тем скорее найдешь деревню.

Так и было. Я заметил дым ранней печки и через краткое время вошел на глинистую, природную улицу неизвестного селения. С востока, как из отверстия, дуло холодом и сонливой сыростью зари. Мне захотелось отдохнуть; [ш] я [зашел на] свернул в междусадебный проезд, нашел тихое место в одном плетневом загоулке и улегся для сна.

разрыв 5–6 строк

Проснулся я уже при высоком солнцестоянии — наверно, в полдень. ||

93

Невдалеке от меня, среди улицы, [толпилс] топтался народ и посреди его сидел человек без шапки — верхом на коне. Я подошел к общему месту [, спросив] и спросил у ближнего человека: кто этот измученный на сильной лошади?

— Это воинствующий безбожник только сейчас прибыл. Он давно нашу местность обслуживает, — объяснил мне сельский [человек] гражданин.

Действительно, товарища Щекотулова, активно отрицавшего бога и небо, знали здесь довольно подробно. Он уже года два, как

Вставка «Д» ||

Вставка «Д»

к стр. 93¹³

[Товарищ Чумовой] ездил по деревням верхом на коне и сокрушал бога в умах и сердцах отсталых верующих масс.

¹³ Верхняя часть листа, по всей видимости, с предыдущим названием этого фрагмента аккуратно оторвана. Вставка «Д» к стр. 93 написано карандашом на левом поле.

Действовал товарищ [Чумовой] Щекотулов убежденно и просто. Приезжает он в любую деревню, останавливается среди людного [места у] кооператив[а]ного места и восклицает:

— Граждане, кто не верит в бога, тот пускай остается дома, а кто верит — выходи и становись передо мной организованной массой[.].!

Верующие с испугу выходили и становились перед глазами товарища [Чумового] Щекотулова.

«— Бога нет[.].! — громко произносил Чумовой, выждав народ.

— А кто ж главный[.].? — вопрошал какой-нибудь темный пожилой мужик.

— Главный у нас — класс[.].! — объяснял [Чумовой] Щекотулов и говорил дальше.— Чтоб ни одного хотя бы слабоверующего человека больше у вас не было[.].! Верующий в гада-бога есть расстройщик социалистического строительства, он портит, безумный член, настроение масс, идущих вперед темпом[.].! Немедленно прекратите религию, повысьте уровень ума и двиньте бывшую церковь в орудие культурной революции[.].! Устройте в церкви радио и пусть оно загремит взрывами классовой победы и счастьем достижений[.].!.

Передние женщины, видевшие возбуждение тов. [Чумового] Щекотулова, нач[али]инали утирать глаза от сочувствия кричащему [Чумовому] Щекотулову.

— Вот,— обращался тов. [Чумовой] Щекотулов.— Сознательные женщины плачут предо мной, стало быть, они сознают, что бога нет.

— Нету, милый,— говорили женщины.— Где ж ему быть, когда ты явился.

— Вот именно.— соглашался тов. [Чумовой] Щекотулов.— Если бы он даже и явился, то я б его уничтожил ради бедноты и середнячества...

— Вот он и скрылся, милый,— горевали бабы,— а как ты уедешь, то он и явится.

— Откуда явится[.].? — удив[ил]ся Чумовой]лялся Щекотулов.— Тогда я его покараулю. ||

2.

— Чего ж тебе караулить: бога нету,— с хитростью сообщили бабы.

— Ага[.].! — сказал [Чумовой] Щекотулов.— Я так и знал, что убедил вас. Теперь я поеду дальше.

И тов. [Чумовой,] Щекотулов, довольный своей победой над отсталостью, ехал проповедывать отсутствие бога дальше. А женщины и все верующие оставались в деревне и начинали верить в бога против тов. [Чумового] Щекотулова. В другой деревне тов. [Чумовой] Щекотулов поступал также: собирал народ и говорил:

— Бога нет[.].!

— Ну, что ж[.].! — отвечали ему верующие.— Нет и нет, стало быть тебе нечего воевать против него, раз Иисуса Христа нет.

[Чумовой] Щекотулов становился своим умом в тупик.

— В природе-то нет,— объяснял [Чумовой] Щекотулов,— но в вашем теле он есть.

— Тогда убей наше тело.

— Вы, граждане, обладаете идиотизмом деревенской жизни. Вас еще Маркс Карл предвидел.

— Так как же нам делать[.].?

- Думайте что-нибудь научное[.]!
 — А про что думать-то[.]?
 — Думайте, как, например, земля сама по себе сотворилась...
 — У нас ум слаб: нас Карл Маркс предвидел[.], **что мы — идиотизм!**¹⁴
 — А раз вы думать не можете,— заключил [*Чумовой*] **Щекотулов**,— то лучше в меня верьте, лишь бы не в бога.
 — Нет, товарищ оратор, ты хуже бога[.]! Бог хоть невидим, и за то ему спасибо, а ты тут — от тебя покоя не будет.¹⁵

94

Последний резон был произнесен при мне. Он [*сбил е*] заставил Щекотулова обомлеть на одного <sic> мгновение, видимо, мысль его несколько устала. Но он живо опомнился и мужественно закричал на всех:

- Это контрреволюция!! Я разрушу ваш подкулацкий Карфаген!
 — Стоп, товарищ, [*ему*] **сильно** шуметь! — сказал с места невидимый мне человек.

И я услышал голос, говорящий о Щекотулове, как о помощнике религии [*и сподручном*] и кулацком сподручном. Человек говорил, что религия — тончайшее дело, ее ликвидировать можно только посредством силы коллективного хозяйства и с помощью высшей[.] и нежной социальной культуры. Такие-же, как Щекотулов, лишь пугают народ и еще больше обращают его лицом к православию,— Щекотуловым не место в рядах районных культработников.

Вторым выступил я и тщательно постарался объяснить [*как*] ||

95

религию, как средство доведения народа [*капиталистами*] **капиталистами** до потери сознания, а также рассказал, насколько мог, правильные способы ликвидации этого безумия; при этом я опорочил Щекотулова, [*как*] борющегося с безумием [*безумным*] **темными** средствами, потому что Щекотулов есть **тот** левый прыгун, [*кото*] с которым партия сейчас воюет.

Щекотулов, дав мне кончить, быстро повернул лошадь [*и срочно ускакал вон*] и решительно поскакал вон из деревни, имея такой вид, будто он поехал вести нас войска.

— Ишь, гадюка: в колхозы он небось ездить перестал! — сказал кто-то ему вслед.— Там враз-бы ему в разум иголку через ухо вдели! Маркс-Энгельс какой!

[*Село*] Деревня, где я [*очутился*,] **теперь присутствовал**, называлась 2-м Отрядным, 1-е же находилось еще [*где-то*] где-нибудь. [*Деревня эта*] **2-ое Отрядное** до сих пор еще не было колхозом и даже тоз'а в [*ней*] **нем** не ||

96

существовало, [*Это / Я с глубоким любопытством*] точно здесь жили [*сознательные особо*] какие-то особо искренние единоличники или [*сплошные подку*] непоколебимые подкулачники. Со вниманием, как за границей, я шел по этой многодворной деревне, желая [*понять / увидеть*] **понять** по **наглядным** [*каки / уцелевшим каким-либо*] фактам [*у*] и источникам уцелевший здесь капитализм.

¹⁴ Изменение орудия письма: большая часть правки в машинописи сделана карандашом, здесь — черными чернилами.

¹⁵ Нижняя часть листа аккуратно оторвана.

На [завалинке одной] завалинке одной полуистлевшей избы сидел пожилой крестьянин и, видимо, горевал.

— О чем ты скучаешь? — спросил я его.

— Да все об колхозе! — сказал крестьянин.

— А чего-ж о нем скучать-то?

— Да как-же не [ску / гово] горевать, когда у всех есть, а у нас нету! Все уж давно организованы, а мы живем, как анчутки! Нам так убыточно!

— А тебе очень в колхоз охота?

— Страсть! — искренно ответил крестьянин [Я остановился] Либо он [обманул хитро] обманывал меня, либо я был дурак новой жизни. ||

97

Я [стоял] постоял в неизвестности и отошел посмотреть на местный капитализм.

Он заключался в дворах, непримиримо желавших стать поместьями, и в слабых по [виду] виду людях, только устно тосковавших по колхозу, а на самом деле, может быть, мечтавших о **ночной** чуме для [св] всех своих соседей, дабы **на-утро** [в одну ночь] **каждому** стать **единственным** хозяином всего выморочного имущества. Но [ст] с другой стороны на завалинках сидели горюны о колхозном строительстве, а самого колхоза не было. Стало-быть, здесь существовала какая-то серьезная загадка. Поэтому я ходил и исследовал, будучи весь на-чеку.

[И] Вечером я попал в избу-читальню, узнав за день лишь одно, что все хотят в колхоз, а колхоз не учреждается. В избе-читальне стояло пять столов, за которыми заседали пять комиссий по организации колхоза. На стенах висели названия комиссий: «уставная», [«орга»] «классово-[над] отборочная», «инвентарная», «ликвидационно-кулацкая», и наконец «разъяснительно-добровольческая». ||

98

Послушав непрерывную работу этих комиссий, я понял, что такого большого количества глупых людей, собранных в одном месте, быть не может. Стало быть, в комиссиях сидели подкулацкие деятели, желавшие умертвить колхозное живое начало в бесконечных, якобы подготовительных, бюрократических хлопотах. Я поговорил с председателем «разъяснительно-добровольческой» комиссии, — [опухшим / в чем, / что] мне хотелось узнать, в чем заключается его работа.

— Боимся, чтоб принуждения не было: развиваем добровольчество! — сообщил председатель.

— Развили уже или не удастся? — спросил я.

— Как вам сказать? Конечно, знамя массовой разъяснительной работы мы держим высоко, но — кто его знает — а вдруг единоличники еще не убедились! Перегнуть ведь теперь никак нельзя, [все на свя / святым чувстве надо / мы / придется] ||

99

приходится держать курс на [одно] святое чувство убедительности!

Мне показалось, что [председатель] председатель несколько скрытный человек.

— И давно работают **ваши** комиссии?

— Да уж четвертый месяц! Зимой-то мы не управились сорганизоваться, а теперь ведем массовую кампанию!

Окружающие комиссии что-то тихо писали, а мужики заунывно ожидали колхоза на завалинках. Один из таких ожидальцев пришел **потом** к председателю добровольческой комиссии для дачи сведений.

Его спросили:

— Чувствуешь желанье коллективизации!

— Еще [*<нрзб>*] бы! — ответил крестьянин.

— А отчего-ж ты чувствуешь?

— От безлошадности. Ты ведь, — обратился он к председателю, — мне исполу пашешь, а **вон** лошадная бригада [*за*] исполу и пашет, и сеет, и зерно [*мне в мешок привезет! Только*] на двор везет! Только та лошадная колонна на колхозы работает, а на нас ||

100

не управляется!

[— *Не вижу, чтоб*]

— Так это-же твое рваческое настроенье, а не колхозное чувство! — даже удивился председатель. — Ты, значит, еще не убежден в колхозе!

[— *Кт*] — Да как тут понять! — выразился безлошадный. — Колхоза мы почти-что и не чувствуем, — чувствуем, что нашему брату жить там барыш!

— Барыш — рвачество, а не сознание, — ответил председатель. — Придется нам еще шире повести разъяснительную кампанию!..

— Веди **ее бессрочно**, — сказал безлошадный, — тебе ведь колхоз — убыток...

Председатель терпеливо промолчал.

Легко было догадаться, что здешние **зажиточные** и подкулачники стали чиновниками и глубоко эксплуатировали принцип добровольности, откладывая организацию колхоза в далекое время какой-то высшей и всеобщей убежденности. Неизвестно, насколько здесь имелось ||

101

потворства со стороны района, только вся кулацкая норма населения деревни (около [4] 5 %) сидела в комиссиях, а бедняки [*видя*] и средние, видя в окружающих колхозах[,] развитие усердного труда и жизненного довольства, считали свое единоличие убытком, упущением и даже грехом, кто еще остаточно верил в бога. Но [*кула / подкулачники*] **зажиточные**, ставшие бюрократическим активом села, так **официально-косноязычно** приучили народ думать и говорить, что [*фра*] иная фраза бедняка, выражающая искреннее чувство, звучала почти иронически. Слушая, можно было подумать, что деревня населена издевающимися подкулачниками, а [*это были*] на самом деле это были бедняки, завтрашние строители новой всемирной истории, говорящие свои мысли на чужом, [*ку*] двусмысленном, кулацко-бюрократическом языке. Бедняцкие бабы [*узнав так разгоревались об колхозе, настолько привыкли понимать его*] выходили [*из*] под вечер из ворот ||

102

и, пригорюнившись, начинали голосить [*Для них*] по колхозу. Для них отсутствие колхоза означало [*потерю ситца*] переплату лошадным за пахоту, побирушничество за хлебом **до новины** по зажиточным дворам, дальнейшая жизнь без ситца и всяких обновок и [*потому что в колхозных кооперативах ситец дают, мыло отпускают,*] скудное сиротство в голой избе, — [*когда*] **тогда как** колхозные бабы уже теперь [*гуляют / идут*] гуляют по волости в новых платках и хвалятся, что говядину порциями едят. [*Бабы вперед чувствовали, где / Завистливые бабы вперед*]

Одной завистью, одним обычным [*низшим*] **житейским** чувством бедняцкие [*чувства*] бабы вполне точно [*чув*] понимали, [*свою высшую*] где лежит их высшая жизнь. [*и догадывались, судя*]

Но внутри самой ихней деревни сидел в комиссии[яx]и [змеи] кулацкий змей и **единоличные** беднячки ходили в гунях, никогда не пробуя колхозного мяса.

[Лобеседовав] Удивительно еще то, что колхозные комиссии ни разу ||

103

не собирали во 2-м Отрадном беднячко-средняцкого пленума, откладывая такое дело [до] вплоть до невероятной проработки всей гуши [вопро] оргвопросов, которые ежедневно выдумывали сами-же члены-подкулачники.

Посоветовавшись с некоторыми энергичными бедняками, я написал письмо [рев] Крушилову в Гушевку, поскольку он был ближайшим к этому месту активистом.

«Тов. Крушилов. Во 2-м Отрадном [власть захв / подпольно захвачена] колхозное строительство подпольно захвачено зажиточно-подкулацкими людьми, [<нрзб>] беднота (женская часть) **заявляет** свое страдание [песнями] непосредственно **песнями** на улицах. А твой сплошной район рядом. Советую захватить тебе прежде в районную власть и, узнав — нет ли там корней каких-либо, расцветших **целыми ветвями** во 2 Отрадном, прибыть сюда для ликвидации бюрократического очага».

Один бедняк взялся снести письмо тов. Крушилову, я-же, убежденный, ||

104

что [Круши] Крушилов явится во 2-е Отрадное и [наладит] ликвидирует бюрократическое кулачество, [я] пошел дальше из этого места.

разрыв 5–6 строк

Погода разведрилась, в природе стало довольно хорошо и [по озимым хлебам] я шел [по] с покойной за колхозы душою. [Ози / Туч] Озимые поколения хлебов [повсюду] широко росли вокруг и ветер [волн] делал бредущие волны по их задумчивой зеленой гуше,— это лучшее зрелище [во всем] на всей земле. Мне захотелось [подальше уйти] уйти сегодня подальше, минуя попутные [окрестные / благополучные колхозы, дабы встретить вдали какое-либо бедствие] малые колхозы, **дабы** [что-нибудь] найти вдали что-нибудь более выдающееся.

Вечернее солнце застало меня вблизи какого-то парка; от проезжей дороги внутрь парка вела очищенная аллея, а у начала аллеи находилась арка с надписью: ||

105

«С. х. коммуна имени Общества старых большевиков, учр. в 1923 г.»

Здесь наверно общественное производство достигло [высокой / высокой] высокого совершенства, люди, может быть, уже работали с такой-же согласованной легкостью, как дышали сердцем. С [<нрзб>] **этой** ясной надеждой я **свернул со своего пути** и вступил на землю коммуны.

Пройдя парк, я [вст] увидел громадную и вместе с тем уютную усадьбу коммуны. Десятки новых и отремонтированных [служебных помещ] хозяйственных помещений [было расположено] в плановом, разумном порядке были расположены по усадьбе; три больших жилых дома находились несколько в стороне от служб, вероятно для лучших санитарно-гигиенических условий. Если раньше эта усадьба и была приютом помещику, то теперь не осталось от прошлого никакого следа. Не желая быть ни гостем, ни нахлебником[с]м, я пошел в [прав] контору коммуны ||

106

и, предъявив один образовательный документ, был вскоре принят на должность временного техника по ремонту водоснабжения и по организации правильного водопользования. В тот-же час мне была отведена отдельная комната, предостав-

лена постель и [мою должно] меня, как служебное лицо, зачислили на [обильный] паек. С давно исчезнувшим сознанием своей общественной полезности я лег в кровать и предался отдыху — авансом за будущий труд по водоснабжению.

Поздно вечером я посетил клуб коммуны, интересуясь ее членским составом. В клубе шла пьеса «На командных высотах», содержащая в себе изложение удовольствия пролетариата от собственной власти, т. е. чувство совершенно чуждое пролетариату. Но эта правая благонамеренность [и в Москве ценится в хорошую монету, а на местных коммунаров / в коммуне же всюду он] у нас [ценится] идет как массовое искусство, потому что первосортные люди заняты непосредственным строительством [искусств] социализма, а второсортные заведуют искусством. ||

107

[Председатель коммуны]

Члены коммуны имели спокойный, чистоплотный вид и глядели [неудержим] на героев действия пьесы, как на самих себя, отчего еще более успокаивались и удовлетворялись. Четыре девочки-коммунарки стояли по углам сцены и держали [лампы двен] десятилинейные лампы; одеты девочки были в белые платья, [имели густые] на головах их лежали густые прически — и весь их вид напоминал старинных гимназисток.

Кроме нормальной сытости лиц, ничего в тот вечер я заметить в коммунарах не успел.

[Прожив-же] Проработав-же несколько дней на ремонте трубчатого колодца, я узнал достаточно многое и неутешительное для себя. Своими глазами я, пожалуй, не сумел бы все разглядеть, но со мной на колодце работали [два] два члена коммуны и они мне объяснили некоторые обстоятельства про тех, кто тщетно хотел ||

108

уподобиться старым большевикам.

Эти два коммунара, оказывается были в коммуне недавно и ненавидели [старых] почти всех других коммунаров; [И вот потому что] причиной [такому] такого безумного явления было следующее: рик и сельские партячейки вели политику на пополнение коммуны Старых Большевиков бедняками-активистами, правление-же коммуны не хотело принимать никаких новых членов, ибо для [для] правления хороши были только старые, сжившиеся между собой члены. Но кто-же были эти старые члены коммуны, ее основатели? Может быть, тайные кулаки?

— Что ты?! — удивились два коммунара, поставленные со мной на ремонт колодца.— [Они] Это — [сплошное] сплошное геройство гражданской войны! Их партия на все зубы пробовала, ничего не выходит: вполне наши люди!

— А отчего-ж они никого в коммуну пускать не хотят?

[Коммуна] Бедняки-коммунары несколько подумали¹⁶.

— Видишь ты, в семнадцатом году и они ||

109

бедняками были — стало быть, не было у них ничего, кроме своего класса, [и его они любили] а теперь накопили [имущ] бугор имущества, [его берегут а с классом] а класс оставили в покое...

¹⁶ Стоит знак перестановки слов. Было: подумали несколько.

Однако, невозможно было, чтобы все герои битв с белогвардейцами стали хозяйственными рачителями и [вра] врагами окрестной бедноты: куда-же могла исчезнуть их основная, беззаветная натура? И я узнал, что, действительно, иные основатели коммуны уже давно умерли от болезней и плохо залеченных ран, другие-же бросили коммуны и ушли [в] безвозвратно в города, третьи-же остались в коммуне на-веки. Эти третьи были героями не от классовых, органических свойств, а от каких-то мгновенных условий фронта, то-есть не помня себя, а теперь [го] они эксплуатировали свои нечаянные подвиги со всей ухваткой ||

110

буржуазной мелочи.

Председатель коммуны [Б] тов. Мчалов пришел на нашу работу к концу второго дня. Я увидел полнотелого, пожилого человека с горюющей заботой на лице, но со старым красноармейским шлемом на голове.

— Озимые-то, говорят, все в Черноземной области померзли,— сказал он мне.— Чего только кушать будем на будущий операционный год?.. И сейчас тоже — ну-жен бы дождь под овсы, а его нет и [нет] нет...

— Ты бы лучше кулацкий картуз надел на голову! — сказал я ему.— А красноармейский убор лучше бы снял!.. Кто тебе врет и кого ты слушаешь?..

— Да кажется мне так, а люди сообщают,— произнес председатель.— [А тебя следовало бы] Ведь сердце-то болит!.. Слушай, ты, как колодезь исправишь, так уходи, а то за тебя [надо] в соцстрах придется платить, прозодежду покупать — [ты] ты ведь не член, от тебя заботы не оберешься, а воды мы и без тебя напьемся...

[Уж] Обедать мне [при / надлежало] полагалось ||

111

в общей столовой; обед был плохой и я голодал, [а потом] не понимая, почему коммунары так упитаны в теле; потом все те-же оппозиционно-настроенные [бедняки новочленские] бедняки-новочленцы показали мне, что коммунары обедают еще [втори] вторично по своим комнатам. Обед же в столовой совершался как можно бедней, дабы постоянно торчащим на усадьбе коммуны окрестным беднякам не казалось, что в коммуне сладко едят.

Чем больше я [ж] жил в этой коммуне, тем больше убеждался, что ее идеология — ханженство <sic>, несмотря на значительное [общее богатство] общее достояние, несмотря на крупные производственные успехи. Коммунары, особенно перед посторонними мужиками, постоянно ныли о плохом урожае прошлого года, о том, что жизнь в коммуне убыточна и придется, видно, скоро на дворы разделяться, уходить в старину. ||

112

Все это было, конечно, лицемерие. Годовой доход на [душу] каждого коммунара, по крайней мере, вдвое превышал такой-же доход на местную душу середняка-единоличника, а [обеспеченность] доля основного капитала, падающая на члена коммуны, приближалась к тысяче рублей.

Но откуда-же это ханженство <sic>, эта хитрая, скрытая борьба с партией и бедняками за сохранение только для себя своего удела?

Сама коммуна находилась островом среди довольно просторного, если не моря, то озера одиноличников. Бедняцкий актив ближних деревень, а также советско-партийные организации давно имели желание сделать [ко] эту коммуны центром, источником опыта общественно-классового хозяйства для большого кол-

хоза-комбината. Но коммуна, состоящая из бывших героев, геройски сопротивлялась,— разрушать-же высокое в производственном смысле хозяйство ||

113

ни активисты-бедняки, ни партийцы не хотели. Наоборот, все их попытки поставить коммуны во главе колхозного движения основывались на добровольном соглашении с правлением коммуны. Но соглашение это не удавалось. Больше того, за последние 4 года коммуна приняла [*только*] в новые члены только 10 человек [*и*] бедняков, и то под большим давлением всех организаций. При чем, двое из этих 10-ти обжились в коммуне, прониклись ее [*духом сек*] скопческим духом дедачества, 3-е вышли [*сами, не переняв ее комнатного*] назад, [*бросив*] променяв сундуки коммуны на воздух большевистского ветра, [*5*] пятеро-же составили в коммуне настоящую большевистскую оппозицию сектантскому правлению; с двоими из них я и был знаком. Понятно, эти пятеро не имели решающего значения в коммуне, их ||

114

даже при первом случае могли вычистить из коммуны. Но они-то, помоему <sic>, и есть действительный зародыш будущего, большевистского правления коммуны, которое должно сменить бывших героев, а нынешних [*и*] ханжей и сладко-ежек.

Во всем районе, где находилась коммуна им. О-ва Старых Большевиков, в колхозах было лишь процентов двадцать бедняков и середняков; [*ро*] больших колхозных массивов не существовало еще вовсе, и все маленькие, **точечные** колхозы, как и коммуна, варились в своем дедаческом соку. Отсутствие массовости колхозного движения, святое, ханженское <sic> соблюдение принципа добровольности (по существу-же развитие пассивности в лучших людях бедноты), какая-то безветренность всей обстановки и создала, вместо колхозной **наростающей** реки, лужицы-колхозики и целое болото [*нрзб*] **такой** коммуны; [*носящей*] ||

115

[*На пя / седьмой день моего пребывания в коммуне туда / там состояло*]

Доделав порученную мне колодезную работу, я получил десять рублей и должен был уходить. Но оставлять [*коммуны мне не хотелось*] такую роскошно-производственную коммуны новорастущим феодалам было весьма жалко. Ведь коммуна в прошлом, средне-благоприятном году, дала урожая [*почти*] пшеницы почти по две тонны с гектара, одних фруктов было [*прод*] отпущено кооперации на двадцать пять тысяч рублей. Было ясно, что это хозяйственное место может объединить, поставить на ноги и двинуть вперед несколько сот бедняцких хозяйств. Так зачем же тут содержать несколько десятков неподвижно-жиреющих «коммунаров»? Интересно **еще** сообщить, что в коммуне было всего два трактора. Вс[*я*]е работ[*а*]ы совершал[*а*]ись вековыми, старинными способами; хорошие-же результаты объяснялись крайним трудолюбием, дружной организацией и скупостью к своей продукции коммунаров; в этих ||

116

качествах им нельзя отказать и эти качества должны остаться и тогда, когда [*коммуна из хан / сек / ханженская* <sic> *ко*] эта ханженско-дедаческая <sic> коммуна станет большевистской. Что-же будет в коммуне, если [*ей / ей заменить ее вилы на трак*] снабдить ее тракторами, удобрением, приложить к ее угодиям **вместо** [*рачи*] **сухого рачительства** ударный труд, сменить ханжу на большевика и агронома и,

главное, сделать коммуны действительным трудовым [обществом] товариществом крестьян-бедняков?

[Мы] Двое оппозиционно настроенных членов коммуны и я долго обсуждали болезненные предметы коммуны, не видя, как найти способ их уничтожения.

Один член в конце беседы спросил меня:

— А что у нас сильнее и лучше всего?

Я ему сказал, что это — диктатура пролетариата.

— Пойду в окрисполком, пойду в окружной комитет партии — попрошу сменить правление коммуны посредством ||

117

диктатуры пролетариата, — [сказа] сказал [член] коммунара. — Везде коммуны ведут колхозы, а у нас она [для всего района] мертвая пробка.

— Наверно, наша коммуна — это не коммунизм, — произнес другой коммунара.

— Ваша коммуна вроде кулацкого товарищества на трудовых паях и на государственном имуществе, — сообщил я некоторое определение.

— А ведь учредители — герои гражданской войны! [— с сож] — с жалостью

[— *Время*]

сказал один из коммунаров.

— Но время побеждает героев и делает из них одну смехотворность!

Это сказал я, но коммунары тут-же меня опровергли. [меня.]

— Ты ложь говоришь: большевики никогда не опаздывали против времени, они его позади себя ведут.

Ввиду очевидности я, конечно, согласился. После этого [один] мы собрали [од] одному коммунару ||

118

общие средства и он [пошел] пошел призывать [диктатуру пролетариата на] сюда помощь пролетарской диктатуры.

Разрыв 4–5 стр.

В те дни наступило ненастье и дорога сильно испортилась. [Я те] Оставив коммуны им. Общ. Стар. Большевиков, я шел долго и трудно, не замечая вблизи ни людей, ни селений. [Наконец] Наконец я увидел, что впереди меня тоже идет какой-то человек.

Вставка «Р» ||

Вставка «Р»

[А. НОКВ.]

[МАСЛО РОЗЫ]

[По дороге, выпавшись в ближней деревне, шел человек. Кто знает, кем он был.] Судя по его телу и одежде, неизвестно, кем он был. Бывают такие раскольники, бывают рыбаки с верхнего Дона, бывает прочий похожий народ. Пешеход был не мужик, а пожалуй парень. Он поспеш[и]ал, сбивался с такта и чесал сырые худые руки. В одном попутном овраге стоял пруд, человек сполз туда по глинистому склону и попил водицы. Это было ни к чему — в такую погоду, в сырость, в такое прохладное [октябрьское] весеннее время не пьется даже бегуну. [И] А путник пил много, со вкусом и жадностью, будто утоляя не желудок, а смазывая и охлаждая перегретое сердце.

Очнувшись, человек зашагал сызнова, глядя как напуганный.

Прошло часа два; пешеход, одолевая великие грязи, выбился из сил и ждал какую-нибудь нечаянную[, *калхозную*] деревушку на своей [осенней] мучительной дороге.

Началась равнина, овраги переменялись и исчезли, запутавшись в своей глуши и заброшенности.

Но шло время, а [никакого сельца / ни села] никакого поселения на дороге не случалось. Тогда парень сел на обдутый ветрами бугорок и вздохнул. Видимо, это был хороший молчаливый человек и у него была терпеливая душа.

Попрежнему пространство было безлюдно, но туман уползал в вышину, обнажались [поздние] пустые еще поля с безжизненными остями прошлогоднего <sic> подсолнухов и понемногу наливался светом скромный день.

Парень посмотрел на камешек, кинутый во впадину и подумал с сожалением об его одиночестве и вечной прикованности к этому невеселому месту. Тотчас же он встал и опять пошел, сожалея об участи разных безымянных вещей в грязных полях.

Скоро местность снизилась и обнаружилось небольшое село — дворов пятнадцать.

Пеший человек подошел к первой хате и постучал. Никто ему не ответил. Тогда он самовольно вошел внутрь по- ||

-2-

мещения[.], [а] и я тоже не отстал от него.

В хате сидел нестарый крестьянин, бороды и усов у него не росло, а лицо было утомлено трудом или подвигом. Этот человек как будто сам только вошел в это жилье и не мог двинуться от усталости, оттого он и не ответил на стук вошедшего[:] и на меня, второго человека.

Парень [, *житель Безотцовского округа,*] взгляделся в лицо, нахмуренного сидельца и сказал:

— Фома! Нюжли возвратился?

Человек поднял голову, [*засиял хитрыми*] пустил силу из опечаленных умны[ми]х глаз[ами] и ответил:

— Садись, Петруха! Воротился[:]: нигде нет благочестия — тело наружи, а душа внутри. Да и шут ее знает — кто ее шупал — душу свою...

— Што ж, хорошо на Афоне? — спросил [*Петр Маковкин,*] Петр, то есть тот человек, что вошел.

— Конечно, там земля разнообразней, а человек — стервец,— разъяснил Фома.

— Что ж теперь делать думаешь, Фома?

— Так чохом не скажешь! Погляжу пока! Шесть лет ушло зря, теперь бегом надо жить. А ты куда уходишь, Петр?

— В Америку. А сейчас иду в Ригу на морской пароход.

— Далече... Стало быть, дело какое имеешь знаменитое?

— А то как же! [—]

— Стало быть, дело твое сурьезное?

— А то как же! Бедовать иду, всего лишился!

— Видать, туго задумал ты свое дело?

— Знамо, не слабо. Без харчей иду, придорожным приработком кормлюсь!

— Дело твое крупное, Петруха...

1 / 2

Впрок.

(Бедняцкая хроника).

От составителя. Под именем автора, от лица которого ведется сообщение, не следует понимать составителя. Местоимение "я" употреблено для краткости и не соответствует точности. ~~Под именем "я" имеется~~

От имени одного человека изложено более широкое наблюдение, чем оно доступно было составителю, ~~который считает это действительным~~
~~данным и не должен быть~~
~~замечательным, и не должен~~
~~быть замечательным.~~

Но составитель считает, что хроника
обязана лишь своим содержанием
не ~~отражающее~~ или запав-
шее чувство или запечатленное сознание
одного субъекта, а те же свойства
целого коллектива. Это обязательно
верно и по отношению к художествен-

Пустая хата пахла не по-людски. Мутные окна глядели равнодушно и разуверяли человека: оставайся, не ходи куда, живи молча в укромном месте!

Петр и Фома разулись, развесили мокрые портянки и ||

-3-

закурили, уставившись на стол рассеянными глазами.

[*Что-то дует!* — *Петр,*] — А этот человек с тобой, что ль, идет? — показал Фома на меня.

— [*Это*] Нет. Это проходящий, — объяснил Петр.

— Проходящий? Ну пускай посидит, — разрешил Фома. — Что дует ветром! З[з]ахлобысни дверь, Петруха! — сказал затем Фома. Устроив это, Петр спросил:

— Небось, тепло теперь в Афонском монастыре! Небось, покойно живется там[.]! Чего сбежал из монахов? —

— Оставь, Петр, мне нужна была истина, а не чужеродные[,] харчи. Я хотел с Афона в Месопотамию уйти — говорят, там есть остатки рая, а потом передумал. Года ушли, уж ничего не нужно стало. Только вспомнишь детей, и как-то жалко станет. Помнишь трое детей умерло у мне в одно лето?.. Уж двадцать годов прошло, небось кость да волос остались в могиле... Ох, жутко мне чего-то, Петр!.. Оставайся ночевать, может дорога к утру заквокнет...

— И то останусь, Фома. [*Этак*] Враз до Риги не дойдешь!

— Вари картохи! Жрать с горя тянет...

Уснувши спозаранок, Фома и Петр проснулись ночью, а я лежал без сна. Огня в хате не было, за окном стояла нерушимая, [*и безысходная*] медленная тишина. [*Как будто и поля проснулись, но*] [б]Был еще только час ночи, до утра далеко, — и [они] поля за избою лежали и скучали, как люди.

Почувяв, что Петр не спит, Фома спросил:

— Из Америки-то думаешь воротиться?

— Затем и иду, чтоб вернуться...

— Едва ли: дюже далеко!

— Ничего, обучусь нужному делу и ворочусь!

— Мудрому делу скоро не обучишься!

— Это верно, дело мое богатое, скоро не ухватишь!

— Насчет чего же дело твое?

— Пыточный ты человек, Фома, был на Афоне и в иностранных державах, рай искал, а насущного ничего не узнал!

— Это истинно, кому — что!

[— *Мужикам одно нужно*] — А нашему бедному делу достаток полезней всего!

[*У нас ржи — хоть топи ей, а все не богато живем и туго идем на поправку! В этом году рожь до двугривенного доходила — вот тебе и урожай!*]

[— *Чего ты задумал?*]

— Мало ли что нам полезно! А чего ж ты задумал? ||

-4-

— Слышал про розовое масло? — сказал тогда [*Маковкин*] Петр.

— Слышал — гречанки тело мажут им для прелести!

— Это што! Это для духовитости. Из розового масла знаменитые лекарства делают — человек не стареет, кровь ободряют, волос выращивают — я по книж-

кам изучал. Я ее с собой несу. В Америке половина земли розами засажена — по тыщи рублей в год чистого прироста десятая дает! Вот где, Фома, [му-
жицкое] бедняцкое счастье!..

Петр говорил замурившись, в избытке своего благородного чувства. Открыв глаза, он заметил, что в окне посерело; тогда он слез с печки и стал собираться в Америку, не стравливая зря времени.

— Куда — ты? — спросил Фома.

— Пора уходить, мне еще далече идти. Отдохнул, [— И] и в ход, а то я томиться начинаю, когда задерживаюсь.

— Рано еще, наварим кулешу, поешь и пойдешь!

— Нет, я сейчас пойду, день и так [короток!] мал для моей дороги.

— Ну, как хочешь... Ты стало быть, в Америке хочешь разузнать, как розовое масло делается?..

— Догадался? А ты думал, я свечки там делать буду? Наша земля сотворена для розы! На нашем черноземе только розе и расти! Ты погляди, Фома, благоухание какое будет — все болезни пропадут!..

— Да, дело твое лепное! Ну, ступай, чудотворец, поглядим — подышим! Много тогда рассады должно потребует! Скорей только ворочайся и в морях не утопни!..

Петр был уверен, что, действительно, нежное масло душистых и пьяных роз способно построить вечные здания в древних балках его родины, и в этих зданиях поселятся довольные, счастливые [мужики] бедняки со своими многочисленными семействами.

Он уже посчитал — сколько это денег будет, если каждая десятая дает по тысяче рублей чистого прирост[у]а [даст].

Эта надежда на будущее счастье и шевелила его ноги по грязным полям его родины, [гоня в далекую Америку.] увлекая в дальнюю Америку.

119

[Че] Километра через три я догнал Петра и [постарался] посоветывал ему сначала побывать в Москве у академика Вавилова, — [(или у его помощников.) Этот человек полностью поможет Петру в исполнении его мечты и, [если] если нужно будет, то снарядит его и в Америку. Петр выслушал, поблагодарил и, [от] отвернувшись от меня, молча пошел. Я не знаю, сделал-ли он так, как я ему [посоветыве] сказал, или его единственная неотложная дума вытеснила уже из его сознания все второстепенные, вспомогательные мысли, необходимые для успеха главной идеи.

разрыв 4—5 строк

Под религиозный праздник пасхи я вошел в небольшой колхоз «Сильный Поток» и был здесь свидетелем конца жизни Филата-батрака, историю которого я постараюсь сейчас неприкосновенно изложить.

См. вставку Е ||

Вставка Е

[ЛС]

[СЛУШАЙТЕ ТЕПЕРЬ КРАТКИЙ РАССКАЗ ПРО ФИЛАТА-БАТРАКА.]

Филата приняли в колхоз самым последним, когда уже все середняки успели записаться.

— Ты всегда справишься войти в членство,— говорили Филату руководящие лица.— Ты же человек в классовом размере абсолютный!

И Филат ждал, не зная, чему ему радоваться, поскольку он еще не член колхоза. Со скучным выражением лица он ходил по колхозу и устранял прочь всякие неполадки. Была ли открыта дверь в избу, покачнулся ли плетень, или просто петух ходил отдельно от кур[.],— Филат притворял дверь, устанавливал плетень и подгонял к курам петуха.

Во время ветра Филат выходил на тот край колхозной деревни, куда направлялся ветер и глядел, чтобы ветер не выдул из деревни чего-либо полезного. А если что полезное ветер уносил, то Филат подхватывал ту полезную вещь и возвращал [ее] ее обратно в обобществленный фонд.

И так жил Филат в усиленных заботах о колхозном добре и порядке, не будучи членом артельного хозяйства.

К Филату давно все привыкли, и он был необходим в колхозе. Когда у кого рожала баба, звали Филата вести хозяйство и смотреть за малыми детьми; кроме того, Филат мог чистить трубы, умел отучивать кур от желания быть наседками и рубил хвосты собакам для злобы.

Такого человека Правление колхоза решило принять в члены на первый день пасхи, дабы вместо воскресенья Христа устроить воскресенье бедняка в колхозе. Накануне пасхи Филата одели в роскошную чистоплотную одежду, взяв ее из колхозного кооператива, а старую одежду Филата повесили в особый амбар, который назывался «музеем бедняка и батрака, жившего в эпоху кулачества[,] как класса».

Избу-читальню загодя украсили флагом и лозунгом, а утром на пасхальный день Филата вывели на крыльцо, около которого стояла, собравшись, вся колхозная масса. Филат, увидев солнце на небе и организованный народ внизу, обрадовался всеми силами своего тела и захотел жить в будущем еще более преданно и трудоспособно, чем он жил дотеле.

— Вот,— сказал активный председатель всему колхозу,— вот вам новый член нашего колхоза — товарищ Филат. Не колокол звучит над ||

2.

унылыми хатами, не поп поет загробные песни, не кулак наконец сало жует, а наоборот — Филат стоит улыбается, трудящееся солнце сияет над нашим колхозом и всем мировым интернационалом и мы сами чувствуем непонятную [робость] радость в своем туловище! Но отчего же непонятна наша радость? Оттого, что Филат был самый гонимый, самый молчаливый и самый малокушавший человек на свете[.].! Он никогда не говорил слов, а всегда двигался в труде — и вот теперь он воскрес, последний бедняк[. воскрес], посредством организации колхоза... Скажи же, Филат, нам что-нибудь,— теперь ты, грустный труженик, должен сиять на свете вместо кулацкого Христа...

Филат улыбнулся ближнему народу и всей окрестной цветущей природе.

— Я, товарищи, говорю тихо, потому что меня никогда не спрашивали. Я думал только, чтоб было счастье когда-нибудь в батрацком котле, но боюсь хлебать то счастье,— пусть уж другим достается...

Здесь Филат побелел лицом и прислонился к телу председателя колхоза.

— Что ты, Филат?! — закричал весь колхоз. — Живи смелей, робкая душа, ты теперь членом будешь! Проповедуй нам труд и усердие, последний человек!
 — Могу, — тихо сказал Филат, — только сердце мое привыкло к горю и обману, а вы мне даете счастье, — грудь не выдержит!..
 — Ничего: обтерпешься! — крикнули колхозники. — Глянь на солнце, дайте ему воздуху...

Но Филат настолько ослаб от счастья, что опустился на землю и стал умирать от излишнего биения сердца.

Филата вынесли на траву и положили лицом к небесному свету солнца. Все замолкли и стояли неподвижно.

И вдруг раздался голос какого-то притаившегося подкулачника.

— Значит, есть Иисус Христос, раз он покарал Филата-батрака!

Филат услышал то слово сквозь тьму своего потухающего ума и встал на ноги, потому что привык трудиться и терпеть истому.

— Врешь, тайный гад! Вот он я живой — ты видишь солнце горит над рожью и надо мной! Меня кулаки тридцать лет [помнили] томили¹⁷, и вот меня уж нет... Последние слова Филат говорил уже будучи мертвым, лишь по привычке терпеть и трудиться. Вслед за тем он шагнул два шага, открыл ||

3.

глаза и умер с побелевшим взором.

— Прощай, Филат! — сказал за всех председатель. — Велик твой труд, безвестный знаменитый человек...

И каждый колхозник снял шапку и широко открыл глаза, чтобы они сохли, а не плакали.¹⁸

разрыв 4–5 строк

120

[Встретив] Невдалеке от колхоза «Сильный Поток» я [наш] встретил железно-дорожную насыпь и, пойдя вдоль ее, достиг станции и поехал поездом.

В течении одних суток я уехал настолько далеко, что сошел с поезда уже в Острогжском округе, на родине ценнейшей во всем СССР [ми] михновской овцы. Однако Острогжский округ не имеет возможности

Вставка С ||

Вставка С

[a]

[Острогжский округ — родина ценнейшей во всем СССР Михновской овцы не имеет возможности] всерьез и планово заняться разведением последней, в ви-

¹⁷ Изменение орудия письма: бóльшая часть правки в машинописи сделана карандашом, здесь — синими чернилами.

¹⁸ На обороте л. 3 машинописи химическим карандашом записаны вычисления:

$$\begin{array}{r} 82 \\ 35 \\ \hline 410 \\ 246 \\ \hline 2870 \end{array}$$

ду <sic> того, что сухих здоровых для овец пастбищ в округе нет, а сырые подлунные и заболоченные пастбища страшно заражены всевозможными инфекциями и в особенности почечной двуусткой овец. [/]

[/.]

Селения Острогожского района — Ольшаны, Гумны, Писаревка, Осиповка, Гнилое, Средне-Воскресенское, Рыбенское, Луки, Александровка и других районов совершенно отказались от разведения и выращивания [ове] овец, т. к. последние, поголовно пораженные [фациолезом] **фациолезом**, гибнут тысячами на заболоченных пастбищах.

Далеко не полный учет говорит о гибели в течении двух последних лет до 40.000 пораженных почечно-глистной болезнью овец — на общую сумму, за округлением, 500.000 руб.

Все препараты, применяемые при [медикаментозном] **медикаментном** методе лечения, не достигают желаемых результатов — и население и ветперсонал убедились в совершенной бесцельности всякого лечения при наличии заболоченных пастбищ, т. к. овцы каждую минуту, с каждым стеблем болотной травы получают все новую и новую порцию глист.

С ветеринарно-санитарной точки зрения опасно и экономически невыгодно отдать заболоченные места микробам — бактериям и глистам для их пышно[гой] [роста] **жизни** и лишить скот здоровых кормов, которыми так беден Острогожский округ.

Исходя из вышеизложенного, Окрветотдел в своих докладах и планах считает мелиорацию — осушение болот и заболоченных пастбищ единственным средством избавить овцеводство от постоянной угрозы гибели и находит существенно необходимым немедленную организацию работ по осушке заболоченных пастбищ, в первую очередь — по течению реки Тихой Сосны с ее притоками, как прорезывающую весь округ, пойма которой (массив поймы 30.000 гкт.) после осушения станет экономической базой округа, а также и будет разрешена проблема разведения Михновской овцы во всем округе.

121

[Когда-то] Но когда-то [дав] во всем Острогожском округе были девственные пастбища, — [но] **хотя** это [однако] было не только до появления здесь овцы, но и до человека, — **еще** прежде оседания первых поселений людей по берегам Тихой Сосны, — ибо именно к тому начальному времени относится зарождение оврагов в меловых отложениях, в связи с хозяйственной деятельностью человека. Овраги-же выходя [усть] своими устьями в пойму реки, выносили в нее почвенный матерьял и тем создавали затухание речного потока, [создавали] начинали долгую эпоху [боло] заболочиванья.

Если посмотреть на всю площадь Острогожского округа, то можно увидеть великое народно-хозяйственное бедствие от быстрого роста болот.

Естественное орошение округа представляет такую картину. — В

См. вставку Д ||

Вставка Д¹⁹

[В восточной части] округ[а]е протекает р. Дон с притоками — Тихая Сосна, Потудань, Левица, Хворостянка и Икорец. Долина самой реки Дона имеет незначительную заболоченность в отдельных пунктах, отличаясь вообще хорошо дренированными пойменными почвами с хорошей растительностью. Все же вышеуказанные притоки сильно заболочены на всем почти протяжении, что обуславливается малым уклоном пойменных долин, а также механическими препятствиями для правильного стока, к каковым надо отнести овражные вы[к]носы (теперь ослабевшие), наличие водоподпорных сооружений, заколов, перепруд и проч. Все эти заболоченные теперь площади в количестве до [40—]50 тысяч гектар в свое время были в большей своей части, по свидетельству крестьян, хорошими лугами, а теперь превратились в осоковые и тростниково-камышевые болота. В общем это забол[о]ачивание отняло у сельского хозяйства до 50% кормовой площади. [Работой по р. Тихой Сосне открывается целая серия последующих работ на вышеназванных реках по отвоеванию у природы громадных бросовых площадей для превращения их в культурные, весьма необходимые для округа кормовые и проч. угодья.]

122

[Но было-бы]

Но со смертью рек[,] не толькодохнут овцы и падает животноводство,— начинает умирать и человек. Злокачественная, хроническая малярия сильно распространена среди жителей долины Тихой Сосны.

И было бы конечно малодушием, установив такое [бед] грозное бедствие, не попытаться вступить с природой в сражение — для отвоевания у нее громадных бросовых площадей, [для] чтобы дать скоту питательный, безболезненный корм, а трудящимся людям продукцию и здоровье.

Эта борьба с природой за десятки тысяч гектаров заболоченных площадей началась в 1925 году. Проект регулировочно-осушительных работ по р. Тихая Сосна охватывает пойменный массив протяжением в 40 километров и на площади в 83 квадратных километра. Примерно треть всего объема работ уже выполнена; сами работы с 1927 года механизированы, то есть чистит и углубляет реку не человек, стоящий [<нрзб>] с лопатой ||

123

в воде, а плавучий экскаватор,—

[Несмотря / первая машина для такого вида]

причем эта затерянная [машин] в болотах машина может служить некоторой общей гордостью советской землечерпательной техники, ибо [она вполне] машина оригинальной конструкции и впервые сделана в Советском Союзе [(до войны такие машин] (ни до войны, ни после в России подобные машины не делались, их покупали [обы] обычно в Америке). Но советские инженеры применяют для борьбы с болотами не только машины, а и взрывную технику, [пробивая] разрушая слежавшиеся наносы и карчу, душасие реку, динамитом.

Насколько население заинтересовано в успехе работ, видно из того, что учас-

¹⁹ На левом поле машинописи зачеркнуто название статьи, лежащей в основу «Вставки Д»: Реки и заболачивание пойм.

тие населения в затратах (преимущественно натуральным трудом) составляет 52 процента исполнительной сметы.

[*Теперь же, благодаря мощным колхозам долины Тихой Сосны, участие крестьян*] Но эти данные относятся [ко] к эпохе мелиоративных товариществ, т. е. ко времени || 124

простейших целевых объединений крестьянства; теперь же, [*в годы / годы мощных*] когда в долине Тихой Сосны есть мощные колхозы, надо ожидать [*совсем другого темпа*] гораздо более высокого темпа осушительных работ и [*гораздо еще*] еще более энергичного участия в них населения.

Придолинное крестьянство еще в 1924 году, когда я был на Тихой Сосне, уже знало, что вести [*луговое*] пойменное хозяйство, тем более создать [*луга*] из болот луга, [*чере*] одним напряжением единолич[ым]ого хозяйств[ом]а нельзя, — и в 1925-м году, к моменту начала работ, все заинтересованное обедневшее крестьянство объединилось в мелиоративные товарищества, т. е. в зачаточную форму [*колхоза*] производственного кооператива.

Таковы богатые факты на этой бедной долине, где и по-сейчас идет [*бо*] тяжелая борьба за создание девственной, погибшей родины михновской овцы. **разрыв 4—5 стр.**

Выбравшись из этой дружно-трудящейся долины на [*сух*] суходолы я вошел в колхозную деревню «Утро человечества», ||

125
прельщенный как хорошим названием, так и [*лоз*] добавочным лозунгом на вывеске колхоза, взятым из метрической системы: «Всем угнетенным народам — на долгие времена». Ясно, что это относилось к колхозной организации жизни и труда.

У заставы колхоза стоял некий [*че*] человек, с милым, но грозным лицом и смотрел на меня.

— Ты кто? — спросил он.

Я ему [*ответи*] приблизительно ответил, т. к. вопрос в сущности не очень прост.

— А ты не кадр?

— Кадр.

— Ну входи пожалуйста. Пойдем я тебя яичницей накормлю. А я знаешь кто?

— Кто?

[— *Председатель*]

— Да председатель всей бузы новой жизни, товарищ Ефим Нечаев. Здравствуй!

— Здравствуй.

[*Чем дальше я шел, тем больше убеждался, что чем жизнь новей, те*] ||

126
Раньше я [*больш*] боялся — гожусь ли я в новую жизнь, — а теперь видел, что чем жизнь новее, тем люди ко мне проще и родней.

[*хотя может быть это только так кажется человеку, привыкшему тщетно обольщаться.*]

[*Па*] Веселая жена Нечаева живо и прилежно сделала нам яичницу, а мы стали ее есть. Во время пищи я загляделся на супругу Нечаева — она была красива до прелести, но не в этом заключалась ее привилегия, а в том, что [*она*] она веселая и уверенная в своей жизни. Мне уже приходилось встречать ряд колхозниц, подобных этой женщине, и я обращал свое внимание на их повеселевший нрав. От-

чего это получилось — трудно сформулировать, поскольку [колхозницы] на колхозницах лежит сейчас больше забот и тревог, чем на единоличницах; однако-же единоличницы в большинстве своем [ли] лишь традиционно-унылые, беспросветные бабы.

— Так стало быть ты кадр[?]! — поев, высказался Ефим Нечаев и тронул ||

127

меня во грудь.

— Кадр,— [сказал] подтвердил я.

— Ну а вдруг ты ложный! — догадливо испугался Нечаев.— Ответь мне на общий вопрос: сколько нужно кирпичей, чтоб построить научную избу-читальню?..

Второй [вопрос] поверочный вопрос Нечаева был из другой области:

— Говорят, что мир бесконечен и звездам нет счета! Неверно, товарищи,— это буржуазная идеология: буржуйам выгодно, чтоб мир был такой широкий, [где всякому] дабы гадам не тесно жилось и было куда бежать от пролетариата. А по моему мир имеет конец и звездам есть окончательный счет...

Я подтвердил, что Нечаев говорит вполне справедливо: вселенная не может быть неопределенно-бесконечной.

— А отчего электричество [любит] железо любит, а стекло не уважает?

— Есть-ли в веществе какие [тенденции] законы или там одни только тенденции? Вот говорят, что можно сделать две палки, равные друг [друг] другу! Чушь!! Я ||

128

четыре недели стругал две линейки и все-же на полволоска они никак не сходились! Где-же закон равенства?.. **Одни только**

[— *Пожалуй, что законов и нету,*— сказал я]

тенденции и более нет ничего!

По возможности, я отвечал на все его вопросы.

— Ну, достаточно! — определил **часа через два** [меня] Нечаев.— Оставайся у нас колхозным техником — решай великую задачу, чтоб нам догнать, [капитализм,] перегнать [его, чорта,] и не умориться. Можешь? — А [мы] мы хотим [здесь] сделать тут такой колхоз, чтоб он был, как автомобиль-форд, годен по организационной [и классовой] форме и [аф] мужику-африканцу и бедняку-индейцу. Ясно тебе? — Ясно-то ясно, только это не нужно: африканский мужик и сам не дурак.

— Он-то нет, а ты-то дурак! Ведь СССР — самая передняя по революции держава! Отчего же нам не делать для всего отсталого света социальные заготовки?! [Загото / Мы] А уж по нашим заготовкам пускай потом [мировая] всемирная беднота пригоняет ||

129

себе жизнь в меру и впрок!.. Я весь Париж хотел советской власти научить!

Пожив и потрудившись в «Утре Человечества», я узнал про тов. Нечаева все подробности его истекшей жизни. Эти подробности [означали] обозначали Ефима Нечаева как великого и все более растущего [человека и револю] большевистского человека,— пусть даже некоторые его действия покажутся неловкими и смешными: ведь [мы же] мы имеем перед собой только начало будущего человека.

Товарищ Ефим Нечаев сроду не имел в своем сознании ни рвачества, ни отсталости,

Вставка «У» ||

-92-

а сердце его не располагалось в виде любви к единоличным коровам и частным дворам. Он еще с семнадцатого года приобрел симпатию к обширной, общественной жизни и к энтузиазму кампаний, проводимых на селе благодаря спускающимся туда директивам.

Уже давно Ефим стоял на заметке района и округа, как низовая пружина, **ведущая и жмушая** бедные и средние массы вперед. Поэтому Ефима назначили однажды ехать за границу, чтобы посмотреть там разную научность, а затем запомнить и доставить в голову, как в сундуке, в СССР.

Весь колхоз провожал Ефима.

— Не объем ли я свое государство, товарищи[.]? — спрашивал Ефим. [—] Ведь дорого обойдется везти и кормить мое личное тело[.]!

Колхоз отвечал ему, как один рот:

— Ничего, Ефим! Ты же не за нашу кашу поедешь, а за счет роста производительных сил!

— Не засохнут ли те силы от моего аппетита[.]?

— Ничего, Ефим[.]! Мы без тебя кашу щами будем мочить, а ты уж ешь масло на глазах буржуазии.

— Разве, что на глазах только! — ответил Ефим — А уж до капитализма я поеду натошак!

Вдобавок Ефиму дали еще наказ. В нем значилось, чтобы товарищ Ефим осмотрел заграничные города и уголья, понаблюдал природные дожди и ветры, обнаружил бы там активные ||

-93-

массы, а также прочие тенденции. Особо же Ефим должен сосредоточиться на заграничном быте: сколько времени буржуй жует мясо во рту, долго-ль беднячество будет обожать феодалов, и за что, как организованы там красота и счастье жизни и когда настанет мгновенье раскулачиванья[.]? И еще должен Ефим справиться — хватит ли заграничным товарищам революционных сил или придется откомандировать туда кадры наших активистов, — тогда пусть они запомнят нашего дядю Лукьяна: он пойдет за границу пешком и вручную ликвидирует все, что прикажут — будь то класс или племя или кирпичная постройка.

— Скажи там, что у дяди Лукьяна рука, как чугунная болванка — что попало кроет, лишь бы директива была!

С тем Ефим и отправился в буржуазию.

Достигнув капитализма, Ефим сказал ему:

— Сволочь[.]! — и пошел ходить по одному всемирному городу, под названьем Париж.

— Где тут такая контора, как у нас сельсовет[.]? — спросил он у провожатого.

— На что тебе[.]? — произнес провожатый

— Пускай на удостоверении явку отметят!

После отметки Ефим сказал, что здешняя контора велика для сельсовета — придется пойти поискать другое помещение для канцелярии парижской диктатуры.

Нашедши более подходящий дом, дабы загодя разместить в нем сельсовет,

Ефим вошел внутрь его вместе с провожатым. Он хотел уже сейчас распланировать установку столов по комнатам.

— Тут сейчас беата! — сказал Ефиму провожатый. — Что обозначает красоту.

— Тем более, — определил Ефим. — Красота у меня в наказе есть, нам тоже ведь нужно какое-нибудь загляденье! Веди, подкулачник! ||

-94-

В институте Красоты их начали приветствовать. Ефим уже знал, что его советскую державу всюду боятся и не стал отвечать на поклоны, а сел посреди убранный зала и начал делать проверку всей наличной женской массе.

— Организуй красоту дальше! — сообщил он, а провожатый спустил его приказ на присутствующую периферию.

Зажиточные дамы занялись производством красоты.

Они все имели толстые туловища, — прибавочное сало, отнятое у пролетариата, намазано было на них сверху, так что можно слизать его обратно, но Ефим решил сделать это на утро после со[деянной]циальной революции.

Главная руководящая дама вынесла из чулана большую банку, наполненную какой-то копошащейся живностью. Ефим сейчас же узнал, что в банке живет население глистов. Главная худощавая женщина включила громкоговоритель — и в зале, как в избе-читальне, раздалась [безшумная] бушующая музыка боевых масс Африки. Так провожатый объяснил Ефиму значение Фокс-трота.

— Сам чую! — ответил Ефим, и вздохнул, что музыка играет без революции.

После того активная дама открыла перед жирными бабами буфет с напитками и все начали танцевать такими движениями, как будто хотели размножиться.

— Останови их! — указал Ефим — Буржуазное количество и так достаточно! Но дамы и сами остановились, только от них запахло потом и сварившимся салом.

Инструкторша пустила из трубки благовоние, а потом вынула одного червя из банки. Близ[айшая]няя толстая баба подошла к ней и проглотила того [того] червя своею пастью, а инструкторша дала ей стакан какой-то влаги, чтобы запить проглоченное животное. Другие пухлые женщины тоже стали глотать червей: кто по одному, а кто по два. ||

-96-²⁰

Спустя же время вновь заиграла музыка и все начали танцевать с червями внутри.

Ефим встал, чтобы заняться ликвидацией такого явления, но председательница подошла к нему, взяла его, как буржуя под руку, и повела вместе с провожатым в другое помещение. Там было вроде больницы[:] и лежали похудевшие полуголые женщины на чистых столах. Главная дама объяснила через провожатого Ефиму эти видимые обстоятельства. Здесь вытраивляли червей обратно, потому что черви уже сделали свое дело — довели обрюзгших девушек до красоты худощавости. Теперь оставалось только вымыть глистов и опять давать их глотать жирному женскому полу.

— Но только нам плохо! — сказала дама через провожатого. — Наши дамы уже

²⁰ Нумерация листов в машинописи сбита: л. 95 отсутствует, при этом в тексте пропусков нет.

привыкли к местным глистам и худеют от них очень медленно. Нам нужны более ядовитые аскаридные черви, мы бы хорошо за них уплатили.

— Можно! — согласился Ефим. — Скажи этой стерве, что большевистский глист не только в худобу — в гроб любую буржуйку вгонит.

Провожатый перевел.

— Мерси, мерси! — заулыбалась руководительница.

— Я скажу своему государству, — сообщил Ефим, — так мы целыми эшелонами червей сюда будем гнать — этого имущества у нас хватает! Пускай только машины нам качают обратно: им черви, а нам чугун! Скажи ей еще, подкулачник, чтобы она дала мне в задаток за будущих глистов радио: оно нам для культурной революции приемлемо!

Дама с удовольствием поднесла Ефиму весь радиоаппарат.

— Все равно бы конфисковал! — поблагодарил Ефим. — Чего, червивая, ухмыляешься[.]?

В тот же день Ефим отправил громкоговоритель почтой ||

-97-

в колхоз, а колхозу приказал, чтобы все его члены изгнали из своей утробы глистов, — пускай пролетарии всех колхозов опрожнятся от вредителей и соберут их в бочку, а ту бочку пусть шлют на Париж Ефиму. Он же ту бочку загонит здесь толстым бабам для тощей красоты, а ихнее золото обрат[но]ит в предметы железной индустриализации. Что же касается его личности, то он слышал уже такую [буржуазную]бушующую музыку масс и видел таких опухших от классового счастья буржеек, что настал сочельник революции. А посему он остается на своем парижском посту, тем более что уже подыскал удобный дом для парижского сельсовета и теперь ищет здание для правления колхоза. Завтра он пойдет метить мелом по полу, где будут стоять столы председателя и секретаря, а пока пусть спросит по родному району сплошной коллективизации — согласны ли массы, чтобы Ефим стал председателем парижского сельсовета. Пусть также колхозные массы ждут от него, вскоре после социальной революции, эшелон парижских толстых туловищ, — с тем, чтобы трамбовать ими проезжий грунт.

После поклона дяде Лукьяну, Ефим закончил письмо и пошел покупать кусок мела для обозначения места сельсоветских столов в том Институте, в котором нынче живут черви, жирные буржуйки и какая-то незаметная сволочь по имени Беата.

— Я ее в плен возьму, — решил Ефим про ту Беату. Пролетариату и сволочь пригодится, раз она невидима.

130

После получения от т. Нечаева его первого-же письма, он был немедленно отозван [на ро] назад в СССР. Ибо [он] его послали учиться садоводству, а не учить парижанок советской власти.

Нечаев приехал обратно без всякой обиды, ибо вера его в классовую революцию была сильнее парижской действительности — [она] она способна была сдвинуть с места и преобразовать эту нынешнюю действительность.

Я прожил в колхозе Нечаева [дово] очень долго; я был свидетелем ярового

сева на 140 процентов от плана и участником трех строителей — прудовой плотины, [и *хлебного*] семенного амбара и силосной башни.

После каждого очередного успеха тов. Нечаев выступал на собрании колхоза и провозглашал, приблизительно, одну и ту-же тему:

— Я, товарищ Нечаев, со всеми вами, бедняками и товарищами, добьюсь того, чтоб в СССР [не *смог*] никогда не смог рев гудков ||

131

индустриализации, как над [Бр] британским империализмом никогда не заходит солнце! И дальше [того] того: мы добьемся, чтобы дым наших заводов застал солнце над Британией!.. Мы должны в будущем году взять какой-нибудь героический завод, [чтобы] дабы полностью снабжать его из нашего колхоза пшеничным зерном,— пусть наш рабочий товарищ оставит **черный** кислый хлеб и кушает наш первый первач! Это говорю я, товарищ Ефим Нечаев!..

Ясно, что Нечаев для дипломатической работы годен быть не мог, а для строительства социализма на **советской** родине был вполне хорош.

[Перед моим уходом]

Дожив [о] близь Нечаева до начала осени, полюбив его до глубокой дружбы, я все же в один светлый день подал товарищу Нечаеву руку на прощанье и поехал в уральские степи. ||

132

— Езжай куда [—] хочешь,— сказал мне Ефим.— [Из нашего классового котла / Все мы / Дальше стенок нашего классового котла *никуда не прод*]

Все мы кипим в одном классовом котле, и сок твоей жизни дойдет до меня!

разрыв 4—5 стр.

См. журнал Октябрь № 2

стр. 159.

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ЗАВОДСКОЙ СЦЕНАРИЙ

Статья и публикация А. Гущиной

Настоящая публикация представляет два документа 1930 г. из фонда А. Платонова: текст заявки на производственный киносценарий и либретто незавершенного киносценария «Турбинщики». Оба документа впервые цитируются в работах Н. В. Корниенко: комментариях к 5-й записной книжке (Записные книжки. Примечания. С. 338–345), содержащей материалы о Ленинградском Металлическом заводе, и в статье «Киносценарии в творческой истории «Котлована»» (Котлован. С. 338–342), где выявлены прототипы героев сценария, проанализированы связи «производственного» сценария с очерками, повестями и пьесами начала 1930-х гг.

Черновой вариант заявки был написан раньше киносценария, в нем автор, кратко излагая сюжет, задает несколько иное развитие темы, чем то, которое она получит в «Турбинщиках». Адресат на заявке не указан; предположительно, это Ленинградская (3-я) кинофабрика, с которой Платонов был связан прежде (постановка кинофильма по сценарию «Песчаная учительница»).

Автограф незавершенного киносценария «Турбинщики» — это 38 страниц рукописного текста на обороте машинописи повести «Эфирный тракт». На последней странице автографа записано: «Продолжение см. отдельные листы со стр. 39». К сожалению, окончание сценария в современных фондах А. Платонова не выявлено.

Обозначим некоторые собственно киносценарные контексты времени написания «Турбинщиков».

В конце 1920-х — начале 1930-х отечественная кинематография переживала жестокий кризис: экономический и кадровый. И, в первую очередь, кризис сценарный («сценарный голод», как он часто звался в печати): «Мы сталкиваемся с серьезными причинами кризиса, причинами, лежащими в производстве фильмов — недостаток сценариев, кадров, плохое усвоение нашими режиссерами современной тематики и т. п.» (Кино. М., 1930. 25 янв. С. 1).

Репертуар составляют, в основном, зарубежные, американские, фильмы. (Популярный в прокате «Робин Гуд» еще в 1920-х выдержал в 1,5 раза больше экранодней, чем «Броненосец “Потемкин”».) В кинотеатрах идут картины «Колючая проволока», «Моана», «Мулен-Руж» (с О. Чеховой), «Леди Гамильтон», «Лейтенант Рилей», «Хижина дяди Тома», «В доках Нью-Йорка», «Небоскреб», «Черный циклон», «Чикаго» и многие другие.

Отечественных фильмов мало. «Из кризиса сценарного, который был провозглашен, примерно, год тому назад, мы перешли на более высшую стадию кризиса — отсутствию в прокате советских картин вообще» (Кино-Фронт. Л., 1930. 5 февр. С. 1).

В Тематическом плане Совкино на 1930–1931 гг. (годовые производственно-тематические планы утверждались правительством и публиковались в центральной печати) в харак-

терной последовательности намечаются картины: «1) Крупно-индустриальные (строительство гигантов индустрии): пятилетка, транспорт, строительство новых центров социалистической промышленности (совхозы, предприятия, социалистические города, МТС). 2) Коллективизация сельского хозяйства: а) ликвидация кулачества; б) борьба за социалистические формы труда и колхоза (строительство показательных колхозов)...» (РГАЛИ, ф. 2498, оп. 1, ед. хр. 28).

Темы плана подразумевали своего рода подтемы, которые вполне могли и должны были послужить основой сюжета фильма. Так, к теме индустриализации намечается широкий список «вопросов промышленности» (88 наименований), среди которых: пятилетка; ударные бригады; изобретательство; вредительство; турбина; дизель; нефть; уголь; турксиб; инструмент машиностроения и многое др., даже вопрос утилизации отходов (РГАЛИ, ф. 2498, оп. 1, ед. хр. 26). Совершенно очевидно, что не все «вопросы» подлежали освоению в игровом кино. Немалая роль отводилась и документальному кино, а также популярному жанру агитпрофильмов.

«Нужно, чтобы план великой стройки пронизывал всю тематику, всю художественную и производственную работу нашего кино... Это должно стать ее генеральной и целевой установкой» (Кино и жизнь. М., 1930. 10 янв. С. 4). Производственный жанр трудно приживался в киноискусстве: «До сих пор кино отстает от темпов нашего строительства... Борьба за индустриализацию, за колхоз... остается “незафиксированной”» (Кино. М., 1930. 10 мая. С. 1). И причины тому назывались разные: «Кинопроизводство, помимо недостатка сценариев, развивается медленно из-за голода в отношении кадров» (Кино-Фронт. Л., 1930. 15 июля. С. 1); «Нет режиссеров, ассистентов, помощников. Нет операторов, фотографов. Никак и нигде не готовятся кинохудожники, актеры» (Там же. 21 июля. С. 1).

Картин производственной тематики в 1930 г. было не так много. Наиболее известные: «Гигант» (реж. Л. Степанова; о сельскохозяйственном производстве в условиях соцстроительства), «Пятилетка» (реж. П. Пашков; первые годы и первые результаты: электрификация, индустриализация, сельское хозяйство; впоследствии был озвучен и стал первым звуковым фильмом в СССР), «Ветер в лицо» (реж. А. Зархи и И. Хейфиц; о комсомольской молодежной бригаде), «Первый год пятилетки» (реж. К. Гаврюшин; короткометражный), «Железная бригада» (реж. М. Вернер), «Наступление» (реж. И. Трауберг; об индустриализации в общем и новых металлстроях), «Путь изобретателя» (реж. Ю. Геник; о преодолении изобретателем «косности и бюрократизма»), «Подземное солнце» (реж. М. Авербах; о шахтерах), «План великих работ» (реж. А. Роом), «Манометр-1» (реж. А. Роом; о прорыве на заводе «Манометр»), «Турксиб» (реж. О. Турин), «Симфония Донбасса» (реж. Д. Вертов).

Немного было и сценариев, присылаемых в студии «Союзкино». Среди не включенных в работу за 1930 год «заводские» тексты: «На подступах к Ангарстрою», «Липецкстрой», «Вечный двигатель», «Стальной секрет», «Ударник» (РГАЛИ, ф. 2498, оп. 1, ед. хр. 26–27), «Авария» (сцен. Б. Леонидов; о сбое в работе электростанции), «Авария» (сцен. Г. Матвеев; о затертой льдами барже и ее спасении ударниками) (Госфильмофонд, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 573, 420). Причиной отрицательных отзывов и отказов чаще всего служил низкий художественный уровень сценариев.

Обсуждались в печати и готовились к постановке в числе производственных такие сценарии: «Великий перелом» (о бедняках и середняках, которые недоверчиво относятся к колхозу, но «на опыте» убеждаются в преимуществах общественного хозяйства); «Ликвидация класса» («о гибели класса деревенских капиталистов»); «Переключенная география» («о социалистической реконструкции», о том, «как выглядит сейчас и должна будет выгля-

деть завтра советская страна») (Кино-Фронт. Л., 1930. 11 июля. С. 1). Сюжет сценария «В стальном кольце», написанный по заказу фабрики Союзкино рабкоровской бригадой, перекликается с развитием конфликта кулака и рабочего завода в «Турбинщиках». «...Некий кулак Волков, прийдя из деревни в город и попав на завод, делал попытки изнутри, путем различного вида вредительств, сорвать правильное развитие индустриализации страны», но «везде он наталкивается... на энтузиазм рабочего класса» и «погибает под маховиком индустрии» (Там же. 20 окт. С. 2).

Соцстроительство в годы первой пятилетки по своей значимости опережает все другие события, какими живет страна, отодвигая судьбы миллионов раскулаченных крестьян на дальний план. Рисуеться карикатурная фигура кулака-вредителя, кулака-предателя на страницах кинопериодики и в кино в год развернутой коллективизации, «великого сталинского перелома». Намечаются такие «вопросы сельского хозяйства», как: коллективизация и индустриализация (их взаимообусловленность, одновременное развитие); помещики и крестьяне в России; хлеб кулака и хлеб колхозника; посевная кампания; «Гигант»; борьба с засухой; колхоз на болоте; колхоз в безводной степи и др. (РГАЛИ, ф. 2498, оп. 1, ед. хр. 26).

О «борьбе с кулачеством» в 1930 г. были сняты фильмы: «Айна» (реж. Н. Тихонов, по сценарию А. Платонова «Песчаная учительница»; в процессе работы над фильмом не тронутым остается лишь замысел автора о девушке, отправляющейся после окончания университета в селения пустыни; в остальном сюжет существенно «откорректирован» и дополнен; фильм вышел на экраны в 1931 г.); «Враг на пути» (реж. А. Синявский; о скрытых врагах партии — старой интеллигенции, кулаках и подкулачниках), «Колхозная весна» (реж. А. Мартиросян), «Поворот» (реж. П. Петров-Бытов; о деревенских активистах и кулаках), «Пашка» (реж. Н. Трофимов; о помощи советской детворы крестьянам-колхозникам в их борьбе с кулаками) и некоторые другие. Все эти фильмы, скорее, носили агитационный характер и в истории киноискусства остались лишь номинально. Исключение составляет картина А. Довженко «Земля». Конфликт украинского крестьянина и кулака условен. Тема фильма — обыкновенное человеческое счастье, счастье бытия и единения с природой — почему «Земля», ставшая классикой отечественного кино, нередко критиковалась на страницах кинопериодики: «В чем основные пороки “Земли”? В картине показан эпизод классовой борьбы в деревне — как частный уголовный случай. Невьяснен смысл классовой борьбы. Не освещены, а напротив, закрыты, завешены социальные причины и целеустремленность борьбы и социалистической реконструкции. Завешены блестящим шелковым покрывалом, — великолепной и чувственной живописью Довженки. Его живопись посвящена поэтическому преклонению перед “матушкой землей”. Это гимн плодородию, сытости, плотской любви... Гимн биологии» (Кино-Фронт. Л., 1930. 6 апр. С. 2); «Коллективизация и борьба с кулаком затерялись среди “вечных” мотивов природы, любви и смерти... Преобладание биологического содержания над социальным в “Земле” говорит о том, что в творчестве художника борются две противоположных классовых идеологии — пролетарская и мелкобуржуазная и побеждает не пролетарская, а мелкобуржуазная» (Кино. М., 1930. 10 апр. С. 4).

После «производственных» и «колхозных» фильмов в тематическом плане стоят картины о: 3) Международном распаде капиталистической системы и подъеме СССР. 4) Военные. 5) Историко-революционные. 6) Комсомольские (соцсоревнования, ударные бригады, новый быт). 7) Детские: участие детей в соцстроительстве. 8) Подготовка и переподготовка кадров (Всеобуч, политехникумы, школы, ликбез, ФЗУ, ВУЗ). 9) Короткометражки» (РГАЛИ, ф. 2498, оп. 1, ед. хр. 28).

Киносценарий «Турбинщики» — не первый опыт Платонова в кино. К 1930 г. уже были написаны сценарии «Песчаная учительница», «Надлежащие мероприятия», «Елифанские шлюзы», «Лампочка Ильича». Только два из них, «Елифанские шлюзы» и «Песчаная учительница», были закончены, и только один, последний, поставлен.

Киносценарий 1930 г. «Турбинщики» (как и написанный несколько позже «Машинист») обнаруживает другое направление платоновской кинопрозы — производственно-техническое, созвучное времени интенсивного строительства и в какой-то мере отвечающее «социальному заказу».

Развитие основного действия «Турбинщиков» происходит на Ленинградском Металлическом заводе и, как поясняет Платонов, «соответствует ходу фактов».

Санкт-Петербургский Металлический завод (впоследствии — Металлический завод крупного машиностроения им. Сталина) был основан в 1857 г. 1904 г. положил начало отечественному турбостроению в России: по приобретенной у французской компании лицензии завод стал выпускать турбины малой мощности. К 1907 г., улучшив французский технический проект, была изготовлена паровая турбина повышенной мощности — 200 кВт. Дальнейшие турбинные разработки продолжились уже после Гражданской войны. В 1924 г. ЛМЗ была выпущена первая советская паровая турбина мощностью в 2 МВт, а уже в 1926 г. — в 10 МВт. Изготовление мощных усовершенствованных турбин проходило под руководством мастера С. Н. Тимофеева, одного из старейших работников ЛМЗ, прототипа платоновского Николаева в «Турбинщиках». В 1930 г. открылось первое в стране высшее техническое училище при заводе — ВТУЗ Ленинградского Металлического завода (что предусматривалось постановлением ЦК о подготовке технических кадров: «организовать... предприятия-школы, в которых сочеталась бы подготовка кадров... с постоянной работой на производстве» (КПСС в резолюциях и решениях съездов. Т. 5. М., 1984. С. 22)). В этом же году была изготовлена первая паровая турбина нового типа мощностью 24 МВт на 3000 об/мин. (здесь и ниже информация о заводе и его представителях приводится с официального сайта ЛМЗ: lmz-150.ru).

Платонов был очевидцем последних событий на заводе — они и послужили «фактической» основой киноочерка «Турбинщики». О разработке замысла сценария свидетельствует 5-я записная книжка этого периода (Записные книжки. С. 58–67), содержащая в основном техническую информацию. О работе Платонова над киноочерком говорят лишь встречающиеся среди расчетов фамилии прототипов героев и редкие тематические ремарки. Прокомментируем некоторые.

«Общая идея: пот, ум, машина,— т. е. переход от мускульного напряжения, собственно ударничества, к рационализации-изобретательству и закрепление его в машинах.

Так из мускулов рождается культура.

Происхождение новой культуры из ударничества» (Записные книжки. С. 65).

«Быстрота рождения турбины из отливки и перерождение чернорабочего в инженера...» (Там же. С. 65).

Прототипами персонажей сценария становятся реальные лица, рабочие завода:

«Бригада Хинейко (по сборке моторов) не уходила с работы по несколько суток во время изготовления первой 22 тыс. турбины» (Там же. С. 61).

Хинейко — один из первых ударников на заводе.

«Старосельцев — бригадир» (Там же. С. 62).

Старосельцев — бригадир первой комсомольской молодежной бригады по сборке паровых турбин. В подарок XVI съезду ВКП(б) бригада досрочно собрала турбину мощностью в 3000 кВт.

«Мастер Тимофеев изобрел аппарат для испытания автоматических регуляторов, которые устанавливаются на паровую турбину для безопасности» (Там же. С. 60).

Мастер Тимофеев — выдающийся инженер, руководитель производства первых паровых турбин повышенной мощности. В 1929 г. «для изучения опыта изготовления и сборки паровых турбин был командирован в Манчестер (Англия) на заводы фирмы “Метрополитен-Виккерс”. Углубленно изучал способы изготовления лопаток, по центровке роторов сам провел “русскую показательную школу”. (На этих технических моментах останавливается Платонов в “Турбинщиках”, подробно описывая план съемки эпизода обработки деталей; см.: ф. 629, оп. 1 ед. хр. 2, л. 15, 25.— А. Г.) Знания и опыт передавал молодежи. За свою более чем 40-летнюю работу на заводе воспитал целую плеяду учеников... Природная смекалка, исключительные способности и большое трудолюбие выдвинули С. Н. Тимофеева в число передовых рабочих Ленинграда. “Дедушкой советского турбостроения” или “турбинным дедом” уважительно называли его на заводе» (ЛМЗ в лицах. ltmz-150.ru). С. Н. Тимофеев стал прототипом инженера-изобретателя Николаева в киносценарии Платонова, а некоторое время спустя — и главного героя Бабченко (в исполнении В. Гардина) в фильме Ф. Эрмлера и С. Юткевича «Встречный» (1932). Фильм, ставший одним из лучших в ряду картин производственного жанра, был снят по сценарию Л. Арнштама и Д. Дэля. Действие картины также происходит на ЛМЗ. Реальных прототипов имели и другие герои картины, за исключением инженера-«вредителя» Скворцова: «подобных личностей на ... турбинном заводе не оказалось, и образ целиком сочинили сценаристы, используя литературные и иные реминисценции», поскольку образ «вредителя» (часто скрытого и часто — инженера) — обязательный элемент производственного жанра. Музыка к фильму написал Д. Шостакович, песни на стихи Б. Корнилова (См.: История отечественного кино. М., 2005. С. 259–260).

«Анис (англичанин)

— мастер иностранец» (Записные книжки. С. 61).

«Рабочий ответил англичанину Анису: “Нам ждать некогда: мы — большевики”. Анис сомневался в сроках» (Там же. С. 63).

Англичанин Анис — инженер-консультант. Короткий диалог сомневающегося инженера с рабочим-большевиком вошел в действие сценария. Инженер-иностранец на заводах СССР — историческая реальность рубежа 1920–1930 гг., запечатленная в производственных текстах этого времени.

Судя по всему, сценарий «Турбинщики» остался незавершенным. Н. В. Корниенко связывает это с несколькими причинами: «во-первых, с началом производства в 1931 году звукового кино в СССР, а “Турбинщики” пишутся для языка немого кино*»; во-вторых, с историей публикации повести “Впрок” (имя одного из героев сценария — Щекотулова будет использовано в повести-хронике на этапе переработки первой редакции “Впрок”; вряд ли одну и ту же фамилию Платонов параллельно использовал бы в повести и в сценарии); в-третьих, название сценария в анкете 1931 года вымарано из графы написанных произве-

* Что, впрочем, маловероятно, поскольку процесс освоения звука в СССР происходил очень медленно. В 1931 г. появился первый полнометражный звуковой фильм — «Путевка в жизнь» (реж. Н. Экка). Однако первенство еще долго будет сохраняться за немим кино, что связывалось, прежде всего, с проблемами технического порядка: «в 1934 году на 26 тысяч кинотеатров было только 772 звуковых, и этим объясняется, почему в СССР все еще продолжали снимать немые фильмы, например, “Пышку” М. Ромма — экранизация новеллы Мопассана. Этот немой фильм был первым, целиком снятым и отпечатанным на советской пленке» (Садуль Ж. История киноискусства. М., 1957. С. 296).

дений. Последнее явно связано с напряженным диалогом, что вел Платонов с пролетарской литературой» (Котлован. С. 340).

Не менее значимым, по мнению Н. В. Корниенко, является и тот факт, что годы первой пятилетки стали временем массовых судебных процессов по делу «вредительства» на производстве. «Нам не известно, как в реальности сложилась к концу 1930 года судьба ставших прототипами героев “Турбинщиков” рабочих-изобретателей и инженеров Ленинградского металлического завода. Политические контексты данной темы пролегли от “шахтинского дела” (1928) до процесса “промпартии” (1930)» (Там же. С. 340)*.

Но главной причиной все же было другое. Характерно, что «заводские сюжеты разрабатывались Платоновым... параллельно крестьянским. <...> Возможно, именно в киносценарии “Турбинщики” Платонов шел не только к собиранию, но и примирению самых разных тем массовой рабочей жизни первых трех десятилетий XX столетия. Однако... эпическая тема требовала или эпического финала, или ее ограничения рамками локального современного сюжета» (Там же. С. 341–342). Последнее Платонов не принимал, потому, видимо, работа над сценарием была прервана. Нарботки «Турбинщиков» позже были использованы в пьесе «Высокое напряжение».

1

План полнометражной [картины] кинокартины «Гигант советского турбостроения» (условное название), предполагаемой к постановке [на основе / по] на основе матерьялов [Ленингр.] Турбинной Мастерской Металлич. Зав. им. т. Сталина в Л-граде.

Общее замечание. Полнометражный киноочерк должен обладать композиционной структурой. Сделать его в виде хроникального обозрения нельзя и не надо, ибо он тогда не даст того результата, на который рассчитан <sic> (воспитание рабочего зрителя на показе образцовой работы гигантского завода крупного машиностроения). Для хроникального обозрения, кроме того, не нужно писать сценария, а следует прямо заснять главные моменты работы, учебы, быта завода и затем смонтировать картину из заснятого матерьяла.

Для картины с документальной основой, [не имеющей ком] но в которой все факты композиционно организованы, требуется около половины всего содержания инсценировать, т. е. отступить от правил построения [абсолютно] чисто документальных фильм. Матерьял, с которым я ознакомился на Заводе, к тому-же не позволяет использовать его чисто документальным способом.

[Тема картины.]

[Краткое изложение темы картины. Тема картины соответствует ходу фактов на Турбозаводе.]

* Пользуясь данными сайта ЛМЗ, можно узнать, как сложилась судьба, по крайней мере, главных турбинщиков: *Хинейко* — проработал на Металлическом заводе до 1950 г. В 1931 г. получил орден Трудового Красного Знамени за заслуги в деле строительства крупных паровых и гидравлических турбин. За эти же заслуги в 1931 г. награжден орденом Ленина *Старосельцев*. А позже — медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». *Тимофеев* — в 1931 г. награжден орденом Ленина. Скончался в 1940 г. на электростанции во время ревизии турбины.

3–4 года назад на месте нынешнего [ги] турбинного гиганта была полукустарная мастерская, выпускавшая машины ничтожной мощности [и в единичных экземплярах]. До революции эта жалкая мастерская строила [турбины] маленькие турбины — мощностью в несколько десятков лошадиных сил — для кулацких мельниц. [Завод был] Еще и теперь можно встретить где-нибудь в далеком колхозе водяную мельницу, конфискованную у кулака, с гидравлической турбиной, на которой написано: «С.—П.—Б. Метал. Завод». Нынешний турбозавод в свое дореволюционное время вооружал кулаков машиной — для более [лучшей / более легкой и более] выгодной и надежной эксплуатации большинства крестьянства.

Но та давняя маленькая турбина [производила] «бабушка» советской турбины, производила не только кулацкие барыши, но также и первых рабочих из батраков.

Сильнейшая эксплуатация механика-батрака, работающего на [<нрзб>] кулацкой турбине, вызывает бегство его в Петербург. Здесь он, [пережив] пережив красногвардейцем революцию, поступает на Металлич. Завод и работает на нем весь восстановительный период. Накануне пятилетки он — уже кадровый, квалифицированный мастерской — вносит предложение: построить новый турбинный цех.]

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 28а, л. 1–2; карандаш.

2

1.

Турбинщики

(Кинематографический очерк)

Часть 1-я.

В древнее время в [нищей] чужой стране жила бабушка советской турбины.

Общий ландшафт громадной русской равнины.

[Седое небо] Пустой тракт под серым небом.

Вдалеке пыль на тракте.

В стороне, в ложбине — печной дым из деревенских труб. Самой деревни не видно.

По тракту едет обоз. Худые лошади везут шагом кладь на телегах. Мужики идут рядом пешие.

[Задняя лошадь п]

[Мужи] Крестьянин, что идет рядом с задней телегой, оглядывается.

Он берет вожжи и [сворачив] сворачивает с [колеи] дороги: лошадь с напряжением вывозит воз из глубоких колесниц.

Весь обоз, начиная сзади, сворачивает в сторону, мучая лошадей.

Фазтон [мчит], запряженный парой, мчится по дороге.

Фазтон настигает обоз и проезжает мимо его прямой дорогой, не сдавая хода.

Некоторые крестьяне снимают шапки в поклон пассажирам фазтона.

Ветхая деревня черноземного района России: [. Z Больш] большинство избищенского устройства — солома, [глина,] небеленая глина, плетень; две-три крупные кирпичные постройки — каменные благоустроенные дома с кирпичными усадьбами оградами [усад], с кирпичными под железом службами. Как острова благополучия среди бедствия возвышаются эти кирпичные постройки.

[Кирп] Такой-же кирпичный дом на высоком берегу реки (та-же деревня с другой позиции). ||¹

2.

Деревянные ступеньки идут из дома к реке.

На реке плотина и каменное мощное предприятие — водяная мельница.

[Близь мельницы]

Отработанная вода с пеной бежит из исходящего отверстия турбины.

Близь мельницы огорожа и ворота с вывеской:

«Мельница, рушка и сукновальня Ф. Ф. Чаева с ночным постоем для заезжих».

На мельничном дворе народ и подводы.

Приказчик у ворот мельничного двора.

Он [ст] глядит на-верх, где дом хозяина, снимает картуз и кланяется туда.

Дом хозяина на высоком речном берегу.

Фаэтон в карьер подъезжает к дому.

В фаэтоне два пассажира: мужик лет сорока пяти, одетый очень просто, [но все-же] скорее по деревенскому чем по городскому; [он худ] лицо его имеет выразительные черты, [то] почти постоянно смеющиеся [, то печальные.]. Сейчас он вовсе весел. Это Ф. Ф. Чаев. С ним — дочь: городского вида барышня [с Ч].

Они сходят с фаэтона и направляются в дом.

Вечер в деревне.

Деревня во тьме.

Мельница, ее двор и дом Чаева ярко освещены электричеством.

На темную улицу прибыл тот обоз, что ехал ранее по тракту, и сделал стоянку у колодца.

Над мельницей и домом Чаева легкое зарево.

Крестьяне распрягают лошадей под звездами.

Две коровы подошли к одному возу и лижут соль с мешков.

[Над мельнице]

Зарево над мельницей Чаева.

Вдруг зарево [тухнет] медленно гаснет. ||

3.

Машинное отделение мельницы: темное тело турбины, трансмиссия, динамо-машина, распределительный щит, циферблаты. [Горит керосиновая лампа.]

[Два] Один человек[а] работа[ю]ет у [ме] механизма (у конической шестерни) турбины. Другой держит лампу, освещая место [о] работы.

Механик-батрак Череватов шупает зубья шестерни. Череватов молод, но [у] лицо его усталое. Все его туловище, нос, глаза и прочее устроено диспропорционально крупно. Он обычно равнодушен.

Тот, кто держит лампу, тоже батрак — помощник Череватова Щекотулов. Он худ, чувствителен и жив в движениях.

Входит Чаев. Лицо его еще весело. Он говорит:

«[Немедленно пускайте] Что за причина? У меня десять тысяч пудов банковской пшеницы лежит! [Что за причина?>] Немедленно [за / пуск] пускайте!»

[Череватов шупает шест]

Щекотулов кланяется хозяину и с восторгом подобострастия объясняет аварию.

¹ В правом левом углу рукой автора помечено: Сценарий. Андр. Платонов.

Череватов молча глядит [*в ше*] на шестерню.

Шестерня: два зуба ее сломаны.

Чаев всматривается в шестерню. [*<нрзб>*]

Щекотулов усердно освещает место, где не хватает двух зубов на шестерне.

Он [*лоче*] рад аварии, ибо имеет возможность говорить с хозяином.

Одновременно освещается табличка на [*корп*] верхнем поясе турбины: «С. П. Б. Металлический завод. Турбина по системѢ Френсиса [*опытно*] в 44^{1/4} лош. силъ выпуск № 1».

Череватов молча стоит.

[*Щекотулов*]

Чаев [*из веселого и довольного / ст*] впадает в ярость.

[*Череватов объясняет:*

«Я говорил / Нельзя перегружать машину» ||

4.

Щекотулов объясняет:

«[*Был*] [*У*] А это, Федор Федорыч, однажды дедушка русского флота [*Федор Федорыч, а у вас есть*] был так вам бабушка русских турбин [*так он зубы сжевала!*»] попалась: и она, старушка, зубы себе сжевала!»

Чаев обращается к Череватову.

[«Жадно велишь грузить, Чаев,— говорит Череватов.— А турбину делали по-дешевле]

[«Грузишь машину]

[«Жадно велишь грузить, Чаев»,— говорит Череватов.— много зерна]

Череватов вытирает руки концами. Он равнодушно отвечает:

«Твоя жадность больше мощности машины [*.*], Чаев. День и ночь везем перегрузку, а зерно сырое [*.]*» [*твоя жадность больше*] ты машину оскорбляешь

Чаев хватается Череватова за горло.

[*Череват*] Щекотулов [*смеется в стороне*] злорадно смеется в стороне.

[*Сейчас*]

Чаев резко бьет Череватова в скуло <*sic*>.

Череватов почти не меняется лицом и не колеблется от удара.

Череватов сплевывает что-то в свою горсть.

Щекотулов [*наклоняется*] подходит к Череватову и разжимает его горсть.

«Сколько?»

В горсти Череватова [*три зуба*] один зуб и кровь.

Шестерня турбины без двух зубов.

Щекотулов смеется шербатым ртом. Он говорит:

«Один зуб, Череватов, у тебя в бороде остался. Хозяин мог-бы два выбить — это тебе роскошь!»

Череватов молча: хватается Чаева поперек. ||

5.

Вода бушует через холостой водослив плотины.

[*Череватов подносит*]

Лунные берега реки.

Череватов несет по плотине Чаева, держа его поперек туловища.

Щекотулов забегает вперед Череватова.

Щекотулов подходит к наиболее бушующей стремнине водослива:

«[Неси] Волоки его сюда, Череватов. Здесь он кончится вполне [*<нрзб>*] прилично!»

Череватов подносит Чаева к стремнине.

Швыряет тело кулака в водопад простым [*жесто*] движением.

Щекотулов [*радостно*] трет руки от пушного удовольствия.

Череватов берет Щекотулова — так-же поперек туловища — и несет его по плотине

Щекотулов, поняв, кричит [*от*] от своего томления и целует руку Череватова.

Череватов бросает Щекотулова в спокойную воду ниже плотины.

Щит водослива опускается.

Череватов вращает [*<нрзб>*] винт щитового затвора.

[Щит] [Вода] Вода бьет через турбинный рабочий ход.

Щит на водосливе опустился до конца.

Сила потока через [*м*] турбинный канал мгновенно учетверяется

Щит на турбинном канале опускается до конца.

Череватов [*<3 слова нрзб> винт этог*] дожимает винт щитового затвора.

Обоз на ночной деревенской улице. Лошади распряжены и кормятся.

Крестьяне спят под [*но*] возами.

Череватов подходит к одному возу.

Осторожно ложится под воз, рядом с двумя спящими крестьянами.

Утро в машинном отделении мельницы.

[Дневной] Свет зари освещает мертвые, остановившиеся машины.

Видимая часть корпуса турбины начинает шевелиться *<sic>*.

Турбина враз перекашивается.

Другие машины болезненно смещаются с мест.

Громадные [*бо*] установочные болты гнутся как [*κ*] проволока. ||

б.

Гайки срываются с резьбы и стреляют вверх.

Вода [*разрезает / подмывает п*] режет в плотине проход для себя.

Дикая вода [*очищает*] оголяет камни рабочего канала, и камни поворачиваются на местах.

Каменная плита, в которую установлен подпятник турбины шевелится.

Вал турбины изгибается.

Заря в высокой степи.

По нагорью едет обоз.

Череватов идет с двумя крестьянами близ последнего воза.

Он отстает и [*долго*], остановившись, смотрит в сторону деревни.

Деревни не видно. Виден печной дым из в [*низи*] далекой долине. Видна серебряная полоска реки.

Череватов уходит за обозом.

[«У воза он еще раз оглядывается:

«Прощай, бабушка, [*<нрзб>*] кулацкая кормилица!»

Бушующий речной поток.

В нем медленно ворочается черное громадное тело, сносимое силой воды.

Дым костра над водой.

Костер на берегу.

У костра греются двое людей: Чаев и Щекотулов; они оба мокрые. Вместе с водой на одежде их краснеет разжиженная влагой кровь.

Щекотулов доволен:

[«*Что мы с тобой [у] целы — это роско*»

«Это роскошь, что мы целы с тобой!»

Вдруг Щекотулов с испугом и удивлением глядит на реку.

В реке ворочается турбина, показав в этот момент знакомую шестерню и вал.

Чаев бросается в реку к своей турбине.

Турбина увязает на месте. Песок быстро отлагается вокруг ее видимой части.

Песок почти погребает турбину.

Ветер волнует [*береговые*] в одну сторону береговые лопухи. ||

7.

На турбину садится птица.

2-я часть.

[*Ст*] Пешком на родину машин.

Группа батраков и сезонников идет по безлюдному тракту.

Каждый имеет сундучок или мешок.

Череватов, **обросший бородой**, идет в общих рядах, не имея ничего в руках.

Вдалеке десятки [*дымных*] заводских труб [*и выс*], башни и сооружения: Санкт-Петербург.

Старые батраки и сезонники крестятся [*<нрзб>*] в виду [*<нрзб>*] желанного города.

[*Поллюстровска*]

Старая турбинная мастерская [*дове*] дореволюционного металлического завода в Петербурге [*надо*] (для съемки надо найти позицию на дворе завода им. Сталина, с которой можно бы снять только старую турбину, не показывая новой).

По По[*л*]люстровской набережной медленно идет Череватов. **Погода сырая, идет тоскливый дождь.**

Нева под пеленой туманного дождя.

Ворота завода.

[*Старый рабочий инвалид-сторож*]

Сторож-инвалид в будке у ворот.

Череватов подходит к сторожу и [*объясн*] обращается к нему.

Сторож его слушает безмолвно.

«В тот смутный день Череватов еще не знал, что он стоит у одного из центров цивилизации будущего мира, где пролетариат объединит труд и науку в единую силу, которая победит пространные царства капитализма».

[*В*] Ворота открывают изнутри.

Двое рабочих несут носилки. Третий сидит на носилках — его **голова**, ноги и левая рука забинтованы.

[*Правой он дает*]

Правую, здоровую, руку он держит наготове, как-бы ища кого ударить, и [*сам плачет / медленно*] плачет от ожесточения. || ²

² В правом верхнем углу запись: Раскулачивание 20 л. назад.

Раненый рабочий делает удар в бок сторожу.

[Зате] Носилки несут дальше.

Достигнув Череватова, раненый размахивается и на Череватова.

Череватов скудно улыбается.

[Ранен] Идет прохожий.

Раненый дает ему удар в живот.

Сторож довольно ухмыляется [:], глядя вслед **унесенному раненному:**

[«Чудён рабочий человек, даром, что горемыка»]

[«Дерется, горемыка, значит будет жив»]

«Кругом в беде, а сам дерется,— значит жив будет».

[Череват] Из ворот выезжает вагонетка, неспеша <sic> подталкиваемая рабочим.

Сторож **смотрит на Череватова** и говорит [Череватову] ему:

«Пойди наведайся. Какого унесли, он был на черной работе — может [<нрзб>] теперь тебя возьмут».

Череватов уходит от ворот.

Входит в дверь конторы завода.

«Через два дня».

Темная низкая турбинная мастерская (правая пристройка современной новой турбинной [ЛМЗ] Лен. Металл. Завода,— при съемке необходима некоторая инсценировка, т. к. и эта старая, бывшая турбинная сейчас реконструирована и сохранила лишь немногие следы от прежнего состояния).

Угрюмые рабочие лениво движутся у станков.

Череватов [носит] несет с другим рабочим болты на деревянных носилках.

Кабинет директора завода.

Директор и заказчики: двое сельских мельников-кулаков, в картузах, в [старо-обрядческ] одежде старообрядческой формы и покроя.

[В] Угол турбинной. Нечто вроде испытательного стенда. На стенде готовая турбина.

Череватов разглядывает турбину.

Таблица на турбине:

«С. П. Б. Металлический заводъ. Турбина <sic> по системѣ ||

Френсиса в 45 лош. силъ выпускъ — [№ 9] № 49»³.

Директор с двумя мельниками-заказчиками подходит к турбине.

Череватов отходит в сторону.

Он роется [в стороне] в железном хламе и следит за разговором директора с заказчиками.

Директор убеждает заказчиков.

Он хлопает [по] турбину по телу и заявляет:

«Наши машины дадут новые сотни тысяч золота в руки крепких сельских хо-

³ Фрагмент со слов Френсиса в 45 до конца предложения подчеркнут автором. Затем подчеркивание снято.

зяев. Наши машины, это фундамент вашего благополучия [во тьме / в темноте] среди [нищеты] нашей сельской империи!

Череватов внимательно слушает.

[Директор и два заказчика вдруг оборачиваются в сторону Череватова.]

На стене цеха висит большая икона; [и лампада гори] перед ней горит лампада. Заказчики крестятся на икону [<нрзб>].

Директор так-же быстро обмахивает [бр] свой живот [крест] маленькими крестами.

Жмут взаимно руки.

Один из заказчиков говорит:

[«Сде] «Сотворите [нам] и нам [по такой-же прем / умственной пред/ премудрости / такой-же божий дар / такой-же] такую же [умственную] чугунную премудрость: [будем волость свою обога] всю свою волость тогда перемелим <sic> [Z «Другой заказчик добавляет], а зимой сукна будем валять. [Весь божий дар в одних] Все божьи дары в одни руки соберутся».

Трансмиссии [останавливаются / работавшие], равномерно вращавшиеся на заднем плане [преду] предыдущих кадров, вдруг резко останавливаются.

От быстрой остановки со шкивов слетают ремни. ||

10.

Директор меняется в лице.

Все [во] прислушиваются.

Ряд рабочих за станками [враз] одновременно берут **обтирочные** концы и вытирают руки.

Череватов стоит в [недоумении] удивлении, еще не понимая события.

Сирена гудит над крышей силовой станции.

Котельная силовой станции.

[Спуск] Из спускных кранов котлов выходит пар.

Пар окутывает всю котельную.

Рукоятка сирены [крив] нагнута до отказа и привязана веревкой к [одно / одной из деталей] одн[ому]ой из [вентилей] деталей лицевой [сто] (топочной) стороны котла; рукоятка все время дрожит. Близ [гнезд] установочного крепления рукоятки таблица с надписью «сигнал». В котельной пусто.

Из дверей силовой [вместе с облак] в облаках пара **спокойно** выходят рабочие.

На дворе завода, в окнах конторы, в окнах различных цехов, [погасают] всюду — погасает электрический [цех] свет.

Темная [Т]турбинная. Подъемный кран. Поднятая [на] часть машины [висит в во / остается] висит в воздухе.

Рабочие [выходят вон] покидают [цех, проходя] турбинную, проходя мимо директора и заказчиков.

Заказчики обращаются к директору с недоумением.

Директор показывает на [одинокого] Череватова, **который остался один в турбинной.**

Череватов [идет] стоит [поглядывая / ус] один в темном пустом цеху.

Директор говорит с иронией:

«[Хозяева] Все хозяева забастовали — спросите у того уборщика, может он скажет вам, что [ему] им всем нужно!» ||

11.

Заказчики с почтением, **скрывающим их презрение**, подходят к Череватову.

Череватов равнодушно глядит на них.

«А [на] чем-же нам теперь божий дар молотъ, господин рабочий?»

Череватов молчит.

Заказчики набожно ожидают ответа.

«Обратитесь к божьей матери», — говорит [Черев] Череватов.

Череватов поворачивается и уходит.

3-я часть.

Прошло [д] великое время, но наступило еще большее. Завод, [быв/ делавший маленьк[ий/ие б] вооружавший машинами кулака, [стал] исчез. На его месте создан новый завод — [родина социалисти] завод крупного турбостроения им. т. Сталина — родина социалистической электрификации, рождающая стальную мускулатуру для индустриализации.

Современная турбинная Л. М. З. снаружи.

Она-же внутри: гигантская мастерская, полная света и движения механизмов.

На пустынной Полюстровской набережной, где ранее стоял у ворот Череватов, — новое здание испытательной станции гидравлических турбин и громадной мощности портовый кран.

Двор завода заполнен строительными работами-новостройками. [*Прим. для постановщика: здесь и далее я пишу таким образом, что режиссер найдет весь этот матерьял все эти эпизоды*]

Турбинная внутри.

Цеховая столовая: обед рабочих.

Среди обедающих посевший Череватов.

Одет он иначе, чем прежде: вместо рваной одежды батрака, на нем [*пиджак и воротничок (как и / мягкая светлая рубашка с галстуком (как и на многих рабочих)*] рабочая мягкая блуза. ||

12.

Рядом с Череватовым сидит его друг [*Нейман (изобретатель, лицо историческое, покинувший завод в результате травли вредителей; Неймана придется «инсценировать»)*] — изобретатель.

Витман (подобное лицо действительно было на заводе, но в результате травли вредителей этот человек ушел с завода). Витман моложе Череватова.

Обедая, Витман то улыбается, то делается печальным, то говорит сам с собой.

[*Череватов и Витман идут по громадной мастерской (обеденный перерыв)*]

Часы на стене: час времени. [*Ряд*] Близь часов звонок, из под молоточка звонка бьет искра.

Рабочие поспешно устанавливаются на места работ.

[*Станки начинают*] Заправляются станки.

Станки трогаются.

Череватов и Витман на соседних станках.

[*Череватов / Огро*] [На] К стан[ок]ку Череватова кран [*припуск*] опускает [*громадную*] для обработки громадную деталь конденсатора.

Череватов освобождает [*дет*] деталь от крановой упряжки.

Жаркая работа [*ряда*] станков.

Витман сидит у своего станка без всякого усердия. Его станок стоит.

Лицо Витмана выражает неразрешимое мучение.

К станку Витмана подходит инженер Стрешнев (вредитель)

Инженер Стрешнев с двусмысленной улыбкой глядит на [ø]Витмана.

«Особых приглашений ожидаете, или уже социализма достигли?!» — спрашивает Стрешнев.

Витман быстро подходит в упор к Стрешневу. ||

13.

«Настроеня нет, товарищ Стрешнев, потому что турбинам не [надо нер] надо конденсаторов, заводу не надо этих станков», — говорит Витман.

Череватов внимательно следит за этой сценой со своего места.

Стрешнев полон удивления, презрения и скрытой робости. Он вопросительно глядит на Витмана.

Витман исполняется решительности и [водуш] воодушевления:

«Зачем конденсаторы? Они превращают тепло в воду, они требуют станков, металла и рабочих... А у нас [ледяной л] всего мало, наша страна ледяная, нам нужно тепло! Бросьте делать конденсаторы, [<2 слова нрзб> тур] теплофикационные турбины [а мне нужны к-ры] дешевле и вдвое полезней: они дадут нам [сот / милл] миллионы рублей!»

Витман устало глядит на [инженера] Стрешнева.

Стрешнев вежливо улыбается Витману.

«Вы может быть [и] были бы и правы, если бы не было науки о теплоте, только вам мешают [невежество] глубокое непонимание существа теплофикации! [»] Идите к начальнику цеха — я скажу, чтоб он вас уволил за [разложение и <1 слово нрзб>] попытку сорвать программу! [»] Нам советские миллионеры в цеху не нужны!»

[Череватов подходит к Стрешневу и Витману.]

Витман в первый раз смеется.

Стрешнев резко уходит.

Партколлектив завода.

Витман входит в дверь партколлектива.

Секретарь партколлектива [Темячкин] и секретарь [л] ячейки турбинной [Июкин А].

Они кратко выслушивают возбужденного Витмана.

Лица секретарей внимательны и напряжены.

Секретарь партколлектива, слушая Витмана, звонит по телефону. ||

14.

[Директор завод]

«Начальник турбинной мастерской инженер Боровщиков».

Входит Боровщиков.

Выслушав два слова секретаря, он устало отмахивается:

«Знаю, знаю... [Л]пока буд[е]ут действовать в мастерской эт[а]и попытки ввести кустарщин[а]у, эта рачья чума изобретательства, [эта] я, товарищи, не осущевлю <sic> лозунг единоначалия!»

Партийные секретари внимательно глядят на Витмана и Боровщикова.

Секретарь партколлектива спрашивает:

«А как с Николаевым? — человек уже дал десятки тысяч рублей экономии и [обе] обещает дать сотни!»

Боровщиков делает жест отчаяния.

[*Николаев-же контуженный <sic> псих*]

«Нет такого безумца, который бы раз в жизни не придумал чего-нибудь здравого,— так и Николаев, ваш контуженный <sic> псих! А от этого... миллионера [раз] я избавлюсь сегодня-же!»

Боровщиков делает жест в сторону Витмана.

Секретари молчат.

Лопаточная мастерская в турбинной.

Входят оба секретаря. [*и сз / у*]

«Фрезеровка [лопаток / турбинных] лопаток для паровых турбин, в которые бьют струи пара».

Фрезеровка боков одной лопатки

Z внутренностей

Z поверхности

Z хвостов и головок⁴

Секретари смотрят на процесс обработки лопаток.

Фрезеровка хвостов и головок с двух раз дает много брака: около [*<нрзб>*] фрезеровщика целая куча бракованных лопаток, и он их все прибавляет.

«Товарищ Николаев». ||

15.

Секретари смотрят на его работу.

Николаев работает на особо изобретенных и им самим сделанных приборах по [*фрезер*] фрезеровке лопаток.

[*Фрезеров*] Николаев производит фрезеровку сразу восьми лопаток (одновременно).

[*Ряд*] Последовательные операции[*й*], которые по старому способу производятся последовательно, у Николаева на его приборах идут одновременно. Разность и выгода производства бь[*e*]ют в глаза (режиссер на месте [*увидит*] убедится, насколько эти кадры блистательны и [*бьют в глаза*], несмотря на кажущуюся сухость их [J], ибо один человек на приборах Николаева производит то же, что по старому способу производят трое и т. д.)

Ряд кадров для сравнения старого способа и способа Николаева, по усмотрению режиссера [, *причем*].

Секретари наблюдают работу Николаева.

[*Входят*]

В лопаточную входят Боровщиков и Стрешнев.

Секретари обращаются к инженерам.

Боровщиков подзывает бригадира и говорит ему [·], показывая на приборы Николаева:

«Убрать к черту этот утиль, нам негде ставить заграничные станки! Что у вас — производство или сумасшедший дом!?»

Бригадир [*останавливает*] переводит вхолостую ремень на [*станке*] установке Николаева.

⁴ *Фрагмент* внутренностей поверхности хвостов и головок *заключен в фигурную скобку; помета на полях: Съемка [про] всего процесса по усмотрению режиссера.*

Николаев глядит по [очереди] **очереди** на всех пришлых людей, сбитый со здравого смысла.

[*Николаев вынимает красный рабочий платок и долго*] Глаза Николаева забывают моргать и он стоит в позе [без] беспомощности, действительно напоминая безумного.

Витман [*получает деньги*] стоит у окошка конторы; на окошке надпись: «стол увольнений и окончательных расчетов». ||

16.

[*Два секретаря*]

[Ч] Парткомитет Завода.

[*Два*] Череватов входит в партком.

В парткоме секретарь комитета, секретарь [*цехового*] коллектива турбинной и [ряд] **несколько** других рабочих-партийцев.

Витман идет по улице Ленинграда; лицо его попережнему меняющееся — то серьезное, то почти улыбающееся, и он непрерывно говорит без собеседника.

Кабинет начальника турбинной [*цех*] Боровщикова [.]; сидит **Боровщикова**.⁵

[*Входит*] В кабинет входит Стрешнев.

Оба вынимают портсигары.

Взаимно угощаются.

Взаимно улыбаются.

Звонит телефон.

Боровщикова берет трубку и [го] говорит, что-то запоминая.

[*Входная конто*]

Проходная конторка. За конторкой служащий кладет трубку и дает пропуск в [окон] окошко.

Кабинет Боровщикова. Боровщикова и Стрешнев.

[*Боровщик*] Боровщикова говорит в дверь: «войдите».

Входит [*Чаев*] Ф. Ф. Чаев, одетый как сезонник, сильно полысевший.

Чаев снимает картуз и кланяется.

Боровщикова встает и подает руку Чаеву [*<1 слово нрзб> ee*].

Оборванный Щекотулов у [*окошка*] **окошка** проходной конторки. Он стоит в ожидании.

Хлопает ладонями по обоим коленкам и отбивает краткую чечетку.

[*Стрешнев выходит из кабинета Боровщикова*].

Идет по лестнице в плановое бюро.

Плановое бюро

По лестнице идут [туда] вверх, спускаются ||

17.

вниз бригадиры с чертежами и нарядами в руках.

Один бригадир останавливает поднимающегося Стрешнева. [и ж]

Бригадир жестоко спорит со Стрешневым, предъявляя документы и эскизы.

Стрешнев, [еле] еле ответив, проходит [в]наверх, в бюро.

Плановое бюро: человек десять-пятнадцать планировщиков; около планировщиков группами стоят бригадиры и мастеровые. Все спорят. Впечатление суеты.

⁵ На полях предложения вопросительный знак и помета: *согл<асовать> выше*.

[Турбинная.]

[Витмо] Рабочая квартира: одна комната. Часы на стене: 11 часов. Двое детей спят с женщиной на кровати. Стол. На столе [че / ча] большой лист бумаги. Низко свешена электрическая лампа. У стола сидит Витман — голову он положил на стол, и дремлет, одна рука свесилась почти до полу. Окно на улицу.⁶

Входит Череватов — и с ним секретарь [ячей] партколлектива турбинной и секретарь заводского парткома.

Череватов подходит к Витману и будит его.

Витман пробуждается и глядит на гостей.

«Здравствуй, советский миллионер!»

Витман здоровается с пришедшими.

Все пришедшие усаживаются за стол.

[Витман / Но Витман встает, надевает шапку, все уходят за ним.

Ночь над Ленинградом.

Облака вспыхивают отражением⁷ электрических разрядов трамвайных дуг.

Четверо людей сходят по трапу к лодочной пристани.

Четверо едут на лодке по Неве или одному из каналов (этот эпизод можно снять и в Москве, около Москворецкого моста, у станции МГЭСа). ||

18.

Отверстие в набережной, откуда исходит конденсационная вода от турбин. Из⁸ отверстия с громадной силой и скоростью выходит / истек / вырывается водопад [вода] и теплый пар [стоит над] восходит над ним.

Четыре человека подъезжают в лодке к водопаду.]⁹

Отверстие в набережной. Горячая конденсационная вода [(из т) (охлаждающая турбинный пар на электростанции) стремительным потоком вырывается в реку.

[Над горяч водой стоит] С воды снимается густыми клубами пар — вода [горяч] горячая.

Кочегарка.

Отворяется дверца топки: бушующее пламя.

Третья часть [тепловой] энергии электростанций сбрасывается в реки. [Через] Миллионы тонн угля тонут в воде, тогда как эта энергия могла бы быть [поло] заложена в основу устройства социалистических городов,— в силу, изменяющую мешанский семейный быт в [< / слово нрзб>] общественный.¹⁰

[Высокие]

Окно Витмановской комнаты с улицы. Окно освещено,— видно, как четверо людей склонились над чертежом на столе, как Витман объясняет [своим гостям] товарищам свой план.

Один из людей поднимается из-за стола.

[Подходит к око <sic>] Идет к окну и занавешивает его.

⁶ На полях справа помета: Выше: некот<орые> станки стоят б<ез> рабочих.

⁷ Далее маленький фигурный рисунок.

⁸ Далее мелкие рисунки машинных деталей.

⁹ После предложения на полях справа помета: Витм<ан>, Никол<ав>, Череватов.

¹⁰ Фрагмент со слов [поло] заложена в основу устройства и до конца предложения взят в фигурную скобку; на полях вопросительный знак и помета: переделать.

4-я часть.

Батраки из деревень, вековые бродяги, бедняки, оставившие семьи в колхозах, середняки, [слезящие] покинувшие зимние печки [и, наконец] пришли на заводы, на стройки, [полные удивления и жажды] одни за тем, чтобы заработать, другие, чтобы [изменить общую жи] строить социализм, и ||

19.

наконец пришли такие, которым

Ворота Завода — у проходной конторы.

Группа старых мастеровых, в том числе Череватов и Николаев, стоят у ворот.¹¹

Они глядят с удивлением на что-то.

Человек десять-пятнадцать проходят мимо них [на завод в проходную] на завод: это преимущественно деревенские люди, в сельской одежде, с робкими или хитроумными лицами.

В их рядах идут Чаев и Щекотулов.

Череватов внимательно глядит на Чаева: узнает его.

Чаев и вся группа новых рабочих проходят.

Череватов [Б]бросается [на] вслед Чаев[а]у, и останавливается в задумчивости. Завком. Дверь и плакат с названием.

Череватов [и Николаев] вход[я]ит в завком.

[Сек] Кабинет Боровщикова. Боровщиков.

Боровщиков берет трубку телефона.

Иронически говорит в телефон; отрицательно качает головой.

Секретарь завкома и Череватов; секретарь говорит в телефон.

Боровщиков говорит в телефон:

«Но [Л]подсобных рабочих вель нет! Мы берем любую [телят] телятину — нам психологией и происхождением каждого заниматься некогда, если мы не хотим прорыва!»

С улыбкой снисхожденья перед глупостью Боровщиков вешает трубку.

Секретарь завкома с озабоченным недоуменьем кладет трубку и молча глядит на ожидающего Череватова.

Череватов надевает шапку и уходит прочь.

Турбинная. При <1 слово нрзб>. Тихим ходом идут краны.

Лопаточное отделение («левая галерка»)

Николаев у своего нового двухшпиндельного ||

20.

прибора для фрезеровки лопаток.

Николаев пускает блестящий прибор в ход.

Трое пожилых рабочих подходят к прибору Николаева и старательно разглядывают его, поглаживая руками по корпусу прибора.

Турбинная. Стрешнев и Боровщиков ид[е]ют по мастерской.

[Громадный заграничный станок (сверильный-карусельный <sic>) обрабатывает часть]

Испытательный стенд для паровых турбин.

¹¹ Напротив фразы на полях слева фигурный рисунок.

Комсомольская бригада Старосельцева работает непрерывно 48-й час, дабы выпустить турбину в 11 киловатт и перевыполнить план.

Старосельцев и еще двое комсомольцев (на стенде) [*ставят*] устанавливают червячный винт. Старосельцев и его два товарища одеты в [*одни*] штаны, рубах на них нет, тело черное — со струями пота.

[*Конец*] Конец парового трубопровода из под фланцев, из запорных вентилях идет пар, покрывая жарой всю бригаду.

Полуголая бригада работает без суеты, но движения каждого работника чрезвычайно быстры и рациональны. Этот кадр показать, сосредоточив съемку двух-трех комсомольцев, которые собирают какую-либо часть [*нрзб*] турбинного механизма.

Один комсомолец стоит в стороне от бригады. Около него два ведра воды.

Старосельцев и его два товарища [*у регу / у регуля*] у червяка регулятора.

Один из товарищей Старосельцева закручивает гайку.

Вдруг он склонился головой, прислонил [*его*] ее к телу турбины — и мгновенно спит. ||

21.

Старосельцев глядит на товарища; вкладывает в рот два пальца и свистит.

Комсомол[*ьц*]уец, что стоит с ведрами воды, хватает одно ведро.

Подбегает с ведром к забывшемуся комсомольцу.

Выливает на уснувшего воду.

Уснувший взбадривается, мотает головой и смеется; дожимает гайку ключом.

Кран над стендом. Низко [*Л*]подвешена деталь.

Кран [*останавливается / во*] тихо едет над стендом.

Старосельцев и двое его ближайших товарищей стоят и глядят на кран.

Деталь, которую везет кран, [*висит*] движется над стендом дальше.

Старосельцев и его товарищи делают руками знак крановщику (движение руками вниз), чтобы крановщик опускал деталь.

Кран с деталью движется медленно дальше.

Старосельцев вкладывает пальцы в рот и свистит.

Его два товарища открывают рты и кричат.

Кран удаляется над стендом.

Будка крановщика (близкий план). Крановщик-комсомолец с кимовским значком [*свалился головой на борт*] прислонился головой к зажимам рубильника и спит без памяти, открыв по детски рот. В волосах его играют электрические искры — комсомолец не чувствует тока. [*Одна*] Левая его рука на рычаге движения крана.

«Идет 49-й час работы».

Старосельцев подбегает к ведру с водой.

[*Поднимает ведро и обкатывает сам себя*]

Комсомолец, что дежурит у вед[*ер*]ра, обкатывает ||

22.

Старосельцева водой.

Старосельцев убегает со стенда.

Вслед за ним убегают и его два товарища, работавшие на сборке регулятора.

Кран уже далеко ушел, и все движется; деталь низко подвешена над краном.

Огромный станок на пути движения висящей детали под краном.

Двое рабочих у того станка видят как движется на их станок громадная часть турбины и кричат крановщику.

[Щекотулов] **Чаев** поднимается на стэнд.

Берет два пустых ведра у комсомольца.

Сходит с ведрами вниз.

Навстречу ему поднимаются Боровщиков и Стрешнев.

[Щекотулов] **Чаев** снимает перед инженерами шапку

Боровщиков еле заметным движением останавливает Щекотулова <sic> и движением головы показывает ему на стэнд. Щекотулов оборачивается.

Боровщиков говорит ему:

«Поставишь воду поближе к тому червяку!»

Червячный винт регулятора, уже поставленный на место (**показать** достаточно крупно).

С обычным выражением двусмысленности Щекотулов кивает головой.

[Стреш] Два инженера на стэнде.

Старосельцев уже [кончает] минует лестницу, [на] ведущую на крановую эстакаду <sic>.

Бежит по самой узкой эстакаде <sic>.

Кран [подъез] все ближе подъезжает к станку. [Ву] Деталь турбины, которую он несет поднятой, ||

23.

неминуемо должна разбиться о высокий станок.

Старосельцев бежит по эстакаде <sic>.

Два инженера на стэнде говорят с потным комсомольцем.

«Ваша сборка [обес] обещает катастрофу всей машины» — говорит Боровщиков.

Комсомолец удивленно глядит на него.

Кран [почти] почти наезжает на станок.

Старосельцев **почти настиг кран** и свистит сквозь пальцы во рту.

Комсомолец [спит] — крановщик спит, и искры из под зажимов рубильника попрежнему [играют в его] вспыхивают в его волосах.

[Сто] По эстакаде <sic> идет [человек] секретарь коллектива турбинной.

Старосельцев налетает на него.

Выхватывает у него из заднего кармана штанов револьвер и стреляет в воздух.

Комсомолец-крановщик вздрагивает; левая рука его, лежащая на рычаге, машинально делает движение для остановки.

[Кран останавливается.]

Деталь турбины, висящая на троссе <sic>, прислон[илась]лется к телу встречного станка.

Кран останавливается.

Щекотулов несет два ведра воды по лесенке на стэнд.

Место сборки регулятора пусто: хорошо виден червячный винт.

Щекотулов ставит два ведра воды у регулятора.

Лезет рукой на дно ведра.

Вынимает оттуда что-то черное и бросает за червячный винт регулятора. ||

Далее Щекотулов снимает какую-то соринку [*со вто*] с воды второго ведра и отбрасывает ее прочь.

Внизу, вне стенда, стоит Чаев у носилок с бронзовыми отливками.

Щекотулов подходит к нему.

Чаев и Щекотулов поднимают носилки.

Уносят их.

Старосельцев и два комсомольца [*возвратились*] на стенде.

Старосельцев быстро накладывает **чугунный** кожух на червяк регулятора.

Два его товарища схватывают кожух болтами.

Чаев и Щекотулов несут носилки с [*нрзб*] отливками по лопаточной мастерской.

Николаев стоит за своим шпиндельным прибором. Прибор работает.

Чаев и Щекотулов сваливают отливки в ящик.

Несколько мастеровых подходят за [*нрзб*] полуфабрикатом.

Николаев, оглядев работающий прибор, так-же отходит от него.

Идет к отливкам.

Щекотулов и Чаев проходят несколько опустевших станков. Народу близко нет.

Чаев и Щекотулов опускают пустые носилки.

Закуривают.

Чаев дает Щекотулову две большие цыгарки <*sic*>.

Щекотулов бросает их в шпиндельный прибор Николаева.

Чаев вынимает две новые цыгарки <*sic*>.

Оба закуривают.

Конторка мастера лопаточной.

[*Мастер берет*] Телефон звонит (передать звонок ||

обычно — сверканием)

Мастер берет трубку.

Боровщиков в кабинете — говорит в телефон:

«Попросите ко мне Николаева»

Мастер в лопаточной кричит в сторону [*своей*] своего цеха.

Николаев идет с отливками к своему станку.

Откликается на зов мастера.

Уходит.

Шпиндельный прибор, все его вращающиеся части начинают как-бы «мучиться» на ходу: равномерное движение сменяется судорожным. Из под трущихся деталей сверкает огонь. Ремень то тянет, то скользит вхолостую, т. к. шкив то идет, то его что-то заедает. Весь прибор идет судорожно. Вдруг шкив резко останавливается, ремень слетает.

Весь прибор враз замирает.

Николаев у Боровщикова в кабинете.

Боровщиков обращается к Николаеву:

«Ваш прибор очень хорош. Мы вас представили к крупной премии, но нам нужно рабочие чертежи и мы [*вам*] посадим на это дело инженера Стрешнева».

Николаев [*счастливо улыбается*] слушает и [*и отвечает*] говорит:

«А как-же с Витманом? Человек погибнет. Теплофикационная турбина нам важнее всего — наша республика ледяная!»

Боровщиков [*машет*] улыбается и машет рукой.

«Вам-то какое дело? [*Ваше изобретение полезно, а его <1 слово нрзб>*] Оставьте мучение тем, кто хочет страдать».

Николаев поражен этими словами. ||

26.

Николаев задумывается и говорит:

«Я понимаю: это **наверно** дело **только наше, а не ваше!**»

Боровщиков [*<нрзб>*] сразу делается сумрачным.

[*Партком завода*]

[*Директор завода и секретарь парткома завода*]

Турбинная. Тихо плывут краны над мастерской — в разных направлениях.

[*Пустая столовая.*]

Секретарь парткома завода и секретарь коллектива турбинной обедают.]

Череватов работает за станком.

Секретарь парткома и секретарь партколлектива подходят к Череватову.

«Череватов, тебе[е]я придется перебросить на стенд — бригадиром по испытанию и приемке!» — говорит секретарь парткома.

Череватов берет концы и вытирает руки.

«Нукчтож *<sic>*!»

5-я часть.

«Комсомольская одиннадцати-тысячная *<sic>* готова!»

Стенд. Огромная турбина стоит в [*полном / громадно*] полном оборудовании.

[*Стенд*] На стенде в полном сборе комсомольская бригада Старосельцева [*в презиум*] и [*бригада*] бригада Череватова.

Идет жаркий спор между Череватовым и Старосельцевым.

Старосельцев категорически отвергает какое-то предложение Череватова.

[*<1 слово нрзб>* *Дай*] Старосельцев возбужденно кричит:

«**Душа вон! Я ручаюсь за точность сборки!**»

Череватов равнодушно хмурится на него. ||

27.

«Я отвечаю [,] и я должен иметь убеждение в своем теле, а не в твоём!»

Спор продолжается.

На стенд входит инженер Стрешнев.

[*Старосельцев обращает*]

Череватов и Старосельцев говорят ему.

Стрешнев слушает и дает знак одному из бригады Череватова:

«Переводите на [*первый*] продувку!»

Череватов опускает голову.

Человек из бригады Череватова [*делает*] **дает** несколько поворотов вентилю на паропроводе.

[*Л*]

В турбину пошел пар: запарили разные фланцевые неплотности.

Пар окутывает обе бригады.

Лопаточная.

Николаев у своего прибора: весь прибор разобран.

Николаев протирает отдельные части [*и часто*].

Секретарь партколлектива подходит к Николаеву.

«Почему шпиндельный стоит?»

Николаев сморкается в красный платок и подает секретарю бумажный пакет.

Секретарь разглядывает то, что в пакете, и затем вопросительно глядит на Николаева.

«Насыпали железную [стру] стружку и наждак — все поломали». — отвечает Николаев.¹²

Николаев берет деталь прибора и вытирает ее об ладонь.

Громадный станок на ходу (в турбинной). ||

29.

Вращающая червячная передача.

Вспышка белого огня из передачи [·], (где червячный винт).¹³

Вспышка огня из предохранительных пластин электромотора (этот и предыдущий кадр — почти одновременны).

Рабочий вырубает ток.

Червячная передача: червячный винт с раздробленными бортами.

Ниже винта, на полу, валяется наполовину смят[ая]ый в плоскость, блестящ[ий]ая, наполовину [еще] кругл[ая]ый, [целая] целый стальной шток.

Рабочий [от] подходит и поднимает этот предмет.

Разглядывает его и выщербленную червячную передачу.

Свистит [е] через два пальца.

Не неподвижном станке лежит часть корпуса турбины: сверло вонзилось в металл и [остало] стоит в нем неподвижно.

Стенд. Прежний состав людей. Клубы пара. Горит электричество.

Стрешнев командует:

«Переводите на обороты!»

Череватов кричит, покрывая всех:

«Самый слабый пар! Слушай [мен] сейчас только меня — я здесь бригадир».

Турбинщик-машинист [машет ему] кивает Череватову головой и [делает не] ставит вентили на рабочее положение.

Тахометр (счетчик оборотов) — достаточно крупным планом. Стрелка на нуле.

Все удивлены. Комсомольская бригада подавлена.

Череватов кричит турбинщику:

«Еще пару: чуть-чуть!»

Турбинщик дает повороты вентилям.

Тахометр: стрелка чуть тронулась с нуля и ||

29.

сейчас-же стала обратно на место.

Череватов зорко следит за стрелкой.

Стрешнев машет турбинщику:

«Еще пару!»

[Чер / Тахометр]

¹² На полях слева вопросительный знак и помета: Выше, где Щекот<улов>.

¹³ На полях слева помета: выше / ротор.

Турбинщик снова трогает вентиль.

Тахометр: стрелка вздрагивает и возвращается на нуль.

Стрешнев командует:

«Откр[ыть]ой на [все] полное сечение!»

Череватов бросается к турбинщику:

«Прочь отсюда! Закрыть весь пар!»

Турбинщик дает обратные повороты вентилю.

Череватов лично доворачивает вентили до отказа.

Пар на стенде несколько рассеивается.

Череватов злобно [бросает] говорит Старосельцеву:

«Запорили машину!»

Старосельцев бледный отворачивает голову.

Один из комсомольской бригады кричит всем:

«Ребята, [с] становись на разборку — через двадцать часов проверим, кто виноват!»

[Старосельцев]

Череватов и Старосельцев — за ними обе бригады, одновременно, — бросаются к инструментальным ящикам.

[Вын] Вынимают оттуда ключи и прочий инструмент.

Старосельцев свистит, [пре] всунув пальцы в рот, куда-то на-верх.

Кран стоит.

Кран трогается к стенду. ||

30.

Турбинная. Идет секретарь парткома и с ним английский специалист Анис. [Z об] Между ними барышня-переводчица.

Вдруг секретарь бросается бежать и исчезает.

Анис удивленно [глядит на] спрашивает барышню-переводчицу:

Барышня отвечает.

Анис и переводчица стоят в ожидании, [они] невдалеке от стенда.

Возвращается секретарь парткома — [он мокрый] лицо его мокрое от возбуждения и крайне усталое, резко отличное от того, каким оно было несколько минут назад.

Анис с изумлением глядит на секретаря, но тактично молчит.

Все трое являются на стенд.

Стенд: бешеная работа двух бригад: Череватов и Старосельцева.

Стрешнева нет.

Над стендом бег[ают]ут с громадной скоростью два крана.

Оба крана враз останавливаются над стендом и спускают вниз блоки.

Анис вежливо осматривает картину работ, скрывая крайнее удивление.

Он берет под руку барышню и быстро подходит к одному пожилому рабочему из бригады Череватова [.]; рабочий работает руками и ногами по съёмке фланцев.

Секретарь остается один.

Анис говорит вопрос переводчице.

Переводчица переводит вопрос рабочему.

«Какая сила заставляет вас так спешить — страх перед властью?»

Рабочий встал и вежливо выслушал вопрос.

«[Мы сами] Нам ждять некогда — мы большевики: мы сами себя [т] заставляем спешить».

Переводчица передает ответ Анису.

Анис приподнимает перед рабочим шляпу. ||

31.

Снимается [*нрзб*] лицевой кожух: обнажается ротор у турбины.

Череватов и Старосельцев пробуют руками стронуть ротор.

Ротор не поворачивается.

Череватов прощупывает весь ротор, все лопатки, все [*нрзб*] строение, которое окружает их.

Выбрасывает из под ротора [*нрзб*] четыре смятых гайки и разводной ключ.

Ротор вблизи: несколько десятков лопаток смято и деформировано.

Старосельцев [*отверну*] встал, отвернулся и вытер глаза.

[*Станок*] Турбинная. Станок.

Станок останавливается.

Второй станок, соседний, — в движении.

Движение его затухает — он тоже останавливается.¹⁴

Несколько мастеровых выходят на середину мастерской и совещаются.¹⁵

«Заводы, обслуживающие турбинную, не дадут литья и [стальных] поковок. Станки [*пер*] прекращают ход».

Шеренга станков в покое.

[*Котло*] Огромный котлован; несколько [*нрзб*] человек землекопов редко копаются в котловане.

[*Новый*] Стройка нового чугунно-литейного завода — для изготовления турбинного литья срывается: [*нрзб*] нехватает <*sic*> рабочих, нет землекопов.

[*Тот сверловци*]

Турбинная. Тот сверловщик, [*который*] у которого в станке раздробился червячный винт, [*несет*] идет по цеху и несет в руках самый червяк и [*ту*] тот железный предмет (сплюснутый шток), который [*попортил*] ||

32.

червячный винт] вывел из работы червяк.

Группа рабочих (у остановившихся станков) окружают сверловщика. Сверловщик поднимает для показа червяк и мятый шток.

Червя[к]чный винт из [*особой*] стали — заменить его нечем.¹⁶ Заказать [*загран*] за границу — пройдут месяцы. Турбинные [*корпуса*] цилиндры обрабатывать нечем. Кто вдел шток в червячный ход?

Группа пожилых мастеровых оглядывают друг друга.

[*К группе подходят Боровщиков и Стрешнев.*

¹⁴ Слева на полях запись: выше [*нрзб*] <*нрзб*> сектор ротора (где Щекотулов).

¹⁵ На полях справа мелкие рисунки структурных молекул. На полях слева мелкие неразборчивые записи.

¹⁶ Между словами червячный винт из и стали стоит знак пропуска. Видимо, автор хотел все-таки дать определение, из какой стали. Над словом нечем стоит вопросительный знак.

*Знакомятся с аварийным червяком.
Хладнокровно пожимают плечами.]*¹⁷

Череватов пьет воду из ведра на стенде.

Позади Череватова полуразобранная турбина; две бригады напряженно работают вокруг машины.

Чаев везет по мастерской детали на тележке. Череватов глядит на него.

Подъемный кран приподнял ротор за конец вала, и держит так неподвижно.

Другой кран едет по верху.

Тень крана проходит через Чаева.

Череватов глядит на Чаева.

Двое рабочих работают у поврежденных лопаток, углубившись в корпус машины.

Крановая петля, держащая вал, начинает медленно ползти по валу к концу его.

Вал и ротор чуть приспускаются.

[*Один из двух рабочих, что работал у*

Один из бригады Череватова замечает сползание [*<нрзб>*] петли.

Вскакивает. Кричит двум, работающим у лопаток:

«Эй, на роторе! [*Руки / Выньте рук из] Берегись!»*

Череватов оглядывается.

Видит сползшую почти до конца вала петлю [*: весь ротор должен сейчас упасть*].

Бросает ведро вниз.

Двое отскакивают от ротора.

Череватов хватает [*кусок*] деревянный брусок.

Бросает внутрь корпуса турбины. ||

33.

Петля крана соскакивает с вала.

Ротор и вал [*остаются неподвижными*], [*чуть*] освободившись от петли, чуть припадают вниз, оставшись в перекошенном состоянии.

Тот-же рабочий бригады Череватова, что предостерегал раньше двух рабочих, говорит Череватову, еще не вылезшему из [*машин*] отверзтой машины:

[*«Цел ротор / Ничего не*

«Лопатки и диски целы или нет?»

Рабочий [*садится на*] заглядывает внутрь корпуса турбины, откуда торчит часть туловища Череватова.

Рабочий обращается снова внутрь машины:

«А рука твоя цела?»

Рабочий [*заглядывает поглубж*] просовывает голову внутрь корпуса турбины.

Рука Череватова, показываясь, хватается за вал турбины; по руке [*течет кро*] густо течет кровь.

Череватов вылезает весь.

Рабочий-бригадник, вынув голову из машины, глядит на него.

[*«Рука цела, диски целы и про*

¹⁷ *Помета на полях к вычеркнутому фрагменту: Запланиров. станки (2 раза).*

[«Руку / «Руку чуть не потерял, зато промфинплан выиграл ротор]

Рабочий пробует раненую руку Череватова за кости.

«Ты весь цел! И рука при тебе, и промфинплан [выигра] выиграл ротор — ты вполне по дешевке отделался!»,— говорит этот рабочий.

Этот же рабочий вынимает из кармана платок и перевязывает Череватову руку.

Чае[ва]в [вод] опять везет по мастерской (вне стенда) тележку с деталями.

Череватов глядит на [него] Чаева, пока ему перевязывают руку.

Чаев поднимает голову, видит на стенде Череватова, и равнодушно опускает голову.¹⁸ ||

34.

Турбинная. Ряд крупных станков (4–5).

Первый станок. Рабочий выключает электромотор.

Станок останавливается.

Рабочий с листком наряда в руке идет к другому станку.

Подходит к рабочему второго станка.

Спрашивает у рабочего второго станка:

«Где [уплотнительные [ва] коробку / Коробки?] диафрама <sic>? Мне делать нечего из-за тебя!»

Рабочий второго станка отвечает:

[Мне для них фрезы не отпускают. Пока фрез не будет, я тебе коробку не сдел / отделаю]

«А мне еще не давали ее. Спроси поди у планировщика!»

Рабочий уходит.

Станок его стоит.

Рабочий второго станка выключает электромотор.

Станок его останавливается.

«Вместо диафрамы <sic> прислали детали масляного насоса, но в чертеже нет [главных] всех размеров — работать нельзя».

Рабочий второго станка уходит с чертежом в руке.

Три-четыре следующих станка останавливаются.¹⁹

Стоит весь ряд станков (4–5)

Несколько мастеровых [идут] собрались группой.

Идет спор.

К этой группе подходит [группа] толпа рабочих со станков, [обрабатывающих лить / первое обр] первично обрабатывающих литье.

Станки стоят.

«План до станка не доводится. [Процессы] Производство «запланировано».
[Прорыв]

Идут Стрешнев, Боровщиков. ||

35.

Их окружают мастеровые.

[Боровщиков им говорит:]

Подходит [<нрзб>] так-же рабочий с червячным винтом и смятым штоком.

¹⁸ На полях слева мелкие неразборчивые записи.

¹⁹ Слева на полях помета: Череват<ов>.

Общее возбуждение.

Боровщиков говорит всем:

[«Шпindelный вышел и / Больш]

«На большом карусельном запорили червяк. Пока его не выпишут из-за [<нрзб>] границы, [мы едва ли справимся] мы производства спланировать не можем!»

Рабочий, что с червяком, поднимает шток, посредством которого [<нрзб>] был запорот червяк.

Стрешнев [видит <нрзб> / смотрит на шток и смеется] смотрит на шток и улыбается.

«Планово-распределительное Бюро». [<нрзб>]

Густая толпа рабочих поднимается по лестнице.

Громадная Комната план.-распред. бюро.

Задом к зрителю сидит некое туловище, [авт] производящее равномерные автоматические движения; туловище похоже на человека. Зрителю оно должно [<нрзб>] казаться «абсолютным» человеком.

[Его] Соседи [неско] некоего туловища (уже сушие люди); они несколько похожи на [это] него. Они стоят так-же задом к зрителю.

[Рабочи]

Вошедшие рабочие обращаются к сидящим задом; в том числе и к тому туловищу, которое все время равномерно [дви] производит простые движения.

Один из рабочих, заглянув в лицо «туловищу», пугается.

«Товарищи, здесь чугунный оппортунистик!»

Лицо «туловища» — это сложный американский ||

36.

чертежно-множительный аппарат, работающий от штепселя. Можно дать пояснение надписью. Можно, и это лучше, добавить кадр: автомат из «рта» выпускают <sic> синюю бумагу с белыми линиями чертежей.

Рабочие подходят к чугунному «оппортунисту» группой.

Затем рабочие берут по очереди соседей автомата за головы и несколько раз запрокидывают их — для проверки: живые это люди или нарочные.

Показываются вялые пожилые лица планировщиков.

Чаев [несет, боль] медленно идет по турбинной: [вокруг его пояса] кругом его, вокруг пояса, одет большой моток медного голого провода. Провод[да]д тянется за ним по земле. Чаев идет и поворачивается, чтобы разматывать провод.

Щекотулов работает на линии провода: выправляет проволоку, когда она застревает в попутных предметах, набрасывает [его / <нрзб>] провод на крючья на стене.

Линия провода — конец уходит на стенд.

Чаев переходит, обмотанный проводом, разметочную плиту.

Череватов работает на стенде. Провод, [закрученный за] зацепленный [за / <2 слова нрзб>] позади электрического щита-распределителя, торчит свободным концом.

Череватов встает и глядит через стенд.

Чаев встал на основание одного станка.

Череватов зацепляет свободный конец провода в зажим рубильника-автомата. Над рубильником табличка: «высокое напряжение».

Включает рубильник-автомат.

Чаев обнимается короной [огня.] трепещущего пламени.

Щекотулов держит провод и пляшет на месте с одичалым лицом, не в силах оторвать руки от провода. ||

37.

Партком завода: секретарь комитета, [кол] секретарь коллектива турбинной и еще несколько рабочих.

Секретарь комитета говорит:

«Объявим тревогу: мы [вошли в прорыв!»] [Z Щекотулов] окружены врагами. мы вошли в прорыв».

Рубильник-автомат на стенде выключается автоматически.

Щекотулов отрывается от [про] провода.

Бежит с лицом, [замершем] оставшемся <sic> в косоротом выражении, непохожий на прежнего себя.

Чаев лежит у основания станка, обмотанный проводом.

6-я часть.

Ночь над Ленинградом: зарево на низких облаках.

Огненные факелы из труб над плавильными печами далеких предприятий.

Спокойная поверхность огромной пустынной Невы.

Ночь над Ленинградом: светом [мгновенного] магния освещаются тяжкие тучи (от разрядов трамвайных дуг).

Спокойная поверхность Невы.

Вдруг по этой поверхности начинает идти мелкая рябь — водяная дрожь, и она распространяется все более вширь.

Комната-квартира Витмана. На кровати спит женщина с двумя детьми. Стол. Над столом низко свешена электр. лампа. На стене часы; на них время: 3 часа. За столом сидит Витман; одна его рука свесилась до полу, другая лежит на столе и на этой руке [г] — покоится голова. [Z На сто] На столе вращается действующая модель какого-то прибора ||

38.

[(центр] (примерно: [центробежный регулятор] центробежный регулятор турбины).

Вода на Неве колеблется чаще и сильнее.

Кровать со спящими — женщиной и двумя детьми (в квартире Витмана).

Один [ребе] ребенок открывает глаза.

Женщина тоже [начинает] наполовину начинает смотреть, чуть приподняв веки.

Витман, дремлющий у стола, шевелит рукой, [лежащ] лежащей на столе.

[Череватов]

Нечто вроде общежития. Горит свет. Спят люди — иные на кроватях, иные на [<нрзб>] столах и на полу. Спят тесно.

Череватов в рабочей одежде спит на столе. На животе у него лежит косоротая (от контузии током) голова Щекотулова.

Волнообразные смутные тени начинают бежать по стене.

Череватов скидывает [<нрзб>] с живота голову Щекотулова [<нрзб>] и садится.

Жена Витмана садится на кровати.

Обращается к мужу.

Витман сразу просыпается становится на ноги и [прислушивается] слушает.

По ночной улице бегут рабочие.

Общежитие. [Щекоту] Череватова нет. Щекотулов стоит в недоумении с омертвевшим [<нрзб>] искаженным лицом [<нрзб>] (его контуженная током физиономия остается искаженной до конца).²⁰ ||²¹

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 2, л. 84 об–47 об; карандаш.

²⁰ На полях слева мелкие пометки, взятые в фигурные скобки: Некий раб<очий>, Комсом. Старосельц<ев>.

²¹ В конце листа запись: [Продолжение — см. отдельные листы со стр. 39].

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ ПЬЕСЫ «ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ»: «ОБЪЯВЛЕНИЕ О СМЕРТИ»

Статья и публикация Д. Московской

Если взять Путиловский завод, там можно найти много таких вещей, что дрожать будешь. Тут никакая фантазия не нужна, если добросовестно подобрать весь материал, который буквально под ногами.

*Из выступления представителя завода на
Методическом совещании массового сектора ЛО
ГИХЛа по вопросу как писать «Историю заводов».
1 октября 1931 г.*

Авантекст

История многолетней (с 1929 по 1940 гг.) работы Андрея Платонова над пьесой «Высокое напряжение» разнообразно представлена материалами фонда писателя (ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 241–259). Настоящая публикация представляет документы подготовки первой ее редакции — трехактной пьесы «Объявление о смерти»: черновые наброски к пьесе об инженерах (документ № 1, там же, ед. хр. 241), незавершенный первый (документ № 2, там же) и второй варианты ее экспозиции (документ № 3, там же, ед. хр. 241–242). Эти материалы имеют особое значение для восстановления последовательности, в которой формировался сюжет и драматургический конфликт составного автографа первой редакции «Высокого напряжения» (документ № 4, там же, ед. хр. 242).

Черновые наброски (1) выполнены простым карандашом на тетрадных, с красным чернильным обрезом листах в линейку, размером 20,5×14,5 см. Содержание записей многообразно. Здесь наброски фабулы — «сюжетный чертеж», реплики из диалогов, система персонажей с их фабульной функцией. Платонов ищет главного героя для пьесы, определяет профессию и вид деятельности Мешкова. Образ Абраментова на этом этапе еще не сформировался. Первоначально он один из группы второстепенных образов заводских инженеров; затем ему, вернувшемуся на родину из-за границы, готовится роль жертвы вредительства Мешкова. Платонов перебирает общественно-политические обличья своих героев, играя социально-психологическими оттенками палитры мотивов драматургического конфликта, что развернется между заводскими инженерами — представителями «старой» и «новой» производственных школ.

Среди 13 листов подготовительных материалов к пьесе находится набросок экспозиции первого акта драматического произведения без названия (2), с действующими лицами, имена которых упомянуты в черновых набросках. Экспозиция продолжает и развивает намеченные в черновиках темы, представляя новый этап формирования сюжета производствен-

ной пьесы. Платонов выбирает на роль «главного» «вредителя-спеца» между Абраментовым и Мешковым. В этом варианте вредителем должен стать Абраментов. Он инженер «старой школы», работающий на заводе, к которому неожиданно прибывает в гости с дочерью Машей его будущая жертва, друг юности Мешков. Появляющаяся на обороте последнего, тринадцатого листа экспозиции запись нового плана свидетельствует о готовящихся автором фабульных изменениях: место иммигранта Мешкова займет Абраментов. В этот момент, вероятно, Платонов принимает решение. Центральными героями его пьесы станет не один, а два персонажа — социальные двойники и психологические оппоненты, Мешков и Абраментов: два характерных типажа одного обреченного на гибель класса. Запись первого варианта экспозиции пьесы об инженерах обрывается на полуслове. Платонов начинает работать над вторым, промежуточным вариантом ее первого акта (3).

Как уже отмечалось, автограф первой редакции пьесы «Высокое напряжение» (4) не является единым текстом. Рукопись составлена из нескольких источников. Отличающиеся особенностями бумаги и орудием письма, они созданы в разное время. Часть текста (более раннего происхождения) восходит к производственной пьесе об инженерах. Эти записи выполнены на тетрадных с красным чернильным обрезом листах в линейку, тех же, что были использованы для черновых набросков. Остальной текст написан на папиросной бумаге размером 45×29,5 см, сложенной пополам. Записи на ряде листов сделаны химическим карандашом с фиолетово-синим чернильным оттенком и более сильным и широким нажимом. Другая часть текста выполнена простым графитовым карандашом.

Установить разницу во времени компонентов автографа помогает содержание авторской правки. Согласно первоначальному замыслу Мешков именовался Михаилом, а не Иваном, Крашенина звалась Безгубновой, Девлетов был Ильей Васильевичем, а не Григорьевичем. Абраментов по профессии был инженером-путейцем. Первоначальные имена персонажей встречаются, прежде всего, на тетрадных в линейку листах автографа, что подтверждает хронологически более ранний этап создания этих записей и их непосредственное примыкание ко времени работы над черновыми набросками (1) и экспозицией пьесы об инженерах (2). Кроме того, первоначальные имена персонажей и использование простого графитового карандаша встречаются на ряде крупноформатных листов папиросной бумаги.

Не завершив редактирования написанной на тетрадных листах экспозиции пьесы и работы над промежуточным ее вариантом (на таких же по виду тетрадных листах), Платонов сразу приступил к составлению окончательной версии произведения. Для экономии времени он использовал фрагменты более ранних записей (на тетрадных листах), вводя их в новый текст в виде литерных и постраничных вставок. Всего таких вставок на тетрадных листах в автографе насчитывается десять: «А», «Б», «В», «Г», «Д», «Е», «б-я стр.», «вставка Ж», «8-я стран.», «9-я стран.», «10-я стр.» Вставки использовались или полностью, или одна из ее сторон: оборот Платоновым вымарывался. В таком виде тетрадные листы с текстом, принадлежащим ко второй, промежуточной редакции первого акта пьесы об инженерах, Платонов «вмонтировал» в ее следующую редакцию — «Объявление о смерти».

К последнему, завершающему этапу работы над автографом относится использование для записей химического карандаша и правка им записей, выполненных простым карандашом. Правка химическим карандашом в тексте, относящемся к более раннему этапу работы, осуществлялась поверх слова или вписыванием сверху другого; вычеркивались отдельные фразы, целые диалоги.

Различия по виду бумаги, карандашу и именам персонажей между листами составного автографа позволяют выделить из него фрагменты, восходящие к промежуточному варианту первого акта пьесы. Вычеркнутые Платоновым при работе над окончательной версией

фрагменты записей на вставках поддаются прочтению, что позволило по ним реконструировать текст второго варианта начала пьесы (3).

Дополнительную помощь в этом оказала сохранившаяся на некоторых вставках вычеркнутая авторская пагинация. Она корреспондирует с нумерацией тетрадных листов, находящихся среди черновых набросков. Соединенные с листами литературных вставок из основного текста пьесы, на которых также сохранилась первоначальная пагинация, они образуют второй — промежуточный, вариант первого акта «Объявления о смерти» (3).

В этом варианте сюжет еще испытывает воздействие первоначального замысла: упоминаются торфоразработка с помощью вольтовой дуги; инженер-изобретатель этой технологии; дочь Мешкова — многие «ключевые слова», содержащиеся в черновых набросках к пьесе. Очевидно, что в качестве основы для производственного сюжета Платонов собирался использовать материал написанного им на рубеже 1930-х гг. рассказа «Вольтова дуга» (ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 108–109) о новом экономичном способе добычи торфа. В этой версии экспозиции в качестве главной фабульной линии избрана важнейшая для первой пятилетки тема: рабочего изобретательства и ее утвержденных партийными директивами спутников — ударничества и соревнования двух политических систем. К этому моменту поле деятельности для Мешкова и Абраментова еще окончательно не оформилось, не подобраны символические образы, чреватые «пороговыми» для персонажей событиями и положениями. Еще нет телефона и многозначительного номера над ним, нет и фабульного хода «объявления о смерти». Указанные решения, намеченные еще в черновиках, — «Отчаяние Мешкова. Снижение //его. Отчаяние.//Старый мир инженеров.// Разрыв Мешкова со всеми //друзьями. //Мешков один. Бред. Объявление», — сюжетно оформятся лишь в окончательной версии пьесы.

Среди документов фонда сохранился листок, выглядящий как начало нового произведения: «Телефон. (Или — Достоинство человека)». Не является ли эта запись одной из версий названия пьесы «Объявление о смерти», возникшей в период осмысления и переработки материалов первого акта? Ведь только на окончательном этапе работы над автографом в «комнате — жилище инженера» среди гор мусора, пустых бутылок на полу, примуса, найдется место телефонному аппарату, а на стене, кроме чертежей машинных конструкций и портрета Дзержинского, появится номер «4–81». Эти крупно вписанные химическим карандашом в рукопись «Объявления о смерти» цифры станут последним источником чувства собственного достоинства психологически раздавленного персонажа пьесы — инженера-спеца Мешкова, его последней возможностью управлять собственной судьбой.

Приведенная ниже р е к о н с т р у к ц и я промежуточного варианта начала пьесы об инженерах (3) составлена из записей, находящихся среди черновых набросков (1), и вставок в автограф «Объявления о смерти» (4) с восстановленными на них вычеркнутыми фрагментами текста.

Последовательность работы над автографом

Текст составного автографа, как отмечалось, не един по времени создания. Написание, составление и редактирование окончательной редакции выпали, согласно авторской датировке, на первую декаду августа 1931 года — тринадцать дней перед отъездом писателя в командировку по совхозам Средневолжского края (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 16, л. 6). Последовательность работы над составным автографом представляется следующей. При работе над первым актом «Объявления о смерти» Платонов располагал рукописными материалами к пьесе об инженерах в виде черновых набросков и незавершенных фрагментов, ко-

торые использовались им как вставки. Второй акт Платонов начал писать сразу после компоновки из фрагментов первого акта, продолжив уже сформировавшийся в нем сюжет. Возможно, работе над вторым актом пьесы не предшествовал черновик. За это предположение — зачеркнутые на некоторых страницах рукописи записи, как, например, на полях л. 23: «Тушат станцию д'экономии тока», в верхнем левом углу л. 39: «Про Распопова раньше сказать, что он аварийный» и проч. Подобные «опережающие» заметки можно найти только на страницах второго акта пьесы. Платонову было свойственно предупреждать развитие сюжета маргиналиями. Отсутствие развернутого черновика второго и третьего актов косвенно подтверждается и преобладающей в них процессуальной правкой: динамическая транскрипция показывает, что окончательный вариант фразы был результатом исправлений, вносившихся по ходу письма. После окончания работы над третьим актом писатель перечитывает пьесу, готовя ее к перепечатке, и вносит сквозную (по всей рукописи) правку химическим карандашом. Эта правка в транскрипции выделена шрифтом Arial.

Вероятно, на завершающем этапе работы Платонов оформил титульную страницу, дав окончательное название пьесе и указав ее датировку: «Пьеса. Объявление о смерти. 3–13 Августа 1931». К последней фазе редактирования можно отнести и выполненный на тетрадном листе в линейку той же фактуры, что вставки и черновые наброски, список «действующих лиц» (ед. хр. 241, л. 1). В нем персонажи названы по именам, отчествам и фамилиям, соответствующим окончательной редакции пьесы:

Абраментов, Сергей Дмитриевич, инженер; около 37 лет.

Крашенина, Ольга Михайловна, инженер; лет 25-ти.

Мешков, Иван Васильевич, утомленного вида инженер, лет сорока с лишним.

Жмяков, Владимир Петрович, инженер, небольшого роста, сытое туловище, не более сорока лет.

Девлетов, Илья Григорьевич, директор завода, 35-лет.

Распопов, Семен [Григорьевич] Федорович |

Пужаков, Петр Митрофанович | рабочие ударники аварийной службы, оба средних лет.

Муж Крашениной, истомленный служащий лет тридцати.

Работница, разносящая обеды.

Несколько рабочих и работниц.

Действие происходит на большом заводе, в течение 2–3 дней.

Вопросы датировки

Первый пятилетний план, принятый решениями апрельской 1929 г. XVI конференции ВКП(б) и утвержденный в мае того же года V съездом Советов СССР, придал задаче индустриализации народного хозяйства, сквозной для экономики восстановительного периода, статус социально-экономической и политической концепции для новой вехи в социалистическом строительстве — эпохи «реконструкции». Первым исследователем истории текста «Высокое напряжение» Н. В. Корниенко была указана связь этого произведения со статьей инженера А. П. Платонова, посвященной вопросам повышения производительности труда «Овладеем техникой вольтовой дуги! (В порядке предложения)». Время написания этой статьи, совпадающее с моментом судьбоносных политико-экономических решений, осень 1929 г., можно считать исходной точкой в хронологии формирования замысла пьесы об

инженерах-рационализаторах — важнейшей темы для писателя, никогда не порывавшего с активной изобретательской деятельностью, и первоочередной для эпохи «великого перелома».

Следующий этап в хронологии — конец 1929 — апрель 1930 г. В эти месяцы Платонов в составе писательской бригады выезжает на Ленинградский металлический завод (в дальнейшем — ЛМЗ), гигант советской тяжелой индустрии, флагман отечественного турбостроения. Выбор адреса «очерковой» командировки более чем закономерен для Платонова. В 1924–1925 гг. он работал над конструкцией паровой турбины внутреннего преобразования, вел переписку с находившимся в Ленинграде Комитетом по делам изобретений при ВСНХ и получил патенты на изобретение турбинной установки (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 4, л. 4, 8). «Полюстровский гигант» был тем местом, где творческие интересы и научные способности пролетарского писателя и талантливого конструктора достигли исключительной (даже для платоновского, во многом автобиографического художественного творчества) степени согласованности. Металлический завод был славен производственными традициями, высококвалифицированными рабочими, блестящим высшим инженерно-техническим составом, не пожелавшим после революции покинуть Россию и оставшимся на заводе, чтобы своим опытом и знаниями послужить обновленной стране.

Среди инженеров, с которыми Платонов мог общаться в турбинном цехе, были директор ЛМЗ Александр Юльевич Винблад; заведующий турбинным цехом Василий Иванович Андреев; Марк Иосифович Гринберг, в 1929 г. назначенный главным конструктором паровых турбин; инженеры С. А. Бобровщиков, И. И. Кириллов, М. Я. Бень, Ф. Кравченко, Б. В. Шестакович (многие из этих имен сохранились в 5-й записной книжке писателя; см.: Записные книжки. С. 60–61; их прототипы отмечены в примечаниях Н. В. Корниенко. С. 338–343), наконец, легендарный генеральный директор завода с 1930 г. Иван Николаевич Пенкин.

О профессиональном уровне и трудовой квалификации этих специалистов сообщают сохранившиеся в архиве ЛМЗ личные учетные карточки и справки ФСБ.

А. Ю. Винблад (1881–1940), уроженец Гельсингфорса, финн по национальности, выпускник с отличным дипломом Петербургского Технологического института, возглавлявший в 1908 г. турбинное бюро завода, а с 1919 г. назначенный директором Металлического завода, был конструктором первых советских турбин. С его именем связано начало первой генеральной реконструкции завода, строительства нового паротурбинного цеха, гидроиспытательной лаборатории, модельного и инструментального цехов, т. е. создание на базе старого Металлического завода нового советского турбостроительного предприятия. Все эти годы безотлучно пребывал на родном предприятии, проживая в доме для инженеров ЛМЗ рядом с административным корпусом, по адресу Полюстровская набережная, д. 23, кв. 2.

Инженер В. И. Андреев (1888–1938), крестьянский сын, сумевший благодаря выдающимся способностям выучиться, блестяще закончить Петербургский Политехнический институт, работал на Металлическом с 1913 г., начав как конструктор, в 1919 г. став заведующим турбинным бюро, а в 1929 — техническим директором завода. В совершенстве владел немецким языком, читал и говорил по-шведски, по-английски и по-французски. Газета «Правда» от 5 сентября 1931 г., по случаю награждения группы трудящихся ЛМЗ орденами, писала об Андрееве как об одном из лучших представителей старой интеллигенции. «После Октября, когда многие специалисты эмигрировали за границу или занимались саботажем, Андреев вместе с лучшей частью интеллигенции остался на заводе, продолжал работать. Под его руководством завод, начав с ремонта судовых турбин, год за годом овладевал высотами техники. Под руководством т. Андреева было освоено строительство паровых турбин в

10 тыс., 24 тыс. и 50 тыс. квт. 1922 г. принес заводу новую победу: здесь было организовано производство гидротурбин. Андреев не только возглавил дело, но практически разрабатывал новые типы гидротурбин. Им был внесен целый ряд организационных новшеств. <...> В 1930 г. во время процесса “Промпартии” вступил в ряды ВКП(б), отметив этим еще раз свою преданность делу рабочего класса».

Одессит по рождению, М. И. Гринберг (1896–1957) блестяще окончил Петербургский Политехнический институт и был оставлен на кафедре прикладной математики. Однако, по предложению руководителя дипломного проекта В. И. Андреева, в 1923 г. перешел на Металлический завод, где возглавил вновь организованную группу, работающую над созданием турбин мощностью 10 МВт. В ноябре 1929 г. Марк Иосифович командирован в Англию на фирму Метрополитен-Виккерс для изучения турбинного производства. 25 декабря того же года он назначен главным конструктором паровых турбин. Руководимое им бюро налаживает на ЛМЗ производство по чертежам Метрополитен-Виккерс турбин мощностью 24 и 50 тыс. квт. Одновременно разворачивается разработка турбин отечественной конструкции по 10 тыс. квт. В 1931 г. М. И. Гринберг за особо выдающиеся заслуги в строительстве завода крупных паровых и гидравлических турбин награжден орденом Ленина.

И. Н. Пенкин (1896–1967) — первый представитель трудового класса, занявший высокий пост директора на ЛМЗ, был по рождению крестьянином, хотя в автобиографиях заявлял о себе как о потомственном пролетарии. В 1909 г. поступил на казенный счет в Ремесленное училище цесаревича Николая, в котором жил и учился. Окончил в 1914 г. и поступил в качестве токаря на завод Русского общества беспроволочных телеграфов и телефонов, на котором работал до 1918 г. В старой армии не служил, числился на учете на заводе. В 1917 г. после Февральской революции в марте месяце вступил в Партию социал-революционеров, сделал это, по его словам, опрометчиво, т. к., «немного разобравшись, увидел, что она не является руководительницей интересов рабочего класса и в конце мая или начале июня вышел». Принимал участие в общественной работе на заводе, «проводил линию РСДРП(б)». В августе 1917 г., по рекомендации товарищей по станку был принят в члены партии Петроградским Районным комитетом. После Февральской революции работал на заводе в разных комиссиях по поручению Заводского комитета. В конце июля 1917 г. был избран в Петроградский совет. Во время Октябрьского переворота был членом Исполкома Совета. В феврале 1922 г. был послан на завод «Пневматика» управляющим завода, в апреле 1925 г. на ту же должность на завод им. Карла Маркса. Генеральным директором ЛМЗ И. Н. Пенкин становится в октябре 1929 г. по личной рекомендации С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе.

Прибывший в конце 1929 г. в Ленинград Платонов начал свою деятельность писателя-очеркиста в конструкторском бюро только что открытого турбинного цеха ЛМЗ, став невольным свидетелем и летописцем непростых производственных, политических и социально-психологических отношений персонала. Непосредственные впечатления об увиденном сохранили его записные книжки, дали они фактическую основу и ряду произведений 1929–1930-х гг. (либретто «Машинист» и публикуемому в настоящем издании сценарию «Турбинщики»). Однако социально-политическую суть событий этих осенне-весенних месяцев 1929–1930 гг. на ЛМЗ в наибольшей степени запечатлели приведенные выше черновые наброски к пьесе об инженерах.

Воспоминания инженера турбинного бюро И. И. Кириллова, сохранившиеся в архиве Народного музея ЛМЗ, дают представление о личности первого в пореволюционное время директора ЛМЗ и сообщают о событиях 1929–1930 гг., связанных с судьбой Винблада:

«В ранге директора Александр Юльевич находил время чуть ли не ежедневно посещать конструкторский отдел. Конструктора знали, что директор будет дотошно проверять подшипники и концевые уплотнения — места, где ротор может иметь опасные соприкосновения со статором. В случае аварий А. Ю. лично выезжал на место происшествия. Устранял дефекты, а иногда даже вносил конструктивные исправления. Время на это он не жалел.

Перед начальством А. Ю. Винблад держался очень независимо и нередко решительно оспаривал даже тезисы, которые тогда считались незыблемыми. Так, например, он однажды внушал члену правления Ленмаштреста, что раз непрерывно срывается плановое снабжение, то более эффективно и производство вести не по фантастическому плану, а по возможностям сегодняшнего дня, исходя из результатов «выколачивания» заготовок у поставщиков.

Среди молодежи А. Ю. пользовался большим авторитетом. <...> В 1929 г. на ЛМЗ секретарем партийного комитета стал И. П. Семячкин. С его приходом совпало развитие каких-то интриг на заводе. От них я всегда сторонился и решительно их пресекал в подчиненных мне кругах. <...> В 1929 г. А. Ю. Винблад и заведующий турбинным цехом С. А. Бобровщиков были арестованы. <...> Вскоре после ареста Винבלада я был вызван к следователю Семенову в ОГПУ на Гороховой улице. Семенов <...> сразу стал добиваться получить от меня отзыв нужного ему содержания о работе Винבלада. <...> Он обругал Винבלада непечатным словом и потребовал от меня письменного отзыва о его деятельности. «Мы не считаем вас вредителем. Но вы знали о вредительстве на заводе и не довели до нашего сведения. Признайтесь в этом и приговор будет три года, а может быть и меньше. Будете упорствовать, тогда вам грозит десять лет лишения свободы или хуже». Хуже в то время означало расстрел. 3 апреля 1931 г. постановлением Коллегии ОГПУ был вынесен приговор по делу Ленмаштреста. А. Ю. Винблад был приговорен за «задержку темпов турбостроения» по статье 56–7 к десяти годам заключения. Приговор был вынесен заочно без суда».

Существо «интриг», инициированных, по воспоминаниям многих заводчан, секретарем парткома И. П. Семячкиным и закончившихся арестами ряда ведущих инженеров завода — А. Ю. Винבלада, И. И. Кириллова, С. А. Бобровщикова, касалось темпов и объемов производства турбин. В 1929 г. (время начала работы Платонова на Металлическом) был введен в строй отвечающий последним производственным требованиям турбинный цех. На этот год выпадают и первые успехи цеха: изготовлены первые пять турбин мощностью 10000 кВт каждая для Днепропетровска, Новороссийска, Донецка и КизелГРЭСа. В апреле того же года, в ответ на речь И. В. Сталина на апрельском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) «О правом уклоне в ВКП(б)», где прозвучало грозное напоминание об уроках «шахтинского дела», обнаружившего ненадежность «старых» кадров для задач социалистической реконструкции, партийное руководство завода инициирует создание в новом турбинном цехе составленной из «новых людей» молодежной бригады под руководством Петра Старосельцева. В том же году бригада собирает 20-тысячную турбину.

Однако производительность турбинного цеха была далека от политических требований момента. «Ключом реконструкции сельского хозяйства», самой болевой точки вступившей на путь насильственного колхозного строительства страны, согласно тезисам Сталина на апрельском пленуме, «является быстрый темп развития нашей индустрии» (*Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. М., 1952. С. 63*). Требовался исключительный энтузиазм, трудовой подъем и соревнование масс, которые руководство партии считало едва ли не самыми важными факторами производственного успеха. Партия призывала к соревнованию целых заводов и фабрик, развитию инициативы масс, способной своим порывом разорвать все трусливые бюрократические расчеты. «<...> соревнование есть тот рычаг, при помощи которого рабо-

чий класс призван перевернуть всю хозяйственную и культурную жизнь страны на базе социализма» (там же. С. 100). Все эти требования в высшей степени относились к ЛМЗ: завод плохо справлялся с промфинпланом на 1929 г.

15 января 1930 г. секретарь партийной организации Ленинградской области С. М. Киров принял у себя делегацию ЛМЗ и обратил внимание пришедших на политическую особенность момента — зависимость производственных успехов завода от преданных и технически грамотных кадров, «которых пока у нас маловато, их нужно готовить. Существующие втузы кадров дают мало и то, что они нам дают, большинство воспитанные в духе старых технических традиций. Растет новая техника, требует новых кадров. Противоречия между новой техникой и существующими кадрами теперь нужно ликвидировать, решение ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) поможет это сделать вашему заводу. Теперь нам нужно рабочих повернуть лицом к теории, а руководство лицом к производству» (Из воспоминаний рабочих ЛМЗ // Архив Народного музея Ленинградского металлического завода).

Главную роль в выполнении призыва главы партийной организации Ленинградской области должен был играть партком ЛМЗ и лично тов. Семячкин. В ответ на требования С. М. Кирова он инициировал выступление рабочих 1-го паротурбинного цеха при обсуждении на общем собрании «Задачи 1-й пятилетки» с предложением: «Считать промфинплан боевым, революционным делом, объявляем себя поголовно мобилизованными — будем трудиться, не щадя ни сил, ни времени» (Справка о 50-летней годовщине (1930—1980 гг.) первого встречного плана коллектива Металлического завода по выпуску турбин в 3-м году (1931 г.) первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР в 1928/29—32 гг. // Там же). Особое внимание обращалось на развертывание социалистического соревнования, рабочие брали обязательства по выполнению второго встречного плана — 200 000 кВт, по досрочному выпуску первой мощной турбины 24 тыс. кВт. Все это утверждалось на рабочих собраниях. Лучшие мастера завода вступали в ряды ВКП(б): Тимофеев Сергей Николаевич (имя которого встречается в записных книжках писателя, см: Записные книжки. С. 61) — ведущий мастер по сборке мощных турбин, Андреев Василий Иванович (там же) — главный инженер завода, Смирнов Василий Иванович и другие. С декабря 1929 по февраль 1930 г. по девяти цехам завода вступило в ряды ВКП(б) 550 человек. Инициатива парткома ЛМЗ была замечена. 13 марта 1930 г. на завод неожиданно прибыл бывший рабочий Металлического, Н. М. Шверник — председатель ЦК металлистов, а в апреле 1930 г. завод посетили члены правительства, руководитель ЦКК-РКИ Серго Орджоникидзе, С. М. Киров и член президиума ВСНХ, управляющий маштрестом Михайлов-Иванов. К прибывшим присоединился директор завода И. Н. Пенкин и делегация направилась в ударный турбинный цех.

Реалии производственно-политического бума, свидетелем самых острых моментов которого стал писатель, составили существо драматургического конфликта пьесы об инженерах, названного «сюжетным чертежом» в черновых набросках: «Приезд Мешкова. // Две инж. школы: большевистская и традиционная (вольтова дуга). // Девлетов // Победа ударников <...> // Отчаяние Мешкова. <...> // Старый мир инженеров». На этом этапе еще сохраняются связи с личной для Платонова темой изобретательства. Позже эта связь утрачивается, и на первый план выходят темы и мотивы производственного конфликта, почерпнутые из реальных событий на ЛМЗ.

На 1930 г. приходится начало процесса «Промпартии» — суда над специалистами до-революционной формовки как над сознательными вредителями делу социалистической реконструкции народного хозяйства. В ноябре 1930 г. по региональным организациям Всерос-

сийского союза писателей проходит волна протестов против вредителей из «Промпартии», где заслушивается определение момента, данное Правлением ВССП: «Эта организация, возглавляемая буржуазными и реакционными профессорами и инженерами, занимавшими ответственные посты в Советском аппарате, вступила на путь гнуснейшего предательства революции и Советского Союза, подготавливая разгром всех политических и экономических завоеваний рабочего класса. Международный капитализм, вобрав в себе выброшенные из нашей страны остатки российской буржуазии и ее политических партий, в течение ряда лет создавал и создал, наконец, внутри Советского Союза свою агентуру, прочно охватившую своими щупальцами сердце экономической жизни страны — ее промышленность. Успехи, а также неизбежные трудности, связанные со строительством социализма в нашей стране, окруженной со всех сторон фашистскими и империалистическими государствами, — торопят врагов СССР выступить против нас и внушают им призрачную надежду на растерянность и неподготовленность трудящихся Советского Союза отразить готовящийся удар капитализма. Призрачная, обманчивая надежда международных заговорщиков, у которых история отняла разум и зрение. <...> Правление Всероссийского Союза Советских писателей вместе со всей страной выходят на трибуну общественного обвинения» (ОР ИМЛИ, ф. 157, оп. 1, ед. хр. 10, л. 428).

Осенью того же года РАПП принимает постановление о призыве ударников производства в литературу и показе профессиональными писателями героев пятилетки как «генеральной теме пролетарской литературы». Писатели и художники, композиторы и кинематографисты отправляются в первую очередь на предприятия электротехнической промышленности: на декабрь 1931 г. выпадает Всесоюзное празднование десятилетия принятия плана ГОЭЛРО. Представители местных отделений РАПП совместно с парткомами курируют разворачивающуюся на крупных промышленных предприятиях краеведческую работу по изучению истории местных заводов и фабрик как истории российского рабочего класса. К августу 1931 г. в райкомах партии уже обсуждаются достижения по этому направлению. 11 августа 1931 г. вопрос об истории Металлического завода имени Сталина, партком которого (слишком поглощенный борьбой за встречный промфинплан и чистой кадровой состава) вовремя не перекинул «приводных ремней ударных темпов борьбы с прорывом на маховик истории завода» (ГА РФ, ф. 7952, оп. 1, ед. хр. 37, л. 15) заслушивается на секретариате Выборгского райкома Ленинграда.

Положение Платонова-писателя летом 1931 г. было крайне сложным. Разгромная напостовская критика его повести «Впрок» одним ударом не ограничилась. 18 июня 1931 года последовала новая волна — статья В. Дятлова «Больше внимания тактике классового врага» (Правда. 1931. 18 июня. С. 2). Классовым врагом в статье был назван автор «Впрок», воплотивший политическую позицию кулака-кондратьевца — главного политического оппонента коллективизации. Дятлов усмотрел в хронике правооппортунистическую точку зрения автора, считающего, что генеральная линия партии, по сути, есть политика левотроцкистская. Платонов утверждает, дескать, правоту сторонников «прижатых тормозов» и «замедленных темпов»: «Одним словом, — пишет Дятлов, — сумасшедшая это затея — “догнать, перегнать и не умориться”, над которой до тоскливости бездарно “издевался” Платонов». Достается и редакции «Красной нови», допустившей появление кулацкой хроники. О политическом верхоглядстве руководства журнала Дятлов сказал в последних строках своей статьи, используя выражение Салтыкова-Щедрина: «Дреманным оком ровно ничего не видел, а недреманным видел пустяки».

В платоноведении уже было сказано, что пьеса «Высокое напряжение» стала ответом писателя на разгромную критику «Впрок» (см.: Корниенко, 1993. С. 166–169). Платонову

было жизненно необходимо «исправиться», о чем он пишет жене 10 июня 1931 г. (см. наст. изд. С. 498): всякое другое поведение означало бы для них гибель. По свидетельству Платонова, для него настали труднейшие времена, никогда не был он так одинок, лишен настоящих друзей, никогда еще так тяжело ему не было... Платонов решается на практике доказать отречение от ошибок своего литературного прошлого. Что и выполняет в августе 1931 г. — вскоре после июльской публикации новой сталинской стратегии в отношении спецов и административно-партийных комментариев к ней, — выполняет в особой, свойственной только ему манере возражения без самозащиты. Он берется за исполнение «социального заказа» самой могущественной группировки ВССП на создание «высокоидейной» и современной пьесы о «живом человеке» — герое социалистического производства. Почти полное отсутствие подобных драматических произведений вызвало в марте 1931 г. тревогу у напостовских критиков (см.: *Ермилов В. «Хлеб» В. Киршона // На литературном посту. 1931. № 8. С. 1*). Производственная пьеса должна была на деле доказать совершенствование платоновского художественного метода в соответствии с установками РАПП, отточенными в ходе развернувшейся весной 1931 г. на страницах органов марксистской критики дискуссии. Особенно важным, в свете расстрельных напостовских обвинений, было продемонстрировать соответствие рапповской установке на автора как человека, который имеет подлинно «большевистское мировоззрение».

О том, что работа над автографом «Объявления о смерти» приходится именно на летние месяцы 1931 г., говорят реалии этого времени, отраженные в тексте. Пресса июня 1931 г. пестрит лозунгами «борьбы за металл», производство которого было названо Сталиным основным источником победы социализма. По данным газет металлурги недовыполняли план почти на 50%. В поисках новых организационных источников производственных побед 23 июня 1931 г. Сталин проводит совещание хозяйственников, на котором выступает с речью, опубликованной «Правдой» 5 июля 1931 г. Основные положения сталинской речи медленно становятся темами передовиц и производственных совещаний.

Основная мысль Сталина сводилась к повышению личной ответственности руководителя производства — от мастера до директора — за выполнение плана и за вверенное ему оборудование и механизмы. Отсутствие личной ответственности именовалось Сталиным «обезличкой». Этот «бич современной промышленности», в прессе названный «беспризорностью смен», Сталин связал с непрерывным производством: «У нас непрерывка превратилась в обезличку». Подхваченный и растиражированный сталинский призыв прекратить обезличку непрерывки нашел самое немислимое применение в прессе. Говорилось о ликвидации «обезлички паровозов», о вреде «обезлички мастеров». РАПП, взявшая на себя роль передового борца за генеральную линию партии в литературе, волновалась об опасности «декларативности и обезлички» в повествовании о героях производства (Речь Сталина и задачи РАПП // На литературном посту. 1931. № 24. С. 3). Тревожный вывод главного органа Ассоциации звучал так: «художественно отобразить ликвидацию обезлички на предприятиях нельзя, работая методом художественной обезлички». В платоновской пьесе также звучит модный политический термин второй половины лета 1931 года. Обнаруживший заснувшую на постели Мешкова жену Крашенин «в неврозе» кричит: «Оля! Ты забыла меня, девочка? Я ведь твой Коля... Ах ты так, — прочь от меня, сука!! <...> Обезличку, сволочь, на мужьев ввела!» Крашенин употребляет сталинский термин в расширительном смысле как незакрепленность некоего объекта за определенным субъектом, в данном случае — мужа за женой. Так понимали обезличку в производственном очерке деятеля РАПП, когда писатель не отвечал их требованию показать «живого человека как конкретную социальную личность», то есть как человека, «прикрепленного» к своему классу.

Вторым положением сталинской программной речи было изменение отношения к старой интеллигенции. После шахтинского дела вредителей, после процесса над раскрытой ОГПУ «Промпартией» — организацией, «возглавляемой буржуазными и реакционными профессорами и инженерами», Сталин предложил дифференцированно относиться ко вчерашним вредителям — бороться со «спецееством». По свидетельству вождя, на ряде заводов замечено стремление спецов работать заодно с рабочим классом. Тактика Сталина звучала так: надо проявить заботу о спецах; нельзя всех в одну кучу валить. По воспоминаниям инженера ЛМЗ Кириллова, вторая половина 1931 г. многим подарила надежду, что волна репрессий спадает.

Тревога о судьбе спецов не давала покоя и руководству РАПП. Еще в начале 1931 г. (не без оглядки на годовщину самоубийства Маяковского, незадолго до смерти вошедшего в РАПП, чтобы, по определению ее Секретариата, идти рука об руку с великим классом), оно признало политически неверным рассказ Е. Габриловича «История дня», опубликованный «Красной новью» в конце 1930 г. Во втором номере «На литературном посту» за 1931 г. было заявлено, что рассказ написан под влиянием новой вредной теории о социальной обреченности старой интеллигенции — спецов. В октябре 1931 г. напостовцы объявили политически ошибочным опубликованный январским номером «Молодой гвардии» за тот же год рассказ Герасимовой «Преподаватель математики», главный герой которого за совершенный им просчет сам приговаривает себя к казни.

На этом фоне роль ОГПУ находит новое освещение в центральной прессе. Статья Горького о воспитательно-трудовых колониях, опубликованная в «Правде» осенью 1931 г., выдвигает на первый план не карательно-разведывательную роль особого органа, но его воспитательное, перерождающее значение. Однако та же газета, спустя всего две недели (20 июля 1931 г.) после публикации сталинской речи, откликается на ее новые установки двусмысленной статьей главы ОГПУ В. Менжинского «Два слова о Дзержинском» (Правда. 1931. 20 июня. С. 3). Автор статьи утверждал, что «слова Сталина о старой технической интеллигенции и о нашем подходе к ней» свидетельствуют о «живучести тактики Дзержинского» на новом этапе классовой борьбы. Сущность этого живучего подхода он описывает на конкретных примерах тактики бывшего главы ВЧК в период его работы в НКПС, а затем в ВСНХ. В обстановке нэпа он «проводил соответствующую линию по отношению к старым специалистам и в НКПС и в ВСНХ и <...> заставлял ОГПУ помогать ему в ее проведении». «Он, по словам Менжинского, широко использовал ОГПУ для защиты специалистов от всякого рода притеснений». И с этим опытом Дзержинский пришел в ВСНХ. «Когда мы его атаковали по поводу каких-нибудь меньшевиков, он неизменно повторял нам: “Сейчас они бессильны, до поры до времени оставьте их в покое, пусть они работают, я сужу о них по их работе”». В ВСНХ Дзержинский забрал и опытных работников ОГПУ, выращенных им в НКПС. Хотя они и не были производственниками, по словам Менжинского, «когда запахло вредительством, то открыли его в шахтах и в НКПС два товарища, взятых Дзержинским на работу. <...> Школа Дзержинского не прошла даром».

Так в рассказе главы Главного политического управления о новой линии партии на спецов раскрылась двойственность тактики партийного руководства. С одной стороны, говорилось о курсе на сотрудничество, на использование опыта спеца. С другой, звучал призыв к решительному действию — до поры до времени оставить спеца в покое, использовать его умения и опыт, но когда «запахнет вредительством», раскрыть его — в шахтах ли, на металлическом ли заводе, в Академическом ли институте или в литературно-художественной деятельности. Последнее зримо воплощалось в повседневной реальности — процессом над Промпартией, формированием Академического дела, травлей пришедших из стана врага

литераторов — Е. Замятина, Б. Пильняка, М. Пришвина, П. Романова, С. Клычкова, П. Васильева и др.

В черновых набросках мы находим платоновский комментарий к статье Менжинского: «Встает. Подходит к портрету Дзержинского. Наблюдает портрет. Говорит в портрет. Абраментов.— Ты ругал меня в НКПС'е, взял в ВСНХ, там опять крыл».

Однако глобальное уничтожение вредоносной классовой прослойки становилось неизбежным и без участия ОГПУ, в связи с еще одним положением сталинской речи — о создании новой научно-технической интеллигенции из среды пролетариата и установкой на уничтожение классов и экономического базиса классового деления во второй пятилетке. И эта идея также нашла отражение в черновиках пьесы: «Абраментов: обращение к Дзержинскому (портрету). Ты меня ругал, я тебя уважал, в конце пятилетки я попрошусь к стенке».

Ни одна из приведенных записей не вошла в составной автограф, но оставила в нем след: «Комната — жилище Мешкова: наибольший беспорядок, горы сора, стихийная постель, пустые бутылки на полу, примус, на стенах чертежи машинных конструкций, портрет Дзержинского. Телефон. Над телефоном крупный номер: 4-81».

По телефону, который мог располагаться под портретом, по номеру, записанному, возможно, между портретом и телефоном, герой даст объявление о своей еще не состоявшейся, но неизбежной — «своевременной», как напишет Платонов, кончине. Пьеса начинается словами «спеца» Мешкова: «Нужно скончаться... Я мелочь, прослойка, двусмысленный элемент и прочий пустяк... Вот уже опять — стоит в мире вечернее время. Но никто ко мне в гости не приходит, и мне пойти некуда».

Основной производственный конфликт пьесы также глубоко погружен в реальность текущего дня. Обязательное выполнение промфинплана и сопряженная со сверхъестественной перегрузкой инициированная парткомами борьба «за встречный», из-за которой погибают люди в «Объявлении о смерти» и Крашенина сознательно идет на аварию, — главная тема передовиц «Правды» второй половины 1931 г. Двойственность генеральной линии партии проявилась и в отношении к этому главному документу любого производства (от завода до кинематографа и редакций ОГИЗа). Была очевидна несовместимость лозунгов «борьбы за темпы», «пятилетки в четыре года», метода «встречно-сменного и встречно-часового» соревнования ударных бригад с расстрельным требованием безаварийного и качественного производства.

События, вошедшие в сюжет «Объявления о смерти», в значительной мере определены производственной реальностью 1929–1930 гг. Металлического завода имени Сталина. В то же время, реальный контекст пьесы существенно пополнился событиями всесоюзной общественно-политической жизни лета 1931 г., реалиями литературной борьбы и собственной судьбы автора.

«Высокое напряжение» социально-политических противоречий, потрясшее Платонова на ЛМЗ, было им претворено в пророческое видение будущего родины в переломный момент ее существования — в момент перехода руководства страны к всеобъемлющему управлению частной человеческой судьбой, — и передано неподражаемым художественным языком сюжета и драматургического конфликта пьесы «Объявление о смерти».

1

<Л. 2>

[*Паровоз*]
[*«Судьба» ?*]

Пьеса.

1. Инженер старый.—

[2. *Его*] Коммунист-директор (Гаевский [*тридцать примерно*])[2. *Его ученик — коммунист*3. *Его дочь.*

4.]

4 АКТА.

Его ученица,
девушка
инженер

1 акт

3)

учится сапожному (?) делу

или кустарь (?)

или барышня

— кассирша

Сюжет:

1. Производ. риск.

2) «Нас всех // уволят, //мы умрем //

с голоду, мы — //старый мир» //

Я разучился, // Я забыл технику //

Я забыл формулу//

энергии// $\frac{mv^2}{2}$ || ¹

<Л. 2 об.>

[*Росцупкин Кукуев Довлев Доклев Жмяков*][<нрзб>] **Ольга** Безгубнова

3 инженера // друга

Инженер — пожилой человек //— дочь Мешкова //— Мария

Коммунист — директор Девлетов

[*Ассистентка*] Инженер

«мы не рвачи, нам // не надо особой зарплаты, // особого пайка

Ударник

Ударник

Пужаков — от него отмежевать все вредное

[*Фоев, Смутнов, Бож Пуж*]¹ Лист испещрен геометрическим орнаментом.

Друзья Мешкова:

(инженеры): [Девлетов, Мунц] Мунц, Жмяков — ветхий, кукуевск Абраментов

Сюжет: Кукуевская катастрофа

[Изобретатель условностей]

Отчего мы не поддаемся действительности, но

покоряемся

любой технике, фантазии, мечте

1) снижение по службе

2) вид действующих масс (ряд лиц, изобр. и т п) ||

<Л. 4>

Сюжетный чертёж:

Приезд Мешкова.

Две инж. школы: большевистская и традиционная (вольтова дуга).

Девлетов

Победа ударников [и Ольги Безгубновой]

Отчаяние Мешкова. Снижение // его. Отчаяние.

Старый мир инженеров.

Разрыв Мешкова со всеми // друзьями.

Мешков один. Бред. Объявление.

Стук в дверь.

Мнимая смерть.

Приход Девлетова.

----- ?

Изобретение Мешковым **оптического трансформатора света в ток.**

н/об ||

<Л. 4 об.>

Смерть Абраментова:

«Я слишком [умен], чтобы
верить, я слишком несчастен,
чтобы жить»

Абраментова // убивает // Мешков

Мунц // Мунц // Мунц

Инж. [О. Безгубнова:]

пред нами творческая // бесконечность в

Электричество — техническая сгущенность мира ||

<Л. 5>

Мешков —

Абраментов — (из тюрьмы?)

из-далека
(вставить монолог)

Определение // чел-ка:
Без-ва: мы — как начнем
переделять человека,
так вы плачете над
ним. Не плачьте, а
то он вас на войну
погонит, он вам империализм
повторит || ²

<Л. 5 об.>

[Абр.: Они ложно // работают]

Абр.: У меня сердце было чужое. Они меня победили. У них думает все туловище, у меня одна голова.
Не хватило
Сложно?

Только одна свобода // — свобода исчезновения...
Муж Безгубновой

Абр. из-за // границы является // в диком страхе

все переделать в начале

Мешков — // обнаженный социально || ³

<Л. 6>

1. Мешков — инж
2. Девлетов — директор
3. [Ольга Безгубнова] инженер
4. Дочь Мешкова — Мария (?)
5. Друзья Мешкова: Мунц |
6. Жмяков |
7. Абраментов | инженеры
8. Ударник Распопов
9. Ударник Пужаков

² Внизу листа — полустертая запись рукой Платонова: Мария.

Запись Определение чел-ка ~ он вам империализм повторит выполнена химическим карандашом с фиолетовым оттенком и, по-видимому, относится к самому позднему этапу работы над автографом «Объявления о смерти», что косвенно свидетельствует о постоянном обращении Платонова к черновым наброскам.

³ Справа на полях против реплики Абраментова У меня сердце было чужое ~ одна голова поставлен знак вопроса, отделенный от основного текста вертикальной чертой.

тема: // труд
 Мешков и Оля жалеет
 Страх, // двурушничество // Мешкова
 Взбудоражить: ||

<Л. 6 об.>

В клубе.

- 1) под суд.
- 2) Мешк с газетой
- 3) Запирается от стучащих людей
- 4)

Проклятые психологи! || ⁴

<3>

Пьеса ⁵

Абраментов: обращение к Дзержинскому (портрету)
 «Ты меня ругал, я тебя уважал, в конце пятилетки я попрошусь к стенке»
 Лозунг: Потворствуй || ⁶

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 241, л. 2–6.

2

<Л. 9>

Занавес опущен. Редкие удары **тяжелого** механического молота. Пауза. Затем — судорожная частота ударов нескольких молотов. Пауза. Занавес поднимается. Через сцену в зрительный зал врывается шум **работы** [строительства] большого завода; иногда судорожно бьют молотá и [спускают] слышен вихрь спускаемого пара.

[Комната инженера]

Комната — жилище инженера:

наибольший беспорядок, горы мусора, стихийная постель, пустые бутылки на полу, примус, на стенах чертежи машинных конструкций, портрет Дзержинского.

Окно открыто в ночной мир: грохот завода, сияние электричества, свист пара и сжатого воздуха. ||

<Л. 9 об.>

Инженер **Абраментов** [Мешков] стоит у окна спиной к зрителю. Он кашляет. [иногда] Затворяет окно. [Т] Настает **почти** тишина — заглушено, как бы вдаль, звучит завод. Абраментов ложится [где-то] среди [комнатного] стихии комнатных предметов. [Чуть слышно играет где-то духовая музыка / где-то наверно] Где-то начала играть духовая музыка, и ее чуть слышно в комнате. Она играет нечто печальное и **героическое**.

[Абраментов (лежа).— Сколько во мне народу живет! Один говорит за, другой против, третий молчит и улыбается... Кто за **физическую** ликвидацию инженера-

⁴ Внизу листа — выполненные рукой Платонова арифметические расчеты.

⁵ Запись выполнена на фрагменте тетрадного листа в клетку.

⁶ Оборот этого листа записей не содержит.

*механика Абраментова, с пятнадцатилетним стажем?.. Учился на средства царизма — советской власти убытка не будет... Ну!.. **Воцарилась В зале**] ||*

<Л. 10>

[воцарилось молчание... Поднялась одна рука. Почему вы — за? (Другим голосом): Я потому за, что

***Абраментов** (лежа).— Да, это социализм. / Я же не могу сказать на авиационный мотор, что он паровая машина! [Я ин ведь] Я ведь инженер и я прожил жизнь в рабочем классе..., **Я вижу...** Это социализм... Его уже можно измерять] Отдохни, буржуазный остаток! Ты слишком устал от исторической необходимости.*

***Громче играет музыка в невидимом саду.** || ⁷*

<Л. 10 об.>

***Абраментов.**— [Музыка] Эх, музыка. [Не говори ты мне / Ты — шумишь как лозунг] Ты говоришь мне лозунги о новых производственных отношениях, [а я и так затрудняюсь жить.]*

Пауза. Музыка играет.

***Абраментов.**— Эта музыка, стерва, обещает мне в каждом человеке товарища. В музыке слышен голос каждого неизвестного товарища. Но я скучаю от товарища и утомляюсь от врага. [Эх, ты, музыка, музыка! Когда я тебя слышу / В музыке слышен голос каждого неизвестного товарища] **И все же, когда я слышу эти звуки, я начинаю верить в коммунизм.** || ⁸*

<Л. 11>

[Встает. Подходит к портрету Дзержинского. Наблюдает портрет. Говорит в портрет.

***Абраментов.**— Ты ругал меня в НКПС'е, взял в ВСНХ, там опять крыл]*

[Стук.] Тихий стук в дверь.

***Абраментов.**— Входите, кто там есть.*

Входят Мешков — в серой, изношенной дальней одежде — и его дочь Маша, девушка лет 16–17, которую Мешков держит за руку. ||

<Л. 11 об.>

***Мешков** — Можно у вас переночевать приезшему человеку с дочерью?*

[Абраментов.—]

***Маша.**— Можно нам или нельзя?*

***Абраментов** — [Можно, ко] (не вставая).— Можно, конечно. Только у меня удобств нету.*

***Маша.**— А вы отчего не приборетесь? Вы бы веником, вы бы [тряпкой] тряпкою...*

***Абраментов.**— А у меня настроенья нету.*

***Маша.**— А почему его нету?*

***Абраментов.**— Потому что я [весь мир заранее знаю, чем все это кончится] заранее все [знаю что] знаю. ||*

<Л. 13>

***Маша.**— Что — все?*

***Абраментов.**— ||*

⁷ На листе выполненные рукой Платонова геометрические орнаменты.

⁸ Слева на полях вертикальная помета вдоль реплики Абраментова Переделать

План:[*Мешков*

Абраментов: там только одна свобода — свобода исчезновения, свобода быть забытым.] ||

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 241, л. 9–13.

3

<Л. 7>⁹

Мешков.— Снова в мире стоит вечернее время. Но никто ко мне в гости не приходит. И мне пойти некуда.

Играет музыка вдалеке, в невидимом саду.

[*Мешков (слушает некоторое время) Сейчас домработницы начнут под музыку воздух рассекать. Шумит население на земле! Только]*

Стучат в дверь.

Мешков.— Входите, кто там есть!

Входит Абраментов — в заграничной, но дешевой, изношенной одежде. — худой и бедный человек. ||

<Л. 7 об.>

Мешков (не узнавая).— Вы кто, вы чей человек?

Абраментов.— Инженер путей сообщения Абраментов, ваш бывший друг... А сейчас ищу не дружбы, а ночлега: все бараки [на постр] на постройке переполнены...

Мешков (узнавая, радуясь).— Откуда ты, милый мой Сережа? (Целует пришедшего, плачет). Я ведь один теперь на свете — жена еще при тебе [умерла <далее несколько слов нрзб> а дочь забыла про меня] скончалась, а сыновья бросились куда-то в гущу республики и скрылись от меня...

Абраментов.— Да, Михаил... (Осваивается в комнате.) Давно мы ||

<Л. 3>¹⁰

с тобой не глядели друг на друга. (Глядят друг на друга). Ты что, Михаил, так постарел?

⁹ ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 241. В динамической транскрипции литературных и постраничных вставок не воспроизводится последний уровень правки, который был осуществлен химическим карандашом, так как он относится к окончательной редакции составного автографа и будет передан его динамической транскрипцией. По той же причине не воспроизводится авторская пагинация, не указываются вписанные на последнем этапе работы буквенные или цифровые номера вставок и авторские указания «смотреть на обороте»; не выделяются рамками тексты, использованные в составном автографе в качестве вставок.

Для различения источников реконструированной версии применяются цифровые сноски при номере очередного листа, в которых указывается архивный источник текста. Информация о местонахождении источника, данная в сноске, распространяется на следующие листы — до появления очередной сноски.

¹⁰ Там же, ед. хр. 242.

Мешков.— А я, Сережа, устал от исторической необходимости. Я живу, и все время чувствую какой-то вечный вечер. Как будто [*горит*] везде уже зажжены свечи.

Абраментов.— Отчего же?

Мешков.— Не знаю. Я ослаб. Я вижу, что стал бездарен, что новые люди способней меня и знают уже больше. У них великая практика, Михаил... А ты где был?

Абраментов. В Австралии ... Отчего у тебя в комнате сор и не прибрано?

Мешков.— Настроенья нету... В Австралии? Зачем ты там был? Ты знаешь, я забыл однажды формулу живой силы!

Абраментов.— Эм вэ квадрат, деленные на два... Я хотел оттуда победить Советский Союз.

Мешков.— И полюбил его?

Абраментов.— Нет, я заинтересовался им.

Мешков (меняясь).— Это что значит? Может быть, ты — мерзавец! Ты не гляди, что я стар и несчастен, что в сердце моем горе,— я и безответно могу любить рабочий класс и его страну!.. Ты сочувствуешь социализму или нет?

Абраментов.— Я ему потворствую.

Мешков (думая).— Не знаю, что ты говоришь... А что ты делал в Австралии?

Абраментов.— [*Лас*] Сторожил пчелиные пастбища от саранчи. ||

<Л. 4>

Мешков.— Но ты инженер!

Абраментов.— Там их много без меня. Я голодал два года, год [*сидел в*] был в тюрьме за руководство маленькой забастовкой.

Мешков.— Сердечно удивляюсь! Ты же бывший <1 слово нрзб> человек [*специалист*]?!

Абраментов.— Ну и что ж! А ты думал — революция всегда приходит [*руб* и *ище*] в рубище] в нишей одежде, а контрреволюция **обязательно** в галстуке?!

Мешков.— Я не думал об этом... Ты слышал, как у нас играет музыка? Это — идет культработа в нашем прекрасном [*клубе*] рабочем клубе.

Абраментов.— Разве? (Подходит к Мешкову вплотную.) Слушай меня, Михаил. Ты знаешь ||

<Л. 4 об.>

меня очень давно...

Мешков.— Да... С юности. Когда я полюбил еще свою покойную жену...

Абраментов.— [*Да*] Правильно. А я тогда же начал жить с разными девушками... [*Это было хорошо...*] Ты знаешь, Михаил, что я вредителем не был!

Мешков.— Знаю, Сережа. Ты не был.

Абраментов.— Я понял давно — нельзя победить изнутри почти одинодушную страну.

Мешков.— Нельзя, Сережа...

Абраментов.— Я уехал прочь. Я забылся среди капитализма. Чужие страны стали для меня родиной. Нужда, убожество, презрение — все это я перенес с полным сознанием, [*потому что*] с готовностью, потому что ||

<Л. 5>

[*моя*] моя идея сильнее впечатлений.

Мешков.— Буржуазия, ведь это мир одиноких, Сережа. [*Там мудроно жить*] [*Абраментов.*] Там трудно быть человеку.

Абраментов.— [*Правильно, Михаил*] [*Ладно*] А я и хочу, чтобы человеку было трудно, [*я его не люблю*] он лучше, когда мучается... Дай мне чаю.

Мешков.— Сейчас, Сережа. Только у меня пищи нету никакой. Я должен сходить за ней кой-куда.

Абраментов.— Сходи. Все равно ты любишь человека.

Мешков (в стеснении).— А документы, Сережа, есть у тебя? Ты по закону вернулся в СССР? ||

<Л. 5 об.>

Абраментов.— Есть. Я возвращен как русский военнопленный капиталистической бойни. Ты знаешь, что много русских солдат заблудилось на свете [*и много лет*]

Мешков.— Но как же?

Абраментов.— Просто, Михаил,— очень просто. Буржуазия ведь тоже класс. Она еще умеет кое-что.

Мешков.— Ах, так!... Но я опять не понимаю: значит ты кто же — шпион, подлец или вредитель!?

Абраментов.— Никто я, Миша. Я просто (стоит с саквояжем для продуктов) ||¹¹

<Л. 8 >¹²

Абраментов.— Нет. Я сожму свое сердце и никогда не унижусь до борьбы с советской властью. [*Я буду потворствовать социализму из всех сил, чтобы его время, или время моей жизни скорее протекло.*] Надеяться не на что: надо сжать свое сердце и терпеть. Я видел почти весь мир и убедился: капитализм и социализм никогда не победят друг друга. Они замучаются оба и падут мертвыми, а земля станет надолго пустой.

Мешков (задумчиво).— Сережа, [*я тебя научу. Ты давно не был в России.*] Ты отстал. [*Ты будешь*] Ты давно не был в России. Я тебя научу... [*Знаешь, что над тобой будут смеяться здешние молодые люди. Ты увидишь, здесь малолетние и то более марксисты, чем ты. Ты будешь смешон...*] ||

<Л. 8 об.>

Абраментов.— Я тебе докажу делами, что буржуазия не только смешна, она / Знаешь что, ты здесь будешь жалким гражданином.

Абраментов.— [*Ничего! Вступлю в соревнование*]

Мешков.—

Она меня еще не победила, а я ее победить не могу. Может быть, мы обнищемся и упадем вместе на пустой земле.

Мешков.— Кто мы — СССР и капитализм?... [*не знаю*] Ты не знаешь силы нашей державы... Ну я пошел за продуктом...

Уходит. ||

<Л. 7>¹³

[*Абраментов (один)*]

Мешков.— *Это хорошо. Ну, я пошел за угощением.*

Уходит.]

¹¹ Слева на полях против реплики Абраментова Просто, Михаил ~ Она еще умеет кое-что поставлен вопросительный знак, отделенный от основного текста волнистой чертой.

¹² Там же, ед. хр. 241.

¹³ Там же, ед. хр. 242.

Абраментов (один).— Живет себе в этом помещении один советский дурачок, и неплохо ему. Ни капитализма, стервец, не спас и социализму, наверно, плохо помогает. [*Так, существует себе где-то в человечестве, а человечества никогда не было,*]

Звонит телефон.

Абраментов (берет трубку.) — Алло!.. Да. Нет. Девлетов? А кто вы такой? Директор? Здравствуйте, директор. Его нет. Я его послал закуску себе покупать... Инженер Абраментов. Нет, я путеец, но изучал [*<3 слова нрзб>*]. Ладно. Приезжайте! (Кладет трубку.) ||

<Л. 7 об.>

Кажется, я уже на службу поступил.

Дребезг стекол в окне. Звук напряженного взрыва. Свист сжатого воздуха. Окно распахивается. Абраментов молча, бросается вон из комнаты.

Тревожный, ритмично повышающий и понижающий свой тон гудок. Комната некоторое время пуста. Слабо начинает звонить телефон и умолкает.

Приходит Мешков с покупками. [Стоит с покупками]

Мешков.— Опять наверно авария. Пускай,— там есть сменный инженер... (Мучается.) Меня же дома не было в момент происшествия... Я просто спал и ничего не слышал... ||

<Л. 8>

Где *<1 слово нрзб>*? (Видит распахнутое окно.) Надо его затворить. А то скажут — у тебя окна распахиваются, а ты не слышишь... **Ишь ты, скажут, глухонемой какой!** (Затворяет окно)

Слабо звонит телефон.

Мешков (на телефон). Он слишком тихо [*звонит*] звонил, я не мог проснуться... (Терзается). Либо пойти все-таки... Нет, я и так на заем на двухмесячный оклад подписался: пускай я сплю. (Гушит свет. За окном встает зарево освещенного завода. Вибрирующий высокий звон работающих машин в тишине.) ||

<Л. 8 об.>

Сцена 2-я.

В одну сцену все и 1 и 2

Та же комната. Темно. Мешков храпит. Входит Абраментов и зажигает свет. Абраментов измазан в машинном масле, одежда на нем разорвана местами в ключья.

Абраментов. (смотрит на спящего Мешкова.) — [*Почти как*] Сладко спят гуманисты **на свете...** Мешков, вставай!

Мешков (подымается; говорит со сна) — А? Что? Ты откуда?

Абраментов.— Я помог ликвидировать аварию.

Мешков.— Где? Какая авария? Я, знаешь, днем работаю как ударник, а ночью сладко || ¹⁴

<Л. 10>

Абраментов.— Перекачали в компрессорной. Крышки цилиндров порвало.

Мешков.— А?!.. Что в компрессорной?

[Абраментов.— *Ничего. Мы уже наладили.*

Мешков.— *Мне говорили там*]

¹⁴ В левом верхнем углу запись: Меш<ков> // Зам<еститель> // хоч<ет> рапорт

(Волнуясь.) А не говорили там, что меня нет?.. А я ведь спал, **Сереза**, я сильно сплю теперь. Я ударник и боюсь ослабеть, поэтому стараюсь лучше питаться, а по ночам не просыпаюсь.

Абраментов.— Понятно. Ты же мягкосердечный человек, либерал, гуманист. А такие всегда себя жалели больше всех.

Мешков (взволнованный).— Ну а что в компрессорной? Не спрашивали — где я?..

Абраментов.— Интересовались. ||

<Л. 10 об.>

Мешков.— Я пожалуй сейчас сяду рапорт напишу. А?

Абраментов.— Напиши, что спал и была температура.

Мешков.— Вот именно, я так **приблизительно** и думал. [*Садится*] (Ютится у стола, ища принадлежности для письма).

Абраментов.— А что в компрессорной — тебя не интересует?

Мешков.— Да, да — что там сейчас, Сереза?

Абраментов.— Ничего.

Стучат в дверь.

Мешков.— Войдите, пожалуйста, товарищ! ||

<Л. 11>

Входит Девлетов. Подает руку Абраментову.

Девлетов.— Благодарю вас.

Мешков (подходя к Девлетову).— Здравствуйте, Илья Васильевич.

Девлетов.— Здравствуйте, Мешков. (Абраментову).— [*Мы с вами не договорились*] В компрессорной мы с вами не договорились. Какие ваши условия, если я вам предложу должность заместителя главного механика?

Абраментов.— Те, которые у вас полагаются по профсоюзному закону. Я сам условий не имею.

Девлетов.— Хорошо. Вы говорили мне пустяки про Австралию. Скажите — вы белогвардеец?

Абраментов.— Был.

Девлетов.— А теперь? ||

<Л. 11 об.>

Абраментов.— Теперь я одинокий.

Девлетов.— Что это значит? Не говорите мне пустяками. Одиноких нет. Вы не притворяйтесь.

Абраментов.— Нисколько, гражданин. Это значит, что всем своим умом, всей своей логикой — я с вами. С вами потому, что события били меня кирпичами по голове и гнали в вашу сторону. [*А сердце / А / Я бы не испугался и кирпичей, но с другой стороны /*

А голова моя (трет свою) (Кладет руки на свою голову) голова моя умеет думать] А в сердце своем — я ничей, там я [*только*] свой.

Девлетов.— Свой?! Значит — чужой, значит враг... ||

<Л. 12>¹⁵

Абраментов.— Нет... Просто в сердце остается неподвижным с момента рож-

¹⁵ Там же, ед. хр. 241.

дения — у всякого человека. [*Оно реакционно, гражданин Девлетов.*] В сердце остается теплота умершей матери... Теплота убитого пролетариатом класса...

Девлетов. Ну ладно. Об этом вы договоритесь с Мешковым. Нам нужна ваша]

Девлетов.— Ну, ладно. Нам нужна ваша голова. Сердце храните неприкосновенным для памяти, если сумеете сохранить... Стало быть, вы будете замом главного механика.

Мешков.— А я, Илья Васильевич?..

Девлетов.— А вы будете теперь сменным инженером — вместе с Олей Безгубновой.

Мешков.— С этой девушкой?

Девлетов.— С этой девушкой.

Стучат в дверь и входят: О. Безгубнова, Распопов и Пужаков ||

<Л. 12 об.>

Безгубнова (Абраментову).— Добрый вечер — еще раз!

Абраментов — Здравствуйте, инженер.

Безгубнова.— Товарищ Абраментов у нас скоро кончается смена и начнется короткое производственное совещание. Вы не можете прийти к нам? У нас товарищи новый принципиальный вопрос. У нашей электростанции не хватит торфа, если не механизировать добычу... товарищ Мешков, можно ли добывать торф, если резать его вольтовой дугой. Вот изобретатель (Абраментову). Да, я забыла поблагодарить вас, что вы помогли нам наладить компрессора. Мы очень благодарны вам. [*У нас при заводе / У нашей электростанции торфоразработка тиха, рабочих не хватает: есть идея*]

Абраментов.— Не за что, товарищ. Вы и ваши ударники работали чрезвычайно логично. Я выступал лишь как рабочий. ||

<Л. 13 об.>¹⁶

[Мешков.— Относительно резки торфа вольтовой дугой]

Мешков (*[написав]*) (кончив писать) — Илья Васильевич, я вам [*должен*] должен рапортчику подать. Я спал при взрыве компрессора. [*И не слышал*].

Девлетов (беря рапорт у Мешкова) — Вы и должны спать ночь и вы свободны. Извините, что мы вас сейчас беспокоим.

Мешков.— Ну все-таки: знаете ли, **все-таки я считаюсь**, что подумает ответственность завода.

[Мешков.] Я даже рад, что вы [*А я*] меня сейчас беспокоите.

Девлетов (Безгубновой) — Оля!

Мешков (глухо).— А я что же? Я малоспособен, или худ стал? ||

<Л. 13>

Девлетов.— Просто сейчас нам важней [*сейчас*] найти сменного инженера. Посудите сами — у нас один сменный инженер на все три смены. Какой же это сменный, когда его сменить некем?! Ведь Безгубнова не выходит из цехов по двадцати часов. Вчера я ее нашел спящей в [*силовой. Ведь это безобразие! Цеха идут*] силовой, третьего дня она стояла на ремонте фильтра тридцать часов... [Не можем мы теперь] Нужен другой сменный инженер по заводу, иначе мы не выйдем из аварий и неполадок. [*Я вас прошу, Иван Борисович*] Это гвоздь всего положения на заводе. Я вас прошу понять меня, ||

¹⁶ Там же, ед. хр. 242.

это не снижение, ваша ставка снижена не будет. Я обращаюсь к вашей чести инженера!

Мешков (угрюмо).— [*Я все понимаю*] Я все понимаю... Я должен нести обязанности [*вашей*] девушки. [*Безгубновой*]

Девлетов.— Класс ваш маленький, Иван Борисович, а самолюбие у вас большое... Я шучу.

[*Абраментов*.]

Абраментов.— [*А вы его не уговаривайте, директор. Уговором человека никогда не возьмешь.*] Слушайте, директор; [*он сирота*] Мешков ведь сирота... [*директор*] У нас с ним нет своего класса.

Девлетов.— Я знаю, товарищи. Поэтому ||

<Л. 14 об.>

человек должен перестать быть сиротой — это нужно [*для пятилетки*] Я и [*нрзб*] зову вас к нам. Однако мне пора на вокзал — я должен утром побывать в Москве.

Прощается и уходит.

Мешков.— Не нужны мы им более, Петя. Завтра я — сменный инженер, послезавтра — надсмотрщик двора, а через полгода — сторож у ворот... (Трогает свои покупки.) Ешь продукты — [*нам в закрытом распределителе дают*] тут много вкусных вещей: нам в закрытом распределителе дают... [*Когда сторожем буду — колбасы покушать не придется.*] Скоро уж покушать колбасы не придется, сторожем буду. ||

<Л. 15 об.>

[*Абраментов*]

Абраментов.— Слушай, Михаил. [*Кто твои товарищи?*] Ты не путаешь пролетариата с закрытым распределителем?

Мешков (теряясь).— А? Нет, ну что ты, невозможно! Нет, Сережа. Я знаю, что это разница.

Стучат в дверь.

Голос за дверью. Безгубнова за дверью:

Вы не спите, Иван Борисович?

Мешков. Нет еще ||

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 241, л. 7–8, 12; ед. хр. 242, л. 3–5, 7–8, 10–11, 13–15.

4

Пьеса.

Объявление о смерти

3–13 Августа 1931. ||¹⁷

¹⁷ *Титульный лист; выполнен химическим карандашом.*

В динамической транскрипции составного автографа не приводится вычеркнутый автором текст оборотов вставок: «В», «Д», и «8-ая стан.», так как они реконструированы и приведены как фрагменты второго варианта первого акта пьесы об инженерах (см. документ 3).

Четные листы составного автографа (со 2 по 18 включительно) и все нечетные листы (с 21 по 59 включительно) выполнены на оборотах сложенных пополам листов папиросной бумаги.

Объявление о смерти.
Пьеса в 3-х действиях.

1-е действие.

Занавес опущен. Редкие удары механического молота. Пауза. Затем — судорожная частота ударов нескольких молотов. Пауза. Занавес поднимается. Через сцену в зрительный зал врывается шум работы большого завода; иногда судорожно бьют молота и слышен вихрь спускаемого пара.

Комната — жилище [*инженера*] **Мешкова**: наибольший беспорядок, горы сора, стихийная постель, пустые бутылки на полу, примус, на стенах чертежи машинных конструкций, портрет Дзержинского. **Телефон. Над телефоном крупный номер: 4-81.**

Окно открыто в ночной мир: грохот завода, сияние электричества, свист пара и сжатого воздуха. Инженер Мешков стоит у окна спиной к зрителю. Он кашляет. Затворяет окно. Настает почти тишина — заглушенно, как бы вдалеке, звучит завод. Мешков ложится среди стихии комнатных предметов.

Где-то начала играть духовая музыка, ||¹⁸

и ее слышно в комнате то сильнее, то слабее. Она играет нечто печальное и героическое; временами затихает совсем; сейчас ее почти не слышно.

Мешков.— Нужно скончаться... Я мелочь, прослойка, двусмысленный элемент и прочий пустяк... Вот уже опять — стоит в мире вечернее время. Но никто ко мне в гости не приходит, и мне пойти некуда.

Громче играет музыка вдалеке, в невидимом саду.

Мешков (прислушивается; музыка стихает, словно относимая ветром).— Люди отдыхают где-то. А я, чем больше дома, тем больше устаю... О чем это всегда играет музыка? Она как будто обещает человеку друга, светлое будущее... Но я скучаю от товарища и утомляюсь от врага.

Стучат в дверь.

Мешков.— Входите, кто там есть!

Входит Абраментов — в дешевой, изношенной одежде, худой и бедный человек.

Мешков [(*<1 слово нрзб>*)] (не узнавая).— Вы кто? Вы зачем пришли? ||

Абраментов.— Инженер [*путей сооб*]-механик Абраментов, ваш бывший друг... А сейчас ишу не дружбы, а ночлега — все [*баракы на постройке <2 слово нрзб> и*] общежития и баракы переполнены...

Мешков (узнавая, радуясь).— Откуда ты, милый мой Сережа? [(*Целу*)] (Встает, целует пришедшего, почти плачет). Я ведь один теперь на свете — жена еще при тебе скончалась, а сыновья бросились куда-то в республику и скрылись от меня...

Абраментов.— Да, Иван Васильевич... (Осваивается в комнате). Давно мы с тобой не глядели друг на друга. (Глядят друг на друга). Ты что так постарел, Иван?

¹⁸ Помета в верхнем правом углу листа встав<ка> «действ<ующие> лица», выделенная конусообразной линией, вершина которой указывает место вставки перед записью 1-е действие.

Записи на листах 1–5 выполнены химическим карандашом.

[1 цифра нрзб]

Вставка «А»

[с тобой не глядели друг на друга. (Глядят друг на друга). Ты что, Михаил, так постарел?]

Мешков.— А я, Сережа, устал от исторической необходимости. Я живу, и все время чувствую какой-то вечный вечер. Как будто [горят] везде уже зажжены свечи.

Абраментов.— Отчего-же?

Мешков.— Не знаю. Я ослаб. Я вижу, что стал бездарен, что новые люди способней меня и знают уже больше. У них великая практика, [Михаил] **Сережа**... А ты где был?

Абраментов.— В [тюрьме, потом — в Австралии] [Австралии], Австралии, а потом в тюрьме... Отчего у тебя в комнате сор и не прибрано?

Мешков.— Настроенья нету... В Австралии? Зачем ты [там?] там был? [В Австралии?] Ты знаешь, я забыл однажды формулу живой силы! ||

<на обороте вставки «А»>

[1 цифра нрзб]

Абраментов.— Эм вэ квадрат, деленные на два... Я хотел оттуда победить Советский Союз.

Мешков.— И полюбил его?

Абраментов.— Нет, я заинтересовался [...] им.

Мешков (меняясь).— Это что значит? Может быть, ты — мерзавец! Ты не гляди, что я стар и несчастен, что в сердце моем горе,— я и безответно могу любить рабочий класс и его страну!.. Ты сочувствуешь социализму или нет?

Абраментов.— Я ему потворствую.

Мешков (думая).— Не знаю, что ты говоришь... А что ты делал в Австралии?

Абраментов.— [Пас] Сторожил пчелиные пастбища от саранчи.

см — «Б» || ²⁰

[<1 цифра нрзб>]

«Б»

Мешков.— Но ты инженер!

Абраментов.— Там их много без меня. Я голодал два года, год [сидел] был [в тюрьме] в ссылке, в пустыне, за руководство маленькой забастовкой.

Мешков.— Сердечно удивляюсь! Ты же бывший [виднейший / зажиточный человек!? специя] бывший зажиточный человек!?

Абраментов.— Ну и что-ж! А ты думал — революция всегда приходит [в руб /в рубище] в нищей одежде, а контрреволюция обязательно в галстуке?!
Z Громче играет музыка. Z

¹⁹ Помета в нижнем правом углу листа [Вставка «А»] выделена квадратными скобками Платоновым.

²⁰ Помета: **Вставка «А»** дополнена слева стрелками, указывающими место, с которого она начинается, перед репликой: **Мешков.** — А я, Сережа, ~ зажжены свечи.

З Мешков.— Я не думал об этом... Ты слышал, как у нас играет музыка? Это — идет культработа в нашем прекрасном [*клубе*] рабочем клубе.

Абраментов.— Разве? (Подходит к Мешкову вплотную). Слушай меня, [*Михаил*] **Иван!** Ты знаешь || ²¹

<на обороте вставки «Б»>
[<1 цифра нрзб>]

меня очень давно...

Мешков.— Да... С юности. Когда я полюбил еще свою покойную жену...

Абраментов.— [*Да*] **Правильно.** А я тогда же начал жить с разными девушками... [*Это было хорошо...*] Ты знаешь, [*Михаил*] **Иван**, что я вредителем не был!

Мешков.— Знаю, Сережа. Ты не был.

Абраментов.— Я понял давно — нельзя победить изнутри почти единодушную страну.

Мешков.— Нельзя, Сережа...

Абраментов.— Я уехал прочь. Я забылся среди капитализма. Чужие страны стали для меня родиной. Нужда, убожество, презрение — все это я перенес с полным сознанием, [*потому что*] с готовностью, потому что

см «В» || ²²

[<1 цифра нрзб>]

«В»

[*моя*] моя идея была сильнее впечатлений.

Мешков.— Буржуазия, ведь это мир одиноких, Сережа. [*Там трудно жить*] [*Абраментов*]

Там трудно быть человеку.

Абраментов.— [*Правильно, Михаил*] [*Ладно*] А я и хочу, чтоб человеку было трудно, [*я его не люблю*] **он лучше, когда мучается...** Дай мне чаю.

Мешков.— Сейчас, Сережа. Только у меня пищи нету никакой. Я должен сходить за ней кой-куда.

Абраментов.— Сходи. Все равно ты любишь человека.

Мешков (в стеснении).— А документы, Сережа, есть у тебя? Ты по закону вернулся в СССР?

(см. 4 стр.) ||

4

Абраментов.— Есть конечно. Советская власть отпустила меня — жить и работать.

Мешков (в напряжении).— Ах, так... А, Сережа, ты скажи мне тихо, ты не шпион, ты не подлец, не вредитель?..

Абраментов.— Нет. Я лично рассмотрел весь мир и признал коммунизм необходимым. Но признал только мыслью, искусственным напряжением. Теперь я хочу

²¹ Помета «Б» отчеркнута от основного текста линией в форме перевернутой трапеции.

²² Помета см «В» в нижнем правом углу написана наискосок и отчеркнута от остального текста косой линией.

[*овладеть социализмом чувством и действием*] узнать социализм чувством и действием... [*и тогда*] Советская власть еще меня не победила, а я ее побеждать уже не хочу. Может быть, мы обнимемся и упадем вместе на пустой земле.

Мешков.— Кто мы — СССР и капитализм?.. Ты не знаешь силы нашей державы, она упасть никогда не может... Ну я пошел за угощением, а то ты есть хочешь.
Уходит.

Вставка «Г»

[12]

Вставка «Г»

[Абраментов (один)]

Мешков.— Это хорошо. Ну, я пошел за угощением.

Уходит.]

Абраментов (один).— Живет себе в этом помещении один советский дурачок, и неплохо ему. Ни капитализма, стервец, не спас [*ни*] и социализму наверно плохо помогает. [*Так, существует себе где-то в человечестве, а человечества никогда не было,*]

Звонит телефон.

Абраментов (берет трубку.) — Алло!.. Да. Нет. [*Тов*] Девлетов? А кто вы такой? Директор? Здравствуйте, директор. Его нет. Я его послал закуски себе покупать... Инженер Абраментов. Нет, я [*лутеец*] **механик**, но изучал [*гидравлику и механику*] и гидравлику и электротехнику. Ладно. **Приезжайте!** (Кладет трубку).

н/об. || ²³

[13]

Кажется, я уже на службу поступил.

Дребезг стекол в окне. Звук напряженного взрыва. Свист сжатого воздуха. Окно распахивается. Громче слышна музыка, и вдруг она [обрывается] прекращается, точно разнесенная ветром. Тишина. Абраментов молча, но без паники, бросается вон из комнаты.

Тревожный, ритмично повышающий и понижающий свой тон, гудок.

Комната некоторое время пуста. Слабо начинает звонить телефон и умолкает.

Приходит Мешков с покупками.

[*Стоит в недоумении*]

Мешков.— Опять наверно авария. Пускай,— там есть сменный инженер... (Мучается) Меня же дома не было в момент происшествия... Я просто спал и ничего не слышал...

См. «Д» || ²⁴

²³ В верхнем правом углу вычеркнута непрочитанная помета.

²⁴ Слова Громче слышна музыка ~ Тишина вписаны на полях справа, продолжают с поворотом на 180 градусов в направлении, противоположном основному тексту листа, в верхнем поле листа и сопровождаются стрелочкой, указывающей последовательность чтения вписанного фрагмента: с правого поля вверх на верхнее поле.

[14]

«Д»

Где [1 слово нрзб] **Сереза-то?** (Видит распахнутое окно.) Надо его затворить. А то скажут — у тебя окна распахиваются, а ты не слышишь!.. **Ишь ты, скажут, глухонемой какой!** (Затворяет окно.)

Слабо звонит телефон.

Мешков (на телефон).— Он слишком тихо [звонит] звонил, я не мог проснуться... (Терзается). Либо пойти все-таки!.. Нет, я и так на заем на двухмесячный оклад подписался: пускай я сплю. (Тушит свет. За окном встает зарево освещенного завода. Вибрирующий **высокий** звон работающих машин в тишине).

Пауза.

Мешков всхрапывает где-то в темном хаосе комнаты.

Входит человек. Зажигает свет. Это Абраментов.

см. 5 стр. ||

5

Он измазан в машинно[e]м масле, одежда на нем разорвана местами в клочья. Абраментов (смотрит на спящего Мешкова).— Сладко спят гуманисты на свете... Мешков, вставай!

Мешков (медленно подымается из вороха вещества; говорит со сна).— А? Что? Ты откуда явился?

Абраментов.— Я на аварии был.

Мешков.— Где? Какая авария?

См. «Е» ||²⁵

[2 цифры нрзб]

«Е»

Абраментов.— Перекачали в компрессорной. Крышки цилиндров порвало.

Мешков.— А?!.. Что в компрессорной?

Абраментов.— Ничего. Мы уже наладили.

Мешков.— А не говорили там]

(Волнуясь) А не говорили там, что меня нет?.. А я **ведь** спал, **Сереза**, я сильно сплю теперь. Я ударник и боюсь ослабеть, поэтому стараюсь лучше питаться, а по ночам не просыпаюсь.

Абраментов.— Понятно. Ты же мягкосердечный человек, либерал, гуманист. А такие всегда себя жалели больше всех.

Мешков (взволнованный).— Ну а что в компрессорной? Не спрашивали — где я?..

Абраментов.— Интересовались.

н/об ||²⁶

Мешков.— Я пожалуй сейчас сяду рапорт напишу. А?

Абраментов.— Напиши, что спал и была температура.

²⁵ Помета См. «Е» подчеркнута линией, имеющей форму перевернутой трапеции.

²⁶ Помета «Е» и н/об отделены от текста линией, имеющей форму полукруга.

Мешков.— Вот именно, я так приблизительно и думал.

[*Садится*] (Ютится у стола, ища принадлежностей для письма).

[Абраментов.— *А что в компрессорной тебя не интересует?*

Мешков.— Да, да — что там сейчас, Сережа?

Абраментов.— Ничего.]

Стучат в дверь.

Мешков. Войдите пожалуйста, товарищ!

см 6 стр. || ²⁷

6-я стр.

Входит Девлетов. Подает руку Абраментову.

Девлетов.— Благодарю вас за помощь на аварии.

Мешков (подходя к Девлетову).— Здравствуйте, Илья [*Васильевич*] Григорьевич.

Девлетов (равнодушно). Здравствуйте, Мешков. (Мешков отходит писать). [*Абраментову*]

З Девлетов — (Абраментову) [*Мы с вами не договорились*] В компрессорной мы с вами не договорились. Какие ваши условия, если я вам предложу должность заместителя главного механика?

Абраментов.— Те, которые у вас полагаются по профсоюзному закону. Я сам условий не имею.

Девлетов.— Хорошо. Вы говорили мне пустяки про Австралию. Скажите — вы белогвардеец? [*Вставка «Ж».*]

[Абраментов. Был. <3 слова нрзб>

Девлетов.— А теперь?]

н/об ||

[2 цифры нрзб]

7-я стр.

Абраментов.— Теперь я одинокий.

Девлетов.— Что это значит? Не говорите мне пустяками. Одиноких нет. Вы не притворяйтесь.

Абраментов.— Нисколько, гражданин. [*Это значит, что всем своим умом, всей логикой — я с вами. С вами потому, что*] События били меня кирпичами по голове и гнали в вашу сторону. [*А сердце / А / Я бы не испугался и кирпичей, но с другой стороны*

А голова моя (трет свою) / (Кладет руки на свою голову) голова моя умеет думать]

А в сердце своем — я ничей, там я [*только*] свой.

Девлетов.— Свой только?! Значит — чужой, значит враг...

(*Вставка «Ж»*) || ²⁸

²⁷ *Оборот листа вставки «Е».*

²⁸ *Слева на полях против вычеркнутой реплики Абраментова Это значит, что всем своим умом, всей логикой — я с вами. С вами потому, что стоит вычеркнутый знак вопроса, отделенный от текста вертикальной чертой.*

Вставка «Ж».

Абраментов.— Нет... Просто в сердце еще долго остается теплота того класса, который уже погиб...

Девлетов.— Ну, ладно. Нам нужна ваша голова. Сердце храните неприкосновенным для памяти, если сумеете сохранить... Стало быть вы будете замом главного механика.

Мешков (подходит; подает бумажку).— А я, Илья Григорьевич?.. [Вот] Примите, пожалуйста, рапорт.

Девлетов (беря рапорт).— А вы будете теперь сменным инженером — вместе с Олей Крашениной.

н/об ||

Мешков.— С этой девушкой?!

Девлетов.— С этой девушкой.

Мешков (глухо).— Так я что же? Я мало-способен или худ стал?

Девлетов (прочитав рапорт [*швыряет его прочь*] швыряет его прочь) —

см. стр. 8-ю || ²⁹

<2 цифры нрзб>

8-я стран. [Девлетов] Нет, Иван [Борисович] **Васильевич, не потому...** [*Просто нам важнее иметь сейчас сменного инженера.*]

Посудите сами — у нас один сменный инженер на все три смены. Какой же это сменный, когда его самого сменить нечем?! Ведь [Безгубнова] **Крашенина** не выходит из цехов по двадцать часов. Вчера я ее нашел спящей в [*силовой. Ведь это безобразие! Цеха идут*] силовой, третьего дня она стояла на ремонте фильтра тридцать часов... [*Не можем мы терпеть*] Нужен второй сменный инженер по заводу, иначе мы не выйдем из аварий и неполадок. [*Я вас прошу, Иван Борисович,*] Это гвоздь всего положения на заводе. Я вас прошу понять **меня,**

см 9-ю стр. ||

9-я стр.

Иван [Борисович] **Васильевич,** [*это не снижение, ваша*] **ваша** ставка снижена не будет. Я обращаюсь к вашей чести [*инженера!*] **старого производителя!** [*Вы меня*] **Вы меня понимаете?**

Мешков (угрюмо).— [*Я все понимаю*] Я все понимаю... Я должен нести ответственности [*вашей*] девушки. [*Безгубновой*]

Девлетов.— Класс ваш маленький, Иван [Борисович] **Васильевич,** а самолюбие у вас большое... Я шучу.

[Абраментов.—]

Z Абраментов.— [*А вы его не уговаривайте, директор. Уговором человека никогда не возьмешь.*] Слушайте, директор; [*он сирота*] Мешков **ведь** сирота [*директор*]... У нас с ним нет своего класса.

Девлетов.— Я знаю, товарищи. Поэтому

н/об ||

²⁹ Текст вставки «Ж» более позднего написания, чем текст предыдущих вставок. Об этом свидетельствует орудие письма — химический карандаш и написание имени Девлетова Иван Григорьевич и Крашенина, вместо подвернутых исправлено в тексте более раннего происхождения Иван Васильевич и Безгубнова соответственно.

я и [*пригл*] зову вас к нам. Человек должен перестать быть сиротой — это нужно [*для пятилетнего плана*] для пятилетки... Однако мне пора на вокзал — я должен утром побывать в Москве.

Прощается и уходит.

Мешков.— Не нужны мы им более, [*Петя*] **Сереза**. Завтра я — сменный инженер, послезавтра — надсмотрщик двора, а через полгода — сторож у ворот... (Трогает свои покупки.) Ешь продукты — [*нам в закрытом распределителе дают. Тут*] тут много вкусных вещей: нам в закрытом распределителе дают... [*Когда сторожем буду — колбасы уж покушать не придется.*]

[*Абраментов.*—]

Ешь, а то скоро уж покушать колбасы не придется, сторожем буду.

см 10 стр. || ³⁰

[17]

10-я стр.

Абраментов.— Слушай, [*Михаил*] **Иван Васильевич**. [*Кто твои товарищи?*

Мешков.— Ты]

А ты не путаешь пролетариата с закрытым распределителем?

Мешков (теряясь).— [*А? Нет, ну что ты, невозможно*] Нет, Сереза. Я знаю, что это разница.

Стучат в дверь.

[*Голос за дверью. / Безгубнова за дверью:*

Вы не спите, Иван Борисович?

Мешков.— Нет еще]

Голос Крашениной за дверью:

Вы не спите, Иван Васильевич?

см. 11 стр. ||

[*1 акт (продолжение)*]

[27] ³¹

11-я стр.

Мешков. Нет еще. Мы здесь [*работаем кое-что*] работаем кое-что. Входите, пожалуйста.

Входит [*ослабевшая Б*] **О. [Безгубнова] Крашенина**, усталая и сонная.

Крашенина (Абраментову). — Добрый вечер — еще раз. Спасибо вам за [*помощь*] работу на аварии. ...

Абраментов. — Здравствуйте, инженер.

Крашенина (Мешкову). Иван Васильевич, [*Девлетов*] Директор мне сказал, что вы будете вторым сменным. Смените меня сегодня, а то я вся уже сплю... (Садится в какой-то мусорный хаос) [*Пожалуйста*] Я за вас буду потом двое су-

³⁰ *Оборот листа «9-я стр.». В нижнем правом углу помета: см 10 стр. обведена сверху полукругом.*

³¹ *На полях в верхнем правом углу вычеркнут номер листа авторской первоначальной пагинации: 27.*

Слева на полях против реплики Крашенина (Мешкову). Иван Васильевич, ~ вы будете вторым сменным поставлена вертикальная черта, отделяющая от текста помету Фраза во сне произносится.

ток... Перемените манометр в компрессорной — он врет... Трест [*Точмеха*] Точная Механика — дурак или дура... [*или дурак...*] (Засыпает сидя; вдруг **опять** открывает глаза). Товарищ [*Абраментов*] Мешков, если вы утомились уже, то я сама пойду... Берегите компрессорную — молотá станут. Извините, что я не могу смотреть на вас... (Закрывает глаза).

Мешков.— Я не вправе сменить вас, товарищ [*Безгубнова*] **Крашенина**. Были только ни к чему не обязывающие меня переговоры с Девлетовым. Я должен дожидаться приказа.

[*Безгубнова*] **Крашенина** (со сна).— В цехах сейчас ||

[28/28] ³²

12³³

опасно, инженеры... [*Я вся сплю*] Но я через час совсем отдохну... Хотя я буду видеть всю компрессорную во сне — меня не надо сменять... Распопов, Пужаков, у вас греются моторы, откройте окна на ветер... (Спит).

Мешков (Подходит к [*Безгубновой*] **Крашениной**).— Сережа, эта девушка уже спит. Села на мое чистое белье, примяла и спит.

Абраментов.— Она наверно не тяжелая. (Подходит к [*Безгубновой*] **Крашениной**, подымает ее на руки). Она легка как мальчик. Где у тебя постель?

Мешков.— Сейчас. (Сортирует какой-то хлам, швыряет книги и пр.)

Абраментов держит [*Безгубнову*] **Крашенину** в ожидании.

[*Безгубнова*] **Z Крашенина** (бормочет во сне).— ...Я ведь не сплю, я только притворяюсь... Распопов, зови свою бригаду — держи давление, котельная слабеет... Нет — у меня **один** ум устал, а сердце **все равно** бьется... [*все равно. Я все*] Я все бригады, все механизмы вижу со сне. Я сплю только нарочно... Я не хочу...

Абраментов (трогая **ладонью** волосы [*Безгубновой*] **Крашениной**).— Врешь, товарищ. Ты спишь так глубоко — ты **так** далека сейчас от нас, как на том свете...

[*Безгубнова. Неправда, товарищ Абраментов*] ||

[29] ³⁴

13³⁵

[*Безгубнова*] **Z Крашенина** (открывает глаза и [*<2 слова нрзб>*] глядит на Абраментова).— Неправда, товарищ Абраментов. ([*Спит*] Снова закрывает [*глаза*] глаза; спит).

Абраментов.— Что за странное создание — спит и думает!

Мешков (управившись с постелью).— Клади ее сюда.

Абраментов осторожно спускает [*Безгубнову*] **Крашенину** в приблизительную, расчищенную постель.

[*Безгубнова*] **Z Крашенина** — Вы не ушли, **еще** товарищ Мешков? Дайте мне встать — я **сама** пойду... [*дежурившего*]

Мешков (в испуге).— Спите, спите, [*Безгубнова*] **Крашенина**... Я сейчас... (Дру-

³² На полях в верхнем правом углу вычеркнут номер листа авторской первоначальной пагинации: 28.

³³ Номер листа обведен полукругом.

³⁴ На полях в верхнем правом углу вычеркнут номер листа авторской первоначальной пагинации: 29.

³⁵ Номер листа обведен полукругом.

гим тоном). Но не могу же я итти дежурить безо всякого оформления. Наконец, я просто не знаю всех [*установок*] заводских установок!

Сильно бьют молотá: стекла дребезжат. Тихо. [Безгубнова] Крашенина спит. Абраментов. Оставайся с нею. Я пойду за нее.

Мешков.— Сережа; ты ставишь меня в [*непр*] неловкое положение... Выходит дело, я и тут не гожусь. Девчонки, мальчишки, пузанки какие-то ||

[30]

14³⁶

работают лучше меня. Я не нужен никому! Меня путают, отстраняют, гонят куда-то ночью, какие-то неточные манометры... Мне нужны четкие директивы, условия, а не сонный бред девуш[ки]ек!.. Ведь это же курс на катастрофу, я в тюрьме помру за такие дела!..

Абраментов.— Оставайся... Сидеть сейчас в комнате, это действительно курс на катастрофу.

[Уходит]

Я пойду в компрессорную, я не боюсь

[Уходит. Пауза]

умереть в тюрьме, я там был.

[Уходит. Пауза. Бьют молота.]

Мешков.— Сережа, ты пойми, ведь я теряюсь в [*такой*] этой сложной обстановке...

Z Абраментов уходит. Пауза. Бьют молотá. В окне — зарево от накаленных исходящих газов завода.

Z Мешков ест один принесенную им же пищу. Жюя, подходит к спящей [Безгубновой] Крашениной и рассматривает ее.

Мешков.— Спит новый человек... [*По-старому спит*] По-старому спит. (Внимательно вглядывается в лицо спящей). ||³⁷

[31/ II]

15

Неужели она умней и лучше меня? Чем же это такое? (Осторожно пробует [*Безгубнову*] Крашенину по поверхности ее туловища). Наверное, есть что-нибудь странное внутри ее... (Гладит [*Безгубнову*] Крашенину [*по лбу*] вокруг лба). Какое действительно хорошее существо — ничего не требует, ни на что не жалуется, любит что-то далекое и меняет на [*нее*] это далекое свою молодость... Бедный новый человек,— какой в тебе дар? (Отходит от [*Безгубновой*] Крашениной). А во мне нет никакого дара — сам люблюсь ею, а сам есть хочу. [*Ест. Она же нав*] А она, наверно никогда не помнит пищи — она ест только тогда, когда умирает с голоду. (Ест). Ем и тоскую...

Крашенина (во сне).— Абраментов, клапанá стучат!..

Мешков (пугается).— А?! Вы что? Абраментова нет.

³⁶ Номер листа обведен полукругом.

³⁷ Слева на полях против реплики Абраментова Я пойду в компрессорную ~, я не боюсь умереть в тюрьме стоит вычеркнутый вопросительный знак, отделенный волнистой чертой. Там же против реплики Мешкова Сережа, ты пойми, ведь я теряюсь стоит вычеркнутый вопросительный знак и отделенная от текста волнистой чертой неразборчивая помета.

[*Безгубнова*] **Z Крашенина** (бормочет).— Он в силовой... Там экономайзер не ладит... Мешков, скажите ему!

Мешков.— Сейчас... Сейчас пойду скажу...

Уходит. Затем появляется снаружи, в окне, и глядит [*внутрь комнаты*] оттуда *внутрь комнаты*. [*Безгубнова*] **Крашенина** спокойно спит.

Мешков **сейчас-же** возвращается. ||

[32]

16

Мешков.— Сказал!

[*Безгубнова*] **Крашенина** — спит молча.

Мешков (про себя).— Значит, мне пропадать в этом мире... Они и во сне [чую] все [чуют] чувствуют! Ведь действительно экономайзер в котельной испорчен — как я забыл! Как я наяву об этом ни разу не вспомнил?!. [*Я прямо поражаюсь своему ничтожеству! Какой же я, черт, инженер! Я буржуазное разложение!*

Безгубнова

Я своего ума не чувствую). Отчего я теперь не чувствую своего ума?..

[*Безгубнова*] **Крашенина**.— Проснуться хочу. Разбудите меня.

Мешков (про себя).— Надо заняться делом. Проснется еще и скажет: ты что сидишь, буржуазный остаток?

Хлопочет у стола, вынимает соответствующие принадлежности и пристраивается чертить.

Звонит телефон.

Мешков.— [*слушает*] берет трубку). Слушаю... Сейчас спрошу. (К [*Безгубнова*] **Крашениной**). Товарищ, [*Безгубнова*] **товарищ... Сережа** [*Абраментов*] спрашивает, где у вас двухдюймовая труба.

[*Безгубнова*] **Крашенина**.— В [*литейной*] котельной, где **второй бункер**.

Мешков (в телефон).— В котельной. (Вешает трубку. [Ч] Спешно чертит что-то, с испугом || ³⁸

17

оглядываясь на спящую Крашенину).

Мешков (немного погодя — Крашениной, тихо).— Товарищ, какого вы обо мне мнения? ... Можно я буду жить?..

Крашенина молчит во сне.

Мешков.— Неужели я отстал, неужели я дурак?.. (Медлит). Наверно!

Подходит к спящей. Снова рассматривает ее.

Крашенина что-то тихо бормочет.

Мешков (слушает).— Шепчет чего-то во сне... У нее все будущее обеспечено, а она волнуется... Интересно, чем пахнет от особого человека. (Наклоняется и нюхает волосы Крашениной). Ни то травой, ни то ветром... А от меня? (Нюхает свою грудь, расстегнув рубашку). Пустяком каким <sic>. Я и запах потерял, я засыхаю — мне конец...

Крашенина [*громче бормочет*] **бормочет** и смеется во сне.

Мешков (наклоняясь к ней).— Что вы сказали?..

[*Пауза. Малень*] **Z Короткая пауза.**

³⁸ *Против слов: Я прямо поражаюсь ~ буржуазное разложение слева на полях поставлен вопросительный знак и волнистая вертикальная черта.*

Крашенина.— Отчего вы так смешны, Мешков? [*Зачем вам жить — вы не умеете*] Я бы давно [сум] сумела умереть. || ³⁹

18.

Мешков (отстраняясь, со злобой).— Ах, вы так... Не беспокойтесь — у меня тоже давно все готово. Я сейчас-же все совершу самым надлежащим образом... (Суетится; рыщет по вещам, достает из-под матраца листик бумаги; читает его.) Вот оно — мое милое. (Читает вслух). Убитая горем двоюродная сестра [*извеща*] с глубоким душевным прискорбием извещает [(в сторону Крашениной)] всех родных и знакомых о [безвременной] **своевременной** кончине [инженера-механика, члена секции ИТР Ивана Васильевича Мешкова.] (В сторону Крашениной). Теперь вы поняли?

Крашенина мелко смеется во сне.

Мешков.— [*Теперь вы поняли?*] А вы думали я [ни] уже ничто! Нет, подружка дорогая,— я организационно подготовился... **Организационно!** Не беспокойтесь, не беспокойтесь — у меня все предусмотрено: за телефон уплачено за год вперед, [*Берет трубку телефона*] [*телефон*] номер записан, деньги за объявление — в особом конверте сложены... (С вызовом к Крашениной). Пожалуйста! [*Берет трубку телефона*] (Берет трубку телефона; говорит веско и твердо). Дайте мне срочно номер 4-81. Благодарю. ||

19.

[*Редакция газеты*]

Главная контора газеты?... Мне нужно сдать [*срочно*] экстренное объявление о смерти... Что вы говорите?... Нет — о моей смерти!.. Почему нельзя?... Можно? Так примите пожалуйста по телефону... Деньги?... Деньги я завтра утром пришлю... Как? Да, это верно, что умру... Так как же быть-то?... А сейчас нельзя притти? Поздно?... Ну хорошо, я завтра утром принесу. (Вешает трубку. К Крашенину <sic>). Вот вам и все, сударыня!

Крашенина покойно спит.

Мешков аккуратно свертывает свою бумажку с объявлением о смерти, прячет ее [*в боковой*] за телефон и довольно, умиротворенно улыбается. Затем подходит к Крашениной и, чуть склонившись, взяв руки назад, пристально следит за ее сном и дыханием. Пауза.

Бьют молота на заводе. Одновременно без стука

см. 20 стр. || ⁴⁰

[<2 цифры нрзб>]

[33]

20 ⁴¹

[оглядываясь на спящую [*Безгубову*] **Крашенину**]

Мешков (немного погодя, оглядываясь на спящую, тихо) — Товарищ, [*Безгубова*, разрешите мне пожить в новом мире. Я буду стараться. / Не спускайте меня на низшие должности. Я буду стараться.] **Какого вы обо мне мнения?..**

³⁹ Текст л. 17 и далее до л. 19 включительно более позднего написания, чем текст предыдущих страниц. Об этом свидетельствует, в частности, написание имени главной героини «Крашенина» вместо подвергнутого исправлению в тексте более раннего происхождения «Безгубова».

⁴⁰ Текст л. 19 более позднего написания, чем текст предыдущих страниц.

⁴¹ Номер листа обведен полукругом.

Крашенина молчит во сне.

Мешков.— Неужели я [стал дурак] отстал, неужели я дурак?

[Встает] **Подходит к спящей. Снова рассматривает ее.**

Мешков (слушает) — Шепчет чего-то во сне... У нее все будущее, а она волнуется. [*1 слово нрзб*] Интересно, чем пахнет от особого человека. (Наклоняется, вдыхает волосы **Беззубновой**). Ни то травой, ни то ветром <sic>. А от меня (нюхает свою грудь, расстегнув рубашку). Пустяком каким-то. Я и запах потерял, я [*1 слово нрзб*] засыхаю — мне конец...

Бьют молотá на заводе. Одновременно]

Отворяется дверь. Осторожно, злонамеренно входит [Беззубнов] Крашенин — муж. Он останавливается позади Мешкова и бдительно наблюдает его и спящую жену.

[**Беззубнов**] **Крашенин.**— Спасибо тебе, жена!..

[**Мешков**]

Две ночи я ждал тебя, сволочь!

Мешков [*в ужасе*] (в испуге, **оборачиваясь**).— Здравствуйте, товарищ!

[**Беззубнов**] **Крашенин** (жене — в сдержанном испуге).— Я думал — ты правда работаешь... А ты — на постели... Ты с пожилыми живешь!.. (Бросается на [**Беззубнову**] **Крашенину** ||⁴²

21⁴³

и, не свергая ничего, наклоняется и плачет).

Мешков.— Она умиралась, товарищ.

[**Беззубнова**] **Крашенина** молча встает и садится на кровати с закрытыми глазами.

[**Беззубнов**] **Крашенин** (в неврозе).— Оля! Ты забыла меня, девочка? Я ведь твой Коля!.. Ах ты так,— прочь от меня, сука!! (Внезапно бьет [**Беззубнову**] **Крашенину** в голову, [**Беззубнова**] **Крашенина** открывает глаза). Снимай юбку, мокрая говядина, буду смотреть, что ты делала!

Входит Абраментов.

[**Беззубнов**] **Крашенин.**— Снимай сейчас-же!... Обезличку, сволочь, на мужьев ввела! (Пытается рвать на [**Беззубновой**] **Крашениной** платье).

Абраментов хватает [**Беззубнова**] **Крашенина**, приподнимает его и **сокрушающе** швыряет **всего человека** в угол комнаты — в хаос вещей; вещи заваливают [**Беззубнова**] **Крашенина**.

[**Беззубнова**] **О. Крашенина** встает на ноги.

Абраментов.— Кто это был?

[**Беззубнова**] **Крашенина.**— Мой муж.

Абраментов.— [склоняется, целует в руку] Простите меня, ради бога.

[**Беззубнова**] **Крашенина.**— Ничего. Я давно от него вся в шишках и синяках...

[Скажите выполнила смена

[**Мешков.**— Ах да, да]

свой встречный? Хватило воздуха котельной и молотам?...

Гудок на заводе. Все слушают.] ||

⁴² Вычеркнутый фрагмент на л. 20 отчеркнут от основного текста жирной чертой, одновременно вычеркнувшей предложение **Бьют молотá на заводе. Одновременно.**

⁴³ Номер листа обведен полукругом.

Мешков (в недоумении).— А я думал — новый человек весь чистый...

[*Безгубнова*]

Гудок на заводе. Все слушают.

[*Безгубнова*] **Крашенина**.— Моя смена... (К Абраментову). Скажите, выполнила ночная свой встречный? Хватило воздуха котельной и молотам?

Абраментов.— [*Так точно. Ни одной неполадки за ночь*] Так точно. [*Все*] Бригады [*все механизмы гремят*] гнали механизмы с перегревом — и ночь опередила день.

[*Безгубнова*] **Крашенина**.— Как хорошо!.. Ну, до свиданья; сейчас я вас сменяю.

Уходит.

[*Безгубнов*] **Крашенин** (вставая из хаоса вещей).— [*Товарищи! Что вы будете меня привлекать на суд общественности или нет?*] Вы сейчас будете заявление на меня писать? Или — нет?

Конец 1 акта ||

2 акт

Пульт (центральное устройство по распределению тока) силовой электро-
[станции] установки. см. вставка «Р» [установки. Приглушенное пенье [приборов], работающих невдалеке котлов. генераторов, приглушенных настолько, что не мешает слышать слова действующих людей. За пультом сидит инженер Жмяков, диспетчер энергетики. Три громадных циферблата висят над пультом; на циферблатах подрагивают стрелки. Несколько телефонов. Сам пульт — наклонный стол, так что зрительно отчасти видны [циферблаты], измерительные приборы, [сигнальные цветные лампы и аппараты] контактное управление и сигнальные цветные [прибор] лампы, вделанные в пульт. Занавес подымается. [Из-за пульта / За пульт / К пульту] На пульт выходят по ступенькам [сме дежурный] инженер Жмяков, диспетчер энергетики, [жизне] радостный человек средних лет. Он [поет] поет «Посмотри как дивно море» и глядит на свои карманные часы. Берет телефон.]

Вставка «Р». (К стр. 23).

Пульт, это, примерно, наклонный к зрителю стол, [темного цвета] покрытый [лаком] темным блестящим лаком, либо мраморная доска. В пульт вделаны разноцветные лампы (красные, синие, желтые, белые); около каждой группы ламп — градуированный разрез, в котором ходит стрелка. На вертикальной плоскости пульта, обращенной к зрителю, контактное автоматическое управление — ряды рукояток и штурвальных колес. Над пультом — три громадных циферблата и одна большая красная лампа. Перед пультом — круглый стул, который бывает у пианистов. На правой стороне пульта — серия телефонов.

[*В начале действия — лампы на пульте не горят, стрелки всех циферблатов и градуированных шкал покоятся на нулях.*

Занавес подымается. На пульт всходит]

Позади пульта — металлическая башенка, устроенная из небольших балок; внизу башни видны резервуары масляных выключателей, вверху — блестят мед-

ные шины контактов. Внутренность башенки покрыта проводами и различными деталями. Вся башенка видна зрителю насквозь.

[*Занавес подымается. На пульте всхо*] Над пультом — рупор радио.

В начале действия — лампы на пульте не горят, стрелки всех циферблатов и градуированных шкал покоятся на нулях.

н/об. ||⁴⁴

Занавес подымается.

На пульт всходит по ступенькам [*дежурный*] инженер Жмяков, диспетчер энергетики, радостный человек средних лет. Он поет «Посмотри, как дивно море...» и глядит на свои часы на руке.

Берет телефон. ||

Жмяков.— Котельная, котельная, котельная!.. Ты жива еще, матушка?.. Как у тебя [*вас*] водичка: кипит?.. [*Угу, угу*] Ага. Уголь, говорите, не горит? [*Угу*] Ага... Отчего же он не горит-то? Советская власть, наверное, виновата?... Нет?.. А кто же? Значит, вам порох надо давать! А вода-то цела у вас? Может, и вода засохла! (Глядит на [*вычеркнуто одно предложение*]) ||⁴⁵

[<2 цифры нрзб>]

24

часы. [*к*]Кладет телефон. Берет другую трубку). Это вы, девушка? Дайте мне, пожалуйста, первую сквозную ударную! Да... А вы поищите [*бригадира*] по цехам бригадира!.. Распопова, [*а еще Пужакова*], да, [*можно*] а можно и Пужакова [*Сергей*] Петра Митрофановича: кто вам больше нравится! Никто не нравится?.. Ну что-ж: рабочий класс крайне сожалеет... [*Буду ж*] Ожидаю вашего сигнала. ([*Вешает*] Кладет трубку, берет другую.) Машинный?.. [*Говорит главный*] Говорю я! **Я говорю!**... [*1 предложение нрзб*] Да, да, да — что вы, человека не слышите, как же вы машину <1 слово нрзб> почувствуете?.. Как там турбогенераторы? Ничего себе! **Ну я, конечно: пора по тембру различать...** Готовьте турбогенераторы на перегрузку, держите дизель в резерве на оборотах! **Алеше** [*привет*] привет, поклон всему машинному! ([*Смотрит на часы.*] (Кладет трубку. Смотрит на часы. Звонит одного из телефонов. Берет трубку.) Я! Кто??.. Здравствуйте, [*Сергей*] **Петр** Митрофанович! Вот что: сегодня уголь у нас обратился в несгораемое вещество!.. В империализме даже дрова горят, [*в СССР даже*] а у нас такая особая точка, что все гаснет! Нельзя ли тебе с бригадой сегодня побыть немного в котельной? Да. А то не вывезем! Пар посадят — вот что! (Глядит на часы). Скорее, [*Сергей*] **Петр** Митрофанович, скорее, дорогой!.. Проверьте воздушный экономайзер, дутье на полный форс, хорошую шуровку топкам и прохладный душ кочегарам,— до свиданья, [*дорогие, до свиданья*] дорогой, до свиданья — у меня сигнал. (Вспыхивает красная лампа над пультом; вслед за красным ||

[32]

25

светом — гудит заводская сирена где-то невдалеке).

Жмяков (вставая на [<1 слово нрзб>] ноги, [*быстрая игра*]/ *быстро*;) быстро действует на пульте, **напевает.**— Колокольчики (включает один из автоматов на пульте

⁴⁴ Текст вставки «Р» и ее оборот более позднего написания.

⁴⁵ В верхнем левом углу листа вычеркнута помета: Тушат станцию д<ля> экономии тока.

те; *[вспыхивает над автоматом]* **на пульте** вспыхивает красная лампочка, трогается стрелка в *[разрезе]* градуированном разрезе, чуть трогаются стрелки на *[трех]* двух больших **общих** циферблатах, висящих над пультом. **На третьем циферблате стрелка восходит сразу высоко и там останавливается**) бубенчики (включает второй автомат: *[красная лампа]* вспыхивает вторая красная лампа, трогается стрелка в градуированном разрезе, стрелки на **двух** главных циферблатах дают дрожание вперед) гремят (включает третий автомат с теми же эффектами) гремят (Включает **четвертый [4-ый]** автомат)... О моей (включает: зажигается синяя лампа) *[прошедшей]* **погибшей** юности (включает,— синие, красные, желтые, белые лампы) звенят, звенят! (**Включает:** сильный свет **на всей плоскости** *[сверху над]* **пульта**; высокая дрожь стрелок на циферблатах; *[встает вдалеке раздается]* медленно начинается приглушенное пение работающих *[невда]* вблизи котлов, генераторов и механизмов,— приглушенное настолько, что не мешает слышать слова действующих лиц. Вся сцена идет *[край]* скоро и энергично. Включение закончено. Ритмическая дрожь стрелок на циферблатах. *[Лень]* Напряженное ||

[42]

[IV]

26

пенье механизмов. Лампы на пульте меняют цвета: красный на синий, на желтый и обратно). *[Сигналы подаются во все время действия]*

Жмяков (слегка танцует, *[в такт]* припевает.) — Их паровоз летит вперед, а нам всем — остановка!.. (Одна красная лампа начинает **быстро** вспыхивать и потухать, что-то сигнализируя). — Неужели остановка? Я тебе остановлюсь, сукин сын! (Звонит телефон. Жмяков берет трубку). Да!.. Петя?!.. Нет? А кто ж ты? Василь Иванович?!.. Не тянет? Оборотов не хватает? *[Напряжение?]* Перегрузка? Хорошо, я чуть добавлю напряжения — вытянем! (Кладет трубку, берет другую.) Котельную, тетя!.. *[Сергея]* **Петра** Митрофановича!.. (Одна красная лампа по-прежнему мигает; вспыхивает *[три новых]* **пульсирующим светом** три-четыре новых красных лампы). *[Сергей Митрофанович!]* В руках у нас винтовка!.. *[Сергей]* **Петр** Митрофанович?!.. (*[Мигают еще две красные]* Замигали еще две красных лампы. Жмяков берет одновременно другой телефон: говорит в два). Турбинную!.. Турбинная?!.. Я говорю! (Мигают пять красных ламп). Я говорю!.. *[Что]* Я! Что вы там молчите, как оппортунисты!.. Немедленно включите дизель на второй фидер! (Кладет одну трубку, остается с первой трубкой.) *[Сергей]* **Петр** Митрофанович!?. Я хочу давления,— атмосферы две-три сверх всего. Нет, на ||

[42]

27

часик, на два!.. Будьте любезны, ради бога! *[Прижмите клапанок]* Прижмите клапанок на котле. А котел — с форсом и шуровочкой!.. (Кладет трубку, берет другую.) Турбогенератор!.. Я говорю! Я!! Слушайте — проходим пик! Перекручиваем агрегат на час!.. Ну конечно сверх! Повышаем обороты — режим пик на вольтах и *[не считая]* амперах. Внимание!! Слушать турбину, прижать предохранители, держать подшипники на руках!.. Электрик! Генератор!! *[Проб]* Держать руку на корпусе машины, нюхать обмотку, запустить *[боковую/ боковой вентилятор]* добавочный вентилятор! Внимание!! (Почти все красные лампы мигают; синих, красных, желтых, белых нет. Жмяков берет три трубки телефонов). Котлы! Турбина! Генератор! Дизель! Внимание!! Началось!! *[Бьемся сквозь пик!]* Проходим пик!! (Стрелки всех

трех главных циферблатов восходят высоко вверх, почти до предела градуировки. Мигание красных ламп сильно учащается. **Жмяков — в телефоны.**) Полное дутье-форс!! Следите за обмоткой!.. Пахнет там гарью или нет, бедный мой товарищ?! Дизель, дизель, жми свою долю,— ни черта не помогаешь!.. Пик растет, [братцы] товарищи! Эй, ударники, где вы там, во что бьете,— вы на пик [не м] меня посадили... (Красное мигание учащается. Жмяков снимает все трубки телефонов). **Слушайте, телефонные девки!** [Немедл] Мгновенно [мне] дать сюда дежурного инженера!! (В исступлении: кричит во все телефоны). Эй, цеха!! Выключись ||

[41]

28

ктонибудь на полчаса! Ну ради бога! [На пять] Хотя на пять минут! Кузница! Прокатная! Молотá!! [Отдохните] Дайте [пожалуйста] потише **чуть-чуть!** Я не вынесу — сердце разлетится!..

Телефон (громко, басом).— Пошел ты к чорту! У нас двадцать процентов сверх плана нагорело!

Жмяков (полубезумно).— А?! Ну, я извиняюсь... (Другим тоном, тихо.) Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора!. Именно — дивная!

Телефон (глухо).— Я сменный инженер. Слушаю.

Жмяков (берет телефон).— Отцепите от меня, где хотите, **десять тысяч** [тыщу]киловатт. [Я сожгу / Идем на] Я сожгу генератор!.. Кто вы такой?

Телефон.— Я Мешков. Сейчас остановлю что-нибудь.

Жмяков.— Иван Васильевич?!.. Ради бога! У меня слезы на глазах... Идите сюда!

(Вставка «У»)**Вставка «У»**

Звонит телефон. Мешков <sic>⁴⁶ (берет трубку.) — А... Да. Что? Вам [нужно] двести киловатт на кирпичные пресса?... [Пошел ты к чорту!] Пошли вы к чорту!.. [Как?.. Никогда не дам!] (Кладет трубку). Потушите **последнюю** лампу, если она горит. || ⁴⁷

([Мигание красных ламп достигает высшей частоты.])

Жмяков (озирается).— Я сейчас заплачу от такой ненормальной жизни.

Телефон [голосом Ивана <1 слово нрзб>/ <1 слово нрзб>] (**басом**). [Кто там хочет остановить? / Кто там плакать хочет? Где эта горестная стерва?] — **Кто там плакать хочет? Дай мне отделаться — я тебя утешу!!**

Жмяков (бессознательно).— А?!.. Да, я вполне согласен.

(Лампы сразу прекращают мигание: стрелки ||

[42]

[43]

29

приборов снижаются; на пульте начинается прежняя игра цветов: красный, синий, желтый, белый).

Жмяков (весело).— Да я вполне согласен. (Прежняя жизнерадостность, потирает руки, почти танцует). Колокольчики, бубенчики, звенят-звенят... О **моей**...

⁴⁶ *Описка, по смыслу следует читать: «Жмяков».*

⁴⁷ *Вставка «У» более позднего написания, выполнена химическим карандашом.*

Лежачие трубки телефонов (глухо).— [*Ну кто там?*] Ну?! Кто там есть?!

Жмяков.— Пик [*срезан*] снят, товарищи. Закуривай!

Лежачие телефоны (враз):

— Воздуху нету, [*сволочь*] гад!

— Кто выключил?

[— *Воды нет / Воды нет!*]

— Печь потухла. Шихта шлакуется!

— Воды-ы!

— Сорвал **план**, стервец!

— (Матерное бормотанье).

Z Пауза. [*<1 предложение нрзб> Эх, полугады! <1 предложение нрзб>*]

Жмяков (поникая).— [*Господи*] Боже мой, боже мой, почто ты оставил меня... в этом веке. В каменном тихо [*лучше*] было.

Входит Мешков.

Мешков.— Я три цеха выключил.

Жмяков.— Спасибо, Иван Васильевич. Теперь нам с вами конец.

[*Мешков*] ||

[*<2 цифры нрзб>*]

[*И*]

30

Телефоны (злобно) бормочут.

Мешков (в испуге).— Включайте скорей опять!

Жмяков.— А как генератор?

Мешков.— Горячий, [*Авадон / Леонид / Влад / Серг / Александрович*] **Владимир Петрович**,— он сгорит!

Жмяков.— Так как же быть-то?

Мешков.— Неизвестно, [*Леонид Александрович*] **Владимир Петрович**... Может, среднее что-нибудь есть?

Жмяков.— При большевизме я среднего ничего не видал.

Мешков. И я тоже, [*Леонид Александрович*] **Владимир Петрович**. Все одно большое только.

[*Телефоны бормочут*]

Телефон (громко, резко).— Включай!!

Жмяков и Мешков [*молча*] (в испуге).— Сейчас!!

(Делают манипуляции с автоматами; стрелки [*приборов*] на **главных циферблатах** восходят до предела. [*На третьем стрелки остановились на прежнем месте. Все лампы*] Все контрольные лампы делаются красными и начинают пульсировать светом с высшей частотой).

Телефон (басом, громко). [*<2 слова нрзб.>*] Взяти!!! [*<1 предложение нрзб>*] (Слышно через телефон, как загудели моторы и пошли станки).

Мешков — нерешительно **опять выключает** автоматы; стрелки падают; лампы перестают мигать, некоторые становятся синими, желтыми. ||⁴⁸

⁴⁸ *Номер листа обведен полукругом. После слов Мешков — нерешительно ~ становятся синими, желтыми следует авторская помета Для машинистки: эту фразу вставить после «телефона» и указания стрелками на соответствующее место переноса после: Телефон (басом, громко). ~ и пошли станки).*

[*Мешков приступает к выключению. Вот! Теперь вы молодцы, а мы план догнали!*]
Жмяков.— Что вы делаете?

Мешков.— Выключил опять три цеха. За это самое большее нам с вами общественный позор, а за генератор, если сожжем,— нам будет лет десять... У меня, [*Леонид Александрович*] **Владимир Петрович**, перечень есть: сколько за что полагается. (Вынимает бумагу и предъявляет ее Жмякову.) [*Интересуетесь?*] Поинтересуйтесь!

[*Жмяков*]

Телефон (басом, громко).— [*Опять?*] Эй, опять току нету! Вы что — работаете или боитесь?.. Вы — кто?!

Жмяков (читает бумагу Мешкова).— До пяти лет изоляции... Да, это дивная пора!

Телефон.— Давай току, я отвечаю!

Входит Крашенина.

Крашенина (тихо).— Так нельзя, товарищи. Надо [*тянуть завод*] скорее тянуть завод — [*у нас побыстрее время, у нас <1 слово нрзб> пятилетка и социализм*] **социализм нас ждать не будет.** (Становится за пульт.)

[*Мешк*]

Жмяков.— Мы боимся рисковать генератором, товарищ Крашенина. Можно сечь обмотку. ||⁴⁹

[<2 цифры нрзб>]

Крашенина [*— Хоро*] (тихо и просто).— Хорошо. [*А если вы останавливаете завод*] Но если вы останавливаете заводы, [*прерываете*] срываете планы — вы рискуете не генератором, [*всей надеждою нашей советской власти, всем нашим социализмом <несколько слов нрзб> надеемся*] **а всей советской властью, всем социализмом.**

Мешков (**нерешительно**).— Обмотка сгорит... Нам страшно тянуть завод на перегреве.

Крашенина (тихо).— Пусть. [*сгорит обмо*] Я сожгу обмотку [,] — я и чинить ее буду день и ночь. (Производит включение **автоматов**: пульсирование красных ламп, движение стрелок главных циферблатов).

Жмяков и Мешков стоят в стороне. Мешков берет за руку Жмякова, и так находятся оба неподвижно.

[*Звонит телефон*]

Рычит одна из [*трубок, лежащих на*] лежащих трубок. Крашенина берет ее.

Крашенина.— Я слушаю... Сколько вам нужно? Тысячу киловатт? Что у вас?

⁴⁹ На полях слева против вычеркнутой реплики Мешкова Вот! Теперь вы молодцы, а мы план догнали! стоят два вычеркнутых вопросительных знака. Там же помета, выделенная стрелками, указывающими место редактирования: См. пред. стр. Справа на полях после указанной выше реплики помета, также выделенная стрелками, указывающими место редактирования: вставить см. предыд. стр. Слева на полях напротив слов Мешкова сколько за что полагается и Эй, опять току нету! стоят вычеркнутые вопросительные знаки.

Лесопилку пускаете?... Это хорошо. Я вам сейчас включу. (Включает [J]. Бешеное пульсирование ламп).

Жмяков [Мешков] (в ужасе).— Это безумие. Девочка сожжет сейчас силовую!

Мешков.— Хорошо, что не мы... Ведь пять лет [*со строгой*] по перечню.

Жмяков.— Капут будет девочке. Немножко жаль.

Крашенина (берет телефон).— Генератор, пожалуйста!.. Генератор? Я — пульт, инженер Крашенина. Кто это?.. ||⁵⁰

[<2 цифры нрзб>]

33

Товарищ, вы чувствуете генератор? [*Есть гарь, цела изоляция*] Как работает обмотка?.. Запах появился?! (Вешает трубку. Оглядывает помещение отвлеченными глазами, не замечая двух инженеров. Тихо говорит). [*Глеет изоляция*] Горит генератор, товарищи, [*<1 слово нрзб.> силовая*] и нет никого.

Входит [Абраментов.] Абраментов.

Абраментов.— Здравствуйте. Почему так много здесь технических сил? (К Крашениной) Почему долгий пик?

Крашенина (невнимательно).— Завод выходит из прорыва... Сто [*бригад*] ударных бригад... Глеет изоляция — есть ли выход, товарищ Абраментов?

Абраментов (остро оглядывает пульт).— Нет выхода. Выключайте перегрузку. Машины ведь нейтральны

[Крашенина]

в классовой борьбе — генератор сейчас сгорит.

[Крашенина (невнимательно).—]

Входит Пужаков. (**На бедре у него мешок с инструментами**)

Крашенина (невнимательно).— За кого вы говорите машины?

Пужаков.— За нас, [*товарищ Крашенина*] [*товарищ Крашенина*] **Ольга Михайловна,— мы**

[Крашенина]

их заставим сочувствовать... На третьем крану лебедка [*не работает*] не работает — мы никак не сообразим, пойдете поскорей. Час думали без вас, да наверно, алгебры не знаем. ||⁵¹

[47]

[VI.]

34

Крашенина (не слушая).— Пужаков, генератор горит [!... **Разве можно сейчас думать по целому часу?**

Пужаков (остро).— Как?! Генератор горяч?.. Сейчас соображу!.. [*Обли*] (Сообщает). Обливать корпус водой — поставить ребят! **Сам стану!** Но — осторожно, внутрь не заливать! Враз, — сейчас!! (Ко всем.) По любому [*чуж*] делу соображу, только по-своему — нет... Не сгорит!.. Протянуть шлангу! Бузовать непрерывно!.. Пойду для четкости сам! (Быстро уходит).

Абраментов.— Машины мертвы, к сожалению, Ольга Михайловна.

Крашенина.— Когда они в мертвых руках, инженер Абраментов.

⁵⁰ Слева на полях против реплики Крашениной вы рискуете не генератором, поставлена вертикальная черта и вопросительный знак. Обе пометы позже зачеркнуты.

⁵¹ Номер листа подчеркнут.

Абраментов (вспыхивая от обиды).— Ленин не [велел] **советовал** зазнаваться, коллега! А генератор — не большевик!

Крашенина.— Я не зазнаюсь, но и полюбить вас никого не могу.

Абраментов.— Посмотрим.

Крашенина.— Буду рада заплакать о вас.

Абраментов.— Постараемся.

Крашенина.— Зачем-же для меня стараться?

[Абраментов. Не для вас]

Вы [понимаете] инженер или кавалер?

Абраментов.— **Как вам не стыдно? [Я] Ведь я понимаю все. Я учился науке рабочего класса в тюрьме, я там пролежал много ночей с открытыми глазами.** ||⁵²

[<2 цифры нрзб>]

35

Я [жи]прожил жизнь в одиночестве, но умру в тесноте вашего класса.

Крашенина.— Зачем-же вам умирать, Абраментов? Плохо вы [знаете] знаете науку рабочего класса. [Кто знает — тот] Зачем ему ваша смерть? Ему нужно, [товарищ] чтобы вы стали товарищем пролетариата.

З Красные лампы мигают все более спокойно.

Мешков (про себя).— Ну куда ж тут мне жить на этом свете?

Жмяков.— Да, геройскиически и скучновато... [Тел Красн] **Где мы теперь, кто нам сжимает пальцы...**

(Вставка «Х»)

Вставка «Х».

Мешков. — Не могу я так существовать, когда девушка служит инженером лучше меня... У ней-же остыл генератор, я же вижу по сигналам... [(Берет телефон) *Дайте поскорее 4-81... Это контора газеты?.. Я вот вам уж*]

Жмяков.— Ясно и прекрасно.

Мешков.— Я это предвидел. (Берет телефон). Дайте мне поскорее 4-81... Это контора газеты?.. Я вот вам утром давеча объявление дал... Нет — о скончании одного гражданина, где двоюродная сестра еще скорбит!.. Да, да. Вы напечатаете его... Что?.. Места нету? А когда же? На днях? Ну вы поскорей пожалуйста, а то мне терпеть-то уж очень... Что? Хорошо, я немного подожду... [(Веш)] (Кладет трубку. Жмякову — **скучно**.) Да, Володя...

Жмяков (тем же тоном). Да, Ваня.

(Продолжать по стр. 35) ||⁵³

Лежачая телефонная трубка (голосом Пужакова).— Оля! Генератор остывает. [Ставим воздуховод. Вентилятор сбоку Хотим сбоку второй вентилятор. Хотим дуть внутрь]

Крашенина.— Морозь его дальше, Пужаков!

Пужаков (в телефоне).— Сейчас... Мы сейчас боковой вентилятор поставим, сделаем пульверизатор и будем дуть в его нутрѐ водяную пыль,— самую мелочь! Ничего?

Крашенина.— Ничего. Понемножку.

⁵² Номер листа обведен полукругом.

⁵³ Вставка «Х» выполнена позднее, химическим карандашом с одной стороны листа.

Пужаков (в телефоне).— Ну, конечно, чуть-чуть, но — с вихрем!

Крашенина.— Вот-вот.

Мешков (вздыхая).— Не сгорит генератор, [Леонид Александрович] **Владимир Петрович**.

Жмяков.— Нет, [*<1 слово нрзб>*] Иван Васильевич. || ⁵⁴

[*<2 цифры нрзб>*]

36

[*Но / но авторитеты наши уже сгорели*] Но наше славное имя уже сгорело. Облетели огни, отгорели цветы... Нам остается лишь марш Шопена.

Красные лампы перешли к этому моменту на спокойный свет.

Мешков.— Марш играть не станут — разлуку сыграют.

[Абраментов]

Лежачий телефон (хрипло).— Можно кирпичные пресса запустить?? Киловатт двести!

Крашенина.— Конечно, можно. (Включает.) Почему с утра не пускали?

Лежачий телефон (хрипло).— Утрешний [му] инженер-мужик не велел.

Абраментов (к Мешкову и Жмякову).— Вы, что-ль, не велели?

Жмяков. Мы... [*У нас душа маловата оказалась*] У нас изжога в душе, Сергей Дмитриевич. Мы же — старое поколение, остатки от истраченной мелочи, мы — колокольчики-бубенчики...

Мешков (Абраментову — уныло).— Я говорил тебе, Сережа, что мы теперь — пустяки. (Садится в немощи на приступок пульта, [*вынимает из кар*] невнимательно вынимает из кармана кулечек с конфетами и начинает [*их поочередно сосать*] сосать конфетку).

Абраментов (со злобой и энергией).— Но я не хочу || ⁵⁵

[50]

37

быть пустяком! Я хочу быть товарищем пролетариата, я хочу вместе с ним долго и трудно жить! (Берет руками свою голову; тихо.) Я измучился весь.

[*Все лампы на пульте из красных делаются синими. Стрелки на циферблатах снижаются*].

Z Рупор радио начинает играть музыку. Играет до конца действия. Входит работница с обедом [*Ставит*] в судках. Ставит судок на пульт.

Жмяков (Крашениной).— Обеденный перерыв: выключайте холодные цеха. [*Обеденный перерыв*] Переключайте третий фидер на районное кольцо.

Работница с обедом.— Ешьте блюда. Проголодались **ведь небось!** (Уходит.)

Жмяков (Крашениной).— Ну же, милая!! Первый в нейтраль, третий на кольцо. Мягко! Быстро!

Крашенина — резко манипулирует автоматами. [*Бешеная*] **Судорожная игра цветов на пульте**. Но большинство ламп остается красными.

[Жмяков]

Абраментов (бросаясь к пульту).— Не так! Легче!!

⁵⁴ Номер листа подчеркнут.

⁵⁵ Номер листа подчеркнут. Слева на полях против реплики Крашениной Конечно, можно вымарана помета и вопросительный знак. Против слов Лежачий телефон (хрипло) поставлены волнистая вертикальная черта и вопросительный знак, также зачеркнутые.

Жмяков (бросаясь к Крашениной).— [*Что же*] Возьмите сопротивление!.. Что же вы делаете, бедная моя!

Абраментов и Жмяков — хватаются за автоматы. || ⁵⁶

[51]

[VI]

38

Мешков (в стороне).— Не трожь нового человека. (Швыряет в рот новую конфету).

Сулорожная игра цветов на пульте.

Взрыв синего пламени (без шума) наверху распределительного башенного устройства, что за пультом.

Жмяков (в волнении, у автоматов).— [*Сергей Григорьевич*] Автомат не вырубает!

Абраментов. Дай я! (Резко манипулирует; не выходит.) Топор!! Инструмент!! (Бросается в разные стороны в поисках).

Жмяков (мучается у [*пульта*] автоматов).— Контакты спеклись, масло высохло!.. Гибель богов. Мешков, справься в перечне, что нам будет. Хоп! (Автомат отказывает).

Крашенина [*берет какой-то инструмент*] хватает гаечный ключ и бросается внутрь распределительного устройства.

Абраментов бежит за ней. Он снимает фуражку, надевает ее на руку и, [*берет / вцепляется в провод. Провод не поддается. Крашенина*] выхватив у Крашениной ключ пыгается раздробить изолятор, сорвать провод, держа ключ в руке, обернутой фуражкой.

Абраментов (кричит из башни).— Выключайте генератор!

Жмяков (работая у пульта).— Не выходит, Сергей Дмитриевич. Контакты сварились. Мешков, дай || ⁵⁷

[52]

39

[*Абраментов*]

пососать напоследок. (Мешков подает ему кулечек.)

[*Абраментов (из башни) — Прекратите / Остановите турбину / Турбину долой!*

Жмяков (выплевывает конфету; в телефоны): Турбинная — стоп!

Крашенина (из башни).— [*Аварийную, ударную!..*] Зовите аварийную ударную бригаду!

Жмяков [*в телефоны*] (выплевывая конфету; в телефоны).— Ударная аварийная — на пульт, [*<1 слово нрзб>*] на автоматы!

Синее пламя вверху башни нисходит постепенно книзу [*и приобретает красный оттенок*].

Входит работница, приносившая обед.

⁵⁶ Номер листа подчеркнут. Предложение Рупор радио начинает играть музыку в авторском написании выглядело Начинает играть музыку. Рупор радио и содержало знак перестановки слов.

⁵⁷ Номер листа подчеркнут. Слева на полях против предложения Взрыв синего пламени (без шума) ~ за пультом вопросительный знак и вымаранная помета, отделенные от текста вертикальной волнистой чертой.

Работница (осматривая судки на пульте).— Что-ж вы блюда-то не едите? Остынут ведь, а мне выговор будет, [Уходит] что инженеров невкусно кормлю! (Уходит.)

Жмяков. Мешков, съешь блюда.

Мешков [заплакав] Что вы (со слезами). Чтó вы смеетесь надо мной?! Я тоже люблю революцию, я тоже хочу чего-то!.. (Бросает кулек, почти плача подходит к пульту, берется за автомат)

Убега[е]ют [бригада Распопова] Пужаков и Распопов. [За спиной] На бедрах у них мешки с инструментами. || ⁵⁸

[53]

40

Они взбираются по металлической обрешетке башни наверх, к пламени.

Абраментов (кричит им снизу).— [Может турбину остановить?] Прервать ток? Остановить турбину?..

Пужаков.— Зачем? Не смей! Мы так разъединим. Здесь не очень жарко. (Распопову) Как скажешь, Семен?

Распопов.— Вытерпим так.

Лезут выше, надевают резиновые перчатки, достают из сумок инструмент: — стержни с крюками на концах.

Пульт по-прежнему судорожно играет цветами, но часть ламп — неподвижно красные.

Абраментов и Крашенина выходят из [распределительно] токораспределительной башни.

Крашенина (в телефон).— Турбинная! Турбинная! Внимание! Я — пульт. Авария. Турбинщик — руку на стопор регулятор. Слушать меня! По [сигналу] моему сигналу — немедленное стоп. Люди под высоким напряжением. Электрик, руку на сопротивление! Слышите ли вы меня, товарищи?

Телефон.— Слышим.

Абраментов (Мешкову, который держит руку на автомате).— Попробуй вырубить еще раз масляный автомат! || ⁵⁹

[<2 цифры нрзб>]

41

[Мешков.— Сейчас]

Распопов и Пужаков на верху башни, близь синего огня. Распопов ухватывает инструментом контактную шину, около которой трепещет пламя. [Шина не поддается.] Шина не поддается. Распопов повисает на ней, прихватившись инструментом.

⁵⁸ Номер листа обведен полукругом. В верхнем левом углу вычеркнута помета: Про Распопова раньше сказать, что он аварийный. В верхнем правом углу вычеркнута помета: Мешков <1 слово нрзб>.

Слева на полях против вычеркнутой реплики Абраментова Остановите турбину вычеркнута помета: В<зрыв> убьет Абр<ментова>; против предложения На бедрах у них мешки с инструментами — вычеркнут вопросительный знак. Со слов Синее пламя вверху башни нисходит постепенно книзу и до л. 53 включительно Платонов использует для письма химический карандаш. На этих листах используется последний вариант имен главных персонажей, что свидетельствует о более позднем этапе работы над текстом этих листов.

⁵⁹ Номер листа подчеркнут.

Пужаков повисает таким же способом вслед за Распоповым, на второй шине. Абраментов (Мешкову, который все еще держит руку на автомате пульта).— Попробуй вырубить еще раз [*и через*] масляный автомат.

Жмяков.— В масле сейчас газ. Взрыв может быть.

Абраментов.— Пробуй, Мешков!

Мешков [*рвет автомат*] с резким усилием двигает автомат.

Взрыв в масляном баллоне внизу башни. Огонь вскидывается кверху, до ног Распопова и Пужакова, и почти окружает их.

Крашенина (в телефон).— [*Турбина, стоп!*] Стоп, турбина!

Гаснет весь пульт, весь свет; [за исклю] Остается огонь в башне. Радио играет по-прежнему. || ⁶⁰

[<2 цифры нрзб>]

[VIII]

42

[Крик]

Резко раз но хлопают контактные шины на веру башни, где двое людей.

Одна шина защемляет руку Распопова ниже кисти; он повисает всем туловишем, роняя инструмент.

Пужаков падает вниз, в огонь и выбегает из него к пульта. Распопов висит с прихваченной рукой.

Пужаков.— Сеня, тебе больно? Что-ж ты не кричишь?

Пламя бьется снизу в ноги Распопова, охватывая со стен почти все его туловище — до живота.

Распопов (томясь).— Товарищи... (Хватает свою зажатую руку ртом и грызет ее своими зубами. Откидывается. Томится.) Товарищи... Перебейте мне руку... Где товарищи, я никого не вижу... Мне скучно одному. (Снова грызет свою руку.)

Абраментов.— Мы [*здесь*] с тобою. (Бросается в башню, минует нижний очаг огня, быстро лезет по решетке, сквозь огонь по пылающим проводам и деталям.)

Мешков закрывает лицо руками. Жмяков поднимает кулек с конфетами и берет оттуда конфету в рот. || ⁶¹

[<2 цифры нрзб>]

43

Крашенина и Пужаков вынимают револьверы и целятся в руку Распопова.

Абраментов немного не достигнув Распопова, молча валится вниз, в огонь.

Одновременно раздается двойной выстрел Крашениной и Пужакова — и Распопов [с пересеченной рукой] падает вслед за Абраментовым вниз, в огонь [с отсеченной рукой].

[Крашенина и Пужаков.

Крашенина (в телефон) — Пожар]

Крашенина и Пужаков бегут к башне.

⁶⁰ Номер листа подчеркнут. В верхнем правом углу — вычеркнута помета: Ты терпи! В верхнем левом углу вычеркнута помета: радио. Слева на полях против слов Взрыв в масляном баллоне внизу башни вычеркнута непрочитанная помета, отделенная от текста вертикальной волнистой чертой. Слева на полях против слов Гаснет весь пульт, весь свет — вычеркнута вертикальная волнистая черта.

⁶¹ Номер листа подчеркнут.

Из башни, из огня медленно выходят черные, обгорелые, почти неузнаваемые Абраментов и Распопов. Они держат друг друга за руки. У Распопова [одной руки наполовину нет / нет половины руки с правой стороны] на конце одной руки висят перебитые детали контактов, защемившие руку за кисть.

Крашенина и [Распопов] Пужаков останавливаются пред ними.

Останавливаются и Абраментов с Распоповым. У них нет глаз.

Жмяков (в телефон). — Пожарную!.. [Ожидает] Огонь на пульте. Жертвы? (Глядит на Абраментова и Распопова.) Они были, но встали опять жить.

Абраментов и Распопов [без звука] падают на землю, не выпуская взаимных рук.

Z Быстрый занавес.

Конец II акта || ⁶²

[<2 цифры нрзб>]

44

3-й акт.

Комната заводского клуба. Две двери. Окон нет. Два гроба на столах, два черных трупа в них. [Безлюдно]

Два венка с надписями: «Храбрейшему инженеру, товарищу рабочего класса», «Другу Сене, павшему на поле пролетарской славы и чести».

Общий транспарант над гробами: «Мертвые герои прокладывают путь живым». Безлюдно. Пауза.

Входит Крашенина — в длинном платье, в весенней шляпе, с маленьким букетом цветов. Она подходит к гробу Абраментова. Стоит у изголовья. Потом несмело гладит

[Абра Крашенина робко]

обугленную голову Абраментова. Потом склоняется и робко целует его в губы. Молчит. Вытирает глаза — жестом, точно поправляет прическу на висках.

Крашенина (тихо).— Вы были правы, товарищ Абраментов. Я и полюбила вас, и заплакала. Но я не рада теперь.

Кладет цветы в изголовье. Поправляет || ⁶³

[58]

45

одежду на трупе.

Крашенина (всматриваясь в Абраментова.) — Я забыла запомнить ваше лицо (Трогает лицо покойного)... Ну, прощайте теперь совсем. (Отходит, но останавливается [вновь] и вновь глядит, не отрываясь, на Абраментова.)

Входит Пужаков — в костюме, в галстuke, убранный, с громадным букетом красных роз. Подходит к гробу Распопова.

[Распопов] Пужаков.— На, Сеня! (Кладет цветы на грудь мертвого. Стоит молча в неловкости). Что-ж ты, Семен,— [перестал] навсегда [кончился], стало быть,

⁶² Номер листа обведен полукругом. Слева на полях против слов Одновременно раздается двойной выстрел ~ в огонь вычеркнута непрочитанная помета, отделенная от текста вертикальной чертой.

⁶³ Номер листа подчеркнут. На полях в верхнем правом углу вычеркнута помета: Жал<ость> и сл<езы>.

уморился?.. Так там и останешься? (Молчит.) До самого социализма дожил, а — умер!.. Вот скоро хорошо уж *[настанет]* будет, а тебя нету; — нам, брат, без тебя тоже стыдно оставаться. Ты, *значит*, сделал, а другие жировать будут,— это *[не дело]* ведь неверно! *[Молчит]* (Молчит, тоскует). Нет — и помереть хорошо за такое дело и в такой год! **Взяла революция — и даст революция!** Молодец Семен — ты лучше живого теперь: лежи вечно... Вот дай управиться — природу победим, тогда и тебя подыдем... Эх, горе нам с героями. (Берет из своего букета два цветка.) Надо и тому положить — тоже свой человек. (Кладет на **Абраментова** два цветка. Крашениной). Здравствуйте. Тоже горюете стоите,— иль просто так себе.

Крашенина.— Просто так стою.

Пужаков.— Отчего-же,— надо погоревать. Так стоять — неприлично. || ⁶⁴

[59]

[IX]

46

Крашенина — *[Я солгала вам]* Я тоже горюю... Я солгала вам, что так стою.

Пужаков — *[Ну вот это]* (глядит на осунувшуюся Крашенину).— Ну, вот это нормально, это сознательно, а так стоять нельзя.

Крашенина. — Я теперь полюбила его.

Пужаков.— А это еще лучше, еще приличней. Поцелуйтесь с ним на прощанье — он же один остается. А ты с нами будешь.

[Входит Мешков; Крашенина делает несколько шагов к гробу Абраментова. Мешков, согнувшийся, неряшливый в лице и одежде, останавливается у ног Абраментова.

Краш]

Крашенина приближается к Абраментову.

Одновременно входит Мешков, согнувшийся, неряшливый в лице и одежде; он останавливается у ног Абраментова.

Крашенина.— *[сжимает голову Абраментова и приподнимает ее]* (*[поднимает]* Приподнимает черную руку Абраментова *[и]*, целует ее *[и, наклонившись к погибшему]* и говорит мертвому).— До свиданья. *[Уходит]* (Накрывает лицо Абраментова *[накрывает изголовье]* куском покрывала от изголовья).

Пужаков (радостно).— Вот это нам приятно... А то раньше красивые девки *[ребят]* мужиков любили за *[одни усы, либо за <1 слово нрзб> глаза]* одно лицо, а на лице — глупость.

Крашенина молча стоит. || ⁶⁵

[60]

47

Мешков (неопределенно).— Неясность жизни была...

Пужаков.— А *[теперь мне]* нам давно все ясно... *[когда сейчас сердце вздрогнуло от нее (на Крашенину) и от него (на Абраментова)]* Социализм, брат, это тебе не один пот на рубашке, а вот... что-то такое... серьезное... *[либо вечная память / когда вся наша масса как два эти человека / когда все наши массы будут как два эти / наша жизнь и наша]* Геройская жизнь и смерть... Что-ж я Семена-то забыл поцеловать! (Идет к *[Пужакову]* Распопову и целует его.) Ну, Сеня,— прости меня.

⁶⁴ Номер листа подчеркнут.

⁶⁵ Номер листа подчеркнут.

Я, знаешь, может, и сам бы умер,— по-товарищески, чтоб с тобой быть,— да теперь вместо тебя нужно жить.

[Входит Жмяков, одетый в черное, грустный, до торжественности.]

Жмяков.— (Встречай / Пришел / Оркестр прибыл, товарищи (Снимает шляпу).

Пужаков.— Ну зачем оркестр? Зачем [еще] людей еще больше расстраивать? И так [грустно] печально будет.]

Мешков (про себя, недоуменно).— А мне что делать в этой жизни? [Я] (Горестно). Я не могу ни погибать, ни целоваться. Я стесняюсь жить... (К Абраментову). Сережа, ведь я же говорил тебе, что я пустяк.

Входит Жмяков, одетый в черное, намеренно грустный до торжественности.]

Жмяков.— Оркестр прибыл, товарищи,— двадцать три человека [*состава*]. На дворе дождь и молния. (Снимает шляпу и отряхивает ее от капелек <sic> дождя).

Пужаков.— Ну зачем оркестр? Зачем людей еще больше расстраивать? И так печально будет. ||⁶⁶

[61]

48

[Жмяков.— *Надо массы взбудоражить товарищ Пужаков.*

Пужаков.— *А зачем их будоражить?*

Жмяков.— *Не знаю]*

Жмяков.— Нисколько, товарищ Пужаков. Наша печаль превратится в звуки, [звуки] а звуки [сделают / превратятся в / из тоск[у]и в героическую жажду] рассеются...

Пужаков.— Вот тебе раз.

Жмяков (*распоряжается / оправ гроба*) в дверь).— Прошу вас, товарищи. (Хозяинствует у гробов, *распоряжается начать вынос гробов*) готовит их к выносу.)

Входят человек [шесть / восемь рабочих] шесть-семь рабочих.

Жмяков.— Пожалуйста, будьте любезны,— в главную залу.

Рабочие и Пужаков [и Мешков] поднимают гробы на руки и быстро трогаются с места.

Жмяков.— Осторожнее. Без темпов, пожалуйста.

Идет вслед за гробами. Позади всех уходит Крашенина. Остается один Мешков.

[Остается один]

Мешков (находит телефон на стене; берет трубку).— 4-81. Благодарю вас... Я вот вчера вам звонил уже... Это объявление по поводу смерти одного гражданина, члена секции... Да-да, о котором скорбит двоюродная сестра... ||⁶⁷

⁶⁶ Номер листа подчеркнут. Вычеркнутая вставка на полях слева сверху либо вечная память продолжает реплику Пужакова: Социализм, брат, ~ что-то такое... серьезное... и соединена с ней указывающей порядок чтения стрелкой. Слева на полях против слов Входит Жмяков, одетый в черное, грустный, до торжественности вычеркнута непрочитанная помета, отделенная от текста вертикальной чертой; против слов когда сейчас сердце вздрогнуло от нее (на Крашенину) и от него (на Абраментова) и Оркестр прибыл ~ и отряхивает ее от капелек дождя вычеркнуты вопросительные знаки, отделенные от текста вертикальной чертой.

⁶⁷ В верхнем правом углу обведенная полукругом непрочитанная помета.

[62]

49

(Слушает) Нет, он еще не похоронен... [Да] Он ожидает объявления... Все лежит. (Слушает.) Сегодня помещено? (В волнении) А... а где же газета, ее утром не продавали, где ж она... (Слушает) Когда? К четырем часам дня?.. Отчего к четырем, — из-за объявления?.. Ах, бумагу не доставили!.. [Ну] Спасибо, спасибо... [(вешает трубу)] Правильно все напечатали: Иван Васильевич Мешков, да? И умер? (Слушает) Скончался?.. Спасибо, спасибо... (вешает трубку []). Один.) Ну мне надо кончаться... Уже давно, давно пора, [безвестный гражданин] дорогой мой друг, бедный мой человек, — ни помолиться тебе некому, не <sic> попрощаться не с кем... [Я <1 слово нрзб> / Когда-то ты думал, что переделаешь землю, добудешь энергию из солнечного света и сплошь полюбишь человечество. Ты думал обо всем. Но пришли те, кто ни о чем не думал]

Вот умер Сережа, и мне [не оче] его не [очень] жалко — сердце пусто, ум давно без памяти, чувства безответны. Я весь уже легкий, **скучный**, [белый, белый] как усталое насекомое, которое [несет ветер в <1 слово нрзб> в старую осень] несется ветром в старую осень.

[Игр] Глухо, **точно очень далеко**, играют **похоронный марш**. Звуки встают, как вещи, неподвижно.

Мешков (прислушиваясь).— Сережа, ты обманут. Ты видишь, они не могут [молча] сами тосковать по тебе и [завели] заставили [оркестр] музыку... Сережа, у нас ||

[X]

[63]

50

[есть / одна у нас с тобой / одна свобода] ты скоро уйдешь в материк, в [тесноту земли, и я тоже] тесную землю, опять в тюрьму. Зато у нас с тобой останется одна свобода — свобода быть забытыми.

Музыка прекращается. Слышится далекий раскат грома.

Мешков.— Ну, мне пора ложиться. [Перестану сейчас дышать] Сейчас перестану дышать. Z Ложится на стол. Вдруг привстает и сидит на столе. [.]

Z Мешков.— Скучно чего-то. (Сходит со стола, [снимает] идет к телефону, снимает [телефон] трубку [Барышня / держит ее в руке]. / Барышня). Барышня, дайте мне номер какогонибудь человека... [(Ждет)] (Ждет; слушает). Что вы говорите? Хорошо. (Кладет трубку). Гроза: телефоны не работают, **человек не отвечает...** Пойду погляжу на улице — какая там гроза. [Уходит] Сейчас вернусь. (Уходит.)

В другую дверь входит Жмяков.

Жмяков (садится в усталости.) — Устал [скорбеть] горевать... Трупы унесли в дождь, живые пошли сочувствовать, а оркестр с полдороги пойдет в садик и там заиграет другие мотивы... А затем наступит вечер, погода изменится, выйдут домработницы и начнут под музыку воздух рассекать. || ⁶⁸

[64]

51

Шумит население на земле!

⁶⁸ Слева на полях против реплики Мешкова Барышня, дайте мне номер какого-нибудь человека... вычеркнута непрочитанная помета.

Приходит Девлетов, в мокром плаще, с маленьким чемоданом. Ставит чемодан на пол.

Девлетов.— Здравствуйте, Владимир Петрович. (Садится, утирает платком лицо.) Я с поезда только что... Был в Москве. Встретил в гробу Сергея Дмитриевича, [встретил Распопова] встретил Семена [Григорьевича] Федоровича Распопова... Эх, Владимир Петрович, Владимир Петрович, что же вы-то [глядели] смотрели?

Жмяков.— Не хотелось, Илья Григорьевич, [останавливать завода] ток прерывать. Были-бы аварии на механизмах, брак, скандал, промфинплан бы сорвали.

Девлетов.— Ну и что-ж? [А то] Справились бы потом, не очень страшно... А то ведь вы людей пожгли, и каких людей!.. (Иронически). Промфинплан бы сорвали! Вот вы и сорвали его! Что такое «промфинплан»? Это не бумага, это вот те люди, какие погибли... Извольте теперь итти под суд! Кто там еще был? Мешков и Крашенина? Тоже под суд! А я буду общественным обвинителем... Не беспокойтесь, я вас укатаю прочно...

Жмяков (расхаживая, слегка напевает).— Колокольчики-бубенчики...

Девлетов.— Вы что, издеваетесь, Жмяков?

Жмяков.— Вы забыли еще одного подсудимого. || ⁶⁹

[65]

52

Девлетов.— Кого?

Жмяков.— [Вас] Директора, вас.

Девлетов (встает).— Вы правы, Жмяков. Общественным обвинителем будет Пужаков.

Жмяков.— Я даю согласие.

Девлетов.— Его не требуется. Идемте — вы напишете аварийный рапорт, — [о происшедшем] сейчас-же, при мне!

Жмяков.— Прекрасно, со всем вдохновением, ударно... Будьте любезны! (Дает директору дорогу вперед. Одновременно входит в другую дверь [Мешков / Жмяков в измокшем] вымокший на дожде Мешков с газетой в руках; Жмяков замечает его и делает ему рукой знак прощания.] Оба уходят).

Мешков [(читает газету)] (медленно и внимательно читает газету).— Убитая горем двоюродная сестра с глубоким душевным прискорбием извещает всех родных и знакомых [о безвременной] о своевременной кончине инженера-механика, члена секции ИТР Ивана Васильевича Мешкова. (Складывает газету.) Хорошо. Плохо только, что сестра извещает, а не треугольник. Подумают теперь, что я антиобщественник был, раз завком [и дирекция] промолчал... Неприятно. (Спохватывается; запирает обе двери на ключ. Садится.) Теперь совсем хорошо. [Зря только домой нельзя пройти] Плохо только — домой нельзя пройти: газета вышла, увидят, что я живой, [это опасно] и окружают вниманием. (Пауза) Говорить мне чего-то охота, мнение какое-то появилось... (Развертывает газету, читает молча ||

[66]

53

потом вслух) / Партком, завком, дирекция, рабочие-ударники... о [гибели] смерти в огне... [во время спасения рабочего] незабвенного, верного пролетариату товарища,

⁶⁹ Слово «Владимир» в реплике Девлетова Эх, Владимир Петрович подчеркнуто пунктиром. Вероятно, пунктир обозначал место, куда имя персонажа было вписано позже.

[верного пролетариату] храбрейшего инженера Сергея Дмитриевича Абраментова, пришедшего из рядов врагов... [Огл] (Озирается). Из рядов врагов! А я откуда? Я врагом не был. Я все время сочувствовал. Я наоборот даже. Я слишком честный, я умираю [*<1 слово нрзб>*] от честности, потому что я [сознал, что] осознал, что я дурак новой жизни,— я стесняюсь жить... (Резкий стук в дверь).

Мешков (бросает газету; потом прячет ее под стол; быстро раздевается наполовину; опомнясь, одевается опять).

Стук в дверь повторяется.

Мешков (подбегает к телефону; [хрипло шепчет] берет трубку; хрипло шепчет).— Барышня, а барышня... Скажите мне что-нибудь ради бога...

Стук в дверь. Голоса.

Голос Жмякова.— Да здесь же он, я вам говорю. Я его [видел] только что видел, он мокрый был.

Мешков [(в телефон) — Б] (в телефон, хриплым шепотом.) — Барышня, а барышня!.. Пройшла гроза или нет?.. Барышня, товарищ!!

Стук в дверь. Голоса. ||

[Xl]

[67]

54

Голос Пужакова.— Дай я высажу всю снасть. Мешков хороший человек.

Z Дверь трещит.

Z Мешков бросается к столу, на котором лежал Абраментов, влезает на него и ложится вниз лицом.

Z Дверь вышибается извне.

Z В дверном отверстии появляются: Пужаков, Девлетов [с газетой] с чемоданом, Жмяков с газетой, несколько рабочих, мужчин и женщин; позади — Крашенина под руку с мужем.

Z Звук упругого пневматического [негром] удара.— негромкого, но глубокого и мощного. Комната сотрясается. Стол, на котором лежит Мешков, подпрыгивает — и Мешков [скатывается] скидывается на пол. Мешков вскакивает на ноги.

Z Мгновение общего тревожного напряжения. [Кроме Жмякова, который чрезвычайно спокоен]

Жмяков, наоборот, чрезвычайно спокоен.

Крашенина вырывает руку у мужа.

Девлетов (бросая на пол чемодан).— Что это?.. Немедленно всем в цеха!!

[Ж] Новый удар. Комната сотрясается. Общее

[Жмяков]

волнение. Мешков покачнулся всем телом. Д[иректор]евлетов, Крашенина и Пужаков [и другие] бросаются к выходу. Жмяков спокоен.

Жмяков (Девлетову).— Спокойно, директор. Это пробуют новые молотá, это еще неполные удары. ||

[68]

55

Девлетов и другие останавливаются.

[Девлетов.— Чья установка? Кто сегодня сменный инженер?

Жмяков.—

Крашенина.—]

Девлетов.— Да, я вспомнил... Кто проверяет установку? Чья сейчас смена?

Крашенина (подходя).— Моя смена.

Девлетов.— Почему вы не в цеху?

Крашенина (тихо).— Я провожала в могилу своего товарища — Абраментова.

Пауза.

Крашенина вдруг отворачивает свое лицо ото всех и закрывает его руками.

[*Девлетов*]

Муж Крашениной.— Олечка, не плачь! Ведь я с тобой остался! (Обнимает ее за плечи). Крошка ты моя...

Маленькая пауза.

Девлетов (медленно).— Так... (Крашениной). Ольга Михайловна, завтра у вас будет внеочередной выходной день.

Крашенина.— Как вам не стыдно? У меня новые молота на испытании.

Девлетов.— Здесь не стыд, а мой приказ. Здесь я директор! [*Товарищ*] Гражданин Крашенин, проводите свою жену домой.

Крашенина (оборачиваясь, с [сухим] высохшим лицом).— [*Я сама уйду. У меня сердце не перестанет биться. Извините*] ||

[69]

56

Я сама уйду. [*Мне трудно сейчас / Мне так тяжело сейчас*] Мое сердце прошло.

(Уходит. За нею следом уходит ее муж). [*Расходятся и случайные рабочие, бывшие свидетелями сцены*]

Пужаков [(*след Крашениной*)] — Бедная ты наша женщина.

(*Случайные рабочие, бывшие свидетелями сцены, расходятся*).

Девлетов (подходит к Мешкову, который стоял неподвижно во все время сцены).— А это что такое?

Жмяков.— А это, Илья Григорьевич, наш сознательный покойник, инженер Мешков [*Иван Васильевич*]. Он, [*скончался*] по официальным данным, скончался.

Девлетов [(*рассматривая*) (*всматриваясь* в Мешкова)].— В отпуск,— на месяц! На два месяца — на курорт!.. Завтра же оформить ему путевку!.. Надо прекратить эту психологию на заводе! Мертвых схоронить, живых вылечить. [(*Мешкову*) *Что вы хотите?*]

Мешков.— Я хочу теперь]

Мешков. — Можно я... можно я сейчас пойду подежурю за Крашенину? [*Мне захотелось*]

Девлетов.— Ступайте.

Мешков (делает движение и [опять] останавливается [*замирает*]).— Надо мной там [*засмеются*] массы засмеются...

Пужаков.— Идем, Иван Васильевич. (Берет Мешкова под руку.) Идем, никто не засмеется. Мы люди ||

[70]

57

тактичные, нам нравится интеллигенция. А ты [Н]ничего

[*Уходят.*]

Остается Девлетов и Жмяков

не бойся,— [*мы теперь с тобой вместе будем*] массы — они ведь добрые. Это только субъекты — сукины сыны!

[Мешков.— А я... а я полагал, что человек мне больше не ответит и мне теперь грустно]

Вставка «С»

Вставка «С» (к стр. 57).

Мешков.— А я... а я полагал, что человек нарочно не отвечает мне... Я скучал.

Пужаков.— Так то ж ты по буржую скучал, а не по человеку. Ты ж ни разу [*не пришел ко мне*] не жаловался мне, что скорблю, мол, и бедствую грудью... || ⁷⁰

Уходят. [Пужаков.—]

Остаются Девлетов и Жмяков.

Девлетов.— Ну, Владимир Петрович, а вы что такое?

Жмяков (серьезно).— А я же, Илья Григорьевич, последний мелкий буржуй на свете. Прикажете — и меня не будет.

Девлетов.— Дурите пореже, Жмяков... [*Нравитесь вы мне чем-то,— чорт вас знает...*] **Невежда хулиганит финкой, а интеллигент умом.** [*Смотрите, Жмяков, лучше вам все-таки перестроиться.*]

Жмяков.—]

Но нравитесь вы мне чем-то,— чорт вас знает...

Жмяков.— А тем, что я [*гад*] счастливый гад, Илья Григорьевич. [*Таких немного ведь*]

Девлетов.— Гадами ведь целый мир был населен — разве вы забыли? А [*все же*] вам надо перестроиться — я серьезно говорю.

Жмяков.— Зачем-же тратиться, Илья Григорьевич? Я человек дешевый и веселый,— я в социализм бубенчиком, бубенчиком вкачусь, позвоню немного [*и сам*] и замолкну сам. || ⁷¹

[XII]

[71]

58

[Девлетов.— Врете. Вы будете нашим — и тогда зазвоните еще веселей...]

Девлетов.— Прямо хуже вредителя, [*сукин сын*] сукин сын! [*Но ты врешь: все равно нашим будешь.*]

Жмяков.— Хуже, Илья Григорьевич, гораздо хуже. Вредители же [*пессимисты*] пессимисты были, а я всякой исторической необходимости рад! Даже вперед необходимости рад... А суд-то нам будет, Илья Григорьевич?

Девлетов.— Обязательно. Непременно.

Жмяков.— **Благодарю вас.** (Двигается и напевает.) Пускай могила вас всех накажет — мы еще разик поживем...

[*Бьют тяжелые моло*]

Частым тактом бьют тяжелые молоты. Комната сотрясается. Жмяков легко

⁷⁰ Вставка «С» выполнена химическим карандашом.

⁷¹ В рукописи порядок следования реплик Девлетова отмечен римскими цифрами. Предложение Гадами ведь ~ **разве вы забыли** помечено обведенной в кружок цифрой I; предложение А [*все же*] вам надо перестроиться — помечено обведенной в кружок цифрой II. Помета Вставка «С» сделана слева на полях после слов Это только субъекты — сукины сыны!

танцует в такт тяжелому ритму. [Девлетов сдержанно улыбается, берет чемодан и уходит.

Занавес.

Конец.]

См. сл. стр. ||

[72]

59

[Тихо. Один/ Жмяков один.

Жмяков.— Товарищи]

Сразу тихо. Жмяков останавливается. Девлетов берет с пола чемодан.

Девлетов.— Врешь, Жмяков: все равно ты нашим будешь. **А кроме нас — кому ты нужен! Кто оценит или поймет твою тревогу и твой характер?..** Социализм **ведь** широк. Будь здоров! (Уходит).

Жмяков один остался.

[Жмяков (спиной к зрителю, лицом к ушедшему Девлетову [—] (совершенно серьезно).]

Жмяков (совершенно серьезно; грустно).— Товарищи, я люблю вас... Но любить вас — с моей стороны бестактно, и я скрывался под улыбкой. До свиданья! (Идет к выходу).

Занавес.

Конец. ||

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 242, л. 1–45; карандаш.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ТЕКСТА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЛАТОНОВА 1930–1931 гг.: «КОТЛОВАН», «ШАРМАНКА», «ЮВЕНИЛЬНОЕ МОРЕ»

Статья и публикация Н. Дужиной

В настоящей публикации представлены документы фонда А. Платонова, которые так или иначе примыкают к трем произведениям писателя 1930–1931 гг.: «Котлован», «Шарманка» и «Ювенильное море». Это либо ранние неоконченные наброски, фрагменты которых затем вошли в данные произведения; либо записи, свидетельствующие о том, что Платонов пытался доработать уже законченный текст; либо рассказы, созданные на материале уже написанного. Мотивы появления последних понятны: начиная с «Чевенгура», несколько больших произведений Платонова не вышли в свет. Не имея возможности издать роман или повесть целиком, отдельные их фрагменты писатель либо публикует как самостоятельные рассказы, либо включает в новые тексты. Причина подобного «хозяйственного» подхода Платонова к своему наследию чаще всего проста: необходимость быстро получить цельный текст, чтобы печататься и зарабатывать деньги. Появившиеся таким образом рассказы могут и не иметь большой художественной ценности, а попытки дополнить законченное произведение — остаться нереализованными. Но значение всех этих материалов для каждого из трех произведений все равно велико: они помогают лучше почувствовать их реальный и литературный контекст, заглянуть в творческую лабораторию великого писателя, прояснить детали содержания в «головном» тексте, а иногда даже являются своего рода «мостами» от одного большого произведения к другому. Наконец, эти сопутствующие платоновским шедеврам записи и рассказы образуют собственный и не безынтересный сюжет. История текстов «Котлована», «Шарманки» и «Ювенильного моря» в предварительных набросках и последующих произведениях-«спутниках» типична и показательна для литературного наследия Платонова.

Над повестью «Котлован» Андрей Платонов работал, вероятнее всего, весной—летом 1930 г. Основные материалы истории текста «Котлована» опубликованы в изданиях: *Андрей Платонов. Записные книжки. Материалы к биографии*. М., 2000; *Андрей Платонов. Котлован: текст, материалы творческой истории*. СПб., 2000; *Вьюгин В. Ю. Андрей Платонов: Поэтика загадки*. СПб., 2004,— и уже давно стали доступны платоноведению. Они включают сам автограф повести (РО ИРЛИ); пометы к ее тексту в записных книжках писателя (ОР ИМЛИ); небольшой набросок под названием «Одни на свете (повесть)» (РО ИРЛИ); либретто киносценария «Машинист» (РГАЛИ). Если попытаться выстроить хронологически все до сих пор известные материалы истории текста повести, то пометы в записных книжках можно отнести уже ко времени работы Платонова над «Котлованом»: некоторые из них содержат отсылки к страницам рукописи. Незавершенный отрывок под названием «Одни на свете» (опубликован в книге: *Вьюгин В. Ю. Андрей Платонов: Поэтика загадки*), в котором появляются известные картины «Котлована» (пивная, сад совторгслужащих, дерево на

бугре) и прообразы его героев (Отчев и Сафронов), нам кажется наиболее ранним подступом к повести.

Публикуемый набросок без названия (1) — это новый документ в истории создания «Котлована». Вместе с фрагментом «Одни на свете» он, вероятно, относится к его предыстории: об этом косвенно свидетельствует авторская правка текста, первый абзац которого с некоторыми изменениями перешел в «Котлован» (см. транскрипцию автографа «Котлована», выполненную И. Долговым: Котлован. С. 169–170). Существование данного наброска говорит о том, что в преддверии «Котлована» Платонов делает несколько подступов к будущей повести и исходным в его замысле является образ героя с чувством «скорби пребывания в жизни». Здесь мы опять встречаем и пивную, и дерево на бугре, и сад совторгслужащих, и мечтающего о счастье героя, но он носит уже фамилию «Вошев». Главному действующему лицу этого безымянного наброска, как и герою «Котлована», потерявший в это время работу Платонов придает некоторые автобиографические черты, в данном случае — это сверхштатная работа литературного плана. И, видимо, личное чувство тревоги за судьбу своих юношеских идеалов и надежд.

*

Пьеса «Шарманка» — первое большое произведение, написанное Платоновым после «Котлована» (по нашим предположениям, в ноябре–декабре 1930 г.). В отличие от «Котлована», вся непростая история текста «Шарманки» документирована одним источником и полностью «прочитывается» по ее рукописи. Зато у «Шарманки» есть весьма любопытное «послесловие»: это два текста, написанных уже после ее завершения — «Вставка в “Шарманку”» и рассказ «Заблуждение на родине компота», в котором вновь появляются некоторые темы и образы «Шарманки».

Автографы многих произведений Платонова содержат так называемые «вставки» — эпизоды, которые писатель вносит в основной текст в процессе его доработки или при включении фрагментов более ранних произведений. Эти «вставки» Платонов, как правило, нумерует — с помощью либо цифр, либо букв, той же цифрой или буквой отмечая место в тексте, куда данный фрагмент полагается вставить. Имеются «вставки» и в рукописи «Шарманки». Их десять: вставка I (1-я картина I акта); вставки А, Б, В, Г, Д (2-я картина I акта); вставки Е, И, З (3-я картина I акта); вставка Р (1-я картина II акта). Последний, III акт вставок не имеет. Разнобой в нумерации (сначала вставка I, а затем А, Б, В и т. д.) и разная частота «вставок» наводят на мысль, во-первых, об особом времени «Вставки I»; во-вторых, о каких-то иных, чем простая доработка текста, причинах ввода остальных «вставок». Действительно, как показывает анализ автографа, появление большинства вставок в тексте «Шарманки» и их концентрация во 2-й и 3-й картинах I акта вызваны тем, что написавший большую часть пьесы Платонов неожиданно меняет свой замысел — основную тему, имена некоторых персонажей и последовательность их ввода в действие. Поворот в авторских планах произошел на 1-й картине II акта. По автографу можно реконструировать исходное тематическое ядро пьесы: это острая продовольственная проблема — отсутствие товаров в потребительской кооперации, реальный голод в стране, призывы руководства искать новые пищевые ресурсы и т. п. Причина, по которой писатель корректирует этот первоначальный замысел, кроется, вероятно, в каких-то реальных событиях, случившихся уже в то время, когда Платонов работал над текстом. Новая тематика пьесы, хотя иносказательно, но недвусмысленно указывает на то, что этим событием стал так называемый «процесс Промпартии» (ноябрь–декабрь 1930 г.) и реакция на него советского народа: массовые собрания и демонстрации под лозунгом «Смерть вредителям!» (см. об этом: *Дужи-*

на Н. «Действующие люди»: Проблемы текстологии пьесы «Шарманка» // Страна философов, 2000). Под впечатлением от происходящего Платонов переосмысливает проблему питания и исправляет написанное: он пишет заново всю 1-ю картину I акта (написана уже с учетом тех изменений, которые внесены в последующий текст), с помощью вставок (А, Б, В и т. д.) и исправлений основного текста вносит изменения во 2-ю и 3-ю картины I акта; начиная со II акта (а именно с того места, где он изменил свои планы), пишет «по-новому», поэтому вставок там практически нет. Вставка I (1-я картина I акта), имеющая особую нумерацию,— позднее добавление, которое повлекло за собой незначительные исправления по всему тексту (вызванные этой вставкой исправления легко вычлениаются). Сделана она Платоновым в конце работы над пьесой, как представляется, после печально знаменитой статьи Горького «Если враг не сдается, его уничтожают» («Правда», 15 ноября 1930 г.) и последовавшего затем объявления приговора по делу Промпартии («Правда», 10 декабря 1930 г.).

«Вставка в “Шарманку”» (в настоящей публикации, документ 2) не имеет ни цифровой, ни литерной пометы. В тексте пьесы также нет указания, куда ее следовало бы вставить. Это наводит на мысль, что она возникла уже после завершения всей работы над пьесой: ведь и само название «Шарманка» — позднее и появляется в автографе только перед списком действующих лиц, который был написан «набело» по окончании пьесы: на первом листе I акта вначале стояло другое название — «Человек, укравший установку». Однако места в пьесе для этой поздней «вставки» Платонов не нашел, да и не мог найти: слишком откровенная, резкая и злая, она не соответствует иносказательному тону «Шарманки». Кроме того, в ней совершенно иначе, чем в основном тексте пьесы, решена проблема связи «старой» и «новой» тем «Шарманки» — продовольственного кризиса в стране и политических процессов над «вредителями»: в «Шарманке» речь идет о пагубном влиянии политических процессов, которыми власть «кормит» население, на нравственность народа, а во «вставке» — о «нужном» влиянии этих процессов на его аппетит («Жить будут, а есть уже не захотят»). Как известно, почти все свои произведения Платонов пытался опубликовать — он писал их без ненависти к существующему режиму и поэтому не чувствовал за собой вины. Так было и с «Чевенгуром», и с «Котлованом». Может быть, Платонов надеялся куда-нибудь «пристроить» и «Шарманку»? Но с такой откровенной и не оставляющей сомнения в воззрениях писателя «вставкой» это было бы совершенно невозможно. Для нас же это добавление к «Шарманке» является лишним доказательством того, что основная тема и проблема пьесы — это политические процессы над «вредителями».

Пьеса «Шарманка» при жизни писателя не была ни опубликована, ни поставлена в театре. И пока неизвестно, делал ли Платонов какие-то попытки в этом направлении. Однако вскоре после завершения «Шарманки» у нее появляется «дочернее» произведение — созданный на основе «Шарманки» (очень может быть, под какую-то договоренность о публикации) сатирический рассказ «Заблуждение на родине компота». И в этом «Шарманка» повторила судьбу других «непроходных» текстов Платонова. Рассказ «Заблуждение на родине компота» написан в 1931 г. Хотя он, как и многие произведения Платонова, не датирован, однако именно на эту дату есть прямое указание в самом рассказе: его действие происходит в «третьем, решающем году пятилетки», каковым был 1931 г. Для данного рассказа Платонов берет некоторые второстепенные детали сюжета «Шарманки», которые после корректировки авторского замысла пьесы отошли на второй план: это «прорыв на фронте снабжения» в работе одной местной кооперации, за отсутствием других товаров отпускающей своим пайщикам клей; дефицит в кооперации обычных продуктов питания, и как следствие — необходимость открыть новый «ресурс кормления» населения, способный превра-

тить ее в форму пищевого Донбасса; идея разрешить мясную проблему посредством организации рачьих пучин, а постное масло заменить ореховым соком. Эти темы «Шарманки», а также имя одного из ее героев (Щоев), покаянное признание другого (Алеши) и призыв Кузьмы «сеять кенаф и клешевину» Платонов и переносит в рассказ «Заблуждение на родине компота», который он создает из каких-то своих же собственных штампов. Кроме тем «Шарманки», в рассказе можно найти и другие автореминисценции, например, путешествие одного из героев в «аппарате» на луну (рассказ «Лунные изыскания», 1926). Все эти известные платоновские мотивы связаны типом героя и сюжетом, во многом напоминающим рассказ «Государственный житель». И одно только «оригинальное» есть в рассказе «Заблуждение на родине компота» — это краеведческая тематика и некоторое количество связанной с ней «местной» лексики. Что особенно любопытно, никогда ни до, ни после рассказа «Заблуждение на родине компота» краеведческая тема не звучала у Платонова так открыто. А между тем, он еще с раннего, воронежского периода жизни был связан с краеведением и своим творчеством, и знакомством со многими представителями данного движения — на эту связь впервые указала Д. Московская, анализируя ранние платоновские произведения (см. об этом и о краеведении 1920-х гг.: *Московская Д. Платонов и краеведение // Страна философов, 2003*). Чтобы понять, что вызвало к жизни рассказ «Заблуждение на родине компота» (а также, забегая вперед, скажем: и проложить мост к некоторым сюжетам «Ювенильного моря»), посмотрим на то состояние, в котором находилось краеведение в 1930–1931 гг.

Краеведение — зародившееся еще до революции движение по изучению родного края, после революции ставшее массовым и охватившее самые разные слои населения, от школьников до известных ученых (например, Бахрушин С. В., Феноменов М. Я., Чаянов А. В., Томашевский В. Б. и др.), в том числе академиков (Ферсман А. Е., Марр Н. Я., Ольденбург С. Ф. и др.). Краеведы имели свои исследовательские и просветительские общества, свою периодическую печать, рубрики в некоторых «толстых» журналах; издавали сборники своих трудов; работы известных ученых-краеведов публиковались в исторических, этнографических, археологических и пр. научных изданиях («известиях» и «трудах»). В 1920–1930-е гг. существовали областные краеведческие общества: Воронежское, Московское и пр. При Всероссийском Союзе Советских Писателей (ВССП) возникает краеведческая секция, при Центральном Бюро Краеведения (ЦБК) — объединение писателей-краеведов. У краеведения в 1920-е годы была своя тематика — это народные промыслы; местные обычаи, одежда, быт, жилище, язык, фольклор и прочие «областные» темы; «старина» в любых ее проявлениях; фенология. Вероятно, в таком своем виде краеведение становится убежищем для тех ученых, писателей и просто людей, которые не могли вписаться в новую советскую действительность с ее проблемами. И тогда в конце 1920-х гг. власть решила взять краеведение в свои железные руки и перевести его «на советские рельсы»: в декабре 1927 г. на III Всероссийской краеведческой конференции впервые звучит термин «советское краеведение», специфический предмет которого отныне время от времени обсуждается. В 1930–1931 гг. руководство страны перешло к более решительным действиям, ставящим предел независимости краеведения. Вместо журнала «Краеведение» (1923–1929 гг.) в 1930 г. появляется журнал «Советское краеведение». Он объявляет о «новом этапе в краеведении», который выражается в «замене старых задач академического краеведения новыми, отвечающими эпохе диктатуры пролетариата», о пересмотре содержания краеведческих работ, переходе краеведения на обслуживание социалистического строительства и т. д., и т. п. (Новый этап в краеведении: передовая // Советское краеведение. 1930. № 1–2). Чтобы вести краеведение в нужном направлении, в январе 1931 г. при Комкадемии создается общество краев-

ведов-марксистов. В этом «третьем, решающем году пятилетки» произошел существенный «сдвиг» в борьбе со старым краеведением и его кадрами. Формы этой борьбы — кампании в печати и несколько сборников, критикующих старое академическое краеведение и в очередной раз декларирующих задачи нового, советского. Показательны два из подобных сборников: «Против вредительства в краеведческой литературе» и «За марксизм в советском краеведении». Любопытно, кого и за что критикуют поборники «советского краеведения». Это, вкупе с историком-краеведом Бахрушиным, известные историки Платонов, Тарле и Богословский, в трудах которых «преобладала узкая областная тематика, например, работы Бахрушина о тобольских воеводах в 17 в., работы Богословского о провинциальных городах в 16–17 вв.»: эти историки своими работами демонстрируют «уход от широких, центральных тем к темам узким, областным», «от революционной, близкой нам тематики к далекому прошлому», что дает им «возможность маскировать свои антисоветские стремления; на материале истории какого-либо провинциального города XVII века было гораздо удобнее протасовать контрреволюционную историческую схему и укрыться от прямого ответа на основные кардинальные вопросы, которые резко, в упор ставились историками-марксистами» (*Рубинштейн Н.* Борьба с классовым врагом в краеведческой литературе и задачи историков-марксистов // Против вредительства в краеведческой литературе. М.—Ив.-Вознесенск, 1931); «реставраторские, кулацкие, великодержавные <...> установки этих озлобленных врагов октябрьской революции еще и до сих пор прорываются в различных исторических, географических и прочих «сборниках», «известиях» и «трудах»; вся работа этих вредителей в органах советского краеведения была направлена в основном к тому, чтобы сузить круг краеведов до круга знатоков, ценителей и любителей российских древностей, <...> чтобы повернуть краеведение лицом только к прошлому» (Под знамя большевистской партийности: предисловие составителя к первому сборнику ОКРАМА // За марксизм в советском краеведении. М.—Л., 1931).

Краеведческому движению настойчиво предлагается «взять прицел <...> на сегодняшний день» (*Клабуновский И. Г.* К организации общества краеведов-марксистов // За марксизм в советском краеведении) и согласовывать свою работу с работой местных плановых органов (*Смидович П. Г., Кржижановский Г. М.* Социалистическое строительство и краеведение. М., 1930). Когда в стране все больше и больше ощущается дефицит продовольствия, отсутствие продовольственных товаров в открытой торговле и снижение норм их отпуска населению, власти призывают население страны самостоятельно изыскивать новые пищевые ресурсы (исходная тема «Шарманки»). К этой же работе начинают привлекать и краеведов: «Центральный Научно-исследовательский институт пищевой промышленности обратился к Московскому краеведческому обществу с предложением помочь в изыскании новых источников пищевого сырья. <...> Московское краеведческое общество <...> в настоящий момент, когда на продовольственном рынке чувствуется большой недостаток в мясе и отдельных овощах <...>, обращается ко всем краеведческим организациям, к рабочим, крестьянам и др. с предложением принять участие в изыскании сырья» (Дикорастущее сырье и пищевая промышленность // Краевед-массовик. 1930. № 2). Итогом подобных подвижек в тематике советского краеведения стало постановление СНК РСФСР от 30 марта 1931 г., определившее задачи краеведческих организаций следующим образом: «Изучение производительных сил и природных богатств страны, изыскание дополнительных местных ресурсов, могущих быть использованными в интересах развития социалистического строительства <...>, внедрение новых культур, выявление новых предметов экспорта» (БСЭ. Т. 34, 1937). В этих задачах не было ничего нового и специфически краеведческого — они полностью перекладывали на краеведение те проблемы, которые стояли перед всем населением

страны, и развивали тему поиска новых «ресурсов кормления», вызвавшую к жизни «Шарманку». Не это ли подтолкнуло Платонова к созданию рассказа «Заблуждение на родине компота», в который он решил «пристроить» соответствующие новым задачам краеведения темы своей пьесы? Можно предположить, что не имеющий возможности опубликовать «Шарманку» писатель собирался предложить в какой-то краеведческий сборник созданный на ее основе рассказ. Но рассказ получился сатирическим, в том числе и по отношению к краеведению. Сейчас трудно определить, стремился ли Платонов к такому эффекту, или он хотел написать соответствующее духу времени произведение, а получилось, как всегда? Однако в таком виде рассказ Платонова, конечно, не мог быть опубликован краеведами. О действительных попытках публикации рассказа ничего не известно. Но, возможно, эти попытки и были: в фонде писателя сохранился только один экземпляр неавторизованной машинописи рассказа (3), да еще фрагмент автографа (4), который содержит важные исправления, имеющие значения и для «Шарманки».

*

Как уже было сказано выше, при ВССП существовала краеведческая секция. В «Литературной газете» от 30 июня 1931 г. читаем: «Этим летом краеведческая секция отправляет в различные районы СССР 12 писателей (сроком на 2–3 месяца). Писатели обязуются дать определенный листаж литпродукции, показать в художественных очерках, повестях и рассказах героев социалистической пятилетки», а 10 сентября 1931 г. та же самая «Литературная газета» в заметке «Писатели-краеведы в районах строительства» сообщает: «Краеведческая секция ВССП послала в районы строительства, совхозы и колхозы около 20 писателей. На днях, на расширенном заседании секции писатели-краеведы гг. П. Сухотин, П. Ширяев (Иссык-кульский конесовхоз), П. Скосырев (Проблема Терека), Д. Стонов (Магнитогорск) отчитались в своей работе». Один из этих двадцати писателей, поехавших в колхозы и совхозы СССР от краеведческой секции ВССП,— Андрей Платонов. Вот что пишет Н. Корниенко в примечаниях к записным книжкам писателя: «Летом 1931 г. Платонов вновь едет в районы Средней Волги, о чем свидетельствует выданное ему 15 августа Всесоюзным государственным объединением “Скотовод” командировочное удостоверение, в котором указывается, что “тов. Платонов, занимающий должность члена общества писателей-краеведов, командировается в Средневожский край по совхозам”» (Записные книжки. С. 346). И ниже: «Летом 1931 г. Платонов был в нескольких командировках. Сохранились командировочные удостоверения, выданные Всесоюзным государственным объединением “Скотовод”, для поездки в совхозы Средневожского края (РГАЛИ) и районы Северокавказского края...» (Там же. С. 350). Литпродукция, которой Платонов, как и прочие командированные на стройки пятилетки, должен был отчитаться перед коллегами-краеведами и которая появилась в результате летних поездок 1931 г. по Средней Волге и Северному Кавказу — повесть «Ювенильное море», написанная Платоновым, вероятно, осенью 1931 г. Действие повести происходит в мясосовхозе № 101, расположенном в арало-каспийской степи. И в этом Платонов не отступил от действительности: такой мясосовхоз существовал и находился в Ставрополье. Не исключено, что именно его Платонов даже посещал летом 1931 г. Логично было бы предположить, что и действующие лица «Ювенильного моря» имеют какое-то отношение к данному мясосовхозу и являются героями этого участка социалистического строительства, что и предполагалось в задании отправляющимся по совхозам писателям-краеведам. Но вот здесь, похоже, Платонов отступил от реальности: как свидетельствуют материалы архива, главные герои «Ювенильного моря» Вермо, Босталоева, Умришев и

Федератовна появляются в набросках писателя раньше повести и, возможно, даже до поездки его по Северному Кавказу.

В фонде Платонова находятся два связанных между собой, но имеющих разную нумерацию черновых набросков к ненаписанной пьесе без названия. В этих набросках и фигурируют четыре вышеназванных персонажа. О том, что эти наброски появились раньше повести, говорит прежде всего логика работы Платонова над текстом: незаконченные фрагменты обычно предшествуют основному тексту, в который они потом частично могут включаться. Если же Платонов возвращается к уже написанному произведению и создает на его основе новое, то такое «дочернее» произведение он, как правило, доводит до завершения, ибо само его создание связано с конкретными планами публикации. О предшествовании «набросков» «Ювенильному морю» говорит также характер авторской правки (например, в одном из «набросков» появляется Федератовна, но ее имя Платонов находит не сразу, а после перебора нескольких других имен) и соотношение этих текстов (чтобы можно было их сравнить, мы приводим фрагменты автографа «Ювенильного моря», пересекающиеся с «набросками»). Наконец, некоторые незначительные реалии времени, которые встречаются в «набросках», тоже косвенно свидетельствуют о том, что те появились раньше конца 1931 г. Так, Босталоева планирует свою встречу с Вермо (в нашей публикации документ 5): «Возвратиться раньше хотя бы фундамента социализма я не могу». «Фундамент социализма», как следует из периодической печати, должны были построить к концу 1931 г. 1 января 1931 г. газета «Правда» провозглашает: «Позади — первые два года пятилетки, впереди — решающий третий год, год завершения фундамента социалистической экономики»; 21 января (и в последующие месяцы) напоминает: «Фундамент социалистической экономики будет построен нами в этом году». Поэтому и Босталоева, очевидно, строит свои планы с учетом того, что фундамент социализма будет построен к концу года и тогда она сможет уделить внимание личной жизни. К построению фундамента социализма приурочивают и другие мероприятия этого года, которые тоже нашли отражение в набросках и затем перешли в «Ювенильное море»: «Год завершения построения фундамента социалистической экономики должен быть годом борьбы за сплошную грамотность» (Итоги пленума ЦК ВКП(б) и задачи культурной работы // Культурная революция. 1931. № 18 (30 июня). С. 18). Поэтому в 1931 г. возникает очень много кружков по ликвидации неграмотности (об этом пишут больше, чем в 1930), где взрослые люди, среди которых много сельских жителей, учатся писать и читать. Лозунг года «построения фундамента социализма»: «Ликвидация неграмотности, всеобщее начальное обучение и политехнизация школы» (см. об этом: Культурная революция. № 3). Отсюда — просвещенность Федератовны и ее знание, что такое «аш два о» (документ 6), которое перешло затем в «Ювенильное море». А страхи Федератовны перед интервенцией вызваны публикациями в печати материалов с суда по делу «меньшевистской организации “Союзное бюро РСДРП”» (февраль–март 1931 г.), названной «контрреволюционной, интервенционной и вредительской». На этом суде подсудимые признавали, что интервенция — одна из целей их организации и орудие борьбы с диктатурой пролетариата. Но уже в речи на совещании хозяйственников 23 июля 1931 г. Сталин успокаивает население: «Что касается интервенционных упований буржуазной интеллигенции, то надо признать, что они оказались, — пока, по крайней мере, — домиком, построенным на песке» (*Сталин И.* Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства // *Сталин И.* Вопросы ленинизма. М., 1937. С. 460).

В двух неоконченных набросках Умришев — не советский служащий, не директор совхоза и не опальный пенсионер, а профессор. При этом в одном из фрагментов (документ 5) он превращается в иностранного профессора по фамилии Интергом — это имя впослед-

ствии станет у Платонова женским и перейдет к иностранке из пьесы «14 Красных избушек». Возможно, Платонов не хотел отказываться от того типа героя, который нашел в «Шарманке» и который затем вновь появится в «14 Красных избушках». В «Ювенильном море» Умрищев уже типичный для времени отрицательный персонаж — руководитель совхоза, оказавшийся оппортунистом. Вермо, пришедший в возглавляемый Умрищевым совхоз, видит его читающим «старинную книгу в заржавленном, железном переплете». Чтение старинных книг — повторяющаяся в платоновском творчестве деталь: в «Чевенгуре» читает старинные книги лесной надзиратель, ищущий в прошлом подобия советскому времени. Но у Умрищева мотивы интереса к старинным книгам иные — он мало интересуется строительством социализма, советской действительностью и актуальными проблемами сегодняшнего дня: Умрищев «любил все темы, кроме скотоводства, и охотно отдавал мысль любой далекой перспективе, лишь бы она находилась на сто лет впереди или на столько же назад». И вот что любопытно: чтобы показать эту черту Умрищева, Платонов добавляет в его чтение немного традиционной краеведческой литературы: «После ухода инженера Умрищев взял из-под стола следующую книгу и заинтересовался ею. Это была “Торговля пенькой в Шацкой провинции — в 17 веке”. Он и пеньку любил, и шерсть, и пшено, и быт мещерских и мордовских племен в моршанском крае, и черное дерево в речных глубинах, и томление старинных девушек перед свадьбой — все это полностью озадачивало и волновало душу Умрищева». Для показа отрицательных черт своего героя Платонов «заимствует» те обвинения, которые выдвигались в советской печати против старого академического краеведения — любовь к старине, к этнографии и прочей «местной» тематике (выше мы уже приводили и обвинения в адрес академического краеведения, и образцы названий подобной литературы). Для сравнения с этим кругом интересов платоновского героя назовем еще несколько осужденных за тематику работ одного из самых известных краеведов-историков, Бахрушина С. В.: «Агенты русских торговых людей в XVII веке», «Мангазейская община в XVII веке»; «Княжеское хозяйство в XV и первой половине XVI в.» и др. Или несколько статей из краеведческого сборника «Московский край в его прошлом»: «Звенигородские железные дороги в XVII в.»; «Московские слободы и сотни в XVII в.». Так, «Ювенильное море» неожиданно сомкнулось в тематике с рассказом «Заблуждение на родине компота».

Повесть «Ювенильное море» написана в конце 1931 г. и к началу 1932 г. сдана в издательство «Советский писатель». Внутренняя рецензия издательства была отрицательной, после чего не могло быть и речи о публикации повести (см. об этом: Записные книжки. Примечания Н. Корниенко. С. 354). И тогда Платонов, как обычно, использует текст повести для новых произведений — чтобы иметь то, что можно предлагать в издательства.

В фонде А. Платонова есть два документа под названием «Человек нашего времени»: незавершенный набросок и рассказ (обозначенный как очерк), в который включены фрагменты машинописи повести «Ювенильное море». Для точной датировки наброска (в настоящей публикации документ 7) нет достаточных оснований. Это может быть 1930, 1931 или 1932 г. Идея человека своего времени — нового человеческого типа, сформировавшегося в советскую эпоху, героя или даже антигероя — занимала писателя более или менее всегда. В его записных книжках 1931 г. есть несколько записей на тему «Человек великого времени» (см. об этом: Записные книжки. С. 82; 86; 148), никак не пересекающихся по содержанию с приводимыми ниже материалами. Действие наброска «Человек нашего времени» происходит в Ленинграде, где Платонов бывал и даже работал в 1930, 1931, 1932 и др. годах. Одноименный рассказ, или, как он назван у Платонова, очерк (документ 8) написан тоже в Ленинграде — об этом свидетельствует надпись в конце: Ленинград, 24/V. Год не указан,

но в рассказе использованы фрагменты машинописи повести «Ювенильное море» — вероятно, это был 1932 г., когда «Советский писатель» отклонил платоновскую повесть. Трудно сказать, какие черты в характере и биографии героя своего рассказа-очерка Платонов считал типичными для «человека времени»: может быть, то, что он разделил судьбу технической интеллигенции (об этом — в комментарии к рассказу)? Интересно, что обоим столь разным «людям времени» Платонов опять придает автобиографические черты: это возраст (одному тридцать лет, другому тридцать один) и деятельность, только героя отрывка волнует творчество, а герой рассказа — инженер. Любопытно и то, что герой рассказа обнаруживает также некоторые черты «государственного жителя» — типа, к которому Платонов время от времени возвращается (например, в рассказе «Заблуждение на родине компота»). Возможно, «государственный житель» и был «человеком времени» или просто легким шаблоном, к которому Платонов прибегал в «коммерческих» ситуациях.

1

На глинистом бугре шумело дерево и с тайным стыдом подворачивались его листья. В саду совторгслужащих томился духовой оркестр [*о чем-то утраченном и недостижимом,*], и его скачущая, однообразная музыка уносилась ветром в природу. В одном доме было открыто окно в природу — в привражную пустошь на краю [*гор*] города; за тем оврагом поднимался бугор в высоту и на нем трепетало дерево от ветра,— вестника [*гонимых*] близких, гонимых туч и дождя. У окна сидел постаревший человек, он слушал музыку с наслаждением, ему редко в жизни полагалась радость; он чувствовал, что музыка <нрзб> ему тот, лучший свет за [*близким*] **неясным** горизонтом, но слушатель ничего не мог совершить равнозначного музыке [*он <2 слова нрзб> ожидал*] и проводил вечернее время неподвижно. В денежные дни он наведывался в пивную, где невыдержанные люди предавались забвению своего несчастья; там ему бывало легче, [*<нрзб>*] отвлеченнее, все-равно, — там он, возбужденный горечью напитка, начинал надеяться, что одолеет свою скорбь пребывания в жизни и перейдет горизонт на ту сторону. Другие тоже надеялись и **заранее** тратили все деньги на пиво, [*ни*] — отрекаясь от средств существования ради чувства неизбежного счастья. [*Зо*] Среди них и присутствовал Вошев, выпивая и питаясь воблой. А после пивной снова присаживался дома к окну, **чтобы** наблюда[л]ть [*суровую тьму ночи, ветер*] нежную тьму ночи, слушать разные грустные звуки и мучи[л]ся[т]ся [*в*] сердцем, [*окружают которое*] окруженным жесткими каменистыми костями. ||

2

Ночь прекращалась, и Вошев шел **поутру** служить в Комитет Уставов — на свою должность сверхштатного литератора в **комитетском** журнале [*Комитета*] «Оформление». Служба Вошева не требовала [*труда, все усилия сверхштатного литератора*] производства чего-либо, сверхштатный литератор обязан был лишь отстаивать журнал «Оформление» от угрюмой политики Комитета Согласований, котор[ому]ый [*этот журнал [требовался] [требовалось для] требовалось обратить в свой*] чрезвычайно нуждался в собственном печатном органе; [*без журнала Комитет согласований задыхался, не освежаясь необходимым мнением с мест. Редактор «Оформления», будучи Председателем Комитета Уставов, настолько врос в пост, что*

круглые сутки остерегался, как бы где не появилось [учре] безуставного учреждения; устав же считал смыслом жизни учреждения, без устава сейчас-же начинался бюрократизм, потому что служащие не имеют оформления своей деятельности, а отсюда и необходимость в журнале «Оформление».] [для пользы] он задыхался без него; но и Комитет Уставов тоже не мог нормально действовать без своего журнала, он должен был постоянно информировать учредительские массы, что безуставных учреждений быть не должно; кроме информации, [в журнале] журнал имел еще [два] [три] три отдела — Наша Линия, [и] На Уставной Стройке и Организационные Вести,— но в эти отделы материал не писался[,: редактор раз навсегда приказал Вошеву, в целях безопасности, брать статьи из других изданий, коим по уставам более надлежало рассуждать.

— Ты знаешь, Вошев,— обратился редактор,— наша линия теперь точна и тонка как бритва, впереди других идти не сумеешь, лучше будем следовать. ||

3

[— Лучшее,]

— Это лучше, Федор Андреевич,— не возражал Вошев, зная вперед, что его не спрашивают, а [предписывают] дают предписание.

И Вошев резал статьи и заметки в тишине своего учреждения, а потом [наклеивал] перепечатывал их на машинке, для [видимости производства] порядка в делопроизводстве, и отправлял в типографию. Часть журнала, а именно — информацию Комитета Уставов — Вошев не заполнял: председатель Комитета, он же редактор, составлял его [лично] сам со своими помощниками и начальниками отделов

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 2, ед. хр. 43, л. 1–2; карандаш. Текст не завершен, внизу листа — варианты подписи «Андрей Платонов».

...в саду совторгслужащих...— Такие объекты развлечения, как парки культуры и отдыха, дворцы культуры и пр., являлись в СССР профсоюзной собственностью, в данном случае, собственностью профсоюза совторгслужащих.

2

Вст. в «Шарманку»

Шоев. Остановись, Евсей!.. [Дай мне пустяк в голове] Какой-то пустяк в голове промчался.

Евсей (всему учреждению). Замри!

Все замирают в бездействии. Пауза.

Шоев. У меня мысль организовалась!

Евсей (учреждению). Вперед, товарищи, к новым победам!

Учреждение трогается в [писчей] писчебумажной, счетной и прочей работе.

Евсей. Я готов, Игнат Никанорович!

Шоев. Постой — дай я выговорю... Гениальность какая-то [борется / мешает] мне [сказать] выражаться. Чувствую только одну [какую-то] четкость[. Свет освещает], как свет [горит, а кругом жизнь] в пустоте.

Евсей. Осторожней, Игнат Никанорович...

Шоев. Да я не спешу, Евсей... Эх, Евсей, не ликвидировать ли нам аппетит прямо в принципе!

Евсей. Игнат Никанорович! Это же [гиган] будет гигантски! Я бы, если выдумал такую мысль или аналогию,— я бы сто лет на премию жил! Отчего у меня гениальности мало!

Шоев. Ну, Евсей, [я-же человек возглавляющий!] нельзя же думать кому попало!

Евсей. Игнат Никанорович — [ради бога] ты вот что, давай-ка [Дай-же] мне поскорей ради бога установку на ликвидацию аппетита.

Шоев. Даю, Евсей. [Ликвидируй] Приступай к факту.

Евсей. [Приветствую! Я] А не будет ли это схематично, Игнат Никанорович?

Шоев. Что ты, Евсей, упрощаешь меня... [Надо] Это-же надо сделать культурно, принципиально, с перспективой, а не механически [, без] и не самотеком...

Евсей. А как же, Игнат Никанорович? Ведь я-ж пред тобою мнимый человек!

Шоев. [Как? Ты] А вот как, Евсей! Ты дай ка мне сведения о том, что страшнее голода среди населения...

Евсей. Смерть, Игнат Никанорович!

Шоев. Ты прав, Евсей... Приурочь-ка смерть поближе к населению!

Евсей. [А?] (теряясь). А?

Шоев. Что — а? Я тебе говорю: приурочь мне смерть ближе к массам!

Евсей. Убить их?!

Шоев. Дурак! Это же контрреволюция, а нам нужно принципиальное мероприятие [я]е... Пускай смерть приблизится к населению и аппетит у них отобьет. Жить будут, а есть [не] уже не захотят: у них настроение изменится...

Евсей. А еще как, Игнат Никанорович? Я никак не постигну глубины [уста] твоей установки!

Шоев. Что-ж, постигай подробно! Я [могу] и конкретно могу. Я могу [все] происхождение всего мира рассказать! Ты пусти директивку — согласуй с высшими инстанциями — что, дескать, все враждебные элементы населения будут рассеяны среди природы и ландшафта...

Евсей. (не понимая, разочарованно). [А дружест] Так [—] это одни враждебные элементы, Игнат Никанорович! А дружественные чем кормить?

Шоев. Мнимый ты человек, Евсей! Так все-же враждебные! А то ты думал — население, это что? [Ты переоценив] А дружественных у нас быть не может — это [<1 слово нрзб>.] гибель, [Дружественные] они в заблуждение нас вводят. Дружественные элементы — это величайшая опасность, Евсей: [они] пойми поскорей эту опасность! Население, это классовый враг, Евсей!

Евсей. Игнат Никанорович! Боже мой, у меня сердце тоскует!

Шоев. Напрасно оно тоскует, Евсей! Оно радоваться у тебя должно... Ты пусти директивку сквозь всю едоцкую массу,— что мы их начнем скоро рассеивать в [проста] мировом пространстве, в бесконечности.

Евсей. Испугаются все, Игнат Никанорович! Для массы это смерть: в мировом же пространстве нет ни домашней утвари, ни домов, ни пищи,— [одно скучное вещество — ветер и глина] ни кооперативных спичек — глина только и ветер... Там климат один, Игнат Никанорович,— они ужас почувствуют! Они согнутся и помрут все враз!

Шоев. А ведь и нужно, Евсей, чтоб массы ужас почувствовали — у них аппетит пропадет, [желудок] а у нас фонды появятся!

Евсей. А ведь верно, Игнат Никанорович!

Шоев. Ну а то как-же! Смерть сразу прекратит мешанский аппетит, сразу снабже-

ние можно упорядочить... А смерть массам не страшна, Евсей: они никогда не помрут — испугаются только...

Евсей. Как не умрут? Они же застынут в пространстве, когда мы выбросим их из района?

Щоев. Эх, Евсей! Если б массы наши умирать могли, они бы давно кончились!

Евсей. Как?!

Щоев. Ну ясно-же как! Раньше то им лучше было, а население по статистике все растет и растет, как из вечной [бездны] прорвы какой! Значит, наши массы умирать не могут — [мы их] им хорошо!

Евсей. А ведь и верно, Игнат Никанорович,— [отчего] отчего ты руководитель, наш величайший гений, а сидишь в районе?

Щоев. [Ну] Значит, Евсей, в центре [гени] такие люди, что [я пр] даже я пред ними вроде того, как ты предо мной — одна мнимость, психующий пустяк!

Евсей. Верно, Игнат Никанорович, это ведь действительно верно!

Щоев. Ну ты вот что — ты спеш! Организуй мне [смерть] ужас смерти среди масс — ликвидируй этот [мещанский] оппортунистический всеобщий аппетит! [Надо предпринимать большев] Поступим, Евсей, [как всегда] по-большевистски! [Побольше] Побольше непримиримости! Вперед, Евсей, к новым достижениям — [среди разгара] в дальнейший разгар классовой борьбы!

Евсей. Вперед, Игнат Никанорович!.. [Я вижу] Да здравствует наш классовый маяк!

Щоев. Какой маяк, Евсей? Что ты путаешь! У нас бурь нету — нам маяки не нужны! Бури в [западных] капит. странах бушуют сейчас, Евсей,— вот где [страшно. <3 слова нрзб>] жутко! А нам маяк ни к чему — все и так видать насквозь!..

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 238, л. 103–104; карандаш.

...ни кооперативных спичек...— Кооперативные спички — одна из популярных тем сатирических журналов этого времени: кооперативные спички отличались тем, что не горели.

...а население по статистике все растет и растет...— Последние «данные» о росте населения в СССР — заявление Сталина в отчетном докладе ЦК на XVI съезде ВКП(б), состоявшемся 27.VI.—02.VII.1930 г.: «ежегодный прирост населения составляет у нас более 3 млн. душ» (Сталин И. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) // Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1937). Никаких официальных статистических данных для данного заявления у Сталина не было: первая всесоюзная перепись населения состоялась в 1926 г.; следующая, несмотря на предложения провести ее и в 1930, и в 1932, и в 1934 гг., — только в 1937 г. Заявление Сталина о росте населения было лицемерным, так как сделано после первого этапа коллективизации, повлекшей за собой огромные человеческие потери, но власти нужен был миф об увеличении человеческих ресурсов страны как показателе ее мощи, и Сталин неоднократно заявляет о росте населения Советского Союза и даже называет цифры роста, экстраполируя темпы роста населения в период после 1926 г. на 1930-е гг. (Блюм Ален, Меспуле Мартина. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М., 2008).

...Бури в капит. странах бушуют сейчас... вот где жутко...— Капиталистические страны в это время (с 1929 г.) переживали экономический кризис, о котором много писала советская пресса.

3

13

*

Что же произошло в Клещевинской кооперации, умножившей свои силы на усердное [*заботливое*] сердце и на заботливый ум Журкина?

План Журкина был прост и всецело рассчитан на энтузиазм жителей.

Мясная проблема разрешалась посредством организации рачьих пучин в водных окрестностях Клещевинска.

Овощ заменялся [*грибами*] грибами, [*для [чего грибные едоки] сбора которых предназначалось мобилизовать всех капиталистических старичков, а постное масло*] а постное масло ореховым соком. Для сбора, а также для транспорта грибов и орехов — назначалось проложить во все стороны от города тракты, а от них протянуть тропинки — и пустить по тем путям бригады старичков и старушек с кошелками.

Из городских сооружений Журкин определил одному [*баку*] устройству служить [*продоволь*] улучшению снабжения, — это был бак на пожарной каланче. Бак предполагалось заполнять не водой, а молоком, с тем, чтобы молоко шло затем по трубам в водоразборные колонки и в некоторые дома [*. В случае же пожара*] для питания. В случае же пожара [*молоком было*] его мож огонь можно смело тушить тем же молоком, а пенки [*затем следовало с*], что неминуемо образуются на пепелищах, следовало затем собирать и опять таки употреблять их с выгодой для пищевых нужд. Журкин подтверждал ||

14

правильность наполнения бака молоком тем расчетом, что все-таки дешевле тушить пожары молоком, чем строить специальную молочную башню. Пожарные пайщики, опустив **вначале** для размышления усы, **вскоре** согласились с мнением Журкина.

Совершив все означенные дела, Журкин натошак уехал в свой город; он хотел поскорее доложить, что прорыв на фронте снабжения в Клещевинске он ликвидировал без остатка и готов снова о чем-нибудь [*но*] позаботиться, — хотя бы по налаживанию организации массовых квасоварен, о чем пришла ему отличная мысль.

*

Однако [*райко*] профсоюз, узнав про клещевинские дела, поставил Журкину [*что-то*] **что-то** на вид. Журкин [*попытался узнать*] запотел от неожиданного горя и качнулся телом, чтобы стронуть остановившееся сердце; спустя же час он написал в профсоюз громадн[ую]ое [*бумагу*] заявление, в котором целиком и полностью признавал свои ошибки, считал их явным признаком оппортунизма, **загиба** и примиренчества, а в конце приписал печальными буквами:

«Несмотря на [*со*] *самосознание*] осознание себя правым, левым и [*примирен*] присмиренцем, я **все** еще горюю и [*все*] **это** заявление **свое** считаю явно недостаточным, **то есть** обычной [*явно*] негодной попыткой маскировки классового врага. К сему лично Журкин. Член бродильщиков № 00037418161Ф».

Доставив заявление в профсоюз, Журкин сильно успокоился и купил несколько [*газет*] книг, ||

15

чтобы приобрести из них [*твердую*] **вечную** установку.

В [газетах] одной книге он впервые [уз] прочитал про Кенаф и Клещевину, и ночью видел во сне делопроизводителя Кенафа, женившегося на [копировщице] слесаре Клещевине, а в шаферах ходили еще два растения — продмаг Кендырь и он, Журкин. Хандрила-же, шофер полугрузовика, сидела в стороне [и ела] как гостя и плакала, что ее вычистили за [бюрократизм] расточительство резины. А Кенаф, Клещевина и Кендырь смеялись, что они проскочили чистку, и хвастались городами, названными их мощными именами.

*

Наутро Журкин был вновь в профсоюзе и выслушал вещие слова председателя: — Товарищ Журкин, ты действовал в Клещевинске настолько глупо, что я подумал о тебе как о растении, как о лопухе. Скажи, пожалуйста, какая голова, кроме твоей, могла придумать для уничтожения недостачи мяса рачью [пучи] пучину?! Или — постное масло из ореха[?!].. Вот что, товарищ Журкин, [критик ты] самокритик ты, говорят, приличный, будь же теперь самотворцом — иди в бригадные массы, не жалей своего тела для промфинплана, а ум в тебя войдет из нашего [класса] класса и строительства...

[Журкин вышел и начал встречать знакомых людей.

— Здравствуй, товарищ Журкин! — приветствовали его]

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 110, л. 1–3 (карандаш), на обороте с. 99–101 машинописи рассказа «Первый Иван» из состава 1-й редакции повести «Впрок».

4

ЗАБЛУЖДЕНИЕ НА РОДИНЕ КОМПОТА

Рассказ

Стервец, который трудился на каждом предприятии не более одного квартала, потому что бюрократы отовсюду его удаляли за критичность нрава, вышел в эту минуту с фабрики знамен, значков и плакатов, недовольный ходом производства.

Но в сущности это был человек общественный и пристойный,— в нем лишь было великое бурчание на ущербы производства, то есть среди его сердца жила истинная забота о социализме. Поэтому он глубоко сердился на всех людей, встречавшихся ему на улице, в том числе и на знакомых.

— Здравствуй, товарищ Журкин! — приветствовали его различные дружественные люди, идущие навстречу.

— Здравствуй, животное! — отвечал Журкин одному.

— Почтение рвачу! — сообщал другому.

— Здорово, эгоист! — давал ответ третьему; четвертому и пятому Журкин вовсе не отвечал, а дальнейшим опять давал подобные приветствия:

— Здравствуй, гад! Как тебя не прогонят с пуговичной фабрики — я прямо удивляюсь вашему треугольнику!

— А-а, и летун здесь ходит: то-то я гляжу — чего это социализм плачет в Эсесере! А это ты его мучаешь, животная скотина!! Вали к черту — мимо меня!

— Здравствуй, негодяй! Сейчас слепые ведь и то работают — как тебе безного-

му не стыдно быть! Сволочь ты пенсионная — сидел бы неподвижно и трудился: хоть чулки бы штопал ударникам, и то пятилетка бы обрадовалась!

— Почет деревне — опоре в лапоть! Все задницей вертишь, навозная гадина, — по кулаку овдовела, за большевика выходишь!.. Ладно — я тебе снохачем буду!

Деревенская опора безответственно проходила мимо. Журкин же, пока доходил до квартиры, начинал искать¹ от раздражения.

Дома он спешно съел очередную вечернюю пищу, потому что любил весь день не есть, дабы строить социализм с неполным желудком, — и затем мучился до самого сна каким-нибудь наболевшим республиканским вопросом.

— Стерва я необоснованная! — говорил иногда Журкин самому себе и, вздыхая, думал что-нибудь светлое, окупающее всех рвачей, животных, эгоистов, летунов и тайных подкулачников.

Во сне Журкин тоже не видел себе покоя: ему снились колхозные просорушки, сукновальни и какие-то пустые амбары-голосовальни, где неизвестно что делалось. Далее ему представлялась суета ударников на обледенелой земле Эсесера, так что шел пар вверх от социалистического человечества, и тысячи автомобилей везли тес и кирпич на постройку медонапорной башни. Самые дешевые, самые прочные и мощные советские автомобили уже имели старый вид, и девочки, дети большевистских шоферов, рожденные после постройки Нижегородского автогиганта, выросли до того, что на них назрело время жениться, — значит, уже была поздняя будущая пора, значит, шло уже исполнение генерального плана, судя по электрическому лозунгу на небе.

Журкин погладил свое тело во сне и почувствовал себя потолстевшим — это оттого, что настала всеобщая героичность на свете и, сверх того, — Журкин был женат не на мешанке, а на благородном существе, рожденном в пятилетку.

Желтое утомившееся солнце вставало над сооружениями земли. Журкин тоже встал и пошел к умывальнику, дабы попить из-под крана молочка, но из крана потекла лишь мутная вода, поскольку водопроводом руководил, вероятно, притаившийся оппортунист, — тогда Журкин догадался, что он живет в третьем, решающем году пятилетки, и озабоченно обрадовался.

*²

Днем Журкина вызвал к себе профессиональный союз, называвшийся союзом рабочих бродильной промышленности, вследствие размельчения профдвижения.

— Ты что же?! — сказал Журкину человек союза, не привыкнув еще говорить конкретно. Ты что же — на упущенья воду льешь из мельницы!

— Она же мутная, профессиональный товарищ, ее сосут из левацкого болота, она правая вода.

— Хорошо, — сказал профессиональный. — Тогда ты перестройся — езжай в город Клещевинск, там коопраба ослабла, так ты уллучши ее совместно с бригадкой.

— Я озабочусь, — ответил Журкин и вышел вон.

На улице он сразу вообразил себе кооперацию пищевым Донбассом, а потребительские пролетарские туловища — котлами, в которых горит хлеб, овощи и

¹ Опечатка машинистки; нужно читать: икать

² В машинописи текст рассказа разделен на части прямой чертой; мы восстановили тот знак раздела, который стоит в автографе.

мясо, а постное масло идет на смазку организмов. Это было великое зрелище в душе Журкина, так что он сразу понял свое значение как шахтера овощей, и зараннее отверг всякую попытку недооценки своей работы.

*

Город Клещевинск существовал в области заморозков и вымочек, где много ручьев, где растут леса и мочежинные кочки. Местный краевед, натуралист и статистик Ушлов ежегодно, в течение тридцати лет подряд доказывал, что в клещевинских лесах вырастает в среднее лето на сто миллионов рублей грибов, но оппортунисты двадцать пять лет оставляли безо всякого развития грибную промышленность.

Но главная слава Клещевинска состояла не в грибах, а в одном искусственном изобретении, известном каждому жителю нашей страны. В Клещевинске сорок два года тому назад жил некий мешанин Щоев, родом с Иван-озера. Тот Щоев изобрел аппарат для исчезновения с земли на луну, но царь-оппортунист отверг машину Щоева; тогда Щоев мучился двенадцать лет без славы, а впоследствии изобрел от остервенения компот, который широко прославился и до сих пор широко известен. Под старость Щоев ушел на родину, на Иван-озеро, и оттуда, как передает краеведческое общество, он, Щоев, помчался в аппарате на луну — тому был очевидцем овечий пастух; но это сведение было бы научным лишь в том случае, если б пастухов было двое, один же человек всегда полон лжи и фантазии.

Благодаря компоту Клещевинск вечно стал считаться продовольственным ресурсом, хотя для составления компота в окрестностях Клещевинска не росло, по словам сборника трудов краеведов, «достаточного оркестра, или ансамбля, фруктов».

В ущемление славы Щоева тот же статистик Ушлов дознался, что компот был изобретен первично во Франции, но там, при наличии южфруктов, его открыть было немудрено,— гораздо мучительнее его было изобрести в Клещевинске, где природа была хвойная и не фруктовая,— и при этом в те времена, когда знали только щи и кашу, а фрукты, кроме крыжовника и «бесева», совсем были безвестны.

*

Прибыв на родину компота, Журкин сел на крыльцо правления кооперации и стал оглядывать местное будущее население. Каждому проходящему он шептал свою оценку, с точки зрения интересов мощного строительства, и в итоге получил неутешительную сволочь.

Председателю кооперации и всей своей ликвидационно-прорывочной бригаде Журкин посоветовал призвать потребляющий актив и выяснить с ним, что надо устроить, дабы кооперация действительно превратилась в форму Донбасса, если посчитать потребителей паровозами. Председатель, у которого от нервного расстройства почти постоянно бурчало в животе, охотно согласился с такой мыслью и признал ее актуальной; необходимо было только придумать способ, чтобы пайщики собрались всей гущей.

— Что ты им сейчас отпускаешь? — спросил Журкин у председателя.

— Клей,— сказал председатель.

— Напиши объявление, что клеевые фонды подходят к концу: пускай бегут запасаться.

— Ты справедлив,— заключил председатель, и приступил к налитию чернил из поступившей бочки в пузырек.

По принципу, выдвинутому Журкиным, собрание состоялось полностью.

Мучимый заботой и критичностью, Журкин выступил с яростной речью о заготовках продовольствия.

— Слушайте меня, которые здесь пришли наличные местные животные! Научные силы сосчитали, что вы живете на том пастбище, где растет пищевой зелени на два миллиарда с лишним... Но сознание у вас не крупно-диалектическое, а мелко-скотское, и я предлагаю вам привыкать думать о постной пище, а не ждать эшелонов с говядиной, не рвать по-кулачки куска изо рта ударника...

Кооперативное население, выслушав Журкина, постановило было прекратить еду, но Журкин отменил эту резолюцию как перегиб, и мгновенно выдумал мысль о наилучшем снабжении всех потребителей. Журкину показалось даже, что он открыл такой ресурс кормления, что Клещевинск может взять в нахлебники еще полпролетариата.

Пайшики сейчас же согласились с Журкиным и всему были как-то охотно рады.

*

Что же произошло в Клещевинской кооперации, умножившей свои силы на усердное сердце и на заботливый ум Журкина?

План Журкина был прост и всецело рассчитан на энтузиазм жителей.

Мясная проблема разрешалась посредством организации рачьих пучин в водных окрестностях Клещевинска.

Овощ заменялся грибами, а постное масло ореховым соком. Для сбора, а также для транспорта грибов и орехов — назначалось проложить во все стороны от города тракты, а от них протянуть тропинки — и пустить по тем путям бригады старичков и старушек с кошелками.

Из городских сооружений Журкин определил одному устройству служить улучшению снабжения,— это был бак на пожарной каланче. Бак предполагалось заполнять не водой, а молоком, с тем, чтобы молоко шло затем по трубам в водоразборные колонки и в некоторые дома для питания. В случае же пожара огонь можно смело тушить тем же молоком, а пенки, что неминуемо образуются на пепелищах, следовало затем собрать и опять таки употреблять их с выгодой для пищевых нужд. Журкин подтверждал правильность наполнения бака молоком тем расчетом, что все-таки дешевле тушить пожары молоком, чем строить специальную молочную башню. Пожарные пайшики, опустив вначале для размышления усы, вскоре согласились с мнением Журкина.

Совершив все означенные дела, Журкин натошак уехал в свой город; он хотел поскорее доложить, что прорыв на фронте снабжения в Клещевинске он ликвидировал без остатка и готов снова о чем-нибудь позаботиться,— хотя бы по налаживанию организации массовых квасоварен, о чем пришла ему отличная мысль.

*

Однако профсоюз, узнав про клещевинские дела, поставил Журкину что-то на вид. Журкин запотел от неожиданного горя и качнулся телом, чтобы стронуть остановившееся сердце; спустя же час он написал в профсоюз громадное заявление, в котором целиком и полностью признавал свои ошибки, считал их явным при-

знаком оппортунизма, загиба и примиренчества, а в конце приписал печатными буквами:

«Несмотря на осознание себя правым, левым и присмиренцем, я все еще горю и это заявление свое считаю явно недостаточным, то есть обычной негодной попыткой маскировки классового врага. К сему лично Журкин. Член бродильщиков № 00037418161Ф».

Доставив заявление в профсоюз, Журкин сильно успокоился и купил несколько книг, чтобы приобрести из них вечную установку.

В одной книге он впервые прочитал про Кенаф и Клещевину, и ночью видел во сне делопроизводителя Кенафа, женившегося на слесаре Клещевине, а в шкафах ходили еще два растения — продмаг Кендырь и он, Журкин. Хандрила же, шофер полугрузовика, сидела в стороне как гостья и плакала, что ее вычистили за расточительство резины. А Кенаф, Клещевина и Кендырь смеялись, что они проскочили чистку, и хвастались городами, названными их мощными именами.

*

Наутро Журкин был вновь в профсоюзе и выслушал вещи слова председателя:

— Товарищ Журкин, ты действовал в Клещевинске настолько глупо, что я подумал о тебе как о растении, как о лопухе. Скажи, пожалуйста, какая голова, кроме твоей, могла придумать для уничтожения недостачи мяса рачьё пучину?! Или — постное масло из ореха!.. Вот что, товарищ Журкин, самокритик ты, говорят, приличный, будь же теперь самотворцом — иди в бригадные массы, не жалей своего тела для промфинплана, а ум в тебя войдет из нашего класса и строительства...

И с тех пор Журкин тщательно трудится и постепенно наполняется добром разума, и при встречах со знакомыми рабочими первым приветствует их и грустно наклоняет голову как неизжитый оппортунист, как лопух и как животное.

*

Через полгода Журкин прочитал в газете:

«В районе Клещевинска были сделаны широкие попытки раководства, но попытки не имели удачи. Выяснилось, что на раках уже 400 лет свирепствует научно непостижимая рачьё чума».

Прочитав то, Журкин бросился на завод — в ночную смену — и потушил все ненужные электрические лампы, чтобы сэкономить уголь на электростанции, и лишь тогда несколько успокоил свое настроение. Сотворивший ошибку усердной совершает добродетель.

Андр. Платонов.

Печатается по машинописи: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 110, л. 4–12.

Рвач — тот, кто работает ради высокой зарплаты, стремится извлечь как можно больше личных выгод.

Треугольник — общее название руководителей какого-нибудь предприятия: директор, секретарь парторганизации и секретарь профсоюзной организации.

Летун — тот, кто уходит (сбегает) с предприятия по рваческим побуждениям — в прорыв (невыполнение плана в срок) или наоборот, в разгар выполнения промфинплана.

...пятилетка бы обрадовалась...— имеется в виду первая пятилетка: 1929—1933 гг.

Сукновальня — устройство или заведение для валки сукна.

...постройки *Нижегородского автогиганта*...— Нижегородский автомобильный завод им. Молотова — одна из крупных новостроек первой пятилетки. Строительство автозавода начато в 1930 г.; в начале 1932 г. завод фактически начал работать.

...шло уже выполнение генерального плана, судя по электрическому лозунгу на небе...— Генеральным назывался план, составляемый на десять лет (в отличие от «перспективного» — на пять лет и «контрольных цифр» — на год). Первым генеральным планом фактически стал план ГОЭЛРО — план электрификации Советской страны, принятый в 1920 г. Десятилетие принятия плана ГОЭЛРО страна отмечала в конце 1930 года. 20 марта 1931 г. «Правда» публикует беседу с председателем ГОСПЛАНА В. В. Куйбышевым: «О новом генеральном плане электрификации СССР». В печати 1931 г. понятие «генеральный план» встречается, как правило, с добавлением слова «электрификации». Говорят, в том числе в краеведческой литературе, о необходимости составления нового генерального плана электрификации: председатель комиссии ГОЭЛРО Г. Кржижановский тоже причислялся к краеведам, и его статьи печатались в краеведческих сборниках. Результаты выполнения этого будущего генерального плана электрификации, вероятно, и видит во сне Журкин.

...водопроводом руководил, вероятно, притаившийся оппортунист.— Оппортунизм — самый распространенный политический ярлык 1930—1931 гг. Обвинение в оппортунизме выдвигалось, как правило, без разбора и учета реальных взглядов того или иного «уклониста»: «оппортунистами» назывались как правые, так и «левые», причем «левые» заключались в кавычки. И без учета прежнего значения слова: *оппортунисты* — это люди, «неспособные на решительные революционные действия, проповедующие соглашательство с существующим строем, вместо классовой борьбы» («Политический словарь» под ред. Б. М. Эльцина. М., 1924); или *оппортунизм* «в современном словоупотреблении означает неспособность к революционному действию; соглашательство, уклонение от решительной борьбы, беспринципное приспособление к господствующей партии или силе» (Политический словарь под ред. А. И. Стецкого. М., 1928). В печати этого времени можно встретить даже такое понятие: «оппортунисты всех мастей».

...вызвал к себе профессиональный союз, называвшийся союзом рабочих бродильной промышленности, вследствие размельчения профдвижения.— Бродильная промышленность — название до 1936 г., с 1936 г.— спирто-водочная промышленность. *Размельчение профдвижения* действительно имело место: в свои профессиональные союзы объединялись представители самых узких сфер деятельности. Приведем названия некоторых профсоюзов этого времени: пищевики, бумажники, швейники, текстильщики, водники, сахарники; совработники, совторгслужащие; Рабземлес, Местного транзита; Нарсвязь; Медсантруд и т. д.

Город Клещевинск существовал в области заморозков и вымочек.— Вымочка (от гл. *вымочать*, продержать в воде) — долго находившееся под водой место.

Мочежинные кочки...— Мочажка, мочага, мочежень (диал.) — сырое, не просыхающее или болотистое место.

Местный краевед, натуралист и статистик...— Для успешного изучения экономики края краеведческим организациям предписывается связаться со статистическими учреждениями местных советов и в дальнейшем совмещать работу статистика и краеведа (*Демке А. Н. Задачи краеведов в статистической работе // Краеведение. 1929. № 1*).

...по словам сборника трудов краеведов...— В качестве примера приведем названия нескольких сборников трудов краеведов этого времени: «Московский край в его прошлом. Очерки по социальной и экономической истории XVI—XIX века». (Ч. I—II. М., 1928—1930);

«Мстерский край» (Владимир, 1929); «Культура и быт населения Центрально-промышленной области» (М., 1929); «Изучение района силами агронома и учителя». (М.—Л., 1930); «Краеведческий альманах» (Воронеж, 1931); «Краеведение ЦЧО» (Воронеж, 1931) и др.

«Бесиво» — очевидно, имеется в виду хмель, который, наряду с крыжовником, широко выращивали в средней полосе России: «бесивом» называется всякий пьянящий напиток, в том числе вино.

...осознание себя правым, левым и примиренцем...— Официальное название одного из возможных пороков советского человека — примиренчество ('примиренчество к классовому врагу'; 'примиренчество к оппортунистам', а также примиренчество с нарушением дисциплины в коллективе, с невыполнением плана, с рваческими настроениями и т. д.), а носитель этого порока — примиренец. Однако здесь, как видно из автографа, не опечатка машинистки, а личная оговорка героя (возможно, типичная), соединившего новое слово «примиренец» со старым «смирение».

Член бродильщиков № 00037418161Ф.— Имеется в виду, член профсоюза рабочих бродильной промышленности, номер профсоюзного билета такой-то.

В одной книге он впервые прочитал про Кенаф и Клещевину...— Кенаф и клещевина — технические культуры, традиционные для Индии, Африки, Австралии, Кубы и др. В СССР в 1930—1931 гг. проводились опыты по их выращиванию, что получило отражение в советской печати (Круглов Ф. Советизированные чужестранцы // Наши достижения. 1930. № 9). В «Шарманке» Кузьма тоже призывает: «Сейте кенаф и клещевину!». Кенаф (бомбейская пенька) должен был заменить в СССР импортный джут; клещевина — масличное растение из семейства молочайных; из клещевины делают масло, употребляемое в авиации, в кожевенной промышленности, при изготовлении каучука и пр.

Кендырь — многолетнее волокнистое растение, часто дикорастущее; первые опыты по культивированию кендыря в СССР относились к 1929—1931 гг.

Хандрила — вероятно, производное от слова «хандра».

...вычистили за расточительство резины...— В 1929—1930 гг. ВКП(б) проводила вторую (первая была в 1921 г.) проверку и перерегистрацию своих членов — мероприятие, которое называлось «чисткой», потому что должно было очистить партию от социально чуждых и примазавшихся к ней мелкобуржуазных элементов. Некоторых в результате такой проверки из партии исключали, или «вычищали».

Промфинплан — промышленно-финансовый план, по которому ведутся все финансовые операции промышленности (расходы на строительство, кредитные дела, распределение прибыли и т. д.); составлялись перед началом каждого хозяйственного года.

5

<1>

[Скудная пустошь. Конец изгороди. Стоит ра]

Скудная пустошь — далеко уходящая видимая бесприютность местного мира. Конец изгороди. Стоит распряженная большая арба. Арба покрыта животными кожами и походит на передвижное жилье. Около арбы лежит на животе Надежда Босталоева и пишет письмо, положив бумагу на полевую военную сумку.³

Босталоева (проверяя написанное, напевает свои слова, и снова пишет). [[Друг мой...]] [Дорогой мой друг Вермо]... Товарищ Вермо...] Дорогой мой друг Вермо... Це-

³ Между первым и вторым абзацем запись на полях: Крики животных?

люю тебя в косо́й зуб. (Нет, сразу не целуются, сначала занимаются делом,— потом уж)⁴. Дорогой мой друг Николай Вермо... Как скучно мне! Везде животные, везде природа лежит и я сейчас пишу тебе, лежа на животе... Здесь ничего нету, а нужен социализм... Я пробую себя за тело и чувствую как бьется во мне [кусок] кусочек партии — мое сердце... Ты знаешь, Вермо, сердце здесь тоже сила, когда кругом бедность и [тай] тайное кулачество, и когда сердце верное... Но буду справляться, ||

2

буду (чего-же я буду?)... Буду любить конкретно свой класс и забуду тебя... Дорогой мой друг Николай Вермо... Как синее небо, влечет меня что-то... Может быть, это будущее время и будущие люди... Вермо, пойми меня, когда я сама себя еще не понимаю. Если ты для меня лучше всех, то значит есть бог и [нет] не будет социализма. Или — это глупость... Как я люблю тебя и твой конкретный кривой зуб. Я всматриваюсь во всех людей — где бы найти такого как ты, чтобы забыть тебя... Пиши ответ поскорее. Марок здесь нету, ты оплати в Москве. Мой дом, это кибитка на колесах. Прощай, прощай. Надежда Босталоева. Возвратиться раньше хотя бы фундамента социализма я не могу. Твоя Надежда. Обними меня [ø <нрзб>] во сне, когда я вижу тебя... (Поднимается [J], забирает принадлежности письма, говорит одна). Прощай, прощай... (удивленно догадываясь) Отчего мое сердце, мое чувство [(пробу)] (берет себя за грудь) предано всей партии, а любит только одного члена? [Что такое? — Это] Что это такое — ошибка или диалектика?.. Я допишу письмо и спрошу его. (Уходит в крытую арбу).

Является профессор Умришев — с небольшим чемоданом и портфелем. Пауза. Умришев ||

4

садится на чемодан. Пауза. [<J слово нрзб>]

[Умришев] **Интергом**. Ветры, травы, времена года, сны, ежедневное питание, еще эта старая стерва — любовь, бюрократизм... Как надоели мне эти пустяки жизни, боже мой, боже мой!.. Если б не большевизм, я кончил бы с собой где-нибудь в овраге.

Из арбы тихо выходит Босталоева. [Умришев] **Интергом** не замечает ее.

[Умришев] **Интергом**. Так хочется иногда забвения. Смотришь на какое-нибудь, даже дурацкое, лицо и думаешь: товарищ, дай я тебя поцелую. Но он отвернется — не кончилась, говорит, классовая борьба, кулак мешает коснуться нашим устам...

Босталоева. Но он не отвернется...

[Умришев] **Интергом** (вставая). Вы — например? ||

[4] 5

Босталоева. Я например.

[Умришев] **Интергом** целует Босталоеву.

Босталоева придерживает его, удлинняя поцелуй.

Пауза.

[Умришев] **Интергом**. Благодарю вас, батрачка. Вы потрясли мой нравственный оппортунизм.

⁴ В автографе все внутренние реплики героев взяты в квадратные скобки — чтобы отграничить их от авторской речи, заключенной в круглые скобки.

Босталоева. Я очень рада его трясти.

[Урищев] Интергом. Скажите: вам не странно бывает существовать?

Босталоева. Нет. Для меня мир странный, а не я. [*Вы странный <1 слово нрзб> Для меня странно, что мы раньше не существовали. Весь мир давно был бы другим*]

[Урищев. Да, я страдаю оппортунистической недооценкой людей]

[Урищев] Интергом. Возможно. Я вижу, что у вас хорошо поставлена массовая воспитательная работа.

Босталоева. Не очень — представьте себе.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 38, л. 1–4; карандаш.

Ветры, травы, времена года ~ я например.— Некоторые реплики диалога этого отрывка Платонов переносит в «Ювенильное море» — в разговор Вермо и Босталоевой в степи. Приводим его по автографу, опуская некоторые вычеркнутые и не имеющие отношения к данному наброску фразы:

«... и он сказал женщине хриплым от волнения голосом:

[— Как скучно бывает, когда видишь кругом одну природу и объектив]

[— Когда смотришь на какое-нибудь лицо, даже]

— Вы знаете, как надоели мне пустяки жизни!

— Какие они? — спросила женщина.]

— Как скучно бывает жить на свете!

— Отчего скучно! — произнесла женщина.— [*Скука*] Нам тоже еще не весело, но уже нескучно давно...

[*Вермо / Музыкант*] Инженер остановился; спутница его так-же дальше не пошла <...>.

[— *Ветер, травы, вечное солнце, времена года, мертвая объективность и люди, испуганные друг другом. Если-б не большевизм, не надежда закончить это время, это пустое пространство, глухое чувство*]

— Люди, испуганные друг другом,— ответил Вермо.— И весь этот ветер, трава, вечное солнце, времена года, объективность... Если-б не большевизм, не надежда изменить мир, я кончил бы с собой в ближайшем овраге. Женщина молчала, не понимая или из хитрости.

— Мне иногда так хочется [*забвения*], чтобы сбылся весь коммунизм,— глухо говорил Вермо в громадном и солнечном пространстве, покрытом дымом пастушьих костров,— или забвения: смотришь иногда на какое-нибудь [*неизвестное*] чуждое лицо, и думаешь:] Женщина молча стояла перед своим дорожным товарищем, не понимая или из хитрости.

— Скучно оттого, что не сбываются наши чувства,— [*сказал Вермо*] глухо проговорил Вермо в громадном и солнечном пространстве, покрытом дымом пастушьих костров.— Смотришь на какое-нибудь лицо, даже неизвестное, и думаешь: товарищ, дай я тебя поцелую. Но он отвернется,— не кончилась, говорит, классовая борьба — кулак мешает коснуться нашим устам...

— Но он не отвернется,— [*сказала*] ответила женщина [*и улыбнулась*].

— Вы — например? — спросил Вермо.

— Я например,— сказала женщина из совхоза» (оп. 1, ед. хр. 38, л. 23, 24, 25).

1-е действие.

Околица [колхоза.] **усадьбы совхоза.** Конец изгороди. Пустошь. Неопределенные, далекие звуки работы и суеты. Иногда — мычание коров и других полезных животных.

На пустошь является профессор Умришев с портфелем и небольшим чемоданом. Профессор останавливается [*в задум*] вначале в задумчивости.

Умришев. У грабарей дети рождаются весной, у вальщиков — среди лета, у [<нрзб> / <1 слово нрзб>] гуртоправов [<нрзб>] к осени, у шоферов зимой, доярки отделяются к [*весне*] марту месяцу, а монтажницы в марте только починают[: поздно — поздно, голубушки, **починаете** — летом [*жарко*] носить ведь жарко будет!..

[<нрзб>] На пустошь выходит со стороны [колхоза] совхоза старушка [Никитишна] Семе] Иванна и прислушивается к словам профессора. Умришев не замечает ее.

Умришев. Но у кого-же дети рождаются круглый год? [*Забыл!*] *Забыл я эту радостную ведущую перспективу* (Вспоминает). *Забыл! Забыл я этот счастливый ведущий авангард, который рождает непрерывно!* (Озирается). И где я наконец! [*Отчего так дико, так ненаучно, так безумно кругом!..*] (Пауза). [*Отчего*] *И почему так странно быть человеком?..* (Подходит к изгороди; беретя рукой за жердь). Разве это предмет? — Это чепуха, скука жизни[, <нрзб>], — это одно способно вызвать ярость масс против природы! (Вытаскивает жердь, говорит ей). Ведь ||

2

сколько лет весь мир трудился над тобой, сколько света солнце пролило на тебя! И что-же — получился кол!.. [*Да,*] **Я констатирую следующее:** горит вверху блестящее солнце, а навстречу ему [*растут колья*] **растут** деревянные колья! [*<3 слова нрзб>*] При таком положении я **категорически** возражаю против работы солнца и требую мрака!.. И зачем [*заго*] тут загородка — [*в пустоте, на краю света!*] какие хищники здесь угрожают коммунизму? [*Где*] Неужели здесь нет рационализаторского ядра? [*Я поражаю*] Я поражаюсь, — я грущу и тоскую в этом свете. Я не **могу переносить** непрерывных и **бесстыдных** научных упущений! (Горюет).

[*Иванна*] Федератовна — вздыхает, давно пригорюнившись.

Умришев пристально глядит на нее, первый раз заметив.

Умришев (с глубоким сочувствием и радостью). Старушка!

Федератовна (также сочувственно). Старичок!

Умришев. Ты что-ж — существуешь?

Федератовна. А что-ж мне больше делать, батюшка? Привыкла, и живу себе.

Умришев. А тебе не странно?

Федератовна. Ничего. Я только интервенции боюсь, а больше ничего... бессонница еще мучает меня — [*громовень-стуковень*] по всей республике громовень, стуконень идет, разве тут уснешь!

Умришев. Интервенция?! А ты знаешь это понятие?

Федератовна. Знаю, батюшка. Я все знаю — я культурная старушка.

Пауза. ||

3

Умришев (сочувственно). Старушка!

Федератовна [*Старичок!*] (ласково). Старичок!

Умришев. Ты — Кузьминишна!?

Федератовна. Нет, батюшка, я — Федератовна. Кузьминишной я уже была.

Умришев. Федератовна?!

Федератовна. Федератовна, старичок. Я после культурной революции взяла, надумала и переименовалась

Умришев. Никто не возражал против Федератовны?

Федератовна. Приветствовали, батюшка. На руках носили, вверх подкидывали.

Умришев. Так ты может формально только культурной стала?

Федератовна. Нет, батюшка, я по совести.

Умришев. Химию знаешь?

Федератовна. А то как же? Я член.

Умришев. Что такое аш два о?

Федератовна. Жидкость, батюшка.

Умришев (растроганный). Дай я тебя поцелую!

Федератовна. В щечку, батюшка.

Умришев (целует Федератовну). Нежная моя, научная старушка. Боец против [сти] стихий природы, против тьмы, против загадочных будущих времен.

[Федератовна. *[Радость класса, батюшка.]*

[Умришев.] *За пролетариат, батюшка.*

Умришев. *За него, бабушка.]*

Федератовна. И против классов, старичок, против

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 38, л. 5–7; карандаш. На обороте л. 3 рукой Платонова несколько раз написано слово «соревнование», ниже столбиком «приезд профессора» / «преодоление любви» / «преодоление».

Умришев. *У грабарей дети рождаются весной...*— Этот монолог Умришева и последующие его диалоги с Федератовной (само имя которой, как видно по данному наброску, является не сразу: писатель перебирает несколько вариантов) Платонов почти полностью переносит в «Ювенильное море». Чтобы показать первичность данного наброска по отношению к повести, приведем для сравнения соответствующий фрагмент автографа «Ювенильного моря»:

«А теперь слушайте меня дальше,— говорил Умришев.— Есть еще [*нрзб*] / *такие*] разные неопределенные вопросы, изученные мною по старинной и советской печати. У грабарей дети рождаются весной, у вальшиков — среди лета, у гуртоправов — к осени, у шоферов — зимой, монтажницы отделяются к марту месяцу, а доярки в марте только починают: поздно — поздно, голубушки починаете,— летом носить ведь жарко будет!..

[*Собрание молчало. [Вермо] Музыкант слушал эти слова, как обычный вековой шум и не был рад, что явился в эти места [*нрзб*] все сильнее начинало здесь что-то нравиться]*

— Но у кого-же дети рождаются круглый год? — с мучительностью вспоминал Умришев.— *Забыл! Забыл я этот счастливый ведущий авангард, который рождается непрерывно!*

— Да что ты скучаешь-то все, батюшка: то жарко, то тяжело,— да мы вытерпим!

Умришев только теперь обратил свой взгляд на эту старушку, и вдруг все его задумчивое лицо сделалось ласковым и снисходительным.

— Стару—у—шка! — сказал он с глубоким сочувствием.

— Стари—чок! — настолько-же ласково произнесла старушка.

— Ты что-ж — существуешь?

— А что-ж мне больше делать-то батюшка? — **подробно** говорила старушка.— Привыкла, и живу себе.

— А тебе ничего, не страшно жить-то?..

— Да мне ничего... Я только интервенции боюсь, а больше ничего... Бессонница еще мучает меня — по всей республике громовень, стуконень идет, разве тут уснешь!

Здесь Умришев даже удивился:

— Интервенция?! А ты знаешь это понятие? Что ты во все слова суешься?..

— Знаю, батюшка. Я все знаю — я культурная старушка.

Все промолчали, а Умришев [*после все-равно сказал*] вторично сказал ей сочувственным тоном:

— Стару—у—шка!

— Стари—чок! — столь же ласково произнесла старушка.

— Ты наверно Кузьминишна?! — догадывался Умришев.

— Нет, батюшка,— ответила старушка,— я Федератовна. Кузьминишной я уже была.

— Федератовна?! — воскликнул здесь Умришев, поражаясь **какой-то** собственной недооценке.

— Федератовна, старичок,— осмысленно сообщила старушка.

— А никто не [*возра*] возражал? — [*смирившись*] уже смирившись со своей ошибкой в оценке масс, спросил Умришев.

— Приветствовали, батюшка. На руках носили, вверх подкидывали!

— Так ты может формально только культурной стала? — [*сомнев*] несколько сомневался Умришев.

— Нет, батюшка, я по совести,— ответила Федератовна.

— Химию знаешь?

— Да-то как-же!

— Что такое аш два о?

— Жидкость, батюшка.

Умришев встал на ноги и [*растрогался*] сердечно растрогался.

— Дай я тебя поцелую!

— В щечку, батюшка,— попросила **Федератовна** как должное [*старушка*].

— Нежная моя научная старушка! — говорил Умришев, целуя Федератовну несколько раз.— [*Боец против стихий природы, против загадочных будущих времен!*] Никуда ты не совалась, дожила до [*старости*] старости лет и стала как боец против всех стихий природы!..

— И против классового врага, батюшка! — поправила Федератовна.— Против тебя, против Божева Афанаса и против еще каких-нибудь, кто появится... Я ведь все кругом вижу, я во все суюсь[!], я всем здесь мешаю!..» (ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 38, л. 48–51).

7

<1>

Человек нашего времени

Тридцатилетний мужчина пришел в столовую с пивом по Лиговской улице в Ленинграде и [*обратился / попросил*] попросил пьющих и присутствующих об одном **одолжении**:

— Товарищи, проводите меня в кассу!

Его охотно проводили: в пивной люди добрей, чем наружи.

Вошедший [*<1 слово нрзб>*] поел и попил, что можно, [*но видно было, что / однако / но однако видно было*] но без всякого внимания и удовольствия — видимо, [*он был без со*] он был пьян и безумен.

Однако, в действительности, он был рад и счастлив. Его лицо давно уже посерело и утомилось от технических и прочих страстей; но когда-то это лицо было, наверно, превосходно, своей жесткой выразительностью — точным совпадением с постоянно возбужденным чувством — и привлекало друзей и женщин.

Он отдал тут же свою шляпу [*соседу*] более бедному [*соседнем*] соседу, объяснив, что он [*ее*] ее больше не может носить — ее [*прок*] насквозь проклевали комары — и [*ку*] пригласил всех сочувствующих ему [*сесть*] сесть теснее и [*закусывать*] безгранично закусывать за его счет. В виду случайного малолюдства в столовой, этот человек велел созвать компанию из прохожих на улице и найти немедленно [*двух*] бригаду из двух гармонистов — для непрерывной игры, для наслаждения. ||

2

Среди разросшегося таким способом торжества, [*среди рабочих и колхозных плотников*] окруженный благоприобретенной дружбой, тридцатилетний гость [*вдруг опомнился*] стал вдруг скучен, вынул [*бумажник из порт*] из бумажника, набитого громадными суммами, тысячу рублей и, положив ее на расплату за всех, [*вышел*] ушел прочь.

Он [*томился*] уже окончательно [*опомнился и легко осмотрелся*] опомнился. Как у хорошего поэта, который [*встревожен так*] настолько напряжен и встревожен, что [*видит*] читает [*свои*] свои будущие книги во сне [*(но тотчас-же их заб)*] (но тотчас-же их забывает), так у этого [*человека во время забвения, в моменты чувства и / бессмертия <2 слова нрзб> / дружбы с массаами — шло*] человека — в моменты чувства и забвения — накапливалось творчество. Только дурак думает [*усиленной в ты*] беспрерывно и насильно.

[*На Пушкинской улице он позвонил в квартиру с надеждою*]

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 111, л. 1-1 об.; карандаш.

8

<1>

Человек нашего времени

(очерк)

Конструктор по общим приспособлениям инженер-электрик Оганов поехал в командировку из своего [*Института*] Проектнровочного института.

Сегодня утром, как и каждый день, он проснулся в тревоге за всю свою страну. Оганов прочитал в газете постановление партии о сооружении силовой плотины на Нижней Волге для орошения Заволжья. Он [*встревожился — <1 слово нрзб>*] сразу [*весь*] вздрогнул от радости и тревоги — от радости, что дело его молодости, когда он орошал центробежным насосом [*10*] 12 десятин огородов на своей южной родине, что это дело стало частью [*програ*] технической программы большевиков, — [*от трево*] от] и тревоги, что на этом [*будущем*] строительстве могут случиться

упущения, если он не примет немедленных мер. Он боялся за многое в республике и жил только в одну сторону — в будущее, [*позабыв*] не чувствуя вкуса к личным наслаждениям и [*забыв*] не имея времени бриться и получать мясо в ЗРК по своим талонам.

Утром, до отъезда, Оганов [*<нрзб>*] спроектировал схему нового насоса для заволжской оросительной системы. По постановлению ||

2⁵

ЦК Партии должно быть осуществлено машинное орошение. Это значит, что воду будут подавать на пшеничные поля агрегаты из электромотор[-]а и центробежного насоса, спаренные одним валом, т. е. пара машин. Инженер Оганов отверг такое устарелое положение: он предложил одну машину, исполняющую сразу две функции. Именно: электромотор вместе с тем и насос. Для этого активная часть электромотора — ротор — делается в форме многолопастного **насосного** колеса, а неподвижная часть мотора — статор — в виде кожуха, в котором прессуется вода для нагнетания вверх. [*Изоляция проводов*] Т Теперешняя изоляция проводов, боящаяся воды, [у] ликвидируется. Провода должны быть употреблены из алюминия, покрытые для изоляции окисью алюминия-же или вариантом этого состава,— тогда электрические части способны будут работать в воде, [*а оросительная вода*] а машинное орошение намного удешевится — и по капитальным затратам и по эксплуатации.

[*<1 слово нрзб>*] У Оганова была [*жена, причем он не имел*] жена — двадцатитрехлетний инженер, причем он так и не успел привыкнуть к ней, а она уже [*отвыкла*] отвыкла от него. Оганов и сам считал, что [*любить*] уважать только одну женщину на свете это так же [*стран*] странно, как [*быть*] предпочитать паровую машину ||

3

дизелю и новым типам турбин.

Со страстью [,] и расчетом глядел [*инженер*] тридцатилетний Оганов на людей и машины, угадывая в них новые выпуски и устарелые марки. Техника, ведь она была, возможно, первым социальным чувством людей и будет их высшей [*страстью*] страстью.

На небольшой станции замечательно красивая женщина, с глазами, обросшими бровями, как [*черной*] черной травой, понесла куда-то водяное ведро. Оганов наблюдал ее [*вслед*] *вслед* вслед с непобедимым сердцем и думал — сколько гвоздей, свечек, меди и минералов можно химически получить из тела той женщины. «Зачем строят крематории?» — с грустью удивлялся инженер.— «Нужно строить химзаводы для добычи из трупов [*цвет*] цветметзолота, различных стройматериалов и оборудования!»

Вечером, подъезжая уже к нужной станции, Оганов увидел огромное [*колхо*] совхозное стадо, [*его, вероятно, препровождали на снабжение*] которое гнали куда-то для [*снабжения*] превращения в мясную пищу. ||

4

Вид животных, гонимых сквозь пространства пешком на съедение, или даже запертых в неволе вагонов, всегда приводил [*Високовского*] **Оганова** в ду-

⁵ Вверху л. 2 — запись Платонова: жена

шевное и экономическое содрогание. Коровы и особенно быки слишком впечатлительны, чтобы переносить железнодорожную езду, вид города и ревущ[ей]ую индустриализаци[и]ю. У животных расстраиваются нервы, они высыпают беспрестанно из себя навоз и теряют съедобный вес. Сосчитано, что при езде в вагоне на тысячу верст коровы худеют на десять и больше процентов, а быки вовсе тают, тоскуя, что им уже никогда теперь больше не придется случаться.

В начале ночи Оганов приехал на форде в центральную усадьбу мясосовхоза, в котором он вел постройку опытной электросилошной башни для заготовки говядины.

Башня была сложена из сжатых, сбрикетированных ручным прессом глино-черноземных кирпичей и представляла собой вид усеченного конуса.

В сенях башни находилось особое стойло, — оно хотя и не имело еще арматуры, но это было то же, что электрический стул для человека — место смертельного убийства животных высоким напряжением. [Високовский и Вермо] Оганов не хоте[ли] портить качества мяса предсмертным ужасом и безумной агонией живого существа от действия механического орудия. Наоборот, животное будет подвержено предварительной ласке в электрическом стойле и смерть будет наступать в момент наслаждения лучшей едой. Внутренность башни была выложена досками в тесную пригонку, а доски покрыты слоем клеювого лака, непреходимым для электричества. ||

5

Если мясосовхоз, в котором консультировал Оганов, отправит в течение года две тысячи тонн мяса, то двести, а может [быть] быть четыреста тонн наиболее

нежного мяса будет истрачено в пути, благодаря похудению животных. Кроме того, коровы могут вовсе умереть в дороге. Эти двести или четыреста тонн говядины должен сохранить электрический силос, построенный как башня. Коровьи туловища разрубаются на сортовые части и загружаются в башню. Затем небольшое количество высоконапряженного тока пропускается сквозь всю массу говядины, и говядина сохраняется долгое время, даже целый год, в свежем и питательном состоянии, потому что электричество убивает в нем смертных микробов.

По мере надобности мясо накладывается в приспособленные кадушки с выкаченным воздухом и отправляется в города. В дальнейшем [следует] предполагалось вокруг электрического силоса развить комбинат, с тем, чтобы на месте обращать мясо в фарш, колбасу, студень, консервы и отправлять в города готовую еду.

Пока Оганов [обследовал] обследовал состояние работ и инструктировал монтажную бригаду, около него все время стояла пожилая женщина с лампой в руках. Это была бывшая совхозная кухарка, не знавшая, куда ей теперь деться. Она [<нрзб>] стала жаловаться Оганову, что мужики из [метал] металлических ложек сделали проволоку, а суповые котлы раскатали в листы и что даже сережки вынули у [нее] нее из ушей и расплавили их в олово. ||

Тогда Оганов дал этой печальной бесхозной женщине, лишенной бытового состояния, сто рублей и баба ощерилась от счастья, а бригада захохотала, потому что [*та женщина*] эта женщина и с бригадира уже управилась получить за свои сережки восемнадцать рублей.

*

Поздней Ночью Оганов сидел в рабочем общежитии и рассматривал [*книжки*] книги в библиотечном шкафу. Вокруг Оганова спали люди на самодельных кроватях (хотя и весь мир есть самостоятельное произведение пролетариата), от рабочих людей пахло отработанной жизнью, их рубашки заживо сотлели на постоянно

греющемся теле и рты были немощно открыты, чтобы освежиться воздухом ночи и продуть насквозь свое туловище, зашлаковавшееся смертельными скоплениями [*немощи*] усталости.

[*Кемаль*] Один плотник, по прозвищу **Мустафа**, лежал навзничь с омертвевшим видом лица; он сегодня в одиночку таскал бревна на верх башни, а вчера забивал якорные сваи для крепления ветродвигателя от зимних бурь.

В своем дыхании он плавно поднимал и опускал ребра, обросшие жилами тяжелой силы, и лицо его, хотя и было покрыто печалью утомления, но все же хранило в своем смутном выражении нежность надежды и насмешку над грубой тягостью жизни [*— в этом Кемаль, хотя и незаметно, но походил на Босталоеву*].

«Зачем он таскает бревна, зачем он не повесил блока и не заставил вола втянуть бревно на канате?» — думал [*Вермо*] **Оганов** в тишине большого пространства. — «Зачем вообще нам труд, как повторение однообразных процессов: нужно заменить его непрерывным творчеством изобретений!»

[*Погонщик умрищенского вентиляторного вола*] **Колодезный бригадир Милешин** спал вниз лицом. Он сегодня трудился по рытью земли для различных установок. [*Вермо*] **Оганов** решил завтра же сделать несколько конных лопат и рыть грунт силой волов или даже приспособить под это дело ветер.

[*Вермо*] **Оганов** не знал, есть ли у [*Кемаля и погонщика вентиляторного вола*] **Мустафы** и **Милешина** половая жизнь, эстетические вкусы и накопления на сберкнижке. Они были наверно безродными и превращали будущее в свою родину.

В [*вещах Босталоевой Вермо*] книгах библиотеки **Оганов** нашел «Вопросы ленинизма» Сталина и стал перечитывать эту прозрачную книгу, в которой дно истины ему показалось близким, тогда как на самом деле было глу- ||

7

боким, — потому что стиль был составлен из одного мощного чувства целесообразности, без всяких примесей [*смешных*] ничтожных украшений, и был ясен до самого горизонта, как освещенное простое пространство, уходящее в бесконечность времени и мира.

Читая, [*Вермо*] **Оганов** ощущал спокойствие и счастливое убеждение верности своей жизни, точно старый серьезный товарищ, неизвестный в лицо, поддерживал его силу, и все равно, даже если бы погиб в изнеможении инженер [*Вермо*] **Оганов**, он был бы и мертвым поднят дружескими руками на высоту успеха [*и уцелевшие товарищи добудут из глубины земли материнское море и свет солнца превратят в электричество*].

Под утро [Вермо] Оганов вышел наружу. Вращающаяся земля несла здешнее место навстречу солнцу, и солнце показывалось в ответ. Но [Вермо] Оганов не вдумался в это явление, вдумываясь обычно во все, что попадалось. Он отошел дальше в степь и лег в нее вниз лицом, с настроением своей незначительности.

Затем он возвратился в избу, где по-прежнему спали рабочие, но лица их, освещенные зарею, приняли торжественное выражение.

[Вермо] Оганов понял, насколько мог, Ленина и Сталина: их мысль — это большевистский расчет на максимального героического человека масс, приведенного в героизм историческим бедствием, — на человека, который истощенной рукой задушил вооруженную буржуазию в семнадцатом году и теперь творит сооружение социализма в скудной стране, беря первичное вещество для него из своего тела.

Эта идея неслышно растворена в книгах, прочитанных [Вермо] Огановым ночью, — потому что ее нельзя услышать мелким сердцем индивидуалиста или буржуа. ||

8

[Оганов вполне согласился с таким мероприятием, а затем он возвратился в избу, где по]

Днем [Оганова] директор пригласил Оганова, специалистов и бригадиров на совещание к себе по вопросу о борьбе с текучестью рабсилы.

Выслушав все мнения и затруднения, Оганов спросил:

— Почему у вас плотник Мустафа работает как чернорабочий — таскает бревна, а бригадир Милешин — как землекоп?

[— Не хватает <1 слово нрзб> даж]

— Иногда не хватает даже минимума рабсилы, — объяснил директор. — Профессии начинают стихийно соскальзывать: это наша беда!

— Используйте эту беду! — посоветовал Оганов.

Директор улыбнулся:

— Каким образом? Вы нам посоветуйте!

Оганов [посоветовал] ответил:

— Введите скользящую шкалу профессий, чтобы пастух был обучен строительству и мог быть плотником зимой, или еще чем-либо, чтобы человек обнимал своим умением ||

9

несколько профессий и чередовал их во времена года. Каждый трудящийся может и обязан иметь хотя бы две профессии. Это даст десятки тысяч экономии по одному вашему совхозу. [Попробуйте] Вы попробуйте — не пожалеете! [Ведь все равно каждый человек умеет делать несколько] Для всех несложных профессий надо разработать скользящую [шкалу] шкалу — и перестроить совхозное ученичество и колхозные школы на этот способ [сдво] дв] сдвоенных и строенных профессий...

Директор не сдавался; улыбаясь, он сообщил:

— Я тоже могу быть директором, могу играть на гармонии, могу тесто [месит] месить...

— А губернатор у Гоголя вышивал по тюлю, — ответил Оганов серьезно, и директор перестал улыбаться.

*

На обратном пути, наблюдая толщину местной земли, Оганов заочно [реш] решил: «Надо использовать тяжесть планеты! Можно будет отапливать пастушьи курени весовой силой обвалов или варить пищу вековым опусканием осадочных пород!» ||

10

Воображение Оганова было как руда — не все в нем [было] было полезным металлом, многое состояло из [рж] ржави, но даже ржавь у него была органического происхождения — из собственного туловища и ради сбережения революции.

[Светящаяся энергия солнца]

Оганов [оглядел] молча осматривал с автомобиля обширность земли, взволнованную [энергией] высокой энергией солнца. Это работал в мире свет Максвелла, отличающийся от промышленного электрического тока лишь [краткостью] краткостью волны и [частотой] страшной частотой колебаний в секунду. Эти величины были малы и [ее] громадны настолько, что [от них скучает] чувство человека скучает от их воображения.

В атомной глубине материи [из] играла тонкая пульсация электричества, приближающаяся по нежности и остроте своего факта к жизненным явлениям. Взрываясь наружу, [быть может случайно] эта же энергия освещает и образует мир.

Уже давно, еще до тюремного заключения, инженер Оганов жил надеждой превратить свет солнца [, освещен] в электричество, ||

11

получать энергию в любой точке земного шара из бесконечного пространства, [освещен] освещенного солнцем, луной, звездами или северным сиянием. Для этого нужно лишь сконструировать оптический приемник-трансформатор, обращающий свет в ток. В ленинградской тюрьме, в вагоне, в далеком краю ссылки Оганов думал не переставая [и чувствовал тот прибор излучающим] о том приборе, **который должен навеки заполнить мир светлым наводнением энергии и тем утешался [этим восхищением] в своей преходящей невзгоде.** Он чувствовал, как это [нужно] должно случиться, но не мог доработаться до рационального [решения] устройства оптического механизма.

Несмотря на его гражданскую порочность, [[государство однако] рабочая партия дала одна] советское государство дало однако возможность Оганову все условия для работы и даже предоставило иностранную консультацию. Но дело еле двигалось вперед, пока уже на воле два рабочих инженера **не помогли Оганову. Это были [—] люди с так[ой]им [силой] напором жизни,** что [по ночам они не могли спать,] они сами служили доказательством — в какое могущество, **в какое ступение** может обратиться солнце на земле; эти инженеры [не мог] почти не могли спать по ночам от тревоги своего творческого ||

12

сознания, и они выдумали центробежный метательный диск — для дальнего транспорта по высоким слоям атмосферы самых тяжелых грузов: руды, леса, [металла] топлива, нерудных ископаемых и т. п.

Они просмотрели чертежи Оганова и заключили: «у вас нет руководящего принципа: вы хотите [возмут] затормозить световой поток [, так же как вы хотели задержать революцию] и бродите среди своих догадок, у вас видимо ослабело сердце,— [нрзб] воздействуйте на свет магнитным полем и вы получите нужную ком-

бинацию! Но только имейте в виду: потушив свет, [вот что] вы встретите страшное напряжение тока — вас может сжечь; [вреди] некогда вредители тоже хотели помешать световому [потоку] потоку истории — и [вместо] получили удар молнии!»

Принцип был найден: [магнитное по] сочетание магнитного поля [со] с преломляющимися сферами света.

*

Через два-три месяца, закончив дела по Проектному институту, по совхозу и по другим объектам [деятельности] деятельности, Оганов уехал в Ленинград. Оттуда, вместе с группой ||

13

других инженеров, он должен поехать за границу — для разработки ряда вопросов в лабораториях Германии.

В анкете, поданной для получения заграничного паспорта, он [написал] написал: «сын шахтера; бывший рабочий-слесарь и паровозный машинист — с 10 летним стажем; инженер-электрик, возраст — 31 год; состоял под судом и следствием — вредитель; был в заключении и ссылке около 2-х лет; освобожден — по снисхождению, как [бывший рабо]<нрзб> творческий человек] пролетарий и творческий человек; причина вредительства: думал, что рабочий класс недостаточно [умен] умен для управления миром, хотя сам имею сто патентов на изобретения, себя, — как опровержение контрреволюционных взглядов — я упустил из расчета и [вышел весь пролетариат, хотя сам знаю высшую матем] хотел выгнать весь пролетариат из буржуазии, а не наоборот, хотя знаю высшую математику; в заключении же я опомнился и возвратился навеки на родину, в рабочий класс».

Человек, ведавший [выдав] выдачей ||

14

заграничных паспортов, прочитав анкету [Оганову] Оганова, сказал вслух словами вождя:

— Да, сера, товарищ, теория, но зелено вечное дерево жизни!

Этим он хотел [по] отметить диалектический лабиринт действительности, а затем дал Оганову визу на [отъезд] поездку за рубеж.

Ленинград, 24/V.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 112, л. 2–8 об. Автограф содержит фрагменты машинописи повести «Ювенильное море» — вырезаны из страниц машинописи 88, 89, 99, 100 и 101 (взяты в рамочки).

...дело его молодости, когда он орошал центробежным насосом 12 десятин огородов на своей южной родине...— Автобиографическая деталь: в молодости (1922–1926 гг.) А. Платонов много времени и сил уделил организации общественно-мелиоративных работ в Воронежской губернии и борьбе с засухой (см. об этом: Сочинения I (1). Комментарии Е. Антоновой. С. 452–456).

...получать мясо в ЗРК по своим талонам.— ЗРК — Закрытый рабочий кооператив; был на каждом крупном предприятии; через ЗРК отпускались продукты работающим на данном предприятии. ЗРК введены в 1930 г. в связи с отсутствием товаров в обычных кооперативных магазинах и фактическим голодом среди большей части населения. Под такое распре-

деление товаров даже подводилась идеологическая основа: 16 августа 1930 г. «Правда» опубликовала статью Е. Волгиной «Закрытый распределитель — основа классового снабжения». Во всех кооперативах, в том числе «закрытых», товары отпускались по карточкам, или талонам. Распределением карточек/талонов на предприятиях ведали профсоюзы. Талоны, по которым сотрудники получали продукты, были нескольких видов и, соответственно, разные по обеспечению продуктами: «рабочие», «служащие» и самые сытные — «итээровские». Последние появились после речи Сталина «О задачах хозяйственников», в которой он произнес знаменитые слова: «Техника в период реконструкции решает все» (4 февраля 1931 г.). Следовательно, был сделан вывод соответствующими органами, инженерно-технический персонал нужно кормить лучше (см. об этом: *Любимов Н.* Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний. Т. I. М., 2000. С. 229–231). Мясо в ЗПК Оганов получает как раз по «итээровским» талонам — по другим такие продукты, как мясо и сыр, не отпускали. То, что он забывал в столь голодное время получать мясо (товар крайне дефицитный) в ЗПК, свидетельствует о полной поглощенности Оганова работой.

...инженер-электрик... состоял под судом и следствием — вредитель; был в заключении и ссылке около 2-х лет; освобожден — по снисхождению...— Ряд деталей, которые характеризуют типичную судьбу представителя инженерно-технической интеллигенции в начале 1930-х гг. и политику партии по отношению к ней. 1928–1930 гг. в истории страны отмечены расправой над инженерно-технической интеллигенцией: в 1928 г.— расстрел специалистов в угольной промышленности («шахтинское дело»); в 1929 г.— расстрел и отправка на каторгу инженеров железнодорожного транспорта; в сентябре 1930 г.— расстрел специалистов пищевой промышленности; ноябрь–декабрь 1930 г.— суд над ведущими специалистами всей промышленности СССР («процесс Промпартии»). С 1928 г. («шахтинское дело») в речевой обиход советского человека проникает слово «вредитель»; с 1930 г. («процесс Промпартии») — покаянные самообвинения во вредительстве. Массовые репрессии против интеллигенции привели к кризису в промышленности, что вынудило руководство страны в 1931 г. начать кампанию по реабилитации специалистов и принять два постановления (от 10 июля 1931 г.), которые меняли положение специалистов и ограничивали права ОГПУ по отношению к ним. Первое, под названием «Вопросы ОГПУ», запрещало аресты специалистов без согласия соответствующего наркома; второе, «О работе технического персонала на предприятиях и об улучшении его материального положения», содержало программу юридической и политической реабилитации специалистов. Постановление состояло из двух частей: секретной, которая рассылалась всем руководителям предприятий, и строго секретной, в которой предлагалось освободить арестованных специалистов по определенному списку отраслей промышленности и направить их для работы на заводы. Постановление предусматривало амнистию специалистов, осужденных к принудительным работам; рекомендовало не препятствовать их выдвижению на руководящие посты (См. об этом: *Хлевнюк О. В.* Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 54–56). После этих постановлений действительно последовало освобождение некоторого количества специалистов из тюрем и ссылок (См. об этом: *Письма во власть: 1928–1939.* М., 2002. С. 169–170). По этому же постановлению был «освобожден по снисхождению» и герой платоновского рассказа Оганов, «состоявший под судом и следствием», очевидно, в 1929 или 1930.

...сказал вслух словами вождя: — Да, сера, товарищ, теория, но зелено вечное дерево жизни!— Слова Мефистофеля из поэмы Гете «Фауст» в переводе В. Брюсова: «Теория, мой друг, сера, но зелено вечное дерево жизни».

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЧЕРНОВОГО АВТОГРАФА ПЬЕСЫ «14 КРАСНЫХ ИЗБУШЕК»

Статья и публикация Е. Рожenceвой

Источник

Настоящая публикация представляет реконструкцию чернового автографа пьесы А. Платонова «14 Красных избушек».

В фонде А. П. Платонова в РГАЛИ находятся черновые наброски, черновой автограф и машинопись трагедии «14 Красных избушек» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 90, л. 1–205. Автограф — л. 78–189, черновые наброски — л. 190–205). Автограф выполнен на ветхой бумаге разного формата и качества карандашом, правка и записи — чернилами разного цвета. Впервые указанные источники были введены в научный оборот и проанализированы Н. В. Корниенко (Корниенко, 1993). Помимо указанных источников существует лист с наброском списка действующих лиц пьесы, выявленный в фонде А. П. Платонова ОР ИМЛИ (ф. 629, оп. 2, ед. хр. 47, л. 1).

Нужно отметить, что архивная нумерация страниц (РГАЛИ) выполнена механически, нарушена последовательность, иногда цифры проставлены поверх авторского текста. Поэтому в работе будет указываться авторская нумерация страниц. В том случае, когда страницы автором не пронумерованы, будут указаны архивные номера листов.

Авторская нумерация страниц включает в себя номер страницы и действия, например: «1/II» (первая страница второго действия). Исключение составляет первое действие, где указаны только номера страниц. Нумерация возобновляется в каждом действии. В первом действии страницы нумеруются последовательно, нет вставных или нумерованных листов, текст расположен на девятнадцати страницах. Перед текстом первого действия вложены два листа, содержащие списки действующих лиц. Второе действие состоит из 23 последовательно пронумерованных листов и 8 листов-вставок с автономной авторской нумерацией: А, Б, α, β, γ₀, γ₁, γ₂, γ₃. В третьем действии сохранилось 15 листов, не найдены листы 3 и 4; в четвертом — 57 листов. Формат листов значительно различается, а текст может находиться как на одной, так и на обеих сторонах листа.

Замысел пьесы возник в 1931–1932 гг. и первоначально складывался как комедия (Корниенко, 1993. С. 171). Подготовительные заметки к пьесе встречаются на страницах записной книжки, начиная с 1931 г. Но увидеть здесь зарождение замысла можно в том случае, если уже известно сложившееся произведение. Первые записи никак не связываются писателем с планом определенного произведения, нет названия. В записной книжке представлен довольно разнообразный материал: записи, которые сформируют образ Хоза («Химический человек, начиненный всеми веществами науки» и др.); реплики, использованные позже в пьесе («Как дам,— дак ты из [башмаков] сапогов выскочишь!», «Психанул!») и др.

(Записные книжки). Предположительно осенью 1932 г. появляется запись о замысле пьесы: «Тема Комедии (14 Кр. Изб.— м.б.)» (Записные книжки. С. 113) и первоначальный список действующих лиц, который только в общих чертах сообщает о замысле и еще далек от окончательного варианта.

В задачу данной статьи входит анализ чернового автографа пьесы; черновые наброски и подготовительные заметки подробно рассматриваться не будут. История замысла трагедии — отдельная значительная работа, которая требует в настоящее время дополнительных исследований.

Физическое состояние автографа

Черновой автограф (далее — ЧА) пьесы «14 Красных избушек» написан в основном карандашом на листах разного формата и качества.

Формат первого листа без номера по длине равен А 4, по ширине и по качеству бумаги он равен листам без номеров, в которые обернуты листы каждого действия. Условно назовем их листы-«обертки». На первом листе написано: «I Переписано», на остальных — номера других действий «II», «III», «IV».

Дальнейшее сравнение бумаги, на которой записана пьеса, позволяет сказать, что листы-«обертки» совпадают по формату и по качеству с листами 1-го, 3-го и 4-го действий: 78 (архивная нумерация), 1/3–32/3 и 55/4–60/4 (авторская нумерация страниц), 199–200 (архивная нумерация одного листа, сложенного вдвое), 203 (архивная нумерация). Таким образом, Платонов пишет на бумаге одного формата все третье действие, конец четвертого и два листа набросков (эти два листа почти одинаково сложены пополам, но л. 203 сперва был исписан в развернутом виде, затем сложен пополам, л. 199–200 сперва был сложен, а затем заполнен записями). Четыре листа того же формата Платонов использует для обертывания действий пьесы. По-видимому, все действия были вложены в листы-«обертки» после написания всего черновика.

Листы под номерами III, 21/3–32/3, 191 и 204, 201 и 202 залиты чем-то желтым, по цвету похожим на фурацилин. Несколько маленьких пятен есть на л. 203, 17/3–18/3 и 19/3–20/3, т. е. эти последние лежали отдельно в момент, когда на рабочем столе Платонова разлили, вероятно, лекарство. Больше всего жидкости попало на верхние листы стопки 21/3–22/3, 23/3–24/3, далее по убыванию. Брызги попали и на листы 1/3–2/3, 17/3–18/3, 19/3–20/3. Листы 21/3–32/3 еще лежали чистыми, когда были залиты. Потом они высохли, и уже затем Платонов начал записывать на них текст. Это определяется по карандашу, который на испачканной части листа ничуть не пострадал, идет с ровным нажимом на чистой и загрязненной частях листа поверх загрязнения. Причем л. 21 Платонов писал после листа 20 без перерыва, т. к. согласуется правка, сделанная в процессе письма, а также нажим и толщина карандашной линии. Т. е. ничто не указывает, что письмо в этом месте было приостановлено. Теперь подробно рассмотрим последовательность написания пьесы.

Список действующих лиц

Набросок списка действующих лиц с указанием на произведение был зафиксирован в записной книжке предположительно осенью 1932 г.:

Тема Комедии (14 Кр<асных> Изб<ушек> — м.б.)

I. Химический человек.

II. Схематик по природе.

III. Весоизмеритель находящ<ийся> в обращении.

IV. Сердцев, ч<елове>к отрицающий все, чтобы не учиться ничему.

V. Прекрасная полячка, котор<ая> ест картошку, мерзнет и не сдается смерти и печали.

VI. [Тарасов]

На одном из листов с черновыми набросками (л. 202) находится следующий, уже «персонифицированный», список:

Рациональный человек

Филя Едкин

Ксения Секущева

Красноармеец-жених

Хоз

Суенита

Митрофан [Жаев]

Интергом

[Константин] Гектор Курдюмов

человек Тарасов, говорящий в бреду — ничего не понятно: политика, мораль, техника, наглость.

На обороте л. 202 находятся записи, являющиеся набросками каких-то важных частных мыслей, из которых затем вырастет первое действие пьесы:

Дело в том, чтоб истребить веру в людях во «что-то светлое» и тогда люди устроят светлое. Не говорите вперед

Ты игры не понимаешь!

[*Мир плохо реален*].

[*Суенита в конце концов легка, радостна, и социализм весь как песенка под небом легкой души, освобожденной из под камня*]

Жизнь будет как ветер.

Хоз: найти выход у вас для нас, для <1 слово нрзб>

Легкие звуки над тяжелой землей.

Заметим здесь, что Платонов, по-видимому, не создавал подробного плана всего произведения. В качестве такового он использовал наброски к каждому действию. Причем наброски эти мало похожи на привычный план, как мы видели. Эти записи можно назвать планом «основных идей». Таковым условно можно считать л. 191 «вспомогательных материалов» к пьесе (так архивистом были названы отдельно собранные документы, среди которых, как выяснилось, находятся и отдельные листы черногого автографа), на котором

намечены основные линии разных действий. К тому же, записи на листе сделаны уже после начала работы над пьесой (об этом говорит, например, указание вставить в список действующих лиц ж.д. сторожа). К сожалению, в связи с ветхим состоянием листа некоторые записи прочитать не удалось:

Вспомогат.

матер.

II

[I

*мое тело прогрессирует
от твоей страны]*

III <3 слова нрзб> добавить.

[IV Парус Ребенка кормить <2 слова нрзб> не надо ?

Суенита о револьвере Вершков]

I — Пред. Комит. по разр. мир. экон загадки.

[Где <нрзб>

Встав. в начало ж.д. сторож —

Пассаж. обыкн. поезда — в дей л]

Так же кратко и непоследовательно (для нашего восприятия), отмечая для себя лишь самое важное, Платонов постоянно «набрасывал» основные темы каждого последующего действия. Такие наброски есть и ко второму, и к третьему действиям.

Набросав список и уяснив общее направление работы, Платонов приступает к написанию первого действия. Таким образом, писатель начинает работу, не имея еще списков действующих лиц, вложенных в архивную папку под номерами 78 и 79. Списки эти были написаны несколько позже, но уже в созданном ЧА их место, безусловно, в начале автографа. Поэтому сначала остановимся на первом листе ЧА — листе 78.

Это один из черновых набросков списка действующих лиц. То, что это не первый список, подчеркивает, в первую очередь, его оформление: он свободно расположен на листе и написан с небольшим количеством исправлений.

Всего окончательному списку предшествовали, а иногда, по-видимому, сопровождали его 7 черновых набросков, и продумывал этот список Платонов почти до конца работы над черновиком. Так, имя «Антон» появляется с вопросительным знаком на листе 1/4 (первый лист четвертого действия), где реплики принадлежат пока еще Митрофану. В конце листа перед последней репликой Митрофана написано: «Антон?». Начиная со страницы 2/4, уже присутствует постоянно имя Антон (Антошка). Таким образом, список действующих лиц на листе 78 написан после первого листа четвертого действия. Но в таком случае более вероятно, что он написан еще позднее. Постараемся восстановить последовательность.

Страницы 1–6 четвертого действия Платонов пишет довольно ровно и заканчивает, зачеркивая последние три строки, которые тут же переписывает заново на бумаге нового формата. Чистых листов у Платонова, как представляется, было много, поэтому он пишет свободно, на одной стороне листа. Но хватает этой пачки бумаги только на написание стра-

ниц 7/4–54/4. Лист 54/4 заканчивается, Платонов затачивает карандаш, дописывает последнюю реплику Суениты, обводит на этом листе слабо прописанные затупившимся карандашом слова и сразу же переходит на новый лист — другого формата. Карандаш постепенно снова теряет остроту и к концу листа 60/4 снова затупляется. Этим притупившимся карандашом Платонов и пишет после слов «Занавес» и «Конец» новый список действующих лиц на новой странице, посчитав, вероятно, что появилась необходимость свести все появившиеся к этому времени в процессе работы изменения по списку на новый лист. Изучая стремительно созданное четвертое действие пьесы, трудно предположить, что у Платонова был перерыв в его написании для создания свода действующих лиц. Кажется более вероятным, что список был сведен на лист 78 только по окончании всей работы.

Список занимает всю страницу, написан с отступами от краев листа, с большим отступом от верхней границы листа, что предполагало, вероятно, расположение на странице только этого списка; имена расположены на листе с большими межстрочными интервалами, пронумерованы. Последовательность лиц в списке дорабатывается: сначала выстраиваются основные действующие лица «московского» действия, из которого «изымается» Суенита, затем следуют остальные действующие лица. Возле трех из них (Сторож колхоза, Ст. из р., Старуха) стоят вопросительные знаки. «Старик-счетовод, **сторож**» появлялся в третьем действии на странице 8/3, «Голос старика из района» — в четвертом действии на странице 3/4. Последний персонаж так и не появился ни в одном из вариантов списка.

Д. л.

1. Иоганн Фридрих Хоз ✓

2 Интергом ✓

[Суенита]

3 Приветствующий Деятель

4. **Начальник станции.**

[Писатели]

[Петр]

5. Уборняк, Петр [Павлович] Поликарпыч.

6. Фушенко, Борис [Поликар] Павлович

7 [Троекранов] Жовов, Мечислав Евдокимович

} Писатели.

8 Суенита ✓

16. **Старуха ?**

9 Ксения ✓

10 Антон ✓

11 Филипп Вершков ✓

12 ? Сторож колхоза

13 ? Ст. из р.

14 Георгий Гармалов

15 Летчик

Грудные дети Суениты и Ксени

Имя героини вычеркнуто не сразу, т. к. следующее действующее лицо записано с равным отступом. После записи «Приветствующий Деятель» работа идет в следующей последовательности. «Писатели» — зачеркнуто, «Петр» — зачеркнуто, «Уборняк, Петр Павлович, Фушенко, Борис Поликар» — не закончено написанием, зачеркнуто, снизу (там еще нет следующей записи, и слово располагается свободно) дописано «Павлович». Выше зачеркну-

то «Павлович», размашисто и с точкой — уверенной рукой — Платонов дописывает «Поликарпыч». «Троекратов Мечислав Евдокимович» написано после исправление «Поликар» на «Павлович», т. к. заметно, что слово «Евдокимович» «огibaет» предыдущее исправление. «Троекратов» Платонов зачеркивает, сверху со знаком вставки вписывает «Жовов,». Справа рисует фигурную скобку, объединяющую всех писателей. Она заметно изогнута, чтобы обогнуть, не задеть сделанного ранее исправления «Поликарпыч», но все же проходит поверх этого слова.

Двойной отступ графически отделяет «город» и «деревню», затем написаны следующие строки: «Суенита», «Ксения», «Антон», «Филипп Вершков», «? Сторож колхоза», «? Ст. из р.», «Георгий Гармалов», «Летчик», «Грудные дети Суениты и Ксени», рядом с «Суенита» написано «Старуха?». Эта часть списка написана менее четко, скорописью, более мелким шрифтом, слова со знаком вопроса написаны мельче всех.

Цифры проставлены после написания всего списка, т. к. стоят только напротив не зачеркнутых (окончательных, больше не исправлявшихся) имен, учитывая выступающие перед двумя именами вопросительные знаки, иногда написаны с точкой, иногда без. Слово «Старуха» вписано после «Грудных детей...», но порядковый номер указывает ее место после «Летчика». Последней строкой — «Грудные дети...».

Итак, это промежуточный свод с более ранних черновых набросков. Платонов уже не столько продумывает состав лиц, сколько собирает продуманный ранее материал воедино и располагает в определенной последовательности. С этого свода действующих лиц будет затем списан беловик.

Л. 79 — это половина листа большого формата (А 3), равный л. 80–91. В центре свободно расположено название и жанр произведения. Второе название написано позже скорописью по диагонали в правом верхнем углу листа:

Суенита
Комедия

«14 Красных
Избушек»

На л. 79 чернового автографа располагаются еще два варианта списка действующих лиц. В первом, более развернутом, место писателей занимает инженер Щога, а Суенита имеет самый почтенный (среди всех вариантов) статус: ей 24 года, она «мать семерых детей».

Действ. лица:

Иоганн Хоз, ученый всемирного значения, интеллектуальный авторитет Европы, }
101 года от рождения., член всемирн комис по изучению миров. экон. загадки. }

Интергом, его компаньонка и любовница, 21 года.

Спутники Хоза:

Бернгард Эндвад — [*<2 слова нрзб> человек*] европейский финансист

Иезикииль [*<1 слово нрзб>*] Щога — инженер

Фред Фей — либеральный [*лейборист, приветств <2 слова нрзб>*] интеллигент

Приветствующий Деятель.

Суенита, 24-х лет, мать семерых детей.

Дм. [*Г<нрзб>*], советский инженер

Федор

советский инженер

Иван Обшев (?)

После написания «Интергом» вписывается более подробная характеристика Хоза (буквы «втиснуты» в межстрочное пространство): «интеллектуальный авторитет Европы, 101 года от рождения». И еще раз дописано: «, член всемирн комис по изучению миров. экон. загадки». Зачеркнута прежняя характеристика Бернгарда Эндвада и вписана, по-видимому, сразу же (об этом говорит свободное расположение строки, которую не стесняет последующая запись) новая — «европейский финансист», знаком характеристика «подтягивается» к имени персонажа. Первоначально записанная (не читается) фамилия инженера Иезикииля зачеркивается и сверху вписывается со знаком вставки новая — «Шога». Фреду Фею предложена, но сразу вычеркнута, еще одна характеристика: «[лейборист, приветств <2 слова нрзб>]». И, наконец, между последними двумя именами вписано: «Федор советский инженер».

За скобкой написаны 2 слова, прочитанные предположительно: «Согл любовь».

До описания еще одного списка, расположенного на л. 79, остановимся на обнаруженном Н. В. Корниенко в фонде Платонова в ИМЛИ небольшом наброске к пьесе без названия. В начале листа запись о том, что это первое действие. Среди действующих лиц — Генрих Ож. На обороте листа в нижней трети страницы по диагонали написан карандашом список действующих лиц другого произведения — «14 Красных избушек» (но название отсутствует). В него попадает и Генрих Ож. Список прочитывается с трудом, т. к. сильно затерт. Интергом характеризуется здесь как правнучка Хоза. Только имя Генриха Ожа не встречается в сохранившихся в РГАЛИ списках действующих лиц пьесы «14 Красных избушек» (можно предположить, что Платонов еще до конца не отказался от мысли написать пьесу, первое действие которой он уже начал на другой стороне листа).

Суенита — 21 года

✓ Проф. **Иоганн** Хоз — 101 года

✓ его правнучка Интергом — 18 лет

Бернгард Эндвальд — европейский офицер

Генрих Ож — [ин ин] инженер

Альфред Фей — [ин] интеллигент

[<1 слово нрзб>]

[<1 слово нрзб>] — мировой финансист
европей

Далее несколько строк стерты и не поддаются прочтению. Часть имен из этого списка переходят, как представляется, в список действующих лиц, расположенный на обороте л. 106 (лист с ошибочной архивной нумерацией), на котором есть еще несколько записей:

От боли дрожало сердце

Комедия

в страшном внутреннем неверии, подозрении врагов всюду.

1) [Ож] Хоз, Иоганн.— а этот блестящий негодяй, формальный логик [<3 слова нрзб>]

2) Интергом его шмара.

3) Сонм иностранцев с Хозом [Ожем], которые коллективно восклицают и что-то действуют

- 4) Привет. Деятель
- 5) [Суенита] Суенита, серая, бедная.
- 6) страст-техник
- 7)

Эти два списка предшествовали списку на л. 79. Такую последовательность подсказывают отмеченные «галочками» имена, вставшие в начало нового списка, и имя Альфреда Фея, которое после усечения превращается в имя Фреда Фея — он, как и Альфред, остается интеллигентом. Остальные характеристики персонажей, как нетрудно заметить, также сохраняются в разных сочетаниях. Таким образом, вероятно, что список на л. 79 является сводным с этих двух списков.

Продолжим описание л. 79. На этом листе есть еще список. Внизу листа первый список дважды небрежно отчеркнут, задевая последнюю строку предшествующей записи. Ниже зафиксирован второй список. Запись мелкими буквами производилась остро отточенным карандашом, слова сокращены, но записаны аккуратно, персонажи разделены пробелами на три группы:

Хоз
Интергом
Фр. Фей.

Привет. Деят.
Н-к станции
Ж. д. агент
Уборняк
Меч. Фушаков

Суенита
инженер Общев

Предполагаем, что к этому списку писатель вернулся во время остановки в работе — на десятой странице перебеленного черновика. Обратимся к этому моменту позже.

Начиная работу с пронумерованными листами единицы хранения, мы упомянули о самом первом — нумерованном. Написан он был Платоновым вовсе не первым и теперь нужно к нему обратиться.

Первым листом (без номера), вложенным в архивную папку единицы хранения «14 Красных избушек», является узкая полоска листа с номером действия «I» и словом «Переписано». Обозначает ли эта надпись то, что перед нами беловик? По внешнему виду листов это трудно утверждать.

Возникают три предположения по поводу того, к чему относится эта запись. Во-первых, запись может относиться к какой-то части черновика, который был переписан набело (в связи с чрезмерным усложнением правки и перегруженностью страниц), но по которому затем была продолжена творческая работа. Т. е., возможно, перед нами *полубеловая сводка*, имеющая два слоя работы — беловое механическое переписывание и переработку законченного (на какой-то момент) текста, беловик и черновик в одном документе. Во-вторых, перед нами может быть промежуточная черновая сводка с незаконченного черновика или даже с нескольких черновых набросков, когда фрагменты замысла собраны писателем во-

едино, а затем работа последовательно продолжена. И, наконец, возможно, такой закладкой Платонов отметил часть черновика, который перебелен, т. е. с которого уже сделан беловой автограф. Но на закладках, объединяющих листы следующих трех действий, подобных записей нет. К тому же черновик был перебелен позже полностью в самодельную сшитую тетрадь. Т. е. запись, как представляется, не означает переписывание какой-то части на беловик. Понять более точно происхождение надписи «Переписано» помогут листы, сохранившиеся среди «вспомогательных материалов», под номерами 190, 192–194.

Действие первое *Черновой набросок*

Самой интересной частью ЧА пьесы является первое действие.

Черновой набросок (ЧН) — это несколько начальных страниц первого действия пьесы, соответствующие по содержанию страницам 1–7 (л. 80–86) ЧА. Анализ этого ЧН и сопоставление его со страницами ЧА позволит нам описать особенности работы Платонова над черновиком первого действия пьесы и уже попутно определить, к чему относится запись «Переписано».

Первое действие расширилось за счет дополнительных линий — диалогов Начальника станции и Железнодорожного агента, Приветствующего деятеля, Хоза и Интергом, писателей и Хоза. Диалоги и ремарки, первоначально написанные в ЧН, переносились в перебеленный черновик почти без изменений.

Набросок был создан на отдельных листах (190, 192–194), а затем переписан, причем сразу при переписывании перерабатывался автором. Можно сказать, что это характерный для Платонова прием. Подобный способ «отстранения» черного варианта использовался, например, писателем спустя несколько лет при создании повести «Джан». Несколько страниц также были изъяты, затем написаны заново с внесением значительной смысловой правки. Естественно возникает предположение, что в ЧН существовали, но не сохранились и остальные страницы. Но предположение это не соответствует, скорее всего, действительности, так как правка на страницах ЧА, которые являются полубеловой сводкой, ведется менее интенсивно, чем на страницах, которые не имели «предшественниц», — там количество правки значительно увеличивается. Так, до страницы 10 (включительно) текст представляет собой перебеленный фрагмент. По-видимому, к нему относится запись на первой странице-«обертке» «Переписано». Из 19 страниц ЧА первого действия 7 страниц являются полубеловой сводкой. В ЧН первая ремарка — экспозиция — писателем создается сразу и позже остается почти без изменений.

Черновой набросок

Фойэ московского вокзала. Цветы, столики, транспаранты с надписями на европейских языках, приветствующими иностранных гостей.

Шум поезда, проходяще[му]го к перрону. [Музы / Играет] Навстречу поезду играет музыка. Голоса приветствий. Краткая [речь] речь.

Черновой автограф 1-е действие.

Фойэ московского вокзала. Цветы, столики, транспаранты с приветственными надписями на иностранных языках.

Гудки далеких [парово] мчащихся паровозов.

На сцене [Приветствующий Деятель] Начальник станции и [еще] еще [два-три] один железнодорожн[ых]ый аген[та]т.

[Приветствующий Деятель.]

Начальник станции бдительно оглядывает помещение и переставляет цветы на столиках — для [<нрзб>] их лучшей эффективности.

Входит Приветствующий Деятель.

Приветствующий Деятель (к Нач. станции). Здравствуйте, товарищи! [*Где*] **Когда прибывает** поезд с границы?

Нач. станции. Опаздывает на четыре минуты, но механик нагонит. (К железнодорож. агенту). Кто ведет Красную молнию?транс

Ж. д. агент. Механик Живаго. Паровоз серии Эль, выпуск 32 года. Он нагоняет время всегда.

Привет. Деятель. [*У вас всегда*] У вас только механики и нагоняют время, а вы его тратите. [*Люди ошибаются*] Сначала люди ошибаются, а потом заставляют машину бешено работать, чтоб возратить погибшее время.

Нач. станции. Век техники, гражданин. Машина должна обслуживать все: и наше достоинство, и наши пороки.

Ж. д. агент. Врете, товарищ начальник: машина есть часть человека, она его будущее чувство. [*Человек*] Машина — живая рука пролетария / **раб класса**, а эта рука никогда не будет служить пороку и позору...

Долгий, далекий, разрываемый вихрем воздуха, жалобный свисток мчащегося паровоза.

Нач. станции (официально). Транссоветский Экспресс [*Красная Молния*] **Могучая Птица** — Столбцы—Владивосток — прибывает на первую платформу! (Глядит на часы на своей руке). Опоздание: [*одна минута!*] полминуты!

Свисток паровоза — [*уже под сводами*] уже в пределах вокзала. Шум резкого торможения. Остановка. [*III*]

Ж. д. агент (смотрит на свои часы). Нет никакого опоздания: во время! Пу-

На сцену является [чел] европейская делегация в полном составе; впереди идет [ученый Бох] Хоз, его держит под руку Интергом и Приветствующий Деятель. Вслед и параллельно идут четыре советских писателя, начальник станции, [стеногр] переводчицы, журналисты, различная публика.

Приветствующий Деятель (по французски). Глубокоуважаемые господа! В моем лице [республика советов / советов] вас приветствует вся республика, все ее высшие сознательные слои...

Хоз (по русски). Но нижние, нижние! На что мне ваши высшие — я сам высший!

[Прив. Деятель (по русски). Что такое — нижние?] Пардон: вы говорите по русски? Вы знаете язык?

Хоз. Ну знаю, ну конечно-же знаю: немного хуже индусского, но лучше немецкого Я уже забыл, что не знаю. Мне-же сто один год, а вы — мальчик! — говорите со мной по французски! Вы не умеете: учитесь вперед по русски... Где ваши нижние слои, [предъявляй / покажите конкретно. Я вас спрашиваю, Я требую / Ну знаю, ну конечно знаю].

Прив. Деятель (по французски). Вы видите перед собою СССР, глубокоуважаемые господа!

Хоз (по русски). А вы видите перед собою, господин представитель страны, капитализм и его самых сознательных негодяев! (жест в сторону своих спутников).

Прив. Деят. (по русски). Пардон: вы говорите по русски? Вы знаете [язык] первый язык социализма?

Хоз. Знаю, знаю, ну конечно-же знаю. Я уже забыл, что не знаю. Мне сто один год, а вы — мальчик! — [гово-

тиловский Паровоз серии Эль — механик [Живаго] товарищ Живаго.

Шум публики. Приветствия. Музыка-туш.

В фойэ [прох] входит Иоганн Хоз об руку с Интергом, и с ним все его спутники, а также —

Приветствующий Деятель встречает иностранцев, представляется им и говорит приветствие по французски

Ответное бормотание на европейских языках спутников Хоза.

[Приветств. Деятель]

Хоз. Здравствуйте, здравствуйте. Здорово живете! [Выполняете ли план пятилетки?] Как поживает ваша пятилетка? — самая прекрасная мадемуазель всего мира!

Прив. Деятель. Пардон: вы говорите по русски? Вы знаете наш трудный язык пролетариата?

Хоз. Знаю, знаю... Ну конечно же знаю! Я уже забыл, чего я только не знаю! Мне сто один год, а вы — маль-

рите со мной по французски!] вы — мальчик! — говорите со мной по французски!.. Я вас спрашиваю: где здесь [со] ваш социализм?.. (К Интергом) Мадмуазель девочка, **дайте** мне молочка: [*<нрзб>*] мне давно уже надоело жить в своем организме, в этой жизни, в тоске текущих фактов — мне скучно, мадмуазель, от сознательных чувств! Молочка!!

Интергом (вынимает из ручного чемодана бутылочку консервированного молока и подает Хозу; по французски). Кушайте, дедушка. Не волнуйтесь, у вас так слаб желудок: вы еще увидите социализм, они старались, они [*для вас его приготовили... Ну дедушка*] мучились, они любят вас... Ну ради бога, дедушка [*пейте до доньшка*] не оставляйте капель на дне!

Хоз (допив молоко). Говорите, пожалуйста, **все** по русски — вы же специально учились: не раздражайте моего духа на этой раздраженной земле!
Интергом, Скажите мне по русски.

Интергом. Знаю, знаю, [*я конечно*] **Антискирдовальное настроение — по русски это печаль**. Ну конечно же знаю: русский язык — революция социаль, французский — контрреволюция. Мы знаем — нам двадцать один год! [*Гд*] (К Привет. Деятелю) Где социализм? — скорее!

Интергом. Долой антискирдовальное настроение!

Хоз. Как? Что такое? Хулиганка, вы знаете по русски лучше меня? Как, что такое? Повторите сейчас-же, [*!*] я мучаюсь!

Интергом. Долой антискирдовальное настроение! Я читаю [*газеты*] газеты, я выучилась. Антискирдовальное настроение — по русски это [*печа*] печаль, это не аннию (по фр) это не социализм.

чик! (**раздражаясь**) — вы — мальчик! — осмеливаетесь со мной говорить **по французски!**.. Если у [*меня*] нас нет вашего большого, большевистского разума, зато у [*меня*] нас есть ваш язык!

Привет. Деятель. Простите: спутники ваши также потрудились над русским языком?

Хоз. Мальчик! Не раздражайте моего духа на этой раздраженной земле! **Интергом**, скажите ему по русски!

Интергом. Долой антискирдовальное настроение!

Хоз. Как? Что такое? Хулиганка, вы знаете по русски лучше меня... Повторите сейчас-же: вы видите — я мучаюсь.

Интергом. Долой антискирдовальное настроенье! Я читала газеты советов, я выучилась. Антискирдовальное настроенье — по русски это печаль, это [*анти*] аннию, это не социализм.

Хоз. Это сверкающе!

Интергом. Вы ошибаетесь: это блестяще!

Хоз. Пардон: блестяще!.. [*Как я забыл — кто же*] Что я такое — если я [*забываю*] стал забывать **чепуху**?.. [*Ведь жизнь для меня*] Мальчики, девочки, дети, я так давно живу, думаю и страдаю, что для меня давно стал прозрачен весь темный воздух над этой погасающей звездой. **Мне сто один год**, Что же я такое здесь, если [*живу*] так давно живу, но ничто не изменяется к освещенной радости, а все темнеет и утомляется, и по миру стоят, [*одни*] мои бедные дети и товарищи, одни кресты, как трости **для похода / для будущих младен** на тот безнадежный свет?!. Что-же я такое, [*что*] если от меня не происходит ничего лучшего?.. [*Может я ошибаюсь?*]

Интергом. Вы, дедушка, контр-дурак.

Хоз. [*Как*] Как?! Что такое?

Интергом. Вы контр-дурак: значит — умница.

Хоз. Неизвестно, Интергом.

Нач. станции (Хозу). Поздравляю вас с благополучным прибытием. Желаю вам счастливого путешествия по великой и чуждой стране!

Хоз. Чуждой?! Ошибаетесь! самая чуждая страна для меня — моя родина. Благодарю вас.

Привет. Деятель. Приветствую вас, господин Хоз, великий философ слабейшего [*эпохи ка*] капитализма, блестящий [*химик*] **оппортунистических ухищрений** ложного мировоззрения буржуазии, и желаю вам...

Интергом. Стать младенцем, дошколь[*ником*]чатником, пионером, [*октябри*] октябр[*енком*]истом нового света...

Привет. Деятель (*[Далеко]* к Интергом). Далеко неверно... (Хозу) Приветствую вас в неизвестной [*вам*] гигантской стране — от имени трудящихся людей, [*же*] делающих счастье и истину себе и вам. Желаю, [*вам*] чтобы

ваша мысль засверкала среди зари, а не среди сумерек. Трудящиеся счастливы приветствовать вас в своем общем доме!

Хоз. Сомневаюсь, чтоб они были от меня счастливы.

[*нрзб*] Краткая пауза.

Хоз. Я никого еще не делал [*добр*] веселым и счастливым. (На Интергом) Вероятно — только ее.

Интергом. Да, Иоганн, от вашей любви я ужасно счастлива.

Хоз. Знаю, знаю... Вы же вперед женщина, потом человек.

Интергом. И вперед, и назад — я всюду женщина.

Хоз. Вы контр-умница, Интергом... Ах мадемуазель девочка, мне давно уже надоело жить в своем организме, в этой жизни, в тоске текущих фактов: дайте мне молочка! Мне скучно, мадемуазель, от сознательных чувств! Молочка!!

Интергом (вынимает из ручного чемодана бутылочку консервированного молока и подает ее Хозу). Кушайте, дедушка. Вы не волнуйтесь, вы не думайте: у вас так слаб [*жел*] желудок... Ну ради бога, дедушка, не оставляйте капель на дне, я вас люблю.

Хоз (допив молоко, — к Привет. Дея[телю]). Где здесь социализм? Покажите его сейчас-же, меня раздражает капитализм.

Ж. д. агент. Успеете: мы умирали от капитализма.

Хоз. Как? Чьи это [*звуки*] были умные звуки?

Привет. Деятель. Отдельные элементы нашего строя я вам в состоянии предъявить немедленно... Пожалуйста! Сейчас-же направо будет комната матери и ребенка...

Интергом. Благодарим вас. Предъявите нам ради бога комнату для самых бедных старичков, и что они там делают.

Привет. Деятель. Отдельные элементы нашего строя я вам в состоянии предъявить немедленно... Пожалуйста! Сейчас-же направо будет комната матери и ребенка...

Интергом. Благодарим вас. Предъявите нам сейчас комнату для [*скучных*] мелких старичков.

Привет. Деятель (в недоумении).
Простите: она ремонтируется...

Хоз. Не спешите, Интергом. Здесь нет старичков, здесь люди умирают во время. [*Они / Они / Нельзя людей задерживать в жизни — они портят настроение будущему. (К своим спутникам) Господа*]

(К Привет. Деятелю) Товарищ, остановите ремонт [*<нрзб>*] комнаты стариков: она у вас будет пустая.

Привет. Деят. Я преувеличил, господин Хоз, [*сны / мы забыли*] этой комнаты у нас нет.

Хоз. Не смущайтесь: я знаю, что вы жулики, но [*зато мы подлецы*] ведь мы тоже подлецы! [*<нрзб>*] Компривет! (К своим спутникам). [*<нрзб>*] Товарищи, подумаем так. У них есть [*ком*] комната матери и ребенка — это пустяки. У них мало стариков и нет для них комнаты — это успех.

Спутники Хоза. Привет! [*Превосходно!*] Доблесть! Ажур! Гут! Принципиально! Мерси!

Привет. Деятель. [*Вы Разрешите Вы глубоко ошибаетесь: у нас есть лозунг: «За здорового советского старика.»*]

Интергом

Контр-дурак

[*Мы — члены комиссии по изучению мировой экономической загадки.*]

Диалоги действующих лиц содержат несколько важнейших линий, которые не будут перенесены из ЧН в перебеленную часть ЧА, но являются значимыми для формирования целостного замысла произведения.

Восстановим их по порядку. На л. 190 ЧН Платонов записывает отчасти уже сложившийся список действующих лиц:

Суенита.

[*Драма*] **Комедия.**

[*Иоганн*] Готтлиб

Прив. деят. — лет 40

Привет. Деятель (в недоумении).
Простите: она ремонтируется...

Хоз. Не спешите, Интергом. Здесь нет старичков, здесь люди умирают во время. Нельзя людей задерживать в жизни, они портят настроение будущему. (К Привет. Деятелю). [*Товарищ, вождь, ост*] Вождь, товарищ, остановите ремонт комнаты старичков: она у вас будет пустая.

Привет. Деятель. Я преувеличил, господин Хоз. Этой комнаты у нас нет.

Хоз. Не смущайтесь: я знаю, что вы [*чуть*] понемножку хвастуны, но ведь мы тоже подлецы. Компривет! (К своим спутникам). Товарищи, подумаем так. У них есть комната матери и ребенка — это пустяки. У них мало стариков и нет для них комнаты — это успех.

Спутники Хоза. Привет! Доблесть! Ажур! Гут! Принципиально! Мерси!

Привет. Деятель. Вы глубоко ошибаетесь, господа: у нас есть лозунг: «За здорового советского старика[!], за культурную старость!» — Прочитайте! (Показывает на лозунг на стене).

Суенита — [*<нрзб>*]

— 22 лет

[*Ее жених*]

Бернгар<?>

Бох [<i><нрзб></i>]	Эндвад — ученый
[<i><нрзб></i>]	лет ста<?> капиталист
Евр.	Его внучка
Ком.	У — публицист<?>
объект	Z — инженер
инф.	Σ<?> — интеллигент
	— мировой финансист<?>
	— офицер

В этом списке Суенита еще не имеет детей, «устраняется» даже ее жених. С этим списком Платонов работает при написании не только ЧН, но и после его переписывания в полубеловой свод ЧА. Этому в тексте находим два подтверждения. На л. 13 мы впервые встречаем Суениту: «Суенита — смуглая девушка, ей 20–22 года...». А на л. 16 в диалоге Суениты и Хоза — второе подтверждение:

Суенита. Да я санитарка и детей умею принимать.

Хоз. А рожать не пожелали-бы?

Суенита. Я [*не*] еще не поспела.

Первое упоминание о ребенке Суениты встречается на л. 17 (96), но писатель его сразу вычеркивает, т. е. вспоминает, что у героини нет детей: «Суенита. Старичок, там во все колхозы поезда уйдут... [*во все колхозы*] Мы останемся... [*У меня ребенок плачет*]

На л. 18 (97) Платонов вписывает реплику о ребенке, но только позже (иной карандаш — более толстая черта с нажимом): «Суенита. Пойдем скорее, дедушка, в нашу деревню. У меня ребенок там плачет». Образ Суениты с ребенком на руках появляется только на л. 15 второго действия, там же Платоновым сделана заметка для памяти о том, чтобы согласовать везде плач ребенка, т. е. ввести ребенка как действующее лицо. Предполагаем, что после этого появляется вставка и на л. 18 (97).

Сокращенные фрагменты

Проникновение в мастерскую писателя не всегда позволяет понять мотивы всех изменений текста, сокращений иногда цельных и важных по содержанию фрагментов. Мы можем лишь догадываться о том, что побудило его сделать тот или иной выбор. Сравнение текстов ЧН и ЧА позволяет предположить, во-первых, чем было вызвано желание Платонова перебелить ЧН. Ведь набросок не был написан столь плотно, неразборчиво, что была бы необходимость переписать его для продолжения работы. (Платонов пишет его довольно аккуратно на одной стороне листа, вставки фрагментов текста выносит на другие страницы, чтобы не создавать путаницы. Полностью вычеркнут только один фрагмент.) И, во-вторых, понять причину удаления из ЧА сразу нескольких фрагментов пьесы.

Для более полного понимания нарушим здесь последовательность чтения черновика и рассмотрим сокращение фрагмента, который не был перенесен в ЧА. Сначала Платонов выбирает тему, не раз проговариваемую в черновых набросках: Хоз и Суенита, их любовь, их взаимодействие — как рассудка и природы. Первоначальные характеристики Суениты более однозначны: 1) молодая девушка и 2) мать семерых детей. Но останавливает он выбор на героине, которая еще не приземленно-телесна, но и не юношески свободна. В ней —

молодой женщине, уже имеющей ребенка, больше души, она только учится жить рационально и сразу сталкивается с разумностью, рациональностью Хоза, который, наоборот, хотел бы научиться жить сердцем. На листе с набросками подряд написаны две фразы: «Хоз [*<нрзб>*] Суениту и жалел ее, что исчезнет в мире, вместе с нею, последняя прелесть, надежда и идея», ниже с вертикальной чертой посередине: «Интеллект / обаяние жизни» (л. 201). Над записью писатель долго размышлял: она украшена неторопливо нарисованным узором. На другом листе вычеркнута запись: «Суенита: твоё тело неплотно сидит на твоей душе потом прирастет» (л. 202).

Но уже в ЧН Платонов приступает к основной теме своего труда — сохранению тех, кому посвящено его творчество:

Приветствующий Деятель (по французски). Глубокоуважаемые господа! В моем лице [*республика советов / советов*] вас приветствует вся республика, все ее высшие сознательные слои... *<...>* Хоз (по русски). Но нижние, нижние! На что мне ваши высшие — я сам высший! (л. 190);

Хоз. Где ваши нижние слои, [*предъявляй / покажите конкретно. Я вас спрашиваю, Я требую Ну знаю, ну конечно знаю*] (л. 192).

После некоторых сомнений эта тема снимается. Во втором действии (ЧА) Платонов возвращается к теме «нижних слоев» и раскрывает ее, обозначая до конца свою писательскую позицию:

Суенита. Они наверно [*думает*] думают про людей так (встает в сених и декламирует):

А вы на земле проживете,
Как черви земные живут —
Ни сказки про вас не расскажут,
Ни песни про вас не споют!

А я думаю, что когданибудь земные черви сами запоют, раз о них петь [*не хотят*] некому. Черви же, это люди бедняки: факт! Это мы!

Хоз. Именно так, девочка. Вас в кружке этому учат?

Суенита. Нет. Наоборот: я сама догадалась.

В беловик этот фрагмент стихотворения М. Горького «Легенда о Марко» не переписывается. На каком этапе работы он снимается, неизвестно. Но сама тема «нижних слоев» была сконцентрирована и вынесена на самое бесспорное место — в заглавие. Отказываясь от названия «Суенита», в набросках (л. 204) под заголовком «Четырнадцать Красных избушек. Комедия. Рукопись» Платонов еще размышляет об основной теме произведения в кратких записях: «Хоз—Суенита», «О Хозе и Суените», «О их любви». Но главным героем произведения уже становятся «нижние слои» — «четырнадцать красных избушек».

В сохранившемся ЧН мы видим контуры окончательного текста. Основательная работа над ним будет писателем продолжена, но уже сейчас намечено ее направление. Практически весь текст наброска будет сохранен, некоторые линии продолжены и углублены.

Черновой автограф

Анализ ЧА первого действия пьесы начнем с самых заметных хронологических «маячков» — с расположения текста на странице. Платонов первую строку на странице пишет всегда с отступом от верхнего и левого краев листа. Также оставляет место справа и внизу. Поэтому бывает заметно, когда пространство по краям листа и межстрочное он занимает более поздними вставками. Подтверждением полубелового характера начала пьесы служат все признаки, свойственные беловику:

- а) текст на одной стороне листа;
- б) строки написаны четким почерком, ровно, с равными межстрочными промежутками, с ровным левым отступом, справа заканчиваются аккуратно, не доходя до края;
- в) правка вносится довольно четко, правятся в основном отдельные слова; на странице 10 для аккуратного внесения вставки проставлен знак вставки *, ее текст вынесен на предыдущую страницу;
- г) страница 11 и последующие резко отличаются от описанных выше: записи неровные, небрежные, торопливые, с неразборчивыми исправлениями и пометами на полях; присутствуют рисунки и буквенный орнамент.

Первые десять страниц не являются в полном смысле беловиком, так как в процессе работы переписываемый текст подвергся значительной правке: он превосходит ЧН по объему и содержит пропуски, отмеченные знаком вопроса, показывающим, что работа над фрагментом не закончена. Именно теперь у Платонова появляется мысль о кардинальном изменении списка действующих лиц: на странице 3 (внизу страницы) вертикальной чертой отчеркнуто свободное место и на полях поставлен знак вопроса. Не дописана фраза: «В фойе входит Иоганн Хоз об руку с Интергом, и с ним все его спутники, а также — ».

Работа после перерыва дает новый слой правки поверх написанного ранее. После переписанного текста, начиная с л. 11 (90), записи ведутся с большим отступом от левого края, поля исписаны вставками, много правки и т. п.; лист исписан скорописью — без нажима, более мелкими буквами. Здесь же появляется остро отточенный карандаш: им вносятся правка, обводятся трудночитаемые буквы. Писатель, продумывая дальнейшее, возвращается и просматривает уже написанное с отточенным заново карандашом (незначительные исправления острым карандашом встречаются на первых восьми листах). Переписав фрагмент с ЧН набело, внося в него по ходу письма существенную правку, на одиннадцатой странице писатель сделал остановку в работе, обдумывая вопрос о цели приезда Хоza в СССР. Тогда, по-видимому, он и отчеркивает нижнюю часть листа и фиксирует новый список (набросок) действующих лиц, в котором решает оставить лишь двух иностранцев, сопровождающих Хоza, одного советского инженера и добавляет двух писателей — Уборняка и Меч. Фушакова. К тому же, способ начертания обведенных букв имеет сходство со списком, расположенным в нижней части листа 79.

Реплика Приветствующего Деятеля на л. 11, судя по обычному большому отступу от верхней границы листа, была написана первой на листе. Рядом с ней указание «выше». Т. е. реплика должна быть перенесена до диалога Хоza и Уборняка: «Привет, Деятель. [С вами, го] Вам, господин Хоza, жела[е]ют представиться еще [один писатель] два писателя — Мечислав [Едоков / Жовов / Уб] и Павел Фушенко».

На л. 11–12 появляются голубой и фиолетовый карандаши. Л. 12 (91) заполнен, как и предыдущий: много правки, узоры, две вставки. На первой половине листа Платонов размышляет над тем, что будет написано, делает наброски, зачеркивает, в задумчивости рисует узоры.

Расположение текста на листе, проставленные звездочки, обозначающие вставки, позволяют следующим образом описать работу писателя на этой странице. Сначала в центре листа написана и подчеркнута основная идея Хоза — «Мир несерьезен» — высказанная им в ответ на вопрос о цели его приезда в СССР. Затем с большим отступом от верхнего края листа написано слово «Фушенк», но не дописано и зачеркнуто. Поставлен знак вставки V и рядом с ним ремарка: «вопрос Уборняка». Еще знак вставки со словом «Соотв.», т. е. «Соотв<етствующий> вопрос Уборняка». Далее пишется реплика Хоза, ответ которого на вопрос о цели приезда Платонову никак не удается сформулировать.

Платонов пишет голубым карандашом: «Зачем я приехал? Я приехал на покой, в тепло нового мира. И / Дайте пожалуйста старому печальному человеку это<?> тепло вашего государства — вот зачем я приехал». Затем дописывается реплика Фушенко (тоже голубым карандашом): «Фушенко. Господин Хоз, я член правления. Я пишу рассказы из турецкой жизни [*Разрешите*] Позвольте я вам поскорей скажу [*нрзб*] приветствие!» Но написанное не удовлетворяет. Затем писатель возвращается и уже фиолетовым карандашом записывает другой вариант диалога: «Я приехал сюда начать жизнь сначала», ниже — следующую реплику: «Я приехал существовать». Затем писатель формулирует задачу себе: «Движение». Недостаток динамики в этом фрагменте заставляет его долго размышлять над диалогом. Далее Платонов берет простой карандаш и записывает подряд обе реплики — Уборняка и Хоза. После того, как они записаны, он расставляет знаки вставки: реплика Уборняка встанет первой (две звездочки ** поставлены вверху страницы), реплика Хоза — второй (*). Возвращаясь к тексту, Платонов добивается «движения» в разговоре Хоза, Уборняка и Приветствующего деятеля:

Движение

**

[*Мир несерьезен*]

12

[*Фушенк*] V Соотв. вопрос Уборняка

* Хоз. [*Зачем я приехал? Я приехал сюда начать жизнь сначала*

Я приехал на покой, в тепло нового мира. И / Дайте пожалуйста старому печальному человеку это<?> тепло вашего государства — вот зачем я приехал. Я приехал существовать] <...>

[Хоз попрежнему не замечает Фушенко]

Хоз попрежнему не замечает Фушенко.

** Уборняк (вопрос). Есть ли у вас данные, глубокоуважаемый господин Хоз, о своей будущей жизни в России? Мн. г. Хоз, какая загадка собственной [*жизни / жизни*] судьбы привела вас в далекую Россию, чтобы сопутствовать и [*нрзб*] споспешествовать революции?

* Хоз. [*Загадка*

Я ищу свою]

Не загадка, молодой человек. Жизнь загадочна лишь в семнадцать лет. [*В*] Но в двадцать [*пять*] она [*превосходна*] уже сладка. В [*со*] тридцать трудна. В пятьдесят — сомнительна. А в сто лет — жизнь есть жульничество, [*она*] и тогда она превосходна; перед ней тогда открыта вся девственность, вс[*я*]е горяч[*ая*]ее [*теснота счастья*] мировое счастье, бывшее ранее слишком тесным от неопытности. Жизнь несерьезна, мой мальчик. А если серьезна, то она была-бы несчастна, и не было бы движения истории.

Привет. Деятель. Может быть, господин Хоз выскажется более научно [о св] о цели своего путешествия в страну строящегося социализма?

Хоз. Научно?!. Не раздражайте меня! Я приехал сюда веселиться, [я] я еду по пустяку.

Рисунки, виньетки, узоры в рукописи Платонова обозначают остановку в работе, размышление и трудность в написании какого-либо фрагмента. Еще один такой фрагмент находится на л. 13: «**Хоз.** Не притворяйтесь **серьезным**, дорогой Уборняк. Вам хочется рас- [хохотаться]смеяться [у вас в стране] в своей стране, а вы [зачем-то мыслите] **стараетесь мыслить**. Смейтесь и [раз] сочувствуйте». Далее диалог с участием Интергом у Платонова не складывается, он рисует узор, а затем резко обрывает его — пишет реплики Фушенко и Хоза.

[**Интергом.** Иоганн, я хочу <нрзб> Отчего у меня нет?

Хоз.

Интергом

Фушенко.

[**Интергом.** Иоганн, мне скучно — ну]

Фушенко. Господин Хоз, я член правления. [**Гражданин Уборняк**]

Разрешите мне проявиться.

Хоз. Хорошо. Пишите рассказы из турецкой жизни.

[**Уборняк**

Интергом]

Новая попытка вернуться к Интергом и Уборняку не удается, и Платонов переходит к следующей сцене — приезде Суениты.

Черновой характер автографа еще раз подтверждается некоторыми особенностями написания слов и их расположением на листе. Так, на протяжении всей пьесы встречается несколько вариантов сокращения имен действующих лиц. Платонов бегло записывает реплики, временами пропуская место на листе для возвращения к этому фрагменту, и позже вписывает найденные слова: «**Ж. д. агент.** Врете, товарищ начальник». Далее было пропущено место для определения, которое писатель собирался подобрать позже, но оно сразу, по-видимому, было найдено: «машина есть часть человека, она его будущее чувство. [**Человек**] Машина — живая рука пролетария / **раб класса**, а эта рука никогда не будет служить пороку и позору...» Причем второе определение вписано скорописью, вариант не выбран, но Платонов не останавливается и пишет дальше.

На полях автографа он ставит многочисленные вопросительные знаки, отмечая варианты, если ни один из них не выбран окончательно («одни кресты, как трости **для похода** / **для будущих младен** на тот безнадежный свет?!») или если весь фрагмент не до конца его удовлетворяет (часто, например, отмечены реплики Хоза).

Встречаются исправления, которые нанесены поверх первоначально написанного слова: «**Нач. станции [Ло]** (Хозу)» («Хозу» написано поверх предлога «По»); «**Уборняк. Прозаи[к]ческий великороссийский [Л]писатель Петр [Бернгардович] Палыч**» («Палыч» написано поверх другого слова, которое не прочитывается).

Особый интерес представляет текст на л. 87. Это еще один фрагмент, который переписан с л. 106 ЧН:

[Фей. Ах ну скорее, где же здесь счастье и темперамент?.. Мы / Нам обещали, что Советский Юнион самый веселый, самый могучий фактор на земле...

Фей. Ах, ну, скорей же.] [*<2 слова нрзб>*] Хоз е... Интергом<?>

*Фей. Господин Хоз, нас интересуется дело я хочу вам сказать: вперед в социализм! Нас интересуется дело. Мы замедляемся.

Хоз. Да, да, сейчас мы отправимся в русское пространство, [в] на воздух, [в печной / на печку в сини / в голу] в зеленую рощу, на колхозную печку нового мира, в природную чепуху... [*Приготовьте машины*] Большевики, [*подайте / приг*] приготовьте пожалуйста машины агентам империализма[!] — для [*дальнего*] проследования вперед.

Привет. Деятель. Господин Хоз, для вас давно заведены моторы. Разрешите узнать ваш курс.

Хоз. В безвестность истории, в Азию, в пустоту востока. Мы хотим измерить светосилу той зари, которую вы якобы зажгли.

Платонов превращает диалог (ЧН) в полилог (ЧА) — реплики раздаются всем иностранцам, каждый из которых теперь может самостоятельно объяснить цель своего приезда. Здесь же писатель формулирует историческую оппозицию: «железное дело» и «светосила европейского солнца», которая «равна заходящей луне в ноябрьскую ночь».

Эндвад. Господин Хоз. Я хочу сказать вам: больше социализма! Вперед в страну, где [*свершается актуальное дело*] организуется железное дело, не тратя [*этих суток <нрзб> суток / суток / суток*] моих часов!

Фей. Мы хотим скорее увидеть успехи и [*обрадоваться*] как можно лучше обрадоваться.

Щога. Нам следует, [*госп / товарищ*] господин Хоз, измерить светосилу [*то*] зари, какая горит над русским востоком. Светосилу европейского солнца я уже измерил — она равна заходящей луне, в ноябрьскую ночь.

Хоз. Да, да,— сейчас мы отправимся в русское пространство, на воздух, в зеленую рощу, на колхозную печку нового мира, в природную чепуху... Господа большевики, приготовьте пожалуйста машины агентам империализма — для дальнейшего следования!

Привет. Деятель. Господин Хоз, для вас давно заведены моторы. Разрешите узнать ваш курс.

Хоз. В безвестность истории, в Азию, в пустоту востока. Мы хотим измерить светосилу той зари, которую вы якобы зажгли (л. 87–88).

В автографе часто используется авторский знак «подтягивания» строк. Иногда линия, связывающая последовательно расположенные слова, «протянута» всего на несколько строк: «* Хоз. [*Загадка Я ищу свою*] Сюда «подтянуто» следующее предложение: «Не загадка, молодой человек. Жизнь загадочна лишь в семнадцать лет». Иногда же «подтягиваются» предложения через несколько страниц. Например, стрелка начинается от слов «Входит летчик...» на странице 20/II и заканчивается на странице 18/II после слов «Спит твой ребенок». «Стягивающая» стрелка перечеркивает страницы 18/II, 19/II, 20/II.

Платонов часто пишет тексты простым карандашом, но редко использует для исправления ластик. Один из таких случаев встречаем на листе 13: «А если серьезна, то она была бы <стерто примерно 2 слова> несчастна, и не было бы движения истории».

Действие второе

Второе действие пьесы является, как и первое, довольно сложной частью ЧА. Среди ЧН есть несколько листов с краткими записями плана второго действия, продуманного в основных — опорных — моментах.

<Л. 200>

Суенита говорит о револьвере

Вершков

Во II

не храпят люди

<Л. 201>

Д Заметок

14 Кр. Изб.

И любить одного — безумие жизнь

И похудеет зад у всех всемирных женщин.

Чтение вслух в конце II акта.

Хоз [*<1 слово нрзб>*] Суениту и жалел ее, что исчезнет в мире, вместе с нею, последняя прелесть, надежда и идея.

Интеллект / обаяние жизни

Когда пищу

Является Тарасов

Ввести Тарасова! весоизм<еритель> — есть мерило труда.

Сладостно не только рождение <?> жизни но и сокращение ее.

Ты и любишь меня благодаря <2 слова нрзб>

<Л. 202>

Я рожаю, а земля хоронит

При прощании Интергом Хозу: «Ну, Иоганн, поцелуй мне руку!»

ветром сеять хлеб

мертвяк

Как у меня в детстве — на углу Миллионной улицы, перед наступлением лета: юность, солнце, могилы, заборы <?>

Ненавидит любовь пары людей.

Во 2 акте <1 слово нрзб> бред, восклицания.

[*Митрофана разрывает центробежная сила познавательных страстей*]

Ты пойми нас, или мы тебя пойдем

Отрежьте пути к отступлению — иначе не победите

[*Что тебе ребенок: ты качаешь в бедрах как в люльке все будущее человечество*]
во 2 акте Ант <2 слова нрзб>

Хоз — горе человека в 20 веке.

[*среди <1 слово нрзб> неясность*]

Схоластик человек

душа — это буржуйка

В конец II акта Фид. Да неужели-же ни единого врага советской власти нету?

<Л. 203>

2-й акт:

Суенита и Хоз приходят в колхоз.

Старуха. Занимаются

Суенита собирает колхозников. Хоз **отправ. внутрь колхоза есть.**

Объяснение с Филей и Ксюшей

Ребенка увезли.

Листы второго действия вложены в лист без номера, на котором написана цифра II. Первым листом второго действия является лист 1/II (архивная нумерация 98): лист желтый, узкий. Текст располагается на листе свободно: слева и сверху значительный отступ. Лист исписан с одной стороны. После него был написан лист 2/II, который позднее был разделен с первым листом вставками и по архивной нумерации встал под номером 107. Между первоначально написанными листами 1 и 2 Платонов дописывает 8 страниц вставок с автономной нумерацией. Судя по нумерации, написаны они были в два приема. Сначала листы А и Б, затем α, β, γ₀, γ₁, γ₂. Сюда же нужно присоединить и лист γ₃, пронумерованный архивистом как 117а и поставленный в конец второго действия. На листе имеется авторская нумерация, поэтому его настоящее положение легко определяется — лист должен встать под номером 106. В свою очередь лист, ошибочно пронумерованный архивистом как 106, должен перейти (как уже указывалось) в черновые наброски, сделанные до написания второго действия ЧА.

Листы 107–110 одного исходного формата и качества, но по-разному разорваны: л. 107 и 110 равны примерно половине формата А3, л. 108 и 109 оборваны на 1/4 по верхнему краю. Все эти листы исписаны с двух сторон, поэтому авторская нумерация 2/II–8/II обозначает страницы. Карандаш на стр. 1/II–2/II и на первой половине 3/II затупился. Наиболее вероятно, судя по качеству карандашной линии и типу письма, что по окончании 1-го действия Платонов сразу приступает к написанию 2-го. Лист 2/II заполнен, подобно первому листу, ровно, текст свободно расположен на странице, исправлений немного. Затем карандаш затупился окончательно — слово «Хоз» (перед словом «Жульничество») последнее, написанное затупившимся карандашом. Затем Платонов затачивает карандаш, обводит несколько слов в тексте, а также обводит слова от «морское волнение» и до конца — все с трудом читаемые фразы.

На странице 8 карандаш снова затупляется (здесь появятся обведенные позже острым карандашом предложения), а вторая сторона листа не заполнена. Платонов затачивает ка-

рандаш, обводит предложение «Хоз увязывает очки за ушами, затем читает» и начинает писать на двойном листе в линейку нестандартного размера, вероятно, из какой-то большой тетради (амбарной книги).

Страница 9 (111) написана вновь отточенным карандашом, которым на предыдущей обведены лишь отдельные слова.

[9/II] 9/II 9/II

Суенита. Наоборот: я вас люблю сознательно!..

Почему этот Ефим Андрушкин заработал в день килограмм, а [Ксения] Секущева Ксения три с половиной?..

На полях напротив реплики вопросительный знак. Далее Платонов остановился и рисует узор, размышляя, по-видимому, о значении ясности и неясности для Хоза — фрагмент дается не сразу:

Хоз (один). [*Или неясно?!. Нет, к / Ясно, ясно,— давно уже все ясно... / Неясность / Ясно, ясно,— давно уже все ясно*] Мне все ясно. Но я хочу неясности. [*Неясность / Неясность, смутность / В начале жизни — неясность начала жизни / Лишь неясность может быть причиной счастливой жизни... Я хочу, чтоб жизнь стала*]

10/II

Неясность! Я давно потерял тебя, и живу в пустоте [*истины*] ясности и отчаяния. [*Мне все ясно. все понятно*]

Во время перерыва и размышления Платонов, по-видимому, общается с сыном, который принимает «участие» в создании пьесы: внизу, в правом углу страницы, 3 раза написано детским почерком «Тотик» и зачеркнуто вместе с последними строками; этим же почерком дважды переписан номер страницы вверх.

Второе действие пьесы Платонов дописывает до 20-й страницы. Здесь снова необходимо обратить внимание на архивную нумерацию листов автографа. Несколько ошибок архивной нумерации искажают состояние второго действия в ЧА. Последние страницы второго действия пронумерованы архивистом в обратном порядке: страница 21 становится 196-й, а 22 — 195-й; обе страницы находятся во вспомогательных материалах. Поэтому в черновом автографе второе действие находится как будто бы в незаконченном состоянии. Вернув страницы 21–23 на свое место, прочитываем окончание действия.

Особенностью страниц 21–23/II является то, что их текст написан на типографских бланках «Росметровеса», в котором в то время работал Платонов. Бланк разорван пополам. «Шапка» бланка сохранилась на обороте л. 196:

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ НКТП СССР
при СНК РСФСР
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ТРЕСТ
по производству и ремонту
мер и весов
«РОСМЕТРОВЕС»

«.....».....193.....г.

№.....

Москва, Варварка 3, пом. 71

Телефон 1-16-96

Сначала Платонов взял бланк целиком, не складывая. После того, как в его нижней части были сделаны записи, он эту часть оторвал по наскоро сделанному очень неровному сгибу. Эта часть листа в архиве не сохранилась. Сохранившаяся часть содержит технические расчеты, которые носят явно черновой характер и, вероятно, эта часть бланка была черновиком для записей оторванной — несохранившейся — части. Расчеты были сделаны, предположительно, до набросков к пьесе, т. к. расположены на листе более свободно, нежели записи пьесы. После того, как треть была оторвана, бланк согнули пополам «шапкой» внутрь. Рядом с расчетами Платонов начал записывать реплики героев, вписывая их на оставшихся неиспользованными частях листа. Затем сложенный лист был перевернут, на обороте работа продолжалась. Таким образом, если лист развернуть, то сначала на нем будет страница 22/II, затем 21/II. Место на внешней стороне свернутого листа также закончилось, Платонов сразу разорвал (не перегибая в обратную сторону) оставшуюся часть бланка пополам и продолжил работу на той части, на которой не было «шапки» бланка — здесь расположена страница 23/II и последняя строка: «Занавес». Закончив текст, «уместив» его на свободных частях страниц, Платонов написал их номера: I, II, III. Записи выполнены чернилами разного цвета: малиновыми и фиолетовыми. Уже позже, вероятно, дома, подкладывая листки к остальной рукописи, писатель зачеркнет римские цифры и напишет карандашом в левых углах номера страниц по порядку: 21/II, 22/II, 23/II. Значительная часть текста на этих листах не поддается расшифровке. Параллельно тексту и под текстом идут цифровые расчеты. Последние слова второго действия написаны скорописью и не дописаны: «Шум отлетаю ант.<?> Занавес».

Действия третье и четвертое

Третье действие пьесы, как и предыдущие два, предваряет черновой набросок — план отдельных опорных моментов, выполненный на листе с архивным номером 199.

Сит. 3-го акта.

Ситуация 3 акта.

Хоз — распоряжается

Колхоз приходит в развал

Приезд Суенита

Хоз:

<нрзб>

мир как младенец,
съедающий из под себя
свои нечистоты.

<нрзб>

Суен плачет

над трупом Хоза

— Ты что плачешь? Над ним? Зачем ты горюешь?<?>

— [Нет???

— *Не над ним, он был*

— *Он бы]*

— Он [был] был другом Карла Маркса, вот зачем.

Антошка говорит без знаков препинания.

К третьему действию Платонов продумал, по-видимому, пьесу во всех деталях и движении до конца — третье и четвертое действия написаны уже более ровно. Можно отметить меньшее количество правки и перерывов в работе, отмеченных формальными признаками. Страницы третьего действия 1–32 написаны на листах одного формата. По графическому исполнению начало работы близко последним листам второго акта, как будто было написано без перерыва. Крупным почерком, размашисто сделаны записи на страницах 1–12. На странице 13 после ремарки «Маленькая пауза» карандаш был заточен. «Маленькая» на «Краткая» исправлено уже заточенным карандашом. В начале страницы 14 зачеркнуты строки — Платонов задумался над причиной бессонницы Хоза:

Входит Фил. Вершков.

Вершков. Томишься?

Хоз. Томлюсь

Верш. Чем такое? У нас мучиться — позор!

[Хоз. *Мировую загадку надо решить!*

Верш

Верш А — чепуха!]

Затем написал заметку для себя «о чучеле: старик сделал чучело — копию себя, и то был сам, то подменял себя чучелом: никто не узнавал сразу», вернулся на страницу 12, обвел несколько трудночитаемых слов.

Здесь, на 14-й странице, писатель прерывает работу. За время перерыва, вероятно, ему удалось продумать следующую часть полностью. Далее почерк меняется — становится мельче, больше похож на скоропись, записи ведутся довольно чисто.

В какой-то момент работы на столе Платонова произошло чрезвычайное происшествие: на рабочие листы был вылит стакан желтого раствора, похожего на фурацилин. Листы Андрей Платонович высушил, и записи сделаны уже по сухой бумаге — это страницы 21–32. Почерк Платонова здесь еще раз изменяется: снова становится более крупным, размашистым. Таким образом, третий акт написан, по-видимому, всего в три приема — довольно чисто, без больших перерывов. Конечно, заметны незначительные остановки, обозначенные то вписанными фразами, обведенными, например, в овал, то отчеркнутыми на полях фрагментами, в которых автора все же что-то не устраивало. Не сразу даются Платонову реплики Хоза и Суениты:

Ночь! Тишина! **Весь мир любит женщин и интригует политику и нет раздражения ума грозными пустяками!..** Люблю, когда неслышно никаких стихий! Когда раздается одно дыхание человека! [(*Слушает*) (Слушает. [*Слыше*]) Из-за окна слышно храпенье). **Социалист** Филька Вершков храпит. Целый стог [*сена*] **травы** один сложил — сутки работал, **лунным светом пользовался**, десять трудодней придется ему вписать. [*Мнимый / Мнимый человек!*] Но он же мнимый человек — [*впи*] запишу ему четыре трудодня

Не понимаю ничего: облака по уму плывут!.. [*Что мне Европа тут еще пишет?*] (Вскрывает конверт, принесенный Ксеной [J]) Читает, [*бормоча*] **бормоча** про себя. Затем — вслух). [*Пришлите / По ихнему — серьезно, по большевистскому — смешно / смешно*] Пришлите хотя бы [*обнадеживающ*] первоначальные принципы по приближению к [*разрешени*] **разрешению** мировой эконом-загадки. Необходи-

мо создать обнадеживающую атмосферу вокруг вашей работы, ибо здесь [*происходит всеобщее ограничение умственных способностей*] развивается убеждение в некотором ограничении ваших умственных способностей...— [*Забыл я про*]

Говори [*ме*] меньше[!], производи больше. Не буду Ксюшу, перещупай курей сам. [*Пр*] (с. 18).

[*Социализм, это Суенита*] Суенита! Ты легка, ты [*счастлива уже*] счастлива, ты вся, как [*песенка легкой души под*] звонкая песенка, поющая [*сквозь скучный камень наш из тюрьмы каменной*] сквозь скучный камень нашей судьбы!.. [*Суенита, ты сама уже заперта за стенами, ты со мною в одной тюрьме, но ты еще не чувствуешь стен, ты видишь синий воздух свободы, твой голос проник в нее через без / немую глину*]

Где ты сейчас, моя беззащитная Суенита, приезжай поскорее!.. Но кто же такой этот Филька? Неужели он тоже будет жить в бесклассовом обществе, [*вдво*] вместе с Суенитой?.. Надо отчетность в райземотдел кончать (с. 19).

Я знаю. [*Мы траву по стерне сея / посеем, у нас семена*] Мы траву сеять будем — что вырастет, то вырастет — скосим ее и в совхоз скотине свежем, нам хлеба в обмен дадут! [, *там в совхозе травы плохие нынешний год!*] Мы сыты будем и обуты, одеты[!]. Лето еще долго!» (с. 27).

Возьми свой револьвер — он теперь [*испорчен*] испорчен, [*патроны все*] в нем было четыре патрона [*расстреляны*] все пошли в наш колхоз. Его велел тебе вернуть Ашурков. Сказал, чтоб ты не обижался, [*на его исп / он тебе <нрзб> плюхи здесь втыкал для / ког*] когда он бил тебя здесь — он бил тебя нарочно, чтоб нас обмануть...

А для себя самого он бил тебя <нрзб> как многоличного гада!

Серьезно, [*Он знает: ты гад!*] Велел тебе сказать, что [*в <нрзб> должно быть капитализме*] на Кавказе скучно — [*он*] не ехай, не успеешь! (с. 28–29).

Одна ремарка и отдельные слова также обозначены вопросительными знаками. Встречается несколько помет о согласовании по смыслу деталей в тексте.

Также без дополнительных особенностей написано четвертое действие пьесы.

Для написания страниц 1–6 (л. 187–189) четвертого действия листы взяты из той тетради, в которую была переписана набело вся пьеса: это серые листы формата А3, сложенные пополам и исписанные с двух сторон; лист 187 — половина такого же листа. Архивная нумерация всех листов ведется в обратном порядке. Листы исписаны мелким почерком с большим отступом слева. В конце страницы 1 рядом с именем «Митрофан» появляется новое имя с вопросительным знаком — «Антон?». Со следующей страницы происходит уже окончательная смена имени этого персонажа.

Страница 3/4 дописывается притупившимся карандашом до слов Суениты «А я помню[?!]!». Далее Платонов затачивает карандаш и продолжает писать. Лист 186 — это уже иной формат и качество бумаги: формат А4, листы желтого цвета вырваны из какого-то блокнота, лист 7 — двойной, т. е. не порван пополам, вероятно, вынут из середины блокнота. Листы исписаны с одной стороны, записи расположены на листе свободно. Страницы 1–8, по-видимому, были написаны сразу (кроме последних двух реплик на листе 8), записи достаточно чистые.

Как и в третьем действии, черновой характер рукописи обозначен множеством реплик, отчеркнутых и отмеченных вопросительным знаком, пометами на полях, а также репликами с невыбранными вариантами, неоконченными фразами и пропущенными строками для последующего вписывания вариантов.

Поэтому приходится высказать несколько предположений, которые реализованы в транскрипции четвертого действия.

В тексте есть фрагменты, последовательность предложений в которых не до конца ясна.

Антошка. [Они] С утра [наелись субъективных щей пошли по сторонам и без / из разных / рубленой соломы] поели суп с костями [мертвецов] всех скончавшихся навеки а сами без диалектики созянья [взяли] пошли по сторонам [Я тут с них взял расписку]

Суенита (кричит). Верни их, верни их, Антошка! Я [хлеб] нашла [для] хлеб. В колхозе теперь сытно станет!

Антошка. Сами вернутся без всякой просрочки они вручили расписку через неделю будут в колхозе опять только наедятся где нибудь за счет организаций. Я их пустил под расписку отпустил чтоб кормиться. Я их положил для экономии сил и из села

Последняя реплика Антона в этом страшном диалоге, полностью впоследствии исключенном, написана с несколькими вставками и, судя по их расположению на странице, должна читаться в приведенной редакции.

Порядок написания вставок, по нашему мнению, следующий. Между строками первого предложения вписана первая вставка, причем она «втиснута» в расстояние между строками первой части, т. е. как бы заменяя именно первую часть: «Я их пустил под расписку отпустил чтоб кормиться» вместо «Сами вернутся без всякой просрочки они вручили расписку». Вторая часть первоначального предложения заканчивает по смыслу новое предложение: «Я их пустил под расписку отпустил чтоб кормиться через неделю будут в колхозе опять только наедятся где нибудь за счет организаций».

Вторая вставка «Я их положил для экономии сил и из села» читается как новый вариант — центр диалога, который позже будет заменен на менее откровенный:

Антон. Тело смертью томиться начинает! Сознание боюсь потерять! Народ умолк и дремлет лежит.

Суенита. А он дышит еще?

Антон. Я всем велел дышать без остановки! Кто продышит до вечера, тому трудодень запишу!

После реконструкции исправленная фраза читается в следующей черновой редакции:

Сами вернутся без всякой просрочки они вручили расписку Я их пустил под расписку отпустил чтоб кормиться через неделю будут в колхозе опять только наедятся где нибудь за счет организаций. / Я их положил для экономии сил и из села

В результате работы первый вариант оказался исправлен, но мысль автора уже пошла на смягчение смысла, исключаящее людоедство и противозаконное бродяжничество колхозников.

Страницы 55–60 — листы такого же качества, как и листы третьего действия; аккуратно исписаны. Карандаш заточен перед написанием последней реплики Суениты на странице 54, которая продолжена на странице 55: «Нам не надо. Пускай тоже на приманку остается (Кладет ребенка обратно на землю, рядом с Антоном)».

На странице 55 на полях рядом с репликой Хоза Платонов вписывает ремарку: «Клокочущий хрип». После этого он возвращается на страницу 40 и в верхнем поле страницы вписывает несколько измененную реплику, которая по смыслу здесь более уместна и здесь же остается в беловике: «Клокочущий крик Интергом». Такую последовательность появления ремарки подтверждает ширина карандашной линии. Мы уже сказали, что перед написанием последней реплики на странице 54 Платонов берет вновь заточенный карандаш, им ведется запись текста на странице 55. Ремарка на странице 40 также вписана острым карандашом, тогда как основной текст записан немного затупившимся.

Заключение

Мы лишь частично восстановили процесс работы писателя над первоначальным текстом пьесы «14 Красных избушек» — черновым автографом. После его изучения вопросов о создании произведения меньше не стало — каждый изученный момент вызвал к жизни множество других вопросов.

Особенность составления настоящей транскрипции заключается в том, что автограф трагедии был собран и описан механически, с нарушением последовательности расположения листов. Поэтому при публикации слева перед началом каждой страницы в угловых скобках указывается архивный номер листа, справа — авторский номер страницы.

<Л. 78>

Д. л.

1. Иоганн Фридрих Хоз √

2 Интергом √

[*Суенита*]

3 Приветствующий Деятель

4 **Начальник станции.**

[*Писатели*]

[*Петр*]

5. Уборняк, Петр [*Павлович*] Поликарпыч.

6. Фушенко, Борис [*Поликар*] Павлович

7 [*Троекранов*] **Жовов**, Мечислав Евдокимович

} Писатели.

8 Суенита √

9 Ксения √

16. Старуха ?

10 Антон √

11 Филипп Вершков √

12 ? Сторож колхоза

13 ? Ст. из р.

14 Георгий Гармалов

15 Летчик

Грудные дети Суениты и Ксени ||

<Л. 79>

Суенита
Комедия«14 Красных
Избушек»Действ. лица:

Иоганн Хоз, ученый всемирного значения, интеллектуальный авторитет Европы, }
 101 года от рождения., член всемирн комис по изучению миров. экон. загадки. }¹
 Интергом, его компаньонка и любовница, 21 года.

Спутники Хоza:Бернгард Эндвад — [*<2 слова нрзб > человек*] европейский финансистИезикииль [*<1 слово нрзб>*] Щога — инженерФред Фей — либеральный [*лейборист, приветств <2 слова нрзб>*] интеллигент²

Приветствующий Деятель.

Суенита, 24-х лет, мать семерых детей.

Дм. [*Г<1 слово нрзб>*], советский инженер

Федор

советский инженер

Иван Общев (?)

Хоз

Интергом

Фр. Фей.

Привет. Деят.

Н-к станции

Ж. д. агент

Уборняк

Меч. Фушаков

Суенита

Инженер Общев ||

<Л. 79, об.>

[*Человек не
перестает жить
потому, что у
него нет пищи — одежды, —
жилища, —
Дайте ему ему!*] ||

<Л. 80>

1-е действие.

Фойэ московского вокзала. Цветы, столики, транспаранты с приветственными надписями на иностранных языках.

Гудки далеких [*парово*] мчащихся паровозов.

На сцене [*Приветствующий Деятель*] Начальник станции и [*еще*] еще [*два-три*] один железнодорожн[ых]ый аген[та]т.

¹ За скобкой написаны 2 слова, прочитаны приблизительно: Согл любовь² Двойной отступ, на полях фиолетовым карандашом вписано 1 слово, которое не прочитывается.

[Приветствующий Деятель.]

Начальник станции бдительно оглядывает помещение и переставляет цветы на столиках — для [*<1 слово нрзб>*] их лучшей эффективности.

Входит Приветствующий Деятель.

Приветствующий Деятель (к Нач. станции). Здравствуйте, товарищи! [*Где*] Когда приб[удет]ывает поезд с границы?

Нач. станции. Опаздывает на [*<нрзб>*] четыре минуты, [*. Механик нагонит их*] но механик нагонит. (К железнодорож. агенту). Кто ведет [*Экспресс*] Красную молнию?³транс

Ж. д. агент. Механик Живаго. Паровоз серии Эль, выпуск 32 года. Он нагоняет время всегда.

Привет. Деятель. [*У вас всегда*] У вас только механики и нагоняют время, а вы его тратите. [*Люди ошибаются, а*] Сначала люди ошибаются, ||
<Л. 81> 2

а потом заставляют машину бешено работать, чтоб возратить погибшее время.

Нач. станции. Век техники, гражданин. Машина должна обслуживать все: и наше достоинство, и наши пороки.

Ж. д. агент. Врете, товарищ начальник:⁴ машина есть часть человека, она его будущее чувство. [*Человек*] Машина — живая рука пролетария / раб класса, а эта рука никогда не будет служить пороку и позору...⁵

Долгий, далекий, разрываемый вихрем воздуха, жалобный свисток мчащегося паровоза.

Нач. станции (официально). Транс-советский Экспресс [*Красная Молния*] Могу-чая Птица — Столбцы—Владивосток — прибывает на первую платформу! (Глядит на часы на своей руке). Опоздание: [*м / одна минута!*] полминуты!

Свисток паровоза [*— уже под сводами*] — уже в пределах вокзала. Шум резкого торможения. Остановка. [*Ш*]

Ж. д. агент (смотрит на свои часы). Нет никакого опоздания: во время! Путиловский Паровоз серии Эль — механик [*Живаго*] товарищ Живаго.

Шум публики. Приветствия. Музыка-туш.

В фойе <sic> [*прох*] входит Иоганн Хоз об руку с Интергом, и с ним все его спутники, а также — ||⁶
<Л. 82> 3

Приветствующий Деятель встречает иностранцев, представляется им[.] и говорит приветствие по французски <sic>. Ответное бормотание на европейских языках спутников Хо́за.

[Приветств. Деятель.]

Хоз. Здравствуйте, здравствуйте. Здорово живете! [*Выполняете ли план[?] пятилетки?*] Как поживает ваша пятилетка? — самая прекрасная мадемуазель всего мира [?!]

Прив. Деятель. Пардон: вы говорите по русски <sic>? Вы знаете наш трудный язык пролетариата?

³ Далее оставлено свободное место.

⁴ Оставлено место для определения, но оно сразу, видимо, было найдено.

⁵ Реплика на полях отчеркнута и поставлен вопросительный знак.

⁶ Отчеркнута 2 см страницы — оставлено чистое место и поставлен вопросительный знак.

Хоз. Знаю, знаю... Ну конечно же знаю! Я уже забыл, чего я только не знаю! Мне сто один год, а вы — мальчик! (**раздражаясь**) — вы — мальчик! — осмеливаетесь со мной говорить [-] по **французски!**.. <sic> Если у [**меня**] нас нет вашего большого, большевистского разума, зато у [**меня**] нас есть ваш язык!

Привет. Деятель. Простите: спутники ваши также потрудились над русским языком?

Хоз. Мальчик! Не раздражайте моего духа на этой раздраженной земле! Интергом, скажите ему по русски <sic>!

Интергом. Долой антискирдовальное настроение!

Хоз. Как? Что такое? Хулиганка, вы знаете по русски <sic> лучше меня... Повторите сейчас-же: вы видите — я мучаюсь. ||

<Л. 83>

4

выше: я даже индийский язык знаю (Хоз)

Интергом. Долой антискирдовальное настроенье! Я читала газеты советов, я выучилась. Антискирдовальное настроенье — по русски <sic> это печаль, это [**анти**] аннию, это не социализм.

Хоз. Это сверкающе!

Интергом. Вы ошибаетесь: это блестяще!

Хоз. Пардон: блестяще!.. [**Как я забыл — кто же**] Что я такое — если я [**забываю**] стал забывать чепуху?.. [**Ведь жизнь для меня**] Мальчики, девочки, дети, я так давно живу, думаю и страдаю, что для меня давно стал прозрачен весь темный воздух над этой погасающей звездой. Мне сто один год, Что же я такое здесь, если [**живу**] так давно живу, но ничто не изменяется к освещенной радости, а все темнеет и утомляется, и по миру стоят, [**одни**] мои бедные дети и товарищи, одни кресты, как трости для похода / для будущих младен⁷ на тот безнадежный свет?!. Что-же я такое, [**что**] если от меня не происходит ничего лучшего?.. [**Может я ошибаюсь?**]

Интергом. Вы, дедушка, контр-дурак.

Хоз. [**Как**] Как?! Что такое?

Интергом. Вы контр-дурак: значит — умница.

Хоз. Неизвестно, Интергом.

Нач. станции [Ло] (Хозу). Поздравляю вас с благополучным прибытием. Желаю вам счастливого путешествия по великой и чуждой стране!

Хоз. Чуждой?! Ошибаетесь: самая чуждая страна ||

<Л. 84>

5

для меня — моя родина. Благодарю вас.

Привет. Деятель. Приветствую вас, господин Хоз, великий философ слабеющее[й]го [эпохи ка] капитализма, блестящий [химик] оппортунистических ухищрений ложного мировоззрения буржуазии, и желаю вам...⁸

Интергом. Стать младенцем, дошколь[ником]чатником, пионером, [октябри] октябр[енком]истом нового света...

Привет. Деятель ([Далеко] к Интергом). Далеко неверно... (Хозу) Приветствую вас в неизвестной [вам] гигантской стране — от имени трудящихся людей, [же] делающих счастье и истину себе и вам. Желаю, [вам] чтобы вы мобилизовали свой

⁷ На полях вопросительный знак, вариант не выбран.

⁸ Реплика на полях отчеркнута и поставлен вопросительный знак.

ум нам на помощь и чтобы ваша мысль засверкала среди зари, а не среди сумерек. Трудящиеся счастливы приветствовать вас в своем общем доме!

Хоз. Сомневаюсь, чтоб они были от меня счастливы.

[<прзб>] Краткая пауза.

Хоз. Я никого еще не делал [*добр*] веселым и счастливым. (На Интергом) Вероятно — только ее.

Интергом. Да, Иоганн, от вашей любви я ужасно счастлива.

Хоз. Знаю, знаю... Вы же вперед женщина, потом человек.

Интергом. И вперед, и назад — я всюду женщина.

Хоз. Вы контр-умница, Интергом... Ах ||

<Л. 85>

мадемуазель девочка, мне давно уже надоело жить в своем организме, в этой жизни, в тоске текущих фактов: дайте мне молочка! Мне скучно, мадемуазель, от сознательных чувств! Молочка!!

Интергом (вынимает из ручного чемодана бутылочку консервированного молока и подает ее Хозу). Кушайте, дедушка. Вы не волнуйтесь, вы не думайте: у вас так слаб [*жел*] желудок... Ну ради бога, дедушка, не оставляйте капель на дне, я вас люблю.

Хоз (допив молоко,— к Привет. Дея[телю]). Где здесь социализм? Покажите его сейчас-же, меня раздражает капитализм.

Ж. д. агент. Успеете: мы умирали от капитализма.

Хоз. Как? Чьи это [*звуки*] были умные звуки?

Привет. Деятель. Отдельные элементы нашего строя я вам в состоянии предъявить немедленно... Пожалуйста! Сейчас-же направо будет комната матери и ребенка...

Интергом. Благодарим вас. Предъявите нам ради бога комнату для самых бедных старичков, и что они там делают.

Привет. Деятель (в недоумении). Простите: она ремонтируется...

Хоз. Не спешите, Интергом. Здесь нет старичков, здесь люди умирают во время. Нельзя людей задерживать в жизни, они портят ||

<Л. 86>

настроение будущему. (К Привет. Деятелю). [*Товарищ, вождь, ост*] Вождь, товарищ, остановите ремонт комнаты старичков: она у вас будет пустая.

Привет. Деятель. Я преувеличил, господин Хоз. Этой комнаты у нас нет.

Хоз. Не смущайтесь: я знаю, что вы [*чуть*] понемножку хвастуны, но ведь мы тоже подлецы. Компривет! (К своим спутникам). Товарищи, подумаем так. У них есть комната матери и ребенка — это пустяки. У них мало стариков и нет для них комнаты — это успех.

Спутники Хоза. Привет! Доблесть! Ажур! Гут! Принципиально! Мерси!

⁹Привет. Деятель. Вы глубоко ошибаетесь, господа: у нас есть лозунг: «За здорового советского старика[*л*], за культурную старость!» — Прочитайте! (Показывает на лозунг на стене).

Интергом. Иоганн, большевистские старички тоже любят женщин как ты?

Хоз. Сомневаюсь.

Интергом. А если они догонят и перегонят?

⁹ На полях поставлен вопросительный знак и написано: Выше в обст

Хоз. Тогда ты уйдешь к ним, а я женюсь на **юной** комсомолке — моложе тебя.

Интергом. Это ужас, Иоганн. ||

<Л. 87>

8

Выше:

Хоз: Я знаю астрономию, инд. язык.

Хоз. Это моя техника, Интергом. Вы ее знаете?

Интергом. Ах, вполне **Иоганн**. Мое тело болит и цветет от вашей страсти. Мне противна юность мужчин, когда у вас есть такой [*старый*] **ветхий** опыт. долговечной <?> опыт¹⁰.

[*Хо*] Хоз. Оно и увядает также, Интергом. Я говорю о вашем теле. А мой опыт приобретает рациональность.

Эндвад. Господин Хоз. Я хочу сказать вам: больше социализма! Вперед в страну, где [*свершается актуальное дело*] организуется железное дело, не тратя [*этих суток* <1 слово нрзб> *суток / суток / суток*] моих часов!

Фей. Мы хотим скорее увидеть успехи и [*обрадоваться*] как можно лучше обрадоваться.

Щога. Нам следует, [*госп / товарищ*] господин Хоз, измерить светосилу [*то*] зари, какая горит над русским востоком. Светосилу европейского солнца я уже измерил — она равна заходящей луне, в ноябрьскую ночь.

Хоз. Да, да,— сейчас мы отправимся в русское пространство, на воздух, в зеленую рощу, на колхозную печку нового мира, в природную чепуху... Господа большевики, приготовьте пожалуйста машины агентам империализма — для дальнейшего следования!

Привет. Деятель. Господин Хоз, для вас давно заведены моторы. Разрешите узнать ваш курс.

Хоз. В безвестность истории, в Азию, исслед.<?> Грунт — любовь¹¹ ||

<Л. 88>

9

Эндв

понимает **фунд. социализма**

в пустоту востока. Мы хотим измерить светосилу той зари, которую вы якобы зажгли.

Привет. Деятель. У вас есть инструмент для измерения зари?

Хоз. Есть. Это наша европейская свечка.

Интерг Щога. Один фитиль от свечки, господин Хоз.

[*Эндвад (тихо).* Господин Хоз

Хоз.]

Писатель Уборняк. Могу я узнать у господина всемирного мыслителя его точ-ку зрения на свой собственный приезд в Россию?

Хоз. Можете. Но Я приехал не в Россию, молодой человек, а в Эсесер. Ваша профессия и фамилия?

Уборняк. **Прозаи[ж]ческий великороссийский [Л]писатель Петр [Бернгардович] Пальч Уборняк.** Вы, надеюсь, знаете мои книги: «Бедное дерево», [*«Ручей,*] «До-

¹⁰ На полях реплика отчеркнута и поставлен вопросительный знак.

¹¹ Вписано на полях в левом углу листа.

ходный год», «Культурнейшая личность», «Вечно-советский», [*и прочие.*] «Ручей через море» и прочие мои сочинения?

Хоз. Не надейтесь: я не знаю ваших книг.

Уборняк. А вам известна по западной печати моя международная деятельность по обороне моей родины?

Хоз. Простите мое невежество. В чем ||

<Л. 89>

10

выразилась эта ваша деятельность [*по обороне родины*?]

Уборняк. В организации культурно-**[сексуальных]бытовых** связей с враждебным империализмом.

Хоз. Именно, товарищ Уборняк?

Уборняк. В момент угрозы интервенции со стороны Англии — я женился на знаменитой англичанке. В эпоху японской угрозы — я обручился с [*япон / благ*] японкой из древнего рода.

Хоз. Благоразумно.*¹² **Интервенция как известно не состоялась ваша заслуга не оценима** <sic>. На ком-же вы женились [*в м*] в гражданскую войну?

Уборняк. На образованнейшей дочери почтенного русского генерала.

Хоз. [*Вы*] Отлично. Вы, товарищ Уборняк, совсем неглупый человек — для дураков.

Уборняк. [*Я сейчас*] В интересах своего народа — я [*полно<?>*] сейчас [*молчу*] совершаю молчание, глубокоуважаемый Иоганн Хоз. Мы — здесь живем рыцар[и]ями вежливости и культуры, [*с голых*] проросшие с голых ямских полей, в нашей наиболее благороднейшей и наиболее благодарнейшей отлично-превосходной стране.

Хоз. Я тронут вашей любезностью. Вы, надеюсь, в прошлом были сыном большого джентльмена?

Уборняк. Отец мой, господин Хоз, не пошел в своего сына. Он конный зоотехник в одной нашей ударной губернии.

[*Пра Хоз. Его / Благодарю вас. Сын пожалеет, что упустил / Благородное дело имеет ваш отец*]

Хоз. Какой милый человек — ваш отец! Передайте ему мое сочувствие за его сына¹³.

Уборняк. Разрешите для знакомства поцеловаться — по ||

<Л. 90>

11

русскому обычаю, по дружелюбию двух наших [*стран*] родин.

Хоз. Хорошо — только в щеку.

Уборняк целует Хоза в щеку.

¹⁴ Привет. Деятель. [*С вами, го*] Вам, господин Хоз, жела[е]ют представиться еще [*один писатель*] два писателя — Мечислав [*Едоков / Жовов / Уб*] и Павел Фущенко.

Хоз. Скорее.....

Мечисл. Едоков подходит и молча улыбается.

¹² *Значок * и стрелка указывают на оборот л. 88, на котором написана вставка — следующая фраза.*

¹³ *Место вписанных слов было первоначально отчеркнуто, и на полях поставлены два вопросительных знака.*

¹⁴ *Рядом на полях запись: выше*

Интергом. Иоганн, отчего у него лицо [*счастливой*] счастливого корнеплода?.. я забыла его по-русски.

[*Едо*] Фушенко. Тыквы, мадемуазель. **На корнеплод**

Интергом. Счастливой тыквы!

Привет. Деят. (Хозу). Он говорить не может: у него десять человек иждивенцев. Но он вам рад.

Хоз (Мечиславу.....) [*Десять чего / Неужели у вас*] Десять человек иждивенцев! **Вы ударник, молодой человек.** Молодой человек, когда один [*человек*] работает на все десять, то безработицы не бывает.

¹⁵ [*Привет. Деятель*]

Фушенко (тихо). Господин Хоз, я член правления... Я пишу рассказы из турецкой жизни. [*Разрешите от имени.*]

Хоз. Почему ра из жизни из / из ра / из турецкой? **Вы** [*Почему вы боитесь писать жизнь большевиков?*]¹⁶

[*Фушенко*. Сфера / Сфера чужая, Слишком сложно и героически, господин Хоз.

Хоз. Хорошо. Перестаньте быть писателем. Не будьте подлецом]¹⁷.

[*Звук подходящего/ошедшего поезда.*] Шум пассажиров.

[*Прив*] Уборняк ^a[*Осчастливьте, господин Хоз, вашим / вашим мнением*] Осчастливьте, высокочтимый господин Хоз, ^a[*св*] своим мнением о своей собственной судьбе⁶ ¹⁸.

Выше, где целуются: Хоз, (Убор) Вы пугаете слюни с дружбой¹⁹.

<I слово нрзб> Ж. д. агент —

[Ж] сторож

Вместо н-ка ст.

Ж. д. администрацию²⁰. ||

<Л. 91>

12²¹

Движение

**

[*Мир несерьезен*]

[*Фушенк*] V Соотв. вопрос Уборняка

* Хоз. [^aЗачем я приехал?^a ^bЯ приехал сюда начать жизнь сначала⁶ ²²

^aЯ приехал на покой, в тепло нового мира. И / Дайте пожалуйста старому печальному человеку это<?> тепло вашего государства — вот зачем я приехал^a. ^bЯ приехал существовать⁶]²³

Фушенко. Господин Хоз, я член правления. Я пишу рассказы из турецкой

¹⁵ Рядом на полях запись: Фушенко не надо

¹⁶ Зачеркнуто фиолетовым карандашом.

¹⁷ Зачеркнуто простым карандашом.

¹⁸ Реплика на полях с двух сторон отчеркнута и поставлены знаки вопроса. Фрагмент а...а написан фиолетовым карандашом, фрагмент б...б — голубым (химическим) карандашом.

¹⁹ Вписано на полях фиолетовым карандашом напротив первой на странице реплики Привет. Деятеля.

²⁰ Вписано на полях фиолетовым карандашом напротив диалога о тыкве.

²¹ Написано голубым (химическим) карандашом.

²² Фрагменты а...а — голубым (химическим) карандашом, фрагменты б...б — фиолетовым карандашом.

²³ Зачеркнуты предложения густо, рядом много узоров, фрагмент прочитывается с трудом.

жизни [*Разрешите*] Позвольте я вам поскорей скажу [*<3 слова нрзб>*] приветствие!

[Хоз попрежнему не замечает Фушенко]

Хоз попрежнему не замечает Фушенко.

** *Уборняк* (вопрос). Есть ли у вас данные, глубокоуважаемый господин Хоз, о своей будущей жизни в России? *Мн. г. Хоз*, какая загадка собственной [*жизни / жизни*] судьбы привела вас в далекую Россию, чтобы сопутствовать и [*<1 слово нрзб>*] споспешествовать революции?

* *Хоз. [Загадка*

Я ишу свою]

Не загадка, молодой человек. Жизнь загадочна лишь в семнадцать лет. [*В*] Но в двадцать [*пять*] она [*превосходна*] уже сладка. В [*со*] тридцать трудна. В пятидесят — сомнительна. А в сто лет — жизнь есть жульничество, [*она*] и тогда она превосходна; перед ней тогда открыта вся девственность, вс[*я*]е горяч[*ая*]ее [*теснота счастья*] мировое счастье, бывшее ранее слишком тесным от неопытности. Жизнь несерьезна, мой мальчик. ||

<Л. 92>

13

Выше: Уборняк: он — первый советский, я первый русский.

А если серьезно, то она была-бы²⁴ несчастна, и не было бы движения истории.

Привет. Деятель. Может быть, господин Хоз выскажется более научно [*о се*] о цели своего путешествия в страну строящегося социализма?

Хоз. Научно?!. Не раздражайте меня! Я приехал сюда веселиться, [*я*] я еду по пустяку.

[Интергом]

Уборняк. Вы ошибаетесь, господин Хоз. У нас, в стране, на одной шестой суши, где...

Хоз. Не притворяйтесь серьезным, дорогой Уборняк. Вам хочется рас[*хохотаться*] смеяться [*у вас в стране*] в своей стране, а вы [*зачем-то мыслите*] стараетесь мыслить. Смейтесь и [*раз*] сочувствуйте.

[Интергом. Иоганн, я хочу <2 слова нрзб> Отчего у меня нет?]²⁵

Хоз.

Интергом

Фушенко.

Интергом. Иоганн, мне скучно — ну]

Фушенко. Господин Хоз, я член правления. [*Гражданин Уборняк]*

Разрешите мне проявиться.

Хоз. Хорошо. Пишите рассказы из турецкой жизни.

[Уборняк

Интергом] ||

<Л. 93>

14

он стрел в цветы, в бабочек, в утр солнце, в дальнего человека, куда не долетали снаряды²⁶

²⁴ Далее стерто примерно 2 слова.

²⁵ Далее на реплике Интергом нарисован узор.

²⁶ Вписано сверху страницы.

Шум поезда, [*подошедшего*] вошедшего в вокзал, гул толпы пассажиров. Пришел обыкновенный бедняцкий поезд дальнего следования.

Несколько [*челов*] пассажиров входят по ошибке [*в за*] в зал на сцене, но ж. д. сторож выпирает их вон. Два пассажира однако [*заскак<?>*] успевают миновать сторожа и пройти через сцену с мешками. Третьим пассажиром является Суенита. Через плечо у нее висят ее вещи, связанные узлом на плече: за спиной мешок с сухарями и [*кру*] железная кружка, спереди — книги, обвязанные веревкой. Суенита — смуглая девушка, ей 20–22 года; она сейчас утомлена дорогой и грязна. Она озирается на людей и обстановку.

[*Интергом*] (разглядывая Суениту)²⁷.

Хоз. Какое бедное творен[ь]иє природы!

[*Суенита. С чего-ж, дедушка, нам богатеть, когда мы только строимся.*]

Суенита. Мы не богатые... Где тут [*Казанский*] уйти на Казанский вокзал — мне нужно ехать [*далее / далее*] в пустыню.

Хоз (глядя на нее неподвижно). Куда тебе ехать, сирота?.. [*Какое / Какое*] (Какое божие создание!..) Как тебя зовут, [*ди*] советское дитя?²⁸

Суенита. Суенита. Я не дитя, я председатель колхоза «Красные Избушки» **около Каспийского моря**. Я еду домой.

Хоз. Какое чудо жизни — ребенок правит деревенским царством!.. Откуда же ты едешь, беззащитная моя?

Суенита. Я не беззащитная — [*у меня жених*]

<Л. 94>

15

в Красной Армии]

у нас колхоз, у меня жених в Красной Армии.

²⁹[*Я еду из Ленинграда — мне дали в премию библиотеку / и не высылали ее /, из Академии Наук и не высылали ее. / В колхозе / А в колхозе захотели чтения / А в колхозе захотели чтения — теперь я съездила и везу*

Уборняк.]

Фушенко. [*Большое у вас хозяйство*] Сколько у вас обобществлено хозяйств, **товарищ**? [*Есть*] Не активничают ли кулаки? Нет ли [*какого прорыва*] мелких прорывов в организационно-хозяйственном укреплении? Не нужно-ли срочно послать в ваш колхоз ликвидационно-прорывочную бригаду писателей?.. Я член правления. [*Союза писателей*]

Суенита (размышляя). Писателей? А они умные?.. У нас четырнадцать красных избушек. У нас не было чтения — у нас в колхозе читают вслух по ночам. Лампа горит, стекло треснуло от огня, а я читаю и **все думают около меня, а кругом темно, слышно как шумит далеко Каспийское море**. Книги все истрачены, стали неинтересны, нам [*стало*] было скучно **жить** с одним своим умом. Мне дали тогда в премию библиотеку, что я трудодни прекрасно сосчитала. А книг [*из бюрократизма*] хотели прислать, но не присылали — все нет и нет: **у бюрократизма не болит социализм**. Я поехала лично, взяла и везу — не знаю **теперь**, где Казанский вокзал, где билеты берут без плацкарты.

²⁷ Реплика перенесена к словам Хоза.

²⁸ Рядом с репликой Хоза на полях два восклицательных знака.

²⁹ Рядом на полях запись: **ВЫШЕ СОГЛ**

[Хоз] Приветств. Деятель. Вот пред вами, господин Хоз, небольшое существо социализма.

Хоз. Огромное, дорогой мой. [*Это*] **Весь** божий мир, **быть может**, расцветает [*<1 слово нрзб>*] в дебрях этой девственности. (**К Суените**). **Дайте мне вашу руку, счастливая моя.** ||

<Л. 95>

16

Суенита подает Хозу свою руку.

Хоз целует ее руку.

Суенита. Плюньте. У меня **сейчас** грязная рука.

Хоз плюет на пол.

[*Уборняк*]

Суенита. [*Губы же чище у человека*] **Руками не целуются, а только работают и обнимаются.**

Уборняк. Она санминимум проходила.

Суенита. Да я санитарка и детей умею принимать.

Хоз. А рожать не пожелали-бы?

Суенита. Я [*не*] еще не поспела.

Интергом. Хотите одеколону для рук?

Суенита. Так себе. Не хочется. Где Казанский вокзал?

Фущенко. Разрешите я вам билет возьму [*вне очереди*] вне всякой очереди!

Суенита. А разве можно? Это против закона, против людей, [*у нас*] я за кило пшена людей наказывала.

[*Хоз*] Уборняк. Можно. Он возьмет без очереди. Он и живет без очереди — его очередь [*до революции*] давно прошла, [*а он*] а он [*все*] живет себе по-культурному. Паша, давай по-братски поцелуемся!

Фущенко. Давай, Петр Палыч. Все-таки, ты культурный человек и любишь родину.

Интергом. Хотите молока?

Суенита. Я в колхозе его пила. До свиданья. Я пойду в очередь, я от вас уезжаю почти навсегда. Чего те двое поцеловались?

Хоз. Погодите... Это подлец с дураком помирились, — не правда ли?.. Я еду с вами — разрешите пожилому человеку!

Суенита. Вы старый. У нас лесу нету[,]: если умрете, гроб не из чего делать. [*В*] Мы вас в песок положим.

Хоз. Охотно соглашусь. До свиданья, господа! [*Пр*] Пишите сочинения, приветствуйте, ||

<Л. 96>

17

[*В*] встречайте поезда далекого следования. Старайтесь кормиться, земля все равно давно прожита — еще до вашего рождения. [*Бу*] Я понимаю: скучно жить [*истертой сдачей с потрачен*] последней копейкой с истраченного человечества, но вы терпите жизнь как доблесть. [*Гремите*] Гремите в пустоте [*!*] — она ваша!.. До свиданья!.. Хотя существует смерть [*уми / полезна,*] она разлучит подлецов прежде их [*нового*] свидания...

[*Уходят*] Хоз и Суенита [*уходят*] **направляются к выходу.**

Интергом (бросаясь вслед). Иоганн! [*Иог*] А я где-же буду? Иоганн! Здесь чужая страна, молчащие люди, я умру здесь, [*Ио*] без тебя, Иоганн! [*Я люблю тебя, я молодость ист*]

Хоз. Ну дальше что? Ну раздражай, раздражай меня! Выпускай из тела пустяки!
Интергом (припадая к Хозу). Иоганн, ты исчерпал [Ѡ] своей любовью всю мою молодость...

Хоз. Да, исчерпал. Я же мужчина, Интергом.

Интергом. Не бросай меня сразу. Выпей своего молочка — уйдем в [гостиницу] отель, забудемся [Я одна буду / Я] между собою... [Ты умрешь в пустыне] **Возьми меня в пустыню**, я засохну по тебе в Европе... (Плачет).

Хоз. [Ты бы умерла, Интергом, от тоски по мне]

Умирают от любви и [верят в будущее] **живут в пустыне** — только ангелы, Интергом... Ты женщина, [ты проживешь] ты в пустыню не поедешь, [ты / Сегодня же ты будешь смеяться и будешь / Еще] Сегодня-же ты будешь улыбаться... [и возьмешь] (К)

Суенита. Старичок, там во все **колхозы** поезда уйдут... [во все колхозы] Мы останемся... [У меня ребенок плачет] ||

<Л. 97>

18

Хоз. Сейчас. [все орган] Сейчас все организуем, бедные мои!..

Интергом (в слезах). Где-же ты станешь пить молоко и обедать? — В ресторане? У тебя ведь желудок [сл] нежный! Я изучила его, а теперь мне его надо забывать!

Суенита. Я его [на] буду кормить из своей сумки. У меня сухари и корки есть.

Хоз (к Уборняку). Господин писатель!.. Интергом — [французенка] **голландская фламандка**, хотя и родилась в России... Я считаю полезным улучшить [**морально**] **нравственно-политические** отношения между вашей родиной и Голландией. Возьмите поэтому Интергом под вашу любовь и покровительство. [Голландская королева] Сделайте одолжение голландской королеве.

Интергом. Ах, Иоганн! Кто равен **будет** тебе в любви и в [ѡе] ласковом слове!³⁰ Я так грустна сейчас!

Хоз. [Жить / Жизнь несерьезна, Интергом] Успокойся, Интергом: **ты знаешь, что Жизнь все равно несерьезна**. Прощай, мое [бед] бедное тело! (Целует Интергом в лоб и оставляет ее, отходя к Суените).

Уборняк (к Интергом, [] Сударыня) предлагая ей руку). Сударыня, разрешите предложить вам культурную дружбу и гостеприимство! Мой дом открыт всей Европе!

Суенита. Пойдем **скорее**, бабушка, в нашу деревню. **У меня ребенок там плачет**.

Хоз. Пойдем, боже [творе] создание. Дай мне сухарик **пососать** из твоего мешка.

Суенита. После. Сядешь в вагон — тогда и будешь трескаться...

Привет. Деятель. Господин Хоз, вас ожидает [машина] «Бюик». Мотор давно [заведен и горячий] **горячий и стоит** на ходу.

Хоз. [Потушите его] Остановите его. [Пусть] ||

<Л. 97, об.>

19

буд / Я сам теперь прогреюсь]

Я начинаю теперь согреваться сам — моторы [могут] пусть остынут.

Уходит с Суенитой.

³⁰ Слова подчеркнуты и над ними вписан вопросительный знак.

Уборняк ([*держа*] ведя под руку Интергом). Вы отлично и [*серь*] серьезно заживете у меня в доме, моя славная и милейшая госпожа Интергом!

[*Интергом*] Все расходятся.

Уборняк, останавливаясь и беря Интергом за обе руки.

Уборняк. Ах вы, моя голландка! У вас-же чудесная гидротехническая родина! Мы с вами романы будем писать и — очерки!.. У меня дома собака Макар есть — вот [*обрадуется*] зверь обрадуется вам!

Интергом (улыбаясь). [*Для*] Да, господин Уборняк, я люблю романы... И Макаров я тоже люблю.

Уборняк. Голубушка, дайте мне попить этого хозовского молочка. [*Куль*]

[*Ии*] **Интергом** вынимает из своего чемоданчика бутылочку молока и подает ее Уборняку.

Интергом. Ну пожалуйста.

Уборняк (выпивая молоко). Культурная была привычка у этого научного старичишки!.. Послушайте, превосходнейшая моя, — как же вы жили с этим ветшайшим старичком?..

Интергом (улыбаясь). Ах, господин Уборняк, жизнь ведь так несерьезна!

Занавес. ||

<Л. 98>

1/II

2-е действие.

[*Шум*] Далекий шум Каспийского моря. [*и степного ветра*] Степной ветер дует иногда в пространстве, то усиливаясь и напевая в плетнях и соломе, то ослабевая и затихая вовсе.

На сцене — край плетневой огорожи, оголенные [*ветви низкого*] [*колеблющиеся*], колеблемые ветром ветви низкого [*дерев / дерева*] дерева; изба с открытыми сенями — изба выходит на сцену только частью своего [*тор / венца*<?>] устройства.

[*Столб. Свободное ме / пусты / пустынное место, на которое*

На сцене виден частично сельхозинвентарь] По сторон[ам]е [*виднеется*] [*левой*] правой³¹ вслед за плетнем и избой виднеется [*ряд*] установленный в ряд сельхозинвентар[я]; по левую сторону расположены [*стога*] несколько стогов степной травы и верблюжьей колючки; далее видна силосная [*глиняная башня*] каменно-глиняная башня — и средняя, сквозная часть сцены уходит в даль, в смутное пространство.

[*Впереди*] Спереди, обращенный к зрителю, стоит столб с советским гербом и надписью: «СССР. С.-х. артель [*14 к*] 14 Красн. Избушек. Высота над уровнем моря [*14*] 19,27 [*метров*] метр. Средн. год. колич. осадков 140 миллим.». ||

<Л. 99>

А

Начало 2 акта.

Нач. II акта

Хоз и Суенита. Останавливаются. Вдалеке плачут дети.

[*Суенита. Подожди, дедушка, у меня сердце сейчас бьется! / сильно забилося!*

Хоз.]

³¹ Знак перестановки слов указывает правильную последовательность: По правой сторон[ам]е [*виднеется*] [*левой*]

Суенита. Мы дошли, дедушка... Ты видишь — это наш колхоз, [*здесь я родилась, когда была деревня / буржуазная / единоличная деревня, и живу сейчас*] Давай переобуемся в чистое. [*Переобуваются*] (Садятся и переобуваются).

Хоз. У меня нету ничего чистого. Я так посижу. [*Я задумаюсь / Я подумаю сейчас о чем-нибудь хорошем / будущем мире. Я уморился от одного умозрения на социализм / этот ваш бушуют*] Я подумаю около этого нового ночлега своего пути и отдохну от своего умозрения, а то я по социализму слишком нашагался.

Суенита (переобуваясь) [*Что-же ты приехал из буржуазии, а чистого не привез / После ночлега*] Ну, посиди, поскучай, а потом ночевать [*пойдешь*] на печку пойдешь...

[*Плачут вдалеке*] В глубине колхоза заплакали грудные дети; скрипит бадья колодца; говорят человеческие голоса.

[Суенита] Хоз. Кто там плачет у вас, в этих социальных избушках?

Суенита. Это наши дети играют в яслях.

Хоз. А я слышал, что плачут.

Суенита. Напрасно ты слышишь.

Снова слышен плач [дет] нескольких детей.

Хоз. Вот опять [*кричат*] тоскуют чьи-то мелкие [*грудные*] голоса.

Суенита. Это один мой ребенок плачет — он по мне скучает, он родную мать давно не видел... Отвернись, я соски себе [*обмою*] оботру — сейчас пойду кормить его грудью [*пойду*]. (Отворачивается от зрителей и Обтирает соски на своей груди; Хоз [*отверн*] глядит на [*ее*] грудь Суениты.) Ты видишь, как молоко скопилось.

Хоз. Вижу. ||

<Л. 99, об.>

Подпись под таблицей: Митрофан....

Суенита. Напрасно ты видишь.

[Хоз. *Я сам знаю, дев / что напрасно, девочка моя. Все люди любят только невидимое, а я все вижу — и ничего не люблю. а я люблю только / только ясное и видимое... Ты*

Суенита. *Дедушка, ты чувствуешь, как у нас пахнет дымом — это пекут пищу.*

Где-же ты родилась / родилась

Почему напрасно? Я люблю только

Хоз. Устал я [*шагать*] шагать по такой неопределенной земле. В цветах, в слезах и в пыли [*ходят люди*] живут люди, а я, старик, [*живу*] нахожусь при них свидетелем. Чем же [*ко*] это все кончится, бедные мои?

Суенита. Ну что, дедушка, понравился тебе наш эсесер? [*Правда у нас*] У нас все ведь может случиться, чего захочет наше сердце!.. Что — ты говоришь — кончится?

Хоз. [*Понравился. Кругом противоречия, а внут*]

Да, мне ваш эсесер понравился: [*он устроен по закону человека<?>*] кругом противоречия, а внутри неясность... [*По этому закону жизнь идет от самого бога-отца, она*] Я говорю: [*чем же кончится*] когда же кончится наше дыхание в этом загадочном пространстве и мы обнимемся в общей могиле! Когда же, девочка?

Суенита. Мы — никогда, а ты скоро[,]: ты же дедушка-старичок, ты сохнешь уж!

Суенита искала ребенка; дети плачут в поле где-то и С. кричит туда<?>

Хоз. [*Поясница болит / У меня поясница болит / И правда*] [*Правда, дочка*]: у меня поясница болит³².

³³ Суенита (переобувшись). и <2 слова нрзб> Ну — [все] обутка готова... (Кричит) Митрошка! Ксюша! Дядя Филя!.. Мы пришли! Ксюша, неси мне моего мальчика скорей! [*Соскучилась вся...*] Я соскучилась вся... (К Хозу). Дедушка, ступай на колхоз, там [на] на печку ляжешь || <Л. 100>

всюду согласовать обязат
// (Хоз — химический
человек)

и тебя накормят... [*Я ведь здесь живу / живу*] Когда я приберу горницу, я тебя позову.

Хоз. Пойду, [*пожую*] покушаю чего-нибудь и химическую зарядку возьму. Аппетит чувствую.

Хоз уходит внутрь колхоза.

Суенита входит на крыльцо: снимает грузы с тела: книги, радио, мешок с остатками сухарей и пр.

Суенита. [*Ну*] Скорей бы только его увидеть! Маленькое, теплое тело,³⁴ и всегда оно пахнет вкусным чем-то... Почему-то так тихо стало в колхозе!.. [*Так поздно* (Кричит) Ксю] (Зовет) Ксюша! Ксюша! Неси мне моего мальчика!.. (Кр. пауза) Скоро я еще рожать буду — мне так нравится, когда из меня [*выходи / выйдет*] выходит такое горячее, жалкое [*бедное и милое / грустное*] и плачущее — [*вся моя жизнь и мне сразу*] — бедный комочек моей жизни, — [*и мне / и мне легко и мне так легко тогда было как будто я в слабости, как будто воскрес / как будто могильная земля свалилась с моей груди!*] (*Пробу / Опробовывает все тело, свой живот, движется, радуется*) Я тоже маленькая, беззащитная я умею ро / я / а дышать бывает легко и спишь сразу / спишь как будто мы / мы с ним победили

боролись / побороли целую смерть в глубокой могиле и мы оба засыпаем в слабости, как будто уморились / как беззащитный, испуганный, весь кровавый, будто измученный страшной смертью... [*а я его воскресила и обняла, и мы оба тогда заснем в слабости*] а я его освободила оттуда...

Ксюша!! Где-же кто-нибудь! Где мой ребенок и весь колхоз!

Выходит Филипп Едкин (пожилой) и оборванный).

Едкин. Здравствуй, товарищ председательница! С прибытием тебя, со славой наших побед, с достижением здоровья, — здравствуйшишь! <sic> (Подает руку). Передала в Москве-городе мое почтенье всем вождям нашего блага и гениям науки — искусств?

Суенита. Передала.

Едкин. Благодарим. А как их здоровье?

Суенита. Хорошее. [*Тебе*] Они тебе [*кланяются*] ||

<Л. 100, об.>

велели поклон передать — пусть, говорят, [*побольше*] старается [*работать*] трудиться, поменьше брешет на руку врагу³⁵.

³² Часть фразы зачеркнута, сверху поставлен вопросительный знак.

³³ Вписано на полях рядом с фразой, в которой подчеркнуты 2 слова: Нести или она ищет его? <?>

³⁴ Вписано на полях: Я еще рожу

³⁵ Реплика отчеркнута на полях и поставлен вопросительный знак.

Едкин. Да неужели-же, Суенита Ивановна? Иль им и про меня донесли сводку настроенья? Ну, — теперь я [вполне / всеми] гроыхну [всеми костями своими]! Теперь я вполне [.] — всеми костями своими!

Суенита. [Дядя Фи / А что в колхозе, дядя Филя? Хлеб весь обмолотили] Дядя Филя! А в колхозе что? [Хлеб весь обмолотили? Что] Хлеб весь обмолотили? — Я скирдов не видала! [Свезли план в заготзерно] Свезли нашу встречную заготовку в заготзерно?

Едкин. Не управились еще, Суенита Ивановна!

Суенита. Что-же ты, чорт! Я же всем [наказывала.] [руками] наказывала возку / начинала сама возку Ты чего глядел? [Зачем мы / За что нас советская власть будет любить] На что мы здесь социализму / всему классу тогда³⁶ нужны — пусть тут лучше море будет[.], а не люди: в море — рыба.

Едкин. Море!?. Вопрос этот интересный, Суенита Ивановна... Каких-то [игрушек] ты жизненных игрушек нам принесла? — Когда будешь население знакомить? **Суенита.** Где Митрошка? Ксюша [где?] куда девалась?

Едкин. А они колоски пошли собирать и одновременно купыри рвут, а Митрошка даже лопух приступил жарить [предлагает] и лепешки печет из минерального удобрения, — нам харчиться нечем [ста] стало, в животе контрреволюционные лозунги [бормочут...] восклицанья дают.

[Суенита. Кто-же стрескал все

Дядя Филя

Краткая пауза.]

Суенита. [Филя / Дядя Филя...] А хлеб наш колхозный? Дядя Филя [?]|

<Л. 101>

Б

Едкин. Ты слушай меня, Суенита Ивановна... Я как общественность, я от лица всех самых ударных и сознательных... Ты только слушай меня: я тебе наговорю реально, убедительно в высшей степени — [знать<?>] тут бантик был...

Суенита. Какой бантик [?] такой?

Едкин. Я тебе говорю сокращенно, арифметически, вроде Совнаркома и Цекубу: бе-а-не-те-ке — белогвардеец антиколхозник! Федор Кириллыч Ашурков, — бантик! Ты его еще раскулачивала перед второй большевистской, а он теперь явился...

Суенита. Ты убил его?

Едкин. Нипочем. Это он меня треснул трижды по горбушке, а Митрошку они сапогами мяли, [в главу<?>] кирпич[и]ами [саманные] по сознанию, в голову били — но ведь кирпичи-то мягкие, они же без обжига, они саманные, и Митрошка воскрес без ущерба...

[Суенита. Ну и пускай, я его сама поймаю вместе с ГПУ. Бантик какой! Вы чего тут жили? Сделали / Взяли бы и сделали из Суениты портянку!

Едкин. Недопустимо было Суенита, связываться! Никак!]³⁷

Суенита. [Без ущерба! Где он / Враги<?> / В голову по сознанию! Зачем же вы жили тут] В голову по сознанию!?. А вы что здесь сознавали тогда?

[Едкин. Мы не успели сознать, а прочие были на нарядах в дальнем поле, а бантиков цельных двенадцать —] ||

³⁶ Вариант не выбран, и на полях поставлен восклицательный знак.

³⁷ Зачеркнутый фрагмент прочитывается с трудом, т.к. поверх него написаны имена Суениты и Едкина.

<Л. 101, об.>

<1 предложение нрзб> Я ведь такой человек! Психа мешает.

[и пошли / и они]

Едкин. А мы сознавать не поспевали, Суенита Ивановна,— [как / а поскольку] их цельных двенадцать бантиков было! Они сразу стихию навели в нашу организацию и создали [психоз полный / психоз классового боя. Снаружи / С лево] бой на поприще наших полей... Они скирды полоснули газом [обливают и срочно ж / жгут гигантским огнем / облили] и [срочно] сожгли срочно в ужасе, а четыре избушки живьем на берег уволокли — вместе с оконными стеклами и с [инвентарем] инвентарем частной жизни [амбары отгрузили / и амбар с хлебными мешками тоже ликвидировали, так что избушек считай, теперь десят — надо вывеску / теперь у нас десять] они баркас к берегу причалили: корабль Каспийского моря... [Ужасное движение было] Случилось ужасное [явление] явление упущения!

[Суенита. <3 слова нрзб>

Едкин. Митрошка давал <1 предложение нрзб>

С - -

Ед. Я Суенита. -

Едкин. В море и в огне

Суенита.]

Суенита. А хлеб [где] где наш [общий] общий? который в мешках залатанных лежал? [Где бедняцкое одиноличное зерно / Где наше ржаное / ржаное] Говори мне скорей! Говори мне скорей, а то чмокну тебя.

Едкин. [Сразу не могу — мне психа мешает
Да мне психа / мне мешает, я скоро не могу]

Сразу не могу — мне психа в горле мешает... [Я] Скирды в огне легли, Суенита Ивановна, а бедняцкое зерно наше, [что] которое в мешках залатанных лежало, в море на баркасе уплыло — на тот берег империализма.

Суенита. [Значит вы сами тоже кулаки, — вы здесь / Как же вы] А почему-ж вы кулаков побить не могли? Значит, вы [тоже] за них стоите! Кто трус, тот теперь подкулачник! [Я вас всех теперь проверю!] ||

<Л. 102>

[Я] Проверить вас надо, чтоб сердце у каждого [дрогнуло и заскучало] биться стало, а не радоваться!.. [Вы мелочь / Вы ничуть не колхозники] Вы мелочь-сво-лочь: ничуть не большевики!

Едкин. Да — то нет, что-ли? Конечно. Культработа мала среди нас,— вот что. Усилить надо! ||

<Л. 103>

[К началу] II акта.]

[Кругом противоречия,
а в середине неясность]

Завязка кулацкого нападения на «14»

³⁸Ксения Секушева³⁹

Эпизод с **Ксеньей Секушевой.**

Эпизод с кулаками — сюжетный.

Суенита и Хоз. Ксения. Ксения плачет и обнимает подругу. Плачут дети в глубине колхоза. Суенита не сестра милосердия, а в дорожн. одежде.

³⁸ Вписано на полях: Митрофан весь избитый <2 слова нрзб> хлеб.

³⁹ Вписано на полях: Едкин. Едкин.

Суенита. Ксения! [*Как же вышло?*] **Как же вышло?** Почему [*Мы / мы без хлеба,*] дети плачут, [*четыре*] **четыре** избушки пропали, все скирды уворовали... (Пауза) Там старик явился со мной — пускай [*его*] кормят **его** на мои трудодни...

Ксения (Пауза) (сдержанно). Сказала уж, тюрю сидит хлебает...

⁴⁰ [*Суенита. (в <2 слова нрзб>*

Суенита и Хоз появляются перед колхозом. Хоз читает таблицу.

Суенита. *Мы пришли,.../ дошли с тобой, давай остановимся... Дальше нам идти некуда. Вот наша родина. Это наш колхоз.*

Пауза.

Суенита. *Это наша родина, здесь наш колхоз... Подожди, дедушка, ты знаешь, как у меня сердце сейчас бьется! когда я вижу эти избушки — здесь я родилась, гусей зажиточных наsla.*

Хоз. <1 слово нрзб> *Подождем, девочка*

Суенита. Вкусней тюрю у нас ничего нету?

Ксения. Нету. Бантики [*увезли*] уворовали все.

Суенита. Ксюша! [*Принеси мне*] А ты все время [*ребенка*] кормила моего ребенка, у тебя не пропадало молоко?

Ксения. [*Нет*] Не пропадало. ||

<Л. 103, об.>

α

Выше 1 акт согл., что С. спешить <sic>

кормить грудью своего ребенка.

Суенита. Ну принеси мне его [*поскорей*], **поскорей** теперь, я сама его [*буду*] хочу кормить, а то [*все*] груди распухли.

[Ксения. *Суя, их нет уже. Их нет уже на свете, Суенита...*

Суенита. *А / Плачь*

Ксения (*обнимая Суениту*). *Плачь по нем, Суенита, скорей, их нет уже на свете / белом свете — ни твоего, ни моего... его нет на свете*

Суенита. *А Где ж они? Ксюша! А ты почему не плачешь? На каком белом свете? А ты почему не плачешь по девчонке по своей / Не горюй по нем / Не / Не горюй по нем, бедная... Он далеко уехал и плачет по тебе / по матери. Мой мальчик тоже и плачет по*

Ксения. [*Молчит. У нас теперь нету с тобой детей*]. [*Филя. Не горюй / Не Горюй, Суенита*] у нас [*с тобой*] с тобой теперь нету детей... **Горюй по ним, Суенита!**

Суенита (не разбираясь). А как же нам **быть-то** [*теперь*]?. Почему-ж ты не горюешь? [*по своем*]

Ксения (Сдержанно). Я своего отгоревала... (**теряя сдержанность**). Не мило мне, [*скучно*] жутко мне, ветер качает меня, как пустую, я в бога верить хочу!..

Суенита. [*А я все равно одна буду плакать — бога нету нигде. Бога нету нигде / нигде / А я одна буду плакать — Бога нету нигде — я одна буду плакать по своем ребенке / Мы од / Нет*] II Ксюша! Бога нету нигде — мы одни с тобой будем горевать!.. ||

<Л. 104>

β

I Что-же мне с мукой моей делать теперь — ведь нам жить нужно, и [*не*] жить

⁴⁰ Вписано на полях: Элювиальная долина

[нельзя...] неохота! [Где лежит / где] III Куда [же] вы закопали моего мальчика?⁴¹

Филя. Суенита Ивановна, ты разреши мне [а я тебе], чтоб я выразился наконец! Я все знаю, я давно стою наготове!

Суенита. Дядя Филя, зачем вы [ни колхоза,] колхоза не сберегли, зачем вы ребенка моего схоронили?..

Филя. Как так схоронили?! Ничто! Ты не плачь по нем, не горюй, наша умница, он плывет сейчас спокойно по каспийскому <sic> морю житейскому — в руках классового врага!..

Суенита. Не тревожьте меня!.. Дядя Филя, где наши дети?

Филя. Нет никакой информации!.. Ты слушай меня! Бантик Федька Ашурков, когда напал на наши избышки, так он сперва не [расчихал] расчихал добра — и поволок одну избу к берегу. А в избе той наши ясли были, и там спали — на религиозный грех, будь он проклят! — твой мальчишка, да Ксюшкин сосунок... А Ксюшка отлучилась тут, но зато я появился. Я бросился на банду, но меня вдарили [кул] какой-то кулацкой тяжестью, я так и сел на свой зад: спасибо, хоть сесть на что было. А потом я ||

<Л. 104, об.>

У₀

хлеб кинулся спасать, но опять увечье получил: ни то инвалидом буду теперь, ни то нет, неизвестно. Интересно, какая нынче пенсия полагается [!], [для ударников святой / священной собстве] если почти помираешь, [почти] за [священную] наше святое добро!

Суенита. Дядька Филька, где наши овцы?

Филя. Все до единой [целы / сберег] целы, Суенита Ивановна, как проклятые.<?>

Суенита. [Ка / А] Как же так?.. [Детей почему] А детей почему не устерег?

Филя. А что дети? Дети — одна любовь, а овцы — имущество. Ты детей тоже не переоценивай, ты баба не слабая — нарожаешь!

Суенита. Уйди прочь от нас!.. Ступай барана [режь] зарежь — для [заграничного] ученого.

Филя. [Сейчас! Это / Сейчас] Барана?! Сейчас пойду убью [жи] животное такое! Я понимаю [,]: это убийство политическое... (Уходит).

⁴² Плачут грудные дети в глубине колхоза.

Суенита [бросаясь] (забываясь). Ксюша! наших детей [ребят] несут!

Ксения. Колхозницы с берега ворочаются.

[Суенита] Боятся теперь в яслях ребят оставлять — с собой таскают. ||

<Л. 105>

У₁

Суенита. Принеси мне чужого ребенка, [кормить] я кормить его буду, и ночевать с ним лягу потом. Я прижмусь к нему и засну, как с родным⁴³.

⁴¹ Над предложением написаны римские цифры, определяющие последовательность частей. Должно быть: Что-же мне с мукой моей делать теперь — ведь нам жить нужно, и [не] жить [нельзя...] неохота!.. [Где лежит / где] Ксюша! Бога нету нигде — мы одни с тобой будем горевать!.. Куда [<1 слово нрзб>] вы закопали моего мальчика?

⁴² На полях запись: в 1-й раз

⁴³ Реплика на полях отчеркнута и поставлен вопросительный знак и написано: глупо <?>

Ксюша. Ну ты очень-то не блаженничай! Сейчас принесу... (Уходит).

Суенита (кричит): Митроша! Митрошка!

Голос Митрофан. Дай управиться! [с] Я близко!

Приходит Хоз.

Хоз. Благодарю вас за гостеприимство. Меня [*сытно / аппетитно*] весьма сытно угостили. Чувствую себя превосходно, даже [*от*] химическую зарядку сегодня принимать не буду — воздержусь... Благодарю вас!⁴⁴

Суенита. [*Митрошка!..*] (Хозу) Неначем <sic>. Завтра барана будешь [*тре / трескать*] есть... Митрошка!

[*М*] Голос Митрофана. [*Я / Не рассеивай меня*] Обожди, я ветер смерю. Воздушные пути республики должны быть безопасны!

Ксения приносит двух грудных детей, одного отдает Суените, другого оставляет себе.

(Уходит (?))

Эпизод с детьми вставить. ||

<Л. 105, об.>

У₂

Приходит Митрофан. **Одновременно — далекий невнятный гул.**

Суенита. Митрошка! Бери коня. Скачи в район к телефону — кричи в ГПУ на [*границ*] Каспийское море. Чего раньше не гнались за кулаками?

Митрофан. Отаву косили, рыбу ловили — некогда нервничать было. Все равно — [*граница*] бдительность на границах у нас сугубая, [*никто не уплывет*] никто не уплывет.

Усиливающийся шум: летит аэроплан.

Суенита. Аэроплан летит! Митроша, Пускай он спустится [!], мы на нем догоним кулаков.

Митрофан (*разглядывая*) глядя в высоту). Спущу! Враз спущу! Никогда на машине не летал. Великая техника, [*сердце гремит*] все сердце гремит, так и хочется крикнуть — что да здравствует что-нибудь!

Хоз. [*А сигналы знаешь*] Что-нибудь? Но — чтоже? Что может да здравствовать, Митрошка! **Сукин сын**, Кто ты такой — звезда или туманность?

Митрофан. Звезда. Сейчас аэроплан спущу на наш[е]у [*угодьё*] зябь.

Хоз. Ты сигналов не знаешь.

Митрофан. Я член Осоавиахима, я [*зажгу*] **зажгу костер и пушу** дым государственной опасности. ||

<Л. 117 а>

У₃

[*А ты / Я*]

А тебя [я] арестовать надо — ты **мой** ум рассеиваешь... (Уходит). ||

<Л. 107>

2/II.

Сумерки. Вечер. В сенях избы горит лампа. **Видно, что около лампы — за столом — сидит Суенита и занимается делопроизводством.**

Обстановка дает впечатление свободы [, *тишины и человеческого*] **громадной пустынной** и **вместе с тем** человеческого нагретого [*ую*] уюта.

[*В колхозе игра*]

Небольшая пауза.

В **глубине колхоза — не видно где** — начинает [*играть*] говорить радио.

⁴⁴ Реплика на полях отчеркнута и поставлен вопросительный знак.

Радио. Слушайте, слушайте. Говорит Москва, говорит Москва. Радиостанция имени Сталина [*Слушайте нашу передачу*] Продолжаем наш концерт. Сейчас симфонический оркестр исполнит [*сюту*] сюиту Баха ? под названием.....? ⁴⁵ В этой сюите знаменитый композитор зывает к судьбе, к темной силе [*времени*] будущего времени. Он [*принимает / желает*] страстно [*тоскует*] тоскует [*в*] среди своей буржуазной ограниченности и верит в [*своем*] слабеющем сознании, что [*светлые силы*] сила судьбы и закон бесконечно[*сти*]го мира стоят за него. [*Но историческая судьба приготовила ад его классу*

Но так как история при / буржуазия действовала стихийно,

Но по следам истории уже шествовал пролетариат. Он взял судьбу в свои тяжелые руки и обратил ее против [*утраченного / плачевного*] капитализма. [*Буржуазия осталась только одна судьба — мертветь в своем гробу / Буржуев*]. И вся буржуазия мира [*будет*] должна будет лечь в ближайшее же ||

<Л. 107, об.>

3/II.

время в [*от*] давно [*откры*] готовые гроба, и место ее погребения будет забыто [*потомками*] навсегда светлыми поколениями...

Симфонический оркестр [играет] начинает играть сюиту..... ⁴⁶

Действующий временами ветер относит [*иногда*] звуки в даль, к невидимому морю, и музыка пропадает; затем [*возвра*] издала музыка возвращается снова.

[*И / В*] Одновременно шумит [*К*] в темноте Каспийское море, и ветер, также как и в музыку, [*гонит ветер*<?>] вносит неравномерность и тревогу в [*доносящий*] доносящееся морское волнение.

Z Это общее созвучие

[К плетню подходит Хоз.

Хоз.

Звучание со] сцены [*должно-бы*] не должно заглушать действующих лиц и вместе с тем оно должно быть так организовано, чтобы служить ритмом к развитию действия.

К плетню подходит Хоз. Он стоит молча небольшое время.

Хоз. Жулничество! (Пауза). Какое всемирное, исторически-организованное жульничество!.. (Пауза). И ветер, [*нарочно шумит-завывает*] дескать, как будто грустит, и бесконечность [*широ*] обширна как [*дура*] глупое отверстие, и море тоже волнуется [*нагнетает / вечно поет как*] и плачет в берег земли, || ⁴⁷

<Л. 108>

4/II

словно горюет от безнадежной вечности[.]. [*Тут-же*] своего существования!.. [*Тут-же* раздается музыка / поет музыка — голос человека, как будто ветер, море и жизнь серьезные! / действительно жизнь чрезвычайно серьезна, в ней что-то / Что это такое, что человек и его музыка? Это бушующие пустяки. Нет / Ветру / Ветер мертв, море мутно / Ветер будто играет. Тут-же завывает]

Как будто все это действительно серьезно — как будто [*есть что-то*] чего-то хочется и кого-то жаль! Что это такое, что — человек и его музыка?.. Это бушующие пустяки...

Суенита (из сеней). Что вы говорите?

⁴⁵ На полях вопросительный знак и 1 слово, которое не прочитывается.

⁴⁶ Оставлено место для названия сюиты, и на полях вопросительный знак.

⁴⁷ На полях вопросительный знак.

Хоз. Я говорю: это бушующие пустыки.

Суенита. Что — пустыки?

Хоз. Природа, музыка, ветер и будущее время... Это несерьезно, Суенита. Это жульничество — это **самый ветхий и самый организованный** [старый] обман.

Суенита. Чей-же обман, [дедушка?] дедушка-старичок? ||

<Л. 108, об.>

5/П.

[Хоз. Ветер не тоскует, / плачет, Суенита, море не скучает, эта музыка и ее сочинитель Себастьян Бах не понимает судьбы и не взывает к ней].

Хоз. Нам кажется, [: ах, ветер такой печальный] что нас окружает в мире красота и стихии рвутся вперед рядом с человечеством...

⁴⁸ Ах, девочка-Суенита <sic>, это жульничество. Природа не такая: и ветер не скучает, и море никого никуда не зовет. Ветер чувствует себя обыкновенно. [*За морем жив*] За морем живет сволочь, а не ангел. Это музыка, поющая над вами, говорит [*о величии, о скры*] о величии человека и его таинственном блаженстве. [*Музыки обм / Вам внушили веру в природу*] Это [*неверно*] **наоборот**, Суенита. В животе человека живут глисты, а в сердце его находится гадина. [*Вам внушили обожание природы*] Красоту природу <sic> вам внушили — [*ее нет — ее нет*] ее нет, и природа, [*ничтожная мещанка*] если и существует **кое-как**, то [*за*] лишь за счет [*самообмана, что ей хорошо*] неизвестного нам самообмана. Законы природы, это ведь тоже **случайные** дураки, Суенита, или жулики...

Суенита. А человек и вся музыка? Что скажешь, старичок? ||

<Л. 109>

6/П.

Хоз. Музыка?.. [*Просто*] Она просто наглость, Суенита. Видишь — она звучит, но без слов и предмета, [*без*] она не говорит имени своего счастливого **жизни** вещества, потому что его нет. А если-б оно было, то это была бы [*отвратительная глупость*] скучная глупость. [*Человек сочинил эту музыку в поту*] Человек, который сочинил эту музыку, был глуп, он поверил в серьезность мира и [*во всеобщее утешение в будущем*] в красоту жизни... [*Он / Теперь*] Он был обманут — и теперь давно в могиле⁴⁹.

Суенита. А почему вы такой умный [,]? Может вы тоже — так себе старичок!

Хоз. Я не умный. [*Я сооб / сообразил*] Я жил сто лет и глаза мои — от привычки глядеть на одно и тоже — разглядели наконец истину.

Суенита. Я этого еще не знаю. Я учусь сейчас в кружке Осоавиахима. Мы до этого [*еще*] не дошли...

Музыка умолкает, отнесенная ветром, и больше не возвращается.

[Суенита] Пауза.

Суенита. Дедушка, кто-же жулики на свете[?], которые всех обманули и живут [*не убитые?*] без расстрела?

Хоз. Их может быть всего человек двадцать или сорок, Суенита. А теперь их гораздо меньше — не больше десяти. Это плохо. Если на земле останется только один [*се / великий<?>*] мерзавец — все люди умрут. ||

<Л. 109, об.>

7/П.

Суенита. А чего они думают?

Хоз. Тоже, что и я: на земном шаре ничего нет серьезного[,]. Мир существует по поводу одного забытого пустыка, которого даже вспоминать не стоит... Они

⁴⁸ На полях написано: М.б. все короче?

⁴⁹ Реплика на полях подчеркнута и поставлен вопросительный знак.

действуют, Суенита, [*крайне глупо*] со [*1 слово нрзб*>] ясной светлой<?> глупостью — и побеждают весь свет.*⁵⁰ Они смеются над жизнью, [*жалкая ты девочка, / всемирная*] колхозная ты сиротка, Потому что мир не уверен в своей необходимости.

Суенита. Они наверно [*думает*] думают про людей так (встает в сенях и декламирует):

А вы на земле проживете,
Как черви земные живут —
Ни сказки про вас не расскажут,
Ни песни про вас не споют!

А я думаю, что когданибудь земные черви сами запоют, раз о них петь [*не хотят*] некому. Черви же, это люди бедняки: факт! Это мы!

Хоз. Именно так, девочка. Вас в кружке этому учат?

Суенита. Нет. Наоборот: я сама догадалась.

Хоз. Дочка, иди я тебя поцелую в губки.

Суенита. Почему?

Хоз. Потому что я тебя люблю. Мы ведь оба обмануты... Не раздражай меня!.. Когда два обманутых сердца прижмутся друг к другу — получается почти серьезно. Тогда мы обманем [*всех <1 слово нрзб> и всемир<?> негодяев*] самих обманщиков. [*Иди ско*]

Суенита. Не хочу.

Хоз. Почему не хочешь?

Суенита. Не люблю тебя. ||

<Л. 110>

8/II

Хоз. [*Дай молочка!*] Молочка!! Дай мне молочка! Где моя Интергом?..

Суенита. Молочко в столовой. У меня молока нету — [*будет*], когда рожу, тогда будет... Иди, бабушка, трудодни считать — я запуталась.

Хоз. Иду, девочка. Займемся пустяками для утомления души.

Суенита. Это не пустяки. [*Это новый*] Это наш хлеб, бабушка, и вся революция.

[Хоз. *Где мо*]

Хоз идет к Интергом.

Хоз. Где мои очки? Где — вся революция?

Суенита. Очки ты у своей любовницы в сундучке оставил. Ты в одних штанах к нам приехал, без куска хлеба... [*Иди*] Я у нашего пастуха [*очки для тебя*] очки тебе заняла. Завтра в баню сходи — [*чулки свои потлявые сними*] чулки свои потлявые снимешь и оденешь чистые колхозные портянки... **Найди**

[Хоз]

себе бабу, чтоб она тебя пасла в бытовом отношении...

Хоз одевает очки [*дерев / жестя*] с жестяным оборудованием и садится⁵¹ писать. Суенита уступает ему свое место. Суенита одета в [*светлое*] белое платье [*я*] сестры-осоавиахимовки с Красным крестом на груди. [*Крестом*]

Хоз (увязывает очки за ушами []), затем читает ведомости). [*В арифметике*] Зачем считать? Ну зачем считать цифры, когда все в мире приблизительно?.. Суе-

⁵⁰ Знак вставки * указывает на фрагмент, вписанный слева на полях; рядом на полях противоположный знак.

⁵¹ На полях запись 2 слова не прочитываются.

нита, полюби меня своею грудью, своим бессознательным сердцем — это единственная точность [в жизни] в жизни.

[Суенита. Сознательно. А я вас люблю] ||

<Л. 111>

[9/II] 9/II 9/II

Суенита. Наоборот: я вас люблю сознательно!..

Хоз. Сознательно!.. [Сознать, значит — не любить. Твоя грудь выше всякого сознания, твое сердце растет / выросло на высоте жизни. / бьется благодаря безумию]. Кто научил вас сознанию, цифре, ведомости, справедливости? — И отучил от безумия! Твоя грудь выдается наружу — она выше, она — гора будущего / под которым лежит будущее / она [теплее] умнее всякого сознания. Твое сердце бьется благодаря безумию!.. [Ах ты, / Сумрак] (иронически) Сознательно!! Подойди сюда, бедная, у тебя сумрак [любви] юности перед глазами — и ты не видишь пустяка, господствующего в мире. Объясни мне графу в твоей ведомости (показывает пальцем столбец ведомости). Почему этот Ефим Андрушкин⁵² заработал в день килограмм, а [Ксения] Секущева Ксения три с половиной?..⁵³

Суенита. [<I слово нрзб> Потому] (идя к Хозу). Запутался уже, [всемирный исторический] всемирный человек?!. Потому что Ксения сознательная, а Ефимка — нипочем! Ксения — ударница, и грудь у нее больше моей. Мы с ней марксистки — [значит, мы мыслим] значит, мы думаем сознательно!.. Бюрократ: смотришь в документ, и ничего не понимаешь.

Хоз. [Прелестная моя... Я понимаю все] Прелестная моя... Я рад, когда не понимаю.

Суенита. А я тогда скучаю... Считай скорее — [ты расчет задерживаешь, ты к ⁵⁴утру] чтоб к утру была раздаточная ведомость: ты мне расчет с колхозниками задерживаешь! Чтоб все ясно было каждому, как теория большевиков, — [Я буду вчит] нам неясности не надо... Я [буду] пойду к морю — я скоро вернусь.

Хоз. Зачем тебе к морю?

Суенита. По делам своей личности. [Сказала тебе — / сказала уже тебе] Скоро вернусь — [(Уходит)] уже сказала тебе: или неясно [тебе]! (Уходит).

Пауза.

[Голоса в глубине сцены: Она уносит ребенка: тут холодно стало⁵⁵.

— Суенита ушла]

Хоз (один). [Или неясно?!. Нет, к / Ясно, ясно, — давно уже все ясно... / Неясность / Ясно, ясно, — давно уже все ясно] Мне все ясно. Но я хочу неясности. [Неясность / Неясность, смутность / В начале жизни — неясность начала жизни / Лишь неясность может быть причиной счастливой жизни... Я хочу, чтоб жизнь стала] ||

<Л. 111, об.>

10/II

Неясность! Я давно потерял тебя, и живу в пустоте [истины] ясности и отчаяния. [Мне все ясно. все понятно]

Голоса в колхозе: чьи? — Митрофана и [Гектора Архей]⁵⁶

⁵² Знак перестановки слов указывает правильную последовательность: Андрушкин Ефим.

⁵³ На полях вопросительный знак; далее вместо записей узор.

⁵⁴ На полях запись: Чтен ВЕДОМОСТИ

⁵⁵ Вписано скорописью.

⁵⁶ На полях запись: ? Передел. Гектора

— Суенита ушла [*на море глядеть / на море рыбу — глядеть...*] на рыбацкую бригаду.....

[— *Скучно без нее на сцене жизни, если б она умерла*].

— А если б она ушла и не вернулась, или умерла! Скучно без нее стало-бы на сцене жизни⁵⁷.

— Давай Париж поймаем, может — услышим.

— Давай. Буржуазия [*хоро*] всегда хорошо играет, когда ее эпоха заканчивается.

Шум настройки радиоприемника.⁵⁸

Хоз (равнодушно). Скучно стало-бы на сцене жизни без Суениты. (Считает на счетах по ведомости). Прохор, [*пахал*] член партии, родился в конце 19-го века, пахал на пароконном плуге и запахал 20 га, а [*нек*] неизвестный Митрошка, [*боронил*] рожденный в текущем столетии, сначала боронил, потом сеял **чего-то** на саялке, потом овец пас, [*ме*] чинил ветряную мельницу, [*чинил, до*] коровьим дойщиком работал[,] — вместо женщины, **полол просо**, баркас снаряжал на путину, поставил спектакль о топоре, [*дежурит*] служит гидрометром от Академии Наук и [*добился уяснения*] добился уяснения хозрасчета всеми колхозниками!.. Митрошка! Зачем ты добиваешься уяснения, [*и как перевести на хозрасчет, на кило*] когда [*неясность*] жизнь основана на неясности? Митрошка! Как перевести на килограммы твое безумие жизни!

Голос из колхоза — одного из тех, что ловит Париж по радио:

— А ты приблизительно, товарищ академик, **ты [счита]** азбучно. [*Точность / Я человек не мецанин / В области*] Мы на сцене потребления не играем роли — мы выдвигаем туда [*ударное мецанство. Оно себестоимость боится потерять*] А мы живем по себестоимости: считай нас по наименьшему злу сечению. ?

Хоз. Не ясно. А ты кто здесь?

Голос [из колхоза] Митрофана. Я Митрошка. Сейчас я проверяю весоизмерители, находящиеся в обращении.

Хоз. Что, что? Говори мне внятно наконец!

Голос Митрофана. Весы проверяю во всех окрестностях периферии. Весы — есть мерило труда. Мы теперь гирей, точнось бьем классового врага. Кулак прячется в неточности гирь, весов и безменов, **в неясности [товарного] потребления фондов**.

[Хоз]

Хоз. Хорошо. Все уже вполне ясно — молчи, Митрошка... Кулак прячется в неясности. **Азбучно!** (Считает [*на счетах и*] на логарифмической линейке []) по ведомости). [*Разве сосчитаешь*] ||

<Л. 112>

11/II.

вас азбучно, когда вы живете благодаря

Как-же я сосчитаю (Бросает линейку) Зачем мне безумное чувство мерить / считать безумными мерами бесконечности! Бесконечности нет. Буду считать / Это-ж одно раздражение глупости! Буду мерить / Это-ж психиатрия хаоса! впечатлениия! Буду / Буду считать всю эту стихию по методу пустяков (Считает и пишет). Именно азбучно!..

⁵⁷ Знак перестановки слов указывает правильную последовательность: Скучно стало бы без нее...

⁵⁸ На полях запись: Нет, тьма.

(Бросает логарифм. линейку)

Это-ж одно раздражение глупости! Это-ж психиатрия! Чего я мучаюсь!

(Бросает логарифм. линейку). [Сложен / На что им точность! Пусть они будут счастливы приблизительно... Буду считать всю эту арифметическую стихию по методу пустяков. Разве можно мерить

Где / Азбучно! Ну чтож!]

Пусть они будут счастливы приблизительно! [Ориентировочно!! Никакого счета и точности / Счет и учет есть такое-же жульничество — **тоже ведь** / Счет] Все равно — всякий счет и учет потребуют потом переучета. [Лучше я буду впоследствии переучитывать весь мир и подводить итоги] (Пишет по ведомости). Прохору Пашенкину — один центнер: ты, Прохор, [слабо веришь в новый мир] пашешь без усердия, и в **новый мир** веришь без радости; Ксении Секущей <sic> — хороша ты, Ксения, [так] **божие дыхание**, наживай себе силу в тело, — тебе четыре центнера; Митрофану [**Жаеву**]⁵⁹ — Митрошка! — тебе три с половиной: ешь рожь, бей кулака безменом... Кацафу Га....?

[Начинает иг] **В колхозе тихо** начинает [**тихо**] играть радио: скорбящий замедленный фокстрот.

Хоз (считая). Скашу! Скашу! Скашу со всех наполовину. Шестнадцать лет с коммунизмом возятся, [никак миро] до сих пор **небольшой** земной шар не могут организовать. [Оштрафую!] Схоластики! Я [оштрафую вас] **штрафовать вас буду!**

[**Голос Митрофана. Штрафуй, товарищ академик / вождь ума! Действительно, схоластики! Какие<?> — экстаза не могут иметь! До сих пор экстаза не могут иметь.**

Фокстрот усиливается.]⁶⁰

Голос [Митрофана] **Гектора Курдюмова. Штрафуй нас** товарищ всемирный академик ученый, бей **трудоднем** по психозу масс! Всем пора иметь экстаз! [**Ты сто лет прожил — весь мир усвоил / Прокомбинируй это дело — надо пресечь / Апологетики**] **Вызывай из них апологетику!** || ⁶¹

<Л. 112, об.>

12/II

[**Голос Митрофана.**]

Хоз. Апологетику нельзя **вызывать**, товарищ Митрошка. Карл Федорович (?) Маркс говорил мне во Франкфурте — в середине прошлого столетия, — что апологетика [зуб] **есть** буржуазная [ржав] ржавчина / **одеколон для трупа!** Пролетариат класс критический, от его насмешки [должен] весь капитализм должен [соз] содрогнуться и сам пролетарий пропадет от [собствен] издевательства над самим собой.

Голос Митрофана. Неужели ты знал Карла Маркса?

Хоз. Ну как же не знал! Ну конечно же знал! Карл Федорович **никого** не любил — [никого] — ни буржуазии[и]ю, ни пролетариат[а], — [эти два пустяка должны] и себя считал **не марксистом / не считал** пишущим мелким буржуем. [Мне слава не нужна] Слава ему была не нужна, он говорил, что слава нужна только погибающим [и мертвым] и мертвым, он нуждался в средствах к жизни, и насмехался над [бушующими пустяка] всемирной историей, над царством бушующих пустяков. Апологетика не нужна, товарищ Митрошка!

⁵⁹ На полях вопросительный знак.

⁶⁰ Рядом с вычеркнутым фрагментом нарисованы узоры.

⁶¹ Знак перестановки слов указывает правильную последовательность: Бей **трудоднем** по психозу масс! **Вызывай из них апологетику!** Всем пора иметь экстаз!

Голос Митрофана. Ты врешь, чуждый элемент! Маркс любил нас вперед навсегда! Он обожал будущее, он плакал над гробом Парижской Коммуны, он протянул дорогу умозрения за горизонт, [где солнце истории сидит] где сходит <?> в воздухе ожидании солнце [нашей] всемирной истории... Ты [бредешь] плеоназмы здесь воздвигаешь, ты брось свои кругозоры, ты пойми нас — или мы тебя пойдем...

[Пауза] Краткая пауза. Приглушенно звучит радио.

Хоз (считает). [Сарре] Серафиме Кошункиной [— десять], и ее мужу тому же Кошункину — [ничего], по нулю, ничего, два нуля...

Голос Митрофана. [Какой же класс больше всего] А к какому же классу больше всего развивалась симпатичная сила Карла Маркса?...

Хоз. [Разделись <?>] Горюйте, дураки! Он любил не классы, а свою супругу. К своей супруге и всему семейству.

Голос Митрофана. Тогда ты организованный мерзавец на [после] высшую ступень!

[Хоз. Я товарищ]

⁶²Хоз. Я друг Карла Федоровича Маркса.....? ||

<Л. 113>

13/II

[Ми] Голос Митрофана (в слезах). Ах, [так значит так!] Ты друг [, а я] Карла Маркса, а я схоластик жизни!... Я — мертвяк! [Пуск] Пускай же все разлагается! (Запускает радио во всеуслышание).

Хоз (прислушивается[!]), затем поет).

[Поет тоска,

И сердце плачет.

Живые все лежат в могилах,

Но мертвецы

Танцуют над гробами...

Над миром нашим

Гремит / Велик наш мир,

Скукой веет

Но сердце/у плачет / скучно

Прощай, прощай, моя красотка!

И мрак могил

Была ты жизнью, стала скукой.

Прощай, прощай, о жизнь, о стерва!

Поет труба над гробом сердца.

Когда-то я Живите девушки на свете]

Прощайте, девушки на свете.

Поет труба над гробом сердца:

Что будем счастливы — не верьте,

Что были счастливы — [наверно!]

Хоз [не] встает и [переходит в] **начинает постепенно танцевать.**

[Поет тоска и сердце плачет

Она не <1 слово нрзб> Хранит печаль

Она <1 слово нрзб> несчастна]

Живите, [Прощайте, девушки] умницы молодые,—

[Не верьте

Ни бог, ни царь и не герой]

Смысл:

Живите, <sic>

⁶² На полях запись: Добавить фразу

.....
 Меняйте [смыслы мировые]
 И ваше счастье размноженья
 Есть смерть

тратьте жизнь
 на счастье,
 не верьте будущему.

<Л. 113, об.>

14/II

Входит Митрофан. [По] Радио [зашипело / заревело, завизжало] завопило и умолкло. Хоз останавливает свое движение.

Митрофан. Психуешь?! Ну психани, психани по жуткому!

Хоз. Ты что, малолетний?

Митрофан. Психани по жуткому — тебе говорю. Ликуй в элементарной плоскости. Из чего состоит семейная жизнь? — у меня есть жена.

Хоз. Из прелюбодеяния, [бедный мальчик].

Митрофан. А атомы?! Я весь состою из них.

Хоз. Атом! [Из жуткого пустяка, который психует] Из [Л]психуюш[ий]его пустяка, пополам с водородом.

⁶³Митрофан. Значит, и атому жутко. Пойду море мерить и гири где проверять, а то в мире как-то плохо реально — надо его организовать!

Хоз. Организуй, Митрошка! [Вся / Выз / Вызови слезы у человечества. Пусть мир поплачет]. Давно пора, [как говорится]

Митрофан. [Ты] Ты что?! Ты что мне говоришь — перегибаешь во все нелепые стороны? Ты авторитетно говори!

Хоз. Митрошка! [Когда мир неорганизован — он смешон / то можно жить несчастью и смешно: когда ты все организуешь — нам станет / Неорганизованный мир наполнен смехом на нем <?> / сам себя уничтожает и смеется над своим / достоин <sic> все-таки смеха, а организованный насмешки, / а организованный серьезный мир Я хочу жить в неорганизованном мире, чтоб мне было / Разве будет / Авторитеты живут для собственно] Авторитеты тоже надо организовать!(?..) || ⁶⁴

[Герой не созд. мира]

<Л. 114>

15/II

Митрофан. [Да что ты] Да что ты все раздражаешь меня [! Что ты мне] своим энным пониманием каждого предмета! [У нас массы бушуют от исторического] Ты эффект жизни смазываешь мне перед глазами!

[Хоз]

Хоз. Блаженны бормочущие! (Считает по ведомости).

[Митрофан. Что / Ты что здесь выражаешься / Не выражайся нечетко!

Митрофан. Митрофан. Что?.. Подводи баланс всего труда и мировоззрения / баланс всего нашего труда, основанного на мирово / элементе мировоззрений!

Хоз (Считает). Чего считать? Чего считать, Митрошка? Отдай будущему миру свой хлеб и]

Митрофан. Мы [не] еще не блаженные, мы трудящиеся. [Мы страдающие для всего / Блаженны]

⁶⁵Плач ребенка вдалеке.

Митрофан. Пойду море мерить и ветер проверять.

⁶³ Вписано на полях: выше — гидрометр: море мерит.

⁶⁴ Рядом с репликой нарисованы узоры.

⁶⁵ На полях запись: Выше согл. ребенка и плач его.

Хоз. Зачем, Митрошка?

Митрофан. [*Ты разве не видишь в мире никакой тоски? Душа мучается у всего населения — вот зачем. Ты разве не видишь*] Ты разве не чувствуешь — как [*у всего населения земного шара*] болит сердце у всего населения земного шара[,]? — [*Чтоб / Вот зачем / Я сам болею*] в этой [*равнодушной*] величайшей плоскости жизни! Я сам скучаю во [*мгле*] тьме будущего...⁶⁶

Повторяется. [*более близко / совсем / совсем.*] плач ребенка — [*сов*] близко около избушки.

Входит Суенита с ребенком на руках.

Суенита. Он умирает. Он не [*ест*] сосет молока ||

<Л. 114, об.>

16/II

из моей груди. [*Отчего он < I слово нрзб> у него*] Почему у него стало такое скучное лицо?

Хоз. [*Потому что смерть / смерть*

Потому что / Меланхолия смерти

Это смерть, Суенита, приближается.

Он умирает, Суенита. Но ты не плачь

Потому что он умирает, Суенита].

[*Оставь*] Положи его, [*Суенита*], на землю, Суенита. Твой ребенок хочет умереть.

Суенита. Он один останется — [*во*] на всем свете, навсегда, без [*матери*] меня и без жизни!

Хоз. [*Чего ты тоскуешь / Пускай / Это хорошо. А я вот умереть / Пусть / Ну и пускай! Ну что ж такое!*

В тебе есть тело, оно теперь поро / пустое — ты наполнишь его любовью, ты начнешь нового человека. Не тоскуй / плачь, Суенита, ведь все происходит нарочно, томится / вещество стало ветхим.

*Не / Он и сейчас один]*⁶⁷

Не плачь, Суенита. Ты [*родила*] зачала его, шутя, [*и*] веселясь[,] и задыхаясь. Зачем-же раздражаешься теперь? [, *когда*] Это несерьезно... Подойди ко мне... Ты же мешок, из которого выйдет будущий мир,— [*и пуста / улыбнись / наполнись*] рожай снова. Ты уже баюкаешь молодое человечество на бедрах.

[*Суенита.* Я не слышу тебя, старичок... Зачем он так мучается / Отчего он мучается и не плачет?

Хоз. Хотя]

Суенита. [*Я не слышу тебя, старичок.*]

Митрофан. Зато я его / Его я слышу. Но ты не мешок, ты — люлька, ты качаешь коммунизм в своем животе, или<?> заду, как в люльке.

Хоз. Хотя — не рожай, Суенита; [*ходи*] живи, как пустой мешок. Все дети твои умрут, [*ты тоже кончишься* —] никто не воскреснет от горя твоего сердца — [*земля / жизнь не имеет чувства*] по всей земле стоят ||

<Л. 115>

17/II

И [*зачем*] на кладбище можно утешиться. Ты утешись. Земля — могила, но и на ее холме люди [*утешаются<?>*] улыбаются.

матеря на коленях и плачут по [*своим*] умершим, но земля не имеет чувства, она

⁶⁶ Реплика отчеркнута на полях и поставлен вопросительный знак.

⁶⁷ Рядом с зачеркнутыми репликами несколько слов нрзб.

никогда не ответит. [*Она мол глубока и темна. Она темная и сама умерла*]. Она сама покойница. И [*ты*] зачем [*воскресить*] тебе.

Суенита (Хозу). Зачем ты живешь так долго, когда даже дети умирают?

Хоз. Я [*хочу остаться*] — II свидетел[ем] всемирного позора всех людей, [*бедная*] грустная моя девочка. I Я не могу скончаться⁶⁸.

Митрофан. Я вот как дам тебе сейчас — так ты из башмаков [*вверх*] вылетишь[!] вверх!... **Нам свидетелей не надо, [а] нам давай соучастников, а [Суенита стоит у нас]** Большевицкий персонал женщин [*никогда не имеет задания*] не выявляет себя как тара, мешок или посуда твоего энного будущего времени!.. **Нам свидетелей не нужно.** Суенита не пустая тара — нипочем!! — [*От / За такие установки*] в ней сердце лежит на своей высоте и меряет мировую силу вещества как **весоизмеритель находящийся в обращении рыночной стихии.** Ты у нас на все свои детали разлетишься — от удара пролетариата рабочего класса!

⁶⁹ [*Суенита*]. Хоз. [*Митрошка. Я разлечусь на свои детали от удара пролетариата. Кто*] Неверно, Митрошка! Пролетариат сам расколется на части от удара в мои кости. Я-же бессмертный, [*а твой пролетариат — исторический*] **Я родился, когда пролетариата еще не было. Что мне пролетариат? Он моложе меня, он — исторический и преходящий.**

Пролетариат для меня — эпизод.

Суенита. Он уснул.

Митрофан. Давай я отнесу его в корзинку и там покачаю.

Суенита. А море когда мерить будешь? И весы с гириями проверять? А статформу по культработе [*когда*] ты состави[шь]л или нет?

Митрофан. Втúпорже. Втúпорже [*совершу*] наделаю всего — [*и пока*] уложу ребенка, и [*культотчетность*] выпущу культотчетность.

Берет ребенка с рук Суениты и уходит с ним⁷⁰.

Суенита. [*Составил*] Ты сосчитал раздаточную ведомость?

Хоз. Сосчитал.

Суенита. Дай я проверю. ||

<Л. 116>

18/II

(После как<?> **Митроф. Антон ушел спускать аэроплан**)

(реб. остается с Суенитой).

Хоз. Не проверяй, Суенита... [*Хлеб*] Ведь хлеб не в твоих избушках, а в руках классового врага.

Суенита. [*Бедный*] Ты бедный дедушка! Ты не знаешь сугубой охраны наших границ... [*Хлеб наш*] Хлеб наш священный возвратится в [наше] **наше** тело!

[*Хоз. Тогда давай я проверю сам — я знаю высшую математику*]

Хоз. [(*склоняясь к ногам Суениты*)] Спит твой ребенок⁷¹.

⁷² Суенита. Спит мой мальчик. (Укрывает его). [*Пусть он видит меня во сне — и здесь, и на море*]. Все теперь спят — на земле и на море. Только [*мой*] один дале-

⁶⁸ Над предложениями написаны римские цифры, определяющие их последовательность.

⁶⁹ Вписано на полях: Радио привезла Суенита (II акт)

⁷⁰ На полях вопросительный знак.

⁷¹ Сюда направлена стрелка, указывающая на перенос фрагмента и перечеркивающая стр. 18/II, 19/II и часть 20/II; начинается от слов Входит летчик...

⁷² Вписано на полях: Время: ночь или день?

кий ребенок кричит сейчас на корабле... Он меня зовет он без защиты там! [-] Я в воду брошусь, я [улыву] ушлыву к нему [в тем] в темноте...

Хоз (склоняясь к ногам Суениты). **Не тоскуй, Суенита!**.. Меня не трогали всемирные исторические страсти, [Смерть я / смерть / старость свою] глупость своей старости я [покрыл] победил другою глупостью — химией, роскошь и хулиганство всего человечества [и всех его народов <1 предложение нрзб> глубина,] оставили меня равнодушным, [Но ты!] природа вызывала [чел] во мне одно раздражение...

Суенита. Ну и пускай!

Хоз. [Чего пускай?] Но ты меня тронула, сердце мое обнажилось от тебя до самого дна и там я [чу] чувствую смерть, старую скуку человека. Я плакать теперь хочу и тосковать около твоей нишей юбки. ||⁷³

<Л. 116, об.>

19/II

у пыльных ног твоих, [где] где пахнет землею и твоими детьми.

(Обнимает Суениту и держит ее в объятиях). Гул аэроплана.

Суенита. [Отчего-то ты стал трагедичн / Ишь ты] **Какой-то ты трагедичный стал!** [какой! старичок!] И глаза у тебя [стали] теперь тусмённые-тусмённые! Отчего-то <sic>?

Хоз. Неужели ты не понимаешь ничего?

Суенита. Нет.

Хоз. [Покой и юность / Полюби меня] Ведь мир-же несерьезен!

Суенита. Пускай. [Его] Значит, его надо организовать[!], и все! [Он станет серьезным!]

Хоз. Твои уста освящают всяк[ую]ое [глупость] безумие. (Целует Суениту в рот). [Покой и юность] Задумчивость и юность завоюют землю!

Суенита. Наверно. Большевики все ведь задумчивые и нестарые.

Хоз. Я тоже большевик!

Суенита. [У тебя губы уже / губы высохли]

У тебя [губы] уже губы засохли, дедушка!

[Рев мо ску<?>

Хоз (оставляя Суениту). Но у меня даже ногти научились думать.] ||

<Л. 117>

20/II

[Суенита

Хоз (оставляя Суениту). Я тоскую по тебе, я мучаюсь].

Близкий рев аэроплана, [и] звук спуска машины, тихо.

Хоз. Целый век грусти я прожил, Суенита. Но [Т]теперь я нашел твое маленькое тело на свете, теперь я тоскую по тебе, как бедный печальный человек. Я [тоже] хочу смирно зарабатывать свои трудовни.

Суенита (слегка лаская Хоза). [Радуйся теперь] Живи с нами в колхозе до смерти и радуйся. Поедешь в район и сдашь курс на счетовода. (Видя людей, Суенита [О]оставляет Хоза).

Входит летчик и Митрофан. Во-след является Филипп Вершков.

Летчик (Суените). Вы — председатель?

Суенита. Вы же видите — я! [Говорите скорей] В чем дело?

Летчик. Слушаю. Я водитель машины сельхозавиации. Шел по маршруту на рисовый совхоз. [Оставлен<?>] Приземлен огневыми наземными сигналами. Това-

⁷³ Реплика отчеркнута на полях и поставлен вопросительный знак.

рищ..... сообщил мне о [но] необходимости погони за бандой кулаков. Я согласен сделать разведку над морем, но мне нужна помощь и вооружение.

Митрофан. [Я]

Переместить в 4-е действие. ||

<Л. 196>

21/II

⁷⁴ Без нуд провода.

Расчет на массу <1 слово нрзб>

Митр. ⁷⁵ I

Митр.

[Я иду тех]

Расчет <1 слово нрзб>⁷⁶

Я иду тебе на помощь. Летим.

Суенита. Я тоже с вами [догон]

380 вольт x

У меня оружие

$Q=y^2 R$

[Летчик] Хорошо.

Пойдемте [<2 слова нрзб>]

$R=1,2 10/2=6$ ом

Ф. В. А я?

Суенита. [Здесь будь] Колхоз <несколько слов нрзб>

6 ом=R

[скажи Ксене, чтоб]

$N=380$

$380=\Sigma$

Отдай ключи Ксене. Скажи чтобы сено [возили]

60

$Y=380/6=60$

Am

клали в [стога <?>] зимн <?> оно уже высохло.

22800

$Q=60^2 \cdot R=$

Хоз. А я?

220

3600

38

$Y=220/6=38$

6
21600 кал.<?>

38

304

220

114

38

1444

176

≈ 1500 кал.<?>

66

8,360 ||

<Л. 195, об.>

22/II

[II] ⁷⁷

Суенита. А ты за меня здесь [останешься <?>] будешь. Гляди за всем, думай серьезно <несколько слов нрзб>. Ты грамоту знаешь [<2 слова нрзб>] смотри по <3 слова нрзб>.

Хоз. [<несколько слов нрзб> Я знаю] <1 слово нрзб> находи от классового врага.

Ф. Я ему помогу <?> — я ведь ударный<?>

С. <2 предложения нрзб> У меня сердце много болит, никак не может [не] не болеть.

(Уходят, кроме Хоза и Ф.)

Ф. Ну вот мы и хозяева с тобой, Иван [Федоров] Федорович, давай теперя распоряжаться.

⁷⁴ Две строки малиновыми чернилами.

⁷⁵ Далее фиолетовыми чернилами, большая часть текста не поддается расшифровке.

⁷⁶ Параллельно тексту и под текстом идут цифровые расчеты.

⁷⁷ Номера страниц зачеркнуты (римские) и написаны (арабские) карандашом.

Х. Давай, [*стараться Ф дядька*] дядя Филя <2 слова нрзб>

Ф. Да бдительности надо побольше — говорить <1 слово нрзб>

Х. Не говори много. Ступай сено класть в зимние <?> стога. Оно [<1 слово нрзб>] высохло.

[Ф. <2 слова нрзб>] ||

<Л. 195>⁷⁸

23/II

[III]

Ф. Как так — сено класть? Я же должен распоряжаться, а не трудиться?

Х. Что? Ты мне очки втираешь! Ты дисциплину рвешь!<?> Ты враг класса! Ступай **вперед** трудиться — сено в стога!

Ф. [*Да я*] Это верно, Иван Федорович. Жесткое руководство нам [*необходимо*] необходимо [*Я вс*] Пойду ударничать <?> — мне все равно. Я могу, чем хочешь: я и ударником был, <2 слова нрзб> и рвачом — [*позору*] мне в позор писали <?>. Чем хочешь, Иван Федорович! Пойду <1 слово нрзб>!

Х. Ступай молча. Воздуху у вас много, дышите часто, говорите много. Я вас теперь организую<?>!

Шум отлетаю⁷⁹

ант. <?>

Занавес ||

<Л. 118>

1/3

III акт.

Внутренность правления колхоза. Портреты. Лозунги. С.-х. плакаты. [*Стол со счетами*] Стенгазета. Два стола со счетами. Лавки. Одно окно открыто настежь — в колхоз. Ночь. Горит лампа. За столом Хоз в очках, занимается с бумагами.

Хоз. Ночь! Тишина! **Весь мир любит женщин и интригует политику и нет раздраженья ума грозными пустяками!**.. Люблю, когда неслышно никаких стихий! Когда раздается одно дыханье человека! [(*Слушает*) (Слушает. [*Слыше*] Из-за окна слышно храпенье). **Социалист** Филька Вершков храпит. Целый стог [*сена*] **травы** один сложил — сутки работал, **лунным светом пользовался**, десять трудодней придется ему вписать. [*Мнимый / Мнимый человек!*] Но он же мнимый человек — [*вни*] запишу ему четыре трудодня⁸⁰.

Входит Ксения.

Ксения. [*выни / Тебе кольцевая почта*] Бери весточку. (Достает из-за кофты письмо и дает Хозу). Утром кольцевая почта [*бро*] подбросила, [*бери читай*

Интересно, той-то тебе пишут / читай теперь] **кольцевик** говори[т]л — еле ссыкали тебя. Читай теперь.

Хоз (оставляя без внимания письмо). [*Ксения*] Я давно ничего не читаю.

Ксения. А может интересно! ||

<Л. 118, об.>

2/3

Хоз. [*Интересно*] Нет. Не интересно. Ксюша! А ты забыла, что твой ребенок плывет сейчас по Каспийскому морю!

Ксения. [*Ох,*] Нет, не забыла, Хозушка, нипочем не забыла! Как живой, как

⁷⁸ Фиолетовыми чернилами короткие записи.

⁷⁹ Два последних слова не дописаны.

⁸⁰ Реплика отчеркнута на полях и поставлен вопросительный знак.

милый — так и стоит пред глазами. Все груди мои молоком набухли, [скачает мое] **тяжесть на**⁸¹ сердце лежит... [Усну — забуду. Хозушка, дедушка

Хоз. А ты]

И-их, только усну — забуду! [а то]

Хоз. Ну хорошо — мучайся, это прекрасно. Я тебе напоминаю, чтоб не забыла. А наряд — мешки штопать — ты [выполнила] перевыполнила?

Ксения. [Выполнить я] Выполнить — выполнила, а перевыполнить не успела. [Руки, Хозушка] У меня ведь руки от горя скачают, [хочу я чего-то...

Хоз. Что это такое — чего-то? Чего-то только кулаки хотят. А мы хотим соц] мне так ? ужасно, что я плакать не могу, а только вылуплю глаза и гляжу, как мертвая рыба...

Хоз. Ксюша! Бедное, [мое] грустное вещество, пойдй сюда. Дай я тебя обниму и поглажу! (Ласкает Ксению).

Ксения (прижимаясь к Хозу). Дедушка Иван, ты ученый, ты добрый, скажи — как мне жить теперь, ||

<Л. 119 >

5/3

Вершков. Я-то? Да можно сказать, что — так точно, а можно и нет! **Можно сказать, это** гнусная ложь, [клевета и] уловка и клевета на лучших людей. Как хочешь, Иван Федорович[!]: и вперед, и назад, в общем — загадочно!

Хоз. Врешь, элемент! Я сквозь целое человечество всю судьбу вижу!

Вершков. Мало-ли <sic> что ты видишь! Ведь — теоретически!

Хоз. Практически, гад! Я второй век живу, я проверил на событиях! Ты политику партии [не] не любишь, ты здесь притворяешься, что за нас, а сам за Европу стоишь, за зажиточных!..

Вершков. Ты... ты меня не расписывай, я заикаться начну, я в тебя... предметом воткну... Кто тебе стог-гигант сложил, десять дён в одни **сутки** зажал?

Хоз. Ну, это ты, Филипп <sic>..... Я тебе четыре трудодня записал.

Вершков. Четыре дня! А далее — более... А кто в кулацкой барже, [у **Ашур**] у бантика **Ашуркова** дырку пробил, чтоб течь пошла и [потопли] **вся** классовая вражда в море постепенно потопла?..

⁸²Хоз. Ты идиот кулацкой жизни! [Ведь] **На барже** хлеб наш колхозный [на / на барже] остался, он тоже потонет! Я тебя ||

<Л. 119, об.>

6/3

[в район отправлю с утра, чтоб] арестую и в район отправлю! Я тебя заставлю на [экспо] лесной экспорт на севере работать!

Вершков. Не туда лезешь! Не трать бумагу на ордер, у нас ее [нех] и так не хватает: договор [на] о соревновании не начем <sic> писать, **на лопухе карябаем!** Я тебя сам разоблачу, ты негодование во мне развиваешь, чорт-пережиток! [империалист] Империализм помирает, а он женится!..

Приходит Ксения.

Ксения. [Там] На море шум начался. Страшно сейчас плавать одному в воде...

Хоз. Дай порошок!

Ксения. Бери, какие хочешь, все принесла. (Открывает перед Хозом ящик-аптеку.)

⁸¹ Рядом с написанными словами поставлен вопросительный знак.

⁸² На полях запись: Выше согд.

Хоз глотает три порошка по очереди.

Хоз. Запить даже нечем. Пора квас варить в колхозах.

Вершков. Жуй всухую.

Хоз. Не раздражай меня, ничтожный!

Вершков. Я тебе дам ничтожный! Ничтожные у нас знаешь где? [*Здесь*] А здесь одни многозначные!

Хоз. Ксюша! Я Вершкова ликвидировать буду — он дырку в барже проткнул, хлеб и дети ||

<Л. 120>

7/3

теперь потонули. Я председатель, я не могу!

Вершков. Я заткнул ту дырку обратно, я опомнился, я учел. Ты... ты психу нагоняешь в меня, я [*мысли*] факты забываю!

Ксения. Он заткнул ее назад. Я сама видела.

[*Хоз.*] Пауза.

Хоз. Не распахивайте меня! Уйдите прочь из правления!

Вершков. Забюрократился уже! Вот дай Суенита Ивановна из командировки приедет — я все скажу.

Ксения. Я тоже не смолчу. У нас артельное хозяйство и тон должен быть товарищеский. По непроверенным данным срамишь — фу, какое безобразие!

[*Оба уходят.*]

Хоз (*счастливо*)

Вершков. Пойдем, Ксюша, от классово-чуждых. Нечего нам мировоззрение свое марать.

Оба уходят.

Хоз (*счастливо*). [*Какие прелестные дети — божьи почти существа*]. Вот они — божьи почти существа. Давно ||

<Л. 120, об.>

8/3

[*Я <1 слово нрзб>*]

я хотел пожить [*таким текущим*] большевистским способом... [*Да, отчетность-то что-ж я задерживаю? Иль выговор от райзу*]

Скоро светать начнет — надо отчетность в райзу готовить.

Приходит старик-счетовод, сторож (что вначале 2-го акта).

Ст. Не ложился еще?

Хоз. Нет. Сижу вот копаюсь в общей жизни.

Ст. Пора бы уж на бок. Ай ты моложе меня?

Хоз. А сколько тебе времени?

Ст. Мне-то? Не упомяну теперь. В молодых годах [*годов / лет до шестьдесят*] шестьдесят пять зим сосчитал, потом уж [*перестал, Да годов сто будет-ли, потом не нужно стало*] перестал итоги складывать; боле не нужно было и туман в уме пошел — сам вижу белый свет, а интереса нету. Да годов сто будет-ли, нет-ли: едва-ли!

Хоз. Мне побольше. Но я человек химический, я питаюсь [*специально*] сухими научными веществами. А ты что ешь? ||

<Л. 121>

9/3

Ст. Я-то? Я коренья люблю, а [*ню*] воду из сруба пью. Да нам длинный век не нужен, аль мы нарочно живем — мы нечаянно... [*Товарищ старик, сколько он, а позволте вас спросить, сколько-ж годов все люди на свете маются?*]

Хоз. Да ты умный, что-ль?

Ст. [Да] А я — когда как! То умный, то опять нет: [Облака / На меня облака Хоз.

находят, а потом] у меня облака по уму [иду] плывут.

Хоз. [Облака Двести миллионов лет, товарищ, люди / Люди / Разумные люди *живут уже двести миллионов лет.*

Ст. Порядочно, но толку нет. А правда, нет-ли?

Хоз. Правда. Я сам считал. Клоп-то ведь не очень умный? / дурацкая тварь?

Ст. Так-себе.

Хоз. Совсем дурак. / Один клоп десять миллионов лет человека сосать приучался.

Ст. Нам не видать теперь. Может сам клоп или иная животная мелочь ||

<Л. 121, об.>

10/3

нарочно себе развела человека — для хорошей пищи.

Хоз. Это все равно, но / людям *оттого не стыдно.* Суенита Ивановна всех клопов выведет.

Ст. Почем-ж такое двести миллионов годов!

Хоз. Ну, умный, ты [иди] ступай, карауль колхоз с края. Что ты меня от дела отвлекаешь, это классовые враги наши приходят к ударникам и начинают им сказки [говорить] **рассказывать** чтоб дело остановить! Ступай прочь. Не

[Ст.]

уберег колхоза, когда Суенита **Ивановна** в центр ездила!

[Хоз.] Ст. [А чего его беречь] А я — правда, нет ли? — классовый враг!

Хоз. Так зачем же ты ходишь здесь? Ступай в район и скажи, чтоб тебя арестовали [тебя]. **Пора бы уж сознанию научиться.**

Ст. Ходил уж. Дважды [направляя] просился под арест. Не берут никак — признаков нету, говорят, нищий человек. Краюшку хлеба на обратную дорогу выпивают по карточке и пускают ко двору.

Хоз. Верно. Значит ты не классовый враг, значит ты **полезный общественник.** ||

<Л. 122>

11/3

Чучело в II-м акте.

Ст. Неверно. Я изгибы делаю.

Хоз. Какие изгибы?

Ст. А — классовые! Я чучело сделал. Ты видал его, нет-ли?

Хоз. Наблюдал однажды. Говори скоро, привыкай мыслить [**мгновенно, по большевистскому,**] **мгновенно!**

Ст. Мгновенно!.. Кому как! Это кто молод — тот мгновенно, тому передумать [есть] **потом** года остаются.

Хоз. Ты классовый враг,.....

Ст. Вот и верно. Намедни,— сколько дён прошло, как аэроплан-то на пашню садился?⁸³

Хоз. [Сем] Восьмые сутки пошли.

Ст. Намедни — до аэроплана еще — Федька [Ар] Ашурков, что бантиком стал, явился сюда с бандой и в чучело стал палить. Чучело упало,— а они издалека⁸⁴

⁸³ Начиная со слов А — классовые! до слов ...на пашню садился *диалог отчеркнут на полях и рядом написано:* Изм. эпизод соглас. его.

⁸⁴ На полях запись: выше объяснить

подумали: сторож-человек умер, и пошли охальничать. А то чучело вместо меня стояло. Это я бы должен умереть за всеобщее добро, а я жив и меня [*считать посадили*] посадили итоги считать, в народе нехватка...

Хоз. А ты где был, когда чучело поставил? ||

<Л. 122, об.>

12/3

Ст. На одной недалней деревне, у женщины — единоличницы?

Хоз. Жениться ходи[шь]л?

Ст. Нет, так себе: разговарива[ть]л о посторонних вещах.

[Хоз] Пришел на колхоз — вижу: Ашурков бушует с нашими, которые с угодь-ев примчались.

Хоз. А ты ему что?

Ст. Я-то? Я ничего. Я в книге начитался: люди сто тысяч [*лед*] лет проживают на белом свете — ни хрена не [*выхо*] вышло. Неужели за пять лет что получится: да ничо чем! [*Ну при чем тут Ашурков*]

Хоз (Кричит в окно). Филька!.. Товарищ Вершков!

Гол. Вершк. Чего ты бесишься там, бюрократ? Мне и так сну мало!

Хоз. Иди сюда, здесь классовый враг стоит.

Гол. Вершкова. Кто?

Хоз.

Гол. Вер. Не пойду. Он [*врет*] врет. Он бдительность твою проверяет! Чучело Митрошка сделал⁸⁵.

Ст. [Он] Филька верно догадался. Это я бдительность твою узнавал. А может — ты агент Ашуркова! [*Я на старости лет* ||

<Л. 123>

13/3

Вначале 2-го акта: ст. говорит: рас сказками-разговорами класс враг нас опред. <?>

бревном его по пузу вдарил. А он мне / Ложись!

Заря встает — ложись на бок, спи [*ты человек добрый,*], а то силу [*на день*] днем потеряешь. А нынче каждый ведь День [*год / сто*] тыщу лет кормит, [*ты революю*]

[*Уходит* потому что колхозная революция [*целых сто тысяч лет*

Хоз.] *покрывала*<?>] должна сто тысяч годов покрыть и миллиард классовых гадов! Во — как! У нас ведь так-то! Отдыхай с богом.

Уходит.

[Хоз]

[*Маленькая*] **Краткая пауза.**

Хоз. Не понимаю ничего: облака по уму плывут!.. [*Что мне Европа тут еще пишет?*] (Вскрывает конверт, принесенный Ксеной []) Читает, [*бормоча*] бормоча про себя. Затем — вслух). [*Пришлите / По ихнему — серьезно, по большевистскому — смешно / смешно*]⁸⁶ Пришлите хотя бы [*обнадеживающ*] первоначальные принципы по приближению к [*разрешени*] разрешению мировой эконо-загадки. Необходимо создать обнадеживающую атмосферу вокруг вашей работы, ибо здесь [*происходит всеобщее ограничение умственных способностей*] развивается убеждение в некотором ограничении ваших умственных способностей... — [*Забыл я про*]

⁸⁵ На полях вопросительный знак.

⁸⁶ На полях вопросительный знак.

Входит Фил. Вершков.

Вершков. Томишься?

Хоз. Томлюсь

Верш. Чем такое? У нас мучиться — позор! ||

<Л. 123, об.>

14/3

о чучеле: старик сделал чучело — копию себя, и то был сам, то подменял себя чучелом: никто не узнавал сразу.

[Хоз. *Мировую загадку надо решить!*

Верш

Верш А — чепуха!

Приходит Вершков.

[Вершков]

Хоз. Ты что не спишь?

Вершков. Не спится: забота!

Хоз. Нервничать хочешь?

Вершков. [Нивкакую!] Ни в какую!.. [*Светает уже. / Светать начинает / Ви*] **Светает помаленьку.** Сейчас наш [*птич*] птичник колхозный кукарекать начнет... Ты прислушайся!

В колхозе тишина. Слышен ветер.

Вершков. Ветер с моря дует.

Пауза.

Вершков. Намедни [*ходил*] хожу я по мертвому инвентарю, слышу — крысы в амбаре скребутся. Не дай бог — хлеб от бантиков назад [*вернут*] **вернется:** сгрызут! [*живот мелкие*]

Пауза.

Вершков. Вчерашний день [*конноарочный*] из района старичок приходил — член соревнования — красное знамя взял, а [*рог*] рогожку оставил. [*Пшеницу не вез*] План, говорит, пшеничный не исполнили, [*нрзб*] двадцать центнеров за нами! Позор, говорит **вся республика узнает.** Я гляжу на тебя и думаю: позор, оппортунизм, затухание! ||

<Л. 124>

15/3

Хоз. Ну, раздражай, раздражай меня, мешай трудиться!

Вершков (вздыхая). [*Тебя*] Удивляюсь я всемирному человечеству! [*Тебе ведь всю загадку велели разрешить*] Как это тебе империалисты — далеко ведь не глупейшие люди — загадку своей жизни приказали решить! Ты-же отсталый человек, ты **мелкохозяин**[*ств <нрзб>*] / **мелкохозяйственного** колхоза решить не [*<1 слово нрзб>*] можешь!.. Я-бы давно

[Хоз] все мировое дело [*решил / порешил*] **разгадал** — и не ездил-бы никуда, [*а сидел бы на квартире / а сел бы на квартире*] а сидел-бы на квартире, ел-бы [*твою*] пишу и думал-бы, думал себе!.. **Их, и выдумал-бы я тогда!**

Хоз. (*<1 слово нрзб>*) [*Ну чего? Чего ты выдумал, говори скорей*] Филька! Все мировые дураки всегда ищут мировую истину...

Вершков. Тебе же лучше! [*Мы-то с тобой не дураки, ты / А*] Мы-то с тобой не дураки: ты всемирный двурушник, а я колхозный ударник полей. [*Скажи*] Только всего.

Хоз. Филька! Прочитай в конверте, что мне Европа там еще пишет. Напиши им ответ. Ты, оказывается, великий человек! (Дает ему конверт).

Вершков. Да я что хочешь! Когда как! [*И большой, и мелкий*] Когда великий, а когда мелкий! Что-ж делать-то: приходится жить (Читает [*бум*] письмо из Европы).

Хоз. Да ведь я и тоже, Филька, такой: когда как! Мы оба с тобой — трудящиеся люди! ||

<Л. 124, об.>

16/3

Вершков. А, ништ, я тебя не вижу. Я вижу! (Пишет, не читая, несколько слов на письме — резолюцию). Большевик-человек наблюдает вас, дураков, насквозь. (Отдает письмо с конвертом).

Хором кричат петухи.

Хоз (читая). Филька [*Ты здесь верно пишешь / абсолютно*] Неужели это верно? Неужели вся мировая экономическая загадка решается твоими четырьмя словами?

Вершков. [*Я-то знаю*] Зря ничего не пишем. Я-то знаю.

Пауза.

Хоз. [*Да, это верно*

Да, вы знаете, это верно]. (размышляя). Да, это верно. Вы знаете. [*Суенита не живет*] Не напрасно живет Суенита в этой мировой пустоте. А что мне пишут оттуда?

Вершков. Не читал. Капитализм меня [*не*] интересуется мало. [*Меньше твоего*]

Хоз. [*Прочитай / Читай вслух / Сам я читать / Прочитай вслух*] Я тоже ничего не читаю. Прочитай вслух с конца.

Вторично хором кричат петухи.

Вершков (беря письмо). Куры проснулись, а шупать их некому... (читает вслух) [*Секретариат Лиги Да пут*] не могу — написано по чужому!

Хоз. Дай [*я*] мне.

Вершков. Читай вслух, чтоб я слышал по <1 слово нрзб> ||

<Л. 125, об.>

17/3

Хоз. Приблизительно, Филька, приблизительно... (читает). «Из Москвы получено сообщение... на вокзале вы захотели жениться на известной [*уд*] колхознице красавице Суените, управляющей фермами в пустынях восточной Европы. Желание к вам пришло вследствие некоторого ограничения [*вашего*] ваших умственных способностей, но теперь вы поправляетесь благодаря [*же*] новой жене. Немедленно пришлите хотя бы первоначальные принципы по приближению к разрешению мировой политико-экономической загадки. Необходимо создать [*обнадеживающую*] **обнадеживающую** атмосферу в концентрированном кругу европейской трагедии».

Вершков. Я же им написал. Теперь мировой загадки нету.

Хоз. Ты написал ясно: **загадки нету**. Пора отсылать, утро наступило. Запечатай в конверт.

Вершков. Подпиши. А я дай за секретаря.

Подписывают. Запечатывают конверт.

Поют петухи.

Вершков. Курей шупать пора. Пятый день несутся без учета. Давай [*установку*] **наряд**.

Хоз. Пусть Ксения [*займетя*] лезет в **кур** (Пишет наряд).

Вершков. Пускай... [*Горевать у нас нечего*] А с ветром что делать? Ты, Иван Федорович, [*думай*] **руководи, ты думай!** Ветер с моря — он рыбу к берегу гонит, придется ловить. Пшеницу украли, хоть рыбой долг-то **перед государством выполним.**

Хоз. Штопай парус, [кто] ты поедешь.

Вершков. Пускай... Глянь-ка, сколько ||

<Л. 125>

18/3

у нас по плану на одну тоню полагается?

Хоз (глядит в [бумагах] делах). Две тонны на моторном боте, [одна тонна] полторы тонны на парусном с веслами.

Вершков. Перевыполню! Три тонны на парусном дам, я рыбью жизнь знаю, я ее на психоз возьму.

Хоз. Одобряю твое ударное намеренье. Давно пора заканчивать новый мир.

⁸⁷ Вершков. Построим, Иван Федорович! Есть мускулы у пролетарского класса... Ты вот крыс запомни: надобно их ликвидировать; и рогожку сбрось с колхоза, Суенита Ивановна привыкла под красным знаменем жить — не иначе; она зачухнет от такого позора. Она-же милая, кровная женщина!

Хоз. Хорошо, дядя Филя. Я постараюсь. Я всем мученьем болею сейчас за колхозное славное дело. Ступай [<нрзб>] рыбу вези, мы ее сразу на заготпункт отправим. Возьми людей в помощь [по усмо] по усмотренью.

Вершков. Иду экстренно! Давай письмо в [европ] Европу направлю. Люблю я заботиться по великим делам. (Берет конверт

Хоз. Говори [ме] меньше[!], производи больше. Не буду Ксюшу, перещупай курей сам. [Пр]⁸⁸

Вершков. Ты здесь командовать брось! Капитализма нету! [Говорить я буду] Я петь не могу — хриплый — и буду говорить! (Ушел). ||

<Л. 126>

19/3

⁸⁹ Хоз (один). [Социализм, это Суенита] Суенита! Ты легка, ты [счастлива уже] счастлива, ты вся, как [песенка легкой души под] звонкая песенка, поющая [сквозь скучный камень наш из тюрьмы каменной] сквозь скучный камень нашей судьбы!.. [Суенита, ты сама уже заперта за стенами, ты со мною в одной тюрьме, но ты еще не чувствуешь стен, ты видишь синий воздух свободы, твой голос проник в нее через без / немую глину]

Где ты сейчас, моя беззащитная Суенита, приезжай поскорее!.. Но кто же такой этот Филька? Неужели он тоже будет жить в бесклассовом обществе, [вдво] вместе с Суенитой?.. Надо отчетность в райземотдел кончать.

[(За) Занимается. Встает заря за окном.

Вершков (в окно). [Перещупал] Птицу перещупал. Сто две штуки с начинкой, остальные порожние. Записывай!

(Уходит)

Хоз (записывая). Носкость увеличивается. [Хорошо. Руководст] Мое руководство работает. Хорошо!

Входит Ксения.

Ксения. Я Проснулась уже. Давай наряд на задание.

Хоз. Ксюша! У тебя сердце болит — пусть оно отдохнет. Я тебе [наряда на нынче] не дам нынче наряда. ||

⁸⁷ Рядом с репликой на полях написано: стиль Вершкова соглас. всюду

⁸⁸ Реплика отчеркнута на полях и поставлен вопросительный знак.

⁸⁹ Над репликой вопросительный знак.

<Л. 126, об.>

20/3

Ксения. Это что еще такое за новости такие? Как так не дашь!.. [*Я горем своим не спекулирую*] А вдруг да ГПУ ребенка моего догонит, а я здесь значит лодырничала, [*Я колхоз заво*] я республику обжирала, да? Вот так симпатично будет!

Хоз. Ксения, принеси мне чего-нибудь химического, я ослабел.

Ксения. Ну сейчас! А молочка не хочешь? У меня в грудях скопилось, все равно [*выли*] выдавливать на землю буду. Женское молоко полезно.

Хоз. Ну Ступай подои сама себя, [*Принеси химиче*] принеси в бутыл[ке]очке. А химию тоже не забудь!

[*Ксе*] Ксения. Ладно уж, без порошков ты жить не можешь!

Хоз. Умру.

Ксения уходит.

Хоз. Я чувствую тепло человека в этой стране. [*Мужчины здесь думают умнее меня, а от женщин я прихожу*] Книжки писал, а так никогда не радовался. Отчет в райзо закончен, слава богу. Как-же мне подписаться [*по тов*] по ихнему? — Заместитель председательницы колхоза — Иван Хозов! Хорошо!

[*Пла*] За избой [*плачут*] заплакали грудные дети.

[*Голос Ксени*

Голос Суениты] ||

<Л. 127, об.>

21/3

[*Хоз*] Счастливым вскрикивающим голос Ксени.

[*Хоз*] Голос Суениты. Тихо входит.

[*Хоз в*] Пауза.

Входит Суенита — одна.

Суенита. Здравствуй, [*Хоз!*] дедушка Хоз!

Хоз. Суенита! [*Где твой ребенок?*] Ты вернулась к нам! Где твой ребенок?

Суенита. У нас в колхозе. Сейчас я его Ксюше понянчить отдала. И Ксюшин мальчик тоже цел — я обоих привезла, они живы... Сделай мне доклад о положении хозяйства!

Хоз. Обожди ты с этими бесчеловечными делами: [*Поговорим*] хозяйство, доклад, положение! Поговорим о человеческих! [*отноше*] Дай я тебя поцелую по старости лет!

Суенита. Поцелуй — я не засохну.

Хоз целует Суениту.

Хоз. Вечная моя! Как давно я искал тебя — сто лет.

Суенита. Я тогда [*на*] на свете не была — напрасно искал.

Тихо стало в колхозе

Хоз. Я рождения твоего ожидал.

Суенита. Поздно явился — я уже сама рожаю.

Хоз. У меня здесь носкость кур увеличивается. ||

<Л. 127>

22/3

Суенита. Мы проверим.

Хоз. А хлеб наш колхозный, насыщенный [*ты*] где? Ты отняла его у классового врага?

Суенита. Мы догнали кулацкий парусник на аэроплане. Потом его [*знал / по-знал*] повернул к Астрахани катер ГПУ, и взял на буксир.

Хоз. Ашурков где, я спрашиваю!

Суенита. Ашурков и вся его банда в [тю] астраханской тюрьме. [*Их в море сильно раскачало*] Когда морское ГПУ [*погна*] начало гнаться за ними, они спусти-ли в море половину нашего хлеба и избушку нашу бросили — она поплыла-поплыла... А ребята наши, мой и Ксюшин, в трюме лежали, их [*забыли<?>*] сам Ашурков нянчил <sic> [*1 слово нрзб*>] и плакал по ним, когда его арестовали...

Хоз. [*Тоже ведь*] Приличный человек!

Суенита. Да. Он меня любил когда-то в девушках, до ликвидации классов...

Хоз. [*Хлеб где, я спрашивал*] Суенита Ивановна, мне хлеб нужен. [*Я бало*] Я баланс внутривозрастных расходов составить не могу.

Суенита. Не составляй. Я весь хлеб, который у Ашуркова отняла, в **астраханское** заготзерно [*в Астрахани отдала как раз*] **свалила**. Сто процентов **аккуратно** получилось. [*На*] Бери квитанцию — мы **теперь** государство удовлетворили, [*без*] не зря прожили год. ||

<Л. 128, об.>

23/3

Хоз. А нам есть чего осталось?

Суенита [*смеясь*] Химию, старичок!

Приходит Ксения с бутылкой молока

Ксения. Ешь, дедушка! Сначала облатки проглоти! (Дает ему порошки в облатках).

Хоз. Давай, бедная! [*Это откуда*] Твое молочко-то?

Ксения. Мое. Из груди своей тебе нацедила.

Хоз. А ребенку хватит? Ст.<?>

Ксения. И старого и малого накормлю, и в резервный фонд останется...

Хоз. Надо пососать! (Глокает лепешки, запивает их молоком). Хорошо! [*Разумно*] Питательно!

Суенита. Ксения. Пошли ко мне Фильку Вершкова. Я его арестую.

Ксения. [*А Мит*] Сейчас. А Митрошка где?

Суенита. На подводе следом едет. Волы уморились, я вперед пришла. [*А дети где?*] Дети уснули?

Ксения. Уснули.

Хоз. Филька на тоню поплыл. Я задание дал.

[*Ксения*]

Суенита. Вернуть его с моря, классовую сволочь такую... Сбегай, дедушка! ||

24/3

Хоз. Сейчас, сейчас, дай пище перевариться...

Суенита. Беги, тебе говорят, живо!⁹⁰ А то я с тобой такое сделаю — сразу вырвет!

Хоз [*Придется / Придется сходить*]

[*Суенита*] II Филька мне мировую экономзагадку [*разрешил*] разрешил — пускай он рыбу [*добывает<?>*] **поймает**. I Суенита, классовый [*вра*] враг нам тоже необходим!⁹¹

Суенита. Мы проверим твою экономзагадку [./].

[С] Ксения. Спешу, тебе говорят!

Хоз. [*Придется сходить*] Придется сходить по такому пустяку. (Уходит)

⁹⁰ Знак перестановки слов указывает правильную последовательность: живо, тебе говорят.

⁹¹ Над предложениями написаны римские цифры, определяющие их последовательность.

Суенита. Ксюша, мы опять с тобой — две матери!

Ксения. Опять, [*Суечка*] Сунечка моя!

Входит старичок⁹²

Ст. Главная гражданка наша приехала! Здравствуй, девка!

Суенита. [*Здравствуй*] Старик, ты знаешь, что ты классовый враг — или это тебе **нипочем** неизвестно?

Ст. [*Знаю / Давно*] Знаю. Я уж давно говорил, что я — не тот.

Суенита. Ашурков сказал, как ты [*ему*] притворился и спал [*на околице около забора*] посреди колхоза, когда они мешки с зерном таскали! Одно **чучело безличное дежурило за тебя!**

Ст. Свободная вещь.

Ксения. А это что по твоему, [*старая*] тухлая мошонка? ||

<Л. 129>

25/3

Ст. Акт.

Суенита. Что такое? Повтори мне, жалкий!

Ст. Акт, говорю.

Суен. Будет общее собрание — уйдешь из колхоза навеки!

Пауза.

Ст. Пойду сумку [*шить*] шить... Ксюшка, дай иголку! Была своя, [*сломалась*] сломал один коннонарочный, попросил штаны заштопать — и сломал. [*Иголки теперь*] Какие теперь иголки? — [*утиль-отход один премир <?> план,*] одно **перевыполнение**, а не иголки!

Ксения (вынимает из юбки). Бери иголку! Ступай скорей, пока терпит тебя мое сердце.

Ст. Сердце что! Оно болит — и терпит!

(Уходит с иголкой)

[*Суенита*].

Кричащий Голос Митрофана в колхозе. Я вас **всех** по всем линиям проверю! Товарищ знает эту атмосферу, он видит ваше [*отвратительное лицо*] антинаучное лицо классового врага, достойное презрения! [*Расхохотались, здесь*] Товарищ понимает, [*кто хотел*] отчего дребезжит колхозная тележка! [*Еще нет такого*] Он видит в упор[!] бесстрашно! Еще нет такого человека, который обманул-бы или испугал товарища! Я все человечество здесь по **всем принципам** пересортирую! ||

<Л. 129 об.>

26/3

[Я] Науки! Всемирные академики! Вы здесь улыбаться приехали: идите бороться за качество — количество продукции против классового врага!

⁹³ Ксения (почтительно) Товарищ приехал!⁹⁴

Суенита (в окно). Митрошка!

Гол. Митрофана (более спокойно). [*Я хлеб*] В виду необходимости **контрольной** проверки [*возвращенного из*] доставленного мною хлеба, [*явила*] у меня явилась потребность пересмотреть сотенные весы системы Фербенкса, так как есть возмож-

⁹² На полях вопросительный знак.

⁹³ На полях написано: согл.?

⁹⁴ Реплика отчеркнута и двусторонней стрелкой указаны реплики Ксени, которые надо согласовать: Ксения (почтительно) Товарищ приехал! и Оголтел....

ность испортить их [*бесшу*] бесшумной рукою [*классового врага*] кулака. Я явлюсь впоследствии!

Суенита. Ксюша! [*Мы тоже с тобой классовые враги, раз не доглядели!*] Мне Митрошка не нравится!

Ксения. Оголтел от своего ударничества... Все они здесь на одну морду — так бы и треснула всех[!]: колхозные притворщики!

Приходит Хоз.

Хоз. Филипп [*Вер*] Вершков [*рыбу поймал*] сеть с рыбою вытащил. Свешает продукцию и явится... Суенита Ивановна, я письмо из Европы получил — там трагедия!

Суенита. [*Что / На что мне одна Европа твоя*] У тебя одна Европа на уме, а у нас целый мир на руках — ты же видишь!

Хоз. Я вижу. Вы запутались. Вам есть нечего будет! <нрзб>

[*Суенита*. Запутались! Нет, мы не запутались. Нет, дедушка! На войне запутаться нельзя] ||

<Л. 130>

27/3

Суенита. [*Да что, ты дедушка! / Не бойся, деду*] Ксения! Отчего жаворонки все поют и поют [*ли в такое в*] на степях — ведь уж лето проходит!

Ксения. II Осень погожая будет. I Не знаю чего...⁹⁵ К долгому [*сен*] лету — [*должно так*] Единоличные люди говорят [*люди*] единоличные

Суенита. Я знаю. [*Мы траву по стерне сея / посеем, у нас семена*] Мы траву сеять будем — что вырастет, то вырастет — скосим ее и в совхоз скотине свезем, нам хлеба в обмен дадут! [, *там в совхозе травы плохие нынешний год!*] Мы сыты будем и обуты, одеты[!]. Лето еще долго!⁹⁶

Хоз. Ты умница.

Суенита. Ну и пускай.

Хриплый старческ. гол. за дверью.

Вы здешние, иль — чужие? [Суен] Ксения. Здешние!

Голос. Я там рогожку у вас взял, а знамя обратно принес — вы свой план наполнили, бог с вами. [*Прощайте / Ксен / Суенит / Ксения. это*]

Я член комиссии межрайонного соревнования, товарищ [*Сметайлов-Пру*] Ту-гайлов. Прощайте пока, шлите показатели!

Суенита. Кто это [?] такое? ||

<Л. 130, об.>

28/3

Хоз. Он намедни был здесь. Красное Знамя [*брал*] взял, а [*рогожку <I слово нрзб> доставил*] в виде позора рогожку принес. [*Теперь / А теперь назад / Теперь*] А Теперь [*опять наоборот / опять*] наоборот справедливость организует.

[*Суенита*] Входит Ф. Вершков.

Вершков. Здравствуй, товарищ председатель! С победой тебя — над классовым врагом бантиком!

Суенита. [*Ты тоже / Не надо. Ты*] Не надо. Ты тоже бантик.

Вершков (улыбаясь). Ты нынче веселая. Ну чтож — в колхозе тоже нужен элемент [*забавности*] потехи.

Суенита (вынимает револьвер из-за юбки). Выше подставить <?> а твой где-

⁹⁵ Над предложениями написаны римские цифры, определяющие их последовательность.

⁹⁶ На полях вопросительный знак.

же?⁹⁷ Возьми свой револьвер — он теперь [*испорчен*] испорчен, [*патроны все*] в нем было четыре патрона [*расстреляны*] все пошли в наш колхоз. Его велел тебе ⁹⁸возвратить Ашурков. Сказал, чтоб ты не обижался, [*на его исп / он тебе <1 слово нрзб> плюхи здесь втыкал для / ког*] когда он бил тебя здесь — он бил тебя нарочно, чтоб нас обмануть...⁹⁹

Вершков (беря револьвер). Где-ж нарочно, когда тело никак не выздоравливает.

Суен. А для себя самого он бил тебя <1 слово нрзб> ||

<Л. 131>

29/3

как многоличного гада!

Серьезно, [*Он знает: ты гад!*] Велел тебе сказать, что [*в <1 слово нрзб> должно быть капитализме*] на Кавказе скучно — [*он*] не ехай, не успеешь!¹⁰⁰

Вершков. Аль до всего дознались, ехидны сухие?

Суенита. До всего[!], дядя Филя,— до гибели твоей дошли.

Ксеня. Помирай [*сам*] скорее, терпенья нету думать о тебе!

[Суенита. Почему ты советывал Ашуркову — *ро / разгроми / обворовать колхоз без / когда меня не будет?*]

Вершков.]

Вершков. Я здесь премированный ударник, [*а не бантик*] не увлекайтесь, граждане, своей забавой! Я только сейчас перевыполнил задание: [*по*] мне сказано

¹⁰¹ [*за*] — слови, дескать, рыбы [*полтонны*] сорок кило, а я [*дал три четверти,* —] дал

[*полтора*ста <?> / *пятьдесят*] полсотни,— проверьте у весовщика!

Ксеня. И верно: он премированный! Что-ж это делается такое!

Суенита. А кто [*советывал <sic> Ашуркову <нрзб>*] виделся с Ашурковым у Дальнего бродячего¹⁰² колодца? Кто [*дал совет*] сказал ему — вдарить в колхоз, махнуть хлеб и жить потом вольно в кавказских краях, как члены профсоюза?

Вершков. Что-ж такое, что говорил! Молча — скучно сидеть, говоришь слова в виде опыта. Слова не считаются, это — звуки! а не ? ||

<Л. 131, об.>

30/3

Хоз. Господин Вершков, разрешите спросить: вы за колхоз, то есть за социализм — или напротив?

Вершков. [*Господин Хозов / Я за то и другое / за второе. Что социализм, что нет,— это*] Я за [*то*] него и [*за второе*] напротив. [*Нам*] Я считаю одинаково: что [*социализм / колхоз*] социализм, что — нет. Это-же все несерьезно, Иван Федорович, одна расписовка людей.

Хоз (Задумчиво). Несерьезно, [*Фи*] дядя Филя. Расписовка!

⁹⁷ Предложение вписано на полях. В машинописи упоминание револьвера появляется во 2 акте. В автографе это первое упоминание револьвера. Т. е. Платонов делает для себя пометку (по-видимому, перечитав фрагмент) о том, что надо ранее указать на существование револьвера у Вершкова.

⁹⁸ На полях написано: согл. все.

⁹⁹ На полях вопросительный знак.

¹⁰⁰ Реплика отчеркнута и поставлен вопросительный знак.

¹⁰¹ На полях написано: согл.?

¹⁰² Место между предлогом у и словом колодца пропущено. Затем на этом месте вставлено: Дальнего бродячего.

[Вершков]

Суенита. [Ксюша] Перебrehать нас [м] всякому дураку можно, а победить и умник даже не сумеет. [Ксения, назначай вечером общее собрание]

[Вершков.]

Ксюша, покличь Митрошку!

Ксения (в окно). Митрошка! Иди сюда скорее, скверный такой!

Гол. Митроф. Успеешь! [Дай мне тару проверить и] Я здесь тару чиню и **районные** мероприятия прорабатываю.

Хоз. Господин Вершков, где письмо ||

<Л. 132, об.>

31/3

в Европу?

Вершков (отдавая письмо). От[правь]дай сам кольцевому — ты видишь: я здесь ударником был, мировую загадку экономики решил — и погибаю.

Суенита. Какую он загадку решил?

Хоз. Мировую! Он [сообщил] написал рукою: да здоровствует товарищ Сталин! — [Я считаю верно как председатель комиссии, я считаю верно мир загадки больше] никакой мировой загадки больше [не осталось] нет.

Вершков. Нету. Я сразу догадался.

[Суенита] Ксения. Ишь, демон какой!

Пауза.

Суенита. [Я сама только шепчу это имя] Мы здесь бедные, у нас **нет** никого, кроме Сталина. Мы шепчем его имя, а ты его срамишь. Вы богатые, у вас много [вождей] **ученых вождей было**<?>, у нас — один. Ты что, Вершков?!

Вершков. А ты что?

Суенита. Я здесь колхозница, я социализм.

Вершков. [Я тоже социализм. А я-то — кто же? То же самое!] А я то кто-же?

Я тоже социализм. ||

<Л. 132>

32/3

Суенита. Социализм, [у нас один] как и Сталин, у нас один. Два [не нужно на одной] **не нужно**. (Мгновенно всаживает в грудь Вершкова [кинж] кинжал.)

Вершков садится на лавку в изнеможении смерти.

Хоз (Вершкову). Дядя Филя! Что [на] делается на том свете — ты чувствуешь?

Вершков (свалившись). [Предлагают / Предлагают записываться к богу в рай. Не буду! (Краткая пауза).] Пустяки и мероприятия — [тоже самое] **Покойники иде¹⁰³ в кучи собирают** Умирают [э]Зря¹⁰⁴, тут [а здесь Иван Федорович] **Ив. Фед.**, тут тоже несерьезно. ? ?

Хоз. Хорошо видит смерть этот человек.

Вершков. Я не умер, я переключился.

Пауза.

Суенита. Кончился он?

Ксения (пробуя Верш). Кончился, холоде[ет]ть **начинает**.

Суенита. А кинжал **почему-то** еще теплый!

Входит Митрошка.

¹⁰³ На полях написано: самые Сар.

¹⁰⁴ Знак перестановки слов указывает правильную последовательность: Зря умирают.

Митрошка (не вникая в обстановку). [*Теперь*] Каждый теперь должен жить как сознательно, так и ответственно!

Кон. 3 акта. ||

<Л. 189>

1/4

4-й акт.

Берег Каспийского моря. Полуденный горизонт. [*Блестящ*] Сияющий свет. Штиль. Маленький сарай, стены которого построены из плетней, а крыша соломенная. Плетневые стены и соломенное покрытие обвиты колючей проволокой [*, это*]: местная тюрьма. Около [*нее*] этой тюрьмы стоит Митрофан с [*<нрзб>*] самодельным ружьем, сторожит заключенную Суениту¹⁰⁵.

Суенита [*(ее поющий голос: она невидима) (она поет)*] (II она негромко поет, I невидимая)¹⁰⁶. —

[*Бульга не ве<нрзб> лента*

Бульга бульга

Саливана саливана

Свен] Нулимбатуйя, нулимбатуйя,

Аляйля [*милая*] бедная моя

Увенкувейра [*фир*] фиулу [*<2 слова нрзб> в*] майла

Аляйля [*алма*] халма сарвайджа!

[*Трава <1 слово нрзб>*]

¹⁰⁷ Еще тише:

Трава [*родная / род*] на свете теплее стала

И дождь над родиной идет.

Далек от сердца [*великий / товарищ<?>*] товарищ Сталин

[*Мертвого любит<?>*]

Я ведь Аляйля

Меня он ждет]

Его Аляйля

В колхозе ждет.

Пауза.

Суенита. Митрошка, ты [*<1 слово нрзб>*] тут?

Митрофан. Я [*всег*] всегда там, где мне необходимо быть по соответствующему распоряжению или по [*м / личному ус / усмотрению государств*] личной точке зрения на [*государственную*] государственную [*пользу! доходность*] ?¹⁰⁸

Суенита. [*Сколько времени я буду сидеть в такой темноте*] Я вижу отсюда в скважину — [*уже в*] как у вас в колхозе солнце светит!.. Сколько времени я еще буду сидеть в темноте?

Антон? Митрофан. Эн-количество.

Суенита. А сколько это — эн?

¹⁰⁵ Реплика на полях отчеркнута и поставлен вопросительный знак.

¹⁰⁶ Над предложением написаны римские цифры, определяющие последовательность частей. Должно быть: (невидимая она негромко поет)

¹⁰⁷ Последующий фрагмент вписан на полях справа от предыдущего. Зачеркнутые слова прочитаны предположительно.

¹⁰⁸ Рядом со словом государственную поставлен вопросительный знак, т. к. вариант не выбран.

заключенные] психические девки, заключенные под стражу за превышение полномочий власти на местах!

Суенита. Там вон идет кто-то! [*Он / Позови его*] Антошка, позови его!

Антон (вглядываясь). Это идет старичок из района, заведующий учетом всех форм соревнования и ударничества. Он-же [*разносит*] пешком разносит [*директ*] и вручает директивы по важнейшим мероприятиям райцентра. ||

<Л. 188, об.>

4/4

Суенита (*протяжно*). А лицо у него какое чуждое!!

Антон. Лицо есть [*маска*] маскировка идейной вооруженности — на обе стороны фронта борьбы!

Голос старика из района. Караульщик! [*Отп / Пусть*] Слушай меня отсюда — у меня ноги ходить утомились, я вздохнуть сяду.

Антон. Я слушаю, товарищ из района! Говори твою потребность.

Гол. ст. из района. Ты слушай меня! Пускай Суенита Ивановна опять гуляет — ей райпрокурор велел. Впредь до особого распоряжения [*не*] — ты и прочий никто не трожь ее. Все права состояния отдай ей обратно!

Антон. Впредь до особого? А на сколько времени слово впредь полагается?

Гол. ст. из района. Раз впредь, значит навеки. До самого гроба так и будет гулять — аль у прокурора делов боле нету? Суенита Ивановна [*субъект на*] девка добрая — зря не убивает.

Антон. Скажи товарищу Хозову — [*пускай*] пусть он мне даст установку, как председатель. [*Я тебя*] Ты для меня мало вероятен.

Гол. ст. из района. [*Пойду*] Пойду [*Сейчас по*] Сейчас кликну / Кликну сейчас...¹⁰⁹ Ходьба доняла [*когда только*], — хоть бы мне до транспорта [*механического*] схематического мне дожить!

Антон. Транспорт твоей должности полагаться не будет.

Гол. ст. из р. А я тогда карьеру сделаю — выше стану. [*Надо трогаться...*] Я ведь усердный... **Надо трогаться. Эх ты, служба районная. А <1 слово нрзб> — в такой период времени! (Кряхтит и под) ||**

<Л. 187, об.>

5/4

Пауза. Хоз идет о тюрьме ее сдел

Суенита. [*Сволочь старичок*] Старый, старый сволочь-старичок!

Антон. [*Ничего не значит: старость не отступит.*

Раз в нем ужас организовался — он действует реши<?> правильно / А чего / чего ему? Пусть старый. В истории много величайших стариков] Старость, в случае доходности от нее государства, [*от нес*] на эн-отрезок времени допустима.

[*Суенита На сцену / Входит*] Приходит, с удивлением оглядываясь, демобилизованный красноармеец в красноармейской шинели, с [*сумкой*] пищевой сумкой — муж Суениты, Георгий [*Раг / Рагмалов<?>*] Гармалов.

Суенита. [*Георгий*] Георгий!.. [*Ты вернулся, ты ко мне пришел*] Я здесь сижу[.]. Я заперта [.] Ты [*верну домой*] в колхоз наш вернулся, ты ко мне пришел?

Гармалов. Суня! Ты зачем тут? Кто тебя мучает?

Суенита. Прислонись ртом к плетню — я тебя языком поцелую.

Гармалов. [*А*] А мальчик наш живой или помер?

Суенита. [*Живой*] Он живой, он [*весь живой, на / такой же как я*] — на меня

¹⁰⁹ На полях вопросительный знак.

с тобой похож... Наклонись ко мне, я вижу тебя¹¹⁰, меня проволока [*колет*] колет в лицо... (Царапается.....) **Скорее!** Мне холодно делается [*тут!*] здесь.

Антон (вставая). Отойдите, гражданин, дальше от [*всего*] секретного сооружения. ||

<Л. 187>

6/4

Гармалов. Ты Антон.....?

Антон. Я сам знаю кто я! Кто бы я ни был — я человек определенный! [*одному мне*] **Правительству известно, кто я такой!**

Гармалов. [*Отпус*] **Выпусти** мне жену.

Антон. Много вас здесь шедевров является — отойдите несколько прочь!

Гармалов. Не бойся. Я красноармеец, [*вреда тебе*] я вреда тебе не сделаю. Я по семейству соскучился.

Суенита. Егорка! Ты красноармеец, а я председатель колхоза — [*приказываю тебе:*] отними ружье у Антошки, я приказываю тебе!

Гармалов. Здесь председатель [*хозяи*] советская хозяйка. Не смей обижать! (бросаясь на Антона)

Антон (стреляет). Я живу серьезно[!], от меня каждому **жутко!**

Суенита. Не попал!

Антон. Попаду. Попаду, [*Это* —] **не радуйся: это одно предупреждение!** (Становится в позу стрелка.) **Взводный** Командир запаса Красной Армии **никогда** не промахнется!

Гармалов (схватывает Антона, ломает ружье его пополам и швыряет прочь).

Антон. Нападение на пост: [*десять лет для по*] благодаря мирному времени тебе дадут десять лет! **Факт сложный!**¹¹¹

[*Приходит Хоз.*

Хоз. Антошка! Твой пост ликвидируется / Я / Я тебя сменяю на посту. Ступай) ||

<Л. 186>

7/4

Приходит Хоз.

Хоз. Антошка! Я тебя сменяю на посту.

Антон. [*Слушаю*] **Пора тебе не опаздывать.** Лицо из района приказало Суениту Ивановну...

Хоз. Знаю, знаю, я уже все¹¹² знаю...

Антон (указывает на Гармалова). А этого надлежит немедленно посадить в тюремную избушку сроком на 10 лет!

Хоз. Кто это такое — чей воин?

Антон. Супруг Суениты Ивановны, демобилизованный красноармеец, [*нап*] совершил нападение [*на пост*] на пост, испорти[в]л **общественное** оружие. Необходимы немедленные...

Хоз. Остановись, классик масс! Запишем это событие в [*итогах классовой бор*] конце календарного года в итогах классовой борьбы. [*Проверь*] Ступай проверять весоизмерители, находящиеся в обращении, составь метеорологическую сводку, организуй сбор травы по [*сен уго*] угольям ||

¹¹⁰ Знак перестановки слов указывает правильную последовательность: Я тебя вижу.

¹¹¹ Релика на полях отчеркнута и поставлен вопросительный знак.

¹¹² Знаком перестановки указан правильный порядок: я все уже знаю...

<Л. 185>

8/4

вслед за вторичным сенокошением, займись землеустройением по плану второй пятилетки, просмотри кухонный очаг в столовой, начерти свое изобретение в масштабе...

Антон. Какое изобретение? У меня их [*Иван Федорович, много*] **максимальное количество!**

Хоз. [*Все*] Самое важнейшее — [*эту надлежащую колхозную тюрьму*] Эту избушку, заключающую в себе человека.

Антон. [*Здесь нужно*] **По [сей] сей колючей проволоке** — Необходимо пустить электрический ток: тогда мы сокращаем штат [*охрана*] вооруженной стражи и выигрываем экономию фонда трудодней в натуре и накладные госсредства, [*а*] **госпреступника охраняет гигантская энергия сил!**¹¹³

Хоз. Втыкай, Антошка!

Суенита. Пускай он колодезь [*вычи*] вычистит на дальнем гурте, [*там двадцать овец не пив*] ||

<Л. 184>

9/4

там двадцать овец / овечью отару из совхоза пасут / совхозная овечья отара не пив / пивши пасется. Мы ее / на / сено продавать будем, а овец в совхозе

Мы сено продадим, овец купим [*а*] пасти надо, а поить негде...

Антон. Я имею в виду все без указаний! **Тебя муж соратник ожидает на половую тему а** Колодезь будет [*приготовлен*] прочищен [*для питья*] немедленно для степного питья!

Суенита. Втыкай скорей, Антошка!

Антон. Антошка знает сам где [*воткнуть, где втыкает*] воткнуть [, *где*] и вынуть **в унисон труда** [*Вых / Тебя муж-соратник ожидает на половую тему.*] ||

<Л. 183>

10/4

Хоз. Спешите организовать!

Антон. Пора [*сте*] стремиться! (Мечется, исчезает прочь).

Гармалов. Старичок, выпусти мне бабу.

Хоз. Успеешь еще, береги свое терпенье для блаженства.

Суенита (*царапаясь внутри избушки*)...? Мне холодно тут. Я сжимаю сама себя руками, чтобы согреться. Мне темно в тюрьме, я [*вижу*] **чувствую** одни свои глаза. Во мне остывает что-то [*внутри / такое*] горячее [*вн*] внутри.

Хоз. У тебя руки теплые руки, ты согреешь остывающее.

Суенита. [*Я*] Дедушка Хоз, я не знаю... Может в руках у меня один холод останется. Я сжимаю, [*а оно все стынет*] ||

<Л. 182>

11/4

а тепло мое стынет и его делается мало, как зною!¹¹⁴.

Гармалов [*!*]. Суня! Ты дыши сама на себя, ты согреешься.

[Суенита. *Я и так дышу, / Сердце скучнеет, / но дышать неохота, и сердце скучнеет уже*

Хоз.]

Суенита. [*Я согреваюсь уже. Идите*] Я и так дышу, я согреваюсь уже. Идите

¹¹³ Реплика на полях отчеркнута и поставлен вопросительный знак.

¹¹⁴ Реплика отчеркнута и поставлен вопросительный знак.

трудиться на колодцы, огородите ночные загоны,— [дум<?> колхоза жалко в] колхоза жалко.

Хоз (открывает тюремный запор). Выходи, [Суенита / Суня, районная власть тебя] Суенита Ивановна, [назад] обратно в свое счастье. Любит тебя советская власть.

Суенита (выходя!), зажмуривается, трет руками свое тело). А где красноармеец Егор, он мой муж! ||

<Л. 181>

12/4

Гармалов. Я здесь, Суенита Ивановна.

Суенита. Весь срок отслужил?

Гармалов. Так точно, Суня. Прибыл на постоянное местожительство[.] — в бессрочный отпуск, на помощь [строительству] колхозному строю.

Суенита обнимает Гармалова. Тот, в ответ, [при] осторожно прижимает ее к себе и держит в скромных объятиях.

Суенита. Ты не будешь классовым врагом?

Гармалов (отстраняясь). [Я красноармеец. Нет, никогда, не могу не / Не смею оскорблять] Я красноармеец. Не смею оскорблять!

Суенита (привлекаясь к нему). Я любить тебя буду, женою стану опять.

Гармалов. Спасибо, Суенита Ивановна. Я буду стараться быть полным ударником!

Суенита. Ну гляди — старайся! Ступай ребенка сперва проведай, а потом иди [и] помогай Антошке. Мы заводим овец ||

<Л. 180>

13/4

в степи, мы колодцы роем, нам надо — большое богатство иметь, а то — [классовые враги!] в сердце стоит [какое-то] томление от классовых врагов!¹¹⁵

Хоз. Суенита. Супруг твой должен нормально отдохнуть — он защищал твою родину.

Суенита. 1) Молчи лучше 3) Он не утомился. [Наступит социализм — тогда] 2) Нам труд [такой-же] счастливей, [как] чем отдых. [Он отдохнет от радости наших побед]¹¹⁶.

Хоз. Антошка один управиться <sic> организовать жизнь.

Суенита. Нет, ты [<1 слово нрзб>] врешь. У тебя бдительности нет, у тебя корки на глазах... [Анто]

Хоз. Как заместитель председателя — я категорически отвергаю эту твою клевету на лучшего ударника Антошку. Он делает все [сверх срока / что попало] с перевыполнением и [сверх] раньше времени по всем линиям: от починки безмена до авиационных сводок. Нету корки у меня! — вот ведь что!¹¹⁷

Суенита. Антошка — наполовину классовый враг!

Хоз. Ты [пот] разумней выражайся,

Ант.— центральная фигура. ||

<Л. 179>

14/4

а то я тебя назад в тюрьму посажу.

Суенита. Я говорю — наполовину [!], неполностью!! [На другую половину он

¹¹⁵ Фраза отчеркнута на полях и написан: Наивно <?>.

¹¹⁶ Над предложением написаны цифры, определяющие их последовательность.

¹¹⁷ Реплика перечеркнута двумя линиями, и над ней поставлен вопросительный знак.

трудящийся, а значит — он) А кто классовый враг наполовину, тот [*и целый*] и целиком тоже самое!

Хоз. Я изучал высшую математику, я не помню когда половина равняется целому. Ты очки мне втираешь!

Суенита. Дедушка Хоз, я глаза тебе [*протираю!*] **промываю!** Антошка делает все¹¹⁸ непрочно: вырыл колодезь — он сухой стоит, сто гирь из глины обжег — они¹¹⁹ рассыпались, тюрьму эту сделал — преступник убежать может, две овцы с **племенным бараном** случил — [*ни одна не почала еще*] они [*ублюдков родили*] ублюдками окотились, даже страшно было. Антошка делает все как в книге — [*ложно, а*] ложно и легко, а нам ||

<Л. 178>

15/4

нужно прочно и навеки... **Твой Антошка — несерьезный пустяк!**

Хоз. (**Коротко и покорно**). Я молчу.

Суенита (Гармалову). Поцелуемся теперь!

Гармалов, вытерев рот, нежно [*и*] целует Суениту, оберегающе обнимая ее.

Суенита. Я люблю тебя: нам нужны мужья и верные колхозники.

[Хоз..... Гармалов] Гармалов (**четко**). [*Я тоже тебя уважаю.*] **Буду стараться жить строго — мужем твоим и колхозником / в мужьях твоих и колхозниках!**¹²⁰.

Хоз. Мужчины в мире [*становятся*] исчезают, но женщины остаются вечными. Гармалов. До свиданья, Суня.

Суенита. Приходи вечером ко мне — [*трудо*] я тебе трудодень запишу, по фактической выработке! ||¹²¹

<Л. 177>

16/4

Гармалов уходит.

[Хоз. Суня! *Уплывем с тобою / Поедем с тобою за море, ты вечное, ты поющее веселое существо жизни. Ты окажешь влияние на экономический процесс — он не серьезен / несерьезен / не важен рядом с тобой!*

Суенита. *Зачем туда ехать? Там сволочь живет, а не ангел.*

Хоз. *Но я буду там богом для тебя. / Я стану богом для тебя.*

Суенита.

Суенита.]

Хоз. Суенита!

Суенита. Дедушка Хоз[.].

Хоз. Поцелуемся!

Суенита. [*В щеку только*] Не в губы только.

Хоз. Куда хочешь — лишь бы тело было твоё.

Суенита. Тебе тело только — мировоззренья ты не любишь! ||

<Л. 176>

17/4

Хоз. Тело, только тело [, *химически*]

Быстро целует Суениту в [щеку] висок.

Хоз. [*Все-таки тело, как-то твоё?> это — намек на серьезность. Это*] Люблю эту сущность!.. Девочка, нет ли чего у тебя химического!

¹¹⁸ На полях написано: Согл. выше

¹¹⁹ На полях написано: выше согласовать

¹²⁰ Вариант не выбран.

¹²¹ На полях рядом с репликой поставлен вопросительный знак.

Суенита. Нету, дедушка, ты уж и так всю аптеку нашу съел. Возьми поди у¹²² [*Антошки порошок от клопов, голландской зелени*] Ксени жавель, я е[му]й давно велела купить.

Хоз. Пойду [*же попробую / испытаю*] пожую[,] жавель этот! [*Привык к / только и живу от*]

Суенита. [*Он яд, помрешь ведь*] Жавель отрава, ты умрешь.

[Хоз. *Нет, девочка. Если-б я отраву не ел, я бы умер от своего сознания. Разве / разве / я ведь живу только искусственно, благодаря*]

Выше, где тюрьма

Суен.: ребенка мне кормить несите. ||

<Л. 175>

18/4

Хоз. Нет, девочка. Я не умру, я живу искусственно, благодаря [*отраве*] отраве и сознанию.

(Уходит).

Суенита (одна). [*Как мило / хорошо и мило мне все здесь! — не муж, не ребенок / Как*] Отчего так мило мне все здесь! — не муж, не ребенок [...], ни я... **Нет, не это**, — дороже нашего колхоза, дороже [*общей*] нашей пахоты — вон там свет в мире, [*миллионы / миллиарды людей, машины, колхозы*] шум какой-то другие колхозы, [*шум*] мои незнакомые товарищи, весь Советский Союз[...] **большевиков...** Отчего я думаю [*<нрзб>*] теперь о том, [*что*] что — далеко, [*и волнуясь*] что — скучно... Что там делается [*всюду*] сейчас везде? (Всматривается в пространство). [*Империализм, кризис, фашисты*] Там империализм, там жутко, я одна здесь на берегу, позади меня все... Но я ослабела, на мне ребра, стали видны, меня муж любить не будет. ||

<Л. 174>

19/4

Скорее надо зимние овчарни делать, топлива нету, надо бурьян косить и заготавливать впрок... (Слышен далекий [*шум*] гармонический гул. Суенита следит за небом). Аэроплан летит [*над пустыней!*] над пустыней! [*Я им хлеб*] Он тоже наш — в нем есть капля нашей колхозной крови. Пусть летит [*выше*] выше!

Приходит Ксения.

Ксения. Суня. Еды в колхозе нету, мужики томится <sic> начали. Антошка блюет — бешеной травы наелся.

Суенита. Надо хлеб было беречь от кулаков. Пусть терпят теперь — это им наука и техника.

Ксения. [*Меня тошнит / Детей*] Во мне молоко пропадает — детей наших с тобой нечем кормить.

Суенита. Сукровицу выдавливай из себя, как я своего [*кормлю*] кормлю. ||

<Л. 173>

20/4

Ксения. Суня, народ ведь подымется.

Суенита. Подкулачники не народ — они лягут, а не подымутся.

Ксения. Суня, неужели душе с телом расставаться от жизни такой!

Суенита. Ксюшка! Ты меня на бога берешь! Ступай к чорту! Давала сосать моему мальчику?

Ксения. Давала. Твой мужик ему жеваный хлеб в рот сует — он с собой куски принес.

Суенита. Пусть сует... Слушай, возьми моего мужика и езжай с ним в [со]

¹²² На полях написано: Согл. выше

мясосовхоз. Сговаривайся там по хозяйски, сколько они за сорок тонн сена овец дадут — у них окот был большой.

Ксения. Резать будем?

Суенита. На племя!.. Ты душой кулацкой стала!

Ксения. А кто без меня ребенка накормит? ||

<Л. 172>

21/4

Вершков не рыбу ловит другое: Антошка обдум лов б/сетей <?>¹²³

Голод развить всюду.

Суенита. [Здесь я] Я накормлю, езжай скорее.

Ксения. У тебя молоко засохло.

Суенита. [Кости свои глотать / Без] Не твоя забота, кости свои дам глотать.

Ксения (нежно). Суня, а ты сама давно не ела?

Суенита. В Астрахани уху хлебала, шестой день проходит.

Ксения. А как же ты?..

Суенита. Ступай отсюда, как я велела! [Что ты] Ты [не запугивай] меня не [за]пугай и не ласкайся: ишь, [<нрзб>] кулацкая неженка, то в [кулаки] драку лезет, то в [ее] слезы.

Ксения. Не бурчи ты на меня, сучья старушка стала какая. Несимпатично глядеть на тебя: аж противно! (Отправляется).

Пауза.

Суенита (кричит). Дедушка Хоз! ||

<Л. 171>

22/4

Голос Хоза. Иду, девочка! Не шевелись там без меня.

Суенита. [жмет св] (оголила одну свою тощую грудь и жмет). [Какой-то / теплый] Один только мутный сок [показывается] выходит, значит сердце еще [горячее] теплое во мне.

Является Хоз.

Хоз. [Чего] Скучно тебе, [без меня?] когда меня нет?

Суенита. Да вот, скучно...

Хоз. [А полюбить не можешь / А я люблю тебя. Без меня ведь в мире б вся история / А без меня в мире. / Мне без тебя / Филька Верш умер] Привыкай скучать. Скоро меня не будет, [с тобою], тогда еще скучнее станет на [свете] этом темном свете... Был Филька ||

<Л. 170>

23/4

Вершков — нету его: скончался. Был.....(старичок) — ушел в пространство. [Скоро и я за] Давно я уже здесь с тобою, но скоро и я закончусь. [Последний человек] Последний человек в мире. Ты будешь жить с¹²⁴

Давно я уже здесь с тобою, но скоро и я [закончусь] как-нибудь закончусь [Тогда ты будешь жить с новым человеком] Мне пора уходить — в мире будет жить [теперь] теперь новый человек: [Антошка, быстроедействующий,] ударный Антошка! [Я последний человек]

Суенита. Кому жить, кому нет — это [большевики дедушка] мы скажем, а не ты... Дедушка, знаешь что, я тебя уже постепенно люблю¹²⁵.

¹²³ Запись прочитана предположительно.

¹²⁴ Реплика перечеркнута вопросительным знаком.

¹²⁵ Реплика отчеркнута на полях и поставлен вопросительный знак.

Хоз. Люби понемножку. [То] Но дедушка тебя любить [*теперь*] не будет.

Суенита. А сам приставал зачем? / любил за что?¹²⁶

Хоз. За мнимость твою. [*Снаружи*] ||

<Л. 169>

24/4

Суп невкусный — [э] в нем веревки варили.

[*ты годна*] Ты [обольще] пустое обольщение для моей грусти. [*но я же знаю — знаю же я! — что внутри-то ты*]

Суенита. [Дедушка Я никогда не задавалась сама собой] Это правда. Я никогда не зазнавалась — я пустое обольщенье. [для]

Хоз. [Т / Мн / Мне известно с точностью всемирное вещество: оно дешевое, из него ничего] Мне известно с точностью всемирное [вещество] устройство. Оно состоит сплошь из стечения психующих пустяков. [*Но ничего, что ее / Снаружи*] И в тебе нет ничего лучшего! [*Эти пустяки можно сложить очаровательным образом, сразу<?> она по / получается*] Эти пустяки могут трогать мое сердце: они тоже беззащитны, они тоже томятся, [*они такие-же*] как ты! Снаружи в жизненной своей игре ты хороша, ты музыкальна, Суенита, но что внутри тебя? — Ничего [<несколько слов нрзб>] в тебе [нету] нету — [один темный ветер скучного вещества,] одно тело [вещество], болющее от стесненного в нем вещества / св. стеснения. ||

<Л. 168>

25/4

[Из / От своей безысходности мир стал даже / пошел на крайнюю глупость — он стал бесконечен / Я знаю — ничего серьезного ты содержать в своей глубине не можешь]

Суенита. [болезненно (садится) (ложится на землю) [Я томлюсь Из] пустяков, дедушка / Во мне пустяки, дедушка, я их чувствую.

Хоз. Ты лишь бедное тело, болющее от стесненного [своего] в нем темного вещества... [Вер]

¹²⁷Суенита. Во мне мало осталось вещества. Я десятый день не ела.

Хоз. [Пища / Я сто лет ем без] Это — пустяки. Я сто лет ем, [я съел / я] и все равно несчастный. Тысячи тонн природы [прошли и вы] вошли в меня и вышли вон, без толка не подсказав никакой истины. Не.....¹²⁸

Суенита. А ты обними меня. Забудься, умри, старичок!

Хоз (растерянно). Ты права, девочка. ||

<Л. 167>

26/4

(Ложится к ней — к подножию тюрьмы.) Согреемся вдвоем, [в теплоте] пока [мы не остыли] ты еще теплая...

Суенита (лаская его). Дедушка Хоз, ты великий ученый всего [мира] мира, накорми колхоз.

Хоз. Как же, девочка?..

Суенита. Ты выдумай, ты [химически] как-нибудь химически! [Нам смерть] К нам смерть [придет] идет — попробуй мои кости.

Хоз пробует кости Суениты.

Хоз. Ты худая... Вот я слышу твое близкое сердце.

Суенита. [Худая. Скоро сердце нару] Скоро оно наружу пробьется. Я спать хочу.

¹²⁶ Вариант не выбран.

¹²⁷ Вписано на полях: Согл.?

¹²⁸ Фраза не закончена и на полях поставлен вопросительный знак.

Хоз. Не спи, [*тепло*] вечная моя. Говори со мной — мне скучно.

Суенита. Выдумывай нам пищу поскорей. Ты знаешь вещество всего мира, [*ты*] оно ведь пустяки, [*дай*] ты сам говорил. Дай-же нам теперь этих пустяков: мы их съедем.

Пауза.

[*Хоз.* Мне еды не нужно — я третью неделю] ||

<Л. 166>

27/4

[*Хоз.* Ешьте химию?

Суенита. Аптечку-то? Ты давно ее съел — три недели]

Хоз. Я аптеку съел. Три недели ел — теперь нечего.

Суенита. Будешь голодный... Думай скорее — тебе все известно.

Хоз. [*Сейчас*] Я уже думаю. Поцелуй меня.

Суенита. Успеешь. Сначала хлеб выдумай.

Хоз. Сейчас.

Пауза.

Хоз ворочается по земле в томлении тщетной мысли.

Суенита. [*Выдумал*] Ну как — тебе думается?

Хоз. Думается.

Суенита. Выдумал?

Хоз. Нет еще. Не приставай с пустяками. Я спать хочу.

В глубине колхоза заплакали грудные дети.

Суенита. Ну спи. Я [*пойду*] детей пойду кормить. ||

<Л. 165>

28/4

Хоз. [*Ты иссохла вся*] Чем ты [*кормить*] кормить их будешь? [*<1 слово нрзб>*] Ты иссохла вся.

Суенита. Чего-нибудь выдавлю из себя. [*Во мне много / есть пища (Уходит)*] (Уходит). Раньше я ела и [*ск*] накопила себе тело, — Во мне [*есть*] осталась сукровица в груди.

Хоз (один). Как выдумать мне хлеб колхозу?.. Никто же ничего не думает на свете, и мысли нет никакой, — есть лишь [*одно раздражение остервенелой силы*] жульничество и комбинации случайностей... Что — мысль! Бормочущий психоз... [*шум далекого автомобиля*] Боже мой! Дети мои,

[*Шум*]

бедная Суня! Она думает, что [*есть мысль, есть<?> / человек думает и изобретает / Жалкое младенчество, грудной идиотизм на берегах*] мысль есть на самом деле! Жалкое младенчество!.. [*Вы еще заплачете — все*¹²⁹

Голос Интергом за сценой:

Входит Интергом с большим и <1 слово нрзб> чемоданом

Интергом. Ах, это ты Иоганн? Ты здесь[?], ты жив-здоров и слава богу?! ||

<Л. 164>

29/4

Хоз. Интергом! Верное, [*смысленное<?>*] безумное дитя мое!

Интергом (прижимаясь к Хозу, говорит быстро). Я десять дней ездила на авто по степи одна. Шофер умер. Я искала тебя по республике, авто [*лежит*] стоит в [*катастрофе моло района*] районе, где вся власть, я двадцать километров шла пешком, мне [*сказали*] сказали — господин Хоз в избушках живет, и хорошо! Я с то-

¹²⁹ Реплика на полях отчеркнута и поставлен вопросительный знак.

бою буду опять **[совместно]** без разлуки! Господин Уборняк мне дал командировку во весь Советский Союз — искать древние силы против революции, а сил нет, **[он жу ле / как мужч / мужчина]** Я искала, не нашла. Он триумфальный мужчина! Я **[была]** жила прелестно и физиологически, но он **[<1 слово нрзб> не]** марксист и **[он сл]** у него взяли... как она зовется?.. лошадь, на которой делают карьеру!.. **Милый [Хоз] мой Иоганн, как ты похудел, вечный мой [сто] дедушка-муж!** (Целует Хоза)

Хоз. **[Подожди-же ты, сволочь!]** Подожди, ничтожная! **[Я люблю]** Ты знаешь — я люблю ласкаться радикально.

Интергом. Я тоже теперь халтурить не люблю. ||

<Л. 163>

30/4

Хоз. Халтурить[?!] Кто ты такая теперь?

Интергом. **[Я теперь марксистка]** Я теперь марксистка, Иоганн. Меня господин Уборняк научил — это так нетрудно и приятно, все так удивлялись мне и обожали! Так интересно жить **[быть]** за всех трудящихся! Я в партию хочу, я буду **теперь** бороться!! Только я одно забыла, мне советовали быть как можно... как можно... **сознательней?** — серьезней? — нет!.. еще как-то быть...

Хоз. Бдительной!

Интергом. Ну да! Ты догадался, ты гениальный!

Хоз. Откуда ты — сволочь такая?

Интергом. Я не сволочь. Я научилась всей прелести и бонус-тону в московских домах общественности. Я **[обработалась]** **перестроилась.**

Хоз (серьезно). Слушай меня, девчонка! Здесь **живут** большевики, а не Уборняки, тебя выгонят отсюда. ||

<Л. 162>

31/4

Интергом. Очковтирательство! Недооценка! Я идеологический работник, я боец культфронта, **[я тр]** я три очерка уже написала и **пьесу пополам**, я член Всесоюзного Союза Советских Писателей, от меня ждут выростания качества, меня везде сберегут.

Хоз (задумываясь). Ты права, Интергом. Если мир пропадает, значит ты живешь. Что у тебя в чемоданах?

Интергом. Пища и гигиена.

Хоз. Хлеб и мирра с ладаном?

Интергом. Ну приблизительно, приблизительно.

Хоз. **Хорошо.** Пойдем **теперь** радикально ласкаться. Обменяем свои организмы. **[Бель]** **Кроме чувства, ничего не выдумашь!**

Интергом. **[Ну — А куда?]** Ах, Иоганн! Но куда?

Хоз. Вот сюда! (Указывает на тюремную избушку).

Интергом. Ну скорее только! Я вся завяла в дороге: без любви нет полной гигиены.

(Уходят в тюр. избу). ||

<Л. 161>

32/4

Пауза.

[По сцене] На сцену **прибегает Антошка с лопатой.**

Антошка. **[Товарищ Хозов! Суенита Ивановна!]** Товарищ Хозов **[а также / а также / или]** товарищ Суенита Ивановна где **[вы]** вы скрываетесь **[кроме]** от своих постов или в **районную** многотиражку захотели попасть под контроль масс?

Является Суенита.

Суенита. Чего тебе?

Антошка. [Исп] Выполнял задание по¹³⁰ **Ветер топливо снес?**

Суенита. [Я давно знаю тебя. Ты не работаешь]. Пусть с / Мой муж Гармалов придет — [переделает] сделает все сызнова, по серьезному. А ты брось [но] ненормальную психовку в колхозе наводить, ты не ударник, а ударщик! [Я с тобой] Я вот тебя реорганизирую скоро в подкулачники, карьерщик такой¹³¹. ||

<Л. 156>

33/4

Антошка. Все не без ошибки на ошибках учимся ошибки нам необходимы ошибки надо организовать [! Исчезает] А Я пять дней нормального продовольствия не ел [одни] руки работают [неустанные <?>] тело мчится [а] и голова [ничего] не думает ничего / ничего (Исчезает).

[В тюр. кузове раздаются звуки и поскрипывание <?> / Суенита одна / Она садится на землю и безмолвно плачет, закрыв лицо плотно руками. Криков из изб. <?> она не слышит]

Суенита (одна). [Как мне / Колхозу есть нечего / Нам] Нам Кормиться [в колхозе] нечем стало... [<нрзб>] Кому [продо] променять [себя] себя на хлеб и [на] крупу для колхоза? [Некому! Некому] Где взять мне [еды / еду] еду для неевших? (Садится на землю в печали) [Всемирная наука только думает, а кормить никого никто не может. Стану думать сама — никто не думает]. ||

<Л. 157>

34/4

Неопределенные ритмические звуки раздаются из [тюрьмы] кузова тюрьмы — вначале еле внятные. Звуки продолжаются до конца эпизода. Весь эпизод под ритм. кузовка

Является Антошка с ребенком на руках; [но] дает ребенка Суените.

Антошка. Питай своего ребенка из тела не бросай в сугубый произвол [, поколенья] судьбы когда вся общественность голодает кто рождает тот питает впредь до организации детского [мира] мира в социализме.

Суенита. Зачем принес? Я сама знаю.

Антошка. Спит в бреду и близок к смерти скучно чувствует себя.

Суенита. Где колхозники наши? [Они / Они / Отчего нету] Я не слышу никаких голосов?

[Антошка. Поели щей последних и ушли / пошли на про / и ушли по сторонам на время некормленья].

С. — сколько нас А — столько-то ||

<Л. 158>

35/4

Антошка. [Они] С утра [наелись субъективных щей пошли по сторонам и без / из разных / рубленой соломы] поели суп с костями [мертвецов] всех скончавшихся навеки а сами без диалектики сознания [взяли] пошли по сторонам [Я тут с них взял расписку]

Суенита (кричит). Верни их, верни их, Антошка! Я [хлеб] нашла [для] хлеб. В колхозе теперь сытно станет!

Антошка. Сами вернутся без всякой просрочки они вручили расписку через неделю будут в колхозе опять только наедятся где нибудь за счет организаций.

¹³⁰ Сначала далее было пропущено место, позже дописано следующее предложение.

¹³¹ Последнее предложение помечено на полях вопросительным знаком.

Я их пустил под расписку отпустил чтоб кормиться. Я их положил для экономии сил и из села¹³²

Суенита. Не стой перед глазами. Ступай бурьян косить!

Антошка. Поинформировал теперь пойду мне ясно. (Уходит).

¹³³Суенита. (баюкая ребенка) ||

<Л. 159>

36/4

[Скоро выростут коровы,

Скоро хлеб / хлеб

Из коров котлет

Заблудились наши овцы

Хлеб уснул в сухой земле]

Спи, просыпайся нескоро,

Спи, и [забудь] во [мне] сне не скучай,

[Настанут Настанут в колхозе]

[Выростут наши] Выростут наши коровы,

[Будем] Будем пить с сахаром чай.

[Спи... и ты и себя ты

— Спи, тебе страшно и жутко,—

— Лучше себя позабудь.

Поздно

Грейся со мною, малютка,

Пока

Грейся

Вырастет хлеб наш колхозный]

Думает хлеб нам наука — ?

[Хлеб нам] хлеб

— [Ты] Грейся пока в мою грудь... ||

<Л. 160>

37/4

Закутывает ребенка в тряпку, прижимает его к своей груди.

Суенита. Но грудь моя тоже холодная [...] стала... Куда-же девать мне его, чтоб он согрелся? В живот спрятать опять? — Там тесно, он задохнется. А здесь просторно и пусто, он умрет. (Разглядывает своего ребенка). Ты **сильно** мучаешься, [да?] или нет? Скажи, что несильно! Скажи мне чтонибудь! Что-же ты закрыл глаза и молчишь! О чем ты думаешь сейчас один?.. (Прислушивается, начиная усваивать звуки скрипящей [тюрем] кузова тюрьмы; но звуки эти здесь прекращаются). Что это — едет кто-то далеко!.. Остановился! Приезжай скорее, нам скучно! (Плачет?)

Пауза.

Прибегает Антон.

Антон. Тело смертью томиться начинает бдительность / сознание боюсь потерять!

¹³² Реплика написана с несколькими вставками и, судя по их расположению на странице, должна, по нашему мнению, читаться в следующей редакции: [Сами вернутся без всякой просрочки они вручили расписку] Я их пустил под расписку отпустил чтоб кормиться. Я их положил для экономии сил и из села через неделю будут в колхозе опять только наедятся где-нибудь за счет организаций.

¹³³ На полях написано: ребен умирает

Суенита. Скосил бурьян?

Антон. [*Оставил*] Не приступал еще ввиду того что силы хватает на одну мысль а сила чувствует дефицит потребности! ||

<Л. 155>

38/4

Суенита. Я скоро [*тебя*] весь колхоз накормлю! Я забочусь сижу об этом¹³⁴.

Антон. [*Непрерывно / Нам непременно надо есть / Скорее надо организовать еду / Р / ребенка со*] Еду пора теперь организовать! [*Грей пока ребенка*] Нагревай ребенка храни жизнь его¹³⁵ в запас будущности, [*Мы кончаем в <1 слово нрзб>*] А то мы кончаемся.

Суенита. Я храню его.

Антон. Коммунизм в детях а в нас одна борьба [*наслед <?> / младенец <?> насколько он жить дол*] он ввиду тебя проживет!¹³⁶

Суенита. Нет, он [*умер*] умер теперь. (Подает ребенка Антону.)

Антон. (*беря ребенка*). [*Умер! / Ничто*] Факт умер навсегда! [*придется в будущем организовать всей мировой науке взыскание бессрочных / бессрочно / досрочно / досрочно погибших жалостных по людей!*]

Крик Интергом

Суенита. Кто это [*плаче*] <1 слово нрзб>

Антон. Это посторонний донесшийся звук

Суенита. Антошка! А как же я теперь буду на свете? ||

<Л. 154>

39/4

Антон. Развей [*теперь*] свою активность поскольку в будущем необходимо организовать всей мировой науке взысканье всех досрочно погибших а также жалостных [*нес / недоросших*] неопределенных людей!¹³⁷

Суенита. Антошка! А можно это будет? — я дождусь, я трудиться буду без сна.

Антон. Раз я гарантирую [*жди*] жди спокойно. Я убью всю природу как врага.

Суенита. Нет. Не обманыва[*йте*]й меня. Дай мне ребенка — я буду плакать по нем. Больше ничего не будет. (Берет ребенка у Антона).

— Все же без ошибки...

Антон. — Все же без ошибки... Плачь стихийно [*я пойду сосредоточусь где нибудь*] пока я пойду мысленно сосредоточусь! (Уходит).

Суенита поднимается с ребенком с земли. Стоит молча.

Из кузова тюрьмы выходит Хоз. ||

<Л. 153>

40/4

Клокочущий крик Интергом.

Хоз. Плачь, Суенита!

Суенита. Я вытерплю.

Хоз. Я слышал все, моя девочка! Как-же нам жить теперь с тобою! Начни со мною [*друго*] свежего ребенка — другого выхода тебе нет, и мне тоже.

Суенита. А ты выдумал еду для колхоза?

Хоз. Выдумал. Это мясо будет.

Суенита. Ну давай его.

¹³⁴ На полях поставлен вопросительный знак.

¹³⁵ Знаком переноса слов обозначен правильный порядок: его жизнь.

¹³⁶ На полях поставлен вопросительный знак.

¹³⁷ Поверх реплики написано: не надо.

Хоз. Ступай бери¹³⁸ / **Возьми** в тюремной горнице. Там лежит Интергом, моя бывшая европейская женщина. Я [*любил*] жил с нею [*еще раз*] **сейчас**, потом [*убил*] задушил ее как угрозу [*всему человечеству*] тебе... Но ее можно съесть как мясо — вещество всегда [*доброе / бывает доброе*] доброе, когда оно неживое. **Пустяки, Суенита [!]: смерть непечальная вещь!**¹³⁹

[*Смог*] Суенита. А откуда [*явилась*] пришла твоя женщина? За что ты убил ее [?] **так скоро?**

Хоз. Она буржуйка, а я колхозник. **Она для тебя опасна опасна** <sic>. ||

<Л. 152>

41/4

Там у нее продукты есть — [*сыр*] колбаса, масло, [*концентрированное*] **стабильное** молоко — хочешь кушать?

Пауза.

[*Суенита.* Нет, нам расхотелось: *Мы сами / Мы сами себе обдумаем еду*]. Уходи от нас, дедушка Хоз. [*Мы одни наедимся и прожив*]

Хоз. [*Почему? Я еще социализм вам не устал* —] Я еще [*социализм строить*] учет в колхозе не наладил **на должную ступень!**

Суенита. Лучше уходи. Мы похороним твою женщину в могилу. [*Еду я достану из моря, учет мы наладим одни*] Мы променяем свою траву на овец и наедимся.

Хоз. **Суенита!** Я с вами хочу [*есть*] **питаться.**

Суенита. У тебя есть колбаса, [*и стабильное*] тебе молоко принесли ||

<Л. 151>

42/4

в бутылках, ты [*химию любишь*] кушай свою химию.

Хоз. Сегодня которое у нас число по календарю?

Суенита. Девятнадцатое сентября.

Хоз. Я именинник <sic>. Сто два года сравнялось, сто третий пошел.

Суенита. Пускай сто третий...

Хоз. Сегодня меня чествуют в Европе заочно. Газеты пишут статьи, [*обо мне...*] **что я хорош, честен, полезен, [необходим] умен [и научен]**. Я открыл когда-то [*закон исторический*] закон [*прогрессирующей эксплуатации человека человеком*] прогрессирующей эксплуатации человека человеком, как смысл всей истории. И машина есть лишь новый, более гнетущий способ эксплуатации, и **всякая** революция [*имеет*] тоже самое...

Суенита. А ты все равно уходи от нас... [*Мы тоже открыли законы*] Ты пустяк! ||

<Л. 150>

43/4

Хоз. Суенита[!], **Брежжущая** <sic> **моя!** Где-же мне быть? [*Ведь ты моя единственная добрая улыбка!*] Я заблужусь без тебя!

[*Суенита.* Ступай на тот свет, куда]

Суенита. Возьми и умри!

Хоз. Пора пожалуй **Уже поздно стало на свете!** Хотя тоже — юмористика! Что смерть? — [*Фабрика*] Сырье для глупейших стихий! [*Деться*] **Некуда исчезнуть [пропасть] серьезному человеку!**

¹³⁸ Первоначальный вариант подчеркнут волнистой линией, сверху написан второй, но вариант не выбран.

¹³⁹ Сначала место для определения было пропущено, затем вписаны последние 2 слова.

Суенита. Подержи моего мертвого сына. Я лицо пойду вымою в море[, я] и отдохну от своего сердца¹⁴⁰.

Хоз берет ребенка на руки.

Суенита уходит к морю.

Хоз (ребенку). [Ты умер!.. Мелкий какой] Ты уже умер, [мелкий] маленький человек! А я жив! Но разницы [никакой! / меж] у нас с тобою нету [нету] никакой! У меня психоз [в голове] свербит в голове в виде разума, а у тебя там [спокойно...] микробы кишат... Ты остывшая плоть Суениты, ты милый, маленький мой! (Целует ребенка). Давай ляжем рядом на землю. Я [<нрзб>] тоже умру вместе [рядом] с тобой. [Все равно конечно, ||

<Л. 149>

44/4

на через <?> хоть моргать не нужно но хоть сердце] Пусть [глаза / сердце] в глазах потемнеет свет и сердце перестанет раздражаться... Боже мой, боже мой,— детский и забытый!

(Ложится на землю, кладет рядом с собою ребенка и обнимает его).

(Являются Ксения и Гармалов).

Ксения. А [Суня] где[?] -же Суня-то? (оглядывается). Все спят чего-то лежат: досадные какие!

Хоз молчит.

Гармалов. Забот много — где нибудь думает о чем-то.

Приходит Суенита.

Суенита. Сменяли [?] траву?

Ксения. Шут ее сменяет! Приказчика встретили совхозного: у вас полынь, горюит, одна растет, от нее шерсть у овец не всходит, жуйте ее сами впроголодь. ||
<Л. 148>

45/4

Вот тебе и колхоз: умирай теперь! [Думали-гадали!] II Мой малый уж обомлевый лежит! I Эх, думали-гадали!..¹⁴¹

Суенита. А мой мертвый!

[Ксения]

Гармалов. [Умер? / Мертвый?!] Кто мертвый?! (Склоняется к ребенку). [Зачем вы так] [Зачем] Почему вы здесь не организовали жизнь! [Зачем он умер / лежит теперь, без помощи! / лежит такой маленький скучный! и грустный! Сомневаюсь я без] Слабый ты мой! С кем же будет мое сердце Я Сомневаюсь я [теперь] без него! [Мне жить нечем —] Теперь мне как существовать!¹⁴²

[Ксения. (Кричит).]

Хоз. Не шуми надо мной гражданин, дай мне покой... Ксюша, принеси мне [ночь] на ночь химикалия какого-нибудь!

Ксения. Жижки тебе надо навозной, старый пралич! [(Кричит)] Хоть-бы ты сдох, я бы съела тебя! (Кричит). Химия! Москва проклятая! Я все бельма выцарапаю тебе за судьбу нашу такую! (Исчезает прочь). ||

<Л. 147>

46/4

Ант. падает.

¹⁴⁰ Реплика отчеркнута и поставлен вопросительный знак.

¹⁴¹ Над частями предложения написаны римские цифры, определяющие их последовательность.

¹⁴² Монолог прочитан приблизительно, т. к. много раз правился. На полях проставлен вопросительный знак.

[Является] Вбегает Антон.

Антон. Контрреволюция развязывает себе руки!! [*<1 слово нрзб> ко мне!*]

Падает на землю в слабости тела.

Антон. Это ничего [*<1 слово нрзб>*] мой разум жив идея цела полностью [*одно лишь тело / один корпус / одно тело свило себе гнездо*] в одном только теле лежит гнездо голода а больше нигде я встану еще и брошусь вперед до победы[!] да здравствует... (Засыпает).

Гармалов. [*<1 слово нрзб>*] (подымаясь от ребенка). Ты чего-ж здесь распустила дисциплину, что еды нету и дети помирают! ||

<Л. 146>

47/4

Суенита. Умер один наш ребенок — ты его хлебом обкормил. Больше никто, все живы, все притворяются... [*Содрогая*] (*Забываясь, поет*).

Нулимбатуйя, нулимбатуйя,

Аляйя бедная моя...

(Хватая ребенка). Слабый ты мой! Зачем-же я буду живой и счастливой? (Успокаивается: кладет ребенка к Хозу; говорит Хозу) Согревай его!

Хоз. Я сам холодею.

Гармалов. Прочь горе! Опомнимся! Мы не семейство, мы [*че*] все человечество! [*Пора*] терпеть и трудиться — давай мне наряд, пока сердце [*молчи*] во мне заглохло.

Суенита. Опустит в море тюремный кузов. Поправь на нем получше колючую проволоку, [*чтоб*] ||

<Л. 145>

48/4

рыба не вышла / мы рыбы наловим тыщу пудов, мы наедимся...]

Гармалов. Ага, это рационализация! Я вентерь, я ловушку сделаю для подводной рыбы, я это знаю. А приманку где взять?

Суенита. Я дам тебе потом, я думаю.

Гармалов. А веревку толстую!

Суенита. В колхозе сыщи.

Гармалов. Там нету.

Суенита. Тогда я волосы обрежу свои...

Гармалов. Не надо — веревку [*пойду*] пойду построю. (Уходит)

Суенита. Дедушка Хоз!

Хоз молчит. ||

<Л. 144>

49/4

Суенита. Дедушка! Вставай, скоро вечер, разводи костер — мы уху будем варить.

Хоз молчит.

Суенита. Антошка! Вставай, скоро питаться будем.

Антон молчит.

Суенита (склоняясь к Хозу). Дедушка Иван! Ты притворяешься? (Ощупывает его). Нет, он умер уже [*Его нету*]: его нету!.. Дедушка! Не притворяйся [!], у тебя [*ух*] щека теплая. [*Ду*] Дедушка Иван, [*зачем ты форсил и задавался*] ведь смерть обыкновенная, а ты умер...

[*Плачет над Х*]

Тихо плачет над Хозом. ||

<Л. 143>

50/4

Антон. [*Неприятно*] Неприлично глядеть [*если*] если плачут над всяким капитализмом [*я в*] у меня один глаз не закрылся я все вижу!

Суенита. Он Карла Маркса знал [, *он*] и счетоводом у нас [*служил*] работал, [*вот я и*] вот я и плачу. Я [*председатель*] хозяйк[*ой*]а [*живу*] в колхозе, я должна его жалеть.

Антон. [*Это диалектика я не возражаю*] У меня чистый разум а это диалектика слезам я не возражаю.

Суенита. Спи, Антошка!

Антон. Сон [*неевшему*] без пищи неевшему полностью заменяет хлеб я сплю.

Суенита. [*Все пом*] Если все помрут, я одна останусь. Кому-нибудь ||

<Л. 142>

51/4

надо быть, а то [*плохо / худо*] плохо станет на свете, вот что.

Хоз (встает и садится). Думал, что умер, [*обрадовался / удивился*] засмеялся и проснулся. В первый раз за сорок лет сна не видел.

Суенита. Не будешь больше умирать?

Хоз. Не выходит ничего, девочка. Для смерти тоже нужно дурацкий психоз иметь, смерть-же это [*вещь*] вещь несерьезная. [*А я же все понимаю*] Без глупости [*ни родишься, ни умрешь*] ничего не сделаешь. А я же все понимаю, я ведь не могу забыть [, *я не могу нет у меня*] в каком-то определенном настроении, [*слабости, печали, болезни,— знаю я эти пустяки!*] в какой-то идее или чувстве! Смерти нет, девочка, есть самоубийство от страха перед [*смертью*] пустяками и от неопытности [*и природного психоза, который* ||

<Л. 141>

52/4

и природного печального раздражения, которое называется разумом] и жизни тоже быть не может: [*явно ее сознавать / ее сознав*] она хороша только без сознания, как улыбка идиотизма, а без сознания ее не бывает¹⁴³.

Суенита. А [*я*] ребенка я родила: он жил и умер.

Хоз. Ты его не рожала. Это всякие стихии зачесались в тебе, и вышли наружу. Если б он прожил случайно лет сто-двести, приобрел опыт и пониманье ерунды, тогда бы он не сумел больше [*умереть / умереть*] умереть, как и я.

Суенита. [*Трудно тебе*] Как-же ты будешь теперь?

Хоз. Никак. Буду неподвижно томиться среди исторического ||

<Л. 140>

53/4

теченья. Я такой-же пустяк, как все живое и мертвое. Понять все можно, [*дев / дитя мо / сир*] сирота моя, а [*спасаться*] спастись некуда.

Суенита (печально). Ты Уйдешь от нас?

Хоз. [*Иду*] Я пойду. Вы надоели мне со своей юностью, энтузиазмом, трудо-способностью, верой в будущее. Вы стоите у начала, а я знаю уже конец. Мы не пойдем друг [*др*] друга.

Суенита. [*Нет, никогда / никогда не пойдем Ты знаешь*] Я не понимаю, это правда, но мы подружим с тобой...

[Хоз. *Подружим?! Дружба — это объятие*]

Дедушка Иван, знаешь что: по моему — ты дурак! ||

¹⁴³ Реплика на полях отчеркнута и поставлен вопросительный знак.

<Л. 139>

54/4

Хоз. Я рад, что [*научил тебя*] <?> ты начинаешь понимать вопросы.

[*Голос за сценой*]

Суенита. Обожди, дедушка!

[*Голос стар. из рай*]

[*Приходит Гармалов.*]

Гармалов. Я устроил веревку. (Показывает [*принесенное*] витое лыко в руках). Суня, давай приманку на рыбу — **чего в кузовок класть** — Я [*теперь кузо / кузовок*] сейчас его [*кузовок*] на берег покачу [*и Там его*] **Пора народ кормить.**

Суенита (поднимая своего ребенка). Егор, нам нечего класть... Давай положим нашего сына — он все равно ведь мертвый, а наука говорит — мертвые не чувствуют ничего. ||

<Л. 138>

55/4

Хоз (про себя). Бога нет даже в воспоминании.

Суенита (не расслышав Хоза). Сейчас, дедушка. Клади его Егор. Он был [*дал*] такой вкусный, я его любила целовать, **когда он засыпал у меня на руках.** (Целует ребенка).

Гармалов. [*к этому моменту*] к этому моменту открыл [*дверь*] плетневую дверь в кузове и разглядел его внутри.

Гармалов [*Обожди, Суня*] Не надо. [*Я сберегу его кости*] Я схороню его тело в сухой песок... Тут женщина какая-то лежит, — вся красавица. Это буржуйка чья-то! Ее за шею задушили — ей [*она / у нее шея*] горло сломали.

Клокочущий хрип.

Хоз. Бросьте ее в море в этой [*кузови*] плетеной [*таре*] тюрьме. Вы много рыбы поймаете на ее тело.

Суенита. И верно, Егор. Хозяйствуй скорее. Колючую проволоку почаше заплети. [*Ты один-то справишься*]

Гармалов. Я помню. [*К ставку подкачу, там*] Как на ставок отволоку, там всю снасть [*налажу*] налажу — и женщину эту раздену, чтоб ее рыбы чуяли. А тут еще пища пайковая лежит!

Суенита. Нам не надо. Пускай ||

<Л. 137>

56/4

тоже на приманку остается (Кладет ребенка обратно на землю, рядом с Антоном).

[*Хоз. До свиданья*]

Пауза.

Гармалов [*валает*] валит тюремный кузов на бок, — **вместе с Интергом и ее вещами** — катит его по земле к морю и удаляется в даль и в сторону — на нет. [*Все*] Скрипящий плетневый [*плет*] звук заглушается пространством.

Хоз. До свиданья, Суня.

Суенита. Прощай, дедушка, [*навсегда*] **навек.**

[*Хоз*] (Бросается к Хозу, обнимает его и целует в губы).

¹⁴⁴Хоз. Навек!? Нет, с тобой навеки прощаться нельзя. [*Ты всемирная хозяйка*] Ты брежжущая <sic> неясность жизни, ты глупая теп моего стар серд Кроме тебя — **что есть еще во всех окрестностях горизонта!**

Суенита. Не уходи от нас. Ты социализм увидишь.

¹⁴⁴ На полях написано: Проще!

Хоз. [*Ты глупая теплота моего старого сердца*]. Я вернусь к тебе, но — нескоро. Когда и ты уже будешь старушкой, бедная, [*моя*] худая моя глупая теплота моего старого сердца! (Целует Суениту в рот). [*Ты / В пустыне и в городах ты будешь в моем уме. Ты всемирная хозяйка!*] ||

<Л. 134>

57/4

[*В пустыне и в городах я буду видеть тебя — смутную и нежную о чем мы плачем во сне обманчивую всю На тебя все похо / на свете похоже, куда же я / куда же я денусь от тебя! В пустыне и в городах я буду видеть тебя — смутную*]

Приходит Ксения.

Ксения. Будет вам!.. Суня, там старик-человек идет из района: гляди он скажет тебе чего-нибудь!

Слышен кашель за сценой. Хоз медленно, но почти незамечаемый, удаляется в степь, в даль, и скрывается прочь.

Гол. [ст] район. стар. Слушайте меня там, которые колхозные. Я сто шагов туда-сюда не дойду, может хлеба граммов сто сберегу... Ктой-то там, ни то сама Суенита Ивановна!

Суенита. [*Я, сто*] Я самая, старичок, говори нам оттуда!

Гол. р. стар. Слушай меня, мягкая моя, добрая! Я из [*района директиву*] района сведение тебе донес. Стало-быть, весь хлеб твой, который ||

<Л. 135>

58/4

ты по налогу нашему царству отдала, [*обратно*] назад-обратно к тебе в колхоз возвращается — на районных подводах. Что касается овец и курей — так тоже самое, один чорт — все тебе ко двору идет. Зря транспорт тратили, когда человек пешком ходит!

Суенита. Спасибо, [*о*] тебе, дедушка, районный старичок, за сведенье такое! А за что нам хлеб обратно полагается?

Гол. р. ст. А за то самое, девка моя, что тебя бандиты [*здесь*] обидели, хотели всему колхозу твоему окончание сделать. А власть же наша — она чуткая, [*она видит твою*] ей колхоз — самая ближняя [*плоть*] плоть, она, [*видит твою беду*] видишь ты, враз узнала от меня, что у вас сердце от голода болит — и продукты велела обратно бросить... А на семена тебе особо транспорт дадут, ты кушай — не волнуйся...

Суенита. [*Спасибо / Спасибо*] Ладно, дедушка! Передай ||

<Л. 136>

59/4

привет [*райин*] райисполкому нашему!..

Антон (во сне). Да здравствует...

Гол. р. стар. Пошли-ка Ксюшку ко мне. Пускай она мне тряпок на портянки даст — свои насквозь [*стер*] стер от [*колхозного похода*] от колхозного служения.

Суенита. Ступай, Ксюша, угоди ему.

Ксения. Да сейчас ужогу[...] — погоди ты! Я в совхоз обыденкой сбегаю еще — людей наших обратно [*ворочу*] покличу. Чего они там [*натираются*] на кухне натираются, праличи [*такие*] бездомовные такие! Нам добро наше [*надо*] идти надо встречать!

[Суенита]

Гол. р. ст. А снасти тебе [*рыбачские ры*] рыбачские вслед затем впоследствии пришлют — из легкой индустрии.

[Суенита. Беги, Ксюша]

Ксения. За малым моим погляди, во всем неуправка [*настает*] настала!

Суенита. Беги, Ксюша.

[*Хоз*] (Ксения уходит). ||

<Л. 133>

60/4

Пауза

Суенита. [*Ушел дедушка Хоз. Как*] Ребенок мой не дышит, дедушка Хоз ушел... Скоро уж вечер — как скучно [*мне делается*] делается мне [!] одной!

Антон (вскакивая в бодрости ото сна). Я с тобой **один** остался до полной победы кто кого на [*веки*] **эн количество** веки веков!

Занавес.

Конец. ||

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 90, л. 1–205.

РАССКАЗ «ТРЕТИЙ СЫН»

Статья и публикация Л. Суrowsой

Журнал «Красная новь», начавший вновь, после истории с «Впрок», печатая А. Платонова с 1934 г. («Такыр»), опубликовал в первом номере за 1936 г. два его рассказа «Нужная родина» и «Третий сын». Последний, по-видимому, понравился членам редколлегии. Тогда же ответственный редактор «Красной нови» В. Ермилов сообщал Платонову о «широкой популярности» рассказа (см. прим. Корниенко Н. В. // Воспоминания. С. 474).

В докладной записке секретарю ССП А. Щербакову, Ермилов, защищая качество своего издания, жаловался на отсутствие достойных рецензий на журнал, который, по его словам, получал множество благодарных читательских писем (см.: РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 256, л. 29).

Выходивший в том же издательстве (Гослитиздат), что и «Красная новь», журнал «Интернациональная литература» заинтересовался «Третьим сыном». На бланке этого издания 3 февраля 1936 г. Платонов получил письмо следующего содержания:

«Дорогой тов. Платонов!

Ваш прекрасный рассказ “Третий сын”, напечатанный в № 1 “Красной нови”, очень понравился иностранным редакторам “Интернациональной литературы”. Мы хотим перевести его и напечатать во французском и английском изданиях нашего журнала. Я надеюсь, что это не встретит возражений с вашей стороны.

Искренний привет. С. Динамов» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 25, л. 14).

Действительно, рассказ переводят и с ним знакомятся франко- и англоязычный читатель в № 4 «Интернациональной литературы» за 1936 г.

В «Литературном обозрении» поместили статью И. Саца с восторженным откликом на «Третьего сына»: «Этот рассказ — лучшее, что есть в рецензируемой книге журнала. В нем звучит глубокое убеждение, что подлинная глубина чувства принадлежит людям, которых только и можно назвать настоящими коммунистами. Для Андрея Платонова здесь особенно характерен образ матери — воплощение самоотверженной любви. Написан рассказ очень хорошо. Он очень сжат и, вместе с тем, проникнут сильным и искренним чувством, которое становится еще серьезней и сосредоточенней от того, что рассказ написан в суровом и сумрачном тоне» (Литературное обозрение. 1936. № 4. С. 40).

Внимание критика привлек тот эпизод рассказа, в котором переживания сына, потевшего мать, доведены до предела, он падает в обморок. По мнению Саца, писателю удалось показать истинного коммуниста, умеющего глубоко чувствовать. В журнальной публикации эпизод обморока физика-коммуниста не передает сильной экзальтации героя: «Третий сын подошел к матери и прикрыл пальцами ее глаза, которые раскрывались постепенно сами собой, еще не насмотревшись в жизни. Певчая птица в клетке вздрогнула во сне и

пропишала какое-то свое краткое слово. Сын вскочил от этого звука, как в беспамятстве, но не успел удержаться и упал на пол, ослабев на ногах. В это время он не произнес никакого звука,— закричала только его дочь» (Красная новь. 1936. № 11. С. 151).

Этот вариант эпизода был создан, вероятно, по требованию редактора журнала, потому что больше нигде не использовался писателем. В публикуемом автографе видно, как Платонов правил эпизод обморока, стараясь довести до наивысшего накала сыновнюю любовь (см. вставной лист 9а). Но в составе книги «Река Потудань» рассказ появился с отвергнутым в автографе вариантом. По машинописи, хранящейся в РГАЛИ (ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 53, л. 100–108), можно проследить колебания Платонова, в выборе одного из вариантов эпизода: он вычеркивает отвергнутое в автографе и пишет над ним вариант со вставного листа 9а, который затем вычеркивает, он вкладывает в машинопись вставку к вычеркнутому фрагменту, повторяющую изначально исключенный вариант.

На результат окончательной правки рассказа, вероятно, повлиял ряд обстоятельств. 25 августа 1936 г. состоялось заседание партгруппы ССП, которое было посвящено высказываниям писателей в связи с процессом троцкистско-зиновьевского блока. В секретариат стали поступать докладные записки в виде доносов на каждый из крупных журналов с критическим обзором произведений, напечатанных за 1935-й и 1936-й гг. В записке «Особенности некоторых произведений ж-ла “Красная новь”» редакцию этого издания упрекали в чрезмерном увлечении формализмом, что сказалось на выборе публикуемых произведений, «идеологическая насыщенность которых сведена к минимуму», а основное внимание их авторов «направлено на внешнюю побрякушечность» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 256, л. 34). Как один из многочисленных примеров «идеологической невыдержанности» анализировалась повесть Е. И. Габриловича «Тихий Бровкин» из 1-й книги журнала за 1936 г.: «Тихий Бровкин, долженствующий изображать типичного рабочего-коммуниста, ведет себя как толстовец, непротивленец» (Там же, л. 40).

«Третий сын» Платонова пока не вызвал опасений (рассказ не упомянут в записке). Но с выходом в 1937 г. книги «Река Потудань», куда вошел и «Третий сын», была поставлена под сомнение совместимость платоновской эстетики с новыми задачами советской литературы. Б. Илюшин в статье «Порочная философия» писал:

«Вы уже должны были привыкнуть ко всему, неестественному, искусственному складу платоновского мира, населенного уродством и добром, наполненного одичалой поэзией растительного произрастания, вечного круговорота природы и бессмысленных чудачеств добрых терпеливых и одиноких, истерзанных людей.

Что общего имеет эта философия с мировоззрением советского писателя, советского человека? Что общего имеют эти рассказы с жизнью, с советской литературой?» (Комсомольская правда. 1937. 17 сент. С. 3).

Содержание рассказа «Третий сын» для Илюшина сводилось к фарсу: «Шестеро сыновей хохочут у гроба любимой матери».

Редакция «Литературного критика» ответила на оскорбительную рецензию Илюшина статьей «Порочная критика» (1937. № 9), в которой, прежде всего, отвела нарекания от рассказа «Третий сын». Вслед за слабой попыткой защитить писателя, рассказ подвергся подробному разбору в фундаментальной критической статье А. Гурвича, напечатанной в № 10 «Красной нови» за 1937 г. и призванной разоблачить творчество Платонова как не шагающее в ногу со временем. В октябре 1936 г. Гурвич сообщал В. Ставскому о своих планах на эту обширную работу, тогда он не ставил перед собой задачу непременно разгромить писателя (см. подробнее: *Корниенко Н. В.* «Размышления читателя»: Николай Никитин — рецензент рассказа «Такыр» // Страна философов, 2003. С. 738). Очевидно, что в ситуации перекрестных разоблачений и борьбы с идеологически сомнительной литературой,

статья Гурвича являлась одной из форм приспособленчества. Поэтому анализ «Третьего сына» проводится критиком не столько с точки зрения эстетической, сколько с политической; Гурвич нашел рассказ опасным для коммунистического строя:

«Зачем понадобилось Платонову объявить третьего сына коммунистом в рассказе, в котором общественная деятельность и политические убеждения совершенно не освещены? <...> Платонов по-своему решает этическую проблему коммунизма. Фактически же под флагом коммунизма автор возвеличивает и утверждает здесь своего старого, излюбленного героя. Совершенно произвольно и демонстративно Платонов называет коммунистом только того, в ком жалость, пассивность, смирение оказываются сильнее всех прочих чувств, того, кто способен без малейшего остатка и сопротивляемости раствориться в скорби и в отчаянии» (Воспоминания. С. 378–379).

Споры вокруг «Третьего сына» не утихли и в 1938 г. В первом номере журнала «Звезда» была помещена статья Б. Костелянца «Фальшивый гуманизм», в которой прозвучала насмешка над высокой оценкой рассказа, данной Игорем Сацем еще в 1936 г. Костелянец возмущался:

«У читателя явится законный вопрос: зачем клеветать на человечество, не жалея при этом ни стара, ни млада? Тем более, что автор делает своих героев советскими интеллигентами, хочет уверить, что один из них — физик, другой — начальник цеха, третий — артист и т. д. Добро бы один из них был владельцем гаража, второй — мясником, третий — клерком! Мяснику, может быть, пришлось бы в пору “отремонтированные зубы и красная глубокая гортань”, а философия А. Платонова нашла бы хоть частичное оправдание.

А между тем находятся люди способные восхищаться этим рассказом» (Звезда. 1938. № 1. С. 258).

Подводя итог обидным и несправедливым суждениям о «Третьем сыне», Платонов написал карандашом название этого рассказа поверх письма из «Литературного агентства» от 10 октября 1938 г. Издательство обращалось к писателю с просьбой:

«Уважаемый тов. Платонов, литературное агентство приступило к составлению Антологии советской прозы, предназначенной к изданию за границей. В США эта Антология должна выйти в апреле 1939 г.— к открытию Нью-Йоркской выставки. Имеется в виду включить в эту Антологию рассказы советских писателей, написанные главным образом, за последние годы. Обращаюсь к Вам с просьбой прислать нам (или назвать) один-два ваших рассказа, включение которых в Антологию Вы сочли бы наиболее желательным» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 25, л. 18).

Третий сын.

(рассказ)

1.

В областном городе умерла старуха. Ее муж, семидесятилетний рабочий на пенсии, пошел в телеграфную контору и дал в разные края и республики шесть телеграмм однообразного содержания: «мать умерла приезжай[те] отец».

З Пожилая [С]служащая телеграфа долго считала деньги, [писала расписки] ошибалась в счете, писала расписки, накладывала штемпеля дрожащими руками. Старик кротко глядел на нее через деревянное окошко красными глазами и [думал] рассеянно думал что-то, желая отвлечь горе от своего сердца. Пожилая служащая, казалось ему, тоже имела разбитое сердце и навсегда смущенную душу,—

может быть она была вдовицей или [не] по [ей] злой воле [разведенной] оставленной женой. И вот теперь она медленно работает, путает деньги, [не обладает] теряет память и внимание; [внутреннее счастье] даже для обыкновенного, несложного труда человеку необходимо внутреннее счастье.

После отправления телеграмм старый отец вернулся домой; он сел на табуретку [у] около [ст] длинного стола — у холодных ног своей покойной жены, — курил, шептал [свои] грустные слова, следил за одинокой жизнью серой птицы, прыгающей по жердочкам в клетке, иногда потихоньку плакал, потом успокаивался, заводил карманные часы, [глядел] поглядывал на окно, за которым [менялось / шло время] ||

2.

менялась погода в природе — то падали листья вместе с [сырым] хлопьями сырого, усталого снега, то шел [длинный] дождь, то светило позднее солнце, нетеплое как звезда, — и старик ждал сыновей.

Первы[м]й старший сын прилетел на аэроплане на другой-же день. Остальные пять сыновей собрались в течении двух следующих суток. [Мать ждала их на столе] Один из них, третий по [счету] [счету] старшинству, приехал вместе с дочкой, шестилетней девочкой, никогда не выдавшей своего деда.

Мать ждала [их] на столе уже четвертый день, но тело ее не пахло смертью, настолько оно было [худым] опрятным от болезни и сухого истощения; давшая сыновьям обильную, здоровую жизнь, сама старуха оставила себе экономичное, маленькое, скупое тело и долго [берегла] старалась сберечь его хотя бы в [жа] самом жалком виде, ради того, чтобы любить своих детей и гордиться ими, — пока не умерла.

Громадные мужчины — в возрасте от двадцати до сорока лет — [молча стояли] безмолвно встали вокруг гроба на столе. Их было шесть человек, седьмым был отец, [но он уже тоже] ростом меньше самого младшего своего сына и слабосильнее его. Дед держал на руках внучку, которая зажмурила глаза от страха перед мертвой, незнакомой старухой, чуть глядящей на [реб] нее из под прикрытых век белыми неморгающими глазами. [, но не моргающей]

Сыновья молча плакали редкими, задержанными слезами, искажая свои лица, [что] чтобы без звука стерпеть печаль. Отец их уже не плакал, он отплакался один [еще до приезда] раньше всех, а теперь [он] с тайным волнением, с неуместной радостью поглядывал на ||

3.

могучую полудюжину своих сыновей. Двое из них были моряками — командирами кораблей, один [ученым физиком] московским артистом, один — у кого была дочка — [московским артистом] физиком коммунистом, самый младший учился на [инженера] агронома, а старший сын работал [ко / изобретателем] начальником цеха аэропланного завода и имел орден на груди за свое рабочее достоинство. Все шестеро, и седьмой отец, [они] бесшумно [окружили] находились вокруг мертв[ую]ой мат[ь]ери и молчаливо оплакивали ее, скрывая друг от друга свое отчаяние, [свою] [свою память / любовь] свое воспоминание о детстве, о погибшем счастье любви, кото[рая]рое беспрерывно и безвозмездно рождалось в сердце матери и всегда — через тысячи верст — находило их, и они это [и] постоянно, безотчетно чувствовали <sic> и были сильнее от этого сознания и [ско] смелее делали успехи в жизни. Теперь мать превратилась в труп, [в чужую старуху] она больше никого не могла

~~Третий сын~~ ~~как~~ ~~вспомнил~~, ~~что~~ ~~он~~ ~~был~~
~~в~~ ~~тот~~ ~~и~~ ~~схватил~~ ~~за~~ ~~руку~~
~~брата~~, ~~но~~ ~~не~~ ~~успел~~ ~~за~~ ~~него~~, ~~а~~ ~~только~~
~~схватил~~ ~~его~~ ~~за~~ ~~руку~~, ~~и~~ ~~ушел~~
~~он~~. ~~Голова~~ ~~ударилась~~ ~~как~~ ~~пушпа~~, ~~но~~
~~он~~ ~~не~~ ~~произвел~~ ~~никакого~~ ~~звуча~~,
 захрипела только его вошь.

Пять братьев ~~собрались~~ в балве
~~проблем~~ ~~и~~ ~~на~~ ~~доброй~~ ~~в~~ ~~своему~~ ~~брату~~
 и унесли ^{к себе} его, чтобы привести в сознание
 и успокоить. Через несколько времени, когда
 третий сын очнулся, все другие сосновы
 уже были одеты в свои форму и одежду,
 хотя ~~еще~~ ~~лишь~~ ~~в~~ ~~второй~~ ~~час~~ ~~ночи~~. Они
 по ~~очень~~ ~~мало~~, ~~такие~~ ~~разом~~ ~~на~~ ~~квартире~~,
 по ~~сторону~~, по всей ночи вокруг дома, где
 жили в детстве, ~~и~~ ~~там~~ ~~затем~~,
~~мать~~ ~~и~~ ~~маленький~~, ~~только~~ ~~мать~~ ~~спала~~ ~~над~~ ~~ком-~~
~~одой~~, ~~и~~ ~~сидела~~ ~~на~~ ~~его~~ ~~и~~ ~~горевала~~, ~~что~~
~~ее~~ ~~дети~~ ~~не~~ ~~могут~~ ~~она~~ ~~уверил~~
 и заставила своих детей ~~по~~ ~~на~~ ~~ней~~;
 если-б она могла, она бы осталась жить по-
 стоянно, ~~что~~ ~~никто~~ ~~не~~ ~~мучил~~ ~~по~~ ~~ней~~, ~~не~~
~~тратил~~ ~~на~~ ~~нее~~ ~~свои~~ ~~силы~~, ~~и~~ ~~которое~~ ~~она~~
 родила. Но мать не ~~вотерпела~~ ~~ее~~ ~~долго~~.

Утром шестеро сосновы ~~пошли~~
 зуб на ~~улицу~~ ~~и~~ ~~понесли~~ ~~его~~ ~~за~~ ~~руку~~
~~улицы~~ ~~закановать~~, ~~а~~ ~~сестри~~ ~~в~~
~~взял~~ ~~внутри~~ ~~на~~ ~~руки~~ ~~и~~ ~~пошли~~ ~~на~~
~~он~~ ~~теперь~~ ~~уже~~ ~~ничего~~ ~~только~~ ~~по~~ ~~сторону~~ ~~и~~ ~~был~~
~~в~~ ~~след~~;
 не ~~были~~ ~~хорошо~~ ~~эти~~ ~~шестеро~~ ~~молчали~~
 людей, и не ~~хотел~~.

Конец.

любить и лежала как равнодушная чужая старуха. [*И внутри каждого ее сына*] Каж-
дый ее сын почувствовал себя [*странно, точно вокруг / кругом стало вдруг безлюд-
но, или*] **так, как будто** где-то в темном поле горела лампа на [ст] подоконнике
старого, далекого дома, [*на нее можно было идти, чтобы не блуждать и скорее дойти
до тепла, до сна на св*], но лампа по/сразу погасла и] [на] сейчас одиноко и [темно]
страшно, как будто где-то в [темном] **темном** поле горела лампа на подоконнике
старого дома [двери ко] [и освещала] и она освещала ночь, летающих жуков, синюю
траву, рой мошек в воздухе,— весь [мир] детский мир, окружающий старый дом,
оставленный теми, кто в нем родился; [их] в том [ник] доме никогда не были зат-
ворены двери, чтобы **в него могли** вернуться те, кто из [него] него вышел, но ник-
то [не] не ||

4.

возвратился назад. И теперь [и] точно [пог] сразу погас свет [на] в ночном окне, а
[дет / детство / детство что и реальность превратилась в воспоминание] действи-
тельность превратилась в воспоминание.

[Умирая]

Умирая, старуха [попросила] **наказала** муж[а]у- старик[а]у, чтобы [она пока
дома] **священник** отслужил по ней панихиду [со священником,] **когда она будет
лежать дома**, а уж выносить и опускать в могилу можно и без попа, чтоб не
обидеть сыновей и чтоб они могли идти за ее гробом. Старуха не столько [хоте-
ла] верила в бога, сколько хотела, чтобы муж, которого она всю жизнь любила,
сильнее тосковал и печалился по ней [и навсегда запомнил] под звуки пения мо-
литв, [в] **при** свете восковых свечей над ее [по / неподвижным лицом] посмертным
лицом; она не хотела расстаться с жизнью без торжества и без памяти. Старик,
[долго] после приезда детей, долго искал какого-либо попа, наконец привел под
вечер одного человека,— тоже старичка, одетого обыкновенно **по штатскому**,
розового от растительной постной пищи, с оживленными [мелко] глазами, в ко-
торых блестели какие-то мелкие, целевые мысли. Поп [принес с собою в] пришел
с военной командирской сумкой **на бедре**; в ней он принес свои духовные при-
надлежности: ладан, тонкие свечи, книгу, **епитрахиль** и маленькое кадило на
цепочке. Он быстро [организовал] уставил и возжег свечи вокруг гроба, раздул
[жег] [жег] ладан в кадиле и с ходу, без предупреждения, забормотал чтение по
книге. Находившиеся в комнате сыновья ||

5.

[встали] **поднялись** на ноги; им стало неудобно [*здесь быть и неп / и неприятно.*] и
стыдно чего-то. Они [молча,] **неподвижно**, в затылок друг другу стояли перед гро-
бом, **опустив глаза**. Перед ними поспешно, почти [*постыдно*] **иронически** пел и
бормотал пожилой [поп, поглядывая] человек, поглядывая небольшими, понимаю-
щими глазами на гвардию потомков покойной старухи. Он их отчасти побаивался,
отчасти-же уважал и, видимо, не прочь был вступить с ними в беседу и даже выс-
казать энтузиазм перед строительством социализма. Но сыновья молчали, никто,
даже муж старухи, не крестился,— [они] это был караул у гроба, а не присутствие
на богослужении.

Окончив скорую панихиду, поп быстро собрал свои вещи, [в командирскую сум-
ку **потом** / и даже свечи **зат и вынул**] **потом** загасил свечи, [и также сложил их
обратно.] **горевшие у гроба**, и сложил **все свое добро обратно в командирскую сум-**
ку. Отец сыновей дал ему в руку денег и поп, не задерживаясь, пробрался сквозь

строй шестерых мужчин, не [взгляну] взглянувших на него, и боязливо скрылся за дверь. В сущности-же, он с удовольствием-бы остался в этом доме на поминки, поговорил-бы о перспективах войн и революций и [мог даже рассказать] надолго получил-бы утешение от [сви] свидания с представителями нового мира, которы[й]м он втайне восхищался, но проникнуть в него не мог; он мечтал в одиночестве совершить когда-нибудь враз героический подвиг, чтобы прорваться в блестящее будущее, [и стереть с себя звание кустарного производителя опиума] в круг новых поколений,— для этого он даже подал [заявление] прошение местному аэродрому, чтобы [ему] его подняли на самую высокую высоту и оттуда сбросили ||¹

6.

вниз на парашюте без кислородной маски,— но ему не дали оттуда ответа.

[Вечером]

[Отец]

Вечером отец постелил шесть постелей во второй комнате, а девочк[е]у — внучк[е]у [устроил] положил на кровати рядом с собой, где **сорок лет** спала покойная старуха. Кровать стояла в той-же большой комнате, где находился гроб, а сыновья перешли в другую. Отец постоял в [дверях] дверях, пока его дети не разделись и не улеглись, а потом **притворил дверь** и ушел спать рядом с внучкой, [потушив] всюду потушив свет. Внучка уже спала [старик поцеловал] одна на широкой кровати, **укрывшись в одеяло с головой**. Старик постоял над ней в ночном сумраке; выпавший снег на улице собирал скудный **рассеянный** свет неба и освещал тьму в **комнате** через окна. Старик подошел к открытому гробу, поцеловал руки, лоб и губы жены и сказал ей «отдыхай теперь». Он осторожно лег рядом с внучкой и закрыл глаза, чтобы сердце его все забыло. Он задремал и вдруг снова проснулся. [М] Из под двери комнаты, где спали сыновья, проникал свет — там [горело] **опять зажгли** электричество — и **оттуда** раздавался смех и шумный разговор.

Девочка от шума начала ворочаться,— может быть она тоже не спала, только боялась высунуть голову из под одеяла — от страха перед ночью и мертвой старухой.

Старший сын с увлечением, с восторгом ||

7.

убежденности говорил о пустотелых металлических пропеллерах, и голос его звучал [сытно] **сыто** и мощно, чувствовались его здоровые, во время отремонтированные зубы и красная глубокая гортань. Братья-моряки рассказывали случаи в иностранных портах и **затем** хохотали, что [их / их] отец покрыл **их** сейчас старыми [то] одеялами, которыми они накрывались еще в детстве и отрочестве. К этим одеялам [к двум / по их двум краям] — **сверху и снизу** — были [е] [к] пришиты белые полоски бязи с [надписью] надписями: «голова», «ноги», чтобы стелить одеяло правильно и [ножным] **грязным** потным [концом] **краем**, где **были [но] ноги** не [нопа] покрывать лица. Затем **один** моряк схватился с [физиком] **артистом** и [нач] они начали возиться по полу, как в детстве, когда они жили все вместе. Младший-же сын подзадоривал их, обещая принять их обоих на [сво] одну свою левую руку. Видимо, все братья любили друг друга и радовались своему свиданию. Уже много лет они не съезжались все вместе, и [теперь] в **будущем** неизвестно когда еще

¹ Запись в левом верхнем углу л. 5: Сердце в прошлом, а ум в будущем

съедутся. Может быть, только на похороны отца?.. Развозившись, два брата опрокинули стул, [и] тогда они на минуту притихли, но вспомнив, видимо, что мать мертвая, ничего не слышит, они продолжали свое дело. [детской борьбы] Вскоре старший сын попросил [физика] артиста, чтобы он спел что-нибудь тихим голосом: он ведь знает хорошие московские песни. Но [физик] артист сказал, что ему трудно начать: ни с того, ни с сего, ни под слово. «Ну закройте ||²

8.

меня чем-нибудь» — попросил [физик] московский артист. [Его] Ему накрыли чем-то лицо и он запел из-под прикрытия, чтоб не было стыдно начинать. Пока он пел, младший сын [начал в шутку икать и разыкался до того, что его вырвало все-рвез] что-то предпринял там, отчего другой его брат сорвался с кровати и упал на третьего, лежавшего на полу. Все засмеялись и велели младшему [с] немедленно [сжевать обратно или ликвидировать другим способом свои нечистоты] поднять и уложить упавшего одной левой рукой. Младший [что-то негромко] тихо ответил своим братьям и двое из них захохотали — так громко, что девочка-внучка высунула свою голову из под одеяла в темной комнате и позвала:

— Дедушка! А дедушка! [т] Ты спишь?

— Нет, я не сплю, я ничего,— сказал старик и [робко] робко покашлял.

[Девушка]

Девочка не сдержалась и [всхлип] всхлинула. Старик погладил ее по [лицу] лицу: оно было мокрое. [от слез.]

— Ты что плачешь? — шепотом спросил старик.

— Мне бабушку жалко,— сказала внучка.— Все живут, смеются, а она одна умерла.

Старик [молчал] ничего не сказал. Он [то пока / сопел] то сопел носом, [потом] то покашливал. Девочке стало страшно, она [при] приподнялась, чтобы лучше видеть деда и знать, что он не спит. Она [увидела] разглядела его лицо и спросила:

— А почему ты тоже плачешь? Я перестала. [А]

Дед погладил ей головку и шепотом ответил:

— Так... Я не плачу, у меня ||

9.

пот идет.

Девочка сидела на кровати около изголовья старика.

[— Не плачь]

[— Лучше не плачь,— говорила она.]

Z — Ты по старухе скучаешь? — говорила она.— Лучше не плачь: ты старый, скоро умрешь, тогда все равно не будешь плакать.

— Я не буду,— тихо отвечал старик.

[Вдруг из другой, шумной комнаты]

В другой шумной комнате вдруг наступила тишина. Кто-то из сыновей перед этим что-то сказал. Там все [умо] сразу умолкли. [Он] Один сын опять что-то негромко произнес. [По голосу] Старик по голосу узнал третьего сына, [московского артиста,] ученого физика, отца [девочки] [его] девочки. [После] До сих пор не слыш-

² Запись посередине левого поля на л. 7: м.б. поднял

но было его звука: он ничего не говорил и не смеялся. Он чем-то успокоил всех своих братьев и они перестали даже разговаривать.

[Через]

Вскоре оттуда открылась дверь и вышел третий сын, одетый как днем. Он подошел к матери в гробу и наклонился [к] над ее смутным лицом, в котором не было больше чувства ни к кому.

Стало тихо из-за поздней ночи. Никто не шел и не ехал по улице. [Братья] Пять братьев не шевелились в другой комнате. Старик и [девочк] его внучка следили [не шевелясь] [сократив дыхание] за своим сыном и отцом, [Они слышали редкие, падающие капли, как в раковинке,] не дыша от внимания. ||³

<Вставной лист> 9а.

Третий сын слегка подвинул гроб поперек стола, освободил немного места и лег боком рядом с матерью. Одну свою руку он протянул внутрь гроба и обнял ею лежащую мать. Певчая птица в клетке вздрогнула во сне и пропищала какое-то свое краткое слово. Сын вскочил как в беспамятстве, опершись обнимающей рукой на мать. От давления его руки внутри матери с бормочущим звуком тронулась жидкость. Третий сын не успел удержаться другой рукой за край стола и упал на пол. ||

10.

[Третий сын вдруг выпрямился, протянул руку [во / и сх] во тьме и схватился за край гроба, но не удержался за него а только сволок его [несколько] немного в сторону по столу, и упал на пол.] Голова его ударилась как чужая о доски пола, но сын [ничего] не произнес никакого звука,— закричала только его дочь.

Пять братьев [прибежали] в белье [прибежали / подбежали] выбежали к своему брату и унесли его к себе, чтобы привести в сознание и успокоить. Через несколько времени, когда третий сын опомнился, все другие сыновья уже были одеты в свою форму и одежду, хотя шел лишь [т] второй час ночи. Они по одиночке, тайно разошлись по квартире, по двору, по всей ночи вокруг дома, где жили в детстве, [чтобы] и там заплакали, шепча слова и жалуясь, точно мать стояла над каждым, [и] слышала [его] его и горевала, что [ее дети напрасно мучают] она умерла и заставила своих детей тосковать по ней; если-б она могла, она бы осталась жить постоянно, чтоб никто не мучился по ней, не тратил-бы на нее своего сердца и тела, [и сердца,] которое она родила. Но мать не вытерпела [жить] жить долго.

Утром шестеро сыновей подняли гроб на [руки] плечи и понесли его [по улице / улице] закапывать, а старик [взяли] взял внучку на руки и пошел им вслед[,]; [довольный и гордый] он теперь уже привык тосковать по старухе и был [отчасти] доволен и горд, что его также будут хоронить эти шестеро могучих людей, и не хуже.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 127, л. 1–10; карандаш.

³ Запись в верхней части л. 9: Не физик, а артист?

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ

«ПИСЬМА О ЛЮБВИ И ГОРЕ»: ПИСЬМО И ТЕКСТ

«Письмо — самая свободная и таинственная форма письменного общения людей,— и самая целомудренная. Письмо — однолюб: оно — по идее, по существу, по форме, по назначению,— всегда обращено к *одному*, рассчитано на *единственного* читателя, в мире и во времени, и потому те, кто, прочитав, сжигают письма или уничтожают их в конце своей жизни,— правы: каждый второй, прочитавший письмо, уже разрушил его форму, его *specificum*, уже сделал его не *письмом*, а воззванием, обращением, прокламацией, чем-то, обращенным ко всем. Но в своем интересе к письмам как к историко-литературному чтению мы правы: человек узнает о человеке, если прибегает к письменным источникам, что-нибудь правдивое только в письмах, только в том, что человек открывает другому один на один. И то, что в письмах, случается, лгут — ничего не говорит против сказанного: лгущий сознательно другому в письме дает тем самым великолепную характеристику или своего малодушия и слабости (Тургенев), или своего предельного уединения — желания оградиться от всех (Гоголь).

Письмо, в своей правде или неправде, всегда честнее лгущего монолога — всяких “исповедей” от блаженного Августина до неумного Ивана Наживина. Письмо всегда правдивее “воспоминаний” — в письмах человек в своей “близости”, в своем “довлеет дневи”, в своем болотце или низинке, а “воспоминания” всегда — с горки, откуда видно дальше, но туманнее, золотистой и обманной. Письмо — самое интимное употребление человеческого слова, и самое смиренное — равно доступное Пушкину и рязанской бабе, пишущей чужою рукою сыну на чужбину.

Как хорошо, что литературоведы не придумали еще пока никакой науки о письмах! Но как, и без этой науки, ясны пишущие письма — по письмам: неумный Пушкин, отшучивающийся от самого себя Вл. Соловьев, страстно-мыслительный Леонтьев, бесцветно-провинциальный Короленко — как они ясны по тону и по духу своих писем. И тот, кто богаче и разностороннее духовно, тот богаче всего прежде всего в письмах! Вот отчего письма Розанова — великое произведение, целый клад, огромный рудник, а письма Короленки — жалкая обывательщина неумного провинциала с “четными идеями”.

Писем теперь не пишут. Письма умерли, как умерло тепло жизни и угас мудрый уют бытия. Опубликованные до сих пор письма новых людей — Блока, Брюсова — нищенски бедны и серы. Это оттого, что и Блок, и Брюсов в сравнении с Пушкиным, Киреевским, Жуковским — слишком публичны, слишком типографичны: их письма пахнут типографской краской, на них нет отсвета домашнего ками-

на, над ними не мурлыкал уютом домашний величавый кот, как намурлыкал он ласки и тепла в письмах Пушкина или Розанова.

Умрет письмо — и еще что-то большое, мудрое и ласковое умрет в человеке. Еще меньше любви и человечности станет в сохнувшем и вянувшем Божьем мире»¹.

Приведенный фрагмент текста взят нами из дневника С. Ф. Дурьлина (1884–1954), выдающегося русского искусствоведа и филолога, современника А. Платонова и друга В. Розанова. Запись относится к 1926 г. и многое описывает из круга философской, общекультурной и филологической проблематики эпистолярия XX в. как самостоятельной гуманитарной темы. Мы пропустили эту тему при анализе художественного мира Платонова, где эпистолярные формы представлены во всем их возможном много- и разнообразии и имеют высокий повествовательный статус. Подготовка к публикации одного из самых интимных пластов эпистолярного наследия — личных писем писателя, обнажив этот пробел в наших аналитических исследованиях, потребовала заново описать ранее не рефлектируемые темы биографии писателя, поэтики и контекста. Набор и реестр данных тем формирует, точнее, диктует, с одной стороны, реальный комментарий эпистолярия, а с другой — художественный текст Платонова, с его подвалами-хранилищами фактов и событий личной и общей жизни.

В эпистолярном наследии Платонова его переписка с невестой, а затем женой Марией Александровной Кашинцевой-Платоновой (1903–1983) занимает центральное место. Они познакомились в Воронеже начала 1920-х гг. Студентка Воронежского университета красавица Мария Кашинцева была из другого — петербургского — мира, не только по рождению. Семья Кашинцевых в 1918 г. уехала из голодного, потрясаемого революционными событиями Петрограда сначала на Север, в Петрозаводск, затем в 1919 — в Воронеж. В этом же году Мария Кашинцева становится студенткой университета, сначала факультета общественных наук, а в пору знакомства с Платоновым она уже студентка словесного отделения филологического факультета². В ее облике смешались литературные черты лирических героинь Александра Блока и современности, отмеченной пафосом новой любви, новой семьи и «освобожденной женщины». От литературы и литературности эпохи двадцатых идет выстраивание собственной биографии. В Петрозаводске Мария Кашинцева уже стала Музой командира Красной армии Леонида Александрова и благословила его на борьбу с Юденичем. Обожанием окружена она и в Воронеже. Среди ее поклонников знаменитый в те годы организатор театральной жизни Воронежа, заведующий подотделом искусства губисполкома Георгий Малюченко. Дворянин по происхождению (сын надворного советника) Жорж Малюченко легко вписался в актуальную драматургию революционной эпохи: для масс он организует уличные представления и карнавалы на главной площади города — площади 3-го Интернационала, для новой элиты — губернскую театральную студию и литературно-музыкальные вечера, на которых он любил музицировать с красавицей-филологиней Марией Кашинцевой³. Эстетикой юности революции окрашено изменение Марией даты своего рождения: вместо 1903 появляется 1905 год и 1 мая, День Интернационала (его официальное название в те годы). В 1970-е гг. Мария Александровна рассказывала, что она появилась на свет в этот день, потому что ее мать участвовала в первомайской демонстрации. Она была рождена для нового

света и успехов в нем. Но жизнь диктовала свои обстоятельства. Не все было благополучно в ее семье, родители развелись, наступал голод 1921 г. Она поступает на службу, летом 1921 едет учительствовать в село.

Для Платонова встреча с Марией Кашинцевой стала одним из главных событий 1921 г. До этого его муза билась над соединением двух несоизмеримых и яростно противостоящих миров — мирового Пролетариата-Массы и «детской семьи», прошлого и будущего. С 1921-го в этот непримиримый диалог входит третья фигура — Мария, Муся, Маня, Маруся, став платоновским символом красоты. Как и для его героев, она — «загадка природы», «глупа и красива, как ангел на церковной стене»⁴. И одновременно Мария, как и Пролетариат, была из нового мира. Учительницей боролась с крестьянскими предрассудками в воспитании детей. Отношения в семейной жизни также выстраивала по-новому, в русле идеологии советского женского движения — «революции чувств и революции нравов» (А. Коллонтай). Церковный брак был аннулирован декретом «О расторжении брака» (29 декабря 1917), советские брачные законодательства (1918 и 1926 гг.) обеспечивали идеологию борьбы со старой семьей, коммунистическую мораль в области любви и брачных отношений, упрощали процедуру заключения и расторжения брака. Семейные отношения Платоновых официально были закреплены только в 1943 г.⁵ До этого — на официальной регистрации, как свидетельствуют письма, настаивал именно Платонов.

Мария Александровна упорно отвоевывала любящего мужа и от его родной семьи, где он был не только старшим сыном, но и во многом кормильцем. Примечательно, что в семейном архиве Платонова не сохранилось ни одной фотографии отца и матери писателя, нет и других материалов семьи Климентовых. Отсутствие в архиве реальных документов не исключают их присутствия в жизни и творчестве писателя. В сакрально-значимый план платоновского текста входят — наряду с образом невесты-жены — образ матери («Чевенгур»), переписка с братом («Епифанские шлюзы»), с сестрой («Котлован»), телеграмма отца о смерти матери («Третий сын»).

«Старый муж» Платонов во взглядах на семью и брак оставался человеком консервативным. Скорее всего, именно Платонов настоял на крещении сына Платона (7 ноября 1922 г.). Он работал для семьи, старался обеспечить безбедную жизнь жене и сыну, возможность их ежегодных летних отъездов. За исключением нескольких лет Платонов почти всегда находился на службе (губернский мелиоратор Воронежа и Тамбова, старший инженер-конструктор в Москве) и по тем временам неплохо зарабатывал. Мария Александровна занималась домом, сыном, вела светскую жизнь.

Филологиня Мария Кашинцева тоже хотела быть писательницей, желала писательской славы и собственного признания. В 1970-е гг. она не раз говорила, что, если бы не Платонов, она стала бы писательницей — не хуже Валерии Герасимовой. И она делала шаги на писательском пути. В 1930 г. Мария Александровна посещает литературные курсы знаменитого ГАХН; во второй половине 1930-х становится литературным сотрудником журналов «Дружные ребята», «Общественница», пишет рассказы, переводит с французского языка. В 1960-е гг., в пору первого «возвращения» наследия Платонова, которому мы обязаны ее активной деятельностью, пробует написать повесть о сыне, делает наброски к книге воспоминаний о ставшем наконец-то знаменитом муже. Но неутолимая страсть к собствен-

ному литературному творчеству и здесь берет права. Она составляет план книги «История молодого человека и молодой девушки 20 века»⁶. Материалом для книги становится история собственной жизни, в которой фрагменты фактов и сведений из жизни Платонова начинают видоизменяться, перемешиваясь с литературным материалом его наследия (письмами, записями, неоконченными произведениями) и содержанием классических автобиографических произведений писателя («Чевенгур», «Житель родного города», «Афродита» и др.) Не написанными остаются все три книги. Отличными выглядят и набрасываемые портреты Платонова. В официальных его биографиях, написанных для публикации, Платонов предстает классиком советской литературы, художником, верным идеям революции и социалистического строительства. При составлении хронологической канвы жизни и творчества Платонова она обращается за информацией к Г. З. Литвину-Молотову, но чаще — к произведениям писателя, особенно автобиографическим («Рассказ о потухшей лампе Ильича», «Афродита», «Юность строителя», «Житель родного города»). И — никакого личного сюжета. В записях же для себя она неустанно словно бы спорит с нарисованным ею же портретом: здесь много горького об отношении Платонова к семье, нелицеприятного о его литературном окружении. Здесь много того горя, которое отнюдь не исчерпывается злыми историческими обстоятельствами в судьбе писателя Платонова.

Для Платонова — с первой их встречи и до конца жизни — Мария-Муся оставалась его единственной любовью, Музой, роковой страстью, счастьем и мукой. Писанье писем к любимой как действие выливалось в своеобразные поэмы в прозе высокого строя лирики. Письма к Марии питают творчество, превращаются в прихотливые эпистолярные сюжеты его прозы, в которых реальное обретает метафизическую перспективу. Любовные письма открывают вход в область творческого преобразования реальности, которой занят Платонов-писатель.

Письма проливают особый свет на обостренные духовные поиски платоновских героев и одновременно — высокую душевную трагедию писателя. Это — исповедальные письма, открыто автобиографического и лирического характера. Почти все они — о любви и невозможности любви-семьи в новом веке. Это главная тема его писем к жене и глубинная тема творчества.

Своеобразные циклы писем складываются вокруг расставаний с любимой и центральных событий жизни Платонова: встречи с невестой (1921), работы в Тамбове (1926–1927), командировок в совхозы Поволжья (1930, 1931), поездок в Туркмению (весна 1934, январь 1935) и «по маршруту Радищева» (1937), отъездов на фронт в действующую армию (1942–1945). Письма появляются, как только писатель покидал дом и «верховный руководящий город», или когда любимая уезжала на юг, оказывалась в больнице (рождение дочери Маши, 1944), а он оставался в Москве и в доме один.

В реальных и метафизических странствиях вдали от дома с особым напряжением в письмах начинает звучать «мысль семейная» (Л. Толстой). Мучительная тема нестроений в собственном доме из писем переходит в творчество, где расширяет границы индивидуального и кристаллизуется Платоновым в тему едва ли не главной национальной и общекультурной трагедии XX века — разрушения дома в новом веке. Топос традиционного Дома, построенного «по старым правилам» («Житель родного города», 1946), в произведениях Платонова всегда включает как его важнейшие измерения русский пейзаж, храм, семейный род, детей, образ пуш-

кинской верной жены, сельское кладбище, сакральность обыденного. На языке эпохи традиционный дом (крепость) назывался «буржуазно-семейным убежищем» («Ювенильное море»). Культурно-историческая бездна, пролегающая между домом «старинного времени» и нового, описана в романе «Счастливая Москва» в картине *«того времени, когда не сводили лесов, убогое сердце было вечно верным одинокому чувству, в знакомстве состояла лишь родня и мировоззрение было волшебным и терпеливым, а ум скучал и плакал по вечерам при керосиновой лампе или в спящий полдень лета — в обширной, шумящей природе; когда жалкая девушка, преданная, верная, обнимала дерево от своей тоски, глупая и милая, забытая теперь без звука. Она не Москва Честнова, она Ксения Иннокентьевна Смирнова, ее больше нет и не будет (курсив наш.— Н. К.)»*⁷. Именно этим экзистенциальным порогом обозначается новый виток возрождения любовной темы в письмах Платонова 1935 г., в повести «Джан» (1935–1936) и в рассказах 1936 г., где в жизни современных героев впервые появляются образы любимых верных невест и жен, занятых строительством семейного очага («Фро», «Река Потудань», «Среди животных и растений», «Жена машиниста»).

Тема трудного пути к семейной гармонии составляет фабулу рассказа «Афродита» (1944), представляющего художественную автобиографию Платонова. Экспозиция рассказа строится на противопоставлении двух типов письма с главным для героя вопросом «Жива ли была его Афродита?» — «к людям и учреждениям» и «к природе, к небу, к звездам и горизонту и к мертвым предметам» и во многом снимается письмом Назара Фомина к исчезнувшей в вихрях войны жене Наталье Владимировне: «Фомин снял шинель и сел писать письмо к Афродите: “Дорогая Наташа, ты верь мне и не забывай меня, как я тебя помню. Ты верь мне, что все сбудется, как должно быть, и мы снова будем жить неразлучно. У нас еще будут с тобою прекрасные дети, которых мы обязаны родить. Они томят мое сердце тоской по тебе...”»⁸. Этот пронзительный финал (он отсутствует в современных публикациях рассказа) восходит к реальным письмам к жене после смерти сына (4 января 1943) и исполнен глубинно символического смысла в преодолении фабулы — «объективных обстоятельств» («Чевенгур») — через обретение героем духовного знания и зрения, сопряжение мира земного и небесного в пейзаже (письмо пишется героем в освобожденном от фашистов родном городе) и открытие вечного в текущем времени русской истории XX века и в семейной жизни Назара и Афродиты-Наташи. В пронизанной светом любви памяти героя (маркировка автобиографического сюжета как воспоминания героя) соединяются разные лики невесты-жены: изменчивый (Афродита) и тот, что продиктован именем героини, данным ей при крещении: Наталия означает «природная, естественная», а житие святой — символ верности жены единственному мужу. В каких хронологических отношениях находится интекст письма героя «Афродиты» и рождение в семье Платоновых дочери Маши (11 октября 1944 г.), то нам еще предстоит уточнить в датировке рассказа.

Личное, семейное, и мировое, лирика и история, частное и поэтическое, бытовое и литературное, etc., etc., etc... — эти непримиримые противоречия жизни и культуры пытаются разрешить переживающие муки любви герои Платонова: Бертран Перри («Епифанские шлюзы»), Александр («Однажды любившие»), Александр Дванов («Чевенгур»), Душин и Щеглов («Технический роман»), Сарториус и Самбикин («Счастливая Москва»), Назар Чагатаев («Джан»), Никита Фирсов («Река

Потудань»), Назар Фомин («Афродита»). Разрешить — *вместе* с автором, иногда — вслед за автором, иногда — предваряя сугубо личное послание. Можно сказать, что письма к любимой жене включаются не только в хронику жизни писателя, но и в хронологию творчества и в поэтику создаваемых произведений, раскрывают их жизненную основу. И одновременно — указывают на литературную традицию.

* * *

Разделить жизнь и искусство в письмах Платонова о любви не всегда удается. Как, впрочем, и по письмам к Марии Александровне мы вряд ли составим хронику семейной жизни писателя. О том, что Платонов смешивает ее реальный облик с эстетическими упражнениями в духе символистского понимания жизни как жизни поэта, первой заметила сама невеста, начертав на одном из первых писем Платонова 1921 г.: «Ваше чувство не ко мне, а к кому-то другому. Меня же Вы совсем не можете любить, потому что я не такая какую Вы идеализируете, и еще — Вы любите меня тогда, когда есть луна, ночь, или вечер — когда обстановка развивает Ваши романические инстинкты. Муся».

Если абсолютно согласиться с опровержением Муси, то легко встроить платоновские письма в концепцию литературного эксперимента, на которой в те годы настаивали формалисты, предлагавшие прочитать письма и дневники русских классиков лишь как эстетический документ, не имеющий никакого отношения к реальной личности писателя. Останавливает обнажающая искренность письма Платонова, где эстетическое взрывается, можно даже сказать, отменяется голосом голый правды жизни — не закрытой и не прикрытой ничем. В письмах жене и 1920-х, и 1930-х мы видим то же исповедание правды жизни, что прозвучало у Платонова в полемическом выступлении 1920 г.:

«Я двадцать лет проходил по земле и нигде не встретил того, о чем вы говорите — Красоты. <...> это оттого я никогда не встретил Красоты, что ее *отдельной*, самой по себе — нет. <...>

Я знаю, что я один из самых ничтожных. Это вы верно заметили. Но я знаю еще, чем ничтожней существо, тем оно больше радо жизни, потому что менее всего достойно ее. <...> Чем ничтожней существо, тем прекраснее и больше душа его. <...> Мы растем из земли, из всех ее нечистот, и все, что есть на земле, есть и на нас. Но не бойтесь, мы очистимся — мы ненавидим свое убожество. Мы упорно идем из грязи. В этом наш смысл. Из нашего уродства вырастает душа мира»⁹.

Эстетический манифест, каким является это выступление молодого пролетарского писателя Платонова, кристаллизует пушкинскую оппозицию жизни и искусства, в их неслиянности и одновременно нераздельности. Платонов выстраивает образ человека низовой жизни в культуре, педалируя (вариация темы «ничтожного») и укореняя в жизнь пушкинскую антитезу самого ничтожного человека («И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он» («Поэт», 1827) и поэта «божественного глагола», Аполлоновой (бог света и искусств в греческой мифологии) традиции, чтоб обозначить главную тему — тему пути человека-поэта. За платоновским «мы» не трудно увидеть символистские контексты прочтения Пушкина, прямой диалог с «символами красоты у русских писателей» (название статьи Ин. Анненского).

В 1927 г. к опоязовскому формальному «эксперименту» Платонов добавит понятие из пушкинской традиции творчества как «священной жертвы» («Поэт», 1827): «Вообще, настоящий писатель это жертва и экспериментатор в одном лице. Но не нарочно это делается, а само собой так получается» (письмо от 3 июля 1927 г.). В этой математически краткой и красивой формуле можно прочесть платоновский ответ на идущие от 1910-х гг. споры вокруг пушкинского исповедания отделения себя-человека от себя-поэта, принудительного молчания в творчестве о некоторых сторонах своей души (В. Брюсов. «Священная жертва», 1905), а также непримиримую полемику 1921 г. между поэтом В. Ходасевичем и формалистами о феномене Пушкина, сути искусства, отношениях между поэтом и человеком, творчеством и личностью, эстетикой и этикой. Если формалисты настаивали на разграничении жизни и творчества Пушкина, предлагали посмотреть на открытия Пушкина и историю русской литературы как смену литературных форм, анализировали биографический материал как один из элементов формального эксперимента, то Ходасевич (и не только он) настаивал на бесценности пушкинского понимания отношений жизни и искусства, «правдивости», «точности», «насквозь» автобиографичности его лирики¹⁰, а формалистское «отсечение формы от содержания и главенство формы» определял как «писаревщину наизнанку»¹¹.

Последовательных оппонентов у защитников пушкинско-символистской формулы автобиографичности текста и биографии-жизнетворчества было немало. Так, в статье-брошюре «Новейшая русская поэзии» Р. Якобсона программное утверждение — «предметом науки о литературе является не литература, а литературность, т. е. то, что делает литературным произведение», сопровождается живописным портретом антифилолога в облики сыщика: «А между тем до сих пор историки литературы преимущественно уподоблялись полиции, которая, имея целью арестовать определенное лицо, захватила бы на всякий случай всех и все, что находилось в квартире, а также случайно проходивших на улице мимо. Так и историкам литературы все шло на потребу — быт, психология, политика, философия. Вместо науки о литературе создавался конгломерат замороженных дисциплин. Как бы забывалось, что эти статьи отходят к соответствующим наукам — истории философии, истории культуры, психологии и т. д., и что последние естественно могут использовать и литературные памятники, как дефектные, второсортные документы. Если наука о литературе хочет стать наукой, она принуждается признать “прием” своим единственным “героем”»¹². Не менее воинственно в отношении биографического метода были настроены представители социологической школы. Возьмем формулировки из статьи классика школы В. Ф. Переверзева: «Я изучаю не творца, а творение; не биографию, а произведение. Я делаю это потому, что считаю необходимым для историка литературы идти всегда от литературных фактов, прежде всего. В литературном факте наименее интересным моментом я считаю его связь с авторской личностью и потому не ищу в творчестве отражения жизни писателя. Литературное явление — факт социальной жизни, и раскрытие его смысла сводится к пониманию социальной природы этого факта»¹³. Пролетарским критикам в то десятилетие биография естественно была нужна, так как «биография дает понять социальные корни творчества»¹⁴, но без мировоззренческо-методологического багажа «духовно-покойного Ходасевича»: «Пора навсегда *покончить* с совершенно ненаучными попытками рассматривать художественное творчество писателя, как сплошное отражение его личной жизни»¹⁵. «Ненаучное» вклю-

чало, по мнению цитируемого Г. Лелевича, внимание к писательским письмам и дневникам, дающим кроме полезного материала много «лишних черт для характеристики мирозозерцания и мироощущения писателя»¹⁶. Вопрос, а кто отделит главное от второстепенного («лишнего»), даже не ставился критиком.

Актуализация темы литературы и писательской биографии в двадцатые годы выходит за границы чисто литературоведческо-критического дискурса. Вспомним мандельштамовскую формулу XX века как эпохи «катастрофической гибели биографии»¹⁷. Да и в самой отечественной филологической науке этого десятилетия (заметим: важной составляющей литературного процесса) шли жаркие дискуссии о соотношении биографии, письма и текста. Дискуссии начались в среде самих формалистов. В 1923-м одним из защитников биографии выступил Б. Томашевский. Можно ли, задавал он вопрос, считать универсальным ключом, приложимым для всех литературных эпох, формалистский принцип «литературной функции» биографии. И отвечал — нет: «Бывали эпохи, когда личность художника совершенно не интересовала аудиторию. <...> Был большой уклон к анонимату, доставивший широкое поле для современных археологов-приписывателей». Реакция ученого на шекспировскую археологию: «Шекспир в биографическом отношении остается Железной маской литературы». Противоположный полюс — эпоха романтизма: «Поэты своей жизнью осуществляют литературное задание. И эта-то литературная биография и была нужна читателю». Появление вымышленного рассказчика в пушкинских «Повестях Белкина»: «И если автор хотел скрыться, то подавал вымышленного рассказчика. Биография стала элементом литературы». В середине XIX века фигуру поэта-героя сменили поэт-профессионал и делец-журналист. Последние, пишет Томашевский, уже не допускают «взоров до своей частной жизни» (Некрасов, Фет, Островский). Начало века начинается с отрицания утвердившейся с шестидесятых годов фигуры поэта: «Особый интимный стиль создал В. Розанов. Он весь, целиком, непричесанный, гулял по своим опавшим листьям. Он создал особую литературу семейных признаний и фамильярных бесед. <...> Дело историков культуры решить, насколько реален тот облик его, который он тщательно вырисовывал...» Эпоха символизма развила и утвердила, по Томашевскому, «биографический лиризм» (поэт «с лирической биографией» Блок), а проклинающий символизм футуризм делает «последние выводы из романтической установки на автобиографию. Автор действительно становится героем книги»¹⁸.

Эксперимент с автобиографической реальностью, представленный романом В. Шкловского «ZOO, Письма не о любви или Третья Элоиза» (1923), вписывается в корпус металитературной постсимволистской прозы, самокритично описывающей литературное производство. Манипуляцией с жанровыми элементами эпистолярного романа достигается эффект обнажения условности приема эпистолярия. Получилось по авторской иронической самохарактеристике, данной в предисловии: «что-то вроде романа в письмах»¹⁹. «Третья Элоиза» оказывается прежде всего самосознанием литературы, достигшей своего тупика и переживающей глобальный кризис как ее родовых и жанровых институций, к которым относится эпистолярный, так и их имитантов. Как заметил один из исследователей экспериментального романа Шкловского: «авторская сверхпозиция, расположенная в метадискурсе, внутренне не изоморфна» ни одному из содержащихся в тексте автокомментариев, и в «компетенцию текста не входит разрешение противоречий, возникающих в процессе интерпретации»²⁰. На фабульном уровне у «книги о непонимании»

есть финал. Это замена любовного диалога — диалогом с социальными институтами: последнее письмо адресовано не Але, превратившейся в литературу-прошлое («Аля — это реализованная метафора»), а во ВЦИК СССР (игровой прием самой истории: «Условность той игры с реальностью, в которую традиционно вступает роман в письмах»²¹). Демонстрируя финалом следующий культурный период литературы (лефовское жизнестроение, социальный заказ и теорию факта), Шкловский оставляет поля противоречий, не снятых подобным фабульным завершением «Третьей Элоизы». Одним из таких обрушений формалистско-лефовского здания выступает «документ» — последнее Алино послание:

«Ты говоришь, что знаешь, как сделан “Дон-Кихот”, но любовного письма ты сделать не можешь.

И ты все злеешь и злеешь.

А когда ты пишешь любовно, то захлебываешься в лирике и пускаешь пузыри... <...>

Любовных писем не пишут для своего удовольствия, как настоящий любовник не о себе думает в любви»²².

Это одно из неснятых противоречий повествования — вопрос без ответа, в наибольшей степени коррелирует с формалистской литературно-теоретической установкой на преодоление символистского философско-поэтического канона. Особенно ярко это противоречие проявится в отношениях формалистов к «литературной личности» Есенина. Доказывая, что Есенин почти эпигон Блока, Тынянов в статье «Промежуток» (1924) не скрывает, что формальная слабость Есенина проистекает от его силы: «Силен он был эмоциональным тоном своей лирики». И здесь же: «Читатель относится к его стихам как к документам, как к письму (курсив наш.— Н. К.), полученному по почте от Есенина»²³. В 1926-м Эйхенбаум говорит о последовательном автобиографизме Есенина: главной темой его «лирического дневника», «переписки» с читателем оставалась «его собственная судьба, его собственная личность»; «последняя исповедь»: «Нам исповедовался человек, который чувствовал себя уже только собственной лирической темой»²⁴.

Платонов входит во всесоюзную литературную жизнь в 1926 — есенинском — году. Год после самоубийства Есенина проходит в литературе под знаком его автобиографической лирики, а главным жанром, в котором поэты самых разных направлений объясняются равно с Есениным и с собственной биографией, становится эпистолярный. Никогда более, как в этом году, не было написано в русской литературе столько исповедальных писем — матери, женщине, другу. Есенинский лирический эпистолярный, особенно ставшее лирическим каноном знаменитое «Письмо матери», разворачивает и обнажает метафизические бездны и пустоты новой лирики и ее творцов. Несмотря на все усилия власти и литературно-критической общественности, реальная русская литература переваливала во вторую половину десятилетия все так же не преодолевшей наследие символизма с его глубинным религиозным переживанием тайны жизни и творчества.

Платонов сводит в единый образ понятия «экспериментатор» и «жертва», понятия из языка противостоящих в современности литературных эстетик. И это его путь, он уже объединил в общем символе неведомого великого эпоса жизни в XX веке огромные миры, пребывающие в разъединенности, — детскую веру и современность, религиозный свет веры и свет ГОЭЛРО, христианскую «песнь» любви и «песни» заводских гудков, живую природу и технику и т. п.

Попытаемся очертить контекст литературной современности и литературной традиции любовных писем Платонова. Замес обеих ярко обозначается в письмах из Тамбова. Они были использованы Платоновым в качестве материала при написании повести «Однажды любившие». Идея подобной повести приходит к Платонову в Тамбове, и он испрашивает разрешения у жены (письмо от 13 января 1927 г.). Ответ нам не известен (письма Марии Александровны в фонде отсутствуют). Повесть осталась незаконченной. Не хватило материала? Ощущение эстетического риска остановило руку писателя на середине недописанного письма Александра? Или остановил этический порог?

Незаконченный «эксперимент», каким является «повесть в письмах», представляет безусловную ценность как уникальная область «тайного тайных» писателя, лаборатория творческого преобразования реального. Это и документ эстетики Платонова, во многом развивающий круг идей о новых литературных формах, являющихся «приемниками жизни» (статья «Фабрика литературы», 1926). Если в последней «приемником жизни» названа записная книжка, то в «предисловии собравшего письма», открывающем повесть «Однажды любившие», — любовные письма. Здесь тот же, что и в «Фабрике литературы», современный литературный контекст: опоязовская концепция литературной эволюции, левовская «теория факта», есенинские «письма», диалог с Маяковским, продолжение полемики с В. Шкловским, теперь уже как автором повести в письмах «ZOO. Письма не о любви» (экземпляр книги имеется в фонде Платонова). И, конечно, любимый Платоновым В. Розанов, узаконивший переписку в качестве новой жанровой формы в книгах 1913 г. («Литературные изгнанники» и «Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову»).

Общая установка о письмах как важнейшем документе жизни, а потому и эстетическом феномене:

«По-моему, достаточно собрать письма людей и опубликовать их — и получится новая литература мирового значения. Литература, конечно, выходит из наблюдения людей. Но где больше их можно наблюдать, как не в их письмах?»

Я всегда любил почту — это милое бюрократическое учреждение, с величайшей бережностью и тайной влекущую открытку с тремя словами приветя через дикое сопротивление климата и пространства!» («Однажды любившие»).

Данная установка наполнится сюжетным содержанием в романе «Чевенгур» (сцена чтения крестьянами любовных писем героев) и получит дальнейшее эстетико-теоретическое развитие в статье Платонова о крестьянских письмах²⁵. Главный предмет эстетической рефлексии в «предисловии» к «Однажды любившим» составляет феномен любви и письма к женщине «о сущности любви» как определенной жанровой формы:

«В чем увлекательность и интерес любви для стороннего наблюдателя? В простом и недостаточно оцененном свойстве любви — искренности. <...>

Любовь — мера одаренности жизнью людей, но она, вопреки всему, в очень малой степени сексуальность. Любовь страшно пронизательна и любящие насквозь видят друг друга со всеми пороками и не жалуют один другого обожанием».

Последнее читается как авторская ремарка к реальной переписке, а далее идет отклик на любовные послания (письма) Есенина и Маяковского, утверждается,

что «любовь совсем не собственничество» (а, следовательно, и письма о любви), а «между любовью и жизнью» не только нерасторжимая связь, но, оказывается, пролегал «принципиальная разница».

Одно из объяснений к платоновскому эксперименту с реальными письмами мы находим у филологов формальной школы, одной из популярных в эти годы, школы, к идеям которой Платонов присматривался с 1924 г. В платоновском ироническом пассаже — «...Шекспир удовлетворительно писал бы и о слесарях, если бы был нашим современником»²⁶ («Фабрика литературы»), — угадывается концепция литературной эволюции, на которой настаивали формалисты. В понимании же генезиса литературы — его расхождение с учителями-формалистами было фундаментальным. Формалисты настаивали на имманентности развития литературных форм, считали исчерпанным путь русского психологического романа и повести, а будущее русской литературы видели в развитии сюжета и западного авантюрного романа, а с середины 1920-х — лэфовской теории факта. В 1926 г. Платонов воплотит принципом «реализации метафоры» комплекс формалистских и лэфовских идей — получился гибрид, феерия иронии, сколь смешная, столь и угрюмая «фабрика литературы» по производству новых форм. Искусство, правда, на этой грандиозной постройке новой, еще не бывалой, литературы, почему-то оказалось на периферии, ибо помимо «материала», монтажа и др. экспериментов, оно остается явлением жизни и ее органической потребностью: «Искусство, как потение живому телу, как движение ветру, органически присуще жизни»²⁷. В каскаде платоновских определений формализма весьма любопытно сравнение эстетов формализма с таким антиэстетическим явлением как бюрократизм: «изобретатель формализма — бюрократизма литературы» (запись о В. Шкловском, см. ниже примечание к письму 1928 г., с. 494–495 наст. издания). Получается, если следовать этой аналогии и портретам платоновских бюрократов, что те и другие занимаются упорядочением жизни, иногда — ее полным уничтожением. Но — уничтожить до конца даже слабый голос жизни не может никто даже из самых упертых платоновских бюрократов. При этом заметим, что под пером Платонова бюрократ вовсе не выглядит однозначно сатирической фигурой. Достоинства его из той же функции, что и недостатки: упорядочить стихию жизни в ее анархических устремлениях.

В литературных спорах десятилетия о русской классике Платонов вновь и вновь возвращается к концепциям формалистов, идет с ними до того момента, когда они начинают давать универсальные формулы творчества и истории русской литературы. «Прошлое, как бы оно ни возрождалось, есть уже мертвое, убитое самим временем»²⁸ — утверждал Б. Эйхенбаум. Однако самыми современными писателями почему-то в двадцатые годы оказываются именно русские классики, во главе с Пушкиным. Не только для массового читателя двадцатых, но и для будущих классиков русской литературы XX в. К Пушкину обращаются Есенин, Ахматова, Ходасевич, Маяковский, Пастернак, Булгаков, Зощенко — и не только в поисках новых литературных форм, но и за темами, уроками жизни в искусстве, за опорой в отстаивании собственной литературной позиции и выстраивании биографии.

Как читать дневники Толстого? — Как документ творчества, отвечает Б. Эйхенбаум, но никак не душевной жизни писателя: «... главное содержание его ранних дневников состоит в разложении собственной душевной жизни на определенные состояния, в напряженном и непрерывном самонаблюдении и осознании. Легко поэтому впасть в психологическую интерпретацию и поддаться обману. Речь

здесь идет не о натуре Толстого, а об актах его творческого сознания...»²⁹; «Толстого интересует не этическое содержание всех этих правил и определений, а самая форма, самый метод...»³⁰. Однако даже пролетарские прозаики, выбросившие в 1926 г. лозунг «Учебы у Толстого», читают дневники Толстого *неправильно*, совсем не так, как советуют учителя-формалисты. Можно сказать, что само понятие жизни, особенно русской жизни и русской истории, понятие, атакованное в двадцатые годы по всем позициям — социальным, религиозным, этическим и эстетическим, обретается в напряженном диалоге с классиками, прислонении к ней, в чтении и дочитывании непрочитанного в их наследии — как в их жизни, так и в творчестве.

На пушкинскую литературную традицию подобного перемалывания и переламывания Платоновым жизненного материала указывает в «Однажды любивших» исходная установка на заключенное в любовном послании конкретное и единичное, в которых и содержится всеобщее и мировое, а также любопытная реминисценция и аллюзия:

«Я не говорю, что помещаемые ниже письма я нашел в “старой корзине под сломанной кроватью”, или в урне клуба, или на чердаке или я получил их в наследство от умершего родственника. Этого не было. Письма эти действительны. Корреспонденты еще живы и существуют где-то затаенной счастливой жизнью, полной, однако, по совместительству, общественной деятельности очень большого масштаба».

Кавычки поставлены не совсем точно, но традиция «остранения» литературы обозначена: это вовсе не лэфовская «теория факта», а Пушкин, и его «История села Горюхина». У Пушкина пребывающий в муках творчества повествователь озабочен созданием произведений о «истинных и великих происшествиях», видит смысл творчества в том, чтобы: «Быть судиею, наблюдателем и пророком веков и народов», и никак не может найти высокой эстетики в окружающей его реальности: «История уездного нашего города была бы для меня удобнее, но она не была занимательна ни для философа, ни для прагматика, и представляла мало пищи красноречию»³¹. Мы слышали эту интонацию у Платонова в «Фабрике литературы», где Пушкин называется в авторитетном ряду русских и мировых писателей, работающих с реальными документами описываемой ими эпохи (Пушкин-архивист и создатель исторической повести). Высокую эстетику уездной жизни Платонов уже открыл в эту пору, не без помощи Пушкина. «Епифанские шлюзы» и «Город Градов» — пушкинские повести — написаны в Тамбове, ставшем Болдинской осенью Платонова.

Если стилистика исторической повести у Платонова ориентирована на главный петербургский текст Пушкина («Медный всадник»), то повесть о современности («Город Градов») — на «Историю села Горюхина», из которой залетели в Градов некоторые пушкинские образы и детали: «темные предания» (VI, 191), «вольные хлебопашцы» (VI, 186), «ужасный пожар» (VI, 183), изготовленные детьми из летописей змеи (в Градове — из газет) и т. п. Очевидно, что и градовский сюжет с отрывными листками календаря, на которых «граждане метили свои непрерывные обязанности», в его предметно-реалистическом плане (источником «фактов» является рубрика «Тамбовский день» губернской газеты) вдохновлен пушкинской поэтикой записей на старых календарях, представляющих «полную историю моей отчизны в течение почти целого столетия в самом строгом хронологическом по-

рядке» (VI, 183). Пусть и не в таком масштабе, но в «художествах» записей градоцев прочитывается живая история России новейшего времени. Примечательно, что аналогичные детали-образы взяты Платоновым из того источника, через который обретает пушкинский повествователь выход из жизненного и эстетического тупика. Это — низовая русская жизнь. Это, во-первых. Во-вторых, этот выход открывается у Пушкина «нечаянным случаем» («нечаянно» — одно из любимых в словаре Платонова):

«Баба, развешивая белье на чердаке, нашла старую корзину, наполненную щепками, сором и книгами» (VI, 183).

Игровой прием неточности пушкинской цитаты при одновременном сохранении в тексте пушкинского «чердака» работает на вполне серьезную тему — описание современной Платонову литературы, актуализировавшей элементы поэтики пушкинских «Повестей Белкина» и «Истории села Горюхина» («Сентиментальные повести» М. Зошенко, «Записи Ковякина» Л. Леонова). «Сломанная кровать», скорее всего, позаимствована у А. Толстого («Рукопись, найденная под кроватью»). Вырисовывается и актуальное и почти массовое в прозе 1920-х гг. обращение к эпистолярно и использование его повествовательных возможностей³².

Союз «не» в платоновском тексте работает на уточнение: у Пушкина на чердаке обнаруживаются записи на календарях, а у Платонова — письма. Ироническая рефлексия не задевает пушкинский текст и всецело относится к современному, где «письмо» выступает лишь повествовательным приемом, во многом — вторичным. Напомним, что именно в незнании жизни Платонов обвинит современную литературу в статье «Фабрика литературы». Это наше утверждение о безусловной ценности для Платонова пушкинского текста исходит, во-первых, из реальных платоновских писем, которые он, как и пушкинский повествователь, в «Однажды любивших» составляет в строго хронологической последовательности. Во-вторых, из пушкинского подтекста писем Платонова из Тамбова. Тамбовские письма Платонова в буквальном смысле пронизаны пушкинскими цитатами, прямыми и образными отсылками именно к пушкинским изгнаниям — ссылкам на Кавказ, в Михайловское, заточению в Болдино осенью 1830 и 1833 гг.

«Относительно же моего положения я не мог скрыть, что оно ложно и сомнительно. Я исключен из службы в 1824 году, и это клеймо на мне осталось» (X, 806) — писал Пушкин в письме к Бенкендорфу от 16 апреля 1830 г.

Летом 1926 г. Платонов оказался в не менее ложном и сомнительном положении: он теряет службу, его увольняют с выборной должности; безработица, безденежье, скандальность выселения из Центрального дома специалистов. С этим «клеймом» скандалиста он приезжает на место новой службы в Тамбов зимой 1926 г. В вагоне поезда заканчивает «Осеннюю поэму» (ср. с пушкинской «Осенью»).

Портрет незадачливого мужа Платонова оказывается весьма близким к пушкинскому периода Болдинской осени 1830 и 1833 гг. Это не литературный пушкинский миф Маяковского («Юбилейное»), и не литературная проекция на биографию Пушкина. Перед нами уникальное совпадение жизненных ситуаций. Причем, эти совпадения осознавались самим Платоновым. В письмах к Марии Александровне он пытается объясниться с любимой женой стихами Пушкина, открытыми Пушкиным темами, ситуациями пушкинских ссылок... Кажется, на рабочем столе Платонова в это время были и письма Пушкина (какое издание — предстоит

еще уточнять). Эпистолярное наследие Пушкина интенсивно осваивалось в первые десятилетия XX в. и входило в актуальный литературный и филологический контекст. Для Платонова письма Пушкина становятся верным собеседником и подмогой в определении собственной литературной позиции, да и в переписке с любимой женой Марией. Параллели читатель проведет самостоятельно при чтении писем Платонова. Напомним основные темы пушкинского эпистолярного романа 1830-х гг.

У Пушкина — в письмах к Наталье Николаевне — Болдино выглядит тюрьмой, в которой поэтом переживается двойственность его положения — возможность расторжения помолвки, неуверенность в возможности счастья-брака:

«Я уезжаю в Нижний, не зная, что меня ждет в будущем. <...> Быть может она [матушка] права, а неправ был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь» (авг. 1830; X, 816);

«...ваша любовь — единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка <...>. Не лишайте меня этой любви и верьте, что в ней все мое счастье» (30 сент. 1830; X, 818);

«Въезд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдине. Во имя неба, дорогая Наталья Николаевна, напишите мне, несмотря на то, что вам этого не хочется. Скажите мне, где вы? <...> Я совершенно пал духом и право не знаю, что предпринять. <...> Болдино имеет вид острога, окруженного скалами. Ни соседей. Ни книг. Погода ужасная. Я провожу время в том, что мараю бумагу и злюсь» (11 окт. 1830; X, 818–819);

«Не достаточно этого, чтобы повеситься?» (4 нояб. 1830; X, 819).

В письмах Пушкина к друзьям 1830 г. тема вынужденного болдинского заточения дополняется новыми деталями и существенными уточнениями:

«Я уезжаю, рассорившись с г-жой Гончаровой. На следующий день после бала она устроила мне самую нелепую сцену, какую только можно представить. Она мне наговорила вещей, которых я по чести не мог стерпеть» (В. Ф. Вяземской, авг. 1830; X, 816);

«Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать. <...> Ах, мой милый, что за прелесть здешняя деревня! <...> пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всякой всячины, и прозы и стихов» (П. Плетневу, 9 сент. 1830; X, 306–307);

«Я, душа моя, написал пропасть полемических статей...» (А. Дельвигу, 4 нояб. 1830; X, 314);

«Скажу тебе (за тайну), что я в Болдино писал, как давно уже не писал. <Далее перечисляется написанное.— Н. К.> Хорошо? Еще не все...» (П. Плетневу, 9 дек. 1830; X, 324).

В письмах к Наталье Николаевне 1833 и 1834 гг. из Болдино темы творчества и личной жизни переплетаются, ранее сообщаемые только друзьям «тайны» доверяются жене, чье поведение становится частью личной, семейной и творческой жизни поэта. В письмах «ангелу» и «женке» Пушкин постоянно отчитывается о встречах и написанном, воспитывает жену, уверяет в собственной верности («грех подозревать меня в неверности» — X, 420). Одной из сквозных тем воспитания Натальи Николаевны становится кокетство красавицы-жены:

«Нехорошо только, что ты пускаешься в разные кокетства...» (27 сент. 1832; X, 419);

«...кокетничаешь со всем дипломатическим корпусом, да еще жалуешься на свое положение...» (3 окт. 1832; X, 422);

«Того и гляди избалуешься без меня, забудешь меня — искокетничаешься» (2 окт. 1833; X, 449);

«Не страшай меня, женка, не говори, что ты искокетничалась; я приеду к тебе, ничего не успев написать — и без денег сядем на мель. Ты лучше оставь уж меня в покое, а я буду работать и спешить» (8 окт. 1830; X, 450);

«Я пишу, я в хлопотах, никого не вижу — и привезу тебе пропасть всякой всячины» (11 окт. 1833; X, 451);

«...кокетничать я тебе не мешаю, но требую от тебя холодности, благопристойности, важности...» (21 окт. 1833; X, 452);

«Ты, кажется, не путем искокетничалась. Смотри: недаром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. В нем толку мало. Ты радуешься, что за тобою, как за сучкой, бегают кобели, подняв хвост трубочкой <...> К чему тебе принимать мужчин, которые за тобой ухаживают? не знаешь, на кого нападешь. <...> и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мне свою беспутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливай, и меня не забывай. <...> Да, ангел мой, пожалуйста не кокетничай...» (30 окт. 1833; X, 453–454).

Тема верной жены кристаллизуется в пушкинских письмах к жене в «мысль семейную», она возникает в связи с сюжетом распечатанного любовного письма («Без тайны нет семейной жизни» (X, 484)) и вырастает в нравственный императив:

«Без политической свободы жить очень можно; без семейной неприкосновенности <...> невозможно: каторга не в пример лучше» (3 июня 1834; X, 486–487).

«Кочевническая жизнь» питает творчество, а, следовательно, дает средства к существованию, обеспечивает материальную сторону семьи, помогает выбраться из долгов, и она же причина разлук с любимой женой и семьей:

«Скучно жить без тебя и не смей даже писать тебе все, что придет на сердце» (8 июня 1834; X, 489);

«Умри я сегодня, что с вами будет?» (28 июня 1834; X, 494);

«...кроме тебя в жизни моей утешения нет — и жить с тобою в разлуке также глупо и тяжело. Но что делать?» (30 июня 1834; X, 496);

«Я сплю и вижу, чтоб к тебе приехать <...> рад бы в рай, да грехи не пускают. Дай, сделаю деньги, не для себя, для тебя. Я деньги мало люблю — но уважаю в них единственный способ благопристойной независимости» (14 июля 1834; X, 504).

Казалось бы, все темы согласованы... Однако упорядоченность взрывается в главном неразрешимом вопросе — писать для рынка и для семьи оказываются на одном полюсе, а поиск истины и «вдохновение» — на другом, прямо противоположном. Об этом в знаменитом «Разговоре книгопродавца с поэтом» (1824), в письмах к друзьям:

«Вообще пишу много про себя, и печатаю поневоле и единственно для денег: охота являться перед публикою, которая Вас не понимает <...> Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок» (Н. Погодину, 7 апр. 1834; X, 470).

И об этом же — к властям:

«В работе ради хлеба насущного, конечно, нет ничего унижительного; но, при-

выкнуд к независимости, я совершенно не умею писать ради денег...» (А. Бенкендорфу, 1 июня 1835; X, 837).

Платоновский изгнанник инженер Бертран Пери видит дорогу к любимой из изгнания на тех путях, что указывает пушкинский книгопродавец: он должен прославиться («Но сердце женщин славы просит: / Для них пишите...») и заработать много денег («Внемлите истине полезной: / Наш век торгаш; в сей век железный / Без денег и свободы нет» (II, 191, 194). Бертран верит, что Мэри полюбит его — великого строителя петровской эпохи, а деньги позволят обрести независимость и семейное благополучие... Путь советов оказывается ложным: не славу и независимость, а смерть находит Бертран в реформируемой России. Ошибки Бертрана имеют фундаментальный характер: он не понял тайны женщины и тайны русской истории...

Приведенные фрагменты писем Пушкина позволяют увидеть в письмах Платонова очевидные прямые аналогии в развитии темы любви, семьи, творчества и современной литературы. Пушкинская тема невольного «заточения» («Прощание», 1830; III, 184) и разлуки с любимой развивается в письмах Платонова не без прямой оглядки на письма Пушкина к невесте и жене Наталье Николаевне Гончаровой. Те же, что у Пушкина, темы: безумная ревность, мольба о любви, безденежье, долги, «судьбины гнев», тоска, окружение, литературное одиночество, литературная слава, физическая смерть, «рынок», невозможность вырваться, страх утраты любимой, отход от столичных литературных тем... И преодоление непреодолимого в одной лишь сфере — в творчестве. Любимая пушкинская характеристика написанного в изгнании («написал пропасть») появляется и у Платонова: «Я такую пропасть пишу, что у меня сейчас трясется рука» (письмо от 30 янв. 1927). Через образ пушкинского «вшивого рынка» определяется установка Платонова на создание романа о Пугачеве (еще одна пушкинская традиция): «Я хочу в Пугачеве работать для себя, а не для рынка. Будь он проклят!» (письмо от 28 янв. 1927). Заметим, что и Пушкин писал «Историю пугачевского бунта» — «для себя».

Пушкинская тема безусловной откровенности («искренности») автора в открытой исповеди и сокровенности в «хладнокровной прозе» (письмо П. Вяземскому, 1825; X, 190) диктует Платонову: «Истинного себя я еще никогда и никому не показывал, и едва ли когда покажу. Этому есть много серьезных причин, а главная, — что я никому не нужен по-настоящему» (письмо от 25 янв. 1927). Пушкин помогает в кристаллизации темы верной музыки, посещающей поэта только в уединении. Через путь Пушкина и с пушкинскими смыслами оформляется в письмах 1927 г. сюжет литературного центра и русской провинции как едва ли не главный в творчестве Платонова — со времени тамбовской ссылки и до конца жизни писателя. На одном полюсе оказываются собственная и массовая неустроенная жизнь, на другом — «блестящая, но поверхностная Москва» (письмо от 13 февр. 1927). В трагедии «14 Красных избушек» современным содержанием (голод 1932–1933) наполняется пушкинская оппозиция трагедии народной жизни и «собачьей комедии нашей литературы»: «Когда в глазах такие трагедии, некогда думать о собачьей комедии нашей литературы» (письмо П. Вяземскому от 3 авг. 1832; X, 373). В статьях о Пушкине 1937 г. Платонов подведет итог добытому им опыту спасения через Пушкина и с Пушкиным, а интерпретацию произведений Пушкина наполнит контекстом собственного творчества и собственного писательского и жизненного

пути. «Как бы невзначай, непреднамеренно он [Пушкин] начинает великую русскую прозу XIX и XX века» (статья «Пушкин — наш товарищ») — это о повороте в жизни и творчестве Пушкина, связанном с Болдинским периодом, и, можно сказать, о Болдинской осени самого Платонова 1926–1927 г. В статье «Пушкин и Горький» Платонов противопоставит Пушкина и Горького, закрепив за Пушкиным «расширенное понятие жизни», а за Горьким — почти формалистское «гуманитарное понимание литературы», в котором тот ушел «дальше своего учителя».

В пушкинском контексте писем Платонова к Марии Александровне из Тамбова, возможно, находится одно из объяснений, почему эксперимент 1927 г. с реальными письмами в повести «Однажды любившие» остался незавершенным. Читаем в пушкинском письме Наталье Николаевне от 18 мая 1834 г.: «Смотри, женка: надеюсь, что ты моих писем списывать никому не даешь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это ее дело, и тут одно неприятно: тайна семейственных сношений, проникнутая скверным и бесчестным образом; но если ты виновата, так это мне было бы больно. Никто не должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни. Я пишу тебе, не для печати; а тебе нечего публику принимать в наперсники» (X, 484). У Пушкина это звучит как нравственный императив. Случайное ли это совпадение, или нечто более глубинное, но сюжет распечатанного письма и чужих соглашения появляется в письмах Платонова к Марии Александровне 1935 г. и исполнен также пушкинского этического пафоса. Возможно, именно моральная сторона сыграла свою роль в приостановке эстетического эксперимента Платонова 1927 г. и личные письма к жене остались нераспечатанными. Примечательно, что и другие произведения, в которых личная семейная жизнь превращалась Платоновым в тему и сюжет, остались незавершенными («Строители страны», «Технический роман», «Счастливая Москва»).

* * *

Распечатывая сегодня семейные письма Платонова, мы нарушаем авторскую волю. Так случается со всеми классиками, ибо история их личной жизни принадлежит не только им, но и литературе, культуре и истории. А потому, как писал Пушкин Наталье Николаевне о его письмах к ней, важно, «чтоб не пропала ни строка пера моего для тебя и для потомства» (25 сент. 1832; X, 418). Письма Платонова к Марии Александровне — это письма и «для потомства», важнейшая часть наследия, писательское «тайное тайных» и одновременно источник богатейшей информации о жизни и творчестве писателя, о литературной среде и отношениях в ней и к ней, о замыслах написанного и ненаписанного и их датировках... Этот источник безусловно требует сложнейшей ювелирной коррекции прямых платоновских оценок, формулировок и характеристик, велит учитывать при их интерпретации не только адресат писем, но и включенность письма в творческую лабораторию писателя. Это относится не только к адресату писем и любовно-семейной теме, но и к другим оценкам. Скажем, образу провинциального мещанского Тамбова в письмах и метафизическому его преображению в «Епифанских шлюзах» и «Городе Градове».

Два методологических совета не потеряли и сегодня своей актуальности. Первый принадлежит Пушкину и имеет этический смысл: «Толпа жадно читает испо-

веди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе» (П. Вяземскому, нояб. 1825; X, 191). Второй методологический совет мы находим в размышлениях Б. Эйхенбаума о дневниках и письмах Л. Толстого: «К таким документам надо относиться с особенной осторожностью, чтобы не впасть в простую психологическую интерпретацию того, что весьма далеко от чистой психологии. Смешение этих двух точек зрения ведет к серьезным ошибкам, упрощая явление и вместе с тем не приводя ни к каким плодотворным обобщениям»³⁴.

Фрагменты писем Платонова жене были впервые опубликованы в 1975 г. в журнале «Волга» в подборке материалов из семейного архива: «...Живя главной жизнью (А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках)»³⁵. Эта публикация писем Платонова стала первой и последней, по ней делались другие издания платоновского любовно-семейного эпистолярия.

В предисловии к публикации Мария Александровна писала:

«А. Платонов даже в трудные для него времена никогда не замыкался в кругу семьи и не сосредоточивался на себе — он по натуре своей был глубоко неравнодушным и, в подлинном значении этого слова, общественным человеком. Однако, помимо неизменной социальной уверенности, его оптимизм, жизнестойкость и писательскую работоспособность питало, как он сам выразился, “ощущение счастья вблизи родного существа, ибо любовь есть соединение любимого человека со своими основными и искреннейшими идеями — осуществление через него (любимого, любимую) своего смысла жизни”.

Писем ко мне А. Платонова сохранилось немного.

Я подготовила отдельные фрагменты из них, в которых, на мой взгляд, личное перестает быть только личным и может тронуть читателя глубиной мысли, чистотой и ясностью чувства» (С. 160).

Публикацию материалов в журнале «Волга» инициировал и вел В. В. Васильев, член редколлегии журнала, критик и исследователь Платонова. Фрагменты из писем были подготовлены самой Марией Александровной, она же их датировала. В переписке с Владимиром Васильевичем уточнялись примечания, на какие-то вопросы исследователя Мария Александровна отвечала подробно, другие считала ненужными. О подготовке публикации писем Мария Александровна тогда же сделала запись для себя:

«Из многих писем Платонова сделали подборку (разные периоды): его поездки — принудительные и вольные, и мн. другое. Назвали все это: “Письма о любви и горе”. И, конечно, не верю, что пропустят. А может быть!»³⁶

Пусть и под другим названием, но публикация фрагментов писем состоялась и стала одним из важнейших источников, к которому всегда обращались биографы и исследователи Платонова. Естественно, возникали и вопросы к опубликованным текстам писем, а также к их датировкам. Явно не состыковывались с 1936 г. письма о крымском землетрясении (оно было в 1927 г.) и издании книги стихов у Литвина-Молотова, который к этому времени уже давно как отошел от издательской работы. Возникали вопросы и к поданным как реальные письма фрагментам из предисловия к книге «Голубая глубина» (С. 162), повести «Однаж-

ды любившие» (С. 166) и др. К подобной имитации письма, очевидно, относится и первое письмо в Волошино, датированное в публикации осенью 1922 г. (С. 161–162). Впервые по оригиналам письма Платонова цитировались в комментариях к I тому научного издания «Сочинений» А. Платонова. Проведенная сверка опубликованных текстов писем с источником позволила уточнить не только датировки, но и сами тексты писем Платонова, в которые Марией Александровной вносились исправления и добавления.

Не все письма Платонова к жене сохранились. На конверте с первыми письмами Платонова Мария Александровна дала следующее объяснение: «Письма о любви и горе моего единственного мужа, А. П. Платонова. Многие письма пропали в квартире на Тверском бульваре, 25. Нас заставили выехать в Уфу за 2 часа, и Платонов ничего не мог убрать или спрятать из своих рукописей, ибо полковник Старковым, что следил за нашим сбором, было сказано, что мы вернемся через 2 месяца, как только немцы будут отогнаны от Москвы. Но мы с сыном вернулись только через год <...> 8 октября 1942 года. Платонов был уже 4 месяца в Москве. В квартире был чайник и печка Б. Ямпольского. Все вещи из шкафа отсутствовали. Рукописи были перерыты (и выкрадены). Зачем и почему у нас очутился Ямпольский?»³⁷. У несохранившихся писем могла быть и другая судьба. Какие-то потерялись при пересылке. Были, очевидно, и другие причины утраты некоторых писем Платонова жене и практически всех писем Марии Александровны к мужу.

Сам Платонов постоянно дает некоторые художественные варианты подсказок к факту отсутствия любовных писем. Эти варианты разнонаправленные. Так, повествователь в «Однажды любивших» признается, что письма «не все налицо — многие утрачены и не попали мне в руки». В повести «Епифанские шлюзы» не прочитанным остается письмо Мери и недочитанным — эпистолярный любовный роман «Любовь леди Бетти Хьюг», являющийся своеобразным инвариантом современного любовного сюжета: книга «осталась не прочитанной, но интересной». Не все письма получают героини повести «Строители страны» и «Чевенгура», потому что именно любовные письма составили фонд своеобразной местной сельской библиотеки: «Особо интересные письма адресату совсем не шли, а оставались для перечитывания и постоянного удовольствия». Не верит, что письма вынимают из ящиков герой повести «Сокровенный человек» Фома Пухов: «— Не вынают, дьяволы, — ржавь кругом!» Герои повестей 1929–1931 гг. («Котлован», «Впрок», «Технический роман») и романа «Счастливая Москва» (1933–1935), за малым исключением, и вовсе не пишут любовных писем. Современная история вытесняет любовный сюжет на обочину. Герои, если и пишут письма, то совсем другие, правда, тоже традиционные: официально-производственные записки, письма Ленину (интекст в «Техническом романе» отсылает к челобитной епифанцев царю Петру), «письма родным» и «письма далеким товарищам» («Ювенильное море»). Самое лаконичное любовное послание мы находим в «Котловане» в тексте «последней итоговой открытки», которой герой «складывает с себя ответственность любви: “Где стол был яств, / Теперь там гроб стоит. Козлов”». Герой «Счастливой Москвы» Божко пишет письма только далеким пролетариям, и то на эсперанто, другие же влюбленные героини романа просто не владеют жанром любовного послания. Как не владеет им героиня современности Фрося-Фро, мучающаяся всю ночь за составлением письма к любимому Федору, и в итоге заменяя его лаконичной

телеграммой. Однако сам жанр любовного послания являет свою силу в рассказе, организуя фабулу встречи влюбленных. В подтексте же рассказа о современности идет очевидная переключка со «старинным временем» «Епифанских шлюзов» и «Чевенгура». Традицию находить в писании писем «утешение» (письма Мери) продолжают в рассказе неизвестные авторы неизвестных писем. Даже Фрося-почтальонка, считающая все другие письма, кроме писем Федора к ней, «неинтересными», уверена, как и повествователь «Чевенгура», что в письмах «лежит утешение для местных жителей» (ср. в «Чевенгуре»: «...люди были несчастны и требовали душевного утешения»).

Сегодня, имея любовные послания Платонова лета 1935 г., мы можем говорить, что он их не забыл, когда писал рассказы «Фро» и «Река Потудань». Правда, и в том, что происходившие в реальном эпистолярном пространстве любовные события в рассказах переламываются, творчески преображаются, и автор обходится без эксплицирования эпистолярного любовного сюжета. Сцепка роковых любовных страстей (имеющаяся в письмах) уходит в глубины повествования, отмеченного в рассказах 1936 г. очевидной печатью традиции пушкинской «смирненной прозы».

Сюжет с письмами 1935 г. в их отношении с платоновским текстом не позволяет нам быть уверенным, что не было писем к Марии Александровне 1928 и 1929 гг., когда Платонов постоянно находился в отъездах. Платонов-художник мог «забыть» реальные письма к любимой жене, как он их забыл при переработке повести «Строители страны» в роман «Чевенгур», но это не значит, что их не было в реальности. Ведь и в «Чевенгуре» он забыл письма, но забыл по-пушкински. Любовно-лирический сюжет из жизни героев романа на периферию повествования вытесняет историческая тема: исследование истории создания города Чевенгур через призму истории крестьянского «отходничества», которой завершается «История села Горюхина» и которая входит в «Историю пугачевского бунта». Эпистолярный любовный дискурс в романе сохранился, но он уже не имеет, как в повести, сюжетообразующей функции. Как остаток старого времени и культуры он всплывает в переписке Прушевского и его сестры («Котлован»), в лирических воспоминаниях Прушевского и Чиклина о утраченной любимой женщине...

Не исключено, что в будущем обнаружатся какие-то письма Платонова к жене, отсутствующие сегодня в нашем архиве. При жизни Марии Александровны и Марии Андреевны вряд ли бы кто-то решился опубликовать эти письма.

¹ Дурьлин С. В своем углу. М., 2006. С. 252–254.

² Ласунский О. Житель родного города. Воронеж, 1999. С. 95.

³ Там же. С. 102–103, 96–97.

⁴ Платонов А. Технический роман // Страна философов, 2000. С. 897, 908.

⁵ Свидельство о браке № 298, от 22 мая 1943 г. хранится в фонде Платонова (оп. 4, ед. хр. 92).

⁶ Блокноты с планом книги и записями хранятся в фонде Платонова (оп. 6, ед. хр. 143).

⁷ Страна философов, 1999. С. 96.

⁸ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 45, л. 20.

⁹ Платонов А. Ответ редакции «Трудовой армии» по поводу моего рассказа «Чульдик и Епишка» // Сочинения I (2). С. 68–69.

- ¹⁰ *Ходасевич В.* О чтении Пушкина (К 125-летию со дня рождения) (1924) // *Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 118–119.
- ¹¹ *Ходасевич В.* Колеблемый треножник (1921) // Там же. С. 82.
- ¹² *Якобсон Р.* Новейшая русская поэзия (Набросок первый. О Хлебникове). Прага. 1921. С. 11.
- ¹³ *Переверзев В.* Социальный генезис обломовщины // Печать и революция. 1925. № 2. С. 61.
- ¹⁴ *Лелевич Г.* Марксистское литературоведение и биография // Звезда. 1926. № 3. С. 186.
- ¹⁵ Там же. С. 185.
- ¹⁶ Там же. 186.
- ¹⁷ *Мандельштам О.* Конец романа (1922) // *Мандельштам О.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 203.
- ¹⁸ *Томашевский Б.* Литература и биография // Книга и революция. 1923. № 4 (28). С. 6–9.
- ¹⁹ *Шкловский В.* «Еще ничего не кончилось...» Литературные мемуары. М., 2002. С. 271.
- ²⁰ *Калинин И.* История как остранение приема (метафикция В. Б. Шкловского и антиутопия Е. И. Замятина) // Русская теория. 1920–1930-е годы. М., 2004. С. 195.
- ²¹ Там же. С. 195.
- ²² *Шкловский В.* «Еще ничего не кончилось». С. 328–329.
- ²³ *Тынянов Ю.* Литературный факт. М., 1993. С. 267.
- ²⁴ *Субботин С.* Борис Эйхенбаум о Сергее Есенине в 1926–1927 годах // *Revue des Études slaves.* Paris. LXVII /1. 1995. С. 124–125.
- ²⁵ См.: Рассказы А. Платонова для крестьянского радио 1928–1930 гг. Публикация Е. Антоновой // Страна философов, 2003. С. 695–696.
- ²⁶ *Платонов А.* Взыскание погибших. М., 1995. С. 599.
- ²⁷ Там же. С. 598.
- ²⁸ *Эйхенбаум Б.* Молодой Толстой (1922) // *Эйхенбаум Б.* О литературе. М., 1987. С. 35.
- ²⁹ Там же. С. 37.
- ³⁰ Там же. С. 43–44.
- ³¹ *Пушкин А.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М.; Л., 1950. С. 182. Далее цитируется по данному изданию с указанием тома и страницы в тексте статьи.
- ³² См.: *Роженцева Е.* Лирический сюжет в прозе Платонова 1927 г. // Страна философов, 2000. С. 492–502.
- ³³ Истории издания и восприятия писем Пушкина посвящена обстоятельная статья Б. Л. Модзалевского, редактора 2-го академического издания писем Пушкина; см.: Предисловие // Пушкин. Письма. Т. 1. М., 1926. С. III–XLVI.
- ³⁴ *Эйхенбаум Б.* Молодой Толстой. С. 36.
- ³⁵ Волга. 1975. № 9. С. 160–178. Публикация и вставные главы М. А. Платоновой. Комментарии В. Васильева. Далее страницы указываются в тексте статьи.
- ³⁶ ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 6, ед. хр. 143.
- ³⁷ Там же. Ед. хр. 142, л. 1.

ОПЫТ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ТУРКМЕНСКИХ ПОЕЗДОК А. П. ПЛАТОНОВА

Утром 27 марта 1934 г. поезд, в котором отправлялась бригада Союза советских писателей в Туркмению, покинул Казанский вокзал в Москве. Рязань, Самара, Оренбург, станции Ак-Булак, Аральское море и Арысь (Казахстан), Ташкент, Самарканд (Узбекистан), Куня-Ургенч, Чарджуй, Ашхабад — таков маршрут, по которому путешествовал Платонов, отмечая станции в записной книжке и почти на каждой из них отправляя письма в Москву.

Поездка писательской бригады в Туркмению в 1934 г. была уже не первой: весной 1930 г. в такой же поездке приняли участие Н. Тихонов, П. Павленко, Л. Леонов, Вс. Иванов, Г. Санников и В. Луговской. Когда осенью 1933 г. началась подготовка Первого Всесоюзного съезда советских писателей, деятельность республиканских бригад снова оживилась. Был составлен план работы комиссии по туркменской литературе, включавший в себя переводы и изучение литературы союзной республики, организацию постоянной связи между писательскими союзами, систематическое освещение литературной жизни ТССР, издание лучших произведений, и, наконец, «выезды в Туркменистан для знакомства с литер<атурной> жизнью и помощи литорганизациям». Первую бригаду в составе Луговского и Максимова планировалось направить до 1 декабря 1933 г., вторую — комиссию ССП в полном составе — в начале 1934 г.

На заседании Туркменской комиссии 20 января 1934 г. началось формирование ее нового состава. В нее вошли: Смирнов, Максимов, Санников, Корабельников, Вс. Иванов, профессор Бороздин, Паустовский, Трабский, Козин¹.

10 февраля члены бригады были приняты предсовнаркома Туркменской ССР К. С. Атабаевым для обсуждения вопросов о задачах бригады Оргкомитета, о подготовке к Всетуркменскому съезду советских писателей и участии писателей РСФСР в праздновании 10-летия Туркменской ССР. Писатели должны были создать художественные произведения, отображающие социалистическое строительство в Туркмении. Особое внимание, по мнению руководства республики, требовалось уделить драматургии и «развертыванию туркменской кинематографии», т. е. созданию киносценариев. Правительством был организован всетуркменский конкурс на лучшую пьесу. Материала в республике было немало: велась разведка полезных ископаемых и начиналась разработка таких известных месторождений, как Кара-Бугаз, Нефтедаг; серьезными задачами были обводнение западной части Туркмении, создание хлопководческих хозяйств, насаждение культур сухих субтропиков, решение политически актуальных вопросов о положении женщины в Средне-

азиатских республиках, колхозное и культурное строительство. Результаты встречи с Атабаевым были сообщены писателям Г. Санниковым на заседании комиссии, проведенном в тот же день (присутствовали Бороздин, Максимов, Львов-Марсианин, Трабский, Бростерман)².

15-го февраля проводилось расширенное заседание Туркменской комиссии, на котором присутствовали Санников, Бороздин, Максимов, Трабский, Н. Погодин, заведующая национальным сектором ГИХЛ Рябинина, редактор национального сектора ГИХЛ Шенгели, предсовнаркома ТССР К. С. Атабаев, секретарь ЦК партии Туркменистана Я. А. Попок, постпред ТССР О. Атабаев, заместитель постпреда П. В. Миньков. К. С. Атабаев внес поправки в тематический план поездки писателей. Для подписания соглашения с ССП необходимо было утвердить список писателей и приложить окончательный тематический план³.

Заседания Оргкомитета Туркменской комиссии следовали одно за другим. *28 февраля* оно было посвящено проблемам туркменской литературы. В протоколе зафиксированы вопросы, с которыми знакомились писатели накануне поездки в Туркмению. Туркменский писатель Веселков сделал доклад о литературном движении и культурном развитии республики, в котором сообщалось, что в Туркмении «проведены райконференции писателей с литактивом в Чарджуе, Мерве, Керках и Кизил-Арзате»; созданы райбюро писателей в Мерве, Байрамали, Теджене, Чарджуе, Керках, Кизил-Арзате, Ташаузе. Организация объединяет до 133 человек «стабильно пишущего литактива»; «создана специальная бригада писателей, готовящая выпуск альманаха к 10-летию Туркменской ССР». В республике широко развернута издательская работа: издается журнал «Советская литература Туркмении», а также книги Султанниязова «Айдым и ляле» (стихи), коллективный сборник «За хлопковую независимость», А. Дурдыева «О колхозном строительстве» (стихи) и другие. Издается и переводная литература: «Красный десант» Д. Фурманова, «9-е января» М. Горького, коллективный сборник «В огне революции», «Каштанка», «Палата № 6» и «В овраге» А. Чехова, «Пустыня» П. Павленко и другие⁴.

Далее на заседании обсуждались вопросы поездки. Среди первоочередных задач названа была задача создания песен «для массового распространения на тематику соцстроительства Туркменской Республики. Для современного выполнения правительственного задания по выпуску 5 массовых песен к 10-летию республики необходимо получение соответствующих текстов в кратчайший по возможности, месячный срок». Выполнение столь нелегкого задания возложили на Санникова, который обязан был «связаться с поэтами и распределить среди них тематические задания по песням». Особые надежды возлагались в этой работе на Демьяна Бедного.

Заместитель постпреда ТССР Миньков сообщил о необходимости срочного уточнения теперь уже двух списков писателей, во-первых, тех, кто принимает на себя «творческие обязательства к 10-летию ТССР», и, во-вторых, тех, кто готов работать с экспедицией Академии наук в Туркменистане. Эти вопросы будут решены в течение месяца и утверждены на заседании 13 марта. А пока постановили выезд бригады назначить на 15 марта.

12 марта на III всесоюзном пленуме Оргкомитета ССП были заслушаны доклады Оргкомитетов союзных республик. Веселков рассказал о работе Оргкомитета ССП Туркменистана. Основными пунктами его доклада были «националистические вредительские и контрреволюционные организации» в литературе Туркмении,

а также достижения туркменских писателей. На пленуме было предложено возложить на писательские бригады ССП ответственность за развитие литературы той республики, в которую они собираются ехать: «тогда к первому всесоюзному писательскому съезду мы придем единым сплоченным отрядом великой пролетарской армии»⁵.

В это время рассматривается заявка Платонова на участие в поездке:

Тема

Я хочу написать повесть о лучших людях Туркмении, расходующих свою жизнь на превращение пустынной родины, где некогда лишь убогие босые ноги ходили по нищему праху отцов,— в коммунистическое общество, снаряженное мировой техникой.

Андр. Платонов⁶.

13 марта на расширенном заседании Туркменской комиссии Платонова включают в обновленный состав бригады: «поэзия и перев<оды>: т<оварищи> Санников, Луговской, Шенгели и Табидзе. Драматургия — т<оварищи> Билль-Белоцерковский, Погодин и Шестаков; художественная проза — Максимов, Паустовский, Козин, Скосырев, Одоев (Тришин), А. Платонов, Мугуев, Смирнов, Большаков, Платонов, Лоскутов; литературоведение и востоковедение — т<оварищи> И. Н. Бороздин, М. Немченко; кино-драматургия — т<оварищ> И. Г. Трабский». Утвердили и второй список, о котором в феврале говорил Миньков. Помимо Платонова в состав научной экспедиции вошли Немченко, Одоев, Смирнов, Мугуев, Лоскутов, Шестаков. Всех участников творческой поездки было решено включить в состав Туркменской комиссии Оргкомитета и взять в поездку «библиотечку из произведений писателей, входящих в Туркменскую комиссию».

В это время уже велась подготовка сборника к 10-летию Туркменской республики и решались формальные вопросы, в том числе о повышении «обязательного листажа очерков и рассказов», которые должны быть написаны для сборника участниками творческой поездки — до 1 1/2 печатных листов. Окончательный срок сдачи материала — 1 августа. Была избрана редакционная коллегия сборника, в которую вошли Вс. Иванов, Санников, Бороздин, Паустовский, Козин, Миньков и Веселков. Перед издательством «Молодая гвардия» поставлена задача: выпустить сборник лучших произведений о Туркестане, выходявших в печати за последние годы⁷.

Отъезд, запланированный первоначально на 15 марта, откладывался. 24 марта «Литературная газета» сообщила о том, что «в ближайшие дни в Туркменистан выезжает группа советских писателей». В ташкентской газете «Правда Востока» дается более подробная информация: бригада выезжает в Ашхабад 25 марта, планируется подготовка сборника к 10-летию республики:

Намеченный тематический план сборника охватывает разные области жизни Туркмении.

Сюда входит история фабрик и заводов, показ туркменского пролетария, колхозного строительства, туркменская женщина, революция в ауле, хлопок и классовая борьба на хлопковом фронте, МТС и работа политотделов, освоение недр Кара-Бугаза и Нефтедага, освоение пустыни и т. д.

В юбилейном сборнике художественной литературы также найдет отражение жизнь нацменьшинств Туркменистана. Большое место будет уделено показу перехода кочевников

к оседлости, обороне границ СССР, воспоминаниям о гражданской войне и т. д. <...> Все жанры художественного творчества должны быть представлены в этом сборнике... Очень существенным и положительным фактом является участие в бригаде писателей, уже изучивших Туркменистан ранее и давших о нем ряд интересных и крупных художественных произведений. В составе бригады поэт Г. Санников (поэма «В гостях у египтян»), драматурги Билль-Белоцерковский (пьесы «Луна слева», «Шахтеры» и т. д.), Н. Погодин (пьесы: «Мой друг», «Темп», поэма «О топоре» и др.), грузинский поэт Тициан Тебидзе <sic>, переводчик Г. Шенгели, киносценарист Грабский <sic> и др.

Бригада писателей пробудет в Туркмении 2–3 месяца. В июле она выедет обратно в Москву, чтобы к сентябрю этого года подготовить к изданию юбилейный сборник⁸.

Подготовка к писательскому «десанту» проводилась по всем направлениям. На конференции по изучению производительных сил Туркмении, проходившей при Академии наук СССР, были заслушаны доклады туркменского писателя О. Таш-Назарова «Туркменская советская художественная литература» и профессора Бороздина «Социалистическое строительство Туркмении в советской художественной литературе». В резолюции по докладам, принятой на заседании, «с удовлетворением» был отмечен «бурный рост туркменской советской художественной литературы, окрепшей в активной борьбе на два фронта — с великодержавным шовинизмом и местным национализмом». На основании прочитанных докладов «конференция считает необходимым мобилизовать внимание и силы... в деле»:

- 1) написания истории туркменской художественной литературы.
- 2) написания истории социалистического строительства Туркмении (истории фабрик, заводов, крупных колхозов, совхозов и т. д.).
- 3) создания фундаментальных произведений (романов, повестей, пьес), отражающих отдельные участки социалистического строительства ТССР.
- 4) перехода туркменской литературы на прозаические формы художественного творчества, являющиеся наиболее доступными для трудящихся масс.
- 5) создания высококачественных драматургических произведений, настоятельно требуемых развивающимся туркменским национальным театром.
- 6) создания детской художественной литературы.
- 7) повышения качества переводов с русского на туркменский и усиления работ по переводам произведений туркменских писателей и поэтов как на русский и другие языки народов СССР, так и на иностранные языки.
- 8) организация бригадных поездок советских писателей в Туркмению и их совместной стационарной работы с туркменскими писателями и поэтами, а также поездок писателей Туркмении в другие братские республики.
- 9) ближайшей и непосредственной увязки писателей с учеными, и участия писателей в научно-исследовательских экспедициях⁹.

Всесоюзные периодические издания начинали знакомить массового читателя с литературой советских республик и областей. «Литературный критик» (1934. № 2–3) опубликовал статьи о туркменской литературе и библиографическую подборку изданных книг туркменских авторов. «Правда» сообщала: «Оргкомитет Союза советских писателей создал ряд бригад и комиссий, которые заняты изучением литературы народов СССР. Они анализируют творческую продукцию местных писате-

лей, выявляют новые литературные кадры, готовят выпуск сборников лучших произведений художественной литературы народов, собирают фольклорный материал. Бригады выезжали в Закавказье (Грузия, Армения, Азербайджан), Узбекистан, Белоруссию, на Украину, в Туркмению и ряд национальных республик и областей РСФСР — в Калмыкию, Казахстан, Киргизию, Крым, Башкирию. <...> Готовится к отъезду туркменская бригада в составе Всеволода Иванова, Санникова, Максимова, Корабельникова, Трапского <sic> и проф. Бороздина¹⁰. Затем новые и новые сообщения: «литература народов СССР переводится на русский язык», в ГИЗе публикуются книги национальных поэтов и т. д. По всем республикам в рамках подготовки к съезду «установлен список лучших произведений» и др.¹¹

К Всесоюзному съезду писателей Союзом писателей Туркменистана были подготовлены список «литературных сил» республики, которые представлены именами семнадцати писателей; справка о развитии национальной литературы — правительство ТССР проводило кампанию по «вытягиванию» литературы на общесоюзный уровень; брошюра о развитии литературы в республике¹². В брошюре подчеркивалась связь современной литературы с туркменскими фольклорными традициями («Эта связь и непосредственная преемственность идет как по содержанию, так и по форме и языку»); опровергались «великодержавные разговоры» о «неспособности туркмен к художественному творчеству» и «контрреволюционные утверждения местных националистов, что... только на основе старой тюркской литературы и пресловутого искусственного литературного языка феодально-родовой верхушки может развиваться туркменская художественная литература». В ней подчеркивалось первостепенное значение литературы СССР, «особенно русской», которое «до сих пор всячески затушевывалось... (тормозился перевод ее на туркменский язык, совершенно не находили отражения в туркменской литературе и критике даже крупнейшие произведения крупнейших советских писателей, в том числе и М. Горького)». В настоящее время, отмечали авторы брошюры, «изучение и влияние передовой литературы мира — советской литературы — является ведущим началом во всем творчестве молодых советских писателей Туркмении».

27 марта группа советских писателей, которую возглавлял Г. Санников, выехала в Туркмению и 2 апреля прибыла в Ашхабад. Подробно события поездки были восстановлены Е. В. Антоновой по материалам газеты «Туркменская искра» и письмам Платонова. После приезда писательская бригада встретилась с Оргкомитетом СП Туркмении. Из Ашхабада гости совершали поездки по республике. 4 апреля Платонов вместе с Атабаевым на 6 дней уехал в Красноводск, затем в Нефтедаг; 14 апреля он с тремя писателями посетил аул Багир (в 30-ти км от Ашхабада); с 16-го апреля в течение 10 дней путешествовал по Центральным Каракумам — побывал в Репетеке и Байрамали. В Ашхабаде в составе группы писателей Платонов посетил лабораторию физика В. Федосеева¹³.

В задачи писательской бригады входила помощь в организации всетуркменского писательского съезда. Еще будучи в Москве, в феврале месяце, туркменская делегация сообщала, что проведение республиканского съезда намечается на середину апреля, но сроки будут уточняться в связи с проведением Всесоюзного съезда. ССП настаивал на проведении республиканского совещания в Ашхабаде в начале апреля, затем был назван другой срок — 20 апреля. На самом деле съезд открылся 8-го мая. Почему изменились сроки проведения? И почему по сравнению

с другими республиканскими съездами туркменский съезд мало освещался в периодике? Все отчеты по съездам в республиках печатались в «Литературной газете», но по Туркмении отчета не было. Не было материалов о подготовке к съезду и в центральной среднеазиатской газете «Правда Востока», которая с большим интересом освещала работу экспедиции Академии наук, «выявлявшую» производительные силы Западной Туркмении. Выскажем предположение: съезд писателей не был для республики не только делом насущным, но — в хозяйственном смысле — был даже весьма несвоевременным.

Еще в феврале на заседании Оргкомитета ССП Туркмении было предложено «проработать вопрос об участии Союза писателей в весенней посевной». Но что означает «участие», когда каждый работник на счету? Отвлечение человеческих кадров с хозяйственного фронта, каковым являлась в Туркмении посевная страда (как, впрочем, в любых сельскохозяйственных районах), да еще и приезд группы писателей из Москвы, на обслуживание которых были направлены огромные средства, явились для республики тяжелым испытанием. Платонов, кстати, прекрасно это понимал. Он писал жене и сыну: «Недавно в первый раз пообедал — кормят так обильно, что стыдно есть»; «Здесь пить много стыдно и есть вкусно тоже нехорошо, потому что страна песчаная, бедная, людей объедают совестно». В уточнение даты проведения республиканского съезда писателей коррективы внес не Всесоюзный съезд, а сельскохозяйственные проблемы.

Итак, съезд писателей открывался 8 мая. Об этом сообщали центральные и местные газеты. «Туркменская искра» разъясняла политическое значение события: «Сегодня открывается первый всетуркменский съезд советских писателей. Самый факт созыва этого съезда имеет огромное значение. <...> Колониальная политика российского капитализма была направлена на разжигание племенной и родовой вражды. <...> Результатом такой политики явилось отсутствие единого литературного туркменского языка, создавать который пришлось уже при советской власти. <...> Националисты усиленно стремились к тому, чтобы поощрять и раздувать всякие споры вокруг особенностей отдельных племенных наречий и, таким образом, отвлечь внимание от основных решающих проблем культурного развития...» («За рост и развитие туркменской советской художественной литературы»).

«Туркменская искра» печатала хронику съезда: О. Таш-Назаров «Учиться у жизни» (9 мая); «Открытие 1-го всетуркменского съезда советских писателей» (10 мая). После отъезда писателей публикации продолжали появляться: «Задачи советской туркменской литературы. Из доклада председателя Оргкомитета союза советских писателей Туркмении тов. Таш-Назарова» (18 мая), Г. Санников «Литературный праздник Туркменистана» (6 июля). Публикаций Платонова за время его пребывания в Ашхабаде обнаружено не было. Но после его отъезда газета поместила заметку «Два интересных проекта. Изобретения т. Джафарбаева», подписанную инициалами «А. П.», которую Е. В. Антонова атрибутировала как принадлежащую перу Платонова.

Как известно из письма Платонова, он не планировал присутствовать на съезде: «Возвращаться думаю 2 или 3 мая. 2-го кончается мой срок. Но здесь в обязательном порядке оставляют пробыть на съезде туркменских писателей, который откроется 8/V, тогда я выеду в Москву 10 или 11/V (поезд идет в Москву 2 раза в неделю). Однако я думаю вырваться и уехать еще до съезда — 2 или 3 мая, тогда приеду 8, 9 или 10 мая в Москву». Вопрос должен был решиться 3-го мая. «Дело

свое — сбор матерьяла — я сделал», — писал он жене. Ему все же удалось уехать раньше. Последнее письмо из Ашхабада датировано 1 мая, а записные книжки помогают уточнить дату отъезда писателя: «Прощай, Туркмения! <...> 6 ч<асов> веч<ера> 7/V, мост через Амударью у Чарджуя»¹⁴.

18 мая в «Дневнике» «Литературной газеты» сообщалось о состоявшемся в Оргкомитете ССП СССР отчете ряда писательских бригад о результатах поездок. По результатам было вынесено решение: «Вместо многолюдных бригад, посылавшихся на места, иногда на 3–4 дня... Оргкомитету ССП необходимо перейти сейчас к практике командирования на места 1–2 квалифицированных писателей на длительные сроки для внимательного изучения периферийных творческих кадров и оказания им широкой консультативной творческой помощи».

В том же номере публикуется отчет туркменской бригады:

Находившаяся в Туркменистане бригада писателей основной целью своей поездки имела составление литературно-художественного сборника, приуроченного к 10-летнему юбилею Туркменской республики. Бригада разработала тематический план своей работы, уточнив его на месте.

Каждый из участников бригады взял себе определенную тему и, направившись в район, собрал нужный ему материал. Все стороны социалистического строительства Туркмении должны быть, по мысли участников бригады, отображены в этом издании: проблема индустриализации страны, развитие туркменского пролетариата, новостройки, туркменский молодец в науке и т. п. <...>

Наряду со своей основной творческой работой бригада приняла энергичное участие в подготовке к 1-му съезду писателей. Участники бригады совместно с представителями туркменского Оргкомитета выезжали в районы для подготовки и проведения окружных и районных писательских конференций. Конференции были проведены в Мерве, Чарджуе, Ташаузе, Керках, Байрам-Али, Иолотани. В связи с конференциями была проведена работа по организации массового литературного движения. Одиннадцать литературных страниц было выпущено в окружной и районной печати. Целый ряд литературных вечеров, докладов, совещаний в окружных и районных пунктах было проведено членами бригады совместно с туркменскими писателями.

Вернувшись из поездки по районам к открытию всетуркменского писательского съезда, члены бригады приняли участие в подготовительных совещаниях. Большое совещание по актуальным вопросам туркменской литературы состоялось в ЦК КП(б)Т при участии секретаря ЦК т. Попок и предсовнаркома т. Атабаева.

Г. Санников, И. Бороздин, В. Луговской.

После возвращения из Туркмении, 21 мая 1934 г., как и большинство участников поездки, Платонов был принят в Союз советских писателей.

Массовое «наступление» на туркменскую литературу «по всему фронту» началось накануне Всесоюзного съезда писателей. Дальнейшие события показали, что не все начинания оказались жизнеспособными. Но импульс, данный развитию туркменской литературы, продвижению ее на всесоюзный издательский уровень, был, бесспорно, очень значимым.

В 1935 г. состоялась очередная поездка писателей в Туркмению, но уже по новым правилам: «вместо многолюдных бригад» в республику должны были выехать «квалифицированные писатели», среди которых был и Платонов.

3 декабря 1934 г. постпреду Туркмении в Москве О. Атабаеву правительство республики прислало телеграмму с распоряжением о заключении договора с Платоновым: «Заключите договор <на> двухмесячную поездку <в> Туркмению <с> писателем Платоновым <на> тех условиях, <на> которые были приглашены участники прошлогодней писательской бригады <с> уплатой всей суммы <в> Москве <по> подписании договора»¹⁵. В декабре договор был подписан Платоновым и постпредом О. Г. Атабаевым. В договоре говорилось:

1. тов<арищ> А. П. Платонов обязуется:

а) включить в круг своих ближайших творческих занятий работу на тему о культурном и хозяйственном строительстве ТССР из числа тем, выдвинутых Совнаркомом ТССР;

б) с целью собирания необходимых для указанной работы материалов тов<арищ> Платонов обязуется лично выехать в Туркменистан не позднее 30 декабря 1934 г.¹⁶

По условиям договора созданное Платоновым в результате поездки произведение должно было иметь объем «не менее 2-х авторских листов», а также «кроме опубликования или постановки произведения в московских журналах или театре» Платонов должен был сдать рукопись в Совнарком Туркменской ССР. Срок сдачи — 1 июля 1935 г. Со своей стороны правительство ТССР обязывалось оплатить труд писателя «за время его творческой поездки по ТССР из расчета в две тысячи рублей (2000 руб.) в месяц», а также оплатить ему проезд, жилье, питание. Деньги за 2 месяца работы и на проезд — всего 4600 рублей — уплачивались писателю в Москве после подписания договора.

14 декабря 1934 г. Платонову было выдано удостоверение «в том, что он по приглашению Правительства Туркменской ССР направляется в Туркмению для литературной работы». Удостоверение, подписанное Атабаевым, сопровождалось просьбой «ко всем советским и партийным организациям оказывать т<оварищу> Платонову А. П. всяческое содействие для успешного выполнения им своих задач»¹⁷.

14 января 1935 г., в понедельник, Платонов выехал в командировку, в Ашхабад прибыл 20-го вечером. Как долго длилась поездка писателя в этот раз, до конца не ясно, не установлена точная дата его возвращения в Москву. Последняя телеграмма из Ашхабада, сохранившаяся в архиве Платонова, датирована 25-м января, а с 10-го марта он находился в командировке от треста «Росметровес», сотрудником которого в это время являлся, на одном из ленинградских заводов¹⁸. Таким образом, вернуться в Москву он должен был до 9 марта, а выехать из Ашхабада — не позднее 3-го.

В этой связи отметим дату (как теперь ясно, ошибочную) одного отчета, в котором говорится о «работающем» в Туркмении Платонове. 25 марта 1935 г. председатель Туркменской комиссии Г. Санников говорил о планах комиссии и отчитывался о работе:

1. В конце 1934 г. Туркменской комиссией выпущен юбилейный литературно-художественный альманах «Айдинг-Гюнлер» («Лучезарные дни») при участии: В. Иванова, Лахути, Г. Санникова, П. Скосырева, Андрея Платонова, Г. Максимова, В. Луговского, Вл. Корена, Г. Шенгели, Конст. Большакова, Азата Вштуни, М. Лоскутова, В. Попова, М. Немченко,

В. Беляева, акад<емика> И. М. Губкина и туркменских писателей: О. Таш-Назарова, Х.-Н. Чарыева, Амана Кекилова, Дурды Клычева...

2. По соглашению с Правительством ТССР направлен в Туркмению на срок до 3-х месяцев писатель Андрей Платонов для отражения в своих художественных произведениях актуальных проблем Туркмении. <...>

4. По соглашению с правительством ТССР намечено ежегодное издание альманахов (ежегодников) на материале о Туркмении советских писателей как русских, так и туркменских.

5. Принято предложение правительства ТССР о выпуске очередного ежегодника — альманаха к 1-му августа с<его> г<ода>. В связи с этим в Туркмению по заданиям Комиссии выехали писатели: П. Скосырев и Г. Максимов и новые задания возложены на работающего в Туркмении Андрея Платонова. Всем членам комиссии поручено... представить свои произведения в редколлегию комиссии к 1-му мая с<его> г<ода>.

Тематически творческая работа писателей — членов комиссии распределяется следующим образом: написаны для альманаха — Х. М. Мугуевым повесть о национ<альных> туркменских частях Красной армии, П. Скосыревым рассказ «Соль земли» о колхозах и хлопке, М. Лоскутовым — ряд рассказов о басмачестве и пустыне, М. Немченко — повесть «Джума» о переломе сознания пастуха кочевника, Г. Шенгели — ряд стихотворений; работают над новыми произведениями о Туркмении: Г. Санников работает над пьесой в стихах — «Хумар — туркменка или азартная игра». Пьеса посвящена проблеме борьбы туркменских колхозниц за равноправие и новые формы труда в колхозах. Андрей Платонов работает над повестью, посвященной нацменьшинствам Туркмении. К. Паустовский работает над рассказом о Кара-Бугазе (по новым материалам). Н. Шестаков — над исторической повестью о Геок-тэпэ. Вл. Луговской над новыми стихами о Туркмении, П. Скосырев — работает над повестью, посвященной туркменскому текстилькомбинату. Г. Максимов над рассказами о Нефтедаге. Кроме того готовятся переводы ряда туркменских писателей¹⁹.

В 1936 г. вышел литературно-художественный альманах туркменской комиссии Союза писателей СССР «Туркмения в произведениях советских писателей. Туркменские классики. Фольклор», но Платонов участия в нем уже не принимал. Тем не менее, он продолжал сотрудничать с Туркменией.

22 сентября 1936 г. Владимир Фельдман писал ему, что только он, Платонов, может создать сценарий «о рае на туркменской земле», о «торжестве дружбы русского и туркменского народов», потому что он «выдумщик, оптимист, работник, мастер». В новом произведении Платонова, над которым, по всей вероятности, писатель начал работать по заказу «Туркменфильма», Фельдман видел «ясность сердца и чистоту ума», которые так ценил в Платонове.

С 1936 г. Платонов успешно вел переговоры с «Туркменфильмом» о совместной работе, был написан сценарий. По словам Фельдмана, в 1936 г. сотрудничество развивалось благополучно: «Я уезжаю в полной уверенности, что сценарий будет утвержден. Ал. Кириллович ведет это дело твердо — полагаю, что через декаду благополучный исход определится. Будучи, очевидно, принятым в основном, незначительные для тебя доделки много времени не отнимут, и, очевидно, этим летом начнем крутить»²⁰. Но затем работа приостановилась, а в 1937 г. отношения, по-видимому, зашли в тупик. Ашхабад уведомлял Платонова, что директор туркменской киностудии И. Т. Пиперков приезжает в Москву и сможет ответить на претензии Платонова²¹. Пиперков пригласил писателя в гостиницу «Москва» «для

переговоров по вопросу Ваших сценариев, переданных киностудии Туркменкино»²². Сценарий был написан, его требовалось лишь утвердить. Но фильм не вышел. Материалы о сотрудничестве Платонова и «Туркменфильма» пока не обнаружены, поэтому трудно точно сказать, почему завершилась эта обещавшая стать плодотворным союзом договоренность. Но закончилась она, как представляется, не по вине Платонова и его туркменских коллег и друзей. В это время начались перемещения в руководстве республики. Руководитель республиканского правительства К. С. Атабаев был арестован 9 июля 1937 г., а в 1938 г. по обвинению в участии в контрреволюционной националистической террористической организации приговорен к расстрелу. Наиболее вероятно, это и послужило причиной прекращения сотрудничества.

¹ РГАЛИ, ф. 631, оп. 6, ед. хр. 27, л. 56.

² Там же, л. 8.

³ Там же, л. 7.

⁴ Там же, л. 13–15.

⁵ III всесоюзный пленум Оргкомитета Союза советских писателей // Литературная газета. 1934. 14 марта. С. 1.

⁶ Корниенко, 1993. С. 221.

⁷ РГАЛИ, ф. 631, оп. 6, ед. хр. 27, л. 12.

⁸ Бригада Оргкомитета Союза писателей выезжает в Туркмению // Правда Востока. 1934. 27 марта. С. 4.

⁹ РГАЛИ, ф. 631, оп. 6, ед. хр. 27, л. 16–17.

¹⁰ Изучение литературы народов СССР // Правда. 1934. 2 марта. С. 4.

¹¹ Правда. 1934. 6 марта. С. 4.

¹² Литература Туркмении. М., 1934.

¹³ См. подробнее: Антонова Е. В. А. Платонов — инженер треста «Росметрорес» // Страна философов, 2000. С. 791–792.

¹⁴ Записные книжки. С. 145.

¹⁵ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 25, л. 41. Телеграмма Председателя СНК ТССР Атабаева за № 9568 от 2 декабря 1934 г. Указано Н. В. Корниенко.

¹⁶ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 15, л. 10.

¹⁷ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 16, л. 8.

¹⁸ Антонова Е. В. А. Платонов — инженер треста «Росметрорес». С. 792.

¹⁹ РГАЛИ, ф. 631, оп. 6, ед. хр. 56, л. 15–16.

²⁰ ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 64, л. 1–2.

²¹ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 25, л. 40.

²² Там же, л. 42.

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ В 1942–1945 гг.

Публикуемые в этом сборнике военные письма охватывают период жизни писателя с июля 1942 г.— с момента возвращения в Москву из эвакуации, до октября 1945 г., когда Платонов предпринимает первые попытки лечения от туберкулеза — болезни, оказавшейся для него в конечном итоге смертельной. Последние месяцы 1945 г. можно считать началом нового периода в жизни писателя также еще и потому, что с декабря 1945 г. он больше не является сотрудником газеты «Красная звезда», к которой был приписан в качестве военкора с 1943 г.

По месту назначения письма делятся на две неравные группы: письма 1–7 адресованы жене и сыну, остававшимся в это время в эвакуации в Уфе; все остальные письма, присланные писателем с фронта и из мест лечения, отправлены на известный московский адрес семьи Платоновых — Тверской бульвар, 25. Как видно непосредственно из писем, за эти годы Платонов совершил не менее семи поездок на фронт. Возможно, этих поездок было и больше, но документального подтверждения этому пока не обнаружено.

Последнее из сохранившихся писем Платонова в Уфу датировано 5-м сентября 1942 г., а следующее его письмо, уже на московский адрес,— 19-м ноября того же года. Очевидно, что в октябре — 1-й половине ноября в переписке не было необходимости: Марии Александровне с серьезно больным сыном наконец удалось возвратиться в Москву (они находились в пути с 4-го по 10-е октября¹), и сам Платонов, видимо, более-менее постоянно находился там же. В отношении же сентября (хотя бы первой половины месяца) можно предположить, что несколько писем все-таки могли быть утрачены².

Длительный период постоянного пребывания писателя в Москве осенью 1942 г., вероятно, связан с прохождением аттестации в ГлавПУРККА. На данный момент хронология пребывания Платонова в Москве во 2-й половине 1942 г. может быть представлена следующим образом.

Формально Платонов был вызван в Москву для работы в военно-санитарной бригаде с целью создания «произведений на темы героической работы военно-медицинского персонала в отечественной войне». Кроме Платонова в состав этой бригады должны были войти писатели Сейфуллина, Бородин, Маркиш, Никитин, Слетов и Львова³. Однако к этой работе Платонов так и не приступил.

19 июля Главное управление шоссейных дорог совместно с Дорожным издательством направило в Военную комиссию просьбу о выделении писателей для работы над сборником «Дорожники в отечественной войне»⁴ и Платонов получил новое задание, см. адресованное ему письмо из Дориздата от 31 июля 1942 г.: «По

сообщению военной комиссии Союза советских писателей Вы выделены в бригаду писателей по созданию сборника очерков и рассказов “Дорожники в отечественной войне”. <...> В нем должны быть показаны лучшие люди автодорожного строительства как в прифронтовой полосе, так и в тылу»⁵. Однако и к этой работе Платонов не подключился, так же, впрочем, как и другие выделенные для нее писатели, о чем и было 12 сентября 1942 г. сообщено в Военную комиссию ССП из Главного управления шоссейных дорог в следующей форме: «По сообщению комиссии для участия в сборнике были выделены писатели Стонов, Москвин и Платонов. Однако после ознакомления с заданием и условиями договора (1200 р<ублей> гонорар, оплата ж.д. билета и командировочных) эти товарищи ехать отказались»⁶.

Тем не менее, судя по датировке писем, где-то между 17 и 27 июля, Платонов совершает поездку на фронт. Об этом он упоминает в письме 3, не уточняя своего маршрута. Это обстоятельство немного проясняется в письме 7 (от 30 августа) — оказывается, Платонов выезжал на Западный фронт. Здесь же он пишет о намеряющейся «в десятых числах сентября» поездке на воронежское направление, но о том, действительно ли она состоялась, ничего неизвестно, как неизвестно и какая организация командировала Платонова на фронт в первый раз. Вполне возможно, что уже в свою первую поездку Платонов отправился по направлению редакции «Красной звезды». Но к концу августа он явно еще не закреплен за «Красной звездой» со всей непреложностью военного порядка. Это видно из того, как он в том же письме 7 сообщает жене о полученных им от различных печатных изданий приглашениях к сотрудничеству: «Я приглашен как постоянный сотрудник в “Красную звезду” (это большая честь), затем в “Красный флот” и в журналы “Красноармеец” и “Краснофлотец”. И еще, и еще — работы уйма».

По сути дела в это время Платонов все еще остается гражданским лицом, не имеющим военного звания. Материалы военной аттестации писателя, сохранившиеся в военном деле А. Платонова в фонде ССП СССР, относятся преимущественно к сентябрю 1942 г.⁷

Наиболее ранние по хронологии документы — автобиография писателя от 5 сентября 1942 г. (примечательно, что намек на начало прохождения аттестации обнаруживается в письме 8 от того же числа: «Скоро мне дадут военное звание...») и отзывы о нем, написанные Сергеем Бородиным (без даты), Виктором Шкловским (от 5 августа <sic> 1942 г.) и Леонидом Леоновым (от 5 сентября 1942 г.) для Военной комиссии ССП СССР. В этих отзывах писатель единодушно характеризуется как «один из лучших русских писателей» (Бородин), «один из пятерки-шестерки лучших советских писателей» (Шкловский), «чрезвычайно интересный и очень талантливый литератор нашего времени» (Леонов).

Вместе с этими отзывами в деле имеется общая характеристика А. Платонова за подписями секретаря Президиума ССП СССР по оргвопросам П. Скосырева и оргсекретаря Военной комиссии Президиума ССП СССР Любанского (от 19 сентября 1942 г.), написанная для представления в Высшую аттестационную комиссию ГлавПУРККА. В этой характеристике так же, как и в вышеперечисленных отзывах, утверждается, что «А. Платонов может быть смело причислен к наиболее талантливым и своеобразным советским писателям». Между прочим в характеристике сообщается, что в данное время Платонов является сотрудником газеты «Красная звезда».

В тот же день — 19 сентября — Военная комиссия Президиума ССП СССР проинформировала Свердловский райвоенкомат г. Москвы о том, «что член ССП тов. Платонов А. П. представлен к аттестации в Высшую аттестационную комиссию ГлавПУРККА».

Следующий документ дела — отношение в Высшую аттестационную комиссию ГлавПУРККА за подписью председателя Военной комиссии президиума ССП СССР бригадного комиссара Петра Павленко: «Полагаю, что тов. А. П. Платонову может быть присвоено звание интенданта 2-го ранга <равнозначно званию майора.— Е. А.> с использованием в качестве спецкора во фронтовой печати».

Пока осуществлялась вся эта процедура, судьбой Платонова активно заинтересовался Советский РВК города Москвы, вдруг потерявший из виду состоящего на учете гражданина. 22 октября 1942 г. Военная комиссия ССП получила следующее отношение от военного комиссара Советского района г. Москвы: «Работающий у Вас командир запаса член ССП Платонов Андрей Платонович, состоящий на учете в Советском РВК г. Москвы, несмотря на неоднократные вызовы, в Райвоенкомат не является по неизвестным причинам. Прошу, если он работает в настоящее время у Вас, обязать его явкой в Райвоенкомат. Если же он от Вас убыл, то сообщите, когда, куда и на какой срок». На обороте документа имеется собственноручное объяснение Платонова: «Меня вызывали в РВК; я туда являлся; документы мои проверялись. Других вызовов я не получал. ПУР'ом РККА прикомандирован к редакции “Красной звезды” в качестве воен<ного> корреспондента. А. Платонов. 22/Х-42». В этой записи важно указание на то, что ко 2-й половине октября аттестация Платонова в ГлавПУРККА уже состоялась.

Во 2-й половине ноября писатель вновь оказывается на фронте (см. письма 9–12). По сохранившемуся письму М. А. Платоновой, устанавливается, что отъезд в командировку состоялся 14 ноября⁸. Сами письма, как и ранее, не дают представления о месте пребывания писателя, однако установить его удастся по записным книжкам — это Калининский фронт, в частности город Торжок (Записные книжки. С. 238–239). Кроме того, благодаря сохранившейся записной книжке несколько уточняются сроки поездки — хотя последнее письмо из этой поездки датировано 25 ноября, одна из записей книжки была сделана еще позднее — 27 ноября. Поездка могла оказаться и более продолжительной, если бы Платонова не вызвали в Москву в связи с ухудшающимся состоянием сына.

Долговременные фронтовые командировки Платонова начинаются позже, после его официальной мобилизации 8 марта 1943 г., окончательного утверждения спецкором газеты «Красная звезда» (приказ НКО № 02757 от 22 апреля 1943 г.) и присвоения звания капитана административной службы (приказом НКО № 02505/п от 22 апреля 1943 г.).

Не позднее 23 мая 1943 г. Платонов отправляется в командировку в ходе которой посещает Мичуринск, Воронеж, прифронтовой Курск, подвергавшийся в то время ожесточенным авиационным налетам, и возвращается в Москву лишь в первых числах июля (письма 13–23). Повторно на Центральный фронт Платонов выезжает после начала Орловской операции (12 июля — 18 августа 1943 г., наступательная операция войск Брянского, Центрального и левого крыла Западного фронта, часть Курской битвы), около 18 июля (письма 24–30), и находится там до 20-х чисел августа. В неопубликованных блокнотах Платонова лета 1943 г. упоминаются населенные пункты, в которых ему довелось побывать в эту поездку: села

Поныри 1-е и 2-е, г. Кромы, г. Дмитровск-Орловский, деревня Бельдяшки (Кромский р-н). С 1943 г. меняется и общий ход войны, так что массовые выезды военкоров, к которым принадлежит теперь и Платонов, явно приурочиваются к проведению крупных наступательных операций. Вот, например, как, по воспоминаниям П. Трояновского, выглядело корреспондентское сообщество Центрального фронта в июле 1943 г.: «...команда, собралась на Центральном фронте очень сильная, работоспособная. “Правду” представляли Оскар Курганов, Леонид Коробов и Михаил Калашников. От “Известий” — Евгений Кригер, Леонид Кудреватых, Михаил Рузов и Павел Трошкин. Но самую большую группу составляли мы, работники “Красной звезды”. Из краснозвездцев здесь были Андрей Платонов, Константин Бельхин, Николай Денисов, Владимир Кудрявцев, Георгий Хомзор, Олег Кнорринг и автор этих строк. Кроме того, к нам наезжали Константин Симонов, Илья Эренбург и Борис Галин. Замечательных товарищей командировали на Центральный фронт Совинформбюро, газеты “Комсомольская правда”, “Сталинский сокол”, “Труд”, а также Всесоюзное радио и другие, как принято выражаться, органы массовой информации. Словом, компания большая»⁹. Аналогичные свидетельства обнаруживаются и в дневнике Л. К. Бронтмана (известный корреспондент «Правды», писавший под псевдонимом Лев Огнев): «7 августа <1943 г.>. Наш газетный лагерь все время кочует. Все время кто-то уезжает, приезжает, вечно мы кого-то ждем, и кто-то нам что-то рассказывает. Особенно это заметно в дни больших событий»¹⁰. Во время затишья картина меняется, см., например, запись от 22 августа 1943 г.: «На нашем <Центральном.— Е. А.> фронте — тишина. На Харьковском и Брянском направлениях наступление застопорилось. Идем там вперед по 6–8 км в день. Харьков все еще у немцев. <...> Газетчиков на нашем фронте осталось совсем мало. Известинцы Кригер и Трошкин уехали в Москву, краснозвездинцы Олендер и Буковский перебрались на Воронежский, а Андрей Платонов — в Москву, ТАССовец Липавский уехал на Степной, корреспондент Информбюро Пономарев — в Москве. Весь Голливуд распался...»

Примечательно, что все это время — с момента аттестации до завершения июльско-августовской командировки 1943 г.— Платонов выказывает настойчивое желание быть приписанным ко флоту. Свою возможную аттестацию по флоту он не без удовольствия предвкушает еще в письме от 5 сентября: «...вероятно, я получу звание по флоту и на старости лет одену форму моряка». В письме от 24 мая Платонов предполагает, что его перевод во флот может осуществиться в ближайшие полтора-два месяца. В письмах от 28 мая и 24 июня просит жену выяснить у Г. Э. Сорокина, как продвигается это дело. Раз за разом Платонов подтверждает свое намерение в письмах от 25 июня, 26 июля, 30 июля, 31 июля и 3 августа: «...по приезде буду стараться перевестись во флот, чтобы иметь возможность больше работать», «Пока я буду работать, но буду принимать меры, чтобы уйти из этой редакции», «Я буду стараться уйти во флот», «Но я хочу перейти только, оставшись военным — во флоте», «М. б., мне удастся при новом редакторе уйти с миром во флот...» Вероятно, это желание во многом подогревалось сложностью взаимоотношений Платонова с редактором «Красной звезды» — Вадимовым (Д. Ортенбергом), так как после смены редактора тема перевода во флот окончательно исчезает из писем.

В начале октября 1943 г. Платонов снова на фронте. На этот раз это поездка на Смоленщину (письма 31–32). Писатель оказывается на территории, освобожден-

денной в ходе Смоленско-Рославльской операции 15 сентября — 2 октября 1943 г. (наступательная операция войск Западного фронта, часть Смоленской операции 1943 г.).

Следующая командировка, в начале марта — апреле 1944 г. (письма 33–35), связана с наступлением на Правобережной Украине, а именно с Проскуровско-Черновицкой операцией 4 марта — 17 апреля 1944 г. (наступательная операция войск 1-го Украинского фронта во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта, имевшая своей целью разгром основных сил немецко-фашистской группы армий «Юг»).

На 2-ю половину июня — июль 1944 г. (письма 36–39, первое письмо из этой серии утрачено) приходится поездка, приуроченная к стратегической Белорусской операции 1944 г. Платонов перемещается с частями 2-го Белорусского фронта и становится очевидцем Могилевской (23–28 июня), Минской (29 июня — 4 июля) и Белостокской (5–27 июля) наступательных операций.

В этой поездке писатель серьезно заболевает, о чем свидетельствует сохранившийся черновик телеграммы, набросанный самим Платоновым: «Москва. Редакция “Красной звезды”, Кривицкому. Платонов заболел, последние дни лежит, работать не может. Доложите Карпову, сообщите, как ему поступить. Милованов»¹¹, а также письмо от 31 августа 1944 г., отправленное Платонову одним из знакомых фронтовых корреспондентов. Письмо написано как раз с целью пожелания Платонову скорейшего выздоровления, после того как, говоря словами автора, «прибыл к нам тов. Гроссман и сообщил мне печальную весть о Вас. От него я узнал, что Вы долго болели брюшным тифом и что в настоящее время Вы еще не вполне выздоровели»¹².

Со второй половины 1944 г. Платонов вынужден все больше времени уделять поддержанию своего ухудшающегося здоровья. Об этом свидетельствуют сохранившиеся письма 1945 г. из санаториев Красной армии в Гурзуфе (письма 40–42) и Ялте (письма 43–46), которые и завершают данную подборку. Возможно, конечно, что Платонов все-таки совершал в конце 1944 — 1-й половине 1945 г. какие-то краткие командировки, как, например, это случилось между 5-м и 8-м октября 1944 г.¹³, однако никаких сведений об этом пока что не имеется.

В качестве итогового документа военной биографии А. Платонова вполне может быть представлена следующая справка, выданная вдове писателя вскоре после его смерти:

7 апреля 1951 г.

СПРАВКА

Платонов Андрей Платонович — майор административной службы приказом НКО СССР № 02757 от 22 апреля 1943 г. был зачислен в РККА и назначен этим же приказом специальным корреспондентом редакции газеты «Красная звезда» и в этой должности проходил службу в газете «Красная звезда» до 18 декабря 1945 г.

С 22 мая 1943 г. по 5 мая 1945 г. майор а/с Платонов А. П. находился корреспондентом «Красной звезды» на разных фронтах Отечественной войны. 5 июля 1945 г. тов. Платонову А. П. был предоставлен отпуск в связи с его болезнью, затем 1 сентября 1945 г. ему был предоставлен 2-х месячный отпуск на санаторное лечение. Приказом начальника Глав. ПУ

РККА № 03991 от 18 декабря 1945 г. майор а/с Платонов А. П. был уволен в запас Советской Армии.

Справка дана в Городской военный комиссариат г. Москвы¹⁴.

Помимо выявленных на настоящее время документальных источников биографии писателя 1942–1945 гг., существуют немногочисленные воспоминания и упоминания о Платонове военной поры в мемуарах А. Кривицкого, Д. Ортенберга, П. Трояновского (небольшой фрагмент), А. Явича. К сожалению, они не очень-то проясняют имеющуюся картину, а иногда и затемняют ее по причине отсутствия точных дат и пренебрежения деталями. Кроме того, авторы позволяют себе излишнюю навязчивость в подчеркивании своей роли в судьбе Платонова, кажущегося, с их же слов, каким-то вечно сконфуженным и глубоко неуверенным в себе.

Например, А. Явич подтверждает, что в 1942 г. для Платонова существовала возможность службы во флоте, представляя это обстоятельство как результат своего личного ходатайства: «Осенью сорок второго, когда я, как принято выражаться военным языком, проходил службу в редакции газеты “Красный флот”, ко мне пришел Платонов. Он получил приказ явиться на сборный пункт как рядовой. “Разве ты не аттестован?” — “Меня, брат, и в рядовые-то еле аттестовали”, — отвечал он по обыкновению шуточно. Надо было торопиться. Я тотчас пошел к генералу Мусьякову, редактору, которого хорошо знал еще по Севастополю сорок первого. <...> В тот же день Павел Ильич Мусьяков побывал у Рогова, тогдашнего начальника Политуправления Военно-морского флота, и получил приказ об аттестации Андрея Платонова по флоту. Оказалось, Платонова одновременно аттестовали и по армии. Платонов сделался военным корреспондентом “Красной звезды» (Воспоминания современников. С. 27). К сожалению, дать оценку этой детали в общем контексте биографии Платонова, восстанавливаемой по письмам и документам, пока что не представляется возможным.

В воспоминаниях сотрудника «Красной звезды» А. Кривицкого само по себе значимое упоминание о появлении Платонова в редакции газеты с адресованной Кривицкому запиской В. Гроссмана («Дорогой Саша! Прими под свое покровительство этого хорошего писателя. Он беззащитен и неустроен») перерастает в затянутае беллетризованное повествование о личной роли А. Кривицкого в публикации рассказа «Броня». Еще один интересный факт по Кривицкому — отправка Платонова в военный санаторий, откуда тот сбежал на фронт без командировки и продовольственного аттестата. Но и здесь все та же залитературенность, надуманные диалоги и полное отсутствие фактов. Время действия — «в конце войны», сведения о санатории — «не помню названия этого лечебного учреждения, знаю только, что был он не столь уж далеко от Москвы, а может быть, в соседней области», события на фронте — просто наступление вообще.

Мемуары бывшего редактора «Красной звезды» Д. Ортенберга представляют собой позднюю по времени компиляцию на основе опубликованных воспоминаний А. Кривицкого, П. Трояновского и устных рассказов сотрудников «Красной звезды», непосредственно работавших с Платоновым после ухода редактора. Рассказ о зачислении Платонова в «Красную звезду» в изложении Ортенберга требует отдельного разбора с точки зрения его достоверности, что не является целью дан-

ной работы. Наиболее близкие к реальности сведения из этих воспоминаний приведены непосредственно в комментариях к письмам.

* * *

Публикуя письма Платонова 1942–1945 гг., нельзя не представить общую характеристику его литературных дел в этот период, тем более что в своих письмах писатель неоднократно пытается управлять этими делами на расстоянии.

На первый взгляд, в это время Платонов публикуется достаточно часто. В каком-то смысле это несомненно так, однако есть здесь и свои нюансы. Среди рассказов, опубликованных в 1942–1945 гг., выделяются явные фавориты, в каком-то смысле полюбившиеся редакторам. Непревзойденным лидером по числу публикаций является рассказ «Одухотворенные люди» (варианты названия: «Слава», «Одушевленные люди», «Бессмертный подвиг моряков: Фильченко, Красносельский, Цибулько, Одинцов, Паршин»), посвященный подвигу моряков-черноморцев (см. прим. 1 к письму 5). Известны две публикации рассказа в периодической печати (журн. «Краснофлотец» и «Знамя»), еще две — в сборниках Платонова «Броня» и «Рассказы о родине», публикации в коллективном сборнике «Сталинское племя», посвященном 25-летию ВЛКСМ (подписан к печати 18 октября 1943 г.) и три публикации отдельным изданием: в издательстве «Молодая гвардия» (подписана к печати 2 ноября 1942 г.), в издательстве Военно-морского флота (сдана в печать 20 мая 1943 г.) и в Якутском государственном издательстве, в переводе на якутский язык.

Пять раз опубликованы¹⁵ «Дед-солдат», «В сторону заката солнца», «Рассказ о мертвом старике», четыре — «Броня», «Через реку: рассказ пехотинца», трижды — «Божье дерево», «Железная старуха» (не считая довоенной публикации) и «Крестынин Ягафар» (см. таблицу ниже).

<i>Название</i>	<i>Место публикации</i>
«Дед-солдат»	1) журн. «Пионер», 1941, № 10 2) журн. «Красноармеец», 1942, № 18 3) кн. «Под небесами родины», 1942 4) кн. «Броня» (под назв. «Дед-матрос»), 1943 5) кн. «Рассказы о Родине», 1943
«В сторону заката солнца»	1) газ. «Красная звезда» (под назв. «Труженик войны»), 1943, 10 марта 2) журн. «Октябрь», 1943, № 4–5 3) газ. «Пионерская правда» (под назв. «Сапер»), 1944, 23 февр. 4) кн. «В сторону заката солнца», 1945 5) кн. «Солдатское сердце» (под назв. «Иван Толокно — труженик войны»), 1946
«Рассказ о мертвом старике»	1) газ. «Красная звезда» (под назв. «Старик»), 1942, 20 сент. 2) журн. «Октябрь» (под назв. «Рассказ о старике»), 1942, № 12 3) кн. «Под небесами родины», 1942

	4) кн. «Броня», 1943 5) кн. «Рассказы о Родине», 1943
«Броня»	1) газ. «Красная звезда», 1942, 5 сент. 2) журн. «Знамя», 1943, № 10 3) кн. «Броня», 1943 4) кн. «Рассказы о Родине», 1943
«Через реку: рассказ пехотинца»	1) газ. «Красная звезда», 1944, 5 янв. 2) кн. «В сторону заката солнца» (под назв. «Добрая корова»), 1945 3) сб. «Дни боевые. Рассказы и стихи о Великой Отечественной войне» (школьная библиотека), 1945 4) кн. «Солдатское сердце» (под назв. «На доброй земле (рассказ бойца)»), 1946
«Божье дерево»	1) журн. «Новый мир» (под назв. «Дерево родины»), 1943, № 2–3 2) кн. «Броня», 1943 3) кн. «Под небесами родины», 1942
«Железная старуха»	1) журн. «Знамя», 1943, № 4 2) кн. «Под небесами родины», 1942 3) кн. «Рассказы о Родине», 1943
«Крестьянин Ягафар»	1) журн. «Октябрь», 1942, № 10 2) кн. «Под небесами родины», 1942 3) кн. «Рассказы о Родине», 1943

Очевидно, что большое количество публикаций того или иного рассказа является прямым следствием его попадания либо в авторский сборник Платонова, либо в коллективный писательский сборник. Большинство рассказов представленной выше группы включено более чем в одну из трех первых книг Платонова военного времени, в которых вообще перетасовывался приблизительно один и тот же набор произведений. Сборники «Броня» и «Рассказы о Родине», за исключением двух написанных позднее рассказов «Броня» и «Одушевленные люди», состоят из произведений, уже вошедших в книгу «Под небесами родины», см. таблицу ниже (в скобках приводится порядковый номер рассказа в составе сборника).

	«Под небесами родины»	«Броня»	«Рассказы о Родине»
«Броня»		+ (3)	+ (3)
«Дед-солдат»	+ (2)	+ (под назв. «Дед-матрос»)	+ (5)
«Дерево родины»	+ (3)	+ (4)	
«Железная старуха»	+ (4)		+ (4)
«Крестьянин Ягафар»	+ (1)		+ (6)

«Рассказ о мертвом старике»	+ (5)	+ (2; под назв. «Старик»)	+ (2)
«Одушевленные люди»		+ (1)	+ (1)
«Свет жизни»	+ (6)		

Еще несколько рассказов имеют по две публикации: «Взыскание погибших», «Гроза под Орлом», «Два дня Никодима Максимова», «Домашний очаг», «Маленький солдат», «На Горынь-реке», «Никита», «Оборона Семидворья», «О советском солдате», «Офицер и солдат», «Роза», «Сампо», «Штурм лабиринта».

<i>Название</i>	<i>Где опубликовано</i>
«Взыскание погибших»	1) газ. «Красная звезда» (под назв. «Мать»), 1943, 28 окт. 2) кн. «В сторону заката солнца» (под назв. «Мать»), 1945
«Гроза под Орлом»	1) журн. «Знамя», 1943, № 9–10 2) кн. «В сторону заката солнца» (под назв. «Бой в грозу»), 1945
«Два дня Никодима Максимова»	1) газ. «Красная звезда», 1943, 12 июня 2) кн. «В сторону заката солнца» (под назв. «Никодим Максимов»), 1945
«Домашний очаг»	1) газ. «Красная звезда», 1943, 8 сент. 2) кн. «В сторону заката солнца», 1945
«Маленький солдат»	1) газ. «Красная звезда», 1943, 16 июня 2) журн. «Дружные ребята», 1943, № 8–9
«На Горынь-реке»	1) газ. «Красная звезда» (под назв. «Апрельские будни»), 1944, 19 апр. 2) кн. «Солдатское сердце», 1946
«Никита»	1) журн. «Мурзилка», 1945, № 4 2) журн. «Новый мир» (под назв. «Добрый Кит»), 1945, № 7
«Оборона Семидворья»	1) газ. «Красная звезда», 1943, 26 мая 2) журн. «Знамя», 1943, № 5–6
«О советском солдате»	1) журн. «Красноармеец» (под назв. «На минном поле»), 1944, № 6 2) кн. «В сторону заката солнца» (под назв. «Три солдата»), 1945
«Офицер и солдат»	1) газ. «Труд», 1944, 16 янв. 2) кн. «В сторону заката солнца», 1945
«Роза»	1) журн. «Интернациональная литература» (на испанск. яз.), 1944, № 8

	2) кн. «В сторону заката солнца» (под назв. «Девушка Роза»), 1945
«Сампо»	1) журн. «Новый мир», 1943, № 2–3 2) кн. «В сторону заката солнца», 1945
«Штурм лабиринта»	1) газ. «Красная звезда», 1945, 21 апр., 6 мая 2) кн. «Солдатское сердце», 1946

Количество публикаций всех вышеперечисленных рассказов Платонова исключительно в периодических изданиях выглядит следующим образом: рассказ «В сторону заката солнца» опубликован трижды, «Дед-солдат», «Броня», «Маленький солдат», «Никита», «Оборона Семидворья», «Одухотворенные люди», «Рассказ о мертвом старике» — дважды; все остальные — всего один раз.

Есть еще группа произведений Платонова единожды опубликованных в 1943–1945 гг. и не попавших ни в одну из его книг. Это очерки «Земля и небо Курска» (Красная звезда. 1943, 12 июня), «Прорыв на запад» (Там же. 1944, 25 июня), «Дорога на Могилев» (Там же. 1944, 28 июня), «В Могилеве» (Там же. 1944, 29 июня), «Падение немца» (Там же. 1944, 4 июля) и рассказы «Присяга» (Там же. 1943, 25 июня), «Сын народа» (Там же. 1944, 26 мая), «Ветер-хлебопашец» (Дружные ребята. 1944, № 4), «Две крошки» (Пионерская правда. 1945, 6 янв.), «Один бой» (Красная звезда. 1945, 20 февр.), «Цветок на земле» (Мурзилка. 1945, № 4), «Жена машиниста» (Гудок. 1945, 30 сент.), «Сержант Шадрин» (Красноармеец. 1945, № 18).

Насколько же такое положение дел отражает волю самого писателя, хотя бы в отношении состава выпущенных сборников? Без особой натяжки процесс формирования этих книг можно было бы назвать мучительным.

Меньше всего информации имеется о трех платоновских сборниках первой половины войны. Как уже было сказано выше, они укомплектованы почти одними и теми же рассказами. Зная степень возможной трансформации состава платоновских книг под давлением редакторов, можно предположить, что такое положение дел не вполне соответствует авторской воле.

Так, очевидны, на первый взгляд, обстоятельства издания сборника «Под небесами родины»: договор Платонова с Башкирским государственным издательством в лице главного редактора Кутушева А. Ш. подписан 10 апреля 1942 г. (№ 170), предоставление рукописи должно было произойти в течение 10 дней, не позднее 20 апреля¹⁶, судя по выходным данным, книга была сдана в печать 29 апреля 1942 г., подписана к печати 5 января 1943 г. Однако из переписки Платонова со свояком Петром Трошкиным¹⁷ следует, что еще в самом начале 1942 г. рукопись сборника с тем же названием была переправлена писателем в Москву, и не позднее 14 февраля П. Трошкин лично передал ее в издательство «Советский писатель» Е. И. Колтуновой. Трудно судить, насколько московский вариант книги на том или ином этапе совпадал с башкирским. То, что такое совпадение необязательно и состав сборника мог по ходу дела изменяться, видно из того же письма Платонова, где он предлагает дослать для одноименного московского сборника рассказы «Неодушевленный враг», «Генерал Бабай» (=«Крестьянин Ягафар», «Хлебная Крошка и Печная Теплушка» (=«Грамм и Калория»).

Сборник «Броня», выпущенный Военно-морским издательством, как устанавливается из публикуемых писем, был сдан в набор в конце ноября 1942 г., вышел из печати в мае 1943 г. Кажется, будто это издание осуществлено достаточно быстро, однако следует учесть, что рукопись, с которой пришлось работать редактору Военмориздата Г. Сорокину, до того уже побывала в Гослитиздате и даже подверглась там каким-то редакторским исправлениям (см. письмо 9).

Между тем, 4 ноября 1942 г. Платонов заключил договор и с Гослитиздатом на книгу известную как «Рассказы о Родине»¹⁸. Ко времени заключения договора книга уже была представлена в издательство и получила одобрение, правда, на тот момент она носила другое название — «Одушевленная Россия». Этому этапу, возможно, соответствует сохранившееся в архиве оглавление сборника под названием «Одушевленная родина»: «1. Одушевленные люди, 2. Рассказ о мертвом старике, 3. Броня, 4. Железная старуха, 5. Божье дерево, 6. Дед-солдат, 7. Крестьянин Ягафар». Данное оглавление по составу и расположению текстов соответствует сборнику «Рассказы о Родине» за одним лишь исключением — в выпущенной книге нет рассказа «Божье дерево».

В утвержденных тематических планах Гослитиздата 1943 г. книга Платонова «Одушевленная Россия» впервые появляется в плане на 2-й квартал¹⁹, затем она переходит в план 3-го квартала уже как «Рассказы о Родине». В середине августа план проверяется на предмет выполнения, и рядом с названием книги Платонова появляются пометы «верстка», «подписано к печати»²⁰. Далее книга переходит в план 4-го квартала²¹, сигнальный экземпляр выпускается лишь 6 ноября 1943 г.

Гораздо более детально прослеживается история издания книги «В сторону заката солнца» в августе 1943 — мае 1945 гг. Еще 28 августа 1943 г. Платонов сдал в издательство «Советский писатель» книгу следующего содержания:

1. В сторону заката солнца
2. Сампо
3. Взыскание погибших
4. Седьмой человек
5. Добрый Кузя
6. Маленький солдат
7. Никодим Максимов
8. Домашний очаг
9. Пустодушие
10. Крестьянин Ягафар
11. Бой в грозу
12. Как боец Курдюмов четырех немцев одолел
13. Очерки о советском солдате
14. Размышления офицера
15. Избушка бабушки²².

7 октября 1943 г. вопрос о сборнике Платонова был вынесен на заседание редакционного совета издательства, докладывал по этому поводу редактор издательства Г. Ярцев²³. К этому времени редсовет располагал отзывами двух рецензентов — О. Резника, от 13 сентября 1943 г., и В. Бахметьева, от 2–3 октября 1943 г. В итоге обсуждения было постановлено дать сборник на дополнительную читку еще двум рецензентам — А. Гурвичу и Г. Шторму. Сохранившийся отзыв Гурвича не датирован, отзыв Шторма датирован 20-м октября 1943 г. Как выясняется из окон-

чательного договора, подписанного Платоновым в мае 1945 г. (см. ниже), первый договор на книгу был заключен 21 октября 1943 г. Сборник был включен в план изданий на первое полугодие 1944 г. пока что под условным названием «Рассказы»²⁴. Очевидно, что заключение договора являлось своего рода авансом автору, которому по результатам обсуждения следовало произвести серьезное переформирование книги²⁵. Известно еще четыре авторских оглавления, свидетельствующих об этом процессе. Первое из них состоит из 12 пунктов (подчеркиванием отмечены рассказы, оставшиеся от первоначального состава сборника):

1. В сторону заката солнца
2. Мать <=Взыскание погибших>
3. Никодим Максимов
4. Добрая корова
5. Офицер и солдат <помечен вопросительным знаком.— Е. А. >
6. Крестьянин Ягафар
7. Маленький солдат <позднее вычеркнут.— Е. А. >
8. Домашний очаг
9. Сампо
10. Три солдата <=Очерки о советском солдате; помечен вопросительным знаком.— Е. А. >
11. Бой в грозу
12. Роза <=Девушка Роза>²⁶.

Таким образом, в сборнике больше нет рассказов «Седьмой человек», «Доброй Кузя», «Пустодушие», «Как боец Курдюмов четырех немцев победил», «Размышления офицера», «Избушка бабушки», позднее исчезает «Маленький солдат», однако появляются «Добрая корова», «Офицер и солдат» и «Роза».

Второе оглавление — список добавочных рассказов, которые Платонов на одном из этапов прохождения книги представил в «Советский писатель» (на листе имеется помета «Для Сов<етского> Писат<еля> добавить»), пытаясь, вероятно, увеличить объем книги: «Офицер Простых, Добрая корова <помечен вопросительным знаком и вычеркнут.— Е. А. >, На Горынь-реке, Иван Великий, Счастливый корнеплод, Среди народа, Рассказы старого сержанта»²⁷.

Эти рассказы действительно попали в издательство и так же подверглись рецензированию. Посвященный им отзыв редактора сборника Митрофанова, от 28 июля 1944 г., тоже сохранился в архиве издательства²⁸. Примечательно, что Митрофанов начинает отзыв с прямого упоминания о шести новых рассказах Платонова, но по ходу рецензии перечисляет не шесть, а семь названий, пять из которых точно соответствуют добавочному списку в его исправленном варианте, а именно: «Офицер Простых», «На Горынь-реке», «Иван Великий», «Счастливый корнеплод», «Среди народа». Ничего не говоря о «Рассказах старого сержанта», Митрофанов упоминает небольшие рассказы «Ветер-хлебопашец» и «Голубь и горлинка» — вероятно, именно они и скрываются под единым обобщающим названием.

Наконец, на второй половине листа со списком дополнительных рассказов Платонов скорописью набрасывает еще одно оглавление книги, попутно подсчитывая ее объем:

1. В сторону заката солнца
2. Мать
3. Никодим Максимов

4. Добрая корова
5. Офицер и солдат <помечен вопросительным знаком.— *Е. А.*>
6. Крестьянин Ягафар
7. Маленький солдат <позднее вычеркнут.— *Е. А.*>
8. Домашний очаг
9. Сампо
10. Три солдата <помечен вопросительным знаком.— *Е. А.*>
11. Бой в грозу
12. Роза
13. Офицер Простых
14. На Горынь-реке
15. Иван Великий
16. Счастливый корнеплод
17. Среди народа
18. Рассказы старого сержанта²⁹.

Нетрудно заметить, что это новое оглавление простая сумма двух, рассмотренных ранее, включая даже пометы и правку первого из них. Далее Платонов переписывает полученное оглавление набело в следующем виде:

1. Дорога на закат солнца
2. Взыскание погибших (Мать)
3. Никодим Максимов
4. Добрая корова
5. Офицер и солдат <помечен вопросительным знаком.— *Е. А.*>
6. Крестьянин Ягафар
7. Домашний очаг
8. Сампо
9. Три солдата <помечен вопросительным знаком, позднее вычеркнут.— *Е. А.*>
10. Бой в грозу
11. Роза
12. Офицер Простых
13. На Горынь-реке
14. Иван Великий
15. Счастливый корнеплод <позднее вычеркнут.— *Е. А.*>
16. Среди народа
17. Рассказы старого сержанта³⁰.

Оглавление предваряется указанием: «Книга Андрея Платонова теперь должна включать следующие произведения»; под оглавлением, после двойного отчеркивания запись: «Два рассказа, отмеченные “?” — оставлены на решение гг. Митрофанова и Ярцева».

Однако попытки писателя «спасти» объем сборника оказываются тщетными. На выходе книга имела состав наиболее близкий первому (из 12 пунктов) исправленному оглавлению, за вычетом рассказов «Маленький солдат» и «Крестьянин Ягафар».

Однако после того, как вопрос с составом сборника был решен внутри издательства, предстояло миновать еще ряд внешних цензурных инстанций. И, надо признать, в этих случаях издательство пыталось отстаивать интересы Платонова. На 1 сентября 1944 г. сборник «В сторону заката солнца» находился в наборе,

10 ноября сверка книги была отправлена «согласно запроса» в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), на имя тов. Афанасьевой³¹. А еще до того, 3-го ноября, издательство послало верстку сборника в Главлит, где она надолго задержалась. По этому поводу 4 декабря директор «Советского писателя» Г. Ярцев счел необходимым обратиться к начальнику Главлита со следующим письмом:

«Начальнику Главлита т. Садчикову.

3-го ноября с. г. издательство “Советский писатель” послало на просмотр в Главлит верстку книги А. Платонова “В сторону заката солнца”. До сего времени разрешение на печать не получено. Прошу Вашего распоряжения об ускорении просмотра книги»³².

Это не помогло, и тогда 23 января 1945 г. издательство в лице его директора Г. Ярцева и главного редактора С. Бородина обратилось в Агитпроп:

«Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

Зав. отделом художественной литературы т. Еголину А. М.

Издательством “Советский писатель” подготовлена к выпуску книга военных рассказов Андрея Платонова “В сторону заката солнца”, состоящая в значительной части из произведений, напечатанных в газете “Красная звезда». Однако Главлит отказал в выдаче разрешения на печать указанной книги А. Платонова, не сообщив издательству мотивов задержки. Ввиду того, что по нашему мнению книга А. Платонова “В сторону заката солнца” заслуживает издания, просим о Вашем вмешательстве и соответствующем указании Главлиту»³³.

Как следует из выходных данных книги, она была подписана к печати 14 марта 1945 г. Точку в этом деле поставил второй, заключенный между автором и издательством, договор на книгу «В сторону заката солнца» — № 297, от 4 мая 1945 г., по которому предыдущий договор № 73, от 21 октября 1943 г., аннулировался, а все выданные суммы засчитывались в расчеты по новому договору³⁴.

Почти одновременно с «В сторону заката солнца», с октября 1943 г. по начало 1946 г., в Детском государственном издательстве претерпевала мытарства другая книга А. Платонова. Здесь восстанавливаемая картина издательского процесса менее детализирована, но столь же красноречива.

О начальном этапе работы можно судить по двум сохранившимся оглавлениям. В первом оглавлении под общим заглавием «О живых и мертвых» перечислены 11 рассказов:

- 1.[II]³⁵ Дед-солдат
- 2.[IV] Маленький солдат
- 3.[III] Взыскание погибших
- 4.[I] Железная старуха
- 5.[X] Избушка бабушки
- 6.[VII] Вся жизнь
- 7.[VI] Добрый Кузя
- 8.[IX] Корова
- 9.[V] Седьмой человек
- 10.[VIII] Июльская гроза
- 11.[XI] Путешествие воровья³⁶.

Рядом с оглавлением помета: «Передано в Детиздат 28/Х-43».

Второе оглавление включает 9 рассказов:

1. Цветок на земле

2. Роза
3. Голубь и горлинка
4. Добрый Кузя
5. Корова
6. Избушка бабушки
7. Седьмой человек
8. Взыскание погибших
9. Вся жизнь³⁷.

Первоначальное заглавие этой книги — «Вся жизнь» — вычеркнуто, название первого рассказа подчеркнуто, что, вероятно, указывает на него как на новый вариант заглавия всей книги. На этом оглавлении помета: «Отдано 29/ХІІ В. С. Фраерман».

В том, что оба этих оглавления с наибольшей вероятностью относятся к одному и тому же издательскому проекту, убеждает не только их совпадение в большинстве пунктов (в шести), но и тот факт, что Валентина Сергеевна Фраерман, жена писателя Р. И. Фраермана, являлась сотрудницей Детгиза. Кроме того, известно лишь об одной книге Платонова, проходящей в Детгизе в 1943–1945 гг., и именно о ней в январе 1945 г. сам писатель упоминает как о сданной в издательство более года назад (см. письмо 42). Таким образом, декабрьский состав книги является переработанным вариантом октябрьского. Что касается исключенных рассказов 1-го оглавления («Дед-солдат», «Маленький солдат», «Железная старуха», «Июльская гроза», «Путешествие воробья»), они заменены произведениями более поздними по времени написания («Цветок на земле», «Роза», «Голубь и горлинка»).

Косвенным свидетельством хронической «текучести» состава сборника в этот период могут служить два сохранившихся плана Детиздата приблизительно одного времени. В проекте перспективного тематического плана издательства на 1945–1949 гг., в разделе «Советская художественная литература для среднего и старшего возраста, новые темы и ориентировочные темы новых книг» книга Платонова обозначена весьма условно — «Новые рассказы»³⁸, а в плане изданий на 1945 г., утвержденном наркомом просвещения В. П. Потемкиным 9 февраля 1945 г., в аналогичном разделе «Советская художественная литература для среднего и старшего возраста (вне серий)» название книги «На Горынь-реке. Военные рассказы»³⁹.

Судя по окончательному результату, сборнику «Солдатское сердце» (подписан к печати 5 января 1946 г.), состоящему из рассказов «Штурм лабиринта», «Иван Толокно — труженик войны», «На Горынь-реке», «На доброй земле (рассказ бойца)» (= «Корова»), в 1944–1945 гг. Платонову пришлось еще не раз утрясать состав этой книги.

Сборники «В сторону заката солнца» и «Солдатское сердце» завершают историю хоть в искаженном виде, но состоявшихся издательских проектов Платонова военного периода. Между тем, в 1945 г. писатель безуспешно попытался провести через редакторские рогатки еще как минимум два сборника — «Гвардейцы человечества» и «Вся жизнь».

«Гвардейцы человечества» предназначались для Гослитиздата. От машинописи этого сборника сохранился титульный лист следующего содержания: Андрей Платонов // ГВАРДЕЙЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА // ОГИЗ // ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗ-

ДАТЕЛЬСТВО // ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ // Москва. 1945 г.»⁴⁰ Под заглавием карандашная помета Платонова «Название условное», сбоку листа запись: «Здесь осталось 23 рукописи. Несколько рукописей я уже вынул. Но из оставшихся 23-х рукописей впоследствии придется снять по разным причинам еще несколько. А. Платонов. 23/III 45».

Сохранилось также черновое оглавление этого сборника с тремя вариантами расположения текстов:

Гвардейцы человечества. Оглавление книги, сданной в Гослитиздат.

- 1а. Афродита;
- [XIV] 1. Одуш<евленные> люди 5
 [X] 2. Рассказ о мертвом старике 7
 [VIII] 3. Броня 3
 [XII] 4. Взыск<ание> погибших 6
 [VI] 5. Ив<ан> Толокно — труж<еник> войны 10
 [III] 6. Добрая корова 8
 [V] 7. Сампо 9
 [I] 8. Дом<ашний> очаг 2
 [XIII] 9. Роза 21
 [II] 10. Среди народа 20
 [VII] 11. Никодим Максимов 4
 [XXIII] 12. Офицер Простых 11
 [XI] 13. На Горынь-реке 14
 [IV] 14. Иван Великий 12
 [XXII] 15. В Белоруссии (1. Гибель немцев. 2. На могилах русских солдат) 23
 [IX] 16. Добрый Кузя 13
 [XVII] 17. Пустодушие 17
 [XXI] 18. Офицер и солдат 18
 [XX] 19. О советском солдате 19
 [XIX] 20. Размышления офицера 22
 [XV] 21. Седьмой человек 15
 [XVI] 22. Образ Отеч./Афродита/Юность 1
 [XVIII] 23. Гроза под Орлом 18.

Перечень завершается записью «24 рукописи // Сдано 13/XI». Дата, скорее всего, относится к осени 1944 г.

Дальнейшая история этой книги пока что неизвестна.

С осени 1945 г. начинается борьба Платонова за издание сборника «Вся жизнь» в издательстве «Советский писатель». О первоначальном составе этого сборника свидетельствует следующее черновое оглавление:

1. [VI] [Осьмушка]⁴¹ Червь
 2. [IV] Никита
 3. [VII] Юшка
 4. [II] Цветок на земле
 5. [I] Вся жизнь
 6. [III] Июльская гроза
 7. [V] Голубь и горлинка
 8. [VIII] Избушка бабушки <помечен вопросительным знаком.— Е. А.>

9. Пут<ешествие> воробья <помечен вопросительным знаком, позднее вычеркнут.— Е. А.>⁴²

Внизу оглавления имеется густо зачеркнутая запись, прочитывающаяся как «Старики и дети» — своеобразный парафраз названия книги, рядом с оглавлением помета: «В Совет<ский> писат<ель> в нач<але> сент<ября> 1945».

Сохранилось также чистовое оглавление сборника, где рассказы расположены по второй авторской нумерации (см. римские цифры) и отсутствует «Путешествие воробья»:

1. Вся жизнь
2. Цветок на земле
3. Июльская гроза
4. Никита
5. Голубь и горлинка
6. Червь
7. Юшка
8. Избушка бабушки⁴³.

На какое-то время в сборнике остается всего восемь рассказов, затем Платонов вносит очередные изменения: рассказ «Избушка бабушки» смещается на 9-ю позицию, на 8-ю вводится рассказ «Корова», на 10-ю — «Машинист Мальцев». Эти исправления произведены одновременно в обоих оглавлениях. Примечательно, что во 2-м оглавлении Платонов считает нужным отметить факт публикации рассказов: против пунктов 1–4, 10 имеется запись «напечатаны в журнале», против пунктов 5–9 запись «будут напечатаны».

В этом составе сборник попал в издательство, где был отдан на читку Ю. Либединскому (отзыв сохранился) и К. Симонову (отзыв не обнаружен)⁴⁴. Затем, как обычно для Платонова, потребовались дополнительные рецензенты, которыми стали С. Субоцкий, П. Скосырев, Е. Книпович, О. Резник и П. Антокольский⁴⁵.

Отзыв Ю. Либединского, сохранившийся среди дополнительных рецензий, датирован 10 октября 1945 г., остальные относятся уже к 1946 г.: отзыв С. Субоцкого датирован 16 февраля, П. Скосырева — 11 апреля, Е. Книпович — 19 апреля, О. Резник — 20 апреля (в двух последних случаях дата проставлена внизу последней страницы машинописи красным карандашом). Из шести сохранившихся рецензий дата отсутствует лишь на отзыве П. Антокольского, тоже, скорее всего, относящемся к 1946 г. Состав сборника, похоже, кардинально не меняется, однако в период между представлением отзыва Либединского и отзывов 1946 г. в него добавляется рассказ «Семья Иванова», о чем можно судить на основании упоминаний рецензентами рассказов сборника. Дальнейшая судьба книги проясняется в письме Платонова Фадееву от 10 декабря 1946 г.: «Рукопись была принята к изданию и набрана. Но летом 1946 г. книга была остановлена производством и набор рассыпан. Затем рукопись была направлена в Секретариат Союза — для того, чтобы там была решена ее судьба. До сих пор, однако, судьба рукописи еще не решена»⁴⁶.

Конечно, для полноты картины необходимо изучение не только изменения состава книг, но и исследование вариантов правки публикуемых текстов, но это огромная работа, которую только предстоит проделать.

* * *

Детальное изучение истории сотрудничества Платонова во время войны с конкретными периодическими изданиями также является пока что делом будущего и, безусловно, зависит от сохранности рабочих материалов конкретных редакций. Однако уже сейчас можно составить некоторое представление о взаимоотношениях Платонова с редакцией журнала «Знамя», неоднократно упоминающегося в публикуемых письмах. Как будет видно далее, какое-то время этот печатный орган профильной военной тематики являлся претендентом на первые публикации писателя наряду с «Красной звездой».

В 1942–1943 гг. в «Знамени» состоялось всего пять публикаций Платонова: «Броня», «Одушевленные люди», «Железная старуха», «Оборона Семидворья», «Гроза под Орлом». Однако общее количество платоновских произведений, прошедших через редакцию «Знамени», гораздо больше. Так, по регистрационным карточкам устанавливается, например, что 11 декабря 1942 г. из редакции журнала Платонову были возвращены рукописи пьесы «Избушка возле фронта», а также рассказов «Как боец Курдюмов одолел четырех немцев» и «Старый человек Никодим» (для прочтения были отданы Р. Глязер)⁴⁷. Из книги прохождения рукописей следует, что в середине февраля 1943 г. рецензенты В. Смирнова и Е. Ковальчик читали не только опубликованный позднее рассказ Платонова «Железная старуха», но и «Дед-солдат», кроме того, у Смирновой находились рассказы «Добрый Кузя» и «Сампо», а у Ковальчик — «Седьмой человек»⁴⁸. Рецензент Г. Владыкин читал рассказ «Божье дерево»⁴⁹. 29 апреля того же года Н. Четунова представила в «Знамя» свой отзыв на рассказ «Путешествие воробья» (см. прим. 2 к письму 21). 14 августа в редакцию поступил рассказ «Пустодушие», который был возвращен 21 августа, тогда же — 21 августа — взамен поступил рассказ «Никодим Максимов», возвращенный 25 августа (находились у Е. Михайловой)⁵⁰. 11 сентября Платонову вернули «Очерки о советском солдате»⁵¹, а 18 сентября в редакцию поступили «Вся жизнь», «Избушка бабушки» и «Размышления офицера»⁵².

Часть из перечисленных рукописей сохранилась в фонде журнала «Знамя» до настоящего времени, сохранились также рукописи неопубликованных рассказов «Взыскание погибших», «Иван Толокно — труженик войны» (= «В сторону заката солнца»).

Конечно, на фоне отвергнутого опубликованное представляется всего лишь верхушкой айсберга, однако в «Знамени» действительно были заинтересованы в Платонове, что следует хотя бы из речи ответственного редактора Е. Михайловой, произнесенной 4 декабря 1943 г. на заседании Президиума ССП СССР, посвященном отчету журнала:

«Если рассматривать то, что я перечислила и что не перечислила, но что печаталось в “Знамени”, то, особенно на первых порах, очень заметно в этой литературе о войне выступает лирико-романтическая и героическая тенденции, героизирующая действительность, возвеличивающая как людей, так и их внутренние побуждения и цели, которые перед этими людьми встают. <...> У нас война — это только продолжение той борьбы за светлое будущее, которую наш народ вел и до войны, но это наивысшее напряжение и подъем. Война как бы взывает к каким-то скрытым душевным резервам человека, она заставляет человека давать то последнее усилие, о котором недавно говорил небезынтересный рассказ,

напечатанный в “Красной Звезде”. И поэтому война для нас — это и духовная героика и социальный идеализм. <...> Война как бы взывает именно к этой струе литературы, к этому характеру изображения. На эту потребность отзываются у нас такие вещи, очень лиризованные, очень окрыленные целым миром благородных человеческих побуждений, как книга В. Гроссмана “Народ бессмертен”, повесть Павленко, повесть Платонова, так и называемая “Одушевленные люди”. И действительно, каждый из его героев-матросов несет в себе какую-то огромную величавую силу, позволяющую этим людям так беззаветно умирать. <...> Это литература, которая способна в поисках такого возвеличения человека прибегнуть даже к сказочному облику. И если взять такой рассказ, как “Самое необходимое” Каверина, или “Железная старуха”, — то что в них дано — это не минус, это только украшает и опирается на какую-то реалистическую основу и, сообщая поэтический колорит, не снижает правдоподобие изображаемого.

Как держится редакция журнала по отношению к этой струе литературы, к этой линии лирико-романтической и героической, — за или против? Конечно, в этой струе есть большая опасность, опасность ходульности, опасность риторики и т. д. Разумеется, преувеличенная ходульность и риторика никак не могут встретить поддержки в журнале, и нам пришлось ряд произведений, по-своему интересных, все-таки не принять, так как это слишком риторично. Но, с другой стороны, именно эта лирико-романтическая тенденция встречается в журнале безусловную поддержку. Мы считаем, что именно военная тема имеет громадное воспитательное значение, — она позволяет поставить перед нашей молодежью и перед читателем вообще идеал человеческого поведения, эта литература должна быть проникнута социальным идеализмом. <...>

Надо подчеркнуть необходимость своего личного восприятия темы, которое сразу делает мир художника отличным от другого художника. У нас очень часто бывает литература обезличенная, когда только подпись писателя указывает, кому данная вещь принадлежит. Я думаю, что одним из писателей со своими переживаниями, со своим восприятием темы является Андрей Платонов. Но надо сказать, что это своеобразие не должно идти в разрез с подлинными фактами жизни, с ее закономерностями, с ее общим значением, общим смыслом, потому что иначе может начать работать субъективизм, что иногда и бывает у Андрея Платонова»⁵³.

Следует, учесть, что все это говорится после того, как рассказ «Оборона Семидворья» именно как публикация «Знамени» был подвергнут критике в газете «Правда», о чем не преминула напомнить присутствующим на заседании М. Эссен: «Рассказ “Железная старуха” Андрея Платонова, по моему мнению, надуманный, какой-то мало говорящий уму и сердцу. <...> “Оборона Семидворья” Андрея Платонова вызвала резкую критику в газете “Правда” от 8 июля 1943 г. Статья в основном справедливая, в которой указаны не только небрежность и вычурность языка, но и неясность мысли автора. Тут несомненно редакция журнала и могла и должна была поработать над рукописью обстоятельно»⁵⁴.

Кстати, из этого же доклада Михайловой видно, что отказ в публикации произведения не обязательно был следствием отрицательного мнения о нем редакции. Оказывается, журнал не имел права печатать уже опубликованное, а, если такое случилось, редактору приходилось за это отвечать:

«Вместе с тем обращаю ваше внимание, что мы нередко можем очутиться в положении органа, перепечатающего только из-за недобросовестности самих авторов. Например, могу

ли я изъять из сигнала уже отпечатанный рассказ Кожевникова “Рождение воина”, потому что он появился в “Правде”? Такая же история с А. Платоновым, который клятвенно заверил, что никому больше эту вещь не даст, а она появилась в “Звезде”, и мы опять очутились в положении перепечатчика.

Если говорить о перепечатках, то “Знамя” этим в порядке сознательной установки грешит чрезвычайно мало. Пошли мы сознательно на это только в двух случаях. Остальные — это перепечатки, которые либо создались по вине автора, либо газета перепечатала у нас, как “Русские люди”. Я хочу, чтобы было твердо указано писателям, что это требование писательской этики — не подводить журнал. Если они дают вещь журналу, надо чтобы никаких осложнений не было. Иногда бывало, что мне удавалось снять вещь на ходу из гранок, как было с вещью Андрея Платонова. Так что, это дело этапа, на котором нас такое бедствие настигнет»⁵⁵.

Как уже было сказано, Михайлова делает свой доклад 4 декабря. Практически в то же самое время в секретариате ЦК принимаются постановления, имеющие непосредственное отношение к судьбе журнала: «2 декабря 1943 года секретариат ЦК принял закрытое постановление “О контроле над литературно-художественными журналами”, обвинив управление пропаганды и агитации ЦК в “слабом контроле” за выпускаемой в стране литературой. Секретариат, по предложению А. Щербакова, возложил личную ответственность за публикации в “Новом мире” на Г. Александрова, а в “Знамени” и “Октябре” на его заместителей — А. Пузина и П. Федосеева. На следующий день секретариат проголосовал за постановление “О повышении ответственности секретарей литературно-художественных журналов”, в котором предписывалось “повысить требовательность к качеству публикуемых ... произведений” с тем, чтобы полностью исключить “появление в журналах антихудожественных и политически вредных произведений”»⁵⁶.

Пока еще кажется, будто у сотрудничества Платонова со «Знаменем» есть какая-то перспектива. В портфеле «Знамени» на 1944 г. значится повесть Платонова «Гвардии полковник», а также рассказы «Корова (Рассказ старослужащего красноармейца)» (=«Добрая корова»), «Вся жизнь», «Среди народа»⁵⁷. Из другой росписи «портфеля», в которой «дается перечень не всех произведений, на которые рассчитывает редакция, а только вполне надежно обеспеченных и большей частью уже полученных», выясняется, что реально в редакции имеются рассказы «Вся жизнь» и «Среди народа»⁵⁸. Повесть «Гвардии полковник» значится в списке обещанного, а «Корова» числится в запасе на «третьей полке»⁵⁹. Кроме того, редакция «Знамени» проводит отбор произведений с целью издания массовой библиотечки красноармейца, и включает в ее состав рассказы «Одушевленные люди» и «Рассказ старослужащего красноармейца», т. е. «Добрая корова»⁶⁰. Дело доходит и до некоторых практических шагов. 3 марта Е. Михайлова направляет рукописи предназначенных для библиотечки рассказов (А. Григулис «Сквозь огонь и воду» и А. Платонов «Рассказ старослужащего красноармейца») В. Я. Орловой, в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)⁶¹.

Однако тот журнал «Знамя», с которым Платонов сотрудничал на протяжении 1942–1944 гг., неумолимо приближался к своему концу: «4 апреля ответственные работники управления пропаганды А. Еголин и М. Иовчук доложили А. Щербакову о политической ошибке ответственного секретаря журнала Е. Н. Михайловой, принявшей к печати (опубликованы они не были!) статьи Ю. Юзовского “Крити-

ческий дневник”, Е. Усиевич “Непокоренные” и Л. Озерова “Об украинской поэзии военных лет”. Затем крамолу в “Знамени” обнаружили Г. Александров, Д. Поликарпов и П. Федосеев. 4 августа они информировали Жданова о “серьезных недостатках” и “грубых ошибках” редколлегии журнала, подготовившей к публикации статьи трех упомянутых критиков, поэму Е. Долматовского “Вождь” (в ней, по мнению авторов докладной записки, неверно изображалось отступление Красной Армии в первые месяцы войны) и “пустые”, “манерные” рассказы В. Шкловского “О разлуках и потерях” (1943, № 11–12). В итоге, 23 августа 1944 года было принято специальное негласное постановление оргбюро ВКП(б) “О журнале “Знамя””, в котором отмечалось, что “состав редколлегии (А. А. Исбах, В. И. Лебедев-Кумач, В. А. Луговской, М. Р. Соколовский.— Д. Б.) не обеспечивают ведение журнала на должном идейном и литературно-художественном уровне”⁶².

Осенью 1944 г. Платонов еще попытался предложить новому «Знамени» под руководством Вс. Вишневского некоторые свои произведения, например, очерк «Гибель немцев в Белоруссии» и пьесу «Волшебное существо» (и в том и в другом случае писатель выступил в соавторстве, соответственно, с П. Миловановым и Р. Фраерманом), однако было очевидно, что здесь он больше не нужен (см. отзыв А. Тарасенкова на очерк «Гибель немцев в Белоруссии»: «Я считаю этот очерк слабым. Белоруссия — это колоссальный военный и исторический феномен. Даже материал, успевший пройти по нашим газетам, дает о событии представление гораздо более сильное и яркое, нежели этот очерк, написанный сухо, протокольно, без истинного воодушевления темой. Так “откликаться” на одну из самых величайших тем войны — не стоит. В номер пускать эту вещь не следует. 3 сент. 1944»⁶³).

Окидывая общим взглядом картину, складывающуюся на основе изученных документов — самих писем и сопутствующих архивных материалов, нельзя тем не менее не предположить, что ни тяготы военного времени, ни вседневные для писателя проблемы с изданием собственных произведений не оказали бы такого разрушительного воздействия на его здоровье, если бы не болезнь и смерть Платона. При чтении писем 1943–1945 гг. возникает устойчивое ощущение неизбежности, неутолимости тоски по сыну, ушедшему из мира живых. Ситуация как будто немного смягчается с появлением в жизни Платонова внука и дочери, но местом, к которому стремятся его сердце и мысли, всегда остается могила сына во всей ее материальной конкретности. В каком-то смысле это постоянное притяжение и предопределило то, как предстояло довольно скоро умереть самому Андрею Платонову.

¹ Письмо М. А. Платоновой сестре и матери от 8–15 января 1943 г. // ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 53, л. 5 об.

² Следует учитывать, что среднее время прохождения писем между Москвой и Уфой было довольно большим — около половины месяца. Это устанавливается на основании переписки Платонова с Петром Трошкиным (см. прим. 3 к письму 1) благодаря тому, что в ответных письмах упоминаются даты только что полученных посланий: Платонов 17 января 1942 г. получает письмо от 31 декабря 1941 г., 6 марта — от 14 февраля; Трошкин 5 де-

кабря 1941 г. получает открытку от 17 ноября, 10 января 1942 г. — письмо от 26 декабря 1941 г. При таких обстоятельствах вряд ли имело смысл посылать письма в Уфу накануне ожидаемого отъезда оттуда жены и сына.

³ РГАЛИ, ф. 631, оп. 16, ед. хр. 96, л. 7, протокол заседания Военной комиссии ССП СССР от 10 апр. 1942 г.

⁴ Там же, л. 83.

⁵ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 25, л. 10.

⁶ РГАЛИ, ф. 631, оп. 16, ед. хр. 96, л. 136.

⁷ Там же, ед. хр. 449. Часть документов личного дела опубликована, см.: Воспоминания современников. С. 445–448. Публикация *Е. Шубиной*.

⁸ Письмо М. А. Платоновой от 8–15 января 1943 г. // ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 53, л. 5 об.

⁹ *Трояновский П.* На восьми фронтах. М., 1982. С. 134.

¹⁰ *Бронтман Л. К.* Дневники 1932–1947. @ Журнал «Самиздат», 2004 (zhurnal.lib.ru/g/gyndin_s_r).

Голливуд — шуточное название, придуманное самими корреспондентами для места своего проживания.

¹¹ ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 10, л. 5.

¹² *Шошин В. А.* Из писем к Андрею Платонову: по материалам рукописного отдела Пушкинского Дома // Творчество, 1995. С. 187.

¹³ См. сохранившиеся записки Платонова жене, находящейся в то время в роддоме: «Отпуск мой кончается пятого. Сегодня пойду в редакцию — выясню свое положение и посмотрю, к чему мне готовиться» (записка от 2 октября 1944 г.), «Я сегодня приехал с фронта обратно. <...> Я был в краткой, но тяжелой поездке» (записка от 8 октября 1944 г.) (ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 26, л. 1, 2).

¹⁴ ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 104, л. 1.

¹⁵ При подсчете количества публикаций степень редакторского вмешательства в тексты не принималась во внимание. Некоторые из публикаций представляют собой сильно сокращенный вариант произведения.

¹⁶ ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 38, л. 1.

¹⁷ Письмо Трошкина от 14 февр. 1942 г., письмо Платонова от 3 марта 1942 г., см.: *Шошин В. А.* Из писем к Андрею Платонову: по материалам рукописного отдела Пушкинского Дома // Творчество, 1995. С. 182.

¹⁸ РГАЛИ, ф. 613, оп. 7, ед. хр. 891, л. 77, договор № 218.

¹⁹ ГАРФ, ф. Р-4851, оп. 1, ед. хр. 274, л. 94 об.

²⁰ Там же, л. 102.

²¹ Там же, л. 110.

²² РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 99, л. 20 (оглавление сборника).

²³ РГАЛИ, ф. 1234, оп. 8, ед. хр. 53, л. 108.

²⁴ Там же, оп. 9, ед. хр. 46, л. 4.

²⁵ Первая попытка расшифровки оглавлений и частичная публикация рецензий: *Корниенко*, 1993. С. 283–287.

²⁶ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 99, л. 19.

²⁷ Там же, л. 17.

²⁸ РГАЛИ, ф. 1234, оп. 9, ед. хр. 15, л. 99–100.

²⁹ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 99, л. 18.

³⁰ ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 53, л. 1.

³¹ РГАЛИ, ф. 1234, оп. 9, ед. хр. 44, л. 138 (редакционно-издательский план издательства «Советский писатель» на 1-е полугодие 1944 г.); там же, л. 163.

³² РГАЛИ, ф. 1234, оп. 9, ед. хр. 44, л. 15.

³³ Там же, оп. 10, ед. хр. 218, л. 40.

³⁴ ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 38, л. 3.

³⁵ В квадратных скобках приводится вторая авторская нумерация неизвестного назначения.

³⁶ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 99, л. 24.

³⁷ Там же, л. 15.

³⁸ РГАЛИ, ф. 630, оп. 5, ед. хр. 123, л. 60.

³⁹ Там же, л. 28.

⁴⁰ ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 54, л. 1.

⁴¹ Первоначальное, исправленное прямо в оглавлении, название того же рассказа.

⁴² РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 99, л. 14; первый вариант расшифровки данного оглавления представлен в книге: Корниенко, 1993. С. 291.

⁴³ ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 56.

⁴⁴ РГАЛИ, ф. 1234, оп. 10, ед. хр. 215, л. 110, справка о рецензировании рукописей с 1 августа по 10 ноября 1945 г. по русской прозе и поэзии.

⁴⁵ РГАЛИ, ф. 1234, оп. 10, ед. хр. 200, л. 29–49. Отдельные фрагменты отзывов приведены в книге: Корниенко, 1993. С. 291–294.

⁴⁶ *Перхин В.* Андрей Платонов в письмах к Александру Фадееву (1946–1949) // Страна философов, 2000. С. 827–828.

Ссыпка набора книг Платонова в издательстве «Советский писатель» производилась неоднократно. Один из таких случаев произошел и во время войны. В августе 1945 г. издательство, отчитываясь перед правлением ССП СССР о списании брака рукописей, одним из пунктов такого брака указало сборник А. Платонова «Рассказы» (сумма затрат 9746,21 р.), сообщив при этом: «Издание было предпринято по довоенному портфелю 1941 г. С началом войны при консервации портфеля набор был ссыпан. Возобновление издания с производством дополнительных затрат признано нецелесообразным вследствие неактуальности содержания» (РГАЛИ, ф. 1234, оп. 10, ед. хр. 215, л. 51, 52). Примечательно, что «Рассказы» были предложены писателем издательству в счет погашения долга в 4921 р. по просроченному договору на «Путешествие из Ленинграда в Москву», см. письмо Платонова от 29 июля 1940 г.: «В Издательство “Советский писатель”. На ваше письмо № ЮР–13 от 15/VII т. г. сообщаю следующее свое предложение об урегулировании своего долга Издательству — 4921 р. По независящим от меня обстоятельствам книга “Путешествие из Ленинграда в Москву” будет представлена в Издательство осенью этого года. Поэтому, чтобы немедленно ликвидировать свой долг Издательству, я предлагаю Издательству для издания сборник своих рассказов, объемом в 12–13 авт. листов. Рукопись книги может быть представлена в течение 5 ближайших дней. Гонораром за эту книгу с избытком покроется мой долг. Андр<ей> Платонов», в левом верхнем углу: «<2 слова нрзб> Просить автора представить рукопись на просмотр. 9/VIII <подпись нрзб>»; на верхнем поле: «автору послано письмо 10/VIII–40 <подпись нрзб>» (РГАЛИ, ф. 2134, оп. 5, ед. хр. 28, л. 26).

⁴⁷ РГАЛИ, ф. 618, оп. 8, ед. хр. 9, л. 19–22.

⁴⁸ Там же, л. 22, 55.

⁴⁹ Там же, л. 24.

⁵⁰ Там же, л. 23–24.

⁵¹ Там же, л. 25.

⁵² Там же, оп. 12, ед. хр. 53.

⁵³ РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 629, л. 9–11, 15–16.

⁵⁴ Там же, л. 42–43.

⁵⁵ Там же, л. 24–25.

⁵⁶ *Бабиченко Д.* Жданов, Маленков и дело ленинградских журналистов // Вопросы литературы. 1993. № 3. С. 203.

⁵⁷ РГАЛИ, ф. 618, оп. 10, ед. хр. 18, л. 1, 5.

⁵⁸ Там же, л. 8. Интересно, что в том же «реальном» портфеле, в «Критическом отделе», значится статья А. Гурвича о военных очерках Андрея Платонова (Там же, л. 7, 11).

⁵⁹ Там же, л. 41, 46.

⁶⁰ Там же, ед. хр. 2, л. 88.

⁶¹ Там же, ед. хр. 1, л. 16.

⁶² *Бабиченко Д.* Указ. соч. С. 203–204.

⁶³ Там же, ед. хр. 14, л. 27; отзыв А. Тарасенкова на пьесу «Волшебное существо» см. в прим. 1 к письму 44.

А. П. ПЛАТОНОВ — М. А. ПЛАТОНОВОЙ 1921–1945 гг.

ПИСЬМА 1921–1926 гг.

Публикация Н. Корниенко

В фонде Платонова (ОР ИМЛИ, ф. 629) находятся 9 писем и 6 телеграмм Платонова к невесте и жене, относящиеся к воронежскому периоду жизни и творчества. Письма недатированы. На телеграммах указаны только число и месяц. Письма приходятся на время бурного любовного романа. Не все письма к невесте сохранились, а лишь первые, написанные в пору знакомства. Отсутствуют письма в село Верхнее Волошино, где с лета 1921 г. по весну 1922 г. Мария Кашинцева работала учительницей. Неизвестна судьба текста, фигурирующего в первой публикации эпистолярного наследия как письмо Платонова 1922 г. в Волошино (см.: Волга, 1975. С. 161). От производственных командировок губмелиоратора Платонова сохранились только телеграммы, отправляемые Платоновым жене и маленькому сыну.

Датировка писем определяется реконструкцией истории знакомства Платонова и Марии Кашинцевой. Она известна нам по воспоминаниям Марии Александровны и повести «Строители страны». В плане книги воспоминаний о Платонове: «Ж. М. (его приход в читальню). Он приводит А. П. на Нееловскую ул.» (оп. 6, ед. хр. 143. Ж. М.— Георгий Степанович Малюченко). Мария Александровна не раз исправляла в написанном дату первой встречи с Платоновым — с 1922 на 1921. Возможно, этот поздний сдвиг как-то связан с другим — изменением даты рождения сына с 1922 — на 1923, а своего года рождения — с 1903 на 1905. При новом исчислении годов получалось, что студенткой университета она стала в 15 лет, а ребенка родила — в 17.

В пору подготовки писем к изданию в журнале «Волга» Мария Александровна писала В. В. Васильеву:

«Платонова я впервые увидела весной [1922] 1921 года в университетской читальне Ворон<ежского> университета. В этой читальне мы сдавали зачеты около печки-“буржуйки” профессорам Озе, Путинцеву и др. Аудитории были закрыты. На стенах аудитории лежал иней. В городе не было тепла. Однажды, придя в читальню, я увидела нового студента, который стоял с группой товарищей и очень громко говорил: “А что такое филология?” Позднее я узнала, что у этого студента было больше двухсот публикаций в газетах, журналах, альманахах, но в наш студенческий журнал Платонов ничего не хотел давать. В это время я оформляла журнал, а мне редактор журнала сказал, что новый студент, Платонов, не хочет ничего давать, считая наш журнал “мелкобуржуазным”. И действительно, Платонов был прав, в журнале были стихи, которые начинались так: “Абрис тел неясен...”.

Несколько позднее, после вечера в Ком<мунистическом> союзе журналистов, в клубе “Железное перо”, где Платонов ранее выступал со стихами, теперь он выступал с докладом об электрификации, о переустройстве всей русской промышленности на основе общей электрификации. В этот раз Платонов читал доклад “Сознание” (об интеллектуальной революции).

Я ушла, не дождавшись конца, потому что жила далеко. Но часа через два ко мне пришел Малюченко Г. С. и с ним Платонов. Оба они были возбуждены, спорили отчаянно. В повести “Чевенгур” или “Путешествие с открытым сердцем”, Платонов почти полностью воспроизводит весь наш тогдашний разговор.

Малюченко Г. С.— тов. Платонова, искусствовед, жив до сих пор. Он также дружил с Литвиным-Молотовым.

Позднее, осенью, я поехала, сама, учительницей в село Волошино, испугавшись своего чувства к Платонову. <...>

Каждые десять, двенадцать дней Платонов приходил ко мне в деревню, иногда с моим отцом, с Малюченко, но чаще один, замерзший, в ледяных сосульках. <...> Был это уже 1922 год, а не 1919. И первое письмо в Волошино в 1922 году. Это же написано в эпитафии. И сноски очень ясные, а я повторяюсь. Почему они Вам непонятны, Владимир Васильевич?» (оп. 6, ед. хр. 143).

Необходимые примечания. В 1921 г. Платонов был студентом политехнического техникума, а не университета, в студентах которого он состоял недолго (октябрь 1918 — май 1919). Если память не подвела Марию Александровну, то их встреча после вечера в Комсожуре состоялась 28 февраля 1921 г. (Платонов выступал с докладом «Сознание»; см.: Сочинения, I (2). С. 365). Тема сакральной встречи с любимой начинает развиваться в стихах и рассказах Платонова, публикуемых летом—осенью 1921 г. («В моем сердце песня вечная...», «В звездной пустыне», «Заметки»).

Понятна непонятливость публикатора, одного из первых биографов Платонова Владимира Васильева и его сомнение в датировке «первого» письма из Новохоперска, в котором рассказывается о событиях не 1922, а осени 1919 г., когда на территории области шли бои между Красной и Белой армиями. Источник данного «письма» в архиве отсутствует, и мы уже высказывали предположение, что под видом письма печатался фрагмент экспозиции повести «Строители страны». Воспоминания Марии Александровны о первой встрече с Платоновым также корреспондируют с ее описанием в повести, что она и сама подтверждает и о чем оставила пометы на полях рукописи «Строителей страны»: «в письме ко мне это есть», «есть в письме», «Все это есть в письмах ко мне» (ф. 629, оп. 1, ед. хр. 14, л. 25—25 об.). Прототипы двух из трех влюбленных в Софью Александровну соперников-друзей ясны: Дванов — Платонов, Геннадий — Малюченко. Третий, юный Гратов, возможно, фигура собирательная. Никаких помет об этом герое не делает и Мария Александровна. Однако в набросках автобиографической повести «История молодого человека и молодой девушки 20 века» появляется фигура третьего влюбленного в Лидию героя, а точнее, первого ее возлюбленного: «Дать (в начале) — зарождающийся роман Лидии с Леонидом. Север, деревня Уя,— они едут на озеро. На охоте впервые. Вечером, по приезде, Лидия бежит на озеро, по помосту, далеко вытянувшемуся в озеро. Леонид идет за ней. Потом, когда кончился помост, она поворачивается, ей стало страшно. Леонид берет ее по-товарищески за руку и ведет обратно. Потом, всю жизнь, Лидия вспоминала то невероятное чувство, что было у нее в душе в тот миг, на озере, на самом краю помоста, около глубокого обрыва. Как она бежала туда» (оп. 6, ед. хр. 143). В повести все влюбленные в Лидию герои названы своими именами — А. Климентов (Платонов), Г. Малюченко. Реален и Леонид. Об этом мы знаем, благодаря сохранившимся в фонде письмам Леонида Александровича Александрова Марии Кашиной в Воронеж, сначала на адрес: Покровская, д. 7, а с 1921 — Неловская, 35. Письма Александрова хранились Марией Александровной вместе (рядом) с письмами Платонова 1921 г. На конверте с письмами Л. Александрова она написала: «Тоже письма о любви, только чистые, еще совсем детские. Человек, который научил ленинград-

скую <sic> девочку любить лес, оленей и природу Олонецкого края...» (оп. 6, ед. хр. 142, л. 2). Они познакомились в Петрозаводске, куда из революционного Петрограда перебралась семья Кашинцевых. В пору знакомства с гимназисткой Машей Кашинцевой Александров был уже женатым человеком. После отъезда Кашинцевых в Воронеж, Леонид уходит добровольцем в Красную армию, участвует в боях с армией Юденича, получает орден Красного Знамени; после возвращения с фронта разводится с женой и ждет отпуска, чтобы встретиться с возлюбленной Марией... Все это мы знаем из его писем (оп. 3, ед. хр. 64). Последнее письмо Александрова датируется 14 марта 1922 г. и исполнено тревогой в связи с отсутствием писем от Марии. В это время любовный роман Марии Кашинцевой и Андрея Климентова уже перешел в новое состояние (25 сентября 1922 г. в семье Платоновых родится сын Платон). Однако в пору знакомства Платонова с Марией Кашинцевой и весь 1921 год эпистолярный роман с командиром Красной армии Александровым занимал в жизни Марии не последнее место. Приезжал ли Александров в 1922 г. в Воронеж, то нам неизвестно. Платонов знал о первой любви Марии (его имя называется в письме из Тамбова 1927 г., см. с. 461 наст. издания). И, может быть, именно высокой патетикой первой любви своей Марии определяется появление в повести «Строители страны» никак внешне не мотивированного сюжета вспыхнувшей платонической любви Марии Крашениной к появившемуся в ее учительском доме командиру полевых большевиков Копенкину.

В набросках к автобиографической повести Мария Александровна рассказывает о положении в семье Кашинцевых в пору знакомства с Платоновым. Эта тема проговаривается в подтексте писем Платонова 1921 г. И только в набросках она как-то конкретизируется: «Встречи на кладбище с А. Разлад дома у Лидии с отцом. Поняв, что А. занял в ее сердце огромное место, она бежит в деревню, на работу. Только что ее отец и мать окончательно разошлись. И любовь А. пугает ее. Она травмирована,— раздоры отца и матери довели ее до того состояния, что она не верит ни в какое чувство» (оп. 6, ед. хр. 143).

Письма 1921 г. были использованы Платоновым при написании в 1927 г. повести о революции и любви «Строители страны».

1

1921 г. Воронеж

Мария.

Я не смог бы высказать вам всего, что хочу, я не умею говорить, и мне бесконечно трудно рассказывать о самом глубоком и сокровенном, что во мне есть. Поэтому я прошу прощения, что пишу, а не говорю (писать как-то несуразно).

Простите меня за все и послушайте меня. Мария, я вас смертельно люблю. Во мне не любовь, а больше любви чувство к вам. Восемь дней мое сердце в смертельной судороге. Я чувствую, как оно вспухает во мне и давит душу. Я живу в каком-то склепе и моя жизнь почти равна смерти. Днем я лежу в поле в овраге, под вечер прихожу в город и иду к вам. А у вас я как-то весь опустошаюсь, во мне все стихает, я говорю великие глупости, я весь болею и хожу почти без сознания. Сколько раз я хотел вам сказать, что ведь я не такой, какого вы немного знаете, я совсем иной.

Лунное тихое пламя выжигает из меня жизнь¹. У меня никого нет, некуда пойти и никто не поймет меня. Моя родина — луна. Я теперь не могу равнодушно смотреть, как стоит дерево, как идет дождь. Через вас я люблю все больше и боль-

ше мир, звезды приводят меня в трепет, а когда я с вами, я как мертвый, я холодею и успокаиваюсь. И как мне ни хочется с вами говорить, только безмолвие или простые детские слова должны быть между нами.

Мария, вы та самая, о которой я одиннадцати лет написал поэму², вы та самая победительница вселенной. Я знал вас всегда. Вы сказали раз, что во мне много жестокости, а во мне много боли. Я и раньше все сильнее и страшнее чувствовал нестерпимую красоту мира. Вы же конец всего. Вы моя смерть и мое вечное воскресение.

Может, я говорю пошло и глупо, но во мне поет музыка и мне больно и хорошо.

Я ничего от вас не прошу, я вам все отдаю. Никогда я не притронусь к вам, если вы сами не захотите. Я грубый дикарь, это мне говорили и товарищи мои. Но я вырос в грязи и работе, узнал все, что знают люди, аристократия мысли и искусства³.

Это пишу без Жоржа⁴. Он относится к вам по-иному, гораздо легче и преодолевает вас. Это он сам говорит. Во мне же сердце ходит все туже и туже. Когда я шел к вам один, то лежал на бугре перед этим и плакал. Вы не знаете, наверное, что такое судороги сердца. Первый раз я узнал это, когда нашел в больничном сарае мертвую сестру⁵. Она лежала вечером на полу. Было тепло и тихо, и я прилег с ней рядом и сказал ей что-то. Она лежала, замолкшая и кроткая, но не мертвая. Вы сестра моя, но безмерно дороже ее. Все силы затихли во мне, и я не могу передать словом, что дышит и волнуется сейчас во мне. Раньше я мог бы сделать это.

Я не знаю ваши отношения к Жоржу. Вы давно знакомы. И во мне есть тревога, что я мешаю вам, врезался клином и накалил атмосферу, мешаю искренности и простоте. Скажите мне про это. Я бы сразу разрубил этот узел, но боюсь сделать больно вам и Жоржу⁶.

Не жалости и не снисхождения я хочу, а вас и ваше свободное чувство.

Переполняется во мне душа и не могу больше говорить. Поймите мое молчание, далекая Мария, поймите мою смертную тоску и невероятную любовь. Только теперь я родился.

Есть мир, который создал когда-то я. Людям будет хорошо там жить, но я ушел бы и оттуда. У меня голова болит. Ночью я сочинил поэму, но для вас надо изменить мир. Простите меня, Мария, и ответьте сегодня, сейчас. Я не могу ждать и жить, я задыхаюсь, и во мне лопаются сердце. Я вас смертельно люблю. Примите меня или отвергните, как скажет вам ваша свободная душа.

Я вас смертельно люблю.

Андрей Платонов

Я не убью себя, а уму без вас, у меня все растет и растет сердце⁷.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 1, л. 1–2.

В правом углу л. 1 поздняя запись Марии Александровны (шариковой авторучкой): «Первое письмо ко мне».

¹ Любовная «лунная» тематика письма, не без влияния от знакомства в 1921 г. с книгами В. Розанова («Опавшие листья», «Люди лунного света» и др.), запечатлелась в опубликован-

ных стихах и рассказах 1921 г., а также в неопубликованной поэме в прозе «Невозможное» (1921) в образе влюбленного в Марию героя: «Но больше света и звезд он любил луну — этот тихий, сокровенный и вещий свет. <...> Луна делала его лучшим и безумным. В такие минуты он постигал и видел все» (Сочинения, I (1). С. 191).

² Детские стихи Платонова не сохранились.

³ Использована образная антитеза жизни—культуры из полемической статьи Платонова 1920 г. «Ответ редакции “Трудовой армии” по поводу моего рассказа “Чульдик и Епишка”», ср.: «Мы растем из земли, из всех ее нечистот, и все, что есть на земле, есть и на нас. <...> мы упорно идем из грязи» (Сочинения, I (2). С. 69).

⁴ *Жорж* — Малюченко Георгий Степанович — активный участник культурной жизни Воронежа начала 1920-х гг., один из поклонников Марии Кашинцевой (см.: *Ласунский О. Житель родного города. С. 102–104*). По воспоминаниям Валентины Александровны Кашинцевой-Трошкиной, именно Малюченко познакомил Платонова с ее старшей сестрой (Советский музей. 1991. № 1. С. 39).

⁵ Младшая сестра Платонова Надя Климентова умерла летом 1920 г., отравилась грибами в детском лагере.

⁶ В фонде Платонова сохранились записки участников этого любовного треугольника:

1) Послания Малюченко и Платонова Марии Александровне на странице из школьной тетради:

«Муся, что бы ни было, полагайтесь на меня. Я Вам нужен, и вам помогу.

На себя я надеваю маску и умираю, чтоб вновь воскреснуть.

Георгий Степанович,

он же *Жорж*.

P. S. Какой был чудесный, единственный страшно нужный план. И он мог удаться. Но... по нем я ношу настоящий траур. Восполню все.

Напишите мне».

На обороте — записка Платонова:

«Мария.

Я люблю теперь Жоржа больше себя, полюбите и Вы его больше меня, если я видел правду.

Андрей.

Ответьте сейчас и тут напишите» (оп. 3, ед. хр. 73).

Ответ Муси — отсутствует.

2) Записка Платонова к Малюченко (фрагмент листа):

«Жорж! Я остаюсь. Не протестуй! Я выясню все и за тебя и за себя. Мне больше нестерпимо. Будет сразу лучше и тебе и мне. А<ндрей>.

Разрубим узел сразу, чем без конца томиться» (оп. 3, ед. хр. 31, л. 1).

⁷ Данное письмо послужило источником текста письма Дванова к Софье Александровне Крашениной в повести «Строители страны»; ср.:

«Софья Александровна! Я не смог бы высказать вам всего, что хочу, я не умею говорить, и мне трудно рассказывать о самом глубоком и сокровенном, что во мне есть. Поэтому я прошу прощения, что пишу, а не говорю (писать как-то несоответственно).

Простите меня за все и послушайте меня. Софья Александровна, я вас смертельно люблю. Во мне не любовь, а больше любви чувство к вам. Целый день мое сердце в смертельной судороге. Я чувствую, как оно вспухает во мне и давит душу. Я живу в каком-то склепе и моя жизнь почти равна смерти. Я весь болею и хожу почти без сознания. Мне хочется вам сказать, что ведь я не такой, какого вы немного знаете, я совсем иной.

Лунное тихое пламя выжигает из меня жизнь. У меня никого нет, некуда пойти и никто не поймет меня. Моя родина луна. Я теперь не могу равнодушно смотреть как стоит дерево, как движется ветер. А через вас я мог бы больше полюбить мир и новые звезды наводнили бы небо над Вами. И почему-то мне не хочется с вами говорить и видиться — только безмолвие или простые детские слова должны быть между нами.

Софья Александровна, которую я одиннадцать лет видел во сне, вы та самая победительница вселенной силою одного обаяния. Я знал вас всегда. Вы думаете, что во мне много жестокости, а во мне много боли. Я и раньше все сильнее и страшнее чувствовал нестерпимую и скромную красоту мира. Вы же конец всего. Вы моя смерть и мое вечное воскресение. Может, я говорю пошло и глупо, но во мне поет музыка и мне больно и хорошо.

Я ничего от вас не прошу, я вам все отдаю. Никогда я не притронусь к вам, если вы сами не захотите. Я грубый дикарь, это мне говорили и товарищи мои. Но я вырос в грязи и работе, узнал все, что знают люди — мне ничто не чуждо, что имеет человеческую мысль.

Это я пишу [без] без Геннадия. Он относится к вам по иному, гораздо легче, и преодолевает вас. Это он сам говорит. Во мне же сердце ходит все туже и туже. Когда-то в детстве я лежал в поле на бугре и плакал от [любви] обожания природы. Я тогда начал читать книги, но мое понимание их было свое. И я вырыл пещерку в овраге, чтобы думать как Будда. Вы не знаете, наверное, что такое судороги сердца. Первый раз я узнал это, когда нашел в больничном сарае мертвую сестру. Она лежала вечером на полу. Было тепло и тихо, и я прилег с ней рядом и сказал ей что-то. Она лежала, замолкшая и кроткая, но не мертвая. Вы сестра моя, но безмерно дороже [ее] ее. Все силы затихли во мне и я не могу передать словом, что дышит и волнуется сейчас во мне. Раньше я мог сделать это.

Я не знаю ваши отношения к Геннадию. Вы давно знакомы. И во мне есть тревога, что я мешаю вам, врзался клином и, может, накалил атмосферу, мешаю искренности и простоте. Скажите мне про это. Я бы сразу разрубил этот узел, но боюсь сделать больно вам и Геннадию.

Не жалости и снисхождения я хочу, а вас и ваше свободное чувство.

Перепополняется во мне душа и не могу больше говорить. Поймите мое молчание, далекая Софья Александровна, поймите мою смертную тоску и невероятную любовь. Только теперь я родился. Не смейтесь над словами — их слабость объясняется силой моей любви.

Есть мир, который создал когда-то я в своих живых мыслях. Людям будет хорошо там жить, но я ушел бы и оттуда. Я много думаю, но для вас надо изменить мир. Простите меня, Софья Александровна, и ответьте мне сегодня, или сейчас. Я не могу ждать и жить: я задыхаюсь и во мне лопаются сердце. Я вас смертельно люблю. Примите меня или отвергните, как скажет вам ваша свободная душа. Я вас смертельно люблю. Я не убью себя, [а умру] а умру без вас, у меня все растет и растет сердце и навсегда [закаты] закатывается сознание. Александр Дванов» (Платонов А. Чевенгур. Автограф // ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 14, л. 24–26).

2

1921 г. Воронеж

Поэмы — мое проклятие, мой бой со смертью. К ним я прибегаю только в крайней тоске, когда никаких выходов для меня нет. А для меня сейчас нет никаких выходов. Кругом спертый воздух и смрад. Когда я кончаю поэмы — во мне покой, ясность, тишина и ласковая усмешка над бывшим, над тем, что я хотел неперменного, потому что во мне было Невозможное, а мне давали слишком воз-

можное, непостоянное, женское, человеческое, колеблемое случаем и ветром судьбы. Я вложил и отдал Вам душу, талант, возможность великого и общего будущего — и мне ничего, никогда. Я снова один, всегда один, и никто не избавит меня от одиночества. И говорить все это зря — ничего не поймете. И пусть поблагодарит меня Ваш будущий друг, что я оставил Вас еще более чистой, святой и прекрасной, чем узнал. Мне ничего не нужно — с меня довольно. Я беру, когда дают, и не вырываю из рук. А у меня Вас рвут — и я отдам, потому что я не на земле живу — не в мире животных. И, отдав Вас, я приобрету Вас — навсегда.

Вы ничего во мне не поймете, Мария. И не надо Вам понимать.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 2, л. 1–3 об.

3

1921 г. Воронеж

И опять дальше смертельная любовь, тоска, вселенная, поля и кладбища, и я один среди них, радостных, сытых людей земли, один с точным ослепительным знанием, что я не их, не из этого мира. Мне нужно невозможное, но невозможно — невозможно.

Когда я вижу ее лицо, мне хочется креститься. И я знаю, что Вы меня не поймете никогда. Если бы поняли — сказали бы давно, но Вы молчите, молчите. Боже мой, нет во мне слов. Заперта во мне Вами душа, Вы только можете ее отпереть. Месяц назад я был богат и полон как царь, теперь я странник.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 2, л. 4.

Сверху листа в правом углу два раза написано: «АС»; на левом поле — наброски чертежа технической детали.

4

1921 г. Воронеж

Родимая прекрасная Мария.

Мне сегодня снился сон: на белой и нежной постели ты родила сына.

Было раннее утро, еще ночь. Весь мир еще спал, одна ты проснулась и глядела невидящими тихими глазами. И он лежал рядом с тобою, робко и испуганно прикинувшись к твоему белому истомленному телу.

И помню — как ослепительно сверкала твоя постель и как ты лежала в смертной усталости, вечная моя, обреченная мне кем-то, небом или солнцем, как я тебе обречен.

Маша. Знаешь, как нет во мне страсти к тебе и есть только что-то другое. Будто я был нем, безмолвна была тысячелетия душа моя — и теперь она поет, поющая душа. Не страсть во мне, а песнь, а музыка души. Страшная сила скопилась во мне и предках моих за века ожидания любви, и вот теперь эта сила взорвалась во мне. Но песнь души — безмолвие. И я стал тише и сокровеннее и глубже.

Звезда и песня моя, судьба и невеста моя. Как много во мне для тебя не родившихся еще нежных голубых слов и песен. Но я заставлю о тебе петь не слова, а всю вселенную. Ради тебя зазвонят звезды и луна будет новым солнцем, чтобы

светит<ь> твоему сыну синим пламенем в тихие летние ночи, когда земля вся будет в радости, игре и огне смеха. Говорю тебе не слова, ибо я поэт вселенной и буду делать с ней, что захочу. Она любит меня, потому что я ее сын.

Ни ты, ни я еще не сознали, как мы прекрасны и могущественны. Мы счастливее и бессмертнее богов.

Света и радости тебе, ибо ты первая принесла в мир любовь и сделала ненужной жизнь. Ты оправдала мое пророчество: женщина, Мария, и не женщина, а девушка спасет вселенную через сына своего. Первым же сыном ее будет ее любимый, кого поцелует она в душу в ответ на поцелуй.

Прощай, свет и новая спасенная вселенная, огонь и воскресение. Мы зачали иной лучший мир, выше небес и таинственной звезд.

Прощай, неизъяснимая, у меня любовь рвет сердце и душа стала бездной, где крутится вихрем пламя тоски по тебе.

Я знаю, что стал я бессмертен и перестрою вселенную ради и во имя тебя.

Света тебе хочу, светлая, как во мне все стало светом и верой.

Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 3, л. 1–1 об.

5

1921 г. Воронеж

М.

Страшно мне жить теперь. Самые худшие, губительные, смертельные мои мысли оправдываются. Я ничего тут не скажу яркого и ясного: от правды вам бывает так же больно, как от лжи. Я не хочу вам боли.

Страшно и гадко мне жить тут. Ложь, ужас и предательство — сознательные и бессознательные — творятся кругом.

Вот вы! Зачем так рвете сердце, Мария? По всему телу идет стон от тоски и любви. Зачем и за что я предан и распят, и нет и не будет конца. Но знайте, будет и мне искупление. Если его нет — я сам сделаю его. Будьте вы прокляты, единственная, родная и бесконечная моя.

То, что вы не пришли к маме¹, мне многое доказало. Я погибну. Я знаю, что я обречен — это мне говорили многие товарищи, погибну позорно и бесцельно — вот что страшно. Во мне сердце от силы гремит, но я не жалею своих пропадающих сил — их избыток меня и губит.

Погибну не оттого, отчего вы можете предположить, а от другого — более страшного.

Но я не прошу избавить меня от этого ада — пусть он будет до конца. Я заслужил его. Я принимаю и сознаюсь в вине, но не каюсь ни в чем.

Сейчас пойду к вашей маме² (как мне трудно идти туда, если бы знала хоть одна родная душа!)

Оттуда домой!

Придите ко мне сегодня же. Недолго я вытерплю. Одну Машу жаль мне до рыданий. Прости и пожалей меня, Маша, родная и тихая моя. Андрей.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 3, л. 2–3.

¹ Очевидно, речь идет о матери Платонова — Марии Васильевне Климентовой (1875–1928?).

² Мать Марии Александровны — Мария Емельяновна Кашинцева (Крашенина) (1882–1958). Семья Кашинцевых жила в Воронеже с 1918 г., сначала на улице Средне-Московской, 35; затем переехала на Покровскую ул., дом 7, кв. 1 (см.: Ласунский О. Житель родного города. С. 94).

6

1921 г. Воронеж

Родимая Маша!

Отчего тебя нет; у меня стихает сердце и горит голова от тоски.

Отчего ты не говорила мне ничего раньше. Замученная Белая Птица моя...

Я буду ждать Тебя весь вечер и всю ночь.

Весь день, после встречи с мамой, искал тебя и не мог найти.

Приходи, моя единая.

Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 3, л. 4; фрагмент листа.

7

1921 г. Воронеж

Как хорошо не только любить тебя, но и верить в тебя как в бога (с большо<й> буквы), но и иметь в тебе личную свою религию. Любовь, перейдя в религию, только сохранит себя от гибели и от времени.

Как хорошо в этом Боге не сомневаться, имея личность Божества всегда перед собою.

Любовь — есть собственность, ревность, пакость и прочее.

Религия — не собственность, а она молит об одном — о возможности молиться, о целостности и жизни Божества своего.

Мое спасение — в переходе моей любви к тебе в религию.

И всех людей — в этом спасение.

Это я знаю вернее всего, и за это буду воевать.

Как хорошо и спокойно мне, Мария.

Я счастливее первых дней любви к тебе.

Я от тебя ничего не требую теперь.

В обоготворении любимой — есть высшая и самая прочная любовь.

Впервые: Волга, 1975. С. 172, с датировкой: 1934 г.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 3, л. 5–5 об.; лист из блокнота.

8

1921 г. Воронеж

Я «засыпаю», когда во мне пробуждается настоящая полная жизнь.

Я и стихи пишу во сне в большинстве. Мне нужно далеко отходить от Вас, «засыпать», чтобы видеть Вас в ослепительном свете.

Я «засыпаю», когда во мне просыпается душа.

Поймите меня прямо.

Мир этот должен погаснуть, глаза закрыться, чтобы видны были все другие миры.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 4, л. 1.

В свернутый фрагмент листа вложена перевязанная синим бантиком прядь волос Марии Александровны.

9

1921 г. Воронеж

К идеалу, к мечте, к фантазии у человека существует не любовь, а особое чувство.

Любовь может быть только к вам, и только у меня. До сих пор любви не было, и после нас ее не будет никогда.

Все, что было у людей, это было тенью или предчувствием моей любви.

Моя любовь имеет вселенское значение, это говорит мне моя точная мысль. Мы сейчас в фокусе, в предельной точке, на неимоверной высоте, между всеми вселенными, в центре всех холодных миров и ослепительнее самых озаренных звезд.

Вы — мой экстаз. И я люблю вас такую — сущую, реальную, с пальцами, порезанными ножом, с глазами Девы Марии и с тоскою Магдалины.

Вы моя Великая Мама, вы иной и последний мир для меня и для человечества. Вы обитель нежности и доброты, последнее, сверкающее, горящее и зажигающее диво.

Если вселенной суждено спастись — спасете его вы, через мое сердце и мой мозг. Меня нет — есть вы.

Андрей

Как тоскует верба в поле!

Ветер как гудит!

Сердцу человека больно —

Человек не говорит.

Тьма и дождь и бесконечность

И не видно ни звезды.

Тихо мрут над гробом свечи,

Мертвый жизни не простит.

Он лежит замолкший, тайный

И смертельней мертвеца,

Он проснется завтра рано,

Догорит к утру свеча.

Нежен взор его туманный

И под горлом теплота,

Веки дрогнули нечаянно,
 Тише жизни красота.
 (Из поэмы «Мертвый», посвященной Марии)¹

Андрей Платонов

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 5, л. 1–3; листы из записной книжки.

На обороте л. 3 — ответ Марии Александровны: «Ваше чувство не ко мне, а к кому-то другому. Меня же Вы совсем не можете любить, потому что я не такая какую Вы идеализируете, и еще — Вы любите меня тогда, когда есть луна, ночь, или вечер — когда обстановка развивает Ваши романические инстинкты. Муся».

¹ Под заглавием «Мертвый» и без посвящения это стихотворение впервые опубликовано на страницах воронежской газеты «Искра» (1921, 23 нояб.); см.: Сочинения, I (1). С. 316, 610.

10

1924. Богучар

Люблю тебя бесконечно. Андрей

Печатается по оригиналу телеграммы: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 6, л. 1.

Эта и последующие телеграммы посланы по адресу: Воронеж, ул. 9 января, кв. 18.

На бланке телеграммы сохранилось только число: 27. Датируется условно летом 1924 г., когда в Богучарском уезде проводились общественно-мелиоративные работы, которые Платонов инспектировал вместе с московским инженером Прозоровым (см.: Страна философов, 1999. С. 488).

11

1 октября 1924 г. Москва

Субботу утром встречай скорей¹. Андрей

Печатается по оригиналу телеграммы: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 6, л. 3.

Датируется условно: в первых числах октября 1924 г. Платонов находился в Москве в командировке (см.: Сочинения, I (2). С. 474. Примечания Е. Антоновой).

¹ Возможно, опечатка и необходимо читать: «скорый».

12

25 ноября 192<?>. Москва

Приеду скоро. Тоскую тебе и Тотику. Вес<ь> с тобой. Андрей

Печатается по оригиналу телеграммы: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 6, л. 4.

13

19 декабря 1924 г. Ленинград

Приеду воскресенье. Сильно тоскую по тебе. Поцелуй Тотку много раз. Андрей

Печатается по оригиналу телеграммы: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 6, л. 2.

Имеющаяся на бланке телеграммы информация (Ленинград, день и месяц) позволяет отнести ее к 1924 г., времени командировки Платонова на Волховстрой и Ленинград (14–19 декабря).

14

Февраль 1926 г. Москва

Получил твою субботнюю <телеграмму>. Приеду вторник почтовым. Поедем снова вместе <в> Москву, Ленинград. Привезу тебе радость. Андрей.

Печатается по оригиналу телеграммы: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 6, л. 5.

Информация к датировке на бланке телеграммы не читывается.

Датируется условно временем Всероссийского мелиоративного совещания, на котором Платонов был избран в состав ЦК профсоюза работников земли и леса.

15

1926. Ленинград

Москве буду десятого вечером. Ожидаю тебя немедленно. Телеграфируй Наркомзем день приезда, каким поездом. Будь осторожна при поездке. Целую. Андрей.

Печатается по тексту телеграммы: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 6, л. 6.

Датируется условно июнем 1926 г., временем переезда семьи из Воронежа в Москву.

ПИСЬМА ИЗ ТАМБОВА. 1926–1927 гг.

Публикация Н. Корниенко

Хронологические рамки тамбовского периода жизни и творчества А. Платонова устанавливаются по первому публикуемому письму и материалам личного дела Платонова из архивного фонда Тамбовского ГЗУ (См.: *Ходякова Г. И.* «Возможно, что меня здесь слопают...» (О пребывании А. Платонова в Тамбове) // *Русская провинция: записки краеведов.* Воронеж, 1992. С. 159–168. Далее — *Ходякова*): 8 декабря 1926 — 23 марта 1927. Последнее сохранившееся письмо Платонова из Тамбова датировано 15 февраля 1927 г. Нет писем более чем за месяц. У того могут быть разные причины. С 19 февраля по 5 марта 1927 г. Платонов находился в командировке, сначала в Москве (Наркомат земледелия РСФСР, далее —

НКЗ, Наркомзем), затем — с 25 февраля в Курске (областное мелиоративное совещание губерний ЦЧО). Мария Александровна пишет в воспоминаниях, что она с сыном ездила в Тамбов. Эта поездка могла приходиться только на март 1927 г. 17 марта Платонов уже сдал дела своему преемнику, 23 — подписан приказ об освобождении Платонова от должности заведующего подотделом мелиорации Тамбовского ГУБЗУ. Письма Марии Александровны мужу в Тамбов в фонде отсутствуют.

В Тамбов Платонов уезжает в тяжелом состоянии, с ворохом нерешенных в Москве производственных, семейных, литературных вопросов. Первые семь месяцев московской жизни (с июня 1926 г.) — это сплошное поражение Платонова. Он не проработал и двух месяцев в ЦК профсоюза работников земли и леса (далее — ЦК Союза), как был уволен с выборной должности. За потерей работы последовала унижительная процедура выселения семьи из Центрального Дома специалистов (см.: Первый год московской жизни А. Платонова. Публикация Е. Антоновой и Л. Аронова // Страна философов, 2003. С. 637–650. См. также: «К истории выселения семьи А. Платонова из ЦДС», с. 587–598 наст. издания). Платонов был готов к любой работе — литературно-редакторской, производственной, лишь бы обеспечить семью. 25 июня он отправляет редактору журнала «Красная новь» А. Воронскому подборку из стихов, рассказа и статьи с просьбой напечатать, вызывает о помощи: «Теперь я, благодаря смычке гибельных обстоятельств, очутился в Москве и без работы. Отчасти в этом повинна страсть к размышлению и писательству. И я спую и не знаю, что мне делать, хотя делать кое-что умею (я построил 800 плотин и 3 электростанции и еще много работ по осушению, орошению и пр.» (*Платонов А. Возвращение*. М., 1989. С. 7). Ответа не последовало. В эти же дни он бывает в других журналах и издательствах, предлагает написанное, договаривается о публикациях и об издании книг. Встречается Платонов и с ранее его перебравшимися в Москву воронежцами Г. З. Литвиным-Молотовым, А. Г. Божко-Божинским, М. Бахметьевым, В. Келлером и др. Помощь приходит из Наркомзема, где Платонова хорошо знали по его работе губмелиоратором Воронежской губернии. 21 октября Платонова принимают на службу, зачисляют на должность инженера-гидротехника отдела мелиорации и сельского хозяйства НКЗ (см.: Страна философов, 1999. С. 508). Именно по линии этого ведомства, но уже в новой должности — старшего инженера-торфотехника, Платонов получает в декабре 1927 г. назначение в Тамбов. 8 декабря, в день приезда в Тамбов, Платонов подает рапорт на имя заведующего Тамбовским ГУБЗУ:

«Доношу, что сего числа я прибыл в Тамбовское губземуправление и вступил в исполнение обязанностей губернского мелиоратора — о чем прошу Вашего распоряжения издать соответствующий приказ.

Зачислить меня на жалованье прошу с 5/XII т. г. — дня откомандирования из НКЗема. Время с 5 по 7-е декабря ушло на приглашение персонала в Москве и ликвидацию домашних дел» (см.: *Ходякова*. С. 164).

Мария Александровна с сыном осталась в Москве. Письма отправлялись на адрес ЦДС: Москва, Б. Златоустинский пер., 6, Центральный дом специалистов.

1

8 декабря 1926 г. Тамбов

Муся!

Пишу в вагоне, подъезжая к Тамбову.

Сейчас 2 ч<аса> дня. Что там поделывает Тотка¹? Спит или шарлатанит? Трес-

ни его по *сир'у*² за меня. Едем пустыми предосенними полями, но зелени еще много. Не скучай: жить без тебя и Тотки нигде нельзя.

Вечером напишу закрытое письмо³. Трудно писать — трясет. Обнимаю, трясую и целую обоих: тебя и нашего маленького мужичка.

Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 7, л. 1; почтовая открытка.

¹ *Тотка*, Тотик, Тоша — так в семье звали сына Платона.

² *Сир'у* — домашнее слово.

³ Т. е. не на почтовой открытке.

2

8 декабря 1926 г. Тамбов

Муська!

Маша!

Пишу тебе стоя, на тамбовской почте. Прошел весь город — нигде не мог увидеть почт<ового> ящика, поэтому влагаю в конверт письмо, написанное в поезде¹.

Свой «багаж» оставил в Доме крестьянина и заплатил полтинник (за сутки).

Город очень запущенный и глухой. Гораздо хуже Воронежа. Но весь в зелени и масса садов и скверов, где есть даже песочек, как в Москве. Очень тихо и спокойно кругом. Сейчас 6 ч<асов> веч<ера>. Не знаю, куда мне деваться. Уже заходил в ГЗУ² (рядом с Домом крестьянина), — там никого нет. Зайду еще через час.

Здесь хорошо только отдыхать и жир наращивать, а ты бы, напр<имер>, с твоим живым характером, здесь жить абсолютно не смогла.

Людей мало. Учреждения по виду жалкие, даже сравнительно с Воронежем.

Тебе не стыдно за вчерашнее? Девица, на которую ты взирала, оказалась полудеревенской девочкой в возрасте Вали² — вся в угрях. Совсем не рыжая, очень бедно одетая и прочее. Тебе не стыдно, бабий вождь?

Вижу, что не стыдно: у тебя в этих случаях мозг течет назад и тебя ничем ни убедить, (когда факты шли против его теории): ну, что ж, тем хуже для фактов!

Жаба философическая!

Тотик спрашивает обо мне? Не в чем везти. Здесь (по дороге) все страшно дешево: яблоки 1 к<опейка> за 3 шт<уки>, груши 5 к<опеек> за 10 шт<ук> и т. д. Раз в пять дешевле Москвы⁴.

Не знаю, Муся, что мне делать!.. Приеду, посоветуемся.

В Воронеж, наверное, не поеду⁵.

Душа не лежит, и уже тоскую по Вас.

В вагоне к «Осенней поэме»⁶ написал еще 8 строк.

Мешала жлоборатория!⁷

Приеду — загоним поэму⁸.

Поезд шел страшно медленно. Ехали какими-то глухими русскими местами.

Все-таки жалко, что не взял Вас, — можно бы прожить здесь хоть неделю: очень тут тихо и зелено и дешево.

Гуляй больше и бди осторожность: иначе автобус сожрет мою Мусю.

Кончаю писать: почту здешнюю хотят закрывать.

Обними моего мужичка и купи ему сказку. Скажи, что отец все-таки пошлет его в Крым вместе с матерью, которую я сейчас мысленно и жадно целую. Андрей.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 7, л. 2–3 об.

¹ На почтовой открытке (письмо 1) нет почтового штемпеля.

² ГЗУ — Губернское земельное управление.

³ *Валя* — младшая сестра Марии Александровны (Кашинцева Валентина Александровна), переехала в Москву вместе с Платоновыми, до замужества жила в их семье, нянчила Тошу.

⁴ С осени 1926 г. в центральных городах СССР нарастает продовольственный кризис, что было связано с низкими закупочными ценами на хлеб и сельскохозяйственные продукты, которые осенью крестьяне отказывались продавать по установленным государством ценам.

⁵ В Воронеже оставалась родная семья Платонова (Климентовы).

⁶ «Осенняя поэма» — первое название поэмы «Иван да Марья», первоначально поэма была посвящена Марии Александровне; новые строки, о которых идет речь, вписаны в белой автограф (см.: Сочинения, I (1). С. 608–609. Примечания Е. Антоновой).

⁷ Жлоборатория — платоновский неологизм. В неоконченной повести «Однажды любившие» образ уточнен эпитетом: «балакающая жлоборатория» (см. с. 18 наст. издания).

⁸ При жизни Платонова поэма не была опубликована (впервые: Октябрь. 1999. № 2. С. 131–134).

3

10 декабря 1926 г. Тамбов

Машенька!

С утра, как приехал, до вечера познакомился с Тамбовским начальством. Был на конференции специалистов¹, а вечером на сессии Губисполкома². Обстановка для работ кошмарная. Склока и интриги страшные. Я увидел совершенно неслыханные вещи. Меня тут уже ждали и великолепно знают³ и начинают немножко ковырять. (Получает-де «огромную» ставку⁴, московская «знаменитость»!). На это один местный коммунист заявил, что советская власть ничего не пожалеет для хорошей головы. Во как, Машка!

Я не преувеличиваю. Те, кто меня здесь поддерживают и знают, собираются уезжать из Тамбова (зав<едующий> ГЗУ и зав<едующий> Губмелиоземом⁵). Мелиоративный штат распушен, есть форменные кретины и доносчики. Хорошие специалисты беспомощны и задерганы. От меня ждут чудес.

Попробую поставить работу на здоровые ясные основания, поведу все каменной рукой и без всякой пощады.

Возможно, что меня слопают и выгонят из Тамбова. Плевать! Город живет старушечьей жизнью: шепчется, неприветлив и т. д.

Зав<едующий> Губмелиоземом (секрет — не передавай ни Волкову⁶, никому) уезжает в Сталинград (Царицын)⁷ и зовет меня с собой. Я стараюсь быть пока нейтральным. Ну, плюнем на это! Пишу на службе, меня теребят, поэтому кончаю. Завтра напишу большое письмо. Чемодан мой лежит в мелиорации. Ночевал

у Барабанова⁸. Очень хорошие люди. Все утро ходил с комиссионершей⁹ и женой Барабанова осматривал комнаты. Нашел за 15 р<ублей> с отоплением, необходимой мебелью и двумя самоварами. Сегодня после занятий переезжаю туда. Был у Тихомирова¹⁰ (в редакции); сами предложили работать. Будут платить, но очень мало. Все равно буду работать. В Тамбове (как говорят в редакции) нет ни одного поэта, ни одного беллетриста!¹¹ Удивительный город! Как Тотик — не скучает по мне? Я уже заскучал. Скорей бы устроиться, а то нельзя писать.

Уверен, что долго не проживу — чудовищная зверская обстановка.

На днях — подробное письмо. И цены на продукты. И все прочее. Очень мне тут тяжело. Толкай мои литературные дела.

Обнимаю и целую обоих. Живи спокойно. Я твой и Тоткин. Мой адрес пока: Тамбов, Губземуправление, губмелиоратору Платонову.

Твой Андрей, 10/XII, 12 ч<асов> дня.

Впервые: Волга, 1975. С. 164; в сокращении.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 7, л. 4–5 об.

¹ Платонов присутствует не на конференции специалистов, а на заседании Губземуправления, посвященном вопросам подготовки совещания специалистов сельского и лесного хозяйства (см.: К совещанию специалистов сельского и лесного хозяйства // Тамбовская правда. 1926. 10 дек. С. 2).

² IV сессия Губисполкома открылась 6 декабря. 8 декабря (а также, скорее всего, 9 и 10) Платонов был на заседаниях, посвященных обсуждению доклада по итогам «восстановительных мероприятий» в сельском хозяйстве. В курируемой им области мелиорации эти итоги были самыми удручающими: план по мелиорации был выполнен на 50%; что объяснялось неполным штатом мелиораторов и распылением государственных кредитов. В связи с провалом мелиоративного плана контрольным инстанциям рекомендовалось обратить внимание на проверку расходования средств на мелиорацию, а ГЗУ — добиться пополнения штата специалистами-мелиораторами (Тамбовская правда. 1926. 11 дек. С. 2).

³ В Тамбове Платонова знали как губернского мелиоратора соседней Воронежской губернии, а также, скорее всего, были осведомлены о его скандальном увольнении из ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР (далее — ЦК Союза). За две недели до его приезда Тамбов посетили руководители секции землеустроителей ЦК Союза; обследовалась работа и быт тамбовской секции, главное внимание было обращено на взаимоотношения губбюро секции с подотделами землеустройства и мелиорации. 30 ноября в Москве состоялось обсуждение отчета ответственного секретаря Тамбовской секции тов. Шатилова, на котором присутствовали инструктор Наркомзема и начальник Тамбовского ГЗУ тов. Рубцов (см.: Землеустроитель. 1926. № 12. С. 63). Представители землеустроительной секции ЦК Союза присутствовали и на открывающемся в Тамбове совещании специалистов сельского и лесного хозяйства.

⁴ Оклад Платонову (см. ниже) был назначен действительно значительно выше всероссийского и приближался к самым высоким окладам (Московская губерния); максимальный оклад заведующего подотделом мелиорации по России в 1926 г. составлял 150 рублей (см.: Вопросы зарплаты мелиораторов // Землеустроитель. 1927. № 3. С. 21. Подпись: А. Т.).

⁵ Губмелиозем — Губернское управление мелиорации и землеустройства.

⁶ Волков Иван Васильевич — ответственный секретарь землеустроительной секции ЦК Союза; семья его также некоторое время жила в Центральном доме специалистов. В ЦК

Союза Волков появился в одно время с Платоновым. До того в журн. «Землеустроитель» за подписями «Землеустроитель Волков», «Уездный землеустроитель Волков» были опубликованы 4 его весьма посредственные статьи на организационные темы, в которых он главным образом развивал тему нового типа советского землеустроителя — землеустроителя-общественника (см.: *Волков И. В., земл.* Надо дать землеустроителю возможность быть общественником // *Землеустроитель.* 1925. № 6. С. 18–20). Волков был чистым функционером и в отличие от Платонова совершил стремительную карьеру: в июле 1926 г. на пленуме, освободившем Платонова от должности, Волков возглавил землеустроительную секцию; на пути восхождения на вершину власти он сбросил не только неудобного Платонова; тогда же он сначала вовсе упразднил должность своего заместителя, весьма авторитетного мелиоратора Н. В. Красавина, возложив собственным приказом его полномочия на себя, также убрал того из редколлегии главного журнала ЦК Союза «Землеустроитель», а себя назначил ответственным редактором журнала (с июньского номера постоянно выступал на страницах журнала только с передовицами, из которых нельзя понять его специализацию). Волков принял самое непосредственное участие в увольнении Платонова и назначении на его должность с 1 августа 1926 г. такого же, как и сам, функционера, члена секции А. Тираспольского, среди заслуг которого (судя по информации журнала) стала поездка в Крым в апреле 1926 г., где он удачно снял в аренду дачу для летнего отдыха членов Союза (см.: *Хроника* // *Землеустроитель.* 1926. № 7. С. 78). В ноябре 1926 г. Волков посетил Тамбов с инспекционной проверкой.

⁷ Царицын был переименован в Сталинград в 1925 г., в 1961 г. переименован в Волгоград.

⁸ *Барабанов* — инженер-мелиоратор губернского земельного управления; до приезда Платонова занимал должность губмелиоратора, заведующего подотделом мелиорации; после передачи дел Платонову (10 декабря) был назначен на должность старшего инженера по с/х огнестойкому строительству (см.: *Ходякова*).

⁹ Комиссионерша — в значении: посредник.

¹⁰ *Тихомиров* — работник Тамбовского губисполкома, курировал культурно-массовую работу; в тамбовских газетах не печатался. Судя по письму, Платонов был знаком с ним до приезда в Тамбов. В Тамбове выходило 2 газеты — ежедневная газета «Тамбовская правда» и еженедельная «Тамбовский крестьянин». Скорее всего, Платонов был в редакции первой.

¹¹ Литературный Тамбов прославился в 1919–1921 гг. своим Пролеткультом, который представляли многие известные поэты и прозаики (о чем Платонов знал). После распада Пролеткульта многие тамбовские пролетарские писатели (И. Катаев, Г. Якубовский, В. Докучкин, Б. Дальний, П. Слетов и др.) перебрались в Москву, стали активными участниками литературной жизни. По официальным данным, в 1927 г. тамбовская ассоциация пролетарских писателей объединяла 12 писателей, которые в основном занимались «проработкой» резолюций ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей) и клубно-агитационной работой (см.: *Культурное строительство в Тамбовской губернии. 1918–1928.* Воронеж, 1983. С. 193). И все-таки Платонова информировали не совсем точно. На страницах газеты печатались «текущие» произведения тамбовских литераторов, а также перепечатывались произведения известных советских писателей (М. Горького, Я. Бердникова, В. Шишкова, М. Колосова, А. Серафимовича, Ф. Панферова и др.).

11 декабря 1926 г. Тамбов

Тамбов, 11/XII, 6 ч<асов> вечера

Мария!

Вот я сижу в маленькой почти пустой комнате (стол, стул, кровать). Маленький дом стоит на дворе¹. Улица безлюдна, глуха и занесена снегом. Полная тишина. Я совершенно одинок. На моей двери висит эмалированная табличка: «А. И. Павловъ, Артистъ Императорскихъ Театровъ». Когда-то, наверное, в этой комнате жил некий «А. И. Павловъ» и, может быть, сидел за тем же столом, где сейчас сижу я, и так же скучал в этом глухом и тихом городе.

Я с трудом нашел себе жилище, несмотря на то, что квартир и комнат в Тамбове много. Принимают за большевика и чего-то боятся². Город обывательский, типичная провинция, полная божьих старушек³.

Мне очень скучно. Единственное утешение для меня, это писать тебе письма и кончать «Эфирный тракт»⁴. В ГЗУ — отвратительно. Вот когда я оставлен наедине с своей собственной душой и старыми мучительными мыслями. Но я знаю, что все, что есть хорошего и бесценного (литература, любовь и искренняя идея), все это вырастает на основании страдания и одиночества. Поэтому я не ропщу на свою комнату — тюремную камеру — и на душевную безотрадность.

Иногда мне кажется, что у меня нет общественного будущего, а есть будущее, ценное только для меня одного. И все же бессмысленно тяжело — нет никаких горизонтов, одна сухая трудная работа, длинный и глухой «тамбов».

Я не ною, Мария, а облегчаю себя посредством этого письма. Что же мне делать?

Я вспоминаю твои слова, что я тебе изменю и т. д. Ты посмотри на меня, на Тамбов, на все — чем я и где живу — и тебе станет смешно.

Мне как-то стало все чуждым, далеким и ненужным. Только ты живешь во мне как причина моей тоски, как живое мучение и недостижимое утешение... Еще Тотка — настолько дорогой, что страдаешь от мысли его утратить. Слишком любимое и драгоценное мне страшно, я боюсь потерять его, потому что боюсь умереть тогда.

Видишь, какой я ничтожный: боюсь умереть и поэтому берегу вас обоих, как могу.

Помнишь эти годы? Какой мукой, грязью и нежностью они были наполнены? Неужели так вся жизнь?

Я думаю, что религия в какой-нибудь форме вновь проникнет в людей, потому что человек страстно ищет себе прочного утешения⁵ и не находит его в материальной жизни.

Слушай, Маша, ты обещала мне прислать фотографию⁶ — свою и Тотки! Ты не забудь, пожалуйста. Воспоминания будут моей религией, а фотография — иконой.

Я бы хотел чем-нибудь развеселить тебя, но никак не могу даже улыбнуться.

Ты бы не смогла жить в Тамбове. Здесь действительно мерзко. А быть может мне придется здесь умереть. Кто — знает, разве я думал попасть когда-нибудь в Тамбов, а вот живу здесь. Как странно все, я как в бреду и не могу опомниться. Но и выхода нет для меня. Я постараюсь успокоиться, лишь бы покойно и хорошо было вам. Оба вы слишком беззащитны и молоды, чтобы жить отдельно от меня.

Вот чего я боюсь. Оба вы беспокойны, стремительны и еще растете — вас легко изуродовать и обидеть. Но что делать, я не знаю. Обними и расцелуй Тотку, я не скоро его увижу, нескоро я повожу его верхом. А ты вспомни обо мне и напиши письмо, потому что я тобой только держусь и живу.

До свиданья. Обнимаю и целую обоих и жму твою руку.

Андрей

Внизу страницы рисунок 2-х автомобилей и приписка к одному: Тотик рисует лучше меня!

Впервые: Волга, 1975. С. 164; фрагменты.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 7, л. 6–7 об.

¹ Тамбовские краеведы указывают дом, в котором Платонов снимал комнату: ул. Бебеля, д. 54 (см.: *Овсянников И., Ходякова Г.* «Здесь грустная жизнь» (Сто дней Платонова в Тамбове) // Наш Платонов. Воронеж, 1999. С. 297).

² Антикommунистическое восстание крестьян Тамбовской губернии (1920–1921) было жестоко подавлено частями регулярной Красной армии. Крестьянская война, в которой по признанию М. Тухачевского, одного из руководителей карательными частями, борьба шла «не с бандитами, а со всем местным населением» (см.: *Тухачевский М.* Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция. 1926. № 17. С. 9), закрепила за Тамбовом статус губернского города, крайне неблагоприятного с политической точки зрения. С восставшими новая власть расправлялась со всей жестокостью: в заложники брали семьями; расстреливали тысячами; сжигались целые села (см. документы из архива Тамбовского губисполкома: Судьбы русского крестьянства. М., 1996. С. 143–152). Платонов естественно знал об этом, тем более что тамбовское восстание перекинулось в соседнюю, воронежскую губернию, захватив Новохоперский уезд.

³ Тамбов — один из центров русской религиозной жизни, до революции на территории губернии насчитывалось 1191 храм, 6 мужских и 12 женских монастырей, здесь находилась знаменитая Саровская пустынь; только в самом городе было 33 православных храма, 4 монастыря, мужская и женская богадельни.

⁴ «Эфирный тракт» — первая повесть Платонова, над которой он начал работать в декабре 1926 г.

⁵ Тема отношений «старой веры», науки и коммунизма становится одной из центральных в идейно-философских текстах Платонова этих лет. См. в неоконченной статье «О любви»: «Вы скажите, что мы дадим народу взамен религии науку. Этот подарок народ не утешит» (*Платонов А.* Возвращение. М., 1989. С. 174).

⁶ Фотография Марии Александровны с сыном, сделанная по просьбе Платонова, хранится в фонде Платонова (оп. 4, ед. хр. 166, л. 4).

5

13 декабря 1926 г. Тамбов

Дорогая Маша!

Пишу тебе третье¹ письмо из своего изгнания. Грусть моя по тебе растет вместе с днями, которые все больше разделяют нас.

Вот Пушкин в моем переложении:

Я помню милый нежный взгляд
И красоту твою земную;
Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую...²

И я плачу от этих стихов и еще от чего-то.

Я уехал, и как будто захлопнулась за мной тяжелая дверь. Я один в своей темной камере и небрежно влачу свое время. Как будто сон прошла совместная жизнь, или я сейчас уснул и мой кошмар — Тамбов.

Видишь, как трудно мне. А как тебе — не вижу и не слышу. Думаю о том, что ты сейчас там делаешь. Почему ты не хочешь писать мне? Я хорошего не жду, но и плохого не заслужил.

Завтра утром переезжаю в пригород Тамбова, где нашел себе комнату со столом за 30 р<ублей> в месяц. Там, правда, грязно, старуха нечистоплотна, но дешево. Будет обед, два чая и ужин — и все стоит с комнатой 30 руб<лей>. Похоже, что я перехожу в детские условия своей жизни: Ямская слобода³, бедность, захламленность, керосиновая лампа. Там я буду жить и писать.

Работать (по мелиорации) почти невозможно. Тысячи препятствий самого нелепого характера. Не знаю, что у меня выйдет. Тяжело мне. Но просить о приезде тебя не смею. Ты не выживешь тут — такая кругом бедность, тоска и жалобность. Хотя материально жили бы хорошо.

Зачислили меня с 5/XII (дня отчисления из НКЗ)⁴. Жалованье платят 2 раза в месяц. Буду оставлять себе крайний минимум, остальное переводить тебе. Но все же более 150 р<ублей>⁵ в м<еся>ц переводить не смогу.

30 р<ублей> стоит мне жизнь плюс 10 р<ублей> папиросы, газеты и пр. и 10 р<ублей> в профсоюз, секцию⁶, горнякам⁷ и пр., это составляет 50 р<ублей>, остается 150 р<ублей> Постараюсь ездить в командировки, но это едва ли много даст в нынешних условиях.

В газете сидят чиновники. Ничего не понимают в литературе. Но постараюсь к ним подработаться, буду писать специальные статьи; стихи и рассказы они не признают⁸. Постараюсь так жить, чтобы вам высылать 200 р<ублей> в м<еся>ц.

С 15/XII начинается большое совещание специалистов⁹, продлится 5 дней. Скука будет океанная.

Я так еще многое хочу тебе сказать, но почему ты молчишь? Неужели и теперь я чужой тебе. Неужели Москва тебе всего дороже? А мне ничто не дорого, кроме твоего благополучия. Не знаю, будут ли у меня деньги, чтобы приехать на праздник¹⁰, вам же я вышлю. Прилагаю записку о ценах на продукты в Тамбове. Прошу тебя сходить в НКЗ к Цепулину или Грачеву¹¹ и передать им эту записку. Пусть они напишут, чего и сколько им выслать по этим ценам и пошлют денег. Сама же напиши мне, чего прислать тебе, сообразуясь с ценами записки. Я тебе вышлю все. Обними моего Тотку, моего милого потомка, ради которого я готов на все. Прощай. Отвечай. Жму тебя всю. Андрей

Приписка на левом поле листа: Передай приложенную записку Цепулину или Грачеву. Ласкаю тебя во сне.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 7, л. 8–9 об.

¹ В повести «Однажды любившие» Платонов слегка поправит эту неточность: «третье, или четвертое письмо» (см. с. 21 наст. издания).

² Цитируется фрагмент из поэмы А. Пушкина «Бахчисарайский фонтан»; в источнике: «Я помню столь же милый взгляд / И красоту еще земную...»

³ Родительский дом многодетной семьи Климентовых в Ямской слободе, пригороде Воронежа, описан в рассказе Платонова «Маркун» (1921).

⁴ В рапорте, поданном Платоновым 8 декабря, в день приезда, он просил «зачислить его на жалование» с 5 декабря — «дня откомандирования из НКЗема».

⁵ Месячный оклад Платонову был установлен в размере 200 рублей (см.: *Ходякова*).

⁶ Платонов был членом Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих, и согласно решению, принятому июльским пленумом ЦБ Всесоюзной землеустроительной секции, был обязан отчислять в фонд секции взносы в размере 1% зарплаты (см.: На пленуме // *Землеустроитель*. 1926. № 8. С. 4).

⁷ Имеется в виду отчисление в фонд помощи бастующим английским горнорабочим; эта всесоюзная кампания была организована ВЦСПС; ЦК Союза рекомендовал отчислять 1% от зарплаты на все время забастовки (см.: *Землеустроитель*. 1926. № 9. С. 3). Платонов приехал в Тамбов в разгар кампании поддержки забастовки английских горняков: местные газеты печатали рапорты об отчислениях: не менее 1% зарплаты — однодневный заработок для служащих и рабочих, даже крестьяне пересылали в фонд по 5–10 рублей — «далеким своим братьям» (См.: Как мы помогаем горнякам // *Тамбовская газета*. 1926. 9 дек. С. 3). 22 декабря было объявлено о конце акции, в связи с окончанием забастовки.

⁸ Информация не совсем точная. В газете печаталась продукция местных писателей: агитационные стихи, рассказы антирелигиозной тематики, уездные фельетоны на тему старого и нового быта и т. п.

⁹ Первое после 1917 г. губернское совещание всех специалистов, работающих в области сельского и лесного хозяйства, открылось 15 декабря и продлилось 6 дней.

¹⁰ Ближайшие праздники, т. е. выходные дни в советском календаре — Новый год и Рождество (оставалось нерабочим днем до 1930 г.).

¹¹ *Цепулин В.* и *Грачев С.* — сотрудники отдела мелиорации НКЗ (см.: *Цепулин В.* и *Грачев С.* Больше внимания советскому мелиоратору // *Землеустроитель*. 1926. № 2. С. 25–27). Перу инженера С. Грачева принадлежит ряд статей о мелиоративных работах, темы и проблематика которых свидетельствуют о весьма близких его отношениях с губмелиоратором Платоновым, см.: *Грачев С.* К итогам всероссийского мелиоративного совещания // *Землеустроитель*. 1926. № 6. С. 21–25; *Грачев С., инженер.* Мелиоративные работы в Центрально-Черноземной области // Там же. 1926. № 12. С. 49–55; *Он же.* Участие мелиораторов в борьбе с засухой в 1925/26 году // Там же. 1927. № 4. С. 20–25. *В. Цепулин* (судя по его выступлениям в печати) в основном занимался организационными вопросами, при этом был весьма чуток к установкам ЦК Союза (см.: *Цепулин В.* Схема построения мелиоративно-гидротехнического аппарата и потребность в персонале на ближайшее пятилетие // Там же. 1927. № 1. С. 58–64).

6

19 декабря 1926 г. Тамбов

19/Х, 5 ч<асов> веч<ера>

Маша и Тотик! Я получил ваши письма, и они, как всегда, подзарядили меня: значит, вы живы,— а это все для меня.

Вчера послал 70 р.

Отвечаю по пунктам:

- 1) к Молотову¹ пойду с тобой, не настаивай; тебе охота сойтись с Кондрашевым², а я этого не хочу, впрочем, если ты еще повторишь просьбу прислать письмо к Молотову, я пришлю — и ты пойдешь к Кондрашеву. Ты скажешь: мерзко! Но не я строил людей;
- 2) о Цепулине ничего не могу сказать; дни перед отъездом (и вечера) я проводил с тобой; в НКЗ я был меньше необходимого времени; если этот старый развратник (я имею основания говорить так) хочет спровоцировать тебя, то он добьется этого при твоём легковерии. Но смотри и думай сама, ты неглупая девчонка! Я ему говорил, что Новаченко³ — сволочь. Он ответил, что ее устроили служить мелиораторы, после года голодовки. Я ответил, что зря — и ее надо выгнать. Все. К Новаченке у меня одно отношение — избить ее; но, к сожалению, она женщина (хоть и жалкая);
- 3) я тебя никогда не обманывал и не обману, пока жив, потому что любовь есть также совесть и она не позволит даже подумать об измене;
- 4) по ночам я обнимаю тебя и даже совокуплялся с тобой во сне,— прошлую ночь у меня вышло то, что бывало у тебя на животе, когда мы жили вместе и спали рядом;
- 5) да, Тамбов обманул; жить нам стало хуже; я голодаю и вы тоже. Но остаться в Тамбове или уехать обратно зависит не только от меня. В Тамбове за меня держатся крепко и чтобы я ни сделал дурного, меня не прогонят, чего бы я хотел;
- 6) жить отдельно я не хочу и не могу (зачем пытаться себя и мучиться?); в Тамбове жить можно хорошо, если бы мы жили вдвоем; но ты не поедешь, и вот почему: во мне ты разочаровалась и ищешь иного спутника, но наученная горьким опытом, стала очень осторожна; в Москве, поэтому, тебе жить выгодней одной, чем в провинции со мной (твоим мужем).

Когда мне стало дурно, я без слова уехал, чтобы давать хлеб семье. А когда мне станет лучше, тогда, быть может, я не оценю ничьих дружеских отношений. Все эти Молотовы, даже Божко⁴ и все другие позволяют мне быть знакомыми с ними потому, что «боятся» во мне способного человека, который, возможно, что-нибудь выкинет однажды и тогда припомнит им! Никто меня не ценит, как человека, безотносительно к мозговым качествам. Когда я падаю, все сожалеют, улыбаясь.

Ты скажешь — я зол! Конечно, милая, зол. Кто же мне примером обучал добру. Что я вижу? Одиночество (абсолютное сейчас), зверскую работу (6-й день идет совещание, от которого у меня лихорадка), нужду и твои, прости меня, странные письма (служба у Волкова, Келлер⁵ и др.). Пусть любая гадина побудет в моей шкуре — тогда иное запоет. Пусть я только оправлюсь, и тогда никому не прощу! Каждый живет в свое удовольствие, почему же я живу в свое несчастье!

Ведь я здоров, работаю как бык, могу организовывать сложнейшие предприятия, писать и пр.

Еще раз — прости за это письмо, но меня доконала судьба.

Я живу так. Встаю в 8 ч<асов>. Иду на заседание — до 3 1/2 ч<асов>. Затем обедаю. В 5 ч<асов> снова заседание — до 9 ч<асов>. Совещание разбито на секции. Я председатель одной из них⁶. Пойми, какое я испытываю напряжение. В 9 1/2 я дома. Сажусь за «Эф<ирный> тракт» — единственное мое утешение, которое я боюсь и не спешу кончать. Что у меня тогда останется? Пишу до 11, до часу или до двух, иногда, потом скверно, в полукошмаре, сплю. В комнате очень холодно. Хозяйка (старуха) безжалостно скупа и топит по 4 полена.

Так идут мои дни. Иногда меня охватывают странные чувства утраты всего. Я расскажу тебе о них.

Я работаю много, но не устаю: так много сил у меня остается для тебя.

Я пишу это в перерыве меж заседаниями (утренним и вечерним). Большая аудитория пока пуста. Скоро начнут сходиться. Мне все равно теперь, где жить. Я буду писать лишь большие работы. В Москве растрачиваются люди, а тут копят силы и труды.

Я не могу жить без семьи. Я мужчина и говорю об этом тебе мужественно и открыто. Мне необходима ты, иначе я не смогу писать.

Как хочешь это понимай. Можешь использовать это и мучить меня. Но следует договориться до конца.

Единственная надежда у меня — создать что-нибудь крупное (литература, техника, философия — все равно из какой области), чтобы ко мне в Тамбов приехали мои «друзья» и предложили помощь.

Тогда, пожалуй, я действительно предпочту свое одиночество и свою провинцию всем друзьям и Москве.

Постараюсь приехать на праздники. Совещание не дает ничего делать — переговорить о командировке.

Любящий тебя и Тотку

Андрей.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 7, л. 10–13 об.; листы из блокнота.

¹ *Литвин-Молотов* Георгий Захарович (1898–1972) — главный издатель Платонова 1920-х гг.: редактор воронежских газет, на страницах которых Платонов дебютировал как поэт, прозаик и публицист; редактор и издатель книги стихов Платонова «Голубая глубина» (Краснодар, 1922); в 1926 — член редколлегии и заместитель председателя редакционно-плановой комиссии Государственного издательства (ГИЗ, Госиздат), с 1927 — заместитель председателя правления изд-ва «Молодая гвардия», фактический руководитель последнего. Как следует из письма, Платоновы встречались в Москве с Литвиным-Молотовым, была достигнута устная договоренность о подготовке к изданию нескольких книг Платонова.

² *Кондрашев* — неустановленное лицо; очевидно, работник секретариата Литвина-Молотова в изд-ве «Молодая гвардия».

³ *Новаченко* — неустановленное лицо; очевидно, сотрудник Отдела мелиорации НКЗ.

⁴ *Божко* — Божинский-Божко Андрей Гаврилович (1886–?) — профессиональный революционер (член партии с 1904 г.), один из активных участников государственного и партий-

ного строительства в Воронеже начала 1920-х гг.: член губернского комитета партии; член редколлегии местных газет; зампредела Губэкономсовещания Губисполкома. В 1921–1922 гг. Платонов, председатель Чрезвычайной комиссии по борьбе с засухой, не раз обращался к А. Г. Божко. В середине 1920-х гг. Божко-Божинский переезжает в Москву; в 1926–1927 гг. — заведующий коммерческого отдела и коммерческий директор треста стекольно-фарфоровой промышленности (см.: Вся Москва. 1927. М., 1927. С. 570). В июне 1926 г. Платонов обращался к Божко-Божинскому с просьбой помочь устроиться на любую работу (см. публикацию Е. Антоновой «Андрей Платонов и Божко-Божинский», с. 585–586 наст. издания).

⁵ Келлер Владимир Борисович (1898–1954) — воронежский поэт, литературный критик, автор первой монографической статьи о Платонове (1922), входил в платоновское окружение. Перебрался в Москву раньше Платонова, работал в редакции «Крестьянской радиогазеты». Очевидно, в эти дни бывал у Марии Александровны.

⁶ Платонов руководил секцией мелиораторов, 18 декабря выступал на пленарном заседании.

7

30 декабря 1926 г. Тамбов

Мусенька и Тотик!

Когда это письмо придет к вам, будет уже Новый Год.

С Новым годом, родимые мои! С новыми надеждами, с новой любовью к старому мужу, с новой и крепкой радостью и, наконец, с мировым успехом — на который мы с тобой имеем такое большое основание, который мы заслужили своим страданием и своим мозгом, черт возьми!

Приехал сегодня утром¹. Сейчас 5 ч<асов> вечера. Вновь охватила меня моя прочная тоска, вновь я в «Тамбове», который в будущем станет для меня каким-нибудь символом, в таком же смысле как «Волков», как тяжкий сон в глухую тамбовскую ночь, развеваемый утром надеждою на свидание с тобой.

Начал проводить годовой план работ через местные органы. Сопrotивление моей системе работ огромное (я требую больших сумм на техперсонал). Если мой план принят не будет — я поставлю вопрос о своем уходе. Работать без техперсонала², за гроши — нельзя, отвечать я не буду за то, что обречено заранее на провал. Вопрос весь выяснится в течение 2–3 дней. Возможно, что скоро приеду снова в Москву для защиты плана работ в НКЗ³. Обо всем сообщу — пока не все еще ясно. Дело запутывается, возможно, что удастся вырваться, работать с фокусами я не буду, раз не принимают трезвого плана.

Но как мне тут скучно, Машенька! Как опостылела мне моя комната и все остальное! Передай поскорее Молотову посылаемое. Пиши сразу. Если завтра (31/XII) получи деньги, переведу 10 р<ублей> телеграфом.

С Новым годом, милые. Ваш Андрей

Впервые: Волга, 1975. С. 164–165; в сокращении.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 7, л. 14–14 об.; фрагмент листа.

¹ В деле Платонова отсутствуют документы о командировке, однако из логики письма следует, что он был в Москве в НКЗ, где обсуждал годовой план работ.

² Платонову удается выбить ставку, о чем свидетельствует помещенное в мартовском номере «Землеустроителя» объявление с приглашением на работу в тамбовский подотдел мелиорации инженера-гидротехника (см.: Спрос и предложение труда // Землеустроитель. 1927. № 3. С. 83).

³ Скорее всего, Платонов рассчитывал поехать в Москву на III Всероссийское землеустроительное совещание (проходило с 24 по 30 января 1927 г.).

8

4 января 1927 г. Тамбов

Тамбов, 4 января

Маша! Дело твое, но ты напрасно мне не пишешь. Я тебе сделал уже 3 посылки: телеграфный перевод на 75 р., письмо (с рукописями рассказов) и поздравительную открытку на имя Тотки.

Как странно ты себя ведешь: скрыто, хитро и дипломатично. Я этого не заслужил. Не следует меня обвинять в том, в чем ты повинна сама. Но я ничего не знаю о тебе уже неделю и беспокоюсь.

Живу я неважно. Мороз 18–25°. В моей комнате 4–6°. Я сижу весь запакованный, ночью невозможно спать от холода. В такой попытке приходится жить. На предложение хозяйке топить больше, мне было заявлено, что я могу убраться, если мне не нравится. Таковы здесь люди. И это ясно: от меня нажить нельзя. То же на службе. Каждое мое распоряжение подвергают шушуканью и злобной критике и т. д. Такого сволочного города я себе не представлял.

В час ночи под Новый год я кончил «Эфирный тракт»¹, а потом заплакал. Сейчас он (и «Антисексус»²) перепечатывается на машинке. Чем платить буду, не знаю. Как ты встречала Новый год, любимая моя? Хотя мне не жалко этих гнусных условностей. Не изнасиловала тебя там пьяная компания? Ведь ты не скажешь правды все равно.

Ну, ладно. Все-таки, Тамбов — это каторга. Так тяжело мне редко приходилось. Главное — негде жить. Дома — холод (4°) и одиночество. Единственные мои знакомые — Барабановы. Но и они люди не из хороших: нервные, больные и жадные. А мадам Барабанова — придурковатая особа. Я невольно сравниваю твою соль и перец с этой несчастной старухой, уверяющей, что она страшная умница и т. д. Скучно, Муська.

Сегодня искал комнату. Нашел одну — 70 рублей со столом. Правда — комната хорошая, но я не имею таких денег и не знаю, что мне делать.

Довольно об этой дряни! Буду участвовать во всех конкурсах³. Через неделю или раньше вышлю тебе «Эф<ирный> тр<акт>» — отнеси его, пожалуйста, к Попову⁴. Может быть, спасусь как-нибудь отсюда. Но в Москву больше я не поеду. В Ленинград — возможно⁵. Всего вероятнее поеду с экспедицией на Алтай или в Забайкалье⁶. Иначе нас задушит нищета. Странно и мучительно пошла наша жизнь. Пять прожитых вместе лет (в декабре было ровно пять лет с того момента в сенях на Нееловской⁷, когда ты стала моей женой), пять лет вспоминаются как счастье. Пусть в этом счастье было много темных пятен, но сердцевина его была горяча и чиста.

Я думал тебе послать подарок на Новый год, но ничего не вышло; в командировку пока не пускают.

Но я:

Дарю тебе луну на небе
И всю живую траву на земле.
Я одинок и очень беден,
Но для тебя — мне нечего жалеть!

(Это песнь из «Эф<ирного> тракта» — она относится, по существу, к тебе)⁸.

Ужасный холод, почти нельзя писать. Но что случилось с тобой? Отчего ты молчишь? Или ты уже забываешь меня? Или другие интересы тебя отвлекают?

Как бывает страшно, когда не знаешь, когда увидишь тебя и Тотку. А я сейчас не знаю этого.

Пиши мне только на Губзу⁹.

Я, возможно, скоро перееду с этой квартиры, как только подыщу себе комнату. Здесь жить нельзя. Тогда я сообщу тебе свой новый домашний адрес.

Можешь ли ты сообщить мне какую-нибудь надежду? Или мне нечего надеяться?

Наверно, правда, что ты, как все люди, любишь что-то другое, но только не несчастье другого, хотя бы и близкого.

Видишь, не знаю, чем тебя обрадовать и что пообещать. Если примут «Эф<ирный> тракт» и напечатают фантастику книжкой у Молотова, тогда в апреле ты поедешь на курорт¹⁰.

Ничего не могу сказать тебе хорошего. Ты знаешь (хотя откуда тебе знать?), в какой я заброшенности живу?

В тюрьме гораздо легче. Я двое суток (1 и 2 янв<аря>) был один и не сказал ни слова. Хотя, быть может, это подготовка к тому большому страданию, которое меня ожидает в будущем. Поцелуй и поласкай Тоточку и будь радостна сама.

До свиданья. Обнимаю тебя.

Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 8, л. 1–3 об.; листы из тетради.

¹ Авторская датировка работы над повестью «Эфирный тракт»: «7/XII–1926. Москва 2/1–1927. Тамбов» (даты проставлены в автографе повести).

² В Тамбове Платонов завершает работу над рассказом «Антисексус» (в России впервые опубликован в 1989 г.)

³ Речь идет о постоянно объявляемых в периодике литературных конкурсах.

⁴ Попов Владимир Алексеевич (?–1942) — заведующий редакцией журн. «Всемирный следопыт», где в 1926 г. (№ 12) был опубликован рассказ Платонова «Лунная бомба» (об истории публикации см. комментарии Е. Антоновой: Сочинения, I (1). С. 544–545).

⁵ Ленинградские связи Платонова этого времени документированы слабо; с Ленинградом он был связан по линии изобретательской и инженерной работы, были у него там и почитатели его литературных произведений; в Ленинграде в это время жил отец Марии Александровны, с которым у Платонова еще в Воронеже сложились дружеские отношения. Вопрос переезда в Ленинград обсуждался им до отъезда в Тамбов; см. письмо Б. Зыкова от 27 октября 1926 г. (Творчество, 1995. С. 165).

⁶ На 1925–1927 гг. приходится огромное количество разнообразных научно-производственных экспедиций, о которых постоянно сообщала пресса. Шло интенсивное освоение

Сибири и Дальнего Востока, исследовались культура и производительные силы (экспедиции Академии наук), возможности колонизации и переселения крестьянства из центральных областей России (экспедиции Института землеустройства и переселений при Наркомземе РСФСР).

⁷ *Нееловская улица* — улица в Воронеже, где жила Мария Кашинцева (Платонов указывает старое название улицы, в 1918 она была переименована в улицу 27 февраля — в память о решающем дне Февральской революции, см.: Воронеж. История города в названиях улиц. Воронеж, 2003. С. 280). Биографы указывают другие адреса проживания семьи Кашинцевых (см.: *Ласунский О.* Житель родного города. С. 94). Нееловская улица фигурирует на конвертах писем 1921 г. возлюбленного Марии Александровны Леонида Александрова в Воронеж.

⁸ В повести «Эфирный тракт» эти стихи принадлежат юному Егору Кирпичникову, они посланы телеграммой его возлюбленной Валентине и аттестуются следующим образом: «странные, шутливые и жестокие слова».

⁹ *Губзу* — губернское земельное управление.

¹⁰ «Эфирный тракт» и книга фантастики не были напечатаны, но на курорт Мария Александровна с сыном поехала не в апреле, а в июне 1927 г. (см. далее письма Платонова в Крым).

9

5–6 (?) января 1927 г. Тамбов

<Отсутствует 1-й лист письма>

Всю эту саранчу (в том числе и Маркелову¹) я гоню. Но ты не представляешь, что значит уволить человека в тамбовских условиях. Тут все так устроено, чтобы люди бога делали (богадельня), а работой не занимались.

«Тамбовское Рождество»² мне не известно. Почему Анна Францевна³ говорила, что Платонов в Москву не поедет, мне не известно. Тем более, что А. Ф. не знакома с Маркеловой. Вообще, это твоё изобретение.

За Молотовых⁴ я не отвечаю. Они мне нужны постольку, поскольку он издатель. Отношение его ко мне тебе известно: помнишь его письма ко мне в Воронеж из Краснодара?⁵ Экая ты забывчивая девочка!

«Как дела?» — А так, что если бы не было тебя и Тотки, то я бы просто сбежал из Тамбова и потом как-нибудь отдал подъемные понемножку. Ты бы тут не вынесла дня. Нашел комнату — 35 р<ублей> со столом, но у меня в кармане 3 р<убля>, а требуют задаток.

В «Тамб<овскую> правду» приняли 2 статьи⁶. На днях пойдут. Гонорар и газеты вышлю в заказном письме — тебе и Тотке на конфеты.

Все относятся ко мне как потребители: ты дай, у тебя ставка, ты сделай, ты напиши, — а мы слопаем.

Со стихами для Молотова не знаю как и быть⁷. Постараюсь вырваться хоть на денек в Москву. Без меня нельзя, конечно, набрать сборник⁸. А как бы это нас выручило. Попроси его обождать. Ведь это не от меня зависит. Здешние нравы таковы, что сразу в подвал бросят. Особенно меня, имеющего 2/3 врагов среди своих сослуживцев.

Буду биться дальше. Хотя я учитываю вероятность потерять тебя навсегда. Я ведь не упрекаю тебя, как ты встречала Новый Год! А я его встречал за окончани-

ем «Эф<ирного> тракта». Кроме того я позаботился получить деньги 31/XII и перевести их тебе по телеграфу, чтобы вам было хорошо на праздники. Как глупа эта моя суетливость для тебя! Как не нужны эти мои письма через день (вдвое длиннее твоих)! Но что же сделать, я не скрою своей любви к тебе, развивающейся с Нееловской улицы. Ты бы не могла мне из Москвы написать это. У тебя совсем не то. Почему мою вещь передают 3-ему (!) рецензенту⁹? Пошли их к черту. Пусть принимают или возвращают. Мне некогда голодать в Тамбове:

«Здесь музу ревую
Заспишь, забудешь!» (Пушкин)¹⁰.

Кончаю — меня ждет работа о волго-донском канале Петра¹¹. Очень мало (совсем нет) исторического материала. Опять придется лечь на свою «музу»: она одна мне еще не изменяет. Полтора ста страниц насильно я ее в «Эф<ирном> тр<акте>». Пока во мне сердце, мозг и эта темная воля творчества — «муза» мне не изменит. С ней мы действительно — одно. Она — это мой пол в душе. Пиши, пожалуйста. Меня это сильно поддерживает и ободряет. Твои письма — это настоящая ценность, это ведь голос твой и моего Тотки. Целуй и береги его.

Андрей

Впервые: Волга, 1975. С. 165; фрагменты.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 8, л. 4–5 об.; листы из тетради.

¹ *Маркелова* — неустановленное лицо; по контексту письма, работник аппарата Тамбовского ГЗУ.

² Очевидно, Мария Александровна в неизвестном нам письме по-своему толковала неприезд Платонова в Москву на Рождество (7 января официально оставался выходным днем до 1930 г.).

³ *Анна Францевна* — неустановленное лицо.

⁴ Платоновы общались не только с Г. З. Литвиным-Молотовым, но и его женой — Евгенией Владимировной (урожд. Дьяковой), также редакционным работником.

⁵ Платонов напоминает о времени общения с Г. З. Литвиным-Молотовым в пору его работы главным редактором краснодарского издательства «Буревестник»; там (с задержкой) была опубликована его книга стихов «Голубая глубина» (1922) с предисловием Литвина-Молотова; велись также переговоры об издании книги рассказов, которая так и не вышла (об истории переписки Платонова и Литвина-Молотова этого времени см. в комментариях Е. Антоновой: Сочинения, I (1). С. 501–502, 596–597).

⁶ В «Тамбовской правде» были опубликованы 2 статьи Платонова: «О дешевом водном транспорте Черноземного края» (1927. 12 янв.) и «Значение торфа как топлива» (1927. 29 янв.).

⁷ Речь идет о подготовке новой книги стихов; см. далее с. 460, 465, 474, 476, 479).

⁸ В воспоминаниях Мария Александровна пишет, что она собрала книгу стихов Платонова. В фонде хранится сборник стихов Платонова, где многие стихотворения представлены выполненными Марией Александровной копиями.

⁹ В публикации 1975 г. эти строки отнесены к повести «Эфирный тракт», однако рукопись повести в это время находится в Тамбове и только перепечатывается на машинке. При отсутствии письма Марии Александровны трудно сказать, о каком произведении идет речь. В это время в редакциях находятся статьи Платонова «Фабрика литературы», «Питомник нового человека», рассказы... Что-то из написанного в Тамбове отослано Литвину-Молотову только 30 декабря.

¹⁰ Отсылка к образу Пушкина в Михайловской ссылке, запечатленному в стихотворении Г. Шенгели «Лытец» (1922); в источнике: «А там — сельская глушь. Там нету ни души / Там музу резвую тоской заспишь, задавишь». Стихотворение Г. Шенгели печаталось в сменовеховском журнале «Россия» (М.; Л., 1924. № 2. С. 147). Номер журнала содержит и другие пушкинские материалы; хранится в фонде Платонова (оп. 5, ед. хр. 328).

¹¹ Начало работы над исторической повестью «Епифанские шлюзы»; в работе над повестью Платонов пользовался наиболее близким ему как инженеру историческим материалом из книги инженера А. Легуна «Воронежско-ростовский водный путь» (Воронеж, 1909) (см.: Антонова Е. О некоторых источниках прозы А. Платонова 1926–1927 гг. // Страна философов, 2000. С. 460–463).

10

8 января 1927 г. Тамбов

8 января

Мария! Мне скучно, а память о тебе укрепляет меня. Я знаю, что эти буквы увидят через день-два твоё лицо, и я завидую им. Завтра я переезжаю на другую квартиру — 40 р<ублей> со столом; за те дни, в которые я буду отсутствовать, платить за стол я не буду. В Губзу (мои сослуживцы) меня ненавидят. Я сильно сокращаю штат¹. Денег нет на работы, а штат такой огромный, что пожирает все. В моем отделе 21 чел<овек> (из них 9 инженеров), а в уездах сидят по 2 чел<овека>. Кроме того, есть зlostные лодыри, лакеи и шептуны. Ко мне пробовали подойти с лаской, я оборвал сразу, а теперь часть сокращаю, часть бросаю в поле на работы. Высшая администрация меня «обожает»: вот, говорят, настоящий хирург, какой нам нужен был. Но я это отметаю, т. к. знаю цену ласке «барина».

Возможно все-таки, что меня сметут отсюда, чему я буду несказанно рад. Лучше Сибирь, чем Тамбов. Здесь я изолирован кругом. Допускаю возможность доносов и даже худшего. Но пока крушу и буду крушить все глупое, роскошное и нелепое костяной рукой. А там черт с ними, мне нечего терять. Хуже не будет.

Извини за это «бюрократическое» начало письма. Я хотел тебе пояснить, насколько тяжела моя работа. Два огня жгут меня: тоска по тебе и борьба за успех работ. Не проваливаться же мне в Тамбове! Но тоска по тебе сильнее, и я жертвую ей своей карьерой. Знаешь ли ты, что значит придти в 4 ч<аса> домой и сидеть в холодной тишине до 12, до 1 ч<аса> ночи! Так я живу каждый день. Отсутствие тебя сказывается и на моей литературной работе. Но какая цена жене (или мужу), которая изменяет, ищет другого и забывает так быстро! Это дешево стоит. Но любим-то мы сердцем и кровью, а не мозгом. Мозг рассуждает, а сердце повелевает. И я ничего поделаться не могу, и гипертрофия моей любви достигла чудовищности. Объективно это создает ценность человеку, а субъективно это канун самоубийства. Постараюсь приехать на днях, хотя бы нелегально. Быть может, ты приедешь со мной в Тамбов погостить? Или ты уже занята другим — тогда все понятно. Время нас разделяет, снег идет кучами. Милая, что ты делаешь сейчас? Неужели так и кончится все? Неужели человек — животное и моя антропоморфная выдумка² одно безумие? Мне тяжело, как замураванному в стене. Слушай, подбери стихи, как сумеешь³. Когда я приеду, чтобы сразу проверить, отобрать и сдать Молотову.

Не спеши кончать письмо. Пиши мне пока на ГЗУ. Я не знаю, как называется

улица, где я буду жить. Как Тотик? Наверно, стал забывать меня. Уже месяц как я не живу дома. Передай Тотикау мой поцелуй и скажи, что я скучаю о нем.

Прощайте. Андрей.

P.S. Тебе легче забыть меня, п<отому> ч<то> ты знала Александра⁴.

Впервые: Волга, 1975. С. 165–166; фрагменты.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 8, л. 6–7 об.; листы из тетради.

¹ Платонов принял отдел в составе 45 человек.

² Отсылка к собственным рассказам и статьям, в которых развивался комплекс идей о новом человеке, человеке сознания, «мозговой» культуры: «Культура пролетариата» (1921), «Симфония сознания» (1923); «Питомник нового человека» (1926); «Родоначальники нации или беспокойные происшествия» (1923, 1926) и др.

³ См. прим. 8 к предыдущему письму.

⁴ Александров Леонид — поклонник Марии Кашинцевой, ее первая любовь; см. выше вступительную статью к письмам 1921 г. (с. 433–434 наст. издания).

11

8 или 9 января 1927 г. Тамбов

Муся!

Я уже переехал на другую квартиру. 40 р. со столом. Как будто ничего, а там неизвестно.

Мой домашний адрес:

Первомайская площ., д. № 20¹,

кв. Блюм, Платонову.

Пишу последнюю вещь для сборника рассказов² — «Епифанские шлюзы»* — из времен Петра I. Через неделю, наверное, кончу. Завтра подниму ходатайство о командировке в Москву.

Очень невесело живется. Но все, быть может, к лучшему. Меня бы, пожалуй, призвали в армию³, если бы я оставался в Москве не у дел. А, может, и к худшему.

Пиши мне, синеглазая! Твой Андрей

* Герой — инж<енер> [Виль] Бертран Перри, у него невеста Мэри Карборунд⁴.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 8, л. 8–8 об.; фрагмент листа из тетради.

¹ Второй известный адрес проживания Платонова в Тамбове. По этому адресу Платонов был зарегистрирован в Тамбове только 20 января. Эта дата и адрес отмечены в выданном Платонову удостоверении заведующего подотделом мелиорации Тамбовского земельного управления (см.: оп. 4, ед. хр. 82, л. 1 об.).

² Повесть «Епифанские шлюзы» будет опубликована в книге с одноименным названием и в журнале «Молодая гвардия» (1927. № 6).

³ С 1927 г. вводился в действие «Закон об обязательной военной службе», устанавливающий возраст военнообязанных — с 19 до 40 лет (утвержден ЦИК и СНК СССР 18 сентября 1925 г.). С 10 января по 25 марта по всей стране проходил переучет военнообязанных, с 1893 по 1903 г. рождения (см.: Переучет военнообязанных // Тамбовская правда. 1927. 1 янв.

С. 2). Платонов должен был явиться на регистрацию, согласно публикуемым в «Тамбовской правде» объявлениям. Как госслужащий он имел отсрочку от армии.

⁴ Имена героев повести — «Мэри Карборунд и Бертран Перри» — также записаны в правом углу 1-й страницы.

12

10 января 1927 г. Тамбов

<Отсутствует начало письма.>

Получил оба письма сегодня. Здесь каждую минуту ветер меняется: сегодня командируют, завтра отменяют¹. Поэтому я и писал так — то еду, то нет. Что с нашим Тоточкой? Бьюсь за выезд в Москву. Время горячее, путаница страшная. Я нужен здесь. Но сегодня или завтра выезжаю скорым обязательно. Тоточка мне дороже всех служб и никакие тюрьмы меня не удержат ехать к нему больному, а может умирающему. Посылаю 15 р<ублей> на лечение. Привезу еще немного. Не желей ничего для его лечения.

Если правда о том, как ты Новый год встречала — спасибо. Тебя весь НКЗ за это полюбит. Там на моей стороне, а не на Волкова. Что они способны изнашивать тебя, если им ты сама не отдашься — я знаю то давно и всего от них ожидаю. Выезжаю. Не заболей сама. Обо всем переговорим.

Целую обоих. Мне труднее, чем тебе. Теперь нет никогда покоя, после письма. Андрей 10/1 — 12 ч<асов> дня.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 8, л. 9.

¹ Платонов добивается командировки в Москву в Наркомзем, с 11 по 19 января (см.: Ходякова. С. 165), однако возвращается на день раньше.

13

18 января 1927 г. Тамбов

Маша!

Приехал в свою тюрьму. Очень прошу быстро сделать с Молотовым и постараться поскорее получить все деньги (700 руб<лей>). Посылаю «Антисексус». Работа над Епифанами. Хорошо если Молотов мне напишет о службе¹. С вое<нными> делами мо<ими> <утрач.> Завтра буду выяснять окончательно².

Если придется окончательно остаться в Тамбове, чтобы не попасть в армию, тогда наверняка разрушится моя семья (при твоих угрозах и, все же — прости меня, — легкомыслии. У Чистяковой³ ведь ты бываешь неспроста. А мне наступила мертвая петля.

Прощай. Поцелуй Тотку.

Твой Андрей

18/1 27.

P.S. Про «Антисексус» допустимо еще одно предисловие — сливочное масло изд<ательств>ва — лишь бы «Антисексус» прошел в сборник⁴. Об этом необходимо убедительно просить Молотова.

А<ндрей>

Впервые: Волга, 1975. С. 164; фрагмент.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 8, л. 10–10 об.

¹ Ответ Литвина-Молотова неизвестен. Вряд ли он мог обнадежить Платонова возможностью получить работу в издательстве. В это время началась фронтальная проверка Госиздата на предмет сокращения его штата, прежде всего, в части редакторов (см.: Итоги обследования Госиздата (По материалам НК РКИ) // Известия. 1927. 23 июня. С. 3).

² Платонов был на переучете военнообязанных, с чем, скорее всего, связано появление в его удостоверении адреса проживания только 20 января (см. выше прим. 1, 3 к письму № 11).

³ *Чистякова* — неустановленное лицо.

⁴ Платонов продолжал работать с машинописью рассказа, но нового «предисловия» он не написал. Правка была внесена им в раздел «От переводчика», в состав отзывов и в «примечания» фирмы (см. комментарии Д. Московской — Сочинения, I (1). С. 560–561). При жизни писателя рассказ не публиковался.

14

19 января 1927 г. Тамбов

Маша! Тотик! Валентина!

Посылаю «Рассказ о потух<шей> лампе Ильича»¹ — его следует отдать Рубановскому² в «малый» сборник рассказов³. Все ж больше будет!

Купила ли ты теплые длинные калоши? — Немедленно купи!

Спроси у Молотова: мол, Попов⁴ (редактор «Всем<ирного> след<опыта>») просил у Платонова «Эфирный тракт», кажется для издания его отдельной книжкой в «ЗиФе». Можно ли «Эф<ирный> тракт» дать Попову, взяв лишь половину гонорара, т. к. «Эф<ирный> тракт» выйдет в «Молодой гвардии»? И вообще, удобно ли это, следует ли так поступить? Или — не стоит? Если Молотов скажет, что можно и от этого мои отношения с «Мол<одой> гвардией» не ухудшатся, тогда поступи так:

позвони к Попову и скажи, что Платоновым написана вещь «Эф<ирный> тракт» в 5 печ<атных> листов, о ней я ему в свое время говорил. Если Попов желает ее пустить, то Платонов может ему предложить сие сочинение на условиях: — Попову вручается вещь; он ее читает не более недели; по прочтении, если вещь подходит, Платонову уплачивается единовременно, немедленно и сразу по прочтении 250 р. (это составляет, примерно, $\frac{1}{2}$ норм<ального> гонорара; об отношениях моих с «Мол<одой> гв<ардией>» ты Попову ничего не говори).

Если Попов на эти условия согласится, тогда ты отнеси ему «Эф<ирный> тракт» (тот экземпляр, что я положил в стол).

Молотову же не забудь сказать, что я Попову (это действительно так) твердо обещал дать «Эф<ирный> тракт», но мне, конечно, печататься интересней в «Мол<одой> гв<ардии>» и завязать с ней постоянные отношения, а не с Поповым.

Ровно через неделю, после отдачи рукописи Попову, ты пойдешь к нему и получишь деньги. Если нужна моя доверенность, заблаговременно сообщи, я вышлю ее⁵.

Если будешь читать «Эф<ирный> тр<акт>» (не будешь, стервь!), поправь, пожалуйста, ошибки — я ведь не читал рукописи из машинки. Наверно, там есть ошибки. Скорбно прошу!

Крой, Машуха, во всю! Может, вывезет нас какая-нибудь кривая.

Как Тотик — прежнее положение или понемногу поправляется? Сообщи точно. Как устроишь все дела, приезжай! Мне очень тяжело. Всю силу похороню в «Епифанские шлюзы».

Посылаю №-р тамбовской газеты, где напечатана моя статья. Ты поймешь, что статья написана не так, как она напечатана⁶. Иначе ты потеряла бы уважение к неграмотному человеку (что не говори, ты любишь тонкую культуру, филигранную работу даже в мелочах!).

О себе лично сообщать нечего. Внешне моя жизнь бесцветна: днем нелепая служба, вечером — писанье. Все это — окунуто в тоску по семье. Живу надеждой на твои деловые успехи.

Не влюбилась ли ты в какую-нибудь знаменитость у Чистяковой? Если — да: пиши. Пошлю подарок и приеду на смотрины. Я шучу, потому что здесь мне не с кем даже улыбнуться, и я это делаю письменно с тобой. Сейчас я улыбаюсь, хотя мне горько и смех — кривой.

Пиши. Ласкай Тотку, как я тебя в своих сновидениях, — Андрей.

19/1-27.

PS. Цел ли автомобиль «Штейер»⁷?

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 8, л. 11–12 об.

¹ «Рассказ о потухшей лампе Ильича» к этому времени был уже опубликован в журн. «Жизнь крестьянской молодежи» (1926. № 21) под заглавием «Как зажглась лампа Ильича» и в сокращении. Платонов, очевидно, отправляет окончательную редакцию рассказа.

² *Рубановский* Илья Маркович — редактор изд-ва «Земля и фабрика», цензор Главлита.

³ «Малый сборник» рассказов состоял из 7 произведений (объем 4 п. л.) и уже был сдан (9 ноября 1926 г.) в ЗИФ (изд-во «Земля и фабрика»). Платонов предлагает дополнить сборник новым рассказом, что предполагало получить разрешение цензора. Данный сборник не вышел, отосланный текст «Рассказа о потухшей лампе Ильича» (под заглавием «О потухшей лампе Ильича») был опубликован в книге «Епифанские шлюзы» — в изд-ве «Молодая гвардия», т. е. у Молотова.

⁴ Журнал «Всемирный следопыт» выпускался изд-вом «Земля и фабрика» (ЗИФ); в этом же издательстве под редакцией *В. А. Попова* выходила серия научно-фантастических книг, в которую Платонов и хотел включить повесть «Эфирный тракт». На сегодняшний день история отношений Платонова и *В. А. Попова* документирована слабо. Можно предположить, что Мария Александровна исполнила поручение мужа и отнесла один экземпляр машинописи Попову, и редактор, как и в случае с публикацией рассказа «Лунные изыскания» (опубликован в журнале «Всемирный следопыт» под заглавием «Лунная бомба» и с сокращениями), предложил радикальное исправление текста (машинопись повести с редакторскими пометами к сокращению и исправлению текста хранится в фонде Платонова в РГАЛИ: ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 70). Платонов обсуждал с Поповым исправленный им текст повести уже после возвращения из Тамбова, о чем сохранилась его записка к Попову (см. об этом: Корниенко, 1993. С. 53).

⁵ Доверенность жене на ведение литературных дел была оформлена; хранится в фонде писателя (оп. 4, ед. хр. 26).

⁶ Речь идет о статье «О дешевом водном транспорте Черноземного края» (Тамбовская правда. 1927. 12 янв.). Статья печаталась в сокращении; по автографу впервые опубли.: Со-

чинения, I (2). С. 290–295. Экземпляр «Тамбовской правды» хранится в фонде писателя (оп. 5, ед. хр. 135).

⁷ Детская игрушка, модель популярного в середине 1920-х гг. автомобиля австрийского завода «Штайер» (одной из технических новаций автомобиля было использование шариковых подшипников).

15

25 (?) января 1927 г. Тамбов

Мария!

Я прошу написать мне о том, что ответил Молотов на мое письмо¹ к нему о службе.

30 января решается моя судьба о военной службе. Если все пройдет благополучно, а в Москве объявится служба, то я уеду из Тамбова. Об этом прошу написать.

«Епифанские шлюзы» написаны, но негде напечатать, т. к. на службе печатать постороннюю работу теперь не разрешают, а машинисток, берущих работу на дом и имеющих машинки дома, в Тамбове вообще нет. Не знаю, что делать. В Москве тоже нельзя перепечатать работу — некому позаботиться и нет денег.

Следует позвонить Бобылеву² и узнать — нельзя ли получить деньги за статью.

Далее. От моего имени надо позвонить Бахметьеву³ и спросить, когда они будут платить деньги за сборник. Они их уже должны платить.

Молотова попроси ускорить оплату книжек. Заключила ли ты договора с «Мол<одой> гв<ардией>»⁴? Ответь на это. На сколько денег, на каких условиях?

Как вышло у тебя с Поповым? — Как поступить с ним — я точно в свое время писал тебе⁵.

Стихи начал подбирать. Мешает работе сильная головная боль, которой у меня никогда не было. Наверно я простудил голову почему-то и перенатужился в работе. За 1 1/2 месяца я написал 4 печат<ных> листа (считая с «Епиф<анскими> шлюзами»). Петр казнит строителя шлюзов Перри в пыточной башне в странных условиях. Палач — гомосексуалист. Тебе это не понравится. Но так нужно. Нравятся тебе такие стихи:

Любовь души, заброшенной и страстной —

Залог души, любимой божеством...*

* спутал, забыл...⁶

Очень старо, но хорошо. Это писал Перри, когда был женихом Мери Карборунд. Потом она стала женой другого. Потом прислала в Епифань из Нью-Кестля неизвестное письмо, его положил за икону к паукам епифанский воевода, а Перри умер в Москве. Шлюзы не действовали. Народ не шел на работы или бежал в скиты и жил ветхопещерником в глухих местах.

Вот — «Епифанские шлюзы». Я написал их в необычном стиле, отчасти славянской вязью — тягучим слогом. Это может многим не понравиться⁷.

Мне тоже не нравится — так как-то вышло. Пускай остается.

Так вот, Муся, ответь мне о своих делах по официальной, так сказать, линии. Лично о себе не пишу: все равно зачтется как ломанье моей гаденькой душонки.

Я бы хотел услышать что-нибудь о Тотке. Не скучает ли он обо мне? Очень жалею, что уехал из Москвы. Надо бы жить мне там назло всем «благожелателям», руководствуясь лишь личными интересами. Посылаю 5 р<ублей> — занял. Беспочас, что вы не доживете там до конца месяца.

Очень плохо все идет.

Целую Тоточку.

Жму твою руку.

26/1 27⁸. Андрей

Впервые: Волга, 1975. С. 165; фрагменты.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 8, л. 13–14 об.

¹ Письмо Платонова к Литвину-Молотову неизвестно. Очевидно, речь шла о работе в издательстве (см. выше письмо от 18 января).

² *Бобылев* Борис Андреевич — воронежский поэт и журналист, входил в платоновское окружение начала 1920-х гг.; как журналист освещал на страницах «Воронежской коммуны», сотрудником которой он являлся, выступления Платонова в клубе «Железное перо». О какой статье идет речь, неизвестно. В эти годы Б. Бобылев также жил и работал в Москве.

³ *Бахметьев* Михаил Матвеевич (1898–1929?) — воронежский прозаик и журналист, входил в платоновское окружение начала 1920-х гг.; ему посвящено стихотворение Платонова «Песня» (1921), в соавторстве с ним написан «Рассказ о многих интересных вещах» (1923). В это время Бахметьев жил в Москве, печатался в «Крестьянском журнале» и «Крестьянской газете».

⁴ Платонов рассчитывал на издание в «Молодой гвардии» 2-х книг прозы и сборника стихов. Договора Платонова с издательством не выявлены.

⁵ См. прим. к предыдущему письму.

⁶ Автограф повести «Епифанские шлюзы» сохранил правку этих строк:

«Возможность страсти горестной и [знойной] трудной (?),

Залог души, любимой божеством» (оп. 1, ед. хр. 4, л. 34).

В повести этими строками обмениваются Мери Карборунд и Бертран Перри; цитата приводится в письме Мери и сопровождается вопросом героини: «Чьи это стихи?». Скорее всего, это стихи самого Платонова. Не исключено, что исправление в рукописи («знойной» на «трудной»), сделанное синими чернилами, относится именно ко времени настоящего письма.

⁷ Намек на литературно-политическую ситуацию начала 1927 г. — широкомасштабную кампанию борьбы с идеологией новейшего русского национализма в современной жизни и литературе — «есенинщиной» и разными формами поэтизации «рабского исторического прошлого» России (*Бухарин Н.* Злые заметки // Правда. 1927. 12 янв.).

⁸ Возможно, ошибочная датировка, см. следующее письмо.

16

26 января 1927 г. Тамбов

26/1 27.

Мария! Хочу побеседовать с тобой. Твое письмо от 22/1 я получил.

Прежде всего — Кирпичников — это не я¹. И вот почему. Мои идеалы однообразны и постоянны. Я не буду литератором, если буду излагать только свои не-

изменные идеи. Меня не станут читать. Я должен опошлять и варьировать свои мысли, чтобы получались приемлемые произведения. Именно — опошлять! А если бы я давал в сочинения действительную кровь своего мозга, их бы не стали печатать. Теперь тебе ясно, почему Кирпичников влюбился в мещаночку Руфь в Риверсайде. Кирпичников носит мои черты только отчасти. Сразу о Валентине. Ты невнимательно читала. Валентина любила не Михаила Кирпичникова (отца), а сына его — Егора. Кирпичниковых действует два — отец, а потом сын.

Если ты считаешь «Эф<ирный> тр<акт>» — сумбуром — твое дело. Тут я ничего пояснять не хочу.

Смешивать меня с моими сочинениями — явное помешательство. Истинного себя я еще никогда и никому не показывал, и едва ли когда покажу. Этому есть много серьезных причин, а главная, — что я никому не нужен по-настоящему.

Ты права, что М. А. Кирпичникова ценнее своего мужа, как жена и человек. Я нарочно рисовал ее скромными и редкими чертами².

Дальше. У меня никого нет знакомых, и никого я не хочу, несмотря на то я изнемог здесь не только психически, но и физически. Твои намеки и открытое возмущение бьют мимо цели, т. к. я совершенно одинок и не соответствую твоей оценке. Пока я твой муж, по отношению к тебе я не подлая душа и не гаденькая личность. Работа меня иссасывает всего. А быть физически (хотя бы так!) счастливым я могу только с тобой. Я себе не представляю жизни с другой женщиной. Прожив с тобой всю свою молодость, наслаждаясь с тобой годами — я переделался весь для тебя. Можешь это понимать, как хочешь, но я думаю точно.

Я рад за Тотика. Поцелуй его за меня так безумно, как целуется он. Я теперь не знаю, когда я увижу его, если вы ко мне не приедете. Купила ли ты себе ботики? Если не купила, сразу покупай, как я переведу тебе деньги.

Стихами тебя беспокоить не буду — pošлю Молотову.

Что за глупость с Обориной³? Я не знаю такой фамилии. Я передавал печатать вещи старушке-машинистке Отд<ела> мелиор<ации>, а она их, действительно, кому-то передавала дальше, т. к. у нее нет машинки дома.

Муся, это недостойно тебя. Что могла намекать Оборина? Спроси ее тогда прямо, все равно тебе на ней не жениться.

А зачем ты давала работу в НКЗ? Неужели не нашла машинистки ближе (5 этаж, Валентинина подруга и др.)⁴? Я ведь тоже могу делать свои заключения, невыгодные для твоей чести замужней женщины.

«Епиф<анские> шлюзы» печатаются, но медленно. Кому их посылать, тебе или тоже прямо Молотову?

По-моему, ты не имеешь права зачеркивать посвящения⁵, написанные не тобой. Когда книга выйдет с посвящением, а ты им будешь возмущена, ты имеешь возможность и право выступить в ежедневной или в журнальной прессе с заявлением, что ты отводишь от себя авторское посвящение, т. к. автор и его сочинения для тебя крайне неприятны, подлы, лицемерны и пр.— в таком духе. Это ты можешь делать и сделаешь, когда наступит твое время. А чужими желаниями распоряжаться нельзя и плевать на них не стоит. Т. к. Тотик разорвал титульный лист⁶, то я посылаю его. Передай его Молотову. Если тебе неудобно, то можешь сказать Молотову, что человек лезет на рожон и посвящает, когда его о том не просят и даже возмущаются.

Наверно в Москве зима хороша.

Вспомнил стихи, которые спутал во вчерашнем письме:

Возможность страсти, горестной и трудной —

Залог души, любимой божеством...

Это из «Епиф<анских> шлюзов». Думаю засесть за небольшую автобиографическую повесть (детство, 5–8 лет, примерно)⁷. Может быть, напишу небольшой фантастич<еский> рассказ на тему «Как началась и когда кончится История»⁸. Название, конечно, будет иное.

Моя жизнь застыла, я только думаю, курю и пишу. Если бы ты захотела, ты все могла изменить. Но ты ничего для меня не хочешь. Твои поступки, твои письма говорят о твоей неприязни ко мне. Пусть нас рассудит сама жизнь.

Письма к тебе — для меня большая отрада. Действительно, они заменяют беседу.

Жду твоих писем, желаю тебе здоровья и жму твою тонкую руку.

Тотику — поцелуй, объятие и катание верхом — в далекой перспективе.

Андрей

Впервые: Волга, 1975. С. 166; фрагменты.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 8, л. 15–17 об.

¹ Кирпичников — главный герой повести «Эфирный тракт», которому приданы некоторые автобиографические черты (инженер-изобретатель) и отданы научно-технические идеи и проекты самого Платонова. Далее Платонов растолковывает и пересказывает сюжетную линию отца и сына Кирпичниковых.

² В образе героини повести Марии Александровны Кирпичниковой запечатлелись, кроме очевидных биографических реалий из жизни Марии Александровны (работа учительницей в селе Волошино), идеальные представления самого автора: героиня повести разделяет социально-технические идеи мужа, но при этом остается преданной идее домашнего очага и семейного счастья, она терпелива, все силы отдает возвращению мужа домой, верна его памяти.

³ *Оборина* — неустановленное лицо; по контексту письма: машинистка Наркомзема.

⁴ Мария Александровна жила в общежитии при Центральном Доме специалистов (ЦДС); ЦДС имел несколько отделов и служб; в этом же здании размещалось и другое большое учреждение — Центральный дом колхозника, у которого также имелась своя канцелярия.

⁵ Очевидно, о посвящении Платонов писал в одном из предыдущих, несохранившихся, писем. Повесть «Епифанские шлюзы» вышла с посвящением: *М. А. Кашинцевой*.

⁶ Речь идет об обложке для «Епифанских шлюзов». Ее готовил сам Платонов, набросок обложки сохранился на последнем листе автографа неоконченной поэмы «Про электричество» (см.: Сочинения, I (1). С. 435. Примечания Е. Антоновой).

⁷ Не исключено, что уже в Тамбове у Платонова оформляется замысел написать повесть о Ямской слободе, где прошло детство писателя (повесть «Ямская слобода» опубликована в журн. «Молодая гвардия». 1927. № 11).

⁸ К замыслу о новом фантастическом рассказе о «конце истории» Платонов вернется через несколько дней, в письме от 29 января. Апокалиптическая тема интенсивно разрабатывалась Платоновым в ранних рассказах («Жажда нищего (Видения истории)», «Сатана мысли», «Потомки солнца»), «Лунных изысканиях» и «Эфирном тракте».

28 января 1927 г. Тамбов

28/1

Мария!

Получил твое письмо от 25/1. Ты ошиблась: я написал тебе несколько писем. Разве ты их не получила? Проверь.

Отвечаю на твое деловое письмо. Неужели со мной можно говорить, только оскорбляя меня?

Читай внимательно и поступай точно — ради нашего общего интереса.

Почему прежде всего нужно издавать стихи, чтобы прожить 2–3 месяца?

Опять Молотов начинает волынку и канитель, чтобы я поскорее здесь подох.

Надо издать сначала 2 книжки моих, на которые материал полностью имеется:

1) Книгу мелких рассказов¹, и

2) Книгу «Пустые урны»² (могут назвать иначе) — последняя повесть для этой книги — «Епифанские шлюзы» — будет выслана через 2 дня.

Договора на обои <sic> книги можно заключать теперь же и теперь же получать по ним деньги.

Ни в коем случае нельзя ставить издание 2-й книги в зависимости от Пугачева³. Вторая книга должна иметь то, что она имеет. Пугачев и по духу в эту книгу не идет и не пойдет. Это мое окончательное решение. Так Молотову и скажи. Нечего мне сусолить пилюлю. Дайте мне малое, а большое я сам возьму. Не тяните времени.

Что за чепуха? С тобой трудно переписываться. Всегда ты в удивлении и претензии. Пугачева же я начал писать в Москве, и читал тебе немного⁴. Ничего не помнишь? Но дальше дело у меня не пошло: занялся «Эф<ирным> трактом» и «Епиф<анскими> шлюзами».

Пугачева я буду писать долго и старательно и мне нужно много материала к нему. Это роман, который я закончу к осени⁵. Ни в какой связи он с издаваемыми двумя книжками не стоит.

И что за издевательство! Проси, пишешь мне, 175–150 р<ублей> за лист⁶! Да пусть они хоть по 100 р<ублей> платят, но скорее! Потом я уполномочил на это тебя. Проси сколько хочешь, но в зависимости от общей обстановки. Не прогадай и не тяни. Лучше 1000 р<ублей> получить сейчас, чем 1500 р<ублей> через месяц. Советуйся с Молотовым в трудных финансовых делах. Но у него есть крупный недостаток (только для твоего сведения) — он — страшный волокитчик, ужасный волынщик и любит обещать горы золота умирающим людям. Бери синицу в руки, бей камнем в журавля на небе! И тогда ты поймаешь синюю птицу!

Титульный лист послал вчера.

Говори с художником -----⁷

Это ты сделаешь хорошо.

Рассказы лучше не пускать в «Кузнице»⁸, а пустить в книжке «Мол<одой> гв<ардии>». Ты поступила совершенно правильно, сказав это Рубановскому.

На «Новый мир» плюю, на «30 дней»⁹ — тоже.

С «Мол<одой> гв<ардией>» идет убийственно медленно. Пока солнце взойдет¹⁰ и т. д. А всему делу — Молотов: он и помощник, он и волокуша. Он все

хочет выпустить меня в свет обряженным красавцем, но я подожду, пока он меня управится одеть.

Пугачева не ждите — повторяю. Он только начат и будет кончен через полгода минимум. Отрывка я не дам, он бессмысленен и не нужен¹¹. Я хочу в Пугачеве работать для себя, а не для рынка. Будь он проклят!

Пиши ответ.

Я очень устал от болезни, которая только что оставила меня. Осталась одна головная боль. Черт с ней!

Живу плохо. Сократил более 50% своего штата¹². Идет вой. Меня ненавидят все, даже старшие инженеры (старые бюрократы, давно отвыкшие что-нибудь строить). Остатки техников разбрасываю по деревенской глуши. Ожидаю или доноса на себя или кирпича на улице.

Я многих оставил без работы и, вероятно, без куска хлеба. Но я действовал разумно и как чистый строитель. А была грязь, безобразия, лодырничество, нашептыванье. Я сильно оздоровил воздух. Меня здесь долго будут помнить, как зверя и жестокого человека. А где ко мне относятся лучше? Кто заслужил много от меня отношения?

У меня есть одно облегчение — я действовал совершенно беспристрастно, исключительно с точки зрения пользы строительства. Я никого здесь не знаю и ни с кем не связан знакомством.

<В письме отсутствует окончание.>

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 8, л. 18–20 об.

¹ Как следует из дальнейшего содержания письма, речь, скорее всего, идет о книге, составленной из воронежских рассказов начала 1920-х гг. (объем — 2 печатных листа) и переданной 17 декабря 1926 г. в издательство «Кузница» (см. комментарии Е. Антоновой — Сочинения, I (1). С. 502–503). Книга не вышла.

² «Пустые урны» — образ из повести «Эфирный тракт». Книга вышла под названием «Епифанские шлюзы».

³ Речь идет о замысле написать роман о Пугачеве.

⁴ Очевидно, Платонов читал первую главу романа — «Начало пугачевского восстания», затем вошедшую в текст рассказа «Иван Жох» (опубликован в книге «Епифанские шлюзы», 1927).

⁵ Неизвестно, когда — в Тамбове или уже в Москве — Платонов все-таки отказался от замысла написать роман о Пугачеве. О связях замысла романа о Пугачеве с первым романом Платонова «Чевенгур» см.: *Корниенко Н.* Между Москвой и Ленинградом: О датировке и авантексте романа «Чевенгур» // Страна философов, 2005. С. 640–644.

⁶ Предельный минимум гонорара в 1926–1927 гг. для начинающих писателей составлял 120 рублей за один печатный лист, для писателей с квалификацией (стажем, изданиями и переизданиями) — 220 р. (см.: *Луначарский А.* О месте писателя в государстве // Журналист. 1927. № 4. С. 8).

⁷ Прочерк. Имя художника, оформившего книгу Платонова 1927 г., остается неизвестно.

⁸ См. выше прим. 1.

⁹ Неизвестно, какие произведения Платонова в это время могли находиться в редакциях журналов «Новый мир» и «30 дней» (в 1927 г. публикаций Платонова в этих журналах не было).

¹⁰ Это выражение Платонов позже использует в общении с Горьким, в связи с издательской судьбой романа «Чевенгур». Ср. в письме Горького Платонову, осень 1929 г.:

«Пока солнце взойдет — роса очи выест»?

Не выест» (Литературное наследство. Т. 70. М., 1963. С. 314).

¹¹ Фрагмент из неоконченного романа о Пугачеве был использован в качестве 1-й главы при написании рассказа «Иван Жох» и включен в книгу «Епифанские шлюзы».

¹² В принятом Платоновым подразделе было 45 человек (См.: *Ходякова*. С. 166).

18

29 (?) января 1927 г. Тамбов

<Отсутствует 1-й лист письма >

Давай рассказы, давай то — пишете вы. Знаете, я имею только одну голову и одно сердце. Я не могу работать как двигатель и не получая денег. Пишу я одну вещь, а не три сразу.

Пусть Молотов и издательство дадут аванс сейчас же — 200–300 р<ублей>, какого черта!

Скажи ему это прямо от моего имени. Что нам погибать что ли? Они могут все, если захотят. Скажи, что я очень болен и трудно жить на 200 р<ублей> на две семьи.

Что сказал тебе Попов? Ответь. Эта гнида, конечно, ничего хорошего не предложит. Пусть даст рублей 200 вперед,— через неделю-две дам ему фантастический рассказ (новый, какого нет у Молотова)¹. Скажи, что я от голода «почти издох».

С Поповым говори обязательно дерзко.

В любви человек беззащитен и идет на те унижения, на которые иду я ради тебя и Тотки. А следовало бы петлю на горло.

Андрей Платонов

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 8, л. 21–21 об.

¹ Через десять дней Платонов примет решение по поводу написания нового фантастического рассказа; см. ниже письмо от 10 февраля.

19

30 января 1927 г. Тамбов

Тамбов, 30/1,
глубокая ночь

Дорогая Муся!

Посылаю «Епифанские шлюзы». Они проверены мною. Передай их немедленно кому следует. Обрати внимание Молотова и Рубановского на необходимость точного сохранения моего языка¹. Пусть не спугают.

Как-то ты живешь и чего ешь с Тоткой? Неужели не смогла занять нигде хоть пятерку на несколько дней. Жалованье переведу телеграфом. Я сижу без папирос, а едой, к сожалению, обеспечен: к сожалению потому, что я тоже, как и ты, не должен быть сейчас сытым. Я такую пропасть пишу², что у меня сейчас трясется рука. Я хотел бы отдохнуть с тобой хоть недельку, хоть три дня.

Денег нет, а то бы приехал нелегально в Москву, на день-два. Быть может, удастся взять командировку в Козлов³, и тогда я прикачу домой на один день. Только трудно; ты не знаешь, как сейчас берегут деньги⁴, и хоть в Козлов мне до зарезу нужно съездить, чтобы наладить дело, но дадут сроку дня 2 и денег рублей 15 (от Тамбова до Козлова 60 верст).

А все-таки постараюсь пробиться в Москву на день. Очень я соскучился, до форменных кошмаров. Но вот вопрос — возможна война⁵. Стоит ли бежать из Тамбова, чтобы через месяц-два быть мобилизованным в Москве, чтобы снова покинуть ее и быть может навсегда. Оставшись же в Тамбове, я наверняка почти не буду призван. По крайней мере, на год.

Обдумай это, жена. Если бы я был один, я бы не задумываясь удрал из Тамбова мгновенно. Мне здесь так скверно, что на фронте хуже не будет. Но у меня есть жена и ребенок. Это заставляет меня холодно мыслить, не считаясь с личными сегодняшними интересами. Постарайся и ты тоже подумать над этим. В войну, если она случится (а она, по-моему, случится обязательно — я думаю сверх того, что пишут в газетах), — лучше жить в Тамбове, чем в Москве — во всех смыслах.

Пожалуйста, не выдумывай своих мыслей, а продумай только то, что я написал. Это очень серьезно. А ты всегда понимаешь меня как-то исподволь, и я сам удивляюсь твоему толкованию моих мыслей. Ты мне приписываешь часто то, что мне и в голову не входило.

Напиши-ка мне об этом твое заключение.

Почта, конечно, тебе 5 р<ублей> не возвратила и ты, вероятно, нарвалась на неприятность. В этом виноват я. Надо было послать переводом. Но сумма была мала, и прошлые 15 р<ублей> дошли благополучно. Поэтому я и второй раз сделал это.

Извини за прошлое письмо. Я был очень растревожен твоими выпадами и открытой ненавистью ко мне. Ты знаешь, что дурным обращением даже самого крепкого человека можно довести до сумасшествия. А я ведь работаю как механизм и очень утомлен.

Ответь — ты не хочешь приехать ко мне? Много раз (в трех письмах) я просил тебя об этом. Ты ничего не ответила. Подпиши договора и приезжай. Только приезжай для радости и покоя, а не для дурных драм. Я сделаю все, что возможно в тамбовских условиях, чтобы тебе тут было хорошо. Все это возможно тогда, если ты в Москве не сошлась с кем-нибудь. Я ведь догадываюсь, что без меня там «дым — коромыслом». Тем более, что ты меня хронически обвиняешь в измене. Это как раз заставляет думать о тебе, как нечестной жене. Ты сама вызываешь во мне такие мысли. И эти мысли стали во мне теперь трезвым убеждением, а не бешеной ревностью, как было раньше. Я не знаю, не то я замучился до окостенения, не то на сердце натерся мозоль от муки, — только я сильно изменился.

В прошлый мой приезд я заметил <в> тебе холодность и отчуждение. <Ты> говорила с Вал<ентиной>, ее подругами, <а я> сидел один. У тебя появились <зна>комые мужчины (Кабе⁶ и еще кто-то). <Тепе>рь их стало больше. Ты начала <заб>ывать⁷ меня.

Два месяца прошло, как я уехал из Москвы. Незаметно, правда? Так же незаметно я становлюсь для тебя чужим и затерянным. Можешь ли ты меня вообразить? Вот я сижу, пишу, комната пуста и кругом провинциальная тишина. Помнишь ли ты мое лицо? Я твое помню и могу дойти до ощущения твоего запаха, могу представить твои прекрасные волосы и замечательные глаза. Я бескорыстен —

видишь, что говорю не комплименты, а личную правду. Ты для меня прекрасна. Комплименты сейчас ведь ни к чему: я далек и ничем не могу воспользоваться.

Я не верю в свое счастье. То <утрач.> я с оступелой тоской вывожу в <утрач.> сочинениях счастье своих героев <утрач.>⁸ но счастье мучительное, очень напряженное, доводящее до гибели.

Герои «Лун<ных> изыск<аний>», «Эфирн<ого> тр<акта>» и «Епиф<анских> шлюзов» — все гибнут, имея однако право и возможность на любовь очень высокого стиля и счастье бешеного напряжения⁹.

Невольно всюду я запечатлеваю тебя и себя, внося лишь детали, <продолжение письма отсутствует>.

Впервые: Волга, 1975. С. 166; фрагменты.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 8, л. 22–23 об.

¹ Редактором (Молотов) и Главлитом (Рубановский) повесть читалась внимательно. Постороннее вмешательство в текст повести «Епифанские шлюзы» главным образом относится к дроблению платоновского абзаца, в русле тенденций популярной тогда ритмизованной прозы, и уточнению исторических реалий.

² Не исключено, что именно в этот промежуток Платонов пишет (или монтирует) рассказы на тему «старого» и «нового быта» («Родоначальники нации или беспокойные происшествия», «Луговые мастера», «Песчаная учительница», «Война», «Город Градов (Заметки командированного)» и др.), начинает работу над «Ямской слободой».

³ 29 января Платонов подал докладную о необходимости недельной командировки в три уезда губернии — Борисоглебский, Козловский и Кирсановский.

⁴ Намек на введенный с апреля 1926 г. «режим экономии».

⁵ В январе—феврале 1927 г. о скорой грядущей войне империалистической Европы против СССР газеты писали постоянно (страна находилась на грани разрыва дипломатических и торговых отношений с Великобританией, разорваны 27 мая); вопрос «действительной угрозы» новой войны занимает большое место в выступлениях лидеров партии и государства Н. Бухарина и И. Сталина (см. комментарии Д. Московской к рассказу «Война»: Страна философов, 2003. С. 637, 687–691).

⁶ Кабе — неустановленное лицо.

⁷ Фрагмент листа деформирован; в угловых скобках восстановлены фрагменты слов.

⁸ Фрагмент листа деформирован; утрачены слова и сочетания слов.

⁹ Автобиографический контекст образов героев-инженеров Крейцкопфа («Лунные изыскания»), Михаила Кирпичникова («Эфирный тракт») и Бертрана Перри («Епифанские шлюзы»): герою фантастических произведений отдаются авторские проекты по гидрофикации, герою исторической повести — тамбовская ситуация, в которой оказался Платонов-инженер; всем героям — гибель вдалеке от любимых и невозможность любви и семейного счастья.

20

10 февраля 1927 г. Тамбов

10/II.

Милая Мошка!!

Сейчас только возвратился из своих командировок² и так соскучился по тебе, что сразу сел тебе писать писулю сию.

Получила ли ты деньги с «Мол<одой> гвардии» и сколько? Если получила, то, что покупаешь?

Я хочу это знать, чтобы отсюда радоваться с тобой этой маленькой материальной радостью. Главное — одень себя и Тотку, как можно лучше и теплей. Все — согласно смете, утвержденной мною. Завтра высылаю тебе «Потомки солнца» (для Попова, хотя едва ли эта вещь пойдет у него, но попробуем)³, затем «Епифанские» шлюзы». Вскоре — стихи.

Дела мои по службе резко ухудшились. На местах, где я был, безобразие и беспомощность. А я в своей бюрократической клоаке тоже беспомощен. У меня столько пут на руках, что я бессилён управлять работами⁴. Сделаю последнее усилие и тогда выеду в НКЗ с докладом и просьбой откомандировать меня обратно. Если не найду лучшей службы, то заставлю НКЗ принять меня обратно в Отдел мелиорации».

Служить в Тамбове нельзя остаться. Несмотря на мою силу и зубастость, хладнокровие и опытность — меня здесь затравят⁵. Затем, чего ради тратить силы на мелиорацию, когда я с меньшей затратой сил достигну лучших результатов на другом поприще?

Верно, Мошка?

Здесь можно только тихо служить, а действовать, активно и полезно работать — нельзя. Но я по натуре не служащий.

Прилагаемую записку снеси в Отд<ел> мелиорации — управляющему этим отд<елом> Миронову⁶.

Исполнение моей просьбы крайне необходимо.

Я сделаю у них доклад и поставлю вопрос ребром. Пускай в этот ад едут Волковы, Тираспольские и прочие бездельники⁷. Приехав, я всем там наговорю горьких слов и поволную этих фокстротирующих⁸ господ.

Все-таки, как легко меня было одурачить! Как замечательно была подготовлена кампания против меня. Профессора⁹, апологеты православия и разврата (напр<имер>, Шульгин¹⁰) и те воевали и усердствовали с одиноким Платоновым. Теперь пускай кто-нибудь тронет меня — зубы выбью и штаны заставлю испортить. Я знаю теперь, чем и кем они были вооружены¹¹.

Прости за скучное письмо: завтра — новое. Все мои силы устремлены на отъезд отсюда и на месть кое-кому.

Привет тебе, моя любимая.

Берегись гриппа. Не ставьте Тоткин горшок в уборную — это же верная зараза. Береги и балуй Тотку. Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 8, л. 24–25 об.

¹ Ласковое прозвище *Мошка* встречается в стихотворных посвящениях жене; см. публикацию Е. Антоновой, с. 11, 15 наст. издания.

² Со 2 по 12 февраля Платонов находился в командировке в Козловский и Кирсановский уезды. Тональность письма позволяет предположить, что Платонов, как и обещал, на день заехал в Москву.

³ Отсылаемый В. Попову (в журн. «Всемирный следопыт») научно-фантастический рассказ «Потомки солнца» является авторской переработкой ранней «фантазии» на тему «конца истории» — рассказа «Сатана мысли» (1922); рассказ не был опубликован в журнале.

⁴ Из докладных записок Платонова следует, что в последние годы поездки руководителей подразделений тамбовского ГЗУ по уездам не практиковались: отсутствие «живой связи» с руководителями работ в уездах и деревнях имело «пагубное влияние на работы». Со 2 по 12 января Платонов находится в Козловском и Кирсановском уезде. 29 января Платонов подает докладную о необходимости недельной поездки в Борисоглебский, Козловский и Кирсановские уезды губернии: «для выяснения степени подготовленности уездов к строительной кампании 1927 г., проверки действительности и целесообразности наших новых инструкций, осмотра работ, проверки технического персонала, выяснения и разрешения на месте всех недоумений и противоречий и т. п.» (Ходякова. С. 165–166).

⁵ О причинах несложившихся отношений в Тамбовском ГЗУ см. также в письме Платонова в высшие профсоюзные инстанции, с. 593 наст. издания.

⁶ Миронов Александр Владимирович — заведующий Отделом мелиорации и Водного хозяйства Наркомзема. 12 февраля из Тамбова в Москву ушла телеграмма о согласовании даты обсуждения в Наркомземе вопросов оперативно-технического персонала для Тамбовской губернии; слушание было назначено на 22 февраля. Запиской, переданной Миронову, мы не располагаем; ее содержание отчасти реконструируется по докладной записке, поданной Платоновым 17 февраля на имя заведующего Тамбовским земельным управлением. В докладной Платонов подробно обосновывал необходимость своего присутствия на слушаниях в Наркомземе:

«...в соотв<етствии> с решением Губплана, если ГЗУ добьется от НКЗ резолюции по ходатайству Тамбовского ГЗУ о том, что НКЗ принципиально не возражает против отпуска небольших средств и кредитов на расселение, на персонал по огнестойкому строительству и на кредиты на оборудование производства — то мы сможем огнестойкое строительство двинуть уже в этом году. Я думаю, что это нам удастся. Я постараюсь сделать доклады начальникам соответствующих управлений, добьюсь их решения, хотя бы осторожного, но не возражающего нашему ходатайству,— тогда наше дело будет выиграно и сельское огнестойкое строительство будет возрождено.

Кроме того, вопрос с заготовкой цемента в последние дни затемнился письмом инж<е-нера> Зрелова, сообщившего мне, что цемент следует заготовить через местное отделение Госсельсклада. Это после того, как НКЗ взял всю заготовку на себя, успокоил места и т. д. Следует срочно и ясно сговориться на этот счет в НКЗеме. В случае именно такого решения НКЗема, как сообщил инженер Зрелов, нам надо немедленно дать заказ Госсельхозскладу, с таким расчетом, чтобы успеть использовать зимний путь» (Ходякова. С. 167).

⁷ Секцию землеустроителей ЦК Союза Платонов считал едва ли не главным участником развернутой против него кампании. Тираспольский Анатолий Наумович — заместитель ответственного секретаря землеустроительной секции ЦК Союза. Сменил на этой должности Платонова 1 августа 1926 г.; до того был членом тарифно-экономического сектора секции, также являлся секретарем землеустроительной секции Московского отделения профсоюза работников земли и леса.

⁸ В развернувшейся в эти годы борьбе за «новый быт» танец фокстрот числился среди символов буржуазности.

⁹ Членами секретариата землеустроительной секции ЦК Союза были ведущие московские профессора-мелиораторы: Н. П. Рудин (зам. начальника Управления землеустройства, мелиорации и госимущества Наркомзема РСФСР, декан Межевого института; приезжал в Тамбов в декабре 1926 г.), профессора Межевого института и Института землеустройства и переселения М. М. Шульгин и Р. С. Спарро (председатель землеустроительного сектора Центрального дома специалистов сельского и лесного хозяйства; был знаком с мелиоративной

практикой Платонова в Воронежской губернии). В набросках к воспоминаниям Мария Александровна несколько раз называет фамилию проф. Спарро в ряду гонителей Платонова-инженера и мелиоратора.

¹⁰ Шульгин Михаил Михайлович — профессор, член сельскохозяйственной секции Госплана РСФСР, один из авторитетных исследователей истории землепользования в России и в странах Запада, автор книг «Землевание в местностях нынешнего Царскосельского уезда в конце XV в.» (1914), «Очерки поземельного быта в Московском государстве (Землевание церковное и служилое)» (1918), «Земельная регистрация на Западе и в СССР. Под редакцией проф. Рудина» (1927) и др. До назначения Волкова (с № 8, 1926) являлся фактическим редактором журнала «Землеустроитель», где постоянно выступал со статьями по вопросам землепользования; Платонов опубликовался в журнале уже после увольнения из ЦК Союза — в июльском номере за 1926 г.: статья «О борьбе с оползнями в Крыму» (с. 71–73, подпись: *Ив. Воголов*) и заметка «Мелиоративное достижение» (с. 73, подпись: *А. П.*). Платонов неплохо знал работы Шульгина, что отразилось и в данных им характеристиках профессора-консерватора. Перу Шульгина принадлежат «Очерки советского землеустройства», из которых был опубликован лишь первый — «Земельная история Синьковского района и его землеустройство» (Землеустроитель. 1926. № 6). Это опыт реконструкции (на основании летописей и писцовых книг) истории русской деревни и русского земледелия XII–XVI вв. — от времени расцвета культуры сельского хозяйства в Московском государстве до его кризиса в эпоху царствования Ивана IV (война, голод, запустение, разорение деревни). В 1926 г. (!) Шульгин пишет о «выдающемся значении» в истории развития Синьковского района Троице-Сергиевой Лавры и зависимых от нее монастырей (с. 56), подробно анализирует феномен церковного землевания и его культуру, отводит монастырям едва ли не главную роль в преодолении хозяйственного кризиса в конце XVI — начале XVII в., когда началось возвращение в деревню и крестьяне вновь «начинают хрестьянствовать» — вести крестьянское хозяйство (с. 63), получая ссуду у монастырей. Платонов писал собственные «Очерки бедной области», в которых были учтены, иногда полемически, научные исследования профессоров-мелиораторов по широкому кругу интересующих его вопросов — колонизации и переселения, государственного страхования мелиоративных работ, регулирования лугопользования, культуртехники в пойменных и луговых пространствах. Саркастические инвективы в адрес старых профессоров-мелиораторов сочетаются у Платонова с глубочайшим усвоением их научного опыта, что найдет отражение в рассказах «Луговые мастера», «Песчаная учительница», повестях «Эфирный тракт» и «Ямская слобода», романе «Чевенгур».

¹¹ Старая профессура имела мало соприкосновений с возглавляемой Л. Троцким левой оппозицией. Скорее всего, Платонов намекает на другой — правый — лагерь оппозиции, связанный с идеологией русской эмиграции, — сменовеховство, к которому и социально, и ментально были близки старые профессора-мелиораторы. В конце 1926 г. все издания сменовеховцев в СССР были закрыты, по идеологическим причинам.

21

13 февраля 1927 г. Тамбов

Тамбов, 13 /II, 9 ч<асов> вечера

Как ты поживаешь, старушка моя? Я неустанно тружусь над стихами. Многие пришлось переработать. Очень устаю на службе — не от работы, а от войны. Все-

таки здесь трудно мне. Все время один и один, тебя все нет и нет. Сегодня (воскресенье) я совсем не выходил из дому. Окруженный враждебными людьми, я одичал и наслаждаюсь одними своими отвлеченными мыслями. Поездка моя по уездам была тяжела¹. В Козлове я ночевал на вокзале. В 4 ч<аса> ночи из I класса меня выдворили (стали убирать помещение) и я спал с безработными в III классе. Я узнал много жестокого и нового от безработных. Они приехали с Кавказа и едут в Сибирь. Утром я с ними пил чай, угощая их за свой счет и слушая их необычайные рассказы. Жизнь тяжелее, чем можно выдумать, теплая крошка моя. Скитаясь по захолустьям, я увидел такие грустные вещи, что не верил, что где-то существует роскошная Москва, искусство и пр. Но мне кажется — настоящее искусство, настоящая мысль только и могут рождаться в таком захолустье, а не в блестящей, но поверхностной Москве.

Но все-таки здесь грустные места, тут стыдно даже маленькое счастье.

Оставим это...

Любимой женщине судьбою я поручен —

И буду век с ней сердцем неразлучен...²

А телом — надолго разлучен. Какая жестокая и бессмысленная судьба — на неопределенно долгое время оторвать меня от любимой. Утешение мое, что я живу для ребенка и кажется способен пережить ради него самую свирепую муку. Хотя я много раз в жизни чувствовал предсмертное холодное страдание. Ты знаешь, как бывает пусто тогда, — как в позднее теплое лето в пустой тишине покинутых полей.

Извини меня, но я ничему хорошему не верю. Все, что я пишу, питается из какого-то разлагающегося вещества моей души. Ты конечно гораздо большая оптимистка, чем я. И это мне нравится в тебе (сам этого не имею). Ты могла бы быть счастливой и с другим, а я нет.

Когда я тебе перевел телеграфом 50 р<ублей>, то ты, не спросив меня (я тебе почтой потом послал еще 40 р<ублей>), сразу заявила — «я быстро найду себе друга и защитника». А если бы я тебе перевел 500 р<ублей> ты бы, наверное, мне писала другое. Все это в сопоставлении с прошлыми фактами заставляет меня сильно тосковать.

Я как-то долго представлял в воспоминаниях нашу первую встречу, наши первые дни. Помню, какая ты была нежная, доверчивая и ласковая со мной. Неужели это минуло невозвратно? Дальше того, как я тебя обнял и поднял твою юбочку в темных сенях, я не хочу вспоминать. Отсюда началась ложь.

Мы, прирожденные жених и невеста. Наша любовь была истинным и редким чудом. Многих ли ты знавала, кто любил так, как мы друг друга. Я даже не читал ничего подобного — так велико и губительно бывшее чувство.

А хорошо с тобою, Мария!

Давай побеседуем о более простом.

Что там подельывает вошка Тошка? Наверно, каверзничает и замучил мамку. Он говорит, что без папы скучно, — скажи, что папе без него еще скучней. А такому маленькому прохвосту, как Тошка, по папе бывает скучно не всегда: его, маленького воробья, на всякой мякине провести можно. А вот папку провести уже ни на чем нельзя: к его, папкину, сожалению.

За тобой, наверно, ухаживают везде и пристают мужички. А если знают, что ты с деньгами — тем более.

Я ведь твой жених теперь — все прошлое было лишь испытанием. Будущее наше — верная любовь на всю жизнь, брак и семья. Когда я предлагал тебе это — ты не возражала. Так ли думаешь и теперь, или уже возненавидела снова меня?

Мне не понравилось, что ты спорила и говорила неуверенно о сроке нашей регистрации³. Я знаю, ты ответишь на это бранью и каким-нибудь обличением меня. Но я разубежден этим не буду.

Здорова ли ты, горячая Мошка? Ты написала мне только одно письмо. Я, к сожалению, здоров и страдаю бессонницей от избытка сил. Я беспокоюсь, что ты заболеешь гриппом. Если в Москве разыграется эпидемия, надо выехать из Москвы обязательно.

Ты знаешь, мне пришло в голову: если собрать твои и мои письма, проредактировать их, переделать, — то можно составить интересный роман⁴.

Хотя это мне не нравится почему-то.

Напиши твое мнение об этом. Ведь была же знаменитая переписка Абеяра с Элеонорой⁵.

Ну, прощай, моя единственная подруга, прощай, забота моей души.

Целую тебя страстно и нежно и вижу твои глаза. Андрей

PS. Твои цветы лежат у меня на столе и сильно пахнут, посылаю крошку от них.

Впервые: Волга, 1975. С. 167; фрагменты.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 8, л. 26–28 об.

¹ Платонов рассказывает эпизод из его поездки в Козловский уезд (с 10 по 12 февраля). В 1927 г. безработица и крестьянское отходничество достигли в СССР угрожающих масштабов. Власть рассматривала эту ситуацию как «проклятое наследие» бывшего господства помещиков и капиталистов; бредущие по стране в поисках работы сезонные рабочие видели в этом антинародный, к тому же, антибедняцкий характер власти и не стеснялись в выражениях (см. издание: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 5. 1927 г. М., 2003).

² Скорее всего строки Платонова.

³ Официально брак с Марией Александровной был оформлен 22 мая 1943 г.; свидетельство о браке хранится в фонде Платонова (оп. 4, ед. хр. 92).

⁴ Этот проект Платонов попытается реализовать в повести «Однажды любившие». Повесть осталась незаконченной; было написано «Предисловие собранного письма»; в качестве источника 4-х писем героя Александра использованы первые письма Платонова из Тамбова (в нашей публикации №№ 2–5), действие сдвинуто на 1925 г., Тамбов заменен на Ухожаев, реальный инженер Барабанов — на Богданова и т. п.

⁵ Не точно; правильный вариант (Луиза) зачеркнут и вместо него вписана Элеонора. Речь идет о романтической эпистолярной повести XIV в., основанной на переписке французского богослова и мыслителя П. Абеяра и его возлюбленной Элоизы. Эта средневековая история послужила одним из литературных источников романа «в письмах двух любовников» «Юлия, или Новая Элоиза» (1761) Ж.-Ж. Руссо; в России стала известна благодаря переводам В. Жуковского. Тема «новой Элоизы» возникает в названии романа в письмах В. Шкловского «ZOO. Письма не о любви, или Третья Элоиза» (1924; в фонде Платонова хранится издание романа 1924).

22

15 февраля 1927 г. Тамбов

Тамбов. 15/II

Милая Маша!

Письмо это имеет две части: серьезную (официальную) и личную.

I. Часть официальная

Препровождая при сем 40 стихотворений, прошу буквально с ними поступить нижеследующим образом:

- 1) передать их Молотову все и просить выпустить отдельной книжкой¹;
- 2) стихотворений я отобрал немного, но зато они, по-моему, доброкачественны;
- 3) если ты или Молотов найдете необходимым дополнить эти стихотворения другими какими-либо (из моего сборника), то вы можете это сделать по своему усмотрению;
- 4) книжку можно назвать просто, напр<имер>, «Стихи»,— или еще как-нибудь;
- 5) книжке может быть предпослано чье-нибудь предисловие или нет — пусть будет так, как ты это согласишься с Молотовым;
- 6) книжку следует издать с наивозможной быстротой,— все недоумения и неясности решайте сами, не запрашивайте меня, все новшества вводите также сами без меня — дабы не упускать зря времени. Я заранее согласен на все (п<отому> ч<то> верю тебе);
- 7) стихи следует разместить по очереди так, как они размещены у меня, но можете и изменить, если тебе или Молотову мое размещение не понравится.

Все. Действуй быстро, энергично, не обращай внимания на мелочи и не волнуйся. Поступай самостоятельно (в смысле принятия решений) и стремись к главному — к наибольшему изданию книжки стихов.

II. Часть неофициальная

Мошка моя! Я окончательно и скоро навсегда уезжаю из Тамбова.

В Наркомземе предложу или взять меня обратно на службу (дурака валять и гладить) или постараюсь найти работу в Москве, а, в крайнем случае, уеду в другую какую-нибудь губернию или в Сибирь².

Здесь дошло до того, что мне делают прямые угрозы. Я не люблю тебе об этом писать и пишу коротко. У нас с тобой есть более важные вещи, чем тамбовские дела, о которых не стоит говорить. Но все же скажу, что служить здесь никак нельзя. Правда на моей стороне, но я один, а моих противников — легион, и все они меж собой кумовья (Тамбов — гоголевская провинция). И это чепуха, но я просто не хочу связываться и тратить попусту силы. Я и так их здесь потратил много.

Меня конечно отсюда ГЗУ пускать не будет. НКЗ будет всячески протестовать и гнать меня обратно. Но я уже решил. Здесь просто опасно служить. Воспользуются каким-нибудь моим случайным техническим промахом и поведут против меня такую кампанию, что погубят меня. Просто задавят грубым количеством.

Сегодня было у меня огромное сражение с противниками дела и здравого смысла. И я, знаешь, услышал такую фразу, обращенную ко мне:

«Платонов, тебе это даром не пройдет. Нам дома стены помогают».

Это мне было сказано после того, когда я одного дурака посадил в такую кашу, что он побагровел, и я думал, что у него живот лопнет (он пузатый).

Оставим эту скуку, милая невеста моя, вечное счастье мое! Два дня назад я пережил большой ужас. Проснувшись ночью (у меня неудобная жесткая кровать) — ночь слабо светилась поздней луной — я увидел за столом у печки, где обычно сижу я, самого себя. Это не ужас, Маша, а нечто более серьезное. Лежа в постели, я видел, как за столом сидел тоже я и, полуулыбаясь, быстро писал. Причем то я, которое писало, ни разу не подняло головы и я не увидел у него своих слез. Когда я хотел вскочить или крикнуть, то ничего во мне не послушалось. Я перевел глаза в окно, но увидел там обычное смутное ночное небо. Глянув на прежнее место, себя я там не заметил. В первый раз я посмотрел на себя живого — с неясной и двусмысленной улыбкой, в бесцветном ночном сумраке. До сих пор я не могу отделаться от этого видения и жуткое предчувствие не оставляет меня. Есть много поразительного на свете. Но это — больше всякого чуда. Не помню, где — в Москве или в Тамбове — я видел сон, что говорю с Михаилом Кирпичниковым (я тогда писал «Эфирный тракт»), и через день я умертвил его. Каждый день я долго сижу и работаю, чтобы сразу свалиться и уснуть. Мне кажется, что с той ночи, когда я увидел себя, что-то должно измениться. Главное — это не сон, я как раз проснулся и больше не заснул до позднего утра. Потом забылся и встал уже в 10 часов.

Не скучно ли тебе это читать?

Может быть, просто моя бедная голова, работавшая всю жизнь как мотор, начинает уставать и ее терзают яды усталости.

Оставим и это.

Что-то там помышляет Тотка? Я как-то боюсь за его судьбу. И за тебя беспокоюсь, лесная моя Мошка. Хорошо бы еще лет двадцать, или хоть пятнадцать протерпеть, чтобы Тотик вошел в силу и без меня бы мог прокормить свою старушку-мать. А ты будешь старушкой, Мошка! Ты об этом не думаешь? А я уже, по сравнению с тобой, пожилой человек.

Ну, прощай, моя далекая невеста, и береги нашего первого и единственного сына.

Андрей

3 ч<аса> ночи. Сей<час> проверю стихи и спать.

Впервые: Волга, 1975. С. 167; фрагменты.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 8, л. 29–31 об.

¹ Речь идет о составленной Платоновым книге стихов «Поющие думы»; при жизни писателя не была опубликована (впервые: Сочинения. Т. I (1). С. 287–335, 600–602).

² После возвращения Платонова из Тамбова в Москву ему будет предложена работа губ-мелиоратора в Туле, но он от нее откажется (см.: Первый год московской жизни А. Платонова // Страна философов, 2003. С. 641).

ПИСЬМА В КРЫМ. ИЮЛЬ 1927 г.

Публикация Н. Корниенко

От первой поездки Марии Александровны с сыном в Крым сохранилось всего 5 писем Платонова. Как и в других случаях, письма Марии Александровны отсутствуют. Уехала она не позже 29 июня, скорее всего, по полученной Платоновым профсоюзной путевке. На почтовой карточке (письмо № 3) имеется адрес: «Алушта, Крым. Дом отдыха Крым<ского> Совета профес<сиональных> союзов. Платоновой Марии Александровне».

Платонов после возвращения из Тамбова находит службу в Центросоюзе, но главным образом занимается литературными делами: готовит к изданию книгу «Епифанские шлюзы», пишет новые произведения. Где-то с мая он завязывает отношения со сценарным отделом 1-й кинофабрики «Совкино» и включается в работу над киносценариями по собственной прозе (сегодня известны сценарии «Песчаная учительница», «Епифанские шлюзы», «Лампочка Ильича»). Киношный бум двадцатых увлек в эти годы многих писателей: сценарии для кино пишут В. Маяковский, В. Шкловский, В. Киршон, И. Бабель, В. Зазубрин, Б. Лавренев, Ю. Тынянов, С. Третьяков и др. Писатели и критики (Б. Арватов, О. Брик, С. Третьяков, Б. Эйхенбаум, И. Эренбург) входят в редколлегию журн. «Советское кино», являются едва ли не главными теоретиками советского кино. При этом на рубеже 1926–1927 гг. много говорится и пишется о «сценарном голоде» в кино (см.: *Перцов В.* Литература и кино // Советское кино. 1927. № 5–6. С. 10), объявляется новый призыв сценаристов.

Однако надежды на быстрое вхождение в киносценарное сообщество и на службу в Совкино не оправдались. История постановки «Песчаной учительницы» растянулась не на один год. Весь 1927 г. Платонов переделывает текст. В 1928 г. сценарий включают в тематический план второго полугодия, но работа так еще и не началась, хотя, кажется, и тематически «Песчаная учительница» вполне вписывалась в генеральную линию пролетарской кинематографии. Об этом говорит в своем отчете на заседании ВАПП (декабрь) зав. Художественным отделом 1-й кинофабрики «Совкино» А. Тарасов-Родионов: «“Песчаная учительница”. Это рабочее название. Мы сейчас придумываем что-нибудь другое. Я беру это название как ориентировочное. Это фильма о переходе наших кочевников отсталых племен на окраинах нашего Союза на оседлую жизнь, на земледелие. Причем тут же разрабатываются и некоторые моменты национального вопроса»; «нужная тема о продвижении женщины на производство, это есть тема о новой женщине на производстве» (ОР ИМЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 379, л. 16, 18). Название у сценария сменяют (возможно, и потому, чтобы устранить похожесть на планируемый на 1928 г. фильм «Первая учительница»); да и сам текст сценария переживает еще не одну переработку до выхода в свет фильма «Айна» (1930).

Несмотря на походы Платонова по московским редакциям и издательствам, главным его издателем в 1927 г. остается Г. З. Литвин-Молотов: основные договоры заключаются с одноименными редакцией и журналом «Молодая гвардия», гонорары выписываются не без покровительства влиятельного члена редколлегии Госиздата. Не совсем понятно, почему опытный редактор и издатель не организовал кампанию поддержки и рекламы 1-й книги выводимого им в московский свет писателя. Укажем лишь на одну из возможных причин — крайне напряженную внутривластную ситуацию, в связи с выступлениями партийной оппозиции, к которой весной–летом 1927 г. примкнули некоторые известные литераторы и критики. Всесоюзный дебют Платонова прошел незамеченным.

Последнее письмо датируется 14 июля. 20 июля Платонов планировал выехать в Крым. Никаких материалов от крымской поездки писателя 1927 г. не сохранилось.

1

2 июля 1927 г. Москва

Мария!

По своему обыкновению, ты ничего не написала мне из Симферополя. Ты знала, что я беспокоюсь — землетрясение¹, ты одна, Тотик, — а ничего не сообщила. Дала бы телеграмму в два слова за полтинник. 60 руб<лей> перевел телеграфом на Симферополь 29/VI. Получила ли ты их? В понедельник переведу еще немного*. (50 р<ублей> получаю из журн<ала> «Молод<ая> гвардия»²).

Книжечка моя выходит только в понедельник-вторник³. Либретто передано на доработку режиссеру совместно со мной. В понедельник у меня свидание с режиссером. В понедельник же — ответ из Совкино по поводу службы⁴. В Ц<ентро-сою>зе⁵ я служу только до 1/VIII, с жалованьем 150 р<ублей>. Мои не придут⁶ — послал телеграмму с отказом: нет ни денег, ни настроения их принимать. Что делать с Валентиной⁷?

Я пишу кратко и неинтересно — не уверен, что это письмо дойдет до тебя. Адреса точного твоего нет.

Москва без тебя пуста для меня. Но ты меня не любишь теперь совсем. Я едва ли приеду — ты знаешь, сколько долгов и потребностей у нас. А я бы хотел пожить с Вами хоть три-четыре дня. Очень скверно — землетрясения. Если что опасно — приезжай немедленно. Снимем дачу и отдохнем под Москвой. Пиши мне, пожалуйста. Я тебе тоже буду писать.

Извини меня, что снова пристаю и мешаю отдыхать тебе.

Прислать ли тебе книжек? Каких — назови приблизительно.

Целую Точочку и тебя. Пришли карточку⁸. Снимись на пляже.

2/VII. Москва. Андрей

* Еще не все выплачены твои мелкие долги.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 9, л. 1–1 об.

¹ 26 июня произошло землетрясение в Крыму; 28-го об этом сообщили центральные газеты, предоставив страницы московским геологам, которые уверяли читателя, что подобные землетрясения не повторяются и поездка в Крым совершенно безопасна (О землетрясении в Крыму. Что говорят московские геологи // Вечерняя Москва. 1927. 28 июня. С. 1). Однако землетрясение повторилось 29-го.

² Очевидно, за публикации в журнале повестей «Епифанские шлюзы» (№ 6) и «Ямская слобода» (№ 11).

³ Книга «Епифанские шлюзы» вышла 4–5 июня 1927 г.

⁴ *Совкино* — Всероссийское фото-кинематографическое акционерное общество «Советское кино» (см. вступительную статью). Надежда на службу, возможно, как-то объясняется начавшимся реформированием сценарных цехов всех советских кинофабрик, постановкой вопроса о создании при каждой кинофабрике из пролетарских литературных сил кадров новых сценаристов, прикрепленных к производству и работающих по определенному плану.

⁵ *Центросоюз* — Центральный союз потребительских обществ, государственная организация, занималась широким спектром вопросов потребительской кооперации; имела солидную издательскую базу. На сегодняшний день этот отрезок биографии Платонова никак не документирован, кроме произведений писателя, в которых нашла отражение его служба в Цетросоюзе (см. либретто сценария «Надлежащие мероприятия» в наст. изд.).

⁶ Т. е., Климентовы, родные Платонова, которые жили в Воронеже. Отношения Марии Александровны с семьей Платонова не сложились сразу. Невестку не приняла мать Платонова Мария Васильевна, не были близкими отношения Марии Александровны с братьями и сестрами мужа. Платонов тяжело переживал эту семейную драму, что нашло отражение в лейтмотивном микросюжете его прозы 1927–1928 гг., — трагическом непонимании в отношениях «детской матери» и невесты-жены («Чевенгур»).

⁷ *Валентина* — младшая сестра Марии Александровны.

⁸ Мария Александровна выполнила просьбу мужа. 4 июля (дата устанавливается по штемпелю) она отправляет ему открытку со своей пометой крестиком: «Привет от Тота! Крест там, где мы снимались» (оп. 3, ед. хр. 43, л. 1). Крымская фотография Марии Александровны с сыном хранится в фонде (оп. 4, ед. хр. 173, л. 3).

2

3 июля 1927 г. Москва

Москва, 3/VII.

Маша!

Я получил открытку и письмо. Еще раньше получения — я послал тебе письмо на Алушту. Зачем ты прислала 6 рублей? Мне никогда денег не присылай — я сам справлюсь. Завтра пошлю Вам с Тоткой немного на гостинцы и фрукты и расплачусь со всеми долгами в окончательный расчет. По некоторым я уже расплатился.

Наверно в Крыму тебе понравится. Главное мое беспокойство — землетрясения. Никто не знает, будут ли они или нет. Главное — во время землетрясений — не быть в здании, или у скал и в море. Скала может деформироваться и задавить человека, море «вздыхнет» на берег так, что погребет под собой людей¹ и т. д.

Смотри, Мария! Если будет тревожно, или землетрясение повторится — выезжай в Москву.

Не забудь то, за чем ты поехала — отдохнуть. Я знаю, что там есть разврат (в большей степени, чем обычно предполагают), к тебе, наверно, пристают и т. д. Это на курортах было всегда. Я не верю — и это невозможно — что тебе удастся остаться совершенно чистой в такой клоаке. Но все-таки не забудь своего отдыха.

Что Тот ужасен (ты пишешь) — понятно: он устал ведь с дороги. Но что он вспомнил в С<имферопо>ле о нашем дворе — это знаменито!

Я живу плохо (не в материальном смысле — это пустяки). А так очень скучно и дурно мне. Жизнь моя свелась совсем к примитиву: служба и дом. Новиков² — ерунда. Был у него один раз — совершенно уже не о чем говорить, нет ничего даже для поддержания товарищества. Но одиночество мне страшно — так я привык бессознательно иметь рядом с собой тебя. Я говорю искренно. Я увижу тебя очень нескоро. Мне предстоит переплыть до тебя океаны трудностей. Ты ведь знаешь, как трудно в Москве все дается.

Самое тяжелое — без тебя мне плохо работается. И так пусто и уныло в Мос-

кве. Я не представляю себе, чтобы любящий человек, при всех возможностях, мог вести себя так, как ты вела себя, когда я уехал один в Тамбов.

Значит — не любила. Не обижайся за старое заросшее воспоминание.

Ты вспомнила к чему-то Сокольникова³. Извини, но уж очень глупо. Передаю тебе самый искренний, глубокий и горячий поклон и привет Дениса⁴. Ответ ему надлежит послать непосредственно.

Я работаю. Иногда меня питает энергия остервенения, чтобы выбраться на чистую независимую воду жизни. Главное — независимую. Очень мне тяжело зависеть от всех случаев. Это отчасти гадко. Но какая стерва со мной поступала хорошо? Я совсем не хочу быть «общеплезным» работником, я хочу быть покойным и счастливым (форменное мешанство!). Все это я знаю — и дешевкой меня не возьмешь.

Пишу о нашей любви⁵. Это сверхъестественно тяжело. Я же просто отдираю корки с сердца и разглядываю его, чтобы записать, как оно мучается. Вообще, настоящий писатель это жертва и экспериментатор в одном лице. Но не нарочно это делается, а само собой так получается. Но это ничуть не облегчает личной судьбы писателя — он неминуемо исходит кровью. Как все грустно, однако, Мария!

Завтра я получаю книжку (вышлю тебе сразу), через месяц-два⁶ будет другая и т. д.

В Совкино мне говорят, что на мои вещи нельзя писать рецензий, а надо писать целые исследования и т. д.— до того, дескать, они хороши. Отчасти это преувеличено, но все же каждому должно быть лестно. А я бы много отдал, чтобы поспать с тобою ночью. Вот какое животное твой муж! И ничто сейчас меня не утешает. Вот доказательство: книжку я мог получить в субботу, а я не пошел в «Мол<одую> гв<ардию>», а пошел после службы купаться. Не было никакого интереса разглядывать свою книжку без тебя. От тебя же не было писем, и я решил, что тебе тоже вся эта музыка не интересна — и купался, глядя на Кремль.

Ты от меня далека и невозможна. Сейчас читал свои стихи. Предполагаю издать их, но только не в «М<олодой> гв<ардии>», хотя Молотов просил их дать через неделю.

Помнишь ты такой отрывок:

...Помню я, в тоске воспоминанья,
Свежесть влажной девственной земли
И небес дремучее молчание
И всю прелесть милую в дали.
Но чем жизнь страстней благоухала,
Чем нежней на свете красота,
Тем жаднее смерть ее искала
И смыкала певшие уста.⁷

Меня это тронуло нынче больше, чем когда я писал эти строки.

Вот что самое страшное в человеке — когда его люди не интересуют и не-vesелят и когда природа его не успокаивает. Т. е.— когда он погружен весь в свою томящуюся душу. Так обстоит у меня. Сегодня — воскресенье — ездил к аэродрому, должны быть мотоциклетные гонки, но не состоялись⁸. Я пешком дошел почти до Серебряного бора. И ничто меня не тронуло, не успокоило и не обрадовало. Природа отстала от меня. Легко понять — почему, но говорить неохота.

Все равно без самоубийства не выйдешь никуда. Смерть, любовь и душа — явления совершенно тождественные. Это ты знаешь и без меня хорошо.

Брошу об этом. Но я не знаю как дожидаться тебя — так долго еще ты там будешь. Я не хочу тебя ни учить, ни просить — не умею и человека ничему настоящему научить нельзя.

Только не лги мне (об этом ты меня все просишь). Знаешь, ложь как-то выходит т<ак> ск<азать>, «нелитературно» — ее всегда учуешь, а иногда и просто нечаянно узнаешь. А ты солжешь мне обязательно. Что-то есть в тебе, против чего я всегда протестовал — ложь, замаскированная лучше правды. Тебя, особенно в последние годы, стали сильно интересовать и мужчины и многое другое, к чему раньше ты такого явного интереса не выказывала. Но ты так всегда позоришь меня за это, что я начинаю еще пуще верить в свою правоту.

Кончим об этом. Я не сумел просто сделать из жизни то, о чем мечтал в ранние годы. Перенесу то, что вышло из-под моих неумелых рук.

Теперь о будничном — и конец.

Валентине дал 12 р<ублей>, она, кажется, уезжает. Мои не приедут.⁹ (А сколько было ссоры! А вот все и рассеялось, осталась боль да пустота).

Опиши мне Крым. У тебя очень хороший стиль в письме из Симферополя, несмотря на то, что ты писала его наспех. Вот так и пиши. Какое ощущение оставило море, какие горы, небо, воздух и весь инвентарь тамошней природы. Наверное, очень интересно и необъяснимо. Я отсюда ничего себе не могу вообразить. Что вы едите? Как Тотик встретил море? Как ты проводишь время (я спрашиваю это, чтобы вообразить тебя в Крыму).

И все остальное. Мне все будет любопытно. Ты знаешь, я нечаянно открыл принцип беспроводной передачи энергии. Но только принцип. До осуществления — далеко. Будет время — напишу статью в научный журнал¹⁰. Маша, это захватывающая задача, — страсть к научной истине не только не умерла во мне, а усилилась за счет художественного созерцания.

Я не гармоничен и уродлив — но так и дойду до гроба, без всякой измены себе.

Завтра ответ в Совкино о службе. Денег еще не получил. Получу — вышлю, они мне не нужны. Не дадут службы, поищу еще где-нибудь. Не найду — подыскиваю вам комнату и — в провинцию. Чем хуже, тем скорее будет легче.

Пиши мне все, Машенька. На деле я никогда не был и не буду твоим врагом. А был только на словах.

Будьте живы и здоровы, поправляйтесь, берегите и не обижайте друг друга (Тотка, стервец, слушай маму!) и помните своего старика

Андрея Платонова.

Впервые: Волга, 1975. С. 172–173, фрагменты; с датировкой: 1936 г.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 9, л. 3–6 об.

¹ Платонов внимательно следит за информацией о землетрясении в Крыму по газетам, в частности, в данном случае излагает информацию по заметке поэта М. Артамонова, живописавшего первое землетрясение в подробностях (*Артамонов Мих.* После землетрясения в Крыму // Известия. 1927. 1 июля. С. 4); ожидалось новое землетрясение, но оно случится не в Крыму, а в Иерусалиме.

² Новиков Андрей Никитович (1888–1941) — прозаик, земляк Платонова, с 1925 г. жил в Москве, входил в группу «Перевал»; в это время Новиков писал сатирический роман «Причины происхождения туманностей», в котором нашли отражение московские встречи с Платоновым, после его возвращения из Тамбова. Дружеские отношения Платонова с Новиковым сохранились вплоть до ареста Новикова в январе 1940 г. (проходил по сфабрикованному делу писательской антисоветской правотроцкистской группы, расстрелян в 1941 г.).

³ Сокольников Михаил Порфирьевич — критик журнала «Молодая гвардия» и сотрудник одноименного издательства; он же автор рецензии на книгу Платонова «Сокровенный человек» (см.: Молодая гвардия. 1928. № 3. С. 205).

⁴ Денис — неустановленное лицо.

⁵ В это время Платонов работает над двумя произведениями, в которых нашел воплощение лирический любовный сюжет его жизни: повестями «Строители страны» и «Однажды любившие». В последнюю, построенную на материале реальных тамбовских писем, вкрадлась деталь из данного письма (см. далее в письме о «нечаянном открытии принципа беспроводной передачи энергии»). В тексте письма из Тамбова от 11 декабря — «Единственное утешение для меня, это писать тебе письма и кончать “Эфирный тракт”» — выделенный курсивом текст заменяется на следующий: «... и раздумывать над беспроводной передачей электрической энергии» (см. с. 20 наст. издания).

⁶ В 1927 г. у Платонова выйдет только одна книга. О планируемых книгах 1927 г. см. в письмах из Тамбова, с. 469–470, 479 наст. издания.

⁷ Далее цитируется стихотворение «Древний мир, воспетый птицами...» из книги «Поющие думы», составленной Платоновым в Тамбове и переданной Молотову. Это одно из поздних стихотворений Платонова; при жизни не публиковалось (см.: Сочинения, I (1). С. 327).

⁸ Одной из примет московского лета 1927 г. стали мотоциклетные пробеги, о которых информация давалась 1 и 2 июля в разделе «Спорт-хроника» газ. «Вечерняя Москва»; мероприятие, о котором сообщает Платонов, было перенесено на 10 июля, о чем читатели были предупреждены заранее (см.: Спорт-хроника // Вечерняя Москва. 1927. 22 июня. С. 3; О предстоящем 10 июля мотопробеге Москва—Ленинград // Там же. 30 июня. С. 3).

⁹ Очевидно, Платонов получил телеграмму из Воронежа. К сожалению, никаких материалов семьи Климентовых в архиве не сохранилось.

¹⁰ Статья Платонова на эту тему неизвестна.

3

Между 5(?) и 7 июля 1927 г. Москва

Машенька!

Посылаю книжку — простой бандеролью¹. Это так. К пятнице² типография сделает книжки в переплете, тогда вышлю тебе форменно — с личной надписью.

Отчего ты не хочешь писать мне? Разве ты так занята? Напиши, пожалуйста, откровенно. И мое самочувствие, и мои дела ниже нуля.

Привет. Целую жену и сына.

Андрей

¹ Фрагмент книги «Епифанские шлюзы» без переплета сохранился в фонде Платонова (оп. 5, ед. хр. 5). На титульном листе запись Платонова: «Адресату. Анд<рей> Пл<ато>нов>. 5.7.27».

² 9 июня (пятница) датируется запись на книге «Епифанские шлюзы» (в переплете), предназначенной для Марии Александровны: «Марии, другу и любимой,— зреющей звезде моего разума, теплоте моего сердца. Андрей Платонов. Москва, 9/VII. 27.» (ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 5, ед. хр. 6).

4

Между 9 и 11 июля. Москва

<Отсутствует 1-й лист письма.>

Долги все отдал. У меня ничего нового. Книга вышла. Либретто — ответ на днях. 15-го июля лишают службы. Возможно, что я подпишу с «Мол<одой> гв<ардией>» договор на роман в 15 листов¹ по 150 р<ублей> за лист. Тогда служба не нужна.

Положение с войной напряженное.² Но это неважно.

То, что я напишу дальше, тебя удивит. Да, я накануне лучшей жизни. Литературные дела идут на подъем. Меня хвалят всюду. Был в «Новом мире» — блестящая оценка. Либретто — тоже. «Епиф<анские> шлюзы» — также.³

Зачем я это пишу? Вот зачем. Оказалось, что это мне не нужно. Что-то круто и болезненно во мне изменилось, как ты уехала. Тоска совсем нестерпимая, действительно предсмертная. Все как-то потухло и затмилось. Страсть к смерти обуряла меня до радости. Я решил окончательно рассчитаться с жизнью. Я все обдумал. Тотик и ты? Но ведь ты же в пять минут при желании найдешь себе мужа, попечителя, друга — и полюбишь его. Ты не пострадаешь ничуть, оттого что я погибну. Выйдет наоборот. Счастью со мной не бывать. Я болен и неустойчив. А с другим — счастье возможно.

Всюду одно растление и разврат. Пол, литература (душевное разложение), общество, вся история, мрак будущего, внутренняя тревога — все, все, везде, вся земля томится, трепещет и мучается. Самое тело мое есть орган страдания. Я не могу писать — ну кому это нужно, милая Маша? Что за утешение, дорогой единственный мой друг!

Нежный мой далекий неповторимый цветок. Существо, в котором светилась вся моя надежда!

Грусть моя, мое единственное вдохновение, ты была у начала моей жизни, мой конец совпадает с воспоминанием о тебе. Пучина бессознательного тушит во мне контроль сознания. Как страшен и радостен миг полного освобождения, забвения в прахе немого вещества.

Молятся о плавающих, путешествующих, страдающих. Никто не молится за умирающих, за мертвых.⁴

Помолись о мне, моя любимая,

Мне не перенести ни жизни, ни любви.⁵

И это так тянет — сильнее всего, сильнее самого сильного — твоего тела.

Я сделаю все, чтобы было удобно тебе. Воскресенье я лежал, думал о тебе. Как хорошо, еще бы и в последний раз хоть увидеть тебя. Никого нет совершен-

но у меня. Ненависть к себе у меня предельная. Я бы изорвал свое тело — и я изорву его.

Что хочешь сделаю для тебя в эти дни. Приеду на день на два в Крым. Еще что-нибудь. Что хочешь. Деньги все переведу тебе. Я их только и жду. Но я же не нужен тебе. Твоя горькая правда поможет мне.

Не утешай, не обманывай, а толкни меня — мне будет легче.

Пиши мне свое последнее письмо. Буду ждать и считать версты поезда. Буду помнить. Унесу тебя в себе навсегда, даже в мертвом теле своем запечатаю твой образ. Касаясь камня, я обниму тебя. Я навсегда оценю тебя так, как не сумел оценить при жизни, боля и мучаясь ненужными вещами.

Живи, мой лунный свет и моя великая ночь.

Напиши мне быстрое письмо.

Твой Андрей

Напиши мне всю свою жизнь, но так как надо — правдиво и беспощадно.

Я тоже напишу. И тогда кончено.

Скажи, кто ты? Познакомимся и обрuchимся искренно и без всякой пользы. Это наша свадьба. Как жаль, что ее не было.

Я плачу о тебе, моя далекая подруга. Я стал пошлым и глупым.

PS. Ставить «Песчаную учительницу» будет лучший режиссер — наверно, Пудовкин⁶. Я видел заключение Правления Совкино⁷. В понедельник буду с ним говорить. Возможно, что удастся устроить тебя. Тогда и я поеду техническим консультантом. Снимать картину будут в Калмыцкой степи в августе и сентябре. Тогда все сообщу.

Я бы считал, что тебе лучше сыграть Гюлизар⁸: у тебя тонкое острое лицо.

Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 9, л. 8–10 об.

¹ Не исключено, что именно в эти месяцы Платонов готовит заявку на роман «Зреющая звезда» (образ «зреющей звезды» появляется 9 июля в дарственной надписи на книге «Епифанские шлюзы», см. выше прим. к письму № 3); текст заявки хранится в фонде Платонова РО ИРЛИ (опубл.: Творчество, 1995. С. 241–243).

² Пик ожидания войны в 1927-м приходится на лето, что связано с дальнейшим ухудшением дипломатических отношений с Европой: 7 июня — убийство русским эмигрантом Б. Ковердой в Варшаве советского полпреда в Польше П. Л. Войкова; 15 июня принимается новое «Положение об охране Государственной границы СССР»; 22 августа — казнь революционеров-анархистов Сакко и Ванцетти в Америке; доклад Н. Бухарина на пленуме Московского комитета ВКП(б) о международном положении; создается фонд «Наш ответ Чемберлену», постоянно сообщается о взносах в фонд организаций и граждан; 10 июля начинается «Неделя обороны»; выходит однодневная газета Федерации советских писателей «Против угрозы войны», на страницах которой выступают писатели, ученые, и т. п. (информация дается по газете «Известия», 18 июня — 30 августа 1927 г.).

³ В 1927 г. публикаций Платонова в «Новом мире» не было. 14 июня Платонов отправил в журнал повесть «Сокровенный человек» с письмом Н. Замошкину, ответственному секретарю журнала и известному критику (см.: Волга. 1989. № 8. С. 163). Ко времени настоящего письма Платонову уже было известно решение «Нового мира» не печатать «Сокровенного

человека», и он просит Замошкина в письме от 12 июля напечатать фрагмент повести (см.: Там же. С. 163). Полученная Платоновым в эти дни открытка Замошкина не сохранилась. Июльские отзывы на либретто «Песчаная учительница» и книгу «Епифанские шлюзы» неизвестны (первый отзыв на книгу появится в июльско-августовском номере журнала «Книга и профсоюзы»).

⁴ Поминование усопших — один из основных элементов православного богослужения, о чем Платонов хорошо знал. В данном высказывании, символизирующем состояние смертной ночи, одержимости тьмой, речь идет о самоубийстве, смертном грехе, осуждаемом церковью. Самоубийцы в церкви не поминаются и не отпеваются.

⁵ Очевидно, строки Платонова.

⁶ Пудовкин Всеволод Илларионович (1893–1953) — известный советский кинорежиссер («Мать», 1926; «Конец Санкт-Петербурга», 1927) и теоретик кино («Кинорежиссер и киноматериал», 1926; «Как писать сценарий», 1926; «Киносценарий», 1927). На сегодняшний день документами о постановке «Песчаной учительницы» в 1927–1928 гг. и участии в работе над фильмом В. Пудовкина мы не располагаем.

⁷ Данный документ не выявлен. В фонде Платонова сохранилось более раннее заключение о «Песчаной учительнице», написанное кинорежиссером В. Туркиным; датировано 15 мая 1927 г. (оп. 4, ед. хр. 60).

⁸ Голлизар — героиня сценария «Песчаная учительница».

5

14 июля 1927 г. Москва

Маша!

Получил два твоих письма. В воскресенье в Крыму был шторм.¹ Я беспокоился и послал тебе телеграмму с оплаченным ответом, но пока нет от тебя ответа.

Мое письмо к тебе было простое, а не противоречивое. Я очень далек от зависти, обиды, которую кто-то будто бы мне нанес здесь и т. д. Это все неверно. Хвалят меня не по кабакам, а в таких местах, как Совкино. Председатель Шведчиков² прочитал мою книгу (ему дал ее Бляхин³) и говорил со мной.

Затем хорошо отзываются сценаристы (Берроуз и Пушас⁴ — ты их не знаешь). Воронский, «Нов<ый> мир», писательская орда из «Мол<одой> гвардии» и т. д.⁵ В кино мне говорят, что я смогу стать большим сценаристом и, как только приедет из Л<енин>града Эйзенштейн⁶, то меня познакомят с ним. Воронский назвал вещь первым образцом беспримесной пролетарской литературы. — Никакого комханжества⁷ и комлакейства нет, вещь очень резкая, твердая и даже несколько излишне спрессована, — сказал он. К сожалению, он власть потерял. Завтра — <в> пятницу — иду к нему в «Круг»⁸. Вчера подписал договор с «Мол<одой> гв<ардией>» на 900 р<ублей>⁹: во вторник что-нибудь получу.

Во вторник же выезжаю к тебе с поездом в 8 ч<асов> 25 <минут> вечера. Наверно, в четверг тебя увижу. Я буду рад и счастлив, если ты встретишь меня в Симферополе.

Милая моя, зачем ты меня не хочешь понять? Я не под настроением пишу тебе письма, и в них нет загадок. Мое отчаяние в жизни имеет прочные, а не временные причины. Есть в жизни живущие и есть обреченные. Я обреченный. Кто меня мог так обидеть? Маша, мне нужна ты, а не женщина вообще. И если тело, то тоже твое — <...> я, наверно, очень сжился с тобой в половом отношении.

Но это все же второстепенное — по сравнению с тем, что я без тебя никак не могу писать — теряю вдохновение, выражаясь вульгарно. Да, ты права, что надо писать для себя. Халтурить я совсем не могу. Но мое горе и мое счастье в том, что я пишу для себя и для тебя. И потом, писать могу, когда ты рядом живешь. Душа должна быть верна себе и спокойна, а в такой тревоге, в какой я живу без тебя, она бесплодна.

Ты говоришь, где меня хвалят. Муся, ведь это чепуха. Хотя мне говорил Молотов, очень скупой на похвалы ко мне человек (в педагогических целях), что над «Епиф<анскими> шлюзами» плачут. Это глупость, конечно.

Сейчас только звонили из Совкино (отрывали от письма), чтобы завтра я зашел поговорить о сценарии из жизни сектантов.¹⁰ Дадут денег вперед — буду работать, а иначе откажусь.

Ты удивлена, почему меня отовсюду «гонят». Мария, у нас в Центросоюзе сокращают сразу 300–400 чел<овек>, я попадаю не потому, что я персонально плох, а что сокращают целиком тот отдел, где я нахожусь.¹¹ Да ты не бойся, вшинка моя! Я и сам не хочу служить. Я никогда не служил в канцеляриях — это так тяготит меня. Дело такое поганое и ненужное и т. д. Я служить вообще не буду. С «Мол<одой> гвард<ией>», вероятно, подпишу договор на роман в 15 лист<ов>.¹²

1000 р<ублей> получу в июле и августе. Остальные 1300 р<ублей> в октябре. Затем 450 р<ублей> по «Сокр<овенному> чел<овеку>» в сентябре. Разве так необходимо и выгодно служить.

Может, с Совкино что выйдет. Разумно ли сидеть по 6–7 ч<асов> в день за 150 р<ублей> в м<еся>ц?

На роман дал план. Он понравился.

Меня больно уязвило то место в первом письме, где ты говоришь о Пироговой¹³. Неужели, если я правильно понимаю, ты заплакала, что твоя подруга — жена богатого начальника верфи? А ты, дескать, жена босяка. Милая, «начальник верфи»¹⁴ — это должность, а не достоинство человека. Это всего-навсего — служба. И я бы мог быть не меньшим. Неужели женой поэта быть так низко, что стоит завидовать жене бюрократа. Наверно, тут дело в другом — твоя старая, неизвестная мне, любовь оказалась.

Вчера послали с Валентиной тебе костюм.

Гюлизар я сам придумал (кто мне мог советовать?) Мне казалось, что ты в этой роли будешь лучше. А роль Гюлизар¹⁵ теперь большая. Но пока ничего еще нет — с Совкино, я тебе писал, затяжка. Приеду — расскажу. и т. д.

Вырезок еще нет¹⁶ — литературная Москва отдыхает. В августе начнут съезжаться — вот тогда. Да это неважно.

В четверг я буду целовать тебя в Симферополе!

Приедем в Москву — снимем на август дачу. Как мне легко, когда я пишу тебе письмо. Ты как атмосфера для моего душевного дыхания — уехала, и мне нечем дышать.

Изменишь мне, оставишь меня — все будет кончено, и я не встану тогда.

Мне скучно без тебя в Москве, как в Тамбове. Я не знаю, куда девать себя. Хожу купаться в купальню, сижу в нашем скверике на Театральной¹⁷ — но всюду — скучно.

Какие мото-вело-гонки?¹⁸ Ни разу не был. Еще странно: почему ты до 9-го не получала писем? Я тебе их написал штук 8! А ты мне не хотела долго писать. Зачем это разрушение человека?

Маша, если правда, что ты сможешь полюбить меня, когда я стану лучшим, то я благодарен и за то. Но ты говоришь, ты жалеешь, что я не нужен тебе буду, когда надорвусь. Тогда «дряхлость будет верностью». Ты жалеешь, что тратишь молодость на перевоспитание такого хулигана. Я постараюсь, чтобы ускорить это дело и доставить тебе быстрое счастье, сколько оно зависит от меня. Но не надо жалеть меня, хотя я люблю твою теплоту. Сопьюсь, окоченею и выброшусь с четвертого или шестого (обязательно четного: иначе не умрешь) этажа. Это будет несомненно. Надо ждать удачного часа и копить в себе горе. Как хороши слова «вечная память» и навсегда уставшее сердце.

Вчера я нечаянно задремал с книгой в 7 вечера. И сквозь сон слышу на улице слепого гармониста. Он играл что-то похоронное, но очень хорошее. Я давно не слышал никакой музыки.

Скажи Тотке, что опустел без него наш бедный дворик и в убыток торгуют ларьки — нет главного покупателя. Я буду рад, если ты зажмуришься и будешь только здороветь. Не волнуйся там, Маша, — тебя предадут твои ухажоры, а Тотка пойдет беспризорным. Я не зарегистрирован с тобой, но я тебе муж, а Тотке — отец. Подожди меня — пройдет несколько дней и я буду сжимать тебя в своих объятиях.

Если бы знала меня настоящего — ты бы была довольна.

Скоро буду. Поговорим и отдохнем немного. Привезу лучшую книжку — я ее выбрал в типографии для тебя.

Этой осенью выйдут у меня еще 3 книжки, а с «Епиф<анскими> шлюзами» — 4.

Целую твои соленые губы и ласкаю милую грудь.

Обними Тотика — и прощай до близкого хорошего дня.

Твой Андрей. 14/VII.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 9, л. 11–14 об.

¹ 11 июля по Крыму прошел ураган и сильная гроза, были повреждены телеграфные и телефонные провода, снесены крыши домов, ливень сопровождался крупным градом (см.: Стихийные бедствия // Известия. 1927. 12 июля. С. 2).

² *Шведчиков* Константин Матвеевич (1884–1952) — старый большевик, с 1924 г. член коллегии Наркомвнешторга и председатель правления «Совкино».

³ *Бляхин* Павел Андреевич (1887–1961) — член правления и руководитель Художественного отдела «Совкино», член правления изд-ва «Молодая гвардия», прозаик и сценарист (киноповесть «Красные дьяволята», 1925; сценарии «Большевик Мамед», 1925; «Во имя бога», 1925; «26 бакинских комиссаров», 1926; «Иуда», 1927).

⁴ *Берроуз* и *Пушас* — таких имен нет среди советских сценаристов 1927 г. Очевидно, мистификация Платонова. *Берроуз* Эдгар Райс (1875–1950) — американский писатель, создатель знаменитого Тарзана, героя серии экзотико-приключенческих романов, очень популярных во всем мире, в том числе — в России. В 1922–1924 гг. переведены на русский и вышли романы Берроуза «Тарзан — приемыш обезьяны», «Возвращение Тарзана», «Тарзан и его звери», «Сын Тарзана» и др. О Берроузе-сценаристе Платонов мог знать от Шкловского, посвятившего феномену Тарзана статью 1924 г.: «В книжных магазинах сообщали,

что заказы идут из мест Сибири, настолько глухих, что о них не было слышно двадцать лет. Никогда, вероятно, со времен молодого Горького, страна не переживала такого массового увлечения литературной повестью»; «Я встретился с Тарзаном в первый раз в Берлине в кинематографе. Шла лента “Тарзан”. Народу было очень много, роман был известен всем» (Тарзан // Русский современник. 1924. № 3. С. 252–253. Подпись: *В. Ш.*). *Пушас* Иосиф (Осип) Исаакович (1908–1937) — сотрудник ленинградской кинофабрики «Совкино»; в 1927 г. опубликовал в «Новом Лефе» (№ 3) статью «О шаблоне и безграмотности», в 1928 г. — там же статью «Не заболванивайте ребят» (№ 4). Сведения о Пушасе сообщены А. Галушкиным.

⁵ *Воронский* Александр Константинович (1884–1937) — ведущий критик 1920-х гг., редактор журнала «Красная новь» и издательства «Круг». В июне 1927 г. Платонов предлагал для публикации в журн. «Новый мир» — повесть «Сокровенный человек» (письмо редактору отдела прозы Н. Замоскину от 14 июня 1927 г.); в 1928 г. в журнале печатаются фрагменты романа «Чевенгур», см. также положительный отзыв Н. Замоскина на повесть «Сокровенный человек» (Новый мир. 1928. № 3). О «Молодой гвардии» см. ниже.

⁶ *Эйзенштейн* Сергей Михайлович (1898–1948) — кинорежиссер («Стачка», 1925; «Броненосец Потемкин», 1925; «Октябрь», 1927 и др.). В это время в Ленинграде шли съемки фильма «Октябрь», о чем постоянно писали центральные газеты. Не известно, состоялась ли летом 1927 г. встреча Платонова с Эйзенштейном; в рассказе Платонова «Надлежащие мероприятия» появляется образ автора «Октября»: «режиссер туманных картин т. Эйзенштейн» (см. с. 35, 37–38 наст. издания).

⁷ Комханжество — коммунистическое ханжество.

⁸ У А. Воронского (в «Красной нови») в это время находилась повесть «Сокровенный человек». Работа над повестью была завершена 24 мая; 18 июня датируется письмо Платонова Воронскому с просьбой прочитать рукопись повести и, если она подойдет, «напечатать в “Красной нови”» (оп. 3, ед. хр. 33, л. 1). Повесть не будет опубликована ни в «Новом мире», ни в «Красной нови», ни в «Круге», а выйдет в «Молодой гвардии» у Молотова, которому Платонов передал повесть 16 июня. Воронский (за поддержку троцкистской оппозиции) терял свои издательские позиции и летом 1927 г. фактически уже не вел журнал. Очевидно, Платонов встречался в июле с Воронским уже не в редакции «Красной нови». Пересказанные Платоновым устные высказывания Воронского корреспондируют с оценкой критиком повести «Сокровенный человек» в письме Горькому от 11 августа («честен в письме, хотя и неуклюж»). К повести «Сокровенный человек» относят и высказывание Воронского 1927 г. о рукописи «одного молодого писателя», который непременно «войдет в литературу», которую тот дал (не называя имени Платонова) на совещании в Отделе печати ЦК: «Рукопись высоко художественна, но в ней с гражданской войны сдирается кожа. Вещи представлены в намеренно оголенном виде. Такую повесть я считаю опасным помещать, несмотря на то что искушение было у меня сильное, потому что написана она с художественной точки зрения настоящим мастером» (*Динерштейн* Е. А. К. Воронский: в поисках живой воды. М., 2001. С. 200). Однако, данный весьма интересный материал нуждается в источниковедческой перепроверке, т. к. совещание в ЦК состоялось в марте 1927 г. (повесть «Сокровенный человек» еще не написана), текст же выступления впервые печатался в книге А. Воронского «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна» (1927, по «Книжной летописи» вышла в свет в октябре 1927 г.).

⁹ Текст договора неизвестен.

¹⁰ Результат переговоров неизвестен. Среди известных сценариев Платонова 1927–1928 гг. нет текста о сектантах.

¹¹ После XVIII сессии совета Центросоюза, посвященной обсуждению итогов работы потребкооперации за 1926 — первую половину 1927 г., началась реорганизация аппарата (Сессия совета Центросоюза // Известия. 1927. 22 июня. С. 3), вопрос о реорганизации Центросоюза слушается в правительстве (Известия. 1927. 3 июля) и Платонов попадает под сокращение.

¹² См. выше прим. 1 к письму № 4. Договор на роман неизвестен. Летом 1927 г. Платонов начинает работать над повестью «Строители страны», текст которой после его прочтения Литвиным-Молотовым, перерабатывается в роман «Чевенгур».

¹³ *Пирогова* — неустановленное лицо.

¹⁴ Здесь и далее в кавычках — цитаты из письма Марии Александровны.

¹⁵ О Гюлизар см. предыдущее письмо.

¹⁶ Имеются в виду отзывы на вышедшую книгу «Епифанские шлюзы». В 1927-м их было не так много, как ожидал Платонов; всего 3 рецензии — в журн. «Книга и профсоюзы» (№ 7–8; июль–авг.), «Смене» (№ 212, сент.) и ленинградской «Красной газете» (веч. выпуск, 12 окт.); републ. Е. Антоновой; см.: Страна философов, 2005. С. 527–531. Рецензентами дебютной книги прозы Платонова выступили мало известные в литературной среде люди.

¹⁷ Театральная площадь.

¹⁸ См. выше прим. 8 к письму № 2.

ПИСЬМА 1928–1931 гг.

Публикация Н. Корниенко

На сегодняшний день это один из самых недокументированных периодов жизни Платонова. Семья так и не имеет постоянного жилья в Москве. Меняются съемные адреса. В 1928 г. Платоновы живут в Москве в районе Покровского-Стрешнева (ул. Щукинская, дом 13), затем съезжают в Ленинград; после возвращения некоторое время живут у Б. Пильняка (район Ямского поля). В 1929 и 1930 гг. Платонов несколько раз выезжает в Ленинград в составе писательской бригады. Мария Александровна с сыном остается в Москве и живет в Покровском-Стрешневе, но по другому адресу: ул. Центральная, д. 40. Этот адрес фигурирует в разных документах 1930 г. Он же — на почтовых открытках двух публикуемых писем 1930 г. Первый постоянный московский адрес появляется в письмах 1931 г. Платонов получает квартиру в новом писательском доме по адресу: проезд Художественного театра, д. 2, кв. 14. Эта квартира будет обменена на комнаты в доме Герцена (Тверской бульвар, д. 25, кв. 27) к маю 1932 г. К сожалению, письма из Ленинграда и других командировок Платонова не дошли до нас. Также отсутствуют письма из командировки Платонова 1932 г. в Ленинград и на Свирьстрой от газеты «Известия». Это была месячная командировка, она начиналась 5 мая (см.: РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 15, л. 6) и вряд ли Платонов не писал писем домой (в подписанном Платоновым соглашении с «Известиями» впервые фигурирует адрес: Тверской бульвар, 25).

Раздел «Из писем в Ленинград, 1934 г.» в первой публикации писем (Волга, 1975. С. 172) составлен произвольно из различных разновременных текстов, не имеющих отношения ни

к письмам Платонова в Ленинград (когда там какое-то время в 1928 г. жила Мария Александровна с сыном), ни к письмам Платонова из Ленинграда 1929, 1930 и 1932 гг.

1

Лето 1928 года (?). Москва

Муся!

Если тебе там очень хорошо, то все-таки не советую там оставаться. Не писал тебе потому, что ты должна приехать и ни одно письмо тебя не застанет. Но вот прошла неделя, а тебя все нет. В Москве наступила жара, я хожу купаться, работать можно только вечерами, днем — ад на чердаке. «Кр<асная> новь» еще не вышла¹ (судьба меня жмет нарочно тогда, когда я ее уже не боюсь). Виделся со Шкловским² — все-таки чужой он мне человек.

С Горьким еще не встречался³: не охота афишировать себя, — особенно теперь, когда Малашкин⁴ и другие распускают про меня слухи (в «Кр<асной> нови» и др. местах), что я работал писателем еще до войны, что я «очень талантлив», но... и т. д. Следовательно, мне уже лет 40 и я в литературе старый прохвост. Мне сначала было очень тяжело. Оказывается, зло это большая сила. В воскресенье был Металлов⁵ и Келлер, просидели у меня до часу. Если я сейчас двинусь к Горькому (что он меня сам пригласил, то никто не помнит), то на меня насплетничают черт знает чего. А я Горького не особенно люблю, — он печатает плохие статьи⁶ (без тебя — последние) и т. д. Ты извини, что я пишу лишь об этом, но у меня нет сейчас других тем и событий. Малашкиных и прочих буду есть в открытую, т. к. не я, а они пошли на меня войной. Вечерами бывает очень хорошо, хожу за ВАИ⁷ — в поле. Об остальном не беспокойся — Новиков уехал в Самарскую губернию⁸ на 3 недели, одновременно с тобой, и пить пиво мне не с кем. Все-таки дважды я пил пиво; но в одиночку — у нас в Стрешневе⁹, в столовой. Что там делает Тотик: не изменился он к лучшему и не скучает ли по дому?

Приезжай немедленно и вези ребенка. Как-нибудь проживем и на чердаке. Теперь у Тотки, после двух картин¹⁰, будет маленький «капитал» на его воспитание.

Целую обоих чертенят.

Твой Андрей.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 10, л. 1–2 об.

Датируется условно летом 1928 г.

¹ В 6-м (июньском номере) в «Красной нови» печатается рассказ «Потомок рыбака» (с пометой «Из повести») — фрагмент романа «Чевенгур».

² Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) — прозаик, критик, сценарист, один из ведущих теоретиков кино. Платонов знаком с В. Шкловским с июня 1925 г., когда тот в качестве корреспондента газет «Правда» и «Гудок» посетил Воронеж и встречался с губернским мелиоратором «товарищем Платоновым», который прочищает реки и борется с наступлением пустыни (Шкловский В. Третья фабрика. М., 1926. С. 129–130). Отношения писателей возобновляются после возвращения Платонова из Тамбова, в пору его работы над сценарием «Песчаная учительница» (о взаимоотношениях Платонова и Шкловского см.: Галушкин А.

К истории личных и творческих взаимоотношений А. П. Платонова и В. Б. Шкловского // Воспоминания. С. 172–183; комментарии Д. Московской к рассказу Платонова «Антисексус» — Сочинения, I (1). С. 558–559, 568–569). В библиотеке Платонова того времени находились следующие книги В. Шкловского, сохранившиеся в архиве писателя (оп. 5, ед. хр. 303–304, 306–308): «Тристрам Шенди» Стерна и теория романа» (Пг.: ОПОЯЗ, 1921); «Эпилог» (Пг.: ОПОЯЗ, 1922), «ZOO. Письма не о любви, или Третья Элоиза» (Л.: Атений, 1924), «Гамбургский счет» (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928), «Сентиментальное путешествие» (М.: Федерация, 1929). В фонде также находится книга А. П. Мюллера «Быт иностранных художников в России» (Л.: Academia, 1927), имеющая непосредственное отношение к общению Платонова и Шкловского этого времени. На титульном листе имеется подпись Шкловского с датой: «1927/V». Майская дата может свидетельствовать, что Платонов встречался со Шкловским сразу после возвращения из Тамбова и тот читал повесть «Епифанские шлюзы» еще в рукописи. Книга, несколько страниц которой посвящены историческому прототипу героя «Епифанских шлюзов» — Джону Перри, в некоем смысле является ненаписанной рецензией Шкловского на повесть «Епифанские шлюзы», в которой ее автор демонстративно отступил от исторического «факта», придумав не соответствующий исторической реальности трагический финал жизни героя (1927 г. проходит в ЛЕФе под знаком утверждения «теории факта» и борьбы с литературным пассажем). На титуле обложки книги сделана запись Платонова, корреспондирующая с содержанием публикуемого письма: «Эта книга подарена мне высокоуважаемым трагическим маэстро жизни и кинематографии В. Б. Шкловским, и при том даром и навеки. Привет изобретателю формализма — бюрократизма литературы! Алилуя и аминь. 1928/ год моей смерти / А. Платонов» (оп. 5, ед. хр. 255).

³ 28 мая 1928 г. А. М. Горький (1868–1936) возвращается из-за границы, где он находился с октября 1921 г., и активно включается в общественно-литературную жизнь: совершает поездки по стране, выступает с проектами новых изданий, встречается с советскими писателями, печатается в центральных газетах. Именно в период подготовки возвращения Горького в СССР директивно, специальным постановлением Советского правительства, в связи с празднованием 60-летия писателя (опубл. в «Правде», 30 марта), были определены заслуги Горького перед революцией и пролетариатом. Со статусом Горького как главного пролетарского писателя не согласились вожди РАППа и ЛЕФа (см.: *Шешуков С.* Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы 20-х годов. М., 1970. С. 217–224). Платонова Горький открыл еще в 1927 г. и постоянно упоминал его имя среди новых фигур «молодой русской литературы» (письма М. Горького 1927 г. Е. Д. Кусковой, С. Н. Сергееву-Ценскому, И. А. Груздеву, Д. А. Лутохину). Первая встреча Платонова с Горьким состоится через год, в 1929 г.

⁴ *Малашкин* Сергей Иванович (1888–1988) — поэт и прозаик, входил в Пролеткульт, затем в группы «Молодая гвардия», «Перевал», член РАПП. Платонов был знаком с Малашкиным, его имя он вспоминает в письме Н. Замошкину от 14 июня 1927 г.: «Обращаюсь потому, что когда-то мы познакомились с Вами на квартире С. Малашкина» (Волга. 1989. № 8. С. 163). Пик популярности Малашкина приходится на 1927–1928 гг. и связан с читательским успехом повести о любви комсомольцев «Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь» (опубликована в журн. «Молодая гвардия» в 1926 г.); повесть выдержала более 10 изданий, имела большой круг подражателей в среде комсомольских писателей, широко обсуждалась на страницах центральной печати. Через год подобные обвинения («старый писатель») последуют из пролетарского лагеря в адрес М. Шолохова. В фонде Платонова (оп. 5, ед. хр. 250) хранится книга стихов С. Малашкина «Мускулы» (1919), с постра-

ничными ироничными комментариями Платонова, возможно, сделанными именно в это время (см.: Корниенко, 1993. С. 80).

⁵ *Металлов* Яков Михайлович (1900–1976) — литературовед, журналист, переводчик с немецкого, земляк Платонова. Знаком с Платоновым с Воронежа начала 1920-х; один из активных участников воронежского Коммунистического союза журналистов и литературной жизни города; в 1924 «от журналистского клана» рекомендовал Платонова в партию (см.: *Ласунский О.* Житель родного города. С. 125–126, 213).

⁶ В июне—июле 1928 г. Горький печатает в центральных газетах («Правда» и «Известия») статьи, проникнутые духом беспощадной борьбы с русским и мировым мещанством, в которых развивает идеи глобального проекта создания «второй природы» — человека, культуры и страны. К явно «плохим» (Платонов) может быть отнесена статья Горького «О наших достижениях» (Известия. 1928. 1 июля); откровенная ироническая аллюзия на этот текст становится одной из сюжетообразующих в пьесе Платонова «Дураки на периферии» (сентябрь—октябрь 1928 г.).

⁷ ВАИ — Всероссийская ассоциация инженеров (ул. Ильинка, д. 6).

⁸ Скорее всего, речь идет о командировке; А. Новиков, как и Платонов, в это время сотрудничает с «Крестьянской радиогозетой».

⁹ С осени 1927 г. (после выселения из ЦДС) Платоновы снимают жилье в районе Покровского-Стрешнева (ул. Шукинская, д. 13).

¹⁰ Имеются в виду гонорары за фильмы, поставленные по его сценариям.

2

6 августа 1930 г. Село Средний Сентемир

6/VIII.

Колхоз им. Ленина,
в 7 верстах от Выры

Дорогие дети!

Еще не отправил вам вчерашние две открытки,— отправлю завтра, п<отому> ч<то> здесь нет нигде почтовых отделений. Завтра вечером уеду в Чердаклы. Весь сегодняшний день был среди трактористов на колхозной пахоте. Работа совершается героическая и скромная по форме. Был на лугах, смотрел, как колхоз убирает сено. Сейчас вечер, огромная луна восходит над степью... Очень многое приеду расскажу. Если б сюда Тотика, он был бы в восторге, он бы ездил на тракторе. Сегодня один жеребенок заблудился (отбился от матери) и жалобно метался между двумя пашущими тракторами: он видимо привык, что мать его пашет и подбегал к плугам. Пиши мне письмо на ст<анцию> Якушка Сам<аро>-Злат<оустовской> дороги,— только сегодня же отправь его, чтоб оно меня наверняка застало там. Полный адрес у тебя есть. Пиши о себе и о Тотике. Поскорее только, а то далека отсюда Москва. ТОТИКА и тебя целую. Буду писать теперь послезавтра — завтра не знаю, где проведу ночь, вероятно, на глухой станции Чердаклы, т. к. приеду туда среди ночи. Ваш Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 11, л. 1; почтовая открытка.

В августе 1930 г. Платонов едет в совхозы Средневолжского края от газеты «Социалистическое земледелие». Маршруты и материалы поездки по районам Уральской (Ульяновской) области (Выры — Чердаклы — Якушка — Мелекесс) отразила записная книжка (см.:

Записные книжки. С. 46–57, 333–337), очерки «За большевистского счетовода в колхозе», «По заволжским МТС» (Там же. С. 295–308) и рассказ «Первый Иван».

3

8 августа 1930 г. Станция Чердаклы

Чердаклы, 8/VIII.

Дорогие Муся и Тотик!

Сегодня ночью переехал через Волгу. В первый раз увидел я ее, и впечатление мое больше, чем я ожидал. Сейчас ночи лунные, и вся Волга была освещена лунной. По воде идет много пароходов, на высокой горе стоит весь в огнях Ульяновск. Но все же мне невесело, к тому же я сильно утомился. Все время езжу либо на подводах, либо в поезде и почти не спишь. Поезд здесь ходит всего раз в сутки. Ехать мне еще далеко: оказывается не 150 верст за Ульяновск, а 250. Чем я дальше от вас, тем у меня сильнее беспокойство за ушко¹ и за тебя. Отослала ли ты либретто²? Если нет, то поспеши. Скоро возвращусь. Тотка, жди меня! Живите с матерью дружно. Ваш старший Андрей.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 11, л. 2; почтовая открытка.

¹ Подробно о болезни сына см. в публикации Л. Суrowsкой «Семейная трагедия Андрея Платонова», с. 649–652 наст. издания.

² Скорее всего, речь идет о либретто киносценария «Машинист» (см.: *Корниенко Н.* Киносценарии в творческой истории «Котлована» // Котлован. С. 323–363).

4

9 августа 1930 г. Мелекесс

Дорогая Муся и Тотик!

Я в Мелекессе, в маленьком заволжском городке. Сегодня ночью поеду еще дальше — в Погрузную, в свой крайний пункт. Здесь очень жарко, ветер и пыль. Сегодня обедал в Доме крестьянина и ночевал в нем же. Здесь всюду миллионы мух, и в полях летают слепни, которые кусают сквозь чулок. Почти не приходится спать: поезд идет ночью; вчера я приехал в 2 ч<аса> ночи и сегодня еду тоже в 2 ч<аса> н<очи> (с тем же поездом). Днем занят разговорами, ездой на телеге по ближним колхозам, ночью же сижу на вокзалах и в поезде. Тотик, наверно, без меня много делов натворил — приеду так спрошу с него отчет. Целую обоих. Андрей
Мелекесс, 9/VIII 30. Средневожский край.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 11, л. 3; почтовая открытка.

5

10 июня 1931 г. Москва

Москва. 10 июня

Дорогая Муся и Тотик!

Письмо твое воздушной почтой получил в 4 часа дня сего дня. Послано оно,

судя по Сочинскому штемпелю, 7-го. Значит, письмо шло почти 3 дня, т. е., наверно, поездом, а не самолетом, хотя и послано возд<ушной> почт<ой>.

Изложу все дело. Телеграмму получил. Устроил дебош в Литфонде¹. Литфонд связался с ЦК профсоюза. ЦК сказал следующее: «Того, кого послал Литфонд (ребенка), те не виноваты. Виновата Лечкомиссия (этот дурень Беляев)² и Литфонд. Виновных надо отдать под суд» и т. д. Дело шло весь день. Литфонд, желая все же вывернуться, послал две телеграммы: одну тебе, другую Мих. Алексееву³ (валету с бородой — он в Сочи). Я тебе тоже послал телеграмму. Все это ты уже получила и знаешь, в чем дело. Телеграммы эти лишь косвенно могут воздействовать на этих гадов, мучающих тебя с ребенком, а не прямо. Я это, конечно, понимал и вдавился к Аболину⁴. Но тот напустил важность и категорически отказался помочь: дело, мол, маленькое, ему неудобно вмешиваться в распорядки домов отдыха и т. д. и т. п. Я отказался от его помощи, видя что ее быть не может. Содействие Георгия Захаров<ича>⁵ нисколько не помогло.

Кругом виноваты Литфонд и Лечкомиссия. Они выдали путевку ребенку и на путевке даже написали: «8 лет». Жми на этого Мих. Алексеева. Другого выхода я прямо не знаю. Другой выход — возвращение, но это из-за Тотки, из-за перенесенных мучений нежелательно.

Другой выход есть в том, чтобы снять комнату в колхозе, если уж в Доме отдыха жить никак нельзя, если в нем над тобой и Т<откой> издеваются, — снять комнату в колхозе за 50 р. и ночевать в ней с мальчиком, а столоваться и проводить время дня в Доме отдыха. Я не знаю, как это удобно, мне ведь трудно отсюда представить. Но если это абсолютно невозможно, невыгодно и т. д., то возвращайся. Если же жить так, поправляя ребенка и себя, все же можно, то следует остаться. Вот как я думаю. Если в Доме отдыха будут травить, придираются, то лучше переехать на частную комнату сразу, чтобы не трепать нервов. Вообще — считай это пустяками и не волнуйся, хотя я представляю, что это за пустяки!

Подумай над моими соображениями и ответь письмом или телеграммой — как ты поступила или думаешь поступить.

Деньги, что у тебя есть, можешь потратить все.

На обратную дорогу я тебе переведу.

Теперь о своем приезде. Сказать ничего не могу сегодня. В день твоего отъезда я узнал, что меня будут сильно критиковать за «Впрок».⁶ Сегодня уже есть подвал в «Лит<ературной> газете» против «Впрока».⁷ Наверно, будет дальнейшая суровая критика. Перемучившись, обдумав все (думать над коренным изменением своей литературн<ой> деятельности — я начал еще с осени; ты знаешь про это), — я решил отказаться, отречься от своего литературного прошлого и начать новую жизнь.⁸ Об этом я напишу в газеты «Правда» и «Лит<ературная> газ<ета>», — пришлю тебе напечатанное письмо.⁹ Когда увидимся, я тебе все объясню и ты поймешь, что это высшее мужество с моей стороны. Другого выхода нет. Другой выход — гибель.

В результате всего для меня настали труднейшие времена. Так тяжело мне никогда не было. При том я совершенно одинок. Все друзья — липа, им я не нужен теперь.

Уехать я хочу страстно, но нужно достать деньги. С краеведами¹⁰ еще ничего не вышло. Все обещают на днях, а дни идут. Ты, Муся, мужайся там. Мне придется здесь напрягаться до отказа, до болезни, но я выдержу все.

Если тебе и Тотке там худо, то возвращайтесь. Будем как-нибудь жить здесь. Обдумай все спокойно.

Я постараюсь приехать немедленно же, как только заработаю деньги, но если ты решишь вернуться, то, конечно, я не поеду,— деньги будут целей.

Отвечай мне подробным письмом, как живешь. Я буду писать часто. Завтра пошлю еще письмо.

Часто ночую у Вали, на даче, п<отому> ч<то> дома заедает тоска, особенно в моем состоянии.

Твоя мать¹ прислала тебе документы, какие ты просила. Других новостей нет.

Сильно скучаю по вас, с вами было бы мне легче перенести свой крест.

Пусть Тотик пишет открытки, какие обещал — каждый день, а через день — обязательно.

Крепко обнимаю обоих.

Андрей

10 /VI. 7 час. вечера.

Посылаю воздушной почтой.

Не волнуйся ни о чем, и отдыхай.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 12, л. 1–2 об.

На сохранившемся конверте указан адрес отправления: Сочи, Дом отдыха «Работник печати».

¹ *Литфонд* — Литературный фонд, профсоюзная писательская организация, создан в 1927 г. Средства фонда формировались из отчислений писателей, объединенного госиздательства и дотаций Наркомпроса. Литфонд располагался в Доме Герцена (Тверской бульвар, д. 25).

² *Лечкомиссия* — лечебная комиссия Литфонда; *Беляев* — неустановленное лицо.

³ *Алексеев* Михаил Алексеевич — председатель Литфонда РСФСР.

⁴ *Аболин* — неустановленное лицо.

⁵ *Георгий Захарович* — Литвин-Молотов.

⁶ Судя по письму, Мария Александровна уехала из Москвы 4–5 июня. 4 июня пленум МАПП принимает резолюцию по публикации повести «Впрок»; повесть аттестуется как «активизация враждебных элементов на литературном участке идеологического фронта» (На литературном посту. 1931. № 22. С. 2. Редакционная статья). Истребительная критика, обрушившаяся на Платонова летом 1931 г., осуществлялась по прямому указанию главы государства И. Сталина. Записка Сталина в редакцию журнала «Красная новь», опубликовавшего «Впрок», датируется маем 1931 г.:

«К сведению редакции “Красная новь”.

Рассказ агента наших врагов, написанный с целью развенчания колхозного движения и опубликованный головоотяпами-коммунистами с целью продемонстрировать свою непревзойденную слепоту.

И. Сталин.

P.S. Надо бы наказать и автора и головоотяпов так, чтобы наказание пошло им “впрок”» (Власть и художественная интеллигенция. Документы. 1917–1953. М., 1999. С. 150).

8 июня датировано письмо Платонова Сталину (опubl. по машинописи Архива А. М. Горького ИМЛИ: Новая газета. 1999. 1–7 марта. С. 21).

⁷ 10 июня «Литературная газета» опубликовала большую статью одного из ведущих пролетарских критиков А. Селивановского «В чем “сомневается” Андрей Платонов». Проведя социологический анализ фигуры «душевного бедняка» и основных крамольных эпизодов повести, Селивановский (вслед за статьей Л. Авербаха о рассказе «Усомнившийся Макара» — «Об общих масштабах и частных Макарах», 1929) так резюмировал смысл творческого пути Платонова-прозаика: «Платонов есть “анархистствующий обыватель”, все более отчетливо превращающийся на деле в литературного подкулачника. Юродствуя и кривляясь, он дал себе правильную характеристику. Путь от “ЧЧО” и “Усомнившегося Макара” к “Бедняцкой повести” завершен. Этот путь является одновременно и путем творческого вырождения Платонова: убогое, утомительное, повторяющее себя юродство — таков стиль произведения, именуемого “Впрок”». Статья завершалась осуждением редакции опубликовавшего повесть журнала и почти ультимативным требованием: «Редакция “Красной нови” совершила грубейшую ошибку. Будем ждать ее исправления» (Литературная газета. 1931. 10 июня. С. 3).

⁸ Письмо с отречением «от всей своей прошлой литературно-художественной деятельности, выраженной как в напечатанных произведениях, так и в ненапечатанных произведениях», уже было написано; датируется в автографе и машинописи 9 июня (черновой автограф и одна машинопись хранятся в фонде Платонова: оп. 4, ед. хр. 2, л. 1–3). С автографа было сделано 4 машинописных копии (помета в левом углу для машинистки, л. 1); две из них отправлены — в газ. «Правда» и «Литературную газету». Исправления в автографе показывают, что первоначально планировался один адресат («Правда»), затем дописывается «Литературная газета». Платонов мог рассчитывать, что именно «Литературная газета», где в это время печатались покаянные письма писателей, опубликует его самокритику и отречение.

⁹ Письмо Платонова не было опубликовано в газетах. Впервые опубли.: *Перхин В.* Два письма Андрея Платонова // Русская литература. 1990. № 1.

¹⁰ Речь идет о поездке Платонова на юг от Общества краеведов, с которым он активно сотрудничал (поездка состоится в августе 1931 г., см. ниже прим. к письму № 7).

¹¹ Мать Марии Александровны — Мария Емельяновна Кашинцева — в это время жила в Ленинграде.

6

11 июня 1931 г. Москва

11/VI. 6 ч<асов> веч<ера>

Дорогая Муся, дорогой Тотик!

Как вы там устроились, я все время беспокоюсь, а вы пишете мало. Что же, Тотик, обещал мне присылать открытки, а сам не присылаешь ничего. Ишь ты, лодырь какой! Наверно, ржешь там как жеребчик, а я сиди тут и мучайся за тебя. Пиши мне каждый день обязательно. Муся, опиши мне всю обстановку, стол и проч<ее>. Мое положение пока без перемен.

Целую обоих.

Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 12, л. 4; почтовая открытка.

7

26 августа 1931 г. Около Пензы

Дорогая Муся и киноспец Тотик! Пишу вам в поезде где-то около Пензы, сильно трясет. Здесь хорошие места — мелкие леса, степи, колхозы. В вагоне я прочитал справочник. От Нижнего до Самары ехать на пароходе немного больше 2-х суток. Стоимость проезда на жестком парох<одном> месте тебя и Тотки (двоих) не более 30 р<ублей> (по справочн<ику> руб<ля> 22). Из Нижнего пароход (ускор<енный>) уходит в 11 ч<асов> 30 м<инут> утра, а поезда из Москвы приходят: скор<ый> № 8 в 9 ч<асов> 20 м<инут> утра (но он не кажд<ый> день, справься), почт<овый> № 76 (кажд<ый> день) в 8 ч<асов> 45 м<инут> утра, т<ак> что можно с поезда успеть на пароход. Билеты на пароход постарайся взять в Москве, если можно. В Самаре буду сегодня 26/VIII в 12 ночи. Привет. Напишу еще. Ваш Андрей

Запись на правом поле: Стоимость проезда М<осква>—Нижний вас обоих — 25—28 р<ублей>.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 13, л. 1; почтовая открытка.

Скорее всего, это не первое письмо Платонова из августовской командировки 1931 г. в совхозы Средней Волги и Северного Кавказа. Поездка осуществлялась в рамках договора о сотрудничестве между правлением Всероссийского союза советских писателей и Всесоюзным государственным объединением мясных советских хозяйств «Скотовод»; см. командировочное удостоверение Платонова, выполненное на бланке «Скотовода», в котором отмечается, что «тов. Платонов, занимающий должность члена О<бщест>ва Советских писателей-краеведов, командировается в Средневожский край по совхозам» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 16, л. 6). Командировка должна была начаться 15 августа, судя по отметке в командировочном удостоверении, Платонов выехал из Москвы 16 августа (см.: Там же).

8

27 августа 1931 г. Самара

Самара, 27/VIII

Дорогие Муся и Тотик!

Приехал в Самару. Сейчас 7 ч<асов> утра. Пишу на почте. Ходил на Волгу, — мне она не понравилась здесь. Дон под Воронежем лучше. Город тоже средний, хуже Воронежа. Пароходы, как я узнал, ходят не очень регулярно по расписанию. Обо всем этом я напишу потом, когда устроюсь оседло и узнаю подробней. На станциях ночью верещат сверчки, сейчас с утра уже жарко, крупные мухи жужжат над нечистотами, — встает в памяти почему-то детство, летние долгие дни, прошедшее утро жизни, прошедшее навсегда. Если возможно будет, вы приедете. Я сейчас не уверен, что здесь хорошо, что вы не намучаетесь с поездкой. Если же я выясню, что поездка будет трудна, мучительна (я напр<имер>, ехал мучительно), то ехать не стоит. Об этом напишу завтра. Сейчас напишу в ГИХЛ, попробую, чтобы тебе оттуда передали деньжонок¹.

Как там Тот?

Твой Андрей.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 13, л. 2; почтовая открытка.

¹ Письмо Платонова в ГИХЛ (Государственное издательство «Художественная литература») неизвестно. Судя по пометам в записной книжке 1931 г., 14 июня (т. е. сразу после начала кампании вокруг публикации «Впрок») Платонов встречался с председателем ГИХЛ В. Соловьевым (Записные книжки. С. 93). После истории с «Впрок» ГИХЛ расторгнул договора с Платоновым 1930 и 1931 гг. (номера договоров: 1693, 1917, 1970) на издание «Впрок», «Сокровенного человека» и «Дирижабля». См. об этом в соглашении с издательством 1933 г.: РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 15, л. 8.

9

27 августа 1931 г. Самара

<Отсутствует 1-я страница письма>

<...> уехать (Писал открытку потому, что нигде здесь и на почте нет конвертов, — сейчас, исписав открытку, достал у товарища из ОД радио¹). Вообще на пароходы здесь, как говорят, можно достать билеты с обеспечением только на палубу, а жесткие — трудно, мягкие — еще трудней. М<ожет > б<ыть>, от Нижнего будет легче, поскольку пароходы, кажется, начинают свои рейсы оттуда. Все это надо иметь в виду заранее, чтобы потом не было огорчений. А лучше всего узнать — нельзя ли пароходные билеты от Нижнего купить в Москве.

Завтра к вечеру я буду в совхозе. Завтра же постараюсь узнать — можно приехать тебе или нет, и сообщу телеграммой или спешным.

Меня уполномоченный «Скотовода» просил поехать в Орск (за Оренбургом)² — часов 20 езды на восток от Самары, в глушь южно-уральских степей, но я пока отложил это дело. Я устал, далеко, вам, если придется, надо ехать по ж.д. от Москвы 3-е суток, а Ставрополь — пристань на Волге и сам совхоз всего 7 килом<етров> от реки.

Значит, если я тебе сообщу, чтоб выезжала, тебе придется ехать:

- 1) Москва—Нижний по ж.д.
- 2) Нижний—Ставрополь на пароходе.

Ты не удивляйся, что я пишу тебе на разных листках, чернилами и карандашом³. У меня же нет нигде пристанища, все время на ногах, очень утомился. Вчера вечером проезжал место крушения товарного поезда — мучительное впечатление.

Самара мне окончательно не нравится. Завтра утром выеду, ночью в клубе ОДР — один в жуткой, громадной, гулкой комнате.

Работаю по командировкам. Для ОДР кое-что уже сделал. Сейчас отправляю корреспонденцию⁴, организовал ударную бригаду из двух корреспондентов.

Муся, завтра я буду в совхозе, — туда нет железной дороги, пароходы идут медленно, долго, — протелеграфируй кратко, как Тотка, итак, здоровы, мол, все благополучно или — наоборот. Я беспокоюсь. Вдалеке хуже, острее чувствуешь. Муся, если б ты знала, как тяжело живут люди, но единственное спасение — социализм, и наш путь — путь строительства, путь темпов, — правильный.

Мой адрес тебе известен. Завтра напишу или протелеграфирую.

Обнимаю тебя, целую Тотика.

Андрей

27/VIII, Самара, 5 ч<асов> вечера.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 13, л. 3–4 об.

¹ Од радио — Общество друзей радио, общественная организация.

² «Скотовод» — Всесоюзное государственное объединение, см. выше прим. к письму № 7. Платонов все-таки едет в Орск, о чем свидетельствуют записная книжка (см.: Записные книжки. С. 81–82, 352–353) и черновик записки о состоянии совхозов на Волге и Северном Кавказе (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1–4).

³ До этого предложения написано чернилами, далее — карандашом.

⁴ Материалы к корреспонденции о работе провинциальных ОДР см. в записной книжке (Записные книжки. С. 85–86); подготовленный и отправленный Платоновым текст неизвестен.

ПИСЬМА ИЗ ПОЕЗДКИ В ТУРКМЕНИЮ 1934, 1935 гг.

Публикация Е. Роженцевой

1

27 марта 1934 г. Рязань¹

2 ч<аса> дня 27/III.

Дорогие Муся и Тотик!

Я очень скучаю о вас,— до того, что, задремав, почувствовал, что у меня на плече повис Тотик и что-то мне говорит. Проснувшись, я чуть не заплакал. Все время меня тянет выйти из поезда и уехать обратно; но буду трудиться для вас. Судьба «Корни-Злосчастье»² вполне применима ко мне. Уже был зрителем двух небольших происшествий, но я останусь цел еще надолго и приеду к Тотику — играть в поддавки. В полях весна, течет вода, снегу мало, на Оке ледоход. Поезд уже идет с опозданием на 2 ч<аса>. Люблю вас, будьте здоровы и держитесь друг за друга. Ваш Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 14, л. 1.

¹ Все письма из Туркмении отправлены на адрес, по которому проживала семья писателя: Москва 9, Тверской бульвар, д. 25, кв. 27.

² Источник названия не установлен.

2

28 марта 1934 г. Самара

28/III. 3 ч<аса> дня.

Дорогая Муся и Тотик!

Я все еду. Переехали Волгу. Всюду большие и печальные степи; они покрыты еще снегом и освещены солнцем. Изредка видны татарские деревушки с башнями

мечетей. Ехать мне еще долго-долго. Только завтра к вечеру я увижу Азию и пустыню. Ехать мучительно, воздух в вагоне душный, на душе тоска по вас стоит, как свеча. Как-то вы там живете, все ли у вас тихо и хорошо. Пиши мне, Муся,— пусть будет у вас все благополучно. Береги нашего единственного храброго смельчака,— ведь на самом деле <он> еще жалкий и беззащитный. Целую вас обоих. Андрей

Возьми дом сторожить своего, верного человека.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 14, л. 2.

3

30 марта 1934 г. Станция Аральское море

30/III. ст<анция> Аральское море.

Дорогие Муся и Тотик!

Кругом пустыня, жарко, растет саксаул, верблюды с милыми мордами,— Тотик бы их сразу полюбил. И вот в жарких песках — море, рабочий поселок, мачты рыбачьих кораблей. Я смотрю жадно на все, незнакомое мне. Всю ночь светила луна над пустыней,— какое здесь одиночество, подчеркнутое ничтожными людьми в вагоне. На станциях продают рыбу киргизы и их дети,— много рыбы. Если бы ты видела эту великую скудость пустыни. Мне нравятся люди на станциях — киргизы. Изредка видны глиняные жилища вдалеке с неподвижным верблюдом. Я никогда не понял бы пустыни, если бы не увидел ее,— книг таких нет. Завтра вечером я в Ташкенте и еду дальше. Будьте здоровы, помните обо мне.

PS. Слушается ли тебя Тотик? Будьте здоровы.

Целую обоих. Андрей

Впервые: Волга, 1975. С. 168; фрагмент.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 14, л. 3.

4

1 апреля 1934 г. Ташкент—Самарканд

1 апреля, утро.

Дорогая Муся, дорогой сын Тотик!

Шесть суток я еду и приеду в Ашхабад только завтра к вечеру. Вчера в Ташкенте пересел на другой поезд — до Ашхабада. Сейчас подъезжаю к Самарканду (см. на карте). Здесь выпал снег, но встало солнце и снега не будет. Много продают черепах (самая маленькая — 20 к<опеек>, большая 1 р<убль>). Вчера весь день были видны снеговые, ослепительные горы (Тау),— снег там лежит всегда. Видеть приходится слишком много — не только природу, и все — большого значения и интереса. Тотик! Как ты живешь, милый мой? Я по тебе сильно скучаю здесь вдалеке. Живи с матерью как можно дружнее и как мы с тобой говорили. Целую и обнимаю тебя и маму.

Ваш Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 14, л. 4.

5

2 апреля 1934 г. Ашхабад

Ашхабад, 2/IV, 8 ч<асов> веч<ера>

Дорогие Муса и Тотик!

Сегодня в 4 ч<аса> дня я приехал в Ашхабад. На горизонте горы, покрытые снегом. Здесь лето теплое, играют дети за окном, и я вспоминаю своего Тотика. Мне дали номер в гостинице, где живут другие писатели; пока в номере я один, но вскоре ко мне вселят второго писателя, когда подъедут (вероятно, Тришина¹ или т. п.). Ашхабад несколько напоминает Сочи. Недавно в первый раз обедал — кормят так обильно, что стыдно есть. Но мне не нравится так праздно пребывать, и я что-нибудь придумую. Кроме того, и публика не по мне, — я люблю смотреть все один, тогда лучше вижу, точнее думаю. Правда, я в Ашхабаде всего 4–5 часов. Сильно мучает меня скука по тебе и по Тотикю, все время напрягаешься в борьбе с собственным сердцем. Одного лишь прошу — устрой все так, чтобы с тобой и Тотиком все было благополучно. Адрес мой ты знаешь. Отдохну — напишу подробней, — я ехал 6 ночей и 7 дней. Сейчас вечер, мы идем на заседание в Госплан Туркмении.

Целую вас. Андрей

Адрес: Ашхабад, ул. Свободы, 102, гост<иница> Горкомхоза, мне.

Впервые: Волга, 1975. С. 168; фрагмент.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 14, л. 5.

¹ *Тришин* Николай Никитович (1899–1968?) — прозаик, участник туркменской писательской бригады. Платонов знаком с Тришиным с середины 1920-х гг., когда печатался в редактуруемом им «Журнале крестьянской молодежи».

6

4 апреля 1934 г. Ашхабад

Вагон, 4/IV 34, вечер.

Здравствуйте елдаши (товарищи)!

Только 3 неполных дня я пробыл в Ашхабаде. Сейчас сижу в салон-вагоне председателя СНК Туркмении Атабаева¹. Я еду в Красноводск². Все остальные писатели остались в Ашхабаде, завтра, кажется, приезжает Санников³ и др., но я уже оторвался ото всех. Из Красноводска мы уедем далее на Нефтедаг⁴ (я не знаю, где это точно). В Красноводск приехал академик Губкин⁵; с ним состоится встреча на нефтяных промыслах. Из Нефтедага мы поедem еще куда-то, так что в Ашхабад я вернусь дней через 6. Красноводск на берегу Каспийского моря со стороны Азии, туда пресную воду привозят на пароходах из Баку. Все это интересно видеть, только я очень переутомился и поэтому плохо себя чувствую.

Купил несколько туркменских открыток — лучше не было; выучился несколькими словам по-туркменски. Ты моя хелей мухаббат! — любимая жена. Ты — моя курбаша! — жаба. А Тотик — мой хелей балала, жигит, т. е. любимый ребенок, юноша. Моя шан, дирэк (душа и сердце) тоскуют по вас.

Это я уже второе письмо пишу вам сегодня. Не знаю, где его сумею отправить. Сильное беспокойство охватывает меня за вас. Ведь я очень далеко. Еще позавчера отправил тебе телеграмму, а ответа нет. Неужели не дошла? Вернусь — отправлю срочную.

Ну, хошлашма (прощай), моя хелей, мой балала!

Андрей

Впервые: Волга, 1975. С. 168; фрагмент.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 14, л. 6–6 об.

¹ *Атабаев* Кайгисыз Сердарович (1887–1938) — председатель Совнаркома Туркменской ССР.

² Красноводск, Нефтедаг, аул Багир, затем Чарджуй, Репетек, Байрам-Али — в этих населенных пунктах побывал Платонов в Туркмении, пересек ее всю с востока на запад. Подробные комментарии к туркменским поездкам писателя см.: *Корниенко Н. В.* Примечания // Записные книжки. С. 364–387; *Антонова Е. В.* А. Платонов — инженер треста «Росметровес» // Страна философов, 2000. С. 791–792.

³ *Санников* Григорий Александрович (1899–1969) — поэт, руководитель Туркменской комиссии Союза писателей СССР.

⁴ *Нефтедаг* — город, построенный среди пустыни; центр нефтегазодобывающей промышленности. В 1946 г. преобразован в г. Небит-Даг.

⁵ *Губкин* Иван Михайлович (1871–1939) — геолог, один из основателей отечественной нефтяной геологии, академик АН СССР; возглавлял научные экспедиции по разработке природных богатств Туркмении.

7

5 апреля 1934 г. Красноводск

5/IV

Я в Красноводске. Вижу зеленое, взволнованное Каспийское море. На берегу жалкий город в песчано-глинистых горах. Завтра уеду отсюда обратно в Ашхабад.

Море совсем не похоже на Черное, оно более ядовитое, пена белей и яростней. Я пишу это, сидя на камне на берегу, и другой камень служит мне столом. На другом берегу — Кавказ.

Целую вас.

Андрей

Впервые: Волга, 1975. С. 168; фрагмент.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 14, л. 7.

8

10 апреля 1934 г. Ашхабад

Дорогой Тотик!

Открытку¹ я твою получил. Пиши мне еще поскорее, потому что я по тебе так сильно скучаю, что часто вижу тебя во сне.

Я тебе послал 50 руб<лей>,— дала тебе их мамаша или нет? Послал открытки из г. Красноводска (см. по карте, как он далеко) и еще посылаю 2 открытки.

Я ездил далеко в пустыню, где дует вечный песчаный ураган, где люди ходят всегда в особых очках. Я был без очков, и у меня глаза сильно разболелись. Видел страшную змею и фалангу.

В песчаной пустыне, где я был (пустыня называется Кара-Кум² — черный песок), в этой пустыне только ночью слабеет ветер, а днем нельзя выйти наружу. Дети, такие как ты, целый день сидят в юртах и глиняных домиках. Вот где скучно жить! Воды мало, она плохая, жарко, купаться негде.

Еще нескоро мы с тобой увидимся, мой дорогой мальчик. Веди себя смиренно без меня, не балуйся на дворе, чтоб тебя не обижали.

Ты напрасно пишешь, что я пьянствую с Костичкой³. Он живет в другой комнате. Я с ним не пил ни разу. Кроме того, я все ездил и живу в Ашхабаде всего 4 дня. Всего я пропил 15 руб<лей> за все время. А когда ездил в пустыню и ехал в вагоне правительства, там давали 3 раза в день вино бесплатно.

Здесь пить много стыдно и есть вкусно тоже нехорошо, потому что страна песчаная, бедная, людей объедать совестно.

Ну, в общем, до свиданья. Целую и обнимаю тебя. Слушайся мать. Передай ей привет от странствующего женишка.

Будь здоров.

Андрей

Пиши мне по адресу:

Ашхабад в Туркмении, гостиница бывшая Эрмитаж, Платонову,—
либо так:

Ашхабад, до востребования, А.П. Платонову,— я буду спрашивать.

Впервые: Волга, 1975. С. 169; фрагмент.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 14, л. 8—9.

¹ Открытка не сохранилась.

² Каракумы (от тюрк. кара — «черный» и кум — «пески») — обширная песчаная пустыня в Средней Азии (Туркменистан) площадью около 350 км.

³ *Костичка* — Большаков Константин Александрович (1895—1938), поэт и прозаик; участник туркменской писательской бригады. См. в записной книжке 1934 г.: «Большаков, что-то неизъяснимое, проклятое, четырех п-личное...» (Записные книжки. С. 140).

9

12 апреля 1934 г. Ашхабад

Ашхабад 12/IV

Дорогая Муся и милый Тотик!

Ваше письмо от 30/III я получил лишь сегодня. Сегодня же получена телеграмма, я на нее ответил телеграммой тоже¹. Два экземпляра пьесы² — в окончательной, обработанной мною редакции — находятся в секретариате Литовского³ (я сам их туда передал). Один экземпляр останется навсегда в Главреперткоме⁴, другой экземпляр должен быть передан Булгакову⁵ вместе с визой или письмом, разрешающим печатание пьесы. Булгаков отлично в курсе дела, так что твоя теле-

грамма не совсем для меня ясна. Какие новые экземпляры пьесы? Есть только два таких экземпляра, проверенных, отредактированных мною и переданных в Главрепертком. Оттуда, из Главреперткома, один экземпляр должен взять Булгаков для набора. Вот все.

Тотика поздравляю и целую, что он перешел в 4-ю группу. Что он хоть как-нибудь учится и неплохо ведет себя — это для меня лучшая радость.

Я не писал вам три дня, потому что как вернулся из Кара-Кумов, так пролежал три дня, простудившись (я был на горячих ветрах в Нефтедаге — около Красноводска, затем попал в дожди, спал однажды в холоде). Теперь я оправился совершенно и абсолютно здоров.

Здесь — после двух, трех дней дождей — полное лето. Летают птицы и бабочки, темно-синее небо. Сегодня 32°. Теперь дождей не будет уже до декабря месяца. Ты спрашиваешь о быте здешних людей, особенно женщин. Я этого еще не изучил в такой степени, чтобы ответить полностью.

В чадрах здесь не ходят и не ходили никогда. В чадрах и паранджах ходят женщины в Узбекистане и в др<угих> азиатских странах. А в Туркмении — и раньше и теперь иногда — женщины носят только темные покрывала, закрывающие их подбородок и рот, а остальное лицо открыто.

Чтобы мужики прижимали баб, это что-то незаметно. М<ожет> б<ыть>, это было у баев (кулаков), имевших помногу жен, но баев давно раскулачили, многие из них сбежали в Персию и Афганистан. Кроме того, я видел женщин работниц на ковровых фабриках и на текстильной фабрике, так что мужьям трудно их «прижимать». Но в аулах я еще не жил, только был проездом, и не знаю, как там устроен быт.

Женщины есть на общественных постах и в правительстве (в Ашхабаде), так что радуйся. В этой части тут делается много. Предсовнаркома К. С. Атабаев (я с ним провел 4 дня в салон-вагоне) — туркмен и, кажется, брат того полпреда Атабаева⁶, который был у нас на вечеринке, — исключительно одаренный человек, с простым и обаятельным характером. Но только окружение его не то, которого он заслуживает. Здесь вообще, как нигде, нужны культурные, честные, мужественные люди. На людей здесь страшный голод, но зачастую сюда приезжают те, которые изгнаны отовсюду в России, «брак продукции».

Братья-писатели надоели друг другу ужасно⁷. К 15–16 числу все разъедутся. Бригада более чем наполовину состоит из барахла или из таких хлюстов как Коська или Козин-дурочок⁸.

Отношение ко мне постоянно имеет тот оттенок, о котором ты знаешь, но я не обращаю внимания. Я приехал ради серьезного дела, ради пустыни и Азии.

Ты написала, что я врал — был у Келлера и тебе не сказал. Неправда. Я был у Новикова, где видел Келлера, а у самого Келлера не был. Да и что за смысл про это врать. Ты опять слышала какой-то пустой звон.

Адреса «всему тресту»⁹ я также не давал. Сказал Ник<олаю> Мих<айловичу>¹⁰, что мне можно писать: Ашхабад — до востреб<ования>. Что тут за ложь, за преступление или событие? Ведь я тут совершенно один, мне дорого получить письмо. Ведь писатели, это — не друзья. Кроме того, я прожил с ними в общей сложности дня 4 или 5.

Новиковы родились не в рубашках, а просто подлецы. Я их и тут вижу целые кучи. Да еще какие! Люди из песка сливки делают.

Присылать мне, кроме писем и телеграмм, ничего не нужно. А я вам кое-что постараюсь выслать. Тришина до сих пор нет здесь. Жуликоватый парень оказался.

Береги крепче мальчика, не допускай его до опасности.

Вчера, кажется, была пасха¹¹. «Христос воскрес»! —

Вчера вечером мы посетили местного композитора Ант<она> Ал<ександровича> Эйхенвальда¹² и весь вечер слушали туркменскую, персидскую, китайскую, афганскую, узбекскую и татарскую музыку. Ты знаешь — это превосходно, настолько, что нельзя представить. Эйхенвальд собирает музыку 35 лет! Это не подделка, а натуральная народная музыка. Он водит знакомство с народными певцами (бахш¹³) и записывает.

Я принял меры, чтобы списать несколько песен (ноты) и прислать тебе. Ты придешь в восторг. Это не хуже, а м<ожет> б<ыть> и лучше, песен Шуберта¹³ и Грига¹⁴. Есть совершенно воздушные, невесомые мелодии, как будто воздух летит над пустыней.

Обязательно постараюсь стащить для тебя 2–3 вещи.

Уже 18 дней, как я уехал от вас¹⁵! И еще осталось мне быть в одиночестве много дней.

Целую тебя... Целую Тотика в лоб.

Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 14, л. 11–15.

¹ Письмо и телеграммы не сохранились.

² Речь идет о пьесе «Высокое напряжение». Накануне отъезда в Туркмению (26 марта 1934 г.) Платонов заключил договор на издание этой пьесы с Государственным издательством художественной литературы (в договоре отмечается, что пьеса представлена) (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 15, л. 9).

³ Литовский Осаф Семенович (1892–1971?) — драматург, критик, театровед.

⁴ Главрепертком — Комитет по контролю за зрелищами и репертуаром; создан 9 февраля 1923 г.

⁵ Булгаков Г. К. — заведующий сектором искусства театра и кино ГИХЛ.

⁶ Атабаев О. Г. — постпред СССР в Москве.

⁷ См. в записной книжке 1934 г.: «Бригада писателей — собрание несчастных (изредка жуликов)» (Записные книжки. С. 137).

⁸ Козин Владимир Романович (1898–1967) — прозаик; участник туркменской писательской бригады.

⁹ В тресте «Росметровес», в котором Платонов работал с 1932 г.

¹⁰ Николай Михайлович — вероятно, Тарасов, инженер треста «Росметровес».

¹¹ Пасха в 1934 г. приходится на 8 апреля.

¹² Эйхенвальд Антон Александрович (1875–1952) — композитор, дирижер, режиссер, педагог, фольклорист. С 1928 г. работал дирижером и педагогом во многих городах СССР.

¹³ Шуберт Франц Петер (1797–1828) — австрийский композитор, один из крупнейших представителей венской классической музыкальной школы.

¹⁴ Григ Эдвард Хагеруп (1843–1907) — норвежский композитор, пианист, дирижер.

¹⁵ Вероятно, Платонов дописывал письмо 13-го апреля.

15 апреля 1934 г. Ашхабад

Дорогая Муся, дорогой Тотик!

Завтра, 16-го, я уезжаю на 10 дней в Центральные Кара-Кумы. Вернусь в Ашхабад дней через 10–11.

Сегодня перевел тебе ко дню рождения 400 р<ублей>¹ (раньше перевел 500 р<ублей>). Получила ли ты все 900 р<ублей>?

Еду я в пустыню один с автомобилем-грузовиком, который везет рабочих на серные рудники где-то в Дарвазе. Путь будет идти по пескам, по линии колодцев (через каждые 50–70 <километров> колодезь: яма с остатком весенней воды). Что увижу — напишу. Вчера был вместе с 3-мя писателями и археологом в ауле Багир (30 км. от Ашхабада). Там есть развалины двух древнейших городов: Нессы александрийской и мусульманского города. Древность этих городов — 2000–3000 лет. Нашел несколько маленьких осколков посуды того времени с расцветкой, привезу их в Москву.

Развалины очень красивы. Они лежат у подножья гор Капет-Дага, за этими горами персидский Хороссан (область), а лицом и укреплениями эти крепости-города обращены в пустыню Кара-Кумов. Мы долго смотрели в пустыню с высот развалин Александра Македонского. Развалины (стены) глиняные, но страшно прочные. Вся Азия ведь глиняная, бедная и пустая.

Мы были до первых звезд. Пустыня под звездами произвела на меня огромное впечатление. Я кое-что понял, чего раньше не понимал.

Несколько раз мы пили кок-чай (зеленый чай без сахара) в чайханах аулов. Сидели на коврах среди стариков и беседовали. Здесь довольно много персов и курдов.

Муся! Напиши мне — стоит ли мне остаться здесь до 20/V (приеду в Москву тогда 26–27/V), тогда мне дадут еще денег и я смогу тебе перевести еще 1000–1500 руб<лей> или не стоит и лучше выезжать 2–3/V домой. Напиши, мне трудно решить. Правда, мы очень бедные, но у нас кроме бедности есть еще и сердце, которое может сильно тосковать.

Как быть? Пиши. Вернувшись из пустыни, я застану твой ответ.

Целую вас, мои милые. Держитесь там благополучно. Живите мирно, не деритесь.

Андрей.

За несколько минут до отъезда в пустыню пишу эту записку.

Мне здесь вчера в достаточно серьезной форме было сделано предложение остаться надолго работать в Туркмении в качестве «министра без портфеля». Это пустяки. Но важно, что я здесь, следовательно, не на плохом счету. Да это еще писатели мне мешают. Вот убогие люди! Здесь я их еще яснее разглядел, даже более чем в Москве.

Ну, до свиданья, мои милые. Я несколько волнуюсь и не скрываю этого. Мне предстоит трехсуточная езда в Центральные Кара-Кумы, а Кара-Кумы не менее Сахары. Трое суток на грузовике в глубь Сахары! Говорят, европеец обязательно по условиям климата покрывается фурункулами. Так что я буду первую неделю

ходить в нарывах. Куда я еду, там нет ничего, кроме редких мутных колодцев, гадов-рептилий, неба и порожнего песка.

Целую обоих крепко и долго.

Андрей

Впервые: Волга, 1975. С. 169; фрагмент.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 14, л. 17–19.

¹ День рождения Марии Александровны — 14 (27) апреля 1903 г. Сохранился талон к почтовому переводу от 15 апреля на указанную сумму с текстом письма: «Самой дорогой для меня имениннице <sic> — ко дню рождения — на приобретение того подарка, который она себе пожелает. А.» (ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 14, л. 20).

11

27 апреля 1934 г. Ашхабад

Дорогой Тотик!

Сегодня я приехал из пустыни и получил твое письмо, где ты меня ругаешь. Я послал вам много писем. И тебе послал 50 р<ублей> еще 4 или 5 апреля. Неужели ты не получил еще денег? Это виноват не я, а почта. При этом посылаю в 2-х конвертах растения и цветы. Я их собрал в самой середине Кара-Кумской пустыни. Они цвели, некоторые пахли. Но теперь уже посохли и их трудно узнать. Они живут мало, только весной; потом сохнут и ветер их сметает.

Сейчас я ехал трое суток и очень устал. Завтра отдохну и напишу большое письмо тебе и маме.

Твой отец

Андр. Платонов

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 14, л. 21–22.

12

28 апреля 1934 г. Ашхабад

Ашхабад, 28/IV 34.

Дорогие Муся и Тотик!

Я вернулся из своих поездок по Туркмении. Больше, может быть, не поеду никуда. Возвращаться думаю 2 или 3 мая. 2-го кончается мой срок. Но здесь в обязательном порядке оставляют пробыть на съезде туркменских писателей, который откроется 8/V, тогда я выеду в Москву 10 или 11/V (поезд идет в Москву 2 раза в неделю). Однако я думаю вырваться и уехать еще до съезда — 2 или 3 мая, тогда приеду 8, 9 или 10 мая в Москву. Как это выйдет — на днях сообщу.

От своих путешествий я сильно утомился. Ездить очень трудно, в особенности по пустыне, хотя я очень терпеливо переношу жару. В юго-восточных Кара-Кумах (на карте ниже Чарджуя¹ по р<еке> Амударье²) я первый увидел два ярких глаза в темной песчаной норе. Бывший со мной директор песчаной станции³ сказал, что это каракурт — редкий черный паук. А узбек-инженер, тоже бывший в нашей группе, убежал от страха: каракурт прыгает и кус его, говорит, смертелен.

Здесь еще сильно утомляешься оттого, что весной Туркмения, как теплица под стеклом — трудно дышать от горячего влажного воздуха. Чтобы жить, здесь надо еще долго привыкать.

Сегодня мне привили черную оспу,— другим привили ее раньше. Говорят, здесь это обязательно.

Я сильно соскучился по тебе и Тотику. Вы мне почти не пишете: ты написала только одно письмо. Тотик два. Мне трудно понять, что это значит. Я вам послал в три приема (как только получал деньги) $500 + 400 + 250 = 1150$ р<ублей>. А Тотик в письме от 18/IV пишет, что еще и первых 500 р<ублей> не получали и что он там голодает, а я пьянствую. Когда я был 18–19/IV в Репетеке⁴ (потом был два дня в Байрам-Али, откуда посылал телеграмму⁵), то мне пришлось почти два дня не есть, а пить я хотел только воду.

15 или 16 я послал в чужой посылке сапоги Тотику. Открыткой я написал, где и когда нужно получить эти сапоги. Получили вы эту открытку?

Рассказывать о Туркмении в письме слишком длинно и может выйти даже непонятно. Например, был случай на днях. Женщина-туркменка, член партии, известный работник, развелась со своим мужем, тоже туркменом, и стала жить одна. Проходит время. Туркменка сходится с другим туркменом и выходит, кажется, за него замуж. Тогда бывший муж приходит к ней, застаёт ее одну и начисто, в один удар, отрезает бывшей жене голову⁶. «Изменя» жена, даже оформленная по советскому закону в виде развода, здесь не всегда прощается. Вместе с тем нигде, наверно, нет такого уважения к женщине, нигде она так высоко не ценится, как здесь, но взамен от нее требуется абсолютная верность. Здесь нельзя, например, спросить обычную вещь у знакомого туркмена: как здоровье вашей жены? Он ответит: а тебе какое дело? — и станет врагом, а то и пустит в дело силу.

М<ожет> б<ыть>, это мое последнее письмо, если я не останусь здесь дольше. Я тебя ведь спрашивал в одном письме — оставаться ли мне дольше или нет? Ты по обычаю ничего не ответила. Все это чудно, но неприятно.

Попроси Тотика, чтобы он не баловался там, не попадал ни в какие <часть листа утрачена> пусть он слушается тебя и бережет мать, а ты береги его.

Скоро я приеду домой.

Целую вас обоих.

Поздравляю тебя с днем рождения вторично. Целую крепко...

Андрей

Вот на всякий случай еще раз сообщая адрес, где нужно получить сапоги Тотика:

Старая Башиловка д. 8, кв. 1, Ел<ена> Як<овлевна> Новицкая (жена Трабского⁷),— остановка у бегов. Телеф. Д-1-75-81

Впервые: Волга, 1975. С. 169; фрагмент.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 14, л. 23–24.

¹ *Чарджуй* (название существовало до 1924 г. и в 1927–1940 гг.) — город, центр Чарджоуской области Туркменской ССР, пристань на левом берегу Амударьи. В советское время неоднократно переименовывался: Ленинск (1924–1927 гг.), Чарджоу (1940–1992 гг.). В настоящее время — Туркменабад.

² *Амударья* — самая крупная река в Средней Азии.

³ Вероятно, что в этой поездке Платонов был вместе с *Семевским* Борисом Николаевичем (1907–1976), в 1934–1938 г. директором Репетекской песчано-пустынной станции.

⁴ *Репетекская песчано-пустынная станция* (ныне Репетекский государственный биосферный заповедник) была основана в 1927 г. для охраны уникальных черносаксуловых лесов Восточных Каракумов и прилегающих к ним участков пустыни; на ней проводились эксперименты по закреплению песков и разведению деревьев и кустарников в районах ирригационных сооружений. О встрече в Репетеке с учеными Туркмении Платонов писал в очерке «Горячая Арктика».

⁵ Телеграмма от 20 мая 1934 г.: «Телеграфируй срочно Байрамали. <До> востребования мне. Все ли благополучно» (ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 14, л. 25).

⁶ См. эпизоды из массовой туркменской жизни 1934 г. в записной книжке (Записные книжки. С. 138).

⁷ *Трабский* И. Г.— кинодраматург.

13

1 мая 1934 г. Ашхабад

1 мая, Ашхабад.

Дорогие дети!

С утра сегодня ясная и уже жаркая погода. На горах лежит нежный туман, на верху их — ослепительный снег. Я ушел один за город, на холмы, лежащие перед горами, где пасутся верблюды. Я часто, когда нахожусь в Ашхабаде, совершаю длинные, одинокие прогулки. Они мне доставляют большое удовлетворение. Так же я поступал когда-то в юношестве. Потом я смотрел местный парад. Зрелище красивое и яркое по одеждам. Остальной день прошел довольно скучно. Собираюсь уезжать домой, но вопрос решится только 3-его. Разная тут архимудия. Дело свое — сбор матерьяла — я сделал. Причем нашел — правда, в еле уловимой форме — фольклорную тему. Так же как когда-то Апулей нашел где-то в Азии тему Амура и Психеи. Не знаю, что еще у меня выйдет, — это сказка о Джальме. Сильно стосковался о тебе — душевно и физически. Дни идут все более долго и тягостно. Стоит тягостная жара, от писателей изжога и т. п. Однако это к Азии не относится, она велика и интересна. Если бы ты с Тотиком могла хорошо переносить жару и пустыню, мы бы легко могли здесь устроиться на 2–3 месяца все вместе. Для тебя это многое бы дало.

Целую — твой А.

Впервые: Волга, 1975. С. 169; фрагмент.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 14, л. 26–27.

14

15 января 1935 г. <Самара>

Дорогая Муся и умный Тотик!

Второй день я в мутных снегах, в скуке и все больше тоскую по Мусе и Тотик. Ехать мне еще долго-долго. Но — ничего. Зато я вас кормлю и одеваю. Позвони Чернявшуку¹ (1-43-31) — я ему забыл сказать на вокзале — не может ли он по тещиной книжке или через Шарика² (он приехал в Москву) достать для Тотика

стол и кровать, а также приличный патефон. Особенно — патефон. Тотик шалить меньше будет, меньше скучать, когда будет патефон.

Купила ли ты себе пальто и нравится ли оно тебе? Что случилось нового? Как ведет себя Тотик? Как наш дом?

Берегите друг друга, не психуйте, живите настолько смирно, как будто у вас обоих случилось большое горе. Пишите мне сегодня же в Ашхабад до востребования>.

Целую и обнимаю обоих. Прилагаю маленький рассказ для Тотика.

15/І 35, вагон. Андрей

Билет³
(рассказ).

Неизвестно на какой станции, ночью, в поезд сел мужичок-старичок. В руках он держал маленькую синюю бумажку и от волнения все время совал ее куда-то в бороду.

Входит кондуктор.

— Ваш билет.

— Какой билет? — пугается старичок.

— По какому в поездах ездят — вот какой.

Старичок обомлел от страха и непонятности.

— А? — спрашивает он. — Билета нету.

— Синяя бумажка-то была у тебя? — допытывается кондуктор. — Ты ее купил на станции аль нет?

— А-а! — обрадовался пассажир-старичок. — Синяя бумажка была, как же она была: я ее сжал...

Конец.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 15, л. 1–2 об.

¹ Чернявчук Г. Е. — инженер, начальник административно-хозяйственной части «Росметровеса», с которым Платонов долгие годы поддерживал дружеские отношения. Фамилия и номер телефона появляются в записной книжке Платонова в 1933 г., в 1935-м — адрес, затем — номера телефонов в книжках 1938 и 1942 гг.

² Неустановленное лицо.

³ См. набросок этого рассказа в записной книжке 1935 г. (Записные книжки. С. 162).

15

16 января 1935 г. Ак-Булак¹

16/І, за Оренбургом

І открыт<ка>

Дорогие Муся и Тотик.

Еду по снежной степи. Здесь сильные морозы, поезд наш сильно опаздывает. Купила ты себе то, что хотела, или не управилась? Будешь или нет покупать Тотик стол и кровать — тогда прежде позвони Чернявчу<уку>. (1-43-31), м<ожет> б<ыть>, он поможет купить в распределителе его тещи.

Если хочешь — подпишись с 1/ІІ на «Веч<ернюю> Москву». Квитанция (та-

лон) для подписки лежит в мелких щелях бюро. Подписываться нужно в Гл<авном> Почтамте на Тверской.

Сегодня Тотику последний день отпуска², завтра ему тоже на работу. Пусть получше старается учиться. Да, не забудь также справиться у того же Черн<явшука> на счет патефонов, но прежде нужно спросить в Литфонде. Просто войди и спроси — Платонов делал заявку (там она записана) на патефон, есть, мол, он, можно ли получить. Если есть — получай сама по доверен<ности>, плати деньги и пр<очее>.

Как у тебя там прочие дела? Пиши мне подробно в Ашхабад и поскорей, т. к. я в Ашхабаде долго оставаться не намерен. Я беспокоюсь за Тотика, как бы он чего не нашалил такого, что принесет и ему, и нам несчастье. Тотик! Говорю тебе издалека, серьезно, слушайся мать и брось баловаться, пока я не приеду. Учись, занимайся, читай, играй на ковре — один и с ребятами. А ты, Муся, не гуляй по подругам, занимайся больше с сыном, переведи к моему приезду «Бум-Бум»³ — обязательно.

Тотик! Как приеду, будем опять в войну играть каждый день.

Ст<анция> Ак-Булак. Ваш Андрей.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 15, л. 3–4; две почтовые карточки.

¹ *Ак-Булак* — железнодорожная станция в Казахстане.

² Так Платонов называет школьные каникулы.

³ Рассказ «Бум-Бум» находится в фонде А. Платонова (ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 98).

16

18 января 1935 г. Арысь—Ташкент

Дорогие жена и сын!

Здравствуйте! Как вы оба живете, все ли благополучно? Я еду ничего, только поезд сильно опаздывает. Здесь очень холодно, морозы 30–40°, окна вагона запушены и разрисованы, как тропические леса. Днем бывает солнце. Кругом — пустота, снег, солнце блестит. Ночью в вагоне очень холодно, иногда мучительно. Тотика брать никак нельзя было. Сегодня поздно ночью я доеду только до Ташкента, а еду уже почти 5 суток. А за Ташкентом еще 2-е суток езды. Ничего, что бы стало интересным для Тотика, написать не могу. Я сижу в том самом купе, в котором и ты сидела в Москве, сижу, как наша черепаха, и как-то изнемог от длинной дороги и без воздуха и движения. Но это все скучно — мне писать, а тебе читать. Хорошо, что я не взял черепаху, если бы я ее выпустил в том месте, где купил ее когда-то (у Аральского моря), она бы замерзла, там 38°, когда я проезжал. Пусть живет и меня дожидается.

У вас, наверно, дома без меня развал — кто печку топит и ведро выносит?

20-го во второй половине дня я буду в Ашхабаде, если поезд не опоздает еще сверх уже имеющегося опоздания. Ты мне обязательно дай телеграмму — до востребования — как у вас дела, с тем, чтобы я получил ее в Ашхабаде не позже 25/1.

Тотика я прошу вести себя дома, в школе и на улице так, чтобы это было

похоже, что он сын Платонова и по-хозяйски замещает отца во время его отсутствия.

Если я узнаю, что он вел себя скверно, учился лениво, тогда у нас дружба пойдет врозь. Я для него стараюсь, так пусть он не хулиганит.

Если же Тотик там без меня ведет себя хорошо, с матерью не дерется, учится хорошо, то я, как приеду, сделаю ему такой подарок, которого он еще никогда не имел, и буду ходить с ним гулять по кино десять дней подряд.

Пусть он привыкает побольше читать, тогда никогда ему скучно не будет.

А ты, Муся, занимайся лучше по-французски дома, возьми учителя, надолго с Тотиком не разлучайся.

Ну, до свиданья, самые дорогие мои, целую вас обоих долго и крепко, обнимаю и скучаю по вас.

Андрей

За Арысью¹, под Ташкентом, 18/1, 7 ч<асов> веч<ера>.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 15, л. 5–11.

¹ *Арысь* — станция под Ташкентом, в настоящее время город в Казахстане.

17

20 января 1935 г. Ашхабад

Ашхабад, 20/1, 9 ч<асов> веч<ера>.

Дорогая Маша и Тотик!

Я только приехал, 2 часа назад. Поезд опоздал на 18 часов, из-за морозов и снегов.

Я сижу в номере гостиницы. Из окна вижу горы Копет-Дага, на них снег, над ними ночной свет луны, серебрищиеся облака. Опять я все это вижу, как 10 месяцев назад, как будто я сам участник «Такыра»¹.

Виделся сейчас только с Рабиновичем² и некот<орыми> другими (писателями). «Такыр» они очень одобряют, но, по-моему, не вполне (и далеко не вполне) понимают его. Сказывается просто отсутствие квалификации. Но это мне все равно. Встретили меня внимательно и приветливо, но довольно сдержанно. Просто у здешних людей много есть своих дел и забот. Но ведь я не очень избалован такими вещами, это пустяки.

В конце концов, я здесь совершенно одинок. Абсолютно. Глубокая грусть, подобная здешней тишине гор и пустынь, охватывает меня. Сказывается, конечно, и дорога, которая зашатала меня. Но ты почему-то мне кажешься такой далекой, как будто я обратно тебя никогда не достигну. И действительно, я очень далеко нахожусь, здесь медленно тянется время. Стараюсь занимать себя работой и в вагоне сколько возможно занимался ею. Но беспокойство за вас обоих никогда не оставляет меня и неподвижность, в которой я нахожусь всего несколько часов, уже тяжело гнетет.

В Ашхабаде я думаю пробыть 5–6 дней, после чего тронусь в путешествие, а потом — после путешествия — поеду в Воронеж или Ленинград, не знаю сам, как решить.

Здесь лежит снег, но днем светило ясное солнце, и снег, наверно, завтра растает.

Ну, будьте здоровы, целую и обнимаю вас обоих.

Андрей

Тотик, ты там гляди!!³

Муся!

Фельдману («30 дн<ей>»)⁴ посылаю одновременно подстегивающую открытку, чтоб он скорее перевел деньги на сберкассу ГИХЛа⁵. Дней через 7–8 ты (Тотик знает где) зайди туда и спроси, имея на руках мою доверенность и профбилет. А про меня скажи, что я уехал и, стало быть, деньги должна получать ты. Фельдману я пишу также о пьесе. Возможно, что он зайдет к тебе для подписания договора. Вообще, я стараюсь и помню о всех своих оставленных делах и веду их при помощи корреспонденции.

Твой Андрей.

Тотик?

Дай отчет в письме — куда ты истратил деньги, которые я тебе подарил? Не ври только.

Впервые: Волга, 1975. С. 169; фрагмент, с датировкой: 1936.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 15, л. 13–20.

¹ Имеется в виду рассказ «Такыр», написанный Платоновым по материалам первой поездки в Туркмению и опубликованный в журнале «Красная новь» (1934. № 9) и в сборнике «Айдинг-Гюнлер» (1934).

² *Рабинович* — неустановленное лицо.

³ На обороте листа написано: «Аршхабад».

⁴ *Фельдман Д. А.* — заместитель ответственного редактора журнала «30 дней» в 1933–1935 гг.

⁵ *ГИХЛ* — Государственное издательство художественной литературы.

18

21 января 1935 г. Ашхабад

21/1, 8 ч<асов> веч<ера> (6 ч<асов> по московскому <времени>), Ашхабад.

Дорогая моя Муся!

Только это у меня и осталось — писать тебе письма и вспоминать о вас обоих.

Я живу здесь плохо во всех отношениях. Мне совершенно даже некуда пойти, я все время один. Сегодня искал Эйхенвальда, но забыл, где он живет, так и не нашел. Тут рано темнеет, электрическая станция еще не пущена, у меня в номере горит маленькая керосиновая лампа, и я при ней пишу это письмо.

Снег сегодня стаял. Горы стоят темные, лишь на верху их белеет снег. Ночь еще очень долга, и у меня к тому же бессонница, несмотря на утомление дорогой. Тотика, конечно, нельзя было бросить в эти условия, но как было бы мне нескучно и хорошо с ним. Ты для меня хорошая жена, хотя у нас у обоих с тобой есть крупные недостатки, но они все же меньше достоинств нашего брака, поэтому он и существует.

Я здесь стараюсь спешить работать, в том смысле, чтобы найти, открыть что-либо действительно стоящее, годное как косвенное сырье для пьесы. Но всегда надо больше рассчитывать на себя, чем на внешний материал <sic>. Пока ничего ясного еще не нашел, но это ведь всегда бывает так у меня: я нахожу нужное неожиданно и часто не тогда, когда ишу.

Я очень бы хотел увидеть хоть на минуту, как вы там живете с Тоткой, есть ли кто у тебя в помощниках, как Тотик учится и ведет себя без меня. Мне кажется, что без <меня> он должен вести себя солидно. Поцелуй его за меня и обними сама себя. Холодно, сейчас здесь -10...15°, а рама в окне одна и печь не топят. Ложусь спать с памятью о вас.

До свиданья, дорогие.

Андрей

Впервые: Волга, 1975. С. 168–169; фрагмент.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 15, л. 21–25.

19

25 января 1935 г. Ашхабад

Телеграфируй немедленно срочной, какая критика¹. Не отчаивайся.

Печатается по оригиналу телеграммы: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 15, л. 26.

¹ Речь идет о публикации в газете «Правда» (18 января) разгромной рецензии Н. Никитина о рассказе «Такыр» (см.: *Корниенко Н.* «Размышления читателя»: Николай Никитин — рецензент рассказа «Такыр» // Страна философов, 2003. С. 729–733).

ПИСЬМА В КРЫМ. ИЮНЬ 1935 г.

Публикация Н. Корниенко

В Крым Мария Александровна с сыном уехала 6–7 июня. Профсоюзная путевка для жены и сына была получена Платоновым по месту его службы в Росметровесе. Эта информация вычитывается из крымского адреса, сохранившегося на первом письме — почтовой открытке: «Крым. Алупка-Сара, Дом отдыха Наркомата местной промышленности РСФСР» (оп. 3, ед. хр. 16, л. 1 об. Росметровес находился в ведении данного наркомата). Лето 1935 г. оказалось крайне тяжелым для Платонова. Он не так давно (март) вернулся из второй командировки в Туркмению, по которой у него были немалые обязательства перед приглашающей стороной, а также перед московскими редколлегиями. Необходимо было доработать (после обсуждения 10 апреля на редколлегии «Двух пятилеток») повесть «Джан»,

сдавать запланированный киносценарий на туркменскую тему. Накапливались долги и на службе в Росметровесе. Совмещать литературную работу с ежедневной службой и плановой конструкторской работой становилось все труднее. В сохранившемся автографе заявления об увольнении (от 3 июня) Платонов пишет, что «ложное» положение в тресте доводит его до «болезненного состояния, при котором работать чрезвычайно трудно» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 9, л. 1). Судя по письмам, перед отъездом Марии Александровны в Крым он обсуждал с ней вопрос возможного ухода из треста (с постоянной службы в Росметровесе Платонов уйдет в феврале 1936 г.; см.: Антонова Е. А. Платонов — инженер треста «Росметровес» // Страна философов, 2000. С. 793).

1

12 июня 1935 г. Москва

М<осква>, 12/VI, 1 ч<ас> ночи

Дорогие дети!

Не знаю — дойдет или нет эта открытка до вас: точный адрес ваш мне еще неизвестен. Пишите скорей — как вы устроились, чем вас кормят, хорошо ли море, — обо всем, даже о мелких делах и событиях.

На другой день после вашего отъезда явился Жорж, а 9-го он уехал в Ростов¹. Заходил Сац². В 6 №-ре «Лит<ературного> крит<ика>» все же идет его положительная статья обо мне, — он ожидает для себя некоторых неприятностей. Чувствую себя плохо без вас, я привык жить только в семье и любить вас обоих. Все время очень скучно. Кошка Тихон и то тоскует по вас, мяукает, 3 дня ничего не ела, даже колбасу, — купил молока, теперь ест по-прежнему. Сажу до света за письменным столом, пишу про ад и рай в пустыне³, пока не застыну от усталости и ночного холода. Погода здесь, как и при вас, частые дожди и пр<очее>. Валя ночует. Петя⁴ уехал. Целую и обнимаю вас. Жду длинных писем. Нужны ли деньги? Ваш <Андрей>

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 16, л. 1; почтовая открытка.

¹ Жорж (Малюченко Георгий Степанович) с конца 1920-х гг. жил в Ростове-на-Дону; ростовский адрес Малюченко имеется в записной книжке 1935 г. (см.: Записные книжки. С. 153).

² Сац Игорь Александрович (1903–1980) — литературный критик, входил в московское окружение Платонова 1930–1940-х гг. Речь идет о его статье «Художественная проза в “Красной нови”» (№№ 1–12 за 1934 г.)» (Литературный критик. 1935. № 6. С. 183–215). Большая обзорная статья о прозе журнала включает два небольших фрагмента о Платонове. Первое упоминание о Платонове связано с отрицательной оценкой критиком повести Андрея Новикова «Встреча у колодца» как произведения откровенно слабого в художественном отношении, к тому же содержащего «несколько двусмысленных острот и домислов, изложенных в манере, представляющей собой беспомощное и скучное подражание наименее удачным произведениям Андрея Платонова» (с. 197). Второй платоновский фрагмент статьи Саца посвящен анализу рассказа «Такыр», опубликованного в № 9 «Красной нови». Этот рассказ был подвергнут жестокой критике на страницах газеты «Правда» (Никитин Н. Дремать и видеть наполовину» // Правда. 1935. 18 янв.) и в выступлении оргсекретаря Союза писате-

лей СССР А. Щербакова на 2-м пленуме Союза писателей (5 марта 1935 г.; опубли. в «Литературной газете» и в книге: Второй пленум правления Союза советских писателей. М., 1935. С. 321–323; см. об этом: *Корниенко Н.* «Размышления читателя»: Николай Никитин — рецензент рассказа «Такыр» // Страна философов, 2003. С. 727–740). Под заглавием «Итого второго пленума Правления ССП» выступление Щербакова также печаталось в «Литературном критике» (1935. № 3). Если, по Щербакову, рассказ «Такыр» представляет яркий пример того, как «в формах скрытых, тонких и завуалированных» проводятся «чуждые и антипролетарские настроения в литературе», закамуфлированно «проведена философия обреченности людей и культуры» (с. 7), то Сац в истории героини рассказа видит высокий гуманистический пафос («Эта человечность сурова и воинственна, она далека от мягкости и всепрощения», с. 203), доказывает, что именно рассказ «Такыр» предельно ясен в мировоззренческом отношении, в нем нет прежней платоновской порочной «двусмысленности» повествования: «Но Платонов пишет про женщину из советской Туркмении. Почему же даже там, где он говорит о Джумали, уже десять лет живущей в советских условиях <...> его рассказ по окраске почти так же мрачен, как в начале? Заключительные слова рассказа разъясняют это: нельзя забывать проклятого прошлого, надо помнить о нем. <...> Недвусмысленность и определенность рассказа “Такыр” имеет для Платонова большое значение. Правда, финальное обобщение в статье Саца выполнено вполне в духе призыва Щербакова к советской критике вовремя ставить вопрос о творческом пути писателя, указывать ему на ошибки и предупреждать их: «В его творчестве были тяжелые ошибки, главным образом в тех сочинениях, которые, будучи по заданию сатирическими, срывались в политически вредное зубоскальство. <...> Сатирические опыты Платонова не удались. Но и в других, хороших и талантливых вещах часто была какая-то неясность, двойственность, которая отклоняла произведение от явственно поставленной перед ним цели. Вот почему ясность “Такыра”, которую мы уже подчеркивали — большая удача для его автора. Эта ясность и прямота сделали “Такыр” произведением большой художественной силы. Нам в этом рассказе видно то, что может стать опасным для Андрея Платонова. Иронический элемент хорошей повести “Сокровенный человек” приобрел самостоятельное бытие и привел через малоудачное подражание Щедрина (“Город Градов”) к литературно слабой и политически вредной “хронике” — “Впрок”. Если глубокий трагизм “Такыр” станет самоцелью и будет дальше развиваться в некий культ страдания, он неизбежно превратится в идейное декадентство. Настоящий путь откроется для Платонова лишь в том случае, если чувство исторической перспективы, которое, несомненно, есть в “Такыре”, окрепнет и даст писателю умение правильно видеть социалистическую действительность нашей страны» (с. 203).

³ В это время Платонов дорабатывает повесть «Джан».

⁴ *Петя* — Трошкин Петр Артемьевич — муж *Валентины* Александровны, сестры *Марии* Александровны; инженер-строитель, был дружен с Платоновым.

2

15 июня 1935 г. Москва

Дорогая Мария.

Почему ты не пришлешь письма? Или ты поступаешь по-старинному — «с глаз долой — из сердца вон»?

Мне же ведь очень скучно. Хоть и велика Москва на глаз, но она бывает пустой, когда нет в ней того, кого любишь.

Я всегда удивлялся твоему поведению. Как будто ты в глубине души лишь лицемеришь со мной. Все это странно. Ты ведь знаешь, в каком положении я остался, как много у меня заботы и работы. А я прошу только об открытках хотя бы. Я тяжело переношу неизвестность и сам, как ты знаешь, никогда не мучаю другого тем, что скрываюсь без вести.

Открытку я тебе уже послал. Не знаю — дойдет ли она: точного адреса у меня нет. Это письмо тоже пойдет на удачу. Сейчас 2 часа ночи, т. е. уже 15/VI.

Удивительно тяжело работать силой сердца, т. е. в литературе, когда само сердце непокойно и тебя, которую я люблю навсегда (это не фраза), нет со мной. Ты подозреваешь, что я люблю у тебя только тело. Это неверно. Верно то, что я люблю тебя вдвойне: тебя самоё, т. е. твое существо человека, и тело как бы отдельно. Физическая привязанность моя к тебе сильна, но она лишь небольшая часть моего чувства.

Не случилось ли с вами чего худого? 16/VI дам телеграмму, которую ты будешь иметь вперед этого письма.

Что там делает сын? Опиши его состояние — доволен ли он, или — так себе?

Пишу и смотрю на твой портрет в овале над столом. Целую обоих вас.

«Офелия, о нимфа,

Помяни меня в твоих святых молитвах¹.—

Ваш Андрей

15/VI, 35, Москва.

PS. Написал, и стало легче немного, как будто поговорил с тобою вблизи. Отчего у тебя нет этой необходимости?

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 16, л. 2—3.

¹ Строки из «Гамлета» В. Шекспира; в источнике: «...помяни меня в своих молитвах».

3

19 июня 1935 г., Москва

Москва, 19/VI.

Здравствуй, Муся, Муза моих рукописей и сердца.

Ты действительно моя Муза во плоти. Как мне трудно (внутренне трудно) без тебя; если бы я знал, что мне придется так тосковать без тебя, так болеть, я бы не пустил тебя. Без тебя мне не дышится. Я ничего не скрываю от тебя,— даже не знаю, как дожить до того дня, когда я тебя встречу в Москве. Дорогая Муза,— давай я тебя буду звать всегда этим именем, я нашел для тебя подходящее определение лишь на 14 году супружества. Это именно так. Я не могу поручиться, сумею ли я тебя дождаться, не заболев.

Извини меня за назойливость любовника, но вторая молодость моя, вторая весна далеко не кончилась,— та, которая началась в феврале. Она, может быть, лишь начинается, эта весна, и она причиняет сердцу такую жестокую боль, что ни работа, ни сон меня не берет. Засну, и вижу тебя во сне рядом, сжимаю тебя, а это сбившееся одеяло. Эта постоянная галлюцинация замучила меня, нервы расшатались вдребезги, я, вероятно, безболезненно не дождусь тебя. Сегодня залил

простынь и свое белье семенем, причем в ужасном количестве, и не вставал, пока Валя не ушла, тогда я вымыл, как мог, под краном, а белье себе надел другое из чемодана.

Наверно, я расшатаюсь совсем. Если я тебя буду когда-либо и почему-либо лишен надолго, я кончу сразу жизнь. Ведь это смешно, — 35-летний человек терзается как юноша, у него трясутся руки, он не может справиться со своим воображением, у него стоит фаллос от одной мысли о той, кто находится за 1 1/2 тысячи верст.

Милая моя, помни о том, кто тебе предан будет до последнего дыхания, кто, может быть, и умрет из-за тебя, из-за этой странной, «старинной», вечной любви. Ни друг, ни работа, никто не заменит мне мою Музу, живую Музу, тебя, дорогая девочка. Я рвался к тебе, ходил в издательство¹, на фабрику² и т. д. — хотел денег. Редактор Колесникова³ больна, второй месяц в больнице. И когда я кончу для них рукопись, то деньги получу не раньше как выздоровеет эта Колесникова и т<ак> сказать завизирует рукопись, что она хороша. А когда это будет! Разве я дождусь? Тоже на фабрике (кино). В лучшем случае деньги будут в середине июля, — тогда поедем, м<ожет> б<ыть>, все вместе куда-нибудь. Не на юг, а хоть в псковскую деревню, я буду так счастлив быть с тобой.

Муза, возвращайся ко мне, не ожидая конца твоего срока, мне очень тяжело. Божинский⁴ и Ник<олай> Мих<айлович>⁵ советуют мне заняться лечением и отдыхом; я изменился с тех пор, как ты уехала. Но тресту я должен, работы еще много, — как же я поеду, все подгоняют — давай скорей. А как я могу скорей работать с таким сердцем, когда оно думает лишь одно. Все видят, что я нездоров, но причина неизвестна. Впрочем, иногда люди догадываются правильно, но трудно сказать громко всем: «Товарищи, я сильно болен оттого, что слишком сильно люблю свою жену и ее нет со мной. И эта болезнь труднее, мучительней чумы!»

А на самом деле это так.

Я не знаю, что тебе, как тебе сказать об этом. М<ожет> б<ыть>, это все смешно для тебя и ты там живешь своим веселым способом с мужчинами. Ты не хочешь мне написать, одно это уже показывает твое хладнокровие, твое равнодушие ко мне. Так сделай что-нибудь сразу самое тяжкое для меня, а я всегда пойму свой выход. Как чудно жить с таким сердцем как у меня, — это, наверно, глупо со стороны. Человек все больше и больше влюбляется в свою жену. До чего ж это дойдет! Как будто дело идет не на возраст, а на юность.

Как бы я хотел любить тебя легко, беззаботно! Нет, я люблю тяжело. Помнишь хорошие слова:

«Ты любишь горестно и трудно»⁶.

Оттого и моя литературная муза печальная, что ее живое воплощение — ты — трудно мне достается.

Когда ночевал Жорж и вечером еще пришел Келлер, они упросили меня читать. Я им прочел кое-что из «Счастл<ивой> Москвы», они удивились этой горести и трудной радости, духом которых проникнуто сочинение.

Ну приезжай ко мне, к нам домой.

Напиши же мне. Перевел сегодня по телеграфу сто руб<лей>. Извини, что мало. Сколько нужно, сообщи, я как-нибудь достану. Для тебя я сделаю все. Не забудь брать билеты в Москву. Я жду вас и считаю дни. Целуй и береги Тошку, я скучаю по нем, скажи это ему, пожми ему руку за меня, поцелуй в лоб.

Вспомни обо мне, ведь ты так бываешь нежна и чутка, что тоскуешь о мертвой черепахе. Я тоже сейчас одинок и скучен, как наша черепаха, когда она была живая⁷.

До свидания, милая теплая моя.

Я люблю тебя вечно и верно.

Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 16, л. 4–7.

¹ В 1935 г. у Платонова были подписаны договоры с издательством «Советский писатель» на повесть «Инженер»; с 1934 г. пролонгировался договор с ГИХЛ (затем — изд-во «Художественная литература») на роман «Счастливая Москва» (РГАЛИ, ф. 613, оп. 1, ед. хр. 4410, л. 115); здесь же находилась пьеса «Высокое напряжение» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 15, л. 11, 9).

² Т. е. на кинофабрику «Совкино».

³ Колесникова Галина Алексеевна — редактор изд-ва «Художественная литература». Не ясно, о каком конкретно произведении Платонова идет речь (см. прим. 1); не исключено, что о романе «Счастливая Москва». Роман «Счастливая Москва» не был опубликован при жизни Платонова (впервые: Новый мир. 1993. № 9).

⁴ Божинский — Божко-Божинский, в это время — управляющий трестом «Росметрорес», где с 29 мая 1932 г. служил Платонов.

⁵ Николай Михайлович — скорее всего, Тарасов, инженер треста «Росметрорес», руководитель Отдела технического контроля; записи о Тарасове см. в «Записных книжках» Платонова. В фонде Платонова сохранилась фотография Тарасова с его дарственной надписью: «Андрею Платонову, первому, который меня начал понимать, как я сам себя понимаю. Н. Тарасов» (оп. 4, ед. хр. 168, л. 11).

⁶ Отсылка к строкам из повести «Епифанские шлюзы»; см. выше письма из Тамбова, с. 465–466 наст. издания.

⁷ Платонов привез черепаху из Туркмении в 1934 г., см. выше письмо от 18 января 1935 г. Сюжет смерти черепахи запечатлен в рассказе 1936 г. «Любовь к Родине, или Путешествие воробья».

4

20 июня 1935 г. Москва

5-е письмо

Муза!

Валя получила письмо и сказала мне, что ты от меня не получаешь писем вовсе, что я, наверно, пьянствую.

А я думаю, что мне придется лечь в больницу. У меня окончательно разошлось сердце и по ночам льется измождающий пот. Сегодня я выясню, в чем дело. Я не беспокоюсь, только мне некогда болеть. Думаю, что врач скажет о покое, отдыхе и пр<очем>, о том, чего я иметь не могу. Они же умеют лечить лишь понос.

Оставим это. Никакой телеграммы от тебя я не получал. Получил одно простое письмо. А тебе послал открытку и три заказных (прилагаю в доказательство квитанции). Это — пятое письмо. Перевел вчера телеграфом сто руб<лей>. Взамен всего я имею одно письмо. Вот как обстоит дело.

Позавчера заходила Зина¹, взяла твой адрес. Она глухо сказала, что ты ей написала о плохой пище. Я сейчас же достал денег и перевел. Правда, мало. Но ты знаешь мое положение. Напиши телеграммой, сколько тебе еще нужно. Вообще я узнаю о тебе от других, что мне крайне неприятно.

Если там плохо, приезжай немедленно, не беспокойся ни о чем. Но ты все равно не приедешь. Там флирт и любовь, наверно, распустились во всю, я тебя знаю.

Как бы я тоже хотел уехать из этой пустой квартиры, но кому я нужен. Ты круглые сутки свободна, но так, оказывается, занята, что тебе некогда прислать даже открытку. Какая-то ненависть у всех ко мне.

15 лет я не показывался врачу и боюсь идти. Я не верю и знаю, что бесполезно. Но я иду не радикально лечиться, а чтобы он дал что-нибудь для поддержки меня на ногах, т. к. мне нужно работать. Но трудно работать без тебя, трудно писателю быть без музыки. Я уже привык к твоему новому имени, которое я сам дал тебе и говорю с тобой в воображении, называя только так. Еще ни разу я не говорил тебе его в лицо.

Дорогая Муза! Что мне сделать такое, чтобы ты меня действительно любила и была готова на многое не ради долга, а ради страстного верного сердца. Не знаю что.

Вчера часа в четыре зашел Келлер, затем почему-то Божинский. Келлер просил почитать из новой вещи². Я прочел один кусок, Келлер заплакал, и я сам увидел, что пишу правильно. Было странно видеть, как у него молча из-под очков шли слезы. Я не видел никогда, чтоб он плакал, не помню.

Но получаешь ли ты мои письма? Кому же я пишу? Получила ли ты сто рублей?

Вот пишу, пишу и не могу оторваться. Как будто я с тобой вблизи.

Будь здорова и счастлива, моя Муза, и не забывай меня среди той красоты природы, о которой ты писала, среди всех людей, с кем ты сейчас делишь свое время и жизнь.

Скажи сыну, что я его люблю, что я по нем скучаю и часто смотрю на его игрушки, на столик, которые теперь пустые и ждут его. Андрей. 20/VI.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 16, л. 8–9 об.

¹ Зина — очевидно, Зинаида Васильевна Смелякова, сестра поэта Я. Смелякова, подруга Марии Александровны с воронежских времен; крестная сына Платона.

² В этот раз Платонов читает повесть «Джан».

5

23 июня 1935 г. Москва

Москва 23/ VI, 6 <часов> веч<ера>

Дорогая Муза!

Утром послал тебе телеграмму, сейчас только получил второе письмо от 19/VI. Давай покончим о деле. Телеграммы твоей я не получал. В адресе был неуверен. Вот почему я открытку первую и, кажется, первые два письма писал, ничего от тебя не имея. Вот почему я лишь 12-го написал открытку. Время у меня, конечно, для тебя всегда есть, но силы мои пропадают.

Сердце мое совсем сдало. Я чувствую такое обмирание его, потерю ощущения его, что несколько раз в такие припадки плакал,— не оттого плакал, что испугался смерти, а оттого, что не увижу тебя больше. Утром я просыпаюсь мокрый от пота и чувствую, что все цветы во мне съела корова — болезнь. Одновременно у меня полная потеря аппетита, я обедал 3—4 раза, как ты уехала. Что касается завтрака, чая, ужина, то я это вовсе отменил, несмотря на настояния Вали. Это состояние усиливается твоим отсутствием. Усиливается настолько — буду писать сейчас все,— что я несколько раз порывался дать тебе телеграмму, чтобы ты немедленно выехала. Но потом думал, что вам там очень хорошо, нельзя разрушать твой отдых, звать тебя на помощь,— буду пока один. Извини меня за это кажущееся малодушие, но, может быть, я и прав.

Во всяком случае я еще немного подожду. Если так пойдет, <so> слабым и больным телом, но с полной душой, с любящим тебя сердцем, но угнетенным, печальным — я жить не буду. Это решено. Это мне соответствует. Ты говорила мне когда-то, что счастьем твоему мешать не надо, если я его дать не могу. Так вот, я попробую. Если не выйдет, я исчезну.

В груди у меня стоит дикая физическая боль, эта штука истерлась вдребезги, чинить его не умеет никто.

Если Тотуку плохо, он падает в обморок,— присылай его немедленно ко мне домой с кем-нибудь из курортников. От москитов, которые тебя искушали, есть простое средство,— не ходить много по ночам по глухим заросшим местам. Это не ревность, это гибель.

Дорогая моя. Скажу тебе сразу, как в юности, как в своем первом письме тебе. Я пропадаю без тебя, но ты приедешь нескоро. Когда совпадают припадки недомогания и тоски, то я борюсь с собой, чтобы не кончить все это разом.

Работоспособность моя исчезает. Я все время сижу за столом, но думаю о тебе. Муза моя, подумай обо мне и помоги. Ты умница и знаешь, что нужно делать в самых трудных случаях.

Тебе интересно, что — во-первых — творится дома, затем, что у меня (во вторую очередь). Дома ровно ничего не творится. Мне неохота занимать бумагу пустяками, поэтому я обычно не пишу об этом. Мне охота говорить о тебе и о себе, а не о ерунде.

Странно, мне все кажется, что я тебя больше не увижу, или увижу как-то особо, когда ты будешь близко от меня, но недостижима. Не знаю, что это.

Сейчас вечер. Предстоит страшная ночь слабости и пота,— шестая ночь сегодня будет, как это началось.

Хочу пойти к Серг<ею> Александровичу¹ (2-90-00), но он мне не поможет. Может быть, пойду завтра, там увижу. Я опять пишу пустяки, как в прежних письмах, и ты будешь обижаться.

Если увидимся нескоро или не увидимся, то сохрани обо мне память навсегда. Я тебя любил и люблю всею кровью, ты для меня не только любима, ты — священная и чиста, какая бы ты ни была в действительности.

Еще раз прошу прощения, что порчу тебе настроение и радость отдыха этим письмом.

Кино-фабрика дала отсрочку на сценарий на месяц². Фельдман³ и директор⁴ предложили путевку в санаторий, но я отказался. Без тебя не буду отдыхать и

лечиться. И куда я поеду? — в Алушке-Саре нет их домов. В другое место мне не нужно.

С повестью идет недоразумение. Туркмены не признают, что я болен, они говорят, что душа их новой книги⁵ — в моей повести. А моя душа — в Алушке-Саре. Наверно, будет напечатано не полностью. Кончить я ее могу только с тобою. Будь же другом моим и литературы, милая моя Муза!

Приехали редактора из Туркмении. Я сказал — ждите, если я не лягу в больницу; мертвые не пишут. Ждите, я сказал, пока я не увижу свою Музу.

Телеграфируй мне, пиши, спасибо за последнее письмо.

Пойми меня как можно лучше. Не жертвуй ничем для меня. Любовь исполняет, что хочет, но не раскаивается никогда и не жалеет ничего.

Целую тебя. Целую сына.

Андрей

Получила ты перевод на сто рубл<ей> по телеграфу? Сколько еще нужно денег? — Телеграфируй. Я переведу телеграфом.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 16, л. 10–13.

¹ Возможно, *Сергей Алексеевич* Гуревич — семейный врач; см. его заключения о здоровье Платона в публикации Л. Суrowsкой «Семейная трагедия Андрея Платонова», с. 647–648 наст. издания.

² В 1935 г. Платонов начал работать над сценарием о туркменской девушке Карагез. Первая редакция киносценария под названием «Аяз» хранится в фонде Платонова РГАЛИ (ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 93); авторизованная машинопись киносценария «Карагез» находится в фонде Платонова ОР ИМЛИ (оп. 1, ед. хр. 302). В 1935 г. Платонов также работает над сценариями «Отец-мать» и «Священная жизнь».

³ *Фельдман* — очевидно, Владимир Фельдман, сотрудник Московской кинофабрики, с которым Платонов в 1935–1936 гг. вел переговоры о судьбе «туркменского» киносценария (2 письма В. Фельдмана сохранились в фонде А. Платонова; цитируются в статье Е. Рожenceвой, с. 406 наст. издания).

⁴ Судя по телефонным адресатам в записных книжках, Платонов в 1934–1935 гг. вел переговоры с двумя студиями художественных фильмов киностудии «Мосфильм» — со 2-й студией (директор З. Ю. Даревский) и 4-й студией (директор Л. А. Инденбом).

⁵ Речь идет о повести «Джан», написанной по следам 2-й поездки Платонова в Туркмению (небольшой фрагмент повести опубликован в 1938 г. на страницах «Литературной газеты»; полностью — после смерти писателя). Возможно, повесть планировалась для включения в издаваемый туркменской комиссией ССП литературно-художественный альманах «Туркмения» (вышел в начале 1936 г.).

6

27 июня 1935 г., Москва

27/VI.

Моя милая Муза!

Ты знаешь все из моих писем и телеграмм. Зачем ты говоришь, что иначе ведь тебе нужно работать (если я не буду). Нет! Пока я жив, ты будешь лишь рожать

моих детей. Я это твердо решил. Довольно халтурной жизни. Довольно болезненных суррогатов любви.

Ты мне прислала два письма — от 23 и 24/VI — издевательства. Одно я возвратил простым письмом и послал телеграмму. Другое возвращаю при этом. Стыдно. Кто это делает. Почтальон мне передал эти письма в руки. Значит, если это делаешь не ты (что чудовишно), значит — твои доверенные люди в Алушке. И над кем они издеваются? Над тем, кого не знают, — надо мной. Кто же они, эти пошляки и подлецы, с которыми ты водишься? По своему уменью и обычаю ты всегда выбираешь самых негодных, самых глупых и мерзких людей себе в друзья. Они тебе потом кое-что сотворят на память. Никогда я не был так оскорблен, как получив эти два твоих конверта с такими вложениями. Какой я падший и любящий, если пишу тебе и после таких корреспонденций, — боже мой!

Чтобы сделала ты?

Ты пойми: я получаю два конверта сразу. В одном бланк (грязный, оборванный) почтового перевода, в другом лист бумаги со словом, которое не идет к устам любимой женщины.

Ты одна, которая можешь хоть приблизительно разгадать это издевательства над твоим мужем — безобразное, тупое, оскорбляющее. Тот, кто это делает, не понимает, что он имеет дело совсем с другим человеком, чем это ему даже может присниться. Если б он очутился в Москве, он бы был проучен однажды и навсегда. Передай ему это. Пусть приезжает ко мне в гости.

Единственно верное предположение это то, что ты даешь кому-то относить твои письма на почту, этот кто-то явно не желает, чтобы ты писала письма мужу. Он их просто изымает из конвертов и вкладывает туда что попало, иногда же решается на матерное слово по отношению ко мне. Возможно, что он имеет некоторое право на это. Но право ему дала только ты. Другой разгадки этих удивительных корреспонденций я придумать не мог. Но сделано это, хотя и глупо, но зло. Сообщи мне — кто же это делает, как его фамилия, кому ты, м<ожет> б<ыть>, «нечаянно», позволила смеяться над человеком, который тебя долго и верно любит. Пусть ты его (т. е. меня) не любишь, но ведь подлость необязательна. А это — подлость!

Больше я об этом не упомяну. И вот — опять я пишу тебе эти страницы и целую их и привыкаю к новой жестокости.

Но я не обвиняю тебя, а делюсь с тобой, м<ожет> б<ыть>, жалею тебе как женщине, сестре, почти как матери.

Не считай меня безнадежным безумцем.

Нет, все кончено во мне, когда тебя нет со мной. Ты знаешь, что я нездоров и я еле-еле влачу свои дни в ожидании тебя.

Ты все думаешь, что я тут вожусь с Костькой¹, что меня дома нет. Это неверно. Я вижу с Келлером, с Сацем, виделся со Степ<аном> Мих<айловичем>² (Катя его уехала в лагерь, он едет к ней тоже). Дома меня не бывает фиктивно: я не откликаюсь на один звонок, а всем, кому вход не запрещен, велел звонить условным звонком (несколько раз). Верно, позавчера приходила Зина с Петром Васильевичем, был звонок, я вышел спустя время, увидел записку в дверях. Я бы их, конечно, впустил, но ошибся, думал, что Симонов³. Такие ошибки, возможны, но иначе люди мешают заниматься.

С Костькой я не вижусь по простой причине. Мы серьезно поссорились как-то стоя на дворе в присутствии Луговского⁴. Он (Костька) изволил меня упрекнуть (потом он говорил, что это он иронически) в некотором недостатке революционности. Я его отпел так, что он завизжал, забрызгал слюной как прапорщик. Луговской был на моей стороне. Так что К<остька> отпал к чертовой матери.

Мое литературное положение улучшилось (в смысле отношения ко мне). Сказал один человек, что будто бы мною интересовался Сталин в благожелательном смысле. Сказал человек осведомленный⁵. Это возможно.

Ну, пиши же мне, дорогая. Я тебе пишу почти каждый день. Береги себя и сына для меня. Так болит душа, что при всем напряжении воли трудно справиться сразу и с разлукой с тобой и с недопомощью.

До свиданья, милая моя.

Твой Андрей

Я знаю, что ты непричастна к мерзким пустым конвертам. Это не может быть, чтоб моя Муза так «шутила» со мной.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 16, л. 14–16 об.

¹ См. записи Платонова о *Константине* Большакове в записной книжке 1935 г., после возвращения из Туркмении: «Когда видишь многих современных людей (К. Больш<акова>, Тр<ишина> etc.), то признаешь необходимость Тамерлана» (Записные книжки. С. 146); в записной книжке 1936 г.: «Одержимые достоинством, бегущие по двору бегом (мимо дворников и комендантов) etc...— Большаков и пр.» (Там же. С. 188).

² Скорее всего, речь идет о драматурге *Луние Степане Михайловиче* и его супруге, чей московский адрес и телефон встречаются в записных книжках Платонова 1935 г. (Записные книжки. С. 161, 177). В фонде Платонова хранится книга С. М. Лунина «Распутин. Пьеса в 4-х действиях» (Л.: Издание автора, 1927) с дарственной надписью: «А. П. Платонову. Автор» (оп. 5, ед. хр. 249); 11 июля 1935 г. датируется дарственная надпись на фотографии Лунина с женой: «Марии Александровне Платоновой с нежной любовью от друзей. Луinin. 11/VII-35» (оп. 4, ед. хр. 157).

³ *Симонов* Константин Михайлович (1915–1979) — поэт, прозаик, драматург; в это время — начинающий советский поэт, дебютировал в сборнике молодых литераторов «Смотр сил» (1934) фрагментами из поэмы о строительстве Беломорско-Балтийского канала («Беломорцы»).

⁴ *Луговской* Владимир Александрович (1901–1957) — поэт, участник 1-й (1930) и 2-й (1934) коллективной поездки советских писателей в Туркмению; автор книг «Сполохи» (1926), «Мускул» (1929), «Страдания моих друзей» (1930), «Большевикам пустыни и весны» (1931), «Европа» (1932), «Жизнь» (1933).

⁵ Можно предположить, что «осведомленным» лицом являлся оргсекретарь Союза писателей А. Щербаков, который в январе 1935 г. передал Сталину статью Платонова «О первой социалистической трагедии» (см.: *Галушкин А.* Андрей Платонов — И. В. Сталин — «Литературный критик» // Страна философов, 2000. С. 817). Судя по донесениям ОГПУ, Платонов встречался с Щербаковым в марте 1935 г. (Андрей Платонов в документах ОГПУ — НКВД — НКГБ, 1930–1945. Публикация В. Гончарова и В. Нехотина // Там же. С. 857).

28–29 (?) июня 1935 г. Москва

Дорогая Музочка!

Сейчас получил (в 9 ч<асов> веч<ера>) твое письмо от 25/VI.

Я жалею, что дал телеграмму по поводу двух твоих пустых конвертов и написал два раздраженных письма по этому поводу. Письма твои я получил все, кроме этих двух. С ними какая-то загадка. Я давно договорился с почтальоном. Все твои письма я либо получаю сам, либо мне он их бросает в форточку кухни, когда я отсутствую (в тресте). Что случилось, когда ты мне прислала пустой бланк перевода и чистую бумажку с ругательным словом — для меня, вероятно, навсегда останется тайной. Если это остроумие или символика, то оно достойно лишь пошляков. И, кроме того, непонятно, непонятно! Я бы сильно подозревал Костыку, но нет данных, фактов для этого.

Извини меня за телеграмму по этому поводу. Я тогда сильно расстроился, был оскорблен, не сообразил сразу, что ты, возможно, об этом деле знаешь столько же, сколько я — ничего.

Если ты передаешь там кому-то письма (заказные) для сдачи на почту, то больше не делай этого. Лучше отправляй почаще простые, и сама, они тоже доходят. Пиши все и не бойся, что какой-то стервец читает их. Читаю и перечитываю их только я.

Итак, не обижайся на меня. Подумай, как тебе было бы тяжело, если б ты получила от меня пустую бумажку со словом «пизда», или грязный обрывок какого-то бланка.

Ты пишешь «уверена, что пьешь много, а ешь мало»¹. Вот что. Я не пью совсем, хотя бы потому, что нездоров, да и не на что.

Ты спрашиваешь, что делают мои герои — «Лида и пр.». Лиды у меня нет. Ты путаешь. Есть Вера, которая уже умерла от родов, когда Н. И. Чагатаев² был в Сары-Камыше. Вещь не мрачная. Келлер плакал не от этого, а оттого, что вещь — человеческая, что в ней совершаются действия и страсти, присущие настоящим мужественным и чистым людям. Плачут не всегда от того, что печально, а оттого, что прекрасно, — искусство как раз в этом. Слезы может вызвать и халтурщик, а волнение, содрогание — только художник.

Ты пишешь, что я сплавил вас, а теперь — история. Какая же история? Я не знал, что тебе неприятно, когда тебя любит муж.

«И ради всех святых (наших) не сходи с ума».

Смотри, разумные не любят. Ты как раз чрезвычайно умна, что мне и нравится, и нет. И какая ты злая. — «Вдруг рукопись не примут? Столько потеряно времени. Что будем делать тогда? На авансы надежды уже нет». Разве можно меня упрекать в этом? Неужели, ты только и связана со мной одними материальными интересами? Как мало, в сущности, в тебе любви и как много хозяйственных соображений. Не бойся ничего, ты будешь жить хорошо. Только не задавай мне таких вопросов, я их не люблю слышать от тебя.

Сегодня встретил Павленко на дворе. Он мне опять говорил о даче для меня³ (я тебе уже писал об этом). Как будто дело реальное. Я думаю, это тебе приятно знать. М<ожет> б<ыть>, на будущее лето ты уже будешь жить на своей простор-

ной даче и мы вдвоем разведем сад и огород, потом ты родишь для меня девочку, похожую на тебя. Неужели не хочешь?

Когда же ты приедешь? У меня дрожит сердце от одного воображения — что будет тогда между нами на нашем спальном ложе! Как я буду питаться тобой! Дождусь ли я этого, или что-нибудь неотвратно помешает приблизиться тому времени. Не сердись на меня больше никогда.

Я понимаю, что зря пишу такие сплошь любовные, неинтересные для тебя письма. Любовь ведь завоевывается иначе — тактикой, незаметной хитростью и т. д., но я иду напрямик, дуром, как безумный, и результаты не могут быть хорошими.

До свиданья, милая, первая и последняя моя Муза, прекрасная чистая жена и друг.

Целую тебя в губы, в глаза, в щеки *<далее шариковой ручкой вымараны 2–3 слова>*.

Твой Андрей

Привет и рукопожатье дорогому сыну.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 16, л. 17–18 об.

¹ Здесь и далее цитируется несохранившееся письмо Марии Александровны.

² Вера и Назар Иванович Чагатаев — герои повести «Джан».

³ *Павленко* Петр Андреевич (1899–1951) — прозаик, член правления и президиума Союза писателей СССР. Решение о строительстве дачного писательского поселка в Переделкино было принято правительством в 1933 г., в преддверии Первого Всесоюзного съезда писателей; строительство началось в 1934; весной 1935 г. президиумом ССП и Литфондом рассматривались списки претендентов на первые 30 дач. П. Павленко являлся председателем правления членов товарищества «Городок писателей». Платонов дачу в Переделкино не получил; на сегодняшний день документы, свидетельствующие о том, что Платонов был включен в список 30-ти, не выявлены.

8

2 июля. Москва

Прошу телеграфировать здоровье. Когда приедете. Целую обоих. Андрей

Печатается по оригиналу телеграммы: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 16, л. 19.

9

3 июля. Москва

Вторично прошу телеграфировать твое положение.

Печатается по оригиналу телеграммы: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 16, л. 20.

ПИСЬМА ИЗ КОМАНДИРОВОК 1936–1937 гг.

Публикация Н. Корниенко

1

12 февраля 1936 г. Станция Красный Лиман

Кр<асный> Лиман, 12/II, вечер

Дорогая Муся!

Вчера в 6 ч<асов> утра я приехал в Лиман с рабочим поездом из Славянска (18 км). Было холодно, ночь я не спал (в Славянск из Москвы поезд пришел в 3 ч<аса> ночи) и я простудился. В ж.д. поселке мне дали комнату, я лег в кровать и пролежал два дня. Сейчас мне лучше. Завтра осмотрую станцию, поеду на ФД¹ до ст<анции> Основа и обратно (350 км). Мне «повезло»: пропало два дня. Здесь, говорят, было тепло, а сейчас вьюга, мороз. Цейтлин² человек умный (правда, я говорил с ним пока минут 10), очень похож на свой образ в моем рассказе. Приеду — расскажу. Мне очень скучно, я совершенно один лежу вторые сутки. Но простуда прошла, завтра утром выйду и займусь делами.

Целую тебя и сына, твой А<ндрей>.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 17, л. 1; почтовая открытка.

Красный Лиман — железнодорожная станция Донецкой железной дороги (Харьковская область). В январе 1935 г. Платонов был включен в состав писательского коллектива для работы над рассказами о героях-железнодорожниках, награжденных 5 августа 1935 г. высокими правительственными наградами. 27 января 1936 г. на совещании в Союзе писателей за Платоновым были закреплены в качестве героев два орденосца станции Красный Лиман — главный кондуктор Краснолиманского отделения службы эксплуатации А. П. Ворон и ее начальник Э. Г. Цейтлин (см. наши комментарии к стенограмме обсуждения рассказа А. Платонова «Среди животных и растений» — Воспоминания. С. 327–329). Поездка в Красный Лиман связана с началом работы над пьесой «Станция Красный Перегон» (автограф и машинопись хранятся в фонде Платонова: оп. 1, ед. хр. 265–267).

¹ ФД — грузовой паровоз, разработанный в транспортном отделе ОГПУ и названный в память первого руководителя ВЧК-ГПУ Феликса Дзержинского.

² Цейтлин Эммануил Григорьевич (1901–1941) — начальник станции Красный Лиман, в 1935 г. награжден орденом Ленина, стал прототипом героя рассказа «Бессмертие» Эммануила Семеновича Левина (об истории публикации рассказа см. комментарии Н. Дужиной — Страна философов, 2003. С. 741–744). Как следует из письма, рассказ о Цейтлине-Левине был уже написан (не исключено, что в первой редакции); для работы над рассказом Платонов использовал материал книги «Люди великой чести» (1935). С 1938 г. Цейтлин работал в аппарате Центрального Управления движения Наркомата путей сообщения; заместитель начальника; арестован 1 сентября 1939 г. по сфабрикованному «делу» антисоветской правотроцкистской организации; расстрелян в 1941 г.

2

24–25 февраля 1937 г. Станция Тосно

Тосно, 24/II, вечер

Дорогая Муся, дорогой Тотик!

Ехали весь день до вечера. Остановились на плохой ночлег: лошадей поставить некуда (нет здесь сараев), сами, т. е. ямщик и я, будем спать в кухне на полу, где ночуют еще и другие колхозники. Тосно — с точки зрения не скорого поезда, — совсем другое. Выехали мы из Л<енингра>да в метель. Ал<ександр>р Сем<енович>¹ проводил меня до заставы и, прощаясь, заплакал.

В поездку я еще не втянулся, поэтому мне пока еще трудно. Интересного много, хотя я еду всего сутки².

Завтра напишу еще. Утром — на Любань, м<ожет> б<ыть>, успеем до Чудово.

Обнимаю обоих. Андрей

PS. Утро 25/II.

Выезжаем на Любань.

Идет густой снег.

До свиданья, мои дорогие. А<ндрей>

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 18, л. 1–2.

1-е письмо из поездки А. Платонова из Ленинграда в Москву, по маршруту книги А. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790). Эта поездка входила в план работы Платонова над романом «Путешествие из Ленинграда в Москву в 1937 году»; договор на роман был подписан с журналом «Знамя» и изд-ом «Советский писатель» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 161, л. 24–25). Текст романа неизвестен, сохранились лишь фрагменты.

Во время этой поездки Платонов вел записную книжку, в которой отмечены все его остановки (Записные книжки. С. 191–208). Маршрут поездки Платонов также отмечает на карте поездки Радищева из издания «Путешествия из Петербурга в Москву» 1935 г.

¹ *Кашинцев* Александр Семенович — отец Марии Александровны; жил в Ленинграде, умер в блокадном Ленинграде в 1942 г. (см. ниже письмо Платонова Марии Александровне от 27 июля 1943 г., с. 537 наст. издания).

² См. записную книжку с записями, сделанными во время этой поездки: Записные книжки. С. 191–208.

3

25 февраля 1937 г. Станция Чудово

Дорогая жена Муся и сын Тотик!

Мы едем по метелям. Приехали в Чудово. Ночуем в Доме крестьянина. Лошади прошли 150 км от Л<енин>града и затомились. Днем сегодня стояли в Любани, до этого проезжали Ушаки. Вижу много хорошего, героического в истинном смысле народа. Метель, целый день дующая в лицо, затрудняет поездку. Приходится сильно уставать. Я очень скучаю по тебе и Тошке, не знаю, как вы живете, какие у вас события. Еду по сосновым и березовым лесам. Встречаются деревянные деревни, ребятишки идут в школы сквозь метель. Каждый день бывают случаи, встре-

чи с людьми, когда необходимо помогать (дать 1, 2, 3, 5 рублей). Без этого нельзя. Такие люди каким-то образом возвращают свой долг мне посредством хотя бы того, что я люблю их и питаю от них свою душу.

Сейчас вечер. Я сильно устал, завтра с 6–7 ч<асов> утра опять нужно в путь. Жму руку и целую Тошку. Обнимаю тебя.

Ваш А<ндрей>

Чудово, 25/II.

P.S. 25/II я буду в Новгороде. Телеграфируй мне до востребования: все ли у вас хорошо и благополучно, если нет, то, что именно (подробно) случилось плохого.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 18, л. 3–4 об.

4

27 февраля. Великий Новгород

Новгород, вечер 27/II, Дом крест<ьянина>

Милая Муся и дорогой Тотик!

Я пишу вам уже третье письмо. Послал недавно телеграмму, жду ответа от тебя¹. Свет здесь горит так тускло, что трудно писать.

Спрашивал себе писем и телеграмм до востребования: конечно, ничего нет. Ты и товарищи только обещали мне писать, но писать, очевидно, не будете. Я ведь давал еще в Москве свой адрес на Новгород до востребования.

Следующий мой адрес: Вышний Волочек (кажется, Калининской обл.), почтамт, до востребования — мне.

Но писать надо туда сразу, а то письмо твое может там меня не захватить. Мне трудно рассчитать время вперед, где и когда я буду. Это зависит от метелей, морозов, состояния лошадей, наличия кормов для них и пр. Больше писать не буду, пока сам не получу вестей от тебя.

Трое суток мы ехали в метелях, четвертые — в морозе, — неизвестно, что лучше. Поездка нелегка. Теперь предстоит взять самый трудный участок Новгород — Тверь (400–500 км), а с Твери будет уже «видна» Москва и ты с Тошкой.

Из Новгорода выезжаю 1/III утром. Лошади сильно притомились, даем им отдых — две ночи и день. Особенно сдает Зорька, Сончик еще тянет. Устали немножко и мы с ямщиком (он как ямщик и человек — среднего качества). Понемногу сдают с тела все четыре члена «экспедиции» (2 чел<овека> + 2 лош<ади>). Вчера стали на ночевку рано, часа в 3 дня, из-за метели («глушь и снег навстречу мне»²) — в избушке маленького колхоза. Там сидит семейство и плетет лапти. Вижу много хорошего народу. Приеду — расскажу.

Много мешает моему здоровью какое-то тяжелое, необоснованное предчувствие, ожидание чего-то худого, что может случиться с тобой и Тошкой в Москве.

Целую дорогую жену и большого сына.

Ваш друг, муж и отец Андрей

Приписка на левом поле листа: Колхоз, где я ночевал пр<ошлую> ночь, назыв<а-ется> «Любино Поле»³. Хорошее название.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 18, л. 5–6 об.

¹ Сохранилась телеграмма Марии Александровны, посланная в Вышний Волочек: «Все посылали письма на Новгород. Затребуй. Шлем на Волочек. Напрасно сердиться, овес устроен. Есть ли деньги. Сколько выслать. Береги себя. Просим. Целуем крепко. Мартот» (оп. 3, ед. хр. 45). Мартот — составное имя: Мария и Тот.

² Вольное цитирование стихотворения А. Пушкина «Зимняя дорога» (1826), с эффектом смыслового сдвига за счет смены синтаксиса; в источнике: «Ни огня, ни черной хаты, / Глушь и снег... Навстречу мне / Только версты полосаты / Попадают одна...»

³ Название колхоза в селе Старая Полисть (см.: Записные книжки. С. 196–197). Понравившийся топоним использован в сценарии военных лет «Любино поле».

ПИСЬМА 1942–1945 гг.

Публикация Е. Антоновой

1

8 июля 1942 г. Москва

Москва 8/VII

Дорогая Муся, дорогой Тоша, дорогая Тамара!

Сегодня приехал благополучно в Москву. Сажу в маленькой синей (зеленой) комнате. Наружи бьют зенитки...

Квартира наша, насколько я осмотрел ее, в полном порядке. В ней никого нет из «жильцов»¹. В большой комнате стоит печь «беднота». Мебель и утварь исправны и целы. Везде и сейчас видны следы работы, следы уюта, который создавала ты, моя дорогая. Сидеть в нашей общей квартире, где всюду еще пахнет нашей семьей, очень тяжело.

Собираюсь идти сейчас к тете Натэ² и Петру³, но зенитки не унимаются, и я устал от дороги. Я еще никого не видел, но составил уже представление в том, что вам всем пока что лучше жить в Уфе. Это необходимо. Мне здесь скучней, чем вам там — вы вместе, а я один. Я не знаю, что меня здесь ожидает — куда придется ехать, что делать и т. п. Постараюсь работать много, чтобы посылать вам достаточно денег. Москву я еще не разглядел. Все, по-моему, как было, только люди не те, что были; они стали, пожалуй, более серьезными, более глубокими, и внешний вид их изменился.

Теперь — главное. Опиши мне положение Тоши — в смысле его здоровья. Я проезжал Шафраново⁴. Это 4–5 часов езды от Уфы по дороге в Куйбышев⁵. Место очень красивое. Завтра я начну действовать в помощь Тоше отсюда (Литфонд).

Забыл еще сказать, что Джека нет. Ершов⁶ сказал, что он пропал еще зимой. Возможно, что так, но мне жалко нашей собаки.

Жутко сидеть в наших хоромах в полном одиночестве. Я нарочно поселился в самой маленькой комнате.

Большаковы⁷ живут по-прежнему. Новикова⁸ тоже такая же. Но Клягин⁹ и Молчановы¹⁰ (отец и сын Ваня, вы помните их) погибли за нашу родину. Павел¹¹ на фронте. Ершов болеет — он попал под автомобиль и лежал в больнице. Вот — все новости, что я узнал во дворе, т. к. нигде еще не был.

Ждите следующего письма.

Целую и обнимаю вас всех, дорогие мои, по отдельности и вместе сразу.

Пошел к Петру и к Нате. Стало тихо.

Ваш супруг, отец и свекор

Андрей

Утро 9/VII. Конверта нет. Посылаю письмо лишь сегодня. Был сейчас у тети Наты, отдал ей посылку. Вчера вечером заходил Петр Трошкин. Тут я узнал от Наты, что Тамара и Платон писали или пишут кому-то письма — с просьбой их вызвать в Москву¹². Надо им понять наконец, что их безудержное своеволие дорого стоит другим людям. Никакого им вызова, конечно, не будет. Они сами понимают мало, а другим верить не хотят; Тамара ссылалась на тетю Нату, что она, дескать, живет себе в Москве. Хорошо бы теперь Тамару поставить дня на два на место тети Наты — для уяснения, кому из них лучше и кому хуже.

Вообще, им обоим пора понимать больше в действительности. На днях тетя Ната соберет вещи из квартиры Тамары, а я их постараюсь быстро направить вам.

Заходили с Петром Трош<киным> к Анне Павл<овне>. Соседи ее сказали, что она давно эвакуировалась с дочерью¹³, но не знают куда. Узнаю, тогда сообщу. Гумилевский¹⁴ — около Саратова. Я застал дома его письмо от февраля месяца. Сегодня вечером увижу брата¹⁵, мож<ет> быть — и Веру¹⁶.

Отец мой погиб¹⁷. Петя глухо мне сказал об этом, желая, чтобы подробности сказал брат. Я сильно любил и люблю своего отца, и меня мучает теперь раскаяние, что я ничем не помогал ему, а теперь уже не нужна ему моя любовь и помощь и его нет на свете.

До свиданья. Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 20, л. 1–3 об.

¹ Одна из реалий военного московского быта — в квартиры эвакуированных на время их отсутствия вселялись граждане, по той или иной причине нуждавшиеся в жилье.

² Кириллова Наталья Савельевна — тетя Тамары Тарновецкой, жены Платона Платонова.

³ Речь, скорее всего, идет о свояке писателя — Петре Артемьевиче Трошкине, с которым Платонов, находясь в Уфе, поддерживал постоянный контакт. Их переписка в конце 1941 — начале 1942 г. была довольно интенсивной: сохранились 4 письма Трошкина в Уфу — от 5 декабря 1941 г., 10 января, 14 февраля и 17 февраля 1942 г. (находятся в ОР ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 66; частично опубликованы, см.: Шошин В. А. Из писем к Андрею Платонову: По материалам рукописного отдела Пушкинского Дома // Творчество, 1995. С. 177, 182–183). Известны также машинописные копии двух писем Платонова Трошкину от 17 января и 6 марта 1942 г. В свою очередь, по этим документам достоверно устанавливается, что существовало еще, как минимум, одно письмо Трошкина Платонову от 31 декабря 1941 г. и 3 письма Платонова — от 17 ноября, 26 декабря 1941 г. и 2 февраля 1942 г. Из сохранив-

шихся писем следует, что Трошкин, находясь в Москве, неоднократно выполнял поручения Платонова, связанные с его издательскими делами — передавал по назначению присланные рукописи, узнавал о местонахождении интересовавших Платонова знакомых.

Возможно также, что здесь имеется в виду родной брат Платонова — Петр Платонович Климентов (см. прим. 15).

⁴ Вблизи железнодорожной станции Шафраново, расположенной в 138 км к юго-западу от Уфы, находился одноименный климато-кумысолечебный санаторий. В июле 1942 г. сыну Платонова, больному туберкулезом легких, удалось получить путевку для лечения в Шафраново, где он пробыл около месяца — до конца августа 1942 г.

⁵ Ныне Самара.

⁶ Неустановленное лицо, вероятно, кто-то из соседей Платоновых по дому 25.

⁷ Сестра и, вероятно, племянница репрессированного писателя К. А. Большакова (см. письмо 13), соседи Платоновых по дому.

⁸ *Новикова* Екатерина Семеновна — жена репрессированного писателя А. Н. Новикова, соседка Платоновых по дому.

⁹ *Клягин* Константин Иванович (1894–1941) — поэт, сосед Платоновых по дому, пропал без вести в октябре 1941 г.

¹⁰ *Молчанов* Иван Никанорович (1903–1984) — поэт, сосед Платоновых по дому; закончил войну в Праге военным корреспондентом фронтовой газеты «Суворовский натиск», сведений о судьбе его сына не имеется.

¹¹ *Трошкин* Павел Артемьевич (1909–1944) — родной брат Петра Артемьевича Трошкина, фотокорреспондент газеты «Известия».

¹² Письма не сохранились.

¹³ Вероятно, речь идет о писательнице Анне Павловне Ивановой-Весниной (1890–1972), первой жене писателя Вс. Иванова, и их дочери Марии Всеволодовне Ивановой-Весниной (1929–1974).

¹⁴ *Гумилевский* Лев Иванович (1890–1976) — писатель, друг Платонова. Письмо Гумилевского от 12 февраля 1942 г., посланное из с. Турки, Саратовской области, опубликовано В. А. Шошиным, см.: Из писем к Андрею Платонову: По материалам рукописного отдела Пушкинского Дома // Творчество, 1995. С. 178–179.

¹⁵ *Климентов* Петр Платонович (1904–1985) — профессор, доктор геолого-минералогических наук; в годы войны занимался организацией резервного водоснабжения объектов Москвы, в 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Подземные воды г. Москвы и их значение для реконструкции и обороны столицы».

¹⁶ *Климентова* Вера Платоновна.

¹⁷ Это известие оказалось ошибочным. В начале июля 1942 г. немецко-фашистские войска прорвались к Воронежу и захватили плацдарм на левом берегу Дона в районе Воронежа. 6 июля начались уличные бои, в результате которых советские войска удержали левобережную часть города и плацдарм на правом берегу в районе Чижовки. Из оккупированной части города было изгнано все гражданское население. Вследствие этих событий отец Платонова, Платон Фирсович Климентов (1870–1952), оказался в городе Смела Киевской области, где и находился с июля 1942 г. по февраль 1943 г. (см.: *Ласунский* О. Житель родного города. С. 21).

2

17 июля 1942 г. Москва

17/VII

Моя дорогая Муся!

Только что ушел В. В. Шкваркин¹. Он посетил меня, мы поговорили — о тебе он говорил самые лучшие вещи и просил тебе передать свой почтительный привет, что я и делаю. В. В. все такой же — вежливый, учтивый, тонкий, хорошо и с любовью относящийся к тебе, к сыну и ко мне. Я его угостил черным хлебом, он ел его просто и охотно, как и я. Узнав, что я обедаю не в той столовой, которая мне полагается по рангу, он решил принять меры (говорить с Фадеевым²). Но Фадеев и так уже сделал для меня порядочно — ему мы обязаны оплатой путевки для сына³. Целую тебя. Твой Андрей.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 20, л. 4; почтовая карточка.

¹ Шкваркин Василий Васильевич (1894–1967) — известный советский драматург, автор популярной комедии «Чужой ребенок» (1933).

² Фадеев Александр Александрович (1901–1956) — в 1939–1944 гг. секретарь Союза писателей СССР.

³ Речь идет о путевке в санаторий Шафраново, см. прим. 4 к письму 1.

3

27 июля 1942 г. Москва

Дорогая Муся!

Ответь: как устроился Тоша в Шафранове, где Тамара, как ты живешь?¹

Я только что вернулся — несколько дней не был в Москве, был на фронте². Достал письмо Тоши от 16/VII и прочел его.³ Я рад, что с путевкой у него устроилось благополучно. Получили вы наконец 1600 р<ублей> из литфонда?

Я видел грозную и прекрасную картину боя современной войны. В небе гром наших эскадрилий, под ними гул и свист потоков артиллерийских снарядов, в стороне хриплое тьяканье минометов. Я был так поражен зрелищем, что забыл испугаться, а потом уже привык и чувствовал себя хорошо. Наша авиация действует мощно и сокрушительно, она вздымает тучи земли над врагом, а артиллерия перепыхивает все в прах.

Наши бойцы действуют изумительно. Велик, добр и отважен наш народ!

Представь себе — в земле укрыты тысячи людей, тысячи пар глаз глядят вперед, тысячи сердец бьются, вслушиваясь в канонаду огня, и поток чувства проходит в твоей груди, и ты сам не замечаешь, что вдруг слезы странного восторга и ярости текут по твоим щекам. Я привык к машинам, а в современной войне сплошь машины, и от этого я на войне чувствую себя как в огромной мастерской среди любимых машин. Ночью я видел пылающий в небе самолет врага. От скорости полета и ветра огонь распускался за ним, как космы у ведьмы. Сейчас я устал, деловое письмо напишу потом, а это так — впечатления.

Я уже знал раньше от П. Трошкина, что скончался Ал<ексан>др Семенович⁴. Сожалею и сочувствую тебе. Ты знаешь, что я любил его и был ему товарищем —

особенно в последние годы. Я вспоминаю, как мы были с ним в Луге⁵, как он приезжал к нам в Москву. Теперь его нет.

Целую и обнимаю тебя.

Твой Андрей

27/VII

Впервые: Волга, 1975. С. 174; в сокращении.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 20, л. 6–7.

¹ На момент написания письма Платон находился в санатории Шафраново (см. прим. 4 к письму 1), его жена Тамара осталась в Уфе вместе с Марией Александровной Платоновой.

² Речь идет о поездке на Западный фронт, см. сообщение о том же в письме 7.

³ Письмо Платона Платонова от 16 июля 1942 г., в котором, помимо прочего, излагалась история получения им путевки в Шафраново, сохранилось (оп. 3, ед. хр. 48, л. 6–7).

⁴ *Кашинцев* Александр Семенович, свекор писателя, умер в блокадном Ленинграде в 1942 г. Сообщение о его смерти содержалось в вышеупомянутом письме Платона.

⁵ При публикации в журнале «Волга» после слов «в Луге», вероятно, по настоянию М. А. Платоновой, добавлено пояснение «нанимали лошадей». В таком случае речь может идти о каких-то событиях, связанных с поездкой Платонова по маршруту Радищева в 1937 г.

4

28 июля 1942 г.¹ Москва

Дорогой мой Тотик!

Где ты теперь — в Уфе или в Шафранове²? Я ничего от вас давно не получал, ничего не знаю. В своем последнем письме ты пишешь мне — не ходили ли по клавишам рояля ногами мои собутыльники?³ Мать тоже думает в этом роде. Неужели не пора уже поумнеть? Неужели так и нельзя себе представить, какова сейчас жизнь, особенно в Москве? Я никак не найду человека, который сvez бы вам в Уфу кое-что. М<ожет> б<ыть>, кто-нибудь из Уфы поедет в Москву, — с возвращением в Уфу. Пусть идет ко мне. У меня есть, что вам послать: конфеты, сахар, консервы, белье и др<угие> вещи. Как твое здоровье, милый мой, неужели ты таешь там? М<ожет> б<ыть>, лучше будет Тамаре поехать к родителям, а то и ей плохо и ты, глядя на нее, выздороветь не можешь.

До свиданья, мой дорогой.

Целую тебя. Твой отец.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 20, л. 5; почтовая карточка.

¹ Дата восстановлена по проставленному в Москве почтовому штемпелю.

² См. прим. 4 к письму 1.

³ Отсылка к одной из «шутливых» реплик Платона в его письме от 7 июля 1942 г., см.: «Прошу тебя сообщить детально и подробно, в каком состоянии наша квартира, и события нашего дома и той среды, где ты будешь. <...> Топали ногами по клавишам рояля, или нет? Напиши свое первое вхождение в нашу обитель» (оп. 3, ед. хр. 48, л. 1 об.).

5

10 августа 1942 г. Москва

10/VIII

Дорогая Муся!

Ты спрашиваешь, чем я так занят. Я работаю много, и не перечислишь. Самая важная моя работа сейчас: я пишу повесть о пяти моряках-севастопольцах¹. Помнишь — о тех, которые, обвязав себя гранатами, бросились под танки врага. Это, по-моему, самый великий эпизод войны, и мне поручено сделать из него достойное памяти этих моряков произведение. Я пишу о них со всей энергией духа, какая только есть во мне. И это произведение, если оно удастся, самого меня хоть отдаленно приблизит к душам погибших героев. Мне кажется, что мне кое-что удастся, потому что мною руководит воодушевление их подвига, и я работаю, обливая иногда слезами рукопись, но это не слезы слабости. Вот чем я занят.

Целую тебя. Андрей

<приписка сбоку листа> У меня получается нечто вроде Реквиема² в прозе.

Впервые: Волга, 1975. С. 174; фрагмент.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 20, л. 8; почтовая карточка.

¹ Речь идет о рассказе, известном под названием «Одухотворенные люди». Рассказ посвящен одному из главных — наряду с подвигом 28 героев-панфиловцев — героических событий советской историографии начального периода Великой Отечественной войны. 7 ноября 1941 г. в районе села Дуванкой (позднее село Верхнесадовое) группа моряков (Красносельский И. М., Одинцов Д. С., Паршин Ю. К., Цибулько В. Ф.), стрелков 18-го отдельного батальона морской пехоты Береговой обороны Черноморского флота, во главе с политруком Фильченковым Н. Д., начальником клуба 18-го отдельного батальона морской пехоты Береговой обороны Черноморского флота, отразили атаки противника, пытавшегося пробиться к Севастополю. В воспоминаниях маршала Н. И. Крылова, бывшего одним из руководителей обороны Севастополя, начальником штаба Приморской армии, рассказывается, как в сложной обстановке того времени распространилось известие об этом подвиге: «Должен тут же сказать, что о подвиге у Дуванкой, которому суждено было стать бессмертным, мы узнали не сразу. Санитар, добравшийся туда, когда один из пяти героев — Василий Цибулько — был еще жив, сам получил тяжелое ранение и не успел никому передать до отправки в госпиталь то, что он услышал от умирающего краснофлотца. Как все было, выяснилось лишь через некоторое время. Но что какие-то бойцы остановили вражеские танки, видели с соседних высот, из расположения других подразделений, и о подвиге этих бойцов разнеслась молва. На войне не раз бывало, что в легенду превращалось событие, уже хорошо известное. Здесь же получилось наоборот: подвиг группы Фильченкова сначала стал героической легендой, передаваемой из уст в уста, из окопа в окоп, а потом уже обрел достоверность восстановленного во всех подробностях факта» (Крылов Н. И. Не померкнет никогда. М., 1984. С. 276). В печати об этом подвиге впервые было рассказано в статье М. Когута «Подвиг пяти черноморцев» (газ. «Маяк коммуны» от 19 мая 1942 г.). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 октября 1942 г. «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» морякам, погибшим у Дуванкой, было присвоено звание Героев Советского Союза.

² Под этим названием рассказ «Одухотворенные люди» упоминается также в письме 7 и характеристике А. Платонова от 19 сентября 1942 г., представленной Военной комиссией ССП в ГлавПУРККА (РГАЛИ, ф. 631, оп. 16, ед. хр. 449).

6

24 августа 1942 г. Москва

24/VIII

Дорогая Муся!

Напиши мне подробно, что ты послала в посылке с Лебедевым, кто такой этот Лебедев, откуда он появился у вас?¹ Его я не знаю, и он ко мне не заходил. Я опять прошу — не присылать мне ничего. У меня есть все достаточное для жизни. Сегодня я перевел тебе телеграфом 400 руб<лей>. Получила ты их? Надо постараться, чтобы Тоша был в Шафранове до конца сезона, до октября.² Что нужно сделать для этого с моей стороны из Москвы. Напиши, я сделаю. Теперь у вас хозяин Кононов³, бюро нет. Передай ему привет. Перцова⁴, вероятно, скоро придет в Уфу. Целую тебя. Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 20, л. 9; почтовая карточка.

¹ О намерении передать в Москву продукты с неким писателем Лебедевым сообщается в одном из писем Платона Платонова из санатория: «Папа, дорогой, как я хотел послать тебе масла или меда. Но я этого не имею. В середине августа едет в Москву из Шафраново молодой писатель Лебедев. Он тебя знает. К тому времени я достану и жиры и мед» (оп. 3, ед. хр. 48, л. 18–19; б/д).

² См. прим. 4 к письму 1.

³ Кононов Александр Терентьевич (1895–1957) — детский писатель, автор неоднократно издававшихся «Рассказов о Ленине», некоторое время главный редактор Детгиза; находился в эвакуации в Уфе. В письмах Платона Платонова обнаруживаются упоминания о посильной помощи Кононова при получении путевки в Шафраново (оп. 3, ед. хр. 48, л. 3, 6). В данном случае речь, по-видимому, идет об изменении формы руководства эвакуированными писателями (см. также письмо 7). Официальных сведений об этом назначении пока не обнаружено, поскольку в документах архивного фонда ССП СССР практически отсутствует информация о небольшой московской писательской группе в Уфе, насчитывавшей всего 9 человек (РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 573, л. 43).

⁴ Вероятно, жена критика В. О. Перцова, также какое-то время находившегося в эвакуации в Уфе (возвратился в Москву не позднее марта 1942 г.); сведения о ее поездке в Уфу не обнаружены.

7

30 августа 1942 г. Москва

Москва 30/VIII.

Здравствуйте, милые мои Муся и Тотик!

Спасибо вам за телеграммы — с поздравлением по случаю моего давнего дня рождения. Вчера мне исполнилось 43 года¹. Нечаянно удалось даже отпраздновать его. Пришли трое студентов Литинститута, которые не чают во мне души (я никак

от них не отвязусь); они принесли литр водки в подарок; пришел Петя Трошкин, брат Петр, Вера, Кожевников² и Натан Абрамович³. В магазине я получил колбасу,— и мы немного выпили. Я сказал как бы маленькую речь, где вспомнил такой факт из фронтовой действительности: один наш командир поднимал своих бойцов в атаку, был сильный огонь противника, у командира оторвало миной левую руку; тогда он взял свою оторванную руку в правую, поднял свою окровавленную руку над своей головой, как меч и как знамя, воскликнул: «вперед!» — и бойцы яростно пошли за ним в атаку. И первый мой тост был за здоровье, за победу великого русского солдата.

Этот факт — с рукой — я описал в рассказе «Реквием» (памяти пяти моряков-севастопольцев)⁴.

Дела мои в литературе начали складываться пока что блестяще. На днях будут напечатаны мои рассказы в «Красной звезде» — самой лучшей газете всей Красной Армии — «Броня» (новый рассказ) и «Божье дерево»⁵. В журнале «Октябрь» печатается «Крестьянин Ягафар»⁶. В журнале «Красноармеец» — «Дед-солдат»⁷.

Я приглашен как постоянный сотрудник в «Красную звезду» (это большая честь)⁸, затем в «Красный флот» и в журналы «Красноармеец» и «Краснофлотец»⁹. И еще, и еще — работы уйма. Скоро поправятся наши и денежные дела: я смогу выслать денег побольше.

Рассказ «Броня» произвел на редакцию огромное впечатление, он привел их в «дикий восторг», как мне они сами говорили. Когда я по их просьбе прочел его вслух, то по окончании чтения большинство моих слушателей плакало, а один разрыдался. Вы сходите в библиотеку и там почитайте «Кр<асную> Звезду».

Теперь о вашем вызове. Я уже поставил об этом вопрос ребром — перед теми, от кого это зависит. Мне обещали это сделать твердо: «ваша жена и сын будут зимовать с вами», сказали мне. В течение сентября, я думаю, это все решится, если позволит общая обстановка. На всякий случай, однако, жилище вам будет обеспечено и в Уфе. Туда уже дважды посланы соответствующие категорические распоряжения. Это будет сделано обязательно.

Я уже писал вам, что был на зап<адном> фронте¹⁰. В десятых числах сентября я, видимо, поеду на воронежское направление, как военный корреспондент, и уже надена шинель¹¹. Посмотрю, что стало с моей родиной. Схожу на могилы, поплачу надо всеми мертвыми.

Я видел на фронте храбрейших людей, которые, однако, не могли ни слушать музыку, ни видеть цветы,— плакали. Вообще, Муся и Тотик, повидать пришлось многое даже за краткое время. Увижу и переживу еще больше. Пишите мне, дорогие мои.

Привет Кононову. По моей просьбе Фадеев назначил его секретарем всех уфимских москвичей, а бюро распустил¹². Но вы это уже знаете.

Будем жить, работать и ожидать, когда мы опять будем неразлучны. Как действительно здоровье Тоши? Почему он так мало был в санатории?¹³ И дало ли это хоть маленькую пользу? — (большой конечно и не могло быть). При всякой возможности буду посылать вам посылки. У меня сейчас есть масло слив<очное>, сахар, крупа,— сверх того, что мне нужно,— но не знаю, с кем послать. Будем жить друг для друга, мы еще будем счастливы. А если уж что случится, если суждено, то смерть моя будет непостыдной, она будет смертью русского солдата. Жалко, что не все еще написал и сердце еще полно силы.

Целую и обнимаю вас. Ваш Андрей

<приписки сбоку листа> P.S. Посылку Тамаре взяла тетя Ната, она уже отправила ее в Свердловск¹⁴.

P.P.S. Ел<ена> Виктор<овна>¹⁵ обещала на днях принести туфли для Муси, но не приходила пока.

Впервые: Волга, 1975. С. 175; фрагмент.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 20, л. 10–11 об.

¹ Андрей Платонов родился 16 августа 1899 г. (по старому стилю).

² *Кожевников* Алексей Бенедиктович (1891–1980) — прозаик, в разное время член редколлегий различных периодических изданий для детей («Колхозные ребята», «Дружные ребята»). Принадлежал к кругу лиц, общавшихся с семьей Платоновых.

³ Неустановленное лицо, упоминается также в записных книжках Платонова.

⁴ Речь идет о рассказе «Одухотворенные люди», см. также прим. 1 к письму 5.

⁵ Рассказ «Броня» опубликован в «Красной звезде» 5 сент. 1942 г. (№ 209); публикация рассказа «Божье дерево» в «Красной звезде» не состоялась.

⁶ Рассказ опубликован в № 10 журн. «Знамя» за 1942 г.

⁷ Рассказ опубликован в № 18 журн. «Красноармеец» за 1942 г.

⁸ О прикреплении Платонова к газете «Красная звезда» см. нашу статью «Платонов в 1942–1945 гг.», с. 409, 413 наст. издания.

⁹ На настоящее время известны три публикации Платонова в журн. «Красноармеец»: «Дед-солдат» (1942, № 18), «На минном поле» (= «О советском солдате»; 1944, № 6), «Сержант Шадрин» (1945, № 18); а также единственная публикация в журнале «Краснофлотец» — «Слава» (= «Одухотворенные люди»; 1942, № 21). Публикаций в газ. «Красный флот» не обнаружено.

¹⁰ См. письмо 3.

¹¹ Сведений об осуществлении этой поездки не имеется. В августе 1942 г. Воронеж оставался частично захваченным немецко-фашистскими войсками, см. прим. 17 к письму 1; город был освобожден от оккупантов лишь 25 января 1943 г. О ходе военной аттестации Платонова см. нашу статью «Платонов в 1942–1945 гг.», с. 408–409 наст. издания.

¹² См. письмо 6.

¹³ См. прим. 4 к письму 1.

¹⁴ Ныне Екатеринбург, место пребывания жены Платона на то время.

¹⁵ Неустановленное лицо.

8

5 сентября 1942 г. Москва

5/IX–42.

Дорогие Муся и Тоша!

Сегодня в «Красной звезде», общей газете Красной Армии, напечатан (в сильно сокращенном виде) мой рассказ «Броня», прочтите его. Он завтра будет передан и по радио¹. Как бы я хотел повидать вас. Делаю все возможное, чтобы вызвать вас домой. Но сейчас — новые строгие правила. Надеюсь, что все же это удастся. Вы не волнуйтесь, живите терпеливо и спокойно. Я забочусь о вас. Скоро мне дадут военное звание (думаю, надо бы шпалы три); вероятно, я получу звание по флоту и на старости лет одену форму моряка².

Обнимаю вас. Ваш А<ндрей>

<приписка сбоку листа> Весь день не работал: ко мне началось форменное паломничество. Завтра спрячусь к брату Петру.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 20, л. 12; почтовая карточка.

¹ Для Платонова упомянутый случай сотрудничества с радио не был единственным. Известно, например, что во время пребывания в Уфе его рассказ «Дерево родины» был снят с областного радиовещания цензурой, о чем и было доложено в Главлит в сводке «важнейших вычерков предварительной цензуры по Главлиту БАСССР за период с 1-го июня по 30-е июня 1942 года». Неприемлемость рассказа была обоснована цензором Зямилевой следующим образом: «Рассказывается о том, как красноармеец Трофим без всякой трудности преодолел врага, обезоружил немецкого солдата, мучил, а потом ударом приклада убил его. Между тем, немец просил пощады, умолял и, следовательно, сдался в плен, хотел остаться в живых. В то же время Трофим сам попал в плен немцам, а немцы обращались с Трофимом вежливо, не били и не убили, а посадили в тюрьму. Рассказ не выдержан, своим содержанием противоречит политическим установкам. Рассказ снят» (ГАРФ, ф. Р-9425, оп. 1, ед. хр. 53, л. 55). Тот же рассказ «Дерево родины» был передан по центральному радио 4 октября 1941 г. (упоминание об этом см.: оп. 3, ед. хр. 59, л. 2).

² Речь идет о военной аттестации Платонова, см. нашу статью «Платонов в 1942–1945 гг.», с. 407–408 наст. издания. Три шпалы в петлицах соответствовали званию подполковника.

9

19 ноября 1942 г.

19/XI.

Дорогая Муся, дорогой Тоша!

Я приехал сюда вчера вечером, но поеду еще дальше, я пока все время нахожусь в движении и адреса у меня пока нет поэтому¹. Чувствую себя ничего. Муся и Тоша! Дороже вас у меня никого нет на свете. Меня сильно мучает болезнь Тоши². Как он там один. Муся, поспеши там, пожалуйста, сделать мои дела. Увидишь Григ<ория> Эмман<уиловича> Сорокина (Военмориздат), попроси его — пусть он постарается выпустить книжку в этом году³.

Буду писать еще. Целую и обнимаю обоих. Ваш Андрей

<приписка сбоку листа> Ваню пока не видел. Питают здесь очень хорошо, я не поедаю.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 21, л. 1; почтовая карточка.

¹ Как устанавливается по записной книжке писателя, во время этой поездки он перемещался в районе Калининского фронта (Записные книжки. С. 238–240).

² По возвращении в Москву Платон был вынужден лечь в больницу, однако состояние его здоровья продолжало ухудшаться. По этой причине данная командировка Платонова была, в конце концов, прервана. П. А. Платонов умер 4 января 1943 г.

³ Сорокин Григорий Эммануилович (1898–1954) — поэт, крупный издательский работник, сотрудник Военно-морского издательства. Речь идет об издании сборника «Броня». Сохранилось два письма Г. Сорокина на имя М. А. Платоновой, в которых он лично сооб-

щает ей о текущем состоянии дел. Первое письмо было отправлено 19 ноября 1942 г.: «Уважаемая тов. Платонова, по поручению Андрея Платоновича сообщаю Вам о его книге и гонорарных делах. Рукопись в ближайшие дни сдаю в набор. Все исправления, которые сделаны редактором Гослитиздата, я снял и оставил авторский текст. Договор на первую книгу будет изменен. Всего в рукописи 4 л. О дне выплаты гонорара сообщу Вам дополнительно. Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет Андрею Платоновичу и мое большое уважение к его работе. Г. Сорокин» (оп. 4, ед. хр. 17, л. 1). Следующее письмо датировано 27 ноября 1942 г.: «Уважаемая тов. Платонова! Гонорар за книгу Андрея Платоновича выписан, но деньги можно будет получить только 6 декабря (день выплаты). Позвоните по телефону 3-05-31, добавочный 06, начальнику управления тов. Найде и попросите, чтобы он устроил выплату раньше. М<ожет> б<ыть> он согласится. Книга Андрея Платоновича, по-моему, большое событие в нашей литературе. Но именно поэтому все проходит не так скоро, как этого бы хотелось. Всего доброго. Г. Сорокин» (Там же, л. 2).

Книга вышла из печати лишь в мае 1943 г. Дарственная надпись на книге из домашней библиотеки Платонова сделана 3 мая 1943 г. А. Кривицкий в своих воспоминаниях о Платонове сообщает, что его экземпляр сборника был подписан автором 4 мая 1943 г.

10

23 ноября 1942 г.

Действующая Армия, 23/XI

Милая Муся, дорогой Тотик!

Я ежу здесь, ночую по разным местам¹. Написал один рассказ, сейчас его посылаю в редакцию. Сильно скучаю по вас. Я немного утомился, но чувствую себя спокойно. Многое увидел, многое еще увижу. Жалко, что нет у меня адреса — я все время мчусь, как Агасфер, и я не могу узнать от тебя, как наш Тотик², как ты живешь, моя милая. Не обижает ли тебя там кто? У тебя найдутся защитники. Здесь совсем другая жизнь. Я впитываю ее в свою душу — жалко только, что душа моя довольно стара и не совсем здорова. Привет Пете Трошкину. Обнимаю тебя и сына. Твой А<ндрей>

¹ <приписка сбоку листа> Рассказ называется «Русская Матрешка»³.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 21, л. 2; почтовая карточка.

¹ См. прим. 1 к письму 9.

² См. прим. 2 к письму 9.

³ Рассказ под таким названием на настоящее время неизвестен. В записной книжке 1942 г. обнаруживается частушка, вероятно, имеющая какое-то отношение к упоминаемому рассказу: «Ах ты, русская матрешка, // Не пеки свои лепешки: // Я их сам испеку // Из горячего песку. (Торжок)» (Записные книжки. С. 238).

11

24 ноября 1942 г.

Действующая Армия, 24/XI.

Дорогая моя Муся!

Живу я здесь неплохо, но постоянно в трудах, в езде и походах¹. Иногда бывает и тяжело, но — ничего. Я даже управляюсь писать здесь художественные бо-

лее или менее вещи. Каждый день здесь равен не московскому дню, а побольше. Не знаю, удастся ли мне от тебя получить хоть одну вещь — у меня нет адреса, я нигде долго не нахожусь. М<ожет> б<ыть>, мне удастся вызвать тебя к телефону, но я не уверен — возможно ли это. Больше всего я беспокоюсь за нашего Тотика. Будем его хранить, а после войны у нас с тобой еще будет ребенок.

Прошу тебя передать две прилагаемые записки адресатам. А самой сделать следующее:

1) Из второго экземпляра сборника рассказов вынуть рукопись «Железной старухи» и отдать его Михайловой («Знамя») — для набора, а та рукопись «Жел<езной> стар<ухи>», которая есть у Михайловой, не совсем точная и неполная; этот новый экземпляр лучше. Пусть Михайлова печатает в очередном №-ре «Жел<езную> стар<уху>» и «Божье дерево» (у нее есть «Бож<ье> дер<ево>»), — скажи, я очень прошу напечатать эти вещи².

2) Увидишь Григ<ория> Эмм<ануиловича> Сорокина — попроси его выпустить мою книжку быстрее³ (он обедает в 2–3 часа в Клубе, он в морской форме, спроси у привратницы, она тебе его покажет). Передай ему мой привет; скажи, что поправки он может сделать по своему усмотрению, не ожидая меня. Я ему верю, он человек чуткий и тактичный.

Обнимаю тебя и целую крепко тебя и сына солдатским поцелуем.

Твой Андрей

<приписка сбоку листа> Когда приеду, еще не знаю. Сообщу, наверно, в след<ующем> письме.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 21, л. 3–3 об.

¹ См. прим. 1 к письму 9.

² Михайлова Екатерина Николаевна — ответственный редактор журнала «Знамя». Рассказ «Железная старуха» был напечатан в № 4 журнала «Знамя» за 1943 г. По сохранившимся редакционным материалам устанавливается, что рассказ читался рецензентами «Знамени» В. Смирновой и Ковальчик в феврале 1943 г. Рассказ «Божье дерево» в «Знамени» опубликован не был, рукописи сохранились в архиве журнала. Более подробно о сотрудничестве Платонова с журналом «Знамя» в годы войны см. нашу статью «Платонов в 1942–1945 гг.», с. 425–428 наст. издания.

³ Речь идет о сборнике «Броня». См. примечание 3 к письму 9.

12

25 ноября 1942 г.

Действующая Армия¹, 25/XI–42

Дорогая Мусенька!

Как ты там поживаешь одна? Сейчас на дворе сильная вьюга. Как она прекратится или стихнет — пойду за 6 километров получать харчи и табак для себя. Снабжают меня тут бесплатно, так что деньги мне совсем не нужны. Что с Тотиком?² Нет у меня никакой возможности получить от тебя сведения о его здоровье и о твоём положении, — это меня мучает здесь и доводит до галлюцинаций.

Забыл тебе вчера написать несколько «указаний»:

1) В зеленой комнате, в левом ящике стола, за которым я работал, найди экзemplя (лучше выбери) «Дед-солдат». Отдай его Михайловой («Знамя»), предупредив ее, что «Дед-солдат» печатался сокращенный чуть не втрое (т. е. печатался маленький отрывок), а полностью он не печатался ни разу, нигде. Таким образом, пусть Михайлова печатает в очередном №-ре сразу 3 рассказа: «Жел<езную> старуху», «Божье дерево» и «Дед-солдат»³.

2) В журнал «Октябрь» и в изд<ательст>во «Молодая гвардия» позвони или напиши им открытки, что я «Стрельца» им напишу, как приеду с фронта⁴. Здесь писать «Стрельца» некогда и нет условий.

3) У доктора Сергея Алексеевича⁵ надо потребовать паек для сына. Ты, наверно, это уже сделала.

Лишь вчера узнал о нашей победе под Сталинградом⁶, и очень обрадовался. Здесь все торжествуют по этому случаю. Я старательно вникаю в войну, вижу много людей, целый день занят, много хожу (десятки километров иногда), очень устал, но сплю плохо, вижу часто тебя и сына во сне. Будь здорова, веди себя кратко, не вступай в дискуссии с писателями, они тебя могут обидеть без меня. Привет П. Трошк<ину>, В. Шкварк<ину>, Л. Гумил<евскому>, Э. А. Гиллеру⁷. Целую, обнимаю обоих. Твой А<ндрей>

<приписка сбоку 1-го листа> P.S. Как ты ходишь без пальто? Настоятельно попроси Ел<ену> В<икторовну> от моего имени устроить это дело. Ведь ты обязательно заболеешь.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 21, л. 4–4 об.

¹ На сохранившемся конверте письма указан почтовый адрес Платонова на тот момент: «1485 пол<евая> почта, часть 40», соответствующий полевой почте штаба Калининского фронта.

² См. прим. 2 к письму 9.

³ См. прим. 2 к письму 11. Рассказ «Дед-солдат» в «Знамени» опубликован не был; по сохранившимся редакционным материалам журнала устанавливается, что рассказ читался рецензентами «Знамени» В. Смирновой и Ковальчик в феврале 1943 г.

⁴ О реализации этого замысла на настоящее время известно совсем немного. В архиве Платонова сохранились наброски либретто «Рабыня» (или «Любино Поле») и краткое изложение темы одноименного сценария, где одно из действующих лиц — партизанский командир Филипп Стрелец (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 98, л. 43–46; ОР ИМЛИ, ф. 769, оп. 4, ед. хр. 37). Кроме того, имеется страница машинописи, содержащая биографические сведения о руководителе партизанского отряда по прозвищу Стрелец.

⁵ *Гуревич* Сергей Алексеевич — постоянный врач Платона с детского возраста.

⁶ С 19 ноября 1942 г. под Сталинградом началась наступательная операция советских войск под кодовым названием «Уран». 23 ноября подвижные соединения Юго-Западного и Сталинградского фронтов встретились в районе Калач—Советский и завершили окружение главных сил противника, действовавших непосредственно под Сталинградом. С подходом стрелковых соединений был создан сплошной внутренний фронт окружения.

⁷ *Гиллер* Эмиль Александрович (1892–1962) — юрист, автор романа «Одинокий мятежник» о жизни В. С. Печорина. Будучи членом Московской городской коллегии защитников, принимал участие в судьбе осужденного Платона Платонова.

13

24 мая 1943 г. Мичуринск

Мичуринск 24/V-43

Здравствуй, дорогая моя жена Муся!

Приехал в полдень в Мичуринск. На Воронеж выеду только завтра, как будет поезд. Проезжал Кочетовку, все мне показалось там другим — с тех пор, как мы когда-то там с тобой ходили вдвоем¹. Завтра или послезавтра буду, наверно, в Воронеже. Из Воронежа тебе напишу, потом поеду далее.

Скучаю я по вас обоим — по тебе и по нашему сыну — сильно и грустно. Для меня мертвый Тотик — все равно вечно живой.

Береги там себя. Делай дела, тебе я много их поручил, а я приеду месяца через 1 1/2 — 2, если прежде этого срока меня не переведут из «Кр<асной> звезды» во Флот.

Мичуринск — это б<ывший> Козлов! Я здесь был когда-то давно, но забыл его³. Скучно здесь, пыльно, жарко, и я совершенно один. Сижу в общежитии, думаю о тебе и о могиле на кладбище. Поцелуй землю на его святой могиле за меня.

Целую тебя.

Твой Андрей

Муся! Ты прости меня. Я забыл тебе сказать в Москве. Отдай пожалуйста Лидии Аристарховне Большаковой (отдай лучше через ее девчонку Наташку)³ 1 килограмм черного хлеба. Я недели 1 1/2 — 2 назад взял у Большаковой в общем четвертинку (меньше, граммов 200) за килограмм черн<ого> хлеба. А хлеб так и не отдал, все боялся тебя. Отдай Наташке, пожалуйста, и прости твоего пьяницу.

Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 22, л. 1–2 об.

¹ Платоновы проезжали через станцию Кочетовка в октябре 1941 г., по пути в эвакуацию (см.: Записные книжки. С. 221); описание произошедшей в этом месте встречи с Платоновым содержится в воспоминаниях Ф. Ф. Сучкова (см.: *Сучков Ф.* Каравай черного хлеба // Воспоминания. С. 90–91).

² Платонов бывал в Козлове во время своей работы в Тамбовском ГЗУ в начале 1927 г.

³ Речь идет о соседях Платоновых по дому — сестре и, вероятно, племяннице писателя Константина Большакова, расстрелянного в апреле 1938 г.

14

28 мая 1943 г.

2-е письмо (1-е было из Мичуринска) 28/V

Милая моя Муся!

По воле обстоятельств я сейчас под Воронежем — тут мы с тобой и Тошей давно когда-то жили на даче. Я ишу возможности ехать дальше, одновременно остановился на два-три дня для работы. Вчера был в Воронеже немного (проехал его на грузовике). У дома, где мы жили, и у дома отца не был. Завтра наверно поеду или пойду туда, чтобы посетить родные места. Вчера мне было очень тяжело. Город стал призраком, как дух,— таким он мне представился. Я даже плакал.

Вот какое тут было сражение, родная моя. Как-то ты там поживаешь в одиночестве?

Поцелуй за меня могилу в изголовье нашего святого сына.

Делай там свои и мои дела, которые я тебе поручил, и ожидай меня. Если будут деньги, не забудь уплатить за квартиру и за электричество. Счета лежат у меня на бюро с правой стороны.

Затем скажи Г. Э. Сорокину, чтобы у второй моей книги (сборника) — название было такое — «Дорога на закат солнца», а не «Оборона Семидворья»¹. Это скажи ему обязательно (позвони: Д 12504). Далее спроси у него — как у меня дела с переводом во Флот. Я не оставил этой надежды. Может быть, и выйдет что. Я чувствую, что мне надо много писать, а эту возможность даст мне только Флот, а в «Кр<асной> звезде» это гораздо труднее, да и работа (разъезды по фронтам) мне уже, может быть, не по возрасту, я уже стар так мотаться.

В материальном смысле (питание) я живу очень хорошо. Ем много, кормят здесь хорошо. Я стараюсь не пасть в физических силах, чтобы вытерпеть все трудности своей жизни. Ты тоже, гляди, питайся там как можно усердней, чтобы не зачахнуть в теле и в духе. Нам придется еще, наверно, детей растить и воспитывать — внука, а может и своего второго Тошу.

Одновременно с этим письмом пошлю тебе из Воронежа телеграмму и, может, успею там получить от тебя ответ. Я очень тоскую по тебе и сыну, и тоска от того, что я вижу и переживаю здесь, удваивается и гнетет меня, хотя я стараюсь держаться бодро, работаю (пишу для «Кр<асной> звезды») при всякой даже малой возможности.

Обнимаю мою единственную

Твой Андрей

P.S. Возьми через Сорокина 45 экз<емпляров> книжки «Брони». Выпить не пришлось нигде, никто не предложил и капли. Да я и не буду искать этого ложного утешения.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 21, л. 3–4 об.

¹ Издание, о котором идет речь, не состоялось. Единственным сборником рассказов Платонова, изданным Военно-морским издательством, осталась книга «Броня», см. прим. 3 к письму 9. В фонде писателя в РГАЛИ сохранилось оглавление другого сборника, сланного, за исключением пунктов 1а и 7, Г. Э. Сорокину 31 марта 1943 г.: «1а. Святая земля (доп<олнительно> будет представл<ен>); 1. В сторону заката солнца; 2. Сампо; 3. Седьмой человек; 4. Добрый Кузя; 5. Взыскание погибших; 6. Как боец Курдюмов <четырёх немцев одолел>; 7. Малый полководец (доп<олнительно> будет представл<ен>); 8. В 1933 году; 9. Путешествие воробья» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 99, л. 13). Если в письме подразумевается именно этот сборник, остается неясным, почему он мог получить название «Оборона Семидворья», так как данный рассказ в первоначальном составе сборника не значится. Возможно, впрочем, что рассказ был введен в книгу позднее.

Примечательно, что Платонов пишет об изменении названия сборника практически сразу после публикации 26 мая 1943 г. сокращенного варианта «Обороны Семидворья» в газ. «Красная звезда». Приблизительно в то же время рассказ находился и в редакции журн. «Знамя» — 14 мая рассказ был направлен журналом для визирования в Управление пропа-

ганды и агитации ЦК ВКП(б) и Военный отдел Совинформбюро (РГАЛИ, ф. 618, оп. 9, ед. хр. 3, л. 47–48).

Хотя при публикации в «Знамени» рассказ прошел все необходимые инстанции, это не гарантировало его от «высокой» критики (см.: *Лукин Ю.* Неясная мысль // Правда. 1943. 8 июля). Более того, в конце 1943 г. рассказ «Оборона Семидворья» (среди произведений других авторов, также удостоенных негативной оценки) в выражениях, заимствованных из статьи Лукина, был упомянут в докладной за подписями начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова, его заместителя А. А. Лузина и заведующего отделом художественной литературы А. М. Еголина. Эта докладная известна тем, что именно в ней прозвучала идея «принятия специального решения ЦК ВКП(б) о литературно-художественных журналах» (см. об этом: *Бабиченко Д.* Жданов, Маленков и дело ленинградских журналистов // Вопросы литературы. 1993. № 3. С. 203).

Название «Дорога на закат солнца»/«В сторону заката солнца» позднее перешло к сборнику Платонова, выпущенному в издательстве «Советский писатель».

15

4 июня 1943 г.

<нрзб> 4¹/VI

Дорогая моя Муся!

Я все время разъезжаю. Очень много вижу и много переживаю событий. Постоянно думаю о Тоше: задумал одну вещь написать о нем, очень важную, как только вернусь в Москву,— важную и для всех. Мне бывает трудно, бывает и страшно, но я теперь всегда спокоен. Как ты там одна живешь, милая моя? Передай привет Петру Артемьевичу. Поласкай за меня внука, если он приехал². Напишу тебе письмо побольше, как остановлюсь где-либо прочней и дольше. Обнимаю свою законную жену³. Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 22, л. 5; почтовая карточка.

¹ Цифра 4 написана поверх 2. Дате предшествовало название населенного пункта (возможно, *Старый Оскол*); вымарано цензурой.

² Тамара Платонова с сыном Александром, родившимся в Свердловске, вернулась в Москву лишь 10 сентября 1943 г.

³ Официальное оформление брака между Андреем Платоновым и его женой состоялось 22 мая 1943 г. (оп. 4, ед. хр. 92, л. 1).

16

6 июня 1943 г.

6/VI—43

Дорогая моя жена Маша!

Я под Курском. Наблюдаю и переживаю сильнейшие воздушные бои¹. Однажды попал в приключение. На одну станцию немцы совершили налет. Все вышли из эшелона, я тоже. Почти все легли, я не успел и смотрел стоя на осветительные ракеты. Потом я лечь не успел, меня ударило головой о дерево, но голова уцелела. Дело окончилось тем, что два дня болела голова, которая у меня никогда не бо-

лит, и шла кровь из носа. Теперь все это прошло; взрывная волна была слаба для моей гибели. Меня убьет только прямое попадание по башке. Как-то ты там живешь, одинокая моя! Я так по тебе соскучился, так много есть что рассказать, так много есть чего писать. И главное — я так тоскую о холмике земли на армянском кладбище². Когда я еще буду там, я сам не знаю. Что у вас там нового. Я тут редко что слышу, поэтому бываю в дальних местах. Задумал одну вещь, очень важную и связанную с судьбой нашего Тоши. Но где тут ее писать! Знай же, что я люблю тебя и буду стараться жить, пока ты жива. А Тоше принадлежит вторая половина моей души и весь мой талант. Я сделал здесь, на войне, столь важные выводы из его смерти, о которых ты узнаешь позже, — и это тебя немного утешит в твоём горе.

Целую тебя. Андрей

Впервые: Волга, 1975. С. 174–175.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 22, л. 6–6 об.

¹ На внешней стороне письма указан почтовый адрес Платонова на тот момент: «пол<е-вая> почта 23387», соответствующий полевой почте 1551-го аэродромного зенитного артиллерийского полка. Платонов оказался свидетелем боевых действий авиации в период, предшествующий началу Курской битвы. 2 июня авиация противника совершила наиболее крупный массированный налет на железнодорожный узел Курск, имевший решающее значение в общей системе железнодорожных коммуникаций Курского выступа. В книге подполковника И. В. Тимоховича «Советская авиация в битве под Курском» об организации этого налета сообщается следующее: «Днем 2 июня по курскому железнодорожному узлу действовало около 560 самолетов противника, которые шли последовательно пятью эшелонами с интервалами от 1 часа 30 минут до трех часов. Эшелоны состояли из 2–6 групп, каждая из которых насчитывала от 5 до 48 самолетов. Боевой порядок самолетов противника при подходе к объекту состоял из колонны звеньев. Налет носил звездный характер, однако главные силы фашистской авиации следовали к Курску с востока. Основными маршрутами полета были: Орел — Курск; Косоржа — Курск; Брянск — Дмитровск-Орловский — Курск и Обоянь — Курск. В ночь на 3 июня налет продолжался; в нем участвовало 350 вражеских бомбардировщиков. В отражении налета принимали участие 386 советских истребителей... Соотношение истребителей составляло 3,2:1 в нашу пользу. Благодаря этому наша истребительная авиация могла выделить значительное количество самолетов для уничтожения бомбардировщиков противника. При отражении массированного налета противника всеми средствами противовоздушной обороны было уничтожено 155 вражеских самолетов, в том числе сбито истребителями 114 и зенитной артиллерией 41. Потеряв большое количество самолетов и не достигнув намеченной цели, противник вынужден был отказаться от массированных налетов днем. В дальнейшем такие налеты совершались преимущественно ночью» (Тимохович И. В. Советская авиация в битве под Курском. М., 1959. С. 34).

² Речь идет о могиле Платона Платонова.

17

8 июня 1943 г.

8/VI–43

Здравствуй, дорогая Муся!

Давно я не видел тебя. Я жив и здоров. Поклонись за меня могиле моего сына и поцелуй за меня землю на ней. Я живу здесь хорошо. Буду много писать, осо-

бенно — когда вернусь. Я волнуюсь за тебя, ты ведь все же беспомощная, и без моей заботы тебе трудно. Что тебе еще сказать. Многого не напишешь на этом клочке бумаги. Поставь от меня цветок на могилу сына и скажи ему, что я его люблю все больше и больше.

Твой А<ндрей>

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 22, л. 7; почтовая карточка.

17 (продолжение)

8 июня 1943 г.

8/VI—43

Дорогая Муся!

В день получения этой открытки напиши мне, ответь немедленно по адресу: Действующая Армия, полевая почта 48251А¹, Платонову А. П.

Привет тебе, моя дорогая. Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 22, л. 8; почтовая карточка.

¹ Полевая почта политуправления Центрального фронта.

18

10 июня 1943 г.

10/VI

Здравствуй, моя дорогая.

Я тут живу ничего — жив и здоров, только очень сильно устал. Питаюсь очень хорошо и жалею, что ты не можешь делить со мной трапезу. Ты, наверно, часто ходишь на могилу к сыну. Как пойдешь, отслужи от меня панихиду в его вечную святую память. Я тут пережил сильные воздушные бои (недавно), много повидал, но мой сын, должно быть, помог мне избежать гибели. Я случайно попал под Курск как раз в день большого налета врага и все пережил, только закалился в терпении¹. Здорова ли ты? Я знаю, как тебе трудно, я знаю, что ты плачешь о нашем сыне. Я здесь вижу его часто во сне и просыпаюсь в слезах. Приеду — надо многое мне сделать в память его, надо написать сразу повесть. Держись, моя дорогая, я тоже держусь. Пиши мне.

Целую тебя. Твой А<ндрей>

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 22, л. 9; почтовая карточка.

¹ См. прим. 1 к письму 16.

19

12 июня 1943 г.

12/VI

Здравствуй, дорогая Муся!

Один товарищ летит в Москву, и я посылаю при его помощи эту весть. Живу я здесь хорошо, работаю, вина не пью вовсе. Адрес мой: Действ<ующая> Армия,

почт<овый> ящ<ик> № 48251. Был в действующ<их> частях, скоро опять выеду туда, потом снова вернусь, сюда, где я сейчас есть. Завтра воскресенье и Троицын день¹. Ты, конечно, пойдешь к нашему сыну, поцелуй его землю в изголовье, скажи, что я люблю его больше всего на свете. Приехал ли его потомок² — похож ли он на Тошу? Напиши мне подробно и пошли письмо сегодня же, а то долго идет. Целую и обнимаю тебя, моя дорогая. Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 22, л. 10; почтовая карточка.

¹ Один из главных христианских праздников, отмечаемый в православной Церкви на 50-й день после Пасхи.

² См. прим. 2 к письму 15.

20

24 июня 1943 г.

24/VI—43 г.

Дорогая Муся! Пишу тебе уже много писем, но от тебя не получил еще ничего. Меня беспокоит, как ты живешь там. Наверно, у тебя есть какие-нибудь текущие несчастья, п<отому> ч<то> ты неприспособленный все-таки к жизни человек. Дают ли тебе командирский паек — на июнь и теперь на июль?¹ Я на днях дам телеграмму генералу² — с просьбой о вызове меня в Москву, т. к. материала у меня очень много (да и до того было столько, что я годами мог бы не вставать из-за письменного стола). Если увидишь Гр<игория> Эм<мануиловича> Сорокина — спроси у него: движается ли мое дело с переводом к ним³. Я бы рад был перейти, п<отому> что сильно утомился, да и время часто проходит бесцельно. А там бы я больше и полезней работал. Особенно хочу немедленно написать одну повесть — ты знаешь о чем. Поцелуй изголовье его могилы. Скажи ему, что я скоро приду к нему и поклонюсь ему.

Обнимаю тебя. Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 22, л. 11.

¹ Речь идет о продуктах, которые М. А. Платонова могла получить по офицерскому продовольственному аттестату мужа.

² Генерал-майор Давид Иосифович Ортенберг (1904—1994) — редактор газ. «Красная звезда».

³ Речь идет о намерении перевестись в ведомство ВМФ, не оставившем Платонова вплоть до ухода Д. Ортенберга из «Красной звезды».

21

25 июня 1943 г.

25/VI—43

Дорогая Муся!

Сделай, пожалуйста, следующее: скажи Г. Э. Сорокину или в Военно-мор-<ское> изд<ательст>во капитану 1-го ранга (забыл его фамилию) <сбоку листа приписки> Хвошинскому¹, чтобы рассказ «Путешествие воробья» из моей новой книж-

ки снять². Этот рассказ не подходит ни по тону, ни по духу ко всей книге. И так — я снимаю этот рассказ, скажи им об этом. Не забудь и сделай это срочно. Скоро, я надеюсь, мы увидимся. Я здесь много работаю, хотя условия бывают и не подходящие. Увидимся — тогда о многом поговорим. По приезде буду стараться перевестись во Флот, чтобы иметь возможность больше работать. Не знаю, удастся ли это. Поклонись нашему сыну. Целую тебя. Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 22, л. 12; почтовая карточка.

¹ Неустановленное лицо.

² Написанный до войны рассказ «Путешествие воробья» значится в оглавлении сборника, представленного Платоновым в Военмориздат в марте 1943 г., см. прим. 1 к письму 14. В апреле 1943 г. Платонов пытался опубликовать «Путешествие воробья» и в журнале «Знамя». В архиве журнала сохранился следующий отзыв на это произведение: «О рассказе А. Платонова “Путешествие воробья”. Если в принципе напечатание в “Знамени” рассказа никак, никакой стороной не связанного с войной, — возможно, то рассказ можно бы, конечно печатать, т. к. это настоящее художественное произведение. Но мне лично думается, что не только в “Знамени”, но *может* *быть* даже и вообще в дни войны таких уже очень удаленных от современности вещей печатать не следует. Будет время и для таких рассказов — сейчас читателю нужно что-то другое. 29/IV—43. Н. Четунова» (РГАЛИ, ф. 618, оп. 9, ед. хр. 5, л. 20).

22

1 июля 1943 г.

1/VII—43 г.

Дорогая Муся!

Дней восемь я был в поездке. Вчера только вернулся. К нам приехал полковник Карпов¹, заместитель Вадимова². С ним я и отсылаю это письмо до Москвы, а там его отправят тебе. От тебя не получил еще ни одного письма.

Меня вероятно на днях вызовут в Москву, так что скоро мы с тобой должны увидеться. Правда, мне предстоит нелегкий путь, если не удастся устроиться к кому-нибудь на машину до Москвы. Есть один корреспондент «Правды» со своей машиной, но неизвестно — когда он поедет в Москву, он ждет разрешения. Может быть, я с ним и доеду. Тогда приеду быстро. Полковник Карпов будет в Москве 2—3 июля, и тогда же обещает мне послать на фронт телеграфный вызов³.

В день приезда сразу же пойдем к Тоше на могилу. Моя новая повесть, которую я тут обдумал, будет посвящена поклонению умершим и погибшим, а именно посвящение будет моему сыну. Я задумал сделать героем жизни мертвого человека, на смерти которого держится жизнь. Кратко трудно сказать, как это получится, но думаю эта вещь выйдет у меня: у меня хватит сердца и горя. Я чувствую, что у тебя там много трудностей всякого рода; очень тяжело, что я почти полтора месяца не знаю, не слышу о тебе ничего и не могу поэтому помочь даже советом.

Здесь я много видел — и хорошего и трудного. Смерть несколько раз близко проходила возле меня, но чаще она минует тебя столь быстро, что замечаешь ее тогда, когда она уже прошла. Трудно мне было в Курске. А в общем, я уже привык. Гораздо труднее всего — это тоска по сыну и желание увидеть тебя.

Еще раз — как мне охота возможно скорее написать повесть, посвященную сыну. Я ее хочу напечатать в «Кр<асной> звезде».

Ну, это может быть последнее мое письмо перед приездом. Если ничего не случится, что задержит меня на фронте, то на днях увидимся и обнимемся вновь.

Приветствую тебя и целую.

Твой Андрей,
старый капитан.

На всякий случай точный мой адрес:

Действующая Армия,
пол<евая> почта 48251,
военному корреспонденту «Красной звезды» —
капитану А. Платонову

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 22, л. 13–14 об.

¹ *Карпов* Александр Яковлевич (1903–1945) — заместитель главного редактора газ. «Красная звезда».

² *Вадимов* — псевдоним редактора «Красной звезды» Д. И. Ортенберга.

³ Обещание Карпова было выполнено, соответствующая телеграмма отправлена 4 июля: «Корреспонденту Красной Звезды Олендеру. Командируйте писателя Платонова <в> Москву. Замредактора Карпов» (оп. 4, ед. хр. 10, л. 1).

23

20 июля 1943 г.

Действ<ующая> Арм<ия> 20/VII

Дорогая Муся!

19/VII вечером я уже был на месте. Снова я на прежних местах¹. Здесь много нового, хорошего для нас, — о чем ты знаешь из газет. Я сразу же начинаю работать; однако с тем сердцем, которое у меня надорвано горем, это трудно бывает... Не забудь взять у Ек<атерины> Ник<олаевны> Михайловой мою рукопись «Пустодушие»². Если они приняли ее для печатания, то пусть заплатят тебе деньги. Это они сделают просто. Скоро выеду в часть. Живи скромно, трудолюбиво, не озорничай. Через месяц я надеюсь приехать. Обнимаю тебя. Твой Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 23, л. 1; почтовая карточка.

¹ Т. е. на Центральном фронте, см. нашу статью «Платонов в 1942–1945 гг.», с. 410–411 наст. издания.

² Рассказ «Пустодушие» при жизни Платонова опубликован не был. Судя по регистрационной карточке, рукопись рассказа «Пустодушие» находилась в редакции журн. «Знамя» с 14 по 21 августа 1943 г. (РГАЛИ, ф. 618. оп. 8, ед. хр. 9, л. 23).

21 июля 1943 г.

Действ<ующая> Армия 21/VII

Дорогая моя Муся!

При этом посылаю записку Одицкову¹ — в «Красную звезду». Если ты его не застанешь (его трудно застать), то записку передай через Раису Семеновну Гниенскую², пусть она передаст ее Одицкову.

Я здесь работаю много, но условия мои трудные для работы. Все время вспоминаю нашего первого и единственного сына, вспоминаю детали его жизни и смерти, и эти воспоминания мучают меня. Как бы я сам хотел пережить его страдания, чтобы избавить его от них. Но все минуло. Теперь нам остается лишь поклоняться и молиться его праху.

Я тебе написал вчера открытку. Теперь добавляю,— если рукопись «Пустодушие» не пойдет в «Знамени», то возьми ее оттуда (взять рукопись надо в обоих случаях — она у меня одна), перепечатай на машинке и перепечатанный экземпляр отдай в «Октябрь» — Ольге Михайловне (фамилии ее не знаю)³. Дальше — в Военно-морское издательство подполковнику Таранину⁴ скажи, что пусть третью книжку⁵ они издадут в том составе, который остался в ней, который разрешат,— пусть даже она будет маленькая, что же делать! А уж четвертая книга будет с новой повестью, которую я напишу, бог даст, по возвращении. А третья пусть выходит такой, какой выйдет (вероятно, без «Семидворья» и без «Взыскания погибших»). Это передай как мою настоятельную просьбу и окончательное решение. Иначе, по-другому, и решить-то ничего нельзя. Но все это деловые пустяки, делать которые, однако, необходимо.

Как-то ты там живешь? Получила ли лимитную книжку и прочее? Если нет — немедленно иди к Скосыреву⁶. Но я думаю — этого тебе не потребуется. Больше отдыхай, а то ты совсем стала костлявой и больной. Я здесь материально живу очень хорошо. Жаль только, что нет возможности писать большую важную повесть.

Целую тебя. Твой Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 23, л. 2.

¹ Одицков А. И.— зав. хозяйственной частью редакции газ. «Красная звезда».

² Неустановленное лицо, сотрудница редакции газ. «Красная звезда».

³ Румянцева Ольга Михайловна — зав. отделом прозы журнала «Октябрь».

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ Вероятно, речь идет о втором сборнике рассказов, подготовленном Платоновым для Военно-морского издательства, см. прим. 1 к письму 14. В случае благоприятного развития событий сборник мог бы стать третьей книгой Платонова в Военмориздате с учетом выпущенного после книги «Броня» отдельного издания рассказа «Одухотворенные люди» (под названием «Бесмертный подвиг моряков: Фильченко, Красносельский, Цибулько, Одицов, Паршин». М., 1943).

⁶ Скосырев Петр Георгиевич (1900–1960) — секретарь президиума ЦСП СССР по оргвопросам.

25

26 июля 1943 г.

26/VII—43

Здравствуй, дорогая моя Муся! Сегодня утром вернулся с передовой линии, где наблюдал большой бой. Увидел многое, что раньше я не знал. Если напечатают, прочтешь об этом в газете мой очерк¹. Редактор² прислал мне оскорбительную телеграмму, бессмысленную и сумбурную. Пока я буду работать, но буду принимать меры, чтобы уйти из этой редакции... Я здоров, живу ничего, много пишу. Однако занимаюсь я не тем делом, в котором был бы самым полезным. Как ты живешь там, худенькая, иссохшая от горя и тем более дорогая мне? Мне вчера было трудно, но я вспомнил Тошу и снова он спас меня от страха и отчаяния. Сегодня узнал весть об уходе Муссолини³. Это большое событие и для нас хорошее. Напиши, как ты оборачиваешься с деньгами. Трудно тебе, я знаю. Если что будет мое появляться в газете — получай гонорар. Держись скромно, но независимо. Целую тебя, дорогая моя.

Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 23, л. 3—3 об.

¹ В ближайшее к дате письма время в «Красной звезде» был напечатан рассказ Платонова «Два дня Никодима Максимова» (29 июля). Можно предположить, что очерк, о котором идет речь — «Гроза под Орлом», опубликованный позднее в журнале «Знамя» (1943. № 9—10).

² Речь идет о редакторе газ. «Красная звезда» Д. И. Ортенберге.

³ Премьер-министр фашистской Италии Бенито Муссолини был смещен со своего поста и арестован 25 июля 1943 г.

26

30 июля 1943 г.

Действующая Армия, 30/VII

Здравствуй, дорогая моя Муся!

Я уже писал тебе, как редактор¹ издевался надо мной, когда я только приехал на фронт. Напр<имер>, он запрашивал по телеграфу: откуда я приехал и когда? Ему отвечали: из Москвы, вчера. Он говорил по телеграфу: безобразие, как он (я) смеет?.. Я приму строгие меры и т. д. Я ничего не мог понять, я ни в чем не был виновен, я работал как зверь, ездил на передовую, был в бою. Я подумал, что случилось что-то непонятное для меня. Теперь редактор шлет вдруг ласковые телеграммы, печатает. Бог с ним, не говори об этом никому в Москве, чтобы мне хуже не было. Я буду стараться уйти во флот. Тема о сыне — одна из тем о нем — томит меня, но когда я ее напишу? А она имеет ближайшее отношение к войне, просто к нашей победе. Но как убедить мне своих начальников, чтобы они дали мне возможность работать над самым главным, вместо работы над второстепенным?.. Напиши поскорее и подробнее — как ты живешь, сыта ли, есть ли у тебя деньги? Я смогу помочь тебе отсюда и делом и советом. Напиши еще, есть ли надежда (реальная) на приезд внука, или все одни слова. Тогда надо предпринять

что-то другое. Я хотел прислать сыну цветок, который я взял с могилы вблизи передовой, чтобы ты посадила его на могиле нашего сына, но нельзя его и не с кем переслать, и он вовсе засох у меня. Не знаю, когда я с тобой увижусь. Идут бои, от меня требуют работы все больше и больше. Надеюсь, что в августе вырвусь на несколько дней, но не уверен. Командировка у меня до 18/VIII, но если шеф вспомнит, то он загодя продлит ее. Пиши же мне, милая, и поклонись святому праху нашего мученика.

Твой Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 23, л. 4–4 об.

¹ Речь идет о редакторе газ. «Красная звезда» Д. И. Ортенберге.

27

30 июля 1943 г.

30/VII

Дорогая Муся!

Я давно тебе забываю написать про одну вещь. У меня там есть в ящике твоего секретера материал. Т. к. он мне совершенно не нужен и ни на что не потребуется, то ты продай его и купи себе обязательно башмаки. Ведь ты, наверно, ходишь совершенно босая. Купи такие башмаки, которые годились бы и для носки осенью, в непогоду. Сделай это обязательно. М<ожет> б<ыть>, тебе удастся приобрести обувь в распределителе — но все равно тебе нужны деньги, а их у тебя нет.

Целую тебя. Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 23, л. 5; почтовая карточка.

28

31 июля 1943 г.

31/VII 43 г.

Дорогая Муся! Эти дни у меня была возможность писать тебе почти каждый день, что я и делал. Разговаривая в письме, мысленно, с тобой, мне становится немного легче. После смерти сына, как ты правильно и хорошо сказала однажды, мы обречены с тобой доживать наши дни под небом меланхолии... Если тебя там будут беспокоить, то тебе нужно оформиться моим секретарем — что является верным, потому что я почти все время на фронте, а ты ведешь все мои литературные дела. Узнай в военной комиссии Союза или у какого-нибудь приличного человека, как это нужно сделать — и делай без смущения. Будь столь же храброй, как со мной храбра. Это, если нужно. Обратись, в крайнем случае, — поговори с ней, — с Еленой Викторовной... Здесь жара, грозы, дожди, — трудно ездить и работать. Кормят тут отлично. Но это мне не очень нужно. Хочу писать большие вещи и начну принимать шаги, чтобы избавиться от редакции. Это, конечно, трудно, т. к. я на военной службе. Но я хочу перейти только, оставшись военным — во флоте. Я от тебя не получил ни одного письма. Напиши мне что-нибудь. Чем тебе я могу по-

мочь, кому нужно написать, чтобы тебе помогли? Поцелуй могилу нашего сына. Береги себя, чтобы я увидел тебя.

Обнимаю тебя и целую.

Твой Андрей

Получи гонорар в «Звезде». Поставили ли тебе телефон? Какой его №?

<приписка сбоку листа> Получи у Раисы Семен<овны> в «Звезде» талон на получ<ение> пайка на август.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 23, л. 6–6 об.

29

3 августа 1943 г.

3/VIII 43.

Дорогая Муся! Вернувшись сегодня из поездки, я узнал большую новость: вместо Вадимова — другой редактор¹. Для меня хуже не будет, п<отому> ч<то> Вадимов относился ко мне неровно, скорее дурно, чем хорошо. Причина ухода Вадимова для меня совершенно неизвестна и непонятна. При новом редакторе (я его лично не знаю) мне мое положение неизвестно. Какие у него требования, каков теперь будет стиль работы — мне неясно. М<ожет> б<ыть>, мне удастся при новом редакторе уйти с миром во флот, если моряки еще не потеряли желания взять меня к себе. Жаль, что нет в Москве Сорокина. Вышла ли моя книжка в Гослитиздате?² Думаю, надеюсь, недели через две приехать в Москву, но уверенности в этом нет. Дело зависит от нового редактора и его отношения ко мне. Как-то ты там поживаешь? Я чувствую, что тебе плохо — и морально и материально. Помолись о нашей судьбе праху нашего мученика-сына. Мне часто кажется, что он цел, существует, и лишь звуки его голоса не доходят до нас, а он наблюдает за нами.

Обнимаю тебя, дорогая. Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 23, л. 7.

¹ С 31 июля 1943 г. главным редактором «Красной звезды» был назначен Николай Александрович Таленский.

² Книга, о которой идет речь, — «Рассказы о Родине» — вышла лишь в конце 1943 г.; см. нашу статью «Платонов в 1942–1945 гг.», с. 418 наст. издания.

30

11 августа 1943 г.

11 августа

Дорогая моя Муся!

Я тебе написал много писем, но от тебя ни одного не получил, хотя уже скоро месяц как я уехал. Что с тобой? Разве трудно написать хоть открытку? На фронте очень важно получить письмо. Все здесь получают письма, некоторые помногу. Я — ни от кого, ни одного. Может быть, с тобой случилось какое-нибудь несчастье? Так тягостно думать об этом... Сегодня я получил от Карпова («Кр<асная>

звезда») телеграмму, чтобы я выехал в один район к передовой, а 18 августа выехал в Москву. 12-го или 13-го авг<уста> я поеду в часть, а 18 авг<уста> выеду, вероятно, в Москву. Это письмо пересылаю с товарищем, который едет с фронта в Москву, на машине. Он обещает письмо это доставить как-либо тебе.

Скоро, должно быть, мы с тобой увидимся. Мне трудно и далеко ехать — у меня ведь нет своей машины¹. Я очень устал, соскучился по тебе и по нашему мертвому сыну. Опять, как приеду, сразу пойду к нему на могилу. И ты для меня теперь особо дорога, потому что в тебе осталась живая часть моего умершего сына — ведь ты его родила своим телом.

Временами я тут заблеваю каким-то психическим расстройством: оно заключается в том, что голова моя начинает самостоятельно думать какие-то ненужные бредовые мысли, и я не могу овладеть своим сознанием, и вдобавок все сильнее портится зрение.

Увидимся — обо всем поговорим. Жаба, ты забыла мне положить в сумку бритву (положила только ножи), мне приходится здесь занимать каждый раз. Что еще тебе написать, милая моя? Очень хочу, чтобы хоть 20-го августа быть дома, но, как говорится в одной песенке, «ты далека от меня — между нами поля и луга, а до смерти четыре шага»².

Обнимаю мою дорогую жену. Твой старый офицер Андрей

Действующая Армия

<рисунок стреляющей пушки>

Если будет возможность, сбереги $\frac{1}{2}$ литра водки. Я пойду и выпью на могиле в день своего приезда. Никому не говори о моем приезде, я ни с кем не хочу встречаться.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 23, л. 8–9 об.

¹ В отличие от Платонова, многие военные корреспонденты имели собственные машины. Корреспондент газ. «Известия» Л. Бронтман оставил в своем дневнике следующее описание корреспондентского сообщества в октябре 1943 г.: «Находимся вместе с другими корреспондентами. Их тут — уйма. Кто-то насчитал 39 душ. От нас — майор Петр Лидов, майор Леонид Первомайский, фотограф Яков Рюмкин. От “Известий” один майор Виктор Полторацкий, чудный парень, немного мечтательный, очень скромный, великодушный товарищ, высокий, худой, глаза на выкате. От “Красной звезды” — майор Петр Олендер, майор Константин Буковский, подполковник Жуков, майор Василий Гроссман, полковник Хитров, фотограф Кнорринг, на подъезде — Илья Эренбург и К. Симонов. Последнего я видел на Центральном фронте, он собирался подлететь сюда поближе к делу. От ТАСС — майор Крылов и капитан Николай Марковский, фотограф Копыт. От “Комсомолки” — Непомнящий, капитан Тарас Карельштейн, майор Гуторович (которого все зовут “Швейком”), фотограф Борис Фишман. От “Иллюстрированной газеты” — капитан Фридлянд. От Информбюро, “Советской Украины” и проч., проч., проч. У большинства свои машины. Всех сортов — эмки, виллисы, полуторки, трофейные, а у кого-то даже пятитонный форд. Страшно разнохарактерный и разнокалиберный народ».

² Неточная цитата из популярной песни «Землянка» (стихи Алексея Суркова): «Ты сейчас далеко-далеко. // Между нами снега и снега. // До тебя мне дойти нелегко, // А до смерти — четыре шага».

31

3 октября 1943 г.

3/Х 43

Здравствуй, дорогая моя Муся!

Здесь я ближе к нашему сыну; вот почему между другими причинами я люблю быть на фронте. Все время мой сын живет в моем сердце. Должен тебе сказать — отсюда — что ты для меня единственная на живом свете живая часть его, моего умершего сына. Я на подъезде попал ночью в тяжелую автомобильную аварию, но отделался только измазанной в грязь шинелью. Повезло. Живи, моя дорогая, может быть — увидимся.

Твой старый капитан

<приписка сбоку листа> (см. продолжение — 2 письмо)

* * *

(продолжение) 3/Х 43

Дорогая Муся!

Если увидишь Михаила¹, скажи, что я извиняюсь перед тобой и перед ним за свое поведение. Но ты и он должны извинить меня, потому что мне постоянно так тяжело, что и война для меня отдых. Здесь для меня люди ближе, и я, склонный к привязанности, люблю здесь людей. Русский солдат для меня святыня, и здесь я вижу его непосредственно. Только позже, если буду жив, я опишу его. Как-то ты там поживаешь, милая моя? Скоро напишу свой адрес. Твой капитан.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 24, л. 1, 2; почтовые карточки.

¹ Возможно, речь идет о Михаиле Александровиче Шолохове.

32

4 октября 1943 г.

4/Х-43

Дорогая Муся!

Сегодня 9 месяцев минуло со дня смерти нашего сына. Прошло с его смерти ровно столько же времени, сколько он лежал перед рождением в твоём чреве. И вот уже 270 дней прошло, как он ушел ото всех живых, почти триста суток он лежит в земле. Но он оставил после себя свое подобие — милого Сашку. Поцелуй его за меня, деда-солдата... Я все время езжу. Трудно приходится, но ничего. Завтра или послезавтра, м<ожет> б<ыть>, буду в Смоленске. Я на твоей старой родине и тоскую здесь по тебе¹. Твой А<ндрей>

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 24, л. 3; почтовая карточка.

¹ По словам М. А. Платоновой, ее предки по материнской линии происходили из Смоленской губернии. В частности, двоюродным братом ее матери — Марии Емельяновны — был священник с. Стегримова (Смоленская обл.) о. Тимофей Горанский. Этим объясняется

появление в записной книжке Платонова 1943 г. записи: «село Стегримово: отец Тимофей, дочь Нина Тимофеевна» (Записные книжки. С. 246). Возможно, родственницами М. А. Платоновой были и упомянутые там же Анна Андреевна Пирогова (учительница с. Зайцево) и Мария Алексеевна урожденная Пирогова (с. Денгубовка).

33

15 марта 1944 г.

М. А. Платоновой

15/III 44

Дорогая Муся!

Я уже неделя как живу здесь. Все идет благополучно. Павел Трошкин неожиданно для меня едет в Москву, я спешу тебе написать с ним. Не забудь сделать след<ующее>:

1) Получить деньги в газете «Пионерская правда», там напечатана моя вещь¹ (это через Анну Григор<ьевну>, жену В. Елагина², созвонись через него, как это сделать).

2) Взять у Анны Григор<ьевны> Гольдберг³ рукопись «Гроза под Орлом» (она так и не вернула).

3) Взять у Михайловой номер журнала «Октябрь» (кажется, № 9–10), там напечатана «Гроза под Орлом»⁴. Я у них взял этот журнал, но забыл где-то его, м<ожет> б<ыть> в «Красной звезде». Пусть дадут еще этот №-р. Я очень прошу их.

Еще что-то нужно, но забыл сейчас.

Как ты живешь там, и здорова ли ты? Как наш славный Сашка и Тамара? Помнит ли он обо мне или уже стал забывать. Поцелуй его за деда-солдата и поцелуй еще могилу нашего сына. Я, наверно, приеду нескоро, дела мои в Москве придут в расстройство. Пусть Кононов направляет мою книжку в работу⁵, я же не могу быть там на своем же вечере⁶. Целую и обнимаю тебя и Сашку. Пиши мне. Твой Андрей

Полев<ая> почта 48828⁷, корр<еспонденту> «Кр<асной> звезды» А. Платонову

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 25, л. 1–1 об.; лист из блокнота.

¹ Речь идет о рассказе «Сапер» (сокращенный вариант рассказа «В сторону заката солнца»), опубликованном в «Пионерской правде» 23 февраля 1944 г. (№ 8).

² Елагин Владимир Дмитриевич — редактор журн. «Дружные ребята».

³ Исходя из того, что рукопись рассказа «Гроза под Орлом» была отдана Платоновым в редакцию «Пионерской правды» (см.: РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 99, л. 23), можно предположить, что речь, как и в предшествующем абзаце, идет о жене В. Елагина.

⁴ Название журнала перепутано, очерк «Гроза под Орлом» был опубликован в журн. «Знамя».

⁵ Речь идет о попытке издания книги в Детгизе, увенчавшейся в начале 1946 г. выходом сборника «Солдатское сердце», см. нашу статью «Платонов в 1942–1945 гг.», с. 421–422 наст. издания.

⁶ Сведений об этом мероприятии на данное время не обнаружено.

⁷ Полевая почта Политуправления 1-го Украинского фронта.

20 марта 1944 г.

20/III 1944 г.

Здравствуй, дорогая моя Муся!

Это письмо передаст тебе тов. Бор<ис> Галин, который со мной вылетел из Москвы и на том же самолете возвращается¹. Живу я тут ничего. Сегодня вернулись (нас ездило трое) из поездки под Проскуров². Поездки эти всегда интересны, хотя бывает физически тяжело.

Я еще буду здесь месяц — почти до конца апреля: так Карпов назначил мне быть. Буду здесь ездить и писать, хотя писать трудно — условия неудобные даже для меня, нетребовательного к условиям³.

Но это все так. Я хотел бы получить от тебя тоже письмо. Я знаю, что тебе живется материально нелегко, и мне сейчас трудно помочь тебе, т. к. я не в Москве, а далеко от тебя. Здесь несколько другой народ, другой его характер, даже постройки иные, чем то, к чему мы привыкли. (Я пишу плохо — свет плохой.) Скоро мы продвинемся дальше на запад. Ты знаешь, я в этих местах никогда не был. Сегодня мы разговаривали с пленным немцем — врачом по профессии⁴ (он говорит по-русски).

Муся! Веди там себя разумно и хозяйственно — не обижайся за совет. Помогай Сашке, сколько можешь, п<отому> что мы оба любим его и я его часто здесь вспоминаю, когда мне бывает тяжело (это бывает часто). Еще тяжелее мне думать о нашем Тоше — неужели его никогда не будет с нами? Мне охота здесь как-нибудь сразу побывать на его могиле. Я ее воображаю себе и его, лежащего в земле. Что еще тебе написать? Я по тебе скучаю, хотя ты была в последние дни несправедлива ко мне. Я скучаю по Сашке.

Посылаю тебе жалкий подарок, больше ничего не умею. По возвращении хочу менять порядок жизни — в том смысле, чтобы моя служба не мешала литературной работе. Я бы мог писать более полезные вещи, чем те, которые (см. приб.) <заключительная часть письма утрачена>

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 25, л. 2–3 об.

¹ Галин (Рогалин) Борис Абрамович (1904–1983) — писатель, журналист, в 1930-е гг. специальный корреспондент «Правды», в годы войны военный корреспондент «Красной звезды». О совместном перелете Платонова с Галиным рассказывается в воспоминаниях Д. Ортенберга: «Путь лежал через Киев, недавно освобожденный нашей армией. Когда появились очертания города, Платонов отодвинул колпак и высунулся из кабины.— Ты что? — заорал на него Галин.— Заморозить нас захотел? А Платонов, первый раз увидевший освобожденную столицу Украины, взволнованный, стараясь перекричать шум мотора, показывал: — Смотри... Киев... Мать городов русских... Глаза его были полны слез...» (Ортенберг Д. Андрей Платонов — фронтовой корреспондент // Воспоминания. С. 111). Происшествие могло стать известным Ортенбергу лишь с чужих слов, поэтому, вероятно, в различных источниках мемуарист датирует его по-разному: в статье, цитированной выше, утверждается, что самолет летел в Москву поздней осенью 1943 г., в книге «Сорок третий: Рассказ-хроника» (М., 1991. С. 367) — из Москвы, на 1-й Украинский фронт, что как раз и соответствует письму Платонова.

² Эта командировка Платонова связана с наступлением на Правобережной Украине, а именно с Проскуровско-Черновицкой операцией (4 марта—17 апреля 1944 г.). В ходе этой операции 5 и 11 марта 18-я и 38-я армии 1-го Украинского фронта, 7–10 марта передовые части танковых соединений вышли на рубеж Тернополь — Проскуров (совр. Хмельницкий) и перерезали железную дорогу Львов — Одесса, главную коммуникацию всего южного крыла немецко-фашистских войск. Поездка корреспондентов под Проскуров, безусловно, была предпринята в связи с этими событиями. Они отразились и в записной книжке Платонова, см. записи: «Станислав <ныне Ивано-Франковск.— Е. А.> — Львов, Тернополь — Волочиск, Проскуров — Жмеринка», «6/III перерезана дорога (из опер<ативных> сведен<ий>)», «6/III на участке Тернополь — Проскуров. Дорога питала всю южную группу противника» и т. п. (Записные книжки. С. 251). Об этой операции Платоновым был написан большой очерк «Борьба за дорогу», оставшийся при жизни неопубликованным.

³ О непритязательности и скромности Платонова также упоминается в воспоминаниях Ортенберга со слов Михаила Зотова, возглавлявшего корреспондентскую группу как раз на 1-м Украинском фронте: «В Славуте, на Украине, корреспонденты заняли небольшую хату, откуда только что ушли немцы; не были еще убраны нары, солома. Зотов решил, что молодежь как-нибудь и здесь проживет, а Платонова надо лучше устроить. Он попросил редактора фронтовой газеты полковника Жукова, успевшего занять более благоустроенные дома, приютить у себя писателя. <...> Но когда Зотов попытался увести Платонова на эту квартиру, тот отказался и даже обиделся. Так и остался со всеми, устроившись на полу, где впопалку спали человек двенадцать. <...> Зотов мне рассказывал: — Хата, где мы жили, выглядела столь неприглядной, что Платонов повесил на дверях бумажку с надписью: «Вход в “Дно”», имея в виду пьесу Горького. Себя он назвал Лукой и другим присвоил имена остальных персонажей драмы. Имена эти не прижились, только Платонов сходил за Луку» (Ортенберг Д. Сорок третий. С. 369).

⁴ Это событие было зафиксировано и в записной книжке писателя, см.: «Пленный немец (Клайн) — врач в Михаль<цах> и др. пленные» (Записные книжки. С. 249).

35

30 марта 1944 г.

30/III—44 г.

Дорогая Муся, здравствуй!

Как ты там поживаешь? Как растет и существует Сашка? Я тут живу ничего. Скоро увижу Карпаты. Тут, как ты знаешь, большие события и большие наши победы¹. Я буду здесь, видимо, еще долго, приеду, м<ожет> б<ыть>, к твоему дню рождения². Меня беспокоит, что ты там без средств. По приезде это все налажу, потерпи пока. Напиши мне сюда маленькое хотя бы письмо, оно меня, наверное, еще застанет. Кто у нас там бывает? Какие новости? Бываешь ли ты дома иногда? Я здесь много работаю. Приходится и трудно и прочее.

Обнимаю тебя. Твой А<ндрей>

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 25, л. 4; почтовая карточка.

¹ К 21 марта советскими войсками были освобождены Хмельник, Винница и Жмеринка, 23 марта — Чортков, 24 марта с ходу форсирован Днестр, 29 марта — Прут, и освобождены

Черновцы, 26 марта освобожден Каменец-Подольский. В ходе Проскуровско-Черновицкой операции советские войска вышли к предгорьям Карпат.

² Мария Александровна Платонова родилась 14 (27) апреля 1903 г.

36

27 июня 1944 г.

Действ<ующая> Армия, 27/VI 44 г.

Здравствуй, дорогая Муся!

Выбрал свободное время и пишу тебе. Времени здесь не хватает. Я уже написал тебе одно письмо¹ — получила ли ты его? Я хочу получить от тебя поскорее ответ: как твое состояние, сколько, говоря точнее, ты беременна, и как ты себя чувствуешь. Я сейчас получил из Москвы телеграмму за подписью Карпова и Черных², где говорится «жена (т. е. ты) будет обеспечена, не беспокойтесь». В телеграмме Карпов похвалил мой очерк «Прорыв на запад»³. Меня интересует теперь — чувствуешь ли ты, действительно, заботу со стороны моего начальства, чем ты будешь обеспечена, — или ограничится дело только тем, что тебе дадут, когда нужно будет, машину?

Как там поживает наш Сашка? Вспоминает ли он меня?

Я вот-вот должен вылететь в Могилев, как только наши войска ворвутся в него. Для меня заказан самолет, и я помчусь⁴. Я видел тут огромные бои, многое пережил, многое видел прекрасного в наших солдатах, многое понял, чего прежде не понимал.

Я прошу тебя позвонить как-нибудь Валентине Сергеевне (жене Рувима Исаевича Фраермана⁵) и спросить ее — как обстоят дела с печатанием моей книги у них — неужели они все еще маринуют ее⁶? Ведь это не дело! Напиши, кто тебе выплатил гонорар — или никто, я же знаю их, сукиных детей, — «с глаз долой, из сердца вон»: раз меня нету, то можно ничего не платить.

Купила ли ты пальто? — или так и не вышло ничего из-за нашей бедности? Напиши все подробно, только не сердись на меня. Мне тут совсем нелегко. Я знаю, конечно, что тебе, может быть, еще труднее.

Прошу тебя — гуляй по двору с Сашкой, ходи в кино с кем-нибудь, если не с кем, то возьми с собой Марию Емельяновну⁷.

Здесь в Белоруссии красивая кроткая природа: березы, сосны, поля в фиолетовых, лиловых колокольчиках. И я думаю — как хорошо было бы, если б ты, Сашка и тот, кто в тебе еще не проснулся, гуляли все вместе здесь. Поцелуй от моего имени могилу нашего сына.

Обнимаю тебя. Твой Андрей

<запись сбоку листа> К 3-48-71 Вал<ентина> Серг<еевна>

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 25, л. 5–6 об.; листы из блокнота.

¹ Письмо не сохранилось.

² Черных Михаил Александрович — начальник корреспондентской сети газ. «Красная звезда».

³ Очерк опубликован в «Красной звезде» 25 июня 1944 г.

⁴ Могилев был освобожден 28 июня 1944 г. В воспоминаниях Д. Ортенберга ситуация с самолетом описана следующим образом: «Шли бои за Могилев. Командующий армией выделил для корреспондентов “Красной звезды” самолет “У-2”. А спецкоров было двое — Павел Милованов и Андрей Платонов. Милованов торопился на самолет, чтобы поспеть ко взятию города. Но Платонов не пустил его. Не захотел остаться. Они упростили командарма дать двухместный самолет, и полетели оба. И Милованов, и газета много потеряли бы, если бы Платонов остался в штабе армии. Сам Платонов тоже мог не жалеть, что настоял на своем, — он окунулся в самую гущу Белорусской битвы» (*Ортенберг Д.* Андрей Платонов — фронтовой корреспондент // Воспоминания. С. 110). Когда и как эта информация дошла до Ортенберга, неизвестно, поскольку с августа 1943 г. он более не являлся редактором «Красной звезды».

⁵ *Фраерман* Рувим Исаевич (1891—1972) — прозаик, автор известной повести «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви» (1939); какое-то время принадлежал к кругу лиц, близко общавшихся с Платоновым. Его жена, Валентина Сергеевна — в то время сотрудница редакции Детгиза.

⁶ Речь идет о попытке издания книги Платонова в Детгизе, увенчавшейся выходом в начале 1946 г. сборника «Солдатское сердце», см. нашу статью «Платонов в 1942—1945 гг.», с. 421—422 наст. издания.

⁷ *Кашинцева* (Крашенина) Мария Емельяновна — мать М. А. Платоновой.

37

1 июля 1944 г.

Действ<ующая> Армия, 1/VII 1944.

Дорогая моя Муся!

Я написал тебе два письма, это третье. От тебя ничего пока не получил, почта, наверно, идет долго.

4/VII будет полтора года, как скончался Тоша. Это письмо придет позже 4-го июля. Ты, наверно, уже отслужишь панихиду на его могиле. Если почему-либо 4-го не будет панихиды, то отслужи ее позже и я так же, как и 4-го июля, буду незримо, своею памятью стоять у его могилы и плакать по нем. Вечная память моему мученику-сыну, моему любимцу и учителю, как надо жить, страдать и не жаловаться.

Я хочу тебя попросить немедленно продать мой гражданский костюм и башмаки. Только сделать это надо сразу, без всяких сантиментальностей <sic>. Я знаю, у тебя нет денег, а тебе нужно хорошо питаться, нужно пить молоко. Сашке тоже нужно молоко, а оно дорого. Если у тебя родится хилый ребенок, он будет нам очень дорого стоить. Поэтому нужно немедля реализовать все мои гражданские вещи, в том числе и пальто,— они мне потребуются нескоро, да у меня найдется тогда и другая одежда. И на эти деньги надо усилить питание в твои последние решающие месяцы. Сашке тоже нужно молоко, он сейчас запасается силами на всю жизнь. А помочь мне вам иначе трудно. Сделай это, пожалуйста, всерьез и пойми просто, а то мне же потом хуже и труднее будет. В «<Красной> звезде» по сегодняшний день, по 1/VII, напечатаны 3 моих очерка¹. Попроси (позвони) Кривицкому² или Черных, чтобы они устроили тебе выплату гонорара, и затем пусть позвонят, когда тебе прийти за получением денег. Это можно сделать немедленно и легко.

Если ты читаешь газету, ты знаешь, где я, примерно, нахожусь³. Работы и езды очень много. Некоторые ночи не приходится спать совсем. Тут стоит жара, пыль, я еле успеваю изредка мыться в речках и очищаться от грязи. Мы громим немцев здесь так, что от них только прах летит, и гоним их на запад с такой скоростью, с какой никогда еще они не отступали.

В Могилев прилетал Е. Кригер⁴ (ты его знаешь), но я его не видел, он был в воздухе на самолете, а я ходил на земле по городу. Когда приеду, поговорим подробно. А когда приеду — сам не знаю. Я сильно скучаю по тебе и по Сашке (кто ему заместит меня — никто не может: мы с ним нашли общий язык; я ему привезу или пришлю какие-нибудь пустяки). Узнай в «Советском писателе» и в «Детском издательстве» — как обстоят дела с изданием моих книг⁵. Если что нужно очень срочно и важно — поговори с Черных; он найдет возможность запросить или сообщить мне срочные дела по телеграфу.

Итак, еще раз, немедленно реализуй мою гражданскую одежду. Мне она не нужна. Мне будет дешевле все потом приобрести, нежели выкармливать и лечить без конца больного или хилого ребенка. Мне выгодней и удобней, чтобы ты поступила так именно, как я прошу.

Вот все.

Целую и обнимаю тебя.

Твой Андрей.

Привет Тамаре, Петру Трошкину, Вале, родителям Тамары, Марии Емельяновне.

Целую Сашку.

Адрес: Полевая почта 02961⁶,
майору А. Платонову

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 25, л. 7–8 об.

¹ Очерки «Прорыв на Запад», «Дорога на Могилев» и «В Могилеве» (опубликованы 25, 28 и 29 июня).

² *Кривицкий* Александр (Зиновий) Юрьевич (1910–1986) — начальник отдела литературы и искусства газ. «Красная звезда».

³ В это время войска 2-го Белорусского фронта, вместе с которыми перемещался Платонов, наступали в направлении Минска.

⁴ *Кригер* Евгений Генрихович (1906–1983) — советский сценарист, журналист, очеркист, специальный корреспондент газ. «Известия» с 1932 по 1973 гг.

⁵ Речь идет о книгах известных как «В сторону заката солнца» (1945) и «Солдатское сердце» (1946), подробнее см. нашу статью «Платонов в 1942–1945 гг.», с. 418–422 наст. издания.

⁶ Полевая почта политотдела 10-й армии (в апреле 1944 г. на базе управления 10-й армии было создано управление 2-го Белорусского фронта).

13 июля 1944 г.

Действ<ующая> Армия, 13/VII

Дорогая Муся!

Я пишу тебе уже четвертое письмо. От тебя еще не получил ни одного. Может быть, это потому, что мы все время движемся вперед, все время наступаем, и я все более удаляюсь от дома.

Прошу тебя, чтобы не забыть, скажи Митрофанову¹ или Ступнику² (в издательстве «Советский писатель»), чтобы они рассказали «Счастливый корнеплод» сняли из сборника, потому что он, этот рассказ, по своей теме и духу выпадает из общего строя книги³. Так им и скажи. Пусть, следовательно, они не печатают его.

Как твоё положение? Наверно, уж скоро у нас будет сын или дочка. Дочку надо назвать Марией — пусть будет еще одна, но только маленькая, Муська. А сына — не знаю как. Тошей — нельзя. Надо выбрать другое имя. Я слышал здесь, что вышел очень хороший закон о матерях и детях⁴, но сам его не читал. Говорят, там предусмотрена большая помощь беременным женщинам, следовательно — и тебе.

Я нахожусь далеко. Здесь есть развалины старинных замков, природа здесь и люди — другие, но я скучаю по тому, что более мне знакомо и привычно, скучаю по тебе и по Сашке. Сашка, наверно, вырос без меня и научился говорить много новых слов. Когда же я вас увижу обоих, а может быть — увижу и того или ту — третью душу?

Работать приходится много и в трудных условиях, но я все это выношу, только здоровье у меня начало слабеть. Кривицкий говорил мне, что меня вызовут (он так делает) примерно через месяц. Скоро, на днях, как раз будет месяц. Не знаю, выполнит ли Кривицкий свое обещание — поговорит ли он с Карповым, и согласится ли еще тот вызвать меня. Материалов у меня очень много, чтобы писать, но здесь, конечно, я не успеваю и не смогу их использовать. Вообще я зашился со своими обязанностями, поэтому дела мои плохие и ты живешь нищенкой.

Жду от тебя письма, моя дорогая. Крепко тебя целую. Поклонись за меня праху нашего сына. Поцелуй внука.

Твой Андрей

Привет и поклон Тамаре, ее родителям, Петру и Вале, Марии Емельяновне.

Мой адрес: Полевая почта

02961,

майору А. Платонову

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 25, л. 9–10 об.

¹ *Митрофанов* Александр Георгиевич (1899–1951) — писатель, редактор книги Платонова «В сторону заката солнца».

² *Ступникер* Александр Максимович — критик, профессиональный редакционный работник.

³ Речь идет о сборнике «В сторону заката солнца», см. нашу статью «Платонов в 1942–1945 гг.», с. 418–421 наст. издания.

Вероятно, Мария Александровна по каким-то причинам не успела выполнить поручение мужа, так как рассказ «Счастливый корнеплод» оказался объектом критики во внутренней рецензии Митрофанова от 28 июля: «В “Счастливом корнеплоде” автор выводит лейтенанта интендантской службы Харчеватых, “известного своей инициативностью”. Вот как “действует” этот на диво тупой человек: “Вскоре тылы армии, двигаясь вперед, проходили по моховым болотам. Жалея, что здесь нет оленей для утилизации в пищу болотного мха, но вместе с тем не допуская, чтобы государственное имущество погибало втуне, Харчеватых задумал научно перевоспитать всех наличных интендантских коз, дабы они даже при нежелании ели мох”. Или “он требовал сбережения орехов от хищного и малокультурного поедания их бойцами, дабы весь урожай был использован в высшей экономической форме, а именно: следует из тех орехов добыть путем технического нажатия ореховое масло, а масло употребить для протирки стекол в оптических приборах”... и т. д. “Научно перевоспитать всех наличных интендантских коз”... “хищное поедание”... “путем технического нажатия” и другие фразы в том же духе невольно заставляют думать, что А. Платонов опять решил возвратиться к “юродствующему” стилю, которым грешил он раньше. Но это не совсем так. Автор задумал дать в своем Харчеватых некий собирательный образ человека бездумного, который ничему не научился на войне, который не чувствует сердцем грозных и священных событий, участником которых он является, не понимает привязанности крестьянина к родному пепелищу и вообще высоких чувств. Тупой деляга, мастер мелких дел, привыкший проявлять шумную, но бесплодную инициативу, утилизатор. Но сатиры не получилось — слишком уж чудовищно и развязно глуп Харчеватых. Он никак не типичен и, да простит мне А. Платонов,— автор его просто выдумал. И это впечатление нехудожественной, неоправданной выдумки, вернее, надуманности — не покидает читателя на протяжении всего рассказа» (РГАЛИ, ф. 1234, оп. 9, ед. хр. 15, л. 99–100).

⁴ 8 июля 1944 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”».

39

17 июля 1944 г.

17/VII 44.

Дорогая моя Муся!

Вчера я получил твое письмо от 4/VII — первое, что я получил здесь. В одном из прежних писем я писал тебе, чтобы ты обязательно продала мой гражданский костюм, пальто и ботинки. Я объяснял тебе, для чего это нужно. Зная твоё равновесие, повторяю свою просьбу. Денег у нас, т. е. у тебя, сейчас почти нет или очень мало. А ты носишь ребенка, идут самые решающие месяцы. Кроме того, есть еще Сашка, который каждый день хочет пить молоко. Я от вас очень далеко и, <может> <быть>, нескоро вернусь. Если ты будешь плохо питаться, то плохо, со многими неисчислимыми последствиями потом, будет новорожденному. Плохо будет и Сашке — у него сейчас критический рост, строится его организм. А твой ребенок сейчас образуется — ему нужна масса всяких веществ, которые он берет только от тебя, а ты сама, наверное, не доедаешь как следует. Пойми это серьезно. Потом нам это станет куда дороже в сотни раз, если ты не исполнишь моих «директивных указаний». Гражданское платье мне совершенно не нужно, едва ли

оно скоро потребуется, да и вообще это не задача: когда придет время одеть <sic> его, тогда и оденусь заново. Следовательно, немедленно продай мою гражданскую (всю) одежду и на эти деньги питайся как можно лучше.

Прошу тебя, сделай это скорее и пойми мое беспокойство. Из тех вещей, что дали в Союзе,— сшей себе, что тебе надо. Мне эти вещи вовсе не нужны.

Я нахожусь далеко. Ты знаешь, что мы взяли уже Гродно¹, мы идем быстро. Вижу и испытываю здесь много. По моим напечатанным в сокращенном виде очеркам² можно понять кое-что, где я нахожусь, что вижу и что делаю. В том, что я там в Москве «обойден» хозяйственными умниками, кроме судьбы, я вижу еще и простое безобразие. Но я не по ним равняюсь, не с них пример беру, я равняюсь по народу и по нашим солдатам. А если бы все же любого из этих хозяйственных деятелей послать сюда, чтобы он сделал хоть одну перебежку под немецким артиллерийским огнем, километра в 2, как я это делал с большим сердцем³, то он бы понял, почему надо быть справедливым, однако все равно не научился бы справедливости. Они знают лишь одну науку — рвать, ничего не давая. Ну, черт с ними, с этими блатными. Не в них сила и соль.

Пиши мне, дорогая. Исполни, что я здесь прошу. Гуляй с Сашкой, ешь больше и лучше. Сейчас едем вперед, все далее на запад. Надеюсь, увидимся скоро. Целую и обнимаю тебя крепко. Я знаю, как тебе тяжело. Поцелуй за меня изголодые могилы моего святого любимца. Поцелуй Сашку.

Привет всем, кто помнит меня.

Твой Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 25, л. 12–13 об.

¹ Город Гродно был освобожден советскими войсками 16 июля 1944 г., в ходе Белостокской наступательной операции.

² Речь идет об очерках «Прорыв на Запад», «Дорога на Могилев», «В Могилеве» и «Падение немца», опубликованных в «Красной звезде» 25, 28, 29 июня и 4 июля.

³ Свидетельства того, что на фронте корреспондент Платонов не боялся рисковать своей жизнью, обнаруживаются и в воспоминаниях Д. Ортенберга. Одно из таких событий относится ко времени Орловской командировки Платонова 1943 г. и изложено Ортенбергом со слов П. Трояновского, в свою очередь, узнавшего о происшедшем от некоего капитана Андреева, проводника Платонова по расположению одной из дивизий: «Самым трудным и опасным участком боевых позиций дивизии была высота 140. <...> Но чтобы туда попасть, надо было преодолеть несколько десятков метров ползком или броском. Андреев довел Платонова до конца траншеи, и они оба какое-то время наблюдали, как на высоту добираются бойцы. Большинство из них преодолевали опасное пространство бегом, немцы открывали огонь почти по каждому бегущему человеку. — Какой выберем способ? — спросил Платонов. — Я бы предложил ползком, — ответил капитан. — Безопаснее. — Нет, капитан, — решительно ответил писатель. — Бежим!

Андреев сам предпочел бросок, но не знал, хватит ли сил и выдержки у Платонова, да еще помнил наказ Трояновского — беречь писателя. — Это был отличный бросок! — рассказывал Андреев. — Немцы открыли огонь, но мы уже достигли мертвого пространства.

Пробыл Платонов на высоте почти сутки. На обратном пути опять перебежка. И тут вот что случилось: немецкая пуля настигла Платонова, но ударилась в складной ножик, который лежал в кармане, и погасла. Однако удар был сильный, и Платонов захромал. И все же

ни дня, ни часу не позволил себе сделать передышку» (*Ортенберг Д.* Андрей Платонов — фронтовой корреспондент // Воспоминания. С. 108).

От П. Милованова Ортенберг узнал о следующем случае из Белорусской поездки Платонова: «Были они <Милованов и Платонов> в дивизии генерала Красноглазова. Шел тяжелый бой в условиях так называемого “слоеного пирога”. Обстановка была неясной даже для самого генерала, и он категорически не пускал корреспондентов в полки. Платонов выслушал комдива, а когда вышли из его блиндажа, сказал: — Пойдем!.. Настоял, и они пошли в полки» (Там же. С. 107).

40

24 января 1945 г. Гурзуф

Гурзуф, 24/1—45.

Дорогая Мума, дорогая маленькая Кхы¹ и героический младенец Сашка!

Два дня как я приехал сюда. Мне сказали, что телеграммы идут так же долго, как письма, поэтому пишу письмо.

Здесь сейчас прохладно, но все же часто светит солнце; за моим окном, возле которого стоит моя койка, круглые сутки шумит и вздыхает синее Черное море. До моря от меня метров десять. По другую сторону — горы. По их вершинам ползут серые зимние тучи, будто там небо срачивается с землей. Деревья и прошлогодние травы стоят зеленые. Вчера я первый раз ходил один далеко по берегу моря. Я вспоминал того, кого мы потеряли, кто тоже видел когда-то это море и слушал его волны. Сюда я ехал на машине через Алушту. Там цела генуэзская башня, где мы гуляли все трое когда-то...² Но нынче «позарастали стежки-дорожки»³, и один я, самый старый из вас, еще брожу здесь. Ты сказала на прощанье, что завидуешь мне, а я завидую тебе. Я не хотел сюда ехать, мне очень тяжело здесь. Больше месяца я здесь не буду.

Меня здесь лечат. Кормят здесь чрезвычайно обильно, мне это неприятно. Завтрак из трех блюд, обед из четырех, ужин тоже, — постоянно дают мясо, масло, сало и пр. Меня тяготит это насыщение. Я живу в комнате, где нас четверо. Работать не очень удобно, но я уже начал писать, пишу на большом подоконнике, поглядывая на море. Сейчас оно синее и освещено утренним солнцем, но дует ветер, холодные волны катают камешки на берегу и они шипят в белой пене. Как бы здесь можно жить, если бы со мной здесь были мой живой сын и две Мумы.

Я все время помню ее, мою маленькую Кхы! Чувствую, что полюбил ее до болезненности, помню ее улыбку и все движения ручками и ножками. Напиши мне о ней все подробно. Сашка, наверно, вспоминает про Лея⁴. Скажи, что я скучаю здесь по нем и люблю его по-прежнему. Пусть он ждет меня. Не знаю, что можно привезти ему в подарок. Здесь это трудно, но что-нибудь придумаем.

Режим здесь довольно суровый, время идет однообразно; много часов отнимают разные процедуры, врачебные осмотры и т. п.

Напиши мне — только сразу же, чтобы письмо твое застало меня здесь, — напиши про все дела и новости. Если что нужно срочно, принимай решение сама за меня, но сначала обдумай. Получила ли ты деньги?

Еще одна просьба к тебе. — Когда к нам приходил в гости Елагин, я занял пол-литра водки с бутылкой у Мих<аила> Никитина⁵. До сих пор я не отдал дол-

га. Не можешь ли ты отдать эти пол-литра с бутылкой Никитину? Отдай, пожалуйста, я забыл про этот долг.

Если ты получила деньги полностью и у тебя есть возможность — пришли мне телеграфом сюда 500 р<ублей>, м<ожет> б<ыть>, я по дороге отсюда куплю что-нибудь в подарок Сашке и Кхы.

А тебе я подарю что-нибудь в Москве, моя дорогая. Отсюда же я могу привезти только вечно зеленую веточку в вечную память о нашем сыне, герое, святом и мученике. Я здесь, а он лежит в ледяной могиле.

Пиши мне. Обнимаю тебя. Целую Кхы и Сашку. Привет Ешебабе⁶, Тамаре, Гр<игорию> Гр<игорьевичу>⁷, Анне Савел<ьевне>⁸, Петру и Вале.

Андрей

<приписка сбоку листа> Адрес: Крым, Гурзуф, Санаторий, майору Платонову

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 27, л. 1–3 об.; листы блокнота.

¹ Шуточное прозвище дочери Платонова — Маши.

² Начиная с 1927 г. Платонов регулярно отправлял на отдых к морю жену и сына. Точно известно, что всей семьей Платоновы отдыхали в Крыму в 1936 г. (см.: Миндлин Э. Андрей Платонов // Воспоминания. С. 41).

³ Слова из одноименной русской народной песни «Позарастали стежки-дорожки, // Где проходили милого ножки...»

⁴ Искаженное детским произношением имя Андрей.

⁵ Никитин Михаил Александрович (1903–?) — писатель, очеркист, сосед Платоновых по дому.

⁶ Вероятно, шуточное прозвище матери Марии Александровны — М. Е. Кашинцевой.

⁷ Турулько-Тарновецкий Григорий Григорьевич — отец Тамары Платоновой.

⁸ Турулько-Тарновецкая Анна Савельевна — мать Тамары Платоновой.

41

27 января 1945 г. Гурзуф

Гурзуф, 27/1 45.

Дорогая моя Мума Большая!

Пишу тебе второе письмо. Живу я здесь ничего; только холодно здесь, топить здесь не привыкли. Место само по себе тут прекрасное. Сейчас я пишу тебе и передо мной — за окном — бесконечное пространство моря, освещенного по горизонту серебристым светом. Как бы хорошо здесь нести на плечах Сашку, а в руках Машку-Кхы и брести по берегу у черты прибой! Но пока это невозможно. Как ты там живешь? Трудно, наверно, кормить тебе ребенка. Тебе надо кушать очень хорошо, а ты ешь как и что попало — и ребенку хуже, и сама слабеешь. Мне здесь тяжело еще оттого, что кормят меня здесь на убой. Здоровье мое вначале здесь стало хуже, появилась т[°] и озноб, теперь все прошло, но рентген показал много очагов и какой-то плевритный шов, а плеврита у меня не было. Лечат здесь ничего, я принимаю разные лекарства, часть из них, как пустяковые, выбрасываю. Тут чисто военный санаторий, есть люди интересные с резким большим характером, есть и другие.

Как там моя Машка, моя Кхы? Сидит ли она? Я по ней скучаю, я мечтаю, что когда-нибудь привезу ее сюда на море и она, вместе с Сашкой, будет здесь играть в песочке, как когда-то здесь же в Крыму играл ее старший брат. Но когда это будет?

Сюда газеты идут очень долго, но у нас, мы слышим здесь, великие победы. Это питает великие надежды, что скоро будет победа.

Я часто представляю себе, как вы там трудно живете одни, и мне нехорошо, что я здесь избавлен от всех забот, окружен вниманием как больной, хорошо питаюсь, живу на берегу синего моря. Но в душе у меня непреходящая черная печаль. Дела мои в литературе плохие, будущее мое темно, а от меня зависят маленькие прелестные существа — Кхы и Сашка. Вспоминает ли обо мне Сашка?

Напиши мне обо всем и обо всех и подробно о самой себе. Ты, должно быть, постоянно ходишь разбитой оттого, что тебя иссасывает Машка. Не пора ли ее подкармливать?

Пиши скорее. Письма идут долго. Привет тебе от моря и от гор. Целую тебя, Машку и Сашку. Андрей

<приписка сбоку листа> Адрес: Крым, Гурзуф, Санаторий, мне.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 27, л. 5–6; листы блокнота.

42

31 января 1945 г. Гурзуф

Гурзуф, 31/1 45.

Дорогая моя Мария! — Пользуясь случаем, что в Москву едет один мой товарищ по палате, посылаю эту записку. Я тебе послал 3 письма, кроме этого, и одну телеграмму. Старожилы говорят, что письма, равно и телеграммы, идут 8–10 дней в один конец. Ты учти это. Я прошу тебя:

1) Позвони Р. И. Фраерману — пусть он поговорит с Валент<иной> Сергеев-ной и Кононовым, — когда же они, наконец, издадут в Детиздате мою книжку «Солдатское сердце», — идет уже второй год, как она принята¹. Скажи Фраерману — ведь я приеду в Москву ненадолго, потом уеду на фронт², мне деньги нужны, и я бы мог их получить в расчет за книжку;

2) Позвони Кривицкому, узнай деликатно (скажи, что я прислал письмо), почему же до сих пор не напечатан мой рассказ³. Ведь от этого зависит так много, чуть не все мое здоровье и вся жизнь. Он должен понимать.

Я живу тоскливо. Идет дождь чуть не круглые сутки. Курю траву, табаку нет. Вина не пью, его нет, а если есть, то слишком дорого. Выеду домой не позднее 18/II. Поцелуй мою ясноглазую Кхы и пожми руку нашему Сашке.

Обнимаю тебя. Андрей

<приписка сбоку листа> P.S. Если ты мне не перевела денег (я просил в первом письме), то переведи телеграфом, если можешь, рублей 200, а не 500, как я просил сначала.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 27, л. 8.

¹ Об издании этой книги см. нашу статью «Платонов в 1942–1945 гг.», с. 421–422 наст. издания.

² На настоящее время документально подтвержденных сведений о поездке Платонова на фронт в первой половине 1945 г. не имеется.

³ Возможно, речь идет о рассказе «Один бой», опубликованном в «Красной звезде» 18 и 20 февраля 1945 г.

43

12 сентября 1945 г. Ялта

Ялта, 12 сент<ября> 1945.

Здравствуй, дорогая Муся, затем маленькая Мусенька-Машенька и Мария Емельяновна!

Я только первый день в санатории. Санаторий очень хороший, он не в городе, а в окрестностях города, в горах. Кормят здесь очень обильно и хорошо: 5 раз в день, дают ежедневно виноград и фрукты; я с трудом справляюсь с таким обилием пищи. Здесь в этом смысле еще лучше, чем в Гурзуфе. В то же время я помню, как живешь и питаешься ты, Машка и Саша, и мне трудно здесь наслаждаться этой пищей. Здесь преимущественно лежат тяжелые больные, есть и такие, как наш Тоша.

Из окна палаты, где я лежу, видна почти вся Ялта и полукруглый залив. Здесь дождей нету, светит солнце и жаркая погода. На море небольшое волнение, по синим волнам бегут белые барашки. (Ты помнишь, должно быть, эту картину.) И я думаю, как хорошо бы тут быть тебе, Маше и Саше. Как бы тут вздохнули и оправились наши дети. Но нельзя еще, может быть, на будущий год удастся... Ехал я сюда в тяжких условиях, три ночи почти не спал. Для меня это еще терпимо, но ты с Машкой не вытерпела бы.

Состояние мое неплохое: я сплю, ем, думаю найти возможность здесь работать, долго оставаться здесь не хочу. Режим здесь суровый, врачи внимательные и как будто знающие.

Теперь хочу попросить тебя написать мне подробно: как уху у нашей Маки, идет ли еще гной или она выздоровела совсем? Как наш славный Сашка? Как ты сама? Я знаю, как трудно тебе. Ты совсем без денег. Не забудь выбрать из шкафа все вещи, перед тем как его увезут. Временами я так живо и вещественно представляю себе Маку, как она тянется ко мне ручками, как я гулял с ней по утрам, с нашей крошкой, у которой лицо младенца и глаза мудрой старушки. Больше я постараюсь с ней не расставаться.

Сашка, наверно, вспоминает меня. Я ему пошлю письмо отдельно, чтоб доставить ему удовольствие.

Я тебе не оставил доверенность на получение денег в «Красной» звезде». Но ты составь ее сама — таким образом:

«Доверенность. Заработ<ную> плату за сентябрь м<еся>ц <19>45 г. доверяю получить моей жене — М. А. П., — поставь мою подпись и заверь ее.

Сейчас здесь вечер. Вдали видна Ялта. Море утихает. Как темные свечи стоят кипарисы. Прекрасно здесь, если бы люди могли быть вместе там, где они наиболее чувствуют тоску друг по другу.

Поцелуй за меня Машу в ее ясные разумные и дикие глазки, поцелуй нашего бедного Сашку.

Обнимаю тебя. Привет Тамаре и ее родителям и Марии Емельяновне.

Твой Андрей

Мой адрес: Крым, Ялта, Симферопольское шоссе, Центральный санаторий Красной Армии № 1, мне.

Хотел написать отдельное письмо по поводу дня рождения Тоши, но боюсь, что оно не успеет дойти до тебя к 22 сентября. Поклонись его праху от меня и поцелуй землю в голове нашего первенца, нашего святого мученика. Если будет у тебя возможность, подари Саше что-нибудь 22/IX, раз уж нельзя ничего подарить его отцу. Тоша будет доволен тем, что сын его получит подарок, раз он сам, Тоша, уже не может получить подарка от нас.

Поздравь Тошу с днем его рождения и поцелуй его через землю.

Сегодня 13/IX. Вчера не знал, где отправляют тут письма. Забыл еще одно дело. Позвони в «Гудок» тов. Смуглому¹ (у нас в книжке есть телефон «Гудка»). Спроси у Смуглого: что они сделали с моим рассказом «Механик»², который я послал на имя Березина³. Затем — попроси его прислать курьера и дай Смуглому рассказ «Машинист Мальцев», взяв его из второго экземпляра сборника⁴, что перепечатала Дарья Ник<олаевна>⁵.

Пока все. Снова обнимаю и целую тебя, Машку, Сашку.

Андрей

Напиши мне сразу письмо.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 28, л. 1–3 об.; листы блокнота.

¹ Неустановленное лицо.

² Рассказ «Механик» (=«Старый механик») под названием «Жена машиниста» был напечатан в «Гудке» 30 сентября 1945 г. (№ 118).

³ *Березин* Данил Семенович — редактор газ. «Гудок».

⁴ Возможно, речь идет о сборнике «Вся жизнь», см. нашу статью «Платонов в 1942–1945 гг.», с. 423–424 наст. издания.

⁵ *Часовитина* Дарья Николаевна (1896–1966) — незаконная дочь великого князя Николая Константиновича; машинистка, перепечатававшая рукописи многих известных писателей.

44

15 сентября 1945 г. Ялта

15/IX–45 г.

Дорогая Муся и маленькая Мума!

Я Вам написал одно письмо. Это второе. Муся, я прошу тебя не забыть о двух делах: 1) если увидишь Мих<аила> Ал<ександровича> Ш<олохова>, то скажи ему прямо — не сможет ли он оказать помощь в смысле разрешения к постановке пьесы «Волшебное существо»¹ — через ту инстанцию, где это делается, он знает; один экземпляр, напечатанный на машинке, у тебя есть. Если М<ихаил> А<лександрович> согласится, дай ему пьесу, но только тут потребуется некоторая энергия с его стороны.

И — 2) если увидишь Вас<илия> Вас<ильевича> Шкв<аркина>, скажи, что я предлагаю ему совместно написать комедию, как только возвращусь, скажи, что

я прислал с этим предложением письмо, как оно и есть. Вот пока все, но это важно.

Целую и обнимаю тебя и Маку.

Твой А<ндрей>

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 28, л. 4–4 об.; почтовая карточка.

¹ Пьеса «Волшебное существо» известна как написанная Платоновым в соавторстве с Р. Фраерманом. Возможно, на одном из первых этапов своей издательской истории пьеса побывала в редакции журнала «Знамя», см. письмо сотрудника редакции писателя А. Тарасенкова от 17 октября 1944 г.: «Многоуважаемый тов. Фраерман! Я прочел Вашу (совместно с тов. Платоновым написанную) пьесу “Волшебное существо”. Скажу прямо: произведение это вызвало у меня резко отрицательное отношение. Идея пьесы мне совершенно неясна, и я склонен даже думать, что ее в произведении, по существу, вовсе нет. Все в пьесе крайне смутно, расплывчато. Для чего она написана? О чем? Генерал потерял жену, ранен, его лечат выпивкой и танцами. Наконец он находит невесту-сержанта и вылечивается физически и духовно. Снова бой. Генерал встречает, наконец, потерянную жену. Невеста получает отставку, а генерал окончательно счастлив. Странная история, мягко выражаясь! Во имя чего она рассказана? Крайне отрицательное впечатление произвел на меня язык пьесы. Совершенно юродиво выражается солдат Иван, существо выдуманное, нереальное. Дико выглядит, например, сцена, когда красноармеец Иван молится “всем святым...” В тон Ивану говорят и действуют и остальные персонажи пьесы (Ростопчук: “я тоже хочу сейчас чего-нибудь конкретно в форме туловища”, генерал Череватов о танцах: “я тоже приму участие в этом телесном торжестве...”, военоторговская маркитантка: “скажите мне, как дальше нужно жить хорошо, чтоб народ меня знал и любил”... и т. д. и т. п. ...Я очень удивлен, как вы могли под всем этим поставить свою подпись после Вашей такой чистой, ясной и романтической прозы. Честно говоря, не понимаю. Возвращаю Вам рукопись. С товарищеским приветом. Ан. Тарасенков» (РГАЛИ, ф. 618, оп. 10, ед. хр. 14, л. 27). На настоящее время сведений об участии М. Шолохова в судьбе этого произведения не имеется.

45

16 сентября 1945 г. Ялта

Ялта, 16/IX, 45.

Дорогая Муся!

Это второе письмо. Хочу с тобой посоветоваться. Меня тут хотят поддувать — накладывать пневмоторакс, а затем, возможно, подрезать нервы и подтягивать легкое. Второе — хирургическая операция, после нее бывает тяжело и можно остаться совсем калекой. Я пока что отказался ото всего, хочу лечиться только питанием, режимом, воздухом, но каверны открыты по-прежнему (еще мало прошло времени). Врач говорит, что каверны у меня сами по себе едва ли закроются. Но если стать на путь операций, то их может быть несколько, и что получится — тоже неизвестно, а я проведу здесь долгое время и выйду верным калекой. Я решил не идти по этому пути. Пусть будет что мне суждено. Я думаю, что ты со мной согласишься. Я уже немолод, может быть — проживу и с кавернами и с чахоткой; лечиться же без конца, оперироваться, без конца лежать в санаториях, в клиниках — это не жизнь, это полусмерть. Сейчас у меня неплохое состояние, т^о почти все время нормальная, только слабость. Но здесь кормят исключительно хорошо. До-

статочно сказать тебе, что завтрак состоит из трех горячих блюд, ужинов бывает не один, а два — в 8 и 10 ч <асов> вечера; каждый день — виноград $\frac{1}{2}$ килограмма и т. д. Может быть, я одолею болезнь или заглушу ее, что она меня не будет беспокоить сильно. Ты напиши мне, как ты думаешь обо всем. Ни с кем не советуйся — это смешно, это мое дело и твое — только. Здесь никто ничего не может решить и тем более не может помочь.

Теперь о другом. Как там наша Мака? Выздоровела она и ходит ли часто гулять? Она ведь гуляка, как ее братец. Я часто здесь смотрю на ее фотографию. Трудно мне без нее, я даже плакал по ней. Как храбрец Сашка? И как ты живешь материально? Наверно, совсем плохо.

Отдай письмо Поликарпову¹. Если не хочешь сама, попроси Тамару, проводи ее в Союз, пусть она отдаст секретарше Поликарпова. Возможно, будет толк. Можно и так — попроси Ал<ексан>дра Ив<ановича>² (все равно он звонит), чтоб он передал это письмо через Крутикова³ Поликарпову. Если что нужно от меня срочно, то можно послать телеграмму и я телеграммой отвечу. Завтра пойду отправлять это письмо в Ялту на почту сам, я еще в городе не был, но издали вижу его. Унылое место. Здесь когда-то и ты была с Тошей. Завтра я пройду по тем же камням, где когда-то ходили его ноги.

На днях ему будет 23 года! Поздравь его и поклонись ему от меня. Поцелуй Сашу, обними мою любимую Машку. Скажи ей что-нибудь, чтоб она вспомнила обо мне.

Привет родным и друзьям.

Обнимаю и целую тебя

Твой А<ндрей>

Ялта, Симферопольское шоссе, Санаторий Красной армии № 1.

<приписка сбоку листа> P.S. Отдала ли ты сборник рассказов в «Сов<етский> писатель»?⁴ — скажи об этом Бородину⁵.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 28, л. 5–6 об.; листы блокнота.

¹ Поликарпов Дмитрий Алексеевич (1905–1965) — оргсекретарь ССП СССР в 1944–1946, 1954–1955 гг.

² Вероятно, Вьюрков Александр Иванович (1885–1956) — литератор, писатель-московед, поддерживал близкое знакомство с семьей Платоновых.

³ Крутиков Николай Васильевич — юрист ССП СССР.

⁴ Речь идет о сборнике «Вся жизнь», см. нашу статью «Платонов в 1942–1945 гг.», с. 423–424 наст. издания.

⁵ Бородин Сергей Петрович (1902–1974, до 1941 г. псевд. Амир Саргиджан) — прозаик, автор произведений на восточную тему, романа «Дмитрий Донской» (1941), трилогии «Звезды над Самаркандом».

Ялта, 10/X–45.

Дорогая моя Муса!

Благодарю тебя за деньги и за письмо. После получения письма я уже тебе телеграфировал, что во второй половине октября я приеду в Москву и что твое

намерение приехать с Машкой в Крым ненадолго, чтобы обратно нам ехать вместе — неосуществимо, для этого нет пока здесь условий. Тот, кто тебе это посоветовал (Березин), ничего не представляет. Во-первых — езда в поезде, это не шутка, и ехать надо почти трое суток в один конец. Во-вторых, для того нужно иметь полвагона денег... Кажется, все ясно!

Березин мне прислал телеграмму, что печатает два рассказа¹. Благодарю тебя, что ты помогла мне в этом деле.

Теперь вот что. Мне прислал телеграмму Потапов из «Правды»², я прилагаю ее. Найди, пожалуйста, рукопись, напечатанную на машинке (эта рукопись должна быть в числе возвращенных Бертой Азарновой³) — «Афродита». Переименуй ее. Напиши новое заглавие: «Человек нашего поколения». Затем просмотри текст; возьми резинку и сотри разные карандашные пометки, которые, наверное, наставили на рукописи редакторы; одним словом приведи рукопись в хороший чистый вид, умой ее — и затем отведи в люди. А именно: позвони Потапову в «Правду» (ты Потапова хорошо знаешь), пусть Потапов пришлет курьера за рукописью. Вот и все поручение.

Чувствую я себя хорошо, теперь способен впрячься в самую тяжелую работу. Сильно, зверски скучаю по тебе, Маке и Сашке. Если будет возможность, заеду в Севастополь, чтобы собрать материал для очерка в «Гудок», но не знаю, как удастся: это все требует денег, трудов, да и здоровье я боюсь растратить.

Я рад, что ты справляешься с заботами и что Мака пополнела. Надо добиться, чтобы Сашка любил ее, а не третировал. Я приеду, займусь этим делом.

Дни здесь тянутся однообразно, надоело мне здесь, как в тюрьме, но я усиленно терплю все эти обстоятельства, чтобы глубже заглушить болезнь.

Та «каравелла», которую ты когда-то с Тошей видела в Феодосии, теперь плавает здесь, и я каждый день вижу ее из окна на море и вспоминаю того, кто ее уже никогда не увидит.

До свиданья, дорогая. Поцелуй наших детей. Обнимаю тебя.
Андрей

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 28, л. 7–8 об.

¹ См. телеграмму от 4 октября 1945 г.: «Ялта крымская, Симферопольское шоссе, Туберкулезный санаторий Красной Армии. <...> Рассказ “Механик” печатаем <в> воскресном номере, рассказ “Машинист Мальцев” пойдет <в> ближайшее время, гонорар выплачиваем жене. Прошу побывать <в> Севастополе написать очерк: возрождение узла города-героя или другую тему <по> вашему усмотрению, не связанную <с> транспортом. Привет, желаю здоровья. Ответредактор “Гудка” Березин» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 25, л. 15).

² См. телеграмму от 8 октября 1945 г.: «Срочно. Ялта крымская, Симферопольское шоссе, 1 туберкулезный санаторий РККА, майору Андрею Платонову. <...> Если позволят условия, просим написать для “Правды” рассказ или прислать, если есть, готовый. Телеграфируйте возможность. Желаем здоровья. “Правда”. Кожевникову. Потапов» (ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 19, л. 1).

Потапов Кирилл Васильевич (1910–1975) — зам. редактора отдела литературы и искусства газ. «Правда», в 1953 г. редактор нового издания романа М. А. Шолохова «Тихий Дон».

³ *Азарнова* Берта Даниловна — редактор журн. «Смена».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН К ПИСЬМАМ

- Абеляр* — 478
Аболин — 498
Азарнова Берта Даниловна — 577
Александр Иванович см. Вьюрков Александр Иванович
Александр Семенович см. Кашинцев Александр Семенович
Александров Леонид Александрович — 461
Алексеев Михаил Алексеевич — 498
Анна Григорьевна см. Гольдберг Анна Григорьевна
Анна Григорьевна см. Елагина Анна Григорьевна
Анна Павловна см. Иванова-Веснина Анна Павловна
Анна Савельевна см. Турулько-Тарновецкая Анна Савельевна
Анна Францевна — 458
Апулей — 513
Атабаев Кайгисыз Сердарович — 505, 508
Атабаев О. Г. — 508
- Барабанов* — 447
Барабанова — 447, 456
Бахметьев Михаил Матвеевич — 465
Беляев — 498
Березин Данил Семенович — 574, 577
Берроуз Эдгар Райс — 489
Бляхин Павел Андреевич — 489
Бобылев Борис Андреевич — 465
Божинский-Божко Андрей Гаврилович — 453, 522, 524
Божко см. Божинский-Божко Андрей Гаврилович
Большаков Константин Аристархович — 507—508, 527—529
Большакова Лидия Аристарховна — 547
Большакова Наталья — 547
Большаковы — 535
Бородин Сергей Петрович — 576
Булгаков Г. К. — 507—508
- Вадимов* см. Ортенберг Давид Иосифович
Валентина Сергеевна см. Фраерман Валентина Сергеевна
Валя, Валентина см. Трошкина Валентина Александровна
- Ваня* см. Молчанов Иван Иванович
Вера см. Климентова Вера Платоновна
Волков Иван Васильевич — 446, 453, 455, 462, 474
Воронский Александр Константинович — 489
Вьюрков Александр Иванович — 576
- Галин (Рогалин) Борис Абрамович* — 562
Георгий Захарович см. Литвин-Молотов Георгий Захарович
Гиллер Эмиль Александрович — 546
Гниенская Раиса Семеновна — 555, 558
Гольдберг Анна Григорьевна — 561
Горький Алексей Максимович — 494
Грачев С. — 451
Григ Эдвард Хагеруп — 509
Григорий Григорьевич см. Турулько-Тарновецкий Григорий Григорьевич
Губкин Иван Михайлович — 505
Гумилевский Лев Иванович — 535, 546
Гуревич Сергей Алексеевич — 525, 546
- Дарья Николаевна* см. Часовитина Дарья Николаевна
Денис — 484
- Елагин Владимир Дмитриевич* — 561, 570
Елагина Анна Григорьевна — 561
Елена Викторовна — 542, 546, 557
Ершов — 534—535
- Жорж* см. Малюченко Георгий Степанович
- Зайцев (Платонов) А. П.* — 560—574, 576—577
Зина см. Смелякова Зинаида Васильевна
- Иванова-Веснина Анна Павловна* — 535
- Кабе* — 472
Карпов Александр Яковлевич — 553, 558, 562, 564, 567
Катя см. Лунина Екатерина
Кашинцев Александр Семенович — 532, 537
Кашинцева (Крашенина) Мария Емельяновна — 564, 566—567, 571, 573
Келлер Владимир Борисович — 453, 494, 508, 522, 524, 527, 529

- Кириллова Наталья Савельевна* — 534–535, 542
Климентова Вера Платоновна — 535, 541
Климентов Петр Платонович — 541, 543
Клягин Константин Иванович — 535
Кожевников Алексей Бенедиктович — 541
Козин Владимир Романович — 508
Колесникова Галина Алексеевна — 522
Кондрашов — 453
Кононов Александр Терентьевич — 540–541, 561, 572
Костичка, Костька, Коська, см. *Большаков Константин Аристархович*
Кривицкий Александр (Зиновий) Юрьевич — 565, 567, 572
Кригер Евгений Генрихович — 566
Крутиков Николай Васильевич — 576
- Лебедев* — 540
Литвин-Молотов Георгий Захарович — 453, 455, 457–458, 460, 462–463, 465, 467, 469, 471, 479, 484, 490, 498
Литовский Осаф Семенович — 507
Луговской Владимир Александрович — 528
Лунин Степан Михайлович — 527
Лунина Екатерина — 527
- Малашкин Сергей Иванович* — 494
Малюченко Георгий Степанович — 435, 519, 522
Мака, Мария, Машка-Кхы, Машка, Мусенька-Машенька, Муська см. *Платонова Мария Андреевна*
Мария, Маша, Машенька, Машка, Машуха, Мошка, Мусенька, Муська, Муся см. *Платонова (Кашинцева) Мария Александровна*
Мария Емельяновна см. *Кашинцева (Крашенина) Мария Емельяновна*
Маркелова — 458
Металлов Яков Михайлович — 494
Миронов Александр Владимирович — 474
Митрофанов Александр Григорьевич — 567
Михаил см. *Шолохов Михаил Александрович*
Михайлова Екатерина Николаевна — 545–546, 554, 561
Молотов см. *Литвин-Молотов Георгий Захарович*
Молчанов Иван Иванович — 535
Молчанов Иван Никанорович — 535
Муссолини Бенито — 556
- Ната* см. *Кириллова Наталья Савельевна*
Натан Абрамович — 541
Наташка см. *Большакова Наталья*
Ник. Мих. см. *Тарасов Николай Михайлович*
Никитин Михаил Александрович — 570–571
Новаченко — 453
Новиков Андрей Никитович — 483, 494, 508
Новикова Екатерина Семеновна — 535
Новицкая Елена Яковлевна — 512
- Оборина* — 467
Одицков А. И. — 555
Ольга Михайловна см. *Румянцева Ольга Михайловна*
Ортенберг Давид Иосифович — 553, 558
- Павел* см. *Трошкин Павел Артемьевич*
Павленко Петр Андреевич — 529
Перцова — 540
Петр см. Климентов Петр Платонович
Петр Артемьевич, Петя см. *Трошкин Петр Артемьевич*
Петр Васильевич — 527
Пирогова — 490
Платон см. *Платонов Платон Андреевич*
Платонов Платон Андреевич — 442–445, 447, 449–451, 453–459, 461–468, 471, 474, 477, 480, 482–483, 485, 487, 491, 494, 496–517, 522, 525, 534–535, 537–538, 540–550, 552–553, 556, 565, 573–574, 576–577
Платонова (Кашинцева) Мария Александровна — 434–435, 438–440, 442, 444–446, 449–450, 453, 455–456, 460–461, 465–467, 469, 471, 473–474, 477–480, 482–483, 485–486, 489–491, 494, 497–498, 500–505, 507, 510–511, 513–518, 520, 531–534, 537, 539–545, 547, 549–558, 560–565, 567–568, 572–576
Платонова Мария Андреевна — 567, 570–576
Платонова (Турулько-Тарновецкая) Тамара Григорьевна — 534–535, 537–538, 542, 561, 566–567, 571, 573, 576
Поликарпов Дмитрий Алексеевич — 576
Попов Владимир Алексеевич — 456, 463, 465, 471
Потапов Кирилл Васильевич — 577
Пудовкин Всеволод Илларионович — 488
Пушас Осип Исакович — 489
Пушкин Александр Сергеевич — 450, 459

- Рабинович* — 516
Раиса Семеновна см. Гниенская Раиса Семеновна
Рубановский Илья Маркович — 469, 471
Румянцева Ольга Михайловна — 555

Санников Григорий Александрович — 505
Сац Игорь Александрович — 519, 527
Саша, Сашка см. Зайцев (Платонов) Александр Платонович
Сергей Александрович см. Гуревич Сергей Алексеевич
Симонов Константин Михайлович — 527
Скосырев Петр Георгиевич — 555
Смелякова Зинаида Васильевна — 524, 527
Смузлый — 574
Сокольников Михаил Порфирьевич — 484
Сорокин Григорий Эммануилович — 543, 545, 548, 552, 558
Сталин Иосиф Виссарионович — 528
Степан Михайлович см. Лунин Степан Михайлович
Ступникер Александр Максимович — 567

Тамара см. Платонова (Турулько-Тарновецкая) Тамара Григорьевна
Таранин — 555
Тарасов Николай Михайлович — 508, 522
Тираспольский Анатолий Наумович — 474
Тихомиров — 447
Тот, Тотик, Тотка, Тоточка, Тошка см. Платонов Платон Андреевич
Трабский И. Г. — 512
Тришин Николай Никитович — 505, 509
Трошкин Павел Артемьевич — 535, 561
Трошкин Петр Артемьевич — 519, 534–535, 537, 541, 544, 546, 549, 566–567, 571

Трошкина (Кашинцева) Валентина Александровна — 445, 463, 467, 472, 482, 485, 490, 499, 519, 522, 525, 566–567, 571
Турулько-Тарновецкая Анна Савельевна — 571
Турулько-Тарновецкий Григорий Григорьевич — 571

Фадеев Александр Александрович — 537, 541
Фельдман В. — 525
Фельдман Д. А. — 517
Фраерман Валентина Сергеевна — 564, 572
Фраерман Рувим Исаевич — 564, 572

Хвоцинский — 552

Цейтлин Эммануил Григорьевич — 531
Цепулин В. — 451, 453

Часовитина Дарья Николаевна — 574
Черных Михаил Александрович — 564–566
Чернявчук Георгий Е. — 513–515
Чистякова — 462, 464

Шарик — 513
Шведчиков Константин Матвеевич — 489
Шкваркин Василий Васильевич — 537, 546, 574
Шкловский Виктор Борисович — 494
Шолохов Михаил Александрович — 560, 574
Шуберт Франц Петер — 509
Шульгин Михаил Михайлович — 474

Эйзенштейн Сергей Михайлович — 489
Эйхенвальд Антон Александрович — 509, 517
Элеонора = Элоиза — 478

ДОКУМЕНТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

А. П. ПЛАТОНОВ И А. Г. БОЖКО–БОЖИНСКИЙ

Публикация Е. Антоновой

Публикуемые материалы — небольшое дополнение к истории взаимоотношений Андрея Платонова и Андрея Гавриловича Божко-Божинского. Знакомство Платонова с Божинским началось еще в Воронеже, где последний работал на ответственных партийных должностях: в 1919–1920 гг. член редколлегии газеты 2-й особой Армии (позднее 2-я Трудовая Армия) и комиссар информационного отдела штаба армии, в 1921–1922 гг. член редколлегии «Воронежской коммуны», заместитель председателя Губернского экономического совещания, председатель Губплана, с 1922 г. ответственный секретарь Губернской контрольной комиссии. В 1923 г. Божко-Божинский покидает Воронеж.

За время пребывания Божинского в Воронеже Платонов неоднократно обращался к нему по самым важным вопросам — это и организация в 1921 г. Комиссии по гидрофикации, с которой началась мелиоративная деятельность Платонова, и проект гидроэлектростанции на реке Воронеж в 1922 — начале 1923 гг.

Публикуемая здесь записка Платонова к Божинскому датируется 1926 г. Немногом ранее, 27 июля, писатель обращался с аналогичной просьбой о помощи к А. Воронскому, поскольку в этот критический период остался без работы, будучи уволенным с выборной должности в ЦК Всеработземлес. Божко-Божинский в это время являлся коммерческим директором треста «Мосстеклофарфор» (с 1925 по 1927 гг.). Вполне возможно, он откликнулся на просьбу Платонова каким-то частным образом, но, как известно, более-менее долговременную работу Платонов нашел себе лишь к концу 1926 г. через Наркомат земледелия.

Тем не менее, позднее Божко-Божинскому и Андрею Платонову все же не удалось избежать сотрудничества в рамках одной организации. В мае 1932 г. Божинский был назначен управляющим трестом «Росметровес», куда сразу же были приняты на работу не только сам Платонов, но и его младший брат Петр Платонович Климентов (позднее на непродолжительное время в Росметровесе появится и свояк Платонова — Петр Трошкин). Именно здесь, работая под началом Божинского, Андрей Платонов разрабатывает механизм электрических весов, и устройство электропилы (см. об этом: *Антонова Е. А.* Платонов — инженер треста Росметровес // Страна философов, 2000. С. 788–805).

Второй из публикуемых ниже документов — шуточная речь на годовщину назначения Божинского в «Росметровес» — датируется маем 1933 г. Данное произведение предназначалось для «внутреннего» употребления, поэтому содержит многочисленные намеки на реалии росметровесовской жизни, хорошо известные тем, кто должен был ее слушать или читать, и не всегда поддающиеся расшифровке в настоящее время. Начиная с общего — противостояния с ВОВИП, проблем с Калужским заводом мер и весов, намечающейся ликви-

дации треста, Платонов переходит к частному — личным качествам заместителей Божинского, о которых нам мало что известно.

Интересно, что в промежутке между Мосстеклофарфором и Росметровесом Божинский работал в системе ВСНХ РСФСР: в 1928–1929 гг. старший инспектор Главной инспекции, в 1930–1931 гг. начальник Главной инспекции и Сектора проверки исполнения ВСНХ РСФСР. Есть основания предполагать, что Платонов мог какое-то время работать под руководством Божинского и здесь, однако выяснение этого вопроса затруднено плохой сохранностью архива этой организации.

1

Андрей Гаврилович!

Прошу извинить за беспокойство (вторичное). Но положение мое очень трудное, поэтому я вынужден обратиться снова к Вам.

Случилось так, что я, человек уже много поработавший и кое-что сделавший, человек здоровый и знающий несколько областей, остался без работы.

В Москве, с семьей — это вдвойне тяжело.

В прошлый раз Вы вскользь упомянули о Госиздате. Я думаю, что я бы сладил с этой работой: гидротехника и электротехника — мои специальности и я имею большой практический стаж по ним (800 плотин, 400 колодцев, 40 дес<ятин> орошения, 7500 дес<ятин> осушения, 3 электростанции, экскаватор — все это сделано в Воронеж<ской> губ<ернии> под моим не только руководством, но и при прямом участии).

Я бы смог и практически работать (завод, всякое предприятие — по линиям своей специальности).

Далее, я работал много и в литературе (в том числе в «Известиях ЦИК'а», в «Красн<ой> ниве», «Кр<асной> нови» и мн. др.)

Но как-то так случилось, что везде меня хвалят, но никто не спросит или не предложит работы: вероятно, везде трудно, я понимаю, и действительно нельзя помочь.

Я знаю, что возможности и у Вас очень ограничены, но все же, может, Вы немного поможете мне. Я согласен на все и делать умею многие вещи.

Если же нельзя, то нельзя. Я и прошу и спрашиваю. Прошу извинить за такую назойливость. Я знаю Вас по Воронежу и помню, что Вы положили начало моей мелиоративной карьере, с результатами которой я мог бы Вас познакомить на досуге.

С глубоким уважением А. Платонов. 7/VIII

P.S. Ответить можно через подательницу — жену.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 32, л. 1.

2

Андрей Гаврилович!

Год тому назад волею высшего органа промышленности Вы были назначены руководителем российскими несоизмерителями, находящимися в производстве и в обращении.

Вы оправдали мудрое доверие вышестоящей инстанции. А именно: трест в момент приятия Вами руководства им был в ложно стабильном положении,— никакая организация не покушалась на его ликвидацию, этим самым трест подвергался величайшей опасности,— быть ликвидированным внезапно и безымянно в массе других морально обветшалых организаций. Вы деятельно занялись укреплением треста, мобилизовав на это все интеллектуальные выдающиеся силы, которые Вы специально для этого похитили из области изящной словесности и прочих искусств. Кроме того, Вы сами заранее подковались для этой цели соответствующими выписками из творений марксовской школы. Опершись затем на свой рационализированный аппарат, на уникальных специалистов точной индустрии, Вы открыли фронт борьбы против своего давно назревшего врага в лице ВОВИП¹.

Истратив на это средства и силы, достаточные для окончания Калужского Гиганта², Вы энергично добились решений органов правительства о ликвидации треста, диалектически постигая, что только та организация истинно долговечна и административно необорима, которая поставлена в ликвидное положение. Выписки, заготовленные Вами еще до Вашего высокого назначения, заранее теоретически подтверждали Вам безошибочность Вашей тактики — и дальнейшая жизнь подтвердила Вашу стратегию, ибо жизнь обязана подтвердить все Ваши теоретические предпосылки.

Добившись противоречивого,— по существу диалектического,— организационного положения треста, Вы обратили свое внимание на предприятия и с блестящим успехом добились выполнения на них перевыполнения программы, не тратя своих усилий на объяснение этого факта, поскольку Ваше руководство всегда способно приводить к победе автоматически. Инстанции, в силу редчайшей случайности призванные контролировать Вашу деятельность, были сразу же призваны Вами к порядку, они были оглушены Вашим даром красноречия, заглушающим не только оппонентов, но также смысл действительности. Вы прозрели сущность административного мира и впервые применили к нему способ оглушения, поскольку осмысленные слова имеют меньше физической энергии, чем шум, поскольку Ваши противники никогда не обладали смыслом, а только одними отвлеченными туловищами, количественным средоточием сырого материализма. Природа, живя, конечно, исключительно по законам диалектики, глубоко изученными Вами, специально оборудовала Вас для организационно-административных атак: она, природа, одарила Вас необычайным, металлургического оттенка, голосом, пропорционально облегчив надстройку над горлом, ибо историческая роль этой надстройки все время к тому же уменьшается. Вы правильно учли всю специфику исторического процесса и заранее приняли свои меры, усиливая органы голоса и пищеварения и планомерно ослабляя надстроечное устройство над голосом. Больше того, Вы, в заботах о долговечии своего телесного корпуса, созданного для возглавляющей роли в коллективистском обществе, постигли химию, дав ей служебное назначение для личного туловища. Вы, наконец, использовали новейшие достижения медицины, систематически усваивая качественную жидкость д<октора>ра Замкова³. В этом случае Вы отнеслись к своему возрасту столь же диалектически, как и к тресту: долговечно лишь то, что подлежит скорой ликвидации.

Глубоко ценя коллектив и его частных представителей, провидя интересы дела, Вы своевременно окружили себя достойнейшими представителями делового советского мира. Например, Вы пригласили себе в заместители И. Н. Сердцева —

человека исключительных сердечных качеств, кристальных семейных отношений, высокого личного хозрасчета, умелой эксплуатации оклада, уточненных до шепетливой честности отношений с государством — вплоть до получения денег за свои трамвайные маршруты, дабы отказ от этих денег не послужил обвинением в даче взятки целому государству. Тот же И. Н. Сердцев с необычайной бдительностью ведет установленную Вами производственную политику, — все время наблюдая труд и затрачивая все свои огромные силы на это наблюдение. Имея в виду перегрузку И. Н. Сердцева, Вы назначили себе второго заместителя — т. Гурьева, одновременно храня в запасе разъездного, третьего, заместителя т. Бурдакова, павшего недавно, к сожалению, жертвою своих внеслужебных страстей на удаленной периферии.

Далее того, обыденное командование аппаратом Вы передали в руки представителей военно-морского флота, положившись в данном случае на интуицию, смысл которой нам постигнуть не удалось. Что касается ведущих секторов, то Вы оставили их в руках испытанных, старых работников, полагая, что их работа будет улучшена от одного Вашего руководящего присутствия, что спустя несколько пятiletок несомненно совершится.

Справедливо не довольствуясь нормальным составом аппарата, Вы образовали при себе «тайный» совет, укомплектовав его людьми, которыми обыкновенно комплектуются более закрытые помещения, чем трест.

Эти люди, естественно, ни в какой степени не обладали Вашим интеллектуальным вооружением, поэтому они часто были противниками Ваших гениальных идей, чем немного затормозили момент вашего окончательного успеха. Теперь эти люди, сокрушенные историческим годом Вашей деятельности, признают ошибочность своих позиций и просят их освободить из треста, не в силах вынести стыда от сознания собственного поведения, полного ошибок. Гениальность Ваша теперь доказана, весь аппарат ощущает жесткость Вашей административной руки, как неизбежную мудрость, ведущую к снабжению рынка весоизмерителями сверх потребности в них.

Андрей Гаврилович! Лишь в жестокой борьбе выковываются столь сильные личности, как Вы, и погибают столь слабые, как мы. Примите же выражение радости от погибающих под Вашим руководством, приветствующих Вас жестами многочисленных рук — во время полета в пропасть своего психического и служебного уничтожения. Эти ничтожные жертвы Вашего прирожденного и благоприобретенного достоинства, уже теряя свое дыхание, желают Вам окончательной победы, которая должна выразиться в учреждении коллективизма, единолично населенного Вами, как исчезающей личностью, — в целях экономии жизни погибших под Вашим руководством подчиненных.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. За, л. 1–4.

¹ Всесоюзное объединение весоизмерительной промышленности.

² Калужский завод весов и гирь.

³ *Замков* Алексей Андреевич (1884–1942) — врач (муж скульптора В. И. Мухиной), будучи сотрудником Института экспериментальной биологии, разработал препарат гравидан (на основе мочи беременных женщин), обладавший стимулирующим общебиологическим действием. В 1932 г. возглавил Институт урогравиданотерапии. Лечение гравиданом имело широкое распространение в 1932–1937 гг.

К ИСТОРИИ ВЫСЕЛЕНИЯ СЕМЬИ А. ПЛАТОНОВА ИЗ ЦДС

Публикация Н. Корниенко

Публикуемые документы относятся к исполненному драматизма первому году московской жизни инженера и писателя А. Платонова. В феврале 1926 г. на Всероссийском съезде мелиораторов губернский мелиоратор Платонов был избран в ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР (далее — ЦК Союза); в мае он увольняется из Воронежского губземуправления и переезжает вместе с семьей (женой Марией Александровной, ее младшей сестрой Валентиной и сыном Платоном) в Москву, где его ждет новая служба. Местом проживания семьи стал относящийся к ведомству ЦК Союза Центральный дом специалистов сельского и лесного хозяйства (далее — ЦДС). У ЦК Союза было свое общежитие для командировочных (М. Грузинская, 13), однако Платонов приехал в Москву не в командировку. В ЦДС (Б. Златоустинский, дом 6, подъезд 3) проходили собрания Союза, работали разные отделы; на совещания здесь собирались и члены землеустроительной секции, где служил Платонов (председатель ЦДС — мелиоратор, проф. Р. П. Спарро). В ЦДС имелись комнаты, в которых жили семьи служащих ведомства.

На новой должности в ЦК Союза Платонов продержался недолго — до середины июля 1926 г. Его увольняют, и он остается «в Москве и без работы» (письмо А. Воронскому от 27 июля 1926 г.), без средств к существованию и без жилья. Платонов обращается за помощью к воронежцам, к тому времени уже перебравшимся в Москву (см. письмо А. Божинскому, с. 584 наст. издания).

Пробыв несколько месяцев без работы, Платонов возвращается на службу в Наркомат земледелия и по его назначению уезжает в Тамбов, откуда возвращается в марте 1927 г. Семья все это время оставалась в Москве и жила в ЦДС.

Публикуемые 7 новых документов из фонда Платонова ОР ИМЛИ дополняют картину первого московского года жизни, составленную Е. Антоновой и Л. Ароновым по материалам ГАРФ (см.: Первый год московской жизни А. Платонова. Публикация Е. Антоновой и Л. Аронова // Страна философов, 2003. С. 637–650. Далее в примечаниях указываются страницы данной публикации). Как показывают публикуемые материалы, в истории выселения семьи Платонова из ЦДС остаются белые пятна: на сегодняшний день не выявлены письма Платонова в вышестоящие инстанции (ЦК Союза и ВЦСПС), а также материалы Бауманского суда г. Москвы, где в сентябре 1927 г. намечалось слушание «дела» Платонова.

Москва, Б. Златоустинский 6, 3-й подъезд, тел 2-08-84
8 июля 1926 г.

т. Платонову.

При сем препровождается Вам счет за занимаемое Вами помещение с 7/VI — 8/VII на сумму 24 руб.

Срочно предлагается Вам в недельный срок очистить занимаемую Вами комнату, предоставленную Вам временно согласно отношения ЦК Сельхозлесрабочих за № 051/17, т. к. таковая должна быть на днях занята под библиотеку.

Заведующий ЦДС <подпись>

Ответственный дежурный <подпись>

Печатается по оригиналу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 77, л. 1.

2

На бланке Счета Центрального дома специалистов сельского и лесного хозяйства

Счет №

т. Платонову

Следует получить с Вас за занимаемое
Вами

две кровати по 30 коп. за кровать

в сутки с 7/VI—8 VII

коммунальные услуги по 5 коп.

с человек<a> в сутки

Всего за 30 д<ней>

80 <копеек> 24 р.

Итого — 24 р.

Двадцать четыре руб.

Заведующий ЦДС <подпись>

Ответственный дежурный <подпись>

Запись Платонова на счете — красными чернилами:

т.

1) Куда мне деваться?

2) Чем вызвано [— моим счетом?]¹

3) Никто бумаги такой не получал.²

Собрание.

Печатается по оригиналу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 77, л. 2.

1-й и 2-й документы написаны одной рукой.

¹ Платонов был освобожден от занимаемой должности только 18 июля, на расширенном пленуме (С. 639). Письмо и счет были первым звонком надвигающегося увольнения.

² В ЦДС проживали семьи других специалистов ЦК Союза.

На бланке Народного комиссариата Земледелия РСФСР, от 18 сентября 1926 г., за № ЗЛ/415 094 74, машинопись

В Центральный Дом крестьянина¹

Управмелиозем НКЗ просит предоставить 1 комнату инженеру ПЛАТОНОВУ в виду того, что т. Платонов временно командирован на ударную работу по восстановлению Центрально-черноземной области², а семья его остается в Москве. Занимаемое им помещение в Центральном Доме специалистов необходимо срочно освободить для библиотеки.

НАЧАЛЬНИК УПРАВМЕЛИОЗЕМА <подпись: Р. А. Годяев>
Заведующий Отделом мелиорации <подпись: А. Миронов>

Приписка А. Миронова внизу от руки:

По имеющимся в НКЗ сведениям своб<одная> комната имеется на 5 этаже ЦДК.
<подпись: А. Миронов>

Резолюция на письме:

Цент<ральный> Дом К<рестьяни>на не является жилищной организацией, а имеет общежитие с коечным размещением для опред<еленных> нужд. Поэтому вопрос о предост<авлении> комнаты отпадает.

<Подпись>

18/IX 26 г.

Печатается по оригиналу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 78, л. 1.

С Управмелиоземом НКЗ Платонов был тесно связан с 1922 г., начала его службы в Воронежском губземуправлении. Проводимые в губернии под руководством Платонова общественно-мелиоративные работы высоко оценивались в Москве (см.: «Губмелиоратор тов. Платонов». По материалам Наркомата земледелия. 1921–1926 гг. Публикация М. Немцова и Е. Антоновой // Страна философов, 1999. С. 478–508).

¹ Центральный Дом крестьянина располагался по тому же адресу, что и Центральный Дом специалистов сельского и лесного хозяйства (Б. Златоустинский пер., д. 6) и также имел свое общежитие — «для крестьян-ходоков, уполномоченных кооперативных и землеустроительных организаций» (Вся Москва. 1926. М., 1926. С. 386).

² Платонов будет принят на работу в Наркомат земледелия 21 октября 1926 г., на должность инженера-гидротехника отдела мелиорации; в ЦЧО (Тамбов) уезжает 8 декабря 1926 г.

Наум Маркович!¹

[В] Прошу извинения за возвращение к старому вопросу. Из нашей беседы в субботу мне осталось неясным одно — пункт о моей [квартире] комнате [(вероятно)](потому что я, оберегая Вам время, поспешил уйти).

В своих словах Вы были совершенно правы. Я это Вам с полной искренностью подтвердил. Неясность для меня заключается в том, что я все же не вижу исхода: как мне устроиться с квартирой. Жить в ЦДС нельзя, это бесспорно. Необходимо выселиться. Верно. Но куда? В случае со мной я лично ни капли не виноват. С этим согласны некоторые ответственные работники ЦК, да вероятно [*и Вы — председатель ЦК*] и Вы видите, что я **чья-то, пусть нечаянная жертва**.

[*С точки*] *С [формальной] точки зрения[,] [по] формальной логик[е]и [действия ЦК все]* Вы были совершенно правы, но с точки зрения живой жизни, диалектики (если можно так выразиться здесь) решения нет.

Я без работы. [*С*] Работа для меня существует только в [*пер*] перспективе, а не в действительности. Вторая перспектива — выселение меня с милицией. У меня семья — 4 человека. Можно согласиться, что сумма [*этих двух*] такого факта (безработица) и *такой* перспективы (выселение на улицу) может дать в результате гибель человека. Едва ли это нужно кому. Вы же, Председатель нашего ЦК, отнесшийся ко мне с таким **товарищеским** сочувствием и благожелательностью, [*не можете внятно*] не можете мне пожелать безысходного отчаяния и последней беды.

Поэтому я прошу Вас, Н. М., еще раз пересмотреть вопрос обо мне. Я думаю, что по многим вопросам касательно меня Вы не совсем точно информированы.

Я не виноват и не хочу доходить до последнего отчаяния. Пусть распутают дело со мной те, кто виноват, кто довел меня до такого состояния безысходности и нищеты.

Я [*верю*] пишу Вам это потому, что я Вам верю и убежден, что Вы поможете мне. Кроме Вас, никто мне не поможет. **Я знаю, что если бы Вы объективно имели время и возможность разобраться со мной, это бы вывело меня из того тупика, куда меня завел, отчасти, <2 слова нрзб> / бросаться из города в город с семьей, терять уже наруш<енное> зд<оровье>, иметь непосильные расходы и пр.**²

А помощь мне нужна действительная. [*То, что я*] Те убеждения, что я ни в чем не виновен, но что я однако несмотря на это должен выйти на улицу, грешат против логики и против жизни и против профессиональных и советских принципов.

С глубоким уважением

Печатается по черновому автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 79, л. 1; чернила. Беловик письма неизвестен.

Датируется условно — летом 1926 г.

¹ *Анцелович* Наум Маркович (1888—1952) — советский партийный и профсоюзный деятель, в это время — председатель президиума ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР, кандидат в члены президиума Всесоюзного центрального союза профессиональных союзов (сокращенно — ВЦСПС). Анцеловичу Платонов отправил не одно письмо. Возможно, какие-то документы отношений весильного бюрократа с Платоновым будут обнаружены при разработке архивных фондов ВЦСПС и персонального фонда Н. М. Анцеловича.

² Набранные **Arial** фрагменты вписываются после завершения письма, как пометы для себя; возможно, использованы при перебеливании письма.

5

1) Выборы.

2) Предупреждения: электрик, анкета¹ и личн<ые> слова
непрофработник

3) Мотивы увольнения: электрик
непрофработник

4) Отказ от квартиры — непрописка по распоряжению ЦК (Анц<елович>²) в теч<ение> 6 м<еся>цев. Несколько предупред<ений> о выселении с милицией на улицу. Безработица. Голод. Продажа вещей. Травля.

5) Невозможн<ость> отстоять себя и нелегальн<ое> проживание: все послед<ствия> отсюда.

6) «Мужик». Травля семьи³.

Вор. Нищий.— Сильная поддержка — родств<енники> Анц<еловича>, связи, моя беззащитность.

7) Единств<енный> выход:

смерть и устранение себя.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 81, л. 7; чернила, 1/4 листа. Наброски к следующему документу.

¹ В заполненных при поступлении на службу анкетах Платонов перечислил все занимаемые им должности в Воронежском губземуправлении, с декабря 1921 по май 1926: производитель работ по гидрофикации, губернский мелиоратор, зав. работами по электрификации сельского хозяйства и др. (С. 643). Честно ответил Платонов и на прилагаемый к анкете вопросник (таблицу) о «вашей активной работе в профессиональных организациях». Являясь с 1921 г. членом профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих, он не занимался собственно профсоюзной работой, и только 23 февраля 1926 г. был выбран членом землеустроительной секции Воронежского губернского отдела Союза (С. 644). Т. е. получилось, что рядовой член профсоюза был сразу избран в состав ЦК Союза. Избрание Платонова состоялось на Всероссийском мелиоративном совещании, которое проходило в Москве с 15 по 22 февраля 1926 г.

² Анцелович — см. прим. к документу № 4.

³ Далее вписано рукой Марии Александровны, теми же чернилами: «голь перекатная».

6

В 1926 г. в феврале м<еся>це на Всероссийском мелиоративном совещании, после предложения ЦК Союза с.х. и лесных рабочих, я был избран постоянным представителем в ЦК Союза — от 400 мелиораторов-специалистов, работающих в стране¹. [Выборы] Мое избрание на съезде прошло единогласно. Присутствовало 150 делегатов. Я уехал в провинцию, где жил и работал. Меня еще должен был утвердить президиум ЦК Союза. В апреле м<еся>це 1926 г. я получаю телеграмму за подписью председателя ЦК т. Анцеловича, вызывающую меня на работу в ЦК². Предварительно, до отъезда с совещания домой в провинцию, я был в ЦК — говорил с секретарем ЦК и зав. орготделом.

Мне этими людьми было заявлено, что мне выдадут подъемные и обеспечат квартирой.

Я спокойно уехал сдавать должность в провинции. После телеграфного вызова председателю ЦК, я выезжаю в Москву на службу, вместе с семьей.

Приезжаю и начинаю работать. Мне временно дали комнату в Центральном Доме специалистов сельского и лесного хозяйства. Я удовлетворен.

Уезжая из Москвы, за два месяца до своего окончательного переезда в Москву, я подробно говорил с секретарем ЦК Куликовым³ и заворготделом Казаковым⁴ о том, кто я и т. д.

Тогда же я заполнил в ЦК соответствующие подробные анкеты⁵. Председателя ЦК не было. Но и секретарю ЦК и заворготделу, кроме анкет, я все передал о себе. Все было записано и сказано устно.

По образованию я электрик. А по стажу — мелиоратор-гидротехник (5 лет работы в должностях: производителя работ и губернского мелиоратора; объем работ, выполненных мною или под моим руководством равен в рублях — около 3 миллиона руб., — число построенных сооружений — больше тысячи).

За два месяца до приезда в ЦК — в том же ЦК имелась анкета, что я по теоретическому образованию — электрик, и лишь практической работой нажил себе звание мелиоратора и приобрел известность в специальных кругах настолько, что мне 4000 специалистов доверили свои профессиональные интересы.

ЦК знало обо мне все это. И дало телеграмму с приглашением. Я приехал в Москву с семьей из 4 человек, порвав с провинцией [все].

В ЦК меня назначили заместителем ответственного секретаря Центрального бюро землеустроителей (землеустроители и мелиораторы объединены в одну секцию инженерно-технических сил). Прослужил я ровно 4 недели, из них 2 просидел в Центральной штатной комиссии РКИ, защищая штатные интересы своих интересов⁶.

Я только что начал присматриваться к работе своего профсоюза. Я был производственник, привык и любил строить, но меня заинтересовала профессиональная работа. Что я производственник, что я небольшой мастер профсоюзной дипломатии, было хорошо и задолго известно ЦК и записано в анкетах⁷. Но меня все-таки сорвали из провинции и поставили на выучку.

А через 2 недели фактической работы в ЦК выгнали. А я занимал выборную должность⁸. Меня избрал съезд специалистов. С этим не посчитались. Я остался в чужой Москве — с семьей и без заработка. На мое место избрали на маленьком пленуме секции другого человека⁹. Причем избрание происходило при полном отсутствии мелиораторов. Присутствовал один я! Было человек пятнадцать землемеров, которые механически избрали одного мелиоратора — раз он полагается, а кого — все равно.

Это называется профсоюзной демократией! Коллектив инженеров-мелиораторов, узнав о такой неожиданной моей судьбе, остался крайне недовольным. Некоторые внесли предложение о выходе из такого союза всем коллективом, но другие заявили, что так будет только хуже для меня, потому что ЦК подумает, что это я смутил специалистов. И эта мысль была оставлена.

Чтобы я не подох с голоду, меня принял НКЗ на должность инженера-гидротехника¹⁰. В ЦК Союза я получал около 200 р.

Одновременно началась травля меня и моих домашних агентами ЦК Союза (я жил по-прежнему в Центр<альном> Доме специалистов). В этом Доме живут приезжие люди. Бывают мелкие пропажи вещей. Тогда, зная, что я без работы, что я продаю татарину вещи, меня и моих домашних людей называли ворами, нищими, голюю перекатной и т. д. Это делали служащие ЦДС. Они, конечно, знали, что я специалист, что я выбран на Всероссийском съезде и что они находятся в Центр<альном> Доме, назначенном для специалистов. Ничто их не останавливало и не сдерживало; они наверное питались поддержкой высоких кругов профсоюза. У меня заболел ребенок, я каждый день носил к китайской стене¹¹ продавать свои ценнейшие специальные книги, приобретенные когда-то и без которых я не могу работать. Чтобы прокормить ребенка, я их продал.

Меня начали гнать из комнаты. Заведующий Домом слал приказ за приказом, грозил милицией и сознательно не прописывал, хотя раз брала мои документы. Но потом оказалось, что это — нарочно и меня не прописали, чтобы иметь право выбросить с милицией в любой час. Я стал подумывать о самоубийстве. Голод и травля зашатала меня окончательно.

Я обратился в ВЦСПС к т. Мельничанскому¹². Тот выслушал меня и сказал, что лишать комнаты меня ЦК не имеет права и позвонил Анцеловичу, председателю ЦК. Тот тоже выслушал меня и посоветовал самому найти выход (!).

Так и закружилась моя судьба. Никто не хотел принять во мне участия, только инженеры из НКЗема сочувствовали и поддерживали меня, даже давая без отдачи деньги взаймы, когда я доходил до крайнего голода¹³. Но они были совершенно бессильны и не имели влияния на ход профсоюзных дел.

Затем я уехал в Тамбов¹⁴. Туда меня направил НКЗем. В Тамбовской губ<ернии> большие работы, в связи с восстановл<ением> с.х. ЦЧО. Положение там было грозное. Меня считали хорошим мелиоратором и послали. Семью я оставил в Москве — ее обещали 3 м<еся>ца не трогать. В Тамбове обстановка была настолько тяжелая, что я, пробившись около 4 месяцев, попросил освободить меня от работы, т. к. не верил в успех работ, за которые я отвечал, но организация которых от меня мало зависела.

Это было расценено чуть не как саботаж. А между тем мешала всему делу как раз Тамбовская секция землеустроителей (при ГО¹⁵ профсоюза). Об этой секции великолепно знал ЦК. Он посылал туда для обследования своих людей. Ответств<енный> секретарь секции за что-то был отдан под суд и т. д. Но все фактически оставалось по-прежнему. Тамбовские инженера-мелиораторы, с которыми я работал, вполне разделяли мою точку зрения, разделял ее и НКЗем. Но я бился как окровавленный кулак и, измучившись, уехал, предпочитая быть безработным в Москве, чем провалиться в Тамбове на работах и смазать свою репутацию работника, с таким трудом нажитую.

[Меня снова начали гнать из комнаты.]

Я снова остался в Москве без работы и почти без надежды.]

Меня снова начали гнать из комнаты, назначая жесткие сроки. Замучившись, я послал председателю ЦК своего Союза большое письмо¹⁶, где просил разрешить мою судьбу окончательно. В письме я доказал совершенно точно, что виновато ЦК, и пусть виноватый, а не жертва, окупает свою вину. Я просил одного, чтобы меня не лишали крова, т. к. я занят поисками хлеба, что я доведен до последнего

отчаяния травлей — или пусть мне дадут денег на переселение. О переселении куда-нибудь за счет ЦК мне когда-то говорили в ЦК.

Скоро я лично встретил Председателя ЦК, и он мне заявил, что все равно я должен оставить жилище, но тут же сказал, что ЦК может мне дать пособие в размере «месячного оклада 200 р. и выше» (буквально)¹⁷.

Я стал искать себе какое-нибудь жилище в Москве за «200 р. и выше». Нигде не оказалось такой комнаты. Минимум нужно было 700 р.— на окраинах, грязные каморки. Я написал короткое письмо Председателю ЦК, начав его ссылкой на [собственные] слова председателя.

В письме я написал¹⁸, что меньше чем за 700 р. жилища не найти и — или прошу выдать мне эти деньги, или не гнать из комнаты. Больше я ничего не могу поделать. Я обескровлен окончательно. И на том покончим дело. Уступать я,— после всего пережитого,— принципиально не хотел и решил бороться до конца. Я был слабый, но правый, ЦК сильно, но неправо. Я решил испытать, победит ли слабая правда сильную неправду.

С письмом я послал жену. Ее принял председатель ЦК. В его комнату пришло еще человека 4 людей — все мужчины. Жене моей 23 года. Она подает письмо. Председатель читает и начинает кричать: он (то есть я) нахал, шантажист, мы его исключим из союза, это спецовское нахальство¹⁹ и т. д. А в письме говорилось, что за 200 р. нельзя найти жилища, а можно за 700 р., и началось оно, повторяю, с обещания денег самим председателем при личном моем свидании с ним. Он разорался на молодую испугавшуюся женщину, совсем не ожидавшую такой встречи. Присутствующие сотрудники ЦК ему помогали добивать женщину.

— Вы скажите спасибо, что я вас принял еще! — кричит на женщину председатель.

Жена моя выходит из кабинета, рыдая. Председатель продолжает публично умыться за мой счет, называя меня десять раз крестить последними словами <sic>. Кому это нужно было? Как не стыдно пятерым здоровым мужикам доводить молодую непосредственно непричастную к делу женщину!

Но это ясно — почему. Они чувствовали себя виноватыми и громогласно убеждали себя в собственной невинности.

Разве это не последний марки издевательский мучительный бюрократизм? Разве это люди и товарищи?

Это палачи. Я сам уйду из союза, где такой председатель. Они привыкли раздумывать о великих далеких массах, но когда к ним приходит конкретный живой член этой массы, они его считают за пылинку, которую легко и не жалко погубить.

Неужели нет нигде защиты? Профсоюз считает это пустяковым делом или дает такой отпор, что остается пропасть из общества и из жизни.

Я прошу вашей защиты. Пусть председатель ЦК большой работник, но человек он, по-моему, очень маленький. И я ему не сдамся. Я специалист, а не «спец», я не меньше пролетарий, чем председатель ЦК. Мое прошлое: сын слесаря (отец жив и работает 30 лет²⁰); до 1917 г. я тоже был рабочим: литейщиком и электромонтером. А за революцию выучился и стал «спецем» (по-моему, это контрреволюционное слово).

Я все равно не уступлю себя и найду компенсацию за такую травлю и оскорбления.

Прошу у вас помощи.
Андрей Платонов

Адрес: Москва, Бол<ьшой> Златоустинский пер., 6, Центр<альный> Дом специалистов

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 81, л. 1–6; чернила. Публиковалось фрагментарно (см.: Корниенко, 1993. С. 19).

Письмо, скорее всего, не было отослано. Адресат — не указан (оставлено чистое место). Трудно сказать, в какую вышестоящую инстанцию (ЦКК, НК РКИ — ?) мог Платонов отправить письмо с открытыми обвинениями в адрес Анцеловича, председателя президиума ЦК Союза и кандидата в члены президиума ВЦСПС. Председателем президиума ВЦСПС в это время был М. П. Томский.

¹ Платонов был избран в состав ЦК Союза 20 февраля 1926 г. на Первом Всероссийском мелиоративном совещании, которое состоялось в ходе работы V Всесоюзного съезда сельскохозяйственных и лесных рабочих.

² Телеграмма от 6 апреля 1926 г.: «Воронеж, ГЗУ, Платонову. Выезжайте работы земсекции. Анцелович» (С. 638).

³ Куликов Василий Павлович — член президиума ЦК Союза, зав. тарифно-экономическим отделом.

⁴ Казаков Александр Степанович — член президиума ЦК Союза, зав. орготделом.

⁵ 2 анкеты, заполненные Платоновым, опубликованы Е. Антоновой и Л. Ароновым (С. 642–645). Анкеты датированы 29 марта 1926 г.

⁶ Платонов утвержден в должности заместителя ответственного секретаря земсекции с 1 мая решением президиума ЦК Союза от 5 июня 1926 г. Однако в этой должности он фактически не работал. Несмотря на то, что на данном документе (см.: С. 646) имеется виза ответственного секретаря земсекции И. Волкова, сама должность до 15 мая была занята другим человеком, а с его увольнением и вовсе упразднена, и руководство секцией Волков «полностью» взял на себя (см.: Из работы Центрального бюро всесоюзной секции землеустроителей // Землеустроитель. 1926. № 6. С. 78). Еще в марте 1926 г. Платонову была поручена штатно-бюджетная работа (см.: С. 637). РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция; в сферу ее деятельности входили вопросы руководства и управления деятельностью учреждений, борьба с должностными преступлениями и бесхозяйственностью. *Центрально-штатная комиссия*, в которую входил Платонов, работала в тесной связи со структурно-штатной инспекцией РКИ и подготовила нормативные документы по штатам землеустроителей на 1926–1927 гг. — для краев, губерний и уездов, провела работу по установлению оплаты землеустроительных работ и т. п. Как следует из выступлений руководителя Центрального бюро землеустроительной секции, работа комиссии в апреле-мае направлялась главным образом на подготовку к бюджетно-штатной кампании текущего года (см.: Землеустроитель. 1926. № 6. С. 78; № 7. С. 78).

⁷ В анкете Платонов указал, что он является членом Союза с.х. и лесных работников с 1921 г., но профсоюзной работой никогда не занимался, являлся членом Бюро секции землеустроителей всего 3 месяца, с февраля по апрель 1926 г. (С. 644).

⁸ Согласно Положению о секциях специалистов сельского и лесного хозяйства, Центральное бюро секции избирается Всесоюзной конференцией сроком на 2 года, до следующей Всесоюзной конференции (см.: Землеустроитель. 1926. № 8. С. 77).

⁹ Платонов был смещен с должности на пленуме Всероссийского секретариата секции землеустроителей 18 июля 1926 г. После увольнения Платонова на должность заместителя ответственного секретаря земсекции с 1 августа был назначен А. Тираспольский (см. письма Платонова из Тамбова, с. 474–475 наст. издания).

¹⁰ Платонов был принят на работу в Отдел мелиорации и водного хозяйства НКЗ 21 октября 1926 г., на должность инженера-гидротехника (см.: «Губмелиоратор тов. Платонов». С. 508).

¹¹ *Китайская стена* — современный район Китай-города Москвы. В районе Китайгородской стены (Старая площадь, между ул. Ильинкой и Никольской) располагались торговые лавки, в том числе, букинистические (в 1926 г. началась реконструкция этого района, в 1934-м Китайская стена была снесена).

¹² *Мельничанский* Григорий Натанович (1886–1937) — советский партийный и профсоюзный деятель, член президиума ВЦСПС, председатель ЦК текстильщиков, член ЦИК, юрист.

¹³ Речь идет об инженерах-мелиораторах Отдела мелиорации и водного хозяйства НКЗ, с которыми Платонов был связан в пору работы Воронежским губернским мелиоратором.

¹⁴ В Тамбов Платонов уехал 7 декабря 1926 г. (см. письма Платонова из Тамбова, с. 444 наст. издания). 3 декабря 1926 г. ответственный секретарь земсекции И. Волков наложил на письмо Платонова от 2 декабря (перед отъездом в Тамбов) с просьбой оставить за его семьей комнату в ЦДС, «по крайней мере» на 3 месяца «после моего отъезда из Москвы» — резолюцию, которой его семье разрешалось жить в ЦДС еще 3 месяца и 7 дней, до 10 марта 1927 г. (см.: С. 640, 648).

¹⁵ ГО — губернское отделение профсоюза.

¹⁶ Письмо, о котором идет речь, не выявлено.

¹⁷ Эта история отражена в письме Платонова в ЦК с просьбой выдать 300 рублей для переезда из ЦДС, ко 2 сентября Платоновы должны были освободить занимаемую ими жилплощадь (С. 648–649).

¹⁸ Письмо, о котором идет речь, не выявлено.

¹⁹ *Спец* — распространенное в 1920-е гг. название специалиста, чаще всего употреблялось в отношении выходцев из непролетарской среды.

²⁰ Отец Платонова Платон Фирсович Климентов (1870–1952) — слесарь Воронежских железнодорожных мастерских (см.: *Ласунский О.* Житель родного города. Воронеж, 1999. С. 17–20).

7

Народному Судье
Покровского участка Бауманского
района г. Москвы

ответчика по гр<ажданскому> делу № 8214000,
назначенного к слушанию 13 /IX т. г.

Заявление

Центр<альный> Комитет Союза с.х. и лесных рабочих предъявил ко мне иск о выселении меня из Центр<ального> Дома специалистов.

Я ознакомился с содержанием искового заявления Ц<ентрального> К<омитета>та и приложения к нему и хочу дать краткое разъяснение существа дела — до начала его разбора в судебном заседании.

В феврале 1926 г. на Всероссийском съезде мелиораторов имело место заявление представителя ЦК профсоюза — истца о необходимости избрать на съезде лицо, которое бы служило постоянным представителем мелиораторов — членов союза — в ЦК Союза (в секции землеустроителей, мелиораторов и геодезистов).

Всероссийский съезд мелиораторов таким представителем единогласно избрал меня. Я тогда работал в провинции.

Через 2–3 месяца я по телеграфному вызову председателя ЦК оставляю службу в провинции и квартиру и переезжаю с семьей на постоянное жительство в Москву.

Предварительно я имел переговоры в ЦК, который мне гарантировал квартиру, как лицу, едущему на выборную должность.

В Москве я несколько дней жил в гостинице, за счет ЦК. Затем меня поместили в Центральный Дом специалистов, где я и сейчас проживаю. Мне было сказано: «временно вы поживите здесь, а потом мы вас поместим во вновь строящийся дом ЦК».

Мне было все равно, поскольку заботу о моем жилище взял Центральный Комитет профсоюза, и я жил спокойно.

Через четыре недели фактической работы в Центральном Комитете меня снимают с должности и увольняют — вопреки всем принципам демократизма, вопреки даже собственным заверениям, ранее данным. Это событие не составляет предмета судебного процесса и поэтому я его далее не излагаю.

Сейчас же, после увольнения (с работы, на которую я был избран Всероссийским Съездом специалистов-мелиораторов!), мне предложили немедленно оставить занимаемую мною комнату в Центральном Доме специалистов.

Я очутился без работы, с семьей (4 человека) и в чужом мне городе.

Начался страшный год голода и безработицы.

С тех пор прошло более года. И только половину этого срока я имел службу. Остальное время бедствовал.

Учреждение, заставившее меня столько пережить, теперь добивается последнего — лишить меня жилища, накануне зимы, с семьей и когда я тоже не имею службы и постоянного заработка.

В свое время председателем ЦК мне было устно заявлено, что пока в Центральном Доме специалистов живут другие семьи, я тоже имею право там жить. Теперь в этом доме живут несколько семей — за последний месяц имелись случаи даже новых въездов на жительство. А меня, несмотря на обещание лидера профсоюза, выселяет ЦК того же самого профсоюза.

Председатель ЦК подчеркивает мое полное право на пребывание в доме, пока там живет хоть один человек или одна семья постоянно, а секретарь того же ЦК подписывает исковое заявление о выселении. И это происходит в то самое время, когда дом фактически заселяется семейными людьми (сейчас в доме живут семьи, кроме моей). Причем, ни одна эта семья не принадлежит специалисту, а дом называется «Центральным Домом специалистов сельско- и лесного хозяйства». Но эти семьи ни одну не трогают — выселяют лишь меня.

Приложенное к исковому заявлению приложение — мое обязательство о выезде — имеет следующую историю. Условия моей жизни в доме таковы, что я не знал куда мне деться. Параллельно меня мучила безработица. В мае–июне у меня явилась перспектива работы. Центральное Бюро землеустроительной секции вы-

звало меня на свое заседание, выслушало меня и предложило: все это дело может рассудить только сам Ц<ентральный> К<омите>т, говорите с ним... Жить в доме было трудно — особенно для членов моей семьи, сталкивавшихся со служащими дома. Твердо надеясь на получение заработка в ближайшем будущем, желая избавить свою семью от придирок и зная фактическое бессилие Центр<ального> Бюро в моем деле,— я дал заявление¹. Это заявление должно пониматься как доказательство моей доброй воли расстаться с ЦК мирным путем. Оно, заявление, давалось мною именно Центр<альному> Бюро секции, а не ЦК. И сам ответственный секретарь Центр<ального> Бюро просто хотел умыть руки (больше он, действительно, ничего не мог сделать) и даже сказал на заседании Бюро: «а про все остальное говорите с ЦК». Под «остальным» я понял компенсацию своих бедствий, причиненных мне действиями ЦК. Я охотно тогда дал заявление — обязательство, чтобы освободить бессильных людей, и твердо надеясь, что я уберусь через 2 месяца из дома.

Потом надежды на работу исчезли — я физически, при самой большой доброй воле, не мог двинуться с места и, к сожалению, нарушил обязательство. Но опять-таки подчеркиваю, я давал обязательство не истцу, Ц<ентральному> К<омите>ту, а Центр<альному> Бюро секции землеустроителей, чтобы успокоить людей, не имевших в деле решающего значения.

По профессиональной этике, Центр<альное> Бюро должно прислать на заседание суда своего юриста для защиты моих интересов, но едва ли он придет. Меня вероятно будет защищать юрисконсульт месткома писателей, т. к. я последнее время живу на литературный заработок — издаю книги в «Молодой гвардии»².

Только это я хотел пояснить и добавить к той картине добивания человека, заключительная часть которой — выселение на улицу целой семьи — предстанет на суде 13/IX, как иск Ц<ентрального> К<омите>та.

Ответчик

Андрей Платонов

Москва 7/IX — 1927 г.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 80, л. 1–3; чернила.

Письмо написано в день получения повестки в суд и не было отослано. 9 сентября Платонов направляет в Управление делами ЦК Союза письмо, в котором сообщает, что его выезд из ЦДС состоится в ближайшие дни, при условии, что ему будет оплачена месячная стоимость проживания в гостинице (С. 649). Управление делами в ответном письме отказалось принять предложение Платонова, настаивало на выплате 300 руб. (см. выше документ 5) и немедленном выезде Платонова — до 13 сентября, назначенного дня судебного разбирательства (С. 649–650).

¹ Имеется в виду заявление Платонова в ЦК Союза от 19 августа 1927 г., где он сообщал, что после получения денег на выезд (300 р.), через два дня после получения денег семья выедет из ЦДС (С. 648).

² В июне у Платонова в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга «Епифанские шлюзы», были подписаны договоры на другие издания. Неизвестно, местком какой писательской организации вызвался защищать Платонова (ВСП, издательства «Молодой гвардии», «Кзуницы», ВАПП).

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ РАБОЧЕГО РЕДСОВЕТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья и публикация Н. Умрюхиной

В конце сентября 1930 г. секретариат РАППа совместно с ВЦСПС объявил призыв ударников в литературу. Это стало новой вехой в разворачивавшейся с 1926 г. кампании по организации рабочей критики, по вовлечению рабочих масс в литературно-художественное творчество. Рабочий-ударник и колхозник должны были стать не только главными героями эпохи, но и ведущими творцами пролетарской литературы (об истории призыва — см.: *Добренко Е. Формовка советского писателя.* СПб., 1995). Методы работы были различными: на заводах и фабриках организовывались литературные кружки, расширялся состав рабкоров и селькоров, газеты и журналы отводили страницы под произведения начинающих писателей, в издательствах в сериях массовой дешевой библиотеки выходили книги ударников. Значительная роль в деле воспитания нового писателя отводилась рабочему редакционному совету — «органу рабочей общественности».

Первоначально рабочий редсовет был организован при издательстве «Земля и фабрика» (ЗИФ). Вот как его историю рассказывает один из его членов, Дм. Павлов: «В мае 1929 г. на Замоскворецкой читательской конференции рабочие фабрики “Парижская коммуна” высказали мысль о создании при редотделе Гиза какого-либо ядра из рабочих читателей, которое помогало бы Гизу в создании популярной книги, доступной во всех отношениях широким слоям рабочего читателя... на этой конференции было принято решение создать Рабочий редсовет и избрано его основное ядро в 20 человек» (Художественная литература. 1931. № 11. С. 1). С 5 июня 1929 г. редсовет работал при отделе художественной литературы Государственного издательства (Госиздат, ГИЗ). Собрания проходили два раза в месяц. Через год, в июне 1930 г. вышел первый номер журнала «Художественная литература» — бюллетень издательства «ЗИФ». Редколлегия издания так определила задачи рабочего редсовета: «Организовать постоянную связь издательства с рабочей и партийной общественностью, придать ей такие формы, при которых рабочие-передовики, представители фабрик и заводов, явились бы реальными участниками нашей редакционно-издательской работы» (Художественная литература. 1930. № 1. С. 2). На страницах бюллетеня редколлегия делилась планами на будущее, однако в 1930 г. его первый номер так и остался единственным. Началась реорганизация издательств. В сентябре 1930 г. рабочий редсовет вошел в состав Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ, а с 1934 г. — Гослитиздат). Он был только что образован на базе сектора Госиздата РСФСР и издательства «Земля и фабрика». Находился ГИХЛ по адресу: ул. 25 Октября (Никольская), 10. В издательстве были созданы различные редакции: редакция по собранию сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина, редакция современной русской художественной литературы, редакция иностранной переводной литературы, редакция классиков, редакция ИТК (искусство, театр, кино),

группа массовой работы и т. д. При ГИХЛ выходили журналы «Красная новь», «30 дней», «Октябрь», «Интернациональная литература».

«Положением о рабочем редакционном совете ГИХЛ» определялись задачи редсовета, состав, порядок работы и отчетности, права и обязанности его членов (РГАЛИ, ф. 613, оп. 1, ед. хр. 77). В рабочий редсовет ГИХЛ входили фабзавкомы крупнейших предприятий Москвы, участники рабочих и красноармейских литературных кружков, ударники подшефных предприятий и отдельных типографий: представители заводов Мосэлектрик, Мосстрой, АМО, «Серп и Молот», «Арматура», «Спартак», «Манометр», фабрик «Московшвей № 10 и № 13», Краснохолмской мануфактуры, Дербеневского химзавода, фабрики им. Калинина, 13-й типографии, ДДК Красной Пресни, табачной фабрики «Ява», Союза транспортников, электрозавода, фабрики «Пролетарская диктатура». Всего — 29 человек (из них членов ВКП(б) — 16, комсомольцев — 8, беспартийных — 5). Заседания проходить стали чаще — собирались один раз в декаду; ставились самые злободневные вопросы: призыв рабочего-ударника в литературу; посылка бригад писателей на производство, в совхозы, районы коллективизации; снабжение издательства бумагой; качество оформления книги; шефство над фабричными и заводскими библиотеками; планы переизданий; работа с начинающими писателями; соцсоревнование и ударничество внутри самого издательства. Обсуждались и произведения «попутчиков».

В начале 1931 г. вновь стал выходить журнал «Художественная литература», теперь уже при ГИХЛ. В журнале принимали участие Л. Авербах, А. Виноградов, А. Митрофанов, А. Сурков и др. Печатались рецензии на произведения начинающих писателей, планы и отчеты различных редакций и секций, публиковались программные статьи по работе рабочего редсовета. В обязанности членов рабочего редсовета входило активное участие в бюллетене.

На страницах журнала сохранились скупые свидетельства истории повести Платонова «Впрок». В № 1 в рубрике «Над чем работают писатели» есть упоминание: «Андрей Платонов подготовил к печати сатирическую повесть *“Впрок”*» (Художественная литература. 1931. № 1. С. 12). Во втором номере сообщение одного из постоянных авторов журнала, председателя рабочего редсовета, Дм. Павлова, имеет прямое отношение к судьбе «Бедняцкой хроники»: «...благодаря обсуждению на рабочем редсовете, рукописи, которые некоторыми редакторами оценивались как годные к печати в представленном издательству виде, отклонялись рабочим редсоветом по идеологическим и художественным мотивам. Редакция с решением редсовета соглашалась, и эти рукописи шли к авторам для переработки согласно указаниям рабочего редсовета» (Художественная литература. 1931. № 2. С. 20). Здесь же перечислены произведения, обсуждавшиеся на редсовете: «Пятилетка» С. Кирсанова, «1919» М. Алексеева, «Бедняцкая хроника» А. Платонова.

Как мы знаем, после многочисленных правок и сокращений повесть была напечатана в № 3 «Красной нови». Отголоском кампании против Платонова, начатой статьей А. Фадеева «Об одной кулацкой хронике» (Красная новь. 1931. № 5–6), стало поспешное заявление членов рабочего совета в лице все того же Дм. Павлова: «В результате этих совещаний правление издательства отказалось от издания кулацкой повести “Бедняцкая хроника” Андрея Платонова» (Художественная литература. 1931. № 11. С. 2). О бдительности рабочих критиков сообщала и докладная записка в сектор кадров ОГИЗа с пометой «Секретно» (РГАЛИ, ф. 613, оп. 1, ед. хр. 79).

В фонде А. П. Платонова ОР ИМЛИ сохранилась машинопись (без окончания) протокола заседания рабочего редсовета ГИХЛ, на котором обсуждалась первая редакция повести Платонова «Впрок».

В настоящей публикации первая часть заседания рабочего редсовета, посвященная плану издания классиков (стр. 1–7), не воспроизводится. Текст печатается по нормам современной орфографии и пунктуации. Почти все участники обсуждения обращаются к тексту повести Платонова: пересказывают анализируемые фрагменты, приводят цитаты. Однако восстанавливают их или по памяти, или по собственным выпискам, поэтому цитаты, как правило, неточные. В выступлениях некоторых членов рабочего редсовета очевидно вольное обращение с авторским текстом и даже намеренное его искажение. Соответствие приводимых цитат платоновскому тексту не комментируется. Несогласования и обрывки предложений отмечаются пометой <sic>. Слова, напечатанные в машинописи в разрядку, в публикации даются курсивом.

ПРОТОКОЛ

заседания рабочего редсовета Государственного издательства художественной литературы от 27 октября 1930 г.

Присутствовали: члены рабочего редсовета — 7 чел.

Работники издательства — 20 чел.

от Лифактов¹ — 5

Платонов — «Впрок». Бедняцкая хроника.

тов. Черняк². Тов. Платонов выступил с книгой очерков. Книга вызвала критику. Автор в ней скатывался к пессимистическим рисункам нашей действительности, давал в ней настроения, отрывающие рабочих от борьбы^{2а}. В 29 г. он издал сборник под названием «.....»³. Он показал себя писателем, связанным с проблемами революции для рабочего класса. Никаких двух моментов относительно того, что Платонов художник, связанный с пролетарской революцией, не может быть. Однако и тут не обошлось без ошибок. Одна из вещей его была принята к печати в изд-ве «Молодая Гвардия», и набор ее был рассыпан, т. к. в ней были усмотрены претензии на сатирическое изображение нашей эпохи⁴. Сатира Платонова обладает особенностью — это сатира человека, который находится внутри нашего строительства, внутри революции, но в отрывочном виде, в виде отдельных рассказов они представлены как сатира, и это вызвало возражение со стороны. Один из отрывков этой вещи был напечатан в журн. «Октябрь» в 29 г.⁵ Отрывок вызвал резкую оценку, был принят нашей литературой и критикой как сатира на революцию, рабочий класс, соц. строительство⁶. Нужно учесть то, что в борьбе, на ходу литературная общественность не может особенно глубоко вглядываться в вещи, — приходится действовать решительно, и эта решительность тяжело отражается на писательских путях рабочих, овладевающих всей системой культуры. Новая вещь Платонова — бедняцкая хроника «Впрок», которую он предложил издательству, представляет собою исключительно талантливое произведение, которое показывает нам строительство, колхозное движение в деревне, причем автор вырабатывает на протяжении многих лет свой стиль, свой особый метод в литературе, он пошел также путем соединения сатирических приемов с реальными показами действительности. Как он иллюстрировал эту хронику? Из каких углов он показывал колхозное строительство? Он взял человека, который как бы бродяга, он — душевный бедняк. Человек, который во всем сомневается. Ничему на слово не верит. Хочет сам во всем убедиться и во всем сомневается. Это — душевный бедняк. В один

прекрасный день он отправляется с какого-то вокзала, в неизвестном направлении, по стране. И начинаются описания. В вагоне у него показана замечательная сцена со случайным попутчиком. Дальше он рисует свои впечатления, картины, видимые из окна. Он говорит, что «ярославские и тамбовские автомобили перевозили материалы по губительно-немощенной земле». Дальше он показывает человека со «средним тамбовским лицом, который лается». Когда он начинает жаловаться, что нет молока и пр., с верхней полки протягивается рука красноармейца, который дает ему молоко. Красноармеец спрашивает — не сойдет ли он с ним, не техник ли он. «Нам в колхозе техник нужен, там солнце не горит». Душевный бедняк соглашается сойти с ним, и они отправляются в колхоз. Там он показывает солнце колхозное. Колхозники решили, когда не будет солнца на небе, чтобы было свое солнце, они решили устроить электрическое солнце. Автор своеобразно показывает отношение крестьян к солнцу. Техник-бродяга находит причину того, почему солнце не горело и говорит, как нужно его починить. Этим и кончается первый эпизод. Путешествуя далее, он встречает различные типы. Описана замечательная встреча с кузнецами, где жили партизаны. Очень своеобразная история с лже-богом. Автор занятно показывает, как один из кузнецов перевел святого на сторону антирелигиозной пропаганды.

Дальше идет целый ряд ошибок тов. Платонова, они заключаются в том, что он не справился со своей задачей. Он должен был показать и элементы правого оппортунизма, и «леваков», и настоящую генеральную линию в строительстве с.-х. Он с этой задачей не справился. Здесь много моментов, которые ему можно поставить в вину, как политически грамотному и высоко сознательному писателю. Кроме этих отрицательных моментов, есть целый ряд положительных частей в этой хронике, он дает глубоко продуманный технический экономический материал. У него есть очерки о мелиорации, он рисует борьбу за урожайность. Все это вместе взятое и общая установка автора дает нам основание считать, что, несмотря на наличие определенных политических ошибок, которые и субъективны, и автор желает их исправить и преодолеть, готов на деле это доказать, готов работать над этой вещью, чтобы сделать вещь по-настоящему,— дает нам право предложить рабочему редсовету утвердить принятие этой рукописи к печати с тем, чтобы автору предложить самым энергичным образом, совместно с редакцией доработать эту вещь и дать соответствующее предисловие. Предисловие, данное автором, слабое, в своей концепции искусства оно не свободно от ошибок, и мы его принять не можем.

А. Платонов. «Впрок» — бедняцкая хроника.

Горелов⁷. Судя по предисловию, книга эта написана не для массового читателя. Тусклое словословие и предисловие о рассудке и интуиции, синтезе всех чувств, Моцарте и Сальери заканчивается так:

«...составитель этой хроники стремился отвлечься от своей отсталости, от действительности и от личных предрассудков, давая свободу движению фактов, а не своему настроению от них. Он даже помогал фактам произойти, считая, что литература не служанка для пролетарской революции — рабынь последней не нужно, а ее младшая сестра, и такая же мужественная» и т. д.

Кроме того «под именем автора не следует понимать составителя», т. к. здесь «от имени одного человека изложено более широкое наблюдение, чем оно доступ-

но было составителю», а только извлекал «из коллектива его активную действительность посредством рассудка автора».

Составитель великодушно сознается «в своей отсталости» и как бы извиняется за допущенные им неясности, но он не виноват, виноват — «рассудок автора».

Он только «душевный бедняк», «измученный тревогой за всеобщую действительность», «не признающий научного социализма», «вместо радио желающий всю жизнь слушать благовест», «верящий, что древние вещества уничтожат революцию»⁸.

Из вагона «глядел не только на новостроящуюся республику», но и «овраги, нищих, на весь мертвый порожняк природы, потому что этого слишком много и оно не может быть истреблено революцией, как она ни старайся».

Рабочий читатель вправе спросить этого любителя колокольного звона, скорбящего душой за «истребленные революцией» овраги и ведущего в вагоне с тамбовскими кулаками контрреволюционные разговоры.

— Ну, зачем ты едешь? Куда едешь? Разве не мог где-нибудь в храме божьем или за чашкой чаю скулить на «истребляющую революцию»? Много вас шатается, надоели!..

Не возмущайся, товарищ читатель, на этого ноющего российского «больного душой» обывателя автором возложена огромная миссия: дать для тебя «более широкие наблюдения».

Ты даже догадываешься, какого сорта будут эти «наблюдения». Ошибаешься, товарищ. Здесь происходит удивительное перерождение.

Достаточно было этому душевному бедняку «столкнуться с всеобщей действительностью» — «бредушим народом», но «неможная земля» <sic>, как он сразу же делается неузнаваемым: к великому его удивлению, вместо «неверующего в свою судьбу народа» он встречает массы, отрицающие существование старушки судьбы, уверенно перестраивающие вековые устои жизни, презирающие колокольный звон и верящие в науку.

Если бы вместо «душевного бедняка» из Москвы путешествовал по «немецкой земле» мистер из Нью-Йорка, то он меньше был бы удивлен бодростью народа, уверенно идущего к цели, чем наш мистер из Москвы. Но между мистером и российским «бедняком» не может быть разницы. Ведь Нью-Йорк от Тамбовской губернии стоит несколько дальше, чем Москва. На слепоту людей, не желающих и не умеющих смотреть, мы также можем не обращать внимания. А если перерождение деревни, мощное колхозное строительство, вынудило одного из слепцов прозреть, то это является подтверждением правильности дороги, выбранной «неверующим народом».

Но верим в пятилетнее перерождение, но постараемся внимательнее присмотреться к новому энтузиасту, т. к. волею автора он стал «бедняцким хроникером».

Мы не протестуем, что хронике колхозного движения для непосредственных участников этого строительства пишет человек, свалившийся с колокольни Николы, что на Воробьях.

Нас не обижает даже, что не нашлось другого, более приемлемого собирателя этой хроники, но мы потребуем от него действительно бедняцкой хроники, «имеющей своим содержанием не запавшее чувство или запечатленное сознание одного субъекта, а свойства целого коллектива».

ХРОНИКА.

1. С.-Х. Коллектив — «Доброе начало».

— Ты электротехник? — спросил в вагоне составителя красноармеец, один из пассажиров.— А ты утром не соскочишь со мной? Ты бы в нашем колхозе дорог был: у нас солнце не горит! — Давай соскочим. Все равно делать нечего. Вот думаю хронику писать.

Утром сошли на маленькой станции, «от одного вида которой у всякого человека заболел живот», хотя плакаты на стенах «показывали задумчиво-сытых женщин, любующихся природой».

Пришли в колхоз «Доброе начало, где каждый считал для пользы дела другого дураком и потому проверял гайки на всех плугах только своей собственной рукой». На удивление сознательные колхозники, только и дела, что проверять друг друга, наверно, и работать некогда. И баб в покое не оставляют: «поди, все избы обежи — пускай бабы вьюшки закрывают, а то тепло улетучится».

Забота только с этими гражданками-колхозницами.

Общественное питание в колхозе начинают только организовывать, пока делают крышки для колодцев. «Может, при хорошей воде харчей есть меньше станем». Изобретательные, веселые колхозники.

К культуре также прут напролом.

«Разные верующие соседних колхозов и деревень дали письменное обязательство перестать держаться за религию при наличии местного солнца».

Даешь солнце, бросим бога, а не дашь — будем веровать по-старому, нам все равно.

И бригады у них имеются. Одна из них «закончила сплошную очистку семян и проспала двадцать часов».

«Культурная революция у нас часто идет по раскулаченным местам. Изба читальня занимала дом старинного векового кулака Верещагина». Не было бы кулацкого дома, не додуматься бы нам до культурной революции. Не поймешь, кого и жалеть: раскулаченного Верещагина или культурную революцию.

Кстати сказать. Кулак Верещагин порядочно задолжал Советской власти, обогащаясь несколько оригинальным способом: купит лошадь за 30 руб., привяжет ее потуже к столбу, простоит бедное животное без корма дней 10 и околет, а кулак с радости бежит получать 100 руб. страховки. На эти деньги покупает пару лошадей и опять продельывает эту высокую операцию. Не человек, а зверь-вредитель. Только сомнительно, чтобы страховые агенты, сельсоветчики-активисты походили на этих бессловесных, замученных животных. А один из них, наш знакомый красноармеец Кондров, председатель колхоза, имел, например, очень решительный характер. Когда он прочел статью Сталина о головокружении и, вдувшись в нее, дал предрику по уху.

— За что же? Спросил, наверное, напуганный предрик.

— От радости! — ответил бы Кондров и пошел выпрямлять перегибы.

2. Не дожидаясь радостного момента, когда засветит исправленное колхозное солнце, наш хроникер пошел дальше.

«Отовсюду раздавался знакомый, как колокольный звон, стерегущий голос собак, работающих на коллективизацию с таким же усердием, что и на кулацкий капитализм».

Размышления о собачьей приспособляемости были прерваны встречей с дру-

гим путником: с борцом с не главной опасностью, путешествующим не от скуки, а по командировке.

Не главная опасность, объясняет он хроникеру,— «левачество», где более всего действует юношество и девичество, которых надо бить без грубости, хотя не главная кормит главную. Главная опасность хороша: там старики, там пожилые, почетные бюрократы. Одним словом, есть где развернуться, выдержат.

Очень воинственный борец и большой оригинал. Попадет ему на глаза старикашка с песочницей — обязательно начнет его «крушить вдосталь». А молодого похлопает по плечу и отпустит на все четыре стороны: «Подрасти еще голубчик, когда главной опасностью заразишься, тогда мы с тобой повоюем, а теперь я с юношами не занимаюсь — мелко плавают».

Послушаешь такого борца, захочешь отобрать у него командировочное удостоверение и сказать:

— Иди, товарищ, поучись политграмоте или хоть яснее выражайся.

— Словом — «у левых (не главных) — дискант, у правых (главных) — бас, а у настоящей революции баритон, звук гения и точного мотора».

Хорошо! И очень понятно. Особенно певцам и мотористам.

Правая, левая, где сторона?

3. Колхоз «Без кулака».

«Работал Кучум непостижимо». «Я больше никогда не видал такого колхозного организатора». «Я решил, что Кучум нарочно не принимает единоличников, чтобы поднять колхоз изолированным способом, устроив нечто вроде группового дворянства».

«Он имел мужество сказать колхозникам, что нужда будет еще горче, чем в одном дворе, и побороть ее тоже будет трудней, чем одинокому хозяину»:

— «“Но может быть, потом легче будет?” — робко спрашивали его первые колхозники».

— «“Не знаю”, — искренно отвечал Кучум».

— «Хочешь, иди в колхоз, хочешь, не ходи, а лучше не иди, трудности будут, а если и пойдешь, все равно не приму, не знаю еще, какое у меня будет “настроение”».

«Весь доход колхоза делился по числу душ — едоков. Души по 20 лет получают свою долю полностью, а более старшие лишь половину своей доли».

«Это сообщалось на внешнем виде колхозников,— одевались они плохо и имели худой, изработанный вид. Зато молодая часть колхоза была пригожа и сыта на лицо, одевалась вполне прилично, девушки были парижанками».

Интересно, такие порядки установил Кучум один, или весь коллектив, и как «изработанные» переростки к этому относились.

Когда друг Кучума, председатель, стал жаловаться, что его выгнали со службы за перегибы, и дурно отзывался о политике партии, то Кучум единым взмахом убил его и заслужил уважение хроникера.

Это второй случай кулаческой расправы идейного борца над своим противником, расправы плохо обоснованной в хронике и политически неграмотной, вызовет у живых Кучумов протест, хроникерский «перегиб».

К «перегибам» же можно отнести и некоторые особенности из жизни и быта в колхозе «Без кулака».

4. Крушилов. (Видимо, от слова крушить, а не создавать.)

«Семья Крушилова постепенно вымерла от голода (?)⁹ и халатного отношения к ней самого Крушилова потому, что все свои силы он потратил на заботу о бедных массах».

«Вымерла» — громко сказано. А в чем выражалась забота Крушилова о «бедных массах»?

И когда ему сказали — «Крушилов, обратись на свой двор, пожалей свою жену, она была тоже когда-то *изящной* середнячкой, то Крушилов глянул на говорящих своим активно мыслящим лицом и сказал им, указывая на весь бедный окружающий его мир: «Вот мои жены, отцы, дети и матери, нет у меня никого, кроме неимущих масс»».

Словно собственная семья не принадлежала к этим массам.

«Активно-мыслящее лицо» — смешав евангельское с революционным, dokonало «изящную середнячку и не менее “изящных” голобрюхих середнячат».

«По ночам Крушилов лежал где-нибудь в траве, рядом с прохожим бедняком и плакал, орошая слезами терпеливую землю».

Где же тут борьба?

«Однажды в одном сновиденьи он заметил Ленина и утром, не оборачиваясь, пошел, как был, в Москву». К Ленину его допустили.

«Маленький человек сидел за столом, выставив вперед большую голову, похожую на смертоносное ядро для буржуазии».

«По возвращении в деревню Крушилов стал хладнокровнее. Когда в нем начинало бушевать (?)¹⁰ излишне революционное чувство, то он бил по животу и кричал: “исчезни стихия”».

Но стихия не унималась, пришлось ее удовлетворить — сжечь кулацкий хутор. Словно революционеру в деревне другого дела не нашлось, и не имелось других способов классовой борьбы.

Вся эта глава смахивает на жизнь какого-то угодника. Тут есть и слезное сокрушение о неравенстве, презрение к «животу» своему, равнодушие к семье, пророческий сон и далекое путешествие, которое, кстати сказать, ничему Крушилова не научило, хотя собеседник его, «маленький человек», ломал психологию миллионов людей.

Началось массовое колхозное движение. Внутренний революционный огонь находит наконец выход. Крушилов — организатор колхоза.

«В общем, он был почти что счастлив, если не считать выговора от ОКЗУ, который он получил за посев крапивы на десяти гектарах. И то он был не виноват, т. к. прочел в газетах лозунг: “Даешь крапиву на фронт социалистического строительства!” И начал размножать этот предмет для отправки за границу целыми эшелонами. Крушилов радостно думал, что вопрос стоит о порке капиталистов руками заграничных, мало вооруженных товарищей».

Так и хочется спросить хроникера: а как на этот вопрос смотрела колхозная масса? Или он один сеял крапиву? Хотя...

«Я убедился, что мнение о зажиме колхозной массы со стороны коллективных руководителей — неверно. От Крушилова колхозники чувствовали не зажим, а отжим, который заключался в том, что Крушилов немедленно отжимал прочь всякого нерешительного работника».

Имеешь благоразумие не сеять крапиву для порки иностранных капиталистов,

«отжимайся» из колхоза. Кроме содействия классовой борьбе в международном масштабе, он уделял много времени и новому быту колхоза.

«Он даже нарочно садился обедать среди отсталых девок и показывал им, как надо медленно пережевывать пищу». «Подобным же способом показа образа <sic> Крушилов приучил всех колхозников хорошо умываться по утрам, для чего ему вначале пришлось мыться на трибуне посреди деревни, а колхозники стояли кругом и изучали его правильные приемы. С той же трибуны Крушилов всенародно чистил зубы и показывал три глубоких вздоха, которые надо делать на утренней заре каждому сознательному человеку». Он поднимал к себе на трибуну какую-нибудь пригожую девушку, гладил ее волосы, целовал в губы, плакал и бушевал грудным чувством, которое в нем в свое время товарищески запретил В. И. Ленин.

Что это, большевистский колхозный, или юродивый во Христе, режиссирующий кукольным театром из колхозников? Может быть, это не описание действительности, а сатира на нее?

5. С. Х. Коммуна имени О-ва старых большевиков.

«Кроме нормальной сытости лиц, ничего в этот вечер я в коммунарах заметить не успел».

Да и верно, где заметить, если может быть старые члены коммуны тайные кулаки, хотя не так: «Это геройство гражданской войны, их партия на все зубы пробовала, ничего не выходит, вполне наши люди», только «в семнадцатом году они бедняками были, стало быть, не было у них ничего кроме своего класса, а теперь накопили бугор имущества, а класс оставили в покое». Вредные штуки эти коммуны. Поживешь в них лет восемь и буржуем сделаешься, даже класс свой позабудешь.

«В общей столовой обед был плохой, и я голодал, не понимая, почему коммунисты так упитаны в теле. Потом все те же оппозиционно настроенные бедняки новочленцы показали мне, что коммунисты обедают еще вторично по своим комнатам. Обед же в столовой совершался как можно бедней, дабы постоянно торчащим на усадьбе коммуны беднякам не показалось, что в коммуне сладко едят».

А то чего доброго, вся бедняцкая организация коммуны <пропуск слова>, а это для «героев гражданской войны», «вполне наших людей» — страсть, как не по душе. И партячейка, видимо, соглашается с таким положением, тоже привив коммунистической жизни идеи. Ох, что-то тут не так.

Душевный бедняк идет дальше и по дороге встречает парня, идущего в Америку. «В Америке половина земли розами засажена по тыще рублей в год чистой прибыли десятина дает. Вот где, Фома, бедняцкое счастье». Я догнал Петра и посоветовал ему сначала побывать в Москве, у академика Вавилова... «Петр послушал, поблагодарил и, отвернувшись от меня, пошел молча».

Еще бы, чего может дать академик Вавилов для «бедняцкого счастья» — его найдешь только в Америке.

6. Колхоз «Сильный поток».

«Здесь я был свидетелем конца жизни Филата батрака». «Со скучным выражением лица он ходил по колхозу и устранял прочь всякие неурядки. Была ли открыта дверь в избу, покачнулся ли плетень, и подгонял к курам петуха» «и глядел, чтобы ветер не выдул бы из колхоза чего-либо полезного».

Много и других обязанностей было у Филата батрака: рубить собакам хвосты, помогать бабам рожать ребят. Такого человека Правление колхоза решило при-

нять в члены на первый день пасхи, дабы вместо воскресения Христа устроить воскресение бедняка в колхозе».

Не колхозники, а <фраза не закончена>

Что требовать от этих непрактичных людей, не сообразивших дать Филату настоящую работу, а сделавших из него никчемную, бедняцкую приживалку.

«Но Филат настолько ослаб от счастья, что опустил на землю и стал умирать от излишнего биения сердца».

Угробили хорошего работника, уморили батрака Филата. Теперь, наверно, все батраки за десять километров обегают этот колхоз, где Христа воскресение, а им смерть.

7. Колхоз «Утро человечества».

«Председатель бузы новой жизни», или по-нашему председатель колхоза, — Ефим Нечаев накормил хроникера отличной яичницей, а тот увидел «подробности Ефима, как великолепного и все более растущего большевистского человека».

«Вот командировали Ефима за границу узнать, сколько времени буржуй мясоед жует во рту» и «как организованы там красота и счастье жизни».

Достигнув капитализма, Ефим сказал ему «сволочь» и пошел ходить по Парижу.

Первым делом он осмотрел Институт Красоты и познакомился с очень важным для колхоза вопросом, как из толстых дам делать тонких.

Чем бы еще заинтересовался «председатель бузы новой жизни» в Париже, хроникер не сообщает, а только пришлось его немедленно отозвать назад обратно.

Маловато «для великого большевистского человека».

На этом можно закончить. В начале разбора было высказано опасение «душевного бедняка» <пропуск в машинописи> познакомиться с всеобщей действительностью и бедняцким народом, в лучшем случае не сумеет сказать нужного «о действительности» или хуже того, скажет так, что «действительность» трудно будет узнать. Опасения полностью оправдались.

Преподнесенная нам бедняцкая хроника, «широкое наблюдение» оказалось «букетом индивидуальных ощущений» человека, не верящего в партийный социализм, но неожиданно уверовавшего в него.

Вся эта буза новой жизни, где массы отсутствуют или не действуют, а только исполняют приказания «колхозных вождей» и служат для опытов Крушиловых, где вместо действительно великих людей дела даны нам образы кулацких бойцов, неверующих или психующих, летающих между небом и землей, тогда это путешествие Гулливера будет хроникой «бузы нашей жизни».

Благодаря неудачно выбранному составителю, автор достиг противоположных результатов, вместо «Бедняцкой хроники» дал цветистую карикатуру и «свободное движение фактов» на действительность.

О других недостатках и достоинствах книги говорить лишнее, так как она не должна и не может быть напечатана как идеологически чуждое нам произведение.

¹¹У Платонова есть и хорошие места, напр<имер> изображение машинно-тракторной станции. Я не знаю, какая цель была у автора: говорить о колхозном солнце или показать сознательно колхозных людей, говоря, что в коммуне они зажирили. Я считаю, что в этом произведении 1/3 части положительная и 2/3 отрицательные. У Крушилова, например, какой-то внутренний дух. Благодаря сну, он

пришел в Москву и говорил с Лениным. Вопрос о наследнике Ленина — это нелепость, карикатура, что ли?

Я уже говорил, что только 1/3 книги — положительная, ее можно было бы напечатать отдельными главами. В таком виде произведение печатать нельзя, подработать книгу — значит заново переделать. Напр<имер>, такие места, что бедняка берут в колхоз на стажировку,— это, видимо, карикатура, но это нужно дать понятно. Или это произведение напоминает Путешествие Гулливера, или же в нем что-то кроется, чего мы не понимаем. Я высказываюсь против издания этой книги.

тов. Сац¹². Товарищ Горелов спрашивал, чем руководствовался автор, когда он наряду с вещью, сделанной в реалистической манере, дает карикатуру и сатиру. Это недомыслие и глупость или же чуждый нам материал? Это, товарищи, неверно. Дело в том, что книга задумана в ином плане, чем дана. В этом ее слабость и сила. Напр<имер>, такие моменты, как коммуна принимает бедняка на стаж, то, что коммунары едят в столовой не то, что у себя в комнате,— все это говорит о ненормальности, ханжестве,— но сделано это им с некоторым преувеличением. В этой главе есть моменты нужные, но есть и перегибы, автор в некоторых местах не знал меры. Наша задача указать автору на то, что задача поставлена им правильно, но выполнение негодное. Если писатель хочет работать, то это показывает, что с этим автором есть возможность <sic>. У автора есть большие дарования. Наша задача выправить перегибы автора. То же о главе с американскими розами. Это утопизм, вымысел. Тов. Горелов задумался над вопросом, что это человек, от которого автор ждет пользы? Нет, автор издевается, он говорит, что над ним можно смеяться. То же и с солнцем. Часто приходится наблюдать, что люди не стараются использовать тягу лошадей и быков. У нас есть очень хорошие ребята, которые бросаются на научные чудеса, не овладев элементарной техникой. В этой же главе автор преследует антирелигиозные цели. Я считаю, что это не насмешка, что антирелигиозная часть написана совершенно серьезно, а если и насмешка, то над теми, кто увлекается чудесами.

тов. Павлов¹³. Я также прочел книжку. Дело обстоит так: рукопись в том виде, в каком она представлена, не может быть издана. Я не согласен с тов. Сацем, герой книги, хотя и «душевный бедняк», но он все же должен отдавать дань действительности. Напр<имер>, показаны такие моменты вовлечения бедняков в колхоз: бедняк просится в колхоз, а ему говорят — обожди, будет хуже, чем одиночке. Это, конечно, не метод вовлечения в колхоз, у нас это и не практикуется. Я считаю, что если писать сатиру, то нужно отмечать плохие стороны. Теперь о посылке крестьянина-колхозника в Париж. Это, товарищи, издевательство. Если напечатать книгу в том виде, в каком она представлена, то за границей она будет расцениваться как «Красное Дерево» Пильняка¹⁴. Там есть словечки такие, что «собаки работают на коллективизацию, как работали на капитализм». Что получится, если рабочие будут читать эту книгу? Нужно дать автору понять, что если он пишет для рабочих, то нужно это писать, как этого требует класс. Если автор хочет идти в ногу с классом, так пускай он работает так, как этого требует класс. Переработать эту вещь необходимо, и переработка требуется большая.

тов. Пятницкий¹⁵. Кроме сатирического лица произведения, я ничего не видел. Напр<имер>, такой момент, как обед коммунаров в комнате,— каково отношение автора, сатирическое или сочувственное к бродяге? Перерождает он его или оставляет чудачком? — для меня все это неясно.

тов. Колесникова¹⁶. Товарищи, по-моему, основной признак, который определяет рукопись, это — скользкость и в отношении литературном, и в отношении политическом. Это, с одной стороны, сатира, с другой стороны, реальное изложение фактов, с третьей стороны — стремление помогать фактам произойти. Что он этим хочет показать? Какие-то положительные приемы он берет, но показывает колхозное движение, смешав литературные стили с политикой. Тут непрерывная скользкость. Получилась сплошная мешанина политическая и литературная. Рукопись как бы находится в трясине. Я думаю, что тов. Черняк неправ, говоря, что рукопись эта бесспорна по своей связи с производством. Нет никакой связи. Автор блуждает,— все неопределенно. Тов. Черняк говорит, что есть глубокая продуманность в экономических мероприятиях. Это не так,— например, он в положительном смысле говорит о солнце. Относительно мелиорации сказано неплохо. Сказано, что все наши деревни находятся в низине,— это сказано также не плохо, но и тут есть перегибы.

Теперь о солнце. Прежде всего, т. Сац неправ был: это не сатира, а то произведение, которое помогает фактам произойти. Председатель колхоза у него показан 100% председателем, он крепкий председатель колхоза, он ни разу не перегнул линию. Он вместо того, чтобы снабжать колхоз, устанавливает солнце. Какой же это стопроцентный председатель колхоза? Теперь относительно борьбы с главной опасностью и не-главной опасностью. Тут троцкистская установка.— С главной опасностью он не решается бороться. Не-главная опасность у него — молодежь. Когда я разговаривала с т. Платоновым, то он говорил, что он издевается над героем, но в таком случае надо прибавить порцию издевательства и иронии. Теперь относительно колхоза, в который не пускают колхозников. Что автор этим хотел сказать? Он хотел сказать, что если не будет агитации за вхождение в колхоз, если не будут втягивать в колхоз — тогда крестьяне сами пойдут в колхоз. Тут он перегнул образ, и получилась кулацкая линия. Тут характерно для Платонова попадание из одной крайности в другую. В других очерках примерно такая же картина. Тут очень много серьезных срывов. Теперь относительно сатиры. Я считаю, что сатира — нужная вещь, но она трудная и сложная. Я считаю, что в нашем колхозе мало материала для сатиры. Конечно, нужно показать и отрицательные стороны колхозной жизни, но основная ошибка автора в том, что он стал указывать на мелочи, хотя у нас было много политических ошибок. Теперь выводы. У меня было трудное положение, я говорила с Платоновым и указывала, что несмотря на то, что вещь талантливая, у него прекрасные диалоги, хорошие выражения, меткие слова, он заходит далеко. Относительно собаки, которая лает и на коммунистов и на капиталистов, здесь образ дан приспособленца. Это символ, но дан он недостаточно четко. Тут должен быть осторожный подход. Выводы следующие: мне кажется, что все эти недостатки органические и переделать рукопись будет трудно. Когда я говорила с т. Платоновым, я увидела, что парень талантливый, он искренно ищет правильной позиции,— я считаю, что мы должны помочь ему. Сейчас отбросить Платонова было бы неправильно политически, мы должны помочь автору найти верный политический шаг¹⁷. Сейчас надо к нему отнестись осторожно, ему нужно указать все ошибки и над рукописью нужно поработать. Если у Платонова что-нибудь получится, мы сделаем хорошее дело,— если же не получится — будем ждать.

«Впрок» — бедняцкая хроника. А. Платонов.

тов. Ионов¹⁸. Я прочитал рукопись со вниманием. Я считаю, что защищать такую вещь не следует, п.ч. задумано прилично, а получилось плохо. Хвалить его нельзя. Если в меню указаны одни блюда, то их и следует подавать. Нужно так преподнести момент, чтобы он был ясен. Председатель колхоза так поставил вопрос, что единоличнику определенно будет легче жить. Поэтому всякий читатель, который объявляет себя ударником, такой литературой будет отталкиваться. Здесь говорили, что нет бумаги¹⁹, я считаю, что тратить бумагу на такие произведения не следует. Автор талантлив, я с этим не спорю, но в таком виде нельзя его печатать.

По запросу нашей действительности, широких читательских масс, в особенности колхозных масс, требующих книгу, более отвечающую на все волнующие вопросы, встающие перед крестьянством в момент великой перестройки нашего народного хозяйства в целом, — хроника Платонова далека от той книги и не разрешает вопросов, поставленных перед трудящимися Советского Союза.

В хронике введено много лиц, но ни одно из них не доведено до конца как показатель нашего строительства. Колхозники везде тупы, неряшливы, не знают о Ленине и других вождях, не клянутся <sic>. Похождения автора по колхозам скучны, сонливы и везде сквозят сумрачные лица, читается нудно, без интереса, есть путанные места, где проскальзывают антисоветские фразы и евангельские изречения. Язык плох, на что я постараюсь указать автору отдельными выдерж<ками>.

1.	В марте 30 г. некий душевный бедняк, измученный тревогою за всеобщую действительность, сел в поезд.	Душевный бедняк, измученный за всеобщую действительность и бедняка, и кулака, и вредителя, и рабочего, одним словом, за всех живущих под луной, с горя сел в поезд, а к какому классу принадлежал душевный бедный человек — неизвестно.
2.	Деревни, мелькавшие в окнах вагонов, это были постой бредущего народа, не верующего в свою местную судьбу, ожидающего, когда ему повелят стронуться дальше, где еще хуже.	Постой, обыкновенно, присущи цыганам, кочующим в своих кабинках <sic>, но деревни земледельцев имеют оседлый устой и никаким бродяжничеством деревни не занимаются ²⁰ , с судьбой крестьянство давно покончило и не ищет ее по месту жительства и страгиваться глиняно-соломенные избы туда, где еще хуже, не намерены, а стараются сгруппироваться в один большой железобетонный дворец.
3.	Ярославские и Амовские автомобили усердно возили материалы по губительно-немощенной земле. Люди стояли на кирпичных клецках <sic> и навсегда осваивая эти порожняке <sic> убиточные пространства.	По губительно-немощенным дорогам <пропуск слова> можно, но замостить всю землю, вряд ли будут идиотские времена, когда всю землю затамят бульжно-асфальтовой скорлупой.

		И кому это нужно осваивать порожние убыточные пространства — непонятно.
4.	Сколько травы навсегда скроется — сказал добровольно живущий старичок.	А разве есть такие старички, которые живут по принуждению или по отбыванию старческой столетней повинности?
5.	Этот, подобный мне, душевный бедняк не признавал, наверное, научного социализма.	Едва ли душевный бедняк производил научные исследования социализма и, убедившись, не признавал, почему он, подобный автору, как видно тоже не признающего научного социализма.
6.	Бывало, едет воз с молоком, телега скрипит, а на возу баба разгнездилась, а теперь только холодный инвентарь перебрасывают.	Разгнездиться могут только куры, начинающие нести яйца, но не имеющие своего гнезда, но баба на молочных горшках разгнездиться не сочтет нужным.
7.	Тракторы горячие, а жизнь прохладная, сказал тамбовский по лицу человек, имевший среднее тамбовское лицо.	Жизнь прохладная рабочим и крестьянам не по пути во время ударничества и соцсоревнования в нашей стране. Тамбовский по лицу человек не понятен, т. к. Тамбовская губерния не в Индо-Китае и не в Африке, разве только т. Платонов нашел Тамбовскую губернию на острове Ява или в Австрии. Среднетамбовское лицо, какую единицей измерения мерил автор лицо тамбовца загадочно, но Госметром еще не изобретены препараты <пропуск слова> измерять лицо ни Тамбовск<их>, ни Смоленских жителей.
8.	Был бедный пассажирский зал, от одного вида которого, от скуки и общей невзрачности у всякого человека заболел живот. По стенам висели роскошные плакаты с задумчиво-сытыми женщинами, любующимися синей волжской водой и одновременно обильной природой берегов.	От невзрачного вида и от бездельной скуки может одолеть зевота, но никак не заболеть живот, да и то не у всякого человека. По Платонову выходит, что у дежурного по станции телеграфиста и сторожа вечно болит живот, а разве роскошные плакаты, висевшие по стенам станции с задумчиво сытыми женщинами, тоже вызывали родильные схватки животов посетителей станции.
9.	А я депешу принял и вышел без шапки, постоял, пока поезд промчался.	Ни один поезд мимо не промчится без сигнала семафора и без предварительного согласия начальника

		станции пропустить поезд, а тут выходит какая-то анархия на железных дорогах, что всякий прохожий может принимать и провожать поезда.
10.	С этим мы вышли на полевую колесную дорогу.	Дороги могут быть пыльные, грязные, шоссейные, т. е. выложенные камнем, железные дороги, рельсовые пути, но колесных дорог пока еще нигде не строят. Может быть, автор замышляет по дорогам навешать колес и на особых моторных платформах скользить по этим колесным дорогам.
11.	Каждый считал для пользы дела другого дураком и поэтому проверял гайки на всех плугах только своей собственной рукой. Починил, знаю, как ты починил.	Для пользы дела дурачить один другого не позволит ни один колхозник, ни один рабочий, и на дураках социализма не строят.
12.	Огнем швырял куда попало или капал олеонафт.	Все время идет какая-то перепалка, никакой спайки между колхозниками, нет коллективного обсуждения вопросов.
13.	Петька, — сказал малому лысый мужичок, — пойди все избы обежи, пускай бабы вьюшки закроют, а то тепло улечутися.	По команде закрывать вьюшки целой деревней нельзя, и ни одна баба не может выполнить приказа лысого мужичонка, т. к. не все печки в одно время протапливаются, написано ни к чему.
14.	С малолетства с мелкими животными воду пьем, может, при хорошей воде харчей меньше жрать станем.	С мелкими животными воду пить можно, а ежели сами пьющие имеют головы животных, которые не могут для себя очистить колодца, но что от хорошей воды есть меньше станем, то это пустозвонство. Ежели Платонов не писал, что животы болеть перестанут, это было бы показательно, что колхозники растут и культурно ²¹ .
15.	Пустить по нашей стране несколько отрядов бродячих техников.	Превращать наши незначительные технические силы в бродячие не к лицу советской власти, ежели ударных технических бригад для помощи колхозам, это еще было бы показательно.
16.	Колхозное солнце.	Проведено Платоновым вообще плохо, коряво и видно, что Платонов с электричеством не знаком ²² .

17.	Дабы техника всюду горела и гремела по нашей стране.	Техника гореть не может и громы-хоть, как старая телега, тоже, это не техника, а старый разбитый барабан.
18.	Водобойного колеса <sic> культурная революция у нас идет по раскулаченным местам, так и оказалось. Изба-читальня занимала дом кулака.	Кому нужно колесом воду бить и для какой цели, непонятно. Культурная революция идет не по раскулаченным местам, а по всему Советскому Союзу, но по раскулаченным местам по Платонову сомнительно и искажено.
19.	Верещагин душил лошадей.	Написано вообще плохо, непоказательно.
20.	И тут Кондров обернул «Правдой» кулак и сделал им удар в ухо предрика.	За что ударил — неизвестно, и вообще нет идеологической постановки вопросов о деловой работе руководителей местных организаций, одни грубые выходки, на которых перестраивает Платонов местное хозяйство на социалистический сектор.
21.	Собачий лай, работающий на коммунизм, что на кулацкий капитализм.	Тут можно понимать, что на коммунизм работают собачьим лаем, место очень опасное.
22.	Левачество и бюрократизм.	Стало быть, вся молодежь с левым уклоном, а старики — бюрократы, кто же ведет наше социалистическое строительство?
23.	В неопределенной избушке.	Неопределенных избушек и вообще неопределенных вещей нет.
24.	Та заразная жижа открытых водоемов, которой утоляет жажду почти весь деревенский СССР.	Неверно и тухло, а куда же подевались наши величайшие реки, несущие свои чистые воды на десятки тысяч километров, куда подевались богатейшие рудники со своими чистейшими холодными водами ²³ .
25.	Сейчас, когда идешь по СССР, то видишь, как пустую незаселенную страну.	Теперь, в момент развернутого гигантского строительства и промышленности и сельского хозяйства — страна не пустая, а бурлит, кипит и своими вышками шахт, нефтяных скважин, трубами гигантских заводов режет небо. Это не пустыня. Но опустела страна от помещиков — это верно. Ежели Платонов плачет о помещичьих дворцах и вековых парках, то пусть он утешится, у нас там дворцы крестьян и рабочих.

26.	Вместо одного бога десять безбожников ухажерствовать будут.	На кой черт неверующему человеку ухажерство безбожников, он и так не верит в бога, а верит в социализм.
27.	Я решил, что Кучум нарочно не принимал единоличников, чтобы под-<пропуск слова> устроив нечто вроде группового дворянства.	Из колхозников никто не собирается выхолощать дворян, а наоборот самых примерных тружеников-ударников, и изолированных колхозов нигде нет и не будет, для бедняка и середняка широко открыты ворота ²⁴ . Для кулака это есть недоступная крепость, обнесенная Ленинской гранитной стеной.
28.	Причем, нужда эта будет еще горше, чем бывает она на одном дворе, и побороть ее тоже колхозам труднее, чем единоличнику.	Это уже прямо агитка против колхоза. Горше по священному писанию.
29.	Семья Крушилова вымерла, потому что он все внимание отдал бедным массам, и когда сказали ему: «Крушилов, обратись на дом свой, пожалей жену свою, ибо она была изящной середнячкой».	Крушилов — проповедующий Христос от слова до слова. «И рече ему народ, оглянись на дом свой, пожалей жену твою» (только не вульгарно). И рече Крушилов-Христос, указывая на бедных: «се мать моя, се сестра и брат мой» и т. д. Неприлично в наше время делать переложения из библейских изречений.

При чтении на рабочем коллективе впечатление получилось следующее, что хроника написана очень плохо, подражание Неверову²⁵ не удалось. Очень много сомнительных мест, неправдоподобно, и рабочему читателю поучиться нечему. Рабочий требует книгу, над которой можно отдохнуть и поучиться. тов. Нестеров²⁶. Здесь придется говорить с трех точек зрения. Прежде всего, придется взяться за т. Черняка. Тов. Черняк защищает тов. Платонова и смазывает те ошибки, с которыми мы ведем борьбу, что не к лицу тов. Черняку. Если мы будем так относиться, как это делает т. Черняк и т. Сац, то нам за это нашлепают. Тов. Колесникова также хочет защитить автора. Тов. Платонов не имеет пролетарского чутья, у него нет стимула к организации колхоза, к социалистическому переустройству нашей деревни, — он старается всеми правдами-неправдами протаскать кулацкую линию. Он ведет антисоветскую политику, стремясь замазать идею колхозов и усыпить деревню. Идеи Платонова нам чужды. Товарищи, выступающие здесь, не отказываются от того, что здесь есть часть мешанства, либеральничанья. Если мы все же протаскиваем эту мешанскую линию, то на нас также обрушатся. Такие произведения протаскивать нельзя. В книге даются типы коммунаров, которые боролись десятки лет, а теперь будто бы они ожирели. Тов. Павлов также старается замазать эту вещь, протаскать ее. Редактор говорит, что это — сатира. Взять, напр<имер>, произведения Д. Бедного, он тоже осмеивает, но, основыва-

ясы на фактах,— здесь мы этих фактов не видим. Здесь сатира ни на чем не основана. В произведении Платонова мы не видим колхозной борьбы, как борются за колхоз. Заключение: тов. Платонов в сво<ем> <пропуск в машинописи> Платоновым надо нянчиться и исправить вещь. Зачем это нужно. Мы уже 13 лет нянчимся, и ни к чему это не приводит. Надо сказать, что если хочешь работать, то работай честно и не продвигай враждебную линию. В решениях XVI партсъезда²⁷ упор ставится на восстановительный период. В этой вещи ничего не показано, здесь сплошная насмешка и издевательство под художественным соусом. Печатать эту рукопись не следует.

тов. Тарасевич²⁸. Сатира должна писаться на общеизвестные факты. Вот вам результат: товарищи сатиру приняли за чистую монету. Собранию было бы интересно заслушать биографию тов. Платонова. Произведение обычно говорит о социальном лице, но это произведение говорит не о здоровом социальном лице. Образы в произведении остроумны, это говорит за то, что автор их не подбирал,— они остроумны, но не чистоплотны. Выводы — нянчиться с ним не нужно. Прошло достаточно времени. Нужно дать задание Платонову — поменьше сатиры, а уж если давать ее, то ясную и четкую²⁹.

тов. Иткин³⁰. Я произведения не читал. У меня вопросы: как даны вожди колхоза,— по обрисовке образов — это стихия. Как будто в партии нет вождей. Сатира должна быть основана на фактах. В произведении все колхозники — стихия. Если бы солнце было показано по отношению к заводу — это было бы понятно. Впечатление получается такое, что этот человек проехал на аэроплане и на все смотрел с высоты.

тов. Белкин³¹. Я не согласен с оценкой, данной тов. Нестеровым. Прежде чем подходить к оценке произведения, нужно оценить труд писателя. Сколько времени и сколько силы было затрачено писателем? — а не говорить, что нечего нянчиться. Платонов пришел и чистосердечно заявил, что ему нужно помочь. Нам нужно ему помочь. Я согласен с т. Колесниковой, что это — сатира. Некоторые места непонятны, напр<имер>, автор говорит, что идет автомобиль по губительной дороге. Дорог нет губительных. Нужно дороги исправить,— это он осмысливает, может быть, этот момент имеет политическую подкладку. Безусловно, Платонову нужно помочь.

тов. Поволоцкая³². Эту рукопись я читала и имею определенное мнение. Во-первых, тов. Нестеров неправильно охарактеризовал, в каком роде защищают рукопись. Мы говорили, что в рукописи есть недостатки. Товарищи указали ряд их. Я могу указать еще и другие. Тов. Платонов не понимает, что перегибы получились в результате целого ряда неправильных информаций, которые шли на места, а он сваливает всю вину на директивы. Получается, что председатель колхоза направлен вышестоящими партийными организациями. Это перегиб. Это неправильная <...>³³

Печатается по машинописи: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 61, л. 1–12.

¹ Возможно, опечатка: имеются в виду литературные факультеты. После призыва ударников в литературу была поставлена задача в короткие сроки воспитать кадры пролетарских писателей из рабочей среды. В системе учебных заведений ОГИЗа важнейшее место было отведено литфакультетам. Через год после начала призыва (6 сентября 1931 г.) на

страницах газеты «Правда» директор ГИЗа и ОГИЗа РСФСР Арт. Халатов с удовлетворением отмечал: «Уже в текущем году вся система учебных заведений ОГИЗа охватила до 20000 человек учащихся против 5500 человек, обучавшихся в 1930 г. В предстоящем году надо это число еще значительно увеличить».

² *Черняк* Яков Захарович (псевд. Як Бенни) (1898–1955) — литературовед, критик. В 1929–1932 гг. — редактор отдела русской литературы издательства «Земля и фабрика», принимал активное участие в поездках по стране в составе писательских бригад; с 1940 г. — член Союза советских писателей. На заседании рабочего редсовета Черняк в целом поддержал Платонова, точно так же как за год до этого встал на сторону писателя в его непростом «диалоге» с Верой Стрельниковой. В РГАЛИ сохранился автограф и машинопись подготовленной статьи Черняка «Сатирический реализм Андрея Платонова», направленной против недобросовестного критика. Статья заканчивается так: «Даже комическое, даже “злое” в его повести звучит только под куполом нашей эпохи, только в круге наших идей и чаяний» (РГАЛИ, ф. 2208, оп. 2, ед. хр. 10). По всей видимости, Платонов рассчитывал на поддержку Черняка в публикации повести «Впрок». Летом он передал критику экземпляр машинописи с просьбой: «Тов. Черняк. Просьба прочитать эту небольшую рукопись. Я заинтересован в скорейшем решении вопроса об этой рукописи, т. е. мне желательно получить ответ в начале сентября. Ваш Андр. Платонов» (ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 31).

^{2а} Скорее всего, речь идет об «областных организационно-философских очерках» «Че-Че-О», опубликованных в 1928 г. в журнале «Новый мир» (соавтором был указан Б. Пильняк) и вызвавших резкий отклик критики.

³ В машинописи название отсутствует. Имеется в виду сборник «Происхождение мастера», вышедший в 1929 г. в издательстве «Федерация».

⁴ Речь идет о судьбе романа «Чевенгур», который был сверстан в 1930 г., однако опубликован так и не был.

⁵ В № 9 журнала «Октябрь» был напечатан рассказ «Усомнившийся Макар».

⁶ Публикация рассказа «Усомнившийся Макар» вызвала ожесточенную критику Л. Авербаха. Его статья «О целостных масштабах и частных Макарах» появилась в газете «Правда» (3 декабря), журналах «Октябрь» (№ 11) и «На литературном посту» (№ 21–22).

⁷ *Горелов* — член рабочего редсовета; в одном из протоколов говорит о себе: «Я моряк, я инструктором работал в тресте» (РГАЛИ, ф. 613, оп. 1, ед. хр. 82).

⁸ Абзац с характерным для советского критика способом цитирования. Надерганные из «Хроники» словосочетания, утратившие прежние смысловые и сюжетные связи, сложенные вместе, производят впечатление цельного отрывка из текста и «свидетельствуют» против его автора.

⁹ В машинописи стенограммы поставлен знак вопроса.

¹⁰ В машинописи стенограммы поставлен знак вопроса.

¹¹ В машинописи автор этих слов не указан.

¹² *Сац* Игорь Александрович (1903–1980) — критик, литературовед, переводчик.

¹³ *Павлов* <Дмитрий> — член рабочего редсовета, работник-ударник 5-й типографии Транспечати, сотрудник журнала «30 дней», автор книги «Бригада наборщиков», участник поездок в составе писательских бригад по промышленным центрам Союза. С 1929 г. входил в рабочий редсовет ГИЗа; в ГИХЛ был заведующим массовым сектором, председателем рабочего редсовета.

¹⁴ В 1929 г. в Берлине в издательстве «Петрополис» вышла повесть Б. А. Пильняка «Красное дерево». С конца августа 1929 г. и до апреля 1931 г. разворачивается широкая кампания

против Пильняка и Замятина, автора романа «Мы», напечатанного с сокращениями в пражском журнале осенью того же 1929 г.

¹⁵ Неустановленное лицо.

¹⁶ Колесникова Галина Алексеевна — редактор, член редколлегии журнала «Октябрь», член литературного совета ГИХЛ, автор книг «Кольванские коммунары» (М., 1930), «Своими силами. Коммуна “Молот”» (М., 1930), «Ударники социалистической стройки (двадцатипятидесятисычники)» (М., 1931).

¹⁷ Одна из задач рабочего редсовета — перевоспитание попутчика.

¹⁸ Ионов <П. И.> — рабочий с фабрики «Ява»; на праздновании годовщины рабочего редсовета был премирован как наиболее активный член организации. Работал в секторе переводной иностранной литературы.

¹⁹ В первой части заседания решался вопрос об объеме издания классиков в связи с нехваткой бумаги.

²⁰ При обследовании в 1923–1924 гг. рязанские земли заняли первое место в СССР по числу «отходников» (крестьян, уходящих на сторонние заработки). У 60% хозяйств главный источник дохода — отхожие промыслы. Причинами тому стали большая плотность населения и избыток рабочей силы (Колхозы рязанского округа. Рязань, 1930).

²¹ Комментарием к этому высказыванию рабочего критика могут служить данные экспедиции облздравотдела ЦЧО, опубликованные в книге «Колхозы ЦЧО в социально-гигиеническом отношении» (Воронеж, 1930): «Больше половины обследованных колодцев... находятся в соседстве с жильем, скотными дворами, конюшнями, нечистоплотными свалками... Крышки имеются только в 8 колодцах, 19 колодцев крышек не имеют. Будучи совершенно незащищены сверху, колодцы всегда подвергаются засорению уличной пылью и случайными предметами (мусор, кошки и т. п.)... Водопой скота... происходит непосредственно у колодцев» (с. 81–84).

²² С электричеством Платонов «знаком» был прекрасно: с 1919 г. он учился на электротехническом отделении железнодорожного техникума. С лета того же года Платонов состоял электриком на электрической станции в мастерских Юго-Восточных советских железных дорог. В 1921 г. вышла небольшая книжка Платонова «Электрификация». Платонов ставил различные эксперименты с электричеством, интересовался физическими законами, по которым тепло или сила речного течения превращаются в свет (см.: Ласунский О. Житель родного города: Воронежские годы Андрея Платонова. Воронеж, 1999). Его электротехнические изобретения созвучны эпохе: в конце 1929–1930 гг. проходит кампания за многосменное производство; ученые Москвы и Ленинграда работают над созданием «искусственного солнца» — специальных ультрафиолетовых ламп для освещения городов в ночное время суток.

²³ Рабочий критик явно не знаком с проблемой водоснабжения многих районов СССР, серьезно обсуждаемой в это время. В землеустроительном секторе Центрального дома специалистов сельского и лесного хозяйства регулярно заслушиваются доклады на эту тему. Так, 22 декабря 1929 г. на заседании сектора выступал В. А. Соловьев с докладом «Значение водно-мелиоративной базы для работников сплошной коллективизации в зоне недостаточного увлажнения» (см.: Специалист сельского хозяйства. 1930. № 1. С. 59). По результатам обследования рязанского округа, проведенного в мае 1930 г., было принято решение: «делу мелиорации в округе должно быть уделено максимум внимания, так как в настоящее время в нем насчитывается до 183 тыс. га неудобных земель...» (Колхозы рязанского округа. Рязань, 1930. С. IV).

²⁴ В конце мая 1930 г. вышел специальный циркуляр Колхозцентра «О борьбе с замкнутостью колхозов», в котором, в частности, говорилось: «Предлагаем обратить серьезное внимание на следующее явление, которое замечается за последнее время в различных районах (ЦЧО и др.), заключающееся в некоторой замкнутости вновь организованных колхозов. Замкнутость выражается в том, что колхозы отказываются принимать новых членов... Боязнь колхозников... объясняется тем, что увеличение количества членов колхоза, особенно из бедноты, уменьшит доходы колхозников» (Колхозно-кооперативное законодательство. Сб. директивных законодательных и ведомственных постановлений. М., 1931. С. 70–71).

²⁵ *Неверов Александр Сергеевич* (1886–1923) — писатель, автор известных в 1920-е гг. произведений: «Андрон Непутевый» (1922), «Гуси-лебеди» (1923), «Ташкент — город хлебный» (1923).

²⁶ Неустановленное лицо. В докладной записке 1931 г. с грифом «Секретно» о Нестерове сказано: «В настоящее время остается членом раб. редсовета т. Нестеров, выступления которого нередко звучат совершенно демагогически, и вопрос о его работе стоит на ближайшем заседании рабочего редсовета» (РГАЛИ, ф. 613, оп. 1, ед. хр. 79).

²⁷ XVI партсъезд проходил с 26 июня по 13 июля 1930 г.

²⁸ *Тарасевич Семен* — сверловщик-ударник завода «АМО», автор неоднократно переиздававшейся книги «Догоним» (1930). Рассказ «Мой станок» вошел в первый сборник «Рабочий призыв. Литературно-художественный сборник рабочих-ударников» (1931). В 1934 г. выпустил сборник рассказов «Похвала». Активный член рабочего редсовета, был выдвинут в секретариат ФОСП.

²⁹ Это выступление Тарасевича отмечнуто карандашом. Возможно, так Платонов выделил важный и для него, и для эпохи вопрос о сатире. На протяжении 1920-х гг. на фоне бурного расцвета сатирической литературы не умолкали споры критиков о сущности, назначении и роли сатиры в советском государстве. В начале марта 1930 г. в Политехническом музее проходит диспут о сатире, а в 1931 г. выходит очередной том «Литературной энциклопедии», в котором нашла отражение официально принятая концепция советской сатиры. Идея советской сатиры заключается в борьбе «против прямого своего классового врага». Но вполне вероятно, что карандашная отметка сделана другим лицом — присутствовавшим на заседании редсовета. Подобные отметки встречаются и в других протоколах заседаний редсоветов ГИХЛа.

³⁰ Неустановленное лицо.

³¹ *Белкин* — рабочий-ударник фабрики «Парижская коммуна». С 1929 г. входил в рабочий редсовет ГИЗа, стал одним из организаторов рабочего редсовета ГИХЛ.

³² *Поволоцкая Елена Валерьяновна* (1900–1962) — искусствовед, издательский работник, член ВКП(б) с 1920 г. Занималась изучением советского плаката (в соавторстве с М. Л. Иоффе написана книга «Тридцать лет Советского плаката». М.; Л., 1948). В ГИХЛ сначала работала старшим редактором по массовой серии, затем политредактором. В 1931 г. сектор кадров издательства дал Поволоцкой следующую характеристику: «Политически грамотный товарищ. Опытный редактор с большим стажем. Серия, которой она руководила, признана рабочей общественностью лучшей серией в политическо-редакционном отношении ГИХЛа» (РГАЛИ, ф. 613, оп. 1, ед. хр. 63).

³³ Окончание протокола отсутствует.

СЕМЕЙНАЯ ТРАГЕДИЯ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

(К ИСТОРИИ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ ПЛАТОНА ПЛАТОНОВА)

Статья и публикация Л. Суровой

Самыми черными в биографии Андрея Платонова стали не страницы его творческих «неудач» — постоянное бичевание его стиля и образного строя то рапповской, то просто верноподданнической критикой. Ни оскорбительная надпись рукой Сталина на публикации хроники «Впрок», ни обсуждение на совещании Союза писателей его рассказа «Среди животных и растений», похожее на судебное разбирательство, не нанесли Андрею Платонову такого сокрушительного удара, как сделал это арест его единственного и больше жизни любимого сына Платона, а по-семейному Тоши, Тотика.

Два года (1938–1940) писатель мужественно сражался с чиновниками НКВД, чтобы вызволить сына сначала из тюремных застенков, а затем из трудовых лагерей.

Андрей Платонов подавал прошения на имя наркома внутренних дел Н. И. Ежова и его заместителя М. П. Фриновского, на имя нового «временщика» Л. П. Берии. Умолял о заступничестве И. В. Сталина, требовал пересмотра дела сына у Генерального прокурора СССР М. И. Панкратьева. Доказывал невиновность Платона Председателю Верховного Суда СССР И. Т. Голякову, засыпал прошениями начальников тюрем, требуя разрешения на свидание с Тошей, на возможность передач. После пересмотра дела сына не забыл письменно отблагодарить прокурора. Пока нам доступны только черновики (автографы и машинопись) упомянутых писем. Оригиналы принадлежат архивам Верховного Суда и Прокуратуры и на данный момент недоступны. Дочь писателя, Мария Андреевна, ознакомилась с делом своего родного брата и, благодаря ее стараниям, у нас есть копии всех документов, отражающих картину следствия, а также переписанные Марией Андреевной протоколы допросов Платона. В рамках настоящей публикации нет возможности поместить полностью этот корпус документов, дело сына Платонова будет неоднократно цитироваться ниже. Помимо черников различных прошений публикуются письмо А. П. и М. А. Платоновых сыну и письма Тоши родителям с места отбывания наказания — из Норильлага, черновики телеграмм Платонова и составленная им справка о состоянии здоровья сына. В подаче материала соблюден хронологический порядок, позволяющий проследить этап за этапом, как шла неутомимая борьба писателя за освобождение сына.

Лагерь «наградил» Платона смертельной болезнью и с ней его родителям справиться не удалось. Эти трагические события подробно освещает внутрисемейная переписка, оставшаяся за рамками данной публикации.

Прошения Андрея Платонова и его жены в разные инстанции и на имя высокопоставленных особ, письма писателя к сыну, само следственное дело Платона и его письма род-

ным свидетельствуют о трагических обстоятельствах в жизни одной семьи, но молчат о причинах неожиданно разразившейся катастрофы. Остается лишь строить догадки.

Почти каждый, кто оставил об Андрее Платоновиче свои воспоминания, обмолвился, так или иначе, о причинах ареста его сына. У одних сохранилось в памяти, что Платона вместе с друзьями забрали на вечеринке, другие свидетельствовали, что сын-школьник собирался убить вождя, а третьи утверждали, что виной всему донос одноклассника, которому нравилась та же девочка, что и Платону. В 1994 г. Лев Разгон опубликовал статью «Отрок Платон». Под видом некоей сенсации он сообщал, что сидел с Тошей в одной тюремной камере и что сын писателя за короткий срок совместного пребывания в застенках НКВД поведал ему о себе и о причинах своего ареста: «Это был счастливый и несчастливый мальчик. Счастливый потому, что судьба наградила его красотой, любовью к музыке, приятным голосом, умением играть на гитаре, способностью рассказывать занятные истории, петь модные блатные песни и быть душой любой компании.

А несчастливый он был потому, что родился и вырос в бедной и неудачливой семье. Странноватый отец — писатель, со своей отчужденной от семьи жизнью. Случайные, но всегда литературные заработки, вечная нужда в доме, тяжкие запои. Сына любит, но кричит на него и не хочет понять, чего ему не хватает. А ему не хватает модной курточки, какие носят все ребята в округе; а ему не хватает хоть немного своих денег, чтобы не опускать глаза, когда вся компания расплачивается в кафе или ресторашке; ему даже своих папирос не хватает, и он должен делать вид, что только что выбросил опустевшую пачку...» (*Разгон Л.* Отрок Платон // Литературная газета. 1994. 1 июня. С. 12).

Смелая фантазия Разгона рисует картину преступления Платона. Случай будто бы столкнул юношу с немецким резидентом, и он за солидное вознаграждение согласился передавать все разговоры, ведшиеся в компании молодых военных летчиков из Военно-воздушной академии. Под маской немецкого резидента скрывался, разумеется, сотрудник НКВД, о чем наивный «отрок» не догадывался. Разгон бросил незаслуженное обвинение в адрес не только Тоши, но и Платонова, который, по его мнению, своим невниманием и непониманием толкнул сына на шпионаж в пользу немецкой контрразведки. Вскоре это облако клеветы было рассеяно в статье журналиста И. Кутиной и сотрудника архива ФСБ В. Гончарова. Версия ареста воспроизводилась со слов самого Платона, допрошенного следователем: «...поводом для ареста послужила история, начавшаяся на вечеринке в баре на Тверской. Платон с приятелем, студентом рабфака А., написали глупое письмо, адресованное жившему в том же доме, где и семья Платоновых, корреспонденту немецкой газеты, с которым ребята не только не были знакомы, но и фамилии его не знали. Иностранному журналисту предлагалось заплатить деньги в обмен на «интересы», которые, «безусловно, заинтересуют» получателя» (*Кутина И., Гончаров В.* Платонов. Прерванный полет // Московская правда. 2000. 21 янв. С. 8).

Итак, обычная юношеская бравада под действием алкоголя, с одной стороны, и удачный случай для органов НКВД, чтобы воспользоваться неожиданным компроматом на Андрея Платонова, с другой — вот те нехитрые рычажки, завертевшие механизм следствия и суда.

Платона арестовали 28 апреля 1938 г. «Мой сын был задержан при неизвестных для меня обстоятельствах», — свидетельствует Платонов в своем заявлении в НКВД от 4 мая 1938 г. Несколько дней Платоновы находились в полном неведении, куда пропал их сын, и терялись в догадках. Только 4 мая выяснилась причина исчезновения сына, когда пришел чекист с ордером на обыск (М. А. Платонова вспоминает, что их было несколько). Были изъяты детское духовое ружье, плоскоствольное охотничье ружье «Фроловка». Но, главное,

изъяли две рукописи, написанные рукою Платона: кинематографический сценарий «Наша любовь» и пьесу «Героиня». Платонов обращается с просьбой в НКВД вернуть рукописи, не принадлежащие сыну (*Шенталинский В.* Предисловие и комментарии // *Платонов А.* Технический роман. М., 1991. С. 41). Писатель объясняет, что приучал сына к грамотности, давая переписывать свои произведения. Но у чекистов были свои соображения на этот счет, и найденный ими сценарий неожиданно всплывает на допросе Платона, в его показаниях от 9 июня 1938 г.: «...числа 10 апреля этого года я в баре встретился с АРХИПОВЫМ Игорем. Незадолго до этого я направил в “Ленфильм” свой сценарий, который был мне возвращен с отрицательной оценкой. Этим актом я был озлоблен и рассказал об этом случае АРХИПОВУ. В дальнейшем мы говорили уже о политике советской власти в отношении искусства, а затем и о политике вообще» (Протокол допроса от 9 июня 1938 г. Дело № 19067. С. 11).

Первыми шагами Андрея Платоновича на пути к облегчению участи сына становится подробное изучение Уголовного кодекса. Во всех его заявлениях, куда бы он ни писал, звучит фраза о болезни арестованного: «троекратная трепанация черепа». Платонов пытается развить версию о влиянии нагноения в области уха на психику Платона. В Уголовном кодексе РСФСР, принятом в 1926 г., лица с нездоровой психикой выделены в особую категорию. Пункт 11 общих начал уголовной политики РСФСР гласил: «Меры социальной защиты судебно-исправительного характера не могут быть применяемы в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности, или в ином болезненном состоянии, если эти лица не могли отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими, а равно и в отношении тех лиц, которые хотя и действовали в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения приговора заболели душевной болезнью. К этим лицам могут быть применяемы лишь меры социальной защиты медицинского характера» (Уголовный кодекс с изменениями на 1 октября 1934 г. М., 1934). Следующий пункт тех же общих начал определяет возрастные рамки лиц, подвергаемых наказанию, т. е. тот самый пункт о несовершеннолетних, который должен был автоматически освободить Платона от наказания наравне с лицами, не достигшими определенного возраста.

До 1935 г. комиссии по делам несовершеннолетних помещали подростков от 14 до 16 лет в трудовые дома. Но в 1935 г. комиссии упразднили и несовершеннолетних поделили на малолетних и подростков с 14 до 16 лет. Итак, на Платона чиновники НКВД не смотрели как на ребенка и могли обращаться с ним пусть и не со всей строгостью, но с применением известных мер для получения нужных им для следствия результатов.

Только через 10 месяцев после ареста сына писатель получит первое письмо Платона с извещением, что он содержится в Вологодской тюрьме (см. документ № 8). До этого времени он будет склонен предполагать наихудшее: что его Тоша умер в тюрьме, а в лучшем случае сослан на Соловки, что, впрочем, почти одно и то же.

В недатированном черновике прошения, адресованного Прокурору Советского Союза, фигурируют именно Соловки; и Мария Александровна была готова отправиться туда, чтобы увидеться со своим мальчиком и передать ему одежду, обувь, белье. Но в марте 1939 г. она едет в Вологду и безуспешно обращается к областному прокурору, надеясь получить разрешение на свидание с сыном. Эта поездка была безрезультатной, и Тоша так и не увидел мать, не получил даже домашней посылки. Оказывается, Вологодское тюремное управление находилось в ведении Москвы, поэтому Платонов поспешил обратиться в Московское тюремное управление НКВД, чтобы главная центральная инстанция спустила вниз директиву и в Вологде услышали «голос» Москвы и дали разрешение на свидание сына и

матери. Но, в силу своей профессии, чиновники НКВД были не податливы ни на какие слезные просьбы.

Пытаясь освободить сына, Платонов, прежде всего, направляет в июне 1938 г. письмо на имя могущественного руководителя чекистов, Николая Ивановича Ежова. О Ежове мог рассказывать Платонову Михаил Шолохов, встречавшийся с наркомом в неформальной обстановке. Вероятно, Шолохов подал совет написать заявление Ежову, рассчитывая на быстрое освобождение сына Платонова, как этого удалось добиться автору «Тихого Дона» в случае с Петром Луговым.

Но отношения с Ежовым у Шолохова обострились уже осенью 1938 г. Вешенский район был взят НКВД под прицел, забирали обычных граждан и заставляли под пистолетным дулом подписывать ложные показания на Шолохова, будто бы тот «является руководителем повстанческих групп на Дону» (см.: *Луговой П. К. С кровью и потом. Из записок секретаря райкома партии. Ростов-на-Дону, 1991*). В конце концов, после высочайшей аудиенции у Сталина в конце октября 1938 г., похожей на очную ставку с Ежовым и его подчиненными, Шолохов сумел оправдаться в глазах вождя. Осведомленный прямо или косвенно в делах Шолохова, Платонов пишет в сентябре 1938 г. испуганное и приниженное заявление на имя Фриновского, заместителя Ежова: «отец арестованного» готов на исполнение любых условий, только бы облегчить участь сына.

Черновики прошений на имя Сталина составлялись Платоновым приблизительно в конце 1938 г. и в начале 1939 г. В секретном донесении, направленном в НКВД 1 апреля 1939 г., информируется: «ШОЛОХОВ обещал передать письмо тов. СТАЛИНУ и сам советовал, что писать; он говорил “прямо проси освобождения”. Ответа ПЛАТОНОВ не получил. Через 2 месяца ШОЛОХОВ приехал снова, удивился, почему нет ответа, и взялся передать еще одно письмо; кроме того, он обещался лично переговорить с тов. БЕРИЯ, которого уже однажды видел» (Андрей Платонов в документах ОГПУ-НКВД-НКГБ // *Страна философов, 2000. С. 864*). Не исключено, что к Сталину Платонов официально обращался раньше апреля 1939 г. Он делал наброски, пробовал то один вариант письма, то другой. Их тон выдает состояние крайнего отчаянья, в котором находился писатель, не получая весточки от сына. Даже в такой сложной ситуации Платонов сохраняет присутствие духа, в отличие от жены, которая, по его словам, находится на грани самоубийства. Когда Платонов утвердительно заявляет в прошении Сталину: «Я считаю, что если сын мой виновен, то я, его отец, виновен вдвое», — это не риторическая фраза с целью разжалобить, она говорит об осведомленности в том, какие постановления принимались Совнаркомом и ЦК относительно детей. В 1939 г. детскую беспризорность пытались предотвратить, привлекая к ответственности родителей:

«18. Предоставить право органам милиции штрафовать родителей в административном порядке в пределах до 200 рублей за озорство и уличное хулиганство детей.

19. Установить материальную ответственность родителей и опекунов за действия детей, причинившие материальный ущерб.

20. Обязать органы Наркомпроса и милиции доводить до сведения общественных организаций по месту работы родителей об отсутствии надзора со стороны родителей за поведением детей. <...>

22. В случаях, когда родители не обеспечивают надлежащего присмотра за поведением ребенка, органы Наркомпроса обязаны возбуждать вопрос перед судебными органами об изъятии ребенка от родителей и о помещении его в детский дом с оплатой стоимости содержания за счет родителей» (*Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1935 г. М., 1947. Вып. 32. Ст. 252. С. 503*).

Писатель, упоминая в письме Сталину об «основных законах и принципах Советской власти, обеспечивающих интересы детей», имел в виду как раз возможность замены наказания денежным штрафом.

Очевидно, что Платонов обращался к Сталину после своего знакомства с делом сына, т. к. он пользуется такими выражениями, как «политический изменник» и «враг народа». В прошении Фриновскому Платонов ссылается на А. А. Фадеева, который видел обвинительный приговор Тоши. Это подтверждает и секретное донесение от 1 апреля 1939 г.: «Андрей ПЛАТОНОВ после ареста своего 15-тилетнего сына долго не мог о нем ничего узнать. Единственный ответ, какой он косвенно получил (через А. А. Фадеева — ответ на заявление, адресованное Наркому Внутренних Дел) — что дело серьезное, но малолетство обвиняемого будет учтено» (Страна философов, 2000. С. 864).

По-видимому, секретные донесения НКВД о Платонове запаздывали со свежестью информации, кажется, что хронологически одно событие накладывается на другое, тем не менее, в них четко фиксируются все колебания настроений Платонова, угнетенного арестом сына. В том же донесении от 1 апреля 1939 г. говорится: «Сам Платонов значительно окреп и успокоился с тех пор, как получил известие о сыне и письмо от него из Вологды (почтовый ящик № 6). Последние 2 месяца Платонов ноет гораздо меньше, чем в предыдущий год <...> Почти все время проводит дома и старается всех от себя отжигивать. Хлопоты о сыне продолжает лично через прокуратуру СССР, где ему 9/1 обещают сообщить, в каких пределах он может просить о смягчении участи сына» (Страна философов, 2000. С. 865).

Изменения во внутренней политике СССР давали шаткую надежду семье Платоновых на освобождение их мальчика. В государственном аппарате произошли передвижения с целью успокоить растревоженных репрессиями советских граждан. Ежова сместили с поста наркома и 29 сентября 1938 г. НКВД передали в ведение Л. П. Берии. Планы на репрессии и расстрелы выполнили и перевыполнили, поэтому Политбюро утвердило строго секретное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» (17 ноября 1938 г.). Теперь ликвидировались «тройки», возлагалась ответственность за неправильный арест и на прокурора, дающего на него свою санкцию. Была создана видимость сокращения репрессий, заслуги по якобы устранению несправедливости приписывали Берии, на имя которого Платоновым составляется прошение 13 июня 1939 г. от лица Марии Александровны. Обращаясь к новому Наркому внутренних дел, писатель и его жена полагают, что их сын заключен в Вологодской тюрьме, и тон их прошения обнаруживает какую-то уверенность.

В донесении от 5 октября 1939 г. зафиксирован новый приступ тревоги и отчаянья Платонова, узнавшего, что его сын на Соловках. После того, как Платонов начал переписываться с Тошей, когда тот находился еще в Вологде, Соловки не воспринимались, как действительная угроза. Тем не менее, именно Соловки возникли, как серьезная опасность перед Платоновыми, когда с апреля 1939 г. они перестали получать письма от сына.

Они волнуются и запрашивают НКВД: где Платон Платонов? Им отвечают, что их сын переведен в Соловецкую тюрьму. Произошла путаница, Платон, как и положено, следует в Норильлаг, а его родители, только-только обретшие относительное спокойствие, вновь терзаются по вине чиновников. Платонов хватался за собратьев по перу, умоляя помочь, хлопотать о Тоше. М. Шолохов, А. Фадеев и В. Шкловский так или иначе откликнулись на просьбы Платонова. Если доверять секретным сводкам, Шкловский будто бы разговаривал с А. Я. Вышинским, тем страшным человеком, который на посту Генерального Прокурора страны (1935–1939) озвучивал для заграницы внутреннюю политику СССР и освещал в многочисленных брошюрах ход борьбы с предателями и шпионами (см.: Инквизитор. Ста-

линский прокурор Вышинский: Сборник. М., 1992). Секретарь правления Союза писателей Фадеев также ходатайствовал за сына Платонова, добиваясь, наряду с Шолоховым, пересмотра дела Платона. Сохранилась записка, переданная Платоновым Фадееву, находившемуся в тот момент, вероятно, на очередном заседании правления ССП:

«Александр!

Я хочу только спросить, передал ты или нет мое письмо Панкратьеву и что он сказал, когда я могу с ним говорить! Я тебя здесь дожидаюсь.

Твой А. Платонов. 10/VIII 39 г.» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 429, л. 111).

Поверх записки Платонова рукой Фадеева начертана резолюция: «Позвонить Платонову, что письмо прислал в сопровождении своего сотрудника и 16-го буду узнавать, сможет ли прокурор принять Платонова».

Не полагаясь исключительно на заступничество влиятельных писателей, Андрей Платонов предпринимает самостоятельные шаги, пытается облегчить участь сына. Во время Тошиного ареста и ссылки родители писали ему не однажды, но сохранилось лишь одно их совместное письмо. «Дело твое помаленьку продвигается,— утешает Платонов сына,— и по нашему мнению — успешно. Но только — медленно, и когда оно закончится, т. е. приведет к окончательному и положительному результату — мы с матерью сказать сейчас не можем» (см. документ № 14). Любящий отец не мог надеяться исключительно на других, пребывая в бездействии. В донесении НКВД от 1 апреля 1939 г. о Платонове сообщается: «Хлопоты о сыне продолжает лично через прокуратуру СССР» (Страна философов, 2000. С. 865). Через полтора года после ареста Платона его отец, наконец, получает доступ к материалам следствия. Вероятно, это случилось уже тогда, когда Платон, этапированный в Норильлаг, прибыл на место отбывания наказания, предположительно в начале осени 1939 г. Реакцию Андрея Платоновича на те документы, которые ему предоставили в Верховном Суде, обнаруживает манера чернового письма Прокурору. Написано с достоинством, с обидой на несправедливость, горячо и резко. Платонов уже сделал для себя определенные выводы: его сын оговорен, использован, стал жертвой гнусной провокации. Настоящее расследование дела Платонов произведет, составляя прошение на имя Председателя Верховного Суда тов. Голякова. В фонде Платонова находится беловое прошение (машинопись и автограф) и его черновик, представляющий особый интерес своими вычеркнутыми фразами, исключенными подробностями. На клочке бумаги писатель также выписал фамилии товарищей Игоря Архипова, вместе с которым Платон, якобы, формировал фашистскую организацию, готовил заговор против Советского правительства и составлял письмо немецкому журналисту. Молодые люди, друзья Архипова, вызывались в суд, но не понесли наказания. Они, по убеждению Платонова, и погубили его сына тем, что, во-первых, поили спиртным и довели до преступления, во-вторых, тем, что давали показания не в пользу Платона. В записных книжках писателя среди адресов и телефонов есть и телефоны некоторых из них (Записные книжки. С. 211, 214).

Итак, главная улика против сына, злополучное письмо, сочинено самостоятельно. Выявив настоящих участников «преступления», Платонов переходит к обвинению самих карательных органов. Несовершеннолетнему подростку на допросе навязали понятие «моральное разложение». В домашней обстановке — приватной беседе — писатель, по сводкам НКВД, критиковал советское уголовное законодательство (Страна философов, 2000. С. 865). И здесь, в прошении, он бросает упрек: «Достаточно простого житейского опыта, чтобы опровергнуть такое положение о разложении, принятое следователем очевидно всерьез. Надо же понимать точно, что в действительности означает полное моральное разложение; и у

кого, по каким причинам оно может быть, а у кого не может, даже если бы человек сам сознавался в этом» (см. документ № 19).

Расспрашивая родителей Игоря Архипова о возрасте и личных качествах его друзей, заноса их телефоны и адреса в свою записную книжку, Платонов не считал этих взрослых и опытных людей настоящими виновниками осуждения Тоши на 10 лет лагерей. В донесениях НКВД сообщается о негодовании писателя лишь на одного смещенного Наркома внутренних дел — на Н. И. Ежова. Но в обращении к Панкратьеву он обличает весь чиновничий аппарат НКВД. Несомненно, Платонов подозревал, что его сына заставили говорить несвойственные для несовершеннолетнего фразы о своем моральном разложении. К тому же вину Платона пытались усугубить, припомнив его прежнюю судимость. Черновик прошения его отца с предельной простотой и в деталях дает представление о мотивах прошлого преступления: соучастие в краже пишущей машинки и часов. В беловом, набранном на машинке прошении рассказ о голодном пареньке, нуждающемся в деньгах на поездку к отцу, которому Тоша подвернулся в нужный момент, в момент кражи, — эти трогательные подробности заменены кратким определением поступка сына — рыцарство.

Картину преступления и ведение следствия Андрей Платонович толкует со свойственной ему прямоотой, употребляя резкие слова. Он находится в своей писательской стихии, набрасывая психологический портрет сына. На фоне Тошиного мальчишеского бескорытия и доверчивости в соединении с трудным возрастом Платонов рисует коварство старших товарищей и тупость, бесчеловечность следователей.

Еще раз свою точку зрения на дело сына с некоторыми вариациями и дополнениями писатель изложил в письме прокурору М. И. Панкратьеву от 28 декабря 1939 г., когда приговор, вынесенный Платону, был отменен. Как глубоко обиженный несправедливостью человек Платонов почти требует, по пунктам ставит условия: так и звучит настойчивое «не должен». Его сын не должен лишиться элементарных гражданских прав: ни права учиться, ни права пойти в Красную армию, ни возможности жить с родителями.

Как и у каждой истории, переданной языком официальных документов, существует лишь местами просвечивающая сквозь них сокровенная сторона жизни, так и сквозь публикуемые прошения и письма из архива А. П. Платонова, связанные со следствием по делу его сына, проглядывает главный герой этой невыдуманной повести — Платон Платонов. Родился он в городе Воронеже 25 сентября 1922 г. Его зарегистрировали в книгу записей рождения: отец — служащий, мать — студентка, первый ребенок в молодой семье. В шесть лет мальчик переболел скарлатиной и корью, что не обошлось для него без осложнений: ему удаляли гной за левым ухом. В следственное дело Платона вложена выписка из операционного журнала. Вторичной операции Платон подвергнулся в 1930 и 1931 гг., но в архиве клиники никаких о том записей не сохранилось.

Письма Платонова из Туркмении к жене и сыну — это свидетельство не только постоянной заботы писателя о семье, тоски без сына, без живого общения с ним. В письмах 1935 г. из Ашхабада рассыпаны наставления, которые отец дает сыну и по ним складывается мозаичный, но все же портрет мальчика тринадцати лет. Похож ли он на обычного советского школьника? Наверное, не совсем. Отец очень обеспокоен тем, как бы развлечь сына, и считает, что лучшим средством занять мальчика будет патефон. На патефон Платонов подавал в Литфонд заявку. Но, возможно, патефоном хотели удержать сына дома. Маль-

чик рос, несмотря на перенесенные операции, крепким. В его следственном деле сказано о неоднократных побегах из дома. В письмах отец просил сына не драться с матерью и за послушание обещал наградить его небывалым подарком, сулил десять дней подряд ходить с ним в кино. В разлуке Платонов размышляет над судьбой Тоши и делает предостережение: «Я беспокоюсь за Тотика, как бы он чего не нашалил такого, что принесет и ему и нам несчастье. Тотик! Говорю тебе издалека, серьезно, слушайся мать и брось баловаться, пока я не приеду» (открытка от 16 янв. 1935, Ак-Булак; см. наст. изд. С. 515).

По-видимому, Платонов замечал в характере сына нечто такое, что могло принести Платону много бед. «Береги нашего единственного храброго смельчака»,— такое обращение к жене в одном из туркменских писем может навести на размышления о некоторой вине и самого Платона в том, что с ним случилось. Мальчик привык получать деньги из родительского кармана и даже упрекал, судя по тем же туркменским письмам, в том, что не нашел обещанного п-ного количества рублей в конверте. Как легко ему доставались эти деньги, так же бестолково они и тратились. Платон обладал сострадательным сердцем и делал широкие жесты: кормил своего голодавшего товарища, а затем содействовал ему в краже, в той самой, за которую получил год условно.

Разбрасываясь деньгами и душевной щедростью, этот подросток, почти юноша, не щадил и своей жизни. Умудренный лагерным опытом, уже на свободе, он сознается в одном из писем отцу: «Прошу, папа, извинения, что первый раз за время нашей разлуки пишу нитиканское <sic> письмо. Я жить не могу в Уфе. Не могу, потому что я еще не успел снова разлюбить Москву после двух-с-половиной годичной разлуки. Мне хочется по-прежнему ходить по тем улицам, какие они были, когда я был мальчиком. У других людей, молодых, вся веселая юность прошла в Москве, в то время, когда мне приходилось кайлить уголь в Норильске. Они под музыку танцевали. Я ночью в штреке рубил и нагружал уголь в вагонетки. Они в веселом, светлом зале смеялись, и им было приятно там находиться. Папа, я люблю Москву, даже если она не та, не веселая, я буду любить ее по воспоминаниям детства, хотя тогда я не понимал жизни, бросался ею. Я дорого, очень дорого, заплатил за это» (письмо Платона от 17 авг. 1942 // ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 48, л. 20–21).

Протокол допроса от 9 июня 1938 г., на основе которого было предъявлено обвинение Платону Андреевичу Платонову, уже в такой подробности, как возраст подсудимого, извращает настоящее положение дел. Тоше надбавили два лишних года и тем самым считали его как бы семнадцатилетним. Нет сомнения, документ сочинен одним из чиновников НКВД. Платон, согласно этому выдуманному допросу, заявил о себе: «С 14 лет я стал выпивать, курить и увлекаться женщинами». Первая условная судимость подростка истолкована как преступление (кража) с целью достать деньги на кутежи: ежемесячные 100–150 рублей от родителей перестали удовлетворять якобы морально разложившегося подростка. По логике чиновников НКВД именно такое поведение Платона должно было бы привести его на путь контрреволюционной деятельности. Согласно допросу, Тоша решил создать фашистскую молодежную организацию и вовлек в это опасное предприятие своего товарища Игоря Архипова, который, в свою очередь, наwerbовал еще несколько человек. Их фамилии Платонов узнал от родителей Игоря Архипова; этим молодым людям от 21 до 25 лет писатель предъявлял обвинение в разращении своего сына. Но вина их была особого рода. Они, вероятно, согласились дать ложные показания.

Когда Платонов, наконец-то, получил доступ к следственному делу сына, он, кажется, на некоторое время поверил Тошиным ответам на допросе. Убедительно звучало особенно

то, как его мальчик рассказывал о причинах недовольства советской властью: «На меня повлияли процессы правых троцкистов. Я в нашей печати читал отзывы иностранной прессы и воспринял эти отзывы с антисоветской точки зрения. Повлияли на меня также аресты многих людей» («Протокол допроса обвиняемого ПЛАТОНОВА, Платона Андреевича» от 9 июня 1938 г.; дело № 19067. С. 13). В свою записную книжку писатель занес высказывание, относящееся, вероятно, непосредственно к его раздумьям над поступком сына: «Его обвинили, он был невинен. Чтобы отделаться, он вспомнил пьесу, написанную 300 лет назад, где были лорды и пр., — и повторил всю ситуацию пьесы, признав, что он дружил с лордами и т. д.» (Записные книжки. С. 213).

Может быть, это «про себя», наедине с бумагой, Платонов не исключает, что его Тотик «попал в историю» из-за какой-нибудь своей неосторожной выходки. Тем, чьи детство и юность выпали на 1930-е годы, и особенно на их вторую половину, пришлось испытать на себе сильнейшее давление, почти массированную атаку со стороны печати и своих старших политически образованных наставников. В пионерских журналах и газетах освещались специально для детей процессы над троцкистами, объявленными пособниками шпионов и диверсантов. В молодые головы вбивались печатные слова: «Троцкистские бандиты, прямые агенты фашистов, по указке своих хозяев пытались восстановить капитализм в нашей стране, пытались надеть ярмо на шею рабочего и крестьянина» (Во главе советского народа. Пионерам с пленума ЦК ВКП(б) // Ленинские внучата. 1937. 18–22 марта). Со всех сторон слышались призывы к бдительности. Сначала печатали фамилии не желавших «разоблачить» своих родственников, отцов, матерей, братьев, сестер и т. д. Затем следовали аресты и даже расстрелы.

Вал репрессий прокатился по совсем юным, только начавшимся жизням. Жертвами становились школьники, вузовцы, учащиеся техникумов. Кого приговаривали к 8 годам ИТЛ, кого ставили к стенке (см.: *Самосудов В. М.* Воспитание молодежи 30-х годов жестокостью сталинского режима // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность». Ежегодник. Вып. 2. Сборник научных трудов. Кн. 1. Исторические исследования. Омск, 1998. С. 159). Чекисты, не уставая, раскрывали по всей стране молодежные объединения самой разной направленности, в самых разных учебных заведениях, в городах и колхозах. Школьники г. Куйбышева вполне безобидно хотели поднять успеваемость и с этой целью составили свою группу, форму пионерской организации они считали не состоятельной к выполнению такой задачи. В Киеве комсомольцы учредили «Союз мыслящей интеллигенции», претендовали на более строгое следование заветам Ленина, чем сами высшие органы власти. Донецкие студенты собирались, чтобы покритиковать политику партии. «Истинные коммунисты» Киргизии были настроены против политики правительства в отношении рабочих. Ученики средней школы Иркутской области будто бы даже призывали рабочих отстаивать свои права и назвали свой кружок «Союз революционной борьбы». Костромские юноши ради шутки выдумывали республику независимых парт и выбирали своего президента и комиссара иностранных дел. А сколько было столичных, и не только, мальчиков и девочек, игравших в «белых» и «красных» и подражавших героям фильма «Чапаев». Но кроме организаций с политической основой чекисты обнаружили и такие, которые вполне подходили под определение «малин» и «шаек». В иных молодые силы тратились на кутежи и разврат. Это уже было несопоставимо с критикой советской власти, а попадало в разряд хулиганства и нарушения общественных норм. «Оболюб» (Общество любителей выпить и закусить), «Девиз» (Девочки, вино, закуски) расценивались как контрреволюционные, потому что освобождали молодежь от «влияния комсомола и общественных организаций». Но часто сами

же комсомольские вожаки поддерживали вечеринки с танцами и выпивкой (см.: *Путтершпорн, Габор Т.* Формы общественного обихода молодежи и установки советского режима в предвоенное десятилетие // *Нормы и ценности повседневной жизни в России 1920–1930-е.* Сб. статей. СПб., 2000). Официально чистка в комсомоле началась после 21 июля 1937 г., когда Сталин вызвал Генерального секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Косарева и объявил, что в комсомоле «орудуют» враги народа и необходимо принять меры по их выкорчевыванию. Сведения о «контрреволюционных» молодежных, т. е. не пионерских и комсомольских, организациях, собранные органами НКВД, должны рассматриваться в свете того страшного времени. Нельзя принимать за чистую монету обвинения, предъявляемые сотне тысяч молодых людей (Россия. XX век. История России. 1917–1940. Челябинск, 1994. С. 299–300). Чекисты специализировались на сочинительстве доносов от лица обвиняемого, просто давали подписать грубо и дешево состряпанную ложь. Отличается «богатой» фантазией и обвинительное заключение по делу Платона Платонова (№ 19067). Заканчивается оно так: «При обсуждении методов борьбы с советской властью АРХИПОВ предложил также заразить водохранилище гор. Москвы холерными и тифозными бактериями. Для исполнения этого предполагалась вербовка в организацию врача-бактериолога и устройство своего человека на фильтр» (Обвинительное заключение от 7 июня 1938 г.).

На допросе 25 сентября 1940 г. Платон Платонов заявил, что в 1938 г. следователь угрожал ему: если сочиненные обвинения не будут подписаны юношей, то пострадают его родители. Так сын Платонова попал в Норильлаг. Основной уликой для обвинения послужили два письма, написанные Платоном немецкому корреспонденту, жившему на Тверской, 25, там же, где и Платоновы. На допросе в 1940 г. Платон отвечает на предлагаемые вопросы об этих письмах: он не помнит их содержания, т. к. писал их в нетрезвом состоянии под диктовку Архипова в женской уборной в баре на Тверской. В чем бы ни обвиняли Платона, он уверенно ссылается на свое беспамятство, произошедшее вследствие обострения старой ушной болезни. Нет уверенности, что и этот допрос не был придуман ловкими следователями, которым спустили сверху задание составить уже оправдательный, а не обвинительный документ. В 1938 г. юноше предъявили обвинение по статьям 58-1а, 17-58-8, 58-7 УК РСФСР. Допрос 1940 г. не снимал вины с Платона, наказание смягчили. Оставили одну статью 58-10 УК РСФСР, а отсиденный в лагере срок засчитали как меру пресечения.

Не найдена истинная причина ареста сына Платонова. Может быть, это было хулиганство, юношеская бравада, желание чем-нибудь выказать себя перед более взрослыми товарищами, шутка и т. п., может быть, это был донос, метивший в самого А. Платонова. Мария Александровна вспоминала, что Платонов, будто бы взглянув на главную улику в деле сына — письма, узнал руку И. Саца. Так или иначе, судебный процесс перевернул жизнь Платона, выявил в нем те качества, какие воспитывал в нем отец.

Первое, что предпринимает юноша, прошедший тюрьмы и ссылки, — он поступает в университет марксизма-ленинизма при МГК ВКП(б). Срок обучения: со 2 декабря 1940 по 1 июля 1941 г. Вероятно, учение он бросил, решив устроить сначала свою личную жизнь: он женится на Тамаре Григорьевне Тарновецкой и уезжает с юной женой в поселок Астасховка, где строительством цементного завода руководил отец Тамары. Платон определяется на должность ответственного исполнителя по снабжению с окладом 600 рублей, а его жена — техником-нормировщиком. В письме от 17 августа 1941 г. он сообщает, что поступил в Карагандинский учительский институт на заочное отделение литературного факультета. Приняли Платона без испытаний (после окончания первого курса университета марксизма-ленинизма можно было перейти на второй курс любого гуманитарного вуза). Хотя Платон

и выбирает стезю гуманитария, но высказывает в одном из писем желание получить юридическое образование. Перенесенные Платоном испытания вызвали в нем невероятное стремление стать «культурным, образованным парнем, несмотря на всю эту кутерьму». Телеграфируя родителям о свертывании стройки в связи с началом войны, он просит похлопотать о выезде в Москву: ему важно немедленно по приезду в столицу вновь устроиться в учебное заведение, о чем он просит позаботиться прежде всего. Окончание строительства завода совпало с обострением застарелого недуга, которым Платон был награжден в период ссылки. В письме от 13 января 1942 г. он сообщает, что в армию не годен по состоянию здоровья: теперь нужно быть холостяком, питаться жирами, работать по режиму. Вскоре последует лечение в санатории близ Уфы, окончательное угасание в московской больнице и смерть в начале 1943 г.

Родители не заметили у вернувшегося из заключения сына признаков опасной болезни, ничего не нашли и врачи. Сам Платон жаловался на гастрит. На эти жалобы все же стоило обратить внимание, т. к. за ними вырастает целая эпопея о лагерных мытарствах.

В отчете одного из многочисленных лагерных врачей Соломона Генриховича Брауна, назначенного курировать колонну заключенных, содержатся точные подробности о том, что ожидало людей, прибывших на место отбывания срока: «Ни одного достроенного жилого и коммунального строения не было. Первый этап заключенных поместили в барак № 1, в котором нары полностью достроены не были, окна были не застеклены, печей не было. Последующие этапы поместили в бараки №№ 1, 2 и 3, из которых в двух последних не было ни нар, ни печей, ни застекленных окон, только стены, крыша и пол — были. К этому времени списочный состав заключенных колонны достиг 1200 человек, а вместимость этих трех барakov была до 750–800 человек нормально. Ввиду такого большого количества заключенных и малой вместимости барakov, люди спали на нарах, на полу, а многие и просто сидя. Скученность людей в бараках была ужасная. За отсутствием дневного и ночного освещения в бараках была сплошная темнота и грязь. Люди спали на полу в мокрой одежде и обуви, т. к. сушилок для просушки одежды еще нет и до сего времени. В бараках по ночам было холодно и сыро» (Годы террора: Сборник. Т. 1. Пермь, 1998. С. 296–297). Приблизительно в подобных условиях, наверное, оказался и Платон, прибывший в Норильск где-то в начале осени. Вполне можно предположить, что осень выдалась дождливой, как и та, о которой рассказывает Браун. И Платон, в мокрой одежде, спал в сыром бараке, а наутро шел работать под холодным ветром. Согреться хотя бы от горячей пищи тоже было нельзя, т. к. похлебку давали уже остывшей. Вши воспринимались как неизбежность, а баня — как роскошь. Люди поголовно стали страдать профузным кровавым поносом. Назначенный врач, в ведении которого не было ни стационара, ни медпункта, вынужден носить медикаменты в карманах.

Нигде в письмах Платона не найти и следа от перенесенных лагерных испытаний. Но то, что они были — это несомненно. Недаром в письмах из Норильска он просит об одежде, деньги удавалось получать, были трудности с вещевыми посылками. Даже в Москве, в Бутырской тюрьме, на доследовании (сентябрь 1940 г.) Платон лишен возможности переодеться в сносное платье. И ему — очень, по-видимому, гордому юноше — приходится признаться в заявлении к следователю: «моя обувь и верхняя и нижняя одежда настолько изнасились, что мне придется, идя к Вам на допрос, предварительно обернуться одеялом» (см. опубликованные В. Шенталинским материалы дела Платона Платонова из архивов НКВД/КГБ: *Платонов А. Технический роман. М., 1991. С. 43*).

Тридцать лет спустя после трагических событий М. А. Платонова вспоминала, как ее сын ходил по двору Бутырской тюрьмы в одних чулках, обернувшись одеялом, о чем ей

рассказывал матрос, несколькими неделями ранее Платона выпущенный на свободу. А в 1942 г. она вдруг на московском рынке увидела ту самую рубашку, в которой ее сын был арестован и которую она купила случайно, и во всей Москве такая была одна. Красную шерстяную рубашку, испанскую, теперь носил какой-то мужчина. Мария Александровна попыталась узнать у него, где он взял эту вещь, но тот скрылся.

Вернувшись домой, Платон не таил от родителей, чем встретили его тюрьма и лагерь. Письма перлюстрировались, и поэтому в них писалось только дозволенное. Вологодская тюрьма чуть не погубила юношу, там его заперли в карцер на двадцать дней за непослушание: вылил баланду на пол. А Платон в таком безнадежном положении выдумал приручить крысу, делясь с ней крохами хлеба, единственной пищей, даваемой в карцере. Мария Александровна была уверена, что ее сын терпел жестокое наказание как раз в то время, когда она приехала в Вологду и безрезультатно бродила вокруг тюрьмы и громко звала Платона, кричала от безысходности. Будто бы ее стоны услышал охранник, выведивший сына в уборную. Платон не умер благодаря хлебу, который охранник прятал для него за пазухой. В Вологде юноша переболел цингой и уверял, что к здоровым людям специально подсаживали в камеры туберкулезников с тяжелой формой болезни.

В памяти М. А. Платоновой остался другой эпизод из лагерной жизни Платона. В Норильске слабого юношу определили в шахту, выполнять норму не удавалось. Хотя какой-то паек ему полагался. Но и тот отнимали уголовники. Мария Александровна запомнила рассказ Платона о драке с уголовником из-за пайка. «Доходяга» Платон, доведенный до истощения постоянным недоеданием, из последних сил одолел того, кто напал на него, окровавил этому человеку лицо. Кучка уголовников наблюдала за дракой, не вмешиваясь. После этого случая Платона оставили в покое, и никто не покушался на его скудное питание.

Тяжким испытанием для ослабленного юноши должна была стать полярная зима. Родители понимали это, наверное, лучше Платона и пытались вызволить его из отдаленных мест заключения до наступления полярной ночи. Но сценарий, продуманный органами НКВД, не подлежал изменению. По материалам следствия видна вполне определенная картина. Сухой язык протоколов не позволяет ошибиться:

23.09.1938 — Верховная Коллегия Верховного Суда приговорила Платона Платонова к 10 годам ИТЛ.

10.12.1939 — по протесту Прокурора СССР приговор отменен и дело возвращено на доследование. Обратили внимание на имеющиеся в деле медицинские документы и по ним заключили, что арестованный не был психически полноценным, но когда шло следствие, на это не обратили внимания.

20 марта 1940 г. дело П. А. Платонова направлено на доследование, а самого Платона немедленно этапировали из лагерей в Бутырскую тюрьму.

По черновикам телеграмм, набросанным Андреем Платоновым очень хаотично, в спешке, и поэтому трудночитаемым, понятно, что сам писатель и его жена ждали сына еще в 1939 г. Озабоченный тем, как сын доберется зимним путем до Красноярска, Андрей Платонович советует ему не торопиться и переждать холодá в Дудинке, довольно крупном населенном пункте близ Норильска, на квартире учительницы А. А. Васильевой, знакомой А. В. Кожевникова. Об этой замечательной учительнице, награжденной Орденом Трудового Красного знамени, Платоновы узнали через редакцию журнала «Дружные ребята», в которой работала Мария Александровна, помогая в формировании номеров. Для десятого номера этого журнала за 1939 г. Кожевников предоставил свой рассказ «За краем света», посвященный началу педагогической деятельности учительницы Васильевой, молоденькой

19-летней девушке, приехавшей в 1920 г. в Дудинку открывать начальную школу. Возможно, и сам Кожевников рекомендовал Платоновым свою новую знакомую, появившуюся у него после творческой командировки в Красноярск и Енисейск в 1938 г. (см. отчет Кожевникова перед правлением ССП; РГАЛИ, ф. 639, оп. 119, л. 88–94). Он же мог подбросить идею о послелагерной реабилитации Платона под присмотром чуткой женщины, сумевшей лаской убедить коренное население Севера в нужности образования. Кожевников в 1922 г. заведовал учебной частью московского детского приемника, в котором содержалось от 1000 до 1500 беспризорных (ф. 596, оп. 1, ед. 417, л. 3). Осведомленный в тонкостях детской психологии, в сложностях, возникающих у подростков в период становления личности, он был для Платонова и его жены незаменимым советчиком в том, как морально помочь Тоше пережить случившуюся с ним катастрофу.

Телеграмма Платонова сыну заканчивается преждевременным поздравлением с освобождением. Пока Платон работал в шахте и трезво рассуждал, что его так просто не отпустят, лишь сделают послабление и заменят меру наказания на более легкую,— в Москве родители после отмены приговора в декабре 1939 г., действительно, уже собирались покупать билет до Красноярска и лететь за сыном.

Мария Александровна ошибочно называла ноябрь 1939 г. как время освобождения ее сына. Будто бы по ходатайству Шолохова: после беседы депутата Верховного Совета со Сталиным последний вызвал к себе Берию, стучал кулаком и приказал немедленно освободить сына Андрея Платонова. Есть доля правды в легенде о «доброте» вождя. Правда, вероятно, здесь в том, что Шолохов добился пересмотра дела. Хотя секретные донесения НКВД приписывают заслуги в улучшении участи Платона его отцу. Страстное желание поскорее вернуть сына домой делало Марию Александровну нервной, на мужа сыпались упреки. Она и его заставила поверить, что их сын получил окончательное освобождение, поэтому и появился черновик поздравительной телеграммы сыну и черновик телеграммы, адресованной учительнице А. А. Васильевой, этот черновик не личное обращение к незнакомой женщине, а заготовка для телеграммы, которую должен был отправить в Дудинку Кожевников от своего имени.

В набросках книги о сыне Мария Александровна возвращалась от событий пребывания Платона в лагере к тому, как он исчез внезапно в конце апреля 1938 г. и как она везде искала его, даже в морге. Но вот пришли двое мужчин, женщина, с ними дворник и началась обыск. Среди вещей сына, взятых как вещественное доказательство, названа тетрадка стихов. Платон писал стихи до ареста, позднее увлекся прозой. Сохранился написанный им в феврале 1942 г. очерк «Путешествие по Енисею» о плавании на буксире «Эвенки» по маршруту полуостров Таймыр — Красноярск. Этим путем Платон возвращался из лагерей. Герой очерка, совершающий путешествие из Норильска до Большой земли, причисляет себя к исследователям Заполярья: палатки, занесенные снегом, спальные мешки и мечты молодых и здоровых людей о возвращении в родные места — в далекую Москву. Платон успел подружиться в лагере с пареньком, немногим его старше. Тоже москвичом, тоже с Тверской. С ним вдвоем он вспоминал на лагерных нарах о столичной жизни. А когда его этапировали вместе с другими заключенными обратно в Бутырки, вряд ли он воображал себя испытателем, первопроходцем, как это изобразил в очерке, спустя полтора-два года по возвращении домой.

Среди публикуемых нами документов, относящихся к делу сына Платонова, есть копия обращения к Прокуратуре СССР от группкома писателей. Чьи подписи стояли под этим

документом, пока не известно, т. к. его подлинник находится в архиве Прокуратуры. В той или иной форме семейной трагедии Платонова сопереживали друзья-писатели. Но, пожалуй, всецело разделять страдания Платонова мог только драматург и прозаик Николай Архипович Архипов (1881–1945).

Эта фамилия встречается не раз в материалах следствия; как уже говорилось, Платон показал, что антисоветскую организацию задумывал совместно с Игорем Николаевичем Архиповым, после допроса в показаниях Платона вся вина перекладывается на соучастника «преступления»: будто бы именно Игорь Архипов диктовал сыну Платонова письмо к немецкому корреспонденту. Из следственного дела об Архипове известны незначительные подробности: ему 18 лет, отец — писатель.

Единственное письмо Николая Архипова Платонову не оставляет сомнений в том, что семьи обоих писателей были дружны и продолжали поддерживать добрые отношения и после освобождения Платона. Архипов сообщал в письме от 19 апреля 1941 г. о заседании Президиума ССП, на котором обсуждался вопрос о злоупотреблениях работников театров своим служебным положением:

«Дорогой Андрей Платонович!

Вчера состоялось заседание Президиума Союза Писателей, на котором, по докладу Тренева, принято постановление о передаче в Прокуратуру всех дел, где авторами инсценировок и переводов являются работники театров.

Таким образом, теперь это не только постановление Комитета драматургов, но и руководящего органа Союза Писателей.

Жму руку. Привет Марии Александровне.

Ваш Ник. Архипов» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. 118).

У Платонова в архиве осталась выписка из протокола упомянутого заседания (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. 30). Архипов обладал обширным опытом в протаскивании пьес через театральную цензуру (Главрепертком) и предлагал свои услуги в этом деле собратьям по перу (см. письмо С. Н. Дурьлину от 3 июня 1931 г.; ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 422). Имея обширные и давние связи с театральной средой, Архипов мог быть полезен Платонову, пытавшемуся сотрудничать с московскими театрами. До 1911 г. Архипов жил в Петербурге, редактировал «Журнал для всех» и долгие годы гордился тем фактом, что с его помощью А. И. Куприн создал специально для журнала цикл очерков «Листригоны» (см.: Курортные известия. Ялта. 1937. 25 июня. № 25. С. 4). В Москве Архипов освоился настолько хорошо, что задумал открыть свой театр, приглашая к сотрудничеству друзей-писателей. Он пробовал также издавать собственный журнал; сблизившись с артистической богемой и московскими декадентами, стал завсегдатаем несколько эротического салона Любви Столицы. Именно на вечерах у этой поэтессы его часто встречала Н. Я. Сертинская, оставившая «Мемуары интеллигентки двух эпох», где дала портрет Архипова: «смуглый приземистый “малоросс”, с веселыми глазами, выдающейся чувственной нижней губой, за которую иногда заикающе западали его слова. С цепкими сильными руками, беллетрист, выпустивший несколько книг <...> оживленный, лукавый, как всегда» (РГАЛИ, ф. 1463, оп. 1, ед. хр. 9, л. 106, 121).

Сообразно своему типу личности Архипов избрал соответствующий драматургический жанр — комедию. Состоя с 1911 по 1930 гг. в Союзе драматических и музыкальных писателей, он был востребован, не прекращался спрос на его пьесы в столицах и провинции. По мнению критиков, Архипов обладал исключительной способностью угадывать вкусы публики (см.: Русские писатели. Т. 1. М., 1989. С. 112). Одобрительные отклики в газетах получи-

ла его комедия «Клад дворянина Собакина», созданная в 1927 г. специально для театра Мейерхольда. Но премьера пьесы прошла в театре «Аквариум» в постановке И. А. Донатова. О режиссерской работе Донатова Архипов неоднократно печатал рецензии в «Литературной газете». Вероятно, знакомство Платонова с Архиповым произошло при посредничестве Саца, следившего за театральной жизнью и знавшего тех, кто ее освещал.

В 1930 г. управление Драмсоюза пыталось привлечь Архипова к уголовной ответственности за незаконное получение денег из общественной кассы. Из судебного разбирательства в связи с этим случаем понятно, что в Драмсоюзе, точнее в его правлении, против Архипова выступила целая группа недоброжелателей. Предметом их зависти служила творческая активность драматурга, успевавшего и сочинять пьесы, и делать переводы, и писать рецензии, а главное, зарабатывавшего больше, чем положено (РГАЛИ, ф. 575, оп. 1, ед. хр. 32, л. 117).

Хотя с Архипова по суду взыскали определенную сумму, не возбудив дела, но из Драмсоюза его исключили, что повлияло отрицательно на его дальнейшую судьбу. В 1933 г. его исключают из ВССП и лишают, тем самым, средств к существованию (РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 294, л. 7–8). В печати ему продолжают ставить в вину различного рода фальсификации и обманы, с ним сводят мелкие счета. Он обращается в 1938 г. к К. А. Трениву за содействием, рассчитывая на его авторитет: «Я совершенно измучен Группкомом! Или пусть меня переведут в Группком № 1 (есть такой для “бедных”) или пусть исключат. *Но только бы оставили меня, наконец, в покое* (курсив наш.— Л. С.). Нервы у меня совершенно больные, жизнь моя по ряду причин крайне тяжела. И нет уже сил... Вы по заслугам взысканы судьбой (что “Любовь Яровая” — революционная классика, я знал до Боярского). И я вправе рассчитывать на Ваше благородство. Право же тяжело в 58 лет находиться в таком положении» (РГАЛИ, ф. 1398, оп. 2, ед. хр. 227, л. 1).

Архипов надеялся на Тренива как на влиятельную фигуру. Он искал способы освободить своего сына Игоря, поэтому заискивал перед Тренивым и, только когда сына не стало (см. комм. к документу № 19), он позволил себе язвительный тон по отношению к своему покровителю и одновременно подвел итоги: «Жизнь моя сложилась мрачно во всех отношениях — потеря сыновей, вероятно, определила весь последующий мрак. Мы с женой сиры и одиноки» (РГАЛИ, ф. 1398, оп. 2, ед. хр. 227, л. 5). Эти строки от 4 марта 1945 г. можно считать предсмертными.

Ни Архипов, ни Платонов практически в письмах не касались больной для них темы — ареста сыновей, и, если говорили об этом, то вскользь, намеками. Сохранилось письмо Платонова И. Сацу, относящееся к 1938 г. (30 авг.) и характеризующее отношение писателя к случившемуся в семье несчастью: «Больше всего я занят тем, что думаю — как бы помочь ему <сыну.— Л. С.> чем-нибудь, но не знаю чем. Сначала придумую, вижу, что — хорошо, а потом передумую и вижу, что я придумал глупость. И не знаю, что же делать дальше. Главное в том, что я знаю именно теперь, мне надо помочь Тошке (некому ему помочь кроме меня), как ты знаешь, и не знаю, чем же помочь реально — не для успокоения себя, а для него. Он болен уже пятый месяц и болен смертельно. Я не по-отцовски преувеличиваю, а говорю объективно. И посоветоваться мне не с кем. Вл. Бор. <Владимир Борисович Келлер.— Л. С.> занят своими делами. Ты ошибся, что я деликатничал. Дело хуже, Вл. Бор. расписывался до того, что даже наше детище остерегается редактировать. Я (и ты тем более) не обижаюсь на него. Что же делать? Пусть так будет. Я не хочу продолжать эту тему, п<отому> ч<то> у меня есть тема своя и более серьезная, и степень серьезности этой темы знает Вл. Бор., и все же тем более (тем более — для него) он не изменил своего решения.

Мне очень жалко. Но для меня, и для тебя, я думаю, тоже, это пустяки. <...> Выше я написал, что Тошка болен, м<ожет> б<ыть>, смертельно, и здесь нет преувеличения. Он действительно болен опасно для жизни. Я здоровый человек и не шучу в этих вещах» (ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 3, ед. хр. 41, л. 1, 2 об.).

Со стороны могло казаться, что Платонов пал духом, потерял интерес к жизни, что время для него остановилось с мая 1938 г. Приведем отрывок из дневника А. И. Вьюркова от 18 марта 1940 г.: «От него, Демьяна Бедного, пошел к Платонову. 22 обещали вернуть сына. Станный он человек! Как будто вся наша жизнь проходит мимо его, как длинная процессия. И он ждет, когда она пройдет. Ни разу он не заговорил о ней. Не порадовался, не повосхищался. Стоит человек вне. И скучно, скучно ему от всей сутолоки. Стало тоскливо и мне. И пошел от него скорее домой» (РГАЛИ, ф. 1452, оп. 1, ед. хр. 47).

Иное впечатление создается о силе духа Платонова, когда смотришь на обилие заключенных им договоров в период с 1938 по 1940 гг. с издательствами («Советский писатель», «Индустрия», «Художественная литература», ДЕТИЗДАТ, Транспортное железнодорожное изд-во), с Центральным Детским театром, с киностудиями «Мосфильм» и «Союздетфильм» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 15, ед. хр. 22, л. 4–5). Он занят неутомимой генерацией новых и новых идей. Это объясняется и тем, что его лишили возможности переиздавать свои произведения после обрушившейся на него в 1937 г. критики А. Гурвича, и тем, что только денежные переводы доходили до Платона, по неписаному закону не имевшего права на вещевую передачу.

Платонов в конце 1930-х гг. известен читателю больше как рецензент, даже в деле Платона о профессиональной принадлежности его отца сказано: литературный критик. В 1938 г. в журналах «Литературный критик» и «Литературное обозрение» было помещено 15 его рецензий, в 1939 г. их число уменьшилось до 9, а в 1940 г. появилось 14. В соотношении с опубликованной прозой это значительные цифры (опубликованы в 1938 г.: «Возвращение на родину», «Июльская гроза», «На крутом уклоне», «Ольга»; в 1939 г.: «Над Пиренеями», «По небу полуночи», «Родина электричества», «Свет жизни», «Гроза»; в 1940 г.: «Жизнь в семействе», «Мучение ребенка», «Старый механик», «Алтеркэ», «Июльская гроза»).

Перед войной Платонов брался за рецензирование новых детских книг; по приглашению Л. И. Гумилевского стал сотрудничать с журналом «Детская литература». Тема страдающего ребенка, сироты, лейтмотивом проходит через все платоновское творчество, но в рассказах о детях и для детей, написанных после ареста сына, она достигает своей наивысшей фазы развития, окрашенная личным чувством. Современники сразу подметили связь, существовавшую между трагическим событием в судьбе писателя и неожиданным поворотом темы «страдающий ребенок» в предвоенной прозе Платонова. На обсуждении 1941-го г. рассказов Платонова в редакции детских журналов главный докладчик, детский писатель С. Т. Григорьев, даривший Платонову свои книги, обронил следующее замечание обо всех опубликованных в журнале «Дружные ребята» рассказах («Июльская гроза», «Алтеркэ», «Ты кто?»): «Но я хочу обратить внимание,— тут как в клинику попадаешь. Меня поражает настойчивость, с которой к теме отцовства возвращается Платонов, к теме спасения сына. Тема эта, конечно, очень волнует, а в наши дни особенно. Человек последовательно в трех рассказах обращается к этой теме» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 474, л. 16).

Справедливость, верность догадок Григорьева сам Платонов подтвердил в дарственных надписях, оставленных им на своих книгах 1940–1943 гг. Здесь писатель говорит о постигшем его горе, которое усугубилось горем всенародным — войной. Приведем эти платоновские строки:

«Марии Александровне — сей жалкий подарок в воспоминание о тяжком 1940 годе и в надежде, что будущий год будет счастливее. Андрей. 30.12.40» (на «Июльской грозе», М.; Л.: ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ, 1940) (ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 5, ед. хр. 15);

«Моему сыну Платону — во время тяжелой войны, во время твоей тяжелой болезни — в знак нашей надежды на победу и твою долгую счастливую жизнь,— более счастливую, чем она прошла у отца.— Отец. Москва. 10.11.42» (на «Одухотворенных людях», М.: Молодая гвардия, 1942) (ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 5, ед. хр. 15);

«Моему сыну — в знак вечной памяти о нем: да сохранится его образ в сердцах лучших людей. Он тайно для всех и явно для меня участвует в моей работе, и в этой книге, всегда. Отец. 3.5.43» (на «Броне», М.: Воен.-мор. изд. НК ВМФ СССР, 1943) (ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 5, ед. хр. 16). Платон умер 4 января 1943 г.

1

4 мая 1938 г.

В НКВД

Следователю, ведущему следствие
по делу Платона Андреевича Платонова.

Заявление

4-го мая 1938, по ордеру № 2915 от 4/V 1938, у меня был произведен обыск по делу моего сына, Платона Андреевича Платонова, задержанного органами НКВД.

Ввиду того, что сын мой — несовершеннолетний (ему сейчас 15 ¹/₂ лет), прошу Вас передать мою просьбу следователю, ведущему дело моего сына, чтобы он вызвал меня, как отца, для объяснений.

Кроме того, прошу принять во внимание следующее: мой сын подвергался троекратной трепанации черепа (в связи с болезнью — мастоидитом среднего уха) и нуждается в известных условиях для лечения и ухода за больным ухом, иначе даже небольшое заболевание грозит ему полной потерей слуха, а при более серьезном осложнении болезни — смертью.

Мой сын был задержан при неизвестных для меня обстоятельствах, поэтому на нем осталась только та одежда, которая была на нем — ветхое, изношенное белье, рваные башмаки и т. п., пальто на нем не было вовсе.

Прошу принять во внимание, что он подросток, и разрешить мне передать сыну необходимые вещи — белье, носки, верхнюю одежду и прочее.

Андрей Платонов,

член Союза Совет. Писателей.

4/V 1938 г.

Адрес: Москва, Тверской бульвар, д. 25, кв. 27.

2

20 июля 1938 г.

Народному комиссару внутренних дел,
Николаю Ивановичу Ежову¹

В конце апреля м-ца т<екущего> г<ода>, т. е. почти три месяца тому назад, вне дома, органами НКВД был арестован мой пятнадцатилетний сын — Платонов, Платон Андреевич. 4-го мая 1938 г., в связи с арестом сына, у нас был произведен обыск (ордер № 2915 от 4 мая 1938 г.).

Причина ареста моего несовершеннолетнего сына была и остается для меня совершенно неизвестной. Я просил несколько раз (подавал заявления), чтобы меня вызвали к следователю для объяснений, но меня не вызвали.

Так как сын мой несовершеннолетний подросток, я очень прошу Вас, Николай Иванович, чтобы он был освобожден или отпущен мне на поруки — под любые гарантии с моей стороны. Если органы НКВД поставят мне в качестве условия для освобождения сына особые требования, то я все эти требования согласен буду выполнить и строго выполняю.

Уже прошло три месяца, как сын сидит в Бутырской тюрьме. Но ведь пятнадцатилетний подросток — это еще мальчик, и к нему полностью могут быть применены основные законы и принципы советской власти, обеспечивающие интересы и благосостояние детей.

Кроме того, мой сын обладает одним, опасным для его жизни, дефектом. У него несколько лет назад была три раза произведена операция — трепанация черепа (в связи с гнойным заболеванием среднего уха), и сейчас он страдает постоянным гноетечением левого уха. При каком либо небольшом заболевании, которое может дать осложнение на ухо, гной легко проникнет в мозг (большая кость за ухом удалена) и дело кончится быстрой смертью. Я говорю об этом с полной уверенностью потому, что уже дважды мой сын был в таком смертельно-опасном положении, дважды он лежал по нескольку суток в предсмертной агонии, не просыпаясь.

Все эти обстоятельства позволяют мне рассчитывать, что Вы уделите немного своего времени, чтобы ознакомиться с делом моего сына, и дают мне надежду, что мой сын, как советский несовершеннолетний подросток, встретит с Вашей стороны снисхождение и помощь.

Глубоко уважающий Вас.

20/VII 1938 г.

Адрес: Москва, Тверской бульв, д. 25, кв. 27, А. П. Платонов

Печатается по машинописи: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 108, л. 2.

¹ *Ежов* Николай Иванович (1895–1940), родился в семье рабочего, образование низшее: самоучка. Член партии с 1917 г. С 14 лет работал учеником слесаря на заводах Петрограда. В годы Первой мировой войны был призван в армию, служил в запасном батальоне, работал в артиллерийских мастерских Северного фронта. Участвовал в создании красновардейских отрядов в Витебске. Активный участник октябрьского переворота и Гражданской войны. Служил в РККА военным комиссаром ряда частей. С 1927 г. заместитель заведующего

отделом ЦК ВКП(б). Декабрь 1929 г.— ноябрь 1930 г.— заместитель наркома земледелия СССР. С 1930 по 1936 г. на руководящей работе в ЦК ВКП(б). С сентября 1936 по ноябрь 1938 г.— нарком внутренних дел СССР. С апреля 1938 по апрель 1939 г.— нарком водного транспорта СССР. Арестован 10 июня 1939 г. Приговорен 3 февраля 1940 г. военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания.

3

19 сентября 1938 г.

В НКВД

В конце апреля т. г. вне дома был арестован мой пятнадцатилетний сын, Платонов Платон Андреевич (ордер на обыск № 2915 от 4 мая 1938 г.).

Ввиду того, что мой сын — несовершеннолетний, что он обладает плохим здоровьем (в частности потому, что он несколько раз перенес трепанацию черепа) и, наконец, ввиду того, что он уже почти пять месяцев сидит в Бутырской тюрьме, — убедительно прошу Вас разрешить мне и моей жене, матери арестованного, — или одному из нас, — свидание с сыном и разрешить сделать передачу для сына — белье, верхнюю одежду и башмаки, а также деньги. Мы надеемся, что эта просьба родителей несовершеннолетнего заключенного будет удовлетворена.

Андр. Платонов, писатель.

19/IX 38 г.

Адрес: Москва, Тверской бульвар, д. 25, кв. 27, А. П. Платонов.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 108, л. 2.

4

26 сентября 1938 г.

Заместителю народного комиссара внутренних дел
тов. Фриновскому¹

Секретарь Союза Советских Писателей А. А. Фадеев был ознакомлен с обвинительным материалом по делу моего несовершеннолетнего сына, Платона Андреевича Платонова, арестованного в конце апреля с<его> г<ода> (ордер на обыск № 2915 от 4.05.1938) и сообщил существо этого дела мне.

Тов. А. Фадеев сказал, что, по его впечатлению, дело моего сына идет к окончанию. Возможно поэтому, что участь моего сына близка к решению.

Я вновь обращаюсь к Вам с убедительной просьбой — облегчить участь моего сына. Я прошу об этом не только потому, что я его отец и что положение сына заставляет меня страдать. Мой сын болен. У него несколько раз была трепанация черепа в связи с мастоидитом среднего уха: очаг болезни до сих пор окончательно не залечен, и я думаю, что продукты этого гнойного очага проникают в мозг (место трепанации — на голове, за левым ухом), отчего происходит отравление мозга; последнее обстоятельство, конечно, должно [разрушительно влиять на] болезненно влиять на психику сына и предвещать ему смерть от любой, даже неопасной болезни, если это заболевание даст осложнение в пораженное место.

Сын — несовершеннолетний подросток переходного, трудного возраста (он родился 22 сентября 1922 г.). По этой естественной причине он не может нести полной ответственности за свое поведение. И затем — ведь у него еще жизнь впереди, ему надо учиться, он будет в Красной Армии и он уже достаточно наказан тем, что пять месяцев просидел в тюрьме.

Я прошу освободить моего сына — под мое поручительство, под любые гарантии с моей стороны. Все условия, которые мне поставит НКВД в отношении [будущего] воспитания сына, режима его содержания, места его жительства и т. п., я заранее принимаю и обещаю их в точности выполнить.

И еще я прошу, пока будет решаться судьба моего сына, чтобы Вы [дали] сделали указание о разрешении мне и моей жене, матери арестованного, или одному из нас, дать свидание с сыном и сделать передачу для него — белье, верхнюю одежду, башмаки и деньги.

Прошу Вас принять меня.

Уважающий Вас.

26/IX 1938 г.²

Адрес: Москва, Тверской бульвар, д. 25, кв. 27.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 109, л. 3–5.

¹ *Фриновский* Михаил Петрович (1898–1940), родился в г. Наровчат Пензенской губернии в семье учителя. Образование среднее: в 1927 г. окончил курсы усовершенствования высшего командного состава РККА при Военной академии им. М. В. Фрунзе. Член партии с 1918 г. В июле 1917 г. активно участвовал в революционных событиях в Петрограде. В октябре 1917 г. — командир отряда красногвардейцев в Москве. С 1928 г. комдив дивизии им. Ф. Э. Дзержинского. С октября 1936 г. — заместитель наркома внутренних дел СССР. В сентябре 1938 — апреле 1939 гг. — нарком военно-морского флота СССР. Арестован 6 апреля 1939 г., приговорен 4 февраля 1940 г. к высшей мере наказания.

² Машинописная копия датирована «7/X 38 г.».

5

2 декабря 1938 г.

Председателю Военной Коллегии Верховного Суда СССР

Платонова, Андрея Платоновича,
члена Союза Советских Писателей,
проживающего в Москве,
Тверской бульвар, д. 25, кв. 27 —
по делу своего сына, Платонова,
Платона Андреевича,
арестованного в апреле 1938 г.—
обвиняемого по 58/6 ст. УК

Заявление

Мой сын, 15-ти летний Платон Андреевич Платонов, вне дома был арестован

в конце апреля т<екущего> г<ода> органами НКВД (ордер на обыск № 2915 от 4 мая 1938 г.).

По имеющимся у меня сведениям, дело поступило в Военную Коллегию.

Представляя при этом ордер Президиума Московской Городской Коллегии Защитников, прошу о допущении в качестве защитника — члена Коллегии Защитников Э. А. Гиллера (Коллектив Защитников № 42, Москва, Таганка, Б. Коммунистическая, 9, телеф. К 7-59-36).

Сын мой — несовершеннолетний, и он тяжело болен, он трижды подвергался трепанации черепа. Я убежден, и медицинская экспертиза это может подтвердить, что у моего сына есть резкие психические нарушения (вероятно, как результат отравления гноем мозга из до сих пор действующего очага за левым ухом, места троекратной трепанации).

Участие защиты по указанным основаниям и вследствие малолетнего возраста моего сына является чрезвычайно важным, необходимым и вполне соответствующим духу и букве советских законов.

Приложение: ордер.

2/ХП 1938 г.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 108, л. 3.

6

<декабрь 1938 г.>

Я обращаюсь к Вам, Иосиф Виссарионович, с отцовской просьбой. В конце апреля этого года арестован мой пятнадцатилетний сын, Платонов Платон Андреевич. Он был арестован вне дома, и я узнал об аресте 4/V, когда пришли делать обыск.

До последнего времени мой сын сидел в Бутырской тюрьме, а недавно мне сказали, что он выслан. Приговор и место, куда его выслали, мне не известны.

Мне кажется, что плохо, если отказывается отец от сына или сын от отца, поэтому я от сына никогда не могу отказаться, я не в состоянии преодолеть своего естественного чувства к нему. Я считаю, что если сын мой виновен, то я, его отец, виновен вдвое, потому что не сумел его воспитать, и меня надо посадить в тюрьму и наказать, а сына освободить.

[Если почему либо невозможно] Сын мой ведь всего подросток. В его возрасте бывают всякого рода трудности [разгул, тем более, что он], связанные просто с формированием тела человека. Кроме того, сын мой болен.

Если же нельзя меня посадить в тюрьму в качестве заложника, ради освобождения сына, то прошу освободить его под <залог>.

Иосиф Виссарионович! Я и мать моего сына просим Вас понять наше глубокое горе и облегчить его.

Верящий Вам

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 109, л. 7–8.

7

<январь 1939 г.>

Обращаюсь к Вам, Иосиф Виссарионович, с отцовской просьбой. В конце апр<еля> прошлого г<ода> органами НКВД был арестован мой сын — мальчик пятнадцати л<ет>, Пл<атонов> П. А. С тех пор прошло 9 месяцев, но ни я, ни моя жена, мать арестованного, не имеем от сына никаких известий и даже место его заключения нам не известно. *[Мы лишены также оказать сыну хотя бы]*

Я считаю, что пятнадцатилетнего мальчика нельзя считать политическим преступником и подвергать его полному и суровому наказанию, как *[взрослого заклю<ченного> человека]* врага народа. Он, мой сын, и так уже достаточно пострадал в девятимесячном тюремном заключении.

Кроме того, мой сын тяжело и опасно болен. У него три раза была трепанация черепа (за левым ухом), в результате мастоидита среднего уха, и очаг болезни до сих пор не удалось залечить, отчего, возможно, происходит отравление мозга продуктами гнойного очага болезни. Последнее обстоятельство должно, конечно, болезненно влиять на психику сына и предвещать ему смерть от любой, даже не опасной болезни, если это заболевание даст осложнение в поражении мозга.

Мать сына (он у нас один) по естественным материнским человеческим причинам дошла до очень тяжелого душевного состояния. Два раза я предупреждал ее попытки к самоубийству, но может оказаться, что я не смогу уберечь ее. Сам я еще держусь и не отчаиваюсь, потому что верю в человечность советской власти и в Вас, *[потому что отличаю отдельные ошибки от]* и никогда мое большое горе не перейдет в мелкое *[ожесточение]* *[душевное, мелкое ожест.]*.

Я прошу Вас указать, чтобы дело моего сына было пересмотрено и чтобы он был освобожден.

Верящий Вам

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 109, л. 9.

8

23 февраля 1939 г.

В Главное Управление ЛагереЙ НКВД

Мой пятнадцатилетний сын, Платонов Платон Андреевич, был арестован органами НКВД в конце апреля 1938 г. (ордер ГУГБ № 2915 от 4 мая 1938 г.).

Теперь, спустя 10 месяцев, от сына получено письмо, что он находится в Вологде.

Так как мой сын — малолетний подросток и так как он обладает плохим здоровьем (в свое время он три раза перенес трепанацию черепа), убедительно прошу Вашего разрешения на следующее:

1. Послать сыну вещевую посылку — верхнюю одежду, белье и обувь.
2. Послать сыну продовольственную посылку.

3. Дать возможность мне или моей жене — матери сына — увидеться с заключенным сыном.

А. Платонов, писатель.

23/II 1939 г.

Адрес: Москва, Тверской бульв., д. 25, кв. 27, А. П. Платонов.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 108, л. 4.

9

11 марта 1939 г.

Областному Прокурору

г. Вологда

гражд. Платоновой, Марии
Александровны, прожив. в гор.
Москве, по Тверскому бульвару,
д. 25, кв. 27

Заявление

Убедительно прошу Вас, тов. Прокурор, дать мне разрешение на свидание со своим сыном и на передачу ему одежды, обуви и некоторых продуктов.

Мой сын, Платонов Платон Андреевич — несовершеннолетний, сейчас ему всего 16 лет, он находится в тюрьме уже одиннадцать месяцев.

22 марта сего года я получила от него письмо, где сын сообщает, что он получил разрешение получать деньги, и письмо, что он находится в тюрьме № 2, по Чернышевскому просп., в гор. Вологде.

После получения письма от сына я обратилась в Главное Управление Лагеря-ми в гор. Москве с просьбой о разрешении сделать сыну передачу вещей и продуктов.

Там, в ГУЛАГе, мне сказали, что это разрешение может дать начальник тюрьмы, где находится сын, или же областной прокурор.

Приехав в гор. Вологду, я дважды обращалась к дежурному тюрьмы № 2, по Чернышевскому проспекту, где мне категорически заявляли (не прочитав моего заявления), что сына здесь нет, и никакие мои просьбы о том, чтобы заявление передали начальнику тюрьмы или дали бы мне возможность переговорить с нач. тюрьмы, — не привели ни к чему, несмотря на то, что я пыталась объяснить дежурному, что я приехала хлопотать о сыне из Москвы, что жить мне здесь негде и трудно ориентироваться в незнакомом городе.

Убедившись, что я не смогу передать мое заявление начальнику тюрьмы № 2, я обращаюсь к Вам, тов. Областной Прокурор, и прошу Вас дать мне разрешение на передачу сыну продуктов, белья и одежды, и если возможно — свидания с сыном, которого я не видела в течение целого года и который в момент ареста находился в болезненном состоянии: он дважды перенес трепанацию черепа после воспаления среднего уха при скарлатине. И в последнее время у него открылась

гнойная течь из оперированного уха, что грозит ему полной глухотой, что в сильной степени влияет на его психику, по определению врачей.

Еще раз убедительно прошу Вас дать мне разрешение на передачу и свидание с сыном.

11/III-39 г. М. Платонова
г. Вологда

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 108, л. 6.

10

11 марта 1939 г.

В Главное Тюремное управление НКВД

Моя жена, мать арестованного несовершеннолетнего (15 лет) Платонова Платона Андреевича (ордер № 2915 ГУГБ от 4 мая 1938 г.), в конце февраля 1939 г. обратилась в ГУЛАГ с просьбой, чтобы ей, матери заключенного, было разрешено сделать передачу сыну — вещи и продукты — и увидеться с ним. Сын наш находится в Вологде, в тюрьме № 2.

На эту просьбу матери было отвечено, что она может поехать в Вологду и там, у местной тюремной администрации, добиться разрешения на передачу и свидание.

Мать поехала в Вологду с вещами, послушавшись этого совета, но в Вологде получила на свою просьбу категорический отказ. При этом ей было указано, что тюрьма № 2 подчинена Москве, и только Москва может дать такое разрешение.

Мать заключенного и сейчас еще находится в Вологде.

Поскольку дело касается заключенного подростка, больного (он три раза перенес трепанацию черепа) и арестованного почти год тому назад, убедительно прошу Вас дать распоряжение в Вологду, чтобы Платонову Платону Андреевичу было разрешено передать одежду, обувь, белье, продукты и чтобы к нему на свидание была допущена его мать — Платонова Мария Александровна.

А. Платонов, отец заключенного

11/III 1939 г.

Адрес: Москва, Тверской бульв., д. 25, кв. 27, А. П. Платонов.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 108, л. 5.

11

<май 1939 г.>

Прокурору Союза ССР

При этом посылаю Вам письмо моего сына, полученное мною из Вологодской тюрьмы. Сын мой — Платонов, Платон Андр<евич> — арестован более года тому назад (в апреле 1938 г.) и сейчас находится в Вологодской тюрьме (почтовый адрес: г. Вологда, почт. ящ. № 6).

В момент ареста моему сыну было всего 15 лет. Я уже несколько раз писал в разные высшие государственные инстанции [*Советского Союза*], излагая в своих заявлениях ту неоспоримую точку зрения, что мой сын невиновен, что он не может быть виновен (хотя бы потому, что он еще мальчик, ребенок), что его надо немедленно освободить. Теперь пишу Вам.

Из письма моего сына [*мальчика*] видно, что он был оговорен, использован, стал жертвой наиболее гнусной провокации (дело касается подростка, мальчика). [*К тому же прошу Вас иметь в виду, что мой сын подвергался троекратной трепанации черепа (крайне тяжелой операции, разрушавшей его здоровье)*]

Все это вместе взятое, т. е. — оговор, использование несовершеннолетнего подростка, больного и трижды подвергавшегося тяжелейшим операциям мальчика, дает представление о [*тяжелом преступлении, чудовищном*] злодеянии, в результате которого мой несчастный сын сидит второй год в тюрьме. Я бы мог более подробно аргументировать это свое заявление на Ваше имя, но дело обстоит настолько остро и нестерпимо и настолько ясно, что я пишу более короткое заявление, надеясь, что оно для Вас будет убедительным, и в таком коротком виде, надеясь, что Вы не замедлите произвести действия, в результате которых мой сын будет быстро освобожден.

С глубоким уважением Андрей Платонов, член Союза Совет<ских> Пис<ателей>.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 111, л. 1–2.

12

<июнь 1939 г.>

Четырнадцать месяцев тому назад (в апреле 1938 г.) органами НКВД был арестован мой несовершеннолетний [*пятнадцатилетний*] сын — П<латонов> П. А. — затем он был осужден Военной Коллегией на 10 лет и теперь находится в Вологодской тюрьме (почт. адрес: г. Вологда, почт. ящ. № 6).

До ареста мой сын три раза перенес трепанацию черепа (как последствие мастоидита среднего уха), — у него на всю жизнь остался глубокий проем в черепе за левым ухом; результатом болезни и троекратной трепанации явилась психическая травма; теперь это постоянное болезненное состояние подростка несомненно усилилось вследствие перенесенного им следствия, суда и длительного тюремного заключения.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 108, л. 7.

13

13 июня 1939 г.

Наркому внутренних дел,
тов. Берия¹

Платонова Мария Александровна,
прож. в гор. Москва, Тверской
бульвар, д. 25, кв. 27.

Заявление

Мой несовершеннолетний сын, Платонов Платон Андреевич, 14 месяцев тому назад (в апреле 1938 г.) был арестован и затем осужден. Сейчас он находится в гор. Вологда, тюрьма № 2. В момент ареста моему сыну не было пятнадцати лет. Я прошу Вас, тов. Берия, дать мне разрешение на свидание с сыном, а также на передачу ему одежды и продуктов. Дело касается заключенного подростка, к тому же больного (он три раза перенес трепанацию черепа после воспаления среднего уха) и уже второй год лишенного свободы,— поэтому я убеждена, что моя просьба на свидание с сыном будет удовлетворена.

М. Платонова
13/VI-39 г.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 109, л. 14.

¹ *Берия* Лаврентий Павлович (1899–1953), родился в с. Мерхеули Сухумского района Абхазской АССР в семье бедного крестьянина. Образование среднее: в 1919 г. окончил Бакинское среднее механико-строительное техническое училище по специальности архитектор-строитель. Член партии с марта 1917 г. В 1920 г.— нелегальный партработник в Грузии, арестован меньшевиками, находился в Кутаисской тюрьме, выслан в Азербайджан. В Баку назначен начальником секретно-оперативной части ЧК Азербайджана. С 1921 г. заместитель председателя ЧК Азербайджана. С осени 1922 г. заместитель председателя ЧК Грузии. С 1929 г. председатель Закавказского и Грузинского ГПУ, полномочный представитель ОГПУ в ЗСФСР. В ноябре 1931 г. избран первым секретарем ЦК КП(б) Грузии. С 1932 г. кроме того еще и первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) и Тбилисского горкома партии. С августа 1938 г.— первый заместитель наркома внутренних дел СССР — начальник Главного управления гос. безопасности СССР. В 1938–1945 гг. нарком внутренних дел СССР. С 1941 по 1953 г. заместитель председателя Совета Министров СССР, руководил работами по атомным разработкам. В 1953 г. арестован, 23 декабря 1953 г. приговорен к высшей мере наказания.

14

24 июня 1939 г.

Москва, 24/VI 1939 г.

Дорогой сын Тоша!

Почти два месяца прошло, как от тебя нет никакого письма. Последнее твое письмо было от 27/IV 1939 г. Что с тобой случилось? Может быть ты болен? —

Тогда почему не напишешь об этом нам? Напиши пожалуйста — и возможно скоро — в чем причина твоего молчания. Деньги мы тебе переводим регулярно.

Дело твое помаленьку подвигается. И по нашему мнению — успешно. Но только — медленно, и когда оно закончится, т. е. приведет к окончательному и положительному результату — мы с матерью сказать сейчас не можем. Нужно терпеть еще некоторое время. А тебе — учиться, заниматься и вести себя хорошо и спокойно. Главное — не трать время там по-пустому, то есть больше читай, учись, занимайся и веди себя образцово. Готовься к тому, что тебя ожидает более лучшая, свободная судьба, а пережитое тобою больше никогда не повторится.

У нас жизнь идет без особых событий. Мать здорова, я тоже, только все мы нуждаемся в отдыхе, а ты конечно и в отдыхе и в лечении больше нас всех. Твой бывший друг действительно поступил в отношении тебя как самый худший враг, но это ему даром не прошло. Соответствующие люди разгадали его полностью. Мы с матерью вначале жалели его родителей, теперь — нет, и не видимся с ними. Это чужие нам люди.

Ну до — свидания, мой мальчик, может быть — до скорого свидания. Но нужно еще терпеть нам всем троим, чтобы встретиться хорошо. Целую и обнимаю тебя, давно утраченного сына, в надежде, что снова вскоре найду его.

Твой отец.

Мой любимый, далекий мальчик!

Что с тобой, почему ты ничего не пишешь? Два месяца, как ничего нет от тебя, я так боюсь за твое здоровье, за твою жизнь. Ты еще не успел стать взрослым, вырасти, как жизнь начала хлестать тебя. Как я хочу тебя увидеть! Ты устал, наверное, бедняжка?

Папа тебе написал все верно, — дело твое очень подвинулось и скоро ты поедешь в лес, увидишь друзей и снова будешь жить с нами. По последнему письму я поняла, что ты скучаешь, томишься, — бодрись, мой бедный сын, собери свои силы, скоро, скоро мы увидимся. Все свои силы я кладу теперь на одно, — это оправдать тебя; освободить скорее. Об одном прошу — не отчаивайся, иначе это может тяжело отразиться на твоём здоровье; а здоровье, ты ведь это знаешь, очень трудно восстановить. О друге твоём я знаю, и о его родителях. Раньше я жалела его мать, — теперь просто не хочу их видеть. Видимо, Яня большой негодяй. Тоже не лучше Игоря.

Но все страшное и тяжелое пройдет, мое солнышко, ты найдешь хороших, настоящих друзей, забудешь горе, — ведь вся жизнь у тебя еще впереди. Не правда ли?

Смотри же, держись. Ты всегда говорил, что ты крепкий, каленый, — ну вот, так держись, занимайся, читай больше, не падай духом. Ты ведь знаешь, что твоя жизнь нужна родителям, что без тебя они не живут, а двигаются только. У нас сейчас сидит Верочка. Она так ждет тебя к себе, на Истру. У них там хорошо и я надеюсь, что мы с тобой туда поедем скоро.

Ну, прощай, мое солнышко. Целую тебя крепко, крепко. Если бы наше письмо могло вдохнуть в тебя бодрость и надежду!

Будь здоров!

Твоя мать М. Платонова.

15

27 июля 1939 г.

Прокурору Союза ССР

27.7.39

В апреле месяце 1938 г. был арестован Платон Андреевич Платонов — единственный сын писателя А. Платонова, члена нашего группкома, члена Союза Советских писателей. В момент ареста сыну Платонова было 15 лет. В заключении он находится 16 месяцев.

Мы, общественная организация, наблюдаем в течение последнего года крайне тяжелое душевное состояние Андрея Платонова, отца арестованного. Такое состояние писателя Платонова чрезвычайно отрицательно отражается на его творчестве, между тем как писатель Платонов представляет из себя крупнейшего и талантливого советского писателя.

Мы убедительно просим Вас принять во внимание это обстоятельство, т. к. здоровая и плодотворная работа тов. Платонова находится в зависимости от судьбы его сына.

Председатель Группкома:

Ответ. секретарь:

Печатается по машинописи: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 111, л. 17.

16

31 августа 1939 г.

СПРАВКА

Платонову Платону Андреевичу в 1929 г., [семи лет от] шести лет от роду была произведена радикальная операция [левого] среднего левого уха. Операцию производил проф. Мичкус¹, главврач больницы им. д<окто>ра Раухфуса в Ленинграде (Лиговка) (на Лиговской улице)².

Затем у мальчика П. Платонова дважды был рецидив воспаления среднего уха — на оперированном месте — и дважды были произведены повторные операции, связанные с трепанированием черепной кости. Эти повторные операции производились экстренно, ввиду смертельноопасного положения больного (он по трое суток не просыпался вследствие отравления мозга гнойными выделениями из очага болезни). Операции производились в поликлинике в Москве, на Пироговской улице, дежурными хирургами.

Вторая операция была в 1931 г., третья — в 1933 году.

[Мною производилось длительное последующее лечение оперированного П. Платонова]

Ввиду тяжелых операций, перенесенных П. Платоновым, и вызванных ими тяжелых психических и физиологических травм, П. Платонов нуждается в постоянном бережном наблюдении врачей и жизнь его находится в постоянной опасности, вследствие возможности нового повторения заболевания левого уха, в облас-

ти которого [уже повторным разрушены] троекратным трепанированием [уже изъятые] сильно ослаблены жизненнонеобходимые защитительные мышцы и кости.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 108, л. 13–14.

¹ Возможно, *Личкус* Максим Григорьевич (1874–1947) — врач-педиатр.

² Имеется в виду больница им. К. А. Раухфуса, открытая в С.-Петербурге в 1864 г. (Лиговский пр-кт, 8).

КОПИЯ

СПРАВКА

Дана сия гр<аждан>ке Платоновой М. А. в том, что я постоянно лечил ее сына Платона с детского возраста. Платон с детства был очень слабый, нервный ребенок. Из болезней, от которых я пользовал его, были: корь, скарлатина, осложнившаяся судорогами (эклампсия), четыре гриппа, воспаление почек, два раза воспаление легких в тяжелой форме. Во время болезней у него было воспаление среднего уха с осложнением на мозг. По этому поводу был несколько раз оперирован. В последнее время я пользовал его от частых гриппов и ангин, что очень ослабило его организм.

Москва, 1939 года, августа 31-го.

(подпись) Доктор С. А. ГУРЕВИЧ

Печатается по машинописной копии: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 108, л. 12.

17

<октябрь 1939 г.>

Убедительно прошу Вас указать пересмотреть дело моего сына и его освободить немедленно ввиду того, что мой сын пятнадцатилетний подросток, что он трижды перенес (до заключения) трепанацию черепа, что он уже почти полтора года находится в тюремном заключении (для его возраста и болезненного состояния [это чрезвычайно] это смертельно опасное, во всяком случае [ему] чрезвычайно серьезное и мучительное наказание).

Почти полтора года мы, т. е. я и моя жена — мать заключенного, тщетно добиваемся пересмотра дела н/сына и освобождения его. Мы даже ни разу не получили разрешения на свидание с ним и на передачу ему вещей (одежды, обуви и пр.). Если возможно, то дайте разрешение на поездку матери в Соловец. тюрьму и сделать сыну вещевую передачу — одежду, обувь, белье и прочее.

Теперь мы обращаемся к Вам, Прокурору Союза, с настоятельной просьбой — освободить нашего несчастного сына, пересмотреть и прекратить дело в отношении подростка, давно томящегося в заключении.

Для защиты и пересмотра этого дела просим Вашего разрешения, чтобы был допущен член Коллегии Защитников, тов. Островский.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 108, л. 8.

18

<октябрь 1939 г.>

Мой сын, Платонов Пл. Анд., в апреле месяце 1938 г. был арестован, имея пятнадцать лет от роду. Затем он был осужден и до сих пор почти полтора года находится в тюремном заключении. Недавно он был в Вологодской тюрьме, но теперь, по справке в НКВД, переведен в Соловецкую тюрьму.

Малолетство сына, тяжелые болезни и травмы, перенесенные им в детстве [у него три] (он три раза подвергался тяжелым операциям — трепанация черепа), наконец — длительное тюремное заключение, которому он подвергается сейчас [губительное для] (несомненно губительное для жизни человека в таком возрасте) — все это заставляет меня, и как отца и как человека, обратиться к Вам с просьбой, чтобы Вы приняли меры к облегчению участи моего сына — мальчика, чтобы он был освобожден. Он уже достаточно наказан, достаточно пострадал.

Со своей стороны я сознаю свою ответственность за ту участь, которая постигла моего сына, [и принимаю эту ответственность] и принимаю полную ответственность за его будущее воспитание как советского человека, перед которым вся жизнь еще впереди. [Все] Я сделал все выводы, понятные само собой, из страшного горя, переживаемого мною и матерью сына.

Мы, родители заключенного, согласны принять и выполнить любые условия, которые нам могут быть поставлены как залог для освобождения сына.

Очень прошу Вас принять меня и мою жену, мать заключенного.

А. Платонов

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 108, л. 9–9 об.

19

<октябрь 1939 г.>

Прокурору Союза ССР
тов. Панкратьеву¹

Получив теперь возможность ознакомиться с характером и существом дела моего несовершеннолетнего сына Платона Андреевича Платонова, имею сообщить Вам следующее.

[В следственных материалах не видно, что следствие отдает себе отчет в трагической [специфике] обстановке этого дела; именно, что] Дело касается пятнадцатилетнего подростка, к тому же трижды перенесшего тяжелейшие операции — трепанацию черепа, оставившие в мальчике тяжкие психические и физические травмы. К подростку, к больному мальчику устанавливаются отношения как к совершенно взрослому, зрелому человеку. Ни один человек, знавший арестованного подростка достаточно хорошо, ни разу не был вызван ни к следователю, ни на суд. Наоборот, к следователю вызывались юноши, лишь очень отдаленно знавшие моего сына, а м. б., и совсем не знавшие его, но зато хорошо знавшие другого подсудимого, Игоря Архипова², ближайшие товарищи последнего. Они, конечно, были заинтересованы в том, чтобы выгородить, защитить своего друга И. Архипова и очернить, оболгать моего сына, что они и сделали. Это было тем легче сде-

лать, что все они, и И. Архипов и его друзья, значительно старше моего сына, и они между собою хорошо знакомы [*а мой сын проходил в этом деле в полном одиночестве и беспомощности*]. [*Я помню фразу из следственных материалов*] Мне известно, что на следствии следователь задает вопрос моему сыну: что вас заставило сделать (или попытаться сделать) то-то? — И мальчик (пятнадцати лет) ему отвечает: я совершенно морально разложился... Я не знаю, может быть, здесь запись неточна, но ведь это же абсурд. Нелепо даже записывать такие ответы пятнадцатилетнего подростка (тем более доверять им), находящегося под стражей, испуганного и больного. Что это значит — он морально разложился? Никогда такой фразы мальчик не мог произнести [*Нет, не было и не могло быть и не бывает в природе такого «полного» разложения. Если даже его и тронуло «моральное разложение», то ему надо помочь морально сложиться*] Мальчик [ребенок] находится в переходном трудном возрасте; кто не понимает человека в этом возрасте физиологически, тот не поймет его и юридически. [*Если даже его и тронуло «моральное разложение», то ему надо помочь морально сложиться, не губить его. Достаточно простого житейского опыта, чтобы опровергнуть такое положение о разложении, принятое следователем очевидно всерьез. Надо же понимать точно, что в действительности означает полное моральное разложение; и у кого, по каким причинам оно может быть, а у кого не может, даже если бы человек сам сознавался в этом. Сознание своей вины не всегда есть правда,— наоборот, в некоторых обстоятельствах особенно когда мы имеем дело с натурой подростка, оно противоположно истине. Как признак этого разложения, в следствии приводятся слова сына, что он*] В деле указано, будто мой сын пил алкоголь. Я [его отец] знаю своего <сына> со дня его рождения до дня разлуки с ним. Ни я, ни мать ни разу не видели его в состоянии опьянения. [*Но здесь есть возможная нить к правде*] Допускаю, что те мерзавцы, под вредное влияние которых случайно попал мой сын, спаивали его, одурманивали, провоцировали, разжигали в нем детское самолюбие и мальчишеское влечение к позе, и этим его состоянием пользовались. Это было тем легче сделать, что подросток не умел ни пить, ни курить, и эти яды действовали на него тем сильнее. Возможно, что именно в этом состоянии они подговорили сына написать глупое, нелепое письмо³, [*объяснив, что, дескать, тебе, как малолетнему, ничего не будет за это и т. д., а мы, думали они про себя, останемся в случае чего в стороне.*] которое по смыслу совершенно беспредметно. Ясно, что здесь мы имеем дело с форменной и отчетливой провокацией, совращением малолетнего подростка. Но зачем жертву квалифицировать как преступника? К чему в невменяемость, использованную в провокационных целях, вкладывать понятие преступности.

[*Я убежден, что мой сын [написал] был в одурманенном состоянии, если он действительно написал то письмо, которое фигурирует в деле. Я даже допускаю*] Понятно, что он был в то время полностью невменяемым. [*настолько это дело безумно и противоречит всей натуре моего сына. Но в этой своей невменяемости виноваты другие — мой сын, естественно, абсолютно не виноват, т. к. его невменяемость или одурманенное состояние были кем-то искусственно вызваны. Правда, эту невменяемость в моем сыне может быть, легче было вызвать, чем в другом.*] Невменяемое состояние сына легко объясняется [*тройной операцией*] малолетством, а особенно болезненностью и последствиями перенесенных операций головы. [*Да и разве мог бы, несложившийся человек, не имеющий никакого житейского опыта, противостоять провокации, возможно даже умелой и хитрой провокации?*]

Другой момент, отмеченный в следственных материалах как «доказательство» морального разложения моего сына, заключается в том, что мой сын два года <назад> сделал попытку украсть пишущую машинку и часы — вместе с другим своим товарищем. *[То, что написано в следственных материалах, совершенно неправильно. Я это дело точно знаю, я был у следователя милиции, читал дело, был в нарсуде и т. д. В деле было выяснено полное бескорыстие сына, помощь товарищу и т. п., и он понес наказание. Вот истинная картина дела (все это можно проверить по документам). Некий юноша (старше моего сына лет на 5–6) плохо жил со своей матерью. Он задумал уехать жить к своему отцу, который живет в разводе с его матерью на Украине. Мать, видимо, тоже плохо относилась к своему сыну и не обращала на него внимания, вплоть до того, что даже не кормила достаточно своего сына. Я сам видел, как мой сын часто давал этому юноше хлеб, колбасу и пр., потому что тот парень голодал. Уехать к отцу, экипироваться (в смысле одежды) тот юноша не мог. Тогда он задумал скверное дело — сделать воровство, продать машинку и уехать на вырученные деньги к отцу. Он подговорил кого-то из товарищей, чтобы тот постоял «на стреме», пока он полезет в помещение за машинкой. Его товарищ согласился, потом ушел домой. Тогда этот юноша встретил моего сына, шедшего из кино, и сказал ему, что он жить больше дома не может, он измучился, он уезжает к отцу, но денег у него нет, — так пусть мой сын постоит «на стреме». Мой сын постоял «на стреме», и за это потом поплатился (он получил год условно, а в следственных материалах написано — два года; даже здесь, в простой детали, ошибка).— Вот как было дело. Сын же мой непосредственно никакой кражи не совершал.]* В этом деле, которое проводилось через народный суд, было выяснено полное бескорыстие моего сына и рыцарское отношение к одному своему более старшему товарищу, который дурно использовал наивность моего сына (сыну было тогда всего 14 лет). Сын мой непосредственно никакой кражи не совершал. Во всяком случае, упоминаемое дело не имеет никакого отношения к нынешнему делу. То прошлое дело закончено, и сын понес наказание (1 год условно).

В деле фигурируют, кроме И. Архипова и моего сына, еще шесть фамилий. Все они, кроме одного, друзья или знакомые И. Архипова и составляли его окружение. Мой сын некоторых из них либо совсем не знал, либо знал очень мало, поскольку он и с самим Архиповым начал встречаться лишь за месяц до ареста. Я узнал в семействе Архиповых возраст и некоторые данные об этих лицах. Смирнову Сергею — 21 год. Якубовскому Михаилу 25 лет, — он сын арестованных и высланных родителей. Болтянскому Борису — 21 год. Генину (сокращенно его зовут Яня) — 22 года. Московскому — неизвестно сколько лет, он учился в одной из школ вместе с И. Архиповым. Карлсон Дмитрий — семейству Архиповых неизвестен. *[Кто такой]* Все эти люди, кроме неизвестного Карлсона, проживают, очевидно, в Москве и, кажется, все они свободны, со слов родителей И. Архипова. Я *[вынес заключение]* понял, что *[относительно]* Мих. Якубовский и Бор. Болтянский представляют из себя отрицательные фигуры. Сам я их никого лично не знаю, но мне известно, что некоторые из них вызывались к следователю, и я представляю, какая может быть цена их показаниям — в том числе и показаниям осужденного И. Архипова — против моего сына, которого они все еле знали, а некоторые и совсем не знали.

Видимо, была кому-то какая-то выгода, чтобы развращать, провоцировать и

губить советских подростков, повергая одновременно их родителей в жестокое отчаяние. Это мое *[догадка, близкая теперь к]* твердое убеждение.

С моей точки зрения, следственный материал в отношении моего сына порочен, и дело, беря его по существу и во всей глубине, произведено неправильно, с нарушением основных принципов советского государства в отношении детей.

Полтора года, которые мой сын томится по тюрьмам, срок больше чем достаточный, который может вынести больной подросток *[если мы не хотим вовсе его искалечить и погубить]*.

Поэтому я прошу Вас приговор в отношении моего сына опротестовать, а сына освободить.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 111, л. 5–9.

¹ *Панкратьев* Михаил Иванович (1901–1974), родился в крестьянской семье. Образование низшее: окончил начальную школу в г. Бежецке в 1916 г. и четыре класса реального училища в Бежецке в 1917 г. Член партии с января 1920 г. В 1917–1918 гг. — грузчик на железной дороге. В 1918 г. — делопроизводитель Бежецкого уездного комитета. С 1920 г. — на партийной работе и в политотделах Красной армии. С 1933 г. — в Главной военной прокуратуре РККА. С 1938 г. — Прокурор РСФСР, с 1939 г. — Прокурор СССР. С 1940 г. — на руководящих должностях военных трибуналов фронтов и округов. С 1950 г. — в отставке.

² *Архипов* Игорь Николаевич (1920–1938) — сын писателя Н. Н. Архипова, студент IV курса Московского института инженеров коммунального строительства. Арестован 4 мая 1938 г., расстрелян 15 сентября 1938 г.

³ *Запись на левом поле л. 6:* Провокация, беспредметное письмо!

20

<октябрь 1939 г.>

Председателю Верховного Суда СССР
тов. Голякову¹

Получив теперь возможность ознакомиться с характером и существом дела моего несовершеннолетнего сына Платона Андреевича Платонова, имею сообщить Вам следующее.

Дело касается пятнадцатилетнего подростка, к тому же трижды перенесшего тяжелые операции — трепанацию черепа, — оставившие в мальчике тяжкие психические и физические травмы. К подростку, к больному мальчику устанавливаются отношения, как к совершенно взрослому, зрелому человеку. Ни один человек, знавший арестованного подростка достаточно хорошо, ни разу не был вызван ни к следователю, ни на суд. Наоборот, к следователю вызывались юноши, лишь очень отдаленно знавшие моего сына (а может быть, и совсем не знавшие его), но зато хорошо знавшие другого подсудимого, Игоря Архипова, — ближайшие товарищи последнего. Они, конечно, были заинтересованы в том, чтобы выгородить, защитить своего друга И. Архипова и очернить, обогатить моего сына, что они и сделали. Это было тем легче выполнить, что все они, и И. Архипов и его друзья, значительно старше моего сына, и они между собою хорошо знакомы.

Мне известно, что на следствии был задан вопрос моему сыну: что вас заставит сделать (или попытаться сделать) то-то. И мальчик отвечает на следствии: я совершенно морально разложился. Я не знаю, может быть, здесь не точна запись, но ведь это же абсурд. Нелепо даже записывать такие ответы пятнадцатилетнего подростка (тем более доверять им), находящегося под стражей, испуганного и больного. Что это значит: он морально разложился. Никогда такой фразы мальчик не мог произнести. Подросток находится в переходном, трудном возрасте, кто не понимает человека в этом возрасте физиологически, тот не поймет его и юридически.

В деле указано, будто мой сын пил алкоголь. Я знаю моего сына со дня его рождения до дня разлуки с ним. Ни я, ни мать ни разу не видели его в состоянии опьянения. Допускаю, что те мерзавцы, под вредное влияние которых случайно попал мой сын, спаивали его, одурманивали, провоцировали, разжигали в нем детское самолюбие и мальчишеское влечение к позе и этим его состоянием пользовались. Это было тем легче сделать, что подросток не умел ни пить, ни курить, стало быть, эти яды действовали на него тем сильнее. Возможно, что именно в этом состоянии они подговорили сына написать глупое, нелепое письмо, которое по смыслу совершенно беспредметно. Ясно, что здесь мы имеем дело с форменной и отчетливой провокацией, совращением малолетнего подростка. Но зачем жертву квалифицировать как преступника. К чему в невменяемость, использованную в провокационных целях, вкладывать понятие преступности. Понятно, что он был в то время полностью невменяемым. Невменяемое состояние сына легко объясняется малолетством, особенно болезненностью и последствиями перенесенных операций головы.

Другой момент, отмеченный в следственных материалах как «доказательство» морального разложения моего сына, заключается в том, что мой сын два года назад будто бы сделал попытку украсть пишущую машинку и часы — вместе с другим своим более старшим товарищем. Однако в этом деле, которое проводилось через Народный Суд, было выяснено полное бескорыстие моего сына и рыцарское отношение к своему товарищу, который дурно использовал наивность моего сына (сыну было тогда всего четырнадцать лет). Сын мой непосредственно никакой кражи не совершал. Во всяком случае, упоминаемое дело не имеет никакого отношения к нынешнему делу. То прошлое дело закончено, и сын понес наказание (один год условно).

В деле фигурируют, кроме И. Архипова и моего сына, еще шесть фамилий. Все эти люди, кроме одного, друзья или знакомые И. Архипова и составляли его окружение. Мой сын некоторых из них либо совсем не знал, либо знал очень мало, поскольку он и с самим Архиповым начал встречаться лишь за месяц до своего ареста. Я узнал в семействе Архиповых возраст и некоторые данные об этих лицах. Смирнову Сергею — 21 год. Якубовскому Михаилу — 25 лет, — он сын арестованных и высланных родителей. Болтянскому Борису — 21 год. Генину (сокращенно его зовут Яня) — 22 года. Московскому — неизвестно сколько лет, он учился в одной из школ вместе с И. Архиповым. Карлсон Дмитрий — семейству Архиповых неизвестен. Все эти люди, кроме неизвестного Карлсона, проживают, очевидно, в Москве и, кажется, все они свободны. Со слов родителей И. Архипова я понял, что Якубовский и Болтянский представляют из себя отрицательные фигуры. Сам я их никого лично не знаю, но мне известно, что некоторые из них

вызывались к следователю, и я представляю, какая может быть цена их показанию — в том числе и показаниям осужденного И. Архипова — против моего сына, которого они все едва знали, а некоторые и совсем не знали.

Видимо, была кому-то какая-то выгода, чтобы развращать, провоцировать и губить советских подростков, подвергая одновременно их родителей жестокому отчаянию. Это мое твердое убеждение.

С моей точки зрения, следственный материал в отношении моего сына порочен, и дело, беря его по существу и во всей его глубине, проведено неправильно, с нарушением основных принципов советского государства в отношении детей.

Полтора года, которые мой сын томится по тюрьмам, срок более чем достаточный, какой только может вынести больной подросток. Поэтому я прошу Вас приговор в отношении моего сына опротестовать, а сына освободить.

Приложение:

Адрес: Москва, Тверской бульвар, д. 25, кв. 27.

Андрей Платонович Платонов.

Печатается по машинописи: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 109, л. 15–18.

¹ *Голяков Иван Терентьевич* (1888–1961), родился в семье крестьянина. Образование высшее: окончил в 1925 г. правовое отделение Донского университета заочно. Член партии с декабря 1918 г. С ноября 1909 г. служил рядовым в Варшаве. В 1918 г. заведует сельпо в Московской губернии. В мае 1919 г. служил добровольцем в РККА, красноармеец, политработник. В 1919–1920 гг. — председатель Реввоентрибунала Донской губернии. С 1921 по 1932 гг. — на руководящих должностях в Военных трибуналах военных округов. С 1933 г. член военной коллегии Верховного Суда СССР. В начале 1938 г. — Прокурор РСФСР. С мая 1938 г. — Председатель Верховного Суда СССР. С 1948 г. — директор Института юридических наук. С 1952 г. — на пенсии.

21

11 ноября 1939 г.

11-ХІ-39 г.

Норильск

Дорогие мамочка и папочка!

Очень рад, что получил ваши радиogramмы от 20/Х и 29/Х, но почему вы не пишете более подробно о деле и о себе. Вы пишете: дела твои блестящие, но как и что, вы не пишете. Я всегда был уверен, что дело мое пересмотрится в лучшую сторону для меня и, в конце концов, освободят, и мы будем вместе жить. Пока это мечты, но скоро они осуществляются. Теперь о себе. Живу хорошо. Работаю на воздухе и этим самым закалился по-заполярному. День моего рождения прошел удовлетворительно так же, как и праздники. Еще ни разу не болел по-настоящему, и болеть здесь не очень хорошо. Сейчас бурю бурки для подрывников, которые взрывают аммоналом. Они вкладывают в бурки аммонал, и вся земля на несколько метров вокруг летит в воздух. Этим планируется площадь, на которой будет стоять большое здание. Сегодня ходил первый раз вместе с Зуевым¹ на работу. Он неплохой малый. Сейчас пойду давать заявление на получение денег и,

если разрешат, дам вам радиogramму. Если получу деньги, то будет очень хорошо, но одежду мне необходимо. Присылайте денег столько, сколько вы сможете, но не думайте присылать очень много. Привет тому, кто помнит меня.

Прижимаю вас, мои дорогие, к груди. Целую. Ваш сын Платон.

P. S. Кто приходит и помнит обо мне?

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 112, л. 1.

¹ Зув Александр Николаевич (1896–1965) — известный архангельский журналист и писатель, в 1929 г. возглавил книжное издательство «Федерация». Автор повестей «Смута», «Тайбола», «Пустой берег» и сборника рассказов «Конец века». В 1934 г. представлял Московскую писательскую организацию на Всесоюзном съезде советских писателей. Арестован по ложному доносу в 1938 г., три года провел в Норильске, затем 13 лет жил на поселении в районных центрах Устьянск и Абан Красноярского края. Реабилитирован в 1954 г.

22

28 декабря 1939 г.

Прокурору Союза ССР тов. М. И. Панкратьеву

Принося Вам свою глубокую благодарность — за то, что в результате Ваших действий приговор по делу моего малолетнего сына Платонова Платона Андреевича, был отменен,— прошу Вас принять во внимание следующее.

1. Письмо сына, которое находится в деле и которое вменяется сыну в проступок, единственно верно можно охарактеризовать лишь как мальчишескую выходку, причем мой сын, конечно, не отдавал себе отчета в том значении, которое могут придать такому письму, и не сознавал, и не мог сознавать, смысла своего поступка. Да и поступок-то этот абсолютно бессмысленный и не мог иметь никаких вредных [для общества] последствий. Мне, правда, неизвестен точный текст письма, но о сущности его я имею представление. Я убежден, кроме того, что письмо это написано под влиянием других, более старших, развращенных людей, уже, вероятно, осужденных, и является с их стороны провокационным актом по отношению к подростку, совращением последнего. Далее, мне известно опубликованное в газетах разъяснение Пленума Верховного Суда СССР (в конце лета тек<у>щего года), по точному смыслу которого нельзя привлекать к ответственности по политическому обвинению подростков до 16-ти лет; моему сыну в момент ареста было 15 лет с несколькими месяцами (в деле есть нотариальная копия выписи из метрической книги). Письмо, о котором идет речь, если даже его принимать всерьез, невозможно квалифицировать иначе как некий политический проступок, и, следовательно, и с этой точки зрения, на основании разъяснения Пленума Верховного Суда, сын не подлежит ответственности.

2. Скоро будет два года, как мой сын томится по тюрьмам и лагерям. Сейчас он находится в Норильском Лагере (Таймырский округ), за полярным кругом, где работает плотником.

По форме и по духу советских законов, по существу нашего общества — не следует детей содержать в заключении столь значительный срок, да еще за поляр-

ным кругом, во мраке полярной ночи. Но поскольку это уже случилось, необходимо немедленно прекратить такое наказание, о чем я и прошу Вас, Прокурора Советского Союза.

3. Я прошу Вас, чтобы мой сын был освобожден без последствий, [ущемляющих] уменьшающих его гражданские права. Ведь заключенному и сейчас всего 17 лет; ему надо жить и учиться; он не должен быть лишенным права пойти в Красную Армию, когда наступит его срок; он не должен быть лишенным возможности жить вместе со своими родителями.

Заключенный мальчик слишком многое перестрадал и утратил, чтобы дополнительно нести страдания, как [хотя и свободный, но] неполноценный в гражданском смысле человек. Мы, родители, убеждены, что Вы предпримете дальнейшие действия для скорого освобождения нашего сына — без всяких последствий, которые могут отяготить его дальнейшую судьбу [и без того уже омраченную перенесенным тяжким наказанием. С глубоким уважением]. Пусть он как можно скорее забудет пережитое им тяжкое наказание — он ведь еще только вступил в свою юность — и не будет более чувствовать себя обездоленным омраченным человеком.

С глубоким уважением.

28/XII 1939 г.

Адрес: Москва, Тверской бульвар, д. 25, кв. 27. А. П. Платонову.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 111, л. 10–11.

23

<декабрь 1939 г.>

Поздравляем дорогого сына с освобождением. Телеграфируй, как ты думаешь устроиться до того, как представится возможность выехать в Красноярск, не спеши, не делай этим отъездом ошибочных шагов, не принимай решений без нашего совета — сейчас полярная ночь, поездка далека, трудна. Сколько тебе куда нужно перевести денег. Всего тебе в Норильск переведено восемьсот пятьдесят рублей. Есть возможность временно устроить тебя в Дудинке <на> квартире учительницы средней школы Александры Афанасьевны Васильевой, ей послана телеграмма писателем Александром Кожевниковым с просьбой принять тебя, если ты поедешь, она знает Кожевникова, согласен ли ты. Мы принимаем меры <в> Москве для отправки тебя <в> Красноярск самолетом — сообщим как добьемся результата. Мать будет встречать тебя <в> Красноярске, при надобности выедет в Дудинку. Отвечай подробно телеграфом все ожидают этой телеграммы. Передаем поздравление с освобождением от всех родных и знакомых.

Целуем. Отец, мать.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 110, л. 4.

24

<декабрь 1939 г.>

Дудинка, Краснояр<ского> края
средняя школа,
Александр^е Афана^{сьевне} Василь^{евой}

К Вам по моей рекомендации зайдет сын писателя Пл<атон> Андр<еевич> Платонов, семнадцати лет, ему надо ехать <в> Москву. Очень прошу Вас оказать ему всевозможное содействие в смысле [*временного проживания в Дудинке*] временного приюта, приобретения теплой одежды и совета [*и товарищеского расположения*].

Скажите ему, чтобы он не спешил ехать в Красноярск и ждал в Дудинке приезда и помощи своих родителей. Необходимые средства по первой его телеграмме будут переведены телеграфом.

Привет. Писатель Александр Кожевников.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 108, л. 10—11.

25

18 января 1940 г.

18.1.40

Здравствуйте, папа и мама.

Я здоров и чувствую себя хорошо. Получил радиogramму, где пишете, что мое дело на доследовании. Я уверен, будьте и вы уверены, что результат доследования будет хороший, и меня освободят. Беспokoюсь о вашем здоровье. Вы не пишете в радиogramмах о своем здоровье — очень плохо. Пишите больше в радиogramмах. Пoсылoк не получал. Ваш Платон.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 112, л. 2.

26

6 марта 1940 г.

Норильск6 марта 1940 г.

Здравствуйте, дорогие мамочка и папочка!

Получил от вас первую открытку и одновременно радиogramму, где вы сообщаете о том, что доследование моего дела окончено, и вы и я ждем от Прокуратуры хорошего результата и, может быть, освобождения, хотя в открытке от 19-го окт<ября> 39 г. вы пишете, что в ближайшие дни м. б. я буду освобожден, а прошло довольно много времени с октября м<еся>ца и меня еще не освобождают. Наверное, мне дадут 2—3 года и заменят пункты моей статьи, так я знаю на прак-

тике отбывания срока. Вы пишете в открытке, что вы, вернее, кто-нибудь из вас, приедете ко мне, это будет хорошо, но очень дорого и утомительно в пути. Сейчас я работаю и чувствую себя неплохо. У меня к вам просьба, если вы узнаете, что мне оставят какой-нибудь срок, то присылайте денег не больше 100 рублей в м<е-ся>ц. Если же меня освободят, то сами вы знаете, сколько мне нужно на дорогу. Ну, дорогие мои, сейчас иду на работу. Еще много бы написал. Как вы живете и как ваше здоровье. Передавайте привет, кто помнит меня. Целую вас, мои дорогие, и никогда не забываю о вас.

Ваш сын Платон.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 112, л. 3.

27

2 апреля 1940 г.

2/IV-40 г.

Здравствуйте, дорогие папочка и мамочка!

Только сейчас получил от вас радиogramму от 27 марта, где вы пишете о том, что я скоро поеду в Москву. Куда? На доследование или нет. На свободу или куда? Я все же предполагаю, что мое дело решится заочно, и меня освободят. О деле хватит. Когда я думаю только о нем, у меня голова болит. Сейчас я здоров. Работа не тяжелая, а, главное, меня она интересует. Лично я работаю на подаче воздуха рабочим в забои. Вот и вся моя работа. Зуева я не видел 2 м<еся>ца. Он находится во втором Норильске, у него туберкулез, и связь с ним у меня порвалась, т<ак> ч<то> об одежде нечего и думать. Деньги здесь дают очень и очень не скоро. У нас еще зима. Привет знакомым.

Целую и обнимаю вас.

Ваш сын Платон.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 112, л. 4.

28

8 апреля 1940 г.

Здравствуйте, дорогие мамочка и папочка!

Получил от вас радиogramму, где вы сообщаете о том, что скоро поеду в Москву, как я поеду вольным или следственным? Напишите или дайте ответ радиogramмой. Сейчас я существую неплохо. Работаю бригадиром. Видал Макарьева¹, — постепенно работает. Очень и очень хотел бы видеть вас. Если возможно, то приезжайте ко мне в Норильск, предварительно взяв разрешение на свидание в Гулаге. О том, что меня освободят когда-нибудь, об этом и говорить не будем, но все же вам говорят, значит — будем на что-то надеяться. Мне до сих пор не объявляли, что у меня приговор отменен. Сделайте, чтобы мне объявили об отмене приговора.

Целую и обнимаю вас. Ваш сын Платон.

8-IV-40 г.

Печатается по автографу: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 4, ед. хр. 112, л. 5.

¹ *Макарьев* Иван Сергеевич (1902–1958) — журналист, литературный критик. Родился в Рязанской губ., окончил в 1927 г. коммунист. ун-т им. Я. М. Свердлова. Член партии с 1919 г. Печатался с 1920 г. В 1925–1932 гг.— секретарь РАПП. Автор критических статей по вопросам советской литературы, а также книг: «О художественном показе героев труда», «Показ героев труда — генеральная тема пролетарской литературы» (обе 1932), «Пометки Горького на книгах начинающих писателей» (1932, переизд. 1957), «К прошлому нет возврата: О романе М. Шолохова “Поднятая целина”» (1934). В 1931 г. в журнале «На литературном посту» была опубликована его статья «Клевета» о повести А. Платонова «Впрок». В 1936 г. арестован, 26 августа 1937 г. осужден, срок отбывал в Норильлаге с 1939 г. В Норильске работал инспектором, затем диспетчером УМСМ (управление местных строительных материалов). 5 мая 1943 г. освобожден досрочно. После реабилитации работал в Москве, был секретарем Московской писательской организации. Покончил с собой в 1958 г.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ «ПОГИБШЕЙ КНИГИ»

Статья и публикация Н. Корниенко

В настоящей публикации представлены ранее неизвестные материалы к планам издания книги «Размышления читателя» в 1941 г. Косвенно о том, что Платонов предпринял попытку издать запрещенную в 1939-м книгу литературно-критических статей, свидетельствовало сохранившееся в фонде Платонова РГАЛИ письмо критика В. Кирпотина от **10 августа 1940 г.**, в котором он извещал писателя, что написанный им отзыв о книге «Размышления читателя» отправлен в Президиум правления Союза писателей.

Валерий Яковлевич Кирпотин (1898–1997) — фигура не рядовая в литературно-политической борьбе второго советского десятилетия, а скорее одна из ключевых. Член партии с 1918 г., участник Гражданской войны; выпускник Института красной профессуры (1925); профессор Ленинградского научно-исследовательского института марксизма-ленинизма (1925–1931) и директор Института литературы, искусства и языка ленинградского отделения Комакадемии (1931–1932), заведующий сектором художественной литературы при ЦК ВКП(б) (1932–1936); секретарь оргкомитета по подготовке Первого Всесоюзного съезда писателей СССР (1932–1934); член избранного на съезде Правления и президиума правления ССП; фактический руководитель секции критики при ССП СССР; автор книг «Радикальный разночинец Д. И. Писарев» (1928), «Наследие Пушкина и коммунизм» (1936), «Политические мотивы в творчестве Лермонтова» (1940) и др.

Поиски следов обсуждения книги «Размышления читателя» в фондах Президиума Союза писателей за 1940 г. не дали положительного результата. Фонд секции критики СП за 1940 г. и вовсе оказался пустым. Никак не фигурирует отзыв Кирпотина и в документальном издании «В. Я. Кирпотин. Ровесник железного века» (М.: Захаров, 2006). Публикуемый дневник Кирпотина за 1940 г. обрывается записью от **14 июля 1940 г.**: «Отдых. Черновик статьи “Тихий Дон” М. Шолохова» (*Кирпотин В. Я. Ровесник железного века. С. 435*). Что реально находилось и осталось в семейном архиве Кирпотина, что опубликовано, а что купировано, то нам неизвестно. Историко-литературная репрезентативность семейных публикаций весьма низкая. И все-таки отзыв Кирпотина на книгу Платонова (от **14 июля 1940 г.**) не исчез бесследно при чистке конца 1940 г., когда партийным Постановлением о критике и библиографии вместе с журналом «Литературный критик» была ликвидирована и секция критики при Союзе писателей. Относящийся к платоновской истории блок материалов, скорее всего, нечаянно попал в папки Комиссии по материалам литературной консультации и экспертизе, где собраны материалы рецензий на произведения начинающих писателей (на букву «П»). Отзыв Кирпотина представлен автографом и одной (из трех) авторизованных машинописей. Нет сомнения, что одна из машинописей отзыва была под рукой критика, когда он начал писать статью о Шолохове, куда из отзыва на платоновскую

книгу переходят отдельные фразы и развернутые определения (см.: *Корниенко Н.* «Течение времени»: Андрей Платонов в 1940 году // Страна философов, 2003. С. 787). Публикаторы наследия Кирпотина указывают дальний адресат статьи — «Красная новь». 1941. № 1 (В. Я. Кирпотин. Ровесник железного века. С. 435), однако, в первой «редакции» шолоховский сюжет появится на страницах «Литературной газеты», где осенью развернулась дискуссия о «Тихом Доне». Из этой статьи (см.: *Кирпотин В.* О «среднем писателе» и герою литературы // Литературная газета. 1940. 22 сент.) Платонов мог вычитать заключение Кирпотина об издательской судьбе книги «Размышления читателя».

История вокруг издания книги 1940 г. в некотором смысле итожит развернувшиеся вокруг Платонова критические бури 1938–1940-х гг. Книга собиралась в июле—августе 1938 г. На этом этапе подготовку книги курировал зав. Отделом литературоведения издательства «Советский писатель» Л. И. Тимофеев (см.: Переписка А. П. Платонова и Л. И. Тимофеева. Публикация *Н. Корниенко* // Воспоминания. С. 421–426). К 10 августа подготовленная рукопись книги поступает в издательство (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 25, л. 33). 22 октября на представленную книгу подписывается договор с издательством (см.: РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 15, л. 28). Начинается работа с назначенным издательством редактором книги критиком Е. Усиевич (этот этап работы не реконструирован). В производство книга уходит в феврале 1939-го, подписана к печати 20 июня (см.: *Платонов А.* Размышления читателя. М.: Советский писатель, 1939. С. 164 // ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 5, ед. хр. 11. С. 164) и уже в августе печатание тиража было приостановлено. На сегодняшний день история уничтожения издания 1939 г. документирована неплохо; выявлены главные персонажи, участвовавшие в организации антиплатоновской кампании 1938–1940-х гг. (см.: *Корниенко Н.* «Заметки» Андрея Платонова (Комментарии к истории невышедших книг А. Платонова 1939 года) // Русская литература. 1990. № 3. С. 180–185); В. Ермилов и А. Платонов. Публикация *Н. Корниенко* // Воспоминания. С. 425–433; *Галушкин А.* Андрей Платонов — И. В. Сталин — «Литературный критик» // Страна философов, 2000. С. 815–826).

В литературно-критической битве 1938–1940-х гг., развернувшейся вокруг методологического вопроса о соотношении творческого метода, прежде всего, реализма и мировоззрения писателя, имя Платонова использовалось как важнейший аргумент обвинения «Литературного критика» в недооценке достижений советской литературы, неверном понимании мировоззренческих вопросов творчества, отступлении от горьковского курса советской литературы, групповщине и т. п. При этом принятые к печати книги литкритиковцев выходят в свет: в 1939 — монография Г. Лукача «К истории реализма», книга статей Е. Усиевич «Пути художественной правды». В 1940 г. Усиевич входит во всевозможные комиссии ССП, пишет внутренние рецензии в издательстве «Советский писатель» и т. п. Оппоненты «Литературного критика» не обращали внимания на очевидное: в 1939-м Платонов не опубликовал ни одной (!) статьи в «Литературном критике», а в 1940-м — лишь рецензию на книгу рассказов В. Козина (№ 2). В 1939-м Платонова еще включают в списки приглашенных на заседания Президиума ССП, посвященные обсуждению деятельности «Литературного критика» (см.: РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 334, л. 74; № 18 в списке приглашенных), в 1940-м и этого уже нет.

Как свидетельствуют донесения в НКВД, Платонов был осведомлен о подковерной борьбе враждующих между собой критиков-марксистов. Так, в донесении от 28 марта 1940 г. сообщается, что Платонов высказался о существовании идущей дискуссии и сообщил, что «спорящие стороны подали докладные записки в ЦК ВКП(б) с изложением существа спора» (Страна философов, 2000. С. 869). Основные положения «докладной» оппонентов «Литературного критика» были обнародованы в редакционной статье «Красной нови», где факти-

чески без особых редакционных исправлений повторяются идущие от выступлений 1939 г. (журнал «Большевик», статья В. Ермилова в «Литературной газете») инвективы в адрес связи «Литературного критика» с «порочным» творчеством писателя Платонова, «все творчество» которого — «в целом, со всеми его упадочническими чертами», журнал «сделал своим знаменем»: «Своего писателя — Андрея Платонова — представители группы расхваливают при всех удобных и поистине неудобных случаях» (О вредных взглядах «Литературного критика» // Красная новь. 1940. № 4. С. 168). Имя Платонова-критика также не раз упоминается главными оппонентами «Литературного критика» (В. Ермиловым, А. Гурвичем и В. Кирпотиным) в развернувшейся в январе—марте 1940 г. дискуссии о критике на страницах «Литературной газеты» (См.: *Корниенко Н.* «Течение времени». С. 768—770). Кирпотин напоминает читателям оценки пушкинских статей Платонова, прозвучавшие в 1938 г. со страниц журнала «Большевик». «Это чудовищная, неслыханная никогда раньше клевета на Горького...» — это о статье «Пушкин и Горький» (*Кирпотин В.* О народности в искусстве // Литературная газета. 1940. 30 янв.).

15 апреля 1940 г. Платонов пишет письмо в редакции враждующих изданий — «Литературной газеты» (орган Президиума ССП) и «Литературного критика» — с просьбой не употреблять его имя в целях доказательства собственных «теоретических положений» (Воспоминания. С. 429. Ошибочно датировано 15 мая). Письмо Платонова враждующие группировки не напечатают и просьбу его не исполнят.

Но, кажется, Платонов все-таки надеялся. Прежде всего, на А. Фадеева, с которым у него оставались товарищеские отношения. А. Фадеев, как глава ССП СССР, лавировал между двумя враждующими группами критиков: с одной стороны, подписывал составленные Кирпотиным и Ермиловым письма, докладную «Об антипартийной группировке в советской критике» (название записки о «Литературном критике», отправленной в ЦК в начале 1940 г.), с другой, постоянно призывал литкритиковцев признать ошибочность их оценок советской литературы, не создавать параллельный Президиуму правления ССП «второй центр» руководства литературой, а всех критиков вернуться к главному — общей работе, обсуждению современных произведений и книг (см.: РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 433, л. 8, 73—74. Выступление на совещании критиков).

За Президиумом Союза писателей оставались решения конфликтных вопросов, возникающих с переизданием произведений, а также с включением в издательские планы книг, отклоненных издательством или Главлитом. Подобных дел Президиум в 1939—1940 гг. рассмотрел не мало. Летом издательства всегда начинали формировать проекты планов на будущий год, и потому Платонов, очевидно, переговорив лично с Фадеевым, возвращается к вопросу о подготовленной, но неизданной книге, торопил Кирпотина с написанием отзыва (см. документы 1, 2, 3, 5). Только решение Президиума могло перезапустить вопрос ее издания. Фадеев не мог не понимать, что, отдавая решение вопроса о литературно-критической книге Платонова на заключение Кирпотину, он фактически закрывал сам вопрос. В не так давно отправленной в ЦК докладной записке «Об антипартийной группировке в советской критике» и подписанной им и Кирпотиным так резюмирован анализ статьи «Пушкин и Горький»: «Сборник подобных статей Платонова, редактировавшийся Е. Усиевич, был изъят, как антисоветская книга» (Власть и художественная интеллигенция. Документы. 1917—1953. М., 1999. С. 443). Могли быть, как в других конфликтных случаях, ходатайства литературной общественности с просьбой вступить за книгу и ее автора. К сожалению, в случае с Платоновым такой общественности в 1940 г. не оказалось. К тому же ситуация в литературной жизни осенью 1940 г. накалилась до предела.

Теперь об источнике книги «Размышления читателя», переданном Платоновым Фадееву. В письме к Фадееву Платонов называет переданное — «нечто вроде верстки, которую я взял в издательстве», Кирпотин пишет о гранках книги. Сохранились 2 источника книги «Размышлений читателя». Один экземпляр (ОР ИМЛИ) книги полный, с незначительными пометами карандашом. Другой (РГАЛИ) представляет собой комбинацию листов изданной книги (с. 1–17) с переверстанными, после изъятия статьи «Пушкин и Горький» (с. 18–39), страницами. Скорее всего, эта переверстка книги была подготовлена в издательстве еще осенью 1939 г. (см. письмо Платонову редактора-организатора Е. Колтуновой от 1 сентября 1939 г. с просьбой «крайне <...> срочно дать материал взамен снятой статьи» — РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 25, л. 35). Вместо статьи «Пушкин и Горький» (с. 18–39) вводятся 4 статьи-рецензии: «Лазурная реальность (о повести Л. Кассиля)» (с. 18–22), «Стахановец Басов (По поводу романа “Танкер Дербент” Ю. Крымова)» (с. 23–30), «Роман о детстве и юности пролетария» (с. 31–36), «Несоленое счастье» (с. 38–41). С точки зрения литературно-издательской стратегии-тактики, проведенная замена была крайне неудачной. Нелицеприятные высказывания в адрес авторитетного в секции детской литературы ССП Л. Кассиля и члена редколлегии журнала «Знамя» С. Вашенцева (фактического редактора журнала, с 1940 г. заместителя председателя оборонной комиссии ССП) отнюдь не увеличивали лагерь поддержки Платонова-критика. Среди развенчанных в «Размышлениях читателя» находился и Ф. Панферов: член Президиума правления ССП, один из заместителей Фадеева, редактор «Октября», член редколлегии «Красной нови» (разгромную рецензию Платонова на роман «Бруски» никогда не включали в посмертные издания статей Платонова 1960–1970-х гг.)

Переверстка книги делалась спешно, о чем свидетельствует вид верстки: сбой в нумерации страниц; л. 17–32 не обрезаны машиной, дальше листы выравнились простыми ножницами; из оглавления изъята статья «Пушкин и Горький» и не введены новые и т. п. На последней странице книги нет новых выходных данных; здесь же помета Платонова к оглавлению: «Содержание неполное» (л. 164). Именно этот источник книги Платонов и передал 10 мая 1940 г. в Президиум ССП. Верстка сохранила следы пристального чтения книги В. Кирпотиним: отмеченные простым карандашом фрагменты и выражения вошли в его отзыв; ссылка на страницы соответствует новой нумерации и пометам (отчеркнутым на полях, с аккуратной галочкой).

Книгу читали еще, по крайней мере, два человека, о чем свидетельствуют пометы красным карандашом и подчеркивания в тексте. На сегодняшний день остается неразысканным отзыв второго рецензента «Размышлений читателя» и заключение Президиума. В просмотренных протоколах и стенограммах заседаний Президиума ССП (с сентября по декабрь 1940 г.) вопрос «Размышлений читателей» не значится. Последний публикуемый нами документ (№ 6) датируется **27 сентября** 1940 г. С **9 сентября**, когда на совещании в ЦК ВКП(б) Сталин выступил с резкой критикой кинофильма «Закон жизни» (по сценарию А. Авдеенко), ближайшие заседания Президиума идут под знаком этого события (см.: Неправленная стенограмма выступления И. В. Сталина на совещании в ЦК ВКП(б)... // Власть и художественная интеллигенция. С. 450–455). В этот же день (**9 сентября**) Президиум обсуждает «дело» писателя Авдеенко и принимает решение об исключении писателя из ССП. **14 сентября** принимается Постановление секретариата ЦК ВКП(б) о пьесах А. Глебова, В. Катаева и М. Казакова: запретить к постановке указанные пьесы как «идеологически вредные и антихудожественные» (Там же. С. 455); **18 сентября** подобное заключение делается в отношении пьесы Л. Леонова «Метель» (Постановление политбюро ЦК ВКП(б); Там же. С. 455). **19 сентября** Президиум ССП принимает сразу несколько постановлений: 1) по

пьесе В. Катаева «Домик»: «Признать грубой ошибкой Президиума ССП СССР положительные оценки идеологически враждебной пьесы В. Катаева “Домик”» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 451, л. 2); 2) назначаются обсуждения других крамольных произведений; 3) начинается выдвижение на сталинскую премию; 4) принимается решение о созыве 27 сентября собрания критиков с привлечением писателей, занимающихся критикой. В качестве главного докладчика утверждается В. Кирпотин, объявляется тема его доклада: «Главнейшие задачи критики» (Там же, л. 3). Имени Платонова нет в списках приглашенных на собрание писателей. Не упоминает Платонова Кирпотин в своем докладе. Он вообще не назовет ни одного положительного явления в современной критике, попутно изобличив критический опыт К. Федина (статью «Тетрадь писателя» в «Литературной газете») и развернув целую галерею мировоззренческих ошибок современной литературы в изображении образа коммуниста («Санаторий Арктур» Федина, «Тихий Дон» Шолохова и др.). Под демарш против писательской критики Кирпотин подведет методологический, точнее, идеологический фундамент: «Руководство литературным процессом ... создается критикой» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 470, л. 9–31). Фадеев не был столь категоричен в оценках и в качестве положительного примера назовет критическую деятельность А. Гурвича: «Он критикует целый ряд явлений, критикует сейчас» (Там же, л. 39). Если учесть, что самым крупным вкладом Гурвича в литературную критику является его статья «Андрей Платонов», то можно предположить, что Фадеев к 27 сентября уже сделал выбор, о котором его просил Платонов в письме, — не в пользу писателя. На заседаниях в октябре Фадеев вновь возвращается к постановке вопроса о реальной критике, говорит, что в работу Президиума «должно входить обсуждение конкретных произведений, даже целого творчества каких-то людей» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 452, л. 18), но имени Платонова в планируемых обсуждениях мы не находим. Постановление секретариата ЦК ВКП(б) от 29 октября «О сборнике А. А. Ахматовой “Из шести книг”» адресовалось главным образом издательству «Советский писатель», не только его ленинградскому отделению, но и центральному — московскому, где собственно и принималось окончательное решение об издании книги Ахматовой: указывалось, что работники издательства допустили «грубую ошибку, издав сборник идеологически вредных, религиозно-мистических стихов Ахматовой» (Власть и художественная интеллигенция. С. 462). В инициированной Президиумом ССП ноябрьской дискуссии о книгах, посвященных Маяковскому, имя Платонова-критика, автора статьи о Маяковском, упоминается в ряду неверных толкователей сущности новаторства поэта (Л. Тимофеев) и трагического (В. Ермилов). В декабре Президиуму и вовсе было не до Платонова-критика. После постановления оргбюро ЦК ВКП(б) «О литературной критике и библиографии» (26 ноября) начинаются разборки среди членов Правления и Президиума ССП. 17 декабря на заседании Президиума решается не только вопрос будущего критики. Критиков из закрытых секции критиков и журнала «Литературный критик» необходимо было занять общим делом — «расквартировать критиков по журналам» (выражение Н. Асеева) (РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 474, л. 20). Член Президиума правления ССП В. Кирпотин тоже не выглядел победителем: закрывалась возглавляемая им секция критиков при ССП, и он, по сути дела, терял статус второго человека в Правлении и Президиуме Союза писателей. В сложившейся ситуации он обвинит Фадеева, призвав членов Президиума к критике руководителя ССП за плохую оргработу, неумение довести до конца ни одного дела и т. п. (Там же, л. 72–73). Лаконичным было резюме выступления В. Лебедева-Кумача: «Мы должны признаться, что мы устали, нам надоело работать в Союзе. Бывают же у людей профессиональные заболевания. Мы притупились немного, может быть, действительно, нам пора переизбираться? <...> Лучше писать книги, на страшном суде ведь именно это зачтется» (Там же, л. 68).

Кто, когда и как сообщил Платонову решение Президиума? Было ли оно? А если было, то с какой формулировкой? На эти вопросы пока нет документированного ответа. Надемся, он в дальнейшем будет найден.

В поисках развязки истории издания «Размышлений читателя» в 1941 г. мы просмотрели все папки договоров издательства «Советский писатель» с писателями за 1940–1941 гг. и обратились к финансовым документам. Издательский договор № 1145 был заключен между издательством и Платоновым 15 апреля 1941 г. на представленную им книгу «Рассказы» (РГАЛИ, ф. 1234, оп. 6, ед. хр. 114, л. 76. Объем — 10 п. л.). Именно эта книга Платонова фигурировала в сообщении «Литературной газеты» о принятом редакционным советом издательства решении включить дополнительно в план 1941 г. девять новых книг (Новые издания // Литературная газета. 1940. 6 апр. С. 1. Б/п.).

История эта началась все в том же июле—августе 1940-го, когда готовилось заключение президиума о «Размышлениях читателя». 25 июля «Советский писатель» потребовал у Платонова вернуть издательству долг за несданную им рукопись романа «Путешествие из Ленинграда в Москву». Платонов вновь попросил отсрочки для романа, а урегулировать свой долг издательству предложил за счет сборника рассказов и т. д. (см.: Корниенко Н. «Течение времени». С. 782–783). Идя по следам подготовки к изданию книги рассказов, мы обнаружили связанные друг с другом только упоминанием договора № 1145 два лицевых счета 1941 г. на имя А. Платонова. Один был выписан на сборник «Рассказы» (РГАЛИ, ф. 1234, оп. 6, ед. хр. 123, л. 33), другой — на некий сборник «А. М. Горький» (Там же, л. 32). Так издательство расценило собственные затраты на переверстку горьковских листов книги «Размышления читателя», вписав расходы в погашение задолженности Платонова перед издательством в единственный (!) договор с писателем 1941 г. Книга рассказов Платонова в 1941 г. не вышла, как и многие другие плановые книги 1941 г., издательская работа над которыми пришлось на начало Великой Отечественной войны. Последний издательский документ, уже времени войны, письмо-извещение секретаря издательства «Советский писатель», отправленное Платонову 7 июля 1941 г.: «Уважаемый тов. Платонов! Возвращаем второй экземпляр Вашей рукописи “Течение времени”, материал не вошедший в сборник рассказов, и рукопись “Размышления читателя”» (РГАЛИ, ф. 1234, оп. 6, ед. хр. 117).

Так верстка «Размышлений читателя» вернулась в дом Платонова (в 1951 г. она будет сдана в РГАЛИ). Отзывы рецензентов и заключение президиума Платонову, скорее всего, не передавали. Возможно, они все еще лежат в архивных папках издательства «Советский писатель» и Союза писателей.

На титульном листе первого экземпляра книги «Размышления читателя» (ОР ИМЛИ) Платонов напишет в ноябре посвящение: «Дорогому единственному сыну — от отца, автора этой погибшей книги. Ноябрь 1940. А. Платонов» (ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 5, ед. хр. 11).

На титульном листе верстки-переверстки «Размышлений читателя» (РГАЛИ) рукой Марии Александровны вписано посвящение:

«Книга, не вышедшая в свет.— Почему?

Дарю ее тебе, Мария.

Твой муж Андрей Платонов» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 103. Ранее ошибочно считалось как автограф Платонова).

1

Письмо референта Союза писателей А. П. Платонову

9/ V 40 г.

Уважаемый товарищ Платонов!

Принесите пожалуйста в Союз писателей Вашу книгу «Размышления читателя» в новой редакции для т. Фадеева.

Ст. референт ССП

[Подпись]

Ул. Воровского 52, комн. 14

Президиум

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 631, оп. 10, ед. хр. 8, л. 81а.

2

Письмо А. П. Платонова А. А. Фадееву

Дорогой Александр Александрович!

При этом посылаю тебе книжку «Размышления читателя»¹ (нечто вроде верстки, которую я взял в издательстве). Это сборник нового состава, то есть порочная статья «Пушкин и Горький»² из сборника изъята, вместо нее поставлены другие вещи. Вообще сборник теперь может быть еще более обновлен новыми статьями, а может быть оставлен так как есть, — как хочешь.

Очень прошу тебя сказать издательству, чтобы выпустили книгу в свет.³ Отговорка, что бумаги нет — несостоятельна по многим причинам, в том числе и по той, что находится бумага для выпуска книги Гурвича «Поиски героя» вторым изданием; значительную часть этой книги занимает статья под названием «Андрей Платонов»⁴, самому же Платонову трудно выпустить свою книгу даже одним первым изданием.

Ты понимаешь, что это несправедливо. Однако без тебя книга эта не увидит света. И я прошу тебя помочь мне. Если нужны разъяснения какие-нибудь, вызови меня.

Товарищеский привет. Андр. Платонов

10/V 40

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 631, оп. 10, ед. хр. 8, л. 80–80 об.; чернила.

В левом углу виза Фадеева (простым карандашом): «тов. Кирпотину на заключение. Заслуживает ли издания? [Подпись]». Внизу референтом проставлена дата получения документа: «11/V 40».

¹ Название книги подчеркнуто простым карандашом.

² См. оценки статьи «Пушкин и Горький»: «путанная», «насквозь антимарксистская»; «эту статью предполагалось также недавно выпустить в сборнике статей» (О некоторых литературно-художественных журналах // Большевик. 1939. № 11 (сент.). С. 56).

³ Все предложение подчеркнуто красным карандашом.

⁴ *Гурвич* Абрам Соломонович (1897–1962) — литературный и театральный критик; автор фундаментальной статьи «Андрей Платонов» (1937), положившей начало кампании критики творчества Платонова второй половины 1930-х гг. (см.: Воспоминания. С. 358–413). Опубликованная в журнале «Красная новь» (1937, № 10) статья «Андрей Платонов» вошла в книгу избранных работ А. Гурвича «В поисках героя» (М.; Л.: Искусство, 1938). В книге 350 страниц, статья «Андрей Платонов» составляет почти 1/4 книги (с. 57–131). Документами (планами издательств) о переиздании книги Гурвича мы не располагаем. Гурвич входил в список критиков, выдвигаемых в 1940 г. на Сталинскую премию (РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 449, л. 2, 12); правда, в отличие от других претендентов (Кирпотина, Ермилова и др.) у него была всего одна книга и то, изданная в 1938 г. Возможно, именно с кампанией выдвижения появились планы переиздать книгу «В поисках героя». Первая Сталинская премия в области литературной (!) критики была присуждена искусствоведа И. Грабарю за книгу о художнике И. Репине; ни один из участников литературных боев 1938–1940 гг. не был отмечен премией.

3

В. Кирпотин — А. Платонову

12/VIII Тов. Платонов

Вашу книжку я получил из президиума ССП на отзыв перед самым отъездом в Тбилиси, на юбилей Церетели¹. Приехал 5-го — но сразу не мог взяться за работу, так как заболел. Обо всем этом я поставил в известность тов. Скудину² с просьбой передать Вам.

Сейчас я книгу Вашу прочел. Отзыв я представлю в президиум при первом моем приезде в Москву, т. е. не позже 19-го числа. В. Кирпотин.

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 124, л. 2 об.; почтовая открытка. Письмо А. Платонова Кирпотину неизвестно.

¹ В СССР широко отмечался 100-летний юбилей классика грузинской поэзии Акакия Ростомовича *Церетели* (1840–1915). Как член Правления и Президиума ССП СССР В. Кирпотин входил в состав делегации, принимавшей участие в работе Юбилейного пленума Правления ССП Грузии (23–24 июня), и выступал с докладом на пленуме (см.: Церетелевские торжества в столице Грузии // Литературная газета. 1940. 26 июня. С. 1).

² *Скудина* Мария Михайловна — референт ССП.

4

Отзыв В. Кирпотина на книгу «Размышления читателя»

В ПРЕЗИДИУМ ССП

По просьбе тов. А. Фадеева мною прочитана верстка книги Андрея Платонова «Размышления читателя».

Книга составлена из статей и рецензий, и «заметок» (собственное выражение автора, характеризующее его статью о IV-й книге «Брусково» Панферова — стр. 93)¹, напечатанных в разное время в периодических изданиях. Она открывается статьей «Пушкин — наш товарищ».

Рассуждения Платонова о Пушкине носят импрессионистический характер. В этом не было бы никакой беды, если бы они не повторяли ряд неправильных оценок литературных явлений прошлого и современной действительности, дополненных собственными ошибочными мнениями автора.

Пушкин был поэтом декабризма. Пушкин не остановился на декабризме — он развивался. Его реализм, его демократизм значительно превосходят идейный уровень декабризма. Однако, декабризм был необходимой ступенью в развитии Пушкина. Декабристская идеология (ср. ее с ложноклассицизмом и мистическим романтизмом) была не препятствием, а необходимой и важной ступенью в эволюции Пушкина. Платонов же отделяет Пушкина от декабризма: декабристские стихи поэта он считает дидактическими (т. е. нехудожественными) (стр. 9–10). Пушкин был с декабристами только с горя, в минуты отчаяния: «В такие минуты он согласен был стать даже декабристом...» (стр. 11). Оценка Платонова не соответствует фактам. Она неверна и методологически, ибо отрывает творчество Пушкина от революционных идей, с которыми оно было связано.

Пушкинскому объективному, реальному взгляду на мир Платонов придает субъективный характер. Например, Петр и Евгений из «Медного всадника» — это, по мнению Платонова, разветвление собственной сущности поэта, — «Пушкинского начала» (стр. 6). Естественно, что и разрешение противоречия между Петром и Евгением автор ищет не в истории, а в образе самого Пушкина, где находят удовлетворение «обе нужды человеческой души» (стр. 9). Пушкин очень обеднен у Платонова.

Не понимает совершенно Платонов и значения Пушкина для всей последующей истории русской литературы. Думая возвеличить Пушкина, он унижает последующих русских писателей. Вот пример: «Читая иные произведения Щедрина... — пишет Платонов, — человек иногда теряет веру в свое достоинство и не знает, как же ему быть дальше в этом мире, “где сорным травам лишь место есть”». Ведь были же и тогда писатели, понимавшие свою задачу несколько иначе: напр. Чернышевский» (стр. 16). Вопреки мнению Платонова, Чернышевский и Щедрин это 1) одно направление в русской литературе, 2) надо уж очень приблизительно знать Щедрина, чтобы придти к выводу, что его произведения убивают веру в достоинство человека.

«Пушкин — наш товарищ» — статья о Пушкине и современности, но и представления Платонова о современности слишком часто ошибочны. Так, он полагает, что новая социалистическая интеллигенция — вышла только из людей физического труда, и что ее отношение к литературе носит «старопролетарский» характер (стр. 3)². Источником стахановского движения он считает не социалистические стимулы поведения, а художественное вдохновение, «артистическое чувство машины»! (стр. 4).

Неправильное представление о социалистическом человеке отразилось на статьях Платонова «Лазурная реальность»³, «Роман о детстве и юности пролетария»⁴, «Гордубал, крестьянин из повести Карела Чапека»⁵. Возражения вызывают не конкретные оценки Платоновым отдельных произведений, а его точка зрения на человека, согласно которой «неблаговидное», «нечистое», «судорога временного уродства», является признаком передового прогрессивного человека (см. стр. 22, стр. 36 — рассуждения почему Сима выше Саши; стр. 161).

Неприемлемым является и взгляд А. Платонова на историю и народ. Мнение, согласно которому народ всегда вплоть до социалистической революции, живет «точно в сумраке», «механически» (стр. 53), не соответствует действительности. Такое мнение, если быть последовательным, может рассматривать революцию только как чудо, а не как закономерный процесс. Платонов пишет: «наличие классов господ и рабов ведет всякий народ к вырождению и к его конечному исчезновению» (стр. 53). Марксизм учит, что антагонизм классов ведет к классовой борьбе и к возникновению через революции — новых общественных формаций.

Различие, которое устанавливает Платонов между буржуа-мужчиной, как «чистым паразитом-наслажденцем» и буржуазной женщиной, как роженицей (стр. 58)⁶, повторяемое и в других местах книги,— вызывает недоумение. Точно так же вызывает по меньшей мере удивление утверждение, гласящее, что героизм, социалистическое соревнование, любовь к родине лишают человека «чувства самообладания» (стр. 62–63)⁷. Утверждение это превращает социалистическую сознательность в болезненный эффе́кт.

Статьи А. Платонова о западных писателях, помещенные в настоящем сборнике, основаны большей частью на абстрактном противопоставлении морализующей точки зрения автора точке зрения исследуемого писателя, как его понимает критик. Это приводит Платонова к таким, например, утверждениям: в среде, изображенной Олдингтоном, трудно «женщине не только всерьез полюбить кого-либо, даже Криса, но даже зачать ребенка почти не от кого. Дело тут не в морали и в духе, тут и простой физики не хватает» (стр. 127, см. также стр. 129)⁸. Это комическая сторона анализа автора. Гораздо хуже, что анализ Платонова относит к фашизму или полуфашизму результаты литературной деятельности Джойса, Пруста, Олдингтона и даже Карела Чапека (см. стр. 128, 131, 132, 137, 146, 156)⁹.

В книге А. Платонова есть 2–3 статьи, которые не вызывают столь решительных возражений или даже вовсе не вызывают возражений. Среди них следует назвать статью о Джамбуле. Однако, на основании вышеизложенного следует признать действия издательства, воздержавшегося от выпуска в свет книги А. Платонова, правильными.

14/VII-40

В. Кирпотин

Печатается по авторизованной машинописи: РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 8, л. 71–72 об. Здесь же автограф отзыва (л. 73–79).

¹ Взято из резюмирующей части статьи «О грандиозном, но неуловимом»: «В заключении скажем следующее. Мы не собирались писать статьи, и не написали ее, обо всех частях произведения, объединенных названием “Бруски”, — мы написали лишь заметку по поводу одного “Творчества”» (*Платонов А. Размышления читателя*. М.: Советский писатель, 1939. С. 93 // Цит. по: ОР ИМЛИ, ф. 629, оп. 5, ед. хр. 11. С. 93. Далее цитируется по данному источнику, с указанием страницы книги). Статья Платонова о романе Ф. Панферова «Бруски» впервые была напечатана в журн. «Литературное обозрение» (1937. № 15; подпись: *Ф. Человеков*); писалась по выходу последней части романа «Бруски» — «Творчество» (Октябрь. 1937. №№ 2–3). В жанровом отношении статья Платонова выходила за границы рецензии, тем более «заметок», и является полноценным литературно-критическим текстом. Это подтверждает и автограф статьи, в котором отсутствует характерное для рецензии

описание рецензируемого источника, а само название (в автографе: «Грандиозное — пока неуловимо») педалирует актуальную для советской литературы тему второй половины 1930-х гг., тему взаимоотношений нового человека, социалистического идеала с народностью литературы (понятие «народности» было реабилитировано в 1936 г.).

² Кирпотин повторяет основные обвинения в адрес платоновского Пушкина, прозвучавшие в дискуссии о «Литературном критике» 1939 г.

³ Название статьи о романе Л. Кассиля «Вратарь республики» (Красная новь. 1938. № 10–11), впервые опубликованной в «Литературном обозрении» (1939. № 6) под названием «Реторта для изготовления человеков», подпись: *Ф. Человеков*. Кирпотин передергивает критическое высказывание Платонова. У Платонова речь идет не вообще о человеке, а о псевдоромантическом характере изображения Кассилем нового человека, героя современности: «Очищенное, протертое, профильтрованное не означает наилучшего. Наоборот, то, что иногда считается “грязным”, “неблаговидным”, “нечистым”, что подернуто судорогой временного уродства,— это и является признаком реальности, потому что такой признак означает след борьбы и напряжения, он служит показателем работы и усилия передового прогрессивного человека — в нашем, современном мире, где еще не растут сплошные одуванчики» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 103. С. 22).

⁴ Рецензия на роман А. Савчука «Так начиналась жизнь» (Свердловск, 1938) печаталась в рецензионном отделе «Литературного обозрения» (1938. № 6; подпись: *Ф. Человеков*). Роман молодого уральского писателя рассматривается Платоновым как прямое, но подчас не глубокое следование «Как закалялась сталь» Н. Островского. Кирпотину не нравится оппозиция бедной и униженной страдальицы сестры Симы и ставшего героем ее младшего брата Саши. (В верстке этот фрагмент несколько раз отмечен критиком.) Это вся та же оппозиция, которая выделялась Платоновым в романе Островского (униженная Кристина и гордый Корчагин), не в пользу главного героя: «Однако Сима, судя по изложению ее судьбы автором, представляется нам более высоким человеком, чем “главный” герой повествования Саша; ведь именно Сима тянула всю семью из нужды, помогала ей хлебом и любовью, пока не погибла. <...> А Саша? Он один (не считая отца) полностью воспользовался счастьем революции и проявил в ней себя героем класса» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 103. С. 36).

⁵ Рецензия на роман чешского писателя К. Чапека «Гордубал» (1932; русский перевод 1937), опубликованная журн. «Литературный критик» (1938. № 5; подпись: *А. Фирсов*), подверстывается Кирпотиним под общую — неверную — у Платонова концепцию человека униженного как единственного носителя высоких духовных и нравственных начал. Умение Гордубала простить неверность жены возводится Платоновым в высшее достоинство героя: «...обычная жизнь, обычные, нередко драматические обстоятельства человеческого существования превратились в нем в высшую особенность человека; гниющая почва обратилась в цветущее растение, хотя самому этому “растению” Гордубалу, и неизвестно, что он украшает мир и обеззараживает его от эгоизма» (С. 161).

⁶ Эта реальная оппозиция в художественном мире Платонова рефлектируется писателем в статье «Электрик Павел Корчагин (Памяти Н. А. Островского)», впервые также опубликованной в журн. «Литературный критик» (1937. № 10). Высоко оценивая изображение любви пролетария Корчагина и девушки высшего света Тони Тумановой («Здесь почти во всю силу сказались огромный такт и объективность самого Островского как писателя»), Платонов высказывается на любимую метафизическую тему любви и пола: «Женщина чаще и точнее видит преимущество одного человека перед другим, потому что если она даже не труженица, то она хоть роженица, и уж одним этим она стоит ближе к действительности, к

истине и тягости жизни, чем ее супруг, какой-нибудь чистый буржуа, паразит-наслажденец...» (С. 58).

⁷ Так резюмирует Кирпотин размышления Платонова о природе и последствиях психологического перенапряжения Корчагина во время боя — до того «священного состояния, когда собственная жизнь вдруг не оставит в нем ни единого личного чувства» (с. 62): «...и в наше время такое состояние людей не редкость, но вызывается оно уже иными причинами, чем в эпоху гражданской войны, например — социалистическим соревнованием, необходимостью подвига, любовью к родине, и называется героизмом» (с. 62–63; подчеркнуто Кирпотинным).

⁸ В тексте статьи «Агония», посвященной роману английского писателя Р. Олдингтона «Суший рай» (русский перевод 1938) и впервые опубликованной в «Литературном критике» (1938. № 5), критиком подчеркиваются платоновские пассажи о любви как высшем испытании человека и его этические заключения о рефлектирующем герое романа Крисе как некоей квинтэссенции идеологической модели западноевропейского сознания: «Женщине той среды, в которой живет Крис, больше ничего не остается. Пусть не совсем сознательно, инстинктивно, но они правы, что хотя рожать, желают поскорее изжить, выбраковать своих партнеров-мужчин...» (с. 126); «Когда только люди избавятся от этой массы кандидатов на звание фюреров, которые в конечном счете, сознательно или нет, желают лишь подчинить себе вначале хотя бы малую часть человечества с целью духовного и материального угнетения своих современников?» (с. 128); «Но мы говорим сейчас не о всемирном переустройстве, а, например, о продолжении дружбы с Гвен, чтобы ее не постигла судьба Жюльетты в каком-либо варианте» (с. 130) и т. п.

⁹ Статьи о западных писателях подверстаны Кирпотинным под общую тему мировоззренческих ошибок Платонова. При чтении критик отчеркивает почти все оценки Платонова со словом «фашист». При этом отбрасываются нюансы в размышлениях писателя о фашизме и «разновидностях фашизма» (с. 132, выражение отчеркнуто на полях) как некоем итоге, по Платонову, переживаемого европейской культурой философско-мировоззренческого кризиса и идущих от начала века (не случайно Платонов не раз ссылается на О. Шпенглера) традиций крайнего индивидуализма, разнообразных комплексов «сверхчеловека», дегуманизации литературы и в целом культуры. Вот лишь некоторые отмеченные Кирпотинным фрагменты: «Романы Джойса и Пруста, не говоря прямо о фашизме, создавали для него моральную обстановку (едва ли сознательно, но все равно)» (статья «О “ликвидации” человечества»; с. 137); «...не означают ли поэтому все попытки “приговорить” человечество к ликвидации, к смерти, к поглощению его “саламандрами” только вариации того же фашистского невежества (невежества, служащего, однако, вполне сознательным инструментом подавления и угнетения в руках класса господ)...» (там же, с. 146–147) и др.

5

В. Кирпотин — А. Платонову

Товарищ Платонов!

Отзыв о книге Вашей «Размышления читателя» (вместе с гранками этой книги) я отправил в президиум ССП не меньше, чем три недели тому назад. Я делал эту работу по поручению Фадеева, переданному мне через секретариат Союза, как поручение президиума. Поэтому весь материал и вернул в президиум, куда вам и следует обратиться.

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 124, л. 1 об.; почтовая открытка.
Письмо А. Платонова В. Кирпотину неизвестно.

6

Записка референта Союза писателей

Гранки книги Платонова сейчас читает Нович¹, читал Кирпотин, ему надо оплатить, счет приложен.

Фадеев просил сделать доклад о тв<орчест>ве Платонова в целом секцию критиков и журнал «Лит<ературный> критик».

Послано туда письмом. 27/IX

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 8, л. 81.

Внизу записки проставлена дата исполнения документа: «1/X».

Нович (Файнштейн) Иона Савельевич — активный напостовец, создатель «Дерева современной литературы» (На литературном посту. 1926. № 3. С. 24–25), участник дискуссий о творческом методе пролетарской литературы и Перевале в Комакадемии (1929–1930); член секции критиков Союза писателей, постоянный автор журнала «Октябрь». Участвовал в дискуссии о критике 1940 г., выступал с разоблачением «теории сторонников тт. Лифшица-Лукача», развивающих на примерах писателей реакционного мировоззрения ложную концепцию художественной победы в творчестве «вопреки» мировоззрению (*Нович И.* Ирония судьбы // Литературная газета. 1940. 1 марта. С. 4). Отзыв И. Новича на книгу Платонова не выявлен.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

Все публикуемые в настоящем издании автографы даются методом динамической транскрипции. При подготовке публикаций использовались наработки Игоря Долгова, подготовившего транскрипцию автографа «Котлована», наиболее полно отражающую особенности рукописного текста Платонова и объясняющую его метаморфозы (см.: Динамическая транскрипция рукописи «Котлована» (Подготовка текста И. Долгова) // Котлован. С. 165–308).

Условные обозначения, принятые в транскрипции текста

1. Текст, не подвергшийся правке, набирается прямым простым шрифтом. Этот шрифт является основным в полиграфическом наборе транскрипции: им набирается основная (большая) часть текста, на его фоне оформляются все текстовые выделения.

2. *Зачеркнутый текст* набирается светлым курсивом той же гарнитуры и заключается в прямые скобки []. Варианты, оказавшиеся в пределах сокращаемого фрагмента, в случае возможного определения их границ, разделяются косой линией / или даются в курсивных скобках [].

3. **Вписанный текст первого слоя рукописной правки** набирается полужирным шрифтом: слова, вписанные над или под строкой, дописанные на полях. Точно так же выделяются слова, образованные в результате прямых исправлений в тексте, без вычеркиваний и вставок (переправленные слова). При этом первоначальная форма слова обозначается курсивом и заключается в прямые скобки []. Применение сочетания прямого шрифта и курсива (в вычеркнутом тексте) и, соответственно, прямого и полужирного (во вставленном) позволяет наряду с движением текста передать и способ осуществления правки (изменение флексии, присоединение префикса и т. п.).

4. **Вычеркнутая вставка первого слоя рукописной правки** набирается полужирным курсивом и заключается в прямые скобки.

5. **Вписанный текст второго слоя рукописной правки**, выполненный с изменением орудия письма (например, чернилами), набирается полужирным шрифтом другой гарнитуры («Arial»).

6. **Вычеркнутая вставка второго слоя рукописной правки** набирается полужирным курсивом другой гарнитуры и заключается в прямые скобки [Arial].

7. Помета <sic> применяется в тех случаях, когда необходимо подтвердить, что данное в транскрипции написание точно соответствует рукописному тексту, — будь то явные опiski, пропуски или устойчивые авторские написания некоторых слов:

из под, имянинник, нехватает, на-день, некчему, не начем, неначем, здравствуишь, поскольку, тросс, эстокада, диафрама, вглубь колхоза, самодеяные, тормаз, Гришь, Марфушь, ханженство, ханженское, ханженско-деляческая, по-сейчас, остьями, [медикаментозном] медикаментном, динамомашину, Машино-Тракторной; может обозляться на что-нибудь; непринятый в колхоз бедняк; мало-способен; ни кто я, Миша;

ни то травой, ни то ветром; и потряхивает ее от капелей дождя; по французски, по русски, по братски, по кулачки, по детски.

Не отмечаются формы написания, передающие особенности речи персонажей.

8. В публикуемых текстах сохраняется авторская пунктуация и используемые Платоновым старые и устойчивые формы написания без сопровождения их пометой <sic>: *безпрерывно, выростания, итти, опробовывать, посоветывать, проповедывать, притти, проэкт, разикался, советывать, стосвечевых, тростниково-камышевые, цыгарки, шоффер, чорт, эксплоатировать, кошолка, спрозктировал, прозктировочный; в течении (предлог); где нибудь; когда нибудь; что нибудь; во-след; во-время; на-веки; на-верх; на-земь; на-чеку; по твоему; по моему; по верху; попрержнему; почти-что; так-себе; зачем-же, как-же, что-же, едва-ли, будет-ли, выдумал-бы, хоть-бы и т. п.; стало-быть, близь.*

Вместо апострофа в соответствующих случаях вводится ъ.

9. Не отмечаются описки, исправленные непосредственно в самих словах, где они были сделаны, — без вычеркиваний и вставок (переправленные слова).

10. Обозначение непрочитанных фрагментов (как правило, несколько начальных букв недописанного и вычеркнутого автором слова), как и любая конъектура, дается курсивом в сочетании с другими знаками: <нрзб>; [<нрзб>]; [<нрзб>]. Если же непрочитываемый участок текста составляет целое слово (и более), то в условное обозначение такого фрагмента вводится указание его величины: <1 слово нрзб>. Если не поддается прочтению цифра, применяется следующее обозначение <1 цифра нрзб>.

11. Другие знаки (внесение в текст абзацного отступа (Z), подчеркнутые слова, слова, отмеченные знаком ударения) точно соответствуют знакам автографа.

12. Номер очередного листа — по авторской нумерации — указывается справа перед текстом, расположенным на листе. Переход с одного листа на другой обозначается в тексте двумя прямыми линиями ||.

13. Авторские пометы на полях приводятся в постраничных сносках и обозначаются цифрой после знака перехода с одного листа на другой ||¹. Таким же образом описываются реалии текста, не выраженные графическими средствами транскрипции: авторский знак перестановки слов, характер разбивки текста, изменение орудия письма (цвет карандаша, чернил), пропуск слова и др.

14. Текст на вставных листах вводится отдельным текстовым блоком (в разрез корпуса текста основного листа) и заключается в рамку. Использование нешрифтового способа выделения текста позволяет сохранить здесь в качестве основного простой шрифт.

15. Несохранившиеся фрагменты автографа приводятся по машинописным источникам и заключаются в пунктирную рамку.

16. Дополнительно к вышеуказанным иногда вводятся специальные обозначения, описывающие особенности автографа; они оговариваются в преамбулах к публикациям.

Условные обозначения в публикациях писем и документов

1. Документы и письма публикуются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации.

2. Авторские даты воспроизводятся в той форме и объеме, как они обозначены автором в оригинале. Редакционные даты даются курсивом; когда это требуется, они обосновываются в примечаниях.

3. Сокращенные автором слова раскрываются в угловых скобках < >, за исключением общепринятых сокращений («т. д.», «др.», «ж. д.», «с. х.»).

4. Угловые скобки < > обозначают конъектуры: буквы, части слов, пропущенные связки, неясно читаемые или поврежденные места текста.

5. Вопросительный знак в угловых скобках <?> ставится при сомнительных чтениях, спорной конъектуре и недокументированной датировке.

6. Необходимые редакторские пояснения в текстах заключены в угловые скобки и даются курсивом.

7. Исправления очевидных описок не оговариваются.

8. Письма снабжены возможным на сегодняшний день текстологическим (первая публикация или упоминание, источник публикации) и реальным комментарием. В целях некоторой систематизации материалов эпистолярного наследия хронологические циклы писем при необходимости снабжены краткими вступительными статьями.

9. Упомянутые в письмах имена комментируются в первых письмах. В комментариях к последующим письмам имена не поясняются и отсылки не делаются. Публикацию писем завершает отдельный указатель имен. К сожалению, некоторые герои писем пока остаются неизвестными, а найденные (по другим источникам) еще ждут составления точной биографической справки.

Условные сокращения

АРХИВОХРАНИЛИЩА

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ОР ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы РАН (Москва).

РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства (Москва).

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Санкт-Петербург).

ПЕЧАТНЫЕ И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Волга, 1975 — ...Живя главной жизнью (А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках). Публикация и вставные главы М. А. Платоновой. Комментарии В. Васильева // Волга. Саратов, 1975. № 9.

Воспоминания — Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. Сост., подготовка текста и комментарии Н. В. Корниенко и Е. Д. Шубиной. М., 1994.

Записные книжки — Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. Сост., подготовка текста, предисловие и примечания Н. В. Корниенко. М., 2000.

Корниенко, 1993 — Корниенко Н. История текста и биография А. П. Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1.

Котлован — Андрей Платонов. Котлован. Текст, материалы творческой истории. СПб., 2000.

Сочинения I (1), I (2) — Платонов А. Сочинения. Т. 1. Кн. 1–2. М., 2004.

Страна философов, 1999, 2000, 2003, 2005 — «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 3–6. М., 1999–2005.

Творчество, 1995, 2000, 2004 — Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. Кн. 1–3. СПб., 1995–2004.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. ПЛАТОНОВА

- «14 Красных избушек» — 7, 244, 270–271, 275–277, 286, 298, 392
- «Агония» — 671
- «Административное естествознание» — 23–25, 28, 30, 32
- «Алтеркэ» — 236, 635
- «Антисексус» — 25, 456–457, 462, 495
- «Апрельские будни», см. «На Горынь-реке»
- «Афродита» — 8, 380–382, 423, 577
- «Аяз» — 526
- «Беглец издалека» — 52, 66
- «Бедняцкая хроника», см. «Впрок»
- «Бессмертие» — 531
- «Бессмертный подвиг моряков: Фильченко, Красносельский, Цибулько, Одинцов, Паршин», см. «Одухотворенные люди»
- «Божье дерево» — 414–415, 418, 425, 541–543, 545–546
- «Бой в грозу», см. «Гроза под Орлом»
- «Борьба за дорогу» — 563
- «Борьба с пустыней» — 55, 58–59, 62, 66, 68–71
- «Броня» — 413–418, 423, 425, 541–542
- «В Белоруссии» — 423
- «В звездной пустыне» — 433
- «В Могилеве» — 417, 566, 569
- «В моем сердце песня вечная...» — 433
- «В сторону заката солнца» — 414, 417–420, 422–423, 425, 548, 561
- «Ветер-хлебопашец» — 417, 419
- «Взыскание погибших» — 416, 418–423, 425, 548, 555
- «Возвращение на родину» — 237, 635
- «Война» — 473
- «Волшебное существо» — 428, 431, 574–575
- «Вольтова дуга» — 180
- «Впрок» — 6–7, 29, 65–66, 81–85, 134, 151, 186, 250, 366, 395, 498–500, 502, 520, 600–602, 608, 611, 617, 620
- «Вся жизнь» — 421–425, 427
- «Высокое напряжение» — 7, 152, 178–181, 186–187, 189–190, 193, 202–203, 236, 509, 523
- «Генерал Бабай», см. «Крестьянин Ягафар»
- «Гибель немцев в Белоруссии» — 428
- «Голубь и горлинка» — 419, 422–424
- «Гордубал, крестьянин из повести Карела Чапека» — 668
- «Город Градов» — 6, 23, 25–26, 28–30, 53, 55, 388, 393, 473, 520
- «Горячая Арктика» — 513
- «Государственный житель» — 240
- «Грамм и Калория», см. «Хлебная Крошка и Печная Теплушка»
- «Гроза» — 635
- «Гроза под Орлом» — 416, 418–420, 423, 425, 556, 561
- «Два дня Никодима Максимова» — 416, 418–420, 423, 425, 556
- «Два интересных проекта. Изобретения г. Джафарбаева» — 403
- «Две крошки» — 417
- «Девушка Роза», см. «Роза»
- «Дед-матрос», см. «Дед-солдат»
- «Дед-солдат» — 414, 417–418, 421–422, 425, 541–542, 546
- «Дерево родины», см. «Божье дерево»
- «Джан» — 6, 278, 381, 518, 520, 524, 526, 530
- «Дирижабль» — 502
- «Добрая корова» — 414–415, 418–424, 427
- «Добрый Кит», см. «Никита»
- «Добрый Кузя» — 418–419, 421–423, 425, 548
- «Домашний очаг» — 416, 418–420, 423
- «Дорога на закат солнца», см. «В сторону заката солнца»
- «Дорога на Могилев» — 417, 566, 569
- «Древний мир, воспетый птицами...» — 486
- «Дураки на периферии» — 496
- «Епифанские шлюзы» (повесть) — 6, 22, 42, 379, 381, 388, 393, 395–396, 460–462, 464–469, 471, 473–474, 482, 489, 495, 523, 599

- «Епифанские шлюзы» (сценарий) — 150, 481, 494, 522
- «Жажда нищего (Видение истории)» — 468
- «Железная старуха» — 414–415, 418, 421–422, 425–426, 545–546
- «Жена машиниста» — 381, 417, 574, 577
- «Жизнь в семействе», см. «Среди животных и растений»
- «Житель родного города» — 380
- «За большевистского счетовода в колхозе» — 497
- «Заблуждение на родине компота» — 238–240, 242, 244–245, 250
- «Заметки» — 433
- «Земля и небо Курска» — 417
- «Значение торфа как топлива» — 459
- «Зреющая звезда» — 488
- «Иван Великий» — 419–420, 423
- «Иван Жох» — 470–471
- «Иван Толокно — труженик войны», см. «В сторону заката солнца»
- «Избушка бабушки» — 418–419, 421–425
- «Избушка возле фронта» — 425
- «Инженер» — 523
- «Июльская гроза» — 236, 421–424, 635
- «Как боец Курдюмов четырех немцев одолел» — 418–419, 425, 548
- «Как шаги неслышны, как далеки люди...» — 11
- «Карагез» — 526
- «Корова», см. «Добрая корова»
- «Котлован» — 7, 147, 237–239, 379, 395–396, 497
- «Крестьянин Ягафар» — 414–415, 417–420, 541
- «Культура пролетариата» — 461
- «Лазурная реальность (о повести Л. Кассиля)» — 663, 668, 670
- «Лампочка Ильича» (сценарий) — 150, 481
- «Луговые мастера» — 456, 463, 467, 473, 477
- «Лунная бомба», см. «Лунный изыскания»
- «Лунные изыскания» — 240, 457, 468, 473
- «Люби насильно нелюбимого...» — 11
- «Любино поле» — 534, 546
- «Любовь к родине, или Путешествие воробья», см. «Путешествие воробья»
- «Маленький солдат» — 416–422
- «Маркун» — 452
- «Масло розы» — 84, 132
- «Мать», см. «Взыскание погибших»
- «Машинист» (сценарий) — 150, 183, 237, 497
- «Машинист Мальцев» — 424, 574, 577
- «Мелиоративное достижение» — 476
- «Мертвый» — 442
- «Механик», см. «Жена машиниста»
- «Мое сердце никто не слышит...» — 11
- «На Горынь-реке» — 416, 419–420, 422–423
- «На доброй земле (рассказ бойца)», см. «Через реку: рассказ пехотинца»
- «На заре туманной юности» — 236, 635
- «На крутом уклоне», см. «На заре туманной юности»
- «На минном поле», см. «О советском солдате»
- «Над Пиренеями» — 635
- «Надлежащие мероприятия (Святочный рассказ к 10-й годовщине)» (рассказ) — 23, 25, 28, 31–32, 34, 492
- «Надлежащие мероприятия (Социальная сатира наших дней)» (либретто) — 23, 30, 39–40, 42, 150, 483
- «Наследник Ленина» — 83, 117
- «Начало пугачевского восстания» — 470
- «Невозможное» — 435
- «Неодушевленный враг» — 417
- «Несолоное счастье» — 663
- «Никита» — 416–417, 423–424
- «Никодим Максимов», см. «Два дня Никодима Максимова»
- «Нужная родина» — 366
- «О борьбе с оползнями в Крыму» — 476
- «О грандиозном, но неуловимом» — 669
- «О дешевом водном транспорте Черноземного края» — 459, 464
- «О “ликвидации” человечества» — 671
- «О любви» — 450
- «О первой социалистической трагедии» — 528
- «О советском солдате» — 416, 418–420, 423, 425, 542
- «Оборона Семидворья» — 416–417, 425–426, 548–549, 555
- «Объявление о смерти», см. «Высокое напряжение»
- «Овладеем техникой вольтовой дуги!» — 181
- «Один бой» — 417, 573

- «Однажды любившие» — 16, 22, 25, 381, 386–389, 393–395, 446, 452, 478, 486
- «Одни на свете» — 237–238
- «Одухотворенные люди» — 414–418, 423, 425–427, 539–542, 555
- «Одушевленные люди», см. «Одухотворенные люди»
- «Ольга», см. «На заре туманной юности»
- «Осенняя поэма» — 389, 446
- «Ответ редакции “Трудовой Армии” по поводу моего рассказа “Чульдик и Епишка”» — 396, 436
- «Отец-мать» — 526
- «Офицер и солдат» — 416, 419–420, 423
- «Офицер Простых» — 419–420, 423
- «Очерки о советском солдате», см. «О советском солдате»
- «Падение немца» — 417, 569
- «Первый Иван. Заметки о техническом творчестве трудящихся людей» — 7, 52, 55, 58–62, 65–67, 69, 82, 84, 250, 497
- «Песня» — 466
- «Песчаная учительница» (рассказ) — 473, 476
- «Песчаная учительница» (сценарий) — 147, 149–150, 481, 488–489, 494
- «Питомник нового человека» — 459, 461
- «По заволжским МТС (Заметки разьездного корреспондента)» — 84, 497
- «По небу полуночи» — 236, 635
- «Послушайте рассказ об одном мужике, который перехитрил целое государство» — 96
- «Потомки солнца» — 468, 474
- «Потомок рыбака» — 494
- «Присяга» — 417
- «Про электричество» — 468
- «Прорыв на запад» — 417, 564, 566, 569
- «Пустодушие» — 418–419, 423, 425, 554–555
- «Путешествие воробья» — 421–422, 424–425, 523, 548, 552–553
- «Путешествие из Ленинграда в Москву» — 532, 665
- «Пушкин и Горький» — 393, 662–663, 666
- «Пушкин — наш товарищ» — 392, 667–668
- «Рабыня», см. «Любино поле»
- «Размышления офицера» — 418–419, 423, 425
- «Рассказ о мертвом старике» — 414, 416–418, 423
- «Рассказ о многих интересных вещах» — 466
- «Рассказ о потухшей лампе Ильича» — 380, 463–464
- «Рассказ о старике», см. «Рассказ о мертвом старике»
- «Рассказы старого сержанта» — 419–420
- «Река Потудань» — 381, 396
- «Реквием», см. «Одухотворенные люди»
- «Реторта для изготовления человеков», см. «Лазурная реальность (о повести Л. Касиля)»
- «Родина электричества» — 635
- «Родоначальники нации или Беспокойные происшествия» — 84, 461, 473
- «Роза» — 416, 419–420, 422–423
- «Роман о детстве и юности пролетария» — 663, 668
- «Русская матрешка» — 544
- «Сампо» — 416–420, 423, 425, 548
- «Сапер», см. «В сторону заката солнца»
- «Сатана мысли» — 468, 474
- «Свет жизни» — 416, 635
- «Священная жизнь» — 526
- «Седьмой человек» — 418–419, 421–423, 425, 548
- «Семья Иванова» — 424
- «Сердцем любви затаенным...» — 11
- «Сережка» — 11
- «Сержант Шадрин» — 417, 542
- «Симфония сознания» — 461
- «Слава», см. «Одухотворенные люди»
- «Слушайте теперь краткий рассказ про Филата-батрака» — 136
- «Сокровенный человек» — 6, 24, 395, 486, 488, 492, 502, 520
- «Среди животных и растений» — 236, 381, 520, 635
- «Среди народа» — 419–420, 423, 427
- «Станция Красный Перегон» — 531
- «Старик», см. «Рассказ о мертвом старике»
- «Старый механик» — 236, 635
- «Старый человек Никодим» — 425
- «Стахановец Басов (По поводу романа “Танкер Дербент” Ю. Крымова)» — 663
- «Стрелец» — 546
- «Строители страны» — 23, 25, 28–30, 393, 395–396, 432–434, 436, 486, 493
- «Счастливая Москва» — 6, 24, 381, 393, 395, 522–523
- «Счастливым корнеплод» — 419–420, 567–568

- «Сын народа» — 417
- «Такыр» — 366–367, 516–520
- «Технический роман» — 381, 393, 396
- «Третий сын» — 7, 366–368, 370, 379
- «Три солдата», см. «О советском солдате»
- «Труженик войны», см. «В сторону заката солнца»
- «Турбинщики» — 147, 149–153, 183
- «Ты кто?» — 236, 635
- «Ты неистова, ты ищешь, жадная душа...» — 11
- «Умственный хутор» — 84
- «Усомнившийся Макар» — 26, 81, 500, 617
- «Фабрика литературы» — 25, 386–389, 458
- «Фро» — 381, 396
- «Хлеб и чтение» — 6
- «Хлебная Крошка и Печная Теплушка» — 417
- «Цветок на земле» — 417, 421–424
- «Час глухой, час смерти, час любви...» — 11
- «Чевенгур» — 6–7, 23, 25, 29, 237, 239, 244, 379–381, 386, 395–396, 433, 437, 470–471, 476, 483, 492–494, 617
- «Че-Че-О» — 23, 31, 81, 499
- «Человек нашего времени» — 244, 261–262,
- «Червь» — 423–424
- «Через реку: рассказ пехотинца», см. «Добрая корова»
- «Шарманка» — 7, 237–242, 244, 246, 256
- «Штурм лабиринта» — 416–417, 422
- «Электрик Павел Корчагин (Памяти Н. А. Островского)» — 670
- «Электрификация» — 618
- «Электрическое орошение почвы» — 59, 62, 66, 74, 76–78
- «Эфирный тракт» — 6, 84, 147, 449–450, 454, 456–459, 463–464, 467–470, 473, 476, 480, 486
- «Ювенильное море» — 6, 237, 240, 242–245, 258, 260, 268, 381, 395
- «Юность строителя» — 380
- «Юшка» — 423–424
- «Я люблю свои песни неспетые...» — 11
- «Ямская слобода» — 6, 468, 473, 476, 482

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абеляр — 478
Аболин — 498–499
Августин — 377
Авдеев А. — 663
Авербах Л. Л. — 82, 500, 600, 617
Авербах М. — 148
Азарнова Б. Д. — 577
Ал. Кириллович — 406
Александр Иванович, см. Вьюрков А. И.
Александр Македонский — 510
Александр Семенович, см. Кашинцев А. С.
Александров Г. Ф. — 427–428, 549
Александров Л. А. — 378, 433–434, 458, 461
Алексеев М. А. — 498–499, 600
Алтаузен Д. — 38
Андреев — 569
Андреев В. И. — 182–185
Андрей, см. Платонов (Климентов) А. П.
Андрей Гаврилович, см. Божко-Божинский А. Г.
Анис — 151, 171–172
Анна Григорьевна, см. Елагина А. Г.
Анна Павловна, см. Иванова-Веснина А. П.
Анна Савельевна, см. Турулько-Тарновецкая А. С.
Анна Францевна — 458–459
Анненский И. — 382
Антокольский П. — 424
Антонова Е. — 11, 58, 82, 268, 397, 402–403, 407, 408, 442, 444, 446, 455, 457, 458, 468, 470, 474, 493, 506, 519, 534, 583, 587, 589, 595
Анцелович Н. М. — 589–591, 593, 595
Апулей — 513
Арватов Б. — 481
Арнштам Л. — 151
Аронов Л. — 444, 587, 595
Артамонов М. — 485
Архипов И. Н. — 622, 625–626, 627, 629, 633–634, 646, 649–654
Архипов Н. А. — 633–635, 652
Асеев Н. — 38, 664
Атабаев К. С. — 398–399, 401–404, 407, 505–506, 508
Атабаев О. Г. — 399, 405, 508–509
Афанасьева — 420
Ахматова А. А. — 387, 664
Бабель И. — 481
Бабиченко Д. — 427, 431, 549
Барабанов — 446–448, 478
Барабанова — 456
Бах И. С. — 318–319
Бахметьев В. — 418
Бахметьев М. М. — 444, 465–466
Бахрушин С. В. — 240–241, 244
Бедный Д. — 33, 399, 615, 620, 635
Белкин — 616, 619
Бельхин К. — 411
Беляев — 498–499
Беляев В. — 406
Бенкендорф А. — 389, 392
Бень М. Я. — 182
Бердников Я. — 448
Березин Д. С. — 574, 577
Берия Л. П. — 620, 623–624, 632, 645
Берроуз Э. Р. — 489, 491
Бильль-Белоцерковский В. Н. — 400–401
Блок А. А. — 377–378, 384–385
Блюм А. — 248, 460
Бляхин П. А. — 489, 491
Бобровщиков С. А. — 182, 184
Бобылев Б. А. — 465–466
Богословский — 241
Божинский, см. Божко-Божинский А. Г.
Божко, см. Божко-Божинский А. Г.
Божко-Божинский А. Г. — 444, 522, 453–455, 522–524, 583–586, 587
Болтянский Б. — 651, 653
Большаков К. А. — 400, 405, 507–508, 527–529, 536, 547
Большакова Л. А. — 547
Большакова Н. — 547
Бороздин И. Н. — 398–402, 404
Бородин С. П. — 408–409, 420, 576
Боярский — 634
Браун С. Г. — 630
Брик О. — 481
Бронтман Л. — 411, 429, 559
Бростерман — 398
Брюсов В. — 269, 377, 383
Буковский К. — 411, 559

- Булгаков Г. К.— 507–509
 Булгаков М.— 387
 Бурдаков — 586
 Бухарин Н. И.— 466, 473, 488
- Вавилов Н. И.— 84, 136, 607
 Вадимов, см. Ортенберг Д. И.
 Валентина Александровна, Валентина, Валя, см. Трошкина (Кашинцева) В. А.
 Валентина Сергеевна, см. Фраерман В. С.
 Ванцетти Б.— 488
 Ваня — 542
 Васильев В. В.— 394, 397, 432–433
 Васильев П. Н.— 189
 Васильева А. А.— 631–632, 656–657
 Вашенцев С.— 663
 Вера, см. Климентова В. П.
 Вернер М.— 148
 Верочка — 646
 Вертов Д.— 148
 Веселков А.— 398, 400
 Винблад А. Ю.— 182–184
 Виноградов А.— 600
 Вишнеvский В.— 428
 Владимир Васильевич, см. Васильев В. В.
 Владыкин Г.— 425
 Войков П. Л.— 488
 Волгина Е.— 269
 Волков И. В.— 446–448, 455, 462, 474, 476, 595
 Ворон А. П.— 531
 Воронский А. К.— 444, 489, 492, 583, 587
 Вштуни А.— 405
 Вьюгин В. Ю.— 237
 Вьюков А. И.— 236, 576, 635
 Вышинский А. Я.— 624
 Вяземская В. Ф.— 390
 Вяземский П. А.— 392, 394
 В. Ш., см. Шкловский В.
- Габор Т.— 629
 Габрилович Е. И.— 188, 367
 Гаврюшин К.— 148
 Галин (Рогалин) Б. А.— 411, 562
 Галушкин А.— 492, 494, 528, 661
 Гардин В.— 151
 Гастев А. К.— 24
 Георгий Захарович, см. Литвин-Молотов Г. З.
 Геник Ю.— 148
 Генин — 646, 651, 653
 Гете И. В.— 269
- Герасимова В. А.— 188, 379
 Гиллер Э. А.— 546, 640
 Глебов А.— 663
 Глязер Р.— 425
 Гниенская Р. С.— 555, 558
 Гоголь Н. В.— 266, 377
 Годяев Р. А.— 589
 Гольдберг А. Г.— 561
 Голяков И. Т.— 620, 625, 652, 654
 Гончаров В.— 528, 621
 Гончарова Н. Н.— 389, 391–392
 Горанская Н. Т.— 561
 Горанский Т.— 560–561
 Горелов — 602, 609, 617
 Горький А. М.— 7, 81, 188, 239, 286, 393, 399, 402, 448, 471, 492, 494–496, 499, 563, 662–663, 665–666
 Грабарь И. Э.— 667
 Грачев С.— 451–452
 Григ Э. Х.— 509
 Григорий Григорьевич, см. Турулько-Тарновецкий Г. Г.
 Григорьев С. Т.— 635
 Григулис А. П.— 427
 Гринберг М. И.— 182–183
 Гроссман В. С.— 412–413, 426, 559
 Груздев И. А.— 495
 Губкин И. М.— 406, 505–506
 Гумилевский Л. И.— 535–536, 546, 635
 Гурвич А. С.— 367–368, 418, 431, 635, 662, 664, 666–667
 Гуревич С. А.— 525–526, 546, 648
 Гурьев — 586
 Гуторович — 559
 Гущина А.— 147
- Дальний Б.— 448
 Даревский З. Ю.— 526
 Дарья Николаевна, см. Часовитина Д. Н.
 Дельвиг А. А.— 390
 Демке А. Н.— 255
 Денис — 484, 486
 Денисов Н.— 411
 Джамбул Джабаев — 669
 Джафарбаев — 403
 Джойс Д.— 669, 671
 Дзержинский Ф. Э.— 29, 180, 188–189, 194–195, 203, 531, 639
 Динамов С.— 366
 Динерштейн Е.— 492
 Добренко Е. А.— 599
 Довженко А. П.— 149

- Докукин В.— 448
 Долгов И.— 238
 Долматовский Е. А.— 428
 Дольский Е.— 11
 Донатов И. А.— 634
 Дооге Б.— 52
 Дубнер П. М.— 85
 Дужина Н. И.— 237, 238, 531
 Дурдыев А.— 399
 Дурьлин С. Ф.— 378, 396, 633
 Дэль Д.— 151
 Дятлов В.— 186
- Еголин А. М.— 420, 427, 549
 Ежов Н. И.— 620, 623–624, 626, 637
 Елагин В. Д.— 561, 570
 Елагина (Гольдберг?) А. Г.— 561
 Елена Викторовна — 542, 546, 557
 Елена Павловна — 85
 Ермилов В. В.— 187, 366, 661–662, 664, 667
 Есенин С. А.— 385–387, 397
 Ершов — 534–535
- Жданов В. Г.— 428, 431, 549
 Жорж, см. Малюченко Г.
 Жуковский В. А.— 377, 478
 Жуков — 559, 563
- Заzubрин В. Я.— 481
 Зайцев (Платонов) А. П.— 549, 561–574, 576–577
 Зайцев П.— 27
 Замков А. А.— 585–586
 Замошкин Н. И.— 488–489, 492, 495
 Замятин Е. И.— 189, 397, 618
 Зархи А.— 148
 Зина, см. Смелякова З. В.
 Зиновьев А.— 39
 Зотов М.— 563
 Зощенко М. М.— 31, 387, 389
 Зрелов — 475
 Зуев А. Н.— 654–655, 658
 Зыков Б.— 457
 Зямилева — 543
- Иванов В. В.— 398, 400, 402, 405
 Иванова-Веснина А. П.— 535–536
 Иванова-Веснина М. В.— 536
 Игорь, см. Архипов И. Н.
 Ильф И. А.— 31
 Илюшин Б.— 367
 Инденбом Л. А.— 526
- Иовчук М.— 427
 Ионов — 611, 618
 Иосиф Виссарионович, см. Сталин И. В.
 Иоффе М. Л.— 619
 Исбах А. А.— 428
 Иткин — 616
- Кабе — 472–473
 Каверин В. А.— 426
 Казаков А. С.— 592, 595
 Казаков М.— 663
 Калашников М.— 411
 Калинин И.— 397
 Каминецкий В.— 27
 Карельштейн Т.— 559
 Карлсон Д.— 651, 653
 Карпов А. Я.— 411, 553–554, 558, 562, 564, 567
 Кассиль Л. А.— 663, 670
 Катаев В. П.— 663–664
 Катаев И. И.— 448
 Катя, см. Лунина Е.
 Кашинцев А. С.— 532, 537–538
 Кашинцева Мария, см. Платонова М. А.
 Кашинцева (Крашенина) М. Е.— 440, 500, 560, 564–565, 566–567, 571, 573
 Кекилов А.— 406
 Келлер В. Б.— 444, 453, 455, 494, 508, 522, 524, 527, 529, 634
 Киреевский И.— 377
 Кириллов И. И.— 182–184, 188
 Кириллова Н. С.— 534–535, 542
 Киров С. М.— 183–185
 Кирпотин В.— 660–664, 666–667, 669–672
 Кирсанов С.— 600
 Киришон В. М.— 187, 481
 Клабуновский И. Г.— 241
 Клайн — 563
 Климентов П. П.— 536, 541, 543, 583
 Климентов П. Ф.— 536, 596
 Климентова В. П.— 535–536, 541
 Климентова М. В.— 440, 483
 Климентова Н. П.— 436
 Клычев Д.— 406
 Клычков С. А.— 189
 Клягин К. И.— 535–536
 Книпович Е.— 424
 Кнорринг О. Б.— 411, 559
 Ковальчик Е.— 425, 545–546
 Коварский М. Е.— 84
 Коверда Б.— 488
 Когут М.— 539

- Кожевников А. В.— 427, 541–542, 577, 631–632, 656–657
 Козин В. Р.— 398, 400, 508–509, 661
 Колесникова Г. А.— 522–523, 610, 615–616, 618
 Коллонтай А. М.— 379
 Колосов М.— 448
 Колтунова Е. И.— 417, 663
 Кондрашов — 453–454
 Кононов А. Т.— 540–541, 561, 572
 Копыт — 559
 Корабельников Г.— 398, 402
 Корен В.— 405
 Корнев В. Г.— 60–62, 73–74
 Корниенко Н. В.— 5, 8, 23–25, 40, 81, 84–85, 147, 151–152, 181–182, 186, 242, 244, 270, 276, 367, 377, 407, 429–430, 432, 443, 464, 470, 481, 493, 496–497, 506, 518, 520, 531, 587, 595, 660–662, 665
 Корнилов Б.— 151
 Коробов Л.— 411
 Короленко В. Г.— 377
 Косарев А. В.— 629
 Костелянц Б.— 368
 Костька, см. Большаков К. А.
 Кравченко Ф.— 182
 Красавин Н. В.— 448
 Красин Г. В.— 57, 70
 Красноглазов — 570
 Красносельский И. М.— 414, 539, 555
 Кремлев-Свен И. Л.— 85
 Кржижановский Г. М.— 241, 255
 Кривицкий А. Ю.— 412–413, 544, 565–567, 572
 Кригер Е. Г.— 411, 566
 Круглов Ф.— 256
 Крутиков Н. В.— 576
 Крылов — 559
 Крылов Н. И.— 539
 Крымов Ю. С.— 663
 Куделин А. Б.— 5
 Кудреватых Л.— 411
 Кудрявцев В.— 411
 Куйбышев В. В.— 92, 255
 Куликов В. П.— 592, 595
 Куприн А. И.— 633
 Курганов О.— 411
 Кускова Е. Д.— 495
 Кутина И.— 621
 Кутушев А. Ш.— 417
 Лавренев Б. А.— 481
 Лангерак Т.— 62
 Ласунский О. Г.— 396, 436, 440, 458, 496, 536, 596, 618
 Лахути Д. Г.— 405
 Лебедев — 540
 Лебедев-Кумач В. И.— 428, 664
 Легун А.— 460
 Лелевич Г.— 384, 397
 Ленин В. И.— 35, 37–38, 83, 117–120, 122–123, 266, 395, 496, 540, 606–607, 609, 611, 628
 Леонидов Б.— 148
 Леонов Л. М.— 398, 389, 409, 663
 Леонтьев — 377
 Лермонтов М. Ю.— 660
 Либединский Ю. Н.— 424
 Лидов П.— 559
 Липавский З.— 411
 Литвин-Молотов Г. З.— 23, 28, 380, 394, 433, 444, 453–454, 457–460, 462–467, 469, 471, 473, 479, 481, 484, 486, 490, 492–493, 498–499
 Литвина-Молотова (Дьякова) Е. В.— 459
 Литовский О. С.— 507, 509
 Лифшиц — 673
 Личкус М. Г.— 647–648
 Лоскутов М.— 400, 405–406
 Луговой П.— 623
 Луговой В. А.— 398, 400, 405–406, 428, 528
 Лузин А. А.— 549
 Лукач Г.— 661, 673
 Лукин Ю.— 549
 Луначарский А. В.— 470
 Лунин С. М.— 527–528
 Лунина Е.— 527
 Лутохин Д. А.— 495
 Львов-Марсианин П. А.— 398
 Львова К. С.— 408
 Любанский — 409
 Любимов Н. М.— 269
 Магдалина — 441
 Макарьев И. С.— 658–659
 Максвелл Д. К.— 267
 Максимов Г.— 398–400, 402, 405–406
 Малашкин С. И.— 494–495
 Маленков Г. М.— 427, 431, 549
 Малюченко Г. С.— 378, 432–433, 435–436, 519, 522
 Мандельштам О. Э.— 397

- Мария Александровна, Мария, Маруська, Маня, Маша, Машенька, Машка, Машуха, Мошка, Мусенька, Муся, см. Платонова (Кашинцева) М. А.
- Мака, Мария, Машка-Кхы, Машка, Мусенька-Машенька, Муська, см. Платонова М. Андр.
- Мария Емельяновна, см. Кашинцева (Крашенина) М. Е.
- Маркелова — 458–459
- Маркиш П. Д.— 408
- Марковский Н.— 559
- Маркс К.— 82, 124–125, 183, 294, 323–324, 362
- Марр Н. Я.— 240
- Мартиросян А.— 149
- Мартыненко А. М.— 5
- Матвеев Г.— 148
- Маяковский В. В.— 30–31, 38, 188, 386–387, 389, 481, 664
- Мейерхольд В. Э.— 634
- Мельничанский Г. Н.— 593, 596
- Менжинский В. Р.— 188–189
- Меспуле М.— 248
- Металлов Я. М.— 494, 496
- Милованов П.— 412, 428, 565, 570
- Миньков П. В.— 399–400
- Миронов А. В.— 474–475, 589
- Митрофанов А. Г.— 419–420, 567–568, 600
- Михаил, см. Шолохов М. А.
- Михайлов-Иванов — 185
- Михайлова Е. Н.— 425–427, 545–546, 554, 561
- Мичкус, см. Личкус М. Г.
- Модзалевский Б. Л.— 397
- Молотов, см. Литвин-Молотов Г. З.
- Молотов — 255
- Молчанов И. И.— 535
- Молчанов И. Н.— 535–536
- Мольер Ж. Б.— 29
- Мопассан Г.— 151
- Москвин (Воробьев) Н. Я.— 409
- Московская Д. С.— 178, 240, 463, 473, 495
- Московский — 651, 653
- Моцарт В. А.— 86–87, 602
- Мугуев Х. М.— 400, 406
- Муссолини Б.— 556
- Мусяков П. И.— 413
- Мухина В. И.— 586
- Мюллер А. П.— 495
- Наживин И. Ф.— 377
- Ната, см. Кириллова Н. С.
- Наталья Николаевна, см. Пушкина (Гончарова) Н. Н.
- Натан Абрамович — 541
- Наташка, см. Большакова Н.
- Наум Маркович, см. Анцелович Н. М.
- Неверов (Скобелев) А. С.— 615, 619
- Некрасов Н. А.— 384
- Немцов М.— 589
- Немченко М.— 400, 405–406
- Непомнящий — 559
- Нестеров — 615–617, 619
- Нехотин В.— 528
- Никандров В. Н.— 35, 37
- Никитин — 408
- Никитин М. А.— 570–571
- Никитин Н.— 367, 518–520
- Николай Михайлович, см. Тарасов Н.
- Нина Тимофеевна, см. Горанская Н. Т.
- Новаченко — 453–454
- Новиков А. Н.— 483, 486, 494, 496, 508, 519, 536
- Новикова Е. С.— 535–536
- Новицкая Е. Я.— 512
- Нович (Файнштейн) И. С.— 672
- Ньютон И.— 64, 67, 72
- Оборина — 467–468
- Овсянников И.— 450
- Огнев Л., см. Бронтман Л. К.
- Одинцов Д. С.— 414, 539, 555
- Одицков А. И.— 555
- Одоев, см. Тришин Н. Н.
- Озе — 432
- Озеров Л.— 428
- Олдингтон Р.— 669, 671
- Олендер П.— 411, 554, 559
- Ольга Михайловна, см. Румянцева О. М.
- Ольденбург С. Ф.— 240
- Орджоникидзе Г. К. (Серго) — 26, 183, 185
- Орлова В. Я.— 427
- Ортенберг Д. И.— 411, 413, 552–554, 556–558, 562–563, 565, 569–570
- Осипов Ю. С.— 5
- Островский — 648
- Островский А. Н.— 384
- Островский Н. А.— 670
- Павел, см. Трошкин Павел А.
- Павленко П. А.— 398–399, 410, 426, 529–530
- Павлов А. И.— 448

- Павлов Дм.— 599–600, 609, 615, 617
Панкратьев М. И.— 620, 626, 649, 652, 655
Панферов Ф. И.— 448, 663, 667, 669
Паршин Ю. К.— 414, 539, 555
Пастернак Б. Л.— 387
Паустовский К. Г.— 398, 400, 406
Пашков П.— 148
Пенкин И. Н.— 182–183, 185
Первомайский Л.— 559
Переверзев В. Ф.— 383, 397
Перри Дж.— 494
Перхин В.— 430, 500
Перцов В. О.— 481, 540
Перцова — 540
Петр I — 459, 461, 465, 668
Петр, Петр Артемьевич, Петя, см. Трошкин Петр А.
Петр, см. Климентов П. П.
Петр Васильевич — 527
Петров Е.— 31
Петров-Бытов П.— 149
Печорин В. С.— 546
Пильняк (Вогану) Б. А.— 189, 493, 609, 617–618
Пиперков И. Т.— 406
Пирогова — 490, 493
Пирогова А. А.— 561
Пирогова М. А.— 561
Писарев Д. И.— 660
Платон, см. Платонов П. А.
Платонов (Климентов) А. П.— 5–8, 11, 16, 18, 22–26, 28–32, 36–37, 52, 55–56, 58–62, 64–67, 71, 81–85, 147, 149–152, 154, 178–187, 189, 193–195, 204, 226, 237–246, 254, 260, 263, 268, 270–278, 284–290, 292–296, 298, 342, 366–368, 378–383, 386–389, 392, 394–398, 400, 402–415, 417–437, 439–448, 450–452, 454–466, 468, 470–471, 473–476, 478, 480–483, 485–489, 491–497, 499–507, 509–521, 523–524, 526, 528, 530–533, 535–540, 542–569, 571–577, 583–584, 587–591, 595–596, 598, 600–602, 608, 610–639, 642–644, 647, 649, 654, 656, 659–672
Платонов П. А.— 11, 15, 293, 378, 407, 409, 427, 434, 442–447, 449–451, 453–459, 461–464, 466–468, 471, 474, 477, 480, 482–483, 485, 491, 494, 496–518, 522, 524–525, 532–535, 537–538, 540–553, 556, 562, 565, 573–574, 576–577, 587, 620–622, 624–632, 634–645, 647–649, 652, 655, 657–658
Платонов С. Ф.— 240, 597
Платонова (Кашинцева) М. А.— 6–8, 11, 15–16, 187, 378–382, 386, 389–390, 393–397, 408, 410, 428–429, 431–436, 438–442, 444–446, 449–450, 453, 455–469, 471, 473–474, 476–483, 485–487, 489–491, 493–494, 497–505, 507, 510–511, 513–521, 524, 528, 530–534, 537–545, 547, 549–558, 560–565, 567–568, 572–576, 587, 591, 620, 622, 624, 629–633, 636, 642–643, 645–646, 648, 665
Платонова М. Андр.— 5–6, 8, 84, 242, 380–381, 396, 567, 571–577, 620
Платонова (Турулько-Тарновецкая) Т. Г.— 534–535, 537–538, 542, 549, 561, 566–567, 571, 573, 576, 629
Плетнев П.— 390
Поволоцкая Е. В.— 616, 619
Погодин Н. Ф.— 391, 400–401
Поликарпов Д. А.— 428, 576
Полторацкий В.— 559
Пономарев — 411
Попов В. А.— 405, 456–457, 463–465, 471, 474
Попок Я. А.— 399, 404
Потапов К. В.— 577
Потемкин В. П.— 422
Пришвин М. М.— 189
Прозоров А.— 442
Пруст М.— 669, 671
Пугачев Е.— 392, 470–471
Пудовкин В. И.— 488–489
Пузин А.— 427
Путинцев — 432
Пушас И. И.— 489, 492
Пушкин А. С.— 21, 377–378, 383, 387–390, 392–393, 397, 450, 452, 459–460, 533, 660, 662–663, 666–668, 670
Пушкина (Гончарова) Н. Н.— 390, 392 — 393
Пятницкий — 609
Рабинович — 516–517
Радищев А. Н.— 380, 532, 538
Разгон Л.— 621
Раиса Семеновна, см. Гниенская Р. С.
Раухфус К. А.— 647–648
Резник О.— 418, 424
Репин И. Е.— 667
Рид Д.— 38
Ритгершпорн Г. Т.— 629
Рогов И. В.— 413

- Романов П. С.— 189
Роженцева Е.— 16, 22, 270, 398, 503, 526
Розанов В. В.— 7, 377–378, 384, 386, 435
Ромм М. И.— 151
Роом А. М.— 148
Рубановский И. М.— 463–464, 469, 471, 473
Рубинштейн Н.— 241
Рубцов — 447
Рудин Н. П.— 475, 475
Рузов М.— 411
Румянцева О. М.— 555
Руссо Ж.-Ж.— 478
Рюмкин Я.— 559
Рютин М.— 27
Рябинина — 399
- Савчук А.— 670
Садуль Ж.— 151
Садчиков Н. Г.— 421
Сакко Н.— 488
Салтыков-Щедрин М. Е.— 29–30, 186, 520, 599, 668
Сальери А.— 86–87, 602
Самосудов В. М.— 628
Санников Г. А.— 398–406, 505–506
Сарабьянов В.— 24
Сац И. А.— 366, 368, 519–520, 527, 609–610, 615, 617, 629, 634
Саша, Сашка, см. Зайцев (Платонов) А. П.
Сейфуллина Л. Н.— 408
Селивановский А.— 500
Семашко Н. А.— 89
Семевский Б. Н.— 513
Семенов — 184
Семячкин И. П.— 184–185
Серафимович А. С.— 448
Сергеев-Ценский С. Н.— 495
Сергей Александрович, см. Гуревич С. А.
Сердцев И. Н.— 585–586
Сергинская Н. Я.— 633
Симонов К. М.— 411, 424, 527–528, 559
Синявский А.— 149
Скосырев П. Г.— 242, 400, 404–406, 409, 424, 555
Скудина М. М.— 667
Слетов П. В.— 408, 448
Смеляков Я.— 524
Смелякова З. В.— 524, 527
Смидович П. Г.— 241
Смирнов — 398, 400
Смирнов В. И.— 185
Смирнов С.— 651, 653
- Смирнова В.— 425, 545–546
Смуглый — 574
Соколовский М. Р.— 428
Сокольников М. П.— 484, 486
Соловьев В.— 502
Соловьев В. А.— 618
Соловьев Вл.— 377
Сорокин Г. Э.— 411, 418, 543–545, 548, 552, 558
Спарро Р. С.— 475–476, 587
Ставский В. П.— 367
Сталин И. В.— 7, 27, 81–82, 99, 116–117, 122, 150, 152, 160, 184, 187–189, 243, 248, 265–266, 269, 318, 343–345, 473, 478, 499, 528, 602, 620, 623–624, 629, 632, 640–641, 661, 663
Старков — 395
Старосельцев П. И.— 150, 152, 166–167, 169, 171–172, 177, 184
Степан Михайлович, см. Лунин
Степанова Л.— 148
Стерн Л.— 495
Стецкий А. И.— 255
Столица Л. Н.— 633
Стонов Д. М.— 242, 409
Стрельникова В.— 617
Ступникер А. М.— 567
Субботин С.— 397
Субоцкий С.— 424
Суворин А. С.— 386
Султанниязов — 399
Сурков А.— 559, 600
Сурова Л.— 497, 526, 620
Суханов Н.— 37
Сухотин П.— 242
Сучков Ф. Ф.— 547
- Табидзе Т.— 400–401
Таленский Н. А.— 558
Тамара, см. Платонова (Турулько-Тарновецкая) Т. Г.
Тамерлан — 528
Таранин — 555
Тарасевич С.— 616, 619
Тарасенков А. К.— 427, 431, 575
Тарасов Н.— 272, 291, 508–509, 522–523
Тарасов-Родионов А. И.— 481
Тарле Е. В.— 240
Таш-Назаров О.— 401, 403, 406
Тимофеев Л. И.— 661, 664
Тимофеев С. Н.— 150–152, 185
Тимохович И. В.— 550

- Тираспольский А. Н.— 448, 474–475, 596
 Тихомиров — 447–448
 Тихонов Н.— 149, 398
 Толстой А. Н.— 389
 Толстой Л. Н.— 380, 387–388, 394, 397
 Томашевский В. Б.— 240, 384, 397
 Томский М. П.— 595
 Тот, Тотик, Тотка, Тоточка, Тоша, Тошка,
 см. Платонов П. А.
 Трабский И. Г.— 398–402, 512–513
 Трауберг И.— 148
 Тренев К. А.— 634, 635
 Третьяков С. М.— 481
 Тришин (Одоев) Н. Н.— 400, 505, 509, 528
 Трофимов Н.— 149
 Троцкий Л. Д.— 25, 37, 476
 Трошкин Павел А.— 411, 535–536, 561
 Трошкин Петр А.— 417, 428–429, 519–520,
 534–537, 541, 544, 546, 549, 566–567,
 571, 583
 Трошкина (Кашинцева) В. А.— 436, 445–
 446, 463, 467, 472, 482–483, 485, 490,
 499, 520, 522–523, 525, 566–567, 571,
 587
 Трояновский П. И.— 411, 413, 429, 569
 Турин О.— 148
 Туркин В.— 489
 Тургенев И. С.— 377
 Турулько-Тарновецкая А. С.— 571
 Турулько-Тарновецкий Г. Г.— 571
 Тухачевский М. Н.— 450
 Тынянов Ю. Н.— 385, 397, 481

 Угланов — 27
 Умрюхина Н.— 81, 599
 Усиевич Е. Ф.— 428, 661–662

 Фадеев А. А.— 424, 430, 537, 541, 600, 624–
 625, 638, 662–664, 665–667, 671–672
 Федин К. А.— 664
 Федосеев В.— 402
 Федосеев П.— 427–428
 Фельдман В.— 406, 525–526
 Фельдман Д. А.— 517
 Феноменов М. Я.— 240
 Ферсман А. Е.— 240
 Фет А. А.— 384
 Фильченк(ов) Н. Д.— 414, 539, 555
 Фишман Б.— 559
 Форд Г.— 24
 Фраерман В. С.— 422, 564–565, 572
 Фраерман Р. И.— 422, 428, 564–565, 572, 575

 Фридлянд — 559
 Фриновский М. П.— 620, 623, 638–639
 Фрунзе М. В.— 639
 Фурманов Д. С.— 399

 Халатов А. Б.— 617
 Хвоцинский — 551
 Хейфиц И.— 148
 Хинейко П. Е.— 150, 152
 Хитров — 559
 Хлебников В.— 397
 Хлевнюк О. В.— 269
 Ходасевич В. Ф.— 383, 387, 397
 Ходякова Г. И.— 443–444, 448, 450, 452,
 462, 471, 475
 Хомзор Г.— 411

 Цейтлин Э. Г.— 531
 Цепулин В.— 451–453
 Церетели А. Р.— 667
 Цибулько В. Ф.— 414, 539, 555
 Цифринович В.— 31

 Чагин А. И.— 5
 Чан Кай Ши — 38
 Чапек К.— 668–670
 Чарьев Х. Н.— 406
 Часовитина Д. Н.— 574
 Чайнов А. В.— 240
 Чемберлен Дж. О.— 36, 39, 488
 Черных М. А.— 564–566
 Чернышевский Н. Г.— 668
 Чернявщук Г.— 513–515
 Черняк Я. З.— 601, 610, 617, 618
 Четунова Н.— 425, 553
 Чехов А. П.— 399
 Чехова О.— 147
 Чистякова — 462–464

 Шарик — 513
 Шатилов — 447
 Шведчиков К. М.— 489, 491
 Шверник Н. М.— 185
 Щедрин, см. Салтыков-Щедрин
 Шекспир В.— 384, 387, 520
 Шенгели Г. А.— 399–401, 405–406, 460
 Шенталинский В.— 622, 630
 Шестаков Н.— 400, 406
 Шестакович Б. В.— 182
 Шешуков С.— 495
 Ширяев П.— 242
 Шишков В.— 448

- Шкваркин В. В.— 537, 546, 574
Шкловский В. Б.— 384–387, 397, 409, 428,
478, 481, 491–492, 494–495, 625
Шолохов М. А.— 495, 560, 574–575, 577,
623–625, 632, 659–660, 664
Шопен Ф.— 224
Шостакович Д. Д.— 151
Шошин В. А.— 429, 535–536
Шпенглер О.— 671
Шторм Г.— 418
Шуберт Ф.— 509
Шубин Л.— 30
Шубина Е.— 5, 429
Шульгин М. М.— 474–476
- Щербаков А.— 366, 427, 520, 528
- Эйзенштейн С. М.— 35, 37, 489, 492
Эйхенбаум Б. М.— 385, 387, 394, 397, 481
Эйхенвальд А. А.— 509, 517
- Экк Н.— 151
Элоиза — 478
Эльцин Б. М.— 255
Энгельс Ф.— 125
Эрдэ — 26
Эренбург И. Г.— 411, 481, 559
Эрмлер Ф.— 151
Эссен М.— 426
- Юденич Н. Н.— 378, 434
Юзовский Ю.— 427
Юткевич С.— 151
- Явич А. Е.— 413
Якобсон Р. О.— 383, 397
Якубовский Г.— 448
Якубовский М.— 651, 653
Ямпольский Б.— 395
Яня, см. Генин
Ярцев Г.— 418, 420–421

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора. <i>Н. Корниенко</i>	5
---	---

ТЕКСТ И ЕГО ИСТОРИЯ

Воронежский период творчества. Публикация <i>Е. Антоновой</i>	11
Неоконченная повесть в письмах «Однажды любившие». Публикация <i>Е. Рожнецевой</i>	16
«Надлежащие мероприятия» А. Платонова. Статья и публикация <i>Н. Корниенко</i>	23
Источники текста очерка «Первый Иван» (Заметки о техническом творчестве трудящихся людей)». Статья и публикация <i>Б. Дооге</i>	52
Первая редакция повести «Впрок». Статья и публикация <i>Н. Умрюхиной</i>	81
Незавершенный заводской сценарий. Статья и публикация <i>А. Гузиной</i>	147
Первая редакция пьесы «Высокое напряжение»: «Объявление о смерти». Статья и публикация <i>Д. Московской</i>	178
Новые материалы к истории текста произведений Платонова 1930–1931 гг.: «Котлован», «Шарманка», «Ювенильное море». Статья и публикация <i>Н. Дужиной</i>	237
Реконструкция черного автографа пьесы «14 Красных избушек». Статья и публикация <i>Е. Рожнецевой</i>	270
Рассказ «Третий сын». Статья и публикация <i>Л. Суровой</i>	366

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Корниенко Н.</i> «Письма о любви и горе»: Письмо и текст	377
<i>Рожнецева Е.</i> Опыт документирования туркменских поездок А. П. Платонова	398
<i>Антонова Е.</i> Андрей Платонов в 1942–1945 гг.	408

А. П. Платонов — М. А. Платоновой. 1921–1945 гг.

Письма 1921–1926 гг. Публикация <i>Н. Корниенко</i>	432
Письма из Тамбова. 1926–1927 гг. Публикация <i>Н. Корниенко</i>	443
Письма в Крым. Июль 1927 г. Публикация <i>Н. Корниенко</i>	481
Письма 1928–1931 гг. Публикация <i>Н. Корниенко</i>	493
Письма из поездки в Туркмению 1934, 1935 гг. Публикация <i>Е. Рожнецевой</i>	503
Письма в Крым. Июнь 1935 г. Публикация <i>Н. Корниенко</i>	518
Письма из командировок 1936–1937 гг. Публикация <i>Н. Корниенко</i>	531
Письма 1942–1945 гг. Публикация <i>Е. Антоновой</i>	534
Указатель имен к письмам. Сост. <i>Е. Антонова</i>	578

ДОКУМЕНТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

А. П. Платонов и А. Г. Божко-Божинский. Публикация <i>Е. Антоновой</i>	583
К истории выселения семьи А. Платонова из ЦДС. Публикация <i>Н. Корниенко</i>	587
Протокол заседания рабочего редсовета Государственного издательства художественной литературы. Статья и публикация <i>Н. Умрюхиной</i>	599

Семейная трагедия Андрея Платонова (К истории следствия по делу Платона Платонова). Статья и публикация <i>Л. Суровой</i>	620
История одной «погибшей книги». Статья и публикация <i>Н. Корниенко</i>	660
Условные обозначения и сокращения	673
Указатель произведений А. Платонова. Сост. <i>Е. Антонова</i>	676
Именной указатель. Сост. <i>Е. Антонова</i>	680

Научное издание

АРХИВ А. П. ПЛАТОНОВА

Книга 1

Ответственный редактор Корниенко Н. В.

Технический редактор Лавочкина А. В.
Корректор Сченснович Е. Н.

Подписано в печать 09.07.2009. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Tense.

Печать офсетная. Физ. п.л. 43,5 + вкл. Усл. п.л. 56,1 + вкл. Тираж 1000 экз.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а

тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

ISBN 978-5-9208-0341-2

9 785920 803412 >

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 1085

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Андрей Климентов (Платонов). 1900-е гг.
ОР ИМЛИ

Семья Кашинцевых. *ОР ИМЛИ*

Мария и Валентина Кашинцевы
1900-е гг. *ОР ИМЛИ*

Платон Платонов. 1925 г.
ОР ИМЛИ

Мария Александровна с сыном. Декабрь 1926 г.
ОР ИМЛИ

Мария Александровна с сыном. Алушта. Июль 1927 г.
ОР ИМЛИ

Платон Платонов. 1920-е гг.
ОР ИМЛИ

Платон Платонов. 1920-е гг.
ОР ИМЛИ

А. П. Платонов с женой
и сыном. 1930-е гг.
ОР ИМЛИ

Платон Платонов. 1930-е гг. *ОР ИМЛИ*

Мария Александровна с сыном. Алушка. Июнь 1935 г.
ОР ИМЛИ

Мария Александровна с сыном. 1930-е гг.
ОР ИМЛИ

М. А. Платонова с сыном
Алупка. Июнь 1935 г.
ОР ИМЛИ

А. П. Платонов с женой и сыном. Коктебель. 1936 г.
ОР ИМЛИ

Платон Платонов
после возвращения из Норильска. 1940 г.
ОР ИМЛИ

Твой • Кавказ
после
встречи

Платон Платонов с женой Тамарой. 1941 г.
ОР ИМЛИ

Саша Платонов. 1944 г. *ОР ИМЛИ*

Маша Платонова. 1945 г. *ОР ИМЛИ*

Мария Александровна
с дочерью. 1945 г.
ОР ИМЛИ

Мария Александровна с внуком Сашей. 1940-е гг.
ОР ИМЛИ

Мария Александровна с дочерью. 1940-е гг.
ОР ИМЛИ

Мария Александровна с дочерью Машей и внуком Сашей. 1940-е гг. *ОР ИМЛИ*

Маша Платонова с бабушкой Марией Емельяновной. 1940-е гг. *ОР ИМЛИ*

А. П. Платонов с женой и дочерью. 1950 г.
ОР ИМЛИ